

В фигурные скобки {} здесь помещены
номера страниц (окончания) издания-оригинала.

КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

ХІІІ — первая половина

ХV в.

К XVIII МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ВИЗАНТИНИСТОВ
(8—15 августа 1991 года, Москва)

«НАУКА»

МОСКВА 1991

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Г. Г. ЛИТАВРИН

Члены редколлегии
член-корреспондент АН СССР
С. С. АВЕРИНЦЕВ,
доктор филологических наук
А. Д. АЛЕКСИДЗЕ,
доктор философских наук
В. В. БЫЧКОВ,
кандидат исторических наук
П. И. ЖАВОРОНКОВ

(ответственный секретарь),
доктор исторических наук
С. П. КАРПОВ,
доктор исторических наук
Г. Л. КУРБАТОВ,
доктор исторических наук
И. П. МЕДВЕДЕВ,
доктор исторических наук
М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
кандидат исторических наук
З. Г. САМОДУРОВА,
доктор исторических наук
В. И. УКОЛОВА,
доктор исторических наук
К. В. ХВОСТОВА

Данная книга является третьей, заключительной частью труда по истории византийской культуры. Впервые в истории советского и зарубежного византиноведения дается относительно полная характеристика всех областей культурной жизни Византийской империи в период ее экономического и политического упадка (XIII — первая половина XV в.), отмеченного тем не менее взлетом культуры, имеющей гуманистическую окраску.

Для историков и широкого круга читателей. {4}

Содержание

Введение	5
----------------	---

I

Византийская культура в период политической раздробленности и латинского завоевания

1. Особенности социально-экономического и политического развития греческих земель в эпоху политической раздробленности и латинского владычества	12
<i>С. П. Карпов, П. И. Жаворонков</i>	
2. Культура Никейской империи	46
<i>П. И. Жаворонков</i>	
3. Культура Трапезундской империи	86
<i>С. П. Карпов</i>	
4. Культура Эпирского царства	120
<i>П. И. Жаворонков</i>	
5. Культура Латинской Романии	138
<i>С. П. Карпов</i>	
6. Право в эпоху латинского владычества	188
<i>И. П. Медведев</i>	

II

Культура Византии в эпоху Палеологов

7. Византия во второй половине XIII — середине XV вв.	202
<i>Г. Л. Курбатов</i>	
8. Ренессансные тенденции поздневизантийской культуры	224
<i>И. П. Медведев</i>	
9. Особенности философской мысли в Византии XIV—XV вв.	242
<i>И. П. Медведев</i>	
10. Развитие политических идей в поздней Византии	255
<i>М. А. Поляковская, И. П. Медведев</i>	
11. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии	280
<i>М. В. Бибииков, С. К. Красавина</i>	
12. Византийское право на заключительном этапе своего развития	298
<i>И. П. Медведев</i>	
13. Византийская народноязычная литература XIII—XV вв.	313
<i>А. Д. Алексидзе</i>	
14. Дипломатия поздней Византии (XIII—XV вв.)	341
<i>Г. Г. Литаврин, И. П. Медведев</i>	
15. Естественнонаучные знания в палеологовский период	361
<i>С. И. Гукова</i>	
16. Развитие географии в поздней Византии	376
<i>О. Р. Бородин</i>	
17. Школа и образование в поздней Византии	395
<i>С. Н. Гукова</i>	
18. Византийская эстетика в XIII—XV вв.	412
<i>В. В. Бычков</i>	
19. Изобразительное искусство Византии в эпоху Палеологов	447
<i>В. Д. Лихачева</i>	
20. Византийское зодчество эпохи Палеологов	484
<i>А. Л. Якобсон</i>	
21. Прикладное искусство Византии XIII—XV вв.	509
<i>В. Г. Пуцко</i>	
22. Музыкальная культура поздней Византии	528
<i>Е. В. Герцман</i>	
23. Быт и нравы поздневизантийского общества	551
<i>М. А. Поляковская</i>	
Заключение. Основные черты культуры поздней Византии (XIII — первая половина XV в.)	585
<i>Г. Г. Литаврин</i>	
Основная библиография	608
Список сокращений	616
Указатель имен	620

Введение

Предлагаемая вниманию читателей книга — заключительная в ряду опубликованных несколько лет назад коллективных трудов, посвященных истории византийской культуры¹. Книга охватывает время с 1204 по 1453 г., т. е. последнюю, наиболее драматическую эпоху в тысячелетней судьбе Византийской империи. История распорядилась так, что империя оказалась расположенной на стыке между Европой и Азией, в той географической зоне, которая стала своеобразным буфером, прикрывающим с востока европейские страны. На этот барьер из века в век обрушивались волны кочевых народов, периодически выталкиваемых из глубин Азии, — гуннов, протоболгар, аваров, арабов, печенегов, узов, половцев. В XIII—XV вв. настала очередь турок-сельджуков, а затем османов, ставших могильщиками империи. (Упомянутая географическая зона начиная с IX столетия простерлась далее, на север, от Черного моря до Балтики. Здесь сходную, спасительную для стран Центральной и Западной Европы роль играла Древняя Русь.)

В начале XIII в., однако, роли в этой исторической драме временно переменялись: турки-сельджуки остановили натиск и роковой удар на Византию обрушился в 1204 г. не с востока, а с запада и сделали это не кочевники, язычники и мусульмане, а отборные силы западноевропейских христианских стран. Внезапный и сокрушительный удар был нанесен по сердцу империи, по ее столице Константинополю. Империя развалилась на части. Большинство ее владений на Балканах и на островах Эгейского моря оказалось в руках латинян — рыцарей Четвертого крестового похода, создавших здесь несколько государств, иерархически соподчиненных через систему вассальных связей и составивших так называемую Латинскую Романию (или — в большей ее части — Латинскую империю).

Последние два с половиной века истории Византии можно условно разделить на три периода: первый, самый непродолжительный, охватывает время существования «империи в изгнании», т. е. 1204—1261 гг. Византийцы не прекращали борьбу с латинянами с первых дней иноземного нашествия. Ни Трапезундской империи, ни Эпирскому царству, несмотря на его временные успехи, не суждено было сыграть ведущую роль в этом историческом противоборстве. Лидером в борьбе с латинянами постепенно стала Никейская империя, которой и удалось утвердить свои права на «византийское наследство». После падения Константинополя прошло едва полстолетия, и Византийская империя сумела возродиться (хотя и не в прежних территориальных пределах): в 1261 г. Константинополь снова стал столицей восстановленной империи.

Принимая во внимание и внутренние и внешнеполитические факторы, можно выделить в качестве второго периода время от возвращения Константинополя (1261 г.) до основания османами своих первых владений на отнятых у империи землях на Балканском полуострове (1354 г.). Примерно до 30-х годов XIV в. византийцы не теряли надежд на возвращение всех ранее (до 1204 г.) принадлежавших империи территорий. Однако на пути к этой цели стояло несколько серьезных препятствий. Латинские княжества оказывали серьезное сопротивление, находя неизменную поддержку у правителей западноевропейских стран и у папства. Трапезундская империя, хотя и отказалась почти через десять лет после своего основания от каких бы то ни было притязаний на соседние (бывшие византийские) земли, была полна решимости отстаивать свою независимость и осталась, в сущности, до конца вне активной внешней политики как Никейской империи, так и возрожденной впоследствии Византии. Правящая элита Эпирского царства также не изъявляла готовности добровольно признать суверенитет константинопольского императора. Главное, однако, состояло в том, что постепенно слабел сам наступательный порыв Константинополя — его силы иссякали: усиливалась феодальная раздробленность, росло засилье итальянского купечества в столице, обострялись социальные противоречия в городе и деревне, династическая борьба выливалась в настоящие гражданские войны (в 1320—1328 и 1341—1349 гг.), окончательно надорвавшие воинский потенциал Византии.

Третий период — это последнее столетие существования империи, время ее затянувшейся агонии. Принципиальное значение имел захват османами в 1354 г. Галлипольского по-

¹ См.: Культура Византии: IV—первая половина VII в. М., 1984; Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989.

луострова. Османы ступили твердой ногой на Балканы, переправа их полчищ через Дарданеллы была обеспечена. Пожалуй, впервые за всю историю Византии господствующая верхушка отчетливо осознала горькую истину — отстоять свое существование собственными силами империя не в состоянии. Это было ясно и ближайшим единоверным соседям империи — болгарам и сербам, также познавшим турецкую агрессию. Понимали это и правители, стран Западной Европы и само папство. Общее осознание надвигающейся смертельной опасности не смягчило, однако, глубоких противоречий, расколовших христианский мир. Папство, монополизировавшее право решать от имени всех государств католической Европы вопрос о возможности, времени и размерах военной помощи Византии против мусульман, неизменно выдвигало единственное, но совершенно неприемлемое для византийцев условие — отказ от ряда важнейших догматов восточного православия (признание католического символа веры) и подчинение византийской церкви престолу св. Петра. В империи слишком хорошо помнили время латинского владычества, слишком бесцеременно вели себя в самом Константинополе итальянские торговцы, захватившие в свои руки экономику столицы империи. Союз с латинянами ради спасения казался рядовому византийцу менее привлекательным, чем соглашение с мусульманами, отодвигавшее гибель ценой унижения.

Союз не состоялся даже с такими же православными, как и византийцы, болгарами и сербами, несмотря на неоднократные попытки, — {6} слишком огромен был груз многовековых взаимных претензий, слишком велик соблазн извлечь выгоду для себя из затруднений соседа, подвергнувшегося очередной атаке османов. Турки громили балканские государства поодиночке.

В начале XV в. далекая Морея на Пелопоннесе, ряд островов в Эгейском море, несколько городков на Черноморском побережье и гигантский Константинополь, являвший черты глубокого упадка, — это было все, что осталось от империи. Судьба Константинополя была предопределена, но его падение 29 мая 1453 г. явилось тем не менее событием всемирно-исторического значения.

Жестокие перипетии в истории империи в последние два с половиной столетия ее существования обусловили острую напряженность в духовной жизни византийского общества. Неоднократно вставал вопрос о жизни и смерти Византии, и все это не могло не оставлять глубоких следов в сознании и чувствах византийцев, на направлении их мысли, чаяниях и надеждах, в особенности их мыслящего, культурного слоя, остро переживавшего бедствия своего отечества.

Крушение империи в 1204 г. стало одновременно крушением мира привычных представлений византийцев (ромеев) о себе самих, о священной империи, о ее месте и в современном им мире, и «на самих небесах». Давнее, крепнувшее с конца XI в., от одного крестового похода к другому, опасение православных («схизматиков» в глазах западных рыцарей) перед угрозой нападения «коварных латинян» оправдалось. Христиане западной части некогда единой империи, вооружившиеся для борьбы с «врагами Христа», разгромили христиан части восточной. Подданные Византии пережили тяжелое психологическое потрясение. Рухнуло благосостояние, социальное и общественное положение высшей светской и духовной знати. Судьба большинства ее представителей была неразрывно связана с Константинополем: здесь они хранили свои главные богатства, здесь находились их дворцы и подворья, здесь они делали свою карьеру, здесь в основном они творили шедевры высокой культуры. Но именно Константинополь и подвергся в первую очередь разгрому и повальному грабежу. Униженные и ограбленные знатные византийцы, включая их наиболее культурную элиту, бежали в поисках спасения в провинции, особенно в Малую Азию.

Не менее тяжелой стала участь крестьян и рядовых горожан, которым некуда было бежать. Крестьяне из окрестностей Константинополя, по дешевке скупавшие за продукты у знатных столичных беглецов их скарб и последние ценности, бросали им в лицо: «Вот и мы обогатились!» Суть этого заявления состояла, конечно, не в радости овладения крохами нечаянного богатства: восклицание исполнено сарказма, за ним сквозит озлобление людей, обреченных на предстоящее «латинское рабство», угадывается обвинение в адрес еще недавно власть имущих как главных виновников нашествия и разбоя иноземцев.

И сами житейские невзгоды, и глубокий душевный разлад, испытанные византийцами в ходе латинского завоевания и утверждения господства чужеземцев, заставили их задуматься над казавшимися незыблемыми, традиционными догмами официальной доктрины о праве империи на «первородство» среди христианских держав, об «избранном» народе, {7} о василевсе

— помазаннике божьем, всемогущем повелителе ойкумены, о неоспоримом преимуществе православия.

Но беспримерный политический кризис, военное поражение, распад государства, потеря Константинополя, впервые со времени его основания оказавшегося в руках завоевателей, не привели тем не менее к кризису духовному. Переосмысление упомянутых выше догм имело своим результатом не отказ от них как от несостоятельных, а более трезвую оценку ситуации и собственных сил для нового, повторного претворения в действительность прежних имперских идеалов, неотделимых от самой природы ромея. Вернуться из «изгнания», отвоевать Константинополь и тем самым доказать преимущество ортодоксии перед «латинской ересью» стало сверхценной идеей, главной целью, вдохновляющей государственных, церковных и культурных деятелей во всех тех регионах рухнувшей империи, которые сохранили свою независимость от западных рыцарей и постепенно консолидировались и окрепли как новые государственные образования.

Пережитая византийцами в начале XIII в. трагедия сопровождалась огромными материальными потерями, разрывом устоявшихся экономических связей, дезорганизацией общественно-политической жизни, крупными миграциями населения, падением роли церкви и монастырей в их общественной и нравственно-учительской деятельности, утратой множества памятников культуры и искусства, включая библиотеки, бесчисленное количество ценнейших рукописей по всем областям знания.

Разумеется, все это не могло не иметь самых серьезных последствий для судеб византийской культуры. Но сами эти последствия не могли не быть разными в различных частях бывшей империи, даже в пределах не подвластных латинянам территорий, как по-разному и разными темпами протекали здесь сами процессы формирования и упрочения самостоятельных государств. Учитывать это обстоятельство тем более необходимо, что избегнувшие латинского владычества территории были в разное время воссоединены с восстановленной (с отвоеванием Константинополя в 1261 г.) империей, а некоторые из бывших имперских земель (например, Трапезундская империя) навсегда после 1204 г. остались за пределами Византии.

Конечно, традиции византийской культуры, восходившие к предшествующим эпохам, не исчезли нигде, как не исчезло само местное население. Однако степень преемственности между старыми традициями и культурой Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи не могла быть совершенно одинаковой, как и пути и темпы культурного развития самих этих государств, оказавшихся в разных исторических условиях, имевших в составе своего населения (в особенности Эпир и Трапезунд) значительные иноэтничные, негреческие слои населения с присущими им культурными особенностями и взаимодействовавших с разными зарубежными культурными центрами.

С этой точки зрения совершенно особыми были и государственно-политическое положение, и культурное развитие тех византийских земель, которые на очень длительный срок или вплоть до самой гибели империи оказались в пределах так называемой Латинской Романии, под властью западных рыцарей. Здесь одновременно с утверждением католической церкви в качестве официальной, с почти повсеместным притеснением приверженцев православия (т. е. местных жителей) и с этническими {8} переменами, в том числе с ассимиляционными процессами и с появлением в результате смешанных браков особого слоя людей — гасмулов, протекал сложный синтез византийской (грекоязычной) и западных, современных ей (французской, итальянской, испанской) культур.

К числу других политических факторов, оказавших в конечном счете существенное влияние на судьбы культуры поздней Византии, принадлежало, по-видимому, и отвоевание у латинян Константинополя в 1261 г. Сколь ни пострадал от латинян огромный древний город, он не утратил полностью былого обаяния, возродившись в качестве столицы Византии, став снова главным очагом византийской культуры, идейно организующим центром империи, законодателем стилей и жанров в литературе и искусстве, генератором идей в философии, политике, дипломатии, образовании, эстетике и т. п., средоточием культурного обмена между странами Востока и Запада. Главное же состояло, по всей вероятности, в том, что отвоевание Константинополя воспринималось как решающий акт победы над латинянами, акт торжества православия, возрождения славы империи и блеска ее культуры, содействовало ликвидации обуревавшего византийцев с 1204 г. душевного разлада, возрождало надежды на новые успехи и уверенность в будущем. До полного воссоединения территорий было еще далеко. Эпирское царство было окончательно подчинено лишь в 1337 г., из Греции последние латиняне (ката-

лонцы) были изгнаны столетием позже, а на части Пелопоннеса, не говоря уже об островах Эгейского моря, латинские владения удержались вплоть до османского нашествия. И тем не менее с воссоединением в 1261 г. восточных (малоазийских) провинций с западными (балканскими) в единое целое с центром в Константинополе развитие византийской культуры снова стало протекать как многообразный и сложный, но относительно органичный процесс с определенными общими закономерностями.

Именно в это время наблюдалась все более заметная идейная поляризация в развитии византийской науки, искусства и литературы. Обострение политической и социальной обстановки внутри страны и все более частые неудачи в отношениях с внешним миром заставляли византийцев более активно искать выход из складывавшейся ситуации. Деятели византийской науки и культуры все более явно придерживались разной идейной ориентации. С одной стороны, укреплялись связи с деятелями итальянской культуры, творцами шедевров эпохи Ренессанса, происходила секуляризация мысли и углублялся интерес к простым человеческим ценностям, к сфере чувств (эти тенденции в книге условно обозначаются понятием «гуманистические», но в несобственном, научном значении этого термина). С другой стороны, в византийском обществе первой половины XIV в. укреплялись мистические настроения, расширял свое идейное влияние на самые разные сферы жизни исихазм, который восторжествовал в 1351 г. как официальное философское и церковное учение.

Было бы преждевременным говорить здесь, во введении, о причинах расцвета византийской культуры в конце XIII — середине XV в., расцвета, нередко обозначаемого в науке как «Палеологовское возрождение». Ограничимся самым кратким замечанием: ощущение острой тревоги, пронизывавшей всю общественную атмосферу в империи в последнее столетие ее истории, напряженная работа мысли, образование сплоченных кружков и групп «интеллигентов»-единомышленников, их укрепляющиеся связи {9} с деятелями итальянской культуры — все это, по-видимому, повышало уровень культурной жизни общества, расширяло сферу его духовных интересов. Одновременно, однако, углублялся раскол в культурных кругах общества, среди его политиков, деятелей церкви, науки и искусства: одной их части уступка Западу (прежде всего папству) в обмен на военную помощь представлялась неизбежной; для большинства же, как и для масс рядовых подданных империи, заключение унии с католической церковью казалось предательством веры, равносильным смертному греху.

Итак, учитывая вкратце обозначенные выше условия развития культуры в Византии в XIII—XV вв., авторы данной книги сочли целесообразным разделить изложение композиционно на две части. Первую часть составляют шесть глав, выделенных в соответствии с хронологическим и географическим принципами. Во-первых, в этих главах рассматривается культура отдельных частей бывшей Византийской империи, развивавшихся самостоятельно; во-вторых, верхняя хронологическая грань в каждой главе определяется в зависимости от продолжительности политической жизни упомянутых частей империи в качестве независимых государственных образований. В-третьих, в главах только первой части осуществлено синтетическое комплексное рассмотрение культурного развития того или иного региона, не дифференцированное (или слабо дифференцированное) по отдельным отраслям искусства, науки и литературы.

Что касается второй части книги, то она имеет ту же композицию, какой подчинены главы первых двух книг, опубликованных в 1984 и 1989 гг. Отличие по сравнению с предшествующей книгой заключается здесь в том, что в данном томе добавлена новая глава — о ренессансных тенденциях поздневизантийской культуры, — трактующая вопрос, который не стоял в повестке дня развития культуры предшествующего времени, а составлял ее специфику только в XIV—XV вв. Напротив, в данной книге нет соответствующего очерка военного дела в поздней Византии. Отсутствие такой главы оправдано лишь отчасти: византийская военная мысль не нашла в XIII—XV вв. воплощения в каких-нибудь крупных трактатах, подобных старым «стратегиконам», может быть, потому, что основу военных сил в последний период истории империи все более составляло не отечественное войско (народное ополчение или отряды феодалов-магнатов), а наемники (профессиональные воины из стран Запада и контингента кочевнической конницы, нанимаемые центральным правительством на годы военной кампании).

Однако военная мысль византийцев, как можно судить по особенностям крепостного строительства и разрозненным свидетельствам письменных источников, развивалась и в поздний период истории империи. Но для освещения всего этого потребовались бы значительные предварительные разыскания, осуществить которые не позволили время и обстоятельства.

К сожалению, по сравнению с первыми двумя книгами библиография была значительно сокращена из-за ограничения объема.

Справочный аппарат и все оформление книги подготовлены в соответствии с критериями, принятыми в первых двух книгах. Научно-организационная и научно-техническая работа выполнена к.и.н. П. И. Жаворонковым и В. Г. Ченцовой. Иллюстрации подобраны к.и.н. С. А. Беляевым. Редакция благодарит д.и.н. Г. И. Вздорнова за помощь в подготовке иллюстративного материала и к.и.н. Б. Л. Фонкича за редактирование.

Г. Г. Литаврин {10}

I

Византийская культура в период политической раздробленности и латинского завоевания {11}

1

Особенности социально-экономического и политического развития греческих земель в эпоху политической раздробленности и латинского владычества

Трагические события апреля 1204 г. отдали Константинополь в руки участников Четвертого крестового похода. Катастрофа, казавшаяся многим современникам столь неожиданной и невероятной, была подготовлена длительным процессом децентрализации Византии, усилившимся с конца XII в. В 1204 г. западноевропейские рыцари и венецианцы подписали договор о разделе земель империи Романии, ставший юридической основой предстоящих территориальных захватов¹. Впрочем, они начались еще ранее. С 1185 г. Ионические острова, Кефалиния, Закинф и Итака были отторгнуты у Византии норманским королем Вильгельмом II (с 1194 г. там утвердилась итальянская династия Орсини). В 1191 г. английский король Ричард Львиное Сердце захватил Кипр, затем продал его госпитальерам, которые, в свою очередь, через год уступили остров бывшему иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну. Но после 1204 г. завоевания византийских земель осуществлялись планомерно, что привело к созданию целой сети «латинских» государств и владений на значительной части бывшей империи ромеев. Этот процесс не завершился в начале XIII в. Постепенно ослабевая, перемежаясь с греческой «реконкистой» утраченных территорий, он продолжался вплоть до XV в., когда предел ему положила османская экспансия.

Совокупность владений западноевропейских феодалов, а также итальянских морских республик, Генуи и Венеции, на территории Византии получила название Латинской Романии. Ее крупнейшими государствами были: Латинская империя с центром в Константинополе (1204—1261), Фессалоникское государство (1204—1224, с 1209 г.— королевство), Ахейское (Морейское) княжество на Пелопоннесе (1205—1432), Афинская сеньория (1205—1456, с 1260 г.— герцогство), владения рыцарского духовного ордена госпитальеров (иоаннитов) на

¹ *Carile A. Partitio terrarum Imperii Romanie // SV. 1966. Т. 7. P. 125—305.*

Родосе и островах Додеканеса (1306—1522). Несколько особое положение занимало Кипрское королевство Лузиньянов (1192—1489), унаследовавшее традиции государств крестоносцев в Святой Земле.

Большое стратегическое и торговое значение имели приобретения Венецианской республики. Помимо части Константинополя, Венеция удерживала купленный у одного из вождей Четвертого крестового похода и будущего правителя Фессалоники Бонифация Монферратского остров Крит (1206—1669), остров Корфу (1207—1214, 1386—1797), важнейшие порты Южного Пелопоннеса Корон и Модон (1207—1500), греческие крепости Навплий (1389—1540), Аргос (1394—1463), Навпакт (Лепанто, 1407—1499 гг.), Монемвасию (1464—1540). Короткое время, с 1395 по 1402 г., венецианцы управляли Афинами. В 1209—1211 гг. Венеция установила свой протекторат над тремя ломбардскими сеньорами (терциариями), правившими Негропонтотом (Эвбеей), а с 1390 по 1470 г. непосредственно включила остров в состав своих колониальных владений. Ряд городов, правда недолго, принадлежал Венеции и в Малой Азии, главным образом близ Геллеспонта. Это Лампсак, Галлиполи и Ираклия (1205/6—1224/5).

Создавая свою колониальную империю, Республика Св. Марка ограничивалась прямым захватом тех территорий, которые являлись узловыми пунктами мировой коммерции, имели решающее значение для установления торговой монополии Венеции в Восточном Средиземноморье. На большие территориальные приобретения не хватало ни средств, ни сил. Поэтому Венеция первоначально поощряла колониальные захваты, предпринимавшиеся отдельными патрицианскими семействами, предоставляя им право на собственные средства снаряжать экспедиции и овладевать беззащитными островами Эгейды. Таким способом Марко Санудо основал герцогство Архипелага (1207—1566), включавшее наиболее значительные острова Киклад — Наксос, Парос, Тиру, Милос, Сифнос, Андрос (в 1207 г. переданный во фьеф другому патрицию — Марино Дандоло) и др. Филокало Навагайозо в 1207 г. захватил остров Лемнос, остававшийся во владении его потомков до 1277—1279 гг., когда он вновь перешел под власть Византии, вместе с Кеей, Серифосом, Тирой и пр. Еще одной островной династией стал род Гизи, завоевавший в 1207 г. Споряды (Скирос, Скиафос и Скопелос), а также Тинос и Миконос. Род Веньеров до 1363 г. коллективно владел островом Китира. Первоначально независимые, враждовавшие друг с другом правители Эгейды постепенно признали протекторат Венеции, а принадлежавшие им острова либо включались в состав прямых владений Республики (как, например, земли Гизи в 1390 г.), либо раздавались в качестве феодальных держаний. Последним крупным приобретением Венеции стал Кипр (1489 г., под протекторатом Республики — с конца 60-х годов XV в.).

Генуя не являлась участницей Четвертого крестового похода. Ее проникновение на византийскую территорию было облегчено мирным договором с никейским императором Михаилом VIII Палеологом (1261 г.), вскоре после этого соглашения отвоевавшим Константинополь. Генуэзцы основали крупные фактории, превратившиеся затем в большие, хорошо укрепленные городские центры: Перу в Галате (1267—1453) и Каффу (Феодосию) в Крыму (60-е годы XIII в.—1475 г.). (Все побережье Черного моря было усеяно более мелкими генуэзскими поселениями, факториями, крепостями, лежащими часто на территории, принадлежавшей местным греческим, мусульманским и грузинским правителям. В Эгейском море генуэзцам принадлежали остров Хиос (1346—1566) и Фокея с богатыми месторождениями квасцов. С 1384 по 1464 г. они владели также крупнейшим портом Кипра — Фамагустой. Генуэзская фамилия Гаттилузи правила островами Митилена (Лесбос, 1355—1462 гг.), Фасос (с 1427 г.), Лемнос (с 1453/6 г.), Самофракия и Имврос (1409—1456), городом Энос на Фракийском побережье (с 1383 г.). {13}

Характерной особенностью генуэзской колонизации было то, что она осуществлялась в основном не государством (слабым и раздираемым внутренними противоречиями), а различными объединениями генуэзских граждан-предпринимателей, патрицианских и пополанских семейств (альберги), торговыми компаниями, ассоциациями финансистов — кредиторов государства (компере), специально создаваемыми обществами по эксплуатации доходов той или иной территории (маоны, особенно известна маона Хиоса). В XV в. в генуэзской колониальной политике огромную роль играл знаменитый Банк Сан-Джорджо, которому с 1453 г. принадлежали все черноморские колонии. Распыленность владений, отсутствие четких политических границ, разнообразие форм управления, широкая автономия отдельных факторий, объединенных в лучшем случае вокруг какого-либо крупного регионального центра (как, например, Каффа), а не вокруг метрополии, сохранившей лишь политический суверенитет и некоторые

контрольные административно-финансовые функции, делали Генуэзскую Романию непохожей на колониальную империю типа венецианской, с ее жесткой централизованностью. Не без основания Дж. Пистарино назвал совокупность генуэзских поселений, разбросанных на большой территории от Британских островов до Азовского моря, «федерацией» (commonwealth). Она основывалась на общности генуэзского гражданства правящих слоев, торгово-предпринимательских интересов, обычаев и юридической практики².

На Ионических островах с 1357 г. установилось господство неаполитанского рода Токко. Основатель династии Леонардо I, «палатинский граф Кефалонии, Итаки и Занты», в 1362 г. стал сеньором Левкадии и Водицы. А один из его преемников, Карло I, овладев Яниной, получил в 1415 г. титул деспота от византийского императора Мануила II Палеолога. Захватив в следующем году Арту, он воссоздал под латинским владычеством Эпирское государство. Впрочем, судьба последнего не была долговечной: в 1430 и 1449 гг. обе его столицы были завоеваны османами. Токко же признали суверенитет Венеции, к которой в 1482 г. отошли их последние владения — Ионические острова. Такой в общих чертах была политическая картина Латинской Романии.

Латинские завоевания, и прежде всего взятие Константинополя, привели к перемещению колоссальных материальных и культурных ценностей. Участник похода рыцарь Робер де Клари полагал, что «и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе» крестоносцами³. Того же мнения придерживался и один из вождей похода, маршал Шампани и хронист Жоффруа де Виллардуэн: в Константинополе была взята самая крупная добыча со времен сотворения мира. Лишь официальному распределению между франками и венецианцами подлежала невероятная сумма — 900 тыс. марок серебра (ок. 215 т) и 10 тыс. сбруй⁴. Но это лишь часть {14} того, что досталось победителям

Файл byz3_15.jpg

План Константинополя. 1420 г.

после грабежей и расхищений, остановить которые было невозможно⁵. Католическое духовенство присваивало многочисленные реликвии, которые ценились ничуть не меньше драгоценных металлов и так же, как они, служили объектом торговли. Подчас между победителями разыгрывались целые баталии за наиболее ценные греческие святыни. Так, например, в 1206 г. венецианский подеста Константинополя, ворвавшись с отрядом воинов в храм св. Софии, силой отнял у клириков переданную сюда императором Генрихом I латинскому патриарху Томазо Морозини почитаемую икону Одигитрии, по преданию писанную евангелистом Лукой, оклад которой был усыпан драгоценными камнями. Икона эта затем, вплоть до 1261 г., хранилась в принадлежавшей венецианцам церкви Пантократора в Константинополе, несмотря на анафему, торжественно произнесенную патриархом и подтвержденную в 1207 г. папой Иннокентием III⁶.

Но и сокровищницы стран Западной Европы, особенно Венеции, интен- {15} сивно по-

Файлы byz3_16.jpg, byz3_17.jpg

Карта: УПАДОК ВИЗАНТИИ в XIII в. {16, 17}

полнялись большими и малыми памятниками древнего и византийского искусства. Никита Хониат нарисовал впечатляющую картину разграблений и нередко уничтожений произведений искусства и привел длинный список погибших памятников, в числе которых были расплавленные на металл знаменитые античные статуи (*Nic. Chon. Hist.* P. 647—655). Судьба Константинополя повторилась затем, хотя и в неизмеримо меньших масштабах, при захвате Фив, Афин и

² *Pistarino G. Gente del Mare nel Commonwealth genovese // Le Genti del Mare Mediterraneo. Napoli, 1981. Vol. 1. P. 203—204; Idem. Comune, «Compagna» e Commonwealth nel medioevo genovese // La Storia dei Genovesi. Genova, 1983. T. 3. P. 9—28. Ср.: Aivaldi G. Genova e la Liguria nel medioevo. Torino, 1986.*

³ *De Clary R. La Conquête de Constantinople. P., 1924. P. 80—81; Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и комм. М. А. Заборова. М., 1986. С. 58.*

⁴ *Villehardouin G. de. La Conquête de Constantinople. P., 1939. T. 2. § 250, 254—255.*

⁵ *Ferrard Ch. G. The Amount of Constantinopolitan Booty in 1204 // SV. 1971. T. 13. P. 95—104.*

⁶ *Wolff R. L. Footnote to an incident of the Latin occupation of Constantinople // Traditio. 1948. T. 6. P. 319—328.*

других балканских городов. В Афинах, в частности, была разорена митрополия, находившаяся в Парфеноне, и опустошена библиотека, которую годами собирал брат Никиты Хониата митрополит Афинский Михаил. В одном из писем Михаил жалуется епископу Эврипскому Феодору: «Тебе известно, что я привез с собой немало книг из Константинополя в Афины, да и там еще приобретал новые. И не представлял я никогда, для кого собираю эти сокровища. Да и могло ли мне, несчастному, на ум прийти, что я делаю это не для своих соплеменников, а для италийских варваров: ведь они не в состоянии ни читать в подлиннике эти творения, ни разуместь их с помощью перевода. Скорее ослы постигнут гармонию музыки и скорее навозные жуки станут наслаждаться благовонием мирт, чем латиняне проникнутся очарованием красноречия» (*Mich. Chon.* II. P. 295). Такое суждение было характерно для образованного грека в эпоху завоевания.

Завоевание, осознанное как глубокое социальное и культурное несчастье, сразу же вызвало «исход» из многих захваченных городов. Из Константинополя в первую очередь уходили люди состоятельные, принадлежащие к высшей административной и церковной верхушке империи. Жители окрестных деревень встречали их с презрением и ненавистью, видя унижение гордой константинопольской знати, повинной в бедствиях, постигших империю (*Nic. Chon. Hist.* P. 587—591, 593—594, 644—645). Постепенно город стали покидать и другие категории населения, чему способствовала религиозная и экономическая политика завоевателей. Вынужденная миграция укрепляла очаги сопротивления латинянам и была опасна для их господства. Дело в том, что после взятия Константинополя количество крестоносцев едва ли значительно превышало 50 тыс. человек, среди которых было лишь несколько тысяч рыцарей⁷. В Адрианопольской битве 14 апреля 1205 г., когда войска Латинской империи были разгромлены болгарами, крестоносцы потеряли, по оценке Виллардуэна, 7 тыс. человек⁸. И императору Балдуину I (взятому в плен и погибшему там) и тем более его преемнику Генриху I было ясно, что рассчитывать на захват всех византийских земель с такими силами не приходится. А надежды на приток с Запада и из латинской Сирии воинов, клириков и колонистов не оправдывались. Так, например, по подсчетам Д. Якоби, в Морее ок. 1205 г. насчитывалось всего ок. 450, а к 1338 г. — 100 рыцарей. В Афинах в конце XIV в. было лишь несколько сотен «франков»⁹. Венецианская колонизация, как и генуэзская, в основном носила торговый {18} характер. В ней участвовало довольно ограниченное число людей, оседавших на постоянное жительство в колониях и факториях. Наиболее интенсивно осуществлялась военная колонизация Крита: к 1211 г. на острове было 1080, к 1252 г. — немногим более 2000 коренных венецианцев, к концу XV в. — 7000. В целом, по данным Ф. Тирье, возможно даже несколько завышенным, на Ионических островах и Корфу венецианцы составляли половину населения, или 1—1,5 тыс. человек, в Короне и Модоне — 10 тыс. (включая и «натурализованных» венецианцев, т. е. местных жителей, получивших венецианские привилегии), в Константинополе — 2 тыс. человек, в Тане и Трапезунде — 800. В середине XIV — середине XV в. в Венецианской Романии жило около 20 тыс. западноевропейцев¹⁰.

Подобной же была картина и в Генуэзской Романии. Несколько большим, от 25 до 30 тыс. человек, было латинское, в XIII—XIV вв. преимущественно французское, население Кипра. Но и там оно не превышало четверти всего населения острова¹¹.

Малочисленность завоевателей делала их господство непрочным. В условиях, когда создавались очаги сопротивления их власти, в Малой Азии и на Балканах образовывались греческие государства, объявлявшие себя наследниками Византии, латинские правители должны были идти на уступки: поддерживать и консервировать старые общественные отношения, временами смягчать религиозный гнет и все шире привлекать к сотрудничеству греческих архонтов, включая их в новый господствующий класс в качестве его особого слоя. Там, где устойчи-

⁷ Carile A. Movimenti di popolazione e colonizzazione occidentale in Romania nel XIII secolo alla luce della composizione dell' esercito crociato nel 1204 // *BF.* 1979. Bd. 7. P. 5—22; Hendrickx B. A propos du nombre des troupes de la IVème Croisade et de l'empereur Baudouin I // *Byzantina.* 1971. T. 3.

⁸ Villehardouin G. de. Op. cit. § 376.

⁹ Jacoby D. Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle. L., 1979. N 1. P. 20—21.

¹⁰ Thiriet F. Recherches sur le nombre des «Latins» immigrés en Romanie Gréco-Vénitienne aux XIIIe—XIVe siècles // *Byzance et les Slaves.* P., 1979. P. 421—436.

¹¹ Rudt de Collenberg W. H. Le déclin de la société franque de Chypre entre 1350 et 1450 // *Κυπριακαὶ Σπουδαί.* 1982. T. 46. P. 76.

вого союза хотя бы с частью прежнего господствующего класса не удавалось достигнуть, господство «франков» становилось особенно шатким. Так, например, император Балдуин I изначально в самой резкой форме отклонил предложение византийских чиновников и воинов служить ему как новому государю, а затем столь же неосмотрительно отверг мирные предложения болгарского царя Калояна. Это привело к страшному разгрому его войск при Адрианополе, поставившему Латинскую империю на грань катастрофы. Преемник погибшего Балдуина Генрих I, умный и осторожный политик, меняет курс, стремясь привлечь на свою сторону жителей Константинополя. Он назначает правителями областей греческих архонтов Феодора Врану, Георгия Феофилопула и др. Становилось очевидным, что латинское господство не могло существовать без коллаборационизма местной знати. А на то, что у ее части имелись такие настроения, указывает так называемое письмо греков к Иннокентию III (1204 г.)¹². И тем не менее в самой Латинской империи такого союза с греческой верхушкой не сложилось: преемники Генриха I с крайним недоверием относились ко всем грекам. Балдуин II, в частности, в письме к французской королеве Бланке в 1243 г. с жаром уверял, что не пользуется никакими советами греков и прислушивается лишь к мнению «знатных и добрых мужей Франции», {19} которые находились при нем. Слухи же о том, что у него было два советника-грека, ложны¹³.

Несколько иначе обстояло дело на Балканах и в других районах Латинской Романии. После завоевания большей части Пелопоннеса в 1205 г. начался раздел его территории на фьефы между участниками похода. Секвестру подлежал бывший императорский домен и владения фиска, поместья крупнейших представителей византийской аристократии, а также средних и мелких архонтов, отказавшихся подчиниться завоевателям и покинувших Морею. Отчуждалась и часть земель архонтов, признавших новый социальный порядок. Вместе с угодьями латиняне получали и крестьян-париков. За единицу рыцарского феода принималась земля с доходом 300 анжуйских ливров в год. Большие сеньоры получали столько феонов, сколько у них было рыцарей, а также земли для собственного домена. В домен князя Мореи вошли Коринф, названный хронистом «ключом ко всей Морее» (Chr. fr. de Morée. § 94), большая часть Элиды и ряд замков, управлявшихся кастелланами. Князь сначала являлся вассалом латинского императора, затем — неаполитанского короля. Но он был связан не столько выполнением обязательств по отношению к сеньору (его власть в XIII в. была номинальна), сколько соблюдением многообразных кутюм княжества и прав своих вассалов, которым он приносил присягу. Монарх не распоряжался территорией своего государства, и лишь парламент — ассамблея всех сеньоров (иногда и представителей городов) — был правомочен вносить изменения в порядок распределения земель, мог отчуждать часть территории княжества. Верхушку иерархии составляли бароны, считавшиеся пэрами князя. Они имели от 4 до 24 рыцарских феонов. Далее, по системе иерархии, следовали рыцари-лигии (ближние вассалы), приносившие вассальную присягу (оммаж) князю или какому-либо барону. Лигии располагали собственной феодальной курией, могли иметь вассалов и, если владели фьефом «по праву завоевания», т. е. изначально, могли по своему усмотрению передать его по наследству. Военская служба лигия в пользу сеньора составляла 4 месяца в походе и 4 — в пограничном гарнизоне или крепости ежегодно. Какие это были месяцы, определял сеньор. Без особого разрешения вассал не мог покинуть территорию княжества и уехать «за море». Право суда над ним принадлежало не князю, а баронской курии или курии лигиев. Низшим слоем господствующего класса были щитоносцы-сержанты, использовавшиеся как вспомогательное войско и наделявшиеся половиной рыцарского феода.

Особую группу феодалов составляли вассалы «простого оммажа». К ней относились почти все греческие архонты, включенные в состав господствующего класса. Их возвышение до положения лигия или барона (например, семья Писито) было редчайшим исключением и зафиксировано не ранее XIV в. Но этот слой был весьма влиятелен и играл важную роль в экономике и военной жизни княжества. Греческие архонты сражались под знаменами морейского князя даже против византийцев (в частности, во время войн 1259 и 1263—1264 гг.). Новым в положении архонтов по сравнению с византийскими порядками было то, что они за владения, бывшие в их собственности, приносили оммаж. Но их зависимость от {20} сеньора оформля-

¹² См. о нем: *Горячев Б. Т.* Религиозно-полемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в Византии XIII—XV вв. // ВВ. 1956. Т. 8. С. 135.

¹³ *Teulet A.* Layettes du trésor des chartes. P., 1866. Т. 2. P. 518—519.

лась письменным договором и была менее жесткой, чем зависимость лигия. Зато и объем юридических и «рыцарских» прав и привилегий был для вассалов «простого оммажа» сужен. Византийское влияние сказалось на порядке наследования имущества: если для лигий действовало право майората, когда наследником земельной собственности становился старший сын умершего, то в среде греческих архонтов, а также при браке греческой «феудатарии» и латинянина правами на наследство обладали в равной мере все сыновья и дочери умершего. Статус их владений восходил к прони. На территории Мореи, пограничной с Византией, существовала и особая форма феодальной собственности, когда латинские и греческие сеньоры совместно и нераздельно владели территорией деревни (casaux de raçons) и поровну взимали феодальную ренту с крестьян.

Многочисленный слой греческих феодалов сохранился и на ряде островов Эгейды, а во владениях Гизи господствующий класс был представлен почти исключительно греками, которые являлись прямыми вассалами правителя и несли в его пользу воинскую службу. Иерархической лестницы там не существовало. На венецианском Крите владения греческих архонтов были признаны договором дуки острова с местными феодалами (1219). Условием держаний была уплата архонтами ежегодно 1/5 доли урожая, 1/5 приплода скота и 1/5 производимого в их хозяйствах сыра. Подобный же договор в 1346 г., сразу после завоевания, был заключен генуэзским предводителем Симоне Виньозо с греками Хиоса. Владения греков, кроме 200 домов внутри крепости, не подлежали отчуждению, а за указанные дома была выплачена сумма, определенная согласительной греко-генуэзской комиссией. Были сохранены и владения церкви, глава которой, однако, назначался теперь маоной Хиоса. На Хиосе греческие феодалы остались вне рамок господствующего класса, но тесно сотрудничали с ним, сохранив часть своих прав и привилегий. Они довольно активно участвовали в сбыте местного сырья, в совместных с генуэзцами торговых операциях. Первоначально генуэзцы стремились обособить укрепленный центр, где они селились, от предместьев-бургов, где жило местное население. Так было на Хиосе, в Пере, в Каффе. Но постепенно это разграничение становилось все более условным, и огромное число исключений из установленного ранее порядка аннулировало саму систему. Этническая сегрегация умирает при сохранении и углублении четких разграничений жителей по социально-имущественному признаку.

Примечательная эволюция феодально-колониционных методов произошла и на Родосе. Сперва орденские власти для упрочения военного могущества иоаннитов предоставляли приглашенным на остров западным переселенцам землю в постоянный феодал за воинскую службу и охрану территории. Но число прибывавших на остров по приглашению было весьма ограничено: итальянские купцы предпочитали селиться в городах, а не в сельской местности, а собственно рыцари прибывали редко; сказывались и отдаленность, и нестабильность политического положения. И тогда иоанниты перешли к другой практике — предоставлению в эфитевтическую аренду земель как латинянам, так и грекам. На полученные от арендной платы деньги приглашали наемных воинов-стипендиариев. Такая практика обеспечивала большую поддержку местного населения, чем и объясняется отсутствие серьезного сопротивления господству иоан-^{21}нитов на острове. Сильная эллинизация господствующего класса произошла и на Кипре после политического кризиса середины XIV в. и «Великой схизмы», ослабившей связи острова с Западом. Лишь в Латинской империи не сложились устойчивые отношения между представителями старого и нового господствующего класса, что и было одной из причин ее быстрого падения.

Но если архонты нашли свое место в структуре господствующего класса большинства государств Романии, то не так обстояло дело с высшим звеном византийской знати. Ее представители, как, например, владевший Навплием, а затем и Коринфом Лев Сгур, включились в активную борьбу с завоевателями и стремились создавать или сохранить собственные апанажи. Подчас они возглавляли и выступления народных масс. Но эта группа либо исчезала под ударами более сильных противников, либо эмигрировала в греческие земли (Никею, Эпир, затем в Византию). Некоторые представители старой знати могли опускаться до положения архонтов Латинской Романии. Но ни одно из ее государств не допускало греческих апанажей на своей территории.

Социально-экономический строй, установленный на территории Латинской Романии, своеобразно сочетал в себе в разных пропорциях формы западноевропейского феодализма с византийскими аграрными порядками, сложившимися в эпоху Комнинов и Ангелов. Наиболее радикальным изменениям подверглась политическая и юридическая надстройка, в то время как

базисные отношения изменились меньше. «Франки» не привнесли феодализма. Однако после 1204 г. интенсифицировался процесс укрепления частноправовых форм эксплуатации крестьянства, получила развитие иерархическая структура земельной собственности, система вассально-ленных отношений. Повсеместно усилилась личная зависимость крестьян, ибо правилом стало положение «нет земли без сеньора», возросла социальная обособленность феодалов от других классов, усугубленная чужеземным происхождением и иноверием большинства из них.

На Балканах основной категорией зависимого крестьянства были парики, называемые теперь также вилланами и лишенные личной свободы. Вилланами автоматически становились все крестьяне княжества Морей, прожившие на земле сеньора 1 год и 1 день. Вилланский статус был пожизненным, а сам виллан мог быть убит, брошен в тюрьму, подарен, продан, обменен, передан в наем сеньором. Кутюмы позволяли сеньору забрать движимое имущество своего виллана или его участок (стась) и передать их другому, оставив виллану лишь минимум для прокормления, «дабы фьеф, с которого был виллан, не уменьшился» (AR. § 188, 152, 187, 206, 197). Виллан не мог заключить брачного договора без согласия сеньора, возбудить иск против него, давать свидетельские показания против лигия (Ibid. § 198). Он был судим своим сеньором по гражданским, а курией вышестоящего сеньора — по уголовным делам (Ibid. § 206). Свободная женщина, вышедшая замуж за виллана, становилась вилланкой сеньора своего мужа и обретала свободу лишь после смерти мужа (Ibid. § 78, 180). Беглого виллана разрешалось искать в любом месте княжества и возвращать господину (Ibid. § 203); лишь после 30 лет со дня переселения виллана на землю другого феодала его прежний сеньор утрачивал право сыска (Ibid. § 176, 182). Для возвращения беглых вилланов морейские князья в XIV в. предпринимали общегосударственный {22} сыск. Это, а также большое число пустующих крестьянских стасей свидетельствуют о широких масштабах бегства вилланов¹⁴. Все имущество виллана, умершего без наследника или осужденного по суду, принадлежало исключительно его сеньору (Ibid. § 185, 219). Вместе с тем морейские вилланы пользовались ограниченной свободой в продаже движимого имущества (скота и сельскохозяйственного инвентаря) и без согласия господина, но они были обязаны сохранить как минимум пару волов и осла для работы на сеньора (Ibid. § 187). С согласия последнего виллан мог заниматься торговлей, а если он попал в долговую зависимость от кредитора, то отчуждению за долги подвергалась лишь часть имущества, в основном нажитая торговлей, но не надел. Если заем был сделан без ведома сеньора, то кредитор не имел права что-либо взыскивать с крестьянина или посадить его в долговую тюрьму (Ibid. § 215).

Общей тенденцией феодального законодательства Морей было усиление личной зависимости крестьян, обеспечение феодального поместья рабочими руками и средствами производства. Отсюда, казалось бы, внешне противоречивые тенденции: ограничение имущественной свободы крестьян и предоставление им некоторой хозяйственной самостоятельности в рамках сеньории. По сравнению с предыдущей эпохой крестьянин лишился доступа к государственной юрисдикции и был теснее связан с феодалом во всех отношениях. Появились у него и новые, принесенные из Франции и неизвестные ранее повинности, как мэнморт, формарьяж и др., причем повинности архаичные, в самой Франции уже изжитые или изживавшиеся.

Основным видом феодальной ренты был акростих, взимаемый в деньгах в зависимости от величины крестьянской стаси. Как показывает тип платежа, и его название, он был генетически связан с традициями византийского налогообложения. Помимо акростиха, существовали и другие платежи, а также ангарии, отработочные повинности. По документам начала XV в., количество барщинных дней колебалось от 12 до 53 в году. Ангарии государственных крестьян (парики-димосиариив) включали работы по ремонту и сооружению крепостей, мостов, колодцев, и объем отработочной ренты мог существенно возрастать. Так было и в венецианских владениях Пелопоннеса: в 1414 г. в ответ на жалобы крестьян области Модона венецианский Сенат установил для них единую барщину — 24 дня в году¹⁵. Однако потребности в хлебе и в Венеции, и в городах Леванта, а также заинтересованность феодалов в торговле зерном приводили к тому, что барщина просуществовала в Морее вплоть до падения княжества,

¹⁴ *Buchon J. A. Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée et ses hautes baronies. P., 1843. P. 157—158. 4/XI 1358.*

¹⁵ *Carile A. La Rendita feudale nella Morea Latina del XIV secolo. Bologna, 1974. P. 99—101.*

на Кипре и Крите — до XIV в., на Корфу — до XIV—XV вв. и даже количественно возрастала. В венецианских владениях, в частности в области Корона и Модона, взимался также аэрикон — некогда судебная пошлина, ставшая, однако, уже в X в. регулярным налогом.

Свободные крестьяне — явление чрезвычайно редкое на латинском Востоке. Наиболее значительную их прослойку представляли, пожалуй, обитатели гор Тайгета, обязанные несением воинской службы. Освобожденные же от фискальных повинностей парики (*homines francati*) оставались в феодальной зависимости, а парики, освобожденные от барщинных {23} обязанностей (*incosati*), несли взамен этого воинскую службу. Даже если феодал Мореи предоставлял виллану свободу (что было редким явлением и сопровождалось сложной процедурой), он оставался в зависимости от прежнего сеньора. Земельные дарения, полученные освобожденным крестьянином, оставались в силе лишь в течение жизни сеньора-дарителя и могли быть отобраны последним в любой момент (*Ibid.* § 139).

С развитием товарно-денежных отношений в деревне углубляется имущественная дифференциация крестьянства, но этот процесс далеко не всегда приводил к выкупу крестьянских повинностей, как это наблюдалось в странах Западной Европы. В Мореи феодальные отношения отличались архаичностью. Имущественная дифференциация вела к появлению различных категорий зависимого крестьянства без прекращения или существенного смягчения самой зависимости. От обеспеченности землей и скотом зависел лишь характер ренты.

На территориях, находившихся под непосредственным управлением Венеции, земля была распределена между колонистами-венецианцами, коммуной, церковью и местными архонтами. На Крите Венеция унаследовала значительный фонд земель с государственными париками, превратившимися теперь в вилланов коммуны. Главным видом их повинности, как держателей стаси, была уплата продуктовой ренты, акростиха (1 перпер с боваты), специальной личной подати — *vilanazio* — 12 гроссов в год, а также исполнение барщины — *ангарии*. Большинство этих видов повинностей восходило к византийской налоговой практике. В 1313 г. Венеция разрешила государственным парикам, вилланам коммуны, проживать как в своих селениях (казалиях), так и в городах. Однако им запрещалось покидать свои стаси и остров вообще. Вилланы коммуны обладали известными имущественными правами. Ограничивалось лишь отчуждение ими недвижимого имущества. Сравнительно лучшее положение этой категории крестьянства, ее связь с рынком приводили к выкупу вилланов коммуны на волю. Но вплоть до XV в. свободных крестьян на Крите было немного. Среди них имелись и освобожденные самой коммуной парики мятежных греческих архонтов. Вольноотпущенников ограничивали в выборе места жительства и за нарушение предписаний властей немедленно возвращали в состояние вилланов. В наихудшем положении находились частнособственнические вилланы. Помимо указанных выше повинностей, они платили налог на очаг, производный от византийского капникона (*capinichio*), делали обязательные подношения земельному собственнику (*caniscae* — подарки от греч. *καπίσκια*). Для этой категории была характерна сверхэксплуатация, главным образом через отработочные повинности. Кроме того, Республика требовала от своих колонистов-феодалов (или феудаторов, как они назывались в источниках), чтобы они поставляли часть своих париков для службы на галерах.

Венецианские колонисты, нобили и пополены, составлявшие от 2 до 6% населения Крита, находились в более привилегированном по сравнению с греческими архонтами положении. Они фактически монополизировали управление островом, построив его по подобию управления самой Венеции. Однако в условиях, когда нарастала борьба подвергавшихся жестокой эксплуатации вилланов, недовольство греческих архонтов существовавшими экономическими и политическими ограничениями было весьма опасно для венецианского владычества. С 1212 по 1367 г. на Крите было 12 круп- {24} ных антивенецианских выступлений. Чаще всего их возглавляли греческие архонты. Встретившись с такой стойкой оппозицией, в которую включались и венецианские колонисты, Республика Св. Марка стала все шире практиковать заключение договоров с местной знатью, включая представителей архонтов (например, род Каллерги и др.) в состав привилегированного чиновничества, предоставляя им большие территории с правом инфеодации, делая иные экономические уступки и разрешая брачные союзы этих семейств с представителями венецианского нобилитета. В XV в. ассимиляция внутри господствующего класса достигла значительных масштабов, не затронув лишь верхушку патрициата: греки не допускались в Большой Совет Кандии, столицы Крита.

На венецианском Крите оставалась византийская система сельских поселений — хорионов. Однако они все шире втягивались в систему интенсивного товарообмена. Спрос на

сельскохозяйственную продукцию Крита на венецианском рынке стимулировал торговлю зерном, произведенным как в поместьях колонистов, так и в крестьянских хозяйствах. Крит стал важным звеном и в системе всей венецианской международной коммерции, что способствовало динамичному росту торгово-ремесленных слоев с середины XIV в.

На островах Эгеиды, управлявшихся венецианскими патрициями, аграрные порядки нередко отличались своеобразием. Так, например, остров Китира (Чериго) был разделен на 24 участка (карата), принадлежавших четырем братьям из рода Веньеров, каждый из которых владел фьефом в 6 каратов. Масса греческого населения стала, как и везде, вилланами под юрисдикцией сеньора. Однако статус мелких архонтов остался практически без изменений, и они заняли положение мелких вотчинников, с которыми Веньеры делили политическую власть и не чурались вступать в родство. Крестьяне же, кроме традиционной десятины, если они сидели на домениальной земле, платили продуктовую (1/3 урожая) или денежную ренту, которая взималась вперед, до сбора урожая. Захватив политическую власть над островом в 1363 г. (после того как Веньеры приняли участие в антивенецианском восстании на Крите), Республика Св. Марка лишила Веньеров 13 каратов их владений, но не изменила сущности сложившихся поземельных отношений. Разница заключалась лишь в том, что теперь сама Республика стала феодальным собственником части территории острова.

Византийские аграрные порядки в значительной мере удержались и на Кипре. Правда, в XIV—XV вв. число селений здесь сократилось из-за опустошительных нападений мамлюков, пиратов, неудачной для Лузиньянов войны с генуэзцами. На Кипре выращивались злаки. Большое место в экономике занимали виноградарство и виноделие, изготовление сахара. Эти продукты широко экспортировались. Парики, именовавшиеся на Кипре сервами, с рождения записывались в практик домена. Они выплачивали церковную десятину, натуральную или денежную ренту в пользу сеньора, выполняли ангарии. Уплата подушной подати рассматривалась как признак серважа. Горожане Кипра также должны были вносить эти платежи. Они являлись несвободными и квалифицировались как перпериарии. Развитие товарно-денежных отношений способствовало освобождению крестьян за выкуп в XIV—XV вв. В XV в. число «франкоматов» уже превышало число сервов. В качестве ренты сервы отдавали треть урожая, {25} а франкоматы — либо фиксированный оброк, либо от 1/10 до 1/4 урожая. Франкоматы несли и другие повинности в пользу и сеньора, и короля. Они были феодально-зависимым крестьянством, но обладали большим объемом личных прав, чем сервы, включая право перехода в другую деревню. Частновладельческие сервы, отбывавшие барщину, получали питание и небольшое денежное вознаграждение (20 денье в день — мужчине и 10 — женщинам и детям). Барщина на Кипре была значительной: от 2 до 3 дней в неделю. В XV в. — 104 дня в году¹⁶. Права феодала отчуждать серва в любой форме, с землей или без земли, не ограничивались законом. Серва можно было даже обменять на коня или сокола и заставить принять монашеский постриг. На землях феодалов трудились также рабы, освобождение которых переводило их в категорию сервов.

На генуэзском Хиосе крестьяне эксплуатировались через взимание акростиха, высокой и особенно ненавистой подушной подати — по 6 перперов в год (капникон), и других более мелких прямых и косвенных налогов. Бывшие государственные крестьяне должны были также выполнять ангарии. Не выдерживая эксплуатации, крестьяне Хиоса эмигрировали с острова. Этот процесс удалось приостановить лишь после замены в 1396 г. капникона таксой в 2 перпера с каждого мужчины до 70 лет.

Особенно тяжелым стало положение греческого населения Центральной Греции после ее завоевания Каталанской компанией, в Афино-Фиванском герцогстве (1311—1388) и герцогстве Неопатр (1319—1394). Уже само завоевание вызвало массовое бегство населения, сопровождалось обращением части крестьян в рабство, опустошением больших территорий, привело к длительному демографическому спаду. Образовав новый господствующий класс, каталанцы, как и наваррцы, разорившие Западную Грецию в 1376—1404 гг., сохранили свою организацию наемного войска во главе с капитаном. Чисто грабительские функции особенно четко просматриваются в этом варианте латинского господства. В каталанских герцогствах возрос уровень

¹⁶ Дмитриев Г. А. Термины серв (serf) и виллан (vilain) на латинском Востоке // ЗРВИ. 1971. Т. 13. С. 136; Richard J. Une économie coloniale? Chypre et ses ressources agricoles au moyen âge // BF. №77. Bd. 5. P. 335.

эксплуатации крестьян и вместе с тем резко тормозилось развитие товарно-денежных отношений. Грекам запрещалось наследовать, покупать, продавать имущество, даже владеть собственностью, если они не имели статуса каталанских граждан, который давался в виде редчайшего исключения. Более того, Фивы превратились в центр работорговли, объектом которой являлось коренное крестьянское население государства. Барщинные обязанности крестьян Аттики и Беотии были весьма велики. Браки между каталанцами и греками строжайше воспрещались. Единственной публичной должностью, которую могло занять привилегированное греческое население, оставалась должность нотариев.

Итак, почти повсеместно в Латинской Романии возрастает эксплуатация крестьянства, укрепляются формы личной зависимости. Лишь в некоторых областях, преимущественно со второй половины XIV в., начинается освобождение крестьян за выкуп. Новые франкские феодальные институты наслаивались на экономическую систему, унаследованную от предшествующей византийской эпохи. В течение XIII—XV вв. наблюдается медленный переход от сегрегации к кооперированию латинян с греческими архонтами, {26} торгово-ремесленным населением. Греческие налоговые чиновники и нотариусы, предводители местной милиции, командиры небольших воинских отрядов вливаются в аппарат управления, созданный завоевателями. В этом смысле можно говорить об известном симбиозе внутри господствующего класса, не достигшем, впрочем, зрелой стадии. Однако никакого симбиоза не существовало в отношениях между массой эксплуатируемого греческого населения и незначительным меньшинством латинян. Примером возрастающего сопротивления греческих крестьян иноземному экономическому социальному и политическому угнетению, помимо восстаний на Крите, может служить мощное народное движение на Кипре (1426—1427) ¹⁷.

Долговременным следствием латинского господства в Романии было также постепенное создание такого экономического порядка, когда при доминировании итальянского купечества греческое торговое население все шире кооперировалось с венецианцами и генуэзцами, инвестируя деньги в совместную торговлю, сообща владея товарами, транспортными средствами, капиталами. В различных местах степень и масштабы этого сотрудничества были неодинаковыми; оно нередко перемежалось и со столкновением интересов, с открытой взаимной враждебностью. Однако очевидно, что, несмотря на все экономические, политические и конфессиональные противоречия между греками и латинянами, ведущим фактором было складывание единой торгово-экономической системы в рамках всего Средиземноморья, от Италии до берегов Черного и Азовского морей. На практике это означало, что греческое купечество, не оттесненное, а ассоциированное в эту торговую систему на правах младших партнеров, получило доступ к более прогрессивным формам предпринимательства. Без локальной греческой торговли, пусть и подчиненной международной коммерции итальянцев, стала бы невозможна и сама предпринимательская деятельность венецианцев и генуэзцев в Романии.

Национальное и экономическое угнетение сочеталось в Латинской Романии с формально-юридическим подчинением греческой церкви католическому епископату и папскому престолу. По соглашению 1206 г., в Латинской империи церкви должна была принадлежать 1/5 часть всех земель, городов и замков. Византийское церковное имущество передавалось латинским епископам ¹⁸. Во главе церкви Латинской империи стоял католический патриарх Константинополя. Этот сан традиционно принадлежал венецианским клирикам, однако папские легаты, посылаемые в Константинополь, существенно ограничивали юрисдикцию патриарха и кассировали его отдельные постановления, идущие вразрез с политикой и волей понтификов. С другой стороны, Венецианская республика настойчиво стремилась обособить, создать на своем домене собственную систему церковного управления, связанную со светской администрацией ¹⁹. {27}

¹⁷ *Меженин В. М.* Крестьянское восстание на Кипре в 1426—1427 гг. // *Страны Средиземноморья в эпоху феодализма.* Горький, 1975. Вып. 2. С. 108—121.

¹⁸ Это делалось при условии, если епископы обязывались вносить акростих в пользу государства, как это было до 1204 г. Соглашение 1206 г., достигнутое между императором Генрихом I и патриархом Томмазо Морозини, не всегда выполнялось. Нередко феодальные бароны, особенно князь Морей и правитель Афин, конфисковывали церковные владения, вступая в конфликты с папством и местным католическим епископатом. *Charanis P.* *Social, Economic and Political Life of the Byzantine Empire.* L., 1973. N 1. P. 95—97.

¹⁹ См.: *Соколов Н. П.* Колониальная политика Венеции в сфере церковных отношений // *Страны Сре-*

В целом латиняне унаследовали и закрепили ту структуру Константинопольского патриархата, которая существовала ранее, произведя лишь некоторые перестановки мест отдельных епископий в иерархии и заменив не признавших папский примат и основные католические догматы архиереев (со временем практически всех) латинскими епископами. Низшее же звено старой церковной организации во многом функционировало по-прежнему. Но контроль за его деятельностью находился в руках латинской церковной и административной иерархии даже тогда, когда греческая церковь была формально отделена от параллельно существовавшей латинской. В самом Константинополе был произведен своеобразный раздел храмов между католиками и православными. Из 300 церквей 7 отдали венецианцам, около 30 — французам, 2 церкви (Богородицы во Влахернах и св. Михаила в Буколеоне) являлись императорскими, и там утвердились фламандцы. Не менее 250 церквей сохранили за греками, хотя часть их была закрыта либо из-за плохого состояния зданий, либо из-за исхода клириков и мирян из соответствующего прихода. Ряд церквей находился в совместном использовании как православных, так и католиков, и служба в них, как, например, в храме св. Софии, происходила поочередно для представителей обеих конфессий.

Характерным примером отношений греко-православной и римско-католической церквей является Негропонт (Эвбея). На острове православный клир был подчинен католическому патриарху константинопольскому (чья резиденция находилась на Эвбее после восстановления Византийской империи) и был обязан также уплачивать фиксированные суммы в пользу латинского епископа. Но даже выполнение этих требований не спасало от многочисленных дополнительных взысканий, и клирики в 1383 г. были вынуждены обратиться за защитой к Венеции. Сенат Республики использовал этот повод для укрепления своего протектората над островом и счел целесообразным поддержать петицию греков и поручить своим официалам следить за соблюдением прав местного духовенства²⁰. В целом же латинская церковь не имела прочных корней на греческом Востоке и жила на доходы, собираемые с враждебного или, в лучшем случае, безразличного к католицизму населения. Она обслуживала духовные потребности иноземных феодалов и колонистов²¹.

Стойкая приверженность греческого населения православию делала его знаменем скрытой оппозиции, а иногда и сопротивления «франкам», служила выражением внутреннего неприятия завоевания, коллаборационизма части греческой знати большинством жителей Элады, Эгеиды и Кипра. Не случайно, само слово *ἑφράγκεως* (ставшие франками) являлось в средневековой Греции оскорбительным. Таким же ругательным словом, обозначающим жестокого и уродливого человека, стало «каталанец». Религиозный консерватизм, верность старинным традициям, языку были в тех условиях средством поддержания единства и сохранения самосознания греческого народа. Именно поэтому посягательства латиняв в религиозной и бытовой сферах встречали особенно резкий отпор и нередко порождали непримиримое и открытое сопротивление. С этим приходилось считаться латинским государям. И император

Файл byz3_29.jpg

Константинополь. Аксонометрия. Ок. 1450 г.

Генрих I, и кипрские Лузиньяны, и князья Мореи нередко пытались сдерживать и умерять попытки пап и их легатов решительными мерами добиться принятия греческим клиром унии и католической обрядности. А архонты Мореи почти сразу же добились от князя Жоффруа Виллардуэна письменных гарантий сохранения в неизменности их веры и обычаев.

Утвердившиеся на греческих землях католические духовные ордена не оставили глубокого следа своей деятельности. Скорее, напротив, можно говорить об обратных влияниях, заимствованиях греческих обычаев, литургической практики иноземцами вплоть до обращения их в православие, как, например, на Крите, где выходцы из Италии быстро эллинизировались. Аналогичные явления наблюдались и в Морее: в 1322 г. папа Иоанн XXII порицал латинян княжества за то, что те придерживались греческих церковных обрядов²². Основной восприни-

диземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1982. С. 53—65.

²⁰ Thiriet F., Wirth P. La politique religieuse de Venise à Négrepont à la fin du XIVe siècle // BZ. 1963. Bd. 56. S. 297—303.

²¹ Dennis G. T. Byzantium and the Franks, 1350—1420. L., 1982. N XVI. P. 285—286.

²² Jacoby D. Les états Latins en Romanie: phénomènes sociaux et économiques (1204— 1350 env.).

мающей стороной все чаще становились сами завоеватели. Суть происходившего была хорошо понята знаменитым венецианским писателем и ученым Марино Санудо Старшим: «Допустим, что мы могли бы захватить даже большую часть земель империи, но этим не склонили бы сердца народа к послушанию римской церкви»²³.

Казалось бы, путь к сближению лежал через заключение смешанных браков. Но в брак вступали почти исключительно мужчины-латиняне с гречанками, и очень редко греки с латинянками. Оседавшие в Латинской Романии воины и купцы редко решались брать с собой на Восток, где их ждала полная трудностей и опасностей жизнь, представительниц слабого {29} пола. В основном же колонисты были неженатыми юношами, и часто их пребывание на землях Эллады венчал брак с гречанками. Потомство их именовалось гасмулами. Гасмулы не обладали сословной полноправностью. Если они не находили себе подходящего применения (чаще всего в качестве наемных воинов или моряков), то становились пиратами, угрозой для городов и кораблей Романии. Латиняне проклинали гасмулов, давали им нелестные характеристики²⁴, зато византийцы ценили их воинские качества и привлекали на службу. Экипаж флота, построенного Михаилом VIII, например, состоял преимущественно из гасмулов. Георгий Пахимер отмечал, что гасмулы соединяли ромейскую предусмотрительность и благоразумие в битвах со стремительностью и дерзновением латинян (*Pachym.* I. P. 253). Некоторые из гасмулов оседали на земле, занимались торгово-предпринимательской деятельностью. Они оставили свой след и в культуре Латинской Романии, из их среды выходили авторы хроник и других произведений. Вслед за гасмулами греческий язык перенимали представители франкской аристократии.

Административный и правовой строй латинских государств был основан на западноевропейских институтах, модифицированных по византийскому образцу. В Латинской империи был сохранен византийский придворный церемониал, манера именования государя (хотя его титул был дополнен новыми элементами), обряд коронации василевса патриархом, обычаи аккламации, поднятия государя на щите, проскинесиса (правда, лишь для греков). Торжественным облачением императора были саккос, палий, пурпурные сапожки, венец с пропендулиями (подвесками). Но за внешней схожестью, быть может нарочито подчеркнутой в обрядовой стороне для придания видимости преемственности власти, сохранялись глубокие различия двух разных систем управления. Даже в теории латинский император не был самодержавным повелителем. Он не имел права вмешиваться в имущественные отношения на землях, не являвшихся его собственным доменом. Он мог распределять феодалы только в 1/4 части империи, которая ему принадлежала непосредственно. С рыцарством он был связан не отношениями подданства, а оммажем и при вступлении на престол произносил клятву соблюдать соглашения со своими вассалами и их привилегии.

Особо оберегались права и преимущества Венеции. Ее владения не были подконтрольны императору, и главой их являлись дож и его наместник — подеста. В октябре 1205 г. в Константинополе был подписан акт, по которому император обязывался в случае возникновения разногласий с вассалами подчиняться выборному суду венецианцев и франков. Наконец, император избирался, и в отличие от Византии лишь тогда, когда имелось точное подтверждение смерти его предшественника. Императрица вовсе не являлась сакральной особой. На нее взирали лишь как на жену государя.

Словом, хотя византийские обычаи и повлияли на оформление власти, сама она оставалась типичной западноевропейской монархией периода феодальной раздробленности. Лишь внешняя опасность и признание императора общим военным вождем, а также сюзереном византийского {30} типа для греческих подданных обеспечивали большую консолидированность и централизованность Латинской империи.

Попытка в теории сочетать две идеи власти — западноевропейскую и византийскую — нашла отражение и в придворной иерархии, где наличествовали и ромейские, и французские титулы и должности. Высшее звание деспота с правом носить царские пурпурные сапожки присваивалось членам императорской фамилии, венецианскому дожу и подеста. Далее с некоторым нарушением византийского чинопоследования шли севастократор, кесарь, протовестиар-

Athènes, 1976 (XVe Congrès international d'études byzantines). P. 25—26.

²³ Thiriet F. Le symbiose dans les états Latins formés sur les territoires de la Romania byzantine (1202 à 1261). Athènes, 1976 (XVe Congrès international d'études byzantines). P. 18.

²⁴ Cp.: Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. B., 1971. S. 140—142.

рий, великий дука. Ряд чинов имел двойное, как византийское, так и франкское, наименование: сенешаль — великий доместик, коннетабль — великий контоставл, маршал — протостратор и т. д. Некоторые ранги были созданы вновь и не имели византийских аналогов. Это прежде всего почетное звание венецианских дождей — «владыка (доминатор) четверти и еще полчетверти всей Романской империи». Подеста́ был вице-доминатором. Высшие чиновники и бароны составляли совет при императоре. Виднейшие из них — Конон де Бетюн и Жоффруа де Виллардуэн — в 1204 г. получили соответственно титулы протовестиария (с обязанностью охраны Константинополя в отсутствие государя) и маршала Романии. Для принятия важных решений император должен был испросить согласие баронского совета и венецианского подеста́.

Делопроизводство Латинской Романии велось на основе западноевропейской практики, но и оно претерпело влияние византийской традиции. Эта традиция была настолько привлекательной, что в XV в. афинские герцоги из флорентийского рода Аччайуоли вели документацию по-гречески, а жена правителя Эпира Карло I Токко Франческа Аччайуоли, подписав орисмос пурпуром, назвала себя «василисса ромеев» (ММ. III. Р. 248—257, 260).

Система управления в Венецианской и Генуэзской Романии в значительной степени базировалась на системе выборных советов и должностей, которые действовали короткий срок, обычно 1—2 года, и имели аналоги в коммунальном строе самих морских республик. Высшие официалы колоний и факторий именовались дуками, подеста́, байло и консулами.

В Латинской Романии протекали процессы, во многом аналогичные тем, что имели место и в самой Византии. Однако латинское господство углубило партикуляризм отдельных греческих областей, закрепило феодальную раздробленность византийского мира. Вместе с тем Латинская Романия стала звеном, связавшим этот мир со странами Западной Европы, что имело немалые последствия для развития культуры как Византии, так и Запада.

* * *

Одновременно с захватом греческих земель крестоносцами и образованием Латинской Романии на востоке и западе Византийской империи началось создание независимых греческих государств — Никейской и Трапезундской империй, Эпирского царства. Процесс этот проходил в сложной политической обстановке, характеризующейся прежде всего децентрализаторскими тенденциями на окраинах бывшей империи.

Уже в первые месяцы после падения Константинополя в обстановке политического хаоса на власть в Малой Азии претендовало несколько {31} греческих архонтов. Одни из них, как, например, Феодор Манкафа, выступивший против центрального правительства еще при Алексее III (1195—1203) и, опираясь на помощь иконийского султана Сулеймана II (1196—1204), овладевший Фильдельфией и близлежащей местностью, мечтал о константинопольском троне. Такие же планы вынашивали захватившие Трапезунд, Синоп и Пафлагонию до р. Сангарий Алексей и Давид Комнины, основавшие Трапезундскую империю. Другие стремились превратить области Малой Азии в обособленные владения: Мануил Маврозом, зять султана Кай-Хусрава I (1192—1196, 1205—1211), захватил земли на Меандре; Савва Асиден владел Сампсоном у Милета и его окрестностями; грецизированный итальянский род Альдебрандино управлял Атталией, а Лев Гавала овладел островом Родос²⁵.

Но ни один из них не стал «спасителем и общим освободителем», по выражению Михаила Хониата (*Mich. Chon.* Т. 2. Р. 276. 24—25), от латинской тирании. Заслуга в этом принадлежит деспоту Феодору Ласкарису, зятю Алексея III. Покинув Константинополь осенью 1203 г., вскоре после бегства своего тестя-императора, Феодор отправился в Малую Азию и начал собирать силы для борьбы с крестоносцами. Успехи в борьбе с латинянами осенью 1204 — зимой 1205 г. позволили ему провозгласить себя императором. В течение двух последующих лет Феодору Ласкарису удалось подчинить Манкафу, Асидена, Маврозома, заключить мир с Латинской империей и в марте 1207 г. короноваться императором²⁶.

Как политическое образование Никейская империя просуществовала всего 57 лет. Однако ее роль и значение в истории Византии велики. Созданная в северо-западных районах

²⁵ *Радић Р.* Обласни господари у Византии крајем XII и у првим деценијама XIII века // ЗРВИ. 1986. Кн. 24—25. С. 261—279.

²⁶ Τουναρίδη Π. 'Η χρονολογία της ἄναγόμενης καὶ τῆς στέψης τοῦ Θεοδώρου Α' τοῦ Λασκάρεως // Σύμμεκτα. 1985. Τ. 6. Σ. 70—71.

Малой Азии империя в конце своего существования превратилась в одно из крупнейших государств Юго-Восточной Европы и Малой Азии.

С первых дней рождения нового государства борьба против западных завоевателей и с соперниками за гегемонию и восстановление византийской державы стала основным содержанием всей дальнейшей внутренней и внешней политики Никейской империи. В сложной дипломатической и военной борьбе за византийское наследство Никее, как наиболее сильной и экономически развитой, удалось выйти победительницей в войнах с Трапезундской империей, Болгарией и Эпирским царством и в 1261 г. отвоевать Константинополь у Латинской империи.

В политическом плане полустолетняя история империи — это цепь непрерывных сражений и походов, договоров и союзов с одним из соперников против другого. Выгоды из таких союзов в основном извлекала одна Никее. Завоевав в 1214 г. западную Пафлагонию и тем самым выведя из борьбы за константинопольский трон Трапезунд, Никейская империя через десять лет полностью очистила Малую Азию от латинского присутствия. Умело используя союзы с Болгарией и ее силы в 1233—1246 гг., Иоанн III Ватац (1222—1254) не только сократил, почти до Константинополя и его ближайшей округи, размеры Латинской империи, но и захватил обширные области Фракии и Македонии, входившие в состав Болгарии {32} и Эпирского царства. Болгария уже никогда не могла вернуться к границам могущественного государства Ивана II Асеня (1218—1241). С каждым годом наращивая давление на Эпирское царство, иногда с переменным успехом, Никее распространила свою власть до Адриатики, а в битве при Пелагонии (1259) устранила и последнего соперника в борьбе за византийское наследство. Взятие 25 июля 1261 г. никейскими войсками Константинополя было закономерным результатом всей предшествующей политики империи и сложившихся реальностей в регионе.

Но роль Никейской империи в истории средневековья не ограничивается только ее заслугой в восстановлении византийской державы. Не меньшее значение имеет и факт спасения, сохранения и дальнейшего развития античной и византийской культуры при дворе никейских императоров, который сделался к середине XIII в. крупным культурным центром. Никее является не только мостом от Комниновского к Палеологовскому возрождению, но и местом, где дали первые ростки семена поздневизантийского гуманизма.

Победа Никее в борьбе как с греческими государствами, так и с Латинской империей была обусловлена прежде всего военно-экономическим превосходством и стабилизацией ее внутривосточного положения. Искусная дипломатия правительства умело использовала эти факторы в нужном направлении.

Причины быстрого экономического роста Никейской империи обусловлены спецификой внутреннего развития и географического положения западных районов Малой Азии, той политикой, которую проводили императоры. Никее унаследовала от Византии наиболее плодородные земли Малой Азии, значительная часть которых до 1204 г. принадлежала фиску, императору и константинопольским монастырям во главе с патриархом, а также местным земельным собственникам²⁷. Именно это обстоятельство и позволило Феодору I Ласкарису в начале своего царствования использовать государственные и монастырские земли этого района для пожалования их своим сторонникам как из числа знати, бежавшей вместе с ним из Константинополя и потерявшей земельные владения на Балканах, так и из числа местных феодалов (*Nic. Chron. Orat. P. 135. 22—26*).

Располагая значительным земельным фондом, император смог укрепить свою власть, создать новый административный аппарат и войско, широко применять такую форму условного владения, как прония. Практика пожалования земель в пронию (обычно на срок жизни прониара) на условиях обязательного несения военной службы помогла сплотить знать вокруг императорского престола. Она же заложила основы для создания военных сил империи: владелец пронии должен был либо сам участвовать вместе со своими париками и другими лицами, проживающими на территории пронии, в военных походах, либо поставлять определенное количество воинов для императорского войска. Прониар, не являясь собственником пожалованной земли и живущих на ней париков, обладал определенными судебными-административными правами в отношении населения своей пронии. {33}

Практика пожалования проний широко применялась и при Ватаце, и при Феодоре II Ласкарисе (1254—1259). В большинстве случаев прониарами были представители средних

²⁷ Glykatzis-Ahrweiler H. La politique agraire des empereurs de Nicée // Byz. 1959. T. 28. P. 54—55.

слоев знати, командиры воинских соединений, знатные наемники²⁸. Помимо пожалования земли в пронию жалуются места рыбной ловли, участки для разработки природных ископаемых и др. (MM.IV. P. 239, 241, 242—244; VI. P. 166).

В конце правления Иоанна III получил распространение и такой вид пожалования, как награждение знати служилыми вотчинами (*ᾠρχοντικά; κτήματα*). Владелец вотчины должен был подтверждать свое право на нее при каждом новом императоре. Вотчины получали прежде всего представители императорской семьи и высшей знати, занимающей важные государственные должности: Враны, Палеологи, Филы, Раули, Тарханиоты, Гавалы, Ангелы (Ibid. IV. P. 122, 178, 212—213, 225, 229, 253, 259, 254—257). С приходом к власти Михаила VIII Палеолога (1259—1282) многие пронию его сторонников превратились в служилые вотчины, а последние в родовое владение — геникон.

Восстановление и создание новых стратиотских участков началось еще при Феодоре I. Их рост происходил как за счет греческого населения империи, так и за счет привлечения наемников (Ibid. IV. P. 57—59), наделения их земельными участками определенного размера с последующим несением военной службы в интересах греческого государства²⁹. Роль стратиотов в формировании боеспособной армии особенно увеличилась при Ватаце. Конные воины составляли ядро фемного войска. Иногда они привлекались к охране границ, но главной их обязанностью было участие в длительных военных походах, которые совершались почти ежегодно.

Заключение в 1216—1217 гг. окончательного мира с сельджуками позволило начать реорганизацию и укрепление старой пограничной системы, созданной еще при Комнинах на восточных и южных рубежах империи. Эта система укреплений, состоящая из ряда крепостей с находящимися в них гарнизонами из греков и иноземцев, а также из пограничных военных поселенцев-акритов, постепенно сложилась в строгую систему обороны, обеспечивающую надежную гарантию от нападений сельджуков. Акриты несли охрану границы рядом со своими значительными земельными владениями, не платили налогов и получали жалованье (*Pachym.* P. 29.16—31.7). Вместо платы некоторым из них были пожалованы пронию.

Быстрый рост крупной феодальной собственности влек за собой почти повсеместное распространение парикии. Преобладающая масса крестьянства была зависимой и трудилась в качестве париков на землях монастырей, феодалов и императорского домена. Остатки беднейших слоев свободного крестьянства теряли землю, подпадали под власть феодалов и превращались в зависимых³⁰. Ряды париков пополняли бежавшие земледельцы из захваченных латинянами малоазийских областей и с островов {34} Эгейского моря. Согласно императорским постановлениям парики не могли покидать землю, а в случае бегства их возвращали на прежнее место.

Внутренняя политика никейского правительства отражала прежде всего интересы мелких феодалов — прониаров. Они вместе с зажиточным свободным крестьянством, а также с военными поселенцами — стратиотами и акритами — и составляли социальную базу и опору никейских императоров (до Михаила VIII) в борьбе с крупной феодальной знатью. Верхушка свободного крестьянства по своему имущественному статусу сближалась с мелкими феодалами.

Этот социальный слой являлся основой формирования греческого войска. Вместе с тем на всем протяжении существования империи существенную роль играли наемные отряды, прежде всего из западноевропейцев. Великий коноставл, командующий наемниками (в 50-е годы им был Михаил Палеолог), имел значительную власть в империи. По определению византийских авторов того периода, войско состояло из трех этнических контингентов: ромейского, скифского и латинского (*Acrop.* I. P. 120. 22—24; *Pachym.* P. 29. 22—23).

По своему назначению и месту расположения никейская армия делилась на фемное войско, дворцовую гвардию и личную стражу императора, пограничные войска. Первые три вида составляли основу войска, отправляющегося в поход. Такое войско состояло из пеших и конных отрядов, разделенных на легко- и тяжеловооруженных воинов. В переправе через про-

²⁸ Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. P. 67—86.

²⁹ Ferjančić B. Quelques significations du mot stratiote dans les chartes de Basse Byzance // ЗРВИ. 1982. Кн. 21. P. 95—102.

³⁰ Сметанин В. А. Категории свободного крестьянства в поздней Византии // ВО. М., 1971. С. 84.

ливы, завоевании островов Эгейского моря и осаде приморских городов участвовал и никейский флот, насчитывавший десятки кораблей, а в отдельные периоды вместе с союзным флотом Льва Гавалы — и 100 триер³¹.

Такое боеспособное и полностью обеспеченное оружием собственного производства войско было создано не позднее середины 30-х годов. Именно при его помощи началось освобождение Македонии и Фракии в 1235—1246 гг. К тому же уже в 1238 г. Ватац смог не только удовлетворить собственную потребность в военных силах, но и послать значительный контингент войск на помощь своему союзнику — германскому императору Фридриху II Гогенштауфену в Италию.

Однако содержание большого войска требовало значительных средств. Основной источник доходов императорской казны — налоги со свободного и зависимого населения хотя и росли, но не могли полностью обеспечить нужды государства. Поэтому Иоанн III Ватац пошел на создание императорских поместий на государственной земле. Эксперимент оказался удачным. И вскоре, по свидетельству современников, благополучие и благосостояние государства возросло настолько, что доходы от продажи продуктов сельского хозяйства (зерна, крупного рогатого скота, лошадей, куриных яиц) не только полностью обеспечили нужды императорского двора (они не были столь значительными по сравнению с нуждами двора в Константинополе), но и позволили Ватацу укреплять крепости (*Scut.* P. 285. 23—286. 7), жертвовать большие суммы монастырям как в империи, так и в Константинополе, Греции, Палестине и на Афоне (*Ibid.* P. 287. 15—288. 5), оказывать помощь союзникам, награждать знать, вести широкое строительство в городах. {35}

Города Никейской империи в течение всей ее истории оставались центрами политической, экономической и культурной жизни государства. В крупных городах (Никее, Сардах, Филадельфии, Смирне) работали государственные ремесленные мастерские, прежде всего оружейные. В них наемные рабочие-мистии круглогодично изготавливали за плату копья, стрелы, щиты и другое оружие. В Никее находились и государственные шелкоткацкие мастерские³². Шелковые ткани шли в основном на нужды двора. Подавляющее большинство ремесленных мастерских в городах находилось в частном владении, в том числе в руках феодалов, которые предпочитали, как и ранее, жить в городах и вкладывать деньги в городскую собственность, ремесленное производство и торговые операции (*MM.* IV. P. 24.4—6; 31.9—11; 286.4—5, 16—17). Среди промыслов значительное место занимало солеварение и разведение рыбы. В одном лишь Лампсаке было 16 солеварен³³.

Город являлся не только центром определенной земледельческой округи, но и постоянным рынком, где продавались продукты и изделия как из близлежащей местности, так и привезенные из других областей. Торговые пути проходили, как правило, по дорогам, соединяющим города. Наиболее развит был в этом отношении малоазийский юг империи. Активными торговцами на внутреннем рынке выступали монастыри Лемвиотисса и св. Иоанна на Патмосе. Они осуществляли не только сухопутную, но и морскую торговлю на своих судах, освобожденных от пошлины и таможенных сборов (*Ibid.* VI. P. 165—166, 183). Среди приморских городов западного побережья Малой Азии выделялась Смирна, торговый флот которой совершал плавание не только вдоль побережья, но и к берегам Балканского полуострова и к островам Эгейского моря.

В Смирне и других приморских городах частыми гостями были венецианские купцы, получившие право беспошлинной торговли на всей территории империи, в то время как греческие купцы должны были уплачивать коммерции в венецианских владениях. Эти привилегии сильно ударили по неокрепшему текстильному производству Никее, ибо среди итальянского экспорта ткани, в том числе восточного происхождения, составляли одну из главных статей. Именно поэтому Иоанн III был вынужден ввести протекционистские меры, ограничивающие торговые сделки с Венецией. Большие торговые выгоды империя извлекала из коммерческих

³¹ Σαββίδης Α. Γ. 'Η βυζαντινὴ δυναστεία τῶν Γαβαλάγων καὶ ἡ ἑλληνοϊταλικὴ διαμάχη γιὰ τὴν Ρόδο τοῦ 13 αἰ.' ὄνα // Βυζαντινά. 1983. Τ. 12. Σ. 419.

³² Angold M. J. A Byzantine government in exile. Government and society under the Lascarids of Nicaea (1204—1261). L., Oxford, 1975. P. 109.

³³ Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв.: (По материалам логовой описи Лампсака) // ВВ. 1976. Т. 37. С. 25; *Он же*. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 117.

связей с Иконийским султанатом. В 50-е годы XIII в., когда в Анатолии несколько лет подряд продолжался голод, Никея за золото продавала большое количество зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Нижний Дунай и княжества Древней Руси являлись третьим районом торговых связей империи³⁴. Одной из стоянок никейских судов в этом районе служил остров Дафнусий в Черном море. Отсюда никейские купцы отправлялись к портам Нижнего Дуная, Южного Крыма и в южнорусские княжества. Экспортировались оттуда меха, мед и рабы. {36}

Файл byz3_37.jpg

Малый дворец во Влахернах. Ок. 1261 г.

Политика никейских императоров в отношении городов (создание ремесленных мастерских, поощрение торговли, строительство общественных зданий, школ и библиотек) преследовала цель найти и в лице торгово-ремесленного населения — помимо мелких феодалов и стратиотов — социальную опору политики противодействия децентрализаторским устремлениям крупных феодалов.

Период Никейской империи был последним, когда на византийской земле существовало единое централизованное государство. Но попытки подорвать это единство, возобновить борьбу между группировками господствующего класса, воспрепятствовать социальным реформам правительства {37} никогда не исчезали. Лишь в первые два десятилетия в условиях постоянной внешней опасности и благодаря политике компромисса, которую проводил Феодор I в отношении крупных малоазийских магнатов (владения побежденных Феодора Манкафы, Никифора Кондостефана и других были сохранены вместе с предоставлением их господам высоких должностей³⁵), удалось достигнуть консолидации господствующего класса. Однако Ватац, по-видимому, не смог поддерживать определенный баланс интересов между императорской властью и знатью в условиях углубления социальных реформ и внешнеполитических успехов империи, что и вызвало недовольство и выступления аристократических родов. Поэтому ослабление сепаратистских тенденций в империи являлось одной из важнейших задач правительства.

Первый заговор против Иоанна III, в котором участвовало большое число недовольных политикой императора, произошел в 1225 г. Среди его участников — высшие представители никейской знати: Нестонги, Тарханиоты, Синадины, Стасины и др. (*Acrop.* I. P. 36.18—37.2). Заговоры не прекращались и позднее, группируясь вокруг одного из знатнейших и старейших византийских родов — Палеологов.

С целью удержания знати от выступления и ослабления оппозиции Ватац использовал ряд мер. Во-первых, участники заговоров не подвергались строгим наказаниям; во-вторых, в дальнейшей внутренней и внешней политике Ватац опирался на несколько наиболее родовитых и знатных греческих фамилий (Кондостефанов, Торников, Раулей, Палеологов), предоставив членам этих родов высокие военные и гражданские должности; в-третьих, заключал брачные союзы между своими родственниками и представителями высшей аристократии и, в-четвертых, широко практиковал награждение их прониями и служилыми вотчинами. Кроме того, в качестве противовеса личной власти крупной феодальной знати император назначал на высшие провинциальные посты своих родственников, привлекал к командованию флотом и военными отрядами негреческую знать (*Ibid.* I. P. 59. 12—17, 22—26).

Эти меры в некоторой степени способствовали ослаблению центробежных сил в царствование Ватаца, что позволило империи успешно выступить в военном споре с Болгарией, Фессалоникой и Эпиром, где сепаратизм был развит сильнее. Однако Феодор II, вступив на престол, круто изменил политику. Он отменил многие фискальные привилегии, увеличил налоги, провел в широких масштабах конфискации имущества аристократии, привлек к руководству незнатных лиц. Это заставило оппозицию сплотиться вокруг Михаила Палеолога, как наиболее возможного кандидата на императорский престол. Михаил VIII, придя к власти, вернул всех репрессированных Феодором II из ссылки, возвратил им конфискованное имущество и земельные владения, сделал пронию наследственной. Это была полная победа старой родовитой военно-землевладельческой феодальной знати, стремившейся реставрировать те соци-

³⁴ Brezeanu St. Byzantinische Wirtschaftskontakte an der unteren Donau in der ersten Hälfte des 13. Jahrhunderts (1204—1261) // *Dacoromania*. 1975/76. Т. 3. P. 9—16.

³⁵ *Angold M. J. Op. cit.* P. 61—62.

ально-экономические отношения, которые существовали при Ангелах. И это ей удалось. Процесс дальнейшего роста феодальных отношений с приходом к власти Палеолога вступил в свою завершающую стадию.

Официально Никейская империя именовалась «империей ромеев», являясь непосредственной преемницей византийской державы, временно утратившей Константинополь и западные области. Она, как и прежде, делилась на фемы, уменьшившиеся в размерах. Дуки, стоящие во главе фем, осуществляли в основном гражданское управление³⁶. В отвоеванные области Балкан император иногда назначал полномочных наместников, которые возглавляли сразу несколько фем, меняя по своему усмотрению гражданских и военных чиновников. Стратиги малоазийских городов и крепостей, а также чиновники фиска — катепаны и практоры — подчинялись непосредственно центральной власти. Бюрократическая система управления была упрощена, а государственный аппарат приобрел патримониальные черты³⁷; был усилен при этом и контроль за деятельностью местных властей. При императоре для решения важных государственных вопросов находился постоянный совет, или ассамблея. Состоял он из членов императорской фамилии, представителей высшей администрации, армии, духовенства и особо доверенных лиц василевса³⁸. Одной из его задач было избрание императора, которое в никейский период приобрело некоторые черты ранневизантийской обрядности: участие в церемонии знати, поднятие на щит. В империи, как и ранее, соблюдались обычаи назначения и коронации соправителя, миропомазания избранного императора³⁹. Вместе с тем возник и новый обычай: принесение знатью присяги на верность правителю и освящение ее церковью.

Социально-экономические реформы никейских императоров (укрепление и увеличение числа стратиотских и акритских поселений, рост доходов казны за счет императорских имений, пожалование в пронию земель, поощрение торговли и ремесленного производства) позволили создать боеспособное войско из греков и широко привлекать на службу наемников. Кроме того, прочная социальная опора в лице мелких феодалов, свободного крестьянства и торгово-ремесленных слоев при ослаблении центробежных сил феодальной знати способствовала укреплению внутривосточного положения в государстве, успехам на международной арене. А стабильность положения, экономическое благополучие и богатство прямо и косвенно влияли и на расцвет культуры в империи.

* * *

Политическая обстановка, в которой рождалось другое греческое государство — Эпирское царство, — была во многом схожа с ситуацией в Малой Азии после захвата Константинополя крестоносцами. Балканские провинции Византийской империи накануне ее падения еще в большей степени, чем Малая Азия, были охвачены феодальным сепаратизмом. Крупнейшие византийские роды полностью господствовали в западной части империи: в Эпире — Дуки и Ангелы, в Фессалии — Петралифы, в Южной Македонии — Комнины, на Пелопоннесе — Хамареты и Сгуры⁴⁰. {39}

Льву Сгуру, архонту Навплия, перед взятием Константинополя удалось овладеть Коринфом и Фивами, осадить Афины (*Nic. Chron. Hist.* P. 599—603). Его дальнейшее продвижение к Фессалии было остановлено рыцарями Бонифация Монферратского, овладевшего к тому времени уже всей Фракией. Вплоть до самой смерти в 1207 г. Лев Сгур стойко защищал Коринф, несмотря на то что значительная часть Греции была занята крестоносцами.

На Западе Балканского полуострова, куда рыцари из-за трудностей горных перевалов и естественных укреплений так и не смогли добраться, греческой знати удалось объединиться и начать отпор крестоносцам. Михаил Ангел Дука Комнин, возглавивший вместе с братьями это движение, стал основателем независимого греческого государства на Балканах. Возвышению Михаила I способствовал ряд факторов. Являясь незаконным сыном севастократора Иоанна

³⁶ Ангелов Д. К вопросу о правителе фемы в Эпирском деспотате и Никейской империи. // ВВ. 1951. Т. 12. С. 56—73.

³⁷ Angold M. J. Op. cit. P. 151—181.

³⁸ Rayboud L. P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantine sous les premiers Paléologues (1258—1354). P., 1968. P. 52—53.

³⁹ Жаворонков П. И. Избрание и коронация никейских императоров // ВВ. 1988. Т. 49. С. 55—59.

⁴⁰ Радић Р. Указ. соч. С. 247—261.

Ангела Комнина, дуки Эпира и Фессалии, Михаил был связан родственными узами с императорами династии Ангелов и крупнейшими феодалами в Греции — семьями Сенахиримов и Малиасинов. Его семья и сама обладала обширными владениями в Эпире. Накануне падения Константинополя он был дукой фемы Пелопоннес⁴¹. Все эти факторы позволили ему уже в начале 1205 г. объединить значительную часть Эпира под флагом борьбы с латинянами.

В последующие годы Михаилу I Ангелу, благодаря искусному маневрированию между Латинской империей, Венецией и папством, не только удалось сохранить свои завоевания в Эпире, но и расширить территорию государства за счет присоединения Западной Фессалии, отрезав тем самым Фессалоникское королевство (1209—1224) от латинской Греции. В 1215 г. он был убит, и власть над Эпиром принял его брат Феодор Ангел, до 1209 г. находившийся у Феодора I Ласкариса в Малой Азии. Воинственный и честолюбивый, он поставил перед собой задачу овладеть Константинополем. В течение нескольких лет он захватил всю Фессалию и в 1224 г. овладел Фессалоникой. Владения Эпирского царства простирались почти до Константинополя. Короновавшись в 1225 г. императором ромеев (коронацию совершил архиепископ Охрида Димитрий Хоматиан)⁴², Феодор Ангел бросил вызов Никейской империи.

Это был пик могущества и славы Эпирского царства. Поражение весной 1230 г. в битве при Клокотнице от войск болгарского царя Ивана II Асеня положило начало постепенному закату западного греческого государства. Оно распалось на две самостоятельные части: Фессалоникскую империю, просуществовавшую до взятия ее никейскими войсками в 1246 г., и собственно Эпирское царство со столицей в Арте под управлением Михаила II (1231—1268). Фактически оно состояло из самостоятельных владений прямых родственников Михаила II. Во второй половине 50-х годов XIII в. Эпир, захватив значительную часть западных балканских владений Никеи, попытался в последний раз в коалиции с латинскими государствами вступить в борьбу за византийское наследство, но осенью 1259 г. потерпел окончательное поражение. После восстановления Византийской империи Эпирское царство уже не представляло серьезной политической {40} силы. Значительно сократившись в размерах, оно просуществовало еще шесть десятилетий благодаря сложной международной обстановке в этом регионе, дипломатическому маневрированию и поддержке в разные периоды то латинских государств, то Византии, пока окончательно не было присоединено к империи Андроником III Палеологом в 1337 г.⁴³

В отличие от Никейской империи Эпир, по существу, представлял собой конгломерат независимых уделов, которые официально предоставлялись правителем государства своим ближайшим родственникам, чаще братьям и сыновьям. Так, при Феодоре Ангеле Южный Эпир находился в полной власти его брата Константина. При Михаиле II государство было поделено на три части между его сыновьями. Северным Эпиром, населенным в основном албанцами, управляли албанские вожди, находившиеся в вассальных отношениях с правителем Арты. Владельцы уделов были независимы в вопросах внутренней деятельности. Они собирали налоги, конфисковывали монастырские и церковные земли и имущества, смещали духовенство⁴⁴. Они обязаны были только поддерживать правителя Эпирского царства в вопросах внешней политики, являться к нему с войском. На практике и это часто нарушалось.

Своеобразие политического устройства государства обусловило и специфическую картину социально-экономической жизни общества. Господствующий класс был разобщен и менее зависел от контроля центральной власти. Владельцы родовых и пожалованных поместий были независимы в своих вотчинах. Прониары (практика пожалования земель в пронию в Эпире была развита менее, чем в Никее)⁴⁵ обладали судебным иммунитетом и бесконтрольно распоряжались в своих владениях.

Вследствие географических контрастов и этнического многообразия населения районы Эпирского царства отличались по уровню экономического развития. Наиболее были развиты области Южной Македонии, Фессалии и Южного Эпира с равнинными плодородными земля-

⁴¹ *Stiernon L.* Les origines du Despotat d'Épire // *REB.* 1959. Т. 17. P. 90—126.

⁴² *Karpozilos A.* The Date of Coronation of Theodoros Doukas Angelos // *Byzantina.* 1974. Т. 6. P. 251—261.

⁴³ *Nicol D. M.* The Despotate of Epiros 1267—1479. A Contribution to the history of Greece in the Middle ages. Cambridge, 1984.

⁴⁴ *Nicol D. M.* The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. P. 54—55.

⁴⁵ *Ostrogorsky G.* Op. cit. P. 87.

ми. Здесь располагались крупные феодальные владения знатных византийских родов (Комнинов, Ангелов, Дук, Петралифов), церкви и афонских монастырей. Большинство крестьян были зависимыми. Напротив, в районах Северного Эпира и Средней Македонии преобладало свободное крестьянское землевладение, а в среде албанского и влашского населения сохранялись пережитки родоплеменных отношений.

Этнический состав населения Эпирского царства был пестрым. Собственно Эпир и Фессалию населяли в основном греки, в Македонии преобладали славяне. На севере Эпира жили албанцы. В разных областях проживало немало влахов. Эта этническая пестрота с разным уровнем социальных отношений влияла на политическую стабильность государства и вела к острым противоречиям в обществе.

Страна сохранила прежнюю систему управления. Как и в Никее, во главе фем стояли дуки, выполняющие гражданские и судебные функции. Иногда власть дуки распространялась на несколько фем⁴⁶. Но в отличие {41} от Никейской империи эпирская церковь не была централизована. До образования Фессалоникской империи главой церкви Эпира считался навпактский митрополит, а после 1225 г. — охридский (болгарский) архиепископ. Тот и другой не желали признавать главенство никейского патриарха. Борьба между западным и восточным духовенством, порой принимавшая очень острые формы, привела в конце концов к расколу церковью⁴⁷, который удалось ликвидировать лишь политическими средствами — после разгрома Фессалоникской империи.

Вероятно, феодальная раздробленность, некоторыми чертами сходная с западноевропейской, политическая нестабильность и своеобразие социально-экономических и этнических отношений и процессов в какой-то степени оказали влияние и на развитие культуры греческого государства.

* * *

Трапезундская империя была основана в 1204 г. на овечьей легендами земле древнего Понта, в Южном Причерноморье. Уже в конце XI — первой половине XII в. там вместо прежней византийской фемы Халдия существовало полунезависимое от Константинополя княжество феодального рода Гавров. Окончательное отделение произошло одновременно с захватом Константинополя крестоносцами, когда силы децентрализации на Понте были поддержаны войсками грузинской царицы Тамары, стремившейся создать буферное государство на своих западных границах. Во главе новой империи встали внуки последнего византийского василевса из династии Комнинов Андроника I (1183—1185) Алексей и Давид, принявшие громкий титул Великих Комнинов⁴⁸.

Географическое положение империи, особые демографические, экономические и политические условия ее существования предопределили ряд специфических черт в развитии культуры. Область Понта изолирована от остальной части Анатолии довольно высокими горными хребтами, достигающими 2—3 (а на востоке и до 3,9) тыс. м над уровнем моря. Их цепи как бы барьером преграждают путь с юга на север. По пути в Трапезунд путешественникам и купцам приходилось преодолевать трудные горные перевалы, важнейшими из которых в пределах империи были Понтийские ворота и Зиганский проход. Рассматриваемый регион состоял из трех географических зон: узкой прибрежной полосы от реки Чорох до города Синопа с мягким субтропическим климатом, без резких температурных колебаний, с пышной растительностью и густым лесом, спускавшимся по склонам Понтийских гор; полосы высокогорных пастбищ (яйл) и, наконец, к югу от перевалов, засушливого плато, лишённого значительной растительности, со всеми признаками континентального климата и резкими перепадами температур между зимой и летом.

Основная часть населения империи проживала в первой географической зоне. Это были греки, лазы и армяне, занимавшиеся ремеслом, земледелием и скотоводством. Им противостояли многочисленные тюркские племена, находившиеся на стадии перехода от кочевничества

⁴⁶ Ангелов Д. Указ. соч. С. 61—62.

⁴⁷ Karpozilos. A. D. The ecclesiastical controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217—1233). Thessalonike, 1973.

⁴⁸ См.: Карпов С. П. От фемы Халдия — к империи Великих Комнинов // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 54—61 (АДСВ; Вып. 19).

ва к оседлости, {42} чье хозяйство оставалось по преимуществу скотоводческим. Тюркское население обитало главным образом во внутренних областях третьей зоны, но весьма часто обе культуры сталкивались во второй, контактной зоне, куда и туркмены, и трапезундские греки, и лазы выгоняли на выпасы скот. Здесь и разворачивалась жестокая борьба за преобладание, выливавшаяся в широкие военные действия и нашедшая отражение как в огузском героическом эпосе «Китаб-и Коркут», так и в «Трапезундской хронике» Михаила Панарета и в Трапезундской агиографии. Итак, этническая пестрота населения Трапезундской империи и постоянный контакт с мусульманским полукочевым населением составляли первый существенный фактор, повлиявший на развитие культуры Трапезундского государства.

По мере перехода к оседлости (особенно с середины XIV в.) туркменские племена начали образовывать эмираты на территории самой империи, преимущественно в ее западных областях — Джанике и Халивии, овладев бывшими трапезундскими крепостями Инеем, Лимнией и др. Трапезундские императоры признавали эти приобретения де-факто там, где не могли им воспрепятствовать, но стремились навязать новоявленным эмирам свой верховный сюзеренитет, превратить их в союзников, а то и в вассалов. При этом широко использовались династические связи, когда эмиры получали в жены славившихся красотой трапезундских принцесс. Английский ученый Э. Брайер справедливо заметил, что с XIV в. трапезундские императоры играли как бы двойную роль: византийского василевса для своих греческих и лазских подданных и мелика Джаника для подвластных мусульманских эмиров⁴⁹. С XIV в. западные и южные области Трапезундской империи фактически представляли собой чересполосные владения Трапезундского монарха, полунезависимых греческих и лазских феодалов и туркменских эмиров.

Столицей и экономическим центром империи Великих Комнинов был Трапезунд — крупнейший черноморский город-эмпорий. Важная международная ярмарка существовала здесь по крайней мере с X в., а в XIII—XV вв. торговое и промышленное значение Трапезунда еще более возрастает. Он, как и некоторые другие города империи (Керасунт, Иней), осуществлял важную роль в посреднической торговле Запада и Востока: ведь через территорию Понта шли главные магистральные пути, связывавшие страны Западной Европы с Персией, Месопотамией, Кавказом и Крымом. До распада державы ильханов в 30-е годы XIV в. Трапезунд был одним из самых главных пунктов восточного импорта на Запад. В дальнейшем росла его роль во внутрирегиональной торговле стран Черноморского бассейна. Торговля Трапезунда приносила весьма значительные доходы в императорскую казну через разработанную систему налоговых сборов — коммеркиев. Поэтому Великие Комнины заботились о поддержании постоянных торговых связей с державой ильханов, а затем, в XV в., с государствами Тимура и Ак-Коюнлу, равно как с Генуей и Венецией, несмотря на то, что иностранное присутствие было подчас чревато социальными взрывами и военными конфликтами с итальянскими морскими республиками, добивавшимися максимально широких торговых привилегий для своего купечества. {43}

Трапезунд являлся важным центром ремесленного производства. Здесь развивалось кораблестроение, металлообработка, ткачество, гончарное производство. Особой известностью пользовались трапезундские ювелиры. Большое значение имела добыча квасцов и серебра на территории империи и в прилегающих районах. Однако развитие местного ремесла было главным образом ориентировано на обслуживание международной посреднической торговли и на удовлетворение нужд горожан и сельской округи в орудиях труда, обуви и т. д., но не на широкий экспорт (исключая квасцы и, возможно, кожевенные изделия). В городах благодаря присутствию греческих, итальянских, персидских и армянских купцов и ремесленников осуществлялся широкий обмен производственным опытом, шел процесс ознакомления с достижениями культуры соседних народов и западноевропейских стран.

Понт был одним из наиболее населенных районов византийского мира. Плотность его населения в области Мацука доходила до 60 человек на 1 кв. км, а в Трикомии — до 125 человек. В XV в. по людским ресурсам Трапезундская империя являлась самым крупным греческим государством⁵⁰.

⁴⁹ Bryer A. The Empire of Trebizond and the Pontus. L., 1980. N V. P. 113—148.

⁵⁰ Continuity and change in late byzantine and early ottoman society / Ed. by A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Dumbarton Oaks, 1986. P. 57—58.

В экономике Понта земледелие играло значительную роль. В южных областях (Хериана, Халдия, район Пайперта) в долинах по течению рек и на побережье, там, где горы не слишком круто обрывались в море, а также на склонах гор, обильно орошаемых небольшими реками и ручьями, располагались плодородные пашни. Однако после того как Хериана и Пайперт перешли в руки сельджуков, Трапезундская империя лишилась основного района, производившего хлеб. И хотя трапезундские источники, в частности акты Вазелонского монастыря, упоминают о выращивании пшеницы и ячменя (ВА. № 3, 37, 45, 49, 50, 89, 102, 104 и др.), хлеба не хватало и его приходилось ввозить из Северного и Восточного Черноморья. Использовались и внутренние ресурсы: расчищались и распахивались новые участки лесистой местности, поднималась новь.

Гораздо бóльшую роль в экономике играли виноградарство и виноделие, дававшие товарную продукцию. Развитыми были садоводство и оливководство, выращивание и сбор лесных орехов (высоко ценимых в международной торговле) пастбищное и стойловое скотоводство, лов рыбы. Товарный характер имело также производство воска (помимо вина, оливкового масла и лесных орехов).

В XIII — середине XIV в. на Понте шел процесс наступления феодального землевладения на крестьянскую общину, происходило окончательное оформление крупной и мелкой феодальной вотчины, подчинение общинного самоуправления феодалу. Хотя встречались и отработочные повинности, преобладающей формой эксплуатации крестьян оставалось взимание ренты и государственных налогов в денежной и натуральной формах. Крестьянство втягивалось в товарообмен с городом, но масштабы и характер этого товарообмена трудно уяснить из-за отсутствия соответствующих данных в имеющихся источниках.

Не случайно в 40—50-е годы XIV в., когда в основном завершился процесс консолидации вотчин, резко усилился партикуляризм трапезундской {44} знати, приведший к гражданским войнам в империи (1340—1355). Императорская власть вышла победительницей из этих войн. Процесс укрепления централизации происходил здесь, как и в Западной Европе, через собиранье императорского домена, но, конечно, в неизмеримо более миниатюрных масштабах. Даже после его завершения в пограничных областях, особенно в Халдии, продолжали существовать полунезависимые от императоров крупные феодальные владения игравшие, впрочем, заметную роль в обороне империи.

В 40-е годы XV в. над Трапезундской империей был уже занесен меч османской угрозы. Великие Комнины, стремившиеся вначале к установлению дружественных отношений с султанами, оказались затем одними из инициаторов создания антиосманской коалиции, куда вошли государства Ак-Ююнулу, эмират Джандаров в Пафлагонии и Синопе, Караман, грузинские земли. Коалицию поддерживали папы и некоторые западноевропейские государства. Эта помощь, однако, не была эффективной. В 1461 г. Мехмед II взял Трапезунд, разгромив до этого поодиночке войска союзников. Трапезундская империя перестала существовать. {45}

2

Культура Никейской империи

Культурные центры Никейской империи находились на востоке, в городах Малой Азии, с их богатой и славной историей. Главный из них — Никея — занимал важное военно-стратегическое положение (на пересечении шести дорог, всего в 70 км от Константинополя), в нем проживало 25—30 тыс. человек. Хотя он и не стал позднее столицей восстановленной империи, но зато по праву считался центром науки и искусства и трижды в течение XIII в. прославлялся в «Похвальных словах» городу — Феодором II Ласкарисом, Феодором Метохитом и Константином Акрополитом. Однако неумолимое время и бурные события не пощадили некогда великолепной и цветущей Никеи. Дворцы и храмы, которыми она славилась и которые вызвали восхищение, к настоящему времени уже не сохранились. В начале 20-х годов нашего века еще существовали церковь Успения с великолепными мозаиками IX в. и храм св. Софии, но и они вскоре были уничтожены. Сохранились только полуразрушенный пояс крепостных укреплений, засыпанные землей и заросшие кустарником фундаменты и мозаичные полы

церквей и храмов, относящихся к разным эпохам. Та же участь постигла памятники никейского периода и в других малоазийских городах. Некоторое исключение составляет военная архитектура.

Поэтому трудно на основании лишь скудных, кратких и часто глухих свидетельств нарративных источников, повествующих о бурной строительной деятельности никейских императоров, и на основании немногих археологических открытий последнего времени дать полную картину развития архитектуры в Никейской империи. Многие вопросы ее формирования остаются в области предположений и догадок.

К началу XIII в. в самой Никее имелось множество церквей и монастырей. Гордостью города был храм св. Софии, в котором заседали Первый и Седьмой (Второй Никейский) вселенские соборы. При монастыре Иакинфа, известном уже с VIII в., существовала церковь Успения Богородицы с великолепными мозаиками в алтарной части, реставрированными в середине IX в. Навкратием, игуменом Студийского монастыря.

Строительная деятельность в Никее при Ласкарисах началась с середины 20-х годов XIII в.: от эпохи Феодора дошло лишь одно глухое и неясное упоминание, возможно, о постройке близ города храма «Алтарь Милосердия». Хотя Никифор Григора говорит только о возведении Иоанном III Ватацем храма в честь Антония Великого (*Greg.* P. 44. 19), однако на основании стихов Никифора Влеммида, написанных в 20-е годы в честь Сосандрского монастыря и прославляющих деятельность Ватаца в Никее, {46} которую он «всю изукрасил», можно предположить, что масштабы строительства при Иоанне III были более значительными. В царствование Феодора II в городе на месте старой кирпичной церкви был построен храм св. Трифона (*Scut.* P. 291. 11—15)¹.

Внутри городских стен вдоль улиц теснились высокие дома, многочисленные бани, больницы и богадельни, многие из которых были построены никейскими императорами. Улицы в Никее — прямые и широкие — сохраняли античную планировку².

Другим местом храмового и монастырского строительства никейских императоров был район Магнезии, прежде небольшой крепости, а теперь расширенной и сильно укрепленной, ставшей базой для военных походов и местом хранения императорской сокровищницы. Вблизи Магнезии около 1225 г. Иоанном III был основан посвященный Христу Спасителю Сосандрский монастырь. Он был его любимым монастырем и усыпальницей Ласкарисов, сначала находившейся в монастыре Иакинфа в Никее. Возле Сосандрского монастыря жена Ватаца Ирина построила Кузинский монастырь Богородицы. Имеются свидетельства и о строительстве Ириной в Пруссе храма в честь Иоанна Крестителя.

Однако все эти факты говорят лишь о масштабе строительства и не позволяют решить вопрос об архитектурном стиле и устройстве храмов. Некоторый свет на это проливают недавно открытые руины церкви «Е» в Сардах, построенной в 50-е годы XIII в. Фундамент храма был сложен из уже использовавшегося тесаного камня и кирпичей, связанных известковым раствором. Изучение сохранившихся фрагментов показывает, что внешний вид храма был отделан многоцветной кирпичной кладкой. Декоративное использование кладки — традиция раннего средневековья, вошедшая в моду в XII—XIV вв. Церковь представляла собой типичную крестово-купольную постройку «сложного» типа с нарфиком. Храм был семикупольным, с пятигранной средней апсидой и полукруглыми боковыми. Фасады расчленялись двуступенчатыми пилястрами и были украшены кирпичным узорочьем³.

План храма «Е» в Сардах близок к храму Апостолов в Фессалонике (конец XIII в.), который создавался под влиянием столичного зодчества XI/XII вв. Дальнейшее изучение храмовой архитектуры Никейской империи, выявление ее стилевых особенностей и характерных черт станет возможным только на основе широких археологических раскопок. Вероятнее всего, она опиралась на византийские традиции XII в., в основном Константинополя, привнеся в разработку фасада новые черты — усложненность и обилие декора.

Памятников дворцовой архитектуры эпохи Никейской империи известно два: Нимфейский императорский дворец и дворец в Магнезии. Последний, находившийся на вершине хол-

¹ Παπαδόπουλος Ί. 'Ο ε;ν Νικαία τη;ς Βιθυνίας ναο;`ς τοῦ α;γίου Τρύφωνος // ΕΕΒΣ. 1952. Τ. 22. Σ. 110—113.

² Janin R. Nicée: Etude historique et topographique // EO. 1925. Τ. 24. Ρ. 482—490.

³ Buchwald H. Sardis Church E. A Preliminary Report // JÖB. 1977. Bd. 26. Ρ. 265—299.

ма в верхней цитадели города, не сохранился до нашего времени. Развалины же Нимфейского дворца и поныне возвышаются среди полей близ города. Он был возведен в первые годы правления Иоанна III Ватаца, после того как император сделал Нимфей своей любимой резиденцией. {47}

Здание, построенное у подножия холма в форме простого прямоугольника, было четырехэтажным. Первый этаж представляет собой массивный цоколь, сооруженный из огромных камней, что характерно для римской архитектуры, но стиль кладки указывает на повторное использование строительного материала. Двухметровая толщина стены первого этажа с узкими окнами, служившими бойницами, придавала зданию вид крепости. Сохранившиеся арки и паруса сводов, так же как и наличие столбов, говорят о том, что первый этаж имел посередине ряд колонн, которые разделяли прямоугольное пространство на более мелкие сводчатые помещения⁴. Начиная со второго этажа, фасад здания сложен из пятирусных полос кирпичей, а за ним следует ряд обтесанного песчаника. Второй этаж, где находилась главная зала, и третий были также сводчатыми, на что указывает использование тяжелых стальных пилястров между окнами.

Все четыре фасада характеризуются геометрической простотой, не нарушаемой ни карнизами, ни аркадами, и производят впечатление элегантности. Декоративной особенностью фасадов является регулярное чередование с уровня второго этажа равных по ширине горизонтальных слоев темно-красного кирпича со светло-серым тесаным камнем. Эти слои шли параллельно друг другу через все четыре стены. Кроме того, какая-то часть дворца была украшена керамическими глазурованными плитками с многоцветным орнаментом. Каждый этаж со второго по четвертый (последний сохранился частично) имел по шесть симметрично расположенных окон на западной и восточной сторонах и по два — на южной и северной. По монументальной лестнице, находившейся в северной части здания параллельно северному фасаду, можно было подняться на второй этаж и попасть в дворцовую залу⁵.

Внутреннее и внешнее устройство Нимфейского дворца имеет много общих черт с дворцом Мануила Комнина во Влахернах. У обоих — массивный первый этаж, монументальная лестница, этажи делятся колоннами на сводчатые помещения, окна расположены в полукруглых нишах. Преднамеренные или произвольные, но заимствования очевидны.

Несколько лучше нам известна военная архитектура Никейской империи. Непрерывные войны, особенно в первое десятилетие существования государства, с латинянами и сельджуками заставляли императоров постоянно заботиться об укреплении городов и пограничной полосы с Иконией. Сама Никея была защищена мощной стеной еще римского времени с четырьмя воротами, высокими многочисленными башнями и рвом. Однако землетрясения и разрушения во время военных действий вынуждали византийских императоров подновлять укрепления города. Последнее укрепление оборонительных сооружений Никеи связано с деятельностью Феодора I Ласкариса. В 13—16 м от основной стены по всему периметру крепостного пояса была воздвигнута передняя стена толщиной 1,5—2 м с небольшими башнями напротив башен основной стены. Главные ворота передней стены защищались двумя более мощными башнями с бойницами. При их строительстве использовались полевые камни, чередующиеся с ровными рядами кирпичей. В то же время в самой передней {48} стене и остальных башнях присутствует хаотичный набор кирпичей, полевых камней и гальки, связанных строительным раствором⁶. Вероятно, отсутствие необходимого количества кирпичей либо необходимость быстрого возведения стены не позволяли заботиться о красоте внешнего вида. Такой чисто утилитарный подход к военным архитектурным сооружениям мы встретим и в некоторых других памятниках эпохи.

Файл byz3_49.jpg

Император Феодор II Ласкарис (1254—1258)

⁴ *Eyice S.* Le palais byzantin de Nymphaion près d'Iznik // Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongress. München, 1960. P. 150—151.

⁵ *Buchwald H.* Lascarid Architecture // JÖB. 19979. Bd. 28. P. 265—267.

⁶ *Karnapp W.* Das Istanbul der Stadtmauer von Nicaea-Iznik: Rekonstruktionsversuch der Bauzustandes im 13. Jahrh in perspectivischer Darstellung // Mansel'e Armağan-Mélanges Mansel. Ankara, 1974. Bd. I. S. 224—225.

С конца царствования Феодора I и особенно при Ватаце все более существенную роль в политической и культурной жизни государства начинают играть южные малоазийские города. Центром становится Нимфей — постоянная резиденция Иоанна III. Именно здесь принимались посольства и заключались договоры.

Близость к сельджукской границе и постоянная опасность вторжения с юга туркменских кочевых племен заставляли никейских императоров заботиться о безопасности городов. Ни один район страны не представлен таким количеством остатков памятников военной архитектуры эпохи Ласкарисов. Не только в пограничных и соседних с ним городах, таких, как Триполи, Меония, Сарды, Филадельфия, но и в прибрежных началось быстрое возведение новых и обновление уже имеющихся крепостных укреплений. В первую очередь отстраивались крепости на вершине господствующего над городом холма. Так, в Эфесе Ватац в начале своего правления заново перестроил старые юстиниановские стены вокруг холма Иоанна, а на его вершине возвел сильную крепость с цистернами и маленькой церковью. В это время шло строительство крепостей в Смирне и Милете. В Милете оборонительные сооружения располагались на холме, рядом с руинами крупнейшего в Малой Азии античного театра. Построенные крепости делили город на две части — слабо укрепленную жилую часть и цитадель, {49} защищенную мощными стенами с башнями. Город приобретал классический средневековый вид.

Черты, присущие военной архитектуре приморских городов, были характерны и для близлежащего Нимфея, города, переживавшего свой наивысший расцвет как южная «столица» империи. На вершине холма была построена большая крепость, частично дошедшая до нашего времени. Она состояла из нижнего и верхнего поясов укреплений. Изучение сохранившихся остатков показывает, что строительство крепости велось с разной степенью добротности и тщательности. Если южная сторона нижней стены сложена из аккуратно высеченных камней и чередующихся с ними горизонтальных рядов кирпичей, то в западной стене небрежно уложенные камни соседствуют с неровными и неодинаковыми рядами кирпичей. В еще большей степени небрежность и торопливость заметна в сооружении стен и башен верхнего пояса укреплений, где чередование рядов кирпичей и камня часто вообще отсутствует⁷.

Одним из значительных памятников военной архитектуры Ласкарисов являлись сооружения Магнезии, города, расположенного в 20 км к северу от Нимфея и оспаривавшего у него славу южной «столицы» империи. Подобно другим малоазийским городам, Магнезия была защищена крепостью, построенной в первое десятилетие царствования Ватаца. Как и в Нимфее, крепость включала нижний и верхний пояса укреплений. Из уцелевших участков верхней крепости наибольшее впечатление производит северо-западная стена с тремя прямоугольными башнями, самая большая из которых покрыта отшлифованными мраморными плитами. В башнях южной верхней стены часто применяется для украшения кладка кирпича в два горизонтальных слоя с одним вертикальным, что представляет собой упрощенный меандр. Во всех остальных случаях кладка сохранившихся стен и башен не отличалась от характерных образцов данной эпохи — чередование одного или несколько горизонтальных слоев кирпича со слоем необработанного полевого камня⁸.

При всем разнообразии стилей военной архитектуры Никейской империи были присущи и некоторые общие принципы. Стены, как правило, были простыми: ряды необработанных камней чередуются с рядами целых или битых кирпичей. Более тщательно отделялись и даже декорировались (декоративными кирпичом, мраморной плиткой и тесаным камнем) лишь башни и ворота, причем главным образом в «императорских» городах: Нимфее, Магнезии, Триполи и Смирне. Крепостные сооружения Никейской империи не были выдающимися памятниками архитектуры. Ограниченность времени и ресурсов у империи при постоянной угрозе со стороны искусных в технике осадной войны туркменских племен вынуждала создавать не шедевры, а утилитарные оборонительные сооружения, способные обеспечить и обеспечивавшие мир в Малой Азии.

Письменные источники донесли до нас упоминание о великолепии внутреннего убранства храмов Никейской империи, о мозаиках и фресках, украшавших их. Особенно богато были декорированы внутренние помещения Сосандрского монастыря, ныне уже не существующего. Никифор Влеммид в оде, посвященной окончанию его строительства, воспекает {50}

⁷ Foss C. Late Byzantine Fortifications in Lydia // JÖB. 1979. Bd. 28. P. 311—312.

⁸ Ibid. P. 309, 317.

красочность фресок и мозаик, среди которых находилось изображение Пантократора и василевса, подносящего Спасителю церковь. В алтарной апсиде была помещена фреска с изображением ангела Господня — явное подражание колоссальной фигуре архангела константинопольской св. Софии. Вероятно, монастырь украшала и фреска с известной сценой: Авраам, принимающий трех странников (ветхозаветная Троица) (*Nic. Blem.* P. 117. 84—118. 96).

Известно, что стены крестово-купольной церкви “Е” в Сардах были украшены фресками: сохранилось изображение креста. Внутри церкви найдены стеклянные цветные кубики из настенной мозаики. Стены и пол храма св. Трифона в Никее также были украшены великолепными мозаиками, фрагменты которых обнаружены при раскопках.

Пока единственным дошедшим до нас (в описании и рисунках М. В. Алпатова) образцом настенной никейской живописи являются фрагменты фресковых росписей в южном куполе церкви св. Софии. По мнению М. В. Алпатова, исследовавшего фрески в середине 20-х годов XX в. и оставившего несколько их зарисовок, вся художественная композиция производит архаическое впечатление. Из всей росписи, покрывающей не только купол между двумя окнами (изображение апостолов и архангелов), но и парус свода и даже стены, лучше всего сохранились изображения апостола на куполе и молодого мученика на стене. Апостол, одетый в серо-зеленую тунику и серовато-красный омофор, напоминает античного оратора. В изображении молодого мученика впечатляют большие глаза, которые устремлены на зрителя, но зеленые тени, «унаследованные» от античности, не передают пластичности и объема фигуры. По мнению М. В. Алпатова, как в линейной системе изображения религиозных картин, так и в трактовке отдельных лиц видно, скорее всего, влияние малоазийской живописи XII в.⁹

Из письменных источников давно было известно о высоком уровне образования и просвещения в Никейской империи, создании школ и скрипториев, заботе о писцах, переписывании и собирании древних кодексов, за которыми ездили даже в Эпир. Однако почти до начала 60-х годов нашего столетия нельзя было сказать ничего конкретного о рукописях никейского скриптория. И только в последние десятилетия усилиями кодикологов и историков византийского искусства выявлена и с каждым годом пополняется обширная группа (сейчас в ней около 100 кодексов) иллюминированных рукописей. В науке она получила название Чикаго-Карахиссарская по имени двух наиболее выдающихся памятников книжного искусства: Нового завета в библиотеке Чикагского университета (№ 965) и Карахиссарского Евангелия в ГПБ в Ленинграде (греч. 105).

Еще недавно отдельные рукописи из этой группы безоговорочно относились к раннепалеологовским (1261—1300). Однако исследования К. Вейтцмана¹⁰, О. Демуса¹¹, Г. Бухталя¹², В. Г. Пуцко¹³, Б. Л. Фонкича¹⁴, {51} Г. Прато¹⁵ подвергли сомнению как саму датировку, так и место их создания. Единого мнения нет, но большинство ученых считают, что наиболее вероятным временем создания этой группы рукописей является конец XII — середина XIII в., причем подавляющее большинство написано в Никейской империи. Некоторые из рукописей имеют датированные пометы. Дальнейшие исследования позволят, вероятно, прояснить уточнения датировок каждой из многочисленных рукописей этой группы и, вероятно, определить, в каких именно скрипториях они были созданы. Пока же приходится говорить о ней как едином целом, созданном в значительном большинстве в никейский период.

⁹ *Alpatoff M. V.* Les fresques de Sainte-Sophie de Nicée // EO. 1926. T. 15. P. 43—45.

¹⁰ *Weitzmann K.* Constantinopolitan book illumination in the period of the Latin Conquest *Gazette des Beaux-Arts*. 1974. T. 25. P. 193—214.

¹¹ *Demus O.* Die Entstehung des Paläologenstils in der Malerei // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinistenkongress*. München, 1958. S. 1—63.

¹² *Buchthal H.* An Unknown Byzantine Manuscript of the thirteenth Century // *The Connoisseur*. 1964. Vol. 155. P. 217—224.

¹³ *Пуцко В. Г.* Византийские лицевые рукописи Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина // ВВ. 1982. Т. 43. С. 106—123; *Он же.* Византийские иллюминированные рукописи Чикаго-Карахиссарской группы в Москве (ГИМ. Син. греч. 387 и 220; Муз. 3646) // ВВ. 1984. Т. 45. С. 168—184.

¹⁴ *Фонкич Б. Л.* К вопросу о кодикологическом изучении рукописей Чикаго-Карахиссарской группы // *Древнерусское искусство: Рукописная книга*. М., 1983. Т. 3. С. 300—302.

¹⁵ *Prato G.* La produzione libraria in area greco-orientale nel periodo del regno latino di Constantinopoli (1204—1261) // *Scrittura e civiltà*. 1981. Vol. 5. P. 105—147.

По стилю и характеру письма рукописи тяготеют к каллиграфической традиции второй половины XII в. Это объясняется как тем, что профессиональные навыки никейские писцы получили еще в константинопольском скриптории, так и сознательным стремлением сохранить в Никее установленные в захваченной латинянами столице традиции письма. Подавляющее большинство рукописей является иллюминированными кодексами, а по содержанию — списками Нового завета, Евангелий, Псалтири. Но есть среди них рукописи юридического характера (Пандекты Антиоха), философские («Физика» и «О небе» Аристотеля), нравоучительные («Моралии» Плутарха), догматико-канонические (Евфимий Зигавин, Догматическое всеоружие, Канонический сборник). Появление большого числа богословских рукописей было вызвано, вероятно, той ожесточенной борьбой с латинянами и их вероучением, которая разгорелась сразу после взятия Константинополя в 1204 г.

Исходя из художественного значения миниатюр этой серии рукописей, остановимся подробнее на некоторых кодексах. Евангелие из Карахиссара (ГПБ, греч. 105) содержит 57 миниатюр с евангельскими сценами, и среди них довольно редкие для византийской живописи предшествующих веков: полуфигура прислоненного к кресту Спасителя, «Проклятие смоковницы», «Петр у гроба Христа» и др. Особенностью миниатюр этого Евангелия является и частое отступление от канонической композиции сцен. Так, в сцене «Сретение» дано только поясное изображение Симеона, держащего на руках младенца Иисуса Христа, но нет Богородицы и Иосифа. Отказ от многофигурных сцен, поясное изображение фигур вместо обычного — в полный рост, иллюстрирование второстепенных эпизодов, введение новых персонажей в каноническую композицию (в миниатюре «Христос перед Пилатом» появляется изображение Анны Пророчицы, в сцене «Исцеление бесноватого» последний изображен связанным), попытки показать обнаженное человеческое тело¹⁶ — все эти художественные приемы, необычные для иконографии предшествующего времени, станут в дальнейшем характерными для византийской живописи. {52}

Евангелие с Деяниями и Посланиями апостолов из того же ленинградского собрания (греч. 101) написано в XII в. в Константинополе, но его миниатюры были переписаны в первой половине XIII в. в Никее. Новым и необычным в миниатюрах, изображающих евангелистов, является введение в композицию довольно сложных форм архитектуры. Композиция часто усложняется изображением фигур евангелистов рядом с апостолами. Иногда художник при передаче фигур евангелистов ограничивается только символами — ангел, бык, орел, что было типично для западноевропейского искусства и говорит о его влиянии на византийскую живопись XIII в.¹⁷

В композициях сцен обоих Евангелий заметно стремление показать движение, изобразить лица живыми и выразительными. В большинстве случаев миниатюры прекрасны, отличаются лаконизмом, сдержанностью и мягкостью тонов.

Новые веяния чувствуются и в миниатюрах Евангелий в Национальной библиотеке в Афинах (Cod. 118) и Университетской библиотеке в Принстоне (Garret 2), где присутствуют большая свобода фигур в пространстве, пластичность тел и естественность складок одеяний.

Миниатюры в рукописях Чикаго-Карахиссарской группы дают много серий изображений евангелистов. Многие схожи по иконографии, близки стилистически, но не тождественны. Можно даже выделить несколько индивидуальных манер. Вероятно, скрипторий или скриптории не имели еще устоявшихся традиций, художники пользовались в качестве образцов различными рукописями X—XII вв., что привело к множеству иконографических вариантов¹⁸.

В тех случаях, когда художник копировал старые модели с их статуарной постановкой фигур, миниатюры отличаются плоскостностью, графическая трактовка лиц и складок одежды, архитектура и пейзаж сводятся к немногим стандартным типам. Таковы сцены в рукописях Нового завета с Псалтирью в Национальной библиотеке в Париже (Suppl. gr. 1335) и Британском музее (Add. 11836), выполненные в поздних комниновских традициях¹⁹. Однако чаще никейские художники брали в качестве образца книжное искусство X в. и предшествующего периода с его антикизирующим стилем, экспрессивностью фигур, рельефностью складок, сме-

¹⁶ Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв. М., 1981. С. 207—210.

¹⁷ Там же. С. 210.

¹⁸ Пуцко В. Г. Византийские иллюминированные рукописи... С. 173.

¹⁹ Лазарев В. Н. История византийской живописи. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 126.

лыми и широкими мазками. Радикально перерабатывая старые образцы для решения новых художественных задач, они порвали с комниновскими традициями и заложили основы зрелого палеологовского стиля²⁰. В качестве примера таких произведений книжного искусства можно привести уже рассмотренные выше Евангелие из Карахиссара и Евангелие с Деяниями и Посланиями апостолов, а также Новый завет в Чикаго, ряд миниатюр евангелистов Матфея и Луки в Четвероевангелиях, где они изображены экспрессивно, в состоянии вдохновения. Однако даже в лучших кодексах, выполненных квалифицированными рисовальщиками, чувствуется, что они создавались в ускоренном темпе, чтобы в короткие сроки выполнить «политический заказ» молодого го-^{53}сударства, оказавшегося перед лицом военной и духовной латинской экспансии.

Таким образом, можно с определенной уверенностью констатировать, что в изобразительном искусстве Никейской империи существовали три стиля: местный, или консервативный, базирующийся на малоазийской живописи XII в. (фресковые росписи св. Софии в Никее); традиционный, исповедующий комниновский стиль; передовой, предпалеологовский. Последние два стиля прослеживаются в памятниках книжной миниатюры. При этом необходимо сказать следующее. Даже в консервативном стиле фресковых росписей св. Софии мы уже видим применение антикизирующих элементов — зеленый цвет, апостол, напоминающий античного оратора. Едва ли это было случайным. В значительной степени антикизирующие элементы проявились в передовом стиле книжного искусства, которое сознательно опиралось на эллинистическое наследие.

Главный вывод, который можно сделать, состоит в том, что уже в Никейской империи начался отход от законченной стилизации, схематической линейности и плоскостной трактовки пространства и наметился процесс объединения новых стилистических элементов (целостное пространственное построение, неразрывность фигуры с архитектурой, которая становится объемной, усложнение пейзажа, применение кривых и изогнутых линий, экспрессивность и эмоциональность фигур) в единое и органическое целое²¹.

Бегство в Никейскую империю из Константинополя и с Балкан высокообразованных людей, в том числе «ипата философов» Димитрия Карика, способствовали тому, что изучение философии, существование философской школы и даже некоторое ее развитие не прекратились после 1204 г. Заслуга в этом прежде всего принадлежит двум крупнейшим ученым XIII в.: Никифору Влеммиду и Феодору II Ласкарису.

Имя Никифора Влеммида, философа, писателя, ученого и богослова, первого энциклопедиста предпалеологовской эпохи, прочно вошло в историю византийской культуры. Он родился в 1197 г. в Константинополе. После взятия города крестоносцами вместе с родителями переселился в Малую Азию. Переходя из города в город (Прусса, Никея, Смирна, Эфес, Нимфей), он изучает под руководством местных учителей грамматику, арифметику, геометрию, физику, астрономию, риторику и поэзию, медицину, занимается врачебной практикой и в 1223 г. завершает учебу в Скамандре у оставившего Константинополь философа Иллариона Продрома, совершенствуясь в логике и философии. Дальнейшее образование он получил самостоятельно, изучая речи знаменитых ораторов и сочинения философов.

Знания и эрудиция Влеммида были замечены при никейском дворе, и, когда в 1234 г. начались переговоры с папскими легатами о союзе церковей, он становится одним из активнейших участников этих переговоров, занимая пролатинскую позицию. Вскоре Никифор принимает монашество и по поручению императора Иоанна III Ватаца обращается к педагогической деятельности. Среди его учеников — знаменитый впоследствии историк и политический деятель Георгий Акрополит. После ^{54}возвращения с Балкан, куда император посылал его

Файл byz3_55.jpg

*Императоры Иоанн III Ватац, Феодор II Ласкарис, Иоанн IV Ласкарис.
Миниатюра в Хронике Зонары 1-й четверти XVI в.
Модена, Библиотека Эстензе, gr. 122. Фрагмент.*

собрать и покупать книги, Влеммид становится воспитателем сына Иоанна III — Феодора. Но столкновения с охладевшим к нему императором заставили Никифора в 1249 г. уйти в постро-

²⁰ *Detus O.* Op. cit. S. 26—31; *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 128—129.

²¹ *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 124; *Лихачева В. Д.* Указ. соч. С. 211.

енный им монастырь. Здесь он основал школу и занимался воспитанием юношей. В монастыре, из которого он никуда не выезжал, ведя обширную переписку, особенно с Феодором II, им создано большинство произведений. Даже после возвращения византийцами Константинополя в 1261 г. Влеммид не покинул монастырь, где в 1272 г. скончался на руках монахов.

Среди большого количества сочинений никейского энциклопедиста (автобиография, политические трактаты, поэтические произведения, сочинения по географии, медицине, астрономии, богословию, эпистолярные произведения и т. д.) именно трудам философского характера было суждено оставить заметный след в истории поздневизантийской и западной средневековой культуры. Из четырех его философских трудов выделяются «Сокращенная логика» (PG. T. 142. Col. 676—1005) и «Физика краткая» (Ibid. Col. 1005—1320). Несмотря на то что оба произведения были созданы в 1260 г. как учебники, их значение намного шире. Используя в качестве основы труды античных и ранневизантийских философов и ученых («Ортагон» и «Физику» Аристотеля, «Исагогу» Порфирия, сочинения Платона, Птолемея, Симпликия и Филопона), Никифор Влеммид в определенной степени критически оценивает многие философские суждения, исходя из основной идеи, которая состоит в том, что проблемы античной науки должны модифицироваться на основе христианского учения о мире.

В определении пользы изучения философии, самой важной из наук, стоящей во главе всех искусств и знаний, Влеммид не был оригинальным. {55}

Следуя за своими предшественниками (Иоанн Дамаскин, Михаил Пселл и др.), он понимал под философией, как и ранее, всю совокупность наук. «Философия,— писал он,— делится на умозрительную и практическую. Умозрительная познает сущее, практическая улучшает нравы; цель умозрительной — правда, цель практической — благо... Умозрительная философия делится на философию о естестве, математику и богословие... Наука естественная занимается исключительно вещественным, богословие — исключительно невестественным, а математика — предметами, имеющими вещественную и невестественную сторону... Математика делится на арифметику, музыку, геометрию и астрономию... Практическая философия делится на этику, экономию и политику. Она осуществляется на практике посредством законодательства и правосудия» (Ibid. Col. 729—734). Философское знание, по мысли Влеммида, особенно полезно для правителя. Только император-философ может хорошо управлять подданными.

Значительное место в философских трудах Влеммида занимают вопросы движения, конечного и бесконечного, времени и пространства. Соглашаясь с определением Аристотеля, что основной вид движения — перемещение тел в пространстве, которое может быть простым или сложным вне всякой зависимости от простоты или сложности самого тела, Влеммид расходился с ним в определении причины естественного движения. Аристотель связывал естественное движение с природными свойствами элементов: земля, вода, воздух тяжелы, а поэтому их естественное движение — прямолинейное движение к центру мира. Четвертый элемент — огонь — абсолютно легкий, и поэтому его движение — от центра мира. Никифор Влеммид критиковал эти аристотелевские суждения и утверждал, что причиной естественного движения является не тяжесть или легкость элемента, а его родство ($\sigma\iota\kappa\epsilon\iota\omega\sigma\iota\varsigma$) с определенным состоянием и стремлением каждого элемента к своей целостности. Поэтому все четыре элемента не имеют никакого другого естественного движения, кроме тенденции к объединению в единое целое. Их естественное состояние — покой. Исходным пунктом теории Влеммида о естественном движении были идеи неоплатоников, в частности Плотина. Эта теория в дальнейшем оказала значительное влияние на взгляды западноевропейских ученых — Николая Кузанского и Кеплера.

В осмыслении законов и явлений физического мира Никифор Влеммид в большинстве случаев следует за Аристотелем, но только до тех пор, пока определения античного философа не противоречат христианскому учению о мире. Критике подвергаются теории Аристотеля и его последователей о разделении мира, своеобразии небесной субстанции и определении эфира как пятого элемента космоса. Возражая Аристотелю, Влеммид пишет: «В небесной сфере находятся элементы огня и земли. Но поскольку эти два элемента являются крайними и нуждаются в элементах средних, то средние элементы — вода и воздух — осуществляют связь между элементами крайними» (Ibid. T. 142. Col. 1217). Этот тезис никейского философа близок, по его собственным словам, к неоплатоновской точке зрения на небесную субстанцию, которая представляет собой «массы светил, состоящих из крайних элементов... участвующих в видимом

и осязаемом, причем видимое обязано своим существованием огню, а осязаемое — земле» (Ibid. Col. 1216). {56}

Опровергая аристотелевское учение о простоте неба, Влеммид исходил из тезиса о сложной природе всех видимых вещей, а также из христианской точки зрения первого неба, которое заключает в себе весь созданный мир. Это первое небо невидимо, и оно является телом, которое существует только в себе, включая и сферу неподвижных звезд, т. е. второе небо, совершающее медленное движение с востока на запад.

В учении о строении мира взгляды Влеммида хотя и соответствовали основным положениям древнегреческой космологии, согласно которой мир состоит из непостоянных и разрушимых феноменов, с одной стороны, и вечной и постоянной субстанции — с другой, однако существенно преломлялись под углом зрения христианского учения о Боге и небе. Если для античной философии совершенным является законченное и ограниченное само в себе тело, то совершенство Бога, по мысли Влеммида, заключается, напротив, в бесконечности и неограниченности, в его главенстве над всем космосом. «Бесконечным,— указывает философ,— остается только божественное, которое не делится и является само по себе совершенным и бесконечным» (Ibid. Col. 1216).

Христианское понимание разделения мира на конечное и бесконечное позволяло одновременно умалять значение космоса, не затрагивая законченной картины мира античной космогонии. Поэтому в вопросе о конечности и бесконечности мира Влеммид полностью стоял на точке зрения христианского учения о возникновении мира. Опираясь на труды александрийца Филопона и Симпликия, он обосновывал конечность мира, а значит, и его сотворенность на основании двух теорий: а) платоновского суждения об одновременном возникновении неба и времени, которое противостояло аристотелевской идее вечности времени и неба; б) фундаментальной догмы христианства, отвергающей основное положение греческой натурфилософии: ничто не возникает из ничего. Эти теории об ограниченности вселенной Влеммид старался подкрепить аргументом о том, что каждому ограниченному телу свойственна также ограниченная возможность, которая постепенно уменьшается («если мир ограничен, то ограничена и его возможность» — Ibid. Col. 1225), а это означает конец вселенной.

Исходя из христианского понимания разделения мира, Никифор Влеммид отвергал в целом теорию эфира, выдвинутую Платоном и развитую в дальнейшем последователями Аристотеля. Но он отвергал ее не потому, что она не соответствовала реальному миру, а потому, что не укладывалась со своим пятым неразрушимым и вечным элементом (чистый огонь) в христианское учение о конечности мира. В философских построениях Влеммида против аристотелевской теории эфира вообще и бесконечности мира в частности приводятся те принципиальные аргументы²², которые через век будут широко использоваться схоластами Запада и окажут большое влияние на развитие связанных с этим вопросов физики.

В теоретических положениях Влеммида, касающихся логики, риторики, науки и искусства, можно заметить рационалистическое направление {57} его мысли, признание значимости и ценности всех наук и искусств, подчеркивание роли разума и знания в научном и художественном процессе. Логика, по мысли автора, является лучшим средством для достижения истины.

После смерти Никифора Влеммида его философские труды «Физика» и «Логика» стали учебными пособиями и книгами по философии как в Византийской империи, так и в Западной Европе: их отличительной чертой являлось сочетание четкого и ясного изложения аристотелевской философии с комментариями и переосмыслением многих ее положений в духе христианского учения о мире. О популярности философских произведений Влеммида говорит и тот факт, что в настоящее время его «Физика» и «Логика» известны соответственно в 56 и 96 полных рукописях, датированных XIII—XIX вв. В самой Византии они оказали большое влияние на взгляды Пахимера и Никифора Хумна.

Поэтому стоит отказаться от представления историографии XIX в., считающей Влеммида всего лишь жалким компилятором, философом, лишенным какой-либо оригинальности и самостоятельности. Его философские труды в значительной степени — продукт творческого отбора и переработки сочинений античных и ранневизантийских авторов. Безусловно, Влем-

²² *Tsoyopoulos N.* Das Ätherproblem und die Physik-Abhandlung des Nikephoros Blemmydes // *Rechenphennige K. Vogel zum 80. Geburtstag* (8.1.1968). München, 1968. S. 72—76, 82—86.

мид следовал большинству положений Аристотеля и его последователей — рационалистов, что было характерным для XII—XIII вв., привлекал идеи Платона и неоплатоников для доказательства христианских воззрений на возникновение, строение и существование мира, но вместе с тем нередко не соглашался и критиковал их. Конечно, не всегда эта критика отличалась новизной.

В целом философские трактаты Влеммида и его взгляды говорят о том, что философская мысль в Никейской империи не умерла, несмотря на внешнеполитические трудности. Их влияние скажется впоследствии на развитии средневековой философии Западной Европы.

Обширные познания Никифора Влеммида о мире и его критическое отношение к научному материалу были переданы им его ученику Феодору, будущему императору. Личность Феодора II и его правление вызвали разноречивые отзывы современников и потомков. Беспристрастных мнений не было. Родившись в 1222 г., он прожил недолгую жизнь, из которой только последние четыре года находился на троне (1254—1258). Но его кратковременное царствование «было лебединой песней Никейского государства, временем его наибольшего блеска, приковывавшего взоры современников»²³. Пройдя у Влеммида весь доступный курс наук, Феодор стал одним из образованнейших людей своего времени. Пожалуй, после Константина VII Багрянородного на византийском троне не появлялся еще такой образованный правитель. Он не только усвоил все то, чему его обучил Никифор, но и превзошел последнего во многих областях знания, в том числе и в философии.

Феодор II, как и Никифор Влеммид, не был чистым перипатетиком. Его философия тесно связана с теологией, в которой он видел завершение всего знания и которая в его творчестве занимает значительное место. Он отчетливее, чем Влеммид, подчеркивает превосходство богословия над философией и божественного предопределения над человеческим {58} разу-

Файл byz3_59.jpg

Евангелист Иоанн с учеником Прохором.

1-я половина XIII в.

Миниатюра из Евангелия с Деяниями Апостолов.

Ленинград, ГПБ, греч. 101. {59}

мом²⁴. Учение о Боге не столь отлично, по его мнению, от философии, так как первая мудрость — страх господень. Взгляд на тесную связь философии и теологии ярко выражен в «Энкомии» в честь Никеи, которая «вдвойне превосходит Афины, некогда блиставшие науками и искусством, потому что ее жители не только знают платоновскую, аристотелевскую и сократовскую философию, но и присоединяют к ней богословие, благодаря чему Никея блистает как некий источник, изливающий благочестие» (*Lasc. Orat. P. 5*). В другом месте он говорит о том, что никейские ученые улучшили эллинскую философию, привив к ней теологию, подобно тому как дикая маслина улучшается прививкой черенка.

Феодор хотя и соглашается со взглядом античной натурфилософии, что четыре элемента (земля, вода, воздух и огонь) следует рассматривать как строительный камень космоса, однако ясно подчеркивает в первой части своего философского трактата «Мировое обозрение» зависимое положение материи от Бога как ее творца. Элементы не могут возникнуть сами из себя, так как их соединение может привести к самоуничтожению. Круговое движение небесных светил как элементов материального космоса сравнивается с таким же движением элементов нематериального порядка — духом и мыслями. У них, как и у материальных тел, должны быть начало, толчок. Круговое движение характерно также для жизни и смерти, которые есть не что иное, как взаимообусловленное биологическое круговое движение, в ходе которого от божественного дуновения образуется бессмертная душа.

Признавая подробно разработанное Аристотелем положение о непостоянстве и движении всех вещей в мире, Феодор Ласкарис тем не менее, исходя из христианского учения о сущности бытия, считал, что в природе существует единое и постоянное начало и имя ему — Бог. От многообразия форм жизни и движения к единому — божественному творцу — такова нить рассуждений и доказательств философа о наличии в природе высшего начала, т. е. божества. Но для познания его необходима не философия, а богословие, поскольку философия ве-

²³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М., 1948. Т. 3. С. 595.

²⁴ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 52.

дет к познанию не всего сущего в природе, а только непостоянного, чувственного мира (*Lask. Kosm. Del. T. 12, pt 3. P. 34.10—14*).

В определении сущности, назначения и пользы философии у Феодора появляются некоторые новые моменты, отличные как от античных философов, так и от его современников. Соглашаясь с предшественниками, что философия является основой всех наук, он не отводил ей решающего значения в формировании человеческой личности и характера, полагая, что более важным является воспитание. Одно знание, по его мысли, не делает человека добродетельным (это противоречит тезису Сократа). Все качества хорошего человека и правителя могут существовать независимо от науки и не нуждаются в философии. Здесь Феодор отчетливо выступает против утверждения Влеммида, что императору должна быть особенно близка философия.

Основная мысль Ласкариса состоит в том, что идеальный правитель — это правитель, приятный Богу, а следовательно, и все дискуссии философов о качествах правителей бесполезны. Он пытается доказать свой тезис, {60} заявляя, подобно Сократу, что он ничего не знает и потому не обладает качествами, необходимыми идеальному правителю (*Ibid. T. 12, pt 4. P. 48. 11—49*). Но, разумеется, Феодор не отрицал полностью значения философии для правителя, задачей которого, как он пишет в других сочинениях, является не только охранять государство от врагов, но и быть философом и мудрецом.

Значительным вкладом, который внес Феодор II Ласкарис в развитие философской мысли Византии, было совершенно отличное от античной и средневековой философии понимание опыта, который многое разъясняет и дает право поставить вопрос о наличии или отсутствии чего-либо (*Ibid. T. 12, pt 3. P. 22.29—31*). Как известно, Аристотель не считал опыт последней инстанцией в проверке «мнения». Признание превосходства опыта над умозрительными построениями было шагом вперед в познании категорий истинного и ложного. Но этот шаг был робким: Феодор не смог или не захотел подробно обосновать этот материалистический вывод. Ласкарис — еще ученик Влеммида, весь пропитанный схоластикой, он сын своего века с его религиозным мировоззрением.

В Никейской империи существовало и материалистическое направление в философии, придерживающееся идей Эпикура и Демокрита. Об этом мы узнаем из письма Феодора Ласкариса Никифору Влеммиду (*Lasc. Ep. P. 9*). По словам Ласкариса, люди, считающие себя сторонниками атомистической теории, не тверды в своих убеждениях, плохо разбираются в ней и смешивают разные понятия. К сожалению, каких-либо других подробностей о представителях этого течения из письма узнать невозможно. Сам Феодор относился к нему отрицательно, называя его «неразумным».

Подводя итог рассмотрению философской мысли в Никейской империи, следует сказать, что развитие ее, как и ранее, шло по пути реставрации идей и повторения прошлого. Однако для Византии, как и вообще для средневековья, движение вперед означало не в последнюю очередь освоение старого наследия. И никейские мыслители не претендовали на открытие глубоких истин, а если это и случалось, то не замечали их, так как главным для них было приобщение к вечным истинам античных философов путем переработки их сочинений, в первую очередь Аристотеля. Но колорит эпохи накладывал на переработку античных сочинений свой отпечаток. Поэтому византийской философии эпохи Никейской империи в лице ее двух представителей Никифора Влеммида и Феодора II Ласкариса были присущи следующие черты: а) следование большинству положений античной философии и широкое цитирование древних авторов; б) привлечение позднеантичных философских идей для доказательства христианских воззрений на возникновение, строение и существование мира; в) подчеркивание тесной связи между философией и теологией при подчиненной роли первой; г) появление новых и самостоятельных идей, чаще для доказательства богословских положений.

В развитии исторической мысли центральное место занимает Георгий Акрополит, один из крупнейших историков XIII в. Но в первый период существования империи ведущая роль среди константинопольских писателей, историков и ученых, нашедших приют в Никее (ипата философов Димитрия Карика, Эксаптерига, Феодора Продрома и многих других), принадлежала Никите Хониату и Николаю Месариту. {61}

Никита Хониат был одним из образованнейших людей своего времени. Выходец из провинциальной знати, он в царствование Исаака II стал великим логофетом, но падение Кон-

Константинополя положило конец его карьере²⁵. В 1207 г. он поселяется в Никее. Именно здесь им были написаны последние главы «Истории» (*Nic. Chon. Hist.*) и «Похвальные речи» в честь императора Феодора I Ласкариса: одна — после возвращения императора из похода в Пафлагонию летом 1206 г., а другая — по случаю его победы над султаном Кей-Хюсравом I в 1211 г. (*Nic. Chon. Orat.* P. 129—147, 170—175). Являясь современником, а часто и очевидцем описываемых событий, Хониат смог подробно рассказать о падении империи, рождении и становлении нового государства. Его свидетельства об этом периоде отличаются самостоятельной оценкой и анализом происходящих событий.

Никита Хониат считал, что новая родина не была к нему столь благосклонна, как Константинополь. Он жаловался, что, несмотря на высокое положение, ему приходилось по поручению Феодора I составлять силенции и проповеди на Великий пост (*Ibid.* P. 120—128, 176—185) и читать их перед императорской семьей. Тем не менее в содержании проповедей, с тонкими намеками на историческую действительность, отчетливо звучат имперская идеология, обоснование прав нового императора на царственный город, временно захваченный латинянами, восхваление его успехов и личных подвигов.

Язык Хониата богат, красочен и многообразен, а само повествование пронизано антитезами, метафорами, сравнениями. Силенции и речи, являясь риторическими произведениями и подчиняясь законам этого жанра литературы, значительно усложнены стилистически, перемежаются реминисценциями, связанными с библейскими и античными персонажами: хвостовство сельджукского султана сравнивается с хвостовством Ксеркса, действия Феодора I — с действиями Александра Македонского и т. д.

Современник Хониата Николай Месарит также в 1207 г. переселяется в Никею и становится сначала референдарием патриарха Михаила Авториана, а затем митрополитом Эфеса и экзархом всей Азии. В этом качестве он вел в 1214 г. переговоры с кардиналом Пелагием об унии церквей. Основные произведения написаны им в доникейский период его жизни²⁶. От 1206—1216 гг. (точная дата смерти Николая неизвестна) дошли «Отчет о переговорах в Константинополе в 1206 г., избрании патриарха и коронации императора в Никее в 1208 г.», «Речь о переговорах в Константинополе с кардиналом Пелагием» в 1214 г. и три синодальные грамоты, представляющие значительный интерес для истории этого времени, и в частности для исследования вопроса о церковных отношениях империи с Римом. Месарит не принадлежал к непримиримым противникам унии. Он скорее склонялся к созданию какой-нибудь приемлемой формы сосуществования с латинянами. Об этом свидетельствуют и его довольно благожелательное отношение к папскому легату Пелагию, и та «мягкая» политика во время переговоров, которая вызвала большое {62} неудовольствие в Никее. Но в основных догматических вопросах он стоял на позициях византийских теологов, обвиняя латинян в уничтожении единства Троицы и смешении свойств ипостасей.

Общественным идеалом для Месарита являются верное служение императору, почет и уважение синклита. Прославляя придворную жизнь, Месарит в противоположность Евстафию Солунскому положительно отзывался и о монашеской жизни. По его мнению, монахи, облаченные во власяницы и подпоясанные кожаным поясом для умерщвления плоти, — труженики, которые ходят за плугом, возделывают виноградники, обрабатывают кожу и занимаются кузнечным делом. Он с уважением относится к знаниям, о чем свидетельствует его подробное описание школы при храме св. Апостолов в Константинополе, но знаниям, основанным не на заучивании цитат — традиционном приеме в византийском ораторском искусстве, а на методе умозаключений и преодоления апорий. Как писатель, Месарит наблюдателен, он эмоционально воспринимает мир, свободно повествует о будничных вещах, придавая своему описанию оттенок интимности, искренности, а иногда и юмора.

Своим знаниям о политической истории Никейской империи мы всецело обязаны историческому труду Георгия Акрополита. Он известен как ритор, поэт, теолог, военачальник и дипломат. Родился он в 1217 г. в Константинополе. Прозвание Акрополит, по-видимому, было родовым в семействе, к которому он принадлежал. Его родители происходили из знатной семьи: отец пользовался расположением латинян и имел много слуг, о чем говорит император

²⁵ Подробнее о нем см.: Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 123—128 и др. Здесь рассматривается только литературное творчество периода Никейской империи.

²⁶ См. о них: Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. С. 438—444.

Иоанн III Ватац, отдавая Акрополита на учебу к ритору Феодору Эксаптеригу в 1234 г. (через год после его прибытия из Константинополя в Никею). После смерти Эксаптерига он вместе с другими юношами продолжает обучение в придворной школе у Никифора Влеммида.

В 1246 г. Акрополит, ставший к этому времени логофетом геникона, сопровождает императора Иоанна III в болгарском походе, составляя грамоты для покорившихся крепостей и городов. Начиная с этого времени и до конца своих дней он находился при императорском дворе. Акрополит едет в числе четырех знатных послов к деспоту Михаилу II для заключения брачного контракта и дружественного союза в 1249 г., включается в число судей во время процесса над Михаилом Палеологом в 1252 г., преподает вместе с Никифором Влеммидом наследнику императора Феодору философию и логику.

Являясь родственником императора Михаила VIII и представителем оппозиционного крыла феодальной аристократии, Акрополит полностью переходит на сторону василевса и остается одним из влиятельных лиц в империи. Великий логофет (этот титул Акрополит получил, по-видимому, в начале правления Михаила VIII) становится одним из первых помощников Палеолога в его церковной политике. Он присутствует на соборе, который осудил Векка по доносу Иоанна Хумна, и полностью солидаризируется с решением собора и императора. В 1274 г. Акрополит был послан с посольством к папе Григорию X в Лион на собор, где подписывает унию о воссоединении восточной и западной церкви²⁷. {63}

Труд Георгия Акрополита «Хроника» является как бы продолжением «Истории» Никиты Хониата, с которой он, вероятно, был знаком. «Хроника» довольно четко распадается на две части: первая охватывает время с 1203 по 1233 г., вторая — с 1234 по 1261 г.

В первой главе «Хроники» Георгий рисует свой идеал историка, который «должен излагать дела людские, будут ли они хороши или плохи, не по пристрастию или ненависти, не по зависти или злему расположению, а единственно для одной истории и для того, чтобы не забылись в памяти людей дела минувших дней» (*Acrop.* I. P. 4.17—19). Акрополит — почти единственный из всех историков, кто избежал общих мест в определении полезности истории, чему отдал дань Диодор Сицилийский, Прокопий Кесарийский, Атталиат и Пахимер. Что же касается намерения писать историю οὐδὲ πρός τιβος ἡ; καὶ πρός τιβ; νοίαν (*Ibid.* I. P. 4. 19—20), то это тацитовское выражение (*sine ira, sine odio*) повторил и Акрополит.

Однако сам Георгий в изображении исторических событий не всегда соответствовал тому идеалу историка, который он обрисовал. Правдивое и точное описание царствования Феодора I и Иоанна III сменяется резко негативным отношением Акрополита к правлению Феодора II, при котором, как известно, многие представители знатных родов были либо казнены, либо отправлены в ссылку. Принадлежа к оппозиционному крылу феодальной аристократии Никейской империи, которой после смерти Феодора II удалось посадить на трон своего представителя, Михаила VIII Палеолога, Георгий Акрополит не смог избежать как тенденциозности в изображении царствования последнего из Ласкарисов, так и неприкрытого восхваления Михаила VIII. Он стремится скрыть все неприглядные моменты в жизни Палеолога и умолчать о весьма неблагоприятных методах, применяемых им для овладения императорской короной.

Но независимо от политической ориентации Акрополита, несмотря на его риторические сравнения никейских императоров с библейскими и знаменитыми историческими персонажами, для историка император — прежде всего человек, принимающий на себя заботы о подданных, разделяющий вместе с ними многие тяготы и труды. Это «заземление» образа императора, традиционно рассматриваемого в Византии в качестве земного бога, проступает у Георгия Акрополита не только в живом и реалистическом описании внешнего облика и характера императора, но прежде всего в рассказе о его делах. Император-труженик, соединяющий в одном лице воина, полководца, дипломата и философа, — вот черты, которые, по мысли историка, должны быть присущи человеколюбивому и заботливому правителю и которые, по его мнению, нашли свое воплощение в никейских императорах.

На первое место Акрополит ставит мужество и воинские способности императора. И это не случайно. Немного лет можно насчитать из 57-летнего существования империи, когда бы она не вела войны с латинянами или сельджуками, болгарам или греками Эпира и т. д. По-

²⁷ Жаворонков П. И. Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 125—127.

этому владение мечом, личное участие в сражении — долг и обязанность императора. И «Хроника» Акрополита донесла до нас многие примеры личного участия и мужества никейских правителей. Феодор I Ласкарис победил в личном единоборстве султана Кей-Хюсрева I (1205—1211) и тем решил исход битвы при Антиохии в 1211 г. Победу над латинянами в решающей битве при Пиманиконе (1224) принес удар в критический момент сражения небольшого отряда во главе с Иоанном III Ватацем. Михаил Палеолог, имея всего 50 человек, принимал бой и побеждал превосходившее в десять раз войско эпирских греков.

Император-воин не только участвует в битве. Он вместе с войском стойко переносит длинные переходы и марш-броски, спеша на помощь осажденной крепости (Ibid. I. P. 16. 2—6, 10—15), ночами освещая дорогу факелами, пробирается через лес и ущелья, спит на земле и терпит неудобства от разъедающего глаза дыма костров. Он ведет военные действия не только весной, летом или осенью, но и зимой. Зимние кампании, редкие в прошлые столетия, стали все более частыми в Никейской империи.

Но император не только воин. Прежде всего он полководец и должен обладать соответствующими способностями. Поэтому Акрополита так восхищает полководческий и дипломатический талант Иоанна III Ватаца, который где силой оружия, а где, по выражению историка, «тихо и мирно» (договоры, брачные союзы, хитрость, подкуп и т. д.) овладел обширными территориями.

Однако, по мысли Акрополита, императору недостаточно быть только воином и полководцем. Он должен быть хорошо образованным и мудрым. И поэтому в характеристиках никейских императоров (за исключением Феодора I) историк после воинских способностей всегда указывает на их ум и образованность. Следовательно, идеалом правителя для Акрополита является император — воин и философ.

Для Акрополита образование и ум были мерилем полезности и ценности человека. Образованный человек вызывает у него уважение, и, напротив, бездарный и глупый — злую иронию, которая адресуется в основном новым лицам, выдвинувшимся из низов в царствование Иоанна III и Феодора II, а также духовенству²⁸.

Роль судьбы в жизни человека — проблема, которая волновала не одного историка и писателя, — четко трактуется у Акрополита: многое в жизни предопределено и зависит от Бога. Освобождение Константинополя от латинян свершилось по устройению промысла божьего (Ibid. I. P. 181.9—10), а латиняне, пытавшиеся захватить остров Дафнусий, ничего не смогли сделать, так как его защищал Бог²⁹. Хотя по сравнению с Никитой Хониатом у Акрополита больше рационализма, реализма и ясности в определении этниконов, в целом он остается на традиционных позициях, убежденный в превосходстве ромеев перед любым другим народом. Правда, в отношении некоторых качеств (мужество, заботливость и т. д.) он отдает должное и их иноземным обладателям.

Несмотря на откровенный сервизм, проявившийся в основном в последних главах, «Хроника» остается самым полным и точным источником по внешнеполитической истории Никейской империи. Акрополит хронологически довольно последовательно развертывает перед читателем картину постепенного возвышения Никей, описывая походы и сражения с латинянами, сельджуками, болгарскими и греками Эпира, брачные союзы и договоры, борьбу с внутренней оппозицией.

В изображении многих событий видны большой политической и {65} военный опыт автора, его эрудиция и понимание исторической связи с прошлым. Описывая опустошение болгарским царем Калояном Южной Фракии и Македонии, Акрополит сравнивает его с Василием II Болгаробойцей и называет Калояна Ромеобойцей. Из личного опыта исходят суждения о практической пользе мягкости в отношении побежденных, огромной роли дисциплины для успеха сражения, военных слабостях болгар.

От большинства византийских историков и хронистов Георгия Акрополита отличает скупое и сжатое изложение. Идет ли речь о внешнем облике царствующего лица или его воинских способностях, которые проявляются во время сражения, Акрополит всегда стремится к минимальному использованию словесного материала для передачи реалистической картины. В «Хронике» много живых, иногда с оттенком юмора, реалистичных сцен, оживляющих часто

²⁸ Там же. С. 132.

²⁹ Там же. С. 133.

монотонное изложение. Таковы описания вечерней проверки войск Феодором II, расположения никейской армии в глухом лесу, когда «дым от множества факелов разъедал глаза», внешнего вида князя Ахайи Гийома Виллардуэна, который в плену был узнан по его большому, выдающемуся вперед зубу, или неудачного бегства фессалоникского деспота Димитрия Ангела от разгневанного мужа, у жены которого он находился, и т. д. (Ibid. I. P. 127. 31—128. 21; 122. 13—22; 170. 12—14).

Акрополит избегал риторической напыщенности, многословия, редко пользовался диалогами и прямой речью. Языковое подражание образованного автора проявилось в заимствовании выражений и образов, особенно из Гомера.

Исторический труд Георгия Акрополита, широко использовавшийся историками второй половины XIII — начала XIV в. Георгием Пахимером и Никифором Григорой, вошел в переработанном виде в большую стихотворную хронику Ефрема и прозаическое сочинение Феодора Скутариота.

Три историка — Хониат, Месарит и Акрополит, пережившие физически и морально падение Константинополя, оставили нам яркую картину рождения и политической жизни Никейской империи. Их социально-политические воззрения были несхожи, их отношение к событиям не равнозначно. «Мемуарность» Хониата, его вера в предопределенность судьбы как отдельного человека, так и государства свыше, эмоциональные описания событий контрастируют с более реалистично-рационалистическим пониманием истории Акрополитом. У последнего мы находим даже элементы гуманизма: античное (платоновское) понимание роли и образа правителя — философа и воина.

Риторическое искусство, высоко ценившееся в предшествующие столетия Византийской империи, продолжало успешно развиваться и совершенствоваться в новых исторических условиях. Значительное развитие в литературе получил такой риторический жанр, как монодия и эпитафия. Написанные в связи со смертью родных, близких или царственных лиц, они не только несли в себе биографические факты из жизни дорогих автору людей, но и выражали отношение писателя к событиям и явлениям общественной и личной жизни. Это характерно как для монодии Никиты Хониата на смерть братьев своей жены, Михаила и Иоанна Велиссариотов (*Nic. Chon. Orat.* P. 147—169), эпитафии Николая Месарита брату оратора Иоанну, так и для «Надгробного слова Иоанну Ватацу Дуке» Георгия Акрополита (*Acrop.* II. P. 12—29). {66}

Проникновенно повествуя о больших способностях брата Иоанна к писанию ямбов, риторике, геометрии и постижению небесных светил, о его стремлении вести отшельническую жизнь, Николай Месарит считает необходимым вспомнить и о тирании Андроника I, и об идеале общественного служения родине.

Но если в монодии, составленной по всем правилам риторического искусства, Хониат, помимо описания жизненного пути братьев Велиссариотов, стремился привлечь внимание читателя к тяготам и невзгодам собственной жизни, то Акрополит в эпитафии Ватацу желал не только показать значение династии Ласкарисов и образованного ею государства, но и дать рецепт создания идеального положения в империи. Для этого, по его мнению, необходимо прежде всего, чтобы во главе государства стоял император, наделенный воинскими и дипломатическими способностями и широко образованный, т. е. полководец и философ (Ibid. II. P. 27. 25—32, 28. 1—6).

Пристальное внимание к событиям и процессам, происходившим в общественной жизни империи, характерно и для Феодора II Ласкариса, написавшего эпитафию на смерть Фридриха II Гогенштауфена. Почти не касаясь личности германского императора, с которым автор не был знаком, Феодор посвящает свое сочинение рассмотрению положения императора в государстве и его взаимоотношений с подданными. К этой проблеме Феодор обращался неоднократно, в том числе и в энкомии Иоанну III Ватацу, но законченное изложение она получила в еще не изданном труде «Как должны относиться подданные к своим правителям и правители к своим подданным»³⁰, адресованном Георгию Музалону.

В трактовке образа правителя Феодор II оставался на традиционной точке зрения об императоре как представителе Бога на земле. Но, исследуя характер взаимоотношений императора с подданными, автор впервые в истории византийской общественно-политической мысли

³⁰ *Lappa-Zizicas E. Un traité inédit de Théodore II Lascaris // Actes du VIe Congrès international d'études byzantines. 1950. T. 1. P. 120—121.*

приходит к выводу о наличии взаимных, личных связей в отношениях между правителем и подданным: император должен служить родине и народу и жертвовать своей жизнью так же, как и любой его подданный. Личная связь должна основываться на принципе *δὲ το καὶ λαβᾶτο*³¹.

Нетрудно узнать в этой теории типичные элементы вассальных отношений, *auxilium et consilium* со стороны вассала, защиту и поддержку со стороны сеньора. Появление теории о вассальных отношениях между господином и подданным не было случайным явлением. Эволюция социальных отношений, начавшаяся в Византии еще в комниновскую эпоху, значительно ускорилась в Никейской империи. Процесс феодализации и оформление связанных с ней институтов давали богатый материал для осмысления нового понимания традиционного вопроса о взаимоотношении государя и подданного.

О том, что данная проблема волновала и интересовала никейских писателей и ученых, свидетельствует и риторический трактат Никифора Влеммида «Царская статуя» (PG. T. 142. Col. 605—677). Написанный в самом начале царствования Феодора II и для него предназначенный, {67} этот труд, по мысли его автора, должен был помочь императору в управлении государством, поскольку в нем он мог найти ответы на многие вопросы: каким должен быть правитель, каких пороков ему следует избегать и в каких добродетелях совершенствоваться. По мнению Никифора, «императору необходимо научиться прежде всего управлять собою, а потом уже подданными» (Ibid. Col. 613). Он должен отличаться целомудрием, смирением, кротостью, щедростью и правдивостью, избегать гордости, гнева, скупости и других пороков. Для блага империи правитель обязан внимательно прислушиваться к советам мудрых людей, быть осторожным в выборе советников и друзей, назначать честных судей и чиновников, заботиться о войске и флоте (Ibid. Col. 638—658, 668—672).

Как видим, Влеммид на первый план выдвигает социально-этические добродетели. Напротив, Акрополит, как уже говорилось выше, основными качествами правителя считал воинские способности и образованность. Различие в подходе к определению основных качеств императора заключалось, на наш взгляд, в том, что пожелания и определения, во-первых, исходили от лиц, занимающих различное общественное положение в государстве (Акрополит был историком и государственным деятелем, а Никифор Влеммид — ученым монахом и философом), а во-вторых, в том, что если первый отталкивался от исторической ситуации, то второй писал как бы вне времени. Акрополит, разумеется не отрицая необходимости наличия у императора перечисленных Влеммидом качеств, и сам приводит примеры щедрости, человеколюбия и милосердия никейских императоров (*Acrop.* I. 37. 18—20, 103. 19—20 и др.). Но эти качества для него не являются определяющими. А смирение, целомудрие, верность друзьям и супружеская верность скорее должны быть присущи подданным, чем правителям.

«Царская статуя», несмотря на обилие примеров из античной истории и то, что она составлена по определенному шаблону (прослеживается влияние «Государства» Платона), написана тем не менее в соответствии с идеалом государя того интеллектуального кружка, который образовался вокруг Феодора II. В трактате Влеммида риторика и действительные нужды государства тонко переплетены. Безусловно, там много шаблонного и общего, что могло быть сказано при любых обстоятельствах, но и много такого, что указывает на реальную действительность: выступление Никифора против очень распространенной при дворе игры в циканий; обстоятельное описание вреда гнева содержит отчетливый намек на вспыльчивость Феодора.

В этом труде Никифор Влеммид вслед за Ласкарисом высказывает и обосновывает взгляд на взаимоотношения между подданными и государем, основанные не на правовом статусе, а на личном отношении обеих сторон. Правителю, по мнению Влеммида, вредно любить деньги, поскольку это ведет к четырем порокам: скупости, мелочности, торгашеству и корыстолюбию (PG. T. 142. Col. 663). Если первые два порока касаются взаимоотношений императора с приближенными и знатью (не по-царски совсем не одаривать или делать незначительные дары), то торгашество и корыстолюбие вредно отзываются на всех подданных, ибо корыстолюбие — это чрезмерные подати и грабеж населения. Не брать лишних налогов для императора важнее, чем быть щедрым, так как главное богатство и сила царя — это его приверженцы, которые являются единственной его {68} поддержкой (Ibid. Col, 665). В этих пожеланиях

³¹ *Lappa-Zizicas E.* Op. cit. P. 125.

Файл byz3_69.jpg

Распятие. Мозаичная икона.

1-я половина XIII в. Берлин, Гос. музей

Влеммида, несомненно, отразилось недовольство знати и духовенства политикой Феодора II Ласкариса, который, испытывая недостаток денежных средств для ведения военных действий на Балканах, был вынужден обложить налогом поместья аристократии и монастыри.

Исторические примеры, приведенные в изобилии в трактате, должны были не только служить иллюстрацией, но и делать указание, как необходимо поступать в тех или иных случаях. Несмотря на тяжелый слог — понадобилась специальная метафраза, чтобы упростить стиль,— трактат оказал большое воздействие на историков и писателей XIII и XIV вв.

Непрерывность риторической традиции в литературе Никейской империи проявилась и в жанре энкомия, в развитии которого особая роль принадлежит Феодору II Ласкарису. Кроме уже упомянутого выше энкомия в честь Ватаца, где в длинных тирадах восхваляется внешняя и внутренняя политика Иоанна III, превозносятся его ученость, слава, храбрость и приверженность православию, Феодор посвятил энкомий и своему учителю Георгию Акрополиту, в котором не только благодарил за обучение, но и дал выразительный и детальный портрет историка и ученого³². К этому же жанру следует отнести акафист Богородице и неизданное сочинение о весне как лучшем времени года.

Но наибольшую известность приобрел «Энкомий великому городу Никее» (*Theod. Lasc. Orat. P. 5*), написанный, по словам Феодора, в знак «благодарности за материнскую любовь, с которой она (Никея.— П. Ж.) его воспитала». От общих похвальных сентенций автор быстро переходит к изложению основных достоинств и значения Никей и ее жителей. «Где слава городов,— вопрошает Феодор Ласкарис,— которые отличались многочисленными достоинствами, дорогими пряностями, ввозимым товаром из других стран, гордились кораблями, импортирующими товар?» (*Ibid. P. 2. 5—6*). Одна Никея не склонилась перед победителем; напротив, она поднялась надежной скалой, о которую затупились копья врагов. Благодаря достоинству и мудрости ее жителей и выдающимся в философии мужам Никей сделалась πόλις πόλεων, царицей и госпожой всех городов, а многообразные и великолепные церкви и храмы превратили ее в πόλις θεοῦ (*Ibid. P. 7. 10—8. 14*). В энкомии широко применяются сравнения. Так, присоединение к Никее областей, занятых ранее латинянами, сравнивается с возобновлением нормального кровообращения в человеческом теле после очередного расстройства.

Похвальное слово Никее Феодора II Ласкариса было первым из трех сочинений данного жанра, посвященных этому городу в XIII в. Многие его положения были в той или иной степени повторены и развиты в энкомиях Феодора Метохита и Константина Акрополита.

В литературе Никейской империи наряду с обостренным вниманием к событиям общественной жизни шел параллельный процесс развития индивидуалистических тенденций. Потребность человека разобраться в собственном мире чувств, раскрыть свою душу становится одной из характерных особенностей многих сочинений писателей XIII в., и в первую {70} очередь автобиографий. От этого столетия сохранилось пять автобиографий — Никифора Влеммида, Георгия Акрополита, императора Михаила VIII Палеолога, Георгия Кипрского и Георгия Пахимера,— из которых только первая хронологически относится к эпохе Никейской империи.

Автобиография Влеммида состоит из двух частей. По форме первая из них близка к житиям святых и, вероятно, была составлена как поучительное чтение для монахов монастыря, основателем которого являлся Влеммид. Вторая часть служит как бы дополнением к первой, заполняя пробелы и пропуски. Основное внимание уделено здесь изложению догматических споров с латинянами в 1234 и 1250 гг., в которых принимал участие и Никифор, пытаясь примирить греков и латинян утверждением, что святой дух исходит как от отца, так и от сына.

Главная цель сочинения — оставить о себе воспоминание и «воздвигнуть столп исповедания как помощь и спасение, как защиту и основу, благую, могучую, мудрую» (*Nic. Blem. P. 1. 4—5*)³³. Поэтому общественные события освещаются лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания читателем происходящего с Влеммидом. Обостренный интерес к собственной личности, ярко выраженный в автобиографии,— явление редкое в византийской

³² Μαρκόπουλος' Α. Π. Θεοδώρου Β' Λασκάρεως ἀνέκδοτον ἐγκώμιον προτὶ τοῦ Γεωργίου Ἀκροπολίτην // ΕΕΒΣ. 1968. Τ. 36. Σ. 110—118.

³³ Перевод Л. А. Фрейберг (см.: Памятники. IX—XIV вв. С. 324).

литературе предыдущих веков; оно может быть соотнесено с преувеличенным значением каждого момента жизни у Ливания в его сочинении «О моей судьбе»³⁴. Как и Ливаний, Влеммид в первой части автобиографии занят исключительно своей личностью. Он подробно рассказывает о детстве, друзьях юности, первом любовном увлечении и горьком разочаровании в предмете своей страсти, постоянном интересе к наукам и годах обучения в Скамандре, Нимфее и Никее, обращает внимание читателя на те эпизоды из жизни, которые могли окончиться трагически: плавание в шторм, нападение пиратов, спасение от рухнувшей на него в доме колонны (Ibid. P. 71—72). Благодаря вере в Бога Влеммид остался невредимым, когда разбойник ударил его кинжалом в живот, а поднявших на него руку злодеев Господь предал жалкой смерти.

Светское поэтическое творчество никейских писателей не получило столь большого развития, как другие жанры литературы. Стихотворные произведения Никифора Влеммида и Георгия Акрополита, написанные чаще всего «на случай», которым могли быть рождение или смерть члена императорской семьи, постройка новой церкви и монастыря, ничем не отличались от среднего уровня стихотворений придворной поэзии. Лишь два произведения этого жанра резко выделяются на фоне остальных стихов: элегия Акрополита на смерть императрицы Ирины в 1241 г. (*Acrop.* II. P. 3—6) и эпиграммой хартофилака Николая Ириника (биография и точные даты его жизни неизвестны), написанный политическим стихом по случаю бракосочетания Иоанна III Ватаца с дочерью Фридриха II Гогенштауфена Анной в 1244 г.³⁵

В элегии Акрополит говорит от лица царицы. Она приглашает путника взглянуть на свою могилу, в которой покоятся ненужные теперь для человека слава, знатность и величие. Далее следует рассказ о жизни Ирины, ее счастливом браке с Иоанном:

*Во цвете лет девических судьба дала
Мне разделить и ложе, и владычество
С таким супругом! Стать его державная
Изобличала явно благородства блеск,
Ведь был он Дукой, мужем крови царственной!..
И с ним я сочеталась, с юным юная,
И по любви взаимной с ним в одно слилась.
Связало нас законное супружество,
Но крепче страсть связала обоюдная:
Супружество смесило нас в едину плоть,
Любовь же душу нам дала единую.
Да, я любила крепко, он — еще сильнее,
Да, я дарила радость и брала ее!
Он был мне дорог, как очей сиянье.
Но я ему дороже, чем сиянье глаз,—
Усладой духа, сердца подкреплением!..*

(Пер. С. С. Аверинцева. Памятники. IX—XIV вв. С. 329—330).

В этом придворном стихотворении, написанном двенадцатисложником, столько свежести и искреннего чувства, что трудно представить, что оно вышло из-под пера хрониста. Действительно, в нем «открывается такая прочувствованность и человечность, какую нелегко отыскать в светской византийской поэзии»³⁶.

Другое произведение — эпиграммой Николая Ириника — свидетельствует также о таланте автора. Придворный поэт, по-видимому, хорошо знал и любил народные песни, в том числе и свадебные. Он широко использует их поэтический арсенал: образы-аллегории жениха и невесты, повторы (в каждой строфе первые и последние две строчки повторялись), сравнения и метафоры:

*Зеленый вьется плющ молодой вокруг пальмы благородной;
Тот плющ — мой царь и государь, моя царица — пальма.
Сегодня только начал плющ вокруг пальмы стройной виться,
Увидит завтра стар и млад, какой любовью любит
Невесту милую жених, как пылко обнимает,*

³⁴ История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 257—258.

³⁵ Heisenberg A. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit // SBAW. Philos.-Philol. Klasse. München, 1920. Abt. 10. S. 100—105.

³⁶ История Византии. Т. 3. С. 259.

*Целует локоны ее вокруг шеи лебединой.
Зеленый вьется плющ молодой вокруг пальмы благородной;
Тот плющ — мой царь и государь, моя царица — пальма...*
(Пер. Т. В. Поповой. Там же. С. 334)

В соответствии с законами свадебной песни эпиталямий был рассчитан на «амивейное», т. е. попеременное, пение двух хоров в церкви и при выходе свадебной процессии из храма. Стихотворение Николая Ириника свидетельствовало о том, что «высокая» литература не считала «неудобным» использование художественных средств народной литературы и фольклора.

Характерной особенностью всех жанров «высокой» литературы было {72} новое понимание и использование античного наследия, без которого никейские писатели и ученые уже не мыслили своего творчества. Интерес к античности, который никогда не исчезал в литературе Византии, в первой половине XIII в. получил новый импульс вследствие латинской угрозы и осознания духовной преемственности с античной Грецией. Никейские писатели понимали необходимость и важность сохранения античной культуры в качестве противовеса западно-латинскому идейному влиянию. Они чрезвычайно широко цитируют античных авторов, ссылаются на древнегреческие мифы и пересказывают их. Особенно насыщены античными образами и примерами из древнегреческой истории, мифологии, поэзии и прозы сочинение Акрополита «Надгробное слово...»³⁷ и труд Влеммида «Царская статуя». Влеммид рассказывает об Александре Македонском и его отце Филиппе, Дарии и Кире, героях Марафонской битвы, Геракле и Прометее, об Икаре и крылатых сыновьях Борея. Лишь одно упоминание этих и многих других мифологических и античных персонажей, сцен и событий говорит о знании Влеммидом мифологии и сочинений Геродота, Ксенофонта, Полибия и других историков древности³⁸.

Рестаураторскими тенденциями, по-видимому, следует объяснять и стремление писателей использовать те античные формы и жанры, которые ранее крайне редко встречались в византийской литературе. Так, два стихотворения Никифора Влеммида, воспевающие Сосандрский монастырь, написаны одно гекзаметром (выдержана даже «гомеровская» дикция), а другое ямбическим триметром; прозаическая же «Царская статуя» дана в жанре политической дидактической речи, напоминающей по форме речи Диона Хрисостома и Синесия. Необходимо отметить, что и начало элегии Акрополита на смерть императрицы Ирины напоминает античную надгробную эпитафию.

Глубокий интерес к античности, идеям, образам и мышлению древних стал, на наш взгляд, той основой, на которой сформировались отмеченные выше характерные особенности литературы Никейской империи: обостренное внимание к событиям общественной жизни и их осмысление, развитие индивидуалистических тенденций и, наконец, появление в ряде сочинений некоторых черт гуманизма.

Возникновению гуманистических элементов в литературе Никейской империи способствовала та духовная атмосфера, которая окружала греческих интеллектуалов. При никейском дворе уже в царствование Иоанна III имелся кружок истинных любителей науки и литературы, группировавшийся вокруг императора и пользовавшийся его вниманием и поддержкой. Сам Ватац любил присутствовать на диспутах, поговорить о литературе.

Переписка Феодора II позволяет представить тот интеллектуальный кружок, который сложился вокруг него. Помимо Влеммида и Акрополита в кружок входили Месопотамит, Михаил Сенахерим, Андроник Франкопул, Агиофеодорит и другие ученые. Их духовные интересы лежали в области науки и литературы, подтверждением чего служит обширная переписка никейских интеллектуалов между собой. Письма тогда имели {73} большое значение, и их содержание оглашалось среди друзей. Каждое письмо являло собой законченное литературное произведение, в котором смысл и описываемые происшествия часто затенены риторикой и завуалированы. Широко используются сравнения и противопоставления, сознательный отказ от

³⁷ Prächter K. Antikes in der Grabrede des Georgios Akropolites auf Johannes Ducas // BZ. 1905. Bd. 14. S. 479—491.

³⁸ Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978. С. 179—181.

изображения реального и конкретного, что было характерно и для эпистолографии итальянских гуманистов³⁹.

Замечательным литературным памятником эпохи являются письма самого Феодора II, большинство которых адресованы членам кружка. Император, воспитанный в эллинистических традициях, увлеченный античными поэтами, ораторами и музыкой, с волнующей искренностью и тонкостью передает в письмах эпизоды своей жизни, свое настроение. В них то сквозит легкая ирония, переходящая в сатиру, то вплетается философское размышление о сущности бытия, оканчивающееся сожалением по поводу бренности мира, то все пронизывается дружескими чувствами и расположением к адресату. Письма передают новое эстетическое восприятие жизни, интерес к прошлому, красоте памятников и ландшафтов.

В качестве примера можно привести одно из писем императора, которое по глубине содержания, и настроения, по выражению русской исследовательницы М. А. Андреевой, «могло бы принадлежать перу итальянского гуманиста»⁴⁰. Речь идет о небольшом письме, адресованном Акрополиту (*Lasc. Ep. P. 107—108*), в котором император описывает посещение Пергама. Заброшенность города являет печальное зрелище. Впечатляет лишь сохранившийся театр, который олицетворяет собой величие эллинского мира, несмотря на всеразрушающее влияние времени. Это же величие древних Феодор усматривает и в полуразрушенных стенах пергамских зданий, и в сохранившемся акведуке, арки которого производили впечатление монолита и в то же время отличались такой легкостью и естественностью изгиба, что «сам бы Фидий поразился, увидев их» (*Ibid. P. 108*). В конце письма император проводит аналогию между состоянием города, в котором повсюду валялись куски мраморных колонн, навевающие на зрителя печаль о прошлом, и убожеством жизни ныне живущих.

Просвещение, которое традиционно поддерживалось в Византии и являлось в глазах ромеев той ценностью, которой не обладали другие народы, приобрело особое значение в Никейской империи. Несмотря на бесконечные войны, отнимавшие лучшие силы страны, никейские императоры смогли высоко поднять уровень образования и просвещения. Уже при Феодоре I в Никее, Пруссе, Смирне и других городах создаются школы грамматиков и риторов (*Nic. Blem. P. 2. 9—10; 3.3; 55. 7—9, 15*). Ватац не только увеличил численность элементарных школ и школ грамматиков, но и основал в Никее философскую школу, поручив преподавание в ней Эксаптеригу, а после его смерти в 1238 г. — Никифору Влеммиду. В Магнезии были созданы настоящие культурные центры со множеством библиотек. Кроме того, во всех крупных городах имелись публичные библиотеки, и тем самым была спасена большая часть литературных богатств Византии. По императорскому постановлению архонты и правители городов обязаны были платить жалованье учителям медицины, арифметики, {74} геометрии и риторики из городского бюджета. Учителя философии и права должны были обучать бесплатно, но могли принимать вознаграждения от своих учеников.

Файл byz3_75.jpg

«Не рыдай, Мене, Мати».

Миниатюра из Евангелия из Карахиссара.

Ленинград, ГПБ, греч. 105.

Особый подъем образования отмечается при Феодоре II Ласкарисе (*Scut. P. 277—302*). В самой Никее он увеличил число элементарных школ, основав в церкви св. Трифона школы грамматиков и риторов, поставив во главе их Сенахерима и Франкопула (*Ibid. P. 291. 6—11*). По всей империи и даже в Эпире никейские ученые собирали старые кодексы, которыми пополняли библиотеки. По-видимому, в крупных городах существовали небольшие скриптории, в которых создавались новые рукописи. О переписчиках проявлялась особая забота. Книги из библиотек разрешалось брать на дом, что представляло большое удобство для всех желающих заниматься. Для диспутов ученых и научных занятий были отведены специальные дома, «театры муз», по выражению Скутариота (*Ibid. P. 297. 26—298. 1*). О том, какое значение Феодор II придавал образованию и воспитанию, показывает его письмо к Сенахериму и Франкопулу, в котором учитель молодежи сравнивается с садовником. «Нет ничего приятнее, — пишет император, — для сердца садовника, как увидеть свой луг полным цветом. И он может надеяться,

³⁹ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. С. 19—20.

⁴⁰ Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 169.

что в определенное время он воспользуется плодами этой красоты... Хотя я очень занят военными делами, хотя мой дух отвлечен восстаниями, сражениями, сопротивлением, коварством, переменами, угрозами... однако мы никогда не отступим от сути нашей идеи красоты духовного луга» (*Lasc. Ep. P. 271—272*). В этом же письме он с удовлетворением сообщает, что в империи вырос уровень обучения поэтике, к которой ранее относились небрежно.

Полный курс образования, как и ранее, получали, переходя из школы одной ступени в другую. Система обучения в империи хорошо прослеживается по «Автобиографии» Никифора Влеммида. Начальное образование давали элементарные школы. Поступившие в них 7—8-летние ученики в течение трех лет обучались орфографии, т. е. чтению и письму. Такие школы были не только в городах, но и в крупных населенных пунктах.

Следующей ступенью была школа грамматиков, являвшаяся «началом всякого образования». Обучение в ней продолжалось 6—7 лет, но Влеммид {75} закончил ее за 4 года, хотя он, как сообщается в «Автобиографии», «не был ни тупым, ни слишком одаренным, но любознательность и усердие в равной мере возместили природные недостатки» (*Nic. Vlem. P. 2. 11—14*). Школа давала знания фонетики, морфологии, синтаксиса и стилистики греческого языка. Обычно здесь же преподавалась и поэтика, состоявшая в чтении и толковании античных авторов и знакомстве с правилами стихосложения. Хотя Влеммид и не сообщает, но обучение велось, вероятно, по «Канонам» Феодосия Александрийского и «Грамматике» Дионисия Фракийского, дополненным различными сборниками толкований⁴¹ с использованием текстов из Гомера и других поэтов.

После окончания школы грамматиков обучение продолжалось в школе риториков, куда поступали в 16—17 лет; правда, Влеммид закончил ее в 16 лет. Школа давала возможность научиться активно владеть речью, выработать правильный стиль письма, при случае блеснуть примером из античности или цитатой. Основными учебниками, как и в ранней Византии, были «Риторическое искусство» Гермогена Тарского, по которому ученики письменно составляли басни, опровержения, энкомии, писали речи, письма и т. д.⁴², и «Прогимназмы» Аффония (*Ibid. P. 2. 25—26*), где упражнения сочетались с изложением теории риторики.

Однако такое образование получали не все. Чаще всего обучение заканчивалось грамматикой и поэтикой. Риторику изучало значительно меньшее число учеников.

Знания, полученные в школе ритора, позволяли приступить к изучению философии, «науки наук», которая в свою очередь являлась ступенью к изучению богословия. Познание философии начиналось с логики (ее называли еще диалектикой или органикой) — науки о способах доказательств и опровержений. Обучение велось по «Исагоге» Порфирия и трудам Аристотеля «Органон», «Категории», «Об истолковании» (*Ibid. P. 2. 28—29*). До образования в Никее Ватацем философской школы обучение философии на этом и заканчивалось. Поэтому Влеммид, к 20 годам изучив в Смирне логику у «ипата философов» Димитрия Карика, был вынужден прекратить дальнейшее образование из-за отсутствия учителей и школ. И только через 7 лет (правда, в течение этого времени он учился практической и теоретической медицине у своего отца — врача), в 1223—1224 г., он смог продолжить свое образование у философа Продрома в занятом еще латинянами Скамандре.

После прохождения курса логики ученик был подготовлен к освоению математического квадривиума (арифметика, геометрия, музыка и астрономия) и физики. Ими и занимался Влеммид в Скамандре. Такая последовательность в изучении философии сложилась со времен Платона, и ее строго придерживались. Арифметика постигалась по учебникам Никомаха «Введение в арифметику» и Диофанта «Арифметика», а геометрия — по «Началам» Евклида. Из геометрии Влеммид слушал курс по планиметрии, стереометрии и сферической геометрии (*Ibid. P. 5. 1—6*). В «Автобиографии» ничего не говорится о музыке (вероятно, Продром ее не преподавал), зато подробно изучалась астрономия, которой Влеммид {76} особенно увлекся. Она знакомила при помощи графических изображений с «устройством неба в целом и по частям», с изменением времени, движением светил, увеличением и сокращением дня и ночи и т. д. (*Ibid. P. 5. 7—26*), вероятно, по труду Клавдия Птолемея «Альмагест».

⁴¹ Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии IV—первой половины VII в. М., 1984. С. 483.

⁴² Там же. С. 485—486.

Завершалось философское образование изучением физики — науки о природе. Ее учили по трудам Аристотеля «Физика», «О возникновении и уничтожении», «О небе», а также комментариям и справочникам (Ibid. P. 6. 2—4). Авторами учебников были и сами преподаватели. Как известно, Влеммид впоследствии в своей школе преподавал логику и физику по своим учебникам «Сокращенная логика», «Физика краткая», «О теле», «О душе». В «Автобиографии» он сообщает, что изучил в Скамандре весь курс физики, в том числе и ее специальные разделы: оптику, катоптику (раздел оптики, трактующий об отражении света) и граммику (графическое искусство), после чего вернулся к императорскому двору в Нимфей. В Никее в философской школе преподавали и право, о чем свидетельствует упоминание о профессорах права.

На этом и заканчивался полный курс обучения наукам, который завершали очень немногие. Желая совершенствоваться дальше переходил к самостоятельному освоению метафизических трудов Аристотеля, тесно связанных с теологией. Подчиняя теологии философию и науку, в византийском образовании создавали строгую систему, в которой от ряда вспомогательных дисциплин (грамматика, риторика) логически переходили к философии (логика, математический квадривиум, физика), а от философии к теологии, являющейся ее завершением.

Полученными знаниями византийцы очень гордились и считали, что их уровень образования выше, чем на латинском Западе. В этом смысле интересно описание Феодором II диспута с главой посольства Фридриха II маркизом Бертольдом фон Гогенбургом (*Lasc.* Ep. P. 175). В свите маркиза были ученые и врачи, которые уверяли, что изучили, кроме грамматики, риторики и логики, также и квадривиум и читали Аристотеля (его «Этику» и «Политику»). Но в ходе спора император пришел к выводу, что из арифметики и геометрии они знали только немного планиметрию, из астрономии — астрологию, которая в Византии не занимала такого места, как на Западе. Они совершенно не знали политику и физику, а в этике и логике делали много ошибок. Единственно, в чем западные ученые, по мнению Феодора, были сильны, кроме астрологии, так это в риторике.

По всей вероятности, император был слишком строг и пристрастен в своей оценке. Хотя, по словам Ласкариса, победу в споре с маркизом одержали эллины, однако не следует на основании этого думать, что византийская образованность первой половины XIII в. была намного выше западной и продолжала на нее влиять. Безусловно, там, где речь шла об античной литературе и философии, преимущество было на стороне ромеев. Но отсутствие в Западной Европе старых культурных традиций, которые «часто сковывали развитие византийской культуры, ограничивали сферу творческого поиска, эксперимента»⁴³, было преимуществом Запада.

Ученые Никейской империи проявляли значительный интерес к естественным наукам и медицине, прежде всего в плане применения их достижений на практике либо ради обучения и сохранения накопленных знаний. {77} Поэтому труды, созданные никейскими учеными, были в основе своей компилятивными, базирующимися на знаниях античности. Свою задачу при их написании ученые видели в систематизации достижений античной науки и ее комментировании. Таковы географические труды Никифора Влеммида «История Земли» и «Всеобщая география» (GGM. II. P. 458—470). Они написаны на основе стихотворного сочинения античного географа Дионисия Периегета и предназначались для учеников в качестве учебников. «История Земли», составленная в 1241 г., кратко сообщала о положении Земли относительно других планет, ее величине и способах измерения, шарообразности и т. д. Задачей «Всеобщей географии», предназначенной для учеников старшего возраста, было «описать всю землю и показать, на какие части она делится и какие на ней находятся племена, города и реки» (Ibid. P. 458). В учебнике довольно подробно описывались Европа и Малая Азия, населявшие их в древности народы, давались сведения о племенах, живших на территории Древней Руси, о болгарях, половцах и т. д. Несмотря на компилятивный характер, сочинения Влеммида являются важными для суждения об уровне географических знаний в империи.

Об интересе к астрономии и тесно с ней связанной астрологии свидетельствует сочинение Никифора Влеммида «Физика краткая», в которой 5 глав (24—28) посвящено Солнцу, Луне, звездам, эфиру и положению Земли на небесном своде (PG. T. 142. Col. 1213—1280). К астрономии во второй книге «Мирового обозрения», озаглавленной «О небесах», обращается и

⁴³ Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа. XIII—XIV вв. Тбилиси, 1979. С. 44.

Феодор Ласкарис. Речь идет там о круговом пути небесных светил, шарообразной форме солнца, луны и звезд. Феодор пишет о скорости их движения, гармонии сфер⁴⁴.

Математические труды также базировались на достижениях античности. Шестая книга «Всеобщей физики» Феодора II снабжена таким количеством математических фигур, что скорее была похожа на учебник геометрии. Но в этой главе, как и в ряде мест «Мирового обозрения», впервые император исследует связь между кругом, квадратом и треугольником и их «переход» друг в друга (квадрат в окружность и треугольник, а треугольник — в окружность). В этой геометрической символике «перехода» от одной фигуры к другой очень много сходства с последующей символикой Николая Кузанского, который путем таких «переходов» получил понятие бесконечности⁴⁵. О любви и интересе Ласкариса к математике говорит и его просьба к Акрополиту разъяснить, что такое среднее арифметическое, геометрическое и гармоническое. Хотя он и не был естествоиспытателем, но его познания в астрономии и математике ставят его в один ряд с такими высокообразованными современниками, как Фридрих II Гогенштауфен и Альфонс X Кастильский — знатоками астрономии, математики и других естественных наук. Необходимо отметить, что в 1252 г. появился на греческом языке учебник арифметики с арабскими числами, которые до этого были мало известны⁴⁶.

Большое значение придавалось и развитию медицинских знаний. До {78} нас дошли небольшие сочинения Влеммида, занимавшегося лечением больных. Они были написаны для учеников его школы. Некоторые из них изложены в форме церковного песнопения с целью лучшего запоминания. В этих учебных пособиях, основывавшихся частично на трудах Галена, содержатся перечень лечебных средств, правила кровопускания, излагаются методы анализа мочи и общие принципы обучения врачебному искусству⁴⁷.

Влеммиду, вероятно, принадлежит и алхимический труд, дающий рецепты превращения вещества в золото⁴⁸.

Таким образом, Никейской империи был присущ высокий уровень образованности и знания при компилятивном характере естественнонаучных трудов, вышедших из-под пера ее ученых и философов.

Никейские императоры считали себя единственными и законными наследниками византийских василевсов. Поэтому в общих чертах дворцовый церемониал в Никее соответствовал церемониалу двора Ангелов, при котором вырос Феодор I. Но недостаток средств и перемна места наложили свой отпечаток на жизнь никейского двора.

Одним из главных событий придворной жизни была коронация императора, которая включала два момента: 1) избрание царя знатью, войском и духовенством; 2) Церковное венчание и миропомазание на царство. В Никейской империи избрание царя и поднятие его на щит не было формальным. Кандидату надевали красные сапожки и пурпурную хламиду, которая теперь часто носилась и до коронации, сажали на щит и поднимали — знать с одной стороны, духовенство и войско — с другой, провозглашали императором, величая его имя и распевая коронационные песнопения. Поднятие на щит совершалось обычно в Нимфее, а церковное венчание, которому предшествовало миропомазание, — в Никее, официальной резиденции патриарха. Обычно перед венчанием давалась присяга на верность новому императору со стороны родных василевса, высших представителей гражданской и военной администрации, духовенства, войска и простого народа⁴⁹. Император рассылал манифест, целью которого было известить население и привести его к присяге новому царю.

Не менее торжественно, чем коронация, проходило и бракосочетание императора. История донесла до нас подробное описание церемонии венчания Иоанна III Ватаца с малолетней Анной Констанцией, внебрачной дочерью Фридриха II. Николай Ириник, хартофилак, принимавший деятельное участие в этом бракосочетании, написал предусмотренный церемониалом

⁴⁴ *Hunger H.* Op. cit. Bd. 2. S. 243—244.

⁴⁵ *Ivanka E.* Mathematische Symbolik in den beiden Schriften des Kaisers Theodoros II. Lascaris: Δύλωσις φυσική und περι,` φυσική;`ς κοινωνίας // BF. 1972. Bd. 4. S. 138—141.

⁴⁶ *Hunger H.* Op. cit. Bd. 2. S. 245.

⁴⁷ *Kuzes A. P.* Les oeuvres médicales de Nicephore Blemmydès selon les manuscrits existants // Πρακτικά;` τη;`ς `Ακαδημίας `Αθηνω;`ν. 1944. Τ. 19. Σ. 58—71.

⁴⁸ *Hunger H.* Op. cit. Bd. 2. S. 282.

⁴⁹ *Жаворонков П. И.* Избрание и коронация никейских императоров // ВВ. 1988. Т. 49. С. 55—59.

эпиталамий, который поют два хора⁵⁰. По дороге в церковь они воспевают царицу и императора, сравнивая их с пальмой и плющом, и приглашают и войско присоединиться к торжеству. Когда новобрачные выходят из храма, они поднимаются на специальный помост на соборной площади, а затем в сопровождении свиты и народа идут во дворец. На всем пути поочередно поет то один, то другой хор, славословия императора и царицу и сравнивая их то с солнцем и луной, то с лотосом и розой. В воротах дворца император прощается с народом. {79}

Столь же пышно были обставлены и похороны императора. Весь двор, за исключением нового царя, облачался во все черное. Гроб с телом императора, обвитого драгоценными тканями, выставлялся обычно для всеобщего обозрения и прощания. На похороны собиралась вся знать с женами и слугами⁵¹.

Прием иностранных послов в Никейской империи, как и ранее в Константинополе, проходил особенно торжественно. Необходимо было показать послам роскошь, богатство, могущество и силу империи, щедрость ее правителей. Скутариот восторгался внешним блеском никейского двора, многочисленностью свиты, богатствами, находившимися в Магнезии и состоявшими из массы драгоценностей и тканей, которыми блистал двор при приемах послов (*Scut.* P. 286. 7—12). Никея принимала посольства из Латинской империи и Иконийского султаната, Болгарии и Сербии, Рима и Эпира, от Фридриха II и мамлюков Египта, из Венгрии и герцогства Австрия. Интересен прием Феодором II татарских послов, когда благодаря хитрости императора (путь посольства специально предусматривал следование по труднодоступным горным тропам и ущельям, при этом перед ним нескончаемой чередой проходили одни и те же воинские отряды, посланцев не подпускали близко к императору, сидящему с мечом высоко на троне) удалось внушить монголам мысль о могуществе и славе империи и предотвратить их наступление на Никею (*Pachym.* I. P. 187. 22—189. 4)⁵².

Однако большую часть своего царствования Ласкарисы вместе с двором проводили в походах. Императору часто приходилось кочевать под открытым небом, так как палатки, возимые в обозе, не всегда успевали доставить к месту нового лагеря. Службу по охране лагеря должны были нести все, за исключением царя и великого domestika. Император ежедневно обходил стоянку в сопровождении великого domestika и некоторых приближенных. Впереди него обычно следовал скутерий со щитом и полевым значком-дивеллием в виде небольшого флажка. В определенном месте его ожидали начальники отрядов, с которыми он проводил совещание (*Acrop.* I. P. 127. 31—128. 19). В военных походах при выходах василевса и встрече с ним весь сложный церемониал не соблюдался, но проскинесис (обычное приветствие императора) делали все, не исключая и членов царской семьи.

С начала XIII в. резко усиливается влияние Запада на военное дело, нравы и мировоззрение византийцев. Это «варварское», латинское влияние отчетливо ощущалось учеными Никеи и Феодором II, который пытался бороться с «варваризацией», понимаемой им и как огрубление нравов, и как пренебрежение ко всему греческому со стороны знати, поскольку в латинском влиянии ему видится гибель византийско-эллинской культуры.

Постоянные войны, которые вела Никейская империя, и иноземные войска, служившие при дворе, способствовали варваризации, порче языка и нравов, оказывали заметное воздействие на духовную жизнь знати, содействовали охлаждению молодежи к наукам и философии. Поэтому Феодор II стремился создать греческое национальное войско, которое {80} бы заме-

Файл byz3_81.jpg

Евангелист Марк. 1-я половина XIII в.

Миниатюра из Евангелия с Деяниями Апостолов.

Ленинград, ГПБ, греч. 101

нило многочисленных и небезопасных наемников. Если наемные отряды сельджуков и «кельтов», выходцев из Англии и Шотландии, использовавшиеся чаще всего в качестве охраны дворца и царской сокровищницы в Магнезии, были немногочисленны, то половцы и латиняне составляли значительную часть никейского войска. С их мнением приходилось считаться даже

⁵⁰ Heisenberg A. Op. cit. S. 100—105.

⁵¹ Андреева М. А. Очерки... С. 77.

⁵² Андреева М. А. Прием татарских послов при никейском дворе // Сборник статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926. С. 187—200.

императорам. Именно с этого времени началось усиленное проникновение в разговорный греческий язык иностранных слов западного происхождения, а в традиции и нравы ромеев — «варварских» обычаев, которыми так изобилует эпоха Палеологов.

Поединки в Никейской империи не получили, по-видимому, распространения, хотя рыцарские турниры были известны уже в конце XII в. Зато существовал особый вид единоборства — судебный поединок. Акрополит сообщает, что когда Михаил Палеолог, командовавший находившимися на Балканах войсками, был обвинен одним из жителей Мелника в измене, то из-за отсутствия свидетелей Ватац приказал прибегнуть к поединку. Обвинитель и обвиняемый выехали друг против друга на конях в полном вооружении. Палеологу удалось сбить копьем жителя Мелника с коня, и тот был признан виновным и казнен (*Acrop.* I. P. 93. 1—95. 12). Вероятно, это судебное единоборство было заимствовано Византией уже давно (Акрополит пишет о нем как о нормальном явлении) и необязательно на Западе.

Другое заимствование, чисто западное, пришедшее на византийскую землю в это время вместе с латинскими наемниками, — ордалии, которые хотел ввести еще Ватац во время суда над Михаилом Палеологом⁵³, но встретил сопротивление со стороны как обвиняемого, так и духовенства. Однако в конце царствования Феодора II, когда увеличилось число обвинений в колдовстве, каждый обвиняемый, чтобы спастись, по приказанию императора должен был подвергнуться ордалиям. Нужно было, произнеся слово «свят», взять в руки раскаленный кусок железа и сделать три шага. Затем руку завязывали и человек проводил в посте и молитве три дня. Его признавали невиновным, если не оставалось следа от ожога (*Pachym.* I. P. 55. 4—9).

Еще одно нововведение, распространившееся в последние годы царствования Феодора II, заключалось в применении к обвиняемому особого рода наказания, чем-то напоминавшего китайские пытки: обвиняемого, раздев донага, сажали в мешок с дикими кошками. Именно такому наказанию была подвергнута Марфа Тарханиотисса, насильно выданная императором за Василия Каваллария и обвиненная по причине бездетности в колдовстве (*Pachym.* I. P. 55. 25—57. 13).

Иноземное влияние, и в первую очередь западное, сказалось не только на военном деле (создание собственных ромейских тяжеловооруженных отрядов) и нравах греков, но и в области религии и литературы. Хотя подавляющая масса населения была настроена враждебно по отношению к латинянам и их религии, однако многие образованные представители никейской знати стремились к сглаживанию антагонизма, а в конечном {82} итоге — к унии православной и католической церкви. Идеологическим обоснованием позиции пролатинской партии среди высшего духовенства и знати Никейи являлись богословские труды Георгия Акрополита и Никифора Влеммида. Если Влеммид в сочинении об исхождении св. духа предлагает компромисс, на основе которого западная и восточная церкви могли бы соединиться (*PG.* T. 142. Col. 568), то Акрополит, полагая, что все христианские народы являются членами одного тела, глава которого — Христос (*Acrop.* II. P. 31. 21—22), и что греки и латиняне связаны общим именем — ромей, вообще не видит серьезных преград для унии церквей. В этих взглядах чувствуется влияние западной богословской мысли⁵⁴.

Влияние культуры Западной Европы, усилившееся с начала крестовых походов и особенно после 1204 г., проявилось и в широком распространении среди знати Никейской империи рыцарского романа, возникшего на стыке двух цивилизаций⁵⁵. Однако, будучи переработкой западных образцов, он в то же время стал и продолжением популярного при Комнинах эллинистического романа со сказочными приключениями. О знакомстве с эллинистическим романом или его поздней переделкой свидетельствует рассказ Никифора Влеммида в его «Автобиографии» об упомянутом у Гелиодора в «Эфиопике» чудесном камне Пантарбе, обладавшем способностью притягивать золото, как магнит — железо (*Nic. Blem.* P. 30. 15—19). Следы влияния рыцарского романа можно найти и в переписке Феодора II Ласкариса. В одном из пи-

⁵³ *Geanakoplos D. J. Ordeal by fire and judicial duel at Byzantine Nicaea (1253): Western or Eastern Legal Influence? // Geanakoplos D. J. Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330—1600) New Haven L., 1976. P. 146—155.*

⁵⁴ *Richter G. Das Georgios Akropolites Gedanken über Theologie, Kirche und Kirchenheit // Byz. 1984. T. 44. S. 279—299.*

⁵⁵ *Алексидзе А. Д. Указ. соч. С. 3.*

сем Акрополиту (*Lasc. Ep. P. 67—71*) император рассказывает о сне, во время которого он проникает во дворец царя Солнца Мудрости. Описание дворца царя очень напоминает распространенный мотив рыцарских романов о дворце царя любви, а повествование о пребывании в нем императора вызывает в памяти сюжет анонимного романа «Велтандр и Хрисанца».

Большой популярностью при дворе пользовался «Физиолог», который в течение всего средневековья оставался домашним руководством по естествознанию и даже, по-видимому, входил в круг обучения (*Ibid. P. 126*). В нем рассказывалось о реальных и сказочных животных, растениях, камнях, их свойствах и символическом значении. Вера в чудеса и предопределение являлась неотъемлемой частью мировоззрения даже просвещенного грека. В этом отношении показательна история, рассказанная Феодором в письме Акрополиту, о сказочном звере трагелафе, живущем в Македонии (*Ibid. P. 103—104*). Это многоголовое животное с рогами не только на голове, но и на груди якобы убило архонта Тривидия, любимца Феодора. Он просит Акрополита, находившегося в это время (зимой 1254 г.) в Македонии, узнать подробности и сообщить ему. Ласкарис принял всю историю смерти Тривидия за чистую монету, хотя реальной в ней была лишь насильственная смерть архонта.

При дворе никейских императоров, которые, будучи полководцами, при случае и сами вступали в рукопашный бой или единоборство с противником (особенно Феодор I Ласкарис), высоко ценились физическая сила и ловкость и на их развитие обращалось постоянное внимание. Хотя представление об императоре как полководце в Византии всегда было традиционным, однако военно-политическое положение империи накладывало определенный отпечаток и на этот традиционный образ. В восьмой главе сочинения «Образ царя» Влеммид пишет, что император должен быть не только полководцем, но и примером для своих воинов; для этого он должен постоянно упражняться в езде верхом в полном вооружении, свободно владеть копьем или мечом, чтобы быть сильным и уметь переносить тяготы походной жизни (*PG. T. 142. Col. 668—669*). В среде никейской знати также ценили удаль, ловкость, силу, смелые выступления на поединках, которые по образцу западных турниров получили широкое распространение при Михаиле VIII Палеологе, еще до своего вступления на престол прославившемся как отважный воин (*Acrop. I. P. 137. 1—4*).

В Никее, как и ранее в Константинополе, музыка и пение занимали видное место. Торжественные выходы и приемы императора, пиры всегда сопровождались музыкой и пением целого придворного штата певчих. Но к чрезмерному увлечению музыкой и пением, даже церковным, относились отрицательно, считая их делом женским, не достойным мужчин, особенно в глазах воинственной аристократии. Феодор II, разделявший вначале подобные взгляды, став императором, стал усиленно покровительствовать распространению музыки, которую очень любил. Во время путешествий по Малой Азии музыка, по его выражению, была «единственной отрадой», хотя он часто оставался недоволен ее исполнением (*Lasc. Ep. P. 268*). Однако при дворе не только исполнялась, но и сочинялась музыка. До нас дошло имя одного из таких сочинителей — Георгия (*Ibid. P. 194*). Известно также, что Иоанн III Ватац сам сочинял музыку для церковных песнопений. Одна его мелодия находится в стихираре 1433 г. монастыря Пантократора на Афоне⁵⁶.

Музыкальные произведения исполнялись и скоморохами, игравшими на различных инструментах. Они переходили из города в город и нередко прибывали ко двору. Один из таких случаев описан в письме Феодора II к Музалону (*Ibid. P. 237*). Три скомороха, пришедших ко двору (один из которых изображал носильщика сыра, другой — носильщика вина, третий - дикого зверя), разыгрывали перед зрителями сцены из народной жизни. Своим видом (один был малого роста с красным лицом, другой — высокий и выпачкан сажей), поведением (один изображал глупца, другой — высокомерного человека) и содержанием разыгрываемых сенок они неизменно вызывали смех у публики. Кроме общих выступлений, были и отдельные номера. Так, один из них, старик, хорошо пел в музыкальном сопровождении песни Диониса, изображая из себя Вакха.

Среди развлечений придворной знати верховая езда и охота занимали едва ли не первое место. В Никейской империи, как и на Западе, знатные особы ездили только верхом на лошади: ходить пешком считалось унижительным. Хороший конь ценился очень высоко и стоил дорого. Феодор II, находясь в Албании, посылает в подарок Музалону коня, восхваляя при этом

⁵⁶ *Порфирий (Успенский)*. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. М., 1881.

его качества (хорошее сложение, ритмическую походку, масть), и выражает надежду, что тот будет конем доволен (Ibid. P. 250).

Полезным упражнением в верховой езде служила охота, которая при никейском дворе была двух видов — соколиной и псовой, для псовой дер- {84} жали своры гончих и борзых собак, при которых были ловчие. С собаками охотились в основном на оленей и кабанов. Охота была любимым развлечением знати и членов императорской семьи. Юноши знатных семей, едва получив начальное образование, отдавались охоте со всей страстью. Хорошей охотницей была Ирина, жена Ватаца. Увлекались охотой и Иоанн III и Феодор II, который любил слушать крик цапель и звук летящей стрелы, наблюдать преследование соколом птиц, хотя соколиной охоте предпочитал стрелы и лук, будучи сам искусным стрелком (Ibid. P. 156). Следует сказать, что умением стрелять из лука вообще славилось население Малой Азии, особенно жители Пелусиады и Филадельфии; но если простым подданным это умение помогало в борьбе с врагами, то для знати это был спорт, так как на войне они сражались копьем и мечом.

Среди других развлечений аристократии можно назвать циканий, своего рода поло, игру, пришедшую в Византию от кочевников. Игра проводилась в особых помещениях — циканистириях. Две команды юношей верхом на дрессированных лошадях стремились при помощи длинных ракеток со слабо натянутой сеткой загнать мяч величиной с яблоко в заранее назначенное для каждой команды место. Игра в циканий была в Никее очень популярной⁵⁷. Она и сейчас существует в Грузии под названием «цхенбурти».

Мы видим, что в греках Никейской империи христианство, любовь к философии, преклонение перед античной культурой прекрасно уживались с жестокостью западных ордалий и восточных пыток, со страстью к охоте и требующим большой физической силы и ловкости играм.

Последние годы существования Никейской империи при Михаиле VIII отмечены спадом культурной жизни государства, отходом от демократических и светских традиций в образовании (оно стало платным и впоследствии контролировалось патриархом). Но культурные достижения империи принесли свои плоды. Барьер, который разделял светскую и монашескую культуру до 1204 г., пал. Эллинизм больше не считался несовместимым с монашеской жизнью⁵⁸. По примеру Влеммида Плануд, игумен монастыря в Вифинии, преподавал светские науки мирянам. Он смог передать византийским гуманистам XIV в. научные традиции империи благодаря усилиям Ласкарисов по собиранию книг. Ученые теперь располагали обширным фондом лучших рукописей античных и византийских авторов⁵⁹.

В литературе, философии и общественной жизни Никейской империи особенно ярко проявилась «тяга к национальному объединению, протест против иноземной оккупации... чувство национального самосознания»⁶⁰. Восприятие жизни характеризуется глубоким интересом к античности, к окружающему миру и человеку. Культура Никейской империи в целом заложила фундамент, на котором расцвел поздневизантийский гуманизм и укрепилась впоследствии греческая народность, превратившаяся в современную нацию. Уже современники хорошо понимали значение Никее для последующих поколений. {85}

3

Культура Трапезундской империи

Многие характерные черты культуры Трапезундской империи воплотились в облике ее столицы — одного из древнейших городов Причерноморья, Трапезунда. Его благоприятное

⁵⁷ Андреева М. А. Очерки... С. 177—178.

⁵⁸ Tuiller A. Recherches sur les origines de la Renaissance byzantine au XIIIe siècle// Bulletin de l'Association G. Budé. P., 1955. Vol. 3. P. 75—76.

⁵⁹ Hunger H. Op. cit. Bd. 2. S. 67.

⁶⁰ Фрейберг Л. А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. М, 1975. С. 42.

географическое положение, роль административного и церковного центра (важнейшей митрополии Константинопольского патриархата), экономическое процветание стяжали городу славу и породили немало хвалебных риторических произведений, энкомиев и экфрасисов. Эти похвалы легко объяснимы. Перед глазами путника после долгого и нелегкого плавания или же трудных, выжженных солнцем и проходящих затем через горные теснины дорог Анатолии открывалась поистине пленительная картина города, утопавшего в садах, ласкаемого теплым южным морем, украшенного замечательными дворцами и храмами, гордого неприступностью стен своей твердыни.

Трапезундский акрополь возвышается в центре города, на обрывистом естественном плато, окруженном с запада и востока крутыми оврагами и водными протоками. В плане акрополь представлял собой клин, обращенный острием к югу и по горизонтали разделенный на три части. Самая южная из них — древнейшее ядро крепости — была заключена в наиболее мощные стены. Здесь находились императорские дворцы и административные здания. «Средний город», вторая система укреплений, также сложился еще до эпохи Великих Комнинов, вероятно в римский период, но его стены не достигали морского побережья, и с севера крепость была наиболее уязвима. Осада города сельджуками в 1223 г. показала это со всей очевидностью. Кроме того, сама территория крепости была слишком мала и с трудом вмещала жителей, укрывавшихся за ее стенами, когда городу угрожала опасность. Большие фортификационные работы были проведены императором Алексеем II в начале XIV в., когда стены были продлены до морского побережья и площадь укрепления более чем удвоилась.

В систему обороны были включены и царские дворцы, находившиеся в древнейшей части крепости. Они примыкали к ее западной стене, возвышаясь над ней примерно на два этажа. По описанию современника, автора «Энкомия Трапезунду» Виссариона Никейского, дворцы отличались особым великолепием внешнего и внутреннего убранства. Их фасады были обращены во внутренний двор крепости, Эпифанию. К центральной части дворцовых сооружений вела парадная лестница. Во внутренних покоях с одной стороны были расположены просторные палаты с балконами, с другой — большой тронный зал, где совершались торжественные акты, заседал синклит, принимались иностранные послы. Здесь под беломраморной пирамидальной крышей, опирающейся на 4 колонны, возвышалось царское место. В этом великолепном зале пол был выложен белым мрамором, а потолок и стены покрывали прекрасные росписи, возможно не только фрески, но и мозаики (Виссарион писал о сиянии красок, обилии золотых тонов, роскоши и яркости рисунков) (*Bess. Logos*. P. 63—65). На стенах в ряд были изображены фигуры всех царствовавших в Трапезунде императоров и их предков (видимо, Андроника I и его сына Мануила), а также сцены из истории Трапезундской империи, главным образом победы над врагами, среди которых видное место занимала сцена знаменитого разгрома сельджукских войск в 1223 г. Другая парадная зала была украшена росписями на темы Книги Бытия. Внутренние помещения дворца членились колоннадами. По обыкновению, при дворце имелась небольшая домовая церковь; возможно, она располагалась в северной угловой башне акрополя.

Ансамбль дворца и жилых помещений акрополя складывался веками. Современные исследователи Э. Брайер и Д. Уинфилд выявили его римскую основу, восходящую ко времени до III в. н. э., слои XIII, XIV, XV вв. и, наконец, османские¹. Однако в своем нынешнем состоянии крепость в основном сохранила тот облик, который сложился в период Трапезундской империи. Продуманная система обороны соединяла воедино весь комплекс построек. Прямо из императорского дворца можно было попасть непосредственно в «Средний город», в храм Богородицы Златоглавой (Хрисокефал). Свое название этот храм, уже с X в. являвшийся кафедральным собором, получил, видимо, от мозаичного изображения Богородицы в рост, с позлащенной главой, на одном из передних предалтарных столпов. В 1223 г. по велению победителя сельджуков императора Андроника I Гида это изображение было украшено драгоценными камнями и жемчугом (*П.-К. Сб. ист.* С. 115, 131). Собор являлся центром религиозной и политической жизни города: здесь венчали на царство, торжественно отмечали победы, внутри храма и рядом, у апсиды, погребали императоров и митрополитов.

¹ *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Wash., 1985. T. I. P. 191—195.*

К эпохе Великих Комнинов относится широкий размах строительства в Трапезунде. За эти два с половиной века было построено и реконструировано более сотни церквей как в самом Трапезунде, так и в разных городах и селах империи, сложились специфические черты Трапезундской архитектуры. Основным типом трапезундских церквей времен империи была базилика с одним куполом, чаще всего трехапсидная, с двумя полукруглыми боковыми апсидами и центральной пятиугольной, а также портиком, нередко возводившимся на последнем этапе строительства. Можно проследить формирование этого типа и распространение его по периферии империи и пограничные с ней территории. Наиболее ранней сохранившейся в Трапезунде церковью является церковь св. Анны, построенная в VIII—IX вв. и в дальнейшем, видимо, существенно не перестраивавшаяся. Это трехнефная базилика очень небольшого размера (8,94×6,60 м). Ее центральный неф почти в два раза выше боковых. Все три апсиды полукруглые. К X—XI вв. относится другая трапезундская церковь, известная как Накып Джами. Она также не имеет купола, но в отличие от храма св. Анны {87} здесь уже появляется центральная пятиугольная апсида в сочетании с двумя боковыми, полукруглыми.

В начале XIII в. возник вариант трехнефной базилики с одной центральной пятиугольной апсидой и нартексом. Он известен, в частности, по архитектуре митрополии — Хрисокефала. Фундаментальную перестройку этого храма Э. Брайер относит к 1214—1235 гг., когда существовавший ранее, в X—XII вв., собор был превращен в место коронации и погребения василевсов, чем и была обусловлена необходимая перепланировка². В Хрисокефале, как и в храме св. Анны, по традиции боковые нефы были еще ниже центрального. При реконструкции в 1341—1351 гг. были произведены существенные перемены: подняты коробовые своды, надстроен купол, появился эксонартекс. Облик привычного византийского крестово-купольного храма был изменен из-за удлинения западной части постройки. Эта архаичная черта присутствует и в других памятниках Понта XIII—XV вв., сохраняясь там вплоть до XIX в. Для сравнения укажем, что если в храмах Греции Капникареа (Афины), св. Апостолов (Фессалоники), Пантократора (Константинополь) и др. соотношение длины и ширины колебалось от 1,19 до 1,49, то в трапезундских церквях оно было значительно большим: 1,64 (св. Евгений), 1,86 (св. София), 1,92 (Хрисокефал)³. Два важнейших трапезундских храма — св. Софии (1245—1255) и св. Евгения (реконструкция после пожара 1340 г.) — строились сразу же как купольные базилики, имевшие в плане не равноконечный, а латинский крест. Храм св. Софии, в отличие от Хрисокефала имел три апсиды, причем центральная также была пятиугольной. Такой же тип имели церкви св. Евгения, св. Василия, св. Филиппа, св. Акиндина, св. Иоанна Богослова, Панагии Евангелистрии и др. В храме св. Софии появляется еще одна характерная деталь: к южному, северному и западному фасадам примыкают три больших портика. Постройка боковых портиков укореняется затем и в других памятниках. Северный притвор возводится в Хрисокефале (после 40-х годов XIV в.) и в церкви св. Евгения.

Строительство храма св. Софии в Трапезунде, равно как и реконструкция Хрисокефала, было связано с превращением города в столицу новой империи Великих Комнинов, символом которой должна была стать София Трапезундская, подобие Софии Константинопольской, находившейся тогда в «плену» у латинян. Ктиторм храма являлся император Мануил I (1238—1263), которого местный хронист называл «искуснейшим полководцем и счастливейшим» (*Panar.* P. 61. 18—19). В период постройки действительно были достигнуты немалые внешнеполитические успехи: в 1254 г., пусть ненадолго, был возвращен Синоп, раздвинуты южные и юго-восточные границы. Храму придавали большое политическое и религиозное значение. Это подчеркивалось и самим выбором места — на возвышенном берегу моря, и тем, что он был поставлен на высокий подиум, и относительно большими размерами, и системой внешнего декора. Не меньшее значение имели храм патрона города — св. Евгения, окруженный стенами и башнями одноименного монастыря, и митрополия — Хрисокефал. Многие архи- {88} тектур-

Файл byz3_89.jpg

Трапезунд. Храм св. Софии XIII в.

² Bryer A. Une église «à la demande du client» à Trébizonde // *Proche-Orient Chrétien*. 1982. T. 32. P. 216—232.

³ Millet G. Les monastères et les églises de Trébizonde // *BCH*. 1895. T. 19. P. 446.

ные особенности именно этих трех церквей послужили образцом для возведения новых памятников.

Большинство крупных трапезундских церквей принадлежало к типу храма с куполом на четырех свободно стоящих опорах, причем колонны подчас украшали резные ранневизантийские капители. Но в некоторых, преимущественно небольших, церковных постройках (св. Филипп, Панагия Евангелистрия и др.) купол на высоком барабане ставился непосредственно на стены, а не на колонны или столпы.

Сложившиеся в Трапезунде архитектурные особенности влияли и на возведение церквей в пограничных с Понтом районах. Это, например, церкви второй половины XIII в. в тюркских крепостях Испира и Байбурга. Однако большинство небольших церквей в сельской местности, например в области Мацуки, отличалось простотой архитектуры. Это небольшие однонефные базилики с круглой апсидой и цилиндрическим сводом, покрытые каменными крышами.

Примечательно оформление внешнего облика церквей столицы. В их облицовке отсутствует кирпичная кладка, которая иногда применяется лишь для нарушения монотонности тесаного камня. Кладка стен здания грубее кладки апсид. Впечатление тяжеловесности, монолитности нерасчлененного пространства в значительной мере сглаживалось системой внешнего декора. Стены украшались фасадными рельефами, лепным орнаментом, фресками, изредка даже мозаиками. Наибольшую известность получили рельефы храма св. Софии, особенно резной фриз его южного портика. Правая часть фриза изображала грехопадение Адама и Евы, левая — их изгнание из рая архангелом. Изображение одноглавого «комниновского» орла повторено дважды: над центральными окнами главной апсиды и в тимпане южного портала. Наряден архитектурный орнамент архивольта из виноградных листьев и кистей. И скульптура, и орнамент несколько напоминают рельефы церкви Ахтамара в Армении, где также представлены сцены из Книги Бытия. Но в Софии Трапезундской сцены распадаются на отдельные фигуры, техника более грубая, материал — серовато-желтый камень, — видимо, требовал побелки. Связь с рельефами Грузии и Армении предшествующего периода очевидна, но она носит опосредованный характер. Декоративные элементы храма имеют стилистическое родство, как считает Т. Талбот-Райс, с сельджукскими памятниками⁴, а особенности расположения сцен, почти точно иллюстрирующих вторую главу Книги Бытия (не слева направо, а в обратном порядке), имеют аналогии в сирийском искусстве. Однако, несмотря на параллели с Востоком, несколько контрастирующие с системой оформления интерьера, искусство декора в комплексе носило самобытный характер, органически впитывая в себя и преобразовывая достижения разных культур. На распространенность архитектурных орнаментов в Трапезунде указывает их применение, помимо св. Софии, на всех фасадах и на барабане храма св. Евгения, на барабане церкви св. Филиппа, на стенах Трапезундской цитадели (где, кстати сказать, также были представлены сцены из Ветхого завета) и т. д. Но еще шире практиковалась роспись наружных стен фресками. Она была на стенах церквей св. Анны и Накып Джамы, на западной стене и апсидах храма св. Евгения. Особенно яркие примеры ее обнаруживаются в церкви Таксиархов в Сахное и в храме монастыря Сумела. Правда, фрески в Сумеле относятся к XVI—XVIII вв., но генетически и они восходят к эпохе Великих Комнинов, следуя выработанным тогда образцам и иконографическим типам.

На наружной поверхности апсиды Хрисокефала располагалась мозаичная сцена Благовещения. К концу XIX в. еще были видны ее фрагменты, а теперь и они утрачены, и мы лишены возможности что-либо сказать о ее качестве и датировке, кроме того, что она относится к периоду до османского завоевания.

Наружные стены многих сельских церквей также расписывались фресками. Некоторые росписи, как, например, в церкви св. Феодора в Санксену (Мацука), весьма своеобразны и сделаны на фольклорный сюжет. К примеру, петух беседует с волком, а их диалог записан тут же, над фреской. Среди изображений мы иногда встречаем и портреты ктиторов и донаторов, в частности в церкви Таксиархов (Сахное). Роспись наружных стен отнюдь не является исключительно понтийской особенностью; она встречается и на Кипре, и в Греции, и в Молдавии.

⁴ *Talbot Rice D., Ballance S., Talbot Rice T., Winfield D. The Church of Hagia Sophia at Trebizond. Edinburgh, 1968. P. 55—82.*

Однако на Понте такие росписи делались систематически, хотя сохранности этих фресок, помимо {90} многих иных обстоятельств, мешало и то, что они, как правило, не защищались де-

Файл byz3_91.jpg

Трапезунд. Храм св. Софии. XIII в. Южный портик.

ревянными галереями или широкими свесами кровли.

Интерьер главных церквей Трапезундской империи также представляет значительный интерес; это и великолепные мраморные мозаичные полы Хрисокефала, св. Софии, св. Евгения, и разные капители часто вторично использованных колонн, и, конечно, фрески. К числу выдающихся произведений византийской монументальной живописи середины XIII в. относятся фрески храма св. Софии, открытые и расчищенные экспедицией под руководством Д. Талбот-Райса и Д. Уинфилда. Их отличают замечательный колорит, динамика рисунка, необычность и выразительность композиций. К сожалению, мы не знаем истоков этого творчества, так как в Трапезунде более ранних фресок практически не сохранилось, а росписи монастыря св. Саввы, о которых речь пойдет ниже, лишь альтернативно датируются серединой XIII в. и развивают несколько иные тенденции.

Отдельные черты сходства композиции фресок и миниатюр трапезундских рукописей X—XI вв. носят слишком общий характер и не позволяют говорить о существовании продолжающейся художественной традиции, хотя, возможно, именно миниатюры рукописей и послужили основой для создания своеобразной живописной программы храма св. Софии⁵. Близость росписей этого храма к лучшим образцам константинопольской школы приводит некоторых исследователей к заключению, что основным художником, работавшим в Трапезунде, происходил из этого древнего очага византийской культуры⁶. Но на трапезундской земле он был менее связан жестким иконографическим каноном. Он не следовал какому-то одному прототипу, но черпал свои образы из многих источников и из самой жизни. Этнический тип понтийцев наглядно проступает в образах евангельских персонажей. Зарисовкой с натуры кажется фигура пожилого человека, подпирающего подбородок и задумчиво рассматривающего на свет вино в стакане в сцене Брака в Кане. Нововведения коснулись порядка и последовательности композиций, в которые были введены необычные для того времени сюжеты. Например, цикл евангельских чудес в нартексе открывается темой «Христос и книжники», развитой затем в мозаиках Кахрие Джами. Особой выразительности мастер достигает в композициях Уверения Фомы, исцеления дочери хананеянки. Явления Христа ученикам на Тивериадском озере, в сцене Вознесения, в изображениях евангелистов и апостола Варфоломея. Новшества имеются и в росписи парусов, где одна из сцен жизни Христа соседствует с изображением евангелиста. Такое совмещение двух композиций в парусе не имеет аналогов в византийском искусстве.

Фрески св. Софии, отличающиеся несомненным высоким художественным вкусом, справедливо относят к кругу памятников, принадлежащих к наиболее прогрессивным течениям в искусстве XIII в. Многие элементы живописной программы Софии Трапезундской нашли свое продолжение и развитие в византийских памятниках эпохи Палеологов, иные, как, например, пестрота и многофигурность росписи подкупольного пространства, были отвергнуты. Но в самом искусстве Трапезундской империи этот памятник остался лучшим образцом.

Возможно, что ко второй половине XIII в., как доказывает М. Рестле⁷, относятся также росписи двух западных (верхней и нижней) часовен пещерного монастыря св. Саввы. Здесь также прослеживается переход от позднекомниновской линейности к более свободной и объемной живописной манере. Но все эти фрески, принадлежащие кисти местных мастеров, сохраняют ряд архаических черт в построении фигур и лиц, в колорите, где резко противопоставляются светлые и коричневатые тона. Проявилась и тенденция к пышному декору одежд и убранства, с обилием жемчуга и драгоценных камней. Индивидуальность стиля местных мас-

⁵ Talbot Rice D. a. o. Op. cit. P. 237—238; Lafontaine-Dosogne J. Remarques sur le programme décoratif de Ste Sophie à Trébizonde // Bb. 1981. T. VII. P. 391.

⁶ Talbot Rice D. a. o. Op. cit. P. 88—163, 184. О. Демус, напротив, относит росписи св. Софии к провинциальному искусству, отмеченному восточными влияниями; см.: Demus O. Die Entstehung des Palaiologenstils in der Malerei // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinistenkongress. München, 1958. S. 52—53.

⁷ Restle M. Die Byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Recklinghausen, 1967. Bd. 1. S. 86—88.

теров, локальные особенности не могут все же скрыть того, что фрески св. Саввы, как и св. Софии, следуют общему направлению в развитии византийского искусства и имеют аналоги в живописи балканского региона.

Близкими по стилю к росписям св. Софии являются фрески небольшой часовни Пророка Ильи в Вазелонском монастыре (конец XIII—XIV в.), отличающиеся выразительной композицией и высокой техникой письма, стремлением к объемному изображению фигур. {92}

Файл byz3_93.jpg

*Трапезунд. Храм св. Софии. XIII в.
Капитель колонны западного портика*

Плохое состояние большинства фресок XIV—XV вв., их недостаточная изученность, параллельное существование разновременных композиций, создаваемых на протяжении иногда нескольких веков по старым, точно копируемым образцам, крайне затрудняют исследование трапезундской живописи этого периода и делают многие выводы предварительными. И все же в росписях монастыря Богородицы Богопокровенной (Феоскепастос, вторая половина XIV в.), восточной часовни церкви св. Саввы (1411 г.), колокольни св. Софии (1442—1443) стойко сохраняются и нарастают в целом консервативные традиции, несмотря на высокую технику письма. В XV—XVI вв. тенденции к «огрублению» стиля, усилению линейности, схематизации композиций становятся все более заметными в росписи церковью Панагии Евангелистрии, св. Анны, армянского монастыря Каймаклы, монастыря Сумела. Вряд ли этот процесс был следствием прекращения регулярных связей с Константинополем во второй половине XIV в.⁸ Напротив, в это время можно говорить об их активизации⁹. Тогда, возможно, искусство бывших восточных провинций Византии оказало существенное влияние на фрески Трапезунда? Видимо, после систематического изучения памятников Центральной Анатолии и публикации этих материалов М. Рестле и на этот вопрос приходится отвечать в целом отрицательно. Скорее всего, перемены, происходившие во всем византийском искусстве второй половины XIV—XV в., сказались и на живописи Трапезунда, которая и раньше была теснее связана с более древними традициями комниновского искусства Константинополя. Аскетизация образов, преобладание линейно-графического стиля, подчеркнуто плоскостной характер изображений, делавшие живопись Трапезунда более архаичной, были связаны также с торжеством исихастских эстетических принципов и усилением прямых контактов с Афоном. Быть может, и черты сходства между искусством {93} Трапезундской империи и Балкан связаны с посреднической ролью Афона, где Трапезундская империя с 70-х годов XIV в. проявляла известную активность и располагала «своим» монастырем — Дионисиатом¹⁰.

Для мастеров, работавших в Трапезунде в XIII—XV вв. было характерно стремление тщательно моделировать лица, придавать образам черты индивидуальности. Отчасти это было, видимо, связано с очень широко распространенным в Трапезунде, как и на Балканах, искусством светского портрета. Современники и путешественники XVI—XIX вв. оставили нам описания целых галерей фресок, изображавших Великих Комнинов. Почти все сколько-нибудь заметные церкви города были украшены императорскими портретами. Помимо дворца, все императоры, от Алексея I до Алексея III, были представлены в храме св. Евгения. В св. Софии был изображен Мануил I и на восточной стене эксонартекса — Алексей III и его двор. На внешней стене колокольни св. Софии сохранялись изображения императора Алексея IV и Иоанна IV, стоящих по сторонам от Богородицы с младенцем Иисусом. В Феоскепастосе перед зрителем предстали Алексей III, его мать Ирина и жена Феодора Кантакузина (композиция известна по обобщенному эскизу, сделанному К. Тексье в 1839 г.)¹¹. На южной стене пещерного храма монастыря Сумела вплоть до начала XX в. были различимы портреты Алексея III и его сыновей — Мануила III и Андроника. В церкви Григория Нисского до ее реконструкции в 1863 г. сохранялись изображения шести императоров, в том числе, видимо, Иоанна II и его жены Евдокии, в церкви св. Константина (разрушена в 1880 г.) — Евдокии Комнины, возможно дочери Мануила III. Галерея императорских портретов имела и в нартексе Хрисокефала, где

⁸ Millet G., Talbot Rice D. T. Byzantine painting at Trebizond. L., 1936. P. 173—177.

⁹ Ср.: Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83—99.

¹⁰ Карпов С. П. Трапезундская империя и Афон // ВВ. 1984. Т. 45. С. 95—101.

¹¹ Texier C., Pullan R. P. Byzantine architecture. L., 1864. Pl. LXVI.

были погребены Андроник I Гид (1235 г.), Иоанн II (1297 г.), жена Алексея IV Феодора Кантакузина (1426 г.) и у храма сам Алексей IV (1429 г.). В церкви Богородицы Влахернитиссы в г. Триполи (ныне не сохранившейся) находились, вероятно, даже скульптурные портреты (или рельефы) императора Иоанна II и его супруги Евдокии Палеологини.

Сейчас об искусстве императорского портрета мы можем судить по миниатюрам, сохранившим образы Алексея III и его жены Феодоры в двух хрисовулах — монастырю Сумела (1364 г.) и Дионисиату (1374 г.). В этих изображениях, относящихся к типу «служебного» императорского портрета, где василевс представлен как учредитель, художник несомненно стремился к передаче портретного сходства. Императорская чета стоит на красном суппедионе. Василевс облачен в темный скарамангий и золотой лор, который, как и стемма с пропендулиями, обильно украшен драгоценными камнями. Красная одежда императрицы с широкими рукавами расшита золотыми двуглавыми орлами. На груди она скреплена круглой фибулой. Лица тщательно выписаны. Над головой василевсов не золотые, как обычно, а красные нимбы. Другой портрет трапезундского императора (вероятно, Алексея II) имеется в уникальной иллюминированной рукописи романа об Александре, принадлежащей Греческому институту византийских и поствизантийских исследований в Венеции. Рукопись была создана в XIV в. по заказу Алексея II. Император представлен стоящим на подиуме, в скарамангии и лоре, в венце, со сферой в руке. Традиционный портрет {94} государя-заказчика рукописи — не лишен индивидуальных черт и выполнен рукой опытного мастера¹².

Произведения монументальной живописи в Трапезунде создавались на темы местной истории, прославляли местную династию. Эти же черты проявлялись и в трапезундской литературе, где сложилась самостоятельная историческая школа. Ее известнейшим представителем был автор «Трапезундской хроники» Михаил Панарет (ок. 1320/30—после 1386).

Хроника Панарета — единственный, притом отличающийся большой достоверностью, источник, излагающий систематически историю Трапезундской империи с 1204 г. до конца XIV в. Всю историю государства Панарет связывал с правлением Великих Комнинов, что нашло отражение и в самом названии хроники: «О трапезундских императорах Великих Комнинах, как и когда и сколько каждый из них правил». Содержание произведения шире названия, но и оно отражает официальную версию истории Понта. Не случайно Панарет начинает свое повествование с образования империи в 1204 г. и не приводит сведений о партикуляристских движениях XI—XII вв. и правлении Гавров, первый из которых, Феодор, мученически погибший в борьбе с сельджуками в 1098 г., был причислен к лику святых.

Панарет был тесно связан с придворными кругами и получил высокие титулы протосеваста и протонотария. Он — уроженец Трапезунда. Об этом свидетельствует и прекрасное знание географии района, и язык хроники, чуждый аттицизирующего пуризма и допускающий местные, понтийские слова и термины. О роде Панаретов в Трапезунде мы не имеем, однако, почти никаких сведений. Лишь в конце XIV в. упоминается великий эконо́м трапезундской митрополии и патриарший экзарх в Трапезунде Феодор Панарет, но о его родственных связях с автором хроники мы не знаем (ММ. II. P. 154—155). Во всяком случае, Панарет не принадлежал к членам крупнейших феодальных семейств. То, что известно о его карьере, позволяет причислить его к среде столичного чиновничества. Панарет участвует вместе с императорами в походах против мятежных архонтов или туркменов (в 1351, 1355, 1356 и 1367 гг.), состоит в императорской свите и сопровождает Алексея III в поездках для ведения переговоров с соседними грузинскими и тюркскими правителями (в 1361, 1363, 1367, 1372, 1377 и 1379 гг.). В 1363 г. вместе с великим логофетом Георгием Схоларием и в 1368 г. самостоятельно Панарет отправляется с дипломатическими миссиями в Константинополь.

Хроника Панарета немногословна, особенно в своей первой части, примерно до начала XIV в., но содержащиеся в ней сведения тщательно отобраны и расположены в строгой хронологической последовательности. Хроника лишена всяких риторических красот, напоминая по лаконичности сухой стиль анналов. Но от византийских «малых» хроник ее отличает все же более подробное изложение событий, более определенная социальная позиция, наконец, нали-

¹² *Spatharakis I.* The Portrait in byzantine illuminated manuscripts. Leiden, 1976. P. 185—187; *Xyngopoulos A.* Les miniatures du roman d'Alexandre le Grand dans le codex de l'Institut Hellénique de Venise. Athènes; Venise, 1966; *Gallagher L.* The Alexander Romance in the Hellenic Institute at Venice. Some notes on the Initial miniature // *The saurismata.* 1979. T. 16. P. 170—205.

чие сведений о самом авторе и его семье (например: {95} *Panar.* P. 76). Панарет иногда сообщает сведения не только о трапезундских, но и о византийских императорах, в целом весьма почтительно относясь к империи ромеев. Панарету хорошо известен окружающий Трапезундское государство тюркский мир. У него нет высокомерно-пренебрежительного отношения к соседям. Тюркские слова и термины используются Панаретом, но это главным образом те слова, которые вошли в повседневную лексику понтийских греков. Панарет — вполне ортодоксальный автор, хотя его мало интересуют собственно богословские проблемы и теологические споры, сотрясавшие тогда византийский мир. В его светской по существу хронике даже не упоминается распространение исихастских взглядов на Понте. Вместе с тем апелляция к божественному провидению, объяснение благоприятного исхода событий божественной помощью нередки в тексте хроники. В этом Панарет вполне традиционен. Итак, по своему типу «Трапезундская хроника» — развернутая династическая история Великих Комнинов, с которым автор неразрывно связывает историю Понтийского государства.

Хроника Панарета была продолжена неизвестным автором с конца XIV в. до 1429—1437 гг. Продолжатель дополнял сочинение Панарета, вероятно, спустя некоторое время после того, как смерть, или болезнь остановила перо его предшественника. Несколько меняется принцип группировки материала, которому следовал Панарет: вместо последовательно-хронологического он становится фрагментарно-тематическим. Усиливается сугубо династичный характер повествования. Продолжатель сообщает исключительно сведения о смерти и matrimониальных союзах императоров.

С традициями трапезундской хронографии связаны и некоторые малые византийские хроники. Одна из них была написана трапезундцем в Константинополе и охватывает период с 1395 по 1427 г. (*Chr. brev.* I. N 94 A). В различных греческих рукописях нередко можно встретить пометы, фиксирующие те или иные события истории Трапезундской империи. Однако, помимо собственно хронографических произведений и записей, до нас дошли отрывки и более пространных трапезундских исторических сочинений. Собиратель и составитель «Обозрения чудес св. Евгения» трапезундский митрополит Иосиф Лазаропул включил в текст своего агиографического сочинения незначительно обработанное историческое повествование о разгроме под Трапезундом в 1223 г. войск сельджуков (*И.-К.* Сб. ист. С. 116—132). Этот фрагмент отличается детализацией описываемых событий, конкретным знанием местности и времени, имен и характеров действующих лиц. Поход мелика точно датирован, хотя в других случаях Лазаропул этого избегает. В изложении чувствуется живое восприятие хорошо осведомленного современника и очевидца событий. В «Обозрении чудес св. Евгения» Лазаропул довольно широко использует информацию и других, более ранних византийских источников. В частности, описывая восстание Варды Фоки в Малой Азии (987—989) (Там же. С. 79—84), он приводит факты, зафиксированные Скилицей и Зонарой. Но, помимо византийских историков, Лазаропул располагал также данными других, видимо местных, источников: о нападении стратарха Персармены Панкратия (Баграта) на Трапезунд во время мятежа Фоки, о пребывании в Трапезунде императора Василия II и его войне с ивирами в 1021 г. (Там же. С. 82—83, 84—86) и т. д. Лазаропул и сам свидетельствует {96} о наличии в его распоряжении в Трапезунде исторических произведений, которые он использовал (Там же. С. 116, 132).

Два отрывка из трапезундского исторического произведения с явными следами понтийского происхождения, мы находим в «Историях» византийского писателя Лаоника Халкокондила. Первого из них почти не коснулась рука составителя «Историй». Он включен в его текст в неизменном и неисправленном виде (*Chalc.* II. P. 219. 12—222.21). В отрывке рассказывается о династическом перевороте Иоанна IV в Трапезунде (1429 г.) и нападении на город шейха Ардебиля. По языку и стилю этот фрагмент резко отличается от сочинения Халкокондила. Он не обобщенно-стилизованно, а конкретно передает материал, называя большое число понтийских топонимов (монастырь св. Фоки в Кордиле, проастий Ахантос близ г. Платана, между Трапезундом и Кордилой, местность Мелиарис и его клисура Капаний). Хорошо известна автору и трапезундская титулатура: он всегда приводит официальное, техническое наименование титулов вместо описательного, как у Халкокондила. Язык трапезундского источника точен, прост и безыскусен. Его лексика характерна для живого, а не архаизирующего литературного языка. Правда, аноним не упоминает дат описываемых событий. Но это вполне понятно, так как жанр его произведения — история, а не хроника. Видимо, автор источника принадлежал к сторонникам императора Иоанна IV (1429—1458), оправдывая многие его поступки и даже преступления. Вот пример.

В середине 20-х годов XV в. Иоанн поднял мятеж против своего отца Алексея IV и матери Феодоры Кантакузины, воспользовавшись тем предлогом, что мать сблизилась с протовестиарием. Убив протовестиария, Иоанн, поддерживаемый местными архонтами, заключил родителей под стражу, намереваясь убить и мать. Но, встретив сопротивление архонтов таким планам, был вынужден бежать в Грузию, где вскоре женился на дочери царя Александра, ища его поддержки. Алексей же назначил своим соправителем и соимператором Александра-Скантария, младшего брата Иоанна. Хронист считает это несправедливостью по отношению к Иоанну. После смерти матери в 1426 г. Иоанн отправляется в Каффу и с помощью генуэзца Доменико д'Аллегро, предоставившего ему свой корабль, высаживается близ монастыря св. Фоки на Понтийском побережье. Воспользовавшись изменой архонтов Каваситов и Схолариев¹³, Иоанн подослал в лагерь императора наемных убийц. Ночью в своем шатре Алексей IV был убит. Аноним пытается оправдать это убийство, сообщая, что Иоанн лишь приказал взять отца в плен живым и привести к нему (Ibid. P. 220). Но было ли это выполнимо? Похитить императора из военного лагеря, даже если там гнездились предательство, было не просто. Да и сам историк не скрывает, что убийцы действовали в угоду Иоанну. Чтобы обелить последнего, аноним рассказывает о его гневе и жестокой расправе над убийцами (один был ослеплен, другому отрублены руки), а также о торжественном погребении тела Алексея IV сначала в монастыре Феоскепаст, а затем в специальной усыпальнице близ стен митрополии (Хрисокефала). Действительно, Иоанн IV в дальнейшем публично демонстрировал любовь, почтение и лояльность к отцу, торжественно перенес его прах, упоминая его имя в хрисовулах и надписях. Аноним следовал здесь официальной версии событий. Описывая затем оборону Трапезунда от шейха Ардебиля, историк подчеркивает, что в общей панике лишь Иоанн IV сохранил присутствие духа и исключительно его мужество и находчивость спасли город, когда многие архонты бежали на кораблях и по суше, бросив столицу на произвол судьбы (Ibid. P. 221—222). Затем этот же историк осуждает устранение от власти четырехлетнего сына императора Иоанна и захват престола его дядей Давидом, считая это несправедливостью, совершенной не без помощи того же феодального клана Каваситов (Ibid. P. 246).

Автор памятника, видимо, не принадлежал к архонтам, предательство которых он не раз осуждает.

Второй отрывок из трапезундского источника, описывающий поход Мехмеда II против Трапезунда в 1461 г., подвергся более тщательной литературной обработке Халкокондила (Ibid. P. 246. 19—249.31). Данные из анонимного трапезундского источника могли использоваться византийским писателем и в других местах, в частности при описании неудачной морской экспедиции Мурада II против Трапезунда и крымской Готии (Ibid. P. 37—38), о нападении на город османского губернатора Амасии Хитир-бея (Ibid. P. 222—223), о матримониальных связях Великих Комнинов с византийскими императорами и правителями туркмен (Ibid. P. 219). Трапезундский источник, находившийся в руках Халкокондила, вероятно, излагал лишь события XV в., так как данные автора «Историй» об образовании империи на Понте носят уже легендарный характер и изобилуют неточностями (Ibid. P. 218—219). Этот же Трапезундский источник был использован и в греческой хронике о турецких султанах, известной по Ватиканскому Барберинскому кодексу № 111¹⁴.

Упомянутые трапезундские исторические произведения различны по характеру, содержанию и манере изложения. Но все они свидетельствуют о наличии некоторых общих черт в трапезундской историографии, отражают в той или иной степени официальную версию истории империи и связаны с интересами правящей династии. Их авторы принадлежат не к феодальной знати, а к служилому чиновничеству. Все сочинения отличаются четкостью и конкретностью описаний, свободным употреблением понтийских слов и выражений. Их язык никак нельзя отнести к аттицизирующим образцам византийской исторической классики — он беднее, проще, ему чуждо стремление к искусственному пуризму и подражательности. Интересным явлением в трапезундской историографии было, как уже отмечалось, использование тюркской терминологии, вошедшей в официальное словоупотребление. Появляются новые ти-

¹³ См.: об этом: *Bryer A. The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor. Canberra, 1984. P. 309—327; Laurent V. L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (1429) // АП. 1955. Т. 20. P. 138—143.*

¹⁴ *Zoras G. Th. Χρονικό; ἡ περι; ἡ το; ἡ Τούρκων σουλτάνων κατα; ἡ το; ἡ Βαρβερίνων ε; ἡ ἑλληνικο; ἡ κω; ἡ δικά 111. ἡ Αθῆ; ἡ αι, 1957.*

тулы: деспина-хатун (деспинхат; *Panar.* P. 72, 76), амиртцантарий (эмир-чауш; *Ibid.* P. 68; и др. источники; титул был синонимом византийского протоспафария), великий чауш (*Ps.-Cod.* P. 345), адмирал (*Panar.* P. 81; *Ps.-Cod.* P. 345, 348). Сын трапезундского императора Алексея IV Александр на турецкий манер именуется Скантарием (*Chalc.* P. 219), башня — кулой (*Panar.* P. 65, 69, 75)¹⁵, {98} торговая площадь вне стен города — майтаном (майdan; *Panar.* P. 75; и др. источники).

В литературе Трапезундской империи большое место, помимо исторических, занимали агиографические и риторические произведения. Крупнейший свод легенд о патроне Трапезунда св. Евгении был составлен трапезундским митрополитом (1364—1367) Иосифом (Иоанном) Лазаропуллом. Лазаропулл был родом из Трапезунда, который называет своей родиной (*II.-K.* Сб. ист. С. 135). Вероятно, он принадлежал к довольно известному в городе семейству, так как еще в юношеском возрасте, будучи мирянином, был приглашен на пир в монастырь св. Софии вместе с самим протовестиарием Константином Лукитом и его свитой (Там же. С. 132—133). Всю жизнь, за исключением пребывания в Константинополе в 1341—1349 и 1364—1365 гг., Лазаропулл прожил в Трапезунде. В 1341 г. он стал скевофилаком. Когда началась гражданская война в Трапезундской империи, Лазаропулл, как и многие сторонники группировки, оппозиционной правлению Ирины Палеологини, подвергся конфискации имущества и отправился в изгнание в Константинополь. Здесь он выступал за восстановление на трапезундском престоле Алексея, сына императора Василия, вел об этом переговоры с византийским василевсом Иоанном VI Кантакузином и, наконец, вместе с Алексеем III вернулся на берега Понта в 1349 г. Став митрополитом в 1364 г. и получив посвящение от вселенского патриарха, Лазаропулл в 1367 г. довольно неожиданно покинул кафедру и удалился в монастырь Элеусы, где и написал свои агиографические сочинения — «Слово по случаю рождества прославленного чудотворца и великого подвижника Евгения» и «Второе обозрение чудес св. Евгения». Для обоих циклов характерно переплетение агиографического, риторического и исторического жанров. В первом случае риторическое сочинение — слово, произнесенное по случаю рождества святого, — превращается в свод агиографических сказаний, во втором — в агиографическое по жанру произведение включаются довольно значительные отрывки из светской истории, а также вводятся элементы риторики.

В «Слове» Лазаропулл не соблюдает хронологической последовательности повествования, как он делает это в «Обозрении», построенном по принципу исторического сочинения. Изложение Лазаропула не сухо и не стандартно. Он избегает слишком частого использования клише и стереотипов, следуя, вероятно, местным вкусам и традициям, конкретно описывает происходящие на Понте и вокруг него события, охотно рассказывает о себе и своей семье.

Создавая агиографический свод, Лазаропулл мог опираться на труды предшественников — константинопольского патриарха (1064—1075), трапезундца родом, Иоанна Ксифилина (Там же. С. 33—51), некоего купца из Константинополя Дионисия (время неизвестно; Там же. С. 67—68) и автора энкомия св. Евгению и его сподвижникам Канидию, Валериану и Акиле трапезундского протовестиария Константина Лукита (ум. в 1340 г.) (Там же. С. 1—32). С другой стороны, в конце XIV в. описание Чудес св. Евгения было продолжено анонимным автором, вероятно квалифицированным переписчиком рукописи, сохранившей комплекс житийных материалов о св. Евгении. Эта рукопись, принадлежавшая трапезундскому монастырю на Афоне Дионисиату, могла быть изготовлена по поручению Алексея III между 1374 и 1390 гг. (Там же. С. III—V). {99}

Отмеченная связь агиографии и риторики проявилась и в уже названном энкомии Константина Лукита, видного трапезундского ученого, родившегося в Македонии, воспитанного и получившего образование в Константинополе. При императорах Алексее II и Василии Лукит был протонотарием и протовестиарием в Трапезунде, занимал высшие посты в управлении государством. Его личность интересна тем, что он фактически возглавлял круг трапезундских ученых и риториков. Иосиф Лазаропулл назвал его «великим в слове и деле» (Там же. С. 133), а учитель Лукита Феодор Иртакин в своих письмах к нему именовал его «звонким витией трапезундцев, сладкоразумным протовестиарием»¹⁶ и всячески восхвалял его ум, образованность,

¹⁵ Такое употребление, впрочем, встречается и ранее, например у Кекавмена; см.: *Кекавм.* С. 248, 250, 270.

¹⁶ *Porte du Theil F. J. G., la. Notices et extraits d'un volume de la Bibliothèque Nationale // Notices et*

подчеркивая, что беседы с таким человеком доставляют невыразимое наслаждение. Видимо, это не просто слова эпистолярной любезности. Лукит принадлежал к той византийской интеллигенции, которой были близки гуманистические настроения и которая составляла своего рода *respublica litteraria*. Место Лукита в этом сообществе было недвусмысленно признано Никифором Григорой, читавшим письма Лукита в своем кружке и отметившим глубину их содержания и красоту стиля. Григора приветствовал увлеченность Лукита античными авторами и просил его поддерживать с кружком постоянную связь (*Greg. Ep. II. P. 349*). Известно также, что Лукит был обладателем большой библиотеки и сам переписывал книги, например «Илиаду» со схолиями. Кодекс, содержащий 7 первых книг сочинения Фукидида и труд Дионисия Галикарнасского «О характере Фукидида», также происходит из библиотеки Лукита и был унаследован им от Григория Хиониада¹⁷.

К сожалению, от наследия Лукита дошли буквально крохи: кроме названного энкомия, известен его «Плач» на кончину императора Алексея II (*Anal. Hieros. Stach. I. P. 421—429*). Восхваляя василевса, Лукит писал, что тот был мужествен, как Самсон, прекрасен, как, Иосиф, кроток, как Давид, мудр, как Соломон, страннолюбив, как Авраам, богат достоянием, как Исаак, и боголюбезен, как Иаков. О державе своей и власти он заботился, как второй Александр, о благочестии и православии — как новый Константин, а в щедрости и даролюбии вообще не имел себе равных. Император красив ликом, храбр и постоянен, преуспел в науках и наделен красноречием. Но за таким весьма традиционным набором похвал стоит и нечто особое — нарочитое подчеркивание благородства происхождения Алексея (одновременно от двух царских династий — Комнинов и Палеологов), что важно для отстаивавших свой суверенитет от Византии трапезундских монархов, а также личных доблестей правителя, восстанавливающего свое государство.

В похвалах Алексею II Лукит не был одинок. Стихотворные энкомии ему были написаны также протонотарием Стефаном Сгуропулом. О биографии Сгуропула мы почти ничего не знаем, кроме того, что он жил в начале XIV в. и был, видимо, немного старше Лукита, продолжившего и завершившего некоторые из его энкомиев. «Похвалы» Сгуропула написаны восьмистопным анакреонтическим стихом. Угождая василевсу, протонотарий вместе с тем дает ему советы. В частности, в первом стихотворении, направленном императору после похода к Керасунту в 1301 г. и разгрома им осаждавших город туркменов, он настойчиво побуждает Алексея как можно скорее приступить к возведению сильной крепости в городе, несмотря на отсутствие значительных средств для таких работ (и это было сделано василевсом) (*Ibid. P. 432—434*).

Заметное место в литературе Трапезундской империи занимают сочинения Андрея Ливадина. Их автор, выходец из Византии, как и Константин Лукит, прожил большую часть жизни в империи Великих Комнинов. С нею связаны 12 из 13 известных нам произведений этого автора. Ливадин родился в Константинополе в первом 15-летии XIV в. О занятиях его родителей мы ничего не знаем, но факты биографии Ливадина наталкивают на мысль, что он принадлежал к достаточно состоятельному, очевидно чиновному, семейству. Получив начальное образование, мальчик затем некоторое время учился в церковной, возможно даже патриаршей, школе, где слушал курс богословских наук. Каким-то образом здесь, в Константинополе, молодой Ливадин близко сошелся с трапезундским царевичем Василием, который затем, став императором, пригласил своего друга в столицу Понта. Но прежде Ливадин лелеял мечту о посещении Святой земли. В 1325—1326 гг. тайком от матери и старшего брата он поступил на службу младшим писцом к послам, отбывавшим ко двору мамлюкского султана Насир ад-дина Мухаммада. Это византийское посольство посетило Александрию, Каир, совершило паломничество в Палестину, побывав в Иерусалиме и Вифлееме. Оно было принято иерусалимским патриархом. Пережив затем кораблекрушение у ливийских берегов и вернувшись после долгих странствий в Константинополь, Ливадин вскоре получил должность апографевса (налогового чиновника) и отправился с императорским поручением на остров Тенедос. Оказавшись вновь в византийской столице, Ливадин продолжил образование, на этот раз, скорее всего, углубившись в риторiku.

Стремление к завершению образования и любезное приглашение старого друга — теперь уже трапезундского государя Василия — привели Ливадина в 1335 г. в Трапезунд, ставший тогда как центр астрономических и математических наук. С этого времени и началась трапезундская эпопея Ливадина.

Сначала, казалось, ничего не предвещало грядущих лишений и испытаний. Благополучное плавание, дружеский прием у императора, почести со стороны клира и особенно самого митрополита Григория, сближение с представителями знатнейшего рода Схолариев — все благоприятствовало молодому человеку. Он быстро приобрел завидное по его годам положение, получив гражданский титул табулярия и высокую церковную должность хартофилака. Но очень скоро, в 1341 г., Ливадин оказался ввергнут в бедствия, связанные с гражданской войной, о событиях которой он весьма туманно и боязливо, скорее намеками, сообщает в своих произведениях. Хартофилак был схвачен, лишен имущества, видимо немалого. Неудачная попытка вернуться в Константинополь с согласия одной из победивших группировок знати стоила ему новых неприятностей: посланные вдогонку трапезундские суда вернули его, уже добравшегося до берегов Крыма. Частые колебания на чаше неустойчивых политических весов {101} многократно отражались на судьбе писателя вплоть до 1355 г., когда наконец он занял свое прежнее положение при дворе Алексея III и стал официальным ритором, выступавшим на церемониальных торжествах.

Наиболее значительное произведение Ливадина — «Путеводительные записи» (Периигисис) — было написано вскоре после 1355 г. Условное название не в полной мере раскрывает существо авторского замысла. Периигисис — риторическое сочинение, «благодарственное слово» Христу и Богородице за избавление от многих болезней и бедствий. Но, с другой стороны, слово $\alpha; \nu \acute{\alpha} \beta \alpha \sigma \iota \varsigma$, употребленное в титуле, в начале и в конце произведения, является аллюзией на известный текст Ксенофонта. Ливадин создавал произведение одновременно и конкретно-историко-географическое (в пинаке он назвал его $\tau \omicron; \kappa \alpha \tau' \epsilon \mu \alpha \tau \omicron; \nu; \iota; \sigma \tau \omicron \rho \iota \alpha \varsigma \delta \eta \nu \eta \mu \alpha$ и риторическое ($\lambda \omicron \upsilon \sigma \varsigma \epsilon \nu; \chi \alpha \rho \iota \sigma \tau \acute{\eta} \rho \iota \omicron \varsigma$). Два плана как бы сливаются, переходя один в другой. Конечно, план риторики доминирует, но конкретика описаний, автобиографичность и мемуарность как бы выводят произведение за рамки избранного первоначального жанра. Среди наиболее подробных описаний можно выделить три: путешествие в Египет и Палестину, рассказы о нападении туркмен на Трапезунд и пожаре 1341 г. и о восстании великого дуки Схолария в 1355 г., к которому сам автор был причастен. Но, помимо этих отрывков, многие важные исторические сведения рассыпаны по всему Периигисису (*Libad.* P. 39—96).

Отдавая дань агиографии, Ливадин составил энкомий одному из наиболее почитаемых святых — св. Фоке, соединив житие синопского подвижника с похвалой ему. Это произведение испытало на себе влияние «Слов» Григория Назианзина (*Ibid.* P. 244). Стихи Ливадина (на Успение и Рождество Богородицы, на Благовещение) написаны ямбическими триметрами, иногда содержат повторы и, равно как и два небольших тропаря Богородице, вполне традиционны и не свидетельствуют о слишком большом поэтическом даровании автора. Стихотворные произведения предназначались для торжественной декламации ритора на празднествах в присутствии императорской фамилии и высшего клира. Для этой же цели Ливадином было написано и «Исповедание веры», которое должно было быть произнесено в праздник Преображения, 6 августа 1361 г.

Ливадин не был крупным и оригинальным писателем. Его никак нельзя причислить к гуманистическим кругам византийской интеллигенции. Круг его познаний довольно ограничен, но эти познания прочны и хорошо усвоены. Он вполне владеет техническим арсеналом риторики того времени, тщательно и в избытке подбирая к каждому случаю нужные стереотипы и клише, подчас перегружая ими повествование. Его взгляды вполне ортодоксальны и обычны, быть может, лишь ощущение нарушенной гармонии, мистическая экзальтированность, тяга к оккультным знаниям (отсюда и стремление изучить астрологию) отличают Ливадина. Традиционный писатель творил в нетрадиционной ситуации, в тяжелые годы лихолетья, когда не только политические теории, но и сама система духовных ценностей претерпевала серьезные изменения. В провинции, быть может, все это сказывалось не так остро, как в Константинополе но все же и здесь ощущалось, например, торжество исихастских идей носителями которых легко становились люди, подобные Ливадину. Некоторые, хотя и не очень четко высказанные, исихастские идеи содержатся в «Исповедании веры». {102}

Почва для распространения исихастских настроений в Трапезунде была подготовлена с середины XIV в. В 1351 г. был заключен брак Алексея III с племянницей поборника и защит-

ника исихазма Иоанна VI Кантакузина. Кантакузин активно способствовал возвышению роли трапезундской церкви во Вселенском патриархате¹⁸. В 1370 г. трапезундским митрополитом стал афонский монах Феодосий, связанный как с самим Кантакузином (он был игуменом Манганского монастыря, где Кантакузин принял пострижение), так и с патриархом Филофеем Коккином, особенно решительно проводившим на практике идеи исихастов. Наконец, в 1374 г. Алексей III уже активно сам участвует в делах Афона, колыбели и рассадника исихастских воззрений, основывая там трапезундский монастырь — Дионисиат. Этот акт чрезвычайно усилил популярность Великих Комнинов у святогорской братии. Монахи-исихасты стали подвизаться и в трапезундских обителях. Один из них, Мелетий-Макарий, окончил свои дни в 90-е годы XIV в. в трапезундском монастыре св. Саввы¹⁹.

Свидетельством распространения исихастских воззрений в Трапезунде является письмо Димитрия Кидониса Иоанну VI Кантакузину (между 1368 и 1372 гг.). Кидонис упрекает экс-императора за то, что тот направлял в Трапезунд и другие земли большое число своих сочинений, опровергавших трактат Прохора Кидониса о Фаворском свете²⁰. Проблеме Фаворского света и Преображения уделял внимание и Ливадин в «Исповедании веры», призывая к «молчаливой молитве» (σιωπή; λίστεύειν), тихому построению такой скинии веры, которая бы не испытала никаких смятений или потрясений среди тысячи вихрей и ураганов (Ibid. P. 88).

Литература Трапезундской империи XV в. украшена именами неизмеримо более ярких талантов. Это номофилак Иоанн Евгеник, трапезундский философ Георгий Амируци и не порвавший связей с родиной Виссарион Никейский.

Виссарион родился в Трапезунде в 1399 или 1400 г. и здесь получил начальное образование. Затем его занятиями стал руководить митрополит Досифей, в 1416 г. при отъезде из Трапезунда забравший мальчика в Константинополь. Находившийся и в дальнейшем под опекой Досифея Виссарион продолжал обучение в византийской столице у Иоанна Хортасмена. В 1425 г. мы встречаем его вместе со знаменитым впоследствии итальянским гуманистом Франческо Филельфо в школе ритора и грамматика Хрисококка. Творчество Виссариона принадлежит византийской культуре, но истоки его — на берегах Понта, с которым Виссарион всю жизнь не порывал связей и куда не раз приезжал. С Трапезундом связаны три монодии и стихотворная эпитафия Виссариона на смерть Феодоры Кантакузины, жены Алексея IV (конец 1426—начало 1427 г.), похвальное слово самому Алексею IV (ок. 1426 г.), речь в защиту учителя, митрополита Досифея, несправедливо изгнанного со своей кафедры в 1416 г. (30-е годы XV в.), три монодии на смерть дочери Алексея IV и жены Иоанна VIII Палеолога Марии (1439 г.) и особенно энкомий Трапезунду (1436 г.) — образец пространного риторического произведения, содержащего массу важнейших исторических свидетельств²¹. Описание Виссарионом крепости и императорского дворца в Трапезунде уже цитировалось выше. Виссарион предпринял экскурс в древнюю и новую историю Трапезунда, описывает выгоды его географического положения, большое внимание уделяет торговле и ремеслу города, называя его «эмпорием и эргастирием всей вселенной» (*Bess. Logos*. P. 36.33—37.1). Как и произведения трапезундской исторической литературы, энкомий прославляет царствующую династию Великих Комнинов, но, исходя из византийской традиции, начинает свой элогий с константинопольских Комнинов, прежде всего с Алексея I. Именно от него тянется «воистину золотая цепь» трапезундских василевсов, единой династии, неизменно и непрерывно управляющей городом и государством. Вместе с тем Виссариону чуждо отрицательное отношение к прародителю трапезундского дома — Андронику I, что было характерно для византийской историографии²², и он замечает, что Алексей, «первый царствующий над этой землей», унаследовал доблести византийских Комнинов именно через Андроника (Ibid. P. 58—59).

¹⁸ См.: *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь... С. 98—99.

¹⁹ *Bryer A.* Some Trapezuntine monastic obits (1368—1563) // *REB*. 1976. Т. 34. P. 132. N 5.

²⁰ *Cydon*. *Corresp.* Т. 2. P. 356. 16—25; *Mercati G.* *Notizie di Procoro e Demetrio Cidone*. Città del Vaticano, 1931. P. 338—340.

²¹ О ранних произведениях Виссариона (с указ. публикаций) см.: *Stormon E. J.* *Bessarion before the Council of Florence. A survey of early writings (1423—1437)* // *Byzantine Papers. Proceedings of the 1st Australian Byzantine Studies Conference*. Canberra, 1981. P. 128—156.

²² См.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе // *ВВ*. 1973. Т. 35. С. 154—164.

Энкомий написан отточенным классическим языком. За образец взяты речи Демосфена, Исократа и Ливания, особенно его энкомий Антиохии. Широко использованы также произведения Геродота, Платона, Аристотеля, Плутарха, Ксенофонта, Аппиана, Прокопия Кесарийского. Но при всем этом автор достаточно свободно оперирует обширным арсеналом художественных средств и, стилизуя текст, не следует какому-либо одному литературному трафарету. Читатель постоянно ощущает искреннюю привязанность Виссариона к своей родине, данью благодарности которой был энкомий, отличное знание ее прошлого и настоящего.

Более консервативен и привержен стереотипам экфрасис (описание) Трапезунда Иоанна Евгеника.

Иоанн Евгеник, брат знаменитого вождя византийских антиуниатов Марка Эфесского, родился в Константинополе в последнем десятилетии XIV в. в семье выходца из Трапезунда сакеллия Великой церкви Георгия, который занимался также преподавательской деятельностью. К 1435 г. и сам Иоанн уже стал учителем и, будучи рукоположен в диаконы, исполнял обязанности нотариуса и номофилака в патриархате. Перу Евгеника принадлежит большое число разнообразных произведений: от гимнографии до теологических трактатов. Связи Иоанна Евгеника с Трапезундской империей прослеживаются, начиная с очень раннего периода его жизни. В конце 20-х годов XV в. он адресует другу юности трапезундцу Георгию Амируци сочинение «О познании истины, или О добродетели и преимуществе жизни во Христе». В нем автор проповедует аскетические идеалы византийского монашества, столь чуждые, впрочем, адресату. Однако для обоснования своих положений Евгеник цитирует не только Библию и патристические тексты, но и довольно широкий круг древнегреческих философов, от Пифагора и Евклида до Платона и Филона (ПП. I. P. 67—111). {104}

Между 1429 и 1437 гг. Иоанном Евгеником был написан канон патрону Трапезунда св. Евгению. Издавая его текст, О. Лампсидис отмечал, что это произведение относится к первым, еще не очень умелым поэтическим опытам писателя²³. Более значительным произведением является монодия на кончину Марии Комнины, жены Иоанна VIII Палеолога (1439 г.) (Ibid. I. P. 112—114). С 1440 г. Иоанн Евгеник, как и его брат Марк, не мог находиться в Константинополе. Антиуниатские взгляды обрекли писателя на изгнание. Возможно, что местом его проживания наряду с Пелопоннесом был и Трапезунд²⁴. В эти годы, между 1440 и 1450, Евгеник создает в Трапезунде стихотворную эпитафию на смерть внука мангупского князя Алексея, приходившегося племянником деспоту, а затем императору Давиду²⁵, и известный экфрасис Трапезунда. Город поэтически описан в нем как «вершина или око всей Азии». Автор повествует о его мягком климате, удачном географическом положении, неприступности крепостей, веселых празднествах горожан, о доблести местных жителей, искусных воинов и мореходов, ремесленников и земледельцев. Трапезунд сравнивается с изысканным столом (обыгрывается символика слова *τράπεζα* — стол), дающим пропитание и одновременно приглашающим к беседе мудрецов и всех, стремящихся к приобретению знаний. Концовка экфрасиса свидетельствует об обстоятельствах его создания: прекрасный город трапезундцев был сладостным утешением для автора, пребывавшего в унынии и печали. Вероятнее всего, это указание на годы вынужденного изгнания, которые Евгеник провел в Трапезунде, где к униии и латинофильству относились враждебно²⁶.

Произведения Иоанна Евгеника, созданные в Трапезунде и посвященные городу, а также его переписка с деспотом Давидом и протовестиарием Георгием Амируци указывают на тесную связь ритора с империей Великих Комнинов. Нам мало известно об Иоанне Евгенике в последний период его жизни. Возникает, например, вопрос: где находился Евгеник после падения Константинополя в 1453 г. и не стал ли Трапезунд вновь его местопребыванием, где была создана его знаменитая монодия на захват османами византийской столицы?²⁷ Если это так,

²³ Λαμπρῖδης Ο. ᾽Αγιος Εὐ; ᾽γένιος ο; ᾽ Τραπεξοῦντιος // ΑΠ. 1953. Τ. 18. Σ. 168—176.

²⁴ См.: *Stiernon D.* Jean Eugénicos, écrivain byzantin (vers 1400—1455) // *Dictionnaire de spiritualité.* P., 1972. Т. 8. P. 505—506.

²⁵ ПП. I. P. 215—218; *Спиридонов Д. С.* Заметки из истории эллинства в Крыму // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2. С. 93—99.

²⁶ См.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 138—142. Текст экфрасиса: Ἰωάννου Εὐ; ᾽γενικοῦ ᾽Εχφрасис Τραπεξοῦντος / Ἐκδ. Ο. Λαμπρῖδης // ΑΠ. 1955. Τ. 20. Σ. 3—39.

²⁷ См.: *Мещерский Н. А.* «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ. 1953. Т. VII.

то объяснима причина столь быстрого перевода этого плача древнерусским книжником, учитывая прямые связи, существовавшие между Трапезундской империей и древнерусскими княжествами²⁸.

Одним из последних писателей и государственных деятелей Трапезундской империи был протовестиарий и философ Георгий Амируци (ок. 1400—после 1470), фигура крайне противоречивая, сыгравшая, быть может, роковую роль в истории этого государства. Как писал византийский {105} историк XV в. Критовул, Амируци отличался широкими познаниями в фи-

Файл byz3_106.jpg

Хрисовул Алексея III Великого Комнина {106}

зике и логике, математике и географии, в учении перипатетиков и стоиков, в риторике и поэтике (*Critob.* P. 165—166). Ему принадлежат оригинальные решения проблем математики и пространственной геометрии. Трактат Амируци по этим вопросам известен благодаря переводу и комментариям, сделанным в XVI в. Иоханном Вернером из Нюрнберга²⁹.

Амируци вовсе не был кабинетным ученым, отрешенным от мира созерцателем. Высокий и статный, прекрасный стрелок из лука, красноречивый оратор и галантный кавалер, игрок, дипломат и придворный, не стеснявшийся в средствах и не считавший зазорным круто менять политическую ориентацию, он напоминал скорее тот тип предприимчивого и образованного дельца и искателя приключений, который был так характерен для западноевропейского Возрождения. Не случайно генуэзский дож Лудовико ди Кампофрегозо в письме к трапезундскому императору назвал посла Амируци воином, «достойным рыцарем и графом». Занимая высокие посты в Трапезундской империи, Амируци являлся и довольно крупным земельным собственником. В частности, ему принадлежало много виноградников в разных районах империи.

Родившись в знатной семье в Трапезунде и там же получив образование, в 1438—1439 гг. Амируци принял участие в Ферраро-Флорентийском соборе в качестве светского советника трапезундской делегации. На соборе он не раз принимал участие во встречах представителей греческой и римско-католической церкви, присутствовал на беседах у византийского императора Иоанна VIII и патриарха, где определялся подход греков к обсуждавшимся на соборе проблемам, занимая при этом последовательно пролатинскую позицию по вопросам заключения унии. Видимо, не последнюю роль здесь сыграло его корыстолюбие: во время собора епископ Корона вручил «протонотарию Трапезунда Георгию» 100 золотых флоринов. В своем «Мнении» по поводу заключения унии, поданном императору, Амируци признал основное положение католической церкви о *filioque*³⁰. Но, вернувшись в Трапезунд и столкнувшись с сопротивлением унии, к заключению которой он был причастен, со стороны местного населения, митрополита Досифея и, по-видимому, самого трапезундского императора, Амируци круто изменил позицию, став в один ряд с осуждаемыми им ранее Марком Эфесским и его братом Иоанном Евгеником. Именно Амируци приписывается трактат «О событиях, происшедших на Флорентийском соборе», адресованный некоему правителю Навплия Димитрию. В этом трактате (полемического, а не исторического содержания) автор обрушивается главным образом на отстаиваемое католической церковью право папы римского производить добавления к символу веры без санкции подлинно вселенских соборов. Папа, по мнению автора трактата, не является главой всей христианской церкви, а Флорентийский собор, санкционировавший унию, не был вселенским как в смысле представительности, так и вследствие нажима на греческое духовенство и со стороны папы, и со стороны императора. Автор критиковал тезисы о непогрешимости {107} пап и папском примате, отстаивая пентархию в церкви, основанную на равенстве апостолов, но он признавал первенствующее положение пап лишь по «чести»³¹.

С. 72—86.

²⁸ Ср.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 38—47.

²⁹ *Ioannis Veneri Nurenbergensis recens interpretamentum in Primum librum Geographii Cl. Ptolomaei. Nurenbergae, 1514.*

³⁰ *Jugie M.* La Profession de foi de Georges Amiroutzès au concile de Florence // EO. 1937. Т. 36, N 186. P. 175—180.

³¹ *Mohler L.* Eine bisher verlorene Schrift von Georgios Amiroutzès über das Konzil von Florenz // OChP. 1920. Т. 9. P. 20—35; *Jugie M.* La lettre de Georges Amiroutzès au duc de Nauplie Demetrius sur le concile de Florence // Byz. 1939. Т. 14. P. 77—93. Дж. Джиллом был выдвинут ряд аргументов против авторства

Суждения эти не представляют собой чего-либо нового по сравнению с более пространными и тщательно обоснованными возражениями таких вождей антиуниатов, как Марк Эфесский и Георгий Схоларий. Составитель в основном использует ту же аргументацию, опираясь на вековые традиции антилатинской полемики. Правда, немного смещен акцент — от критики приобщения *filioque* к критике папского примата.

К 1449 г. Амируци обрел репутацию столь же решительного противника унии, сколь решительным адептом ее он был 10 лет назад. До конца дней он не потерял интереса к истории собора и, возможно, являлся одним из переписчиков или редакторов знаменитого сочинения Сильвестра Сиропула о соборе³².

В 1449 г. Амируци был направлен трапезундским послом в Геную для урегулирования финансовых противоречий, а также для переговоров о заключении брака между сыном Иоанна IV и одной из дочерей дожа Лудовико ди Кампофрегозо. Приветствуя эту миссию, не кто иной, как Геннадий (Георгий) Схоларий, в письме к Иоанну IV отметил, что Амируци распространил славу империи на все города и острова, через которые проезжал, и назвал его «добрым и прекраснейшим» (*Gen. Schol.* Т. 4. Р. 453—454). Свидетельством сближения с антиуниатами явилось и то, что Иоанн Евгеник послал Амируци эпитафию на смерть своего брата Марка Эфесского.

В 1461 г. Трапезунд был осажден турецкими войсками. Их авангардом командовал двоюродный брат Амируци по материнской линии Махмуд-паша, вступивший через Амируци в переговоры о сдаче города султану. По совету протовестиария император Давид открыл османам ворота, приняв тяжелые условия капитуляции. Трудно сказать, было ли это со стороны Амируци предательством или же реальным осознанием безвыходности положения, когда Трапезунд был полностью отрезан от всех союзников. Во всяком случае, Амируци вместе с императорской семьей и другими знатнейшими трапезундцами оказался в Адрианополе, откуда и послал Виссариону Никейскому свое знаменитое письмо с описанием военных действий у Трапезунда и судьбы города. В письме Амируци просил у кардинала помощи в выкупе своего сына Василия, которого султан забрал в сераль и принуждал к принятию ислама (PG. Т. 161. Col. 723—728). Но очень скоро Амируци завоевал довольно прочное положение при султанском дворе и использовал свои связи с Махмуд-пашой. В частности, греческие нарративные источники более позднего времени сообщают, возможно не без преувеличений, что, когда церковные власти воспрепятствовали заключению незаконного брака Амируци (который не был разведен) {108} с вдовой последнего герцога Афин Франко Аччайуоли, Амируци добился в 1463 г. через своего родственника смещения патриарха Иоасафа Кокки и наказания его советника великого епископа Мануила Христонима, у которого были вырваны ноздри³³. Амируци оказывал существенное влияние на политику константинопольского патриарха в 1463—1470 гг. Например, он способствовал тому, что владения трех крупнейших монастырей Мацуки были сохранены за ними после османского завоевания³⁴. Видимо, Амируци не стал ренегатом, подобно двум своим сыновьям, но его принадлежность к туркофильской партии не оставляет сомнений.

Султан поручал Амируци составление карты мира по Птолемию и переводы этого античного географа, вел с Амируци беседы о сущности христианства. Эти беседы легли впоследствии в основу обширного философского произведения Амируци «Диалог о вере в Христа с турецким султаном». «Диалог» сохранился лишь в латинском переводе, сделанном в Риме в 1518 г.³⁵

Амируци и в защиту более позднего (XVI—XVII вв.) составления этого произведения. Вопрос этот, однако, еще не решен, так как нельзя исключить возможности позднейшего редактирования и изменения текста. См.: *Gill J.* A Tractate about the Council of Florence attributed to Georges Amiroutzes // *Journal of Ecclesiastical History.* 1958. Т. 9. Р. 30—37.

³² *Gamillscheg E.* Der Kopist des Par. gr. 428 und das Ende der Großkonnenen // *JÖB.* 1986. Bd. 36. S. 287—300.

³³ *Historia Politica et Patriarchica Constantinopoleos.* Bonn, 1849. P. 97—99.

³⁴ *Continuity and change in late byzantine and early ottoman society* / Ed. by A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Dumbarton Oaks, 1986. P. 83—86.

³⁵ *Argyriou A., Lagarrigue G.* Georges Amiroutzès et son «Dialogue sur la foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs» // *BF.* 1987. Т. XI. P. 29—221.

Перу Амируци принадлежат также шесть поэтических произведений. Четыре стихотворения обращены непосредственно к султану, причем первое из них написано трохеем и относится к числу древнейших рифмованных стихотворений на светскую тему на греческом языке. Автор побуждает музу восхвалять сопричастного ей василевса, превратившего ранее чужую ему страну в свой удел и равного деяниями великим героям древности — Ахиллу и Александру Македонскому. Второе составлено как величание «владыки и скиптродержца всей вселенной», «справедливого царя царей», всеобщего благодетеля, мечом карающего творящих несправедливости, постигшего глубины премудрости и расширившего пределы государства, затмевающего всех владык, как свет солнца затмевает звезды. Эту же солнечную топику для создания образа государя, как небесное светило — природу оживляющего души подданных, Амируци использовал и в стихотворении на возвращение султана из похода (60-е годы XV в.). Трапезундский философ заставляет саму столицу, Константинополь, произнести благодарственную речь своему повелителю, украсившему древний город, подобной юной и прекрасной деве, румянами и драгоценностями (намек на градостроительную деятельность Мехмеда II и переселение в город из других мест торгово-ремесленного населения)³⁶. Набор похвал и метафор сравнительно традиционен для византийской риторики. И хотя Амируци иногда создает для них новые стихотворные формы, основная инновация заключена в почти литургическом восхвалении не-эллинского героя, победившего не врагов эллинов, а само их племя. Впрочем, из привычной топики у Амируци выпадает уподобление государя Богу, неуместное для мусульманского владыки. {109}

В двух четверостишиях к «мухлиотиссе» Амируци стремится передать сложность любовного чувства, таящего в себе и сладостный трепет обожания, и радостное изумление, и муки страдания.

Политические и философские идеи Амируци представляют большой интерес, но, к сожалению, мы чаще узнаем о них по письмам корреспондентов трапезундского философа, чем по немногим дошедшим до нас его трактатам. Поэтому не всегда возможно четко определить, как автор решает те или иные философские или этические проблемы, но зато можно составить достаточно полное представление о круге его интересов и сфере занятий.

Первый трактат, приписываемый Амируци, был создан незадолго до 1437 г.³⁷ Он облечен в форму ответа на вопрос византийского императора Иоанна VIII: почему, сотворив человека слабым и немощным в духовном и телесном отношении и предрасположенным, к греху, Бог карает его за прегрешения наказанием вечным и не имеющим предела? Исследуя человеческую природу и доказывая ее богоподобие, предназначенность любви и почитанию Бога, Амируци видит основной смысл человеческого существования в обуздании страстей и греховной природы. Для этого у человека есть полная и нестесняемая свобода воли. А в помощь ему дана органически присущая ему добродетель, состоящая в богопочитании и любви к ближнему. Причина греха не в немощи: человек способен управлять телом и ему незачем уподобляться бесплотным духам — ангелам. Такое уподобление есть гордыня и стезя греха, дьявольское искушение (не скрыто ли тут осуждение монашества?). Амируци полагает, что грех есть плод человеческой бездеятельности и порока, праздности, неосведомленности в божественных заповедях. Человек способен сам избрать путь греха или спасения, для чего он наделен достаточными силами, согласно своей природе. И Амируци призывает к исследованию этой природы, придавая познанию большую роль в спасении. Прежде всего, следование разуму (λόγος), а не страсти (πάθος) и чувству (αισθησις) приводит человека к добру и спасению. Причина же зла — в сознательном и добровольном подчинении разума чувству и страстям.

Таким образом, уже в своем первом философском опыте Амируци ставит проблему свободы воли индивида, наделенного самостоятельной властью в выборе поступка. Разум, развивающееся рациональное начало поставлены Амируци в центр этики. Мудр тот владыка, завершает свой ответ императору Амируци, который Разум сделал основой жизни и правления.

³⁶ Λάμπρος Σπ. Ποιήματα Γεωργίου τοῦ Ἀμοιρούτζη νυν τοῦ πρώτου ἐκδιδόμενα // Δελτίον τηῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας τηῆς Ἑλλάδος. 1885/89. Τ. 2. Σ. 275—282; *Reinsch D. R.* Byzantinisches Herrscherlob für den türkischen Sultan. Ein bisher unbekanntes Gedicht des Georgios Amirutzes auf Mehmed den Eroberer // *Cupido Legum*. Frankfurt a. M., 1985. S. 195—210.

³⁷ Τομαδάκης Ν. Β. Γεωργίου φιλοσόφου τοῦ Ἀμοιρούτζη πρὸς τὸν βασιλέα Ἰωάννην τοῦ Παλαιολόγου αἰρηρήσαντα // *ΕΕΒΣ*. 1952. Τ. 22. Σ. 114—134. Сомнения в принадлежности трактата Амируци: *Argyriou A., Lagarrigue G.* Op. cit. P. 46—47.

Задумываясь над вопросами, находившимися в центре внимания и итальянских гуманистов, Амируци не только опирается на авторитет Священного писания и Священного предания (особенно Иоанна Златоуста), но и довольно широко использует произведения античных мыслителей, в частности Платона. Анализируя этот трактат, надо иметь в виду, что он создан по заказу и накануне Флорентийского собора для уяснения некоторых философских проблем вероучения. Недаром автор начинает повествование с наиболее общих вопросов космологии и онтологии, {110} рассматривая этические проблемы в рамках всей богословской системы.

Вполне традиционны два других трактата Амируци: «Исповедание веры» и «Письмо о Флорентийском соборе». Носящие официальный характер и написанные «по случаю», они вряд ли полностью обнаруживают истинные взгляды автора. Гораздо больше мы узнаем из «Диалога о вере в Христа», предназначенного не для прочтения турками или греками, а для распространения на Западе и для оправдания автора в приверженности христианству, а не исламу. Вероятно, «Диалог» относится к числу последних и самых значительных трудов Амируци. Издатели датируют его примерно 1470 г.³⁸

В отличие от стихотворных похвал султану в «Диалоге» Амируци сетует на его нетерпимость и гневливость, показывает слабость его аргументов в философских спорах. Но более всего огорчает автора положение греческого народа под властью завоевателя. Среди греков уже не остается людей, способных читать и понимать литературный текст (поэтому и адресует Амируци свой «Диалог» латинянам). Турецкая власть не сравнима с властью македонян или римлян, ранее завоевывавших греков, но заботившихся о процветании наук и оставивших грекам их свободу и их собственные законы (*liberos ac sui juris eos dimiserunt*). Ныне же все греки и их родина находятся в плену, а сам автор был обращен в рабство³⁹. Лишь образованность Амируци и его знание философии побудили султана включить Амируци в состава двора (*inter familiares*) и часто вести с ним беседы. Запрещая Амируци высказываться по поводу исламского вероучения, султан побуждал его доказывать непротиворечие христианской веры общим философским понятиям. Рассматриваемые в «Диалоге» проблемы фокусируются вокруг возможности и необходимости воплощения Бога, его троичности и единства, телесного воскресения мертвых.

Отличительной чертой «Диалога» является то, что для доказательств истины веры Амируци использует логические, философские аргументы. Он демонстрирует знание не только православной, но и томистской традиции, ставшей известной византийцам, в частности, благодаря переводам «Суммы теологии» и «Суммы против язычников» Фомы Аквината на греческий язык Димитрием Кидонисом. Используя методы диалектики, Амируци показывает непротиворечивость аристотелевского положения о неизменности божества и христианского догмата о воплощении. Как и в других произведениях, Амируци отстаивает идеи о свободе воли человека, об универсальности рациональных доказательств, основанных на постижении естественных законов бытия. Лишь божественное Предопределение недоступно для человеческого разума. Амируци как бы выводит его за пределы собственно научного познания.

«Диалог» показывает поверхностность, прагматизм туркофильства Амируци, его вынужденный характер. К сожалению, конец «Диалога» не сохранился. Итоги спора нам неизвестны. Быть может, в какой-то мере они угадываются из письма к Амируци Михаила Апостолия (1466/67), полного, правда, иносказаний и недомолвок, а также из переписки философа {111} с митрополитом мидийским Феофаном Агаллианом (1468—1470-е годы)⁴⁰. Возможно, в угоду султану, страшась его гнева, Амируци должен был уступить в признании мусульманского монотеизма, а затем оправдываться написанием «Диалога». Амируци отрицает как принцип идею мученичества во имя торжества веры (на чем настаивал его корреспондент Феофан, считавший, что нельзя избегать «заразных мест» и опасностей, назначенных человеку Провидением). Амируци выдвигал другую теорию: человек обязан всеми доступными средствами оберегать прежде всего себя от угрожающих опасностей. И он следовал в жизни этому принципу.

³⁸ *Argyriou A., Lagarngue G. Op. cit. P. 52.*

³⁹ *Ibid. P. 64.*

⁴⁰ *Noiret H. Lettres inédits de Michel Apostolios. P. 1889. P. 83—84; Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Θεοφάνους Μηδείας και Γεωργίου Ἀμηρούτση Ἐπιστολαί // ΚΣΦΣ: Παράρτημα. 1884. Τ. 15—18. Σ. 18—29.*

Апостолий, хваля Амируци, подчеркивал, что трапезундский философ считал суеверием, свойственным в основном людям из народа, страдание за веру.

Опираясь на античное наследие, Амируци вместе с тем придавал определенное значение и опытному знанию. Непосредственно занимаясь географией и медициной, астрономией и математикой, он стремился к рационалистическому истолкованию причинно-следственных связей в природе и обществе. Это проявлялось, в частности, в его полемике с упомянутым митрополитом Феофаном по вопросу о роли божественного предопределения, где Амируци развивает положения, содержащиеся в «Диалоге о вере в Христа». Признавая, что никто не может уклониться от воздействия божественного промысла (*πρόνοια*), Амируци вместе с тем заявляет, что не все явления в жизни происходят по его воле, но многие обусловлены иными, естественными причинами. Идя далее, он высказывает мысль, что сам промысел произведен от природы (*φύσις*), действует через ее посредство и имеет только корректирующее значение.

Подчас взгляды Амируци приближаются к пантеистическим, а современнику, клирику Феофану, он казался философом эллинизирующим, т. е. близким к язычеству.

Истоки концепции Амируци встречаются в его ранних произведениях. В частности, в «Гимне богу» он восхваляет бога — демиурга и творца, общего попечителя, но почти целиком обходит вопрос об активном воздействии на человека и общество божественной воли и энергии⁴¹.

Политические идеи Георгия Амируци были всецело порождены условиями тяжелого для греческого народа времени крушения эллинской государственности и принадлежностью автора к туркофильской группировке. Уже в стихах к «эмиру» (Мехмеду II) Амируци, как и Критовул, мечтает о превращении султана в вождя и царя эллинов, создателя всемирного могучего государства, лелея, быть может, как Пий II или Франческо Филельфо на Западе, надежду на принятие Мехмедом христианства.

Амируци поддерживал тесные связи с итальянскими гуманистами. Леонардо Бруни Аретино адресовал ему свой трактат о Флорентийской республике как человеку, интересовавшемуся политическими теориями. К Амируци из Милана обращался и Филельфо, рекомендуя знаменитому философу и влиятельному при султанском дворе человеку итальянского архитектора Антонио Аверулино, отправлявшегося на Восток (1465 г.). {112} Проявлявшиеся у Амируци индивидуалистические устремления, увлечение античными авторами (кстати, причисление Амируци к сторонникам аристотелизма не совсем верно: он широко комментировал и использовал в своих трудах и сочинения Платона), энциклопедичность познаний и широта интересов сближают трапезундского мыслителя с современными ему гуманистами, хотя многое еще прочно связывало Амируци со средневековым догматическим мировоззрением. Впрочем, гибкость теории, граничащая с эклектизмом, и гибкость жизненных позиций, близкая к беспринципности, свидетельствуют о разложении традиционной морали, об эгоистической окраске индивидуалистических построений.

Значительный интерес Амируци к естественным наукам не случаен: именно эти науки издавна изучались на Понте. Постоянные связи с Востоком и широкая посредническая торговля стимулировали их развитие. По «Космографии» и «Автобиографии» известного армянского ученого VII в. Анании Ширакаци мы узнаем, что уже в то время в Трапезунде в монастыре св. Евгения преподавал отличавшийся широким кругом познаний учитель Тихик, к которому устремлялись ученики как из соседних областей, так и из Константинополя. Тихику принадлежала обширная библиотека, предоставленная для нужд учеников⁴².

В эпоху Великих Комнинов Трапезунд вновь становится центром изучения естественных наук. Основа этого была заложена деятельностью уже известного нам протовестиария Константина Лукита, который, занимая видный пост, мог стимулировать и субсидировать занятия, а также непосредственно Григорием Хиониадом.

⁴¹ Λόμπρος Στ. Γεωργίου Ἀμιρούτζη α; ἡ ἐκδοτος εὐ; ἡ; προ; ἡ; το; ἡ; Θεόν // NE. 1906. Τ. 3. Σ. 51—55.

⁴² Анания Ширакаци. Космография. Ереван, 1962. С. 45—46; *Он же*. Автобиография // Армянская география VII в. СПб., 1877. С. XVIII—XX. Астрономические школы Трапезунда и Константинополя были издавна тесно связаны друг с другом. Учителем Тихика, например, был преподававший в Константинополе в царствование императора Ираклия Стефан Афинский. См.: *Wolska-Conus W. Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie* // REB. 1989. Т. 47. Р. 20—24.

Константинопольский врач Григорий Хиониад (сер. XIII в.—ок. 1330 г.) прибыл в Трапезунд ранее 1295 г. и добился от императора Иоанна II большой денежной субсидии для поездки в Персию, где при ильханах успешно развивалась астрономия, были основаны обсерватории в Мараге (1259 г.) и при Газан-хане (1295—1304) — в Тавризе. Пробыв несколько лет в Иране между 1295 и 1301 гг., Хиониад изучал персидский и арабский языки, достижения восточной астрономии. В Трапезунд он привез большое число книг по астрономии, которые затем перевел на греческий язык и снабдил комментариями как письменными, так и устными,ставляя учеников. Используя восточные астрономические сочинения — зиджи, Хиониад составил астрономические таблицы, а позднее, вероятно уже в Константинополе, перевел и прокомментировал сочинение известного персидского астронома, которого он называл своим учителем, Шамс ад-дина ал-Бухари (1254—ок. 1339). Достоверно известно, что Хиониад жил в Трапезунде в сентябре 1301 — апреле 1302 г.; предполагают, что он возвращался на Понт и в 1297—1299 гг.⁴³ Во всяком случае, преподавательские и деятельность Хионида оставили там свой след. Часть его библиотеки досталась ученикам, один из них был Константин Лукит, с которым Хиониад всю жизнь поддерживал активную переписку. Около 1305 г. Хиониад был рукоположен в сан епископа в Тавризе. Константинопольский патриархат был озабочен судьбой православного населения в Иране после принятия в 1304 г. ильханами ислама и решил послать в Тавриз хорошо знавшего местные условия человека. Путь Хиониада вновь лежал через Трапезунд, где он был любезно принят императором и куда он возвратился примерно через 10 лет уже в преклонном возрасте, покинув свою кафедру и исполнив миссию, учитывающую одновременно интересы и Византии, и Трапезундской империи⁴⁴.

В изучении и преподавании астрономии Хиониад опирался как на восточную традицию, так и на труды Птолемея. Существенно обогатив византийскую астрономию в целом⁴⁵ и создав школы в Константинополе и Трапезунде, Хиониад отличался разносторонностью интересов. Его перу принадлежит небольшой сборник о противоядиях, комментарии к творениям Иоанна Дамаскина, стихи. В Константинополе на него легло подозрение в чернокнижии, симпатии к мусульманской науке. Доказывая свою ортодоксальность, Хиониад вынужден был между 1302 и 1308 гг., вероятно перед последней поездкой в Тавриз в качестве епископа, собственноручно написать исповедание веры⁴⁶.

Школа, созданная Хиониадом в Трапезунде, продолжала существовать и позднее. Византийский географ, врач и астроном Георгий Хрисококк писал в 1346 г., что его учителем в Трапезунде в 20—40-е годы XIV в. был трапезундский клирик Мануил, который вел занятия по персидским книгам и руководствам, привезенным Хиониадом. Основой обучения было тщательное комментирование и объяснение прочитанного⁴⁷. Продолжалось и составление астрономических таблиц⁴⁸. Занятия в Трапезунде вела целая группа ученых. Иосиф Лазаропул сообщает, что Алексей II осыпал богатствами и почестями многих риториков и философов, врачей и астрономов (*П.-К.* Сб. ист. С. 61—62). Примечательно, что астрономией занимались люди, практиковавшие врачевание и ради врачевания; такими были в конечном счете и Хиониад, и Ливадин, и Хрисококк.

⁴³ В сентябре 1301 г. Хиониад отправил из Трапезунда письмо Константину Лукиту, находившемуся вместе с императором у стен Керасунта, а в апреле 1302 г. он составил по просьбе Алексея II акафист на рождество св. Евгения. См.: Παπαδόπουλος Γ. Γρηγορίου Χιονιάδου τοῦ ἀστρονόμου ἐπιστολαί // Ἐπιστημονική, Ἐπετηρίδα τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς Ἐπιστημίου Θεσσαλονικῆς. 1927. Τ. 1. Σ. 195—196; *П.-К.* Сб. ист. С. 65—66; *Westerink L. G.* La profession de foi de Grégoire Chioniates // *REB.* 1980. Т. 38. P. 238.

⁴⁴ Παπαδόπουλος Γ. *Op. cit.* Σ. 174—175; *Idem.* Une lettre de Grégoire Chioniates, évêque de Tabriz // *Mélanges Ch. Diehl.* P., 1930. Т. I. P. 257—262; Οἰκονομίδης Ν. Σημείωμα περί τῶν ἐπιστολῶν Γρηγορίου τοῦ Χιονιάδου // *ΑΠ.* 1955. Τ. 20. Σ. 42—44; *Westerink L. G.* *Op. cit.* P. 239—240.

⁴⁵ *The Astronomical Works of Gregory Chioniates / Ed. D. Pingree.* Amsterdam. Т. I, pt 1—2. 1985—1986. Ср.: *Tihon A.* *L'Astronomie byzantine (du Ve au XVe siècle)* // *Byz.* 1981. Т. 51/2. P. 616—617.

⁴⁶ *Westerink L. G.* *Op. cit.* P. 233—245.

⁴⁷ *Usener H.* *Kleine Schriften.* Leipzig; Berlin, 1914. Bd. 3. S. 356—357; *Hunger H.* *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner.* München, 1978. Bd. 2. S. 252.

⁴⁸ *Tihon A.* *Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle* // *Byz.* 1987. Т. 57/2. P. 478.

Знание астрономии служило для такой цели, как составление гороскопов. И в Византии⁴⁹, и в Трапезундской империи в 30—40-е годы XIV в. интерес к гороскопам возрос. Весьма показателен в этом отношении уни- {114} кальный трапезундский гороскоп 1336 г., дающий предсказания почти всем категориям трапезундского населения и содержащий немало исторических реалий⁵⁰. Упомянутый гороскоп находится в той же рукописи, что и сочинения Андрея Ливадина, написанные его рукой. Но он не принадлежит перу Ливадина и, возможно, был составлен уже упомянутым священником Мануилом⁵¹. Однако и в этом случае место его в кодексе Ливадина не случайно и еще раз указывает на то специфическое направление науки в Трапезунде, которое объединяло астрономию (и астрологию), медицину и географию. Составитель гороскопа упоминает города: Вавилон, Тавриз, Амиду, Шам (Сиам близ Дамаска), Мосул, области Палестины, Кавказа, Кипра, Египта, Татарию, Газарию (Крыма), не говоря уже о близлежащих тюркских владениях в Малой Азии. В том же гороскопе называется целый ряд наиболее распространенных недугов: от простуды и воспаления легких, головной боли и болезни сердца до апоплексии, брюшных и женских заболеваний. Автор гороскопа полагается не только на заступничество святых, но и на лекарственные средства.

Агиографическое сочинение Лазаропула, о котором говорилось выше, свидетельствует о широте врачебных познаний автора. Лазаропул подробно описывает симптомы болезней и способы врачевания и диагностики (например, по осадку мочи). Из сочинения Лазаропула и гороскопа 1336 г. следует, что в Трапезунде были довольно широко распространены желудочные и инфекционные заболевания. Среди способов лечения указываются и применение рвотных средств, и отворение крови, и лечение диетой, и широкий спектр смягчающих и общеукрепляющих лекарств. Но, как и полагается в агиографическом тексте, окончательное выздоровление происходило лишь при заступничестве святого, а усилия врачей зачастую оказывались бесплодными, даже если речь шла об исцелении от винных отравлений. Несмотря на это, у Алексея II врачи были в почете, и он высоко ценил и вознаграждал усилия своих целителей (Там же. С. 61—62).

У нас нет столь же конкретных указаний на существование школы естественных наук в Трапезунде в XV в., как в XIV в. Лишь косвенные данные, например экфрасис Иоанна Евгеника, говорят о том, что науки продолжали процветать в городе и желающий мог и начать там образование, и совершенствоваться в нем⁵². Центром наук в XV в. продолжал считаться Трапезунд и Михаил Апостолий (PG. Т. 161. Col. CXXII). Громкая ученая слава Трапезунда и в XV в. приводила к тому, что византийские гуманисты, например Георгий Трапезундский, уроженец Крита, брали имя города в качестве литературного псевдонима.

В Трапезунде — одном из центров поздневизантийской культуры — поддерживался интерес к разным жанрам литературного творчества. Именно из Трапезунда происходят уникальные рукописи, например ГИМ № 436, содержащая единственный сохранившийся список «Советов и рассказов» Кекавмена⁵³, единственная иллюминированная рукопись греческого романа об Александре, упоминавшаяся выше. {115}

Сохранившаяся книжная продукция из Трапезунда, иллюминированные рукописи и грамоты, отмеченные печатью мастерства, свидетельствуют о наличии в империи хороших скрипториев. Видимо, их было несколько. Пока их специальное исследование не проведено, мы ограничимся несколькими примерами. В императорском скриптории по поручению Великих Комнинов переписывались тексты и составлялись хрисовулы⁵⁴. В монастыре св. Евгения в 1346 г. Иоанн Аргир переписал рукопись типикона монастыря по заказу вкладчика Прокопия Хантзама⁵⁵. Рукопись украшена миниатюрами. В начале кодекса (л. 9 об.) неизвестный иллю-

⁴⁹ Ibid. P. 484—485.

⁵⁰ Λάμπρος Ση. Τραπεζουτιακόν (ω; ροσκόπων τοῦ ε; τ ους 1336 // NE. 1916 T 13 Σ. 33—50.

⁵¹ Libad. P. 22; Tihon A. Les tables... p. 478—479.

⁵² Ἰωάννου Ευ; γενικοῦ Ἐκφρασίς... S. 35—36.

⁵³ Кекавм. С. 11—35; Фонкич Б. Л. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена // ВВ. 1971. Т. 31. С. 108—120.

⁵⁴ См.: *Oikonomidès N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // АП. 1979. Т. 35. P. 299—332.

⁵⁵ Cod. Athos. Vatop. gr. 1199 (320/954); см.: *Strzygowski I.* Eine trapezuntinische Bilderhandschrift vom Jahre 1346 // Repertoriuin für Kunstwissenschaft. 1890. Bd. 13, H. 4. S. 241—263; *Spatharakis I.* Op. cit. P. 206—207.

минатор изобразил св. Савву Освященного, автора типикона знаменитого Иерусалимского монастыря, и Иоанна Дамаскина, принявшего постриг в той же обители. Поскольку типикон трапезундского монастыря был составлен по образцу типикона монастыря св. Саввы, эти изображения вполне объяснимы. На другой миниатюре (л. 315 об.) изображены под аркой св. Евгений и донатор, протягивающий ему книгу. Кроме того, в рукописи — 12 миниатюр с аллегорическими изображениями каждого месяца на золотом фоне. На некоторых из них (сентябрь, ноябрь, декабрь, июль) изображены сельскохозяйственные работы, реалистично переданы орудия труда того времени. Все рисунки сопровождаются знаками зодиака.

Еще первый исследователь рукописи И. Стржиговский отметил, что местный миниатюрист испытал западные, скорее всего итальянские, влияния. Это проявляется в иконографии (фигура воина — «март»), в отдельных живописных деталях. Такие влияния могли быть порождены широкими международными связями Трапезундской империи с Западом, наличием на ее территории итальянских факторий. Но эти влияния (или, может быть, простые наблюдения мастера, видевшего чужеземцев и хорошо с ними знакомого) не затронули существа византийского искусства, были поверхностным напластованием.

Другая литургическая рукопись, вышедшая из скриптория монастыря св. Евгения, была переписана в 1365 г. нотариусом Георгием Референдарием (Cod. Sinait. gr. 310/1230). Переплет рукописи украшен медальоном с изображением св. Евгения на коне по типу монет того времени.

Возможно, специфические традиции оформления, особенности письма рукописей трапезундских скрипториев, сложившиеся в XIV в., закладывались еще до 1204 г., в частности в период правления полусамостоятельного дуки Халдии Феодора Гавры⁵⁶.

В истории трапезундских скрипториев отразились и тесные связи Трапезундской империи с Грузией. Так, например, грузинская миниатюра начала XIII в. попала в греческое четвероевангелие 1329 г., переписанное при трапезундском василевсе Алексее II и митрополите Варнаве⁵⁷.

О народной культуре Трапезундской империи, к сожалению, известно {116} немного. Быть может, самобытнее всего она запечатлелась в понтийских песнях, баснях, сказаниях, народной музыке и обычаях понтийцев. Правда, большинство песен, сохраняя древнее ядро, относится уже к периоду туркокрации, а записи их были сделаны в XIX — начале XX в.⁵⁸ Песни о гибели Константинополя, восходя к седой старине, дают некоторое представление о фольклоре XV в., о горячем сочувствии, которое породила в сердцах понтийских греков судьба византийской столицы⁵⁹.

В обстановке постоянной борьбы с кочевниками, натиска османов воскрешались и поэтизировались подвиги воинов прошлых поколений. В понтийских былинах нет описаний конкретных эпизодов борьбы с сарацинами (арабами), по ним нельзя составить даже самое общее представление об истории борьбы империи и халифата. Но это и не являлось задачей эпоса. Важно другое: в тяжелых условиях XIII—XV вв., а затем османского владычества именно героический эпос стал чрезвычайно популярным на Понте. Здесь сложилась и была записана «Песнь о Ксанфине», знаменитом богатыре, победителе сарацинского вождя-великана и его войска⁶⁰. Именно к Понтийскому региону относится одна из версий поэмы о Дигенисе Акрите⁶¹, с которой, кстати, генетически связана «Песнь о Ксанфине», а также былины о Пор-

⁵⁶ Ср.: *Пуцко В.* Die Miniaturen aus dem Tetraevangelium des Jahres 1067 vom Sinai (Leningr. Gr. 291) // *BS.* 1981. Т. 42/1. Р. 31—38.

⁵⁷ *Пуцко В.* Трапезундская рукопись 1329 г. с грузинской миниатюрой // *Труды ТГУ.* Т. 243: История, искусствоведение, этнография. 1983. С. 146—150.

⁵⁸ Издание памятников греческого понтийского фольклора регулярно осуществляется на страницах выходящего с 1928 г. в Афинах ежегодника «*Ἀρχεῖον Ποντοῦ*». См. также: Λαμπρῖδης Ο. *Μελωδία δημοδῶν*; ἄ, ἰσμάτων καί, ἰ χορῶν; ἰ τῶν ἰ Ἑλλήνων Ποντίων. Ἀθήναι, 1977.

⁵⁹ Μέγας Γ. Α. Οι, ἰ τραπεζουντιακοί, ἰ θρη, ἰ νοί ε, ἰ πι, ἰ τη, ἰ α, ἰ λώσει τη, ἰ ζ Κωνσταντινουπόλεως // ἰ Ἐλετηρι, ἰ ζ τοῦ Λαογραφικοῦ ἰ Ἀρχεῖου ἰ Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν; ἰ ν. 1954. Τ. 8. 1957. Σ. 3—13.

⁶⁰ *Romaios K.* ἰ Ὁ Ἐάντινον ο, ἰ Παντολαλεμένον // *ΑΠ.* 1966. Τ. 27. Σ. 150—206; *Дестунис Г. С.* О Ксанфине. Греческая трапезундская былина византийской эпохи. СПб., 1881; *Попова Т. В.* Византийский народный и книжный эпос // *Византийская литература.* М., 1974. С. 80—83.

⁶¹ *Trapp E.* Pontische Elemente im Wortschatz des Digenisepos // *RESEE.* 1971. Т. IX, N 3. Р. 601—605; *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 63—97.

фире. Родившись от монахини, младенец Порфир через несколько дней после появления на свет стал могучим богатырем, перед которым трепетали полководцы царя Константинополя. Взятый в плен спящим, Порфир одними своими цепями истребил царское войско, а затем увел с собой из Константинополя в горы девицу-красавицу. Хотя в эпосе названы имена — Порфир хвалится, что не боится ни «Враны, ни Никифора, ни Варитрахила (дословно: „Тяжеловыйный“»)», — вряд ли возможно найти для них убедительную историческую атрибуцию (вроде византийского василевса Никифора II и его отца Враны). Более вероятно, как полагал еще Г. Дестунис, что «Песнь» подразумевала под царем, правящим в Константинополе, султана, а под Порфиром — независимого клефта⁶². Понтийские баллады рассказывают и о легендарной обороне горной крепости Палеокастрон в Мацуке, взятой обманом лишь благодаря измене одного из защитников, «пса Марфаса»⁶³. Все эти фольклорные произведения воплотили настроения понтийского населения, не сломленного османским завоеванием.

Понтийский диалект греческого языка, на котором созданы многочисленные произведения народного фольклора, был исторической реальностью в эпоху Трапезундской империи. Сохранившиеся надписи и некоторые документы (например, Вазелонские акты) свидетельствуют о том, что не только в разговорном, но и в языке делопроизводства с XIII в. широко употреблялись диалектные формы. В начале XVI в. «на греческом трапезундском языке» венецианский дипломат объяснялся с дочерьми Трапезундской царевны Феодоры и шаха Ирана Узун Хасана⁶⁴.

Народная культура лазов, составлявших значительную часть населения Трапезундской империи, особенно в ее южных и юго-восточных областях, изучена еще меньше. Лазы, древний народ картвельской языковой группы, имели вековые культурные традиции. Будучи христианами и принадлежа к православной церкви (Трапезундской митрополии), они находились в постоянном и тесном общении с греками. Мужественные воины, лазы надежно защищали границы Трапезундской империи и не раз оказывали ей столь необходимую помощь в критические моменты истории. Процесс исламизации и туркизации лазов, интенсивно проходящий с середины XVI в., а также отсутствие литературных памятников доосманского периода существенно препятствуют изучению культуры лазов в составе государства Великих Комнинов. Некоторое представление о древних пластах культуры дают постройки турецкого Лазистана, многие из которых украшались деревянной резьбой и отличались оригинальностью архитектуры, а также, к сожалению, практически не исследованный и большей частью забытый в XVIII—XIX вв. фольклор понтийских лазов⁶⁵.

Итак, изучение культуры Трапезундской империи показывает, насколько тесными были связи, соединявшие это государство со всем византийским миром, и прежде всего с Константинополем и Афоном. Политическое разъединение, произошедшее в начале XIII в., вовсе не означало обрыва тех живых нитей, которые связывали грекоязычную культуру двух империй. Цивилизация Трапезундской империи, развивавшаяся в постоянном взаимодействии с культурой соседних народов и испытывавшая порой влияния, шедшие с Ближнего Востока или из Грузии, всегда оставалась самобытным ответвлением византийской культуры. Само отношение к Константинополю как к процветающей царице городов, общему духовному центру характерно для всей литературы Трапезундской империи XIV—XV вв. Поэтому неудивительно, что византийские писатели и художники создавали на земле Понта памятники зодчества, живописи и литературы, а уроженцы Трапезундской империи стали видными представителями культуры византийской.

Нельзя не отметить и того культурного значения, которое имела Трапезундская империя для Западной, да и Восточной Грузии. В обстановке феодальной децентрализации Грузии, последовавшей после монголо-татарских завоеваний, ослабления прямых связей Грузии с Константинополем именно Трапезунд (наряду с Афоном) стал для народов Кавказа главным центром византийской цивилизации. Грузинская монетная чеканка (кирманеули), некоторые па-

⁶² Дестунис Г. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883.

⁶³ Μέγας Γ. Α. Παλαιά ι;στορικά; τραγούδια του Πόντου // Λαογραφία. 1958. Т. 17. Σ. 381.

⁶⁴ Ramusio G. B. Navigazioni et viaggi. Venezia, 1559. Т. 2. Р. 85v.

⁶⁵ См.: Мapp Н. Я. Из поездки в турецкий Лазистан // Известия АН. VI серия. 1910. № 7. С. 547—570; № 8. С. 607—632.

мятники архитектуры Грузии (например, {118} церковь св. Георгия в Ачи⁶⁶) создавались под воздействием трапезундских образцов.

Обстановка постоянных войн, особенно тяжелых в XIV—XV вв., усилившийся натиск османов ограничивал материальные ресурсы гражданского и церковного строительства, сдерживали развитие наук и искусств, консервировали экономические отношения. В культуре все чаще проступали архаические черты. Они были связаны и с официальной идеологией империи, ориентировавшейся на подчас утрированное подчеркивание преемственности от Византии комниновского периода, на соблюдение древних традиций. Архаичными по сравнению с палеологовской практикой выглядели придворный церемониал Великих Комнинов, письмо и формуляр их хрисовулов⁶⁷. В архитектуре наблюдалось тяготение к подражанию давно устаревшим и «немодным» в Византии того времени образцам (купольная базилика). Подобные же явления проступают в живописи и литературе (пример — творчество Стефана Сгуропула). Уважение к традиции тем не менее не подавляло проявлений нового, прогрессивного. Находясь на перекрестке путей с Запада на Восток и Юг, Трапезунд сам не мог не быть перекрестком, где совершался обмен не только товаров и производственного опыта, но и духовных ценностей. Усилившиеся с конца XIII в. связи с Византией все шире втягивали Трапезундскую империю в те процессы развития культуры, которые были характерны для всего византийского мира двух последних столетий его истории. {119}

4

Культура Эпирского царства

Культурная жизнь Эпирского царства протекала в сложных исторических условиях, под воздействием многих факторов: общественно-политических, социально-экономических, а порой географических. Расположенный, с одной стороны, между прежними центрами византийской культуры (Константинополем и Фессалоникой, которая непродолжительное время даже входила в его состав), Италией и Сербией — с другой, Эпир выступал своего рода посредником между культурой Восточной и Западной Европы, между славянским населением (сербам и болгарам) и Византией. Как и Никейская империя, он не только претендовал на роль объединителя греков, но и стремился быть защитником и хранителем древней и новой культуры, прибежищем многих просвещенных людей (Иоанна Апокавка, Георгия Вардана и др.), покинувших Константинополь и Афины после взятия их крестоносцами, что способствовало оживлению и подъему культурной жизни в этой некогда отдаленной части Византийской империи.

С первых десятилетий возникновения нового государства широко развернулось строительство, достигшее особого размаха к концу XIII в. Однако вскоре политическое значение Эпира упало, и расцвет архитектуры и изобразительного искусства продолжался здесь недолго.

Строительство в Эпирском царстве было сосредоточено преимущественно в столицах. В Янине (столица в первые десятилетия XIII в.) на острове посреди озера было построено несколько небольших монастырей. Во второй столице — Арте — при Михаиле II Ангеле (1230—1268) на остатках античных стен сооружается цитадель, внутри которой находился царский дворец. В самом городе и его окрестностях возводятся церкви разных типов.

В храмовой архитектуре Эпира можно выделить три стиля, или течения: традиционный, исходивший из общегреческих типов церковных зданий (крестово-купольных, центрических и базиликальных) X—XII вв.¹, местный или «народный» и «ставрэпистегос».

⁶⁶ См.: *Иосебидзе Д. Г.* Роспись церкви св. Георгия в селении Ачи, Грузия // Памятники культуры. Новые открытия, 1975 г. М., 1976. С. 153—158.

⁶⁷ См.: *Oikonomidès N.* The Chancery...

¹ См.: *Якобсон А. Л.* Архитектура // Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М. 1989. С. 509—519.

В течение XIII в. в Эпирском царстве строится, перестраивается и расписывается много церквей традиционных типов. После падения Византийской империи в бережном сохранении традиций воплощались и национальное самосознание, гордость за былое величие, и надежда на будущее, и выраженная через традиционные архитектурные художественные формы {120}

Файл byz3_121.jpg

*Арта. Церковь Панагии Паригоритиссы. 1282—1289.
Вид с юго-запада*

приверженность православию. Наследуются не только типы церквей, но и масштабы и пропорции. Таковы крестово-купольные (с куполом на четырех опорах — «полный» тип) Красная церковь (Коккини Экклисия, Панагия Веллас)² в 30 км к северу от Арты (1281), церковь св. Димитрия в Арте³ (второй период строительства, конец XIII в.), крестово-купольная двух-опорная церковь Николая Родиас в Арте⁴ (вероятно, 1260—1270-е годы или конец XIII в.), трехнефный купольно-базиликальный храм Влахернского монастыря в Арте⁵ (сер. XIII в., второй период строительства), трехнефный базиликальный с деревянным покрытием храм Панагии Вриони у деревни Ниохораки близ Арты (около 1238 г.)⁶. В памятниках {121} традиционного стиля нельзя обнаружить никакого движения архитектурной мысли. Смысл его заключался как раз в консерватизме, в охранительном отношении к прошлому.

Более широко было распространено течение, которое можно назвать местным, или «народным». Оно зародилось в Греции еще в VIII—IX вв.; постройки представляют собой однокамерные купольные залы, сложенные из грубого камня. Позднее «народное» течение в архитектуре широко распространилось и с XIII в. представляло уже целый слой художественного творчества, распадающийся на несколько вариантов упрощенных церковных зданий, соответствующих нуждам небольшого поселения. В архитектуре Эпирского царства это течение представлено почти исключительно однокамерными церковными зданиями: однефной базиликой, покрытой деревянной кровлей, однефной сводчатой или купольной базиликой. Эти постройки были распространены повсеместно. Отметим наиболее значительные: церковь св. Василия в Арте (начало XIV в., позднее пристроено еще два нефа) представляла собой однефную базилику, покрытую деревянной крышей, с куполом, укрепленным на стенах; церковь св. Николая (XIII в.) в Янине была построена как однефная сводчатая базилика; церковь св. Василия у моста в Арте — однефная купольная базилика, крестообразная в плане, и т. д.⁷

Конструкция и композиция этих церквей, вобравших в себя образцы «большой» архитектуры, очень просты, приспособлены к возможностям народных мастеров-строителей. Здания сложены из грубых кусков камня. Этому стилю, однако, присуща и своя привлекательность. Интерьер и конструкция здания подчинены одному стремлению общения с Богом. Геометрические объемы церквей прекрасно сочетались с ландшафтом или средой и были очень выразительны.

Третье течение в архитектуре Эпира — так называемый тип церковного здания «ставрэпистегос» (крестовопокрытый), выделенный и изученный А. Орландосом⁸. Этот чисто греческий вариант церковной постройки, распространенный не только в Эпирском царстве, но затем и на Пелопоннесе, появился в результате упрощения сложного крестово-купольного храма. Церковь представляла собой обычное прямоугольное крестово-купольное здание, но без

² 'Ορλάνδος Α. Μνημεῖα τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου. Ἡ Κόκκινη εἰς κκλησία (Παναγία Βέλλας) // Ἡπειρωτικά; Χρονικά. 1927. Τ. II, 1—2. Σ. 153—169.

³ 'Ορλάνδος Α. Βυζαντινά; μνημεῖα τῆς Ἀρτῆς. Ὁ Ἅγιος Δημήτριος Κατσούρη // ΑΒΜΕ. 1936. Τ. II. Σ. 66—69.

⁴ 'Ορλάνδος Α. Ὁ Ἅγιος Νικόλαος τῆς Ροδιάς // ΑΒΜΕ. 1936. Τ. II, 2. Σ. 138—147.

⁵ Achimastou-Potamianou Μ. Βυζαντινῆς τοιχογραφίαις στῆς μονῆς Βλαχέρνας τῆς Ἀρτας // Athens Annals of Archaeology. 1975. Vol. VIII. P. 208—210.

⁶ Acheimastu-Potamiani Μ., Bokotopulos Ρ. G., Triantaphyllopoulos D. D. Βυζαντινά, μεσαιωνικά; και; νεώτερα μνημεῖα Ἡπείρου // Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον. 1973/74. Τ. 29, Β', 2. Σ. 614—616.

⁷ Πολεβοῦ Β. Μ. Ἰσкусство Греции: Средние века. Μ., 1973. С. 270.

⁸ Orlandos Α. Eine Unbeachte Kuppelform // BZ. 1929/30. Bd. 30. S. 577—582; Idem. Οἱ; σταυρεπίστεγοι ναοί; τῆς Ἑλλάδος // ΑΒΜΕ. 1935. Τ. I. Σ. 41—49.

купола. Крыша церкви имеет в плане форму креста, который образуют средний неф и трансепт, пересекающиеся в том месте, где обычно находится купол.

Одним из первых сооружений типа «ставрэпистегос» является трехнефная сводчатая церковь Като Панагия в Арте (между 1231—1271 гг.)⁹. За ней следует ряд других церквей: трехнефная Порта Панагия в Трикале (ок. 1285 г.)¹⁰, однефная церковь Иоанна Богослова в Веррии (первая половина XIII в.)¹¹, небольшой кафоликон монастыря св. Димитрия {122} око-

Файл byz3_123.jpg

Арта. Церковь Панагии Паригоритиссы. 1282—1289.

Внутренний вид. Восточная часть {123}

ло Туркопалукона (после 1283 г.), церковь св. Феодоры в Арте¹² и др.

Между 1283—1296 гг. в Арте создается одно из крупнейших в Эпире, да, пожалуй, и во всей Греции, церковное здание — монастырская церковь Панагии Паригоритиссы. Она была заложена старшим сыном деспота Михаила II Никифором, его женой Анной и их сыном Фомой¹³ и стала царской церковью вместо прежней небольшой крестово-купольной, находившейся рядом. Панагия Паригоритисса — большое и сложное сооружение, в котором нашел отражение синтез нескольких известных византийских архитектурных типов, торжественно-царских форм, с использованием элементов, применявшихся в западноевропейской, прежде всего итальянской, архитектуре. По своей декоративной усложненности ее можно было бы назвать произведением «византийского барокко»¹⁴.

По форме храм представляет собой без главного купола большой куб с тремя апсидами. В основе плана лежит средневековая каноническая система пропорций и размеров для храмов с куполом на восьми опорах: высота (до купола), ширина и длина — около 20 м. Помимо центрального купола, здание несет еще 5 куполов: четыре — по углам, а шестой, более легкий, поддерживаемый хрупкими колоннами из мрамора, расположен выше линии фасада и служил, очевидно, колокольной. Три его фасада (северный, западный и южный), украшенные двумя рядами двойных арочных окон и охваченные высокой двухэтажной П-образной галереей, покрытой куполами, придавали церкви, если отбросить апсиды и купола, вид флорентийского дворца раннего Ренессанса¹⁵. Как и в большинстве церквей Эпира (особенно на севере), перед входом был расположен портик.

Верхние этажи Панагии Паригоритиссы были сложены из почти регулярно чередующихся слоев пористого песчаника и гладких кирпичей, что нарушало монотонность поверхности стен. В качестве их украшения служил и инкрустированный фриз высотой 45 см, который шел ниже окон второго этажа на северной и восточной стенах. Фриз состоит из тонких белых каменных пластинок и обожженной серо-голубой эмали, расположенных в шахматном порядке. Он крепился к стене известковым раствором. Такой фриз встречается в итальянских памятниках, но очень редок в Византии. Западная сторона церкви представлена множеством вариантов украшений: меандр, ромбы, зубцы, украшения в виде рыбьей кости или зигзага. Четвертая сторона церкви с выступающими апсидами оживлена декоративными нишами, которые копируют константинопольские модели¹⁶.

Главный купол перекрывает квадратную центральную часть церкви и опирается на восемь групп миниатюрных колонн, поставленных в три яруса. Такое архитектурное решение делало возможным создание просторного внутреннего помещения — большого подкупольного зала, не разделенного на нефы, как и у хиосских церквей. Подкупольное помещение от основа-

⁹ Ὁρλάνδος Α. Βυζαντιναὶ μνημεῖα τῆς Ἀρτις. Ἡ μονὴ τῆς Κάτω Παναγίας // ΑΒΜΕ. 1936. Τ. ΙΙ, 1. Σ. 70—84.

¹⁰ Ὁρλάνδος Α. Ἡ Πόρτα Παναγία τῆς Θεσσαλίας // ΑΒΜΕ. 1935. Τ. Ι, 1. Σ. 5—24.

¹¹ Michailidis M. Les peintures murales de l'église de Saint—Jean le Théologien à Verria // Actes du XVe Congrès Internationales d'Études byzantines. Athènes, 1976. Τ. 2. Art et archéologie. Communications. Athènes. 1981. P. 469.

¹² Ὁρλάνδος Α. Βυζαντιναὶ μνημεῖα τῆς Ἀρτις. Ἡ Ἁγία Θεοδώρα τῆς Ἀρτις // ΑΒΜΕ. 1936. Τ. ΙΙ, 1. Σ. 88—104.

¹³ Ὁρλάνδος Α. Ἡ Παρηγορήτισσα τῆς Ἀρτις. Ἀθηναί, 1963. Σ. 153—158.

¹⁴ Брунов Н. И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. М., 1966. Т. 3. С. 155.

¹⁵ Ὁρλάνδος Α. Ἡ Παρηγορήτισσα... Σ. 26—30.

¹⁶ Ibid. Σ. 33—34.

ния и до вознесенного на большую высоту купола производит {124} впечатление колодца. Опоры колонн всех ярусов различаются по форме: от пилястров нижнего яруса до хрупких декоративных колонок третьего. Купол, кроме того, укреплен на парусах и тромпах. В последних помещены готические трехлопастные декоративные арочки, вписанные в стрельчатые арки в верхних частях подкупольных столбов, а также позднеантичные колонны и капители. Выступающая часть колонн, заложенных в стены храма, является консолями для колонн, несущих купол¹⁷.

При взгляде на Панагию Паригоритиссу складывается впечатление, что ее создатели стремились объединить все разновременные архитектурные формы, существовавшие в истории зодчества Византии, и добавить кое-что новое из западных достижений. Помимо вышеупомянутого, это наглядно иллюстрируют колонны первого и второго этажей. Все они ионического ордера, украшены коринфскими капителями различных видов. Формы некоторых капителей восходят к позднеримской эпохе и имеют один или два ряда выпуклых акантовых листьев. Есть и раннехристианские капители с очень стилизованными акантовыми листьями. Колонки третьего этажа покоятся на основаниях с изображением чудовищ или зверей, что определенно указывает на западное влияние¹⁸.

Романо-готические мотивы в еще большей степени нашли свое отражение в декоративной скульптуре, украшающей интерьер церкви. Так, на 11 камнях большой арки с северной и восточной сторон помещены скульптурные барельефы. Расположение фигур в композиции напоминает украшения порталов романских и готических церквей. Одним из основных сюжетов композиции является сюжет Рождества Христова. Богородица возлежит на соломенном ложе, немного приподнявшись, положив голову на правую руку, согнутую в локте, тогда как ее левая рука протянута наискось под правый локоть. Эта поза Богородицы часто встречается в западных миниатюрах¹⁹.

С западной стороны большой арки на ключе представлена композиция страстей Христовых. Профиль Христа и его волосы очень стилизованы. Рядом с ним расположены евангелисты Иоанн и Матфей, изображенные в виде ангелов с нимбами. Среди других фигур композиции следует отметить пророков: молодого Соломона, одетого в королевскую одежду с треугольной короной на голове, Давида в роскошной ризе и треугольной шляпе-короне. Здесь же находятся и пророки Иов, Исая, Захария, Иеремия.

Если в композициях на северной и восточной сторонах большой арки прослеживается косвенное воздействие западных образцов, то композиция на ключе с западной стороны арки представляет собой почти точную копию с итальянских моделей. Это подтверждает и тот факт, что, согласно канону Трульского собора, изображение на ключе агнца Божьего, страдающего за грехи человеческие, запрещено в православной церкви. Все говорит о том, что скульптурные барельефы были выполнены западными мастерами, вероятнее всего итальянцами, приглашенными деспотом Эпира²⁰.

Западное влияние легче всего проникало в скульптуру, которая не имела сильных традиций в Византии. Это проявилось и в надгробном рельефе Феодоры, жены деспота Эпира Михаила II, канонизированной после смерти²¹. Могилы ее и старшего сына Никифора в Арте украшены скульптурными портретами²². Однако греческие мастера, особенно в сюжетах светского характера, работали и по византийским моделям. Найденные не так давно две мраморные плиты из Арты с заключенным в медальоны рельефным изображением орла и грифа подтверждают этот вывод²³.

Наряду с архитектурой и барельефной скульптурой в Эпире развивается и живопись. Причем последняя часто превосходила архитектуру и скульптуру по своему художественному

¹⁷ Полевой В. М. Указ. соч. С. 276—277.

¹⁸ Ὁρλάνδος Α. Ἡ Παρηγορητίσσα... Σ. 66—74.

¹⁹ Ibid. Σ. 79—80.

²⁰ Ibid. Σ. 87—93.

²¹ Nicol D. M. Symbiosis and Intergration. Some Greco-Latin Families in Byzantium in the 11th to 13th Centuries // BF. 1979. T. VII. P. 134—135.

²² Ὁρλάνδος Α. Βυζαντινά; μνημεῖα τῆς Ἀρτῆς. Ἀθήνα, 1937. T. 2. Σ. 105—115; Idem. Το; τέμπλον τῆς Ἁγίας Θεοδώρας Ἀρτῆς // ΕΕΒΣ. 1972/73. T. 39/40. S. 476—492.

²³ Ὁρλάνδος Α. Ἐν ἀκόμῃ ε;πιπεδόγλυφον α;πο; τῆς Ἀρταν // ΔΧΑΕ. 1973/74. T. 7. Σ. 121—125.

уровню. В живописи можно выделить два направления: аристократическо-традиционное с элементами нового стиля и передовое, предпалеологовское искусство.

Аристократическо-традиционное течение в живописи отмечается уже с первых десятилетий XIII в. Это было искусство, придерживающееся образцов XI—XII вв., полных спокойствия и ясности. В фресках преобладает золотой фон. Вместе с тем вводятся и некоторые новшества: широкие мазки белой краски, что придавало изображению больший оттенок эмоциональной выразительности, сочетание зеленых тонов лица с контурами, обведенными красным цветом. Но эти нововведения почти не нарушают уравновешенности «классического» стиля эпохи Комнинов.

К памятникам этого течения относятся прежде всего фрески церковью Иоанна Богослова в Веррии, Николая Родияса в Арте, Панагии Веллас, Порты Панагия в Трикале, Димитрия Катурииса, Като Панагия в Арте, фрески южного нефа базилики Ахиропиитос в Фессалонике (ок. 1230 г.) и некоторые другие. По манере письма они сходны с фресками XIII в. в церквях св. Пантелеймона в Нерези и св. Георгия в Курбиново. В качестве примера традиционного стиля рассмотрим более подробно живопись и иконографию в церкви Иоанна Богослова, которая датируется началом XIII в.²⁴

Стены церкви разделены на три зоны: вверху представлено Вознесение, посередине — Благовещение, внизу — св. Василий и св. Иоанн Златоуст. На южной стене храма вверху изображены сцены от «Рождества Христова» до «Введения во храм». Этот цикл продолжен на противоположной, северной стороне. Средние зоны стен украшены изображениями пророков Даниила, Софонии, Иеремии, а также Иоанна Богослова с Богородицей, держащей младенца, и Симеона Столпника.

С точки зрения иконографии сцены в основном традиционны для византийского искусства XI—XII вв.: при входе в преддверие Рая Христос изображен без нимба, в сцене Благовещения архангел Гавриил слева делает величественный шаг к Марии, стоящей справа в скромной и полной достоинства позы. В левом верхнем углу помещены огненный луч и голубь, символизирующие нисхождение Святого Духа. Столь же иконографически {126} традиционны сцены «Введения во храм» с Иосифом и Марией, держащей Иисуса-младенца, Симеоном и Анной и «Снятия с креста». В последней, пожалуй, нежность, с которой Богородица касается лица своего сына, и излом линий ее тела выражают более явственно, чем обычно патетический характер сцены²⁵. Традиционность и даже консерватизм характерны для изображения Богоматери Оранты в апсиде.

Файл byz3_127.jpg

Пророки Исайя и Иеремия. Ок. 1290.

Арты. Панагия Паригоритисса.

Мозаика в куполе

Однако встречаются и отступления от традиционной иконографии. Так, в апсиде слева и справа от маленького окна представлена сцена «Причастие апостолов» с двумя целующимися апостолами. Обычно же здесь изображались епископы. Однако св. Василий и св. Иоанн Златоуст помещены по краям апсиды²⁶. Нетрадиционным является в сцене «Святые жены у гроба» и наличие слева трех жен.

Судя по художественной манере, фрески церкви Иоанна Богослова написаны двумя живописцами. Но их стиль в изображении поз, драпировки фигур, причесок находится в целом в рамках комниновского искусства. Правда, заметна тенденция к украшению одежд, удлинению силуэтов, торжественности и ясности поз. Слабый свет контрастирует с широкими тенями на лицах. Нечто новое вырисовывается в движении фигур в сценах Вознесения. Сходные черты живописи мы наблюдаем и в немногих сохранившихся фресках из столицы Эпирского царства Арты и ее окрестностей. В церкви Като Панагия, построенной и расписанной при Михаи́ле II, св. Ипатий в крестообразном омофоре изображен в традиционной манере искусства XII в. Но вместе с тем художник отразил в его облике беспокойство, почти тревогу, что указывает на

²⁴ Chatzidakis M. Aspects de la peinture murale du XIIIe siècle en Grèce // L'art byzantin du XIIIe siècle. Symposium de Sopoćani 1965. Beograd, 1967. P. 63.

²⁵ Michailidis M. Op. cit. P. 472—480.

²⁶ Ibid. P. 486—487.

интерес живописцев к психологическому миру объекта изображения. Живопись церкви св. Николая Родиаса около Арты также сохраняет традиционные черты. Лица фигур, как и на фресках из храма св. Пантелеймона в Нерези, обращают на себя внимание плотными тенями, споконством и сдержанностью. Лишь некоторые образцы даны более живописно и с большим выражением чувств²⁷. {127}

Файл byz3_128.jpg

*Пророк Исая. Ок. 1290 г.
Арта. Панагия Паригоритисса.
Мозаика в куполе*

Традиционализмом отмечена и светская монументальная живопись, прежде всего фресковые изображения представителей господствующего класса Эпира и ктиторов церквей. Таков семейный портрет протостратора Феодора, его жены Марии, его брата Иоанна и супруги последнего Анны в церкви Пагании Веллас (1281 г.), портрет севастократора Иоанна Комнина Ангела, основателя церкви Порты Панагия в Трикале (ок. 1285 г.), во внешнем нарфিকে храма²⁸ и др.

Черты этого стиля сходны не только с живописью из Нерези, но и с росписями, посвященными победе Ивана II Асеня над Феодором Комнином в 1230 г., в церкви Сорока мучеников в Тырново²⁹.

Значительно больше элементов нового мы находим в живописи, представленной сценой Сорока мучеников в южном нефе базилики Ахиропиитос в Фессалонике. Широкие, монументальные фигуры мучеников, с одной стороны, сохраняют часто архаические черты живописи XI в. (красные пятна на щеках, схематическая форма глаз), а с другой — уже лишены «линейности» изображения конца XII в. (черты лица даны выпукло, чувствуются свобода и большое мастерство кисти). Свобода и экспрессия характеризуют прежде всего изображение св. Горгония, а также фигуры некоторых других мучеников, и близки по психологизму ко многим образам пророков церкви Вознесения Христова в Миленчево³⁰. Эту живопись уже нельзя назвать провинциальной традицией комниновского искусства. Здесь присутствуют ростки нового и передового предпалеологовского стиля.

Развитием этого стиля являются фрески церкви Успения Богородицы на реке Мегдова (ок. 1250 г.), к сожалению исчезнувшей под водой искусственного озера. Лики святых в сцене сошествия в преддверие Рая переданы с еще большим выражением душевной экспрессии, с большей свободой и живописностью, чем в базилике Фессалоники. Запечатленный момент действия передают и беспорядок волос, и выражение глаз, и движение складок одежды. Все фигуры содержат элементы нового живописного стиля, который, возможно, распространился из Милешево в Сербии³¹.

[Цветные иллюстрации на вклейке:

Файл bz3r129_1.jpg:

*Феофан Грек. Христос.
1405 г.
Благовещенский собор в Московском Кремле.
Икона из иконостаса.*

Файл bz3r129_2.jpg:

*Успение Богоматери.
1-я половина XIV в.
Москва, ГМИИ.*

Файл bz3r129_3.jpg:

*Евангелист Иоанн с учеником Прохором.
1-я половина XIV в.
Вена. Национальная библиотека.
Миниатюра из Нового Завета.*

²⁷ Chatzidakis M. Op. cit. P. 61.

²⁸ Орλάνδος Α. Ἡ Πόρτα Παναγία. Σ. 33—34.

²⁹ Djurič V. La peinture murale byzantine XIIe et XIIIe siècles // Actes du XVe Congrès International byzantines. Athènes, 1976. Т. 1. Art et archéologie. Athènes, 1979. P. 217.

³⁰ Chatzidakis M. Op. cit. P. 62.

³¹ Chatzidakis M. Op. cit. P. 63; Djurič V. Op. cit. P. 217.

Файл bz3r129_4.jpg:

Пророк Исайя.

Середина XIV в.

Москва, ГИМ, греч. 407.

Миниатюра из Нового Завета с Псалтирью.]

Файл byz3_129.jpg

Пророк Иона. Ок. 1290 г.

Арта. Панагия Паригоритисса.

Мозаика в куполе

Этот стиль можно назвать переходным от комниновского искусства к палеологовскому, ибо «зрелый палеологовский стиль целиком уходит своими корнями в XIII век»³². Когда после падения Константинополя не стало столичного искусства, то постепенно начали распадаться и связи, державшие живопись в рамках стиля XI—XII вв. Этот процесс начался почти одновременно в Сербии, Эпире, Греции и Никее. Живопись начинает освобождаться от канонических норм, становится более жизненной и чувственной. Художников привлекают драматические и бытовые эпизоды и сцены. Линейная манера письма начинает вытесняться более выразительными приемами: пространство становится многоплановым и объемным, позы фигур — более экспрессивными. Смелый и широкий мазок, острое сочетание красок все больше пробивают себе дорогу. Некоторые из этих черт мы уже отмечали в росписях южного нефа базилики Ахиропиитос и церкви Успения Богородицы. Но, безусловно, наивысшего развития черты нового стиля достигли в живописи царской церкви Панагии Паригоритиссы в Арте. В ней в отличие от других церквей Эпира сохранились мозаики — явление редкое в искусстве XIII в., для которого характерны фресковые росписи. В эпирской живописи мозаичные изображения зафиксированы еще только в Като Панагия (изображения Христа и Богородицы)³³ и в церкви Николая Родиаса.

Мозаики Паригоритиссы сохранились в основном в куполе и частично на Парусах. Купол традиционно украшен огромным Пантократором³⁴, окруженным серафимами и херувимами, а между окнами барабана помещены фигуры двенадцати пророков (изображения Давида и Соломона не сохранились). От фигур евангелистов на парусах дошли только фрагменты.

Изображение Христа Пантократора выполнено в суровой и резкой манере. Он одет в хитон каштаново-золотого цвета, на который наброшен голубой гиматий. Выражение лица Христа строгое и торжественное, а не тяжелое и мрачное, как в XI—XII вв. Но его большие глаза с дугообразными бровями смотрят на зрителя с почти евангельской кротостью. Коричневые волосы Христа, как в большинстве изображений Пантократора в XI—XII вв., разделены на обе стороны³⁵. Мозаичист следовал в изображении Христа еще во многом за каноном XII в. Именно этим объясняется архаичность некоторых черт. Кроме того, мы здесь имеем дело с наиболее ранним образцом мозаичной техники, когда мастер в качестве образца использовал переносную культовую икону Христа.

Совершенно иная манера у художников, набравших мозаичные фигуры пророков. По мнению А. Орландоса, ими были три константинопольских мозаичиста³⁶, исповедующих новый палеологовский стиль. Ни один из пророков не изображен строго фронтально, как это было обычным, например, в Дафни. Здесь они стоят к зрителю в трехчетвертном повороте или почти в профиль. Положение каждого различно, каждый по-особому держит развернутый свиток. Все пророки — в традиционных древнегреческих одеждах: поверху хитона — гиматий, на ногах — сандалии, перехваченные ремнями.

По позам и выражению лица пророков можно разделить на три группы: а) библейский тип — продолговатая голова, волосы спокойно падают на плечи, взгляд горизонтально направлен в бесконечность, выражая строгость и надменность (Исайя, Иеремия, Иезекииль); б) тип

³² Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 143.

³³ Орландос А. Ἡ Πόρτα Παναγία. Σ. 29—33.

³⁴ Голова Христа имеет ширину 222 см, а Евангелие, которое он держит, — 155×135 см. Диаметр круга, в который он вписан, составляет 450 см.

³⁵ Орландос А. Ἡ Παρηγορήτισσα... Σ. 111—112.

³⁶ Орландос А. Ἡ Παρηγορήτισσα... Σ. 125, 127.

мыслителя — голова слегка склонена, лоб широкий и лысый, волосы короткие, борода округлая, на лице печать глубокого размышления (Елисей, Иоанн, Аарон); в) тип поэта — голова слегка или сильно поднята, нечесанные темно-серые волосы и борода, выражение страстное (Софоний, Моисей, Иоиль, Илия)³⁷.

Изображение пророков явно указывает на использование позднеантичных и ранне-средневековых мозаичных моделей, на отказ от линейности и фронтальности. Моделировки одеяний отличают пластика и живописность. Одежды свободно облегают тело и ниспадают красивыми складками, придавая объемность и легкость фигуре. Живость и экспрессия ликов, разнообразие поз, стройность пропорций тел — все это говорит о том, что здесь работали превосходные мастера. Большой прогресс был достигнут ими и в использовании красок, которые теперь не только становятся более чистыми, но и представляют собой комбинацию цветов — белых, красных, зеленых, синих и голубых. Применение цветовых контрастов с помощью кубиков смальты и живописное сочетание красок особенно выразительно проявились в ликах Иеремии, Софоний и Аарона, в которых зеленые, красные и голубые камешки искусно контрастируют друг с другом. Virtuозное использование цветовых контрастов позволяет предположить, что {130} мастера интересовались мозаиками IV—V вв., возврат к которым, как и ко

Файл byz3_131.jpg

Распятие. Икона XIII в.

Афины, Византийский музей {131}

многим другим традициям позднегреческого искусства, в числе прочего способствовал возникновению палеологовской живописи.

Файл byz3_132.jpg

Распятие. Икона XIII в.

Афины, Византийский музей.

Деталь. Голова Христа

Мозаики церкви Панагии Паригоритиссы создавались в переходный, или раннепалеологовский, период живописи. Поэтому среди них мы встречаем как произведения с архаической трактовкой образа (Пантократор), так и полные взволнованности и выразительности мозаики пророков — наивысший взлет эпирской живописи. Этот подъем прекратился на рубеже XIII—XIV вв. Больше здесь не появилось чего-нибудь значительного в области монументальной живописи. Ибо фресковая живопись, довольно широко представленная в Панагии Паригоритиссе росписями конца XIII—XIV в., не достигла художественного уровня мозаик. Это относится как к изображению Богородицы и пророка Давида в алтаре, так и к сценам Успения и Вознесения Богородицы на стенах храма или фрескам с фигурами святых Андрея, Иоанна Златоуста и Григория Богослова в нартексе. При различии техники исполнения все они находятся в традиционном кругу живописи³⁸. Падение роли монументальной живописи в искусстве Эпирского царства XIV в. в некоторой степени компенсируется развитием иконописи.

К наиболее ранним иконам относятся две большие мозаические иконы в церкви Порты Панагия. На них изображены благословлявший Христос в рост и стоящая Одигитрия. Миловидные лица с мягкими чертами, графическая разделка плоскости уже превосхищают стиль иконописи позднего, XIV в.³⁹ К XIII в. относится и двусторонняя икона с изображением Распятия и Богородицы Одигитрии (из монастыря у деревни Пета близ Арты)⁴⁰. Кроме того, имеется свидетельство монаха Феодосия, автора жития св. Саввы, что последний, возвращаясь в начале 1219 г. в Сербию через Фессалонику, заказал у наиболее известных художников две большие иконы с изображением Христа и Святой Горы. Они были богато {132} украшены драгоценностями и поставлены в монастыре Филокалес. Сам Феодосий видел их позднее и восхищался их величиной и живописью⁴¹.

³⁷ Ibid. С. 116—118.

³⁸ Ὁρλάνδος Α. Ἡ Παρηγορητισσα... С. 128—148.

³⁹ Лазарев В. Н. Указ. соч. С. 129; Ὁρλάνδος Α. Ἡ Πόρτα Παναγία. С. 29—33.

⁴⁰ Σωτηρίου Μ. Ἀμφιπρόσωπος εἰς ἑκὼν τοῦ Βυζαντινοῦ Μουσείου Ἀθηνῶν ἐξ Ἡλείου // ΔΧΑΕ. 1959. Т. IV, 1. 1960. С. 135—143.

⁴¹ Данић Ђ. Живот Святого Сава, написао Доментијан (правилно Теодосије). Београд, 1860. С. 40.

К XIV в. определенно относятся три иконы, выполненные по заказу деспота Янины Фомы Прелюбовича и его жены Марии Палеологини между 1372—1384 гг.: «Уверение Фомы» (монастырь Преображения в Метеорах) с изображением Марии Палеологини и, возможно, Фомы Прелюбовича; «Икона Марии Палеологини» (там же) с изображением заказчицы у ног Богоматери и 14 погрудными изображениями святых по сторонам; диптих-реликварий (в соборе в Куэнке в Испании), который был выполнен в 1383—1384 гг. и считается копией «Иконы Марии Палеологини» и несохранившейся парной к ней иконы с изображением Фомы Прелюбовича у ног Христа. По сторонам этой сцены, как и на иконе его жены,— погрудные изображения святых⁴².

В иконе «Уверение Фомы» традиционные формы соединены с новациями. Сцена встречи стоящего на ступенях Христа с приближающимся к нему Фомой пронизана экспрессией. Архитектура на иконе изображается как реальная среда, чаще — как мотив эллинистического архитектурного пейзажа. Таковы здания на заднем плане. Ренессансным мотивом является изображение цветков на окне дома в левой части иконы. Если фигуры апостолов даны традиционно, то изображению Марии Палеологини явно приданы индивидуальные черты — как в этой иконе, так и в «Иконе Марии Палеологини» и в диптихе-реликварии собора в Куэнке⁴³.

В этих иконах соединены два стиля. Изображения Христа и Марии Палеологини переданы с помощью типичных для иконописи второй половины XIV в. сухих графических линий, переходящих «в наиболее освещенных местах почти в сплошную штриховку, контрастирующую с зелеными тенями»⁴⁴. Однако полуфигуры святых написаны свободными и свежими {133} мазками в традициях живописи первой половины XIV в. По стилю к эфирским иконам близка икона «Богоматери Умиление» (вторая половина XIV в., Гос. Эрмитаж), в которой полуфигуры 14 святых написаны в более свободной манере, чем Богоматерь⁴⁵.

Возник ли двойственный стиль эфирской иконописи на месте или был привнесен из Константинополя или Сербии? Принимая во внимание упадок монументальной живописи в Эпире, скорее можно предположить второе. Однако несомненным является факт существования в Эфирском царстве такого переходного стиля во второй половине XIV в.

От XIII—XV вв., как известно, сохранилось много произведений прикладного искусства. В большинстве своем это деревянные, бронзовые и каменные иконки. Резьба по слоновой кости приходит в упадок, очень мало изделий из драгоценных металлов и эмали. В каменных иконках господствует плоскостная манера изображения, иногда с гравировкой. Но сложность заключается в их точной датировке и локализации. Известна двусторонняя резная деревянная рельефная икона св. Георгия (XIII в., Византийский музей в Афинах), происходящая из церкви в Кастории. Она примитивна по стилю, а в фигуре св. Георгия чувствуется западное влияние.

Духовная жизнь греков в первой половине XIII в. проходила под знаком борьбы с латинянами. Эта идея господствовала не только в Никейской империи, но и в Эфирском царстве, особенно в Фессалоникской империи. Возрождение эллинского самосознания путем обращения к прошлому Византии, величию ее культуры в Эпире, как и в Никее, находило свое отражение в литературных произведениях разных жанров, но прежде всего в агиографии.

Сохранился агиографический рассказ, написанный жителем Фессалоники Иоанном Хартофилаком. В нем рассказывается о чудесах св. Димитрия, почитаемого покровителем Фессалоники с IV в. Агиограф последовательно повествует об осаде города арабами, приду-

⁴² Ευγγόπουλος Α. Νέαι προσωπογραφίαι τη̃ς Μαρίας Παλαιολογίνας και,` Θωμα̃ς,` Πρελιούμποβιτς // ΔΧΑΕ. 1962—1963. Τ. IV, 4. 1964. Σ. 53—70, πίν. 18—24; Иконы на Балканах. София; Белград, 1967. № 44—46, 73; Лазарев В. Н. Указ. соч. С. 168, 253. Табл. 84.

⁴³ Полевой В. М. Указ. соч. С. 281.

⁴⁴ Лазарев В. Н. Указ. соч. С. 168.

⁴⁵ Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М., 1966. № 260—261.

найсими народами, латинянами в 1204 г. и Иваном II Асенем в 1230 г.⁴⁶ Но всегда благодаря помощи св. Димитрия город остается непобежденным.

Другая черта этого агиографического произведения, да и мировоззрения самого автора — осознание исторической преемственности между прошлым и настоящим, понимание непрерывности движения истории. Проявляется это в изложении чудес Димитрия со дня его кончины и до времени жизни агиографа в виде непрерывной исторической линии. Поэтому Иоанн Хартофилак часто употребляет выражения «было уже давно» или «было недавно». Изложение непрерывности исторических событий преследует и назидательную цель: защитник города св. Димитрий всегда готов сокрушить противника. Вот как описывает это Иоанн Хартофилак: арабы, «приставив лестницы, взобрались уже на стены, но св. Димитрий внезапно явился им в образе вооруженного воина и многих поразил, остальные же в страхе поспешно отступили. Прошло немного времени, неприятели снова собрали большую силу и снова подошли к Фессалонике. {134} И тогда великомученик Димитрий явился им исходящим из города с бесчисленным войском»⁴⁷.

Файл byz3_135.jpg

*Уверение Фомы. Ок. 1372—1383 гг.
Метеора, Монастырь Преображения.
Фрагмент. Св. Прокопий*

В житии св. Димитрий проявляет свою чудесную силу в разных местах Византийской империи: он спасает от разбойников эфиопского епископа, избавляет от голода жителей Фессалии, защищает греков и болгар от нападения врагов, исцеляет слепых в Константинополе и Андрианополе*, совершает чудеса в Каппадокии и т. д. Димитрий «поспевал и помогал всем призывающим его не только в Фессалонике и ее окрестностях, но и в других странах»⁴⁸. Так образ святого приобретает черты ойкуменичности, что отличает этот памятник от произведений предшествующей агиографии.

Это вселенско-христианское понимание своей миссии на земле придает совсем иной оттенок таким традиционным чертам агиографического героя, как сострадание, милосердие и помощь человеку. Димитрий сострадает и помогает не только отдельному человеку или какому-нибудь городу, но всем живущим на земле христианам. Он как бы сверху наблюдает за всем происходящим на земле и быстро появляется в виде воина или ангела там, где требуется его помощь⁴⁹.

Мысли о сострадании и помощи отразились и в тех произведениях эпирской литературы, которые непосредственно адресованы или связаны с жизнью широких греческих масс. Прежде всего это — судебные постановления одного из виднейших церковных деятелей Эпирского царства, митрополита Навпакта (между 1204—1230 гг.) Иоанна Апокавка⁵⁰.

Родился он, вероятно, в середине XII в. (точный год неизвестен). Образование получил в Константинополе, но после 1204 г. переселился в Эпир и в течение длительного времени был митрополитом Навпакта, являясь одновременно судьей по уголовным и бракоразводным делам. {135} Помимо судебных постановлений, от Апокавка дошли эпиграммы и большое эпистолярное наследие.

Судебные постановления, или эпитимии⁵¹, которые Апокавк выносил лицам, совершившим преступления против закона или морали, есть настоящие маленькие художественные произведения, полные живой правды и пронизанные глубоким состраданием и сочувствием к простому народу. В них отчетливо проступают многие черты повседневного быта горожан Навпакта и крестьян митрополии. Разные социальные типы проходили перед судом митрополита,

⁴⁶ Житие, страдания и чудеса св. великомученика Димитрия Мироточивого, Солунского чудотворца. М., 1897. С. 29.

⁴⁷ Там же. С. 22

* Так напечатано. Скорее всего опечатка, надо читать «Адрианополе». — Ю. III.

⁴⁸ Там же. С. 17.

⁴⁹ Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета. IX—XV вв. М., 1978. С. 168.

⁵⁰ Τομαδάκης Ν. Β. Οἱ ῥόγιοι τοῦ δεσποτάτου τη;ς Ἠλείρου // ΕΕΒΣ. 1957. Τ. 27. Σ. 8—19.

⁵¹ Pétridès S. Jean Apocaucos, lettres et autre documents inédits // ИРАИК. 1909. Т. XIV, ч. 2—3. С. 1—32.

рассматривались разные жизненные ситуации: несколько бедных крестьян хотят силой отобрать у богатого соседа участок земли (судебное постановление XV), убитая горем жена солдата Стефана (XVI), не сошедшиеся характерами супруги (XII) и т. д. Особенно много постановлений бракоразводного характера или касающихся поведения супругов. Здесь и женщина, на руках которой куча детей, а муж изменяет (XXIX), и взрослый «младенец»-муж, жена которого намного старше (их обручили в детстве): она недовольна тем, что он не может ее содержать и выполнять супружеские обязанности, а поэтому изменяет ему. Постановление Апокавка по этому делу отличается справедливостью и гуманностью: оно дает развод и тем самым выражает протест против укоренившегося обычая заключения браков в детском возрасте. Разведенной жене было разрешено выйти замуж, но только не за любовника, «чтобы никому не повально было, полюбив замужнюю женщину, развратничать с ней и при этом надеяться взять ее в жены» (XX).

Гуманностью и сочувствием отличаются и многие другие постановления Апокавка. За непреднамеренное убийство он назначает только церковное покаяние и строгую эпитимию, защищает от произвола хозяина провинившихся батраков, так как понимает, что на преступление человека часто обрекает либо собственная бедность, либо жестокость власть имущих.

В творчестве Апокавка, как и в литературе Никейской империи, заметен интерес к античности. Так, даже в официальное постановление по бракоразводному делу автор вставляет два стиха из «Облаков» Аристофана (48 и 1070) и один стих из Гомера, чтобы доказать «что женщина сердцем изменчива» (Одиссея. XV. 20). В его письмах уделяется много внимания природе. Иногда это описание прогулок за городом Навпактом (письмо XXXIII) или восхищение прелестями весны и пением соловьев и цикад (XI), а то и просто советы друзьям почаще бывать на природе, лечиться музыкой и медом (XIX). В письмах также много юмора, живых подробностей и чувства (например, автор сообщает друзьям о невзгодах своей жизни (VIII, XXII) или шутит с адресатом, пославшим ему пшеничного хлеба, но забывшим присоединить к этому дару мясо и вино (IV)).

Два других представителя культуры Эпирского царства — Георгий Вардан и Димитрий Хоматиан — стоят несколько в стороне от литературного процесса. От Георгия Вардана, который родился в Афинах, жил в Никее, а затем, переселившись в Эпир, стал митрополитом Керкиры⁵², {136} дошло лишь несколько ямбических стихотворений, полемические произведения против латинян и письма к духовным лицам⁵³.

Его современник Димитрий Хоматиан, архиепископ Охрида (1216—1234), оставил значительное число сочинений (судебные и соборные постановления, канонические послания и письма к духовенству, переписка с представителями гражданской власти)⁵⁴. Правда, для истории более важно их содержание, как материал по внешней и внутренней политике государства и каноническому праву, чем литературные достоинства и особенности.

Литература Эпирского царства выглядит бедной по сравнению с творчеством писателей и историков Никей или Трапезунда. Здесь не было создано ни своей историографии, ни значительных литературных произведений. Да и творчество указанных выше эпирских церковных деятелей охватывает всего три десятилетия существования государства. О дальнейшем периоде нам ничего не известно. В целом вклад Эпира в византийскую культуру XIII в. сводится в первую очередь к сохранению архитектурных достижений предшествующей эпохи и их воплощению в жизнь в памятниках церковной архитектуры, а также к развитию прогрессивных течений в зодчестве и изобразительном искусстве. {137}

5

⁵² Τομαδάκης Ν. Β. Ορ. cit. Σ. 45—52.

⁵³ Kurtz E. Georgios Bardanes, metropolit von Kerkyra // BZ. 1906. Bd. 15. S. 606—613; 1907. Bd. 16. S. 134—140; Loenertz R.-J. Lettre de Georges Bardanès, metropolit de Corcyre, au patriarche oecuménique Germain II // ΕΕΒΣ. 1964. Τ. 33. Ρ. 87—118.

⁵⁴ Pitra J. B. Analecta sacra et classica Specilegio Solesmensi parata. V. VI. Romae, 1891.

Культура Латинской Романии

Облик византийских территорий, которые вошли в состав различных государств Латинской Романии, существенно изменился. Приходили в запустение старые традиционные центры, такие, как Константинополь и Афины, отстраивались новые города: Андравида — столица Морейского княжества, Кандия — главный город венецианского Крита, Пера и Каффа — основные генуэзские торговые фактории Восточного Средиземноморья. В сельский пейзаж вписывались замки западноевропейских феодалов с их высокими башнями-донжонами, непривычными для византийского глаза. Лишь сами деревенские поселения в основном сохранили свой прежний вид, хотя и там в некоторых местах наблюдались перемены, связанные с убылью населения (каталанские Аттика и Беотия) или с введением монокультур (например, мастики на Хиосе).

В Константинополе городское строительство почти полностью прекратилось. Город опустел, часть его кварталов была испепелена пожарами и лежала в развалинах. Число жителей уменьшилось, и латиняне даже не предпринимали серьезных попыток отремонтировать или приводить в жилое состояние большое число разрушенных и заброшенных зданий. С трудом поддерживалась, но более не укреплялась великолепная крепость. Лишь немногие церкви Константинополя в этот период были перестроены или переоборудованы, украшены витражами. Легенда приписывает императору фландрского дома, возможно Генриху I, постройку небольшой церкви или часовни в честь покровителя варягов-норвежцев св. Торлака. Но мы не знаем ни времени, ни места постройки, ни даже того, было ли это новое здание или же реконструкция прежнего. Более типичным являлось основание латинских церквей на месте ранее существовавших греческих. Так, например, в 1232 г. во Влахернах таким образом устроили свой храм доминиканцы, посвятив его свв. Павлу и Марии.

Под натиском греческой «реконкисты» и под ударами болгар латиняне чувствовали себя на берегах Босфора весьма непрочно. К тому же строительной деятельности мешала крайняя скудость финансов. По мере нарастания военно-политического кризиса латинские императоры, правившие в городе, отрезанном от его традиционной аграрной периферии, должны были закладывать, а подчас и распродавать свое достояние. Последний государь Латинской империи Балдуин II продал даже знаменитую позолоченную свинцовую крышу своего дворца, а в качестве залога венецианцам за полученную от них ссуду отдал им собственного сына Филиппа. И все же, несмотря на разорение, прекрасные памятники царственного града производили впечатление на крестоносцев. Знакомство с ними не прошло бесследно и для культуры Западной Европы, прежде всего Венеции, где византийское влияние после 1204 г. ощущалось особенно сильно.

Афины, как и Константинополь, в период латинского господства почти не знали гражданского строительства. Город продолжал сокращаться в размерах, даже по сравнению с концом XII в., когда он уже испытывал явный упадок. На знаменитой афинской агоре пасли овец, а Одеон Аттика и стоя Эвмена были, возможно в XIV в., включены в состав оборонительных сооружений. Еще Ф. Грегоровиус отметил любопытную деталь: слово и понятие *акрополь* совершенно исчезает из употребления. Как французы, так и каталанцы именуют афинскую цитадель Castel Setines, и даже Боккаччо в своей «Тезеиде» не назвал акрополь его именем¹. Акрополь тем не менее стал чуть ли не единственным местом в Афинах, где продолжалось строительство. Северное крыло Пропилеев (бывший архиепископский дворец) было превращено афинскими герцогами в свою резиденцию. Реконструкция завершилась в XV в., в правление династии Аччайуоли. Этот флорентийский род довольно бережно обращался с древним памятником, возможно сознавая его историческое и культурное значение. Сооружение с как бы встроенными в него античными колоннами протянулось до Эрехтейона. Часть так называемой Пинакотеки стала капеллой св. Варфоломея. С самого начала французского владычества Парфенон был из православной митрополии обращен в латинскую с тем же посвящением Деве Марии. Он не подвергся существенной перестройке. На акрополе была воздвигнута высокая сторожевая квадратная башня (разобрана в 1874—1875 гг.), а также сооружен форт. В ту эпоху, когда во Флоренции в полной мере ощущалось дыхание Ренессанса, флорентийское гос-

¹ Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века. СПб., 1900. С. 270.

подство в Аттике не привело к какому-либо духовному обновлению. Правда, интерес к древним памятникам Афин заметен со второй половины XIV в.: в 1380 г. Педро IV Арагонский впервые описал акрополь как самую драгоценную в мире жемчужину. Нотарий Николо Мартони, посетивший город в 1394 г., с проводником осматривал античные памятники: храм Зевса Олимпийского, который сочли большим дворцом императора Адриана, акведук Адриана (принятый за знаменитую школу Аристотеля с источником, вода которого способствовала овладению науками). Мартони всюду отмечал великолепие колонн и мраморных фрагментов, но уровень знаний о древнем городе был невелик.

Первым археологом античных Афин, восстановившим, кстати, и древнее именование акрополя, стал Чириако из Анконы (ок. 1391 — ок. 1455).

Центры Латинской Романии возникают в новых местах или переносятся в древние, но захиревшие города. Так, например, при каталанцах столицей их герцогства становятся Фивы (с 1311 по 1379 г.), где была заново укреплена Кадмейская крепость. «Морейская хроника» именует Фивы «самой прекрасной и богатой сеньорией всей Романии» (Chr. fr. de Morée. § 554).

Важнейшими пунктами транзитной торговли, связывавшими Нижнюю и Верхнюю Романию с Венецией, стали Корон и Модон. Там останавливались караваны галей, шедших из Адриатики в Александрию, Сирию, на Крит, в Черное море, совершалась закупка разнообразных товаров. {139} Имевшие небольшое население (в начале XV в. в Модоне, например, проживало ок. 2 тыс. жителей), эти города были хорошо укреплены, но застроены преимущественно деревянными домами.

Резиденцией князей Морей являлась Андравида, расположенная вдали от моря и гор, что защищало ее от неожиданных набегов пиратов и разбойников. Андравида не имела даже крепостных стен. Ее защиту обеспечивали крепости Кларенца и Клермон, стоявшие неподалеку. В Андравиде были построены княжеский дворец, церкви готического стиля, там проходили парламенты — ассамблеи княжества. Наиболее крупным портом Морей стала Кларенца, заключенная в широкий пояс стен толщиной до двух метров, охватывавших территорию почти 9 тыс. кв. м. Стены защищались угловыми башнями, перед ними был вырыт ров. Но возведены они были из непрочного материала: грубые брикеты необожженного кирпича укладывались на каменный цоколь. Тем не менее, по мнению современника, в начале XV в. Кларенца считалась красивым и защищенным городом. Там были построены княжеский дворец, богатые дома владельцев архонтов и зажиточных купцов. Кларенца изобиловала товарами, особенно драгоценными тканями (Chr. Тосс. Р. 266, 268).

Прочие города Морей являлись просто более или менее крупными сторожевыми пунктами, лишенными большого экономического значения. Доныне хорошо сохранились постройки Клермона (Хлемутци), замок которого (1220—1223) считался ключом к Элиде. Он напоминает знаменитый Крак де Шевалье, построенный крестоносцами в графстве Триполи. Грандиозное сооружение в форме многоугольника с двумя поясами стен и круглыми башнями возводилось целиком западноевропейскими мастерами и не имеет аналогов в византийской архитектуре. В помещениях крепости много печей: сказывалась привычка северофранцузских рыцарей к более холодному климату. Какие-либо декоративные элементы в постройке отсутствуют.

Крупными крепостями Морей были Каритена и Мистра, построенная в отличие от Клермона местными греческими мастерами под руководством французских зодчих. Франкская крепость Мистры с дворцом Виллардуэнов поэтично описана Гете во II книге «Фауста».

В Средней Греции крепостное строительство знало два этапа. На первом из них, после падения Фессалоникского королевства, франкские владения южнее Фермопил оказались на переднем плане военных действий. Приходилось активно укрепляться. На втором, во время каталанского господства (1311—1388), завоеватели оказались во враждебном окружении уже и с севера, и с юга и вынуждены были заботиться о защите, создавая продуманные системы обороны. С конца XIV в. военное строительство испытывает упадок, а вскоре и прекращается вообще.

Планы многочисленных укреплений франкской Греции варьировали от простой башни с внутренним двором (подчас центра феодального поместья²) до ансамбля с внешним поясом стен, образующих нижний двор, с цитаделью, донжоном и редутами (Водоница, Салона). Ино-

² Lock P. The Frankish Towers of Central Greece // Annual of the British School at Athens. 1986. Т. 81. P. 101—123.

гда основная башня (чаще квадратная, реже и позже круглая) помещалась не в центре крепости, а на углу, в наиболее уязвимом для обороны месте. {140} Подчас франкские замки строились на сохранившихся фундаментах византийских или античных укреплений с использованием части древних стен (Патры, Акрокоринф, Кадмея, Каламита). Но большинство сооружений возникало на новых местах. В строительстве применялась грубая кладка небольших, плохо отесанных блоков местного камня-известняка в сочетании с кирпичами из обожженной глины (по византийскому образцу).

В XIV—XV вв. ворота крепости редко защищались двумя башнями, как это стали делать позднее. Чаще всего для этой цели использовалась одна боковая башня, или редан. Для снабжения гарнизона и населения водой в донжоне помещались врытые в землю цистерны или строились акведуки (как, например, в Кадмее).

В целом крепости Мореи и Центральной Греции были архаичнее своих прообразов во Франции и Италии того же времени³. Эстетическая оценка сугубо утилитарных и лишенных декоративных элементов крепостей вряд ли может быть высокой.

На Кипре в отличие от Мореи строить замки могли лишь король и орден тамплиеров, имевший на острове значительные владения. Лузиньяны унаследовали большое число византийских крепостей, которые реконструировались и поддерживались с учетом местных традиций и навыков крепостного строительства крестоносцев в Сирии.

Королевский дворец в Никосии (разрушен в 1576 г.) современники находили одним из самых красивых в мире, с большим клуатром, где был источник лучшей питьевой воды, парадной залой с балконами, колоннадой, резным тронном. Дворец утопал в роскоши мозаик, ковров, терм, садов. Здесь был и зверинец с 24 леопардами и другими животными и птицами, в основном охотничьими.

Гражданские постройки средневекового Кипра сохранились лишь фрагментарно. Виной тому — непрочность материалов: необычайно мягкого кирпича и песчаника. Но черты готического стиля — стрельчатые арки, лепнина, угловые колонны с готическими капителями и базами — адаптировались к местным условиям и оказались очень живучими в позднейших строениях.

Столицей венецианского Крита, резиденцией дуки, была Кандия, оживленный центр торговли, игравший первостепенную роль как в транзитной коммерции, так и в снабжении Венеции сельскохозяйственными продуктами. Город был окружен длинными стенами. О масштабах военного строительства говорит лишь одна цифра: на реставрацию после землетрясения 1303 г. Сенат выделил 30 тыс. дукатов⁴. Большие суммы и в дальнейшем расходовались на ремонт стен. От порта через весь город шла главная улица (корсо), приводившая на южную площадь с церковью св. Марка (1239—1244), дворцом дука, лоджией, башней с часами — всем как в самой Венеции.

В восточной части порта, у арсенала, находился дворец советников. Сам порт неоднократно расширялся, хотя никогда не был особенно большим. В середине XIV в. в его восточной части был построен мол. {141} В арсенале производили не только ремонт, но и постройку галей⁵. Вне стен Кандии, особенно к западу, располагались многочисленные предместья — бурги города, которые почти в два раза превышали его площадь. В XV—XVI вв. они, в свою очередь, были окружены стеной с бастионами в форме неправильного многоугольника, а старая стена стала использоваться под склады, лавки, казармы и т. д. В XVI—XVII вв. город украсился дворцами и прекрасными постройками в стиле итальянского Возрождения.

Только три города Крита — Кандия, Канеа и Ретимно — были относительно крупными центрами, с удобными портами, арсеналами и акведуками, с большими католическими храмами с традиционной венецианской высокой кампанилой, придававшей городской площади венецианский облик.

Кроме городов в собственном смысле слова, венецианцы построили на Крите немало замков, где размещались резиденции правителей, стояли небольшие гарнизоны. Феодальные

³ Andrews K. Castles of the Morea. Amsterdam, 1978. P. 225.

⁴ Laurentii de Monacis veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis / Rec. F. Cornelius. Venetiis, 1758. P. 174.

⁵ Gertwagen R. The Venetian Port of Candia, Crete (1299—1363): Construction and Maintenance // Mediterranean Historical Review. 1988. T. 3, N 1. P. 141—158.

собственники в деревнях, как венетианцы, так и греки, возводили чаще всего просто высокую башню.

Наиболее совершенную крепость средневековья на греческой земле создали иоанниты на острове Родос. Строительные работы в г. Родос велись с 1310 г. Сначала иоанниты перестраивали доставшуюся им византийскую крепость, сохранив ее фундамент и план. В течение XIV в. этот замок и весь город обнесли высокими стенами с угловыми башнями. Был укреплен порт. Постепенно возникла сложная система обороны, включавшая внешние городские стены как со стороны моря, так и с суши, внутренние стены крепости кавалеров и замок (или дворец) великого магистра — грандиозное центральное укрепление на месте древней цитадели. В качестве материала для стен использовали остатки античных и византийских строений, а также добываемый в близлежащих каменоломнях оолитный известняк. Часто в стены вставляли мраморные плиты с вотивными фигурами или гербами великих магистров и надписями. В XIV в. применяли так называемую высокую кладку: в башнях св. Георгия и Коскино, например, использовались каменные блоки высотой 40 см, тесно подогнанные друг к другу (что отличает строительную технику от той, что применялась в Море). Стены, возведенные при великом мастре Жане де Ластине (1437—1454), составлялись уже из меньших по размеру блоков (высотой до 25 см). Кладка стала еще более плотной, почти монолитной, чтобы противостоять бомбардировке ядрами. В XV—XVI вв. перестройка крепости с учетом новой военной техники сделала ее неприступной.

Госпитальеры имели опыт крепостного строительства на Ближнем Востоке, но не только этим определялась их деятельность на Родосе. На острове обосновались рыцари из Северной и Южной Франции, Италии, Испании, Англии и Германии. В 1447 г. орден был структурно разделен на семь «языков», каждому из которых поручались охрана и укрепление участка стен и башен. Это обстоятельство само по себе обеспечивало разные национальные традиции в градостроении. Важная роль в выборе {142} стиля постройки принадлежала и великим магистрам. В начале господства госпитальеров на острове ими являлись представители знати Прованса. Прованское влияние укрепляли и связи с папским двором, находившимся в Авиньоне. Архитектура Прованса наложила отпечаток на облик некоторых башен крепости (Арсенальной, св. Георгия и др.): они были открытыми в горловине. По примеру папского дворца в Авиньоне строился дворец великого магистра Родоса, замок с четырьмя башнями (двумя квадратными и двумя полукруглыми), с внутренним двориком, окруженным аркадами. Наружная лестница вела в большой зал приемов, своды которого опирались на готические колонны, как и своды другого — трехнефного — зала орденского Совета. К последнему примыкали апартаменты великого магистра и капелла. Зал аудиенций был украшен фресками со сценами сражений. В цитадели Родоса находились лазарет и гостиницы для рыцарей. Лазарет принимал не только больных, но и пилигримов. Комнаты путешественников располагались на втором этаже, в то время как внизу, под арками, размещались склады товаров и конюшни. Традиции восточного караван-сарая не были забыты в этой постройке.

Госпитальеры жили в г. Родос как в большом монастыре, но каждое из землячеств имело свой дворец — «отель», «альберго». В собственном смысле слова *отелем* эта резиденция была лишь для почетных гостей ордена, кавалеры же жили в отдельных домах и собирались сюда на ассамблеи и трапезы. Жилые дома рыцарей были построены в XIV—XVI вв. в основном на улице кавалеров, шедшей от моря к центру города. Готический стиль здесь господствовал вплоть до XVI в.

Почти для всех светских построек Родоса характерны общие черты: нижние этажи были сводчатыми и там располагались склады и хозяйственные помещения, в то время как апартаменты находились на втором этаже. Дома имели одну большую залу и разное число жилых и подсобных помещений. Многие постройки Родоса возводились греческими мастерами, объединенными в артели во главе с протомастором. Естественно, что в новых условиях греческие мастера должны были усваивать изначально чуждую им строительную технику. Они обучались гладко обтесывать поверхность камня, делать кладку стен более упорядоченной, возводить готические арки и профили из малоподходящего для этого местного мягкого камня, облицовывать здания более высоким по качеству линдосским известняком или мрамором. Все это вело к росту мастерства камнерезов. И все же и здесь, на Родосе, где господство госпитальеров было прочным, не произошло органического слияния разнообразных стилей и направлений.

Госпитальеры построили и другие крепости на византийской территории, например Бодрум на малоазийском берегу, на месте древнего Галикарнаса, и на острове Кос, напротив него. Эти фортификационные сооружения существенно отличаются от укреплений Родоса. На Родосе крепость широким полукругом замыкала в своих стенах средневековый город. На острове Кос и в Бодруме, напротив, стояли изолированные замки, основной задачей которых являлась охрана морских владений и коммуникаций кавалеров. Для постройки трех поясов обороны крепости св. Петра в качестве строительного материала использовали стены античной крепости и части древних сооружений, в том числе плиты знаменитого Галикарнасского мавзолея, одного из семи чудес света. {143}

От первого периода венецианского крепостного зодчества в Романии (XIII — первая половина XV в.) сохранились лишь фрагменты строений, так как последующие радикальные перестройки и разрушения существенно исказили первоначальные сооружения. Венецианцы строили четыре основных типа укреплений: 1) защищенный стенами город с цитаделью (Кандия), где стеной обносились и бурги; 2) укрепленный с суши и с моря порт, иногда с фортами на молу (Канеа на Крите, Модон, Корон); 3) небольшие замки в сельской местности и в стратегических пунктах (на Эвбее (Негропонте), Крите, Наксосе и др.); 4) замки венецианских факторий, образовавшихся на чужой территории (например, Трапезунд или Тана).

Сначала венецианцы часто стремились лишь реставрировать и достроить прежние укрепления, возводили сооружения, не отличавшиеся существенным образом от предшествующих греческих. Их характеризовала предельная простота форм и планов. Нередко при достройке стен имитировалась прежняя кладка (что, кстати, затрудняет датировки). В замках, особенно в сельской местности, выкладывался лишь наружный контур стены, а внутри она заполнялась землей. В горной местности крепость принимала форму скалы, сливаясь с рельефом. Если же сооружение было более сложным, то стена укреплялась башнями самой разнообразной формы. На Крите, например, встречаются и многоэтажные квадратные башни, и круглые, и многоугольные, и, наконец, угловые бастионы. Ворота редко располагались внутри башен, чаще рядом с ними. Иногда в центре крепости по франкскому образцу ставили донжон (как в замке Санудо на Наксосе).

Лишь в крупных крепостях (Кандии, Канеа, Короне и Модоне) встречаются немногочисленные декоративные элементы: то скульптурное изображение крылатого венецианского льва, то завершение каменной крепостной стены зубцами в виде ласточкиных хвостов (Навплий, Старый Наварин), то стрельчатые арки ворот (Канеа).

В том случае, если венецианцы строили замок в своей фактории, находившейся на чужой территории, как, например, в Трапезунде, они следовали местной строительной технике и даже договаривались с императором, чтобы он на свои средства возвел для венецианцев часть стены с башней.

Словом, до XV в. резкого разрыва между венецианской и византийской техникой строительства не произошло. Революция в крепостной архитектуре свершилась в XV в. с появлением артиллерии. Вместо высоких башен стали возводить приземистые бастионы с толстыми стенами, широкими амбразурами и открытыми площадками для орудий, защищенными парапетами. Изменяется и план крепости для удобства стрельбы: он принимает форму многоугольника. Все большую роль в фортификации начинают играть рвы, эскарпы и контрэскарпы.

В течение века, с 1267 г., генуэзская Пера расширила свои границы и превратилась из небольшого торгового квартала в богатый укрепленный город, имевший большее экономическое значение, чем сам Константинополь. К началу XV в. было завершено строительство стены вокруг Перы и ряда прежних бургов. Площадь фактории составила 37 га. С суши город защищал ров 15-метровой ширины, стена с рядом башен, средняя толщина которой составляла около 2 м. Огромный цилиндрический донжон возвышался на вершине холма. Он сохранился и доныне и называется Башней Христа. В центре города находился двухэтажный дворец коммуны, построенный в готическом стиле. На его фасаде красовалось изображение патрона Генуи — св. Георгия. Средоточием деловой жизни была расположенная южнее лоджия генуэзцев: там составляли акты нотариусы, взимали налоги чиновники, вершил свой суд подеста. Пера располагала прекрасным портом, который мог принимать более сотни судов, арсеналом и складами. Кафедральным собором Перы был храм св. Михаила, но самой большой церковью всей Романии являлся кафедральный монастырь св. Франциска Ассизского, украшенный мозаиками (разрушен в XVII в.). Превосходные мозаики, видимо еще византийского периода, украшали и храм бенедиктинского монастыря. В Пера было немало других церквей. И доныне в Гала-

те сохранилась высокая готическая башня-колокольня храма св. Павла (Арап Джами) доминиканского монастыря (XIII — начало XIV в.).

Современники немало писали о богатстве и процветании Перы. Возможно, не без преувеличения Никифор Григора писал, что в XIV в. ежегодные доходы Перы от коммеркиев составляли около 200 тыс. перперов, в то время как в Константинополе едва собирали 30 тыс. (*Greg. II. P. 842*). Но в то же время Пера и Константинополь были очень тесно связаны друг с другом. В первой половине XV в. все рельефнее проступают черты упадка экономики Перы, особенно ее финансов.

Следы генуэзского присутствия в Романии ныне нагляднее всего представлены в крепостном строительстве Крыма — Каффы и Судака (Солдайи). Хотя крепость Каффы защищала многотысячный и, наверное, самый большой на Черном море город (его население достигало 60—70 тыс. человек), а Солдайя имела в основном дозорно-стратегическое значение, они были построены по общему плану, характерному для Латинской Романии. Оборонительные сооружения делились на три составные части: внешний пояс стен с башнями, перед которым с суши шел ров с перекинутыми через него каменными мостами, внутреннюю цитадель, где находились административные сооружения, и донжон. Портовая часть также защищалась башнями. Башни были чаще прямоугольные, иногда круглые. Выбор типа зависел от места в оборонительной линии и рельефа местности, а также от предшествующего типа башни, если таковая существовала в догенуэзский период. Башни возводились в основном трехэтажные, открытого типа (башни папы Климента VI в Каффе, 1348 г.; башня Джованни Марионе, 1388 г.; Бальдо, 1394 г., и большинство других в Солдае). Привратные башни, возможно, имели закрытым один (нижний) этаж. В Каффе главные ворота находились на северо-западном конце города. Близ них стояла башня Константина (XIV в.). Эта двухэтажная красивая башня была оборудована в соответствии с нормами тогдашней военной техники, перекрыта крестовым сводом и увенчана тройным арочным поясом. Сторожевые башни делались четырехстенными (портовая башня в Каффе, квадратная башня Астагвера и дозорная башня в Солдае), равно как и башни, у которых размещали склады боеприпасов и продовольствия (башня Коррадо Чикало в Солдае, 1404 г.). Перед внешними воротами с мостом дополнительно возводился барбакан. Для защиты обороняющихся от стрел служили зубцы — мерлоны и кремальеры, украшавшие как башни, так и стены. Строительство каффской {145} крепости продолжалось с 40-х годов XIV в. по 1474 г., а солдайской — с 1371 по 1469 г.

На острове Хиос генуэзцы обосновались не только в городе, но и в плодородной долине Кампос, поселяясь рядом с местной знатью. Крепость г. Хиос была типичной большой фортецией Латинской Романии. Ее цитадель — кастро — была построена ок. 1328 г. на новом месте, в стороне от старого византийского замка — Палеокастроны, — и затем не раз перестраивалась. В случае необходимости кастро мог вместить всех жителей города. Внутри него находились административные здания: дворец подеста, лоджия, канцелярия маоны с портиком. Там же располагалась тюрьма и странноприимный дом, дома знати и высших официалов, собор св. Антония, резиденция епископа. Помещения в замке имели готические своды. В стены крепости и церквей, над воротами, в башни были вставлены мраморные плиты с гербами и скульптурными рельефами, сначала готические, а потом и ренессансные.

Одни из трех ворот замка выходили к гавани, защищенной с моря башней. Доступ в гавань мог также блокироваться цепью. В порту, рядом с восточной стеной замка, находилась таможня. На торговой площади, вне стен цитадели, размещались лавки и дома купцов, а поблизости — и резиденции корпораций торговцев мануфактурными товарами и шелком.

Весь город, как кастро, так и бурги, согласно генуэзской практике делился на кварталы. М. Балар насчитал около 40 таких кварталов, группирующихся вокруг какой-либо церкви или дворца⁶. Жилища греков и генуэзцев соседствовали друг с другом. Дома генуэзцев по виду были типичными итальянскими постройками. Открытый двор окружали аркады с колоннами, поддерживавшими второй этаж (так называемый пьяно нобиле), над которым нередко возвышался и третий. Входные ворота вели во внутренний двор, из которого по высокой лестнице поднимались в апартаменты. Как и в Италии, ворота нередко оковывались медью или бронзой, их обрамляла каменная резьба. Такие усадьбы, особенно XV—XVI вв., походили на небольшие дворцы. Городские жилища генуэзцев имели островерхую крышу, тогда как их сельские особ-

⁶ *Balard M. La Romanie Génoise (XIIe—début du XVe siècle). Genova; Rome, 1978. T. I. P. 244.*

няки строились с плоской византийской крышей. Нередко в долине Кампос, к югу от столицы, резиденцией генуэзцев и греческих архонтов были пирги — башни с двумя этажами и съёмной внешней лестницей. Нижний этаж традиционно использовался как склад для продовольствия и боеприпасов, в верхнем располагались жилые помещения. Подобные же башни для своей защиты строили, и местные жители в центре села, на торговой площади. Такие пирги обычно вмещали все население деревни, и по их внешнему виду можно судить о размерах поселения.

Большинство церковных построек Латинской Романии связано с деятельностью духовных орденов: цистерцианцев (в основном до 1276 г.), францисканцев и доминиканцев. Главным образом они вводили традиции архитектуры готики, которые никогда полностью не были ассимилированы на греческой земле. Вместе с тем сказывались и специфические эстетические принципы и критерии, выработанные отдельными орденами. Так, например, цистерцианцы и доминиканцы явно предпочитали длинные ба-^{146}зиликальные строения с подчеркнутым геометризмом и строгостью форм, минимумом декоративных элементов. Доминиканцы, кроме того, в своих храмах возводили деревянные своды (только над хорами и апсидой они были каменными). Цистерцианцы стремились обосноваться в деревнях, уединенных долинах, окруженных лесистыми холмами, в то время как миссионерская направленность деятельности доминиканцев (проповедников) и францисканцев побуждала их, напротив, основывать свои монастыри в городах.

В целом в церковной архитектуре Латинской Романии можно условно выделить: 1) храмы чисто западной архитектуры (в основном готические); 2) примитивизированные постройки западного типа, представлявшие провинциальную (колониальную) архитектуру; 3) церкви смешанного, так называемого «франко-византийского» стиля; 4) чисто византийские (в основном небольшие и деревенские) храмы.

К первому типу относятся весьма немногие большие соборы Кипра: св. Софии в Никосии (1209—1326) и св. Николая в Фамагусте (начало XIV в.), а также храм св. Георгия латинян в Фамагусте (40-е годы XIII в.), небольшая церковь св. Екатерины в Никосии (XIV в.) и постройки премонстрантского аббатства Беллапэ близ Кирении (XIII—XIV вв.).

Собор св. Софии — типичное произведение готики Иль де Франса с единственным существенным отличием — отсутствием островерхой крыши. Это великолепный образец высокого искусства. В Фамагусте, в соборе св. Николая, происходила коронация Лузиньянов иерусалимской королевской короной. Трехнефный и трехапсидный храм, также в стиле французской готики, без трансептов, отличался богатым декором внешних стен, особенно западного фасада, напоминающего собор св. Урбана в Труа (1262 г.). К произведениям чистой готики, не тронутой признаками деградации, относится и латинская церковь св. Георгия. Сохранились одна стена и часть апсиды превосходной работы западноевропейских каменщиков.

Клуатр и трапезная монастыря Беллапэ отличаются особой изысканностью архитектурных форм. Удивительно изящны стрельчатые арки клуатра, опирающиеся на стройные колонны с небольшими капителями, орнаментированными листвой. Правда, в оформлении клуатра и трапезной имеются архаичные черты, которые к тому времени уже исчезли из архитектурной практики самой Франции и названы Дж. Хиллом «реликтом романского стиля»⁷. Речь идет о тяжелой зигзагообразной лепнине, орнаменте, напоминающем собачьи зубы и характерном для Северной Франции XII—XIII вв. Зато сама трапезная выгодно отличается от соборов Никосии и Фамагусты легкостью тонких колонн, поддерживавших свод, гармоничностью пропорций и торжественной красотой устремленных вверх линий.

Нетрудно заметить, что все эти памятники были построены в первый период франкского владычества на Кипре, в период относительного расцвета королевства. И королевская власть, и католическая церковь стремились утвердить на острове тот тип архитектуры, который наиболее соответствовал католической традиции и вкусам западноевропейских феодалов. Вместе с тем храмы были символом новой государственности. ^{147} С началом политического упадка в середине XIV в. в архитектуру, к тому времени все больше сбивавшуюся на эклектическую имитацию предшествующих образцов и тяготившую к разным школам Юга Франции, Италии и Испании, внедряются греческие мотивы. Их носителями были местные мастера-каменотесы, их поддерживали вкусы греческого населения острова и эллинизированной элиты. Происходила медленная ассимиляция готического и византийского стилей. По мнению

⁷ Hill G. A History of Cyprus. L., 1972. Т. 3. P. 1126.

одного из лучших исследователей зодчества Кипра — К. Энлара, во второй половине XIV в. наблюдается общее огрубление архитектуры. Готический стиль лишается гармонии и выразительности (церкви Бедестан в Никосии, свв. Петра и Павла в Фамагусте). В конце XIV — начале XV в. происходит даже частичный возврат к конструкциям и декоративному оформлению романского стиля⁸.

На этом фоне эволюции собственно западной церковной архитектуры происходит ее сближение с византийскими традициями, которые сохранила кипрская деревня. Однако и сельские храмы, в свою очередь, восприняли отдельные элементы готики. Иногда они сознательно внедрялись феодальным сеньором, иногда перенимались механически, как, например, стрельчатые арки, готические профили окон. Это не меняло прежнего стиля, но придавало постройке большую нарядность.

Франко-византийский стиль до конца не оформился на Кипре в XIII—XV вв. Существовала амальгама, не объединенная новой общей идеей. Возможно, одним из препятствий на пути к созданию более гармоничной архитектуры, помимо идейных разногласий и недостатка средств с конца XIV в., было отсутствие на Кипре хороших камнерезов — об этом свидетельствует невысокое качество декоративной скульптуры и орнаментов⁹.

Но если на Кипре все же имелись чистые образцы высокой европейской готики, то в других районах Романии не наблюдалось и этого. Раннеготические церкви Греции были чрезвычайно просты по замыслу и бедны по исполнению. Большинство из них плохо сохранилось. Это довольно большие, прямоугольные в плане базилики, однефные, без трансепта (церковь цистерцианского монастыря Богородицы в Исове, XIII в.; церковь в Кларенце, вторая четверть XIII в.), или трехнефные (храм цистерцианского монастыря Зарака у озера Стимфалии второй четверти XIII в.; доминиканская церковь св. Софии в Андравиде, между 1240 и 1264 гг.), с многоугольными (Исова) или прямоугольными (Зарака, св. София в Андравиде) апсидами, с островерхой деревянной крышей. Аркады церкви Зарака, разделявшие центральный и боковые нефы, опирались на мощные столпы, составленные из большой круглой колонны и связанных с ней четырех полуколонн на многоугольной базе. Такая форма была свойственна французской архитектуре первой половины XIII в.

Такая важная черта готики, как последовательное применение оживального крестового свода, прослеживается лишь в церкви Зарака, отчасти в св. Софии и ныне разрушенной церкви Ипапанти в Афинах. {148}

Файл byz3_149.jpg

Каффа. Башня. XIV в.

Западный портал церкви Богородицы монастыря Исова завершался вимпергом, но он отнюдь не был ажурным, с богатой каменной резьбой и лепкой, как во французских церквях XIII—XIV вв. Свет попадал в храмы через высокие узкие окна с полуциркульными или ломаными арками, иногда с витражами. Сохранившиеся скульптурные фрагменты в св. Софии в Андравиде (возможно, они происходят из церкви св. Стефана) свидетельствуют о том, что капители и импосты колонн украшались эмблемами княжеского рода, орнаментировались листьями или изображениями человеческих голов.

Франкские бароны любили помещать свои гербы на стенах и жилищах, и основанных ими церквей, и на надгробиях. Но вот характерная деталь: нередко гербы, особенно с XIV в., сопровождают легенды на греческом языке, а флёрделисы начинают соседствовать с полумесяцами и звездами в восточном вкусе. Незаурядным произведением франкской плоской скульптуры является надгробие Агнессы Виллардуэн (Анны Дукини, ум. в 1286 г.) в Андравиде. Но на плите, напротив, французская надпись сочетается с византийским скульптурным орнаментом, изображающим сказочных животных и павлинов. Генуэзские скульптурные орнаменты в Пере также создавались под воздействием византийских традиций, что отличает стиль их декора от аналогичных генуэзских орнаментов {149} и плит в других городах Причерноморья (Амастриде, Каффе, Трапезунде), где эти влияния выражены значительно слабее¹⁰.

⁸ *Enlart C. Art gothique et la Renaissance en Chypre. P., 1899. T. I. P. 1—19.*

⁹ *A History of the Crusades / Ed. K. M. Setton, H. W. Hasard. Madison, 1977. T. 4. P. 185—188; Hill G. Op. cit. T. 3. P. 1136—1137.*

¹⁰ *Cramer J., Düll S. Beobachtungen an der Arap Camii in Istanbul // Istanbul Miteilungen. 1985. Bd. 35.*

С середины XIV в. церковные постройки Греции нередко возводятся местными мастерами. Сохраняя типичные для Греции формы архитектуры, греческие церкви Мореи, как и Кипра, воспринимали декоративные элементы готического зодчества: стрельчатую и ломаную арки, скульптурные колонки, украшающие углы стен или обрамляющие окна. Иногда изменялся план постройки: она удлинялась, приобретая базиликальные черты, там и тут встречаются сводчатые перекрытия западного типа. С XIII в. в Греции распространяется не свойственная Византии многоярусная колокольня в виде квадратной башни, примыкающей к храму (Кари-тена, Мессения, Пантанасса, Мистра).

На Крите, так же как и почти во всей Латинской Романии, произведениями чисто западноевропейской церковной архитектуры можно считать лишь соборы, католиконы монастырей и капеллы в крепостях и дворцах сеньоров. Естественно, что в архитектуре Крита преобладают итальянские, а не французские традиции.

Большинство же храмов Крита сохранило крестово-купольный тип, и иногда лишь отмечен декор фасадов и окон по венецианскому образцу. Число церквей греческого типа постоянно увеличивалось. Сначала их строили в деревнях греческие церковные общины (в городах права таких общин были ограничены), затем греческие архонты, богатые граждане острова и, наконец, быстро эллинизирующиеся колонисты венецианского происхождения.

Венецианское владычество на Крите отмечено распространением готического стиля в архитектуре. Формы, свойственные эпохе Возрождения, появились на острове с большим запозданием, что характерно для «колониальной» архитектуры.

* * *

Завоевание Константинополя латинянами болезненно отразилось на художественной жизни города. Часть мастеров, покинувших Царственный град, успешно трудились в Сербии (например, в Студенице) или Трапезунде. Но, по свидетельству сербских агиографов, и в самом Константинополе оставались мастера-мраморщики и живописцы¹¹. К сожалению, следов работы первых в столице немного — в основном это надгробия франкской знати. Единственной росписью, достоверно относящейся к эпохе латинского господства, являются фрески в капелле св. Франциска Ассизского в церкви Христа Акаталептос (Календеране Джами), обнаруженные сравнительно недавно. Это фрагменты небольшой композиции из 11 сцен жизни св. Франциска, с монахами во францисканских облачениях. Перед нами один из первых памятников, созданных после канонизации св. Франциска (1228 г.), с его изображением. Как считают исследователи, цикл был создан в 50-е годы XIII в. рукой западного мастера, испытавшего {150} византийские влияния¹², или совместно западными и византийскими мастерами, руководствовавшимися итальянскими картонами (прорисьями) или иконописными подлинниками¹³.

Отсутствие богатых донаторов и средств также способствовало глубокому упадку монументальной живописи и исходу основной массы живописцев или изменению характера их творчества: изготовлению книжных миниатюр или небольших икон. Но вопрос об атрибуции ряда сохранившихся иллюминированных рукописей XIII в. периоду Латинской империи или последующему весьма дискусионен. Сложность атрибуции заключается в том, что книжная миниатюра той поры, являясь плодом переходной эпохи, сочетает разнородные элементы. Вероятно, греческие миниатюристы работали для латинян. К примеру, в рукописи 118 Афинской национальной библиотеки на миниатюрах евангелисты Матфей, Лука и Иоанн держат в руках свитки с надписями на латинском языке. Высокий художественный уровень этих книжных иллюстраций, манера письма указывают на константинопольское происхождение рукописи. Но нельзя исключить и возможности «дорисовки» в латинский период миниатюры предшествующего времени или вписывания нового текста¹⁴.

S. 295—322. Taf. 61—73; *Düll S. Byzanz in Galata // Römische Historische Mitteilungen*. Wien, 1987. Bd. 29. S. 251—280. Abb. 1—27.

¹¹ *Djurić V. J. La Peinture murale byzantine: XIIe et XIIIe siècles // XV Congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. T. III. Art et archéologie. Athènes, 1976. P. 44.*

¹² *Striker C. L., Dogan Kuban Y. Work at Kalenderhane Camii in Istanbul // DOP. 1968. Vol. 22. P. 185—193.*

¹³ *Dufrenne S. Architecture et decor monumental d'art byzantin à l'époque de l'Empire Latin de Constantinople (1204—1261) // BF. 1972. Bd. 4. P. 66.*

¹⁴ Круг рукописей с миниатюрами эпохи Латинской империи в последнее время был выявлен в рабо-

Влияние крестовых походов на книжную миниатюру и византийскую икону может быть лучше всего изучено на материале не Константинополя, а Синая, где в XIII в. возникли своеобразные греко-латинские иконописные центры. Они находились за пределами Латинской Романии, но, возможно, именно они удовлетворяли потребности Греции, островов Эгеиды, латинского Константинополя¹⁵.

Памятники изобразительного искусства крестоносцев имелись и в Греции. Морейская хроника сообщает, что в Фиванском замке Сент-Омера зала дворца была украшена прекрасными росписями, изображавшими покорение Сирии франками (Chr. gr. de Morée. Vs. 8083—8085). В Патрах в архиепископском дворце находились фрески на тему осады и разрушения Трои¹⁶. К сожалению, все они не сохранились. Зато до нас дошли фрески церкви Иераки (вторая половина XIII в.). На одной из них имеется изображение Христа, выполненное раннеготическим мастером. Оно мирно соседствует с традиционными византийскими росписями, хотя и на них мы встречаем изображения воинов во франкских доспехах.

О. Демус справедливо замечает, что смешение стилей происходило в пограничных районах с менее стойкой византийской традицией¹⁷. В искусстве же многочисленных маленьких церквей Аттики и Пелопоннеса {151} в XIII в. преобладали фрески в старой, весьма консервативной манере, преодоление которой началось лишь с 80-х годов XIII в. под влиянием Палеологовского ренессанса. С другой стороны, в большинстве небольших церквей Крита, островов Эгеиды и Пелопоннеса в росписях наблюдается отход от комниновской линейности, стремление к упрощенному рисунку, лаконизму форм, даже примитивизации. Консерватизм, предпочтение темных тонов характеризуют греческое искусство Латинской Романии XIII в. Старое закрепляется и поддерживается сначала как знак сопротивления вкусам и идеалам завоевателей. Такое искусство вполне соответствовало мировосприятию заказчиков — клира и разбогатевших горожан. Донаторские портреты нередко украшают такие церкви на Кипре, Эвбее, Наксосе, в Аттике.

Искусство Крита — особая страница в истории живописи Латинской Романии. Развитие художественных традиций в конце XIII—XV в. постепенно привело к формированию наиболее значительной школы изобразительного искусства — крито-венецианской. На Крите около тысячи расписанных церквей. Многие сотни икон, хранящихся в музеях Венеции и других европейских городов, — с Крита или созданы критскими мастерами. Все это говорит о том, что центр живописи на Крите был весьма мощным. Он функционировал вплоть до XVII в. Здесь рассматривается лишь первый период его истории — до 80-х годов XV в. Его, в свою очередь, можно подразделить на несколько этапов. Первый из них — XIII в. Непосредственно после венецианского завоевания в росписях церквей (их весьма немного), по определению Ш. Дельвуа, преобладает «монашеское народное искусство, опирающееся на византийские традиции XI—XII вв.»¹⁸. По сути дела, это отстающая, периферийная школа. Доминируют линейность стиля, темные тона, статичность и скованность поз. Следы латинских влияний единичны. Они зафиксированы лишь в зонах поселения венецианцев и коснулись иконографии. Например, в церкви деревни Племениана есть отсутствующий в византийской иконографии сюжет — изображен св. Варфоломей, несущий на плечах содранную с него кожу.

Второй этап охватывает XIV в. Живопись Крита также следует в общем фарватере византийского искусства, с середины столетия все более испытывая влияния Палеологовского ренессанса. Старый стиль сосуществует с новыми тенденциями: стремлением придать больше естественности движению фигур, сделать их рельефнее; вместо подчеркнутых контрастов светлых и темных тонов найти более мягкие сочетания, перейти к усложненным системам светотеневой моделировки, более гармонично связать образ с окружающим архитектурным и

te: *Prato G.* La produzione libraria in area greco-orientale nel periodo del regno latino di Constantinopoli // *Scrittura e Civiltà*. 1981. T. 5. P. 105—147.

¹⁵ *Weitzmann K.* Studies in classical and byzantine manuscript illumination. Chicago; L., 1971. P. 314—339 a.o.

¹⁶ *Nicolai de Marthono.* Relation du pelerinage à Jérusalem de Nicolas de Martoni, notaire italien (1394—1395) // *ROL*. 1895. T. 3. P. 661; *Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea* / Ed. A. Morel-Fatio. Genève, 1885. § 509—510.

¹⁷ *Demus O.* Die Entstehung des Paläologenstils in der Malerei // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinistenkongreß*. München, 1958. S. 36.

¹⁸ *Delvoye Ch.* L'art byzantin. P., 1967. P. 352.

ландшафтным фоном. Делались попытки так строить композицию, чтобы она наиболее естественно вписывалась в ограниченное пространство небольших церквей. В решении этих сложных задач многое зависело от индивидуального мастерства. Наряду с более совершенными росписями (храм Спасителя в Кидонии, Асоматос из Арханис) нередко встречаются невыразительные композиции, перегруженные фигурами, где преобладают линейность и темные тона. В XIV в. на Крите работают многие мастера-венецианцы, перенимающие местную манеру письма. Их творчество не отличается существенным {152} образом от работ критских греков. Критская школа становится все более известной. Сюда приезжают учиться из разных областей Латинской Романии и даже из Константинополя. В XIV—XV вв. на Крите работали, а в XVI в. преобладали эллинизированные венецианцы. Именно из этой среды, где этническая принадлежность живописца уступала место общности критского происхождения и единству живописной манеры, вышли знаменитая плеяда мастеров семейства Греко, талантливый художник середины XV в., представитель знатной семьи Андреа Риццо и многие другие. Итальянский ученый М. Каттапан на основании архивных документов установил имена 116 художников, работавших на Крите с 1303 по 1500 г.¹⁹ Это уникальный случай, когда известно столько имен средневековых мастеров, и столь же уникальное свидетельство интенсивности художественной жизни, учитывая небольшую населенность острова.

В XIV в. венецианские влияния на живопись Крита были эпизодическими и касались в основном передачи деталей — предметов венецианского обихода, оружия и т. д. Вероятно, прав М. Хадзикадис, когда усматривает в этом не подражание, а известный реализм мастеров, изображавших окружающую их действительность²⁰. Примеры иконографического заимствования есть, но они немногочисленны (росписи церкви Богородицы Гуверниотиссы близ Кандии, св. Пелагии в селении Вианнос и др.).

На третьем этапе, в XV в. и особенно после взятия Константинополя османами в 1453 г., на Крите сосредоточиваются основные силы византийского искусства, что и обеспечило расцвет этой школе в XVI столетии. Но до конца XV в. живопись Крита следовала традициям последней стадии палеологовского искусства. Серьезное взаимодействие их с западноевропейским, прежде всего венецианским, искусством начинается лишь с конца XV и продолжается вплоть до XVII в.²¹

Искусство Кипра развивалось по сходной модели. Основным хранителем старой ориентализирующей византийской традиции были и здесь небольшие сельские церкви и монастыри. Спротивление латинской «аккультурации» выразилось в сохранении вплоть до конца XV в. архаического, консервативного жесткого стиля византийской провинции (пример: росписи часовни Панагии в деревне Мутулла 1280 г. и церкви Педулас 1474/5 г.). Вершина этого направления — фрески церкви Асину (ок. 1250 г.).

В XIII и первой половине XIV в. западные влияния незаметны. Некоторые кипрские фрески тронуты следами неоклассического стиля комниновского периода. И в этом случае прототип и идеал были в прошлом. Палеологовский ренессанс не оставил каких-либо заметных следов на стенописи Кипра, хотя, возможно, и воплотился в некоторых произведениях иконописи, которая до XIV в. также развивалась в русле византийских традиций XII в. Сказывалась оторванность острова от очагов поздневизантийской культуры. В кипрских росписях (как и на Крите) {153} можно обнаружить лишь фиксацию отдельных элементов одежды и быта европейских рыцарей (церковь св. Ираклида в монастыре Иоанна Лампадиста, деревня Калапанайотис). Мы видим на фреске французского льва — герб на щите центуриона в сцене Распятия — или черные перчатки на руках у детей, карабкающихся на пальму, в сцене Входа в Иерусалим.

Симбиоз внутри господствующего класса приводил к тому, что латинские донаторы стали использовать греческие надписи, а греческие архонты изображаться в латинских одеяниях. Так, например, Михаил Кадзуритис на фреске в церкви св. Димитрия (1317 г.) представлен с французским чепцом (*coiffe*) на голове.

¹⁹ *Cattapan M.* Nuovi documenti riguardanti pittori cretesi dal 1300 al 1500 // *Πεπραγμένα Β' Κρητολογικῆ Συνεδρίου*. Ἀθήναι. 1968. Т. 3. Р. 29—46.

²⁰ *Chatzidakis M.* Essai sur l'école dite «italogrecque» // *Venezia e il Levante fino al secolo XV*. Firenze, 1973. Т. 2. Р. 76.

²¹ *Ibid.* Р. 78.

Постепенно, со второй половины XIV в., грани между разными стилями в искусстве начинают стираться. Базой сближения оставалось византийское искусство с привнесенными в него западными элементами, как из Франции и Италии, так и из государств крестоносцев на Ближнем Востоке (выходцами оттуда).

Стремление к синтезу на Кипре не привело к осязаемым результатам, несмотря на усиление униатских тенденций после Ферраро-Флорентийского собора и особенно после падения Константинополя.

В иконописи Кипра изначально поддерживался более высокий художественный стандарт и благодаря притоку константинопольских икон, и из-за меньшей связанности мастера со вкусами заказчика. Кипрскую живопись характеризуют прозрачные цвета и мягкость палитры. Кипрские иконы XIII—XV вв. воплощают три тенденции в рамках византийской иконографии: монашеско-аскетическую, отмеченную движением в сторону Палеологовского ренессанса и, наконец, связанную с позднеитальянской готикой. Нередко на иконах можно увидеть портреты коленапреклоненных донаторов, в том числе католических монахов и франкских рыцарей. Иногда искусство средневекового портрета достигает совершенства и выразительности. Но подлинным явлением в искусстве кипрская икона стала позднее, в основном уже в поствизантийский период, когда она творчески использует достижения европейской готики и оказывает на нее влияние.

Иконописные мастерские Кипра были тесно связаны с монастырем св. Екатерины на Синае и развивали то же направление в искусстве Латинского Востока. Их произведения, иногда трудно дифференцируемые, вывозились и в государства крестоносцев Ближнего Востока, и в Латинскую Романию, и в Западную Европу.

В целом искусство Латинской Романии конца XIV — середины XV в. развивалось в общем русле с искусством Византии, хотя и испытывало все возрастающее влияние Запада. Именно в этот период во всем византийском мире совершался переход от перегруженного деталями эклектического поздневизантийского «маньеризма» (росписи Пантанассы, Мистра) к сдержанному, суровому, но спокойному и уравновешенному стилю Феофана Критского (XVI в.), высшему образцу критской школы. Поздняя готика на территории Романии вступила во взаимодействие именно с этим направлением искусства. Следует признать, что место Латинской Романии в процессе эволюции греческой живописи конца XIV—XV в. было значительным, а в XVI столетии — выдающимся.

С другой стороны, известен процесс оживления «византинизирующей» живописи на Западе с XIII в. Здесь, особенно в Италии, формируется {154} стиль, который писатели эпохи Возрождения называли «маньера грека». Роль Латинской Романии, особенно Крита и Кипра, в этом процессе была заметной и плодотворной²².

* * *

Вступив на территорию Византии, гордые латинские рыцари называли себя «людьми, пришедшими для завоевания» (Chr. fr. de Morée, § 55). Осуществление завоеваний привело к широкому распространению французского языка как языка феодальной элиты. Трубадуры, вдохновлявшие вождей похода, отказывали грекам в воинской доблести. Соратник Бонифация Монферратского трубадур Раймбаут Вакейрасский, описывая сражение у стен Константинополя 17 июля 1203 г., высмеивал Алексея III Ангела и его воинов, у которых, по словам поэта, сердце уходило в пятки для того, чтобы быстрее прищипоривать коней. «Мы были соколами, а они — цаплями, и мы преследовали их, как волк преследует овцу»²³.

Прошло более 70 лет, и почти с таким же высокомерием, глядя у Неопатр на 30-тысячное войско византийцев, афинский герцог Жан де ла Рош произнес: «Людей много, а мужей мало». Ситуация была похожей: латиняне в меньшинстве противостояли намного превосходящему в силах противнику. Но отличие разительно: герцог привел слова Геродота (VII, 210) и произнес их по-гречески²⁴. Еще ранее князь Ахайи Гийом II Виллардуэн по-гречески вел переговоры с севастократором Иоанном Палеологом и никейским императором Михаилом

²² См.: Weitzmann K. Crusader icons and maniera Greca // Byzanz und der Westen. Wien, 1984. S. 143—170.

²³ Linskill J. The Poems of the troubadour Raimbaut de Vaqueiras. The Hague, 1964. P. 305.

²⁴ Hopf Ch. Chroniques Gréco-Romanes inédites ou peu connues. B., 1873. P. 121: «Poli laos, oligo atropi».

VIII (1259 г.). Он уже был женат на знатной гречанке — Елене Ангелине. За пройденные годы латиняне, как и весь господствующий класс, стали двуязычными, усвоив язык покоренного народа. На Кипре при короле Жане II (1432—1458), супруге дочери деспота Пелопоннеса Елены Палеологини, греческое влияние стало столь значительным, что, по выражению хрониста, весь остров как бы вернулся под власть греков²⁵. Преемница и дочь Жана II Шарлотта (1458—1464) чувствовала себя полностью гречанкой: она предпочитала греческий язык, усвоила эллинское красноречие, но с трудом писала по-французски и воспринимала его как иностранный язык. С другой стороны, киприоты, как сообщает хроника Леонтия Махеры (Makhairas. Т. 2. Р. 142), после перехода острова под власть Лузиньянов обучали детей как разговорному греческому, так и французскому языку. Из их смеси формировался диалект, мало понятный для эллинского мира, но органичный в условиях острова. В XV в. в среде господствующего класса наряду с процессом эллинизации шел процесс вытеснения французского языка итальянским²⁶. Своего рода «колониальный» язык складывался и на Крите при отсутствии тесных культурных связей венецианских поселенцев с метрополией.

Лингвистические барьеры, которые до XIII в. разделяли Восток и Запад, постепенно преодолевались. Латиняне довольно быстро приобщались к греческой культуре. В Морее и на Крите, на Кипре и на островах Эгеиды франкские бароны и венецианские колонисты, никогда не читавшие произведений афинского архиепископа Михаила Хониата, стихийно солидаризировались с высказанным им тезисом, что нельзя господствовать над народом, захватив замки, имущество и даже покорив людей, но не имея духовной власти над умами, достигнутой благодаря образованию²⁷, не понимая языка своих подданных и отставая от них в культурном отношении. Процесс лингвистического обмена поддерживало и католическое духовенство, изучавшее греческий (особенно в монастырях Перы), чтобы успешнее вести миссионерскую пропаганду. Не случайно граф Кефалонии Риккардо отправил послами к деспоту Арты именно двух миноритов, воспитанных в Галате и хорошо знавших греческий (Chr. fr. de Morée. § 654). Доминиканец Симон Константинопольский настолько хорошо владел греческим языком, что в оригинале читал труды греческих отцов церкви. Современники говорили, что «он обучен греческой науке даже более, чем латинской»²⁸.

Естественно, в меньшей степени язык франков постигало население греческой деревни, но и оно было знакомо с определенным кругом французских или итальянских слов и выражений. Интенсивнее был обратный процесс — внедрения греческого языка в обиход франкского господствующего класса. Это происходило и в результате сознательного заимствования латинянами византийской канцелярской практики, практики вотчинной администрации, городского управления, наконец, просто обычаев и традиций населения, среди которого в течение многих десятилетий им приходилось жить. Иногда, особенно на Крите, латиняне с рождения усваивали греческий язык как «свой» и даже принимали затем православие, полностью эллинизируясь (такие факты участились с конца XIV в.). В официальных актах Латинской империи греческий язык использовался в монологах, иногда в надписях на печатях. В период каталанского господства греческие нотариусы Афин составляли документы на латыни, на каталонском языке и по-гречески. По-гречески велось официальное делопроизводство в Афинах в XV в., когда герцог Антонио Аччайуоли дал флорентийским купцам привилегии (MM. III. P. 251 (7/VIII. 1422)). На Кипре греческий язык употреблялся в официальных дипломатических документах в сношениях с турками. На этом же языке были составлены Ассизы суда горожан, и он постепенно распространился и в высшей судебной курии феодалов.

С приходом латинян греческая литература стала заимствовать популярные среди западного рыцарства сюжеты и произведения (рыцарские романы, элементы куртуазной лирики и т. д.). Рыцарский роман появился в Латинской Романии уже с первыми поколениями завоевателей. Роман о Трое, например, достиг Константинополя не позднее 1205 г. Мощным передаточным звеном распространения в XIII в. рыцарских романов и шансон де жест была Южная

²⁵ См.: Knös B. L'histoire de la littérature neo-grecque. Uppsala, 1962. P. 176.

²⁶ Richard J. Culture franque et culture grecque: le Royaume de Chypre au XVe siècle // BF. 1987. Bd. 11. P. 399—415.

²⁷ Ср.: Успенский Ф. И. Сочинения Михаила Акомината. Одесса, 1881. С. 198.

²⁸ Congourdeau M.-H. Frère Simon le Constantinopolitain. O. P. (1235?—1325?) // REB. 1987. T. 45. P. 169—170.

Италия, где правила Анжуйская династия, вассалами которой были морейские князья. Эти произведения были {156} особенно читаемы в феодальной среде, выражая, как и юридические памятники, этику и вообще менталитет латинского рыцарства. Филипп де Новар, один из наиболее интересных и известных писателей и государственных деятелей Кипра и Иерусалимского королевства, превосходно знал и цитировал и «Роман о Розе», и «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора, и «Роман об Александре», и «Ланселота»²⁹. Постепенно эта рыцарская куртуазная литература благодаря переводам становилась все более известна в греческой среде.

Прошлое Романии нередко представлялось западноевропейцам через призму рыцарского романа, переработанных легенд гомеровского эпоса, навевало знакомые образы и сюжеты из эпического цикла о короле Артуре. Венецианская крепость в Эврипе, у пролива, отделяющего Эвбею от побережья Аттики, казалась Николо ди Мартони сказочным замком Фата Морганы³⁰. Культурные контакты греков и латинян стимулировали двустороннюю переводческую деятельность. Уже в начале XIII в. на французский язык был переведен знаменитый византийский роман о Варлааме и Иоасафе. В конце того же века католический архиепископ Коринфа доминиканец Гийом из Мербеке настолько овладел греческим, что сам переводил на латынь Гиппократ, Галена, Аристотеля, Птолемея и Прокла³¹. Напомним, что в самой Италии первым знатоком древнегреческой литературы лишь век спустя стал Боккаччо.

Магистр ордена иоаннитов Родоса араговец Хуан Фернандес де Эредиа (1377—1396) был инициатором первого перевода с греческого «Жизнеописаний» Плутарха и других текстов античности, неизвестных тогда на Западе. Собранная на Востоке библиотека Эредиа в Авиньоне была настолько богатой, что, по свидетельству итальянского гуманиста Колуччо Салютати, там имелось почти все, что могло интересовать гуманиста той эпохи. Посланные арагонскому двору манускрипты и переводы, сама деятельность Эредиа и его окружения сыграли важную роль в формировании гуманизма в Каталонии.

К явлениям иного рода можно отнести деятельность Симоне Атуmano. Родителями Атуmano были гречанка и турок. Он вырос и воспитывался в Византии, принял постриг в знаменитом Студийском монастыре в Константинополе, участвовал в религиозных спорах XIV в. на стороне противников паламитов, затем принял католичество и, постепенно продвигаясь по ступеням церковной иерархии, стал латинским архиепископом Фив (1366 — начало 80-х годов XIV в.). Он получил хорошее образование, владел греческим, латинским и древнееврейским языками и еще в Фивах начал составление Библии Триглотты. Этот труд был затем завершен им уже в Риме и доставил ему известность выдающегося в то время знатока библеистики. Еще ранее, в 1373 г., Атуmano перевел на латинский язык сочинение Плутарха «О воздержании от гнева», и этим переводом пользовались итальянские гуманисты, браня, впрочем, как, например, Салютати, недостаточно классическую и полную вульгаризмов латынь фиванского {157} архиерея. Вероятно, в греческом языке Атуmano был ближе к пуризму классики и в силу традиций византийского образования, и из-за кропотливой работы с древними текстами. В его библиотеке имелись рукописи сочинений Гомера, Еврипида, Платона, Плутарха.

Через полвека после Атуmano, в 20—40-е годы XV в., различные области Латинской Романии (острова Эгеиды, Афины, Кипр) посещал итальянский гуманист, купец и путешественник Чириако из Анконы. Он и стал первым собирателем античных древностей, автором первых научных описаний античных памятников и скульптур, исследователем монет и надписей. В поисках древностей Чириако производил даже археологические раскопки. Деятельность Чириако, его дружба как с правителями Латинской Романии, так и со многими итальянскими гуманистами способствовали росту интереса к греческой культуре, к изучению ее наследия в Италии.

И хотя такой интерес усиливался и на Западе, и в самой Латинской Романии, основная установка католической церкви заключалась не в том, чтобы воспринимать чреватые опасностями ереси положения древних (языческих) писателей или современных схизматиков-греков, а, напротив, распространять среди них латинскую культуру и через нее католическое вероуче-

²⁹ *Jacoby D.* La littérature française dans les états latins de la Méditerranée orientale à l'époque des croisades // *Essor et fortune de la Chanson de geste dans l'Europe et l'Orient Latin.* Modena, 1984. Т. 2. P. 624—626.

³⁰ Ср.: *Koder J.* «Fata Morgana» in *Negroponte* // *JÖB.* 1975. Bd. 24. S. 129—135.

³¹ См., например: *Boese H.* Wilhelm von Moerbeke als Übersetzer der Stoicheiosis theologike des Proklos. Heidelberg, 1985.

ние. Чтобы придать этой деятельности целенаправленный характер, папа Иннокентий III и император Балдуин I еще в 1205 г. сделали попытку открыть в Константинополе католический университет. Понтифик обратился к преподавателям и студентам Парижского университета с приглашением отправиться на Восток, где их ждало богатое воздаяние (PL. Т. 215. Р. 636—638). Попытка эта, видимо, осталась не осуществленной, зато в самом Париже при университете была учреждена греческая (константинопольская) коллегия, где получали образование принявшие католическую веру выходцы из Романии, дабы после обучения вернуться на родину. Коллегия пользовалась специальным покровительством пап.

Центром католической пропаганды в Византии стал доминиканский монастырь свв. Павла и Марии в Константинополе (после 1228—1261), затем, в конце века, вновь открытый в Пере. В этом монастыре составлялись полемические произведения «против ошибок греков»; одним из известных авторов таких сочинений был монах Бартоломей. Этими трудами, не всегда, впрочем, точно излагавшими взгляды оппонентов, воспользовался и Фома Аквинат для составления трактата «*Contra errores graecorum*» («Против ошибок греков»). Другой доминиканец Перы, инквизитор в Романии Филиппе ди Биндо Инконтри, автор полемических сочинений («Об исхождении святого духа», «О послушании Римской церкви»), поддерживал тесные связи с византийскими политическими деятелями и учеными, в основном пролатинской ориентации. При содействии Димитрия Кидониса, например, ему удалось найти акты так называемого Восьмого вселенского собора (собора по делу патриарха Фотия 869—870 гг.) и на их основе написать в 1356—1357 гг. историю схизмы. Труды Инконтри, известные в Византии и на Западе, использовались католической церковью для проведения униатской политики³².

В Латинской Романии имелось немало и других монастырей католических духовных орденов. Однако их влияние на греческое население было {158} ограниченным, в то время как

Файл byz3_159.jpg

Судак. Цитадель. XIV в. {159}

возрастала их роль в поддержании католической веры среди самих латинян.

Уровень образованности в Латинской Романии был весьма не одинаков как среди латинян, так и среди греческого населения, колеблясь в зависимости от социального положения, места, времени и обстоятельств. Но заботясь о посылке на Восток католических богословов, в основном францисканцев и доминиканцев, специально обученных греческому языку и знавших греческую теологическую литературу, латиняне в целом не стремились к развитию образования самих греков. Венецианский сенат прямо запретил жителям Ионического архипелага учреждать греческие школы и создавал льготные условия для обучения греческих юношей в Италии, в частности при Падуанском университете. Естественно, такой привилегией могли воспользоваться лишь немногие.

Современники указывали на упадок культурной жизни в Аттике и на Пелопоннесе. Только Крит и Кипр (и то лишь с XIV в.) находились в более выгодном положении. Нотарии Кандии нередко были учителями, дававшими частные уроки группам учеников, занимались репетиторством, преподавали в школах. На Кипре получила развитие астрономия, изучавшаяся греческими учеными. Здесь были составлены астрономические таблицы, превзошедшие своей точностью таблицы Птолемея, создавались оригинальные астрономические трактаты³³.

Важной страницей истории культуры Латинской Романии является история ее библиотек. Пока она еще совсем мало изучена, и в нашем распоряжении имеются лишь фрагментарные сведения. Известно, что крупными библиотеками располагали монастыри доминиканцев и францисканцев в Константинополе и Пере. Эти библиотеки создавались для ведения католической пропаганды и для изучения греческого языка. Каталоги этих библиотек не сохранились. Более полную информацию мы имеем о библиотеке канцлера Мореи Леонардо ди Вероли (конец XIII в.). Канцлер обладал значительным состоянием: принадлежавшие ему земли простирались от Коринфа до Каламаты. Перечень книг его небольшой личной библиотеки обнаруживает явное пристрастие владельца к рыцарским романам (14 рукописей). В составе библиотеки

³² *Kaeppli Th.* Deux nouveaux ouvrages de Fr. Philippe Incontri de Péra O. P. // *Archivum Fratrum Praedicatorum.* 1953. Т. 23. Р. 163—183.

³³ *Tihon A.* Un traité astronomique chypriote du XIVe s. / *Janus.* 1977. Т. 64. Р. 279—308; 1979. Т. 66. Р. 49—81.

— 4 церковные книги, книга о врачевании, 2 сочинения по медицине, конституция королевства Сицилии, 2 книги о гражданском и каноническом праве, хроника, бревиарий, 1 книга (неизвестно какая) на греческом языке. Состав библиотеки довольно ясно показывает вкусы высшей знати Мореи и занятия владельца. Тесные связи Вероли с неаполитанским двором позволили ему заказать копию трактата по медицине, только что переведенного с арабского по приказу короля Карла I Анжуйского. Милостивое согласие короля было признанием заслуг канцлера, а выбор предмета копирования вряд ли был случайностью.

Несмотря на явный упадок культуры в Афинах при каталанцах, там продолжалась переписка книг. Книги были дорогими, являлись эквивалентом ценностей, но вместе с тем их было немало, особенно у высшего латинского духовенства. Так, например, епископ Неопатр Матфей оставил в залог долга ларь, полный книг. {160}

[Цветные иллюстрации на вклейке:

Файл bz3r161_1.jpg:

Пророк Аввакум.

Середина XIV в.

Москва, ГИМ, греч. 407.

Миниатюра из Нового Завета с Псалтирью.

Файл bz3r161_2.jpg:

Благовещение.

Конец XIV в.

Москва, ГТГ. Икона.

Файл bz3r161_3.jpg:

Сошествие во ад.

2-я четверть XV в.

Ленинград, Эрмитаж.

Икона.

Файл bz3r161_4.jpg:

Богоматерь из Деисуса.

Начало XIV в.

Стамбул, Фетхие Джамии.

Мозаика на северной стене вимы.]

Крупнейшим центром греческой книжности стал венецианский Крит, где работали многочисленные переписчики и мастера книжной миниатюры.

Здесь в XV в. Кристофоро Буондельмонте приобрел рукописи Аристотеля и Ливания; Франческо Барбаро получил отсюда «Илиаду» Гомера и тексты Лукиана. Группа рукописей Фукидида восходит к протографу критского происхождения. С Критом связана целая ветвь традиции текста Аполлония Родосского. Многочисленные греческие копиисты, работавшие в Италии в XV—XVI вв., были в массе своей выходцами с Крита. Видимо, с Крита происходила та рукопись «Одиссеи», которую итальянский гуманист Леонтий Пилат использовал для своего знаменитого перевода. А. Пертузи собрал данные о функционировании самостоятельного критского скриптория³⁴. Впрочем, таких скрипториев на Крите имелось несколько, включая и латинские. Вероятно, крупнейшим из них был скрипторий монастыря св. Франциска в Кандии, обладавшего большой библиотекой.

Сохранилось три каталога кодексов этого монастыря (1417 и 1448 гг.), на основании которых немецкий ученый Г. Хофманн попытался реконструировать состав библиотеки в первой половине XV в. В наиболее полном реестре 1417 г. зарегистрировано 195 рукописей. В нем упомянуты материал, степень сохранности кодексов, имена донаторов и прежних владельцев, нередко — названия произведений и авторы текста и всегда — incipit кодекса.

Перед нами типичная, довольно крупная библиотека монастыря Латинской Романии. В ней 9 списков Библии, 38 или 39 толкований Священного писания, в том числе таких авторов, как папа Иннокентий III, Иоахим Флорский; 13 кодексов отцов церкви (более всего Августина, также — Григория Назианзина, Иеронима, Исидора Севильского и Иоанна Дамаскина). Греческие отцы, естественно, в латинских переводах. Большую группу манускриптов составляют сочинения по каноническому праву и моральной теологии (24), схоластической теологии,

³⁴ Pertusi A. Leonzio Pilato a Creta primo del 1358—59. Scuola e cultura a Creta durante il secolo XIV // Κρητικά;` χρονικά. 1961—1962. Т. 15—16. Р. 368—370.

агиографии. Вместе с тем было здесь немало произведений греческих и латинских философов (Порфирий, Аристотель, комментарии к Аристотелю, Августин, Оккам, Фома Аквинат), а также Аверроэса. Имелись в библиотеке книги по медицине, астрологии, геометрии, грамматике, более суммарно описанные и в основном из круга, традиционного для западноевропейского читателя тех лет.

С 1417 по 1448 г. библиотека пополнилась 67 кодексами. В ней хранились ценные, украшенные миниатюрами манускрипты, полученные от дарителей. Но весьма примечательно, что в библиотеке нет греческих рукописей. Лишь в 1 из 290 кодексов есть параллельный текст на греческом и латинском языках («Диалоги» св. Григория). Выдающиеся представители греческой культуры имеются в переводах. По подсчетам Хофманна, эти тексты составляют 1/28 часть библиотеки. Подбор книг ориентирован на теоретические проблемы богословия: в библиотеке почти нет сочинений даже по церковной истории, а 50 кодексов (1/5!) содержат тексты по схоластической теологии, где господствуют францисканские авторы. Среди {161} светских произведений доминируют труды философов, представлявшие интерес для теологов³⁵.

Несколько иного рода была библиотека епископа Лимассола на Кипре доминиканца Ги Ибелина (1357—1367). В ней — 52 произведения: труды по философии и теологии (включая и «Сумму теологии» Фомы Аквината), литургические тексты, сборники проповедей и экземпляров (примеров) из агиографии, сочинения по каноническому праву. Любопытным исключением из этого списка является трактат о лечении лошадей, быть может приобретенный для практических нужд. В библиотеке почти нет патристической литературы, нет авторов классической древности, нет исторических произведений. Нет в ней и следов принадлежности владельца к древнему роду крестоносцев, воевавших в Святой земле. Анализируя состав собрания, Ж. Ришар подметил, что среди кодексов нет произведений, написанных после 1350 г. Напротив, большая часть рукописей относится к началу XIV в. Видимо, закончив учебу, епископ уже не приобретал новых книг, довольствуясь старым багажом³⁶.

Итак, до сих пор мы рассматривали библиотеки в более или менее крупных центрах латинской культуры в Романии. Нетрудно заметить, что в основном они имели сугубо практическое предназначение и не отразили уже проявившийся тогда в Италии ренессансный интерес к классическим древностям. Но как же обстояло дело в небольших факториях, оторванных от метрополий и находившихся на «чужой» территории? Благодаря находке итальянской исследовательницы Г. Айральди мы располагаем публикацией каталога книг библиотеки бенедиктинского монаха, генуэзца, епископа в Трапезунде Григория Корсанего (1429—1456)³⁷. Корсанего, вероятно родившийся в Пере и проведший значительную часть жизни на греческом Востоке, скончался вблизи Милана 17 июля 1456 г. Инвентарь его имущества включает и указания на состав его библиотеки из 30 томов (24 — пергаменных, 5 — написанных на бумаге, 1 — на бумаге и пергамене). Почти все кодексы для удобства пользования ими были переплетены в кожу разного цвета. Эта средняя по размерам частная библиотека создавалась, как и рассмотренные ранее книжные собрания, для сугубо практических целей. Не затухавшая полемика с греками по основным вопросам вероучения, и в частности по вопросу о *filioque*, побудила Корсанего обзавестись трактатами «Против ошибок греков» и об исхождении Св. Духа. Потребности миссионерской деятельности среди греческого населения привели к приобретению текста мессы на греческом языке и целых девяти кодексов проповедей, среди авторов которых особое место занимает соотечественник епископа, автор знаменитой «Золотой легенды» Якопо да Варачцо. Теологическая часть библиотеки Корсанего представлена «суммами», текстами отцов — Августина, Псевдо-Дионисия, Григория Назианзина, Амвросия Медиоланского. Видимо, для исполнения архиерейских обязанностей Корсанего были нужны книги по каноническому праву: они присутствуют в его библиотеке, как и в библиотеке Ибелина. Однако в отличие от последнего у Корсанего имелся и греческий кодекс, {162} и текст Саллюстия, и некая древняя «Theogica». Но литературная продукция гуманистов во всех трех церковных библиотеках отсутствует полностью. По сравнению с собранием Ибелина у Корсанего шире круг авторов, ближе связь с греческим миром.

³⁵ Hofmann G. La Biblioteca scientifica del monastero di San Francesco a Candia nel medioevo // OChP. 1942. T. 8. P. 317—360.

³⁶ Richard J. Les Relations entre l'Occident et l'Orient au moyen age. L., 1977. N V—VI.

³⁷ Airdaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Genova, 1974. P. 153—195.

Ясно, что между центрами Латинской Романии и Западной Европой существовал налаженный книгообмен. Его последней фазой был вывоз в 1453 г. на генуэзских судах книг из гибнущей Византии, из Константинополя и Перы на Запад. Незадолго до падения Каффы, в 1467 г., там велась книготорговля³⁸. И все же отличавшиеся большим практицизмом генуэзцы вкладывание средств в собирание книг считали в XIV—XV вв. делом малопродуктивным: капитал активно инвестировался в торговые операции, наличных денег на Леванте хронически не хватало, и в приобретении книг лигурийцы руководствовались соображениями сугубо утилитарными. Иным стало положение в XVI в., когда гуманистическая страсть — библиофилия — затронула и Геную. Но тогда ее «колониальное» прошлое все больше становилось перевернутой страницей истории³⁹.

Явлением в культуре Латинской Романии XIII в. было творчество трубадуров. Общевропейское увлечение их поэзией не прошло мимо этого региона, где при дворах и на ипподромах устраивались спектакли жонглеров, где слагали и исполняли кансоны и на праздниках звучали одновременно греческие и западные музыкальные инструменты. Многие из трубадуров прибыли вместе с вождями Четвертого крестового похода и более или менее долгое время жили и творили в новых для них условиях Латинской Романии, а некоторые осели там или сложили свои головы в сражениях. Все крупнейшие феодальные сеньоры франкской Греции считали долгом украсить двор присутствием известного трубадура, жонглера или менестреля, а некоторые из них и сами были известными поэтами. Так, например, сохранилась любовная кансона князя Мореи Гийома Виллардуэна (1245—1278), участника крестового похода Людовика IX в 1249 г., храброго, рыцарственного, запальчивого и гордого человека, чья дерзость и верность слову привели его и многих его рыцарей в византийский плен после несчастливой для них битвы при Пелагони.

Куртуазная поэзия, естественно, могла культивироваться при дворе этого государя, считавшемся лучшей школой для рыцарей и более блестящим, чем двор французского монарха. Сюда, в Морею, посылали юношей учиться как военному делу, так и благородным манерам.

Репутацию трубадура имел один из предводителей Четвертого крестового похода Конон де Бетюн, не раз управлявший Константинополем в отсутствие императора и являвшийся, по сути, вторым лицом в Латинской империи. Еще в юности Конон составил знаменитые кансоны, обращенные к графине Марии Шампанской. Участнику Третьего и Четвертого крестовых походов Конону де Бетюну к 1200 г. было около 50 лет. Красноречие и дар певца в сочетании с твердостью воина выдвигали его на самые сложные посольские должности: именно он вел переговоры с Венецией, а затем, накануне штурма Константинополя, с Ангелами. Видимо, и после {163} 1204 г. он писал кансоны. Именно как к трубадуру к нему обращался поэт Элиас де Кайрель, а с Раймбаутом Вакейрасским Конон обменялся куплетами любовной тенсоны.

Труверами в Константинополе были знатные рыцари Робер де Блуа, Гуго де Сен-Кантен, граф Жан де Бриен, видам Шартрский Гийом де Форьер и менее знатные, такие, как Гуго де Брежиль. Все они обогатились после захвата Константинополя и познали непривычную для них роскошь и негу. Бургундский рыцарь Гуго де Брежиль описал это в сильных и ритмичных стихах, где рассказывается, как после победы над врагами крестоносцы из бедности погрузились в невиданное богатство, в изумруды, рубины, пурпур, парчу, как они оказались в сказочных садах и мраморных дворцах вместе с дамами и красавицами-девами... Впрочем, Гуго отнюдь не склонен выражать восторг по этому поводу: ведь забытым оказался обет священной войны⁴⁰.

Одним из главных центров творчества трубадуров в Латинской Романии стало Фессалоникское королевство Бонифация Монферратского. Маркиз Монферрата Бонифаций (около 1152—1207) задолго до крестового похода, который он возглавил, имел репутацию покровителя трубадуров. Он активно содействовал распространению провансальской поэзии в Северной

³⁸ *Pistarino G.* Libri e cultura in Liguria tra medioevo ed età moderna // *Atti e memorie. Società Savonese di Storia Patria.* Savona, 1975. Т. IX. P. 44—45; *Balletto L.* Genova. Mediterraneo. Mar Nero (secc. XIII—XV). Genova, 1976. P. 286—290.

³⁹ *Pistarino G.* Op. cit. P. 53.

⁴⁰ *Buchon J. A.* Histoire des conquêtes et de l'établissement des Français dans les états de l'ancienne Grèce sous les Ville-Hardouins. P., 1846. Т. I. P. 139.

Италии и уже в 1175 г. приблизил к себе рыцаря из Прованса Раймбаута Вакейрасского, впоследствии виднейшего трубадура латинской Греции. При дворе Бонифация в Монферрате находились и другие мастера куртуазной лирики, такие, как Пейро Видаль и Гаусельм Файдит. На Востоке окружение Бонифация составляли Раймбаут, Элиас Кайрель и Гийом де Салоник — известные и прославленные трубадуры.

Раймбаут Вакейрасский был личным другом Бонифация. Его средневековая биография («вида») сообщает, что он был сыном бедного рыцаря, подвизался жонглером у принца Оранского Гийома IV де Бо, затем отправился в Монферрат, где получил признание поэтического дара и заслужил почет. По преданию, во время похода Бонифация, возглавившего один из отрядов войска императора Генриха VI, в Южной Италии в 1194 г. Раймбаут спас жизнь своему покровителю и затем, сопровождая его во время Четвертого крестового похода, стал рыцарем, получив большие земли и доходы в Фессалоникском королевстве, где он и окончил свои дни. «Вида» описывает и галантные приключения Раймбаута, влюбленного (небезответно) в сестру маркиза красавицу Беатриче, которой он посвятил немало кансон, называя свою даму по обычаю трубадуров сеньялем «Прекрасного шевалье»⁴¹. В «Песне о величии и непобедимости любовного чувства» Раймбаут обращается к ней:

*На Беатрис из Монферрата эта
Кансона льется вашей славе вслед,
Скрывая лучезарный ваш портрет
Под позолотой каждого куплета.*

(Пер. А. Наймана) {164}

«Вида» Раймбаута, передавая дух эпохи и характерные черты творчества трубадура, не лишена биографических неточностей. В частности, не бесспорно дворянское происхождение Раймбаута; вероятнее всего, он был жонглером не у Гийома IV, а у его брата Гуго де Бо в 1188—1189 гг. Доказано, что Раймбаут был посвящен в рыцари еще в 1194 г., что Беатриче являлась вовсе не сестрой, а дочерью маркиза, той самой, что после его смерти так покровительствовала трубадурам. Наконец, сомнительно отождествление Беатриче с «Прекрасным шевалье», сеньялем какой-то из знатных дам Монферрата.

Раймбаут родился в Вакейрасе (Воклюз) ок. 1155 г., а умер между 1205 и 1207 гг., а возможно, был убит, как и Бонифаций, в битве с болгарами в 1207 г.⁴² Как поэту Раймбауту принадлежат уникальные жанровые опыты: он создавал кансоны, эстампиды, стихотворные послания, многоязычный дескорт. Его стихи разнообразны по формам выразительности и ценились за изысканность и красоту.

Творчество Раймбаута ценно еще и тем, что дает представление о взглядах и настроениях крестоносцев. Он участвовал в боях 1203 г., при взятии Константинополя в 1204 г. был ранен, видел соперничество Бонифация Монферратского с только что избранным императором Балдуином Фландрским, отразил недовольство части рыцарей праздностью Балдуина, ничего не предпринявшего для немедленного продолжения крестового похода к первоначальной его цели. Свою позицию Раймбаут излагает в «Совете императору», написанном в Константинополе летом 1204 г. Трубадур обвиняет Балдуина I в бездействии и нерешительности, в том, что тот всецело действует по указке ближайшего окружения и, проводя дни в дворцовой роскоши, наслаждаясь банями, не предпринимает ничего для исполнения обета и освобождения Гроба Господня от неверных. Осуждая, так же как и Гуго де Брежиль, но еще более резко, изнеженную жизнь в столице, Раймбаут предрекает войну со всеми окружающими народами: «влахами» и куманами (т. е. болгарами и половцами), русскими и турками, «неверными» и персами, объединившимися с греками. И тогда латиняне потеряют все, что было завоевано. Обвинением императора и его войска звучат слова Раймбаута о сожженных церквях и дворцах, ставших юдолью греха как для клириков, так и для мирян. Раймбаут предлагает Балдуину (человеку

⁴¹ *Boutière J., Schutz A. H. Biographies des troubadours. Textes provençaux des XIIIe et XIVe siècles. P., 1964. P. 447—449.*

⁴² *Linskill J. Op. cit. P. 3—37; Hopf K. Bonifaz von Monferrat der Eroberer von Konstantinopel und der Troubadour Rambaut von Vaqueiras. B., 1877; Crescini V. Rambaut de Vaqueiras et le marquis Boniface I de Monferrat. Toulouse, 1901; Fassbinder K.. Der Trobador Raimbaut von Vaqueiras // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1929. T. 49. P. 129—190, 437—472; Riquer M., de. Los trovadores. Historia literaria y textos. Barcelona, 1975. T. 2. P. 811—815.*

вовсе не робкому, как показала история) внимать советам не своих баронов, а того, кто более всех достоин (подразумевается, конечно же, Бонифаций Монферратский). Чтобы грядущий поход был успешен, государь должен быть отважным и великодушным, мудрым и щедрым, привлекая вассалов большими дарами и объединяя их, дабы они не покинули войско, а готовились к выступлению. Обращаясь к двум графам Большого совета, сенешалю Тьерри де Лоосу и Конону де Бетюну, Раймбаут побуждает их склонять сердце государя именно к таким действиям. Он разворачивает план экспедиции, которая должна будет начаться войной против мусульман за Эдессой и окончиться в Каире и «Вавилонии». {165} Но если поход не состоится, то осуждению подвергнется не только император, но и 12 его выборщиков, ибо избрали недостойного, а венецианский дож будет повинен в обмане, если пожелает отвратить императора от этого дела или оставит его без помощи. Раймбаут справедливо подозревал Энрико Дандоло во враждебности и идее продолжения крестового похода далее на Восток. Осуждением грозит трубадур и важнейшим сановникам империи: маршалу Жоффруа Виллардуэну и Милону Бранбантскому⁴³. Разумеется, предложение Раймбаута начать войну в Сирии было нереалистичным: от Святой земли Латинскую империю отделяла широкая полоса враждебных и так никогда и не завоеванных греческих и мусульманских территорий. Но хмель блестящей победы вселял дерзновенные мечтания. Хотя и в поэтической форме, Раймбаут выразил устремление значительной части крестоносцев, не удовольствовавшихся захватом Константинополя или обделенных при распределении добычи, к захвату новых земель, а предводителей (типа маркиза Бонифация) — к основанию собственных королевств и княжеств. Сказывались и соперничество вождей похода, и, несомненно, страх перед неизвестностью, царившей в огромном и полуразрушенном восточном городе, окруженном многочисленными противниками.

Судьба скоро повела Бонифация и его трубадура к новым завоеваниям, но не в Сирию, а в Грецию. Именно там в мае 1205 г. Раймбаут создал эпическое стихотворное послание маркизу, где вспоминает о совместных войнах в Италии, о событиях Четвертого крестового похода, о завоеваниях в Греции⁴⁴. Никто из трубадуров до Раймбаута не описал крестовые походы с такими подробностями, к тому же ясно изложив собственную позицию. Конечно, автор не стремился создать стихотворную хронику или шансон де жест, вовсе нет. Его цель в другом — подчеркнуть свои заслуги как певца в стане доблестного воинства, явить подвиги свои и своего патрона и добиться от него должного вознаграждения. По форме письмо написано в жанре любовного послания, которым трубадуры обычно требовали награды от дамы сердца. Раймбаут благодарит Бога, что он позволил доблестному маркизу завоевать и отдать в дар больше земель, чем любому другому христианину, не имеющему королевского венца. Для самого же трубадура маркиз был добрым сеньором, кормил его и давал все необходимое, возвысил из низов и сделал почитаемым рыцарем, угодным при дворе и превозносимым дамами. В ответ и сам Раймбаут служил верой и правдой своему господину, вместе с ним наносил удары врагам, опустошал их богатые владения, отступал и побеждал, получал и раздавал удары, дрался на воде и на мосту, штурмовал крепости, претерпевая большие опасности. И он помог Бонифацию захватить власть над этой землей и островом (имелся в виду Негропонт) и пленить «королей и принцев», овладев многими замками, городами и дворцами. В Петрионе он осаждал севаста Ласкариса, и протостратора, и многих других отступников-«апостатов», преследовал до Филопатия императора {166} Романии, которого Бонифаций сверг с трона, чтобы короновать другого⁴⁵. «Таким образом, — продолжал Раймбаут, — если я, при вашей помощи, не сумею овладеть большими богатствами, то будет казаться, что я не служил вам, как я вам напомнил, и вы знаете, что я говорю всю правду, сеньор маркиз».

Описывая реалии, уже с первых дней латинского господства трубадур не чурается гречизмов (апостат, протостратор, севаст и др.).

В 1205 г. в уже взятой Фессалонике Раймбаут создает еще одну кансону, где жалуется на разлуку с любимой, обращающую радость и приобретения в горе и утрату⁴⁶. Воздавая дань

⁴³ *Linskill J.* Op. cit. P. 224—234; *Bartholomaeis V. de.* Poesie provenzali storiche relative all'Italia. Roma, 1931. T. I. P. 109—115; *Crescini V.* Rambaldo di Vaqueiras e Baldovino imperatore // *Atti del R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti.* 1900—1901. T. 60. P. 871—919.

⁴⁴ *Linskill J.* Op. cit. P. 301—344, 33—35.

⁴⁵ Петрион — квартал у ворот св. Петра в Константинополе, протостратор — Феодор Врана, Филопатий — долина к западу от Константинополя, император Романии — видимо, Алексей V Дука.

⁴⁶ *Linskill J.* Op. cit. P. 241—252.

подвигам крестоносцев, особенно Бонифация Монферратского, Раймбаут считает их выше деяний Александра Македонского, Карла Великого, Роланда, легендарного рыцаря Эмери Нарбоннского. Раймбаут все еще надеется на покорение Дамаска, Иерусалима, Сирии. Он пишет о том, что наконец получил большие богатства и много земель (обращение к маркизу не осталось втуне!). Но к чему эти богатства? Ведь он был богаче, будучи любим, и чем больше у него владений, тем грустнее ему становится вдали от «Прекрасного шевалье». Разлука усиливает грусть, а долг велит противостоять врагам. Но не только они повинны в тяготах жизни. Раймбаут гневно обрушивается на «пилигримов», бросивших в беде крестоносцев. Видимо, он имеет в виду события 17 апреля 1205 г., когда после проигранной Адрианопольской битвы флот с 7 тыс. крестоносцев отбыл из Константинополя, бросив город на произвол судьбы. А Бонифаций Монферратский, находившийся тогда у стен Навплия, должен был поспешить на север, чтобы спасти свои владения.

4 сентября 1207 г. Бонифаций Монферратский погиб. Его бароны создали две группировки. Одни поддерживали права на трон его сына, младенца Димитрия, под опекой императора, другие, в том числе ближайшее окружение и ломбардские рыцари, стремились к большей независимости от Константинополя и называли своим кандидатом нового маркиза Монферрата Гийома IV (1207—1255). Гийом, человек осторожный и скаредный (его современник германский император Фридрих II говаривал, что, для того чтобы вытянуть из него взятые им в долг деньги, надо было применять железный крюк), не спешил на Восток. После того как переговоры с ним баронов оказались безуспешными, был избран иной путь: с сирвентой к маркизу обратился трубадур Элиас Кайрель.

«Вида» Кайреля рассказывает, что он происходил из Сарлата близ Перигора, был мастером — ювелиром и оружейником, а затем стал жонглером. Он плохо пел и музицировал (это свидетельство «виды», впрочем, оспаривается исследователями⁴⁷), зато был превосходным сочинителем кансон и музыки к ним. Долгое время Элиас провел в Романии, откуда вернулся сначала в Италию, а затем в родной Сарлат, где умер после 1225 г. Как и Раймбаут Вакейраский, Кайрель был приближенным Бонифация Монферратского, вероятно, еще до Четвертого крестового {167} похода, хотя и не достиг такого высокого положения, как его рыцарственный собрат по перу⁴⁸.

В сирвенте, написанной осенью—зимой 1207/08 г.⁴⁹, говорится:

*Теперь, когда с дуба опадает листва,
Я сложу новый и радостный сонет.
Который пошлю за Момбель,
К маркизу, что отказался от имени
Монферратского и взял имя у матери⁵⁰
И который бросил то, что завоевал его отец.
Как мало похож он на сына Роберта Гвискара,
Завоевавшего Антиохию и Монгизарт!
Маркиз, клюнийские монахи
Хотели бы вас сделать своим главой,
И вы станете аббатом Сито,
Так как ваша душа настолько низка,
Что вы предпочитаете пару быков и плуг
В Монферрате тому, чтобы стать в ином месте императором.*

Заявив, что никогда ранее сын леопарда не вел себя, словно свернувшийся в норе лис, Кайрель упрекает маркиза в предательстве друзей, оставшихся без помощи, в то время как император Генрих не считается с ломбардскими сеньорами и изгоняет их из жилищ, чтобы потом и самому подвергнуться смертельной опасности. А маркиз Гийом мог бы получить все Фессалоникское королевство без усилий, без камнеметных машин и катапульт и мог бы забрать много замков своих врагов. Ныне же знатнейшие сеньоры (Кайрель перечисляет их имена) —

⁴⁷ См., например: *Lavaud R. Les trois trouvadors de Sarlat. Périgueux, 1912. P. 392.*

⁴⁸ Публикация «виды»: *Boutière J., Schutz A. H. Op. cit. P. 252—253.*

⁴⁹ Публикация: *Jaeschke H. Der Trobador Elias Cairel. B., 1921. S. 149—156; Bartholomaeis V. de. Op. cit. T. 1. P. 174—180.*

⁵⁰ Мать маркиза была родом из Савойи. В игре слов содержится намек на трусость Гийома: Savoie (Савойя) созвучно savai — трус.

фламандцы, французы, бургундцы и ломбардцы — называют маркиза Гийома бастардом, забывшим, что все его предки были храбрецами. И если он не приложит всех сил, чтобы вовремя прибыть в Грецию, то потеряет треть и еще четверть своих владений.

В то время, когда писалась эта сирвента, император Генрих I, возможно, уже двигался к Фессалонике, а к 1209 г. с заговором ломбардских сеньоров было покончено.

Поэзия трубадуров не прошла бесследно ни для греческой, ни для романской литературы франкского Востока, оказав влияние и на греческий эпос, и на рыцарский роман XIII—XIV вв. Естественно, что на далеком Леванте в творчестве провансальских певцов куртуазной любви большое место занимают политические мотивы и преобладают сирвента и стихотворное послание.

Трубадуры не только открыли своими сочинениями первую страницу в литературе Латинской Романии. Мы встречаем их на всем протяжении XIII в., правда, все в меньшем числе. Одним из них, например, был знатный венецианский патриций и купец Бартоломео Дзордзи (родился между 1230 и 1240 гг.). В молодости, в 1263 г., он был захвачен генуэзцами в плен и прославился тем, что составил в лигурийской тюрьме довольно {168} смелую сирвенту — от-

Файл byz3_169.jpg

Город Модон. XV в.

вет генуэзскому трубадуру Бенифаччо Кальво, где без обиняков напоминал о победах венецианского оружия над соперниками и утверждал, что генуэзцы торжествовали лишь тогда, когда действовали в значительном большинстве⁵¹. После освобождения из плена (видимо, в 1270 г.) Дзордзи вернулся в Венецию, а затем занимал высокие посты кастеллана в Короне и Модоне, где и скончался на рубеже XIII и XIV вв. К сожалению, неизвестно, какие именно из 17 его сохранившихся кансон были написаны в Греции.

Возможно, что новые исследования откроют имена и других трубадуров Латинской Романии.

Характерным памятником литературы конца XIII—XIV в., порожденным той же средой, является Морейская хроника. Сохранились ее северофранцузская, греческая (в двух редакциях), итальянская и арагонская версии. Большинство исследователей полагают, что греческая версия производна от более ранней французской или провансальской; иные склоняются к предположению, что первый вариант был создан на итальянском языке для Бартоломео Гизи, коннетабля Морей и кастеллана Фив, между 1327 и 1331 гг.; третьи отдают пальму первенства греческой версии.

На основании суммы новейших исследований гипотетически историю создания хроники можно представить так. Между 1292 и 1320 гг. в канцелярии одного из франкских сеньоров была составлена первая, несохранившаяся версия хроники (Д. Якоби полагает, что она была французской, на базе «книги регистров»; М. Джеффриз отстаивает положение, что оригиналом был греческий текст⁵²). На основе этого прототипа в первой половине 20-х годов XIV в. возникла прозаическая французская версия, а между 1341 и 1346 гг. — переработанный стихотворный греческий текст (Джеффриз полагает, что и французский, и греческий варианты базировались на греческой рукописи и возникли одновременно). Арагонская версия с ее более сухим и деловитым изложением, компиляциями из сочинений византийских историков и дополнениями была составлена значительно позднее по заказу магистра иоаннитов Родоса Хуана Фернандеса де Эредиа. Работа над ней была завершена к 1393 г. Наконец, уже в XVI в. был сделан пересказ эпизодов из греческой хроники (возможно, переработанной на рубеже XV и XVI вв.) на итальянском языке. Как бы то ни было, между двумя основными — прозаической французской и стихотворной греческой — версиями существует очень тесная связь.

Морейскую хронику можно определить как эпико-историческое произведение, опирающееся как на шансон де жест, так и на традиции греческого эпоса. Именно в этом жанре действительность, легенда и поэтическое воображение легко и почти неразрывно соединялись друг с другом. Но, несмотря на легендарно-эпический характер повествования, особенно при

⁵¹ *Bartholomeis V. de*. Op. cit. T. 2. P. 241—244. Ср. также другую сирвенту, написанную также в генуэзской тюрьме: *Ibid.* P. 270—274.

⁵² *Jacoby D.* Société et démographie à Byzance et en Romanie Latine. L., 1975. N. VII. P. 133—189; *Jeffreys M. J.* The Chronicle of the Morea: Priority of the Greek Version // *BZ.* 1975. Bd. 68, N. 2. S. 304—350.

изложении событий до 40-х годов XIII в., хроника не уходит от достоверной основы, героизируя ее, давая ей довольно оригинальную и подчас вольную интерпретацию, проецируя в прошлое многие элементы современной составителям действительности⁵³.

Хроника начинается с описания событий 1095 г. За вводной частью следует повествование о Четвертом крестовом походе и латинской Морее. Греческая версия доходит до 1292 г., французская — до 1305 г.⁵⁴, но обе упоминают о фактах, имевших место и позднее, вплоть до 30-х годов XIV в. Первая часть хроники, более пространно изложенная в греческой версии, изобилует фактическими неточностями и ошибками: автор относит начало подготовки Четвертого крестового похода к 6716/1208 г., именуется правящую до захвата Константинополя византийскую династию Ватацами, путает Михаила Комнина Эпирского с царем Болгарии Калояном; братом и наследником императора Балдуина, убитого в 1205 г. (по хронике, Адрианопольская битва произошла в 1208 г.), именуется Роберт, а не Генрих, о последнем вообще нет упоминаний (Chr. gr. de Morée. Vs. 116—131 etc.). Очевидно, что хронист помнил о Ватаце и Михаиле VIII Палеологе, доставившем столь много неприятностей латинянам, и как бы идентифицировал с ними их предшественников. Во второй, более достоверной исторически части хроники главным ее героем становится князь Морей Гийом Виллардуэн. Источниками хроники были как документы (регистры фьефов, акты княжества, кутюмы), так и устная традиция. Вполне вероятно, что автором хроники являлся гасмул или огреченный франк. Безусловно-^{170}но, он весьма информирован, но не имел классического византийского образования. Он был католиком по вероисповеданию и, возможно, нотарием или легистом феодальной курии по профессии. В греческой версии мы встречаем почти параллельное употребление на соседних строках слов, почерпнутых из средневековой канцелярской практики, и их вульгарно-разговорных эквивалентов. Без перевода часто транскрибируются французские и итальянские термины и выражения. В значительной мере они брались из повседневной языковой практики, но в какой-то мере на их появление мог оказать влияние и первоначальный, негреческий текст.

Большое место в хронике занимают речи. Их достоверность невелика, хотя нередко именно через них выражаются характер героя (этос), авторская позиция. Речи были нужны также, чтобы придать живость повествованию, рассчитанному на устную передачу. В греческих стихах обнаруживается знакомство с французским рыцарским романом. Однако в поэтическом отношении греческая версия хроники, написанная 15-сложным политическим стихом, — явно слабое произведение.

Идейную позицию хрониста можно кратко определить как антивизантийскую, враждебную православию, с восхвалением доблести завоевателей и противопоставлением ей трусости и коварства «внешних» (т. е. византийских, а не живущих в Морее) греков⁵⁵. Нельзя исключить, что греческая версия была официальным заказом, предназначенным для тех архонтов, которых призывали к тесному сотрудничеству с завоевателями, или же создана в среде архонтов-коллорабационистов. Показательно, что хулительные высказывания о ромеях приведены здесь гораздо полнее, чем даже во французской версии, где они нередко в тех же местах опущены.

Хронист — знаток официальной идеологии, права и обычаев франкской Ахайи. Но он, безусловно, знаком и с византийскими политическими концепциями, нередко сталкивает между собой два идеала, два подхода. Словесная дуэль происходит между захваченным в плен князем Гийомом Виллардуэном и Михаилом VIII Палеологом. Византийский василевс требует от Виллардуэна за освобождение его и цвета французской знати из плена отдать Морю, обещая в обмен крупную сумму денег, чтобы князь приобрел себе земли во Франции. Гийом отвечает отказом: он не держит земли Морей как свой патримоний, но лишь управляет ими по наследству от предков. Территория эта была завоевана всеми дворянами, пришедшими в Романию с отцом Гийома, и была разделена между ними. По письменным договорам князь не мог предпринимать что-либо без совета и воли своих «друзей», а тем более распоряжаться землями. Гийом лишь выражал готовность внести выкуп. Византийцы, как кажется, не желали по-

⁵³ См.: *Медведев И. П.* К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники // *ВО.* М., 1977. С. 138—148.

⁵⁴ *Nicol D. M.* The End of the Livre de la Conquete: a Chronological Note // *BF.* 1987. Bd. 12. P. 211—220.

⁵⁵ *Irmischer J.* Les Francs — représentants de la littérature en grec vulgaire // *BF.* 1979. Bd. 7. P. 57—66.

нять условный характер земельной собственности князя, и Михаил Палеолог в гневе обвинял его в гордыни, свойственной франкам, и грозил, что никогда не отпустит его из тюрьмы за деньги (Ibid. Vs. 4255—4301). Как известно, после бурных дебатов только «дамский» парламент в Никли принял компромиссное решение, по которому за освобождение князя и его рыцарей византийцам отдавались три главные крепости Морей — Монеувасия, Великая Майна и Мистра. «Дамским» парламент был назван потому, что решающую роль в принятии на нем решения сыграли жены {171} пленных кавалеров, голосовавшие вместо своих супругов. Участник парламента и ярый враг такой уступки афинский герцог пророчески предрек изгнание латинян из Пелопоннеса в результате этого решения. Лучше смерть одного, подобно Христу, говорил герцог, чем потеря многими их владений. Жены сеньоров Морей предпочли потери... (Ibid. Vs. 4376—4385).

Но вот ситуация ненадолго изменилась, и в плену у франков оказался византийский полководец, великий доместик. В ответ на упреки Жоффруа де Брюйера он сказал: «Истина в том, что эта страна Морей, которой вы ныне владеете, никогда не была вашей ни по праву, ни на каком-либо другом основании, ибо она принадлежала и должна принадлежать империи ромеев, и наследственные права на нее [принадлежат] от предков государю святому императору. А ваши предки силой и тиранией удерживали ее несправедливым и греховным образом. И за этот грех Бог предал вас в руки государя святого императора...» Относительно же победы князя над ним великий доместик изрек, совсем в духе своих победителей, что благородному человеку негоже бранить другого за превратности войны (Ibid. Vs. 5515—5558; Chr. fr. de Morée. § 382). Здесь в полной мере и со знанием дела была сформулирована византийская позиция. Хронист не считал нужным скрывать обличительные аргументы противоположной стороны.

Морейская хроника — это целая энциклопедия быта Латинской Романии. В ней есть и захватывающие сюжеты вроде дерзкой интриги сеньора Каритены, считавшегося одним из лучших рыцарей Морей. Из любви к жене своего вассала он дважды изменил своему государю, в том числе нарушил запрет покидать территорию княжества. Во время войны, которую вел его государь, он отправился с дамой сердца в «пелигримаж» в город Бар и на гору Гаргано в Южной Италии. Но там он был осужден и обвинен в предательстве королем Манфредом, отославшим его в Ахайю. Вернувшись домой, сеньор Каритены по ходатайству других вассалов князя получил прощение и искупил свой проступок, умерев позднее с репутацией «защитника сирот и справедливого воина». В ином случае его ждала бы потеря фьефов (Chr. gr. de Morée. Vs. 7200—7240; Chr. fr. de Morée. § 399—407).

Характерен эпизод, рассказанный хронистом, как князь Гийом учил короля Карла Анжуйского византийскому способу нападения на врага — с заманиванием в засады. Именно такая тактика была применена обоими союзниками в знаменитой битве при Тальякоццо (1268), доставившей Карлу Анжуйскому неаполитанскую и сицилийскую корону (Chr. gr. de Morée. Vs. 6960—7050). Не менее ярко описан в хронике суд баронов, прелатов и лигиев над самим князем по делу о правах на фьефы, отнятых князем у законной наследницы (Chr. gr. de Morée. Vs. 7420—7525; Chr. fr. de Morée. § 514—521).

Если можно согласиться с часто встречающимся в литературе суждением, что язык греческой стихотворной версии хроники не отличается красотой и выразительностью, то этого никак нельзя сказать о ее художественных достоинствах в целом. Тон повествования, спокойный, иногда даже несколько монотонный, становится напряженно экзальтированным, когда автор бичует пороки основных врагов — ромеев. Психологические портреты героев нередко передаются через их речи. Хронист наблюдателен, {172} хорошо знает вкусы своих читателей, не лишен он и лирического дарования. Долгожданный приход весны радуется журчащими на заре ручейками воинов, собравшихся по призыву князя Гийома. Картина обновления и торжества природы созвучна их настроению. Все это оттеняет горечь предстоящих вскоре испытаний: жестокого разгрома в битве при Пелагонии и долгого для многих византийского плена (Chr. fr. de Morée. § 273).

С одной из греческих версий Морейской хроники тесно связано эпическое стихотворное повествование о деяниях дома Токко, графов Кефалонии и правителей Эпира. Автор Хроники Токко, как доказывает Й. Кодер, знал всю Морейскую хронику, подражал ей в выборе типа стиха, но стремился к его большему упрощению⁵⁶.

⁵⁶ Koder J. Die Chronik der Tocco. Zum Metrum und zum Verhältnis zur Chronik von Morea // JÖB. 1981.

Хроника Токко охватывает 1375—1422 гг., особенно подробно повествуя о событиях начала XV в. Ее составление было завершено ранее 1429 г. Произведение — история династии, на службе у которой состоял автор. Он был современником описываемых событий, именовал себя ромеем, т. е. греком, и, скорее всего, происходил из города Янина, которым особенно гордится, называя его «корнем ромеев и всего деспотата», известным доблестью горожан и образованностью почтенных официалов. Янина противопоставляется другой столице государства — Арте (Chr. Тосс. Р. 123—131). Хроника Токко прочно связана с местной исторической традицией (Э. Захариаду полагает, что в своей первой части она прямо продолжает хронику янинцев⁵⁷). Хронист не был профессиональным «грамматиком», ему чужды классицизирующие тенденции. Хроника написана на народном разговорном греческом языке с диалектными особенностями и значительными отклонениями от орфографических норм. Лингвистические влияния романских языков в ней значительно слабее, чем в Морейской хронике. Хронист регистрировал события по мере того, как они развертывались, но затем, видимо после 1416 г., подверг хронике переработке. Основные сведения почерпнуты им из первых рук, и следов использования каких-либо текстов не обнаружено. Несмотря на морализирование, автор стремится к точному изложению фактов. Он осознает себя ромеем и нераздельно прилагает этот термин как к подданным Токко, так и к византийцам, но ему чужд имперский универсализм. Византийские монархи для него — авторитет далекий, хотя и признаваемый: именно они в 1415 г. возвели Карло I Токко в достоинство деспота, а его брата, великого контоставла, — в достоинство Кантакузинов, как если бы он был таковым по крови: родовое имя приравнивается к титулу (Ibid. Р. 382). Зато отношение к ромеям Мистры резко враждебное. Политический идеал хрониста — восстановление Эпирского деспотата во всей его первоначальной целостности; он сторонник централизации, но в масштабах региона, а не всей бывшей империи ромеев (Ibid. Р. 132). Основными врагами деспотата автор считает сначала албанцев, показывая настойчивое стремление ромеев не допустить существования отдельного албанского государства. Этот антагонизм смягчается после объединения Янины и Арты под властью Токко (Ibid. Р. 102—104, 133). Затем главным врагом, с которым нельзя {173} достичь примирения, объявляются турки. Горе христианину, принимающему помощь от турок! Сначала они окажут ему поддержку, а затем удушат его силой, коварством или любым другим способом (Ibid. Р. 135). «Никто не слышал, чтобы турки помогли хотя бы одному христианскому государю, если только не ради того, чтобы повредить ему» (Ibid. Р. 256).

Хроника Токко — в полной мере средневековое произведение, со свойственным такому провиденциализмом, верой в божественное предопределение (Ibid. Р. 334—336)⁵⁸. Хронист рассказывает, например, что, в то время как албанцы осаждали крепость Роги, обороняющиеся выставили на башне жезл св. Луки. И когда он упал со стены, это было сочтено знаком взятия крепости, хотя жезл и удалось возвратить (Ibid. Р. 407). Вера в предзнаменование в полной мере разделяется хронистом.

Претендуя лишь на то, чтобы достоверно изложить местную историю глазами верного слуги династии (автор приводит весьма надежную информацию о событиях и реалиях, а его описание крепостей может служить ключом к топографическим изысканиям), хронист наглядно демонстрирует, как «ромейсировалась» власть итальянского дома Токко, отвечавшая, видимо, устремлениям провинциальной знати и городской верхушки Эпира и Акарнании.

Самостоятельная историографическая школа сложилась на острове Кипр. Ее крупнейшим представителем был автор «Повести о сладкой земле Кипр» Леонтий Махера (вторая половина XIV — начало XV в.). Махера, грек и сын священника, написал историю правления Лузиньянов на родном языке. Сам он происходил из среды служилого чиновничества, традици-

Bd. 32, Heft 3. S. 383—391.

⁵⁷ Ζαχαριάδου Ε. Οἱ χίλιοι στίχοι στῆν ἄρχῆν τοῦ Χρονικοῦ τοῦ Τόκκο // Ἠπειρωτικά, Χρονικά. 1983. Τ. 5. Σ. 158—181.

⁵⁸ Вряд ли обоснованны попытки связать Хронику Токко с ренессансными этическими идеалами и пересмотреть на этом основании саму проблему греческого ренессанса начала XV в.» (Kazhdan A. P. Some notes on the «Chronicle of the Tocco» // Bisanzio e l'Italia. Milano, 1982. Р. 175—176). Ренессансные веяния с большим запозданием доходили до Латинской Романии, а ренессансный скульптурный образ прекрасного и благородного всадника, которым якобы мог вдохновляться автор Хроники Токко (Ibid. Р. 176), был создан и в итальянском искусстве трудами Вероккьо и Донателло не в начале, а во второй половине XV столетия!

онно связанного с королевским двором и жившего от его щедрот⁵⁹. Он не принадлежал к кипрской аристократии, хотя и вращался в привилегированной среде. Некоторое время Махера служил секретарем именитого вельможи Жана де Нореса, и тот однажды даже спас жизнь его брата Петра (Makhairas. I. P. 618—619). Но в целом Махера враждебно относится к франкской феодальной знати. Стойкий защитник централизации, прочной королевской власти и враг усобиц, разжигавшихся аристократами-латинянами, он не раз бранит последних за алчность, своекорыстие, развращенность.

Махера сохранил верность православию и отстаивал его от всякого рода посягательств со стороны папства и латинского клира. Осуждение греков, изменивших вере своих предков, сочетается у Махеры с непримиримой ненавистью к исламу, к туркам, к мамлюкскому султанату. Махера привержен той системе ценностей, которую создала Византия. Он местный патриот и, служа Лузиньянам, делает это не столько из корыстного расчета, сколько из убеждения, что лишь сильная королевская власть способна поддержать процветание «сладкой земли Кипр». Этими эпитетами {174} начинается и сама хроника. И с тем большей грустью глядит

Файл byz3_175.jpg

Аббатство Беллапэ. Кипр

автор на разорение острова войной с генуэзцами в 1373—1374 гг., когда добычей врагов стала Фамагуста (Ibid. I. P. 336—547), на опустошительный набег мамлюков в 1426 г. (Ibid. I. P. 650—673), на феодальные смуты и, как следствие, рост налогов.

По идейной направленности Хроника Махеры значительно отличается от Морейской, хотя они принадлежат примерно одному жанру. Махера не апологет франков. Он лишь готов принять их владычество как наименьшее зло, дабы предотвратить большее — феодальный разбой и генуэзское или мамлюкское завоевание. Несмотря на несколько высокомерное отношение к народу, он сочувствует его страданиям, хотя осуждает любые формы народных выступлений.

«Повесть о сладкой земле Кипр» начинается с легендарного сообщения о посещении острова императрицей Еленой, возвращавшейся из Иерусалима с реликвиями св. Креста, благодаря чему были построены церкви и остров был вновь населен покинувшими его ранее жителями (Ibid. I. P. 2—9). Затем кратко рассматривается история Кипра в византийское {175} время и при первых Лузиньянах вплоть до 1358 г. Подробное изложение начинается с правления Петра I (1359—1369) и доходит до 1432 г. Последняя книга хроники кратко повествует о правлении Жана II (1432—1458) и, видимо, принадлежит анонимному продолжателю Махеры.

Хроника написана на кипрском диалекте с частым употреблением грецизированных французских и итальянских слов. Махера, как почти все авторы так называемых «местных» хроник, не придерживается литературных норм архаизирующего языка. Он пишет сжато, его фраза неуклюжа и незаконченна при всем его стремлении к образности и живости изложения. И все же это *не* простонародная литература, как полагает П. Тивчев⁶⁰, а литературный вариант кипрского средневекового диалекта. К языку простонародья, как справедливо замечает Дж. Хилл, Махера не благоволит⁶¹.

Махера использует документы королевского архива, нередко приводит их целиком без всякой обработки. Это действительно «повышает ценность хроники как исторического источника»⁶², но снижает — как литературного произведения. Махера любит включать в текст небольшие рассказы-новеллы о жизни и приключениях отдельных лиц, чаще всего коронованных особ (ниже мы остановимся на одной из них), снабжая их морализирующими сентенциями вроде рассуждения о том, как опасно доверяться женщинам (Ibid. I. P. 574).

Продолжателем Махеры был потомок древнего испанского рода, полностью грецизированного на Кипре, Георгий Бустрон, друг и доверенное лицо короля Жака II (1460—1473). Он также писал на кипрском диалекте, но более сухо и невыразительно и охватил события с 1456 по 1489 г. Текст хроники содержит и краткие последующие дополнения вплоть до 1501 г. Рассказ Бустроны — это повествование в хронологическом порядке о придворных интригах,

⁵⁹ См.: Тивчев П. Леонтий Махера как историк Кипра // ВВ. 1973. Т. 35. С. 165—167.

⁶⁰ Тивчев П. Указ. соч. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 132.

⁶¹ Hill G. Op. cit. Vol. 3. P. 1106.

⁶² Тивчев П. Указ. соч. С. 131.

династических распрях, сопровождавших последние годы правления Лузиньянов, и переходе острова под власть Венеции.

Связь творчества виднейшего представителя кипрской историографии — Леонтия Махеры с народно-эпической традицией показывает следующий эпизод в его сочинении, посвященный истории трагической любви короля Петра I и знатной дамы Жанны л'Алеман, вдовы сира Жана де Монтолифа, сеньора Хулу. Однажды король Петр отправился во Францию, а оставшаяся на острове Жанна ждала в скором времени ребенка. Королева, Элеонора Арагонская, опасавшаяся возможности рождения королевского сына от другой женщины, приказала Жанне явиться ко двору и, набросившись на нее с грубыми оскорблениями, подвергла жестокой пытке, чтобы вызвать преждевременные роды. После двух дней терзаний, когда самые изощренные приемы не привели к желательному для королевы результату, она отпустила Жанну домой, приставив к ней служанок, которые должны были доставить ребенка во дворец, едва он появится на свет, что те вскоре и исполнили. О дальнейшей судьбе ребенка ничего более неизвестно, а Жанну, как только она разрешилась от бремени, королева приказала бросить в подземелье замка Кирении, где та тяжело страдала, лишённая пищи, постели и всего необходимого. Лишь через {176} неделю принц, сменив прежнего капитана замка, несколько облегчил ее участь. Когда весть о случившемся достигла короля, он написал супруге: «Я узнал обо всем том зле, что ты причинила возлюбленной моей даме Жанне л'Алеман. И потому клянусь тебе, что, если с Божьей помощью я когда-либо вернусь на Кипр, я причиню тебе такое зло, что многие содрогнутся. Поэтому, пока я не возвратился, спешу совершить все худшее, что только можешь!»

Получив письмо с такой угрозой, королева приказала освободить Жанну из подземелья, но заставила ее уйти в монастырь св. Клары. Махера пишет, что, несмотря на год, проведенный в подземелье и монастыре, ее красота не померкла (Ibid. I. P. 214—219).

Вернувшись на остров, король посетил Жанну, приказал ей покинуть монастырь, ибо она была пострижена вопреки своей воле, и наградил ее большой суммой денег (Ibid. P. 226). История Жанны не была продолжена Махерой. Возмездие, впрочем, не постигло королеву, хотя она была к тому же изобличена преданным королю домоправителем Джованни Висконти в супружеской неверности. Однако Высокий суд (суд баронов) решил казнить доносителя, ибо бароны опасались, что родственники королевы, принадлежавшей к знатному роду каталанцев, которые не знают пощады, сочтут, что они осудили королеву по ненависти, и, взявшись за оружие, опустошат страну. Вынести приговор королеве Петру I, видимо, помешало и то, что сам он был осужден папой и епископом за прелюбодеяние. Итак, добрый рыцарь Висконти был заморен голодом в тюрьме Буффавенто, а Махера скорбел о его судьбе, не упрекая, впрочем, короля, который стал преследовать неугодных ему вассалов, бесчестить их жен и дочерей и нарушать кутюмы королевства, за что и поплатился вскоре жизнью (Ibid. I. P. 218—225, 230—269).

Трагедия Жанны л'Алеман нашла интерпретацию также и в поэтической народной балладе, возможно восходящей к XIV в., где она представлена под именем Ародафнуса (Лавророзы). Героиня была красивейшей из трех сестер, говорится в песне, а ее возлюбленный назван царем Востока и императором Запада. Злобная королева, узнав о любви супруга к Ародафнусу, также приглашает ее во дворец, куда Ародафнуса является в великолепном расшитом золотом туалете, еще более подчеркивающим ее красоту. Она ласково принята королевой, которая говорит, что пригласила ее, чтобы взглянуть на нее, вместе вкусить трапезу и совершить прогулку. Весь день они провели как сестры, и лишь тогда, когда королева не ответила на слова прощания, Ародафнуса, приняв это за пренебрежение, в гневе тихо сказала: «И об этой женщине, с крупным мужицким лбом, беззубой, этом хриплом петухе мне рассказывали столько прекрасного!» Служанки донесли королеве об этих словах, что еще более распалило ее гнев.

На следующий день королева вновь призвала к себе Ародафнуса. В балладе приведена трогательная сцена прощания Ародафнуса с родным домом, когда она получила повеление королевы. На этот раз прием был иным. Королева, схватив Ародафнуса за волосы, в гневе сказала, что ранее она пощадила ее жизнь, но за дерзость ныне предаст ее смерти. Ародафнуса умоляла лишь позволить ей проститься с королем и разразилась рыданиями... Почувствовав неладное, король, находившийся в дальних странах, приказал срочно привести своего лучшего коня. Мигом проскакав две тысячи верст, он ворвался во дворец, высадил ногой дверь, но, увидев {177} окровавленную, уже обезглавленную Ародафнуса, упал без чувств. Придя в себя, он изгнал королеву из дворца, а останки Ародафнуса приказал похоронить с царскими почес-

тями. Поступок реального исторического лица, как мы видели, был иным. Автор так заканчивает балладу: «Пусть долго живут те, кто прочтут эту песню, и пусть все, кто прочтет, уронят две слезы. И пусть все, кто читают, будут счастливы, а тот, кто женат, пусть простится с любовью». Такова неожиданная мораль баллады. В другой версии «Песни об Ародафнусе» королева толкает девушку в приготовленную печь, но и сама гибнет там же вслед за ней от рук короля.

Так история короля Петра и его возлюбленной дважды вошла в художественную литературу: один раз в виде новеллы, помещенной в исторический труд, другой — в виде баллады, сложенной народом. В балладе, впрочем, зло наказуемо. У Махеры же одно зло порождает другое, а в целом оно порождено кознями демона сладострастия.

В XIV в. патриотическую поэму об обязанностях гражданина написал на греческом языке Георгий Лапиф. Киприот адресуется не к феодальной элите, а к греческому народу, причем на простом, безыскусном языке. Для Лапифа греки его времени — наследники доблести живших в античности предков, и он рекомендует им прежде всего чтение древних историков о деяниях героев.

Кипр при Лузиньянах никогда не оставался в стороне от интенсивной литературной жизни своей эпохи. Сам Фома Аквинат сочинял по просьбе короля Кипра Гуго III трактат «*De Regimine Principum*».

Джованни Боккаччо посылает Гуго IV свою «Генеалогию языческих богов», написанную по желанию короля, а Никифор Григора посвящает ему же в конце 1351 — начале 1352 г. энкомий, где называет государя Кипра «высочайшим, почтеннейшим, благороднейшим, светлейшим и великим». Византийский писатель отдает дань прекрасному географическому положению острова, где с красотой природы гармонирует справедливое и добродетельное правление благородного и милостивого монарха, покровителя образования и блюстителя правосудия⁶³. Несколько идеализированный образ Гуго IV нарисован Григорой и в его «Истории ромеев» (*Greg. III. P. 27—28*).

Многие выдающиеся произведения кипрской литературы были созданы «франкоязычными» авторами. Этот ряд открывает творчество Филиппа де Новара (ок. 1195 — после 1265). Выходец из ломбардского города Новара, еще в юности отправившийся на Восток, участник Пятого крестового похода и осады Дамиецты (1218—1219), Филипп создал затем довольно большое литературное произведение — «Историю войны между императором Фридрихом и Жаном Ибелином», которое дошло до нас в составе второй книги обширной компиляции, так называемых «Деяниях Киприотов» (ок. 1320 г.), а также (в переработанном виде) в составе позднейшей Хроники Филиппо Амади (середина XV в.)⁶⁴. {178}

В своей «Истории» Филипп де Новар описывает феодальные смуты и борьбу Ибелинов, в первую очередь правителя Бейрута Жана, с германским императором Фридрихом II Штауфеном. События, о которых он повествует, охватывают 20—40-е годы XIII в. Все симпатии автора при этом на стороне знатных феодалов Сирии и Кипра — Ибелинов, с которыми его связывают и служба, и дружба. Прозаическое повествование в «Истории» перемежается с кансонами. Де Новар, видимо, был профессиональным трувером, владевшим разными жанрами куртуазной поэзии. Так, например, он пишет отчет Балиану Ибелину в виде стихотворного послания. А дело происходило в тот момент, когда Филипп был осажден в башне иоаннитов в Никосии. Полный оптимизма, де Новар просит патрона о помощи, высмеивает врагов, а себя шуточно именуется «братом-иоаннитом». Ему же принадлежит и ряд политических сирвент. В одной из них рассказывается, как обрадовались враги, сочтя певца-насмешника убитым. Дело было при осаде замка Додамор. Чтобы досадить осажденным, раненый де Новар приказал отнести себя к самой стене замка и спел там два куплета кансоны, где поносил защитников замка, называя их предводителя лисом, а его споспешников — одураченными простофилями.

Филипп де Новар был также крупным юристом. В его юридическом трактате (*Livre en forme de plaid*) подробно разбираются казусы межсеньориальных отношений. Трактат стал од-

⁶³ Leone P.L.M. *Lencomio di Niceforo Gregora per il re di Cipro (Ugo IV di Lusignano)* // Buz. 1981. Т. 51, fasc. 1. P. 211—224. Рус. пер.: Сметанин Г. В. Энкомий Никифора Григоры королю Кипра Гуго IV Лузиньяну: Из истории кипрско-византийских идеологических связей середины XIV в. // АДСВ. 1987. С. 121—127.

⁶⁴ *Gestes des Chiprois, recueil des Chroniques françaises écrites en Orient aux XIIIe et XIVe siècles*. Genève, 1887. P. 25—138.

ной из частей свода феодального права крестоносцев — Иерусалимских Ассиз. Де Новар написал и трактат по этике «О четырех возрастах человека», демонстрирующий его начитанность в западноевропейской романической литературе.

Литература Кипра отличалась жанровым разнообразием. В 1288 г. составитель фавлю Жан де Журни написал в Никосии большую аллегорическую поэму «Покаянная десятина», где предстает перед читателем в образе грешника. Поэму о взятии Александрии в 1365 г. королем Петром I, о его жизни и деяниях пишет Гийом де Машо, поэт из Шампани.

С Кипром связана деятельность и ревностного поборника крестовых походов Филиппа де Мезьера (ок. 1326—1405)⁶⁵. Выходец из мелкого французского дворянства, участник экспедиции в Смирну (1346), затем один из предводителей и вдохновителей похода на Александрию в 1365 г., Филипп занимал высокий пост канцлера Кипра, был другом и единомышленником Петра I, неоднократно ездил на Запад, чтобы помочь Кипру в борьбе с мамлюками и организовать новую общеевропейскую экспедицию против «неверных». На самом Кипре Мезьер пытался создать новый рыцарский орден. Конец карьере Филиппа на Кипре положило убийство Петра в 1369 г. Сам рыцарь избежал расправы лишь потому, что в тот момент отсутствовал на острове. Надежда его на союз западноевропейских держав и Кипра исчезает, и Филипп проводит остаток дней в Венеции, Авиньоне и, наконец, при дворе французских королей Карла V и Карла VI. Он пользуется там репутацией одного из лучших знатоков восточных дел.

Перу Филиппа де Мезьера принадлежит ряд произведений, в том числе «Житие» св. Петра Томаса монаха-кармелита, папского легата на Востоке, поборника, как и сам Мезьер, крестовых походов и советника {179} Петра I⁶⁶. Однако его самым известным сочинением является «Сон старого пилигрима» (1389), где в аллегорической форме автор представляет картину современного ему общества и дает советы французскому монарху, как исправить нравы и что сделать для успеха крестоносного движения. Вместе с Истиной и ее спутниками — Миром, Милостью и Справедливостью он отправляется в путешествие. Истина, показывая разные страны Востока, объясняет, в чем причина их несчастий. В св. Софии Константинопольской она вспоминает, как управляла Византией и ей, как госпоже, был послушен весь мир. Так было при Константине, Ираклии, Феодосии и Юстиниане. Но когда произошла схизма, Истина была вынуждена удалиться из св. Софии и вместе с ней империю покинули Мир, Милосердие и Справедливость.

Последнее произведение Филиппа де Мезьера — «Скорбное и утешительное письмо» — навеяно событиями Никопольской битвы (1396). Несмотря на тяжелое поражение крестоносцев, Мезьер не оставляет идеи крестового похода, а, напротив, предлагает еще тщательнее подготовить его, создав для этого три больших войска: первое — из рыцарей Франции, Англии, Шотландии и Италии во главе с французским королем, второе — из северных стран (Германии, Венгрии, Польши и Скандинавии), третье — из испанцев, чтобы отвлекать силы врагов на Пиренеях и в Северной Африке. Все три отряда после действий на Леванте должны соединиться в порту Трапезунда и оттуда, разгромив султана Баязида, направиться в Армению, Сирию и Палестину. Филипп де Мезьер, до конца жизни продолжавший считать себя канцлером Кипра, скончался 29 мая 1405 г., возможно успев узнать о поражении ненавистного Баязида при Анкаре, но ясно осознав также неосуществимость тех планов, которые он лелеял всю жизнь. К концу жизни он плохо представлял происходящее на Леванте и в «Сне старого пилигрима», например, неверно полагал, что в 1389 г. султан Мурад взял Трапезунд, Константинополь, подчинил Болгарию и Сербию, хотя и был разгромлен в Албании, где вместе с сыном погиб в битве⁶⁷. Впрочем, предчувствие исторической катастрофы Византии не обмануло канцлера, хотя она и произошла значительно позже.

Первый период венецианского владычества на Крите (XIII — середина XIV в.) не был временем плодотворного развития литературы: к нему относятся лишь немногие народные песни и баллады. Условия завоевания, восстания, политическая нестабильность не благоприятствовали подъему культуры. Возможно, к концу этого периода на Крит проникают и здесь обретают новую жизнь византийские рыцарские романы в стихах. Критская литература начинает

⁶⁵ Jorga N. Philippe de Mézières (1327—1405) et la Croisade au XIVe siècle. P., 1896 (repr.: L., 1971).

⁶⁶ Philippe de Mezières. The Life of St. Peter Thomas / Ed. J. Smet. Roma, 1954.

⁶⁷ Philippe de Mezières, chancellor of Cyprus. Le Songe du Vieil Pelerin / Ed. G. W. Coopland. Cambridge, 1969. T. I. P. 501.

развиваться с того времени, когда между колонистами венецианского происхождения и коренным населением начинают стираться грани. Характерный пример — жизнь и творчество Леонардо Деллапорты (ок. 1350—1419/20). Род Деллапорты, как свидетельствует само его имя, был итальянского, возможно генуэзского, происхождения. На Крите он известен с конца XIII в. Однако сам Леонардо, родившийся в Кандии, считал себя греком и был православным. Образование он получил и «франкское», и «ромейское»⁶⁸. Во время восстания на Крите {180} в 1364 г. Деллапорта за «оскорбительные слова» был ненадолго заключен венецианцами в тюрьму, затем стал купцом и патроном корабля, много путешествовал. Нам удалось обнаружить архивные документы, засвидетельствовавшие его пребывание в Трапезунде и его первую официальную должность — переводчика с греческого языка у байло в венецианской фактории этого черноморского города в 1371—1372 гг.⁶⁹ Деллапорта не оставлял предпринимательской деятельности, и, видимо, торговые интересы привели его к понтийским берегам. Пребывание в Трапезунде не было длительным, ибо уже во время Кьоджской войны (1378—1381) Деллапорта сражался против генуэзцев и венгерского короля, осадившего в 1378 г. Тревизо. Еще во время войны или вскоре после нее Деллапорта стал супракомитом военной галеры и в 1389 г. выполнял дипломатические миссии: от имени дуки Крита он вел успешные переговоры с султаном Мурадом I и затем представлял уже саму Венецию в Тунисе, где добился освобождения из тюрьмы венецианских купцов и моряков. По пути на Восток Деллапорта вел также переговоры с деспотом Мистры Феодором Палеологом. На этом дипломатическая карьера будущего поэта не заканчивается: в 1403 г. он послан в Пелатию, столицу турецкого эмирата Ментеше, настоящее пиратское гнездо в Малой Азии. Там он добился заключения выгодного для Венеции и Крита мирного договора. После 1389 г. постоянно пребывая на Крите, Деллапорта стал одним из 12 адвокатов Кандии. Однако на склоне лет ему пришлось вновь познать превратности судьбы. Более чем в 60-летнем возрасте он, вероятно по навету, был обвинен в незаконном сожигательстве с женщиной, у которой якобы от него родился ребенок. Суровая венецианская Фемида осудила Леонардо, отрицавшего все как клевету, к тюремному заключению и лишению звания адвоката. Выйдя в 1414 г. из заключения, он скончался в конце 1419 или начале 1420 г.

Поэтические произведения Деллапорты были найдены греческим ученым М. Мануссаксом в рукописи Афонского монастыря Пантократора (№ 140, XV в.). Все они написаны на народном греческом языке, но без следов критского диалекта. Важнейшим и самым большим из них является «Диалог с Истиной». Он создан в тюрьме, где поэту, переживающему тяжелый моральный кризис, подавленному несправедливым обвинением, является в образе прекрасной девушки с мелодичным голосом, восседавшей на золотом троне, олицетворенная Истина. С ней он и ведет беседу в духе бозцианской традиции, закрепленной Петраркой в трактате «О презрении к миру», где Правда готовит диалог Франциска с Августином. У Деллапорты Истина разрешает сомнения поэта и воодушевляет его, объясняет, что такое клевета и как она при помощи лжи проникает в мир; как непрочно все, предоставляемое человеку людьми. Истина призывает к терпению, ибо только оно помогает выдерживать большие испытания. В связи с тем что Леонардо был осужден своим прежним другом, известным судьей, в дидактической поэме приведены рассуждения о дружбе и лицемерии, о том, что знание имеет цену лишь тогда, когда оно добродетельно. {181} На многих примерах Истина бичует взяточничество и коррупцию судей, приводит длинные рассуждения о добрых и злых женах. Леонардо отстаивает точку зрения, что лишь законный союз благословен Богом, в то время как множество людей стало жертвами лукавства женщин. Наконец, в третьей части поэмы Деллапорта останавливается на этических проблемах христианской веры, высказывая вполне традиционные для ортодоксально мыслящего христианина суждения. К спасению души более всего ведет милосердие, отвращают же от него семь смертных грехов. В конце Леонардо излагает свою биографию. Поэма его — спокойная медитация о судьбе человека, попавшего в несчастье. При этом автор

⁶⁸ *Manusacas M. I. Un poete cretese, ambasciatore di Venezia a Tunisi e presso i Turchi: Leonardo Dellaporta e i suoi componimenti poetici // Venezia e l'Oriente fra tardo medioevo e Rinascimento. Firenze, 1966. P. 283—307; Μανούσακας Μ. Ι. Περὶ τῆς ἀγνώστου ποιητοῦ προτῆς Ἀλώσεως. Ὁ Λεονάρδος Ντελλαπόρτας καὶ τὸ εἶδος τῆς ῥογῶν αὐτῶν // Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. 1954. Τ. 29. Σ. 32—44.*

⁶⁹ См. подробнее: *Карпов С. П. Венецианская работоторговля в Трапезунде (конец XIV — начало XV в.) // ВО. М., 1982. С. 193. Примеч. 6.*

часто приводит по памяти, а возможно, и добавляя при последующей литературной обработке поэмы цитаты из Библии, из отцов церкви, из сочинения Георгия Кедрина, из популярных тогда византийских поэм и романов, из западноевропейской средневековой легенды о Вергилии. Прямые и косвенные заимствования занимают в поэме большое место.

При всей традиционности решения этических проблем Деллапорта все же обращается к сюжетам, интересовавшим итальянских гуманистов. Выбор излюбленной ими формы диалога, видимо, также примета времени. Деллапорте принадлежат и три другие, более короткие поэмы на темы страданий Христовых, раскаяния грешников и т. д. В его творчестве впервые встреча двух миров — латинского и греческого — завершилась созданием литературных произведений, отличающихся внутренним единством и целостностью мировоззрения. Но этот синтез достигнут на эллинской основе.

Отдельные поверхностные черты гуманистических влияний в несколько большей мере обнаруживаются в творчестве другого критского поэта — Марина Фальера (1395—1474)⁷⁰; он происходил из знатного венецианского рода, именовал себя «благороднейшим архонтом»⁷¹ и одно время даже претендовал, правда безуспешно, на часть острова Андрос, так как был женат на единственной наследнице его правителя Пьетро Дзено. На Крите Фальеру принадлежал ряд феодалов. Он, кроме того, активно занимался торгово-предпринимательской деятельностью, был, как и Деллапорта, супракомитом военной галеры, а также крупным налоговым чиновником. Отпрыск семьи венецианских патрициев, породненный с правящими домами венецианской Эгеиды (его матерью была Агнесса Гизи, а женой — Флоренция Дзено), Фальер тем не менее был настолько эллинизирован, что безошибочно писал на греческом языке, без итальянизмов и даже с элементами восточнокритского диалекта. Но в отличие от Деллапорты он остался католиком, был сторонником Флорентийской унии и противником жесткого курса по отношению к православным грекам.

Марин Фальер известен как автор пяти стихотворных произведений. В первом из них, «Любовном сне», поэт рассказывает другу, как ему приснилось, что его посетила возлюбленная в сопровождении Купидона, который посвящал молодых людей в тайны любви⁷². Возможно, эта небольшая поэма представляет собой набросок ко второй — драматическому диалогу из 758 стихов «Рассказ и Сновидение», где к участникам {182} первой поэмы присоединяется в качестве действующего лица Фортуна, а также служанка избранницы поэта Атусы Потула. Все, включая Фортуна, убеждают Атусу в искренности любви Марина, и когда наконец произносятся клятвы любви, автор просыпается, укушенный пчелой.

Совсем иного характера «Трен на страдания Иисуса Христа», большую часть которого занимает плач Марии и около трети — религиозная драма. По форме это довольно редкое произведение для средневековой греческой литературы, и навеяно оно, видимо, итальянскими образцами⁷³.

Наиболее интересны две дидактические поэмы Фальера: одна — в форме утешительного письма другу, Бенедетто де Молину, в одночасье потерявшему жену, детей и все состояние. Это первый пример утешительной поэмы о бренности всего земного на греческом языке⁷⁴. Наряду с традиционными суждениями об изменчивости посюсторонней жизни, о том, что человек на земле лишь странник, который должен стремиться к равновесию между скорбями и радостями и презирать мир, о том, что для христианина смерть лишь освобождение от забот и суеты, о необходимости для человека быть благодарным Творцу за его милосердие и ежедневно молиться ему, дабы исцелиться от скорбей, — в поэме есть мысли, быть может созвучные этике раннего итальянского гуманизма или почерпнутые из нее. Фальер убежден, что человек наделен возможностью разумом контролировать свое тело, чувства и способности, отличать добро от зла, а потому не должен жить, подобно зверю. Чтобы познать те потенциалы, которые даны человеку Богом, он должен заниматься просвещением собственного разума, а от познания себя может затем подняться до познания законов естества и самого Бога. Страдание же

⁷⁰ Gemert A. F. van. The Cretan poet Marinos Falieros // *Thesaurismata*. 1977. Т. 14. P. 7—70.

⁷¹ Bakker W. F., Gemert A. F. van. The Λόγοι διδακτικοί of Marinos Phalieros. Leiden, 1977. P. 4.

⁷² Μαρίνου Φαλιέρου Ἐρωτικά; ὄ; ; ἄνερα / Ed. A. van Gemert. Thessaloniki, 1980.

⁷³ Bakker W. F., Gemert A. F. van. Op. cit. P. 10—11, 16; *Idem*. The PIMA ΠΑΡΗΓΟΡΗΤΙΚΗ of Marinos Phalieros. A critical edition // *Studia Byzantina et Neohellenica Neerlandica*. Leiden, 1972. P. 78—79.

⁷⁴ Bakker W. F., Gemert A. F. van. The PIMA... P. 81—82; текст поэмы см.: *Ibid*. P. 103—117.

дано человеку, чтобы развить умственную отвагу, и чем оно тяжелее, тем выше за него воздаяние.

«Поучительные слова» Фальера (написаны ранее 1430 г.) адресованы его сыну Марко. Главная их тема — также человек и его место в мире⁷⁵. Но здесь автор развивает в основном домостроевские принципы, особенно в отношении к женщине, все желания которой он рекомендует смирять. Жена должна в полной мере разделять мнения своего супруга (так Марин понимает единодушие в семье). Фальер не советует что-либо доверять крестьянам; он против чрезмерных развлечений, к которым относит, например, охоту. В этой поэме Фальер следовал жанру Спанеаса, но не подражал автору этого широко известного дидактического стихотворения, а опирался как на источник в большей мере на венецианскую нравоучительную поэму⁷⁶. Фальер не проявил большой поэтической фантазии: приводимые им примеры и образы банальны, метафоры ходульны и традиционны. Как справедливо полагают издатели его текста Баккер и ван Гемерт, Фальер не поднялся над уровнем представлений среднего купца своего времени⁷⁷. Но как раз мировоззрение этого слоя было весьма противоречивым и было порождено переходным характером самой эпохи.

К XIV в. относится творчество еще одного критского поэта — Стефана {183} Сахликиса⁷⁸. Хотя Сахликис был феодальным сеньором и крупным судебным чиновником, его произведения пронизаны «грубой реалистичностью, дидактическо-сатирической направленностью, ироническим отношением к духовенству, использованием народного языка и следованием фольклорным традициям»⁷⁹. О характере творчества Сахликиса говорят сами названия его произведений: «Главные сводницы», «Собрание гетер» (сатиры, направленные против женщин), «О друзьях» (где дается картина всеобщего корыстолюбия). Сахликису принадлежит также ряд стихотворений об изменчивости судьбы, о тюрьме и тюремщиках и автобиографический «Странный рассказ», где кающийся поэт изображает себя слабым, безвольным человеком, бессильным противостоять козням судьбы — Тихи, увлекающей его на путь порока⁸⁰.

Заметный след в культуре как Крита, так и Западной Европы оставила деятельность венецианского нотариуса Лоренцо ди Моначи (1351—1428), собирателя и знатока греческих рукописей, канцлера Крита с 1388 по 1428 г., дипломата, историка. В обширном труде ди Моначи «О деяниях, нравах и благородстве Венецианской державы» (20-е годы XV в.) две книги специально посвящены истории Крита с момента его приобретения Венецией до 1363 г. Для произведения, написанного на латинском языке, ди Моначи впервые привлек византийских историков и применил текстологический анализ их трудов. А. Пертузи выявил круг этих авторов: это Никита Хониат (из его «Хронографии» взяты данные об осаде и взятии Константинополя, на основании которых исправлена западная версия истории Четвертого крестового похода), Георгий Акрополит и Георгий Пахимер⁸¹. Последующие венецианские историки, не владевшие хорошо греческим материалом, например М.-А. Сабеллико, опирались на труды ди Моначи, уточняя данные венецианской хронистики. Канцлер Крита, кроме того, использовал документы административных архивов, к которым имел доступ, что еще более повышает значение его труда.

Сочинение ди Моначи относят к первым произведениям ренессансной исторической литературы⁸². Лично знакомый со многими итальянскими гуманистами, в том числе и с Петраркой, он посылал им с Крита тексты древнегреческих авторов. Так, Франческо Барбаро он отправил «Илиаду» Гомера⁸³. Ди Моначи хорошо владел греческим языком, хотя в отличие от

⁷⁵ Издание текста: *Bakker W. F., Gemert A. F. van. Λόγοι...* P. 65—75.

⁷⁶ *Ibid.* P. 28—30, 22.

⁷⁷ *Ibid.* P. 30.

⁷⁸ Недавно ван Гемертом была сделана передатировка жизни Сахликиса: не XV, а XIV век. См.: *Gemert A. F. Van. Ὁ Στέφανος Σαχλίκης καὶ ἡ ἐπιποχὴ του* // *Thesaurismata*. 1980. Т. 17. P. 36—130.

⁷⁹ *Любарский Я. Н.* Критский поэт Стефан Сахликис // *ВВ*. 1959. Т. 16. С. 81 (Автор ошибочно датирует творчество Сахликиса второй половиной XV— началом XVI в.).

⁸⁰ Там же. С. 68—80.

⁸¹ *Pertusi A.* Le fonti greche del «De gestis, moribus et nobilitate civitatis Venetiarum» di L. di Monacis, cancelliere di Creta (1388—1428) // *Italia medioevale e umanistica*. Roma, 1965. Т. 8. P. 161—211.

⁸² *Manoussacas M. I.* L'Isola di Creta sotto il dominio veneziano // *Venezia e il Levante fino al secolo XV*. Firenze, 1973. Т. I. P. 476.

⁸³ *Poppi M.* Ricerche sulla vita e cultura del notaio e cronista veneziano Lorenzo de Monacis, cancelliere

Деллапорты никогда не чувствовал себя эллином и не питал симпатий к греческому населению острова. Но он стремился постичь эллинскую культуру и понимал ее значение для ренессансных исканий⁸⁴. {184}

Файл byz3_185.jpg

Родос. Зал Совета ордена иоаннитов

С Критом был связан и другой представитель итальянского гуманизма XIV в., переводчик гомеровских поэм и трагедий Еврипида, ученик Варлаама, Леонтий Пилат. Пилат пробыл на острове более 10 лет, служил там учителем и стремился усовершенствоваться в языке⁸⁵. С этой же целью, а также для собирания рукописей прибыл на Крит венецианский гуманист XV в. Лауро Квирини.

Таким образом, во второй половине XIV—XV в. все более утверждается роль Крита как основного передаточного звена достижений греческой цивилизации итальянскому, прежде всего венецианскому, гуманизму. В то же время уроженцы острова итальянского происхождения обогащали своими трудами греческую культуру и способствовали перенесению в нее сюжетов и образов романских литератур Запада. В XIV и XV вв. Крит находился еще в орбите византийской, а не итальянской гуманистической культуры. Воздействие последней ощущалось слабо и лишь в отдельных аспектах и сферах. Однако процесс греко-латинского синтеза в развитии культуры именно там был наиболее глубоким и органичным. Он подготовил расцвет уже собственно новогреческой литературы на острове, особенно драматургии, в XVI—XVII вв.

Крит не был единичным явлением в развитии культуры на островах Эгеиды. Интерес к эллинской образованности, античному прошлому и на- {185} стоящему Эгеиды проявлял эллинизовавшийся в XV в. генуэзский род Гаттилузи, при дворе которых в Эносе происходили диспуты греческих ученых, переписывались и иллюминировались греческие рукописи⁸⁶.

Почти одновременно с творчеством виднейшего поэта венецианского Крита Леонардо Деллапорты в начале XV в. на другом конце Латинской Романии, в Каффе, произведение, несколько напоминающее «Диалог с Истиной», создал учитель грамматики Альберто Альфьери, ломбардец по рождению, но гражданин Генуи. В сходстве двух сочинений «виноваты», видимо, не авторы, ничего не знавшие друг о друге, а литературная мода, возникшая после «Божественной комедии» Данте, на форму мистических видений, философских бесед с духами и душами умерших.

Произведение Альфьери названо «Огдоас», так как оно разделено на восемь глав, или сцен⁸⁷. Его действие разворачивается на небесах, и оно построено как серия диалогов. Главным героем «Огдоаса» является казненный в Генуе французским наместником маршалом Бусико сын герцога Миланского 22-летний Габриэле Висконти. Диалоги между персонажами ведутся через два года после его смерти, в 1408 г. Душа юноши беседует с отцом, могущественным герцогом Джангалеаццо, и бывшим дожем Генуи Антониотто Адорно, которые спрашивают Габриэле о причинах происшедшего и затем пророчествуют о судьбах Генуи и Милана, решают этические проблемы. Часто в уста жестокого тирана (например, Бернабо Висконти) автор вкладывает вовсе не присущие ему сентенции о милосердии, доброте, правосудии. Его не заботят точные исторические соответствия. Его произведение — тенденциозный политический трактат, облеченный в форму мистического диалога. Первая часть трактата — прославление рода «сильного и мудрого дожа» Антониотто Адорно («Огдоас» посвящен члену рода Адорно, консулу Каффы, включенному затем в Совет старейшин Генуи, Якопо). Вторая цель — обличение тиранического правления Бусико в Генуе. Альфьери с сочувствием писал о миланской династии Висконти, недвусмысленно предпочитая ее власть французской. Содержа-

cretese (ca. 1357—1428) //SV. 1967. Т. 9. Р. 166.

⁸⁴ Издание текста: *Laurentii de Monacis veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis. Venetiis, 1758.*

⁸⁵ *Pertusi A. Leonzio Pilato a Creta prima del 1358—59 // Κρητικά; Χρονικά. 1961—1962. Т. 15—16. Fasc. 2. Р. 363—380.*

⁸⁶ См.: *Медведев И. П. Греческий писец XV в. Мефодий и его три рукописи // ВВ. 1988. Т. 49. С. 127—133.*

⁸⁷ Издание: *L'Ogdoas di Alberto Alfieri. Episodii di storia genovese nei primordii del sec. XV / A cura di A. Ceruti // ASLSP. 1885. Т. 17. Р. 253—320.*

щиеся в диалогах «пророчества» явно фиксируют многие уже свершившиеся события: издатель А. Черути датирует текст 1421 г.

«Огдоас» написан на латыни. Цитаты из античных авторов, прежде всего Платона, Валерия Максима и Цицерона, и языческие мифологические реминисценции перемежаются с положением католической догматики и морали, а классическая латынь — с канцелярским языком XV в. Истинная ценность диалогов Альфьери — в ярком описании столицы генуэзского Черноморья Каффы, в том, что он наглядно показал тесную связь политической жизни Италии и далеких черноморских факторий Крыма.

Во всех областях Латинской Романии народная поэзия (баллады, сказания, песни-трагуды, грубоватая, но меткая сатира) постоянно питала «высокую» литературу. Связь между ними на Крите, как и на Кипре, была тесной и плодотворной. В трагуды и эпосе, нередко создаваемых в Латинской Романии на базе «Дигениса Акриты», нашли отражение условия жизни и устремления греческого народа. Характерный пример — «Песнь {186} о Генрихе Фландрском»⁸⁸. Ее версия происходит главным образом с Крита и Корфу. Император Генрих — довольно популярная фигура. Недаром он заменяет в «Песне» таких героев, как Дигенис или Александр. Скорее, всего, это объяснимо его веротерпимостью и лояльным отношением к греческим подданным, которых он нередко брал под защиту от непомерного униатского рвения папских легатов и латинского духовенства. Был Генрих и доблестным воином, которого стихотворная греческая хроника Ефрема назвала «вторым Аресом»⁸⁹. В Сен-Бертинской хронике зафиксировано предание, что Генрих I в возрасте 39 лет был отравлен своей женой, дочерью болгарского царя Борила. А в «Песне» рассказывается о том, что доблестный король Эррик украл невесту, прекрасную Елену, и был убит ею, так как она не желала вступать в брак с работодателем отечества. Песнь написана рифмованным политическим стихом и в разных версиях содержит от 40 до 60 строк.

В другом интересном греческом стихотворении XV в. безымянный поэт восхваляет Венецию как связующее звено между греками и Западной Европой, воспевая ее дворцы и базилики (упомягая между прочим и знаменитых коней Лисиппа, увезенных крестоносцами из Константинополя)⁹⁰.

Становление культуры Латинской Романии было длительным и противоречивым процессом. В нем участвовали различные элементы, вступавшие друг с другом в сложные отношения, обусловленные конкретной культурно-исторической средой и обстановкой каждого района Романии. Далеко не всегда происходил синтез культур; далеко не всегда даже там, где он происходил, он был органичным и завершенным. Гораздо чаще он прерывался на полпути с изменением исторических судеб той или иной территории, с византийской «реконкистой» или османским завоеванием. Нередко иноземное владычество, особенно вначале, тормозило и консервировало развитие искусства и литературы. И только длительное пребывание латинян на греческой земле, их «врастание» в местную среду, с одной стороны, и интегрирование греков в новые системы социальных и экономических связей — с другой, приводили к более длительному и плодотворному культурному сотрудничеству, взаимообогащению духовными ценностями. Такие процессы порождались глубокой социальной трансформацией как греческого, так и латинского общества. Иногда, как, например, на Крите в XV—XVII вв., в результате этих процессов создавалось подлинно высокое и оригинальное искусство. В других случаях возникали лишь отдельные элементы нового. Эллинизируясь, латиняне проникались обаянием греческого гения, принимали язык народа, среди которого жили, и нередко, в свою очередь, вносили свежую струю в ограниченную прежде рамками византийского ойкуменизма и осознанием собственной исключительности культуру империи ромеев.

Наконец, Латинской Романии принадлежит выдающаяся и еще не вполне по достоинству оцененная роль в передаче достояния античной и византийской цивилизации западноевропейской культуре, и прежде всего культуре итальянского Возрождения. {187}

⁸⁸ Μανούσακας Μ. Ι. Το;` ε;`λληνικο;` δημοτικο;` τραγούδι για;` το;` βασίλια Ἑρρίκο τη;`ς Φλάντρας // Λαογραφία. 1952. Τ. 14. Σ. 3—52; 1954. Τ. 15. Σ. 336—370.

⁸⁹ *Ephraem Aenii*. *Historia Chronica / Rec. O. Lampsides*. Athenis, 1990. P. 275. Vs. 7755—7759.

⁹⁰ *Carmina Graeca medii aevi / Ed. G. Wagner*. Leipzig, 1874. P. 221—223.

Право в эпоху латинского владычества

Несмотря на известное типологическое сходство социально-экономических, аграрных структур византийского и франкского общества на рубеже XII—XIII столетий¹, западноевропейские рыцари-крестоносцы явились на Левант, конечно же, носителями достаточно чуждого византийцам правосознания, основанного на сугубо личных, вассально-ленных связях и воспитанного в условиях распада, распыления публичной власти, в условиях господства своеобразных обычаев, свойственных западноевропейскому феодализму. В свою очередь, и мышление византийцев с их приверженностью к казуистике частного римского права, игнорирующего сложившиеся исподволь в Византии социально-экономические реальности, не могло не быть чуждым феодалам Запада. И совершенно логичным со стороны последних было то, что они, вместо того чтобы стараться приспособить к своим нуждам местное право, почти повсюду стали создавать свои своды законов, взяв за основу появившийся еще раньше (при Годфруа Бульонском) в Иерусалимском королевстве свод законов, известный под названием «Иерусалимские ассизы».

В отношении Латинской империи этот тезис, впрочем, сейчас пересматривается². Не без основания считаются недостоверными сведения, содержащиеся в «Ассизах Романии» и в Морейской хронике (памятники XIV в.), о том, что обычаи империи Балдуин получил из Иерусалима. В «Ассизах Романии» даже сообщается, что после захвата Константинополя император Балдуин, венецианский дож Энрико Дандоло, Бонифаций Монферратский и другие бароны якобы отправили посольство к королю и патриарху Иерусалима с просьбой прислать их обычаи и ассизы, что они были присланы и зачитаны в присутствии баронов и что было постановлено руководствоваться ими при управлении завоеванными землями в Романии (AR. P. 150; Ср.: Chr. gr. Vs. 2591—2614). На самом же деле в империи Балдуина не было издано никакого законодательного кодекса и правовая жизнь Латинской империи определялась в основном мартовским 1204 г. договором, документально оформленным, подписанным всеми вождями Четвертого крестового похода и зачитанным перед всем «парламентом». {188}

Мартовский 1204 г. договор — это действительно весьма интересный для истории средневековья документ, который стал «основным законом» Латинской империи и который, как считают, отнимает у «Великой хартии вольностей» необоснованно приписываемый ей приоритет «первой конституции в истории Европы». А его уточнением, конкретизацией и укреплением практического применения были другие законодательные акты, в том числе знаменитая *Partitio Romaniae*³. Ни в одном современном той эпохе источнике, ни в одном дипломатическом или юридическом документе, исходившем от Балдуина или его преемников, от Дандоло, Дзено или Бонифация Монферратского, наконец, от папы, в переписке которого с латинскими императорами и патриархами много говорится об упомянутых выше соглашениях, нет ни малейшего намека на издание в это время в Латинской империи какого-то иного единого законодательного свода, в том числе и основанного на «Иерусалимских ассизах».

Что же это был за документ — мартовская 1204 года «конституция»⁴? Составленный на латинском языке текст содержит 13 статей, в которых сформулированы задачи ниспровержения Византии и дележа добычи, но наряду с этим также наиболее общие, фундаментальные принципы устройства государства, которое еще предстояло основать. Договор начинался та-

¹ Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии // Actes du XVe Congrès international d'études byzantines. Athènes, 1976.

² Hendrickx B. Οι πολιτικοί, και στρατιωτικοί, θεσμοί, της Λατινικής Αυτοκρατορίας της Κωνσταντινουπόλεως κατά του πρώτους χρόνους της υ' αιώνα, παράξενός της. Θεσσαλονίκη, 1970. Σ. 42—46.

³ Carile A. *Partitio terrarum imperii Romaniae* // SV. 1965. Vol. 7. P. 125—305; ср.: *Oikonomidès N. La décomposition de l'empire byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: à propos de la «Partitio Romaniae»* // Actes du XVe Congrès international d'études byzantines. Athènes, 1976.

⁴ Текст см.: *Prevenier W. De Oorkonden der graven van Vlaanderen (1191—1206)*. II: Uitgave. Bruxelles, 1964. N 267; *Carile A. Introduzione alla storia bizantina*. Bologna, 1988. P. 235—237. N 7.

ким внушительным заявлением: «Прежде всего мы, призвав имя Христа, должны вооруженной рукой завоевать город». Главные пункты договора сводились к следующему: 1) во взятом городе надлежит создать латинское правительство и передать все в распоряжение тех лиц, которых назначат вожди войска; 2) вся захваченная добыча должна быть доставлена в установленное место, при этом три четверти должны быть отданы венецианцам в качестве компенсации за тот долг, который обещал им выплатить византийский император Алексей IV, а последнюю четверть надлежит отдать франкам, чтобы все были удовлетворены в равной степени; 3) если все же окажется какой-то остаток, то его необходимо разделить поровну между венецианцами и франками, а если еще и всей добычи окажется недостаточно, чтобы рассчитаться за долг Алексея перед венецианцами, раздел произойдет так, как предписывает статья 2; продовольствие же будет разделено поровну; 4) все привилегии и владения, которые имели венецианцы до захвата Константинополя, будут сохранены за ними и после его захвата; 5) необходимо назначить 6 венецианцев и 6 франков с тем, чтобы сообща избрать латинского императора из числа кандидатов от войска, наиболее пригодных, по мнению комиссии, решать проблемы управления страной «во славу Бога, Святой Римской Церкви и империи», причем избрать надлежит единогласно или большинством голосов, а в случае равного числа голосов император будет определен с помощью жребия; 6) император получит 1/4 территории империи и дворцы Влахернский и Вуколеон, остальное же будет поровну поделено между франками и венецианцами; 7) клирики, принадлежащие к стороне, от которой не будет выбран император, получают привилегию составить духовенство св. Софии и избрать патриарха, франкский клир составит духовенство храмов, перешедших к франкам, то же будет и с венецианским клиром в отношении храмов венецианской сферы влияния (из сокровищ храмов клирикам будет выделено достаточно, чтобы жить с честью, храмам же — достаточно для содержания, остальное будет поделено, как сказано в вышеизложенной статье); 8) все крестоносцы должны присягнуть, что будут оставаться на службе императора в течение всего года, начиная с последнего дня марта. Все те, кто сохранит свое прежнее положение в империи, должны присягнуть на верность императору в соответствии с феодальными обычаями; 9) комиссия из 12 венецианцев и 12 франков распределит феоды и почетные должности и определит обязанности феодалов и должностных лиц перед императором и империей, при этом вассалы могут завещать по своему желанию их феоды. Право наследования принадлежит в одинаковой мере обоим полам. Вассал будет иметь полное право делать в своем феоде все, что пожелает, за исключением того, что противоречит законам и его обязательствам по отношению к императору и империи. Кроме обязательств, которыми облечены держатели феодов и почетных должностей, существуют и обязательства по отношению к империи, которые должен выполнять император; 10) в случае войны между Венецией и какой-либо страной ни один гражданин враждебной страны не может вступить в пределы Латинской империи до конца этой войны; 11) венецианцы и франки обязываются преследовать всех, кто воспротивится настоящему договору; 12) император должен поклясться, что будет уважать распределение феодов и почетных должностей, которое осуществит комиссия из 24 «распределителей»; только дож и маркиз Монферратский с 6 советниками могут добавить что-либо каждому из них или отнять; 13) дож освобождается от вассальной присяги императору, но его представители обязаны присягнуть в соответствии с правилами.

Как видим, «конституционный» уровень документа не столь уж высок, ибо он, в сущности, представляет собой не столько «конституцию» нового государства, сколько договор о разделе старого между крестоносцами и Венецией, причем именно рука Дандоло в редактировании текста ощущается более всего. Венеция постаралась обеспечить себе максимум выгод от задуманного предприятия и до минимума свести реальную власть императора, и эта политика обособления венецианцев от франков в юридической сфере, создания собственного законодательства для Венецианской Романии была продолжена при преемниках Дандоло, в частности при венецианском подеста Марино Дзено, который, правда, торжественно подтвердил мартовский договор, но в то же время издал ряд распоряжений, идущих вразрез с ним, например очень важный закон о том, что венецианский феодал под угрозой штрафа или аннулирования дарения не может уступать свой феод никому, кроме венецианца (TTh. I. S. 558).

Как «конституционный» документ, мартовский договор имел и еще один весьма существенный недостаток — он совершенно игнорировал проблему автохтонного населения завоеванной страны, его социальной организации, его взаимоотношений с завоевателями и т. д. В отличие от «Великой хартии вольностей» документ не только не гарантирует каких-либо свобод и привилегий для горожан, но и не упоминает даже о греческой знати, будто ее вовсе не

было. И все же (по крайней мере на первых порах) договор {190} сыграл свою роль «основного закона», так как, хотя и в самом общем виде, предусматривал решение основных вопросов: о власти, о принципах политического устройства нового государства, о правах и обязанностях императора, о его взаимоотношении с вассалами, с церковью, о порядке его избрания. Конечно, для реальной жизни всего этого было недостаточно, с течением времени сформировались новые обычаи, появились новые феодальные своды типа «Ассиз Романии», в которых действительно ощущается воздействие иерусалимских законов, но, разумеется, не непосредственно (ибо Иерусалим давным-давно уже был потерян для крестоносцев), а через Кипр, куда они были принесены из Сирии Лузиньянами.

«Иерусалимские ассизы» — классический памятник феодального права⁵, свод, складывавшийся на протяжении длительного времени (конец XII—XIII в.). Первоначальная редакция свода, составленная на старофранцузском языке, записанная, если верить изданию, «на хартии большими круглыми буквами, с золотыми инициалами и красными заголовками» и положенная в храм св. Гроба (отсюда ее название — «Lettres de Saint Sepulcre», «Письма св. Гроба»), не сохранилась. Более того, уже давно высказывались весьма серьезные сомнения⁶ в реальности предания, в возможности столь ранней кодификации феодального права, которое на Западе еще больше века будет ждать своей записи. Возможно, в «Письмах св. Гроба», погибших, согласно преданию, при вступлении Саладина в Иерусалим в 1187 г., следует видеть архив владельческих актов на полученные феодалы и перечисление принятых за них вассальных обязательств.

Текст ассиз дошел до нас уже в той сложной редакции, которую они приняли после их записи на французском языке кипрскими юристами XIII в. Филиппом Новарским и Жаном д'Ибелином, нередко вносившими в их изложение собственное истолкование обычаев и даже их теоретическое осмысление⁷. Эти «Ассизы Иерусалима и Кипра» включают в себя так называемую «Книгу королю» (наиболее ранний памятник, датируемый 1197—1205 гг.), ассизы Высшего суда (*Assises de la Haute Cour*) и свод законов горожан (*Assises de la Basse Cour, de la Cour des Bourgeois*), содержащий изложение действовавшего в нем судопроизводства и называемый также «*Livre de play-doier*». Последний из этих двух сборников был переведен (по всей вероятности, в XIV в.) неизвестным лицом (греком, знавшим французский, либо французом, знавшим греческий) на греческий язык. Объясняется это, по-видимому, возросшим практическим значением ассиз суда горожан по сравнению с ассизами Высшего суда, перевод которых на греческий язык отнюдь не вызывался необходимостью, так как они касались конфликтов, возникавших только среди завоевателей-франков⁸. {191}

Действительно, ассизы Высшего суда регулировали почти исключительно отношения между королем и его вассалами, а также взаимоотношения феодалов, порядок службы, права и обязанности сеньоров и вассалов, прерогативы королевской власти. Одним из наиболее важных институтов, зафиксированных ассизами Высшего суда, было предоставление феодала сеньору на сохранение, получившее более широкое распространение по сравнению с Западом на завоеванном крестоносцами Востоке⁹. В феодальных крестоносных колониях, живших в условиях почти постоянных войн с враждебным окружением, вассалы были обязаны служить своими сеньорам не 40 дней в году, как во многих княжествах Западной Европы, а целый год (по «Иерусалимским ассизам»¹⁰) или 8 месяцев (по «Ассизам Романии» (*AR. P. 109—110*)). Поэтому, тогда как во многих западноевропейских княжествах вассал мог без труда отлучиться

⁵ Лучицкая С. И. «Иерусалимские ассизы» — памятник средневекового права // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья. М., 1985. С. 79—95; Она же. Источниковедческие особенности «Иерусалимских ассиз» в медиевистике XIX—XX вв. // СВ. 1988. Т. 51. С. 153—166.

⁶ См., например: Добиаши-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов: Запад в крестоносном движении. Пг., 1918. С. 55.

⁷ *Assises de Jérusalem* / Ed. A. Beugnot. P., 1841—1843. Vol. 1—2.

⁸ Zepos P. J. *Droit et institutions du royaume de Chypre* // Actes du XVe Congrès international d'études byzantines. Athènes, 1976. P. 5.

⁹ Дмитриев Г. Предоставление феодала сеньору на сохранение по сводам феодального законодательства на завоеванном крестоносцами Востоке // ПС. 1966. Т. 15(78). С. 155—171.

¹⁰ *Livre de Jean d'Ibelin*. Ch. CCXVII. P. 345 sq.; *La clef des assises de la Haute Cour*. CCLXVIII / *Assises de Jérusalem*. Т. 1. P. 598.

из своего замка на весьма продолжительное время, в завоеванных странах это было значительно труднее или совсем невозможно и вассалы должны были добиваться согласия сеньора на отъезд. В этих условиях и возник институт передачи феода сеньору на сохранение на год и один день (по «Ассизам Романии» — на 2 года и 2 дня), причем только по истечении этого срока препоручивший феодал мог вернуть его себе. Практика передачи феода сеньору на срок была, по-видимому, выражением и проявлением происходившего в определенных пределах разложения отношений развитого феодализма в завоеванных странах.

Что касается ассиз суда горожан, то они содержали распоряжения частного и уголовного городского права, т. е. регламентировали по преимуществу конфликты между греками или другими этническими группами населения острова (сирийцами, армянами и т. д.). И хотя в основе своей этот сборник также содержал «франкское право», будучи составленным по образцу соответствующих западноевропейских сборников, влияние византийского права, с которым это «франкское право» по необходимости находилось в тесном контакте, здесь обнаруживается совершенно отчетливо. Полагают, что редактор ассиз использовал Прохирон, Синописис Василика или же какие-то другие византийские юридические сборники; по мнению других ученых, это были новеллы Юстиниана, исаврийская Эклога, но прежде всего так называемый «Сирийский законник» (компиляция V в., переведенная, по всей вероятности в VIII в., с греческого на сирийский), в котором римско-византийское императорское право обогащено за счет усвоения многочисленных элементов живого народного восточного права. Лишь будущие углубленные исследования (ибо и сейчас еще приходится констатировать, что кипрское греческое право скорее известно, чем изучено) смогут дать ответ на этот вопрос.

Как бы то ни было, ряд правовых институтов и юридических норм, зафиксированных ассизами, явно и непосредственно заимствован из области римско-византийского права. Так, в области патримониального права можно отметить функционирование задатка при заключении юридических сделок на продажу (утрата задатка продавцом и уплата в двойном {192} размере в том случае, если он передумает), признание права предпочтительной покупки (протимисис) за родственниками и соседями продавца, приобретение права владения проданной вещью после установленного срока, признание недействительным акта продажи из-за обнаружившихся дефектов вещи, и т. д. В области семейного права привлекают внимание такие нормы, как скрепление брачного союза посредством церковного акта, признание особого значения поцелуя жениха со всеми последствиями, зафиксированными в греко-римском праве (*osculo interveniente*), санкция за нарушение срока вдовства жены и за второе замужество, признание приданого наряду с институтом общности имущества и регламентация приданого после расторжения брака, недействительность обмена дарениями между живущими супругами, признание в качестве причины развода проказы или какой-либо другой серьезной болезни, и т. д.

Наконец, в наследственном праве влияние византийского права (в частности, новелл 118 и 115 Юстиниана, Эклоги и т. д.) ощутимо, когда речь идет о многочисленных распоряжениях, относящихся к наследованию без завещания, по завещанию, в случаях поражения в правах наследования и т. д.

Представляется необходимым подробнее коснуться вопроса об уже неоднократно упоминавшихся «Ассизах Романии» — памятнике морейского права эпохи латинского владычества. В свете новых исследований ¹¹ история его предстает в следующем виде: это сборник феодальных обычаев Морейского княжества, возникший (как и знаменитая Морейская хроника) во франкоязычной рыцарской среде на французском языке и отредактированный (в окончательном варианте) между 1333 и 1349 гг. каким-то частным лицом, скорее всего французским феодалом, приближенным ко двору морейского князя. Сборник отнюдь не был официальной кодификацией морейского права. Лишь по аналогии с иерусалимско-кипрским законодательством он получил название «ассиз» (в Морее этот термин, очевидно, не употреблялся или же употреблялся в заимствованных из иерусалимско-кипрского законодательства юридических текстах ¹²) и имеет все признаки частной компиляции, которая в качестве практического руководства должна была служить нуждам класса феодалов. Позднее (уже в XV в.) по просьбе жи-

¹¹ *Jacoby D.* La Féodalité en Grèce médiévale: Les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion. P.; La Haye, 1971.

¹² Так, главы 1 и 2 исторического пролога «Ассиз Романии» включают формулу *usanze et assise*, но это только потому, что они обе воспроизводят пролог «Книги высшего суда» Жана д'Ибелина.

телей Негропонта этот свод был объявлен официальным в левантских владениях Венеции, для чего он был переведен на венецианский диалект, воспроизведен в нескольких списках («официальным изданием» является тот венецианский экземпляр, который был отправлен в 1453 г. в Негропонт, где он и погиб во время захвата города турками) и в таком виде дошел до нас, в то время как франкоязычная первоначальная редакция «Ассиз Романии» не сохранилась.

По своему составу «Ассизы Романии» распадаются на четыре тематические части: наиболее значительная из них (по числу статей) содержит ассизы, имеющие дело с вассальными отношениями (условия пожалования фьефа вассалу; отношение фьеф — служба; юрисдикция, в сфере кото- {193}рой решаются эти и аналогичные им сюжеты); вторая часть включает ассизы, трактующие вопросы прерогатив князя и его придворных чинов и имеющие тенденцию к смешению с ассизами первой категории; далее — значительное число ассиз (третья часть), относящихся к статусу вилланов или греческих париков, хотя эти ассизы и не составляют особого единого корпуса, будучи разпыленными по всему сборнику, да и вообще не интересуются вилланами как таковыми. Скорее всего, они рассматривают вилланов с сеньориальной точки зрения, с точки зрения прав, прерогатив или интересов сеньора. Наконец, последнюю (четвертую) группу составляют ассизы, трактующие различные сюжеты: имущество горожан (§ 38), цензивы (§ 142, 192), правила составления завещаний (§ 37, 149) и других актов (§ 150, 170). Если к этому добавить несколько ассиз относительно торгового права (§ 204), то это будет все, что можно в «Ассизах Романии» найти о горожанах или городах: в Морее не существовало эквивалента «Книги ассиз горожан», составленной в Иерусалимском королевстве между 1240 и 1244 гг., и нет никаких следов использования здесь этой «Книги».

Обращают также на себя внимание четыре статьи (71, 138, 178 и 194), трактующие вопрос о праве греческих архонтов Морей и подвергнутые специальному изучению¹³. Дело в том, что содержащееся в Морейской хронике сведение об обещании Жоффруа Виллардуэна уважать обычай и закон ромеев было расценено в свое время как свидетельство инкорпорирования в феодальное право франкской Греции права византийских проний. Однако Морейская хроника, редакцию которой от описываемых в ней событий, связанных с франкским завоеванием, отделяет по крайней мере полтора столетия, не может считаться достоверным источником по данному вопросу¹⁴. Не могут помочь здесь и четыре названные статьи о греческих архонтах, так как в них не заметно никаких следов пронии. Напротив, анализ этих ассиз (и особенно § 138 о разделе фьефа умершего архонта при наследовании на равные части между его сыновьями или дочерьми) показывает, что упоминаемые в них фьефы греческих архонтов как будто не чисто феодальные, во всяком случае ленные, владения, так как не имеют характера условного держания, не подлежат 40-дневному сроку феодальной инвеституры, не обременены четко оговоренной обязанностью нести военную службу; скорее они являлись обычной частной земельной собственностью, правила наследования которой регулировались (как и в случае с крестьянскими стасями) нормами римско-византийского частного права, скорее всего новеллой 118 Юстиниана, которая в случае наследования *ab intestat* предусматривает раздел имущества на равные доли между всеми наследниками без различия пола. Правда, при наследовании имущества архонтов и вилланов все-таки отдавалось предпочтение наследникам мужского пола (женщины допускались к наследованию при отсутствии мужчин), но аналогичными были правила наследования недвижимых имуществ византийских париков, как это явствует из византийских практиконов. Не исключено, что нужды византийского фиска еще до XIII в. {194} потребовали предпочтения для наследников мужского пола, и эта практика получила свое продолжение в франкской Морее¹⁵.

Следует также отметить, что и другие институты византийского права отразились в «Ассизах Романии», например 30-летний срок пребывания виллана на земле чужого сеньора, делающий его вилланом землевладельца (§ 182); право арендатора на часть улучшений, осуществленных им на арендованной земле, в то время как эта земля остается собственностью концессионера; денежный штраф в 25 иперпиров за попытку расторгнуть контракт после того, как уплачен задаток (§ 204), и т. д. Но в то же время в ассизах наблюдается и оппозиция рим-

¹³ *Jacoby D. Les archontes grecs et la féodalité en Morée franquey / TM. 1967. T. 2. P. 421—482.*

¹⁴ Дискуссию по этой проблеме см.: *Медведев И. П. К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники //ВО. 1977. С. 138—148.*

¹⁵ *Jacoby D. La féodalité en Grèce médiévale. P. 35—36; Idem. Les archontes grecs... P. 451—456.*

ско-византийскому и каноническому праву, которое явно не изучалось в франкской Морее. Так, морейское право вообще не предполагает ни представления в суд письменных документов, ни «адвоката, который говорит, читая или ссылаясь на законы (имеется в виду византийское право.— *И. М.*) или каноны» (§ 145), и не считает обязательным при составлении завещания присутствие публичного нотариуса, подчеркивая достаточность двух или трех свидетелей с тем, чтобы завещание считалось законным (§ 146)¹⁶.

Что же касается источников, которыми располагал редактор, составляя компиляцию, то, с одной стороны, это были официальные источники законодательного характера или, проще говоря, те предписания, которые исходили от княжеской власти или извлекались из судебных решений и которые, будучи записанными и отредактированными в виде некоего собрания ассиз, отложились в 1276 г. в княжеской канцелярии (юристы-практики того времени, создавая свои частные компиляции, обращались прежде всего именно к этому собранию, как, впрочем, и к другим источникам; наличие многочисленных повторов в «Ассизах Романии» тоже расценивается как указание на множество письменных текстов, которыми пользовался редактор при составлении сборника). С другой стороны, это собрание действующих феодальных обычаев (*usanze, costume*), дошедших до редактора «Ассиз Романии» в устной традиции.

Но как же все-таки обстояло дело с правом в тех областях Византийской империи, которые остались греческими? Ответить на этот вопрос трудно, так как источники хранят в этом отношении молчание. Впрочем, молчание источников — тоже показатель, в данном случае, очевидно, показатель того, что ничего достойного внимания в области права в этот период, например, в Трапезунде или в Никее не происходило. Единственный, пожалуй, юридический памятник, а именно *Synopsis Minor*, который до недавнего времени традиционно выводился из Никей XIII в., и тот при ближайшем рассмотрении оказалось невозможным относить к никейской эпохе¹⁷.

Тем не менее практическое знание унаследованного от предшествующих эпох права продолжало сохраняться на достаточно высоком уровне, о чем свидетельствуют, например, юридические акты, дошедшие в картуляриях XIII в. монастырей Макринитиссы и Новой Петры близ залива Воло в Фессалии, Вазелонского монастыря близ Трапезунда и Лемвиотиссы {195} близ Смирны, а также греческие рукописи юридического содержания. Так, наиболее типичными экземплярами составлявшихся в XIII в. (и, очевидно, в самой Никейской империи) юридических и канонических сборников являются рукописи *Sinaiticus gr. 1117* и *Parisinus gr. 1234*, содержащие между прочим документы комниновской эпохи, в которых, в частности, излагается интереснейшая дискуссия по вопросам матримониального права (различные точки зрения на брак в шестой степени родства и т. д.)¹⁸. Сама по себе эта дискуссия принадлежит XII в., но интерес к ней в Никейской империи XIII в. весьма показателен: мы знаем, что и здешним патриархам Михаилу IV Авториану (1208—1214) и Герману II (1223—1240) приходилось решать аналогичные вопросы¹⁹. В целом этот интерес свидетельствует о том, что канонический кодекс церковного права как совокупность канонов, авторитет которых был установлен самой церковью на соборах или же «мэтрами» богословия, начинает утрачивать свою монополию.

Были, однако, в то время и попытки преодолеть все более намечавшийся разрыв между юридической практикой и наукой. Именно в XIII в. монах Филофеева монастыря на Афоне Арсений, позднее ставший патриархом (1256—1259, 1261—1265), составил сокращенную компиляцию канонов («Синописис священных канонов»), состоящую из 141 главы²⁰. В каждой главе этого труда сопоставляются канонические положения различных соборов и канонических посланий одного и того же содержания. В конце глав приводится указатель соборов, касавшихся данного вопроса, и в большинстве случаев под заглавием «Юридические главы» даются ссылки на аналогичные положения гражданского права. В канонической части своего труда Арсений следовал общепринятому, начиная с Фотия, каноническому сборнику (исключе-

¹⁶ *Jacoby D.* La féodalité en Grèce médiévale. P. 90.

¹⁷ *Perentidis St.* Recherches sur le texte de la Synopsis minor // FM.1984. T. 6. P. 219—273.

¹⁸ *Darrouzes J.* Questions de droit matrimonial: 1172—1175 // REB. 1977. T. 35. P. 107—157.

¹⁹ *Schmink A.* Eine gnomi des Patriarchen Michael Autoreianos // FM. 1977. T. 2. P. 255—261; *Idem.* Drei Patriarchalschreiben aus ersten Hälfte des 13. Jahrhunderts // FM. 1982. T. 5. P. 193—214.

²⁰ *Mortreuil J.-A.-B.* Histoire du droit byzantin, ou du droit romain dans l'Empire d'Orient, depuis la mort de Justinien jusqu'à la prise de Constantinople en 1453. P., 1846. T. 3. P. 456—457.

чением является первая глава, в которой цитируются некоторые сочинения, не входившие в канонический кодекс церкви), в гражданской — сборнику в 87 глав Иоанна Схоластика. Именно к нему относятся цифры, следующие за словами *νοηκόν κεφάλαιον*. Этот факт бесспорно доказывает, что в руках греческих церковников в то время имелось много рукописей с *Collectio 87 capitulorum*, а также с другими каноническими текстами, предназначенными для возможно более полного изучения церковной юриспруденции.

И наконец, Эпир, этот второй эллинский центр, возникший на развалинах Византийской империи в западной части Балканского полуострова. Здесь юридической деятельностью занимались такие выдающиеся представители византийской образованности XIII столетия, как митрополит навпактский Иоанн Апокавк, но особенно рукоположенный им архиепископ охридский Димитрий Хоматиан (город Охрид, или Ахрида, в Западной Македонии входил в первой половине XIII в. в состав Эпирского царства), о котором прежде всего здесь и пойдет речь. Этот знаменитый греческий иерарх и канонист первой половины XIII в. получил в молодые годы {196} (по-видимому, в Константинополе) прекрасное общее и специальное юридическое образование и затем, сделавшись сначала хартофилаком в Охриде при архиепископе Иоанне Каматире, а позднее (благодаря содействию Иоанна Навпактского) и архиепископом (ок. 1216—1234), принял деятельное участие в политической, общественной и церковной жизни не только Эпирского княжества, но по существу и всего северо-балканского греко-славянского региона. Это он короновал Феодора Ангела императором в Фессалонике, это к нему как к верховному судье обращались по самым различным вопросам митрополиты, епископы и экзархи, а также светские правители (например, король сербский Стефан, адресовавший ему 14 вопросов из области литургии) и люди всех сословий.

Сохраненные мюнхенской рукописью XVI в. (*Monacensis gr. 62*)²¹, изданные, но еще далеко недостаточно изученные многочисленные сочинения Хоматиана (а именно письма, в которых разбирались различные юридические и церковные вопросы, разные канонические послания и ответы на более чем 220 вопросов, судебные решения, соборные деяния и т. п.) имеют первостепенное значение для истории византийского права вообще и канонического права в частности. В них он предстает скорее не как духовный пастырь, но как светский судья, стоящий на страже закона и утверждающий это право в борьбе с силой. Так, рассмотрев иск жителей одного острова против дуки, который, злоупотребляя своей властью, купил владение некоего Михаила Серриота в нарушение права предпочтения родственников и соседей продавшего, Димитрий Хоматиан формулирует (со ссылкой на соответствующие места Василика и новеллы Романа Лакапина о протимисисе) принципиальное положение о должностном злоупотреблении, о запрете должностному лицу (будь то архонт или военачальник) покупать недвижимость в пределах подведомственной ему территории, чтобы наиболее эффективно гарантировать добросовестность подобного рода сделок²². Ибо основа всякой собственности, говорит он,— это ее добросовестное приобретение; если же *bona fides* отсутствует, то ни приобретший что-либо в свою собственность недобросовестным путем, ни его наследники не могут рассчитывать на длительное владение, так как это не столько владение, сколько «продолженное насилие» и рано или поздно справедливость будет восстановлена. Как судья, а не иерей выступает Хоматиан и там, где он запрещает отцу лишать наследства своих детей с целью подарить свое имущество монастырю: в этом отношении он может располагать лишь четвертью своего наследства.

Все заставляет думать, что Хоматиан в своей деятельности совершенно отчетливо осознавал себя преемником упраздненного Константинопольского патриархата, хранителем имперских традиций и чистоты имперского права. При этом главным и основным источником права для него были Василики и их Синописис, на которые он постоянно ссылается и часто цитирует с большой точностью. Несомненно, он досконально знал этот законодательный свод и, вероятно, ввел в своем распоряжении его полный экземпляр, хотя чаще пользовался все же Синописисом²³. Но наряду с Ва-{197}силиками он ссылается также на новеллы императоров (Льва VI, Алексея I Комнина и особенно часто на новеллу Романа Лакапина о протимисисе),

²¹ *Pitra J. B. Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata. Romae, 1891. Vol. VI.* (Критическое издание сочинений Хоматиана готовит Г. Принцинг.)

²² *Ibid. Col. 307—314.*

²³ Μάτσης Ν. Π. Νομικά ζητήματα ε; κ τω; ~ν ε; ργων Δημητρίου Χωματιανού. ᾿Αθη; ~να., 1961. Σ. 21.

цитирует схолиастов Василик (например, Фалелея), «Пиру» Евстафия Ромея, «великую славу» которого в области права он особо подчеркивает²⁴, широко использует церковное законодательство, в частности в комментариях Иоанна Зонары и Феодора Вальсамона, и т. д. «Божественные и благочестивые законы, божественные предписания отцов церкви и священные каноны» для него — «оружие, взятое из арсенала правовых пластин, которые выковывает Фемиды, дающая могучий щит обиженным». Свою задачу Хоматиан усматривает именно в том, чтобы в условиях варварского окружения и латинского завоевания хранить чистоту этого оружия. Так, он напоминает епископу Янины о недопущении испытания каленым железом, ибо это варварский обычай, которого «нет в державе ромеев, и он совершенно не известен не только церковным, но и гражданским законам»²⁵, он против участия латинян в священных церемониях вместе с греками и т. д.

Однако провести последовательно в жизнь свою концепцию Хоматиан все же не в силах; сам того, очевидно, не замечая, он усваивает некоторые институты местного, скорее всего славянского, права. Это нашло отражение, на наш взгляд, в его распоряжениях относительно права взаимного наследования супругов ($\alpha;\lambda\lambda\eta\lambda\omicron\kappa\lambda\eta\rho\nu\omicron\mu\acute{\iota}\alpha$ ²⁶) и в его разъяснении относительно того, что и не оформленное документально волеизъявление имеет силу завещания, если заслушаны свидетели, которые подтверждают это письменно и скрепляют подписями и клятвой²⁷, и т. д.

В высшей степени интересны данные, содержащиеся в «досье» Хоматиана (как, впрочем, и в «досье» Иоанна Навпактского), об институте конкубината и причинах развода. Признанный юстиниановым правом и Номоканоном XIV титулов, а также фактически Василиками в качестве легальной формы внебрачного союза, но формально отмененный новеллами Льва VI, конкубинат продолжал существовать в Эпире XIII в., регулируясь, по-видимому, нормами обычного местного права. Во всяком случае, у Хоматиана зафиксировано 11 дел о конкубинате ($\mu\alpha\lambda\lambda\alpha\kappa\acute{\iota}$) среди различных слоев населения (подобную форму сожителства практиковали, например, славянский священник, диакон, ремесленник и т. д.), и во всех них конкубинат, даже отягощенный адюльтером, рассматривался и самими участниками спора, и Хоматианом в качестве связи, создающей определенные права и обязанности, в частности права наследования отцовского имущества детьми, рожденными в конкубинате. Насколько укоренившимися были такие представления, показывает судебный процесс, когда некий Хрисос, незаконнорожденный сын диакона Михаила, потребовал отдать ему отцовское имущество, которым владел законный, хотя и по боковой линии, наследник — племянник диакона Михаила Константин (законных детей, как кажется, у Михаила не было). Правда, Хрисос при этом ссылался на завещание отца, которым тот якобы оставил ему свои владения, но он не смог предъявить документ суду — обстоятельство, {198} позволившее Хоматиану рассматривать этот случай как дело о наследстве *ab intestat* и постановить, что рожденный в конкубинате сын и его мать-конкубина имеют право лишь на 1/6 собственности умершего, тогда как остальное отходило законным наследникам по боковой линии²⁸. Хоматиан, таким образом, в принципе не считая конкубинат законной формой связи и даже, напротив, стремясь установить различие между законными и незаконными союзами, вынужден был тем не менее признать конкубинат, основываясь на Василиках²⁹ и игнорируя запретительные новеллы Льва VI.

Немало правовой самостоятельности Иоанн Навпактский и Димитрий Хоматиан проявили в сфере бракоразводных процессов, весьма распространенных в самых различных кругах эфирского общества и в большинстве случаев завершавшихся расторжением брака. При этом наряду с классическими для римско-византийского права причинами расторжения брака (такими, как импотенция мужа, прелюбодеяние жены, которое, впрочем, здесь почти никак не наказывается; посягательство на жизнь супруга; так называемый $\epsilon\acute{\xi}\omega\kappa\omicron\iota\tau\omicron\nu$, когда жена не ночует дома без позволения мужа; выявившееся в процессе совместной жизни кровное родство

²⁴ *Pitra J. B.* Op. cit. Col. 159, 190.

²⁵ *Ibid.* Col. 389—391; *Fögen M. Th.* Ein heisses Eisen // RJ. 1983. Bd. 2. S. 85—98.

²⁶ *Pitra J. B.* Op. cit. Col. 253—256, 267—271; *Emilia A.* Tre apophaseis di Demetrio Chomatianos in materia d'alliloklironomia // RSBN.1964.Т. II. P. 103—120

²⁷ *Pitra J. B.* Op. cit. Col. 154.

²⁸ *Pitra J. B.* Op. cit. N 33; *Laiou A. E.* Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIIIe siècle // FM. 1984. Т. 6. P. 296.

²⁹ *См.*: В. 32.2.1; 45.2.9; SMB. II. 1.; С. 15.2.

супругов и т. д.) юридическая практика Эпира изобилует разнообразием бракоразводных процессов по причинам, не предусмотренным законодательством: обвинение женой своего мужа в половых извращениях (содомии) и отказ жить с ним³⁰; предосудительное поведение мужа (вернее, зятя, так как возбудителем дела о разводе был отец жены, обвинивший зятя — молодого человека, хорошего собой и живого ума, — в том, что он отказывался обрабатывать землю, как все добропорядочные люди, вел бродяжнический образ жизни, нанимаясь в качестве слуги то в один дом, то в другой, не чужд был воровству и т. д.); признание супруга отсутствующим в течение пяти лет; «биологическая несовместимость» супругов (как в разбиравшемся Иоанном Навпактским случае с забавной четой, когда маленький и тщедушный 16-летний муж не мог удовлетворить запросы своей зрелой и значительно превосходящей его возрастом жены, с которой он был помолвлен, еще будучи малолетним)³¹; заключение брака вопреки воле одной из сторон (как в том живописном эпизоде, когда землевладелица Феодора из деревни Малайна решила женить своего человека, 18-летнего парня Иоанна, на старой влашке Руссе, «годящейся ему по возрасту в бабушки, почти беззубой, подобно новорожденным, варварке, почти не говорящей по-гречески»; чтобы сломить сопротивление Иоанна, Феодора посадила его в тюрьму, вызвала из другой деревни священника, так как местные отказались совершить обряд бракосочетания, но когда после церемонии гости праздновали свадьбу, а «молодые» отправились спать, Иоанн сбежал и отправился в Навпакт, где и нашел справедливость: {199} заключенный против воли одной из сторон брак был признан недействительным)³².

Однако самой интересной с точки зрения истории семейно-брачного права причиной развода была «непреодолимая ненависть» супругов (взаимная или одного из них), о которой материалы юридической практики Иоанна Навпактского и Димитрия Хоматиана содержат богатые, красочные и порой весьма драматические данные. Сопровождавшиеся, как правило, угрозой самоубийства такого рода заявления о ненависти и отвращении к супругу и просьбы о расторжении брака обычно принимались судом к производству и считались достаточными для расторжения брака.

Важно отметить, что почти во всех этих случаях судьи (Иоанн Навпактский, Димитрий Хоматиан) вполне отдавали себе отчет в том, что выдвинутые истцами основания для развода не были предусмотрены нормами действовавшего римско-византийского права, оговаривали это в своих постановлениях, иногда даже напоминали истцам о неправомерности их иска и тем не менее, руководствуясь здравым смыслом и принципом «экономии» и проявляя правовую инициативу, почти всегда шли навстречу истцам, признавали дальнейшую совместную жизнь супругов и сохранение семьи невозможными и расторгли подобного рода браки. Видимо, при этом делалась уступка и местным, в том числе и славянским, правовым обычаям.

Обозревая картину права в целом в эпоху латинского завоевания, следует, таким образом, сделать вывод, что «юридический плюрализм» как сосуществование многих правовых систем различного происхождения³³, именно в данное время достиг в Византии своего апогея, являясь адекватным отражением сложной социальной и политической обстановки. В этот период получают особое развитие местное право, обычное право, феодальное право латинских княжеств, которые, взаимодействуя сложным образом с нормами римско-византийского права, порождают в высшей степени своеобразную правовую обстановку в районе Восточного Средиземноморья, чреватую импульсами нового развития. {200}

³⁰ Поскольку свидетелей такого греха не могло быть, то эта женщина предложила принести присягу «или из тех, что предусмотрены гражданским кодексом законов, или из тех, что вне закона и называются варварскими» (*Pitra J. B. Op. cit. Col. 72*). Под «варварской присягой» здесь имелась в виду, по видимому, присяга посредством прикосновения к раскаленному железу (*Laiou A. E. Op. cit. P. 306, n. 116*).

³¹ *Fögen M. Th. Rechtsprechung mit Aristophanes // RJ. 1982. Bd. 1. S. 81; Laiou A. E. Op. cit. P. 308.*

³² *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Anatolien) // BNJ. 1976. Bd. 21. S. 80; Laiou A. E. Op. cit. P. 308—309.*

³³ *Michaelides-Nouaros G. Quelques remarques sur le pluralisme juridique en Byzance // Byzantina. 1977. T. 9. P. 421—446.*

II

Культура Византии в эпоху Палеологов {201}

7

Византия во второй половине XIII — середине XV в.

Никейский отряд, действовавший во Фракии, 25 июля 1261 г. неожиданно ворвался через открытые ворота в Константинополь и овладел городом, который временно покинуло войско латинян. Балдуин II и латинская знать бежали из города. Продолжавшееся 57 лет владычество западных рыцарей рухнуло. Фактически участь столицы Латинской империи была предрешена еще в предшествующие годы. Никейская империя, расширявшая свои владения во Фракии, неуклонно смыкала кольцо вокруг города. Ослабленные взаимной борьбой латинские государства, Эпирское царство и Болгария не могли противостоять продвижению никейцев, опиравшихся на относительное экономическое благополучие принадлежавших им областей Малой Азии и сочувствие местного населения. На Балканском полуострове не оставалось более ни одной реальной силы, способной сдержать успехи Никейской империи¹. Недовольное латинским владычеством, сопровождавшимся непрерывными войнами и разорением, население Фракии и Константинополя оказало имперским войскам полную поддержку. Восстановление Византии стало фактом. 15 августа Михаил VIII Палеолог (1259—1282) торжественно вступил через Золотые ворота в возвращенную столицу. Вернулись туда из «изгнания» и православный патриарх Арсений и знать Никеи. В храме св. Софии состоялась вторичная коронация Михаила, уже как императора ромеев, провозглашенного к тому же и «новым Константином».

Бесспорно, возрожденная империя была лишь тенью прежней мировой державы². Полуразрушенный за годы латинского владычества Константинополь с резко сократившимся населением по своему экономическому потенциалу не выдерживал никакого сравнения с прежней великолепной столицей комниновской Византии. В Европе ей принадлежали лишь часть Фракии и Македонии, некоторые острова Эгейского моря и опорные пункты на Пелопоннесе. Северная часть Фракии и Македонии находилась в руках болгар и сербов, Эпирское царство сохраняло независимость, области Центральной Греции и большая часть Пелопоннеса оставались во владении латинян, острова Архипелага — под властью Венеции, Трапезундская империя продолжала самостоятельное существование³. И тем не менее восстановленная Византийская империя, включавшая большие компактные области Балкан и северо-запада Малой Азии, обладавшая такими крупными городами, как Константинополь, Фессалоника и Никея, снова стала одним из сильнейших государств балканского региона. По общеевропейским меркам, однако, Византию уже можно было расценивать как второразрядную державу.

Тем не менее было бы ошибкой утверждать, что весь последующий период почти двухсотлетнего существования империи является лишь временем ее прогрессирующего упадка и агонии. Отнюдь не только маниакальными претензиями и слепой приверженностью к традициям византийского ойкуменизма питались планы восстановления могущества империи.

¹ История Византии / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3. С. 50—71.

² Nicol D. M. The Last Centuries of Byzantium, 1261—1453. L., 1972.

³ Карпов. С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.

Возврат Константинополя возродил множество надежд, всколыхнул население ряда районов Фракии и Македонии, этнически и исторически тяготевших к возрожденной Византийской империи, усилил, по крайней мере временно, консолидацию греческой знати и духовенства. Константинополь во второй половине XIII в. еще оставался крупнейшим, центром производства и международной торговли: сырьем, металлами и ремесленными изделиями. Константинопольский рынок в конце XIII—начале XIV в. испытал известный подъем. Отметим кстати, что в это время упрочивались и экономические связи Византии с Русью⁴. Экономический потенциал малоазийских областей, накопленный в Никейской империи, позволил частично отстроить столицу и до какой-то степени возродить ее былое величие. Без укрепления хозяйственной жизни Константинополя вряд ли стал бы возможен тот несомненный яркий духовный подъем, который снова превратил столицу империи не только в общевизантийский, но и в международный центр культуры, науки и искусства, не утративший значения вплоть до конца существования империи. Основы этого подъема были заложены, конечно, еще в никейский период благодаря деятельности выдающихся ученых — энциклопедистов первой половины — середины XIII в., предшественников будущего поколения византийских гуманистов. Возрожденный Константинополь снова вобрал в себя крупнейшие интеллектуальные силы империи, стекавшиеся сюда из провинции⁵.

До середины XIV в. вопрос о «выживании» страны, о грозившей ей смертельной опасности не вставал. Византии удалось не только нейтрализовать планы восстановления Латинской империи, но и несколько расширить свои владения, прочно утвердиться на Пелопоннесе (в Морее). В той сложной и нелегкой обстановке, в которой империя оставалась на протяжении полувека после отвоевания Константинополя, ее внешняя политика отличалась повышенной активностью, ярко выраженной наступательностью. Михаил VIII проявил себя как твердый и решительный политик и дипломат.

Опорой центральной власти стал крепнущий союз престола с крупной феодальной знатью. Михаил последовательно проводил политику раздачи земель в пронию, расширяя права и привилегии ее получателей. Вторая половина XIII—XIV в. стали также «золотым веком» в истории византийских монастырей.

Необходимость создания условий для отвоевания Константинополя {203} вынудила императора за помощь военным флотом еще в марте 1261 г. заключить союз с генуэзцами, владевшими здесь Галатой и рядом кварталов, но испытывавшими постоянную угрозу своим позициям в столице со стороны венецианцев. Платой за союз были беспошлинная торговля в империи, свободный проход в Черное море, основание факторий, контор и церквей в столице и в Крыму. Привилегии генуэзцев явились той основой, которая предопределила возрастающую роль Генуи в экономических и политических судьбах палеологовской Византии⁶. С 1265 г. стали восстанавливаться, а затем и увеличиваться также и привилегии венецианцев взамен их обязательств защищать интересы империи от западных держав⁷. Роль итальянских республик в жизни империи возрастала. Под реальной угрозой латинских правителей (Карла Анжуйского) организовать новый крестовый поход для восстановления Латинской империи византийский двор пошел на переговоры об унии с церковью как единственном средстве предотвратить консолидацию антивизантийских сил Запада. Уния была заключена в 1274 г. в Лионе, после того как папа дал обещание добиться сохранения мира между католическими государствами Запада и Византией. Империя признала супрематия папы над всей христианской церковью, его верховную юрисдикцию в канонических вопросах и обязалась упоминать папу в церковных службах.

В тот момент политически, вероятно, неизбежная уния оказала, однако, крайне негативное влияние на общественно-политическую обстановку в Византии, расколов ее население по вопросу об отношении к Западу. Дело сводилось не только к тому, что не прошло и десятилетия после отвоевания у латинян Константинополя, что после полувекового господства латинян всякая мысль о «братстве во Христе» с ними не могла быть принята добровольно большинством населения империи. В числе сторонников унии оказались часть придворной знати и

⁴ Тухомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

⁵ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.

⁶ Balard M. La Romanie génoise (XIIe—début du XVe siècle). Rome; Genova, 1978. Т. I—II.

⁷ Thiriet F. La Romanie vénitienne au moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe—XVe siècles). P., 1975.

высшего чиновничества, небольшая часть верхушки духовенства и интеллигенции. Православие не только сохранило, но и еще более упрочило свой авторитет в ходе борьбы за восстановление Византии и ее духовное возрождение. Ортодоксия выступила в роли своего рода «национальной» религии; догматы католичества не соответствовали не только традициям, но и тенденциям развития мировосприятия византийцев⁸. По мнению исследователей, проблема унии и связанных с ней отношений с Западом стала неразрешимой, вечной проблемой палеологовской Византии, существенно осложнявшей и обострявшей внутренние противоречия в империи⁹. Уния была отвергнута и церковью, и народными массами. Попытки убедить в ее политической целесообразности разбились о стену оправданного историческим опытом недоверия. Папство действительно не имело последовательно принципиальной линии в своей политике по отношению к Византии.

Уния осложнила отношения между церковью и императором, способствовала сплочению духовенства и населения вокруг православной церкви {204} как самостоятельной общест-

Файл byz3_205.jpg

Мистра. Тронный зал дворца Палеологов

венно-политической силы. Опираясь на свой растущий авторитет, церковь претендовала на более активное участие в гражданских делах и в проведении государственной политики (арсениты)¹⁰. Восстановитель Византии, «новый Константин», Михаил VIII умер во время похода, будучи осужден церковью; его не удостоили даже приличествующего императору погребения.

Годы царствования его сына Андроника II (1282—1328), слабого и нерешительного правителя, покровителя наук и искусств, избегавшего конфликтов с церковью и нередко «плывшего по течению», не без оснований считают временем начала «утраты иллюзий»¹¹. Значительно осложнились внутреннее положение и в особенности внешнеполитическая обстановка¹². Империя повсюду переходила к обороне. Начинали сказываться {205} негативные последствия политики Михаила VIII, широко раздававшего земли и привилегии крупным феодалам, но сверх всякой меры обременявшего налогами военнообязанных поселенцев (акритов) на восточных границах империи, в Вифинии. Отказ от политики опоры на «отечественные» силы, от создания собственного мощного слоя мелких военно-служилых обладателей проний, ставшие традиционными расчеты на использование иноземных наемников подорвали и без того слабую оборону восточных границ. Между тем в конце XIII в. здесь происходили существенные изменения. У осевших на северо-западе Анатолии, на пограничных с Византией сельджукских владениях, османов шел интенсивный процесс перехода от родоплеменных отношений к раннефеодальным; племенная организация преобразовывалась в централизованное раннефеодальное государство¹³. Попытка правительства Византии опереться на наемников-каталанцев дорого обошлась империи: взбунтовавшиеся наемники разорили ее земли почти от стен столицы до пределов Аттики. Турки-османы без особого труда захватили малоазийские владения Византии. В 1299 г. они избавились от верховенства сельджукских султанов. Ухудшалась ситуация и на Балканах. Болгария и Сербия вновь стали здесь серьезными соперниками Византии. Борьба Венеции и Генуи чаще всего разгоралась на землях империи и обернулась для нее новыми потерями и уступками в пользу обеих враждующих республик. Втянутая в многочисленные конфликты, Византия оказалась не в состоянии противостоять решительному наступлению османов¹⁴. В 1331 г. овладев Никеей, а в 1337 г.— Никомидией, они вышли к

⁸ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 19—20.

⁹ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 119; Geanakoplos D. Roman East and Latin West. L., 1976.

¹⁰ Флоринский Т. Д. Политическая и культурная борьба на Греческом Востоке в первой половине XIV в. Киев. 1883 (Отт. из Унив. известий 1883 г. № 2, 3, 9).

¹¹ Ahrweiler H. Op. cit. P. 119.

¹² Laiou A. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282—1328. Cambridge (Mass.), 1972.

¹³ Орешкова С. Ф. Становление Османского государства и некоторые проблемы развития османского феодализма // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984.

¹⁴ Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age (1300—1600). L., 1973.

берегам Мраморного моря. Большая часть византийских владений в Малой Азии была потеряна.

К концу правления Андроника II империя стояла на пороге острого социально-политического кризиса. Император искал выхода в резком увеличении налогов, вызывавших ропот подданных. Нерешительные попытки ограничить привилегии крупных землевладельцев натолкнулись на их отпор. Спекулировавшая на внешнеполитических неудачах оппозиционная знать сплотилась вокруг Андроника (внука императора). Продолжавшиеся с 1321 по 1328 г. династические распри, являвшиеся, в сущности, гражданской войной между группировками знати, закончились победой аристократии, стоявшей за спиной Андроника-внука. Смена царствования означала триумф крупной феодальной знати¹⁵. Андроник III (1328—1341), неплохой военачальник, но недалекий политик, стал фактически ее ставленником. Реальное гражданское управление оказалось в руках одного из ее лидеров и богатейших феодалов Фракии, одаренного государственного деятеля, блестящего дипломата и способного полководца Иоанна Кантакузина (1296—1383), которому было суждено сыграть исключительную роль в судьбах империи¹⁶.

Конец XIII — первая половина XIV в. в истории Византии были временем утверждения господства крупного светского и духовного землевладения. Привилегии и земельные пожалования от казны знатым византийцам стремительно сокращали налоговые поступления в государственную казну. Свободное крестьянское землевладение быстро сокращалось. Слой мелких обладателей проний, способных служить опорой центральной власти в борьбе с центробежными тенденциями, растущими в среде крупной знати, был относительно невелик¹⁷. В первой половине XIV в. сложились обширные территориальные комплексы владений богатейших представителей высшей аристократии и монастырей. Привилегии, получаемые ими, вели к укреплению их власти над зависимым крестьянством. В деревне усиливалось имущественное расслоение. В XIV в. слой крестьян — держателей еще недавно стандартного надела, основных плательщиков в казну налогов, почти исчез¹⁸.

Особенность имущественного расслоения в византийской деревне состояла в том, что в результате этого процесса не происходило формирования зажиточной крестьянской верхушки. Описи парических хозяйств афонской Лавры и Ивирского монастыря показывают, например, что между 1300 и 1340 гг. постепенно увеличивалось число малоимущих крестьян, держателей части надела, нередко — только дома с садовым участком или виноградником¹⁹. Землевладельцы не только присвоили себе прежние права общины, но и увеличили число взимаемых с крестьян разного рода десятин, подобных западным баналитетам; получил распространение авиотикий — византийский вариант права «мертвой руки». Укреплялся аппарат вотчинной организации, усиливалась роль управляющих и старост, в которых превращались прежние «старцы» деревни. Возрастала феодальная рента. Рост числа малоземельных и безземельных крестьян давал возможность шире использовать их труд в качестве работников в господском хозяйстве: они разбивали новые сады и виноградники, проводили мелиоративные работы, повышавшие доходность поместий. Товарность крупных имений увеличивалась, укреплялось положение земельной аристократии, удовлетворявшей растущий спрос на сельскохозяйственную продукцию в городах Италии. Высокие денежные оброки и подати с малоземельных париков заставляли их заниматься ремеслом²⁰. В византийской деревне растет слой париков-

¹⁵ История Византии. Т. 3. С. 129.

¹⁶ Weiss G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Monch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jh. Wiesbaden, 1969.

¹⁷ Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jh.: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. В., 1971.

¹⁸ Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV— XV вв.). М., 1968. С. 170; Она же. Судьба парикии и особенности налогообложения париков в Византии XIV в. // ВВ. 1978. Т. 39.

¹⁹ Laiou-Thomadakis A. E. A Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton, 1977. P. 24—71.

²⁰ Сметанин В. А. Сельские ремесленники поздней Византии как социальная группа // АДСВ. 1971. Т. 7. С. 159—171.

ремесленников, которые, по мнению А. Лаиу, в XIV в. обеспечивали основные потребности деревни в орудиях труда и предметах быта²¹.

Вслед за обеднением деревни и снижением уровня жизни ослаблялись ее связи с городом. Значение городского ремесленного производства для его сельской округи падало. В значительной степени трудом ремесленников — париков вотчины обеспечивались и потребности самого господского хозяйства. Такими же быстрыми темпами росли размеры владений {207} и

Файлы byz3_208.jpg, byz3_209.jpg

Карта: ЗАВОЕВАНИЯ ОСМАНОВ в XIV—XV в. {208, 209}

хозяйственное значение монастырей. Для XIV в. можно говорить об исключительной роли монастырского хозяйства в экономической жизни Византии. Крупные монастыри стали важными центрами производства товаров не только для местного рынка — их сельскохозяйственная продукция предназначалась на экспорт. Вели торгов монастыри также церковной утварью, предметами богослужения, иконами. Повышение товарности сельского хозяйства, возрастание доли денежной ренты, распространение элементов арендных отношений в деревне в поздней Византии способствовали лишь укреплению благосостояния феодальной знати. Положение крестьянства ухудшалось, его зависимость от феодала и ростовщиков усиливалась²².

Все это не могло не отразиться на хозяйственной и социальной жизни и малого византийского города, его торгово-ремесленного населения. Малые города хирели. Уже в начале XIV в. патриарх Афанасий I обращал внимание на обеднение массы городского населения, превращавшегося в бедняков-пенитов²³. Одним из следствий этого процесса стало укрепление позиций феодалов в городах. Крупные монастыри и светские феодалы приобретали в городах дома, складские помещения, лавки, организовывали собственное производство. Даже в таком крупном центре ремесла, как Фессалоника, росло число ремесленников-париков²⁴. Феодальная знать утверждала свое господство в экономической жизни городов, постепенно завязывала прямые связи с иноземным (итальянским) купечеством, сбывая продукты своих поместий²⁵.

В первой половине XIV в. упрочивалось засилье итальянских торговцев в экономике Византии. Увеличивался ввоз западных, итальянских товаров, причем все чаще массового спроса: тканей, в том числе и дешевых, металлических изделий, оружия. Этот импорт все губительнее отражался на собственном византийском производстве — оно оказалось не в состоянии конкурировать с более дешевыми привозными товарами. В городах Византии (в особенности портовых) росло число иноземцев, пользовавшихся многочисленными привилегиями и налоговыми изъятиями. В византийских городах конца XIII — начала XIV в. сложился достаточно зажиточный и влиятельный слой отечественных купцов, доминировавший во внутренней торговле и получавший значительные выгоды от расширения торговли внешней. По мнению ряда исследователей, положение этой купеческой верхушки в первые десятилетия XIV столетия было еще достаточно устойчивым, хотя с расширением сферы деятельности и привилегий иноземного купечества она все чаще оказывалась в роли его «младшего» партнера²⁶. В международном экономическом положении Византии уже в это время обнаружились тенденции, позволяющие говорить о реальности угрозы ее превращения в аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта товаров стран Западной Европы. С ухудшением положения населения, ограничением {210} сфер торгового и производственного приложения византийского капитала, в условиях, когда в Византии не создавалось внутренних предпосылок для зарождения раннекапиталистических отношений, все большая часть средств направлялась в сферу ростовщичества.

Все это не могло не сказываться на направлении развития общественных отношений в империи. Византийское общество конца XIII в. особенно волновала проблема унии. В первой половине XIV в. стремительно возросло внимание к вопросам внутренней жизни страны. За-

²¹ Laiou-Thomadakis A. E. Op. cit. P. 170.

²² Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 27.

²³ Барабанов Н. Д. Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII—XIV вв. // АДСВ. 1971. Т. 7.

²⁴ Ферjanчић Б. Поседи византијских провинцијских манастира у градовима // ЗРВИ. 1980. Т. 19. С. 209—250.

²⁵ Oikonomidès N. Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe—XVe siècles). Montréal; P., 1979.

²⁶ Ibid.

метно оживилась в Константинополе деятельность культурной элиты²⁷. Трагедия 1204 г., раздумья о превратностях судеб империи, о возможностях ее возрождения стимулировали уже в эпоху Никейской империи работу мысли, обусловили более глубокое изучение и античного прошлого, и знаний античности. Никейская эпоха дала несравненных эрудитов и энциклопедистов, как духовных, так и светских, отличавшихся высокой преданностью знаниям и осознанием их значимости. Именно в эту эпоху упрочилось отношение к философии и античному наследию как сумме практически полезных знаний, понимание их пользы для развития общественных отношений.

В первой половине XIV в. в Константинополе разворачивается деятельность целой плеяды эрудитов, непосредственно причастных к управлению общественной жизнью империи. Задачи возрождения Византии с особой остротой ставили перед византийским обществом проблемы укрепления экономики и упрочения государства, вопросы о роли центральной власти в этом процессе. Былой идеал сильного правителя казался недостаточным. Необходимыми признавались теперь разум, опыт и знания. Идеальной для роли правителя считали просвещенную, всесторонне образованную личность. В политической теории появились элементы рационализма. Рост социальной напряженности обусловил интерес к теме «справедливости» как средству консолидации общества. Уже с 20-х годов XIV в. в общественной мысли Византии развернулась борьба течений, отражавших крах надежд на возрождение былого величия и процветание Византии, нарастали внутренние противоречия и социальная рознь²⁸. Сторонники светских знаний и рационалистического метода, в том числе и в постижении божества, враждовали с приверженцами «спасения» лишь на путях усиления веры и благочестия. Именно в это время рождается «новая теология» Григория Паламы (1296/7—1360) — поворот от господствовавших ранее воззрений в православии в сторону крайнего мистицизма. В 30-х годах разгорелась полемика с исихастами, возглавлявшимися Паламой. Постепенно она приобретала все более широкое общественное значение²⁹. Росла роль монашества, в особенности Афона как центра религиозно-общественной жизни страны.

К 1340 г. окончательно рассеялись иллюзии возрождения могущества Византии. Выдвигалась проблема ее спасения, выживания. Как писал Алексей Макремволит, «управляющее миром Провидение ведет дела то к успеху, то к неудаче». Византия с трудом противостояла натиску соседей. Социальные отношения обострились до крайности. В 1341 г. произошел {211} взрыв³⁰. Со смертью Андроника III вся полнота власти фактически перешла в руки Иоанна Кантакузина, ставшего регентом при малолетнем наследнике Иоанне V Палеологе (1341—1391). Ситуация коренным образом отличалась от обстановки начала гражданской войны «двух Андроников», означавшей, в сущности, династическую борьбу за власть. Тогда Иоанну Кантакузину удалось использовать рост недовольства налоговым гнетом правительства, щедро раздававшего привилегии феодалам. Теперь в роли главного угнетателя и источника бедствий народа предстала феодальная аристократия, чрезвычайно усилившая к этому времени свое могущество на местах, превращавшая города в свои резиденции, центры локального феодального владычества. Процветало ростовщичество, которое сгубило города». «Кто будет,— спрашивал Алексей Макремволит,— ремесленником, земледельцем, купцом, зная, что все приобретенное достанется другим?» (*Al. Makr. Dial. P. 26.10—12*). Пропасть между бедными и богатыми росла. Положение купечества ухудшалось. Его привилегированные и энергичные итальянские конкуренты «превзошли в бесчеловечности и жестокости всякого варвара и нечестивца». Служилая знать видела серьезнейшую угрозу своим доходам от налоговых поступлений в упрочении всевластия земельной аристократии, угрожавшей устоям центральной власти.

Оппозиция Иоанну Кантакузину и стоявшей за ним аристократии провинций спланировалась вокруг императрицы-матери Анны Савойской, наследника и патриарха Иоанна Калеки. Практическим ее главой стал Алексей Апокавк, в юности налоговый чиновник, теперь руководивший финансовыми ведомствами и являвшийся дукой флота. Сторонников Кантакузина в

²⁷ Медведев И. П. Указ. соч.; *Sevcenko I. Society and intellectual life in late Byzantium. L., 1981.*

²⁸ Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е годы XIV в.). Свердловск, 1981.

²⁹ *Meyendorff J. Byzantine Hesychasm. L., 1974.*

³⁰ История Византии. Т. 3. С. 135—161.

столице арестовали, а его самого лишили всех чинов и должностей. По словам Кантакузина, правительство призвало народ к борьбе «против выдающихся славой и родом». Борьба с Кантакузином всколыхнула всю страну. Никифор Григора писал: «Весь род ромеев раскололся на две части в каждом городе и каждой деревне». Кантакузин собрал своих сторонников и провозгласил себя императором. Конфликт внутри господствующего класса достиг предельной остроты. По свидетельству Кантакузина, власть правительства Апокавка была ненавистна всем «благородным» (αἰετῶν ἄριστοι). Первая проба сил произошла в Адрианополе. Местная знать попыталась заставить горожан поддержать Кантакузина, однако в результате массового выступления жителей города его сторонники были разгромлены. Гнев населения обратился и против ростовщиков — «средних» (μέσοι), т. е. той части торгово-ростовщической верхушки городов, которая, вероятно, уже в это время в значительной своей части была тесно связана с местными феодалами. Против феодальной аристократии единодушно выступили и крестьянство, и городское население. «Массы народа,— признавал Кантакузин,— предводительствуемые мятежниками и неимущими, предпочли встать на сторону столицы». Гражданская война группировок господствующего класса вылилась в широкое и массовое социальное движение, охватившее как город, так и деревню, в крупнейший и широчайший социальный конфликт в византийской истории³¹. В знаменитом диалоге «Разговор между богатыми и бедными» Алексей Макремволит отчетливо обрисовал причины недовольства народа, выдвинувшего требование: «Дайте нам наше». Разгромленные в столице сторонники Кантакузина попытались поднять против нее второй город империи — Фессалонику. Первая же попытка фессалоникской знати открыто встать на сторону Кантакузина вызвала в городе в 1342 г. восстание, во главе которого оказались зилоты («ревнители»), сторонники центрального правительства. Знатные кантакузинисты были изгнаны из города, а власть осталась в руках правительственного архонта и зилотов. Большинство городов выступило против Кантакузина. Горожан и правительство поддержало крестьянство. Кантакузин продолжал, однако, постепенно спланировать вокруг себя феодалов Фракии, Македонии, Фессалии. Его сторону принял и Григорий Палама, хотя и признававший, что «ненависть, пришедшая к нам... производит враждебные междоусобия, неизлечимые смуты и мятежи». Междоусобная борьба приобрела ожесточенные формы. Кантакузин заявлял: «Если не я, то и он (т. е. Иоанн V.— *Авт.*) пусть не царствует. Пусть вообще не над кем будет царствовать». Именно в это время стала отчетливо проявляться общественно-политическая роль паламитского исихазма, сторонники которого призывали к смирению и отказу от борьбы. Тогда как паламиты были приверженцами и идейными союзниками Кантакузина, его противники являлись твердыми антипаламитами.

Гражданская война и социальное движение развернулись в крайне неблагоприятной для Византии внешнеполитической обстановке. Окрепшая Сербия начала при Стефане Душане (1330—1355) наступление на византийские владения, на востоке продолжался натиск турок-османов. В междоусобную борьбу оказались втянутыми сербы, болгары, турки-сельджуки. Враждующие стороны не рисковали привлекать для своих целей широкие массы населения. Поэтому они опирались на военные силы соседей. У феодальной аристократии было больше средств, и она могла шире использовать сельджукских и иных наемников. Постепенно феодальная аристократия стала брать верх. В 1343 г. Кантакузин осадил Фессалонику. В 1345 г. в городе был раскрыт и жестоко подавлен заговор в его пользу, в котором участвовали и «средние». Но позиции Кантакузина в провинциях укреплялись, его сторонники утверждали там свое господство. Сторонники правительства склонялись к компромиссу. В 1345 г. во время посещения тюрьмы, где содержались знатные кантакузинисты, Иоанн Апокавк был ими убит. Правительство Анны Савойской шаг за шагом сдавало позиции. В 1347 г. Кантакузин вступил в Константинополь и был официально признан старшим императором (1347—1354) и регентом на 10 лет. Еще три года держалась Фессалоника, где к власти пришли более радикальные элементы («ремесленники и худшие люди»). Но к 1350 г. капитулировали и они. Движение в Фессалонике угасало из-за обострения внутренних противоречий.

Гражданская война закончилась победой феодальной аристократии. Она принесла стране разорение. По словам Кантакузина, «империя ромеев сильно разрушена войной». Надежды на ее возрождение, еще теплившиеся до начала гражданской войны, рухнули оконча-

³¹ Курбатов Г. Л. История Византии: (От античности к феодализму). М., 1984. С. 180—185.

тельно. Византия превратилась во второразрядную балканскую державу, находившуюся, как писал Кантакузин, «в пренебрежении у соседей».

Было бы, вероятно, опрометчиво предполагать, что исход гражданской {213} войны мог бы быть существенно иным и что упадок империи был обусловлен лишь победой Кантакузина и его сторонников. Подлинная трагедия Византии заключалась в том, что к середине XIV в. не сложилось объективных предпосылок для преодоления феодальной раздробленности и развития тенденции к централизации на новой основе. Поэтому вряд ли справедливо оценивать успех кантакузинистов как победу феодальной реакции. В действительности в империи, как в той или иной мере во всех балканских государствах, в эту критическую для их судеб эпоху еще не завершился самый процесс феодальной раздробленности, происходило его дальнейшее закономерное углубление³². Общественно-политические силы, выступавшие против децентрализаторских тенденций, не представляли собой социально новых структур. Это была по своему характеру «старая» служилая знать, цеплявшаяся за остатки прежних привилегий, восходивших к XI—XIII вв. Ее ослабление было закономерным, и не случайно она шаг за шагом сдавала свои позиции в ходе гражданской войны. Может быть, больше оснований говорить об иных факторах — о тех, которые укрепляли позиции аристократии, в частности об уже упомянутом растущем внешнем спросе на сельскохозяйственную продукцию, увеличении доходов феодальной знати, укреплении ее экономических и политических позиций в городах, о затруднениях центральной власти в связи с ухудшением внешнеполитической обстановки. Нет достаточных доказательств того, что в канун гражданской войны складывались предпосылки для ускорения процесса социально-общественной консолидации торгово-купеческой верхушки, самих горожан, большая часть которых в начале войны поддерживала правительство. Новые исследования показывают, что нет оснований рассматривать *πλούσιοι*, *πλουτοῦντες* византийского общества этого времени как специфическую торгово-предпринимательскую верхушку. Равным образом под этим термином скрывались и «богатые», «новая знать», сколотившая свое состояние на государственной службе, т. е. служилая знать в отличие от наследственной родовитой земельной аристократии — *αἰ*; *ῥῖστοι*.

Иначе говоря, понятие *πλούσιοι* не может быть отнесено только к торгово-купеческой предпринимательской верхушке как особому слою общества. Термин свидетельствует скорее о тесной связи этой группы и определенной ее близости со служилой знатью — «новыми богатыми»³³.

Нельзя, по-видимому, переоценивать и степень консолидации и самостоятельности «средних» — «месой», которые в византийском городе представляли собой широкий, но разнородный слой граждан «среднего достатка»: торговцев, богатых ремесленников, чиновников и клириков, представителей интеллигенции. Источники дают основание считать, что в ходе гражданской войны этот слой не укреплялся, а, напротив, слабел, размывался, несмотря на его весьма важную роль в поддержании высокого уровня жизни города и его культуры³⁴. «Месой» почти не упоминаются в источниках конца XIV—XV в. Как показывают события гражданской войны, они не только в начале войны занимали неустойчивую, колеблющуюся позицию, но и в ходе ее все более явно склонялись к компромиссу, {214} к примирению с местными феодалами. С этой точки зрения представляется правильным вывод, что «в поздней Византии городское торгово-ремесленное население так и не консолидировалось в сплоченное и влиятельное сословие горожан...»³⁵. Источники свидетельствуют о растущей связи городского купечества с местной феодальной знатью, усилении его зависимости от нее. Некоторая часть «месой» превратилась в своего рода «своих купцов» магнатов. Гражданская война нанесла серьезный удар по их благополучию, как и по положению масс торгово-ремесленного населения. Для авторов этого времени *ἄνθρωπος* («народ») — это «бедные» (*πένητες*), а византийское общество все более отчетливо делилось на *αἰ*; *ῥῖστοι* (богатых и знатных аристократов) и «остальных». Характерно, что даже близкие к «средним», сочувствующие им авторы не говорят об их правах. Они лишь взывают к аристократии о снисхождении и милостивом отношении. Собственный голос

³² История Византии. Т. 3. С. 106.

³³ Максимовић Љ. «Богаташи» Алексија Макремволита // ЗРВИ. 1980. Т. 20. С. 108—111.

³⁴ История Византии. Т. 3. С. 310.

³⁵ Медведев И. П. Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

торгово-купеческой верхушки Византии в ходе гражданской войны так и не прозвучал. Феодальная аристократия все более решительно вторгалась в сферу торговли и ростовщичества.

В деревне усиливалось господство землевладельцев над бедневшими, разорявшимися крестьянами, которых они нередко отселяли поближе к своим городским центрам и владениям. Пример такого «нового», переживавшего подъем во второй половине XIV в. центра, как столица византийской Мореи Мистра, показывает, что его торгово-ремесленное население совершенно не выступало в источниках в качестве сколько-нибудь самостоятельного слоя в социальной и общественно-политической жизни города³⁶. Среди городских ремесленников не только возрастает число частных и монастырских париков: обедневшие мастера все чаще работают на заказ. В городах увеличивается прослойка «работающих по найму», выступления которых становятся характерными для конца XIV в. Однако это были волнения не наемных рабочих типа флорентийских чомпи, а «наймитов» — профессиональных поденщиков, дневной заработок которых был в три раза меньше нищенской оплаты флорентийских чесальщиков шерсти³⁷.

Нельзя не связывать с глубокими изменениями в положении массы прежде благополучного слоя горожан те сдвиги, которые происходили в их общественно-политической идеологии. Дело не только в распространении пессимизма и безысходности. Социальные условия Византии неуклонно подготавливали победу паламизма и исихазма. Силы противников Паламы слабели. На соборе 1351 г. его учение было объявлено каноническим. Начались гонения на антипаламитов, подавлялись всякие элементы рационализма в ортодоксальном православии. Как уже было сказано, известная часть византийского купечества, после гражданской войны отчаявшаяся в возможностях укрепления своего положения, не только выступала в качестве младших партнеров итальянцев, но и переселялась в их владения, принимала их подданство. Точно также часть антипаламитски настроенного духовенства и светских деятелей склонялась к идеям западного рационализма и примирению с католичеством. Фактически уже после гражданской войны в Византии постепенно начало оформляться три основных направления: паламитское (т. е. ортодоксально-православное, господствующее), латинофильское и (в зародыше) туркофильское.

Внешнеполитическое положение Византии после гражданской войны не вселяло сколько-нибудь радужных надежд. Уже в 1346 г. Стефан Душан провозгласил себя «царем сербов и греков». Вместе с окончанием гражданских войн закончилась и история Византии как суверенного государства. Ее западные владения оказались под властью сербов, восточные стали жертвой турецкой экспансии, а на островах и в самом Константинополе хозяйничали генуэзцы и венецианцы. Наступил последний этап истории империи³⁸.

Попытки Кантакузина несколько ограничить привилегии генуэзцев Галаты закончились позорным разгромом византийского флота и новыми уступками иноземцам. Путь прямого дробления страны на уделы, которые Кантакузин раздал своим сыновьям (Матфею — Фракию, Мануилу — Морею), не привел к упрочению власти центрального правительства. Уже в ходе гражданской войны Кантакузин использовал в качестве союзников силы сельджуков, а в последние годы и османов. Он первым из византийских императоров, нуждаясь в постоянной помощи мусульманских правителей, выдал за одного из них свою дочь. Кантакузин первым стал селить турок-османов в качестве постоянной военной силы в балканских владениях Византии.

Однако ситуация к середине XIV в. существенно изменилась. Ослабленные непрерывной борьбой с латинянами сельджукские эмираты не могли воспрепятствовать постепенному превращению османов в главную военную силу в Малой Азии. Османское государство быстро развивалось и укреплялось. «Восприняв сложившуюся до них рентную основу, османы смогли, используя силу государства, ускоренными темпами сформировать собственный феодальный класс, многочисленный слой военных феодалов на основе тимарной системы, тимаров, полу-

³⁶ Там же.

³⁷ *Сметанин В. А.* Особенности городского ремесла в Византии XIII—XV вв. и восстание наемных работников в Константинополе в 1372—1373 гг. // *Средневековый город.* 1981. Вып. 6. С. 135; *Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И.* Зилоты и чомпи // *ВВ.* 1969. Т. 30.

³⁸ *История Византии.* Т. 3. С. 286.

чавшихся от государства и не утрачивавших с ним связи»³⁹. Османы превращались в грозную и организованную силу, ставившую задачей завоевание новых земель. Византийцы в полной мере осознали реальность нависшей над ними угрозы, когда в 1352—1354 гг. османы овладели первым клочком земли в Европе, на Галлиполийском полуострове, и начали его заселение. В Кантакузине видели виновника новых бедствий. В 1351 г. Иоанн V вступил в Константинополь и Кантакузин был вынужден отречься от престола и постричься в монахи.

Возвращение к власти Палеологов мало что изменило. Казна была пуста, дробление империи на уделы продолжалось. Близилась «агония» Византии. При преемнике Душана Уроше (1355—1377) в эпоху стремительного феодального распада вступила Сербия⁴⁰. «Сербогреческое царство» Душана распалось на множество частей. Сходным было и положение в Болгарии. В 1359 г. османы впервые появились у стен византийской столицы. Мурад I (1362—1389) приступил к завоеванию прежде всего владений Византии, или «Румелии» — «страны румов». В 1362 г. был взят Адрианополь, куда в 1365 г. была перенесена столица завоевателей. Это была заявка на окончательное утверждение власти османов на Балканах. Турки осваивали и заселяли Фракию.

В условиях хозяйственного упадка и растущего бессилия власти, усугублявшегося незатихавшими внутренними распрями, в стране усиливались настроения пессимизма, разочарования, фатализма. Они выражались теперь не только в укреплении эсхатологических представлений о закономерности упадка и смены мировых держав — этими представлениями еще недавно оправдывалась потеря Византией ее «мирового значения». Одновременно стала распространяться идея неизбежной «гибели ойкумены» как достойного наказания за грехи православных. Алексей Макремволит усматривал в поражениях Византии проявление божественной воли, карающей византийцев за несправедную жизнь⁴¹. Идея обреченности Византии начала шествие по стране в условиях растущего обнищания населения, всевластия феодалов и не утихавших феодальных распрей. Исихастская проповедь смирения и веротерпимости постепенно перерождалась в идеологию капитуляции перед турецкими завоевателями и принятия мусульманского владычества. Примирению с такой позицией способствовал тот факт, что реально все более значительная часть греческого населения оказывалась под властью османских завоевателей. Туркофильские настроения играли парализующую роль, сковывали силы сопротивления.

Иоанн V возложил все надежды на помощь Запада. Впервые в истории Византии ее император в 1369 г. сам отправился за рубеж, к дворам западных государей, предлагая унию с церковью. Его миссия, однако, по существу провалилась. Тем временем турки в 1371 г. разбили на реке Марице ополчение правителей македонских земель. Путь в Македонию и Сербию был открыт. Сербия признала себя вассалом османов. То же сделала и Византия. «Властвуют нечестивые, — писал современник, — и нам приходится служить варварам во всем, что они предписывают». В 1382 г. турки овладели Софией, а в 1389 г. на Косовом поле разбили ополчение сербо-боснийских феодалов. Участь Балканского полуострова была предрешена.

Вступив на престол, Мануил II (1391—1425) направил все усилия на то, чтобы сохранить то, что имел⁴². К концу XIV в. турки овладели всей территорией Болгарии. Византийцы принялись укреплять Константинополь, уже испытывший первые попытки османов блокировать столицу империи.

Организованный еще в 1396 г. европейскими католическими державами крупный антитурецкий поход закончился полным их разгромом под Никополем на Дунае. Константинополь был обречен. Реальной помощи не могла оказать ему и православная Русь, которая переживала тяжелый период объединения русских земель⁴³. По сути дела, главными владениями Византии к началу XV в. оставались Константинополь с ближайшими {217} предместьями и Мистра,

Файл byz3_218.jpg

³⁹ Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 18.

⁴⁰ Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975.

⁴¹ Поляковская М. А. Указ. соч. С. 60.

⁴² Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A study in late byzantine statesmanship. New Brunswick (N. J.), 1969.

⁴³ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.

владельцам которой удалось объединить под своей властью весь Пелопоннес и часть близлежащих островов.

Однако Константинополь по-прежнему продолжал оставаться крупнейшим международным экономическим и культурным центром. В XIV в. его культурно-историческое значение в восточнохристианском мире падало значительно медленнее, чем экономическое и военнополитическое⁴⁴. Несмотря на острые политические конфликты, религиозно-культурное влияние на балканские страны и Русь Константинополя и Афона оставалось в этом столетии весьма сильным, в особенности в православном мире, именно в тех странах, где общественное и культурное развитие шло аналогичным с Византией путем⁴⁵. Более того, с успехами османских завоевателей значение Константинополя и Константинопольского патриархата как центра, связующего христианское население захваченных турками земель на Балканах и сохранявших независимость владений Византии, возросло еще более.

Нельзя не отметить, что, несмотря на упадок, Византия этого времени жила напряженной духовной жизнью. Может быть, кризис византийского общества и придал особые черты тому, что принято связывать с Палеологовским возрождением. Это время острой антилатинской полемики, проблем отношений с мусульманским миром, мусульманством,

Файл byz3_219.jpg

Мистра. Митрополия. Экзонартекс {219}

необычайно усилившегося взаимообмена и столкновения идей, первых результатов симбиоза части византийцев с латинянами, время, когда не только аристократия, небольшие группы интеллектуалов, но и народ Византии, тысячи безвестных ремесленников, мастеров, художников, строителей продолжали вносить свой вклад, элементы своего видения и восприятия в сокровищницу ее культуры, художественного творчества. Исследователи справедливо отмечают, что «двойственность византийской культуры, наличие и противоборство аристократической и народной струи не стираются даже в период наивысшего господства догматизированной церковной идеологии»⁴⁶. Эта струя, отражавшая страдания и бедствия, обостренные чаяния и надежды византийцев, создавала широкую основу восприятия их произведений, распространения изделий византийского художественного ремесла, религиозного искусства во многих странах, в том числе и на Руси. Именно высокохудожественные изделия византийского ремесла — плод индивидуального труда ремесленников и монахов, — прежде всего связанные с религиозными потребностями, продолжали в палеологовскую эпоху цениться и пользоваться огромным спросом на Западе и в православном мире, сохраняя прежнюю славу Византии.

Отсрочка гибели пришла неожиданно. Армия османского султана Баязида была разгромлена повелителем монголо-татар Тимуром в 1402 г. в битве под Анкарой, которая на два десятилетия ввергла державу османов в острые внутренние смуты. Мануил прилагал отчаянные усилия для укрепления оборонительных сооружений столицы. Но на помощь никто не спешил. Поглощенные ожесточенной борьбой друг с другом за господство на проливах, ведущих в Черное море, Генуя и Венеция, как и другие страны Запада и папство, не помышляли об оказании сколько-нибудь существенной поддержки Византии в тот момент, когда, казалось, появилась реальная надежда на спасение. Фактически империи не удалось извлечь значительных выгод из предоставленной ей судьбой передышки⁴⁷. Внутренние распри не утихали. Идея регионального «выживания» все более подрывала волю к сохранению политического единства остатков империи. Раздоры между латинофильской, ортодоксально-православной и туркофильской партиями усиливались.

Преодоление внутренних противоречий и окончательная консолидация османского раннефеодального государства открыли новый этап его экспансии. Предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог (1425—1448) не мог противопоставить османам ничего

⁴⁴ *Meyendorff J.* Byzantium and the rise of Russia. Cambridge, 1981.

⁴⁵ История Византии. Т. 3. С. 339.

⁴⁶ Там же. С. 330.

⁴⁷ *Matschke K.-P.* Die Schlaht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981.

существенного⁴⁸. В 1430 г. султан Мурад II (1421—1451) овладел Фессалоникой. Город усиленно заселялся турками. Борьба религиозно-политических партий в Византии еще более обострилась. Иоанн VIII метался по Европе в поисках союзников и помощи. Он добился подписания на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг. унии в обмен на осторожные обещания оказания незначительной военной поддержки. Византийские представители были вынуждены признать католическое вероучение по всем основным пунктам {220} догматических расхождений. Весть об этом вызвала бурю негодования в стране.

Общая обстановка в Европе складывалась все более неблагоприятно для Византии. Несмотря на растущее осознание турецкой угрозы не только для Византии, европейские государства все более глубоко втягивались в собственные конфликты. Папство, а равно и итальянские республики до конца так и не заняли последовательной позиции по отношению к Византии⁴⁹. Запад колебался: от идеи возрождения Латинской империи он приходил к мысли о необходимости поддержки Византии, а от этих соображений — к мечте об интеграции оставшихся владений империи в состав западных государственных образований. Ставивший цель не столько помочь Константинополю, сколько предотвратить дальнейшее продвижение турок в Венгрию, к Австрии и Польше, крестовый поход 1444 г. закончился позорным разгромом крестоносцев под Варной⁵⁰. Путь туркам в Европу был открыт. Овладение византийской столицей становилось важнейшей задачей османов. Константинополь был серьезной помехой на пути к более тесному объединению их балканских и малоазийских владений, город мог служить плацдармом возможных военных действий Запада. Турки перешли в решительное наступление на остатки византийских владений. В 1446 г. они опустошили Морею — последнюю византийскую область, еще не затронутую до тех пор их вторжениями, область, где еще теплились надежды на «выживание» и возрождение если не прежней Ромейской, то «эллинской» империи, область последнего расцвета поздневизантийской культуры и образованности, где мысль последних крупнейших византийских ученых мучительно билась над проектами возможных реформ, способных спасти Византию⁵¹.

Однако утопическим проектам, в частности проектам Плифона, не суждено было сбыться. Хотя Морея на время сохранила независимость и после 1446 г., неумолимые тенденции в ее развитии погружали и этот осколок империи в бездну ожесточенных междоусобных конфликтов. Морея не могла оказать существенной помощи Константинополю. Раскол в недрах ее господствующего класса усиливался. Одни из византийских владельцев все более смирились с вассальной зависимостью от султана, другие продавали свои владения или переходили в подданство итальянских республик. Росла эмиграция на Запад и на Русь, а также в незанятые турками области Балкан. Между тем в захваченных османами районах постепенно утверждались формы сосуществования бывшего византийского православного населения с завоевателями, причем не только феодалов и купечества, но и широких слоев населения. Гнет и безысходность положения крестьян под властью «отечественных» господ еще до нападения турок парализовали силы к сопротивлению. В сходной ситуации оказалось и торговоремесленное население, не видевшее возможности избавиться от разорительного иноземного засилья и всевластия собственных угнетателей, и большая часть рядового духовенства, отвергавшего унию, принятую правящими верхами. {221}

И все-таки жители Константинополя сохранили до конца верность традиционному византийскому патриотизму, что и проявилось в полной мере в последние месяцы и дни жизни византийской столицы, несмотря на то что не переставали действовать и указанные выше негативные факторы: разобщенность знати, ее колебания и разная идейная ориентация, боязнь опереться на массы недовольного ею трудового населения.

Развязка наступила, когда византийский престол занял последний император — Константин XI Палеолог (1449—1453), человек незаурядной личной энергии и храбрости, а власть над османами получил один из самых выдающихся правителей — Мехмед II Фатих («Завоеватель») (1451—1481), сочетавший природный ум и образованность, беспощадную решитель-

⁴⁸ Бурић. И. Сумрак Византије: (Време Јована VIII Палеолога), 1392—1448. Београд, 1984.

⁴⁹ Рансимен С. Указ. соч. С. 9.

⁵⁰ Цветкова Б. Паметна битва на народите. С., 1974.

⁵¹ Медведев И. П. Византийский гуманизм: Удальцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // ВВ. 1980. Т. 41.

ность и талант организатора. В качестве своей главной цели он поставил овладение Константинополем. К этому времени византийская территория ограничивалась фактически пределами предместий столицы. Мехмед вел решительную подготовку к штурму, вооружал армию и флот, стягивал осадную артиллерию. В 1452 г. на европейском берегу Босфора, против малоазийской крепости Анадолу-Хиссар, за несколько месяцев была построена Румели-Хиссар. Оказались окончательно перекрыты пути подвоза в столицу морем продовольствия с севера. 7 апреля 1453 г. началась осада города, и к концу месяца он оказался в плотном кольце окружения. Защитники Константинополя готовились встретить врага на стенах. Генуя прислала две галеры с 700 воинами, две галеры — Венеция. Для обороны города были собраны 5 тыс. пригодных к военной службе константинопольцев, 2 тыс. иноземцев и 25 боевых судов. Турецкая армия насчитывала 150—200 тыс. человек, 400 боевых судов и большое число пушек. Морской опыт генуэзцев и византийцев позволил им долгое время сдерживать попытки полного окружения города. Постепенно, однако, стал сказываться перевес сил турок. Венеция и в особенности Генуя, боявшаяся потери Галаты и своих торговых позиций на Босфоре, вели себя непоследовательно. Их двойственная политика облегчала османам осаду и захват города. Несмотря на мужественное сопротивление защитников и их смелые вылазки, в конечном счете прорыв турецкого флота в Золотой Рог и действия осадной артиллерии решили дело. 29 мая на рассвете начался последний штурм и столица тысячелетней империи пала. Константинополь стал новой столицей Османской державы — Стамбулом. Византийское государство перестало существовать. Началась ликвидация последних владений империи. В 1460 г. турки овладели Мореей, а через год — Трапезундом. До середины XVI в. жалкие остатки независимости сохранило лишь несколько островов.

Падение Византии — одно из важнейших событий европейской истории. Оно обозначало новый этап в истории греческого народа. Ход развития Византии в последний период ее существования обусловил усиление «национальной» консолидации греков. Мощное наследие оставила Византия и в истории тех стран и народов, которые некогда находились под ее властью. Эта эпоха стала частью их собственной истории. Было бы ошибкой полагать, что влияние Византии на соседей слабело вместе с ее упадком. Это влияние оставалось сильным и плодотворным вплоть до падения Константинополя, оно продолжалось даже после крушения империи, так как высокообразованные представители греческой эмиграции благотворно влияли на культуру и общественную жизнь стран, где обрели прибежище. {222} Византия и в XIV—XV вв. внесла крупный вклад в развитие культуры балканских народов. Воздействие византийской культуры ощущалось здесь и после завоевания империи османами. Именно поэтому понятие «Византия после Византии» обрело реальный исторический смысл и содержание.

Не исчезла с падением византийского государства его церковная организация. Опираясь на нее, духовенство включилось в борьбу за сохранение культурно-исторической самобытности христиан, оказавшихся под властью османов. По мере расширения османской экспансии эта борьба приобретала все большее значение. Происходила определенная консолидация восточно-христианского мира на религиозной основе в сопротивлении османам, что содействовало подъему освободительного движения завоеванных турками народов. Падение Константинополя, имевшее огромный резонанс и породившее громадную литературу, прозвучало набатным колоколом для всех народов, которым угрожало турецкое завоевание⁵². Историю Византии стали впервые воспринимать как историю не только некогда могущественной империи, но и форпоста Европы в многовековой борьбе против кочевников-завоевателей. История Византии стала поучительным примером того, как внутренние распри явились причиной гибели некогда процветавшей мировой державы. Этой идее была суждена долгая жизнь и позитивная роль в истории многих народов и бывших соседей Византии, в том числе и Московской Руси, преодолевшей последствия феодальной раздробленности.

Византийское наследие в истории и культуре многих народов осталось живо прежде всего потому, что эти народы воспринимали культурные достижения палеологовской Византии самостоятельно и избирательно, сделав многие из них органичными элементами собственной культуры. Именно поэтому вероятно, столь долго сохранялись и сохраняются уважение к византийскому культурному наследию и высокий авторитет византийской цивилизации в целом. Скорее всего, не роль «библиотекаря рода человеческого», хранителя великих завоеваний

⁵² См.: La caduta di Costantinopoli / Testi a cura di A. Pertusi. Milano, 1976. Vol. 1—2.

античной культуры, а именно живая связь собственно культурного гения византийцев с культурным творчеством народов многих стран Европы и Азии предопределила место Византии в истории. {223}

8

Ренессансные тенденции поздневизантийской культуры

В известном диалоге «Флорентий, или О мудрости» крупнейшего деятеля поздневизантийской культуры, выдающегося историка и эпистолога, автора многочисленных риторических, поэтических и философских сочинений Никифора Григоры есть одно замечательное место. «О! — восклицает один из персонажей диалога, Критовул, обращаясь к своему собеседнику, — сколь великой и тяжелой скорбью ты, любезный Флорентий, наполнил мою душу, изложив сведения, достойные обильных слез, о том, что город (имеется в виду Константинополь, выведенный под именем Афин. — *И. М.*), столь великий и известный во всей вселенной своей наукой и воинской доблестью и столь долгое время владычествовавший на море, ныне переживает несчастья, будучи изолирован на земле и на море и лишившись, так сказать, целиком всякой морской и сухопутной мощи. Однако Расскажи мне, о друг, о занятиях и ученых беседах, посвященных литературе и философии; неужели и в них он немощен, или хоть в этом он силен? И что же, снова шумят театры, процветает возвышенный Перипатос, справляет праздника Стоя? снова регулярно, через каждые четыре года празднуются Панафинеи и обходят площади агораномы?» На это Флорентий отвечает полными глубокого смысла словами: «Еще несколько лет назад, любезный Критовул, все это было увядшим и, так сказать, умершим, а сейчас снова расцветает и оживает, и позволяет надеяться на лучшее, если только какой-нибудь посторонний досадный случай, подобно бурному приливу, вызванному обратным ветром, не отклонит и не приведет в расстройство это движение и не повернет его в противоположную сторону»¹.

Все в этом отрывке значительно — и выведение Константинополя под именем Афин (это относится ко всему диалогу), и подчеркивание контраста между бедственным положением империи в XIV в. и напряженной духовной деятельностью византийской интеллигенции, и убеждение в том, что именно ученым-интеллектуалам суждено изменить обстановку в стране к лучшему, но самое главное с точки зрения нашей темы — представление человека того времени о культурном расцвете в палеологовскую эпоху как о возрождении (ἀναβίωσις) античных культурных традиций после длительного периода их упадка и омертвения (τῶν λόγων νεκρωσις καὶ παραδρόκιμησις). Конечно, вполне закономерен вопрос о том, насколько объективен Григора, нарисовавший столь мрачную картину упадка культуры, не сгустил ли он здесь краски, не допустил ли риторического преувеличения. Но если даже это в какой-то степени и так, сама возможность появления подобного рода оценки кажется символической. Впрочем, это представление было свойственно отнюдь не одному только Никифору Григору. Характеризуя вклад Никеи XIII в. в византийскую культуру, его учитель, тоже выдающийся ученый-гуманист и государственный деятель, Феодор Метохит (1260/1 — 1332) говорит, что Никея «посеяла семена будущего возрождения» (тот же термин — ἀναβίωσις!) — оценка необычайно емкая и точная².

Таким образом, византийцы сами ставят проблему «византийского возрождения» и своим авторитетом усиливают позицию тех современных исследователей, которые считают, что Византийская империя тоже пережила собственный Ренессанс — Палеологовское возрождение, хотя бы в форме «оживления» или «интенсификации» общей культурной активности³,

¹ *Niceforo Gregora. Fiorenzo o intorno alla sapienza / A cura di p. L. M. Leone. Napoli, 1975. P. 58—59.*

² *Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst der frühen Palaiologenzeit // Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. L, 1973. N XX. S. 135.*

³ *Ševčenko I. The Palaeologan Renaissance // Renaissances before the Renaissance: Cultural Revivals of late Antiquity*

но, как кажется, и в более существенных своих проявлениях, которые отличают культуру поздней Византии от предшествующих эпох. В сущности, все или многое из того в поздневизантийской культуре, что определяется как «классицистические тенденции» или «гуманистические тенденции», может быть названо также и «ренессансными тенденциями» именно на том основании, что является порождением эпохи Ренессанса с ее общей идейной атмосферой прогресса человеческой мысли и отрицания схоластики⁴.

Конечно, ренессансной и гуманистической страной по образцу Италии Византия не станет никогда, но и в ее недрах в эпоху позднего средневековья нарождались новые явления, происходили весьма важные качественные изменения. Нелегко определить социальную основу этих явлений, которым тяжелое в целом экономическое и внешнеполитическое положение страны, казалось бы, не давало достаточных стимулов для развития. Очевидно, сказалось действие целого ряда причин и исторических условий, не в последнюю очередь исторической общности судеб Византии и Италии в рамках единого политического, религиозного и экономического итало-греческого комплекса, сложившегося в бассейне Центрального и Восточного Средиземноморья в XIV—XV вв.

Отметим прежде всего необычайно возросшую интенсивность интеллектуально-духовной деятельности византийцев, выразившуюся даже в количественных показателях: из 435 ставших нам известными деятелей византийской культуры на протяжении всей истории империи только на XIV в. приходится 91 человек, а в XV в. их число увеличивается до 200. С конца XIII в. крупнейшим центром византийской культуры снова становится Константинополь, вобравший в себя все лучшие научные силы провинций. В Константинополь возвращаются теперь поэты, прозаики, философы, историки. Из Никеи приезжает ее уроженец, блестяще образованный в области риторики и философии, автор «Истории» и многих других сочинений Георгий Пахимер (1242—ок. 1310), занявший здесь высокие государственные и церковные должности; из Гераклеи Понтийской — уже известный нам Никифор Григора (1293—1361), которого в столице ожидали и громкая слава ученого, и бурная общественная деятельность, и весьма драматические жизненные перипетии⁵; из итальянской Калабрии — «возмутитель спокойствия» Варлаам (ок. 1290—1348), развязавший исихастские споры; с «маленькой и каменистой» Итаки — «мудрейший и ученейший» монах Иосиф по прозвищу Ракендит, т. е. «одетый в рубище» (1280—ок. 1330), который, по его собственным словам, «вступил на самую землю наук, в Константинополь, чтобы жить здесь в общении с духовными и мудрыми мужами»; (Памятники. IX—XIV. С. 343); из Эфеса — поэт, автор многочисленных поэм о животных Мануил Фил (ок. 1275—1345), известный также тем, что посетил с дипломатическими миссиями Русь и страны Востока; из Фессалоники — выдающийся византийский писатель, публицист и эпистолограф, сторонник унии и ярый пропагандист творчества латинских философов и богословов (в частности, Фомы Аквинского) в Византии Димитрий Кидонис (ок. 1324—1397/8), первым посетивший Западную Европу с целью ознакомления с ее культурой; из Трапезунда — знаменитый Виссарион (1403—1472), которому, напротив, предстояло стать выдающимся пропагандистом греко-византийской культуры на Западе, и др.

В Константинополе же развивают активную деятельность его уроженцы Максим Плануд (ок. 1255—1305) — ученый, ритор, собиратель и издатель античных эпиграмм, переводчик латинской литературы и педагог, преподававший в своей школе при монастыре Акаталептос; его ученик, автор работ по классической филологии Мануил Мосхопул, а также такие выдающиеся деятели византийской культуры, как Мануил Вриенний, Никифор Хумн, Мануил Хрисолора, Алексей Макремволит, Иоанн Хортасмен, молодой Георгий Гемист Плифон и др. Группируясь вокруг покровительствовавшего ученым императора Андроника II Палеолога, многие из них сумели войти в сановную иерархию, добились занятия крупных государственных постов.

Особенно блестящую карьеру при дворе сделал наиболее авторитетный из всех византийских гуманистов — Феодор Метохит. С 1290 по 1298 г. он — логофет войска, с 1289 по

and the Middle Ages / Ed. by W. Treadgold. Stanford (California). 1984. P. 144—223.

⁴ Medvedev I. P. Tendances vers une Renaissance dans la culture byzantine tardive // Byzantiaka. 1984. T. 4. P. 115—136; Oikonomides N. 'H 'αναγέννηση και τo Βυζάντιο // Byzantium and Europe: First International Byzantine Conference. Athens, 1987. P. 247—253.

⁵ Хронология жизни Никифора Григоры детально описана в ст.: Beyer H.-V. Eine Chronologie der Lebensgeschichte des Nikephoros Gregoras // JÖB. 1978. Bd. 27. S. 127—155.

1305 г.— логофет частной (императорской) казны (именно в этом качестве он, очевидно, и совершил свои знаменитые посольские поездки в Армению и Сербию), с 1305 по 1321 г. — логофет государственной казны и, наконец, с марта—апреля 1321 до конца мая 1328 г.— великий логофет и «месадзон» (глава правительства). В лице Феодора Метохита воплотился новый тип византийского деятеля, утверждающего идеалы личной порядочности (проявившейся, в частности, и в его поражающей современников верности Андронику II даже после падения императора, несмотря на репрессии), глубокой ответственности за судьбу отечества, от которой он не отделял собственную судьбу, видя свою задачу именно в том, чтобы на высоком посту всеми силами помогать с трудом отбивающемуся от врагов государству. Но в то же время {226} Ме-

Файл byz3_227.jpg

Мистра. Св. София. Вид с востока

тохит — носитель ярко выраженного «гуманистического эгоцентризма», постоянно занятый собственной персоной, без конца пишущий о самом себе и о своих интимных переживаниях, причем «без тени смущения и маскировки»⁶.

Другими культурными центрами поздней Византии были Фессалоника, где творили Димитрий Триклиний, Фома Магистр, Матфей Властарь, Константин Арменопул и т. д., Трапезунд, ставший одним из очагов активного изучения естественных наук, и прежде всего астрономии (здесь, в частности, творили Константин Лукит, поддерживавший тесные связи с кружком Никифора Григоры, а также оригинальный мыслитель и поэт Георгий Амируци), Кипр, на котором действовал антиисихастский кружок Георгия Лапита. Позднее, когда с конца XIV в. стал наблюдаться обратный процесс перемещения культурных центров из столицы в провинцию, Мистра на Пелопоннесе стала оспаривать у Константинополя лавры интеллектуальной столицы империи. Этот средневековый греческий город близ Спарты, административный центр византийской Морей, стал одним из крупнейших очагов поздневизантийской духовной и художественной культуры. Ныне «мертвый город», музей под открытым небом, Мистра послужила прообразом фаустовского замка в сцене с Еленой третьего акта второй части «классико-романтической фантазмагии» Гёте. Город возник как крепость, построенная в 1248/49 г. ахейским князем Вильгельмом II Виллардуэном и завоеванная Византией в 1261 г. С 1348 г. Мистра становится резиденцией младших членов царствующих императорских династий — Кантакузинов и Палеологов, местом жительства плеяды знаменитых византийских ученых, философов, историков и писателей — Иоанна Кантакузина, Георгия Сфрандзи, Георгия Гемиста Плифона, Виссариона Никейского, Лаоника Халкокондила и др. Здесь сохранились замечательные памятники зодчества и фресковой живописи (церкви св. Димитрия, свв. Феодоров — обе XIII в., Перивлепта — XIV в., Пантанасса — XV в. и др.) — яркие образцы так называемого Палеологовского возрождения⁷.

Даже живя в разных местах, византийские ученые, литераторы и философы были тесно связаны друг с другом. Объединенные общностью научных и идеологических устремлений, они образовывали полужамкнутое, сравнительно немногочисленное, оторванное от народа сообщество ученых, своеобразную «ученую республику», жившую по своим особым законам, которые весьма напоминают формы интеллектуального общения, характерные для итальянской гуманистической среды эпохи Ренессанса. Так, наиболее характерной формой несловной, некорпоративной организации светской византийской интеллигенции стали так называемые «театры» — небольшие вольные литературно-философские и ученые объединения, кружки, которые получили широкое распространение в Византии в ту эпоху. Под театром в то время понимали аудиторию как таковую, т. е. само помещение, в котором происходило то или иное литературное или философское действие, и участников собрания. Его предметом могло быть обсуждение какого-то нового сочинения, выступления того или иного автора с речью, панегириком или другим риторическим сочинением, просто беседа на философские и литературные темы, наконец, публичный диспут, перераставший зачастую в шумную дискуссию. Прекрасно передана атмосфера такого «театра» в уже упоминавшемся диалоге Никифора Григоры «Флорентий...», выдержанном в сатирическом тоне. В основе диалога лежит, возможно,

⁶ Ševčenko I. Op. cit. P. 149.

⁷ Медведев И. П. Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; Runciman S. Mistra: Byzantine Capital of the Peloponnese. L., 1980.

реальный факт — публичный диспут между Варлаамом Калабрийским и Никифором Григорой. Автором хорошо переданы чуткая реакция аудитории на перипетии спора, почтительное внимание, с которым ею встречались предложенные Никифором Григорой Варлааму вопросы по астрономии, грамматике и риторике, аристотелевским силлогизмам, единодушный хохот, сопровождавший неуклюжие ответы Варлаама, и, наконец, финал диспута, когда председательствующий (им был Иоанн Кантакузин, выведенный под именем Димарата) увенчивает победителя.

В сочинениях и письмах Феодора Метохита, Григория Акиндина, Михаила Гавры, Никифора Григоры, Димитрия Кидониса, Никифора Хумна, Иоанна Хортасмена, Мануила II Палеолога и др. можно найти массу интересных сведений об этих «театрах», свидетельствовавших о складывающемся новом стиле жизни византийских интеллектуалов — носителей ренессансных тенденций в поздневизантийской культуре. Само название — «театр» — объяснялось тем, что литературное действие понималось и протекало как театральное зрелище; нередко оно проводилось, судя по одному из писем Димитрия Кидониса, с участием певцов и музыкантов, которые сопровождали произнесение речей пением и музыкой (*Cydon. Congres. II. P. 170. Ep. 262.82—83*). Любопытно также отметить, что византийские авторы с большим юмором и иронией описывают свои литературно-философские сборища, уподобляя их оргиям куретов и корибантов, т. е. представителей древних экстатических культов Востока⁸. Все это характеризует византийские «театры» как несомненный аналог сходкам (*convegni, symposia*) итальянских гуманистов, а может быть, и прообраз тех «академий» с потешными и бурлескными самоназваниями («мокрые», «гневные», «темные», «бессмысленные», «бесстрастные», «юмористы», «праздные», «проснувшиеся» и др.), которые позднее не без участия греков распространились по всей Италии.

В письмах византийских ученых, в их философских и литературных трактатах ясно выражен гуманистический идеал человека-гражданина, основанный на интеллектуальной культуре, т. е. просвещенной, всесторонне образованной личности, наделенной именно той цивилизующей силой, которая необходима, чтобы преобразовать человека «естественного» (*ἄνθρωπος φυσικός*) в человека культурного (*ἄνθρωπος πεπαιδευμένος*) и повести его к добродетели и блаженству⁹. Подобно итальянцу Альберти, считавшему, что «сущность *humanitas* состоит в том, чтобы сделать людей более образованными», византиец Метохит заявляет: «Дальнейшее совершенствование интеллекта есть самое главное для тех людей, которые ищут наслаждение в области образования и науки»¹⁰. Претерпела изменение сама традиционная византийская концепция истинной человеческой жизни как жизни созерцательной. Обосновывая необходимость вести также жизнь деятельную (*βίος πρακτικός* как параллель доктрине *vita activa et politica* итальянских гуманистов), некоторые византийские авторы вкладывают новое содержание в понятие *βίος θεωρητικός*. Так, у Феодора Метохита это уже отнюдь не *vita contemplativa* с ее мистическим созерцанием монашеского толка, но *vita intellectualis*, идеал жизни философа, погруженного в научно-теоретическое и философское познание действительности, а уединение метоховитовского монаха, наполненное размышлениями и научными занятиями, это не что иное, как *otium intellectuale, ozio alle lettere*, заполненный высокими занятиями отрадный и сладостный досуг, спокойствие кабинета и библиотеки, высший идеал жизни философа, излюбленный многими итальянскими гуманистами¹¹. Выделить умственный труд, занятие наукой в специфическую сферу деятельности — вот задача, которую ставят перед собой византийские авторы. В своем трактате «Этикос, или О воспитании» Феодор Метохит восхваляет красоту жизни {229} в науке, определяет умственный труд как высшую форму наслаждения — *ἡ δὲ δὸνῆ*, составляет даже кодекс жизни ученого, согласно которому (совсем как у итальянского гуманиста Верджерио) ученый во имя науки (но не во имя бога!) должен отказаться от мирских забот и от семейной жизни, ибо мещанская семейная жизнь с женой и детьми отвлекает ученого от поставленной цели; у ученого не должно быть зависти к своим

⁸ *Fatouros G. Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290 — nach 1350). Wien, 1973. Teil. 2. S. 560, 26—27.*

⁹ *Leone P. L. M. Π Φιλομαθῆς ἡ; ` περὶ; ` ν; βριστω; ὅν di Nicephoro Gregoras // RSBN. 1971—1972. N. 5, 8, 9 (XVIII—XIX). P. 189. 62—69.*

¹⁰ *Hunger H. Der Ethikos des Theodoros Metochites // Ἑλληνικά: παράρτημα. 1957. T. 9. S. 149.*

¹¹ *Paparelli C. Ceritas, Humanitas, Divinitas: L'essenza umanistica del Rinascimento. Napoli, 1973.*

собратьям по науке, он должен вести жизнь не только созерцательную, но и деятельную и т. д.¹²

Говоря о складывающемся новом стиле жизни с ясно выраженным ренессансным оттенком, нельзя не отметить такие характерные для умонастроения той культурной среды идеи и вкусы, как забота о литературной славе, честолюбие, любовь к своим творениям, бессмертие, обретенное литературной славой. Например, Метохит, Хумн, Григора, Магистр и другие в письмах и трактатах часто высказывали жгучее желание написать такое сочинение, которое обессмертило бы их навеки. Никифор Хумн в одном из писем подчеркивал: «Нет ничего в мире, что я предпочел бы литературной славе»¹³. Никифор Григора, побуждая философа Иосифа к написанию комментария к Аристотелю, добавляет: «Чтобы известность, как большой корабль, пронесла твою славу через века целой и нетронутой», а в письме к Севасту Калоидасу, подробно сообщая о своих научных трудах по астрономии, через которые надеется добиться славы, он напоследок высказывает заветную мечту написать в будущем такое сочинение, которое бы увековечило память о нем в умах потомков¹⁴. По мнению Феодора Метохита, пайдейя обеспечила бессмертную славу художникам Фидию, Полигноту, Зевксиппу, Лисиппу, а также знаменитым писателям прошлого¹⁵. Именно о славе, которая пересекала бы границы византийского мира, мечтает Мануил II Палеолог (этот, по выражению Димитрия Кидониса, «философ на троне»), когда посылает один из собственных риторических опусов известному итальянскому гуманисту Гварино Веронскому с просьбой перевести его на латинский или итальянский язык (*Man. Palaeol.* N 60. P. 169.16). Многие письма византийских гуманистов проникнуты заботой о сохранении и распространении своих сочинений, этих «детей, дорогих тем, кто их сотворил», — метафора, которой часто пользовались византийские писатели того времени. Сравнив, например, литературные сочинения с детьми, Никифор Хумн добавляет, что, подобно тому как отцу приятно видеть телесную красоту своих детей, писателю приятно видеть свои сочинения каллиграфически переписанными на пергамене, ибо совершенство формы делает их еще более дорогими сердцу¹⁶.

В кругах византийских гуманистов широко практиковался обмен книгами, в письмах то и дело высказывались просьбы о присылке сочинений адресата и сообщалось о посылке своих. Например, у Михаила Гавры среди рукописей, полученных им в порядке книгообмена от друзей, упоминаются рукописи с сочинениями Демосфена, Евсевия, Геродота, {230} Гомера, Платона, Плутарха, Аристиды (особой известностью пользовалась роскошная рукопись с сочинениями Аристиды, писцом которой был Аргиропул, а владельцем — Никифор Ксанфоупл)¹⁷. Книга, которая, по мнению Михаила Гавры, призвана была воспитывать у людей вкус к свободе¹⁸, вообще играла в литературном мире поздней Византии огромную роль. Византийские библиофилы буквально охотились за хорошими рукописями, сами переписывали их, обсуждали технологию изготовления новой рукописи, тратили много усилий на то, чтобы раздобыть хороший пергамен для рукописи. В одном из писем того же Михаила Гавры содержатся ценные сведения о том, как поврежденные места рукописи с сочинениями Плутарха заменялись новым пергаменом и заново переписывались¹⁹. Византийские филологи были незаурядными знатоками палеографии и кодикологии. Считается, например, что творчество константинопольцев Максима Плануда и его ученика Димитрия Триклиния, которые заложили основы критики текста, было первоклассным даже по нашим стандартам²⁰, — мнение, думается, несколько преувеличенное, так как их конъектуры доставляют немало беспокойств нынешним

¹² *Hunger H.* Der Ethikos des Theodoros Metochites. S. 149 ff.

¹³ *Ševčenko I.* Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962. P. 18.

¹⁴ *Greg. Ep.* Vol. 2, N. 22. P. 76, 1. 124—125; N 114. P. 302, 1. 103—107.

¹⁵ *Hunger H.* Der Ethikos des Theodoros Metochites. S. 149—150.

¹⁶ *Verpeaux J.* Nicéphore Choumnos: Honime d'Etat et Humaniste byzantin (ca. 1250/1255—1327). P. 1959. P. 78.

¹⁷ *Fatouros G.* Op. cit. Ep. 269. S. 427.

¹⁸ *Ibid.* Ep. 404. S. 630.

¹⁹ *Ibid.* Ep. 252. S. 409.

²⁰ *Ševčenko I.* Theodoros Metochites, the Chora and intellectual trends of this time // *The Kariye Djami. Historical Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes* / Ed. P. A. Underwood. Princeton, 1975. Vol. 4. P. 19.

филологам-классикам (не всегда их можно обнаружить, а посему они в состоянии ввести в заблуждение современного исследователя, зачастую они не необходимы и тем самым излишни, не исправляют действительно трудные места и т. д.).

Поразительно современно звучат, правда, принципы внутренней критики текстов и их цитирования, сформулированные Никифором Григорой в ходе его полемики с Григорием Паламой. По его мнению, при цитировании каких-либо сочинений всегда нужно помнить хорошее филологическое правило: сперва установить правильность текста, а уж потом сравнивать толкования отрывков; текст должен представляться целиком, а не обрываться при цитировании в тех местах, которые могли бы изменить смысл высказывания; всегда следует иметь в виду контекст, в котором содержатся те или иные положения цитируемого автора, и т. д.²¹ Общий высокий уровень развития византийской филологической науки был продемонстрирован позднее на Флорентийском соборе в ходе проведения экспертизы подлинности некоторых патристических текстов. В качестве экспертов при рассмотрении рукописей, содержащих эти тексты, были привлечены именно ученые-филологи²².

Верно, что «византийские ученые не делали попыток стать художниками или скульпторами»²³. Но, собственно говоря, почему они должны были становиться ими? Гораздо важнее для нас констатировать, что византийские живописцы и архитекторы, которые действительно всегда считались простыми ремесленниками, представителями ручного труда и не могли

Файл byz3_232.jpg

Мистра. Церковь Одигитрии. Вид с севера

претендовать на равное положение с *homines litterati*, в последние века существования империи постепенно начинают осознавать себя частью интеллигенции, причем «ренессансной» интеллигенции. Именно в палеологовский период все чаще становятся известными имена отдельных художников: в Веррии работал «лучший живописец всей Фессалии» Калиергис²⁴, в Цаленджихе — Кир Мануил Евгеник, в Убиси — Дамиан, в Руденице — Феодор, в Дечанах — Сергей, в Нагоричино — Михаил и Евтихий, в Раванице — Константин, на Афоне — Мануил Панселин и Феофан Критский, в Москве и Новгороде — знаменитый Феофан Грек²⁵. Не за горами было время, когда «последний выразитель византийской художественной формы» Доменикос Теотокопулос прославится в Испании под именем Эль Греко. Все это говорит о возросшем уровне самосознания представителей византийской художественной интеллигенции, которые не желали, больше пребывать в неизвестности и которым также не чужда была «жажда славы». {232}

Вместе с тем и сообщество византийских гуманистов — «интеллектуалов», носителей ренессансных тенденций — начинает по-иному относиться к художественной интеллигенции, явно допуская ее в свое лоно. В источниках можно встретить немало сведений о контактах византийских ученых и писателей с живописцами. Из писем Михаила Гавры можно составить некоторое представление о заказах византийских интеллектуалов живописцам на изготовление той или иной иконы (особенно интересны письма 263 и 264, адресованные иконописцу монаху Георгию, в которых обсуждаются достоинства изготовленной Георгием для автора писем иконы Богородицы с младенцем)²⁶. О том, сколько небезразлично относились византийские гуманисты к церковной живописи, свидетельствует позиция Никифора Григоры, обвинявшего Григория Паламу в «иконоборчестве»²⁷, а во время заточения в монастыре Хора отказавшегося принять участие в богослужении по случаю освящения росписи, представляющей один эпизод

²¹ *Paparozzi M.* Appunti per lo studio degli inediti «Antirrheticis posteriores» di Niceforo Gregoras // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche.* 1974. Vol. 28, N7—12. P. 947.

²² *Медведев И. П.* Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе // *ВИД.* 1976. Т. 8. С. 274—285.

²⁴ Πελεκανίδης Στ. Καλλιέργης ο; ; ᾽λης Θεταλίας α; ; ᾽ριστος ζωγράφος. ᾽Αθη, ~να, 1973.

²⁵ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 157.

²⁶ *Fatouros G.* *Op. cit.* S. 420—422.

²⁷ *Nikephoros Gregoras.* *Antirrhethika I / Einleitung, Textausgabe, Übersetzung und Anmerkungen von H.-V. Beyer.* Wten, 1976, s. Wortregister; *Letters of Gregory Akindynos / Ed. A. Constantinides-Hero.* Wash. 1983. N 52. P. 222, l. 60.

из жизни Богородицы — введение во Храм, — на том основании, что как сам сюжет, так и его трактовка скорее отвечают вкусам его «тюремщиков», т. е. исихастов, которые засадили его в узилище²⁸. Наконец, всем известный пример — росписи монастыря Хоры создавались по заказу и на средства Феодора Метохита, а ведь именно они, эти мозаики и фрески, открывают новый этап в развитии византийской живописи, отмеченный ясно выраженными гуманистическими чертами.

При Палеологах писатели начинают уделять значительное внимание описанию памятников искусства: Мануил Фил посвятил ряд поэтических эпиграмм произведениям живописи, архитектуры, прикладного искусства, причем не только своего времени (первая половина XIV в.), но и прошедших веков; маленьким шедевром стало изящное, составленное в несколько шутовском тоне описание императором Мануилом II Палеологом изображения весны на «королевском тканом занавесе», украшавшем его апартаменты в Лувре во время пребывания там в 1402 г. Не откажем себе в удовольствии процитировать этот *opus rhetoricum*: «Весна! На это указывают цветы и нежно разлитый по ним прозрачный воздух. Листья приятно шелестят, и кажется, что трава как бы волнуется под влиянием дуновения ветра, который колышет ее дружественным прикосновением. Приятно смотреть! Реки уже вступают в берега; сильное течение их сдерживается, и то, что прежде исчезало в наводнении, появляется над водою и позволяет рукам ловить ее сокровища. Мальчик схватил одно из них; держа его в левой руке, слегка нагнувшись и усевшись так, чтобы не погрузить ноздрей в реку, спустив бесшумно свою правую обнаженную руку в воду, он исследует водяной поток, ощупывая пальцами норки, чтобы не спряталось что-нибудь туда в испуге перед шумом от ног мальчика, мутящих воду. Куропатки радуются, получая обратно свою силу, утерянную от преобладания вредных свойств природы; солнечные лучи им эту силу восстанавливают и чрезмерным жаром не вредят. {233} Поэтому они весело живут на полях и, приводя к пище своих птенцов, первые к ней прикасаются, указывая им этим на еду. Певчие птицы, сидя на деревьях, мало прикасаются к плодам; большая часть их времени уходит на пение. Я думаю, что их пение хочет объявить, что становится лучше, когда засияла царица времен года, что вместо туч — ясное небо, вместо бури — тишина и, наконец, вместо горя — радости. Все оживляется, даже самые ничтожные творения: комары, пчелы, стрекозы, другие им подобные разнообразные твари. Одни из них, вылетевшие из ульев, другие, только что получившие жизнь благодаря температуре времени года, или, если ты хочешь, благодаря проникновению тепла в соответствующую ему влажность, — те и другие шумят вокруг человека, летают перед путником, и более музыкальные из них поют вместе с поющим где-то человеком. Некоторые из них состязаются друг с другом, другие сражаются, третьи садятся на цветы. Все приятно для взора. Дети, играющие у сада, начинают без всякого злого умысла и красиво гоняться за ними. Вот один ребенок, сняв шапку, пользуется ею как орудием охоты и, не будучи в состоянии в большинстве случаев что-либо поймать, возбуждает смех среди своих сверстников. Другой же ребенок, держа перед собою руки, бросается всем своим телом на маленькую тварь, желая таким образом ее поймать. Разве это не забавно и не смешно? Видишь ли ты этого ребенка, превосходящего своим телом насекомое? Поймав наконец с трудом одно из так называемых некоторыми препончатокрылых насекомых, ребенок от радости уподобляется участнику в празднествах Вакха, и, приподняв края своего платья, чтобы завернуть туда пойманное насекомое, он отправляется за поисками другого и не замечает, что у него обнажены те части тела, которые надлежит скрывать. Однако более забавен тот ребенок, который младше по возрасту: этот, связав очень тонкой ниткой двух насекомых, позволяет им как будто лететь, а сам, придерживая на некотором расстоянии концами пальцев нитку, мешает обычному их полету, смеется, радуется и прыгает, считая эту шутку за нечто важное. Вообще искусство ткани услаждает взор и доставляет зрителям удовольствие. Причиной этого является весна, которая уничтожает печаль и, если ты хочешь, доставляет веселье»²⁹.

Поиски веселья, смеха как антитеза средневековому пиетету к серьезному становятся вообще характерными для умонастроения византийских гуманистических кругов, выразив-

²⁸ *Meyendorff J. Spiritual Trends in Byzantium in the late Thirteenth and early Fourteenth Centuries // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 65.*

²⁹ Цит. по: *Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403 гг.). СПб., 1912. С. 58—60.*

шись, в частности, в возврате к комедии, в появлении забавных историй, аналогичных итальянским фацециям, фарсов, пародирующих порядки при дворе или в суде, всевозможного рода памфлетов, наподобие итальянских «инвектив» XV в. высмеивающих того или иного конкретного и обозначенного по имени представителя этих же кругов, но антагониста по отношению к автору, причем без обращения к помощи уподоблений и символов, как это делалось в эпоху средневековья³⁰. Прекрасным примером такой византийской «инвективы» является недавно обнаруженный и изданный памфлет, приписываемый знаменитому Иоанну Аргиропулу, едко бичующий не очень-то благовидные поступки, {234} «труды и дни» одного судьи из Фессалоники по имени Димитрий Катавлаттас³¹.

В письмах византийских ученых и писателей, в их философских и литературных трактатах ясно выражен интеллектуально-эстетический идеал того времени — *καλοκαΐ; γαθία, αΐ; στειότης*, т. е. благородство и утонченность, идеал, заимствованный из античности, но выражавший новое эстетическое восприятие жизни, идеал, в котором сплелись воедино нравственные качества человека и его энциклопедизм и в котором ясно различима ренессансная идея гармонии рационального и прекрасного. Об этом, как мы видели, говорит чувствительность византийских гуманистов к красоте памятников и произведений искусства, об этом же свидетельствует их пристрастие к удовлетворению эстетического чувства созерцанием прекрасного ландшафта, что само по себе является не чем иным, как гуманистическим открытием природы, источника вдохновения. Подобно Франческо Петрарке, описавшему свои чувства, вызванные красотами природы, которые он наблюдал при восхождении на одну из горных вершин в окрестностях Авиньона³², Феодор Метохит также поведал нам о наслаждении, которое испытал при созерцании моря, неба, звездного хора, небесных и других видений (*Theod. Metoch. Misc. P. 264—271*). Причем тогда как великий итальянский гуманист под влиянием «Исповеди» Августина и своей полемики с аверроистами вознегодовал на себя за нечестивые переживания его византийский современник более последователен в своих эстетических воззрениях. По мнению Метохита, созерцать красоту природы и природных явлений и испытывать при этом наслаждение — врожденная способность человека, отличительное свойство, выделяющее его из круга всех других живых существ, да и то это дано только тем из людей, у кого облагорожены чувства и кто в состоянии передать эти ощущения в поэтических образах. Все эти представления знаменуют собой разрыв с традиционной византийской эстетикой прекрасного ландшафта как *locus amoenus*, исполненного мистической символики вроде «святого древа истинной веры»³³.

Новой для византийской культуры чертой был проснувшийся интерес византийцев к восприятию культурных ценностей соседних народов, который наглядно свидетельствовал о том, что тип византийца-ксенофоба, избегавшего контактов с иноземными культурными кругами, в XIV—XV вв. претерпел существенные изменения. Это характерно и для византийского «естествознания» (например, астрономических штудий, где успех достигался посредством обращения к иноземной, в данном случае персидской, науке), и для гуманитарных знаний. Так, появляется весьма заметная ориентация на западную литературу, чего почти не наблюдалось раньше, расширяется круг переводной литературы с латинского и итальянского языков. Особые заслуги в этой рецепции латинской литературы принадлежат Максиму Плануду, который перевел с латинского на греческий «Сон Сципиона» Цицерона, «Метаморфозы» и «Героиды» Овидия, «Гал-льскую войну» Цезаря, «Утешение философией» Боэция, трактат «О Троице» Августина, вероятно, также «Сатиры» Ювенала, апокрифическое сочинение VII в. «*De duodecim abusivis saeculi*», приписывавшееся то св. Августину, то св. Киприану, и другие сочинения латинских авторов³⁴. Большую популярность приобрели переводы трудов Фомы Аквин-

³⁰ *Oikonomidis N. Op. cit. S. 252.*

³¹ *Canivet P., Oikonomidès N. (Jean Argyropoulos). La comédie de Katablattas: Invective byzantine du XVe s. // Diptycha. 1982—1983. T. 3. P. 5—97.*

³² *Ревакина Н. В. Проблемы человека в творчестве Франческо Петрарки // Бахрушинские чтения. Новосибирск. 1974. С. 179.*

³³ *Beyer H.-V. Der «Heilige Berg» in der byzantinischen Literatur // JÖB. 1981. Bd. 30. S. 171—205.*

³⁴ *Beck H.-G. Besonderheiten der Literatur in der Palaiologenzeit // Art et société à Byzance sous les Paléologues. P. 44.*

ского, способствовавшие формированию в византийской философии филономистского и анти-томистского течений³⁵.

Один из наиболее талантливых писателей эпохи Палеологов — Димитрий Кидонис рассказывает в своей «Апологии», что его учитель по части латинского языка (им был доминиканец одного из монастырей Перы) передал ему однажды в качестве книги для упражнений «сочинение автора, который затмил всех прочих своей теологической ученостью. Ныне все знают Фому Аквинского из-за множества его сочинений, возвышенности его идей, строгости его силлогизмов, строгости, которую он привносит во все вопросы, которые трактует. Сочинение, попавшее мне в руки, было, однако, самым совершенным из всех, написанных этим великим человеком, оно должно было способствовать совершенствованию моего знания латинского языка. Но меня увлекло скорее содержание, чем форма. Прочитав несколько страниц, я был так воодушевлен, что решил перевести из них несколько отрывков на греческий язык, имея в виду моих друзей, не верящих, что у латинян могло быть что-то действительно стоящее из литературной продукции. Действительно, имя латинянина в это время вызывало у наших только представление о парусах, веслах, купцах, ремесленниках и трактирщиках. Считаю себя монополями в области мудрости, гордящиеся Платоном и его учеником, наши соотечественники подводили латинян под категорию варваров, оставляя за ними искусство войны и всякие подлые ремесла. Это глубокое невежество было результатом долгого разделения двух народов. Я представил императору (Иоанну VI Кантакузину. — *И. М.*) первые отрывки моего перевода, и он был им так очарован, что обязал меня продолжать начатый труд, заявив, что греки извлекут из него большую пользу»³⁶.

Как явствует из «Апологии», Кидонис продолжал работу и вскоре смог предложить Кантакузину перевод всей первой книги «Summa contra gentiles» (ибо именно о ней шла речь); император нашел его столь удачным, что тотчас захотел переписать его собственноручно, как, впрочем, и многие из высокопоставленных лиц при императорском дворе; успех превзошел все ожидания. В конце концов Димитрием Кидонисом были переведены оба главных сочинения «ангельского доктора» — «Summa contra gentiles» и «Summa theologica»³⁷, и этот его труд стал важнейшим этапом на пути {236} проникновения религиозных идей Запада, а именно аристо-

Файл byz3_237.jpg

Мистра. Общий вид дворца Ласкариса

телизирующего христианства в лице томизма, в Византию. Чтобы адекватно изложить идеи не только св. Фомы, но и его греческих источников (прежде всего идеи Стагирита, но также отцов церкви), Кидонис апеллирует не только к латинскому тексту сочинений Аквината, но и к греческим оригиналам, обзаведясь с этой целью соответствующими греческими рукописными текстами и выступив в этой работе не как простой переводчик, но как подлинный интерпретатор³⁸. {237}

В Византии все сильнее стали звучать голоса о необходимости преодолеть традиционную антипатию по отношению к латинянам, ибо, как говорил все тот же Димитрий Кидонис, «новый Рим должен признавать и чтить наследие римлян». Утверждая, что помощь латинского Запада в борьбе против турок предпочтительнее для византийцев, чем создание коалиции православных балканских государств, Кидонис развивает, тему общности культурных и исторических традиций между старым и новым Римом³⁹ — тему, которую с особой силой подхватывает

³⁵ Papadopoulos S. Thomas in Byzanz: Thomas-Rezeption und Thomas-Kritik in Byzanz zwischen 1345 und 1435 // Theologie und Philosophie. 1974. Bd. 49. S. 274—304.

³⁶ Jugie M. Démétrius Cydonès et la théologie à Byzance aux XIVe et XVe siècles // EO. 1928. T. 152. P. 390—391.

³⁷ Из всего этого огромного труда пока что опубликованы лишь начальные разделы из *Secunda Secundae Summae Theologicae: Démétrius Cydonès*. Thomas d'Aquin: Somme Théologique, traduite en grec. T. 15 / Ed. par G. Léontsinis et Ant. Glycophydou-Léontsini. Athènes, 1976; T. 16 / Ed. Ph. A. Démétracopulos. Athènes, 1979; T. 17 / Ed. par S. E. Sideri et P. Photopoulou. Athènes, 1982.

³⁸ Moutsopoulos E. L'hellénisation du Thomisme au XIVe siècle // Démétrius Cydonès. Thomas d'Aquin. T. 15. P. 7—12.

³⁹ PG. T. 144. Col. 969 B; 977 D; 980 A. cf.: Loenertz R.-J. Lettre de Démétrius Cydonès à Andronic Oenéote, grand juge des Romains (1369—1371) // REB. 1971. T. 29. P. 303—308.

далее в своих письмах из Рима Мануил Хрисолора⁴⁰. Византийские ученые, подобно Иосифу Вриеннию (ок. 1350—1432), жаловавшемуся, что он, как и другие его соотечественники, не имел возможности изучать диалектику в университетах Италии, Франции, Англии, все больше начинают осознавать тот огромный вред, который принесла византийской культуре традиционная политика пренебрежения культурой латинского Запада.

Конкретные перемены в византийской культуре XIV—XV вв. станут нагляднее для читателя, когда он ознакомится с главами данной книги по философии, литературе, науке, искусству, праву в изучаемый период. Предваряя это, отметим лишь, что основные перемены усматриваются, на наш взгляд, в разрушении вековых традиционных схем ортодоксального конфессионализма, в возникновении автономного светского направления в культуре, в процессе поляризации течений. Тем новым, что отличало интеллектуальную жизнь поздней Византии, было особое отношение византийских гуманистов к усвоению античного наследия. Увлечение античностью в изучаемое время — это занятие ею на совершенно ином уровне, на новом «витке спирали», в новых исторических условиях. По существу, мы имеем дело с процессом ассимиляции античных идей, с их более или менее оригинальным претворением в специфических условиях византийской действительности, с их переосмыслением, с осознанным или интуитивным использованием их для разрушения старой, изживающей себя системы культурно-идеологических ценностей. Глубокий и символический смысл усматривается в том, что писец греческой рукописи конца XIII в., ныне хранящейся в Вене (Vindob. Suppl. gr. 64), смыл написанный на пергамене литургический текст (стихирарион), чтобы освободить место для издания сочинений Пиндара⁴¹.

В Византии XIV—XV вв. исподволь накапливавшееся количество стало переходить в новое качество, нарушилось органическое прежде единство трех основных компонентов, составлявшее суть знаменитой византийской «таксис», суть византизма, а именно: эллинизма как духовной преемственности с культурой античной Греции, «ромаизма» как системы государственно-правовых и политических доктрин, унаследованных от Римской империи, и христианства как сложного комплекса верований, идущих с Востока. В ущерб двум последним компонентам эллинизм в идеологии определенной части византийского общества стал явно выдвигаться на первое место, окрашивая мировоззрение представителей этой части общества в явно выраженные ренессансные тона. Мы можем наблюдать последовательную эллинизацию представлений византийских гуманистов по всем наиболее существенным мировоззренческим вопросам: эллинизацию культа, в своих наиболее крайних формах предусматривавшую замену культа христианского тринитарного бога культом Зевса-пантократора; эллинизацию политических доктрин, когда наиболее горячие головы советовали византийскому императору даже отказаться от титула βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων и принять титул βασιλεὺς τῆς Ἑλλάδος, царя Греции; реабилитацию этнического, изначального значения самого понятия «эллин», когда византиец начинает осознавать себя именно «греком», а не «ромеем», и т. д. В этом смысле «византийский ренессанс» действительно был «греческим, эллинским ренессансом»⁴².

В отличие от предшествующих веков, когда и в Византии античность выступала в средневековом облачении, а античные герои думали и говорили, как их средневековые переводчики и комментаторы, когда византийские эрудиты исходили в своих представлениях об античности, в сущности, из ее «двухмерной концепции» (при этом оказывалось, что, например, Платон шел не только вслед за Аристотелем, но и за Ямвлихом, а соседом Демосфена был Синезий Киренский; что образцами для подражания были писатели второй софистики, причем не только язычники, Лукиан и Элий Аристид или Филострат и Либаний, но и три каппадокийских отца церкви — Григорий Назианзин, Григорий Нисский и Василий Кесарийский), византийские гуманисты эпохи Палеологовского ренессанса вырабатывают уже более реалистическую концепцию античности — античности «в трех измерениях»⁴³. Так, Феодор Метохит, отойдя,

⁴⁰ PG. T. 156. Col. 21—60. О рукописной традиции писем см.: Bizzarro F. C. Contributo alla tradizione manoscritta di Manuele Crisolora // Rendiconti della Accademia di Archeologia. Lettere e belle Arti. Nuova Ser. 1978. Vol. 52. P. 265—275.

⁴¹ Irigoien J. Histoire du texte de Pindare. P., 1952. P. 216—219.

⁴² Runciman St. The Last Byzantine Renaissance. P. 22.

⁴³ Ševčenko I. The Palaeologan Renaissance. P. 163—164.

как он сам рассказывает, от государственных дел и на досуге занявшись (по просьбе друзей) сравнительным изучением риторических сочинений Демосфена и Элия Аристидея, отказывается отдать пальму первенства одному из этих двух риториков, которые, по его мнению, равны между собой по своему «этосу», по природному таланту, по силе выразительности слова, и развивает проникнутое глубоким историзмом суждение о том, что особенности ораторского искусства каждого из них обуславливались той эпохой, в которую они жили, тем общественным, идеологическим и политическим климатом, в котором они творили. В то время, говорит он, как Демосфен жил в эпоху расцвета афинской демократии («свободы демоса»), находился в гуще жизни своего полиса и решительно ставил свое красноречие на службу родине и согражданам, «не желая ни изощряться в сладкоговорении, ни выказывать его», Аристидея же в условиях «абсолютной монархии цезарей Римской империи, властительницы мира». По своему характеру и природной склонности жить для себя самого или же вследствие обстоятельств он отказался от всяких попыток общественной деятельности, полностью отдавшись «харитам чистой риторики» и «театрам для демонстрации красноречия», щедро используя всю свою природную плодовитость и силу искусства, в сущности, «для ничего» (πρὸς οὐδέν), не подозревая, что даже его слушатели боялись, что он покажется им пустым софистом, болтающим лишнее и не подходящее моменту⁴⁴. {239}

О новом взгляде на античность свидетельствует и пробуждение у византийских писателей некоего «археологического чувства». В замечательном письме Феодор II Ласкарис поведал о волнении, которое он испытал, созерцая руины Пергама; Никифор Хумн прославил древности Фессалоники; при осмотре развалин древней Спарты гидом у итальянца Чириако Пицциколли из Анконы был (возможно, по поручению Плифона) живший в Мистре Лаоник Халкокондил. Византийские писатели много и охотно писали об Афинах, которые, по их мнению, «снова становились мастерской муз»⁴⁵. И не свое ли собственное восхищение этим городом приписывает в энкомиастическом рвении султану Мехмеду II Завоевателю Критовул, сообщивший о том, что тот, «охваченный страстной любовью к этому городу и его достопримечательностям... захотел увидеть его и рассмотреть места, где жили и творили те мужи... а когда увидел, то восхитился и расхвалил, особенно акрополь, поднявшись на который он из развалин и обломков выбрал и определил наиболее древнее и подлинное» (*Critob.* P. 231.33—233.6). Нечто подобное испытал при созерцании античных памятников Эллады Мануил Хрисолора, который раньше, зная об Элладе (и особенно об Афинах) из книг, считал, что все, что о них говорилось, страдало изрядной долей преувеличения, а теперь, увидев все своими глазами, изменил мнение: хотя почти ничего здесь не осталось целого и хотя не найти здесь почти ничего, совсем не затронутого ущербом (одни памятники разрушились сами собой, от времени, другие — от рук человеческих), увиденное выше всяких гипербола (*PG.* T. 156. Col. 25 BC).

Кстати, уже упоминавшиеся «римские письма» Мануила Хрисолоры, одно из которых (более известное под названием «Сравнение старого и нового Рима») в данном случае и цитируется, — это своеобразный и талантливо написанный искусствоведческо-археологический обзор древностей Рима в сопоставлении с древностями Константинополя. Знакомясь с ними, автор исходил весь город, «влюбленными и жадными глазами» взирая на эти прекрасные дворцы, храмы, портики, акведуки, триумфальные арки, надгробия, мраморные колонны, статуи, стелы, изучая вырезанные на них надписи и изваянные на них, словно живые, сцены всевозможных морских и сухопутных сражений, конных схваток, триумфальных шествий, жертвоприношений, силою своего воображения пытаясь представить жизнь, кипевшую некогда на этих «маршрутах триумфальных шествий». Особый интерес Мануила Хрисолоры вызывает все греческое в Риме, так как «многие памятники были созданы в Элладе, что следует из надписей на них», причем «многочисленных греческих надписей прекрасного и древнего типа». (*Ibid.* Col. 25 D; ср.: Col. 56 C). Именами, прославленными в греческой мифологии и древней истории, «полны улицы [Рима], стены домов, памятники и надгробия древних, и все эти творения отмечены самым лучшим и совершенным искусством, в том числе Фидия, Лисиппа, Праксителя и других им подобных ваятелей. Так что, идя по городу, то и дело наталкиваешься взглядом

⁴⁴ *Teodoro Metochites. Saggio critico su Demostene e Aristide / A cura di M. Gigante. Milano, 1969. P. 54—55.*

⁴⁵ *Johannes Chortasmenos (ca. 1370— ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und Kleine Schriften / Hrsg. von H. Hunger. Wien, 1969. S. 201, N 47. S. 8.*

то на одного, то на другого» (Ibid. Col. 29 AB; ср.: Col. 57 C). Это, впрочем, и неудивительно: ведь «римские граждане, как мы знаем из истории, очень увлекались всем {240} эллинским, а множество наших эллинов даже и жили в Риме» Ibid. Col. 25 D). Римляне и эллины, по мысли Мануила Хрисолоры, — «два самых могучих и разумных народа», общими усилиями которых и была создана византийская цивилизация (Ibid. Col. 40 D).

К сожалению, процессу секуляризации культурных идей серьезно помешали религиозно-философские споры, охватившие византийское общество в середине XIV в., известные под названием исихастских и переключившие внимание деятелей византийской культуры этого времени на чисто богословские сюжеты, хотя и за этими богословско-схоластическими положениями крылся принципиальный спор о таких фундаментальных понятиях, как природа человека, его место в мире и его возможности в познании этого мира, как понимание нравственного идеала и реальной системы духовных ценностей, на основе которых должно жить общество. Исихастам в значительной мере удалось прервать зарождавшиеся в Византии ренессансные тенденции. {241}

9

Особенности философской мысли в Византии XIV—XV вв.

Прежде чем ставить вопрос о новых явлениях в византийской философии, необходимо уяснить, что следует понимать под философией в системе знаний в Византии и существовала ли она там вообще¹. Действительно, о философии в собственном смысле слова вести речь применительно к империи XIV—XV вв. не так-то просто: в бесчисленных комментариях к сочинениям Аристотеля и других античных авторов преследовались скорее не философские, а филологические или же учебные («школьная философия») цели. Даже, казалось бы, специальные философско-космологические трактаты Никифора Хумна о природе мира, о первичных и простых телах оказываются на самом деле псевдофилософскими и напоминают скорее *ludus intellectualis*, упражнение в диалектических контрверзах, чем серьезное исследование о четырех элементах. Хумн не делает попыток не только преодолеть, но даже хотя бы наметить фундаментальные противоречия, содержащиеся в аристотелевских сочинениях «*De generatione*» и «*Метеорологики*», на которых между тем он основывает свои наблюдения. Фактически мысль Хумна и его современников не выходит за рамки «качественной» физики, а ее интерпретация представляет собой истолкование не столько феноменов, сколько текстов².

Зато многие философские вопросы решались в рамках теологии, с которой философия в средние века образует нерасторжимое единство, а некоторые теологические проблемы приобретали философскую окраску. Именно этот факт имел, по-видимому, в виду Феодор II Дука Ласкарис, когда говорил как о новой черте философии о ее своеобразном скрещивании с теологией, о замыкании всякой философской мысли на Христе, на христианском учении³. История взаимоотношений теологии и философии — это постоянное стремление первой к абсолютному господству над второй, к низведению философии до роли своей служанки (ибо аксиома «*philosophia — ancilla theologiae*», впервые сформулированная на христианском Востоке, но получившая признание на Западе, была в ходу и {242} в поздней Византии⁴) и, напротив, отчаянные и чаще всего обреченные на неудачу попытки философии освободиться из-под опе-

¹ Nikolaou Th. Grundlegende Gedanken über die byzantinische Philosophie // Byzantina. 1977. Т. 9. S. 169, 186. Ср.: Benakis L. G. Die theoretische und praktische Autonomie der Philosophie als Fachdisziplin in Byzanz // The Eighth International Congress of Medieval Philosophy. Helsinki, 1987.

² Verpeaux J. Nicéphore Choumnos, homme d'Etat et humaniste byzantin (ca. 1250/1255— 1327). P. 1959. P. 130.

³ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 3. Anm. 3.

⁴ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz: Der Streit um die theologische Methodik in der spätbyzantinischer Geistesgeschichte (14/15. Jh.). München, 1977. S. 1.

ки, отстаивать свое право на автономное существование. С точки зрения нашей темы этот факт имеет фундаментальное значение, так как на пути свободного научно-философского поиска стоял грозный заслон. «Мы живем в такие времена, когда опасно пытаться выдумывать», — говорит Георгий Схolariй (*Gen. Schol.* II. P. 33. 1. 20—21).

Наконец, не способствует выявлению нового в поздневизантийской философии и пресловутый византийский консерватизм, принципиальная ориентация византийцев на традицию, на освященные ею и идущие из глубины веков установки, убеждение в том, что наиболее древняя идеология и есть самая достоверная и что все, что можно было сказать, уже сказано древними. Поэтому при оценке реальных достижений византийской науки и культуры последних веков существования империи нельзя, очевидно, исходить из современного понятия новаторства и оригинальности. Культура того времени остается по преимуществу энциклопедической и риторической, истинным катализатором творческого вдохновения считалась «мимесис», или имитация, сочинений античных авторов, осознанное стремление подражать им, создать нечто, им адекватное⁵. Заимствование понималось как творчество, а новшество отнюдь не рассматривалось как заслуживающее похвалы. «Ведь нынешние мудрецы презирают того, кто говорит что-то новое, уподобляя это кваканию болотной лягушки», — говорит Никифор Григора⁶. Мало того, новое резко осуждалось. Показательна в этом отношении отмеченная Григорой в его «Антилогии» позиция не названного по имени ученика Варлаама Калабрийского, который резко нападал на византийских ученых за то, что они «столь явно занимают язык и ум нездоровой болтовней, что их позволительно сравнить в этом отношении только с сочинителями мифов; ведь из всего для них не было бы ничего более полезного, чем говорить и слушать что-либо более новое, а не преклоняться вечно только перед найденным ранее и устаревшим»⁷.

При подобных теоретических установках трудно ожидать, чтобы идея подлинного научного прогресса овладевала умами византийских мыслителей. И тем не менее жизнь брала свое, и новые веяния стали явственно ощущаться не только в общем интеллектуальном климате империи, но и в более специальных областях философского знания. Излишне напоминать, что по большей части эти новые явления в философии не лежат на поверхности, не выражены открыто, они имплицитны, подспудны, проявлялись лишь в ходе религиозно-философских споров, которые велись в Византии в XIV—XV вв. и выразились не столько в создании новой научной и философской проблематики, сколько в иной расстановке акцентов, в смене сравнительной значимости отдельных дисциплин. Все это тем не менее плодотворно отражалось на современ- {243} ной системе знания, которая по-прежнему оставалась энциклопедической.

Так, с точки зрения гносеологии и эпистемологии представляет немалый интерес затеянная Варлаамом Калабрийским сугубо схоластическая, на первый взгляд, дискуссия, в которой приняли участие все наиболее крупные богословы и философы XIV в. (Григорий Палама, Никифор Григора, Григорий Акиндин, Нил Кавасила, Димитрий Кидонис и др.), — дискуссия о правомочности использования для доказательства и познания Бога силлогистического метода. Суть дискуссии заключалась в том, что почти все названные византийские мыслители (за исключением Кидониса) выдвинули в полемике с латинскими схоластами, и прежде всего с «одержимым силлогизмами» Фомой Аквинским (так обозвал его Нил Кавасила), а также в полемике между собой (хотя в данном пункте отличие между ними сводилось к нюансам) положение о принципиальной неприменимости силлогизма в сфере божественного, особенно силлогизма аподиктического (для диалектического Варлаам Калабрийский как будто делал исключение)⁸. Поскольку же вплоть до Декарта силлогистика считалась наиболее эффективным методом научного исследования (чуть ли не синонимом науки), то речь, очевидно, шла о принципиальной невозможности делать теологические выводы, основываясь на данных науки, — ход мысли, заставляющий вспомнить о заключениях Дунса Скота. Как и он, византийцы

⁵ *Hunger H.* On the Imitation (Mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature // *Idem.* Byzantinische Grundlagenforschung. L., 1973. Art. XV. S. 13—38.

⁶ *Leone P. A.* Nicephori Gregorae «Antilogia» et «Solutiones» Quaestionum // *Byz.* 1971. T. 40. P. 483. 1. 115—116.

⁷ *Ibid.* P. 481. 1. 44—45.

⁸ *Podskalsky G.* Op. cit. S. 124—130; *Beyer N.-V.* Ideengeschichtliche Vorbemerkungen zum Inhalt der ersten «Antirrhethika» des Gregoras // *Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I / Einl., Textausg., Übers. und Anm.* von H.-V. Beyer. Wien, 1976. S. 17—115.

были склонны отрицательно отвечать на вопрос о возможности постичь бесспорную и абсолютную (т. е. божественную) истину естественным путем, т. е. разумом человека, не озаренным особым, немеркнущим (нетварным) светом. Как и у него, принятый ими таким образом постулат об отсутствии непосредственной связи между наукой и теологией приводил их к одному из двух возможных заключений: следовало либо, теологию признать сомнительной, либо науку объявить несостоятельной. В сущности, каждый из византийских мыслителей (сознательно или неосознанно — вопрос другой, но безусловно в соответствии со своими убеждениями и идеологическими пристрастиями) должен был сделать для себя этот выбор, который и развел их по разные стороны баррикады.

Палама и его сторонники совершенно недвусмысленно сделали ставку на откровенный иррационализм и мистику, укрывшись в конце концов в «слоновой кости башне исихазма» (выражение г. Подскальского) и уповав на возможность посредством исихии совершенно реально войти в единение с божеством, созерцать его уже в этой жизни преображенными телесными очами. И хотя именно у Паламы встречается любопытнейшее высказывание о «двойственной истине», ясно, однако, что истолковывал он эту идею весьма своеобразно. Оба вида истины у Паламы отнюдь не равнозначны: тогда как первая из них — боговдохновенная, вторая, т. е. та, которая постигается «внешней философией», значительно уступает первой по своей ценности — она не несет спасения и вообще необязательна⁹. Возникает вопрос: можно ли признать вторую истину вообще?

Что же касается Варлаама и его последователей (зачастую неблагодарных, отнюдь не склонных афишировать свою приверженность идеям Варлаама и даже принимавших участие — как Нил Кавасила — в гонениях на него), то их позиция представляется более богатой оттенками, менее систематичной и последовательной. Оставаясь по типу своего мышления в сфере схоластических рассуждений о божестве (в частности, допускалась возможность простого причинного доказательств существования бога), искренне считая себя наиболее правыми защитниками веры, они тем не менее, признавая необходимость сочетания в научном методе силлогистического, дедуктивного знания с индуктивным, эмпирическим (например, Григора)¹⁰, практически шли к изучению материального мира и его закономерностей, освобождая философию и науку от каких бы то ни было обязательств перед теологией. Именно это имел в виду, вероятно исихаст Филофей Коккин, когда нападал на Григору за то, что тот не подчиняет светскую греческую философию (как служанку) высшей и истинной мудрости (т. е. богословию) (PG. T. 151. Col. 827 D—828 A). Именно акцент на познании единичных вещей (τα,` μοναδικά) тварного мира как наиболее реальных и соответствующих полученным из эмпирии κοιναι,` ε,` ;` υνοιαι (universalia sunt nomina, post rem) создает не лишнее, как кажется, оснований впечатление о наличии в таком подходе латентных элементов номинализма (по крайней мере в мировоззрении Варлаама¹¹), а тем самым стихийного материализма, хотя в целом мировоззрение рассматриваемой группы философов оставалось, конечно же, сугубо идеалистическим. И именно в этом смысле представляется возможным, несколько упрощая историческую действительность и учитывая высказывание Маркса о материалистическом характере средневекового номинализма¹², рассматривать номиналистические тенденции в учении Варлаама как первое выражение материализма в Византии. В самом деле, положение Маркса о материалистическом характере средневекового номинализма «имплицитно содержит мысль о том, что в рамках самой теологии могут возникнуть предпосылки материалистического решения вопроса об отношении природы и мышления человека»¹³. Материалистический характер номинализма поздней схоластики доказывается, помимо всего прочего, также его связью с наукой, с номиналистическими корнями современной физики¹⁴.

В ходе полемической борьбы были высказаны и такие мысли, которые могут квалифицироваться как элементы стихийной диалектики, предвосхищавшие в какой-то мере идеи Кан-

⁹ Christou P. C. Double Knowledge according to Gregory Palamas // *Studia Patristica*. 1966. Vol. 9. P. 20—29.

¹⁰ Podskalsky G. Op. cit. S. 160—163; Beyer H.-V. Op. cit. S. 61.

¹¹ Cp. Meyendorff J. Humanisme nominaliste et mystique chrétienne au XIVe siècle // Idem. *Byzantine Hesychnism: Historical, theological and social problems*. L., 1974. Art. VI. P. 910f.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 142.

¹³ Чалоян В. К. Проблемы истории философии эпохи феодализма // ВФ. 1968. № 4. с. 116.

¹⁴ Mittelstass J. Remarks on nominalistic roots of modern science // *Organon*. 1967. Vol. 4. P. 39—46.

та. Так, сам Григорий Палама, пытаясь обосновать свою основную идею полной недоступности, трансцендентности и «внемирности» Бога и вместе с тем его самооткровения миру, имманентности ему и его реального в нем присутствия, обнаруживает признаки антиномического мышления. Его дальним предшественником в этом был Псевдо-Дионисий Ареопагит¹⁵. Варлаам Калабрийский и Нил {245} Кавасила развивали интереснейшую теорию познания, согласно которой всякая вещь является на самом деле «вещью в себе» (το;` καθ' αυ;` τό), так как мы познаем и доказываем не ее сущность, которая недоказуема, но «то, что ее окружает», лишь те свойства, которые данной вещи сущностно подобают: все, что мы знаем о существе, сообщается или через чувственное восприятие, как в случае с единичными вещами (μοναδικά) и вообще со всем постигаемым с помощью чувств, или же с помощью рассуждения и ума, как в случае с универсалиями или математическими положениями, доказуемость которых распространяется только на существенные акциденции¹⁶. Обнаруживаются, наконец, у Варлаама и некоторые положения, напоминающие идеи Декарта¹⁷.

Особо следует отметить позицию Димитрия Кидониса, которая в вопросе о познании существенно отличалась от позиции указанной группы византийских мыслителей. Выше уже говорилось о том, что как раз с именем Димитрия Кидониса связаны прежде всего вторжение западной схоластики в византийскую науку, «эллинизация» томизма и появление в империи его особой, местной редакции. Димитрий Кидонис не только переводил труды «ангельского доктора» на греческий и тем самым способствовал распространению томизма в Византии, но и ассимилировал его основные идеи. Исходя из основной задачи (а ее ставил перед собой и Фома Аквинский) — обосновать «симфонию» разума и веры, Кидонис показывает амбивалентность человеческого познания как находящегося по воле творца где-то посередине между чисто духовным и чувственным. Благодаря причастности к духовной сфере человеческое познание постигает через непосредственное созерцание первичные идеи, чтобы затем при дальнейшем самостоятельном осмыслении постичь также и единичные истины, и логические последствия, в то время как способность человека к чувственному восприятию делает для него возможным, в свою очередь, переход от эмпирии к упомянутым первичным принципам. К этому, в сущности, и сводится мыслительный процесс, который Кидонис обозначает термином διάνοια. По его мнению, именно для понимания принципов, находящихся за пределами единичных вещей, вне материи, человеку дан силлогизм: что же касается способного к умозаключениям мышления, то это дар божий, необходимый не только для всех областей повседневной жизни, но прежде всего для того, чтобы искать и находить самого Бога. Отнять у человека эту способность — значит низвести его до уровня животного. Обращает на себя, однако, внимание то, что, полагая Бога сверхсущностью, непостижимой для человека, Кидонис постулирует лишь способность разума выводить идею Бога из аналогии мира вещей, посредством более или менее подобных образов и сравнений¹⁸.

Чертой, объединявшей Димитрия Кидониса с Варлаамом и его единомышленниками в единый гуманистический лагерь, была реабилитация и апология человеческого разума — черта, противостоящая мистическому антиинтеллектуализму исихастов и нашедшая позднее кульминационное выражение в учении Плифона (он, правда, в соответствии с принципами своей «вечной философии» ссылается на долгую традицию, уходящую в {246} глубь веков —

Файл byz3_247.jpg

Мануил Хрисолор.

Миниатюра латинской рукописи.

Париж, Лувр, № 9849

к Зороастру) о человеческом разуме как о могущественнейшем и божественнейшем средстве познания (*Pleth. Lois. P. 32*)¹⁹. В «науке о добродетели» Плифон дал гуманистическую, интел-

¹⁵ *Кривошеин В.* Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // SK. 1936. Т. 8. С. 116. Ср.: *Scazzoso P.* La teologia antinomica dello Pseudo-Dionigi // *Aevum.* 1976. Vol. 50. P. 195—234.

¹⁶ *Beyer H.-V.* Op. cit. S. 87; *Podskalsky G.* Op. cit. S. 191.

¹⁷ *Beyer H.-V.* Op. cit. S. 85—86.

¹⁸ *Podskalsky G.* Op. cit. S. 197 ff.

¹⁹ *Nikolau Th.* Αι;` περι;` πολιτείας και;` δικαίον ι;`δέαι τοῦ Γ. Πλήθωνος Γεμιστοῦ. Θεσσαλονίκη, 1974. Σ.

лектуалистскую трактовку морали: человек, по мнению Плифона, создан для того, чтобы наблюдать со всей пронизательностью, на которую он способен, природу вещей, их соотношения и причины их становления. Совершенство человека не достижимо ни в экстазе, ни в мистике — оно достижимо только в науке. Ключевая добродетель (в системе Плифона это была *φρόνησις*) призвана, по мысли философа, обеспечить наилучшие условия для деятельности *ratio*, для научного и философского осмысления действительности. «*Φρόνησις*, — говорит он, — это последняя и самая совершенная часть добродетели, это состояние духа, наблюдающее реально существующие вещи, чтобы понять, каковой именно каждая из них является» (*Pléth. Vert.* P. 4, 1.2—4). Плифон подчеркивает огромное превосходство ученого человека над неученым: первый рассматривает любую вещь, исходя из собственного разума, второй руководствуется догмой вместо разума. Плифон высказывает весьма знаменательную в устах гуманиста мысль о том, что познание человеческих дел является наиболее полезным, так как касается вещей, близких нам самим (*Ibid.* P. 11, 1.7—14). Вторая часть *φρόνησις* как основной добродетели — это «физика». Она также делает немалый вклад в высшее счастье прежде всего потому, что позволяет человеку жить тем лучшим, что в нем есть, — разумом, применять его для познания вселенной, чтобы понять, что есть каждая из вещей, благодаря чему она возникает, на что способна по природе своей и на что не способна (*Ibid.* P. 11, 1. 15—19). Весь этот пассаж сочинения Плифона не без основания называют «гимном разуму и науке»²⁰.

Вместе с тем философам палеологовской эпохи отнюдь не была чужда унаследованная от античности идея слабости человеческой природы, пессимистический взгляд на судьбу человека. Следуя древним, византийцы (например, Иоанн Аргиропул и Виссарион Никейский) считали, что для {247} человека лучше было бы вообще не родиться, чем подвергать себя всем безутешным превратностям и испытаниям жизни, а тем более смерти, перед законами которой человек бессилён (ПП. III. Σ. 313; IV. Σ. 157). Правда, ставя тот же вопрос («что лучше для человека — вообще не родиться или все же родиться и жить»), Феодор Метохит в отличие от Иоанна и Виссариона дает положительный ответ (*Theod. Metoch. Misc.* P. 339 sq.), хотя именно ему принадлежит наиболее пессимистическая концепция, согласно которой мир — этот «всемирный театр» — является обителью скорби и зла. В нем царствует Тиха, наш коварный и лукавый попутчик, поведение которой непостижимо, алогично, не подчинено доводам рассудка, мир и люди для которой — только игрушка (*Ibid.* P. 795 sq.)²¹. Потрясающий образ неумолимой и всемогущей Тихи, соединяющей всех людей общностью судьбы, содержится в «Этикосе» Метохита: человечество представлено им барахтающимся в оковах Тихи, как в одной общей огромной рыболовной сети, переполненной добычей²². Подобное представление о всеобщей изменчивости, непостоянстве, ненадежности и шаткости всех земных взаимосвязей в жизни как отдельного человека, так и целых стран и народов — общее место в философской и риторической литературе Византии XIV—XV вв.

Спрашивается, однако, что же в этом нового? Ведь и раньше богиня Тиха (вторичная в античном пантеоне, предмет постоянных риторских споров в эллинистической Греции) не переставала владеть умами византийцев, появляясь всякий раз, когда наступали периоды социальных кризисов. Но, во-первых, раньше такие представления не выходили еще, на наш взгляд, за рамки того, что можно было бы назвать, пожалуй, «обыденным паганизмом», и не означали еще сознательного противопоставления Тихи и официальной доктрины божественного Провидения. Только в XIV—XV вв. традиционная тема судьбы и неотвратимой необходимости раскрыла свои возможности, стала выдвигаться в качестве альтернативы доктрине божественного Провидения, приобретая ярко выраженное мировоззренческое значение.

Во-вторых, пессимизм Метохита и ему подобных — это новый тип пессимизма, который в духе эпохи направляет свое острие в другую сторону от христианской идеи греховности, который видит беду человека там, где раньше видели его вину, который созерцает непостижимые слепые стихийные силы рока, хаоса, фатума, но дает им свое, порою весьма далекое от церковного учения истолкование. Показательны, например, результаты исследования, согласно

55.

²⁰ *Masai F.* Op. cit. P. 257.

²¹ *Beck H.-G.* Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 50—51.

²² *Hunger H.* Der Ethikos des Theodoros Metochites // ε;’λληνικά: Παράρτημα. 1957. Т. 9. S. 152.

которому трактовка византийцами смерти и того, что ожидает человека за пределами жизни (т. е. основных вопросов этики), носила чаще всего, как оказалось, нехристианский характер²³. В бесчисленных монодиях и житиях византийские авторы, описывая последние часы жизни своих персонажей, избегали прямо говорить о *mysterium tremendum*, об ожидании четырех *novissima*, растворяя φόβος θανάτου (страх смерти) или в платоновской идее вечного круговорота жизни, кото- {248}рая никогда не пропадала (она есть и у Плифона, и у Пселла), или в эстетических эмоциях, выражавшихся в риторическом декоре, в уснащении слога реминисценциями из античной мифологии и классическими метафорами (например, у Плифона смерть — это всего лишь долгое путешествие в чужую страну, мало того, она у него же — путь к бессмертию). Идеал смерти в представлении гуманистически образованного византийца изучаемой эпохи — это идеал смерти мудрой и спокойной, исполненной самообладания (ε;΄; `τοϋζον, по Метохиту), человеческого достоинства и, в сущности, преодоленной, «снятой» благодаря славе, приобретенной при жизни научным и литературным творчеством.

Иногда считают, что на такого рода представлениях в поздневизантийское время, «возможно, сказывается влияние плифоновского язычества»²⁴. Не правильнее ли, однако, считать, что сама эпоха (Ренессанс) формировала подобные взгляды и умонастроения и породила в конце концов Плифона с его неоязычеством? Кстати говоря, Плифон в значительной мере преодолел упомянутую пессимистическую традицию. Согласно его оптимистической концепции, космос — это прекрасный и возвышенный, существующий по законам всеобщей необходимости порядок, в котором человек может чувствовать себя в безопасности. Создавая строго детерминистское учение о всеобщей обусловленности вещей, явлений и процессов (хотя и нематериальными, сверхъестественными причинами), отрицая случайность и постулируя закон всеобщей абсолютной необходимости²⁵, Плифон стремится сохранить тезис о свободе воли, предложив с этой целью свое понимание свободы. Он подчеркивает, что именно из-за ошибочного понимания свободы возникло представление о мнимой несовместимости понятий *свобода* и *необходимость*. По его мнению, подлинная свобода воли заключается не в том, чтобы страшиться всеобщей и абсолютной необходимости, а в том, чтобы действовать в соответствии с ней. Только в этом случае человек может быть свободным и счастливым. Когда же он не принимает в расчет необходимости, когда он, более того, действует наперекор ей, то превращается в раба низших импульсов души. По существу, мы имеем здесь дело с концепцией свободы воли как познанной необходимости, хотя и трактуемой в сугубо идеалистическом плане.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Византии в рамках как пессимистической, так и оптимистической концепции обнаружилось стремление (осознанное или инстинктивное — вопрос другой) отыскать философское решение проблемы детерминизма и свободы воли, не полагаясь только на официальную доктрину божественного Провидения. В самом деле, руководствовался ли человек, принимая какое-либо решение, представлением о всеобщей изменчивости всего земного, которым правит случай (здесь особую ценность должна была бы приобрести так называемая *kairisité* Никифора Григоры, его учение об учете всех «бесконечно малых», об условиях правильной оценки ситуации и безошибочного выбора {249} оптимально благоприятного момента для вмешательства с целью изменить положение дел)²⁶? Или же человек видел себя обязанным следовать закону фатальной необходимости? Но в обоих случаях выбор человека определялся, как полагали, волей того, чьи пути всегда считались неисповедимыми для истинных сынов церкви. Ортодоксально мыслящие христианские идеологи остро ощущали эти тенденции и боролись против них всеми имевшимися в их распоряжении средствами. Недаром Матфей Камариота, последовательно рассматривая и опровергая все постулаты Плифона, не устает повторять, что Плифон не имеет ничего общего с христианами, что всякий человек, который верит в судьбу или даже только пользуется этим словом, перестает быть христианином и должен быть исключен из общины верующих²⁷.

²⁴ Ibid. S. 67.

²⁵ Bargioliotes L. Fate or Heimarmene according to Pletho // Diotima. 1975. T. 3. P. 137—139; Koutlouka M. E. Le destin chez Plethon // Πλατωνισμο;`ς και;` `Αριστοτελισμο;`ς κατα;` το;`ν Πλήθωνα. `Αθη;`ναι, 1987. P. 119—124; Blum W. Georgios Gemistos Plethon: Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355—1425). Stuttgart, 1988. S. 81—86.

²⁶ Moutsopoulos E. La notion de «kairisité» historique chez Nicéphore Grégoras // Actes du XIVe Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1975. T. 2. P. 217—222.

²⁷ *Matthaei Camariotae. Orationes duae contra Plethonem de Fato*/ Ed. H. S. Reimarus. Leyde, 1721. P. 86,

Особую функцию в процессе эмансипации философских идей выполнял возрождающийся платонизм, который по существу становился философской основой византийского гуманизма, «интеллектуальным капиталом» гуманистически мыслящих деятелей византийской культуры²⁸, девизом которых могли бы стать слова Михаила Апостолиса о том, что любовь к божественному Платону пронзила его сердце²⁹. Почти все наиболее яркие представители этой гуманистической культуры (например, Фома Магистр, Максим Плануд, Мануил Мосхопул, философ Иосиф, Феодор Метохит, Никифор Григора, Георгий Гемист Плифон, Виссарион Никейский, Михаил Апостолис, Иоанн Аргиропул и др.) были платониками. Несколько в стороне от них стоят Никифор Хумн с его синкретическим стремлением примирить Платона с Аристотелем и обоих их с христианством (при этом он отвергал платоновское учение об идеях с точки зрения христианской метафизики: вечность и самостоятельность идей, их предпочтительное бытие он отбрасывал так же, как вечность несотворенной материи³⁰), Варлаам Калабрийский, Димитрий Кидонис, Григорий Акиндин, Иоанн Хортасмен, Георгий Схоларий с их явным предпочтением схоластического метода и др. Разумеется, платонизм и представителей данного круга был далеко не однородным. Нередко и у них увлечение Платоном выливалось в формальное подражание ему. В частности, в XIV—XV вв. в византийской литературе стал широко использоваться в качестве образца платоновский диалог, знаменуя собой отказ от столь излюбленного византийцами ранее метода вопросов и ответов, метода эротапокрисиса³¹. Например, в диалогах Григоры «Флорентий» и «Филоматис» ясно ощущаются интонации, обороты речи, излюбленные словечки героев платоновских диалогов. Недаром такого рода платонизм стал предметом насмешек. {250} Так, Николай Кавасила довольно остроумно высмеял «плато-

Файл byz3_251.jpg

*Феодор Метохит.
Мозаика. Кахрие Джамии.
1316—1321*

низм» Никифора Григоры (он назвал Григору «подражателем Платона»), который на платоновский манер именовал свои сочинения диалогами и вводил в них выражения, часто встречающиеся в трудах Платона³². Мало того, в сочинениях Григоры отмечается огромное число текстуальных и смысловых заимствований из Платона, свидетельствующих о серьезной начитанности автора в платоновских текстах; хорошо видны у Григоры также неоплатонические наслоения концептуального характера. Например, содержащееся в его «Опровержениях» определение понятия «Бог» в сравнении с соответствующими рассуждениями Плотина о Едином и Порфирия о Боге и интеллекте наглядно свидетельствует о неоплатонической природе богества Григоры³³.

Но наиболее полно и последовательно приверженность платонизму проявилась в учении Плифона. Радикальный, переосмысленный платонизм начинает выдвигаться у Плифона в качестве альтернативы официальной религии, основы для построения новой универсальной системы, которую он противопоставил существовавшим вероисповеданиям (прежде всего христианству)³⁴. Плифон свободно вращается в сфере платоновской мысли, опираясь в первую очередь на те ее элементы, которые таили в себе антитезу принципам христианского богословия. Такие платоновские темы, как вечное бытие Бога и совечность ему материального мира, явились для Плифона аксиомой, которая позволила ему восстать против одного из главных

88; Astruc Ch. La fin inédite du Contra Plethonem de Matthieu Camariotes // Scriptorium. 1955. T. 9. P. 254.

²⁸ Moutsopoulos E. Platon et la philosophie byzantine: Actualité et perspectives // ΕΕΒΣ. 1969/70. T. 37. P. 79.

²⁹ Legrand E. Bibliographie hellénique, ou Description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècles. P., 1885. T. 2. P. 233.

³⁰ Benakis L. G. Νικεφόρου Χούμνου Περί;` τη;`ς υ;`,`;` `λης και;`,` τω;`,`ν ι;`,`δεω;`,`ν // Φιλοσοφία. 1973. T. 3. Σ. 339—381.

³¹ Hunger H. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts // Actes du XIVe Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1974. T. I. P. 142.

³² Garzya A. Un opuscule inédit de Nicolas Cabasilas // Byz. 1956. T. 24. P. 527, l. 80—83.

³³ Beyer H.-V. Nikephoros Gregoras als Theologe und sein erstes Auftreten gegen die Hesychasten // JÖB. 1971. Bd. 20. S. 171—183.

³⁴ Πλατωνισμο;`,`ς και;`,` α;`,`ριστοτελισμο;`,`ς κατα;`,` το;`,`ν Πλήθονα. `Αθη;`,`ναι, 1987.

пунктов христианской веры — христианской догмы о сотворении Богом материального мира из ничего. «Вселенная вечна, поскольку возникла с Зевсом... она не начата во времени и никогда не будет иметь конца», — говорил он. (*Pléth. Lois. P. 243, 264*). Созданный воображением Плифона пантеон богов во главе с пантократором Зевсом — это некое наднебесное мироздание, где каждый из богов существует по отдельности и все сообща в едином. Из плифоновского объяснения организации мироздания можно заключить, что его структуру он мыслил как нечто подобное провоз-^{251}глашенной Николаем Кузанским *explicatio* высшего божества (хотя адекватного греческого термина Плифон не выработал), как его проекцию, саморазвертывание и бесконечное самораспространение в качестве единой и единственной основы. Все звенья онтологической картины мира в этой основе первоначально существуют, согласно Плифону, в единстве, а в результате упомянутого саморазвертывания получают самостоятельность и могут быть отличимы друг от друга. Особенно хорошо видны принципы плифоновской онтологической структуры мира из его 16-го гимна Зевсу: «Производитель и всемогущий властелин всего, который, все в себе самом заключая (скрывая) воедино и нераздельно, затем выпускает каждую вещь из себя особо, делая таким образом свое творение чем-то законченно единым и целостным» (*Ibid. P. 216*).

Рационализм, философичность, рассудочность, присущие плифоновскому мышлению, его стремление дать определение божеству, раскрыть его конкретную сущность в значительной мере лишали его богов трансцендентного и сверхъестественного характера. В этом пункте Плифон далеко отошел от апофатизма не только отцов церкви, но и неоплатоников (в частности, Плотина), стремившихся познать бога путем отрицаний, т. е. не через то, чем он является, а через то, чем он не является. По существу весь политеистический пантеон Плифона представлял собой систему персонификаций, философских категорий, описывающих мир и выведенных одна из другой согласно дедуктивному методу, которого придерживался автор. Говоря языком семиотики (а ведь именно семиотический анализ, на наш взгляд, может оказаться наиболее плодотворным при исследовании плифоновской философии — как ключ к тому пафосу, в состоянии которого Плифон творил), весь его религиозно-мифологический пантеон является универсальной знаковой системой, служащей для выражения наиболее общих и существенных свойств, отношений и состояний мироздания. Все эти категории, надлежащим образом дифференцированные и соподчиненные, замкнуты на группу божественных имен, распределены по именам этой группы так, что ни одно из них не обходится без покровительства «своего» бога. Кроме того, сами эти имена сплетены, так сказать, кровнородственными отношениями в целостную и конечную по числу имен систему и служат как бы остовом всей плифоновской логической конструкции Вселенной.

Таким образом, боги Плифона суть знаки для обозначения других предметов и замещения их в целях коммуникации. И как таковые они не ограничиваются лишь их способностью нести объективную семантическую информацию об объекте — они являются носителями также и эмоционально-экспрессивной информации о субъективных вкусах и настроениях их автора, чересчур буквально понимавшего требование Аристотеля, согласно которому философ должен быть «мифололюбом». В этом смысле можно согласиться с тем, что имена олимпийцев в «эллинской теологии» Плифона — это не только персонификация философских категорий, не только удобные «знаки». Они являются вместе с тем и образами, помогающими раскрыть и представить взаимосвязь и взаимозависимость космических процессов в переходе от божественного единства к множественности вещей зримого мира. В политеизме Плифона проявились и антихристианская направленность его «Законов», и пластический характер его философского мышления, находящего наиболее адекватное выражение глубин-^{252}ной структуры мироздания не в отвлеченных категориях и дефинициях, а в художественных образах, связанных с множеством литературных, изобразительных и мифологических ассоциаций³⁵.

Плифоновская модель мира, построенная с использованием теоморфных символов и образов, имеет и свой центральный элемент — человека, роль которого на этом онтологическом уровне мыслится как поистине уникальная: служить промежуточным звеном (*μεθόριον*) и связкой (*σύνδεσμος*) двух частей мироздания — смертной и бессмертной, ибо, «чтобы вселенная могла быть полной и законченной, нужно, чтобы она состояла из начал бессмертного и смертного, чтобы она не была ни расколотой, ни раздробленной, но действительно соединя-

³⁵ Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 73.

лась в некую единую систему» (Ibid. P. 250).³⁶ Понятия *μεθόριον* и *σύνδεσμος*, известные уже по сочинениям представителей греческой патристики (в частности, по сочинению «О природе человека» Немесия Эмесского), были в устах Плифона, на наш взгляд, не чем иным, как эквивалентами латинского *cornu mundi* ренессансной концепции человека как «скрепы мира», третьей сущности — концепции, которая найдет позднее своих адептов в лице Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола, Пьетро Помпонаци и др.

В свою очередь, человек — это, по определению Плифона, «бессмертное живое существо, рожденное для участия в смертной природе». Поэтому человек сам имеет сложную природу — звериную и смертную, с одной стороны, и божественно-бессмертную — с другой, правда, с преобладанием второй над первой. Тезис о двух составных частях человеческой природы находит, согласно весьма оригинальной идее Плифона, подтверждение в том, что человек — это единственное живое существо, которое обладает способностью к самоубийству (оно возможно, по Плифону, только потому, что смертное в человеке одолевается бессмертным). И наконец, как на еще один метафизический аргумент для обоснования тезиса о двойственной (смертной и бессмертной) природе человека Плифон указывает на нерасторжимую связь этой природы с гармонией и совершенством Вселенной — связь, которая ведет одновременно к «участию в нас» космического совершенства³⁷. Создается, таким образом, некая кольцевая взаимозависимая конструкция, все части которой уравновешены.

Интерпретация элементов религиозно-мифологической системы Плифона с семиотической точки зрения особенно позволяет, на наш взгляд, заключить, что эта система отнюдь не была реставрацией языческой религии в ее «чистом виде». Более того, она вообще не является ее реставрацией. Конечно, «код», с помощью которого «говорит» Плифон, достаточно искусствен. Он был, очевидно, понятен лишь в среде интеллектуальной элиты; можно также признать, что подобное изображение многоступенчатой структуры бытия, воплощенной в образах языческих богов, свидетельствует об определенной ограниченности мышления Плифона, не сумевшего разработать понятийный философский аппарат, который отразил бы подлинно диалектическое единство и тождество общего начала и множественности бесконечного бытия Вселенной. Тем не менее историческое значение философии Плифона несомненно. Оно заключалось в том, что она представляла собой не последнюю греческую средневековую философскую систему, как ее обычно характеризуют, но, напротив, систему, в которой впервые было покончено со средневековой традицией комментаторства, рабской приверженности к античному образцу. В системе Плифона неоплатонизм впервые предстал не в средневековом облачении и не в виде реконструкций древних философских учений, а в качестве оригинальной, самостоятельной и притом живой философской концепции. Убедительным доказательством этого является, как известно, особая судьба философии Плифона в Италии эпохи Ренессанса, где она оказала прямое воздействие не только на собственно «возрождение» философии Платона и неоплатоников, но и на попытки создания здесь новых философских построений в традициях неоплатонизма и на тенденции к новому синтезу на основе этой традиции³⁸. {254}

10

Развитие политических идей в поздней Византии

³⁶ Ср.: *Bargeliotis L. C. Man as μεθόριον according to Pletho // Diotima. 1979. Т. 7. P. 14—20; Niarchos K. Ἀνθρώπος και,` πράξις κατα,` το,`ν Γεώργιον Γεμιστο,`ν Πλήθωνα // Πλατωνισμο,`ς και,` α,`ριστοτελισμός... P. 71—94; Blum W. Op. cit. S. 86—89.*

³⁷ *Benakis L. Die Stellung des Menschen im Kosmos in der Byzantinischen Philosophie // L'homme et son univers au moyen âge: Actes du VIIe Congrès international de philosophie médiévale. Louvain-la-Neuve, 1986. Т. 1. P. 62—63.*

³⁸ *Горфункель А. Х. Указ. соч. С. 76—77.*

Позднэвизантийское общество имело за плечами груз тысячелетних традиций, влияние которых было особенно ощутимым именно в сфере политической мысли. Стремление государственной власти укрепить те из элементов сформировавшейся в предшествующие века политической концепции, которые способствовали стабилизации общества, приобретало чрезвычайное значение в новых условиях. Уже падение Константинополя в 1204 г. развеяло миф о сакральности столицы империи; была свежа память о латинском владычестве, унизившем достоинство гордых ромеев, угнетала постоянно маячившая на Востоке угроза сокрушительного турецкого нашествия. Институированный в законах и церемониале, закрепленный в литературном и художественном творчестве исторический и социальный опыт прошлого формировал тот пласт духовной культуры общества, который можно назвать политической культурой. Новые веяния в общественно-политических и экономических воззрениях позднэвизантийских философов рождались в диалектическом противоборстве со старым. На пути нового стоял византийский консерватизм: сознание даже наиболее последовательных византийских мыслителей отягощалось пережитками старой имперской идеологии. Несмотря на то что в последние два века существования Византийской империи уже не было реальной почвы для сохранения имперской идеи, несмотря на появление и постепенное утверждение концепции неозэллинизма как закономерного исторического феномена, идея вселенской империи и вселенского императора продолжала вплоть до самого конца Византии владеть умами византийцев как в области реальной политики¹ так и в сфере теоретических изысканий².

Во множестве трактатов, речей, писем деятелей византийской культуры отражено общее для византийской политической идеологии того времени отношение к василевсу как подражанию Бога, солнцу, вечности, как правителю, имеющему силу живого закона и обязанному заботиться о своих подданных³. Утверждение тезиса о божественном происхождении императорской власти характерно для сочинений позднэвизантийского времени, когда усиливалось воздействие религии на все формы общественной {255} жизни. Хранителем божественных законов считал монарха Феодор Метохит (*Theod. Metoch. Misc.* 625). Николай Кавасила утверждал, что правитель во всем должен следовать богу и божественным законам (*Cabas. Paneg.* P. 119. 30—32). В энкомии Матфею Кантакузину, написанном в связи с его коронацией в качестве соправителя Иоанна VI Кантакузина, Николай Кавасила делал акцент на мысли о вручении Матфею власти самим Богом (*Ibid.* P. 116. 29—31). Христианский тезис о божественном происхождении императорской власти отражен в сочинениях Димитрия Кидониса, прежде всего в его письмах Иоанну Кантакузину (*Sydon. Congresp.* Ep. N 6, 5—6, 12—16; N 7, 1, 50 etc.). Идея божественности власти василевса содержится и в официальных документах позднэвизантийского времени. Преамбулы к хрисовулам Иоанна V Палеолога утверждают тезис об императорской власти как источнике божественных законов, применяемых ею в управлении человеческими делами⁴.

Идеал императора и в позднэвизантийское время менялся в рамках римского набора нравственных ценностей (справедливость, благоразумие, мудрость, мужество — δίκαιοσύνη, σωφροσύνη, σοφία, ἀνδρεία)⁵, дополненного созвучными христианству добродетелями (человеколюбием и благочестием — φιλανθρωπία, εὐσέβεια). Однако, несмотря на традиционную формулу, отражавшую один из важнейших тезисов, характерных для политической идеологии той эпохи,— тезис личности государя, отбор и акцентировка отдельных качеств для образа идеального василевса были разными у различных представителей общественной мысли того времени. Чем ниже была ступень общественной лестницы, которую занимал писатель, тем более земными являлись его запросы в отношении свойств, которые, по его мнению, необходимы императору. Учитель и землемер Алексей Макремволит, занимавший значительно более скромное положение, чем его коллеги по перу, считал определяющей чертой в образе наилуч-

¹ Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33. С. 129—139.

² Beck H.-G. Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat // Ideen und Realitäten in Byzanz. L., 1972. N VI.

³ Hunger H. Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.

⁴ Vier Prooimien zu Kaiserurkunden, verfaßt von Demetrios Kydones / Edition; Textparaphrase und Kommentar von F. Tinnefeld // BS. 1983. Т. XLIV, fasc. 1. P. 13—30; fasc. 2. P. 178—195.

⁵ Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. Т. 4. С. 9—33.

шего василевса заботу о подданных (*Al. Makr. Dial. P. 217. 14—16*). Зачастую образ монарха приводился в соответствие с конкретными задачами текущего дня. Так, в преамбуле одного из хрисовулов Андроника II, написанного в условиях внешнеполитической опасности, акцентируется внимание на образе императора-полководца⁶. Однако в трудах писателей, имевших даже одинаковые семейные традиции, социальное положение и образование, в рамках, на первый взгляд, однозначного набора добродетелей идеального василевса находили отражение столь существенные нюансы, что в конечном счете их точки зрения становились принципиально противоположными.

Николай Кавасила и Димитрий Кидонис — земляки, друзья с детских лет, аристократы по рождению — с обретением жизненного опыта разошлись в своем понимании образа правителя. Николай Кавасила в наборе присущих василевсу добродетелей, восходящем к античной традиции, делает акцент прежде всего на христианских добродетелях государя — человеколюбию и благочестию. Последнее из названных качеств (*εὐσέβεια*) {256} в энкомиях Кавасилы приведено не в общем перечне достоинств василевса, но выделено особо в композиционном отношении⁷. Несомненно, уже в этом нюансе можно предугадать последующую идейную трансформацию Кавасилы, приведшую его к поддержке и развитию мистического учения паламизма, оказавшего столь негативное влияние на общественный климат в империи в условиях нарастания внешней опасности.

Димитрий Кидонис, отталкиваясь от того идеала правителя, который был сформирован в годы его совместной учебы с Николаем Кавасилой, в отличие от последнего избрал в качестве определяющей черты в образе василевса просвещенность. «Василевс, украшенный всяческой мудростью», таков идеал, который поставлен в центр концепции Кидониса.

Оба фессалоникийца, стремясь увидеть воплощенным свой идеал главы государства, связывали его, с таким энергичным и противоречивым политическим деятелем, как Иоанн Кантакузин. Каждый из писателей находил в нем импонирующие черты. Причем в то время, как Кавасила утвердился в своем выборе, поскольку Иоанн Кантакузин избрал идейным знаменем своей политики паламизм, Димитрий Кидонис, занимавший как «месадзон» самое близкое к императору место в политической иерархии, испытал глубокое разочарование в своем избраннике, ибо паламизм был несовместим, по представлениям Кидониса и других прогрессивно мыслящих людей того времени, с истинной просвещенностью и подлинной духовной культурой (*Cydon. Corresp. S. 95—100*)⁸. Концепция идеального правителя Димитрия Кидониса опиралась на позиции гуманизма.

Приведенный пример отказа двух крупных мыслителей XIV в. от одинакового, основанного на традициях идеала правителя и их перехода на различные политические позиции свидетельствует о том, сколь тесно переплетались в Византии с середины XIV в. политика и идеология, сколь сильное воздействие оказывали богословские пристрастия на политические симпатии и в конечном счете на политическую платформу.

Поздневизантийские мыслители обращались не только к вопросам о сущности и характере императорской власти, но и к проблеме государственного управления⁹. Осмысление этой проблемы, несомненно, также является одним из важнейших элементов политической культуры общества. Порожденная философией Платона идея монархической власти как лучшей формы правления всегда доминировала в политическом сознании византийцев¹⁰. Феодор Метохит, говоря о трех возможных формах политического устройства — монархии, аристократии и демократии (*Theod. Metoch. Misc. Col. 604—642*), отдавал предпочтение монархическому строю. По его мнению, предоставляемая людям свобода, правовое и имущественное равенство не могут дать желанных результатов, ибо участие в управлении государством большого числа людей приводит к тому, что истинно талантливые люди не могут проявить себя. Писатель подтверждает свой тезис о нежелательности демократии ссылкой на современную ему Геную, ко-

⁶ Радченко К. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898. С. 153.

⁷ Паляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила) // АДСВ. 1975. Т. 12. С. 104—116.

⁸ Паляковская М. А. Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин: (К вопросу о политической концепции середины XIV в.) // ВВ. 1980. Т. 41. С. 173—182.

⁹ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л. 1976. С. 132—136.

¹⁰ Malafosse J. La monarchie byzantine // La monarchie. Bruxelles, 1969. Т. II. P. 46—47.

торая из-за «необузданной демократии» стала жертв-^{257}вой восстания и раздоров между гражданами. Метохит не сомневается в том, что этот город именно «вследствие отвратительной демократии, безрассудного, безграничного и ненужного себялюбия и вольности всех находится в плохом состоянии, а вследствие присущей каждому из ее жителей страстности, властолюбия и разнузданного соперничества, а также незнания и отсутствия страха перед законными установлениями, направленными на общую пользу, и общественные дела находятся в высшей степени затруднительном положении» (Ibid. Col. 616—618).

Поскольку при такой форме правления, как аристократия, по мнению Метохита, проявляется естественная тенденция к перерождению власти аристократии в олигархию (Ibid. Col. 618—629), постольку единственно оправданной и желаемой из всех форм государственного устройства является монархия, при которой правитель осуществляет власть сообразно закону, неподотчетно, стараясь по-отечески заботиться о подданных (Ibid. Col. 618—625). Единоначалие позволяет произвести правильную, подчиненную единому принципу расстановку сил, привлечь к управлению наиболее одаренных людей. Благодаря единству принципа управления, воплощенного в воле государя, нестройный концерт становится всеобщей гармонией, симфонией, хорошо настроенной политией (Ibid. Col. 634—635). В государственном организме монарх олицетворяет разум, который способствует общей гармонии общества, он — судья, арбитр, который оценивает все поступки граждан и воздает им должное¹¹. В рисуемом Метохитом образе монарха наблюдается постепенное ослабление иератического ореола и появление личных, индивидуальных черт¹².

Как и Феодор Метохит, Димитрий Кидонис видел общественную гармонию лишь в монархической форме правления, в условиях которой единовластный правитель только и может стать источником счастья для подданных (PG. T. 154. Col. 1188C—1189A).

Что же касается такого яркого представителя византийской гуманистической мысли, как Мануил Мосхопул, ученик Максима Плануда и автор работ по классической филологии, то его воззрения на природу императорской власти привели его к интереснейшей государственно-правовой теории (в известной мере предвосхищавшей covenant Гоббса), которую он развивает в небольшом трактате «О присяге»¹³. Исходным пунктом этой теории послужила, очевидно, «Полития» Платона (особенно отрывок 369 и сл.). Согласно Мосхопулу, совместная жизнь людей, их *συνοικία*, была обусловлена неспособностью человека в одиночку справиться со всеми многообразными задачами, которые ставит жизнь. Находясь в зависимости друг от друга, люди добровольно объединялись, чтобы каждый мог извлекать пользу из знаний другого. Но этому объединению постоянно угрожают раздоры и соперничество, поэтому требуется особый орган, ^{258} своего рода третейская инстанция — *κριτή;ς*. Причем здесь возможна альтернатив-

Файл byz3_259.jpg

Григорий Палама. Икона XIV в. Москва, ГМИИ {259}

ва необходимо или облечь функциями этого органа многих и, стало быть, ввести аристократию (которая, правда, определяется не знатностью происхождения, а личными достоинствами), или поручить эту роль одному человеку, т. е. монарху. Мосхопул, естественно, предпочитает монархию, ибо в противном случае неизбежны споры и соперничество. Самое важное состоит в том, что у него нет уже речи о призвании государя свыше в качестве божьего дара. Более того, личность государя у Мосхопула вообще отделена от идеи государства как такового, которое он в соответствии с византийским словоупотреблением называет *κοινόν*. Разумеется, монарх, выполняя функции третейской инстанции, вправе требовать присяги на верность, так как те полномочия, которыми он наделен, ставят перед ним задачу справиться как с внешними трудностями, так и с мятежами и восстаниями внутри страны (вполне современное понимание основ-

¹¹ Pertusi A. Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 44—47.

¹² Beck H.-G. Theodoros Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 87.

¹³ Levi L. Cinque tettere inedite di Emmanuele Moscopulo // Studi Italiani di Filologia Classica. 1902. Vol. 10. P. 64—68; Svoronos N. G. Le sermail de fidelité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle // REB. 1951. T. 9. P. 106—142; Beck H.-G. Res Publica Romana; Von Staatsdenken der Byzantiner // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975. S. 391 ff.

ных функций государства!). Этот род присяги Мосхопул называет «гражданской», т. е. присягой на верность государю именно как главе государства, а в сущности самому государству¹⁴. Но автор упоминает еще одну присягу — «императорскую», которая приносилась императору как частному лицу, фактически — как феодальному сеньору, причем только теми, кто находился с ним в вассальных отношениях, что само по себе влекло ответные обязательства со стороны императора. В отличие от первой, которая не была сопряжена с вознаграждением, гарантированная присягой «верность» должна была быть оплачена.

Итак, у Мосхопула отсутствует метафизическое истолкование личности императора и императорской власти. Κοινόν — это самоизбранная политическая общность людей, т. е. государство первично, а правитель вторичен. Он выполняет строго определенные рациональные функции, а, именно представляет интересы этого κοινόν¹⁵.

Георгий Гемист Плифон, выделяя три главные формы государственного устройства — монархию, демократию, олигархию — и оговаривая, что каждая из них имеет много разновидностей, также считает наиболее совершенной монархию, «использующую лучших советников и дельные законы, имеющие должную силу» (PG. T. 160. Col. 848B). Плифон сравнивает роль монарха, управляющего государством, с ролью капитана или полководца, решающего вопросы единолично, но могущего прислушаться к советам матроса или солдата, желающих предложить что-либо для всеобщего спасения и блага (Ibid. Col. 848A).

Здесь нет и намека на божественное происхождение императорской власти. Напротив, император в представлениях Плифона как бы получает власть из рук своих подданных и сама эта власть мыслится в духе общественного договора. Нужный правителю совет по государственным делам, по Плифону, должен формироваться из числа образованных людей среднего достатка (слишком богатые или, наоборот, слишком бедные думают лишь о собственной выгоде). Численность этого совета должна {260} быть умеренной, с тем чтобы легче было принять единогласное решение и не дать возможности для проявления личных интересов (Ibid. Col. 848 C-D).

Выводы Феодора Метохита, Георгия Гемиста Плифона и других писателей поздневизантийского времени не свидетельствовали, однако, об устремлениях к сословно-представительной или конституционной монархии. Отсутствие четкой кристаллизации сословий в византийском обществе, слабость ленных отношений, неразвитость феодального контракта и сеньориального суда не могли способствовать зарождению и вызреванию идеи представительства и конституционной монархии ни в политическом сознании поздневизантийских писателей, ни в публичном праве того времени¹⁶.

Согласно Плифону, правитель может быть монархом лишь в том случае, если располагает всеми качествами «настоящего правителя»: прежде всего он не должен предаваться пустым удовольствиям, как Александр, сын Приама, Сарданапал Ассирийский или Нерон Римский, но избрать путь истинной добродетели. В качестве образца, достойного подражания, Плифон называет Геракла, Ликурга, Александра Македонского и Кира. Справедливость, истина и общее благо — главный закон деятельности правителя. Плифон подчеркивает, что общественные интересы должны быть выше личных, идет ли речь об интересах императора или какого-либо другого правителя. Таким образом, благосостояние страны и народа обеспечивается правильным государственным устройством: «законами», с одной стороны, и добродетелью правителей — с другой. «Государствам необходимы не только правильные законы — важно, чтобы они были и действенными; действенными же они становятся посредством добродетельных правителей». Идея о благородном и разумном правлении, гуманности и доброте правителя, обусловленная платоновской традицией, стала доминирующей в пространственных трактатах византийских писателей, где изучались и анализировались основы императорской власти. Фундаментальной идеей такого рода было представление об императоре как философе, в лице которого получает воплощение симбиоз философии и власти. Гуманистически мыслящие дея-

¹⁴ О том, что такого рода присягу все подданные (от самого высокого сановника до самого последнего «человека с улицы») давали всякий раз при смене главы государства, см.: *Mavromatis L. Storia del pensiero politico // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 75, 88—89.*

¹⁵ *Beck H.-G. Res Publica Romana. S. 394.*

¹⁶ *Medvedev I. P. A propos des soi-disant assemblées représentatives à Byzance en particulier au XIVe siècle // Actes du XIVe Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1975. T. II. P. 211—216.*

тели византийской культуры, как видим, инстинктивно тянулись к идеалу просвещенной монархии.

Возрождение жанра политик, в рамках которого протекало «реформационное» движение в Византии, включавшее в себя экономические воззрения и идеи византийских гуманистов, вызвало к жизни столь своеобразную систему взглядов, как учение о наилучшем государственном устройстве Георгия Гемиста Плифона. Правда, те главы трактата «Законы», в которых была изложена вся его «политическая экономия» (судя по оглавлению, это были частично вторая и главным образом третья книги «Законов»), утрачены. Однако возможность составить о содержащихся там идеях довольно четкое представление имеется, так как сохранились речи Плифона, в которых он предлагал реформы, направленные на оздоровление экономики Византийской империи и улучшение функционирования государственного аппарата (PG. T. 160. Col. 866; {261} ΠΠ. IV. P. 113—135)¹⁷. Государство Плифона — это сугубо автаркическое сообщество, экономика которого обособлена от экономики других стран и основана на земледелии, с трехчленной (как и политика Платона) социальной структурой (трудящийся класс, собственники средств производства, государственный аппарат), т. е. государство, в котором согласно рецептам Платона до минимума сведены товарно-денежные отношения, ликвидированы деньги и все денежные платежи заменены натуральным налогом. Это государство, в котором нет места таким паразитическим группам населения, как монашество, а общественный доход распределяется по закону социальной справедливости (κατα;` το;` δίκαιον), т. е. соответственно реальному вкладу, который вносит та или иная социальная группа в создание общественного богатства (а оно всегда мыслится Плифоном как сугубо «вещественное» богатство, как плоды земли — οί;` ε;` κ' ἡ;` ζ καρποί — или более широко — как результат сельскохозяйственной деятельности).

На эти положения плифоновской «политической экономии», восходящие в общем и целом к платоновской традиции, у Плифона наслоились сугубо средневековые представления о собственности и сословной принадлежности. Вместе с тем, однако, он высказывал весьма прогрессивные для того времени идеи о труде непосредственных производителей материальных благ как основе жизни общества, как основном источнике общественного богатства (этот тезис без достаточных оснований расценивается некоторыми учеными как доказательство зарождения у Плифона трудовой теории стоимости)¹⁸, о средствах производства как необходимом и самостоятельном компоненте в создании общественного богатства, о земле как сфере приложения труда, арене трудового процесса и т. д. Для своего времени Плифон высказал поистине радикальные идеи, хотя и под покровом античных реминисценций, а его симпатии к трудящемуся человеку, красной нитью проходящие через все его труды, призывы как можно лучше относиться к непосредственным производителям («этим всеобщим кормильцам»), защищать их, наконец, выдвигание их на первое место в иерархии сословий, на которые, по мысли Плифона, должно делиться общество (на второе поставлены воины, освобожденные от налогов и обязанные защищать государство, и на третье — правители и чиновники), — все это резко выделяет Плифона даже из среды его собратьев-гуманистов, которые в своем рафинированном интеллектуалистском снобизме в высшей степени отрицательно относились к народным массам. В целом же и в Византии носители передовой идеологии понемногу начинают в духе времени «рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»¹⁹.

Идея монархии как наилучшей формы правления большинством византийских авторов противопоставляется тирании как нежелательному варианту единодержавия. В «Слове против архонтов, беззаконно дерзающих {262} в отношении святынь» Николай Кавасила последовательно развивает эту тему, представляя в качестве полярных образов истинного архонта и тирана. Тогда как первый «не оскорбляет законы и свободу подданных... совершает благодеяния в отношении подчиненных... уважает в них людей» (*Cabas.* P. 25), тиран заинтересован только

¹⁷ См. рус. пер. Б. Т. Горянова: *Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах* // ВВ. 1953. Т. 6. С. 386—414.

¹⁸ *Spentzas S. P.* Αι;` οί;` κ' κ'ονομικαί;` και δημσιονομικαί;` α;` πόψεις τοῦ Πλήθους. Αθη;` ναί, 1964. Σ. 47—51.

¹⁹ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 111; ср.: *Медведев И. П.* Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни (в связи с книгой Пьера Брюнеля) // *Античное наследие в культуре Возрождения.* М., 1984. С. 136—140.

в собственной выгоде, угнетает подданных, попирает закон (Ibid. P. 25.1—4). Феодор Метохит, подобно многим другим авторам, также считает тиранию худшим из зол, ибо неограниченная власть дает основу для проявления высокомерия и наглости такого рода правителя. Тираны, согласно Метохиту, оставляют после себя только развалины (*Theod. Metoch. Misc. Col. 638—642*)²⁰.

Под тираном византийские писатели понимали не только неугодного монарха, но и правителя более низкого ранга, для политического поведения которого в рамках его государственной должности характерны проявления деспотизма. По мнению Николая Кавасилы, вредные для общества архонты не могут править городами и должны нести уголовную ответственность (*Cabas. P. 25. 12—15; 23*). Эти обвинения Кавасилы можно поставить в один ряд с выводами его современника Алексея Макремволита: «Правитель государства... должен был принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных» (*Al. Makr. Dial. P. 210. 14—16*). Однако, поставленные рядом, эти выводы не следует понимать как социально равнозначные. Критические сентенции Николая Кавасилы направлены на защиту тех представителей верхов общества, кто располагал значительной частной собственностью. Слова же Алексея Макремволита, взятые в контексте «Диалога между богатыми и бедными», звучат в духе призыва, вложенного автором в уста городской бедноты: «Дайте нам наше» (Ibid. P. 214. 12). Но и радикально звучащее заявление Алексея Макремволита не является чем-то экстраординарным в истории политической мысли — оно вполне согласуется со средневековым учением о божественных основах императорской власти.

Содержащееся в произведениях поздневизантийских писателей противопоставление достойного архонта тирану позволяет также выявить социальный смысл той свободы подданных, за которую ратует наряду с другими Николай Кавасила: «Как может существовать власть без свободы, выше всего почитаемой людьми?» (*Cabas. P. 26. 1—2*). Ответ Кавасилы на этот вопрос вносит коррективы в его собственное понимание свободы: «Если никто не может быть себе господином, если архонты обладают неограниченной властью, если любое упоминание о государстве влечет за собой боязнь потери имущества, кто тогда заинтересован в приобретении денег, кто будет ремесленником, земледельцем, купцом, зная, что все приобретенное достанется другим?» (Ibid. P. 26. 8—12). Свобода, таким образом, — это свобода собственника прежде всего²¹.

Рассуждения писателей-аристократов относительно необходимости заботы василевса о подданных и их свободе замыкаются на желании обрести некоторую независимость от монарха для представителей верхов общества, которые находились вблизи от трона и грелись в лучах императорских благодеяний. Лишь немногим из тех, кто стремился к реализации гуманистического идеала просвещенной монархии, ситуация при дворе напоминала худшую форму зависимости. Первый министр императора Димитрий Кидонис, сетуя по поводу царившей при дворе пустой болтливости и угодничества (*Cydon. Corresp. Ep. № 114, 6—10*), так оценивал положение государственных деятелей: «Мы ... из-за государственных дел ведем жизнь, какой бы не был удостоен ни один раб, в то время как нас вводят в заблуждение, что мы, якобы свободные, оспариваем первое место между собой» (Ibid. Ep. N 72, 17—18).

Отраженное в поздневизантийской литературе осознание неравнозначности подданных василевса в зависимости от занимаемого ими места на общественной лестнице корректирует поздневизантийский идеал политической гармонии, созвучный представлениям о социальной гармонии. Жители города или общества в целом рассматриваются Григорием Паламой, Димитрием Кидонисом как соотечественники, сородичи, братья. Всякое проявление социальных неурядиц в связи с этим квалифицируется как беззаконие и аномалия. О восставшей Фессалонике Григорий Палама писал: «Город сам с собой воюет, сам себя поражает, своими ногами топчет себя, своими руками раздирает себя, своими криками хулит себя» (PG. T. 151. Col. 12D—13A). Однако, признавая необходимость единства братьев-сограждан, Димитрий Кидонис рисует идеал социума, построенного (как у Фомы Магистра в его трактатах «Пери»

²⁰ Raybaud L-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). P., 1968. P. 36—37.

²¹ Следует учитывать и правовой аспект поднимаемой Кавасилой проблемы: сложность различения частноправовых, и публичноправовых функций, что зачастую приводило к обвинениям в адрес государства в покушении на права частных лиц.

βασιλείας» и «Περι;` πολιτείας») ²² в соответствии с аристотелевской аксиомой «правитель — и управляемые». Город, в котором «одни повелевают, а другие повинуются», есть для него проявление гармонии общественного устройства: «подчиненные отдают правителям почести и налоги в ответ на их добродетель и попечение о низших; правители же проявляют о тех, кто им подчинен, постоянную заботу и попечение...» (Ibid. Т. 154. Col. 1188B). Низшую ступень общественной лестницы занимают, по мысли писателей-аристократов, те, кто составляет чернь, толпу, отличающуюся бессмысленной жестокостью и неблагодарностью в отношении благодеяний, оказанных ей лучшими людьми общества. Григорий Палама, осуждая зилотское восстание, особенно досадует по поводу того, что «лучшие люди... пали, а низшие люди и ремесленники захватили власть» (Ibid. Т. 151. Col. 13A). Димитрий Кидонис, выступивший с публичной речью по поводу фессалоникского восстания 1345 г., объявляет истинно справедливыми лишь те отношения господства и подчинения, которые имели место в городе до восстания (Ibid. Т. 109. Col. 645C).

Ратуя за братство соплеменников, византийские писатели противопоставляли друг другу неоднородные в социальном отношении группы населения, признавая особые достоинства и права «лучших». Идея политической и социальной гармонии, выраженная в давней традиции рассматривать общество как единый организм, служила пропаганде классового мира. Григорий Палама в гомилии «Об общем замирении» взывал к жителям вчера еще мятежного города: «...мы единое тело во Христе, Павел нас заверил словами: „Вы тело Христово, а порознь — члены“. Тело одно, но членов у него много, и члены тела, хотя они и многочисленны, составляют единое тело» (Ibid. Т. 151. Col. 12B). Алексей Макремволит {264} доводит эту мысль до логи-

Файл byz3_265.jpg

Император Мануил II Палеолог

ческого завершения: «...нужда также неизбежна в мироздании, как необходимы основные части тела» (*Al. Makr. Dial.* P. 213, 28—29). Тем не менее византийская публицистика XIV в. поставила проблему отношений между классами.

Как уже отмечалось, важнейшей составной частью политической культуры поздневизантийского общества было отношение к официальной политической доктрине, оформившейся в период расцвета Византии. Римская идея *raх Romana* трансформировалась в Византийской империи в теорию христианской империи, объединявшей всю ойкумену под эгидой нового Рима — Константинополя. В соответствии с основным тезисом этой концепции василевс, имеющий власть ε;`к Θεοῦ, являлся главой христианского мира в границах *orbis terrarum* ²³. Поздневизантийская политическая идеология отводила Константинополю в этом сообществе христианских государств особую роль. Экономии* в честь императора, «главы ойкумены», и в адрес Константинополя, нового Рима, продолжали традиции предшествующего времени. Константинополь именовался «театром ойкумены», «оком и сердцем всей земли» ²⁴. Столица империи, ставшая «вторым», или «новым», Римом, наследуя авторитет древнего Рима, укрепляла его тем, что была очагом христианства. Император именовал себя «непоколебимым столпом всех крещеных, защитником догматов Христа» ²⁵. Иоанн Кантакузин в письме великому князю московскому Си-{265}меону заявлял: «Да, империя ромеев, так же как и священная великая церковь божья, есть... источник всякого благочестия, учитель законов и освящения» (ММ. I. N CXVIII. P. 263). Патриарх Филофей в письме 1370 г. именовал себя «отцом всех христиан, где бы они ни жили» (Ibid. N CCXVV. P. 51).

Иосиф Вриенний, признавая, что в его время (начало XV в.) «империя ортодоксов стала столь маленькой, что ее господство ограничивается городом императора, который к тому же

²² *Pertusi A.* Op. cit. p. 34.

²³ *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischer Zeremoniell. Darmstadt, 1956; *Karayannopoulos I. S.* 'Η πολιτικῆ;` θεωρία τῶ;`ν βυζαντινῶ;`ν // *Byzantina.* 1970. Т. 2. P. 37—61; *Obolensky D.* The Byzantine commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. L., 1971; *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и сопредельных стран) // *Проблемы истории международных отношений.* Л., 1972. С. 412—424; *Beck H.-G.* *Res Publica Romana.* S. 379 ff.

* Так напечатано. Видимо, опечатка, следует читать «энкомии». — *Ю. III.*

²⁴ *Fenster E.* *Laudes Constantinopolitanae.* München, 1968. S. 328 u. a.

²⁵ *Соколов П.* Русский архиерей из Византии. Киев, 1913. С. 338.

постоянно осаждаем со всех сторон», утверждает, однако, что «везде упоминается один патриарх вселенной, который в Константинополе, и только один император, который в литургии»²⁶.

В адресованном Андронику II и Михаилу IX сочинении Максима Плануда «Василикос» содержатся все компоненты концепции вселенской империи. Согласно Плануду, византийцы — это победоносные, не терпящие поражений римляне, распространившие свое влияние на всю ойкумену. Древнейшей родиной императора Михаила IX является древний Рим на Тибре, а новый — Константинополь, царица городов, являющаяся «от природы владычицей мира»²⁷. «Бесспорно, идеальнейшим и прекраснейшим центром всей ойкумены, который наша держава избрала для господства над другими народами», называет Константинополь и Феодор Метохит²⁸, а его знаменитый ученик Никифор Григора пышет гневом и возмущением против императрицы Ирины (урожденной Иоланты Монферратской), называя ее куртизанкой и бесстыдной проституткой за то, что она — «неслыханное дело! — хотела, чтобы ее сыновья (т. е. три сына Андронику II — Иоанн, Феодор и Димитрий. — *Авт.*) правили не в соответствии с монархическим принципом, следуя древнему обычаю ромеев, а на латинский манер, поделив между собой города и земли ромеев так, чтобы у каждого из ее сыновей была своя территория, выделенная ему в качестве владения, передаваемая от отца к сыну по праву наследования в соответствии с законами частной собственности... Будучи по происхождению латинянкой и получив его от латинян, она хотела ввести этот обычай и у ромеев» (*Greg. I. P. 233*)²⁹.

В памятниках поздневизантийской панегирической литературы (таких, как «Императорская статуя» Никифора Влеммида, сочинения Григория Кипрского и Мануила Оловола) по-прежнему культивируется замкнутость традиционной политической концепции империи как «*corpus politicum mysticum*»³⁰. Утрата империей своих былых владений рождала мысль об «имперской реконкисте», которая особенно отчетливо выражена в письме Виссариона Константину Палеологу. Восхваляя успехи Константина в отвоевании византийских территорий на Пелопоннесе и в континентальной Греции, Виссарион советует этому «новому Агесилаю» переправиться затем с лакедемонянами в Азию и восстановить старую {266} империю (П. П. IV. P. 36). «Героический национализм» Плифона также прекрасно уживается у него с понятием «римская империя», а тот факт, что его реформы относились к Пелопоннесу, а не к Византийской империи в целом, объясняется его желанием сильнее заинтересовать правительство в укреплении Пелопоннеса, что, по мысли Плифона, должно было стать предварительным условием для отвоевания былых владений. «Принятие мер по благоустройству Пелопоннеса, — говорит он, — будет иметь немалое значение для безопасности и благополучия великого города», т. е. Константинополя (PG. T. 160. Col. 825 B).

Подчеркивая постоянные элементы «имперской идеологии» в мировоззрении византийцев того времени, следует признать, что их политический идеал уже не был в полной мере тождествен традиционной византийской политической доктрине: «Он изменился, и это отразилось прежде всего в самом понимании истории Римско-Византийской империи. Так, Метохит, например, первым из писателей XIV и XV вв. стал усматривать в Византии не последнюю фазу в исторической схеме мира, как того требовала каноническая традиция, а просто одну из империй, подверженных всеобщему закону зарождения и разрушения. Как и другие литераторы, он был еще горд византийской цивилизацией, включавшей в себя античную греческую культуру, ибо для него, как и для писателей Никейской империи, византийцы были той же крови, что и древние греки. Сомнения в превосходстве византийской цивилизации стали проявляться несколькими десятилетиями позже его смерти»³¹.

²⁶ Dieten J.-L. van. Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen // Zeitschrift für Historische Forschungen. 1979. Bd. 6, H. 1. S. 5.

²⁷ Westerink L. C. Le Basilikos de Maxime Planude // BS. 1967. T. 28. P. 62, l. 538—540; P. 63, l. 541—580.

²⁸ Hunger H. Reich der neuen Mitte: Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 7.

²⁹ Barker J. W. The problem of appanage in Byzantium during the Palaiologan period // Byzantina. 1971. Vol. III. P. 105—106.

³⁰ Pertusi A. Op. cit. P. 32—33.

³¹ Ševčenko I. Theodore Metochites, the Chora and the intellectual trends of his time // The Kariye Djami / Ed. P. A. Underwood. Princeton, 1975. Vol. IV. P. 56.

Начиная с середины XIV в. византийские писатели уже «не уединялись в башне из словенной кости своих учений»³². Внутренняя ситуация в стране вызывала настороженность, опасения или разочарование современников. Димитрий Кидонис, характеризуя положение в стране в 40-е годы XIV в., не находил других слов, кроме как *συμφορά, ε;*; *ἄθρα, φθορά, πόλεμος, τραῦμα, τραῦδία*. Счастье и благополучие страны византийские авторы относили теперь к далекому прошлому либо к будущим временам. Беды страны в глазах современников были связаны с народными восстаниями, междоусобиями, постоянной борьбой за власть, неблагоприятной ситуацией при дворе. Разрушительные действия толпы, стремящейся подорвать установленный свыше и веками поддерживаемый порядок, рассматривались Димитрием Кидонисом и многими из тех, кто был равен ему по положению, как одна из главных причин бедственного положения страны.

Сложность внутривосточной ситуации в стране действительно определялась бесконечными междоусобиями, характерными для рассматриваемого периода в истории Византии, который можно определить как стадию политической раздробленности, когда сепаратистски настроенные силы успешно конкурировали с центральной властью и придворными группировками. Шла борьба между императором и его соправителем, между претендентами на императорский трон, между желающими занять высокий пост и уже его имеющими. Во многом отражая настроения средних слоев населения, Алексей Макремволит писал в плаче «На разрушение св. Софии от многократных землетрясений»: «Не были ли мы напрочь уничтожены беспорядком и смутой и взаимными истреблениями? Не были ли из-за этого наши деревни и города опустошены и покинуты их жителями?» (*Al. Makr. Thren. 37—39*). Оценка внутривосточной ситуации, данная аристократом Николаем Кавасилой в сочинении «Благочестивой Августе о проценте», созвучна сказанному Макремволитом: «Я называю бурей то время, когда императоры находились в ссоре, когда города снедались распрями, пренебрегали согласием между собой, когда был обнажен меч против законов и руки христиан облились кровью соотечественников» (*Cabas. Panég. P. 274. 39—275. 3*). В оценке социальной обстановки оба эти автора далеки друг от друга, но острое недовольство отсутствием в стране политического порядка объединяло представителей различных слоев. Характеризуя ситуацию при дворе, Алексей Макремволит рисует картину вражды и наушничества, вкладывает в уста богатых следующие жалобы: «... вы не знаете гнева правителей по отношению к нам, коварства и вражды, равных нам, ползучей зависти против имеющих большой успех!» (*Al. Makr. Dial. P. 212. 20—22*).

Пройдет еще около 50 лет, но внутривосточное положение в стране не изменится. Междоусобия и борьба за власть в стране станут хронической болезнью Византии, порожденной особенностями ее социального развития, отсутствием в стране сложившегося городского населения, которое могло бы стать союзником императорской власти в борьбе с феодальным сепаратизмом и консервативной бюрократией. Димитрий Кидонис в 1391 г. описывает политическое положение при дворе примерно теми же словами: «Продолжает господствовать старое зло, которое причинило общее разорение. Я разумею раздоры между императорами из-за призрака власти... Внутри же — восстания граждан... считающих друг друга самыми важными в императорских дворцах, и ссоры, и раздоры из-за первенства, и у каждого стремление, если бы он смог, завладеть всем одному-единственному...» (*Cydon. Corresp. Ep. N 442.51—56*). Димитрий Кидонис, сам не раз высказывавшийся в духе доктрины ойкуменизма, поставил под сомнение политическое, идейное и нравственное достоинство столицы: «Где право? Где закон? Где забота о науках? Где обучение богословию? Где, по крайней мере, видимость добродетели? Это ли город, которым мы очень гордимся?» (*Idem. Apol. I. P. 374. 57—59*).

Отношения церкви и светской власти являются одним из важных показателей характера средневекового государства. Исходя из господствовавшей в Византии доктрины ойкуменизма, следовало бы ожидать отражения в политической мысли рассматриваемого времени тезиса об особо значимом положении церкви в стране. Но если обратиться к первой «Апологии» Димитрия Кидониса, то становится очевидным, что наряду с императорским достоинством Константинополя он отрицает и его духовный престиж. Современниками было ясно, что забота о пастве не составляла главную цель патриарха. Все его усердие, согласно Кидонису, было обращено на то, чтобы угодить императору и удержаться у власти. Патриарх не имел

³² *Dieten J.-L. van. Op. cit. S. 12.*

возможности решать даже самые ничтожные вопросы: «Если же он осмеливается ответить или порицает кого-либо из клира, или привлекает к ответственности кого-либо из кабатчиков, или прини- {268} мает самое пустяковое решение, не кажущееся целесообразным императору, тотчас же начинается хождение в императорский дворец заинтересованных лиц и обнаруживается, что патриарх совсем неправомочен, хотя он и ссылается на Евангелие, апостолов, все каноны и законы» (Ibid. P. 373.27—38). Даже признавая долю преувеличения в этих словах Димитрия Кидониса, можно сделать вывод о том, что положение церкви и ее главы (константинопольского патриарха) не отвечало тому идеальному образу, который отводился им в доктрине ойкумены.

Отношения церкви и государства на протяжении поздневизантийского периода не оставались неизменными. В потоке политических событий XIV — первой половины XV в. значимость действий императора и патриарха зависели как от конкретной ситуации в стране в каждый отдельный момент ее истории, так и от личных качеств глав государства и церкви.

Периоды распрей, сотрудничества, лидерства императора или патриарха в политических делах сменяли друг друга. И если в сочинениях представителей поздневизантийской церкви отражена мысль о главенстве церкви (например, у патриарха Афанасия I, который обосновывал примат церкви перед государством, необходимость императора подчинять свою деятельность интересам церкви, активно работать во имя удовлетворения этих интересов), то в памятниках политической мысли, принадлежавших перу светских авторов, превалировал вывод о падении престижа церкви как внутри империи, так и в христианском мире в целом.

В поздневизантийское время оба опорных столпа фундамента концепции ойкуменизма — тезисы об акте основания нового Рима и его главенстве среди других столиц мира — «оказались подгнившими». Писатели эпохи не только констатировали наличие внутреннего дискомфорта в империи, но и видели разрыв между пропагандировавшейся идеей вселенского владычества Византии и ее реальной ролью в международных делах.

Византийская империя вынуждена была в течение первой половины XIV в. постоянно лавировать между сербами, болгарами, итальянцами, турками. С середины XIV в. отношения с османами станут определяющими во внешней политике империи. Это определяло и многочисленность сюжетов и сентенций в литературных сочинениях, так или иначе освещавших наиболее «больной» для империи вопрос — об отношениях именно с турками. Никифор Григора так комментировал историю Ромейской империи при Палеологах: «...если рассказывать о всех победах турок, показалось бы, что не историю мы пишем, а тянем жалобную песнь» (*Greg. I. P. 141.18—19*). Эти слова созвучны плачу, принадлежащему перу Алексея Макремволита: «Не были мы сыновьями агарян преданы разве, как овцы?... Не они ли совершали набеги на всю нашу землю и опустошали ее? Не населяли ли они наши прославленные и почитаемые города, с жителями которых, ранее пребывавшими в благополучии и не изведавшими зла, они обращались как с рабами? Не были ли мы по всей земле подвергнуты пленению? Не были ли из-за этого наши деревни и города опустошены и покинуты жителями?» (*Al. Makr. Thren. 30 sq.*). Для времени Макремволита это было не столько констатацией реальных событий, сколько обращенным к современникам предвидением неблагоприятной перспективы в развитии византийско-турецких отноше- {269} ний. И действительно, ближайшие десятилетия показали стремительность реализации завоевательных планов турок³³.

Однако для поздневизантийской политической мысли характерна неоднозначность оценки «турецкого вопроса». Как известно, многие политические деятели рассматриваемого периода не только не гнушались использовать военную силу турок в своих целях, но и считали такого рода соглашения с ними наиболее верным средством в решении сложных политических ситуаций. Особенно часто использовал турок в качестве союзников Иоанн Кантакузин. Poleмические сочинения, написанные им и направленные против ислама (PG. T. 154. Col. 372—692), не мешали ему вступать в самые близкие контакты с турками. Именно о таких методах решения политических конфликтов и писал Димитрий Кидонис: «Всякий понимает: кому из двоих (борющихся за власть.— *Авт.*) варвар окажет поддержку, тот и возобладает» (*Cydon. Congress. Ep. N 442*). Несмотря на все старания патриарха Афанасия I задержать процесс исламизации и устранить угрозу православию в захваченных турками восточных районах империи

³³ *Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Vierte Auflage. Weimar, 1985. S. 169—183.*

(причем вопреки прозападной точке зрения патриарх обосновывал идею опоры на собственные внутренние силы империи, побуждая проводить активный политический курс и призывая к священной войне — *πόλεμος ἰερός* — против ислама)³⁴, в политической мысли палеологовского времени все больше получала отражение позиция, легшая в основу платформы туркофильства. Согласно этой позиции, владычество турок не принесет ущерба христианской вере в силу их религиозной лояльности. Иоанн Кантакузин ответил папскому легату Павлу по поводу его сочувствия христианам, вынужденным жить среди турок: «Я не считаю их всех, как ты говоришь, нечестивыми, но думаю, что многие из них лучше и благочестивей многих из живущих в здешних землях...» (*Кант. Беседа*. 333. 23).

Примирительное отношение к туркам отражено и в сочинениях Григория Паламы, аполгета мистики, человека, оказавшего огромное влияние на общественное мнение и являвшегося в какой-то мере идеологом тех кругов, которые были связаны с действиями сепаратистски настроенной знати. Побывав в плену у турок, он — якобы со знанием дела — особо подчеркивал в своих сочинениях этой поры, что турки не посягают на свободу вероисповедания других народов³⁵.

Даже Алексей Макремволит, видевший реальные политические последствия турецкой экспансии, считал возможным оправдывать турок, признавая их большую, нежели у христиан, религиозность и нравственное превосходство (*Al. Makr. Logos*. 2. 37v—38r). Несомненно, на позицию Макремволита, писателя, ближе всех стоявшего к средним слоям населения столицы, оказало воздействие широкое общественное мнение, сформированное под впечатлением поведения латинян на завоеванных в результате Четвертого крестового похода византийских землях. Неприятие {270} господства латинян («братьев-христиан») приводило к пассивности населения перед угрозой турецкого завоевания: представлялось предпочтительнее испытать гнев со стороны нечестивых, чем стать жертвами христиан-латинян.

Преимущественное внимание лишь к одной линии в оценке поздневизантийскими писателями внешнеполитической ситуации — византийско-турецким отношениям — свидетельствует о том, что официальная политическая доктрина великодержавности уже не могла не встречаться современниками весьма скептически. Несмотря на мощное звучание хора энкомиастов, возвеличивающих авторитет империи, реалии внешней политики Византии заставляют верить тем немногим авторам, которые порой осмеливались вопреки традиции высказать публично иное мнение. Прежде всего здесь следует назвать Димитрия Кидониса, первого министра трех византийских императоров — Иоанна V Палеолога, Иоанна VI Кантакузина и Андроника IV Палеолога. Наряду с проофициальными и проправительственными заявлениями он в ряде писем, адресованных близким людям, и в нетрадиционном по своему сугубо критическому духу сочинении «Апология I» скинул пелену с придворной витиеватой вежливости и с являвшегося нормой политического поведения, сознательно ориентированного на следование канону³⁶. Кидонис открыто заявил, что в международных отношениях давно уже властвуют не византийцы, а турки (*Cydon. Apol.* P. 374.42—43). Как сами императоры, так и их подданные постоянно пользуются помощью турок и готовы перейти в их лагерь (*Ibid.* P. 374. 46—50). Те из соседних государств, которые раньше входили в орбиту влияния Византии, давно служат ее врагам (*Ibid.* P. 374. 51—52). Только те, кто не способен разобраться в сложившейся международной обстановке, кто «по невежеству, как говорят, пригоден лишь для того, чтобы пасти коз» (*Ibid.* P. 374. 53—54), по старой памяти еще тянутся к Византии.

Однако, несмотря на все просчеты и явные неудачи во внешней политике, Византия по-прежнему оставалась верна позиции великодержавности, называя соседей варварами и не принимая их в расчет («подобно ослам и быкам» — *Ibid.* P. 365. 77—80) при оценке политической ситуации на Балканах и в Малой Азии.

Дух официальной идеологии, несмотря на то что время от времени высказывались критически звучащие оценки в ее адрес, пронизывал политическое сознание византийцев. Димит-

³⁴ *Барабанов Н. Д.* Идеино-политическая борьба в Византии на рубеже XIII—XIV вв.: (По данным писем патриарха Афанасия I): Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1982 (машинопись). С. 174—175.

³⁵ *Meyendorff I.* Introduction à l'étude de Gregoire Palamas. P., 1959; P. 170; *Philippidis — Braat A.* La captivité de Palamas chez les Turcs: dossier et commentaire // ТМ. 1970. Т. 7.

³⁶ *Kianka F.* The Apology of Demetrius Cydonis: A Fourteenth-Century Autobiographical Source // EB. 1980. Vol. 8. P. 57—71; *Поляковская М. А.* «Апология I» Димитрия Кидониса как памятник общественной мысли XIV в. // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982. С. 20—37.

рий Кидонис писал о сохранении к середине XIV в. прежних канонов соизмерения значимости подданных империи и всех других народов: «Наши по-прежнему придерживались старого деления и делили всех людей на две группы — на греков и варваров» (Ibid. P. 365. 77—80). Веками воспитываемое и активно поддерживаемое правящими кругами высокомерие византийцев и в последний период жизни империи искусственно подогревалось если не истинной роскошью, то внешней эффектностью церемоний приема послов, выходов императора по праздничным дням, а также средствами массовой (по {271} меркам средневековья) пропаганды — преамбулами хрисовулов, идеализированными изображениями императоров на монетах и печатях, увеличением в поздний период размеров золотых печатей (за счет снижения содержания золота), привешиваемых к императорским документам³⁷. Однако внешнеполитические акты в поздневизантийское время теряют некоторые из хрисовульных атрибутов, текст договора на иностранном языке пишется не внизу, как было ранее, а рядом с греческим текстом, в договорах усиливается элемент двусторонности. Но, наряду с этим, структура жалованной грамоты до конца не изживается; внешнеполитические акты сохраняют форму милости, оказанной императором³⁸.

Одним из устойчивых элементов византийской политической культуры является патриотизм. Ἡ Πατρίς во все времена византийской истории была объектом наивысшего восхваления. Порожденная греко-римской традицией тема родины, любви к родной земле, долга перед своей страной не сходила со страниц византийских сочинений до самых последних дней жизни империи³⁹. Эта тема не только питалась уважением к основной константе античной идеологии, но и порождалась каждодневной тревогой за будущее родины. Византийский патриотизм был ориентирован преимущественно на официальную теорию ойкуменизма⁴⁰. В основе его по-прежнему лежало осознание принадлежности к великому народу. Превосходство византийцев-римлян над другими народами веками не подвергалось сомнению. Никифор Григора с гордостью противопоставлял достоинство римлян несовершенству языка, культуры, традиций варваров, например сербов (Greg. I. P. 379. 17—18). Признание особой избранности ромеев по сравнению с другими народами является «общим местом» византийской литературы.

Как уже отмечалось, в палеологовскую эпоху византийцы называли себя не только римлянами, но и эллинами. Последнее название постепенно вытесняло первое. Хотя официально византийское государство именовалось империей ромеев, византийцы стали склоняться к признанию себя греками прежде всего вследствие желания отмежеваться от современных им жителей Рима, расположенного по другую сторону Ионического моря⁴¹. Лишь позднее, в XV в., в идее эллинизма стали звучать отголоски только еще начавшегося формироваться самосознания будущей греческой нации. Георгий Гемист Плифон писал: «Мы — эллины по происхождению, о чем свидетельствует наш язык и отцовское воспитание» (PG. T. 160. Col. 821B)⁴². Но не следует видеть в этом заявлении Плифона концентрата оформленного греческого самосознания. Эллинизм Плифона был {272} одновременно и вариантом примера живу-

Файл byz3_273.jpg

Знаки Зодиака.

Греческая рукопись из Бодлейанской библиотеки.

Конец XIV в. {273}

³⁷ Dölger F., *Karayannopulos I.* Byzantinische Urkundenlehre: Die Kaiserurkunden. München, 1968. S. 40—45 u. a.

³⁸ Медведев И. П. Договор Византии и Генуи от 6 марта 1352 г. // ВВ. 1977. Т. 38. С. 161—172.

³⁹ Irmischer J. Griechischer Patriotismus im 14. Jahrhundert // XIVe Congrès international des études byzantines. Résumés, Communications. Bucarest, 1971. P. 26; *Закржевская О. Г.* Концепция патриотизма Никифора Григоры (к вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.) // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 85—95; *Поляковская М. А.* Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 45—52.

⁴⁰ Ahtweiler H. *Eidéologie politique de l'Empire byzantin.* P., 1975. P. 51.

⁴¹ Beck H.-G. *Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat.* S. 92.

⁴² Nikolau Th. *St. Αι;` περι;` πολιτείας και;` δικαίου ι;`δέαι τοῦ Γ. Πλήθωνος Γεμιστοῦ.* Θεσσαλονίκη, 1974. Σ. 100, 102.

чести античных традиций: «С тех пор, как помнят люди, эллины всегда населяли эту страну, и никто другой не жил здесь до них» (Ibid. Col. 824A)⁴³.

Но как бы ни называли себя византийцы — римлянами или греками, их патриотизм носил очевидный оттенок великодержавности. Непризнание полноценности любого из варваров — вот оборотная сторона византийского патриотизма. Даже Никифор Григора, представляющий немногочисленную когорту прогрессивно мыслящих ученых, высказался в духе традиционного понимания патриотизма: «Разве не мудрец был тот, кто провозгласил себя блаженным за то, что родился эллином, а не варваром?» (Greg. I. P. 383. 9—10).

Димитрий Кидонис, сломав в «Апологии» все каноны выражения патриотического долга, предвидел, что он, по всей вероятности, не будет понят соотечественниками⁴⁴. Но реальная ситуация вынудила его произнести слова, которые более, нежели многочисленные дифирамбы в адрес василевса и столицы, соответствовали конкретной политической обстановке в стране: «Родина горда и не терпит, чтобы кто-то из граждан смел противоречить ее мнениям... Поскольку я ее гражданин, она принуждает говорить заодно с ней» (Cydon. Apol. P. 400. 94—97). Согласно Кидонису, непомерное словоблудие энкомиастов может сослужить лишь плохую службу родной стране. Истинный гражданский долг состоит отнюдь не в бесконечных похвалах в адрес отчизны, а в реальном желании помочь ей в трудную минуту. Эта мысль очень четко отражена в «Апологии»: «Я называю (долгом) хорошего гражданина не только стремление преумножить делами честь города, но и заботу о том, чтобы он не приобрел дурной славы...» (Ibid. P. 396. 52—54). Почитая родину самым святым из всего, что имеет человек, будучи готовым встать на ее защиту в случае войны (Ibid. P. 400—401), Кидонис видит пользу для родной страны в том, чтобы порой с ней не согласиться, если она стоит на неверном пути («...желающие слушаться только родины в действительности умерщвляют ее неуместным угодничеством» — Ibid. P. 401.23—24). Он отмечает в «Апологии», что любовь к отчизне должна быть разумным чувством. Восхваляя родину, нельзя поносить остальные народы, преступая этим справедливость. Автор сочинения глубоко убежден, что есть предел выражению слепой любви к родине: «...я обещаю быть слугой отчизне; но если она требует предпочтения перед Богом и истиной, я спрашиваю ее, нужно ли ей оказывать такую услугу, которая приносит вред и ей, и мне самому» (Ibid. P. 400. 12—15).

Позиция Димитрия Кидониса свидетельствует, что к середине XIV в. официальная политическая доктрина дала трещину. Появление приведенных мнений о сущности патриотизма было не просто индивидуальной позицией Кидониса: жизнь диктовала изменение внешнеполитического курса политики страны. И хотя суть доктрины продолжала жить как в официальных заявлениях и церемониале, так и в политическом сознании, попытки утвердить контакты с другими народами подтверждали своевременность выступления Димитрия Кидониса, видевшего намного дальше, чем его современники. {274}

Перемены в соотношении политических сил в Юго-Восточной Европе ставили Византию перед необходимостью пересмотра своих позиций в отношении тех, кто по традиции именовался варварами. Это отразилось, например, в изменении официальной титулатуры государей, с которыми василевс вступал в политические контакты⁴⁵. Так, если отношения византийского императора с турецким правителем с середины XIV в. вплоть до 1421 г. были зафиксированы в придворной иерархии⁴⁶, то в 30—40-е годы XV в. турецкий правитель считался уже не сыном отца-императора, а его другом⁴⁷. Этот пример свидетельствует о том, что реакция византийского правительства на изменения в реальной расстановке сил на внешнеполитической арене была крайне замедленной, сдерживаемой многовековой традицией, закрепленной в политическом сознании десятков поколений.

Конкретная политическая ситуация принципиально изменила положение Византии в международном мире: ей нужно было теперь просить о помощи, а не оказывать покровитель-

⁴³ См. об этом: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм. С. 126—130.

⁴⁴ *Поляковская М. А.* Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом. С. 45—52.

⁴⁵ *Dölger F.* «Familie der Könige» im Mittelalter // *Byzanz und die europäische Staatenwelt.* Darmstadt. 1964. S. 39. Anm. 8.

⁴⁶ *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1985. S. 51—56.

⁴⁷ *Медведев И. П.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи. С. 137—139.

ство, как бывало некогда. В силу этого тезис официальной концепции, противопоставлявший ромея варвару, стал постепенно подвергаться корректировке. Показательно в этом плане развитие отношений с итальянцами.

В империи издавна сложилось несколько презрительное отношение к итальянцам как к торговцам, кабатчикам, морякам. Димитрий Кидонис, критически оценивая эти настроения, писал: «...если кто-то говорил о латинянах, представлялись паруса, весло и то, что суша получает с моря...» (Ibid. P. 364. 3—40). Алексея Макремволита, как и многих представителей народа, возмущало то, что презренные латиняне, допуская непристойности с точки зрения православия в своих богослужениях, богатели за счет византийцев (*Makr. Logos. 144.12—145.2; 148.19—27*).

Лишь немногим из образованных людей империи было дано понять значение культурного подъема, характерного для итальянских городов XIV—XV вв. Реальной оценке мешали как религиозные разногласия, так и привычка считать себя единственными хранителями и истинными почитателями наследия древних авторов. Одним из немногих, кто смог понять значительные преимущества итальянцев в области знания греческой философии, был Димитрий Кидонис. Его политическая позиция определялась во многом увлечением западной культурой.

Занимая пост первого министра императора, Димитрий Кидонис решил в отличие от многих других политических деятелей изучить язык своих постоянных партнеров по различного рода переговорам и столкновениям. Чисто практические цели изучения латинского языка привели его к увлечению трудами западных авторов, и он занялся их переводами⁴⁸. Кидонису неоднократно приходилось бывать в Италии. Осознавая, что препятствием к взаимному пониманию являются прежде всего религиозные вопросы, он много сил потратил на объяснение того, что у византийцев и латинян даже в этой сфере больше общего, нежели различного. Священное писание как источник веры и православных и католиков должно было, по Кидонису, создать «гармонию обеих группировок» (*Cydon. Apol. P. 367. 49—368. 52—53*). Он считал по меньшей мере неразумным, что признание или непризнание филиокве в течение столько долгого времени порождало рознь среди христиан.

Провозглашая необходимость взаимопонимания между ромеями и латинянами, Димитрий Кидонис стремился устранить пропасть между этими народами и убедить соотечественников в их близости к латинянам⁴⁹. Вполне понятно, что позиция «месадзона» не могла не вызвать противодействия, ибо к середине XIV в., как уже упоминалось, доктрина ойкуменизма, несмотря на неудачи империи на всех фронтах, еще продолжала процветать. Под предлогом дурного влияния латинских трудов на молодежь, которая скоро объявит «все отечественное устаревшим» и устремится к иностранному, позиция Димитрия Кидониса стала предметом осуждения в кругах придворных вельмож. Пропагандируемая Кидонисом идея необходимости ближе узнать соседей была объявлена предательской. Он оказался в центре всевозможных пересудов: «Не только в кулуарах, но и вокруг уже говорили, что я злоумышляю против общей веры и стремлюсь опрокинуть установленное» (Ibid. P. 365.67—69), «я подвергался многим нападениям, не только скрытым, но и явным, и не со стороны случайных людей, сила которых только в том, чтобы сказать дурно, но и тех, кто мог бы ощутимо навредить и лично, и через друзей, и с помощью влиятельных при дворе лиц» (Ibid. P. 387. 79—83). Общественное мнение придворных кругов было сориентировано на поддержание незыблемости прежней политики великодержавности. Только единицы осознавали, что подобное направление в решении международных проблем бесперспективно и, более того, опасно.

Несмотря на то что в позиции Димитрия Кидониса можно усмотреть ряд положительных моментов с точки зрения развития политического сознания, в целом она была лишь вариантом латинофильства. Собственно говоря, с Димитрия Кидониса и начала оформляться в палеологовской Византии эта группировка, стремившаяся получить для империи помощь со стороны западных государств. Подобного рода ориентация не была новым явлением в политической жизни страны. Начиная с 1054 г., когда христианская церковь оказалась разделенной на

⁴⁸ *Rackl M. Die griechische Übersetzung der Summa theologiae des hl. Thomas von Aquin // BZ. 1923—1924. Bd. 24, H. 1—2. S. 48—60; Kianka F. Demetrius Cydones and Thomas Aquinas // Byz. 1982. T. 52. P. 265—286.*

⁴⁹ Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е годы XIV в.) Свердловск, 1981. С. 65—69.

две части, время от времени слышались голоса в пользу необходимости объединения братьев-христиан. Хотя эти мнения воплощались обычно в идее унии церквей, речь шла прежде всего об отношениях православных и католиков в политической сфере. Идея унии была, по сути дела, идеологической вуалью, прикрывавшей развитие политических связей Византии как с римским папой, так и с западными странами в целом.

Новый импульс прозападной ориентации был дан в 60-е годы XIV в., когда резко осложнилось внешнеполитическое положение Византии. Турки угрожали уже не границам, а самой столице империи. В 1361 г. они {276} взяли Дидимотику, в 1362 г. — Адрианополь. На этом неблагоприятном для Византии политическом фоне объявление Урбаном V намерения перенести папскую резиденцию из Авиньона в Рим демонстрировало усиление международного авторитета престола св. Петра. Глава католического мира для большего упрочения своего положения после многих десятилетий «авиньонского пленения» был не прочь объединить под эгидой Рима и восточнохристианскую церковь. Византийское правительство усмотрело в этой позиции папы гарантию предоставления военной помощи Византии со стороны западных государств⁵⁰; Димитрий Кидонис представлял тех немногих, кто начал склоняться к признанию приоритета (в том числе и политического) не восточнохристианской, а именно западной церкви над всей ойкуменой. Кидонис писал в 1353 г.: она «первенствует над всеми народами вплоть до Гадиры» (т. е. Кадиса), вершит власть над Галлией, Испанией и Германией на севере, которые, как говорят, числом превосходят всех остальных христиан, вместе взятых. Она распространяется на запад до океана и дает законы людям больших островов... Она посылает учителей истинного богословия вплоть до границ ойкумены, во всем законодательствует относительно божественных и человеческих сочинений, таким образом, она повсюду стала пританием мира и мудрости, матерью-повелительницей по отношению ко всем» (Ibid. P. 372. 90—95; 373. 11—15).

Однако реальная ситуация вопреки обещаниям папы складывалась не в пользу Византии. Практическую помощь империи стремился оказать только король Кипра Петр I, но возможности его были крайне ограничены. Переговоры с Венгрией не дали желанных результатов по созданию объединенного войска западных государств. Самые крупные из европейских государств — Франция и Англия — уже несколько десятилетий пребывали в состоянии затянувшейся Столетней войны. Переговоры же в Венгрии были поставлены под прямой контроль со стороны папы; условием будущего крестового похода против турок Урбан V ставил переход греческого народа в католичество⁵¹. Европейский мир не осознавал в полной мере ту опасность, которая может последовать для народов Центральной и Юго-Восточной Европы в случае поражения империи. Вопрос об унии оттеснял на задний план задачи сохранения мира и безопасности в Европе в условиях натиска со стороны османов.

Папская канцелярия отправила письма греческому народу и отдельным лицам (сыновьям императора, императрице Елене, Иоанну Кантакузину, патриархам константинопольскому и иерусалимскому), склоняя их к союзу с римской церковью. Понимая, что переход в католичество может подтолкнуть и убыстрить подготовку общего войска для отпора наступлению османов, пролатински настроенные византийцы пришли к выводу о неизбежности этого шага. Католиками стали Димитрий Кидонис и Иоанн Ласкарис Калофер⁵². {277}

Им, а также позднее Михаилу Стронгилу и претору Константинополя Иоанну были направлены папой благодарственные письма в связи с пониманием ими значения церковного союза⁵³. В 1369 г. была проведена процедура принятия Иоанном V Палеологом римского символа веры. Как известно, однако, все попытки заручиться помощью Запада оказались безуспешными. Даже Димитрий Кидонис жаловался одному из своих западных корреспондентов: «Франки ограничиваются в благотворительности лишь речами, посланиями и обещаниями.

⁵⁰ Катанский А. История попыток к соединению церквей греческой и латинской в первые четыре века по их разделению. СПб., 1868. С. 219—227.

⁵¹ Halecki O. Un Empereur de Byzance à Rome: Vingt ans travail pour l'union des églises et pour la défense de l'Empire d'Orient 1355—1375 // Travaux Historiques de la Société des sciences et des Lettres de Varsovie. Warschau, 1930. Vol. 8, N 5. P. 363—364; Wirth P. Die Haltung Kaiser Johannes V bei den Verhandlungen mit König Ludwig I von Ungarn zu Buda im Jahre 1366 // BZ. 1963. Bd. 56. H. 2. S. 271—272.

⁵² Loenertz R.-J. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès. Città del Vaticano, 1947. P. 111.

⁵³ Halecki O. Op. cit. P. 363—364, 368.

Дошло до того, что турки, язвительно смеясь, спрашивают, сообщал ли кто-нибудь что-либо о крестовом походе» (*Cydon. Corresp. Ep. N 93. 47—60*).

Византия находилась в состоянии глубокого политического упадка в течение всего последнего столетия ее истории. Неустойчивость социально-экономического положения, критические ситуации во внешнеполитической сфере, невозможность создать надежную политическую коалицию против турок в условиях разобщенности балканских государств, переживавших стадию политической раздробленности,— все это поддерживало постоянное кризисное состояние империи. Представители высшей аристократии зачастую занимали открыто капитулянтскую позицию⁵⁴. Разногласия между латинофилами, туркофилами и группировкой православного духовенства, боровшегося с теми и с другими, но не занявшего собственной патриотической позиции, направленной на консолидацию всех сил, а, напротив, насаждавшего рознь, к концу XIV — началу XV в. приобрели, как представляется, политический характер.

В этот период территория Византии и балканских государств становилась не только плацдармом развертывания османской экспансии, но и объектом действия политики католических государств, использовавших различные методы, направленные на еще большее разобщение и без того не сложившегося блока православных государств (поддерживая, например, не латинофильскую, как следовало бы ожидать, а православную группировку или туркофилов на территории империи и других балканских государств)⁵⁵.

После договора, заключенного в Галлиполи в 1403 г. и последовавшего за разгромом султана Баязида войсками Тимура в битве при Анкаре, в Византии на недолгое время вновь оживились политические настроения, связанные с планами в духе ойкуменизма, но они, несмотря на некоторые проявления общей стабилизации империи в 1403—1422 гг.⁵⁶, не могли оказаться прочными. С осадой столицы империи султаном Мурадом II в 1422 г., открывшей заключительный этап османской экспансии⁵⁷, вновь активизировались те политические силы, которые ориентировались на получение поддержки извне. Когда же в 1431 г. турки захватили Фессалонику, второй по значимости город после Константинополя, идея унии церквей снова стала популярной. Борьба за и против унии составляла главное содержание политической жизни империи. {278}

Вопрос о соединении западной и греческой церквей приобрел в 30-е годы XV в. в значительной степени политический характер, хотя по-прежнему предметом споров оставались догматические вопросы. Сочинения участников дискуссий Виссариона Никейского, Марка Эфесского, Сильвестра Сиропула, Георгия Схолария и других представителей поздневизантийской общественной мысли отражали основной идейный фон политической жизни этого времени. Кульминацией борьбы между группировками латинофилов и православных стал Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг.⁵⁸ Полтора года ожесточеннейших споров между членами греческой делегации на соборе⁵⁹ свидетельствовали о том, что трагичность внешнеполитического положения Византии оказалась тем фактором, который определил исход обсуждения вопроса об унии. Однако ее неэффективность заставила тех, кто на соборе поддержал необходимость ее заключения, вновь встать на позиции православной группировки. Георгий Схоларий, ученик главы православных Марка Эфесского, перешел на соборе на сторону латинофилов, аргументируя свою позицию мотивами политического характера, прежде всего необходимостью защищать родину в трудный для нее момент. Однако по возвращении в империю Георгий Схоларий вновь перешел в православие, поняв, по всей вероятности, бессмыс-

⁵⁴ Удальцова З. В. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // ВВ. 1953. Т. 6. С. 93—121.

⁵⁵ Цветова Б. А. Паметна битка на народите: Европейският югоизток и османското завоевание — края на XIV и първата половина на XV в. Варна, 1979. С. 93, 97, 106, 128, 287.

⁵⁶ Matschke K.-P. Op. cit. S. 142—238.

⁵⁷ Werner E. Op. cit. S.243—249 u. a.

⁵⁸ Удальцова З. В. Борьба партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // ВВ. 1950. Т. 3. С. 106—132; Она же. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. Т. 37. С. 80—88.

⁵⁹ Décarreaux S. Les Grecs à Ferrare pour le Concile de l'Union des églises d'après les mémoires de Syropoulos // Revue des études Italiennes. 1962/63. Vol. 9. P. 33—99; 1964. Vol. 10. P. 219—239; 1965. Vol. 11. P. 472—490; Vol. 13. P. 148—183; Idem. Les Grecs au Concile de l'Union Ferrare-Florence, 1438—1439. P., 1970.

ленность надежд на помощь латинян. После смерти Марка Евгеника он стал главой православной группировки.

Политические ориентации идейных лидеров последних десятилетий византийской истории не были однозначными и отнюдь не всегда были устойчивыми. Даже критическая ситуация, ставившая вопрос — быть или не быть империи,— не создала основы для консолидации сил. Во многом это было предопределено как особенностями социального развития Византии, так и очевидными сепаратистскими тенденциями в поведении правящих кругов. Народные массы империи, давно уже дезориентированные, имели определенную позицию только по вопросу об унии. Социально-политический опыт времени латинского владычества диктовал негативное отношение к латинянам.

Поздневизантийская политическая мысль на различных ее уровнях — политической теории, идеологии и конкретного понимания политической ситуации — в целом отражала реальные импульсы общественной жизни. Разумеется, она не всегда была адекватной объективным процессам общественного развития империи. Но по сравнению с другими сферами общественного сознания (социальные воззрения, философия, мораль и др.) политическая мысль быстрее и более гибко реагировала на события эпохи. Появление политических идеалов просвещенной монархии отражало те гуманистические тенденции, которые характерны для поздневизантийской культуры в целом. {279}

11

Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии

Есть нечто знаменательное в том, что история возрождения Византийской империи после латинского завоевания в XIII в. была описана очевидцем событий Георгием Акрополитом столь сдержанно, без эмоций, лаконично и подчеркнуто отстраненно, словно речь шла не о восстановлении «богоизбранной империи», а о кратковременной реконсолидации территорий, переходивших от одного государства к другому. Действительно, начавшейся эпохе последнего взлета византийской цивилизации, называемой в науке Палеологовским возрождением, хронологически не было суждено продлиться многие столетия. Однако она стала одним из самых ярких периодов истории культуры. И это нашло особое преломление и в развитии исторической мысли.

Георгий Пахимер (1242—ок. 1310) принадлежал к поколению учеников Георгия Акрополита. Родившийся в Никее, он после 1261 г. переезжает в Константинополь, где получает прекрасное общее образование, включая, помимо философии и риторики, физику и математику. Как и его учитель, Пахимер обратился к рассказу о событиях, современником которых он был, создав памятник полумемуарного, полумонументально-историографического типа. Своей «Историей», охватившей период примерно с 1260 до 1308 г., Пахимер продолжал Хронику Георгия Акрополита, описав правление первых двух императоров из династии Палеологов (повествование о последних годах правления Ласкарисов носит характер предыстории, необходимой для пояснения последующих событий). Как и Акрополит, Пахимер не был автором единственного (исторического) произведения, и его творчество отнюдь не исчерпывается историографическим трудом: важное место в истории византийской культуры занимают его философские, риторические и правовые сочинения.

Однако, несмотря на многочисленные черты сходства двух крупнейших историков XIII в., внутренний смысл их историографических произведений во многом различен. Прежде всего, жизнь каждого, из них протекала в разных социальных кругах: ставший в конце концов великим логофетом Акрополит всю свою сознательную жизнь провел при императорском дворе, в кругу крупных государственных чиновников; Пахимер же был прежде всего духовным лицом, принадлежа к клиру патриархата. Этим объясняется его живой интерес к церковно-политическим и догматическим спорам, столь резко обострившимся в первые годы возродив-

шейся империи на Босфоре, прежде всего к греко-латинской полемике о церковной унии. Пахимер — ревнитель идей эллинского {280} патриотизма, враждебно настроенный к католическому западу. Пожалуй, сама историческая ситуация, изменившаяся по сравнению со временем Георгия Акрополита — порой восстановления византийского могущества, когда теперь со всех сторон над Византией нависла серьезная опасность, а внутри государства на различных уровнях шли острые дискуссии и распри, не располагала к сдержанному, несколько острозащитному фактологическому, пусть субъективно организованному, описанию. Уже в начале повествования Пахимер выдвигает тезис о бедственном состоянии государства, о превращении исторического процесса в «смуту событий» (η; τω; ἴν; πραγμάτων σύγκυσις — *Pachym. Hist. I. P. 14. 14—15; II. P. 12. 5—6; 257. 17—259.1*). Это выражение — лейтмотив всего произведения. Историкую свойственно эмоционально обостренное восприятие слабости общественной системы Византии¹, столь отличающее его от Акрополита — государственного чиновника, свидетеля упрочения и стабилизации ее государственной системы, способного в этих условиях трезво анализировать даже сложные политические ситуации, вскрывая причины казавшихся временными неудач и находя им оправдание. Ощущение же надвигающейся беды, тревоги за будущее у Пахимера сродни оценкам его современника и соученика — будущего константинопольского патриарха Григория Кипрского². Таким образом, это отмеченное в «Истории» состояние напряженности социально-психологической атмосферы в государстве было отражением реальной ситуации, а не субъективными рефлексиями историка.

Конечно, несмотря на декларацию Пахимера следовать в повествовании только истине, которая является «душой истории» (*Ibid. I. P. 12. 11*), он не отказывается ни от собственных оценок, ни от самостоятельных суждений. Впрочем, все историки рассматриваемой эпохи — и Акрополит, и Пахимер, и Григория — клянутся в своей беспристрастности, создавая, однако, произведения, глубоко отличные друг от друга как в сюжетном отношении, так и в историко-философском.

Пахимер — первый среди византийских историографов, с которым традиционно связывается в науке понятие гуманиста³. Действительно, его творчество, не противореча в целом классическим византийским нормам, во многом близко по духу произведениям Палеологовского гуманизма. Дело не только в многочисленных цитатах из античных авторов в «Истории» Пахимера и в органичном использовании образов древней языческой мифологии: подобное не было в Византии уникальным и до палеологовской эпохи. Гораздо важнее тонкое понимание этим историографом глубинного смысла древних текстов (прежде всего Гомера), значения редких архаичных слов и выражений⁴.

Снова пространственно-временные ориентации в греческой историо-{281}графии окрашиваются в тона ахейской архаики: при датировках регулярно применяются аттические наименования месяцев⁵, а города и области называются в соответствии с нормами классических Афин. Более того, движущей силой всех событий оказывается у Пахимера главным образом персонифицированное божество судьбы — аналог античной Тихи. Античные категории предопределения, рока занимают центральное место в мировоззренческой системе историка (*Ibid. I. P. 94. 15 sq.; 128. 3; II P. 70. 17; 433, 14; ср.: I. P. 139. 16; 59. 3—5*)⁶.

И в целом снова ход истории обретает на страницах исторических сочинений XIV в., начиная с Пахимера, циклический характер. Так, автор принимается за свой труд, «чтобы время частыми периодическими сменами циклов не сокрыло многое», — говорит историк (*Ibid. I. P. 12. 5—6*), парафразируя мысль античного «мудреца» (подразумевая «Аякса» Софокла)⁷.

¹ *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 448.*

² Ευ; στρατιάδης Σ. Γρηγορίου τοῦ Κυπρίου, οἰ; κουμενικοῦ πατριάρχου, ε; πιστολαί; και; μῦθοι // ΕΦ. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ; , Τ. Α' — Ε'. 1908—1910. Ν 132.5-10; 134.24—27; 135.4—14; 136.70—72; 137.18—21; 160.3—14; 162.5—7; 164.9—24; 181.4—8.

³ *Arnakis G. George Pachymeres — a Byzantine Humanist // The Greek Orthodox Theological Review. 1966—1967. Vol. 12. P. 161—167; ср.: Hunger H. Op. cit. S. 451.*

⁴ *Фрейдберг Л. А., Понова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета. IX—XV вв. М., 1978. С. 239.*

⁵ *Arnakis G. The Names of the Months in the History of Georgios Pachymeres // BNJ. 1945—1949 (1960). Bd. 18. S. 144—153.*

⁶ *Hunger H. Op. cit. S. 451.*

⁷ Ἄπλαθ' ο; μακρο;ς κα; νερθητος χρόνος // φύει τα; ; ἄηλα και; φανέντα κρύπτεται. Ср. у Пахимера: ... το; φανέντα κρίπτεσθαι... (*Pachym. Hist. I. P. 12.8*).

Снова время в истории греческой исторической мысли становится субстанцией, самостоятельной, активной категорией бытия.

Вместе с тем вряд ли следует отождествлять миропонимание Пахимера с европейскими гуманистическими представлениями о месте человека в мире: ему чуждо совмещение монашеского послушания (τη;̃ μοναχ'κη;̃;) πολιτεία;,) кротости и смирения (πραότης και;` δικαιοσύ;` νη) с «человеческими добродетелями» (τη;̃ς καθα;`ς;` ἄνθρώπων α;`ρετης;̃ς) светского общения и свободного поведения (Ibid. 1. P. 304. 11—12)⁸. Еще в XI в. Пселлу такое сочетание представлялось привлекательным в образе монаха Ильи⁹. Да и основная движущая сила истории — божественный Промысел (πρόνοια), судьба, хотя и совпадают в своем словесном облике с аналогичными античными божествами, предстают у Пахимера в полном соответствии со средневековым христианским мировоззренческим этикетом в виде внешней трансцендентной силы — высшей неотвратимой необходимости.

Воплощением принципов гуманистических тенденций в историографии поздней Византии может считаться «Ромейская история» крупнейшего ученого, философа, эрудита Никифора Григоры (нач. 1290-х годов — ок. 1360)¹⁰. Родившийся в Ираклии Понтийской, он обучался в Константинополе логике и риторике у патриарха Иоанна Глики, а философии и астрономии — у виднейшего византийского гуманиста Феодора Метохита. Это во многом предопределило его судьбу — судьбу ученого, литератора и творца, автора многочисленных научных и литературных произведений. Не достигнув и 30 лет, Григора оказался в центре интеллектуальной и религиозно-политической жизни столицы, войдя в круг самых приближенных людей императора Андроника II Палеолога. Он выступал здесь в роли влиятельного советника, посла, учителя, ратора. При {282} Андронике III он принял активное участие в догматических дебатах, особенно страстно проявляя себя в антилатинской полемике. С изменением политической ситуации после утверждения власти Иоанна Кантакузина Григора был заточен в 1351 г. в монастырь Хоры, где находился вплоть до воцарения Иоанна V Палеолога (1354 г.). В последние годы жизни Григора продолжал активную, хотя и не всегда успешную полемику как с паламитами, так и с экс-императором, ставшим также монахом.

В отличие от приверженца Аристотеля Пахимера Григора следовал идеям Платона¹¹. С этих позиций эллинского классицизма он противился сближению с Западом — в эпоху, следовавшую за Лионской унией (1274 г.) Вместе с тем его философский номинализм с трудом уживался с мистикой восточного монашества, и антипаламитская направленность полемики Григоры имеет поэтому не только церковно-политические, но и глубокие философско-гносеологические корни¹².

Научные и философские воззрения гуманиста нашли свое отражение и в одном из самых объемных трудов византийской историографии — его «Ромейской истории», охватывающей период с 1204 по 1359 г. Первая часть труда, повествующая о событиях до 1320 г., соответствует сюжетам хроник Георгия Акрополита и Пахимера¹³, вторая же, во многом автобиографичная, представляет собой мемуары, в значительной мере посвященные борьбе с Григорием Паламой. Если в оценке значимости истории Акрополит подчеркивал прежде всего необходимость объективного изложения последовательного хода событий с их рационалистическим осмыслением, а Пахимер воспринимал историю как своего рода высший суд и источник истины в оценке совершенных людьми деяний, то Григора выделяет нравственную концепцию истории: она — «живой и говорящий голос» (Greg. I. P. 4. 12), хранительница прошлого и наставница в жизни, позволяющая предвидеть и будущее (Ibid. I. P. 4. 13—15; 5. 5—7). Примечательно, что прогностические функции историографии выходят в византийской философии ис-

⁸ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. С. 29.

⁹ См.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978. С. 74 и след.

¹⁰ Указываются и иные даты жизни историка (ок. 1295—1361); см.: Guiland R. Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. P., 1926. P. 4; Van Dieten J.-L. Entstehung und Überlieferung der Historia Rhomaike des Nikephoros Gregoras. Köln, 1975. S. 1—2.

¹¹ Guiland R. Op. cit. P. 82.

¹² Beyer H.-V. Nikephoros Gregoras als Theologe und sein erstes Auftreten gegen die Hesychasten // JÖB. 1971. Bd. 20. S. 171 ff.

¹³ Van Dieten J.-L. Op. cit. S. 12 ff.

тории на первый план и у Пахимера, и у Григоры: история позволяет всем стать «пророками, на основании совершенного угадывающими будущее» (Ibid. I. P. 5. 5—7)¹⁴.

История для Григоры — своего рода «летопись действий и жестов человеческого ума», обязывающая историографа «показать все, что служит во славу человеку»¹⁵. Такая гуманистическая нацеленность не только декларируется автором, но и воплощается непосредственно в ткани его труда. Поэтому Григора не просто излагает в «Истории» события или описывает ситуации, но воспроизводит и тексты богословских трактатов, и полемические диалоги, и философские рассуждения, и пространные речи персонажей, являющиеся «зеркалом деяний» исторических героев (Ibid. II. P. 642. 17—18).

Богословская проблематика занимает центральное место в мемуарах Григоры, и это естественно для современника исихастских споров. Актуальность этих проблем для духовной жизни Византии первой трети XIV в. подтверждается и созданием в это время «Церковной истории» Никифором Каллистом Ксанфопулом (PG. T. 145. Col. 557—1332; T. 146; 147. Col. 1—448), вернувшимся к истокам догматических контроверз.

Однако этой проблематикой далеко не исчерпывается труд Григоры. Давно подмечен его интерес к социально-экономическим, календарно-астрономическим вопросам, которым посвящены целые трактаты, включенные в «Ромейскую историю» (*Greg.* I. P. 30—41, 42—44; III. P. 511—517; ср.: III. P. 27—29, 38—42; I. P. 449.3—454.6). Небесным знамениям историк придает большое значение в связи именно с людскими судьбами (Ibid. I. P. 108.18—109.7; I. P. 49.23—50.5), однако его ссылки на оракулы, божественное безумие (θεομηνία), пророчества и знамения сродни скорее античным топосам, чем набожным сентенциям ранневизантийских хронистов о проявлении гнева господня (Ibid. I. P. 32.19—33.1; 423.13; 549.2). Толкованиям снов Григора посвятил специальный трактат — «Комментарии к Синесию».

Григора исходит, разумеется, из примата божественного Провидения («Пронии») над судьбами людей (Ibid. I. P. 20.19—21; 73.15—74.1; 206.25—207.1; ср.: I. P. 224.18—226.2; 316.1—317.1), однако он принципиально против концепции самопроизвольности судьбы, предопределяющей человеческие поступки¹⁶. Способность Промысла проникать в будущее не предопределяет навязывание Богом тех или иных поступков, в том числе дурных: зло не может исходить от Бога (Ibid. III. P. 210. 17; 211.25—212.1). Вместе с тем социальные воззрения автора далеки от оптимизма: государство он представляет трупом, на который набрасываются, соперничая, враги — турки и татары¹⁷ (Ibid. I. P. 535.11—18). Впрочем, если судить по письмам Григоры, станет ясно, что даже при осознании надвигающейся катастрофы ему чуждо чувство безысходности: «Не менее хвалю я саму эпоху за то, что, подобно какому-либо жестокому палачу, все вокруг приведя в беспорядок, она тем не менее дала нам людей, которые, молча или высказываясь, помогут облегчить положение в государстве» (*Greg.* Ep. Vol. 2, N 13)¹⁸. Григора понимает, что в переломную эпоху в жизни общества происходит активизация интеллектуальной деятельности.

Столь же неоднозначен и образ государства, описываемый часто у Григоры в категориях морской стихии¹⁹. Тема кораблекрушения обычна у него в данном контексте. Империя уподобляется большому кораблю, влекомому бурей, потерявшему и якорь и мачту. С грозным морем ассоциируются вторжения врагов и внутренние смуты; жизнь сравнивается с морем бедствий, шквалом, штормом. Вместе с тем и образ утихающей бури, преодоления стихии при умелой навигации — также постоянная тема Григоры; основная его мысль — возможность спасения, {284} способность — при знании средств — выбраться из пучины, обрести спасительную гавань.

Не менее сложна у Григоры, как показал А. П. Каждан, и тема недуга (в том числе государства и общества), пусть губительного (так почти исключительно у Никиты Хониата), но

¹⁴ Ср. *Досталова Р.* Византийская историография (характер и формы) // ВВ. 1982. Т. 43. С. 25.

¹⁵ *Guilland R.* Op. cit. P. 231.

¹⁶ *Каждан А.П.* «Корабль в бурном море»: К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 10.

¹⁷ *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981. N II. P. 172.

¹⁸ Перевод: *Медведев И. П.* Указ. соч. С. 12.

¹⁹ Подробнее об этом: *Каждан А. П.* Указ. соч. С. 3 сл.

излечимого при умелом врачевании, а также тема огня — гибельного (у Хониата), но и источника страстных побуждений, желания (у Григоры).

Эти образы вполне отражают мировосприятие историка и мыслителя, утверждавшего, что «в мире нет ничего постоянного и устойчивого и что дела человеческие, по Платону, это лишь игрушка в руках Бога, и в своем движении — вверх и вниз — они устремляют свой совершенно не постижимый бег» (*Greg.* I. P. 257.3—7). Упирая на нестабильность человеческих судеб, Григора убежден, однако, в постоянной возможности перемен к лучшему в условиях бесконечного смещения вещей (*Ibid.* II. P. 1013.20—1014.2), когда попавшему в гущу бедствий следует быть стойким, опираясь на разум (*Ibid.* II. P. 1014.8—16). Однако индетерминизм человеческой воли все же ограничен у Григоры предопределенным общим ходом мировых событий, вмешательство индивидуума может быть эффективным лишь при благоприятных стечениях обстоятельств (*Ibid.* I. P. 154.10—17, 23)²⁰.

Пахимер с трудом воспринимает принципы свободы действий человека в жизни и обществе. Григора же развивает гуманистический тезис о силе разума человека, способной к преобразующей обществу деятельности. Такова у него фигура Феодора Метохита, который днем занят государственными делами, а ночью углублен в книги и научные рассуждения, отвлекаясь от внешней суеты (*Ibid.* I. P. 272). «Образная система Григоры тесно связана с его провиденциалистской концепцией истории, с его историческим антидетерминизмом»²¹.

Григора пытается применить нормы Платона к современной ему действительности: то, что Платон развивал в теории, император Андроник II Палеолог воплотил в жизнь, и если бы Платон был жив, он обогатил бы свои идеи о государстве опытом Андроника и многое бы позаимствовал от него при создании идеальных законов²².

Входя в своеобразный ученый кружок при дворе Андроника II²³, Григора превозносит подобное неформальное общение людей, называя их сообщество «школой всяческих добродетелей», «гимназией эрудиции» (*Ibid.* I. P. 327). Действительно, в этот период вновь, как и при первых Комнинах, на состояние интеллектуальной жизни оказывало большое влияние возрождение придворных литературных салонов, где классическое образование было критерием учености, а риторика обретала практический смысл, обеспечивая успех в общественной практике²⁴.

Изображение одного из героев «Ромейской истории» претерпевает по ходу развития событий трансформацию: храбрый, энергичный полково-~~{285}~~дец, друг автора, Иоанн Кантакузин после воцарения становится одиозной фигурой, врагом историка-гуманиста, заточившим его в монастырь. Действительно, друзья в молодости, принадлежавшие к одному кругу интеллектуалов-единомышленников, обменивавшиеся книгами, сделались со временем настолько непримиримыми врагами, что Кантакузин, обретя власть, поспешил расправиться с бывшим другом.

Однако и сам Иоанн Кантакузин (1295/6—1383), провозглашенный василевсом в 1341 г., был вынужден затем отречься от престола и удалиться в монастырь, где и писал мемуары с целью оправдать себя и своих сторонников²⁵. При этом очевидна и полемическая заостренность его «Историй» против предшественников, сочинения которых были доступны экс-императору.

Представитель столичного аристократического клана крупных землевладельцев²⁶, он получил в юности прежде всего воинское образование. Приняв в междоусобиях Андроника II и будущего василевса Андроника III сторону последнего, великий domestik Иоанн Кантакузин с воцарением молодого монарха обрел необычайное влияние. Еще в 1341 г. венчанный в провинции на царство, Иоанн Кантакузин затем почти шесть лет вел настоящую гражданскую

²⁰ *Moutsopoulos E.* La notion de «kairicité» historique chez Nicéphore Grégoras // *Byzantina.* 1972. Т. 4. P. 203—213.

²¹ *Каждан А. П.* Указ. соч. С. 14.

²² *Медведев И. П.* Указ. соч. С. 17.

²³ *Bréhier L.* Les empereurs byzantins dans leur vie privée // *Revue Historique.* 1940. Т. 188. P. 193—217.

²⁴ *Ševčenko I.* Op. cit. N 1. P. 69 sq.

²⁵ *Прохоров Г. М.* Публицистика Иоанна Кантакузина (1367—1371 гг.) // *ВВ.* 1968. Т. 29. С. 322 и сл.

²⁶ *Nicol D. M.* The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100—1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Wash., 1968. P. 35—103.

войну за престол, завершившуюся вступлением его войск в Константинополь²⁷. Впрочем, борьба нового василевса с приверженцами династии Палеологов вскоре возобновилась и закончилась в 1354 г. при участии народных масс²⁸ свержением Иоанна Кантакузина, который провел остаток своей продолжительной жизни в монастырях столицы, Афона, Пелопоннеса, участвуя иногда в дипломатических переговорах, терпя порой лишения и теряя родных²⁹.

«Истории» Иоанна Кантакузина охватывают в основном период его активной политической деятельности — с 1320 по 1356 г., касаясь спорадически и более позднего времени (до 1362 г.). Провозглашая, подобно другим поздневизантийским историографам, принцип «истины» как закона для историка (*Cant.* I. P. 10.7; II. P. 12.3; 368.21—369.3; 370.8; 450.2—9; III. P. 8.6; 364.7—9), автор, скрывающийся под псевдонимом Христодул, на самом деле столь же далек от объективизированного рационализма Акрополита, сколь и от гуманистической уравновешенности в оценках Григоры. Кантакузин предельно субъективен; он сосредоточен на себе, своих деяниях и замыслах.

Чрезвычайно интересны результаты анализа лексики Иоанна Кантакузина: наиболее частыми являются термины, обозначающие прибыль, пользу, денежную выгоду (*κέρδος*, *λυσιτελεῖν*), а также страх и обман³⁰. {286}

Как литератор Иоанн Кантакузин следует стилю Фукидида, заимствуя подчас описания целых эпизодов, как, например, знаменитой чумы 1348 г.³¹ Однако такая сюжетная «цитата» использована поздневизантийским историком так, что повествование актуализируется личным свидетельством автора — современника событий.

Описание общеполитического положения империи, теснимой турками и сербами, зависимой от итальянцев, картина упадка экономики и финансов составляют фон, на котором разыгрывается борьба политических группировок³². Пружиной многих политических движений автор считает человеческую зависть (*φθόνος*).

Противниками Кантакузина в его борьбе со сторонниками Иоанна V Палеолога были не только приверженцы законного василевса (императрица Анна, Алексей Апокавк и др.), но и народ (*δη̄μος*) (*Ibid.* III. P. 255.9—11; 284.23—285.2; 290.6—291.2; 304.17.—305.3; 305.23—306.5): «Не только в Византии, но и в других городах толпы народа вверились новому василевсу». «Народ» — одна из наиболее активных действующих сил в «Истории» Кантакузина³³ (*Ibid.* I. P. 518.20; III. P. 277.16—17; ср.: I. P. 476.20 и др.). Этот термин у него не просто «население» (социально нейтральное). Он не тождествен в понимании историка и понятиям, обозначающим «толпу» или «массу» (*ο̄*; *ᾠχλος* — *Ibid.* II. P. 12.22, или *πλη̄θος* — *Ibid.* II. P. 16.3—4), а является социально-политической категорией (*Ibid.* I. P. 271; II. P. 176.10—11; III. P. 34.7; ср. II. P. 576. 8 сл.; II. P. 545.2 сл.)³⁴. Народ у Кантакузина включает в себя как ремесленников, так и солдат и даже купцов; всех их объединяет враждебность к «динатам» в условиях социально-политического кризиса в империи и гражданской войны. По сравнению с произведениями исторической мысли XI — начала XIII в., где (будь то у Пселла, Евстафия или Никиты Хониата) серьезное внимание уделяется подчас массовым движениям, труд Иоанна Кантакузина представляет новый этап в социально-политической конкретизации и терминологизации поня-

²⁷ Dölger F. Johannes VI Kantakuzenos als dynastischer Legitimist // *Παρασπορά*. Ettal. 1961; S. 194—207.

²⁸ Франчес Э. Народные движения осенью 1354 г. в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина // ВВ. 1964. Т. 25. С. 144 и след.; Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jh. В., 1971. S. 197 ff.

²⁹ Максимовић Л. Политичка улога Јована Кантакузина после абдакације (1354—1383) // ЗРВИ. 1966. Кн. 9. С. 121 и сл.; Nicol D. M. The Abdication of John VI Cantacuzene // BF. 1967. Bd. 2. S. 269—283.

³⁰ Kazhdan A. P. L'Histoire de Cantacuzène en tant qu'oeuvre littéraire // Byz. 1980, T. 50. P. 294 sq.

³¹ Hunger H. Thukydides bei Johannes Kantakuzenos. Beobachtungen zur Mimesis // JÖB. 1976. Bd. 25. S. 185; Miller T. S. The Plague in John VI Cantacuzenus and Thucydides // Greek. Roman and Byzantine Studies. 1976. Vol. 17. P. 393 sq.

³² Ср.: Teoteoi T. La conception de Jean VI Cantacuzène sur l'état byzantin, vue principalement à la lumière de son Histoire // RESEE. 1975. T. 13. P. 167—185.

³³ Weiß G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 70 ff.

³⁴ Ср.: Brătianu G. I. «Democratie» dans le lexique byzantin à l'époque des Paléologues // Memorial L. Petit. Bucarest, 1948. P. 36.

тия «народ»: «социологизация» исторического мышления становится завоеванием византийского историзма XIV в.

Стремясь стабилизировать внутривизантийское положение, Иоанн Кантакузин, подерживая исихастов, добился официального синодального закрепления победы сторонников Паламы³⁵. Об этом немало сказано в историческом труде экс-императора. В оценках исихазма также проявилось идейное различие между Кантакузиным и Григором. Платонизму Григория противостояла приверженность его соперника идеям Аристотеля. В противоположность Григору, признававшему власть судьбы (Тихи) над человеческими судьбами, не исключающей, однако, и свободы выбора, {287} Кантакузин полностью ставит деятельность человека в зависимость от божественного Промысла, также сближая его с изменчивой Фортуной (Тихой). В его мемуарах нашел отражение тот кризис, в который все более втягивалась империя³⁶.

Исторический труд Иоанна Кантакузина в сравнении с предшествующими и современными уникален. Его субъективизм состоит в искусстве поставить в центр повествования героя-автора, его гомогенность — в умелом подчинении материала проводимой идее. Все здесь служит фундаментальной задаче: убедить читателя в искренности, честности, доброй воле писателя-героя.

Если говорить о византийском гуманизме, то исторический труд Иоанна Кантакузина представляет собой еще одну эманацию этого явления как отражения эпохи кризиса византийского общественно-культурного развития «трагического XIV века»³⁷. Однако в дальнейшем эти аспекты исторической мысли, сопоставимые с гуманистическим мировосприятием, не получили достаточного развития в византийской историографии, оставшись лишь частной тенденцией в творчестве того или иного историка.

Наряду с монографическими описаниями византийской истории в палеологовской Византии продолжали развиваться и историографические жанры более узкого тематического диапазона. Так, история церкви была в начале XIV в. вновь осмыслена Никифором Каллистом Ксанфопулом. Его «Церковная история» доходила, по-видимому, по крайней мере до начала X в. (сохранился регистр содержания последних пяти книг труда, доведенный до 911 г.). Сам же текст, сохранившийся в 18 книгах, оканчивается смертью императора Фоки (610 г.). Идея обобщения всемирного исторического процесса сводится здесь лишь к сфере церковной истории: описание Никифора Каллиста Ксанфопула охватывает весь «кафолический» мир церкви. Не исключено, что эта идея была заложена уже в неизвестном церковно-историческом источнике Никифора, возникшем, как считают, в X в. Тем самым формирование «всеобщей исторической» концепции христианской церкви следовало бы отнести к развитию византийской исторической мысли в IX—X вв. Важно, однако, то, что эта идея подхвачена и развита именно в XIV в., когда схизма с латинским Западом достигла своего завершения и церковное разъединение стало столь губительно сказываться на дальнейшем развитии европейской культуры.

Никифор Каллист Ксанфопул хорошо известен не только как церковный автор (он, согласно традиции,— автор Синописа Священного писания, духовных стихов, парафразы на чудеса Николая Мирликийского и др.), но и как светский историк: под его именем известно «Взятие Иерусалима», продолжающее традиции подобных описаний в византийской историографии предшествующей поры.

Если историко-церковные повествования палеологовской Византии воспроизводят на новом уровне идеи социокультурного развития прошлых эпох, то византийская историко-географическая литература XV в. выступает с точки зрения развития исторической мысли как некое новое {288} явление по сравнению с предыдущим периодом. Это прежде всего и описание Ласкарисом Кананом своего путешествия в 1438—1439 гг. в Скандинавию и Прибалтику. Гипотетически его иногда идентифицируют с Иоанном Кананом — автором описания осады Константинополя войсками Мурада II летом 1422 г. В этом сочинении уже сформированы основные принципы позднепалеологовского историописания.

³⁵ *Meyendorff S.* Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. P., 1959. P. 130 sq.

³⁶ *Поляковская М. А.* Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин: (К вопросу о политической концепции середины XIV в.) // ВВ. 1980. Т. 41. С. 182; *Она же.* Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е годы XIV в.). Свердловск, 1981. С. 27 и след.

³⁷ *Weiß G.* Op. cit. S. 2—3.

В XV столетии характер и тематика византийской историографии существенно меняются. Большинство исторических сочинений этого времени создано уже после падения Константинополя в 1453 г. и под непосредственным впечатлением от этого события. Осознание причин и последствий этой катастрофы для греческого народа стало основной задачей монументальных полотен византийской историографии. Свое внимание историки концентрировали главным образом на злободневных политических проблемах, самой жгучей из которых была османская агрессия. Помимо крупных исторических сочинений (Дуки, Критувула, Сфрандзи, Халкокондила), о которых речь пойдет ниже, в исторической литературе поздней Византии имеются менее значительные локальные хроники, посвященные осаде Константинополя войсками Мурада II (уже упомянутый Иоанн Канан), захвату османами Фессалоники (Иоанн Анагност), Флорентийскому собору 1439 г. (Сильвестр Сиропул) и падению Константинополя³⁸. Неизменно значительный вес в исторических трудах того времени, крупных или локальных, занимает османская история, трактуемая в зависимости от политической ориентации того или иного автора либо как триумфальное шествие завоевателей, либо как цепь трагических катаклизмов в судьбе христианских народов Юго-Восточной Европы. Историки этого времени в отличие от предшественников не были связаны со столичными литературными салонами, за редким исключением не проявляли склонности к философским рассуждениям и богословской полемике. В большинстве своем они были выходцами из провинциальных кругов греческой знати. Они принимали активное участие в политической жизни разобщенных византийских земель, разделяя все тяготы их бедственного положения. Подобная сопричастность историческим событиям, ознаменовавшимся крушением империи и потерей многих духовных ценностей, казавшихся на протяжении тысячелетия незыблемыми, не могла не отразиться на мировоззрении историков, придав в ряде случаев особую полемическую направленность их трудам.

В этом отношении характерным памятником исторической мысли того времени является сочинение византийского писателя Дуки (ок. 1400 — после 1462) (*Ducas*. P. 28—29). Грек из Малой Азии, которая задолго до его рождения попала под власть османов, он провел свою жизнь при дворе итальянцев генуэзского подданства, властителей острова Лесбос, исполняя обязанности секретаря-переводчика и дипломата. Его дед Михаил происходил, по словам автора, из знатного рода Дук, был сторонником Иоанна VI Кантакузина и после его поражения был вынужден бежать из Константинополя в Эфес. Очевидно, семья писателя в силу житейских обстоятельств не смогла возвратиться в столицу и, разделяя участь всех эмигрантов, должна была поступить на службу к иноземцам: дед — к эмиру Айдына, а внук — сначала к правителю Новой Фокеи {289} Джованни Адорно, а затем к хозяевам Лесбоса — семейству Гаттелузи-Палеолог.

Тема труда Дуки — история завоевания османами византийских земель и борьба с завоевателями народов Юго-Восточной Европы. Сочинение соответствует жанру исторической хроники: события турецкой и византийской истории освещаются в хронологическом порядке с 1341 по 1462 г. Отступления от этого принципа крайне редки — лишь при необходимости объяснить причину какого-либо явления. Значительная часть труда посвящена описанию осады и штурма Константинополя и дальнейшей экспансии османов на Балканах, в Передней Азии и на островах Эгейского моря. Большая часть сочинения написана в 1453—1455 гг. Она обработана, производит впечатление завершенности: автор придерживался определенного плана, элементы которого хорошо скоординированы, расположение материала диктуется нормами логики, историк объясняет свои намерения, отсылает к предыдущему повествованию, к источникам информации; речи персонажей (с их аргументами и контраргументами) продуманны и не слишком длинны. Через все произведение проходит мысль о неминуемой катастрофе империи, и писатель стремится выяснить причины, почему Константинополь оказался поверженным. Скорбным, проникнутым искренним чувством плачем по городу, представляющим собой переложение библейского плача Иеремии на падение Иерусалима, намеревался сначала Дука закончить свою историю (*Ducas*. XLI), но, по его словам, победило желание продолжить повествование до ожидаемой им гибели династии Османов и краха их злодеяний (*Ibid.* XLII. 14). Второй раздел сочинения носит иной характер: это беглые заметки хрониста, в которых, одна-

³⁸ *Moravcsik Gy.* *Buzantinoturcica*. 2. Aufl. B, 1958. Bd. I. S. 128—129, 159, 246—248, 320.

ко, изложенные по годам события передаются гораздо подробнее, с документальной точностью.

Дука опирался в основном на собственные наблюдения и рассказы очевидцев, но был знаком и с сочинениями своих предшественников — Никиты Хонита, Иоанна Анагоста, Никифора Григоры, возможно, Иоанна Кантакузина. Он хорошо осведомлен как в античной мифологии и истории, так и в богословских вопросах. В его повествование органически вплетены образы Священного писания, цитаты из ветхозаветных пророчеств, псалмов, евангелий. Они всегда уместны, точны, немногословны, к ним он прибегает в наиболее драматических местах. Текст истории насыщен в то же время сравнениями, почерпнутыми из древнегреческой литературы, с неперменной архаизацией топонимов и этнонимов. Точные транскрипции итальянских, турецких, персидских, славянских и французских названий, терминов и выражений говорят о знании автором нескольких языков. Употребление историком иностранных слов (для передачи которых греку не хватало ни букв, ни звуков) было знаменем времени: находясь в тесном общении с соседними народами, византийцы не могли не обогащать свою лексику заимствованиями из чужих языков. Переходная эпоха выразилась в варваризации греческого языка, свойственной и литературе того времени. Манера изложения историка простая, естественная, эмоциональная, по выражению Магулиаса — журналистская³⁹. Характеристики персонажей немногословны, лишь в исключительных случаях даются развернутые описания внешности или психологические характеристики героев. При этом Дука часто прибегает к пословицам, сравнениям из мира животных, каламбурам, острит и иронизирует.

Манера письма Дуки преимущественно повествовательно-событийная. Его внимание сосредоточено в основном на событиях недавнего прошлого или на их причинах. Географический ареал ограничен странами Средиземноморского побережья, Юго-Востока Европы, Малой Азии; изредка упоминаются государства Северной и Восточной Европы, Передней Азии и Кавказа. Особенно ценный материал его труд содержит по истории становления османской державы, ее взаимоотношений с тюркскими эмиратами, Византией и итальянскими колониями на Леванте. Особенности биографии и социального положения автора обусловили некоторые его интересы как писателя: Дука сообщает уникальные сведения о разработке и технологии изготовления квасцов в итальянских владениях (Ibid. XXV. 4), он дает единственное в своем роде подробное описание — со слов очевидцев — социально-религиозной программы восстания низов турецкого населения (1416 г.) (Ibid. XXI. 11—14)⁴⁰. Уже сам по себе интерес к производству и социальным вопросам — свидетельство появления в историографии нового исторического вида.

Много внимания уделяет Дука вопросу о заключении унии православной и католической церквей на Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. Автор склонен рассматривать унию прежде всего как политическое соглашение, считая конфессиональные споры второстепенными. Дука уверен, что уния не задевает религиозного чувства, внутреннего мира человека, называет пустыми разногласия по обрядовым вопросам, оскорбительным отказ противников унии от общения с ее сторонниками. Распри, разжигаемые монашеством в связи с унией в рядах православной партии, он считал в сложившейся обстановке опасными и вредными. Трезво оценивая международное и внутреннее положение Византии, писатель полагал, что единственно возможным выходом в борьбе с османами является союз с Западом. Это было вынужденное латинофильство, вызванное не меркантильными, а политическими мотивами. Признание возможности рациональными методами влиять на ход событий, убеждение в том, что человек — активное действующее лицо в истории, отличало мировоззрение Дуки от фатализма торжествовавших победу исихастов-паламитов. Историк осуждает их позицию непротivления. Ощущение морального упадка общества, сознание обреченности империи не вызывают у писателя эсхатологических настроений. Чувство безысходности смягчено надеждой на близкую гибель вслед за Палеологами династии осман (Ibid. XLII. 14). Вера в услышанное им предсказание на этот счет вселяла подобие оптимизма, а мечты о возмездии придавали ему силы в тягостном труде описания османского могущества.

³⁹ Doukas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks // An annot. transl. of «Historia Turco-Byzantina» by H. J. Magoulias. Detroit, 1975. P. 40.

⁴⁰ См.: Красавина С. К. Византийский историк Дука о восстании Берклюджи Мустафы // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980. С. 38—44.

Несмотря на то что по долгу службы автору приходилось отстаивать перед османами интересы западных пришельцев, к которым он относился весьма критически⁴¹, он сохранил сознание своей принадлежности к ви- {291} зантийскому миру. Дуку считают самым ортодоксальным из поздневизантийских историков⁴². Ему присуще искреннее уважение к византийским институтам, безусловная поддержка государства в его отношениях с церковью, чувство превосходства ромеев перед другими народами, которых «Всевышний карает за выступления против империи» (Ibid. VI. 2). Однако идея богоизбранности ромеев в политической ситуации XV в. выглядела уже анахронизмом. Во всяком случае, Дука передает распространенное во время османской осады пророчество о предстоящей гибели Константинополя как искупительной жертвы во имя спасения остальных христианских народов (Ibid. XXXVIII. 13). Иначе говоря, греки для автора — отнюдь не весь христианский мир, а только часть его.

Видение мира историка основано на идее строгой моральной упорядоченности, на вере в справедливость Всевышнего⁴³. Движущая сила истории — божественный Промысл, но он соединяется в историческом сознании автора с признанием роли субъективного фактора в истории, с рациональным подходом в объяснении отдельных событий. По мысли Дуки, переменны в исторической судьбе Византии — дело Провидения, но причины их — в столкновениях земных интересов: в клятвопреступлении, меркантильности, отсутствии единства, политической близорукости и т. п.

Зачатки исторического прагматизма проявляются у Дуки не только во взгляде на историю как соединение усилий человека и божества, но и при рассмотрении религиозных вопросов в политическом ракурсе, в осторожном отношении к устным источникам, критической оценке действий личности и социальных групп, надежде на возможность изменения хода дел усилиями людей.

Еще более прагматический взгляд на историю демонстрирует современник Дуки писатель Михаил Гермодор Критовул (? — после 1467), который родился и провел большую часть своей жизни на острове Имврос. Он был выходцем из известной и богатой семьи, что позволило видному гуманисту Чириако из Анконы, посетившему остров в 1444 г., назвать сопровождавшего его историка знатнейшим имвриотом (*Critob.* P. 10). Критовул являлся автором нескольких богословских сочинений. Он принимал деятельное участие в политической жизни родины. После завоевания Константинополя, когда архонты и правители Имвроса бежали на более отдаленные острова, историк стал во главе партии конформистов. В 1456 г., во время экспедиции военного флота папы с целью возвращения островов Эгейского архипелага под власть итальянцев, он возглавил антилатинское движение и вел переговоры о сдаче острова османам. После окончательного захвата турками островов в 1466 г. судьба историка не ясна. Вероятно, он перебрался в Константинополь: во время страшной чумы в городе летом 1467 г. он был там. Возможно, здесь он и получил заказ от султана описать историю его деяний. Видимо, Мехмед остался недоволен сочинением Критовула, так как оно не получило распространения и долгое время оставалось неизвестным. {292}

Труд Критовула состоит из пяти глав и охватывает период с 1451 по 1467 г. История снабжена двумя введениями: первое — в виде длинного письма-посвящения султану, из которого можно заключить, что произведение посылалось ему на просмотр; другое — в форме предисловия к сочинению, где автор сообщает о намерении написать в дальнейшем более раннюю историю османов, чтобы показать причины их превосходства над другими народами. Рукопись имеет пропуски, исправления и надписи на полях. Написано сочинение сухо и однообразно, много общих фраз, заметно подражание Фукидиду в стиле и композиции, в архаизации языка. Мехмед II Завоеватель представлен мудрым правителем, любителем философии, покровителем наук и искусства, защитником торговли и мореплавания. Критовул восхваляет его заботы о развитии кораблестроения, строительстве дорог и портов и т. п. Протурецкая ориентация автора объясняется близостью историка к торгово-ремесленной прослойке греческой знати⁴⁴, со-

⁴¹ Красавина С. К. Политическая ориентация и исторические взгляды византийского историка XV в. Дуки // Проблемы всеобщей истории. Казань, 1967. Т. 1. С. 269—270.

⁴² Turner C. J. G.. Pages from Late Byzantine Philosophy of History // BZ. 1964. Bd. 57, fasc. 2. S. 346—373.

⁴³ Красавина С. К.. Мировоззрение и общественно-политические взгляды византийского историка Дуки // ВВ. 1974. Т. 34. С. 105.

⁴⁴ Удальцова З. В. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоева-

перничавшей с итальянскими предпринимателями и патрициатом в борьбе за политическую власть на островах Эгейского моря.

Однако не только социально-политические мотивы, но и особенности исторического мышления определили туркофильство писателя. Будучи широко образованным знатоком греческой культуры и философии, он рассматривал историю как диалектический процесс потерь и приобретений. В истории нет ничего неизменного: меняются государства, одни народы приходят на смену другим, ни один народ не может дважды править миром: сегодня власть была у ассирийцев, завтра она перейдет к мидянам и персам, затем к грекам и римлянам, наконец, к тюркам и т. п. (Ibid. P. 37). Историк решительно возражает тем, кто, подобно Дуке, возлагал вину за гибель империи на народ: дурными и испорченными могут быть правители, но не народ. Критовул подчеркивал ответственность правителей за судьбу государства (Ibid. P. 39), однако цикличность исторической эволюции снимала идею политической и моральной ответственности кого бы то ни было за катастрофу 1453 г. По мнению писателя, необходимо оставить упреки в адрес ромеев за падение империи, ибо оно было обусловлено объективным ходом дел, естественной закономерностью исторического процесса. Согласно Критовулу, правит миром Судьба (Тихи). Но понятие судьбы у автора ближе к ренессансному представлению о Фортуне, нежели к средневековому детерминизму. Так, прославляя Мехмеда, он среди черт его характера (мужество, стратегический талант, военный опыт) называет доблесть и судьбу (Ibid. P. 35—37), что прямо ассоциируется с терминами *вирту* и *фортуны* у итальянских гуманистов того времени. Судьба — воплощение непостоянства и непредсказуемости хода истории, его стабильности и индетерминизма⁴⁵.

К жанру исторических мемуаров можно отнести известное сочинение византийского сановника Георгия Сфрандзи (1401 — после 1477). Под этим именем фигурируют два произведения — так называемые «Большая» и «Малая» хроники Сфрандзи. Однако учеными XX в. доказано, что «Большая хроника», известная также, как «Хроника Псевдосфрандзи», представляет собой фальсификацию XVI в., искусно выполненную митро-политом Монемиасии Макарием Мелиссином⁴⁶. Что касается «Малой хроники», то она охватывает события 1413—1477 гг., свидетелем которых был сам историк. Автор чрезвычайно точен в датировке фактов, указывает год, месяц, день, а иногда и время суток. Скорее всего, он вел дневниковые записи и использовал их при работе над мемуарами. Написаны они были уже в глубокой старости, больным человеком, спешившим увековечить события, в которых ему довелось принять участие. Язык сочинения почти разговорный, без всяких следов обработки. Факты, известные и памятные современникам, даются бегло и нечетко. Мемуары обрываются неожиданно на неудачном походе османов на Навпакт и остров Святой Мавры летом 1477 г.

Георгий Сфрандзи всю сознательную жизнь провел при императорском дворе. Он воспитывался вместе с будущим императором Константином XI Палеологом, поскольку дядя историка служил придворным воспитателем. Пользуясь исключительным расположением императора Мануила II, он с 17 лет успешно продвигался по службе, выполнял весьма ответственные поручения. Но особое доверие оказывал ему последний император Константин XI. Еще до коронации деспота Морей Константина Драгаша Палеолога в качестве императора Сфрандзи занимал при его дворе крупные должности, получил титул протовестиария, принимал участие в ряде посольств. Во время осады Константинополя он находился в числе людей, наиболее близких императору, составлял в строжайшей тайне списки защитников города, вместе со всей семьей попал в плен и, пережив гибель детей в турецком плену, сумел выкупиться и поступить на службу к деспоту Морей Фоме Палеологу. Последние годы жизни Сфрандзи провел в скитаниях, вымаливая скудные пособия у детей деспота Фомы, страдая от болезней и бедности.

Мемуары Сфрандзи — живой и яркий документ эпохи. Полная превратностей судьба писателя — свидетельство печальной участи того поколения, которому довелось пережить па-

ния // ВВ. 1953. Т. 7. С. 108—115.

⁴⁵ Turner C. J. G. Op. cit. S. 362.

⁴⁶ Loenertz R. J. Autour du Chronicon Majus attribué à G. Phrantzès // Miscellanea G. Mercati. Città del Vaticano, 1946. Vol. 3. (Biblioteca apostolica vaticana. Studi e testi; Vol. 123). P. 273—311; Красавина С. К. К вопросу византийской историографии XV в. // Из истории балканских стран; Краснодар, 1975. С. 111—113.

дение Константинополя, потерю близких людей, бедствия плена, невзгоды скитаний на чужбине.

На первый взгляд мировосприятие Сфрандзи традиционно для средневековой историографии: он заверяет читателя в своей ортодоксальности (*Sphr.* XXIII. 2), излагает православный символ веры, критикует еретические учения (*Ibid.* XLV. 4), возносит молитвы к Богу. Чувствуется, однако, что религиозность автора во многом показная. Едва писатель переходит к интерпретации земных дел, он обнаруживает расчетливый рационализм, прагматизм мышления. Так, рассуждая о целесообразности заключения унии с католической церковью, историк приводит аргументы чисто политического характера⁴⁷. Он заявляет, что не имеет ничего ни против католиков, ни против унии с ними, но союз с Западом привел к обострению отношений с османами, которые усмотрели в нем угрозу для себя: уния, по его мнению, спровоцировала конфликт империи с османами. Трезвый практический расчет демонстрирует Сфрандзи и при обосновании своего проекта бракосочетания императора Константина Палеолога со вдовой султана Мурада II сербской княжной Марой; он полностью пренебрегает соображениями морального и религиозного свойства, замечая, что помехи со стороны церкви легко устранимы, если дать деньги духовенству (*Ibid.* XXXI. 5). Даже свои отношения с Богом он пытается поставить на деловую почву: он умоляет Всевышнего продлить ему земные муки, чтобы при жизни очистить душу во имя спасения на Страшном суде. Сфрандзи рассматривает, как видно, житейские страдания в качестве своеобразной страховой платы за грядущее спасение⁴⁸. То же стремление строить отношения с Богом на «договорных началах» проявилось и в ноте разочарования автора тем, что, несмотря на обеты, посты и молитвы константинопольцев во время осады и штурма города, Всевышний не спас Константинополь — «по какой причине, я не знаю и люди не ведают» (*Ibid.* XXXVI. 14).

Совсем иной характер носит творчество Лаоника Халкокондила (ок. 1423 — после 1487)⁴⁹, наиболее популярного историка XV в. Его сочинение сохранилось в 26 списках, из которых 5 рукописей датируются концом XV в.⁵⁰ История Халкокондила написана между 1466 и 1480 гг., состоит из 10 книг и охватывает время с 1298 по 1463 г., дополнения к истории касаются событий 1484—1487 гг.

Историк происходил из знатной афинской семьи. Его отец, проиграв в политической борьбе, эмигрировал в Морею, брат Димитрий был известен как гуманист, имевший связи с Виссарионом Никейским. Сам Лаоник с молодых лет отличался высокой образованностью. Чириако из Анконы, встретившись с ним в Мистре, считал юношу очень сведущим в латинской и греческой словесности. Молодые годы Лаоник провел в Морее, возможно путешествуя с целью изучения разных стран и народов. Особенно усердно вплоть до глубокой старости Лаоник занимался филологией. Он, вероятно, преподавал ее. Когда в 1460 г. Пелопоннес захватили османы, Халкокондил либо вернулся в Афины, либо, как многие византийские интеллектуалы, перебрался в Италию или на Крит.

Главное содержание труда историка сформулировано в заглавии более поздних списков XVI в. — «Летопись Николая Халкокондила о том, откуда пришли властители турок, об их делах и подвигах вплоть до подвигов великого властителя Мехмеда». Автор использовал сочинения своих предшественников, возможно, и тюркские источники, рассказы купцов и дипломатов, письма и документы. Географический ареал его истории весьма широк, охватывая почти все государства Европы, и содержит информацию о крупных европейских городах, упоминания о странах Ближнего Востока и Индии. История не закончена. Имеются лакуны, почти отсутствует хронология. Композиция сочинения чрезвычайно свободна, автор постоянно отклоняется от основной линии изложения, отсюда неизбежные повторы. Спокойное повествование часто прерывают вставные {295} эпизоды в виде законченных рассказов. Иногда они сходны по тематике с итальянской новеллистикой Возрождения (сатиры на трусость и алчность монахов, семейные истории об изменах и наказаниях жен). В них осуждаются челове-

⁴⁷ Красавина С. К. Византийские историки Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церкви // ВВ. 1965. Т. 27. С. 147—150.

⁴⁸ Turner C. J. G. *Op. cit.* S. 346.

⁴⁹ Существуют более 23 транскрипций родового имени (или прозвища) историка, см.: Греку В. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила // ВВ. 1958. Т. 13. С. 198—199; Веселаго Е. Б. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде // ВВ. 1958. Т. 14. С. 190—192.

⁵⁰ Веселаго Е. Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила // ВВ. 1957. Т. 12. С. 201—205.

ские слабости и превозносятся добродетели. Порой это повести об исключительных случаях, пророчествах и чудесах, приключенческие рассказы в рыцарском стиле, идеализированные портреты исторических личностей (например, Тамерлана) или же экскурсии этнографического и естественнонаучного характера (о причинах приливов и отливов, о проблемах движения), которые демонстрируют разносторонность интересов автора. Во вставных эпизодах также встречаются отголоски исторических событий: Реконкисты в Испании (рассказ об арабах, откупивших у испанцев Гренаду с помощью «винных ягод», в которых были спрятаны монеты), антиосманской борьбы (рассказы о Яноше Хуньяди и Скандербеге) и др. Историческое описание в понимании Халкокондила принадлежит к категории искусства, и усилия автора направлены не столько на достоверную передачу подлинных фактов, сколько на то, чтобы доставить читателям эстетическое удовольствие. Художественные задачи порой явно превалируют над логикой изложения.

Халкокондил был типичным представителем поздневизантийского культурного эллинофильства (данью этой моде было само изменение писателем своего христианского имени Николай на Лаоник). Преклоняясь перед культурой древних, он верил в конечное торжество греческой свободы и образованности. Подражая античной историографии, он архаизирует географические понятия и этнонимы, стремится очистить от поздних наслоений древнегреческий язык, возродить лингвистические, синтаксические и стилистические формы классики, что делало его язык искусственным и труднодоступным для современников.

Хотя Халкокондил считал византийцев наследниками культуры эллинов, он четко разграничивал понятия *ромеи* и *римляне*. Подобно Пахимеру и Кривовулу, он разделял теорию последовательной смены мировых держав: ассирийской, мидийской, персидской, эллинской, римской, османской. Как Григора и Дука, он полагал, что некая трансцендентальная сила управляет всем ходом истории. Иногда это — сам Бог, иногда — судьба или рок⁵¹. Он весьма склонен к фатализму, верит предсказаниям оракулов (PG. Т. 159. П. 127—130), т. е. близок по мировосприятию как к античным, так и к средневековым историкам.

Вместе с тем Халкокондил абсолютно равнодушен к религиозным вопросам. Церковную унию он целиком отождествляет с политическим союзом, имевшим целью организацию антиосманского крестового похода. Конфессиональные споры вокруг унии его не интересуют. Рассказывая о еретических учениях, он проявляет большую веротерпимость. Ислам и христианство для Лаоника — равноценные религии⁵². Имеются у него и зачатки исторической критики: подобно Дуке, он излагает иногда разные версии одного и того же события, пытается критически проверить доступные данные. Можно говорить и об идее прогресса в развитии истории у Лаоника, и о его ярко выраженном историческом оптимизме, который, в частности, проявлялся в твердом убеждении автора, что наступит время, {296} когда греки обретут свободу и независимость⁵³. В целом Халкокондил относился к истории как к сокровищнице иллюстративного материала, способного воспитывать читателя на исторических примерах, что сближает его с представителями риторического направления итальянской гуманистической историографии XV в.

Для культурной жизни Византийской империи в эпоху Палеологов было характерно интенсивное развитие исторического мышления. Исторической литературе Византии всегда были присущи сознание родства с культурой античности и преемственности с ней, преклонение перед ней, подражание античным образцам. Греческим историкам в отличие от ренессансной гуманистической историографии не понадобилось открывать для себя заново античное понимание истории как особого искусства. Многие черты ренессансного историзма — такие, как дидактические задачи исторического сочинения, диалогичность мышления, христианско-языческий культурный синтез, мифологические реминисценции, архаизация топонимов и этнонимов, — для византийских писателей, даже весьма далеких от столичной интеллектуальной среды, являлись традиционными элементами историографии. Однако тогда как итальянская гуманистическая историография сумела в XIV—XV вв. внести заметный вклад в процесс превращения исторических знаний в научные, введя принципы критического анализа источников,

⁵¹ Turner C. J. G. Op. cit. S. 360—361.

⁵² Turner C. J. G. Op. cit. S. 359.

⁵³ Веселого Е. Б. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1960. Т. IX. С. 43—49.

вырабатывая «научный аппарат» сносок и примечаний, предприняв попытку периодизации истории (на древнюю, среднюю и новую), византийская историческая мысль этого времени была еще далека от рассмотрения содержания исторического развития с рационалистических позиций. {297}

12

Византийское право на заключительном этапе своего развития.

Византийская юриспруденция на заключительном этапе своей истории несомненно отставала от темпов общего культурного развития, лишь в незначительной мере внеся свой вклад в дело Палеологовского ренессанса. Более того, среди специалистов по византийскому праву преобладает мнение о полном его упадке: навсегда ушли в прошлое времена грандиозных кодификаций и лавры Юстиниана не тревожили больше воображение ни византийских василевсов, ни их энкомиастов; эпизодическими стали издания распоряжений нормативного характера в развитие тех или иных положений из области гражданского или канонического права. Нет никаких сведений и о том, как велись преподавание и подготовка юристов, нужда в которых, казалось бы, должна была ощущаться всегда. Очевидно, с реставрацией империи в 1261 г. так и не возродилась знаменитая юридическая школа, учрежденная в середине XI в. Константином IX Мономахом, а во вновь основанных «высших учебных заведениях» поздней Византии (таких, как «Академия» Георгия Акрополита и Βασιλικόν σχολεῖον, учрежденное Андроником II Палеологом) юридический факультет не упоминается среди факультетов, входивших в их структуру. «Впервые в государстве ромеев право рассматривается как не заслуживающая внимания область знаний», — говорит по этому поводу греческий историк византийского права¹.

Возникает вопрос: действительно ли в умах византийцев совершился столь важный переворот, что они уже не считали для себя обязательным теоретический постулат, высказанный знаменитым византийским канонистом Феодором Вальсамоном: «Ведь написано: нельзя ро-мею не знать законов (а то же самое сказать — и канонов)»?

Вряд ли, однако, следует оценивать положение дел столь пессимистически. Прежде всего, именно от этой эпохи дошло большое число всевозможных документов (частных актов, завещаний, дарений, судебных решений и т. п.), которые свидетельствуют о хорошем знании законов и умении практически их применять. Сохранился подлинный патриарший регистр (Cod. Vindob. 47 et 48), содержащий около 700 актов с 1315 по 1402 г., значительная часть которых относится к судебной деятельности патриархата и синода и дает любопытные образцы трактовки вопросов семейного, наследственного и брачного права. Широкий отзвук получила «новелла» патриарха Афанасия I от 1304 г. и подтверждающая ее новелла {298} Андроника II Палеолога от 1306 г., в которых вопреки прежней практике узаконивается трехчастное разделение имущества умершего бездетного парика (или жены парика): одну часть получает господин умершего или умершей, вторая идет на поминовение их душ, а последняя (третья) достается оставшемуся в живых супругу². Не может, наконец, остаться неотмеченным и тот факт, что от XIV—XV вв. дошло огромное количество греческих рукописей юридического содержания, т. е. юридических сборников, включающих памятники как церковного, так и официально-гражданского права.

¹ Πιτσάκης Κ. Γ. Το;` δίκαιο στο;` Βυζάντιο τοῦ 14οῦ αἰ;` ὡνα // Κωνσταντινῶν Ἄρμενουπούλου Πρόχειρον Νόμων η;` ; Ἐξάβιβλοῖ. Ἀθη;` ναι, 1971. Σ. ζ.

² Отметим только недавнюю обстоятельную работу Накоса, в которой приведена и вся обширная библиография: Νάκος Γ. Προβλήματα βυζαντιοῦ κληρονομικοῦ δικαίου ε;` πι;` Παλαιολόγων // Χριστιανική Θεσσαλονίκη: Παλαιολόγειος ε;` ποχή. Θεσσαλονίκη, 1989. Σ. 259—337.

Но дело даже не в количестве и доступности юридического материала, а в том, что развитие права в это время пошло по несколько иному пути по сравнению с предыдущими периодами. Ощутимый толчок в этом направлении дала знаменитая судебная реформа, осуществленная Андроником II и Андроником III Палеологами и приведшая к образованию института «вселенских судей ромеев» (οι; καθολικοι; κριται; τω; ~ν Ῥωμαίων). Поскольку почти все наиболее значительные достижения византийской юриспруденции XIV в. так или иначе связаны с этой реформой, представляется необходимым подробнее познакомиться с ее содержанием, принципами и историей.

Из рассказа Пахимера следует, что в 1296 г. Андроник II, выступив на Ипподроме столицы перед народным собранием с большой и пространной речью, в частности, сообщил о намерении издать хрисовул о суде и «избрать судей из архиереев и вообще из посвященных и из членов синклита, так чтобы всех было числом 12, и они, давши клятву, должны были неподкупно и нелицеприятно выносить судебные решения (обо всех), начиная от самой матери его [императора] и императрицы и вплоть до него самого, если представится случай,— и тогда он будет иметь верных судей во дворце». Спустя несколько дней хрисовул был составлен и оглашен на специальном заседании во дворце императрицы. Была принесена присяга судьями, избранными из членов сената и отличавшимися опытностью в законах. «И суд,— заключает Пахимер свой рассказ,— сделался страшным, вынося равные приговоры великому и малому» (*Pachym. Hist. II. P. 236—237*).

Дошли до нас и фрагменты текста этого пространного хрисовула Андроника II (*Dölger. Reg. N 2188*). Целью реформы провозглашалось благосостояние государства, достижение справедливости, ибо, «хотя царь стоит выше закона и всякого принуждения и ему было позволительно все делать, подобно тому, как цари предшествующего времени лишь свою волю считали единственным и самым сильным законом», Андроник «презрел такое властительство, признававшееся справедливым как в силу обычая, так и по многочисленности примеров... и поставил правду выше своей власти». «Стремясь к торжеству правды во всех делах и к возбуждению ревности о правде среди народа, причем не путем принуждения, но посредством образцов и примеров», император пришел к мысли «учредить суд, поставить судей, покровителей правды, и дать силу законам, прекрас- {299} но установленным в древности». Характерны фундаментальные принципы, провозглашенные основой суда: равенство сторон перед законом, ибо «этот суд во всем имеет силу и к нему будут обращаться все, даже против своей воли, малые и великие, более высокие по своему положению и низшие, находящиеся на самой высокой и первой ступени, и все вообще, причем все имеют равное основание с доверием относиться к царским повелениям и никто не должен оставлять без внимания ни одного из постановлений судей о выступающих в судебных процессах»; компетентность судей, ибо император «избрал судьями лиц, прекрасно понимающих начала справедливости, так что подлежащие суду не должны беспокоиться относительно причинения им какой-либо несправедливости, как это бывает с несведущими судьями»; беспристрастность и неподкупность судей, ибо «они в равной мере будут судить как великого, так и малого, не должны принимать дара, невзирая на лица, не угождать дружбе и ничего не ставить выше справедливости,— это они прекрасно гарантируют своей клятвой».

Разумеется, такого рода принципы отнюдь не были новшеством в византийском законодательстве и судопроизводстве, и император сознавал это, неоднократно подчеркивая, что он «не создает ничего нового», а только «возобновляет древний обычай». Однако в целом институт «вселенских судей ромеев», сосредоточивший в своих руках функции императорского суда высшей и низшей инстанции (с резиденцией в императорском дворце), был новым учреждением, сменившим существовавший со времен Юстиниана по началу XIII в. императорский суд на Ипподроме, состоявший (правда, по не вполне достоверным сведениям) из 12 «божественных судей», которые имели свои «камеры» на Ипподроме и составляли высший правительственный трибунал (с XI в. они стали называться «судьями вила на Ипподроме»). Другое дело, что, по свидетельству того же Георгия Пахимера, вновь созданное учреждение просуществовало недолго, ибо этот суд, назначенный рассматривать гражданские процессы в пределах всей Византийской империи, не справился со своей задачей и «мало-помалу, подобно звукам музыкальных струн, стал слабеть и замер» (*Pachym. Hist. II. P. 237*).

Более жизнеспособным оказалось детище строптивного внука Андроника II, столь непочтительно обошедшегося со своим дедом,— императора Андроника III (1328—1341). Из сообщения Никифора Григоры, а также из сохранившегося текста «клятвенного указа» импера-

тора (1329 г.) и двух его дополнительных простагм (1334 г.) (*Dölger. Reg.* N 2747, 2805, 2806) известно, что в 1329 г. Андроник III учредил новый состав «вселенского суда» — института, которому предстояло стать гарантом правопорядка в империи вплоть до ее заката. Во время официальной церемонии назначения судей, состоявшейся после торжественного патриаршего богослужения в храме св. Софии, император, «избравши четырех мужей (о которых он сам рассудил, что они будут достойно служить гражданским судам), из которых один был епископом, среди божественного храма вручил им власть судить, передав им божественное и священное Евангелие³, а также царский меч (βασιλική; σπάθη — символ полученных от {300} императора полномочий и права наказания — *Авт.*) и вместе с тем потребовав от них самых страшных клятв относительно того, чтобы они производили суды нелицеприятно и неподкупно; он поставил их в положение бесспорного осуждения, если бы они были уличены в этом (неисполнении клятв.— *Авт.*), так как дал им поместья, вполне достаточные для годового содержания» (*Greg. I. P.* 436—438).

О широте полномочий нового органа свидетельствуют те места названных указов Андроника, в которых говорится о подсудности «вселенским судьям» ромеев самого императора («если уличат и обвинят в неправде»), близких к нему лиц, находящихся на службе при императорском дворе, правителей областей, прочих архонтов, высших и низших, стратиотов и вообще лиц любого другого сословия. «А если кто-либо из них осмелится не повиноваться вселенским судьям ромеев и нисколько не будет защищать то дело, о котором они скажут,— кто бы ни были осужденные ими, какой бы степени ни достигли, хотя бы находились в родстве и свойстве с императором,— то если оказавший неповиновение будет правителем области или окажется облеченным другой должностью, вселенские судьи должны посредством предъявления настоящего указа тотчас отстранить его от должности. Если же у того, кто осмелится не повиноваться (будет ли он из приближенных архонтов, или из прочих высших и низших архонтов империи, или другого какого-либо сословия), не окажется административной должности, то судьи имеют полное право захватить дом и его хозяйство и подвергнуть его другому наказанию и осуждению, какое очи назначат»⁴. Судьи также обязаны судить и тех лиц, которые находятся во главе управления и против которых будут со стороны подчиненных возбуждены жалобы, и принимать то решение, какое признают справедливым, а равно они должны совершать и исполнять и относительно всех прочих ромеев то, что на них возложено и определено» (*IGR/Zepos. I. P.* 581—582)

Таким образом, юрисдикция вселенских судей распространялась на всех ромеев без различия звания и общественного положения, а также на всю территорию империи — и это отнюдь не было пустой фразой: источники довольно подробно информируют о последующей деятельности вселенских судей не только в Константинополе, но и в провинции (в Фессалонике, Мистре, Серрах, Трапезунде, на Лемносе и т. д.). Известен даже самый первый состав суда 1329 г., в который вошли четыре человека: митрополит Апроса Иосиф, дикоофилак и диакон Григорий Клида, великий диикит Глава и Николай Матаранг. Сохранился также и подлинный документ, составленный ими (*Esph. N 19. P.* 133—134. Pl. XXV).

Важной особенностью института «вселенских судей», делавшей его «страшным» для всех, было декларирование права суппликации (δέησις) византийских граждан, когда любой византиец, добивавшийся правды, мог непосредственно обращаться к суду «вселенских судей», минуя все инстанции ординарного суда. Разумеется, при этом возникает вопрос о позиции самого императора. По мнению некоторых ученых, она заключалась в том, чтобы покончить с коррупцией и (что для социальной структуры империи {301} еще важнее) нанести удар по иммунитетным правам крупных феодалов; фразеологизмы простагм не оставляют в этом сомнения и не могут скрыть антиаристократическую тенденцию⁵. Думается, что речь должна

³ Акт вручения судье Евангелия, по свидетельству Симеона, архиепископа Фессалоникского (ум. 1429 г.), указывает на его долг судить по справедливости и без лицемерия, «помня страшное слово Господа: каким судом судите, таким будете судимы» (Матф. 7, 2) — *PG. T.* 155. Col. 465. На этот же обычай указано и в «*Synopsis Minor*» (Δ, σγ').

⁴ О том, что это непустая угроза, мы знаем из социальной практики Византии. В одном из своих писем, например, Михаил Гавра сообщает, что его дом, подобно крепости, осажденной врагами, подвергся нашествию солдат, присланных правителем Вифинии с целью выколачивания неуплаченных налогов. См.: *Fatouros G. Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290—nach 1350). Wien, 1973. T. 2, N 295. 5—15.*

⁵ *Bosch U. V. Kaiser Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte*

идти в более широком плане о борьбе с феодальной раздробленностью, о попытках правительства ограничить политическую независимость провинциальной аристократии, о централизации (которая столь характерна для внутренней политики не только Андроника III Палеолога, но и его деда, а затем и Иоанна Кантакузина), о попытках противодействовать усиливающимся центробежным тенденциям. Последовательной такая политика не могла быть уже вследствие дуалистического характера императорской власти: как βασιλευς τῶν Ῥωμοίων он был обязан заботиться о централизации, о борьбе с проявлениями сепаратистских тенденций; вместе с тем, однако, император являлся представителем класса феодалов, крупнейшим из них и не мог поэтому не проводить в жизнь их политику, не выражать их интересы. В этом отношении реформа вряд ли оправдала те надежды, которые возлагались на нее: все ее прекрасные декларации остались на бумаге.

Есть еще один чрезвычайно существенный аспект рассмотренной выше судебной реформы: институт «вселенских судей» учреждался при совместном участии церкви и императорской власти, о чем свидетельствуют как смешанный состав «вселенских судей», так и прямое указание одной из простагм Андроника III, в которой сказано, что «вселенские судьи ромеев избраны и поставлены святою Церковью Божией и моей царственностью». По мнению некоторых исследователей, это «обуславливалось традиционными взаимоотношениями церкви и государства в Византии, опиравшимися на принцип симфонии»⁶. Следует, однако, подчеркнуть, что именно в последние века существования империи эта «симфония» достигает наивысшего развития, приводя, по существу, даже к слиянию, «сращиванию» функций императорской и патриаршей администрации, к переносу функций императорской канцелярии, которая фактически сворачивает свою работу, на патриархию и т. д. Объясняется это, очевидно, все более возрастающим бессилием, капитуляцией императорской администрации перед лицом жгучих проблем современности и усилением роли церкви в общественно-политической жизни государства. И хотя в данном случае позицию императора можно расценить как его субъективное желание заручиться санкцией церкви для усиления действенности реформы, объективно это означало, что церковь, сохраняя все значение своего духовного суда (audientia episcopalis), «прибирает к рукам» и бывший доселе исключительно светским орган верховной судебной власти в империи. Недаром и местом заседаний нового суда стал храм Божий — св. София.

Все большее слияние двух самостоятельных властей в Византии, гражданской и церковной, отразилось и в праве данного времени, в юриспруденции как таковой, в активизации деятельности византийских юристов по составлению юридических сборников, в которых вперемешку представлены (в эксцерптах и полностью) памятники гражданского и церковного законодательства. Тенденция состояла именно в том, чтобы объединить {302} в пределах одного сборника источники гражданского и канонического права. И хотя составители подобных сборников никогда механически не копировали тексты, а подбирали их с определенной целью, неизбежное при этом сосредоточение разнородных правовых источников в рамках таких сборников не всегда удовлетворяло византийских юристов. Некоторые из них задавались целью (поскольку центральная власть отказалась от мысли взять на себя бремя такой работы) создать такие юридические сборники, в которых оба законодательства — гражданское и церковное — должны были получить свое гармоничное и по возможности органичное соединение.

Указанная тенденция проявилась уже в работе анонимного автора малоизученной компиляции, известной под названием Пространного Прохирона (Prochiron auctum), хотя она возникла, по-видимому, еще до судебной реформы Палеологов на рубеже XIII и XIV вв.⁷ В основании Пространного Прохирона был положен, естественно, Прохирон Льва VI (те же 40 титулов, в общем та же система, те же рубрики, то же предисловие, хотя и в несколько сокращенном виде), однако текст памятника «обогащен» множеством смысловых изменений, которые еще подлежат изучению, и заимствований из других источников как гражданского, так и канонического права. К заимствованиям гражданского права относятся многочисленные фрагменты из Василик, из Исагоги со схолиями, из Эпитомы 920 г., из юридического сочинения Михаила Атталиата (XI в.), наконец, рассеянные по всем 40 титулам фрагменты новелл императо-

in den Jahren 1321—1341. Amsterdam, 1965. S. 168.

⁶ Соколов И. И. Вселенские судьи в Византии. Казань, 1915. С. 26.

⁷ Τρωϊάνος Σπ. Οἱ ἑπτὰ πηγεὶς τοῦ Βυζαντινοῦ δικαίου. Εἰσαγωγικὸ βιβλίον. Ἀθηναί, 1986.

ров Ираклия и Константина, Льва VI, Романа Старшего, Константина Багрянородного, Василия II, Никифора Вотаниата, Алексея и Мануила Комнинов. Что же касается канонического права, то в титулах о браках автор Пространного Прохирона много заимствовал из комментария Феодора Вальсамона к синтагме канонов и Номоканону Фотия, а также из канонических суждений других церковных писателей, например архиепископа Диррахия Константина Кавасилы, епископа китрского Иоанна⁸, митрополита критского Ильи и т. д. В компиляции имеются также заимствования из исаврийской Эклоги и Большого Синописа Василия, но оба эти сочинения, по всей вероятности, попали в руки автору Пространного Прохирона после оформления всех 40 титулов, поэтому фрагменты из этих титулов вошли не в титулы Прохирона, а в так называемые *παράτιτλα*, составившие приложение к этим титулам⁹.

Важно при этом отметить, что многие рукописи, содержащие Пространный Прохирон, включают императорские «клятвенные указы», относящиеся к учреждению института вселенских судей: парижские рукописи 1343 (XVI в.), 1351 А (XIV в.) и 1356 (XIV в.) помещают их после паратитлов; {303} ватиканская 856 и марцианская 180 (XV в.) — в качестве паратитлов 34 и 35; парижская 1368 (XV в.) и туринская 300 (XV в.), например, помещают их в начале текста Пространного Прохирона. По мнению Мортрейля, который и приводит эти данные в своем труде, «из этой неупорядоченности вытекает, что указы никогда не были частью данного сборника и что они являются позднейшим добавлением, сделанным, без сомнения, во времена Андроника Палеолога»¹⁰. Но даже если это и так, даже если Пространный Прохирон действительно был создан ранее судебной реформы Палеологов, то и тогда данный факт (наличие большого количества рукописей XIV—XV вв., содержащих текст Пространного Прохирона, а также включение в их состав императорских простагм, касающихся вселенских судей) свидетельствует о том, что этот сборник интенсивно использовался вселенскими судьями в их судебной практике.

Богатая практика составления подборок юридических источников («рукописей юридического содержания»), сопровождавшаяся иногда переделкой некоторых юридических памятников, приспособлением их к новым историческим условиям (например, Земледельческого закона, который в рукописях XIV—XV вв. часто фигурирует в переработанном по сравнению с древнейшей редакцией виде, с измененным порядком статей, с предисловием и заглавиями групп статей, с рядом дополнений и т. д.), наконец, опыт составления Пространного Прохирона позволили перейти к разработке более совершенного и более отвечающего потребностям византийских юристов правового пособия. Так появилось в 1345 г. знаменитое арменопуловское «Шестикнижие» (η; 'Εξάβιβλος), т. е. «Ручная книга законов (Πρόχειρον Νόμον), выборочно собранная отовсюду и сокращенно составленная достопочтенным номофилаком и судьей Фессалоники господином Константином Арменопулом» — юридическая компиляция, получившая широчайшее распространение как в оригинальном виде, так и в переводах на латинский, немецкий, русский, румынский, болгарский, английский, новогреческий языки, на протяжении 500 лет сохранявшая на Балканах значение основного правового источника и судебного руководства, а после провозглашения независимости Греции получившая там силу закона. С введением в новой Греции «Шестикнижия» в качестве официального законодательства отпала необходимость планировавшейся сначала кодификации гражданского права путем перевода на греческий язык французского наполеоновского кодекса или германского уложения.

Теперь об авторе «Шестикнижия». Если отбросить подробнейшую, но могущую предоставить интерес лишь для специалиста по психологии фальсификаторства псевдобиографию Арменопула, принадлежащую перу известного историка, уроженца Крита и позднее греческого эмигранта в Италии Николая Комнина Пападопулоса (1655—1740), то окажется, что мы мало что знаем о жизни знаменитого византийского компилятора. Нам не известны ни точные

⁸ Долгое время после статьи А. С. Павлова «Кому принадлежат канонические ответы, автором которых считался Иоанн, епископ Китрский?» (ВВ. 1894. Т. 1 С 493—502) сочинения Иоанна Китрского приписывались архиепископу охридскому Димитрию Хоматиану, но в последнее время предпринята серьезная попытка восстановить авторство Иоанна Китрского, а самого его отождествить с упомянутым среди патриарших чиновников логофетом Иоанном Хоматианом, который, возможно, был родственником Димитрия Хоматиана. См.: *Darrouzès J. Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'Église byzantine* P. 1970. P. 172—174, *Idem. Les réponses canoniques de Jean de Kitros // REB. 1973. Т. 31. P. 319—334.*

⁹ *Mortreuil J. A. B. Histoire du droit byzantin. P., 1846. Т. 3. P. 292.*

¹⁰ *Ibid. P. 293.*

даты его жизни ¹¹, ни место рождения, ни его семья. Из той сводки данных источников об Арменопуле и его труде, которой располагает современный исследователь, с большей или меньшей {304} долей уверенности можно сказать о нем следующее: в 1345 г., т. е. в году, когда была составлена древнейшая из дошедших до нас и содержащая к тому же уже «второе» (дополненное) издание «Шестикнижия» рукопись — Ottobonianus 440 (датируется январем 1345 г.), Константин Арменопул действует как судья (κριτής) Фессалоники, севаст и οἰκείος (или δοῦλος) императора (Иоанна V Палеолога или Иоанна VI Кантакузина — неизвестно); в 1349 г. он сочетает эти должности и титулы с титулом номофилака и судьи «непорочного царского секрета», что само по себе, очевидно, предполагало его причастность к институту епархиальных «вселенских судей», т. е. «кафолических судей» без τῶν Ῥωμαίων. Помимо «Шестикнижия», Арменопул является автором серии работ по юридическим, историческим, грамматическим и теологическим вопросам, таких, как «Эпитома божественных и священных канонов», «О ересях», «Слово на праздник св. Димитрия-Миропомазанника», неизданный лексикографический труд Арменопула, имеющийся во многих рукописях и состоящий из «Алфавитного лексикона, содержащего синонимы глаголов» и «Алфавитного лексикона, содержащего общепотребительные глаголы, в котором показывается, какие из них непереходные, а какие переходные», перечень должностей при императорском дворце и при патриаршестве и др. ¹²

Однако вернемся к основному юридическому труду Арменопула — «Шестикнижию». То, что оно мыслилось автором как практическое руководство судьям, видно из наставления судьям, которое предваряет сборник. Этот *opus rhetoricum*, в котором Арменопул продемонстрировал умение пользоваться аттическим стилем, изобилует абстрактными рассуждениями автора о высоком назначении судьи, рыцаря справедливости, о его ответственности перед высшим судьей, т. е. Богом, о его беспристрастности и непорочности, о профессиональной обязанности всегда изучать законы, причем не столько слова и формулировки, сколько их смысл и значение. Все эти положения обильно уснащены цитатами из Ветхого и Нового заветов, апофтегмами отцов церкви, выдержками из древних авторов. Уже здесь Арменопул подчеркивает компилятивный характер своего труда, составленного из собранных отовсюду и изложенных кратко положений, «подобно тому, как если бы кто-нибудь, придя на покрытый цветами луг, сорвал самые приятные из цветов и свел их в единый букет — воплощение красоты и наслаждения» (*Hexabiblos*. P. 5. 14—15).

Наиболее отчетливо свое намерение и мотивы, которыми он руководствовался при создании «Шестикнижия», Арменопул изложил в особом предисловии, заслуживающем того, чтобы быть приведенным полностью, тем более что оно отсутствует в русском переводе «Шестикнижия»: «Некогда юристами из окружения благочестивейших императоров Василия, Константина и Льва была создана Книга законов, так называемый Прохирон, излагающий в сокращенном виде предписания законов. Случайно сейчас натолкнувшись на него, мы еще до его прочтения были изумлены многими обещаниями (его редакторов). Ибо они утверждают, что собрали {305} из каждой книги законов необходимые, полезные и постоянно требующиеся распоряжения и записали их в сокращенном виде в этой ручной книге законов, почти ничего не упустив из того, что вправе знать многие. Так, по крайней мере, (эта книга) говорит во введении и дает такого рода обещания. Однако, читая книгу, мы заметили, что она далека от поставленной цели и данных обещаний, так как в ней и более необходимое упущено, многие из этих положений высказаны чересчур суммарно, да к тому же и столь сопротивно цели и обычаю, что мы, очень удивившись, сочли себя обязанными восполнить в ней недостающее, добавить надлежащее и создать законченное сокращенное издание. Именно поэтому мы и склонились над всем сводом законов, одни из которых установлены издревле, другие, которые, по обычаю, называют новеллами, придуманы позднее божественнейшими императорами; вместе с ними и так называемые „Ромаика“ Магистра, и указы Эпарха, и наиболее ценные из пособий.

¹¹ Приводимые в новейшем справочнике годы жизни Арменопула (1320—1383) заимствованы, несомненно, из сочинения Николая Комнина Пападопулоса. См.: *Καραγιαννόπουλος Ι. Ε.* Πηγαί, τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας. Βεΐ; κδοσις. Θεσσαλονίκη, 1971. Σ. 362.

¹² Сводный список трудов Арменопула, опубликованный К. Пицакисом (*Πιτσάκης Κ. Γ.* *Op. cit.* Σ. κζ', σπμ. 48), насчитывает 12 названий, включая Земледельческий закон и ряд других сочинений, приписываемых Арменопулу. Об авторстве Арменопула в отношении позднейшей редакции Земледельческого закона см.: *Μεττεδεβ ΙΙ. Π.* Был ли Константин Арменопул автором «арменопуловской» версии Земледельческого закона? // *ΒΟ. Μ.*, 1982. С. 216—233.

Собрав из всех тех материалов самое ценное и самое необходимое и соединив все это с распоряжениями Прохирона (одно — вперемежку, другое — отдельно, как каждому подобало) и к тем сорока титулам, из которых состояла книга Прохирона, добавив другие, такие же по объему или даже большие, ради ясности и ради того, чтобы не казалось, что не хватает чего-то из необходимого, мы создали единое целое и разделили на шесть книг, изложив вкратце весь материал книг 60 законов и новелл, „Ромаиков“, указов Эпарха и руководств, назвав (это единое целое) Прохирон, или Шестикнижие» (Hexabiblos. P. 7. 18—21).

Таким образом, Арменопул сам указал основные источники, которыми он пользовался, и работа, проделанная учеными по отождествлению этих источников, показывает, что указал он их в основном правильно. Особенно обращают внимание скрупулезность и добросовестность компилятора, оговорившего во введении и последовательно применявшего в тексте систему символов и ссылок — «знак Солнца» для обозначения добавлений к Прохирону и «знак Крона» для обозначения древнего текста — с тем, чтобы желающий мог всегда обратиться к подлинникам. Действительно, Прохирон в 40 титулах целиком вошел в «Шестикнижие», составив его основу. Использованы также Исагога, из которой эксцерпирована большая часть 4-го титула «приложений»; Василики, которые, как теперь доказано, были известны Арменопулу почти исключительно по Большому синопсису и (в том, что касается схолий) по так называемой Эклоге Василик. Использованы в «Шестикнижии» новеллы императоров, из которых наиболее интенсивно представлены новеллы Льва VI, заимствованные из так называемой *Ecloga Novellarum Leonis*, но также новеллы Константина VII Багрянородного, Романа I, Романа II, Никифора I Фоки, Василия II, Алексея I Комнина и Мануила I, причем все эти новеллы, включая новеллы Льва VI, заимствованы Арменопулом из «приложения» к Синопсису; патриаршие и синодальные решения, также называемые в «Шестикнижии» «новеллами» (например, «новеллы» патриархов Сисиния, Ксифилина, Афанасия), причем именно в своих отсылках к источникам канонического права Арменопул демонстрирует наибольшую точность, обнаруживая в себе тем самым «скорее богослова, чем юриста». Неплохо послужили ему трактат «О сроках». Пира — сборник судебных решений из практики судьи XI в. Евстафия Ромея (или Романа), которую так долго не могли распознать под загадочным названием τα;` Ρωμαϊκα;` τοῦ Μαγίστρου λαυόμενα {306} (Евстафий, впрочем, действительно имел титул магистра), а также знаменитый сборник уставов константинопольских корпораций X в., известный под названием «Книги Эпарха»; и трактат Юлиана Аскалонита о градостроительстве, составивший большую часть 4-го титула второй книги «Шестикнижия». Наконец, прочие источники указаны Арменопулом как «наилучшие из руководств», в числе которых, очевидно, в первую очередь, имелся в виду так называемый Малый синопсис — алфавитная компиляция конца XIII в., составленная из материалов Большого синопсиса и Синопсиса Михаила Атталиата¹³. Именно из Малого синопсиса, широко использованного в «Шестикнижии», Арменопул узнал о сочинении Михаила Атталиата, из которого заимствована вся историческая часть «Шестикнижия» со всеми его вопиющими неточностями вроде того, что «Юстиниан составил три кодекса: Григорианский, Гермогенианский и Феодосиев».

Как уже было отмечено, весь собранный материал Арменопул расположил в шести книгах. В первой из них рассматриваются общие принципы имущественного права, вопросы гражданского состояния, судопроизводства, реституции и т. д.; вторая говорит о владении, собственности, морском и домостроительном праве; третья — об отчуждении, договорном и залоговом праве, найме, товариществе и т. д.; четвертая книга трактует вопросы брачного и семейного права, пятая — темы наследственного права (наследование по завещанию, обязательные наследники, фалькидий, законная доля, незавещанное наследование, отказ от наследования и др.), а также опеки; шестая содержит положения уголовного права.

Как юридический памятник труд Арменопула сугубо компилятивен. Выясняется, что в нем (если исключить введение и некоторые схолии) нет ни одной фразы, которую нельзя было бы найти в тех источниках, которыми пользовался Арменопул, или которая свидетельствовала хотя бы о какой-то более или менее значительной переработке¹⁴. Не подтверждается и мнение ученых, считавших, что Арменопул стремился осовременить право путем исключения устаревших и бесполезных распоряжений: в «Шестикнижии» присутствует немало распоряжений,

¹³ Τρωιάνος Σπ. Οι;` πηγές. Σ. 157—159.

¹⁴ Hexabiblos. P. 40; Πιτσάκης Κ. Γ. Ορ. cit. Σ. μ'.

явно устаревших для XIV в. Не наблюдается и стремления компилятора ни к приспособлению языка источников к нормам современного ему греческого языка, ни к унификации терминологии, ни даже к улучшению и исправлению испорченного текста некоторых распоряжений. Они переносятся в «Шестикнижие», как правило, в той форме, которую имеют в использованных Арменопулом источниках, но только в сильно сокращенном и упрощенном, освобожденном от всякой риторики виде. Эта лаконичность и точность выражения, абстрактность мысли, заключенной в распоряжении, его повелительный тон сближают, по мнению некоторых ученых¹⁵, «Шестикнижие» с юридическими гражданскими кодексами нашего времени, делают его их предшественником. Сказанное еще в большей мере относится к отмеченной выше системе расположения материала, которая не похожа ни на один прежний законодательный сборник. Освободившись здесь от всякой зависимости от его источников, и в частности от основы своего труда — Прохи-{307}рона, Арменопул становится предшественником системы, которую предстояло выработать юридической науке Запада спустя пять веков, — системы пятичастной классификации гражданского права (общие принципы, имущественное право, обязательственное право, семейное право и право наследственное)¹⁶.

Очевидно, именно в этом прежде всего ключ необычайной популярности «Шестикнижия» на протяжении веков у разных народов, хотя несомненны и другие причины: компактность, удобство, ясность, доступность в сочетании с достаточной полнотой юридического материала обусловили жизнеспособность арменопуловского труда, отвечая, по-видимому, каким-то новым явлениям и веяниям реальной жизни. Но с чем решительно нельзя согласиться, так это с утверждением, что в труде Арменопула «гражданское частное право отделено от канонического»¹⁷. «Вселенский судья» Константин Арменопул не мог ставить перед собой такой цели. Его задача была как раз противоположной и состояла в соединении двух законодательств, а не в разъединении их. Наличие в тексте компиляции специального титула «О завещании епископов и монахов», титула «О рукоположении епископов и пресвитеров», целиком относящегося к чисто каноническим вопросам, а также других распоряжений церковно-правового происхождения свидетельствует именно об этом.

Конечно же, не в каждом сочинении Арменопул ставил перед собой вышеизложенную задачу, и в этой связи представляется необходимым подробнее осветить вопрос о другом значительном юридическом труде Арменопула, традиционно остающемся в тени «Шестикнижия», — о его «Эпитоме божественных и священных канонов»¹⁸. Труд — сугубо канонический, благодаря которому его автор заслужил данную ему патриархом Филофеем характеристику продолжателя дела Вальсамона. Но и здесь Арменопул отходит от глоссирования как чисто средневекового метода в интерпретации текстов и предлагает свой опыт кодификации канонов. Как и «Шестикнижие», «Эпитома» состоит из шести разделов, в свою очередь делящихся на титулы. Первый из этих разделов трактует вопросы избрания и поставления епископов, второй — об избрании и поставлении пресвитеров, диаконов и иподиаконов, третий — о прочих чинах клира, четвертый — о монахах и монастырях, пятый — о мирянах-мужчинах и шестой — о мирянах-женщинах. Как и «Шестикнижие», «Эпитома» была снабжена особым предисловием, но в отличие от «Шестикнижия», где Арменопул указывает непосредственно использованные источники, в «Эпитоме» он этого не делает, ограничившись ссылкой на основные источники канонического права (каноны синодов, «апостольские» каноны, каноны отцов церкви). Метод работы по отбору и эпитомированию материала тот же самый, что и в «Шестикнижии», о чем свидетельствуют так называемые *Locī gemīni* в том и другом сочинении: за некоторыми {308} незначительными исключениями, текст подвергнутых эпитомированию правил буквально совпадает с теми местами, откуда он заимствован.

¹⁵ Μαρδάκης Γ. Ε. 'Ο Ἀρμενόπουλος καί, ἡ, τεχνική, τοῦ δικαίου // Τόμος Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1952. Σ. 101.

¹⁶ Πιτσάκης Κ. Γ. *Op. cit.* μγ'. Ср.: Μαρδάκης Γ. Ε. *Op. cit.* Σ. 101; Н. Зворонос, напротив, говорит о «трехчастной концепции права», которую Константин Арменопул («отец современных романистов») разработал и которую использовали юристы новейшего времени. См.: *Svoronos N. Storia del diritto e delle istituzioni // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo*. Roma, 1982. P. 200.

¹⁷ Πιτσάκης Κ. Γ. *Op. cit.*

¹⁸ *Perentidis S. Édition critique et commentaire de l'Épitomé des saints canons de Constantin Harménopoulos*. P., 1981.

Вскоре после издания сборник был снабжен большим количеством схолий, выяснение происхождения которых затрудняется тем, что только некоторые из них снабжены указаниями на источник. Например, часть схолий принадлежит патриарху Филофею, хартофилаку Великой Церкви Петру Вальсамону, а также «блаженному Иоанну»¹⁹. Часть схолий происходит через Властариса из «Каноникона» псевдо-Иоанна Постника, хотя их источник обозначен просто «Иоанн Постник», а все прочие упомянутые в тексте схолий источники (новеллы Юстиниана, других живших после него императоров, патриаршие и синодальные решения и т. д.) — это лишь косвенные источники, известные редактору схолий только по упоминанию их византийскими глоссаторами и Властарисом, откуда он их и заимствует. Что же касается вопроса о том, в какой мере следует приписывать самому Арменопулу включение схолий в «Эпитому», то Пицакис, которому здесь принадлежит главное слово, считает возможным ответить на него положительно, так как большинство схолий «черпает» материал из тех же источников, которые использованы и для основного текста «Эпитомы». Некоторые сомнения возникают лишь в отношении тех схолий, которые «не кажутся связанными непосредственно, а иногда и опосредованно с тем местом или темой, под которые они подведены»²⁰.

Коснувшись деятельности Константина Арменопула как канониста, мы уже вступили в сферу канонического права, и раз уж речь зашла именно об этом, следует подробнее охарактеризовать эту сторону византийской правовой науки²¹. В отличие от светского законодательства и светской юриспруденции, которые, как мы убедились, многое утратили в ходе общего исторического развития, каноническое право и на заключительном этапе истории Византии предстает в более или менее целостном виде, и если взять хотя бы такую рукопись канонического содержания, как *Vaticanus gr. 844* (XIV в.), то в ней обнаружится весь корпус древнейших источников официального канонического права, «ратифицированный» на Трулльском соборе 692 г. Разумеется, и более поздние сборники-номоканоны (так же как «Номоканон Фотия» и др.) продолжают усиленно переписываться и использоваться для последующего канонического «правотворчества».

От XIV—XV вв. дошло несколько таких попыток собственного «правотворчества» в области канонического права. Так, митрополит родосский Нил Диасоринос (в миру Никита Мирсиниот), выходец с Хиоса, паламит по убеждениям, сосланный за это патриархом Каллистом на Родос, митрополичью кафедру которого он занимал с 1357 г., известен прежде всего своей литературной деятельностью (ему, в частности, принадлежит очерк о вселенских соборах, замечательный тем, что автор квалифицирует как вселенские не только Фотиев собор 879/80 г., но и паламитские соборы {309} 1341 г.). Однако он был еще и высокообразованным юристом, специалистом по церковному праву. В своих «Ответах» (числом 21) монаху Ионе он разъясняет вопросы, касающиеся богослужения, причастия, крещения, покаяния, елеосвящения, поминовения, поста, — словом, вопросы почти исключительно из литургической сферы²². Среди ответов привлекает внимание один — о причащении младенцев. На вопрос: «А что должно делать относительно крещенного латинянами?» — Нил отвечает: «Миром мажет и только молитвы произносит»²³, т. е. автор обосновывает свое положительное решение, очевидно адресуя его католической церкви, в которой вопрос о причащении младенцев решается отрицательно. По-видимому, вопрос монаха Ионы был вызван современным Нилу положением его митрополии, когда обосновавшиеся на Родосе крестоносцы-рыцари, а с ними и деятели по пропаганде католичества миссионерствовали в пользу католической церкви не безуспешно, и во времена Нила бывали случаи, когда они крестили детей, которые должны были бы быть

¹⁹ Его до недавнего времени отождествляли с патриархом Иоанном XIV Калекой, на самом же деле схолии под именем «блаженного Иоанна» принадлежат Илье Критскому. См.: Πιτσακίης Κ. Γ. Γύρω α, γ, πο; τι;ς πηγες;ς Ἐπίτομη;ς κανόνων τοῦ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου: τα; σχόλια // ΕΚΕΙΕΔ. 1976 (κυκλ. 1978). Т. 23.

²⁰ Ibid. P. 87.

²¹ См. также: *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München. 1959. S. 786—789.*

²² *Алмазов А. П. Неизданные канонические ответы Константинопольского патриарха Луки ХризOVERга и митрополита Родосского Нила. Одесса, 1903.*

²³ Там же. С. 61 (№ 9). Кстати, эта норма применялась уже в IX в. в Болгарии, когда Борис изгнал латинян-священников и вместо них прибыли византийские иереи: «мирро Фотия»! (примеч. Г. Г. Литаврина).

крещены православными священниками. Это довольно редкий для данного периода случай соприкосновения права православной церкви и латинского права, чаще же приходится констатировать почти полное отсутствие контактов между ними.

Еще один памятник канонического права этого времени — 54 канонических «Ответов» митрополита эфесского Иоасафа (первая половина XV в.) на вопросы пресвитера Георгия Драсина, также касающиеся различных аспектов совершения литургии, великой вечери, исповеди, причастия, таинства брака, погребения, поминовения, водоосвящения, монашества, значения храма и т. д. По разнообразию затронутых в них вопросов они представляют редкий канонический документ в ряду подобных ему по характеру происхождения памятников. Любопытен, например, ответ 44, где среди тех умерших нераскаившихся грешников, о которых запрещалось молиться, упоминаются «берущие проценты и умирающие вместе с ними», а также «подверженные постоянному пьянству»²⁴.

Своего апогея, однако, поздневизантийское каноническое право достигло в деятельности знаменитого византийского канониста Матфея Властариса, творившего в Фессалонике в то же время, что и Константин Арменопул. Главный труд Властариса — «Алфавитная синтагма», написанная в 1335 г., т. е. еще до «Шестикнижия», — получил широчайшее распространение и практическое применение как в византийское время, так и в период турецкого владычества, соперничая по популярности с «Шестикнижием», а переводы «Синтагмы» на славянские языки (на сербский вскоре после ее появления, на болгарский и русский — в XVI в.) свидетельствуют о том, что она оказала большое влияние на правовую жизнь славянских народов²⁵.

О Матфее Властарисе мы, как и об Арменопуле, знаем очень мало. {310} Не известны ни годы его жизни, ни «социальное происхождение». Несомненно, что он был иеромонахом, возможно, подвизался в фессалоникском монастыре Перивлепты, где его духовным отцом являлся основатель этого монастыря Исаак, бывший в 1295—1315 гг. митрополитом Фессалоники под именем Иакова. В исихастском споре Властарис принял участие на стороне исихастов, выступив с такими сочинениями, как «О божественной милости, или О божественном свете» (в котором отстаивал исихастскую идею о несотворенном свете Господнем) и «Против Варлаама». Матфей был, кроме того, поэтом, перу которого принадлежит целый ряд гимнографических литургических произведений²⁶, а также изложенный политическими стихами трактат о званиях и должностях константинопольского двора и церкви. Властарис является автором ряда синопсисов — риторического синопсиса, синопсиса номоканона Псевдо-Иоанна Постника, синопсиса ответов Никиты Ираклийского на вопросы епископа Константина, синопсиса канонов патриарха Никифора, и др.

Что касается «Алфавитной синтагмы», то, как уже отмечалось в литературе²⁷, ее возникновение также было связано с проводившейся Палеологами судебной реформой, являлось непосредственным откликом на нее. Объединяя в рамках синтагмы гражданское и церковное законодательство, автор решает именно ту задачу, которая ставилась перед такого рода компиляциями. Кстати говоря, именно Матфею Властарису принадлежит положение о $\sigma\upsilon\mu\phi\omicron\nu\acute{\iota}\alpha\ \epsilon;\acute{\nu}\ \pi\alpha;\acute{\tau}\iota\nu$ как принципе, на котором были основаны взаимоотношения государства и церкви, и этот принцип был сформулирован им как раз в «Алфавитной синтагме». В отличие от Пространного Прохирона и «Шестикнижия», авторами которых являлись светские юристы, а поэтому и центр тяжести компиляций перенесен на гражданское законодательство, автор «Синтагмы» — духовное лицо, что сказалось на характере компиляции, которая имеет ясно выраженные черты номоканона. По словам самого Властариса, его целью при составлении «Синтагмы» было дать краткое практическое руководство по действовавшему в то время церковному праву, причем к соответствующим главам канонов он «счел полезным присоединить нечто малое и сокращенное из светского законодательства, помогающее священным канонам, с ним согласующееся и сообщающее им крепость».

В предисловии, которое, как и в «Шестикнижии», названо $\pi\rho\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$, излагаются в хронологическом порядке различные источники, составляющие канонический кодекс право-

²⁴ Там же. С. 35.

²⁵ Ροδόπουλος Π. Το;` Σύνταγμα τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη και;` η;` ε;` πίδρασή του στο;` ν σλαβικο;` κóσμo // Χριστιανική;` Θεσσαλονίκη;` Παλαιολόγειος εποχή. Θεσσαλονίκη, 1989. Σ. 225—235.

²⁶ Πάσχος Π. Β. Ὁ Ματθαῖος Βλάσταρης και;` το;` υ;` μνογραφικο;` ν ε;` ργον του. Θεσσαλονίκη, 1978.

²⁷ Soloviev A. Œuvre juridique de Matthieu Blastares // SBNE. 1939. T. 5 P. 699—701.

славной церкви до собора 879 г. при Фотии (в этом порядке, правда, есть и нарушения, которые проникли и в нашу печатную Кормчую, а также встречаются ошибки при указании числа правил соборов и отцов церкви), и очерк истории римско-византийского права вплоть до опубликования Василик. Это обозрение, по мнению ученых, представляет большое сходство с предисловием к Синопису Атталиата. Самый же труд начинается прологом «О православной вере», подобно Синопису Василик, который, по всей вероятности, и зародил у Властариса мысль составить «Синтагму» в алфавитном порядке. «Синтагма» состоит из 303 глав в 24 титулах, расположенных в соответствии с греческим алфавитом и обозначенных буквами от «альфы» до «омеги», {311} так что различные сюжеты церковного права размещены под теми буквами, с которых начинаются их названия. Как правило, главы начинаются изложением канонических постановлений, относящихся к содержанию титула, и заканчиваются рубрикой νόμοι πολιτικοί, в которой собраны более или менее значительные извлечения из гражданского законодательства. Однако в «Синтагме» есть немало глав, часть которых составлена исключительно из распоряжений канонического права (таких 79), другие — только из распоряжений гражданского права (их 31), причем, как правило, без указания источника²⁸.

Итак, творчество Матфея Властариса, Константина Арменопула и их коллег знаменует собой последнюю веку ученой византийской юридической традиции. Нельзя при этом не отметить выдающуюся роль Фессалоники как крупнейшего очага юридической науки, права и правовой культуры. Именно здесь для распространения и «тиражирования» правовых сборников, «книг законных» создавались, по-видимому, специализированные скриптории²⁹, а может быть, и существовала юридическая школа³⁰, хотя в эту эпоху упадка государственной системы правового образования обучение праву происходило, по всей видимости, исключительно в частном порядке. Юридическая традиция не прервалась в Византии полностью, она жила в той форме, которая всегда была свойственна Византии, а в ее последний период фактически стала основной и единственной — в форме «автодидакалии», самостоятельного изучения права, его систематизации и классификации, практического применения, его материальной передачи путем переписывания юридических текстов. Именно поэтому следует, очевидно, признать поспешным вывод о полном упадке юриспруденции в Византии XIV—XV вв. Речь, скорее, должна идти об изменившихся задачах и характере юридической науки: время грандиозных «правительственных» кодификаций, столь типичных для эпохи расцвета империи, а также время глоссаторов безвозвратно ушло в прошлое, наступило время систематизаторов права. {312}

13

Византийская народноязычная литература XIII—XV вв.

Катастрофа 1204 г.— величайшее из потрясений, когда-либо пережитых византийцами,— имела самые различные последствия в духовной, культурной, литературной жизни.

С крушением империи, представлявшейся незыблемой и вечной, подрывалась и вера в казавшиеся также неизменными, существовавшие веками культурно-нравственные ценности. Византийскому обществу, прежде чем ему удалось вновь собраться с духом и силами, предстояло пережить долгие мучительные годы раздумий над прошлым, сомнений в будущем, осознания горькой правды о настоящем, о реальном месте и значимости эллинства в складыва-

²⁸ Детальное указание источников Матфея Властариса см.: Μάτσης Ν. Π. Περί τῆς ἐν κριτικῆς ἐν τοῦ Συντάγματος τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη. Ἀθήναι, 1979—1980. Т. 1—2; Τρωϊάνος Σπ. Περί τῆς ἐν νομικῆς ἐν πηγῆς τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη // ΕΕΒΣ. 1979—1980. Т. ΜΔ'. Σ. 305—322.

²⁹ См., например: *Медведев И. П.* Юридический скрипторий Константина Арменопула? // ВИД. 1985. Т. 17. С. 297—308.

³⁰ Такое предположение высказано в статье: *Canivet P., Oikonomides N.* (Jean Argyropoulos) La comédie de Katablattas: Infective byzantine du XVe siècle // *Δίπτυχα*. 1982—1983. Т. 3. Р. 11.

вающемся вокруг него новом политическом и культурном мире. На крутом трагическом повороте истории произошла как бы более трезвая оценка ценностей, составлявших на данном историческом этапе реальное содержание духовной жизни греческого народа.

Одна из таких реальностей первостепенной важности — язык, единственный в Греции живой язык общения, которому на протяжении веков отказывали в праве быть одновременно языком литературы¹. Первые серьезные попытки привнесения народного языка в литературу относятся, как известно, к XII в. С XIII в. круг литературных произведений на народном языке значительно расширился.

В этом приобщении литературы к народной языковой и поэтической стихии находит, по-видимому, выражение процесс более острого восприятия и осознания этой стихии как родной, «национальной», кровно связанной со всем греческим миром, оказавшимся вдруг на пороге пропасти.

Народному языку открывается, однако, не вся византийская словесность. Это прежде всего художественная литература, так сказать — беллетристика. Такие же области, как историография, риторика, философия, филология, продолжали развиваться в основном на традиционном классическом языке. Более того, стремление к глубокому, совершенному знанию языка Гомера и Платона, Геродота и Демосфена становится в последние века существования Византии важнейшим аспектом «национального» самоутверждения, ощущения эллинской культурной преемственности, неугасимости греческого гения. «Мы,— заявлял Гемист Плифон,— эллины по происхождению, о чем свидетельствуют наш язык и отцовское воспитание» (РГ. Т. 160. Col. B 21 B).

Именно с этим направлением связаны в культуре XIII—XV вв. имена деятелей византийского гуманизма, писателей и ученых Никифора Влем-мида, Феодора Метохита, Никифора Григоры, Варлаама, Никифора Хумна, Максима Плануда, Мануила Хрисолора, Георгия Трапезундского, Виссариона, Гемиста Плифона. Их деятельность, направленная на углубление в эллинское прошлое и его постижение, способствовала не только расширению границ византийской культуры, но и накоплению духовно-интеллектуального потенциала европейского Возрождения.

Для самого же византийского общества все большее погружение в древний язык и культуру и их идеализация становились в определенной мере явлением, еще более обострявшим сложную и непреодолимую для Византии проблему двуязычия, наличия двух культур, причастность или непричастность к которым определялась степенью образованности, а в конечном счете — социальной принадлежностью. Чем дальше и глубже проникался византиец культурой прошлого, тем разительнее был контраст между этим прошлым и народноязычным потоком современной ему византийской культуры. Степень отдаления массы византийцев от эллинской исторической и мифологической традиции, ее незнания и непонимания иногда поражает настолько же, насколько удивляет осведомленность в культуре прошлого немногочисленных византийских «пуристов».

В сложной картине сосуществования двух культурно-литературных течений, развивающихся как бы не соприкасаясь, нередко различимы темы и идейные тенденции, возникающие под влиянием общих исторических факторов, единой культурно-политической атмосферы, общегреческой «национальной» идеи.

Вряд ли следует соглашаться с мнением, что привнесение народного языка в официальную византийскую литературу произошло под влиянием новоязычных европейских литератур, под воздействием западных веяний, возникших в результате крестовых походов. Едва ли правомерно столь значительное явление греческой культуры, как возникновение и утверждение народноязычного литературного потока, объяснять влиянием внешних факторов, хотя было бы ошибочным и приуменьшение значения западноевропейского фактора в развитии греческой литературы XIII—XV вв. Глубокая враждебность к поработителям не всегда, однако, лишала греков способности воспринимать и их достоинства. Византийцев впечатляли — и это находило подсознательное или осознанное отражение в литературе — молодость, свежесть, непосредственность, оригинальность культуры, которые несло с собой западное рыцарство.

При принципиальном разграничении в литературе двух потоков византийской культуры — классической и народной — случается и нарушение языковых граней. Во-первых, это

¹ См.: Попова Т. В. Византийская народная литература. М., 1985. С. 29 сл.

происходит тогда, когда писатель, владеющий классическим языком, но желающий сделать свое произведение доступным более широкой массе, приближает его язык к народному. Это случаи, которые Х.-Г. Бек характеризует как «направление сверху вниз»². Ему противопоставляется «направление снизу вверх», подразумевающее случаи, когда писатель решает входить в литературу с произведением, написанным на народном языке (для XIII—XV вв. такие случаи уже довольно обычны). В этот период к двум названным случаям добавляется третий — когда, входя в литературу с нелитературным языком, писатель старается обогатить свой язык, «повысить» его уровень привнесением в него элементов литературного языка. {314}

Случай движения «сверху вниз» представлен романом «Каллимах и Хрисорроя», автор которого, принадлежавший к высшей знати, к самой императорской семье, приобщенный к классическому языку, оживляет язык своего сочинения привнесением живой народной струны. Эта языковая тенденция отнюдь не случайна — она тесно связана с процессом трансформации греческого романа, становящегося ведущим жанром византийской литературы XIII—XV вв.

«Каллимах и Хрисорроя» открывает качественно новую серию романов³, называемых *рыцарскими* в отличие от *любовно-приключенческих* романов и эллинистической эпохи, и XII столетия. Несомненно, однако, что народноязычный, стихотворный рыцарский роман XIII—XIV вв. подготовлен всем развитием жанра в предшествующее время, т. е. в XII в. Действительно, лирический характер, и почти поэтическая форма первого из романов — «Исминия и Исмина» Евматия Макремволита — свидетельствовали об отклонении от традиционных норм прозаического жанра; роман «Роданфа и Досикл» Феодора Продрома был написан уже не прозой, а ямбическим триметром, представляя собой попытку сочетания поэзии с традициями риторической прозы (что делало роман искусственным и безжизненным); попытка дальнейшего преобразования жанра — в «Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана, восстанавливающего в рамках поэтической формы лирическое направление, привносящего в роман демократизм, лирику народного толка; дальнейшее отклонение от архаической формы в «Аристандре и Каллитее» Константина Манасси, использовавшего уже не ямбический триметр, а пятнадцатисложный («политический») стих, приближало роман к народной поэзии⁴.

В «Каллимахе и Хрисоррое» рассказывается о некоем царе варваров, имевшем трех сыновей, которым он велел отправиться в дальний путь для свершения героических подвигов. Оказавшись перед неприступной горой, юноши одолели ее по настоянию младшего брата. Спустя три месяца на их пути возникает замок, охраняемый чудовищами. Двое из братьев отступают перед опасностью, и лишь третий решает преодолеть высокую стену замка с помощью волшебного кольца, подаренного старшим братом. В одном из залов юный Каллимах обнаруживает подвешенную за волосы красавицу, которую, как выясняется позже, истязал дракон, стараясь склонить к супружеству. Каллимаху удается сразить спящего дракона. Воспылавшие любовью друг к другу Каллимах и Хрисорроя клянутся в супружеской верности перед изображенным на стене Эротом. Счастье, однако, продолжается недолго: некий царь, охотившийся в окрестностях их дворца, увидел Хрисоррою и был очарован ее красотой. На помощь ему приходит старуха-колдунья. Сопровождаемый ею и войском царь подступает к дворцу юных супругов. Откликаясь на голос старухи, звавшей на помощь, Каллимах покидает дворец. Будто бы благодарная за сочувствие, старуха дарит юноше золотое яблоко, оказавшееся смертоносным. Хрисоррою похищают. Вещий сон приводит братьев к распростертому на земле Каллимаху. С помощью того же яблока, обладавшего, как оказывается, и животворной силой, юношу возвращают к жизни. Поиски {315} Хрисоррои увенчались успехом: Каллимах и Хрисорроя встречаются в саду царя-похитителя. Их тайные свидания замечены евреями, и влюбленных предают суду. Однако пламенные, исполненные любовной страсти речи молодых супругов трогают царя, и он велит казнить не их, а колдунью. Влюбленным дарованы свобода и возможность продолжать счастливую жизнь в своем сказочном замке.

Первый издатель «Каллимаха» С. Ламброс считал, что автором романа был выходец из народа, а само сочинение — переработка одной из греческих сказок, близкой по типу к сказкам о храбром Янисе. К. Крумбахер предполагал, что произведение представляет собой обработку

² Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 7.

³ Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.). Тбилиси, 1979.

⁴ Подробнее о романе XII в. см.: Алексидзе А. Д. Литература XI—XII вв. // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 204—209.

не одной, а нескольких сказок. Г. Мегас, исследовавший роман сравнительно с греческим фольклором, также пришел к выводу, что поэт изложил стихами греческую сказку, переосмысленную в духе любовного романа⁵. По мнению Х.-Г. Бека, однако, в «Каллимахе» на первом плане не сказка, а древний мотив романа — поиски и возвращение возлюбленной: целью поэта было создание романа в сказочном обрамлении. В последнее время вопрос о жанровой природе «Каллимаха» был изучен путем анализа его структуры морфологии⁶ с применением «теории функций» В. Проппа⁷. Структурный анализ выявил в основе «Каллимаха» модель волшебной сказки.

Но в схеме романа очевидны и отклонения от фольклорных законов, которые, как выяснилось, соответствуют тем пассажам, в которых автор старался придать героям черты, не свойственные сказочным героям (например, когда автор наделяет их большей самостоятельностью, заставляет отказаться от волшебных предметов, которыми героям сказки положено пользоваться), т. е. именно тем местам, где автор «Каллимаха» стремился переосмыслить сказку в духе романа.

Все то, что в «Каллимахе» не связано со сказкой, восходит в основном к эллинистическо-византийскому любовному роману. Уже в прологе произведения дана концепция не сказки, а романа: радость и горе всегда перемешаны; слава, богатство, красота, любовь, отвага являются источником радости, хотя таят в себе угрозу несчастья, потери любимого человека. Любовь несет с собой блаженство, разлука полна горечи. Читателю поведают о сладостной горечи любовных мук.

«Сладостная горечь любовных мук» — понятие, восходящее к античной лирике и характерное для эллинистического романа. С романом связана не только идейная концепция «Каллимаха», но и большая часть риторического аксессуара (система тропов, фигур, серия экфрасисов). Вместе с риторикой и лексикой эллинистического романа в мир средневекового входят мифологические фигуры: Эрот, Афродита, Хариты, Нереиды.

Любопытно, что протагонист назван по имени («Каллимахос» — славный воин) лишь в 75-й строке поэмы, когда герой вдруг оказывается перед подвешенной за волосы Хрисоррой. Таким образом, наречение героя, как и в западном рыцарском романе, связано с осознанием им своей {316} личности, с поворотным моментом в его жизни. Герой перестает быть просто «третьим сыном царя», обретя красивое и значимое имя в тот миг, когда в его жизнь входит Хрисорроя⁸.

Встреча героев при необычных для греческого романа обстоятельствах (девушка предстала перед героем совершенно нагой, во всем блеске своей юной красоты) придает их отношениям с самого начала чувственный оттенок. Византийский роман не только не ослабляет чувственный элемент эллинистического романа, но в некоторых случаях даже углубляет и обостряет его. Из романов XII в. это прежде всего характерно для романа Евматия Макремволита, одной из сцен которого навеяно описание Хрисоррой во время купания: «Кто в состоянии описать это волшебное, изумительное зрелище — переливающееся хрусталем тело Хрисоррой, благородство его линий, которому пребывание в ванне придало еще больше очарования и привлекательности»⁹.

⁵ Μέγας Γ. Καλλιμάχου και Ἡ Χρυσόρροϊς οἱ πόθησις // Melanges Merlier. Athènes, 1956. T. 2. Σ. 167—168.

⁶ Алексидзе А. Д. Каллимах и Хрисорроя: проблема жанра // XVI. Internationalen Byzantinistenkongress. Akten 11/3 (JÖB. Wien, 1982. Bd. 32/3).

⁷ В тех или иных типах сказок существует определенное количество функций (т. е. действий), неизменно является их последовательность (Пропп В. Я. Морфология сказки, изд. 2-е. М., 1969. С. 80).

⁸ Новизна заключается в замалчивании имени героя до тех пор, пока он не станет достойным этого имени (Payen J. C. La littérature française dès origines à 1200. P., 1970. P. 161). Несомненно, запоздалое объявление имени героя может иметь символическое значение. В кельтском мифе наречение именем является признаком инициации и трансформации. У Кретьена де Труа имя Эниды произносится при Эреке в день свадьбы, когда она приобретает к новой жизни.

⁹ Интересное свидетельство о понимании идеала античной красоты в реальной византийской действительности содержит анонимное «Житие св. Феофана», в котором описана процедура выбора невесты для царевича, будущего Льва VI, проводимая его матерью императрицей Евдокией в дворцовой бане. При этом поведение матери царевича описано как ординарный, привычный случай; создается впечатление, что речь идет о заведенном порядке (Hunger H. Die Schönheitkonkurrenz in «Belthandros und

Страстность, чувственность героев сочетаются с их высокой чистотой, нравственной безупречностью. Автор «Каллимаха» старается соблюсти даже такой традиционный, обязательный для греческого романа принцип, как сохранение героиней целомудрия до официального бракосочетания. Но какая может быть свадьба, где можно найти священнослужителя в безлюдном, удаленном от всего мира замке дракона? Поэт находит выход из положения: жрецом будет сам Эрот, изображенный на дворцовой стене.

Любовь героев, как это обычно для греческих романов, — сильнейшая страсть, физическая и духовная. «Исполненная страсти привсталла девушка. Окрыленный любовью юноша предстал перед ней. Языку не под силу описать, с какой страстью, с каким волнением в сердце, с каким упоением бросились они в объятия друг другу». Им ничего более не надо для счастья. Удаленные от всего света, они испытывают полное блаженство в прекрасном саду — типичном средневековом *locus amoenus*. Потеря друг друга — это конец, катастрофа. Ищущий возлюбленную Каллимах — это лишившийся рассудка от любви и отчаяния безумец, типичный обезумевший от страсти и потери возлюбленной рыцарь средневековой западной и восточной литературы (Ивэн, Флоримон, Ланселот, Тристан, Таризл, Меджнун). «Он шел, плача и причитая, со стонами и вздохами, не рад был солнцу и свету дня».

«Каллимах и Хрисорроя» — поэма о любви, развивающая сформировавшуюся в греческом романе концепцию любви. На «Каллимаха» совершенно невозможно распространить рассуждение Б. Кнёса, касающееся {317} рыцарского романа XIII—XV вв.: «Новый дух особенно чувствуется в концепции любви, этого великого открытия средних веков, особенно Франции XII в., — концепции, как сказал Густав Коэн, отмеченной печатью вечного, духовного, в чем проявляется ее западное происхождение»¹⁰. Свет вечности и духовности, излучаемый любовью Каллимаха и Хрисоррой, совершенно независим от западного влияния.

Итак, «Каллимах и Хрисорроя» не сказка. Но это и не роман в смысле греческого любовно-приключенческого повествования эллинистической эпохи и XII в. Это новый жанровый этап, в котором синтезируются элементы романа, сказки, героического эпоса.

Попытку автора «выкроить» сюжет романа из волшебной сказки Г. Мегас оценивает как задачу неестественную ввиду принципиального различия характера любви в романе (духовное явление) и в сказке (инстинкт, разбуженный красотой женщины)¹¹. С точки зрения истории литературы в «Каллимахе» следует усматривать, однако, нечто более важное, а именно желание автора, ощущающего кризис античного жанра, а также созревшие в его развитии в XII в. тенденции, трансформировать жанр с помощью народного литературного и языкового материала (явление, имеющее аналогии в мировой литературе, в частности в трансформации французского «античного романа» на почве бретонской фольклорной традиции).

В 1853 г. Е. Мартини высказал предположение, что автор «Каллимаха» — представитель семьи Палеологов Андроник Дука (род. ок. 1261 г.). Гипотеза была основана на эпиграмме Мануила Фила (XIV в.), содержащей краткий пересказ одного из произведений Андроника, во многом сходного с «Каллимахом». Подробное сравнение эпиграммы с «Каллимахом» убеждает в том, что сходство здесь гораздо существеннее различий, которые сводятся, в сущности, к различиям двух рукописей: одной — XIV в. (по которой познакомился с романом Мануил Фил); другой — XV—XVI вв., они донесли до нас текст романа. Возражение, согласно которому Андроник — автор теологических сочинений — не мог создать произведения (романа), содержащего всего лишь единственное упоминание Бога, несостоятельно: как автор романа он действовал в согласии с законами литературного жанра, исключая участие в действии христианского бога¹².

В греческом любовном романе большая часть приключений героев совершается на чужбине, вдали от родной земли. Герои должны как можно раньше покинуть родной край, куда они возвратятся к концу повествования, преодолев все препятствия и соблазны. В отличие

Chrysantza» und die Brautschau am byzantinischen Kaiserhof // Byz. 1965. Т. XXXV. S. 153).

¹⁰ Knös B. L'histoire de la littérature néogrecque. Stockholm, 1962. P. 106.

¹¹ Вопрос о соотношении в истории литератур сказки и романа далеко не однозначен. По мнению В. Проппа, здесь ассимилируются и скрещиваются целые жанры, создаются очень сложные конгломераты, в которые составные части входят как эпизоды. Таково же строение некоторых рыцарских романов, которые сами, вероятно, восходят к сказке. Подобное сравнительное изучение — дело будущего (Пропп В. Я. Указ. соч. С. 90.).

¹² Подробнее об авторе см.: Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа. С. 82 и сл.

от греческих любовных романов, как античных, так и византийских, где юноша и девушка отправляются в путь вместе, в рыцарских романах на путь приключений становится только юноша, рыцарь. Если в «Каллимахе» причиной, заставившей героя покинуть родину, было желание отца узнать о подвигах сы- {318} новей, в «Велтандре и Хрисанце» героя побуждает к бегству немилость царя к младшему сыну.

Велтандр — истинный рыцарь, «охотник и меткий стрелок», прекрасный лицом, стройный и храбрый, кудрявый и светловолосый, с красивыми глазами и беломраморной грудью. Горячая мольба брата не может поколебать его решения покинуть родной дом. В освещенной луной цветущей роще, сидя у родника, перебирает он струны кифары и поет свой грустный мирологий. Рыцаря настигают посланные отцом вельможи. Они призывают царевича вернуться во дворец, где его ожидают венец и царские почести. Юноша продолжает сидеть нем и недвижим. Только когда рассвет начинает окрашивать вершины гор и верхушки деревьев, герой встает, опоясывается мечом и, прощаясь, просит оставить его в покое, если они не хотят сделать своих жен вдовами. Когда вельможи пытаются задержать Велтандра, он выхватывает меч и убивает десятерых из них. «Не на меня падет грех за это убийство,— говорит он,— убийцы вы сами».

Этот эпизод, как и последующий, где Велтандр перебил банду разбойников, отмечен влиянием гиперболических сцен «Дигениса Акрита», т. е. связан с эпическим началом в «Велтандре». Совершенно иным — рыцарем западного типа — предстает герой в сцене встречи с царем Антиохии, когда, преклонив колена, он клянется быть ему верным вассалом, а затем демонстрирует свою ловкость в соколиной охоте. Однако до встречи с царем Велтандр уже пережил главное из своих приключений: он уже побывал в сказочном дворце Эрота.

Античный мотив любви, вспыхнувшей по воле Эрота,— общее место в греческих и западных любовных романах. Наметившийся было в романе Евматия Макремволита мотив постепенного созревания чувства в византийском любовном романе не находит дальнейшего развития. Рыцарский роман возвращается к более элементарному, фольклорному варианту возникновения чувства по внушению Эрота, соответствующему в сказке так называемому «осознанию недостачи». Грозному и могущественному Эроту Велтандр подчиняется без колебаний, прежде чем увидит свою возлюбленную. Новые эмоции герой начинает выражать после смотрин девушек, устроенных по воле Эрота, когда юноша останавливает свой выбор на прекрасной Хрисанце.

Следующая встреча Велтандра с Хрисанцей происходит уже в реальном мире — во дворце царя Антиохии. Увидев Велтандра, она сразу узнает в нем судью конкурса красоты во дворце любви. Услышав имя юноши, она мгновенно проникается страстью. Два года и два месяца влюбленные будут испытывать тайное томление. Из окна Велтандр видит прогуливающуюся в дворцовом саду Хрисанцу; она со стоном произносит его имя и проливает потоки слез. Не в силах сдержать себя, он выпрыгивает из окна. Встретившись, влюбленные теряют сознание. «Лишь свершив то, что желали», они расстаются на рассвете. Здесь в многовековую этическую традицию греческого романа привносится нечто новое: сохранение целомудрия до бракосочетания являлось, как известно, неизменным нравственным принципом героинь всех любовных романов. Более того, в «Велтандре» акт христианского бракосочетания ставится ни во что и даже становится объектом шуток. Чтобы скрыть свою любовь, влюбленные разыгрывают фиктивное бракосочетание Велтандра со служанкой Федроказой, причем обряд совершает сам антиохийский патриарх. {319}

Свободное и непосредственное поведение героев не есть, однако, признак легкомыслия и вульгарности. Их духовное родство с героями более ранних греческих романов проявляется с особой силой в драматических сценах. Во время побега из Антиохии герои попадают в бурю, и Хрисанца решает, что Велтандр погиб. Она горько оплакивает возлюбленного, как оплакивают друг друга герои всех любовных романов, например Каллимах и Хрисорроя. Подобно героиням других романов, и Хрисанца решает покончить с собой, но едва она собралась сделать это, как вдруг (тоже мотив античного романа) слышит голос возлюбленного. Сцена, в которой влюбленные мечутся вдоль берегов разбушевавшейся реки, стремясь друг к другу, также навеяна античным мотивом.

Отчаяние влюбленных подчеркивается сентиментальной деталью: вместе с ними по берегам реки мечутся две горлицы, также потерявшие друг друга,— самка, сопровождающая Хрисанцу, и самец, сопровождающий Велтандра. В последних, полных драматизма сценах, где раскрывается вся полнота любви героев, высвечиваются человечность, сердечность, с которой

протагонисты оплакивают погибших во время бури Федроказу и других слуг. Гибель верных слуг, деливших с героями беды и невзгоды,— драматическая нота, подобная той, какая в романе Никиты Евгениана звучит в связи с гибелью второй пары возлюбленных. Как в «Дросилле и Харикле», сцена смерти создает контрастный фон обретенному наконец счастью героев, их возвращению на родину, безмерной радости родных и друзей, бракосочетанию, празднику любви и верности.

По сравнению с «Каллимахом», основанным на сказке, «Велтандр» — «более литературный этап» в развитии греческого романа, что проявляется прежде всего в структуре произведения, органично связанной с художественным мировосприятием и эстетикой автора. Вернемся к сцене, в которой влюбленные, потерявшие друг друга, мечутся вдоль противоположных берегов реки, сопровождаемые птицами. Картина движущихся попарно вдоль берегов существ отнюдь не случайна в образно-эстетической системе романа, в склонности автора к своеобразному геометризму, который проявляется и в описании фантастических фигур, квадратно-сферических форм во дворце Эрота, и в системе чисел, и в символике.

Основное, по существу единственное, число «Каллимаха и Хрисоррои» — «три», вполне соответствующее фольклорному принципу «утроения» (3 брата, 3 дня, 3 внука и т. д.). Фундаментальное число «Велтандра» — «два». Второй элемент системы — комбинация двух и трех: 2 сына, 2 года и 2 месяца, 4 сторожа, 24 преследователя, 40 невест, 3 слуг Велтандра, которых к концу, когда к ним присоединяется погибающая вместе с ними Федроказа, уже 4. И далее: 5 дней поисков влюбленными друг друга, 5-кратное перемещение вдоль реки, 5-дневный путь возвращения на родину, 10 месяцев от свидания до побега, 15 дней от решения о побеге до побега, 10 стратиотов. В Антиохии Велтандр проводит 2 года, 2 месяца и еще 10 месяцев, т. е. 3 года.

В данных числах можно усмотреть определенную символику: 40 невест — число ожидания, испытания; 5-дневный путь и соединение после 5-кратного перемещения вдоль реки — символика гармонии и союза и т. д. Система чисел, эстетика геометрии и симметрии выявляются, наконец, в художественной форме романа, в его структуре.

Развитие действия в «Велтандре» столь же прямолинейно, как и в {320} «Каллимахе»: повествование следует пути героя, последовательность сцен соответствует естественной хронологии эпизодов, сюжет совпадает с фабулой.

Иначе построен третий, самый большой по объему роман «Ливистр и Родамна» (свыше 4000 строк). Он основан на переплетении рассказов, чередовании повествовательных планов с контрастными сопоставлениями, эмоциональным многообразием, нюансировкой. Наслоение рассказов (рассказ в рассказе) доходит иной раз до совмещения 6—7 повествовательных планов. В этом отношении греческому рыцарскому роману свойственна та же эволюция, что и античному роману (от Харитона до Гелиодора) и сходным художественным процессам в других литературах¹³.

Ливистру, как и Велтандру, любовь внушает Эрот, являющий ему во сне образ прекрасной Родамны — дочери царя Хриса. После двухлетних скитаний Ливистр подходит к Аргирокастроу — серебряному дворцу Хриса — и располагается перед ним на расстоянии, позволяющем видеть появляющуюся на башне Родамну. Ливистр пытается привлечь внимание красавицы, вызвать ответное чувство любовными письмами, посылаемыми с помощью стрел. Сопrotивление гордой красавицы (*orgueilleuse d'amour* французского романа) в конце концов сломлено, и она тоже берется за перо. Ее первое послание проникнуто высоким, «космическим» пафосом: «К небу взывала я, клялась облакам, земле и воздуху, что никогда не склонюсь перед силой любви. Теперь же вижу, что гордыня моя сломлена, что свободная доныне становлюсь рабой твоих желаний».

Ливистр, взволнованный письмом, подхватывает ее слова, вторя им: «Клянись же небу и облакам... Но ведь ты сама частица этого неба, рожденная облаками и опустившаяся на землю с небес!» Царю Хрису, который прочит Родамне в мужья египетского царя Вердериха, Родамна решительно заявляет, что любит Ливистра, и тут же предлагает идею поединка между соперниками.

¹³ Ср., например, французский средневековый роман, где построение по принципу переплетения линий повествования — также результат эволюции; см.: *Payen J. C. Op. cit. P. 79.*

За победой Ливистра в поединке следует свадьба. Изображение поры счастливой супружеской жизни героев почти целиком заполнено описанием фонтана и других красот дворца, восхитительной внешности героини. Такой способ заполнения вакуума времени и действия характерен и для других средневековых романистов, не умеющих описывать счастье любви. Такая любовь вообще не является темой любовного романа. Тема романа — борьба за любовь через преодоление препятствий. И они возникают незамедлительно: побежденному Вердериху удаётся похитить Родамну, и Ливистр в сопровождении друга Клитовоса отправляется на ее поиски. На этом повороте судьбы Родамна — типичная героиня греческого любовного романа, прямая наследница Хариклии из «Эфиопики» Гелиодора. Она наотрез отказывается стать женой египетского царя. Ее не соблазняют ни сказочное богатство, ни безграничная власть, не страшат угрозы.

Более оригинален и интересен образ героини в новом контексте, в нетрадиционном для греческого романа декоре. Это придорожная гостиница, где обосновывается Родамна, чтобы узнать что-либо от путников о Ливи- {321}стре. В этой хозяйке гостиницы, поэтичной и обаятельной, трудно узнать некогда гордую и надменную дочь царя Хриса. Любовь и страдания придали ей мягкость, простоту и естественность. Сидя у порога, вглядывается она в даль затуманенными от слез глазами. Вся она — надежда и ожидание. Постоялец Клитовос (друг Ливистра, незнакомый Родамне) интересуется ее лишь постольку, поскольку может рассказать о Ливистре. И когда Клитовос, не называя имени Ливистра, приступает к рассказу, Родамна начинает узнавать события, имеющие отношение к ней самой. Ее волнение выражается сначала в слезах, столах, нетерпеливых репликах, а при упоминании имени Ливистра она лишается чувств. Еще одна трогательная реалистическая деталь: очнувшись, Родамна упрекает Клитовоса: «Где же ты оставил Ливистра? Как ты мог бросить его одного?» Утром, встав с зарей, она будит Клитовоса: «Вставай, чужеземец, к тебе обращается хозяйка...» Сила любви и дружба вновь возвращают супругов в объятия друг друга.

Наряду с идеалом возвышенной любви дружба — один из значительных гуманистических аспектов греческого романа. В византийском романе можно проследить развитие темы дружбы и образа друга: вначале это герой, имеющий лишь вспомогательную функцию, выполнив которую он бесследно исчезает (Евматий Макремволит); далее — это герой с собственной судьбой и сдержанным отношением к собственной драме, контрастирующим с патетикой и фанатизмом главного героя (Феодор Продром); наконец — это герой, наделенный чертами идеального друга, деятельно участвующего в судьбе протагониста, но с более трагической собственной судьбой, становящейся подлинной драмой для главных героев (Никита Евгениан). В «Ливистре и Родамне» тема дружбы обретает иное измерение — она оказывается в русле того интереса, который в ту же эпоху возникает в отношении дружбы как морально-этической проблемы у итальянских и византийских гуманистов. Друг Ливистра Клитовос — его второе я, человек, готовый на смерть ради друга, прокладывающий ему путь и ободряющий, хотя и сам испытывает страх и боль, что придает его жертвенности особую красоту и значимость. Вернув Родамну в объятия Ливистра, Клитовос прощается с другом. Однако желанием оказать ответную услугу загорается Ливистр, готовый ради друга вновь расстаться с обретенной наконец супругой. Идея дружбы в ренессансном звучании оказывается в центре проблематики романа — человек для человека, человек — человеку. Ливистр внушает Клитовосу: вместе с тобой буду жить, вместе с тобой буду страдать, вместе с тобой буду скорбеть, вместе с тобой буду скитаться, умру вместе с тобой.

Византийский рыцарский роман — продукт средневекового мировоззрения и эстетики. Мир его — «наполовину настоящий» и «наполовину ненастоящий». В нем не существует четкой границы между естественным и сверхъестественным. Вместе с тем рыцарский роман представляет собой продолжение греческого любовного романа, имеющего свои традиции, свои принципы отношения к реальному и ирреальному. Можно сказать, что эллинистический любовно-приключенческий роман — жанр реалистического направления в том узком понимании реализма, когда описываются в основном действия и явления в пределах естественных, физических законов при минимуме участия божественных сил. Роман XII в. подражал античному и в этом отношении: атмосфера византийских романов того {322} периода по преимуществу реалистична, чудеса почти отсутствуют. Романисты воссоздавали античный мир со всем его декором, включая олимпийских богов, которые, однако, не участвуют в действии, являясь героям лишь во сне. Географический фон — то вымышленный, то вполне конкретный. В отличие от любовных в рыцарских романах не ставится задача воссоздания античного мира. Их мир —

современное христианско-феодалное общество, более или менее знакомый авторам и читателям историко-географический ареал. В силу этого вопрос об отношении романиста к религии и мифологии, к божественному и земному, христианскому и нехристианскому обретает иное значение.

«Потусторонний мир иногда начинается с противоположного берега реки»¹⁴. Река, которая приводит Велтандра в волшебный замок, находится в окрестностях Тарса, куда он попадает через Турцию и Армению. Волшебное царство Эрота, расположенное в 10 днях пути от Тарса, в 5 днях пути от Антиохии, вписывается в реальную географию Малой Азии. Это мир чудес: механических животных и металлических растений, «подобных живым», настоящих и ненастоящих вещей, вызывающих «сверхудивление» героя. Подобно вытекающей из замка огненной «реке любви» (культивируемый романами образ «вода — пламя», восходящий к библейскому символу), здесь все построено на контрасте, совмещении несовместимого: идиллической красоты и горьких стенаний, конкретного (изваяния определенных людей с точным предсказанием их судьбы) и метафизического (царство Любви), условности (смотр дочерей 40 архонтов, в числе которых Хрисанца) и натурализма (детальный перечень физических недостатков девушек) и т. д. Бытовые черты свойственны даже образу «владыки эротов». Если у Евматия Макремволита встреча с Эротом происходит во сне, в «Велтандре» она описывается как происходящая наяву. Однако изображенная картина оказывается «фантастикой в фантастике», так как исчезает не все — остается сказочный дворец, из которого герой выходит тем же путем. Соотношение реального и фантастического особенно осложняется, когда по прибытии в Антиохию не только Велтандр узнал Хрисанцу, но и она узнает его.

В рыцарском романе как бы сосуществуют два потока: первый, идущий от эллинистическо-византийского любовного романа с системой художественных средств и образов, возникших на почве реального видения и отображения действительности, и второй — собственно средневековый, сказочно-фантастический. Это создает трудности для романистов, которые при переходе из реального плана в фантастический часто остаются, психологически и эстетически, на почве реального видения. Так, повествуя о невероятных событиях (полет на конях, чудесные превращения и похищения), герои просят слушателей поверить, что рассказываемое не ложь.

Волшебное не бывает последовательно и абсолютно волшебным: сидя на волшебных конях, герои ищут брод, удобное место для взлета. Рассказывая о сверхъестественных вещах, они испытывают потребность извиниться за то, что не могут их объяснить («знаю, что перелетел через море, но не знаю как»). Интерес к механизму чудес — характерная для византийцев черта, особенно ярко проявляется в отношении чудес, механизм которых осязаем и объясним, т. е. чудес технических, инженерных, архитектурных. В романах, где герои встречаются с демонами и крылатыми {323} эротами, их больше всего удивляют игрушки: механические птицы и звери, оригинальные конструкции зданий и т. д. В «Велтандре» большинство выражающих восхищение эпитетов относится именно к техническим чудесам. В «Каллимахе» равный восторг вызывает стол, накрывающийся сам собой (сказочное явление), и движущиеся ветви дерева (технический феномен). С особым удивлением описываются в «Ливистре» различные автоматы царского дворца, дальними прообразами которых в ряде случаев являются технические и архитектурные чудеса Константинополя.

Как уже отмечалось, мир рыцарских романов XIII—XV вв. в отличие от романов XII в. не условно-античный, а средневековая христианская действительность. Возникает вопрос: почему же в таком случае христианство занимает в них столь ограниченное место? Вряд ли можно принять объяснение Б. Кнёса, считающего, что авторы «Ливистра» молчат о религии, чтобы не оживлять полемику церковей¹⁵. Умолчание о христианстве, характерное для всех романов, по-видимому, не что иное, как закон жанра, тот его аспект, в котором он выступает как преемник жанра греческого любовно-приключенческого романа (подобное неприятие, иммунитет литературного жанра по отношению к христианству присущ и другим литературам, например французской *chanson de geste*). Мир греческого романа — мир любви, определенная система идейно-художественных топосов, связанных с мифологией и литературной традицией, в кото-

¹⁴ Payen J. C. Op. cit. P. 58.

¹⁵ Knös B. Op. cit. P. 120.

рой христианская религия с ее формами, этикетом и лексикой не может обрести сколько-нибудь значительного места. Мир романа навсегда останется владением Эрота.

Особо следует сказать об отображении в романах античной мифологии. В «Ливистре» образы мифологии всплывают во сне: владыка Эрот и его дворец, мифологические сцены с участием Афродиты. Сцены даны в общих чертах, без деталей, и, что самое главное, все это — $\iota\sigma\tau\omicron\rho\iota\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$, т. е. изображено в настенной росписи. Даже во сне мифология предстает не явной, а отраженной в скульптуре и живописи. Видя стоящую рядом с Эротом Родамну, герой обращает внимание на их сходство, «как будто жива мать Эрота, именуемая Афродитой». Здесь хорошо выражено отношение романиста к мифологии, ее персонажам, относящимся к далекому, несуществующему миру, непосредственного контакта с которым нет даже во сне. Выражение «как будто жива» не относится к Эроту, как не распространяется и на Харона, Тихе, Харит, переживших античность в виде символов и аллегорий. Другая особенность использования романистом мифологии — в ее «византийском» оттенке: Кронос (в «Каллимахе») изображен в куполе, подобно Пантократору, некоторые детали сцен во дворце Эрота (толпы людей, ожидающих приговора, грозный голос судьи) («Ливистр») ассоциируются со сценами Страшного суда. Ассоциация усиливает облик «трехликого» Эрота, имеющего лицо и ребенка, и юноши, и старика, говорящих одним голосом. Трехликость Эрота выражает, конечно, идею универсальности любви, однако несомненно и то, что моделью здесь служит христианская Троица — одно из таинств, постоянно возбуждающих интерес византийцев. Подобно византийским богословам, автор предпочитает оставить трехликость своего божества неясной, вызвать вопросы, которые с типично греческой любознательностью ставит герой романа: «Кто это? Кто мне скажет, что я вижу? Кто растолкует?»

Владыку Эрота окружает множество аллегорий, главные из которых — аллегории любви, берущие героя под свое покровительство, ходатайствующие за него перед владыкой. В облике аллегорий (особенно Агапе, похожей на латинскую принцессу) мало специфически аллегорических черт. Живой, реалистический колорит отличает и весь эпизод представления героя Эроту: это написанная с натуры сцена «византийской протекции», воспроизводящая императорский двор, взаимоотношения правителя с вельможами-просителями, живая картина византийской жизни в мире абстракций — своеобразное слияние реализма идеи и реализма наблюдений. Выделяющаяся среди аллегорий, почти приравниваемая к Эроту дева Агапе привлекает внимание в связи с особым смыслом ее имени: в христианской терминологии оно обозначает, как известно, специфическую христианскую любовь. У. Виламовиц-Мёллендорф жаловался на бедность немецкого языка, выражающего одним словом «Liebe» два генетически не имеющих ничего общего понятия: Эроса, восходящего к Платону, и сугубо христианского Агапе, впервые употребленного в значении христианской любви в послании Павла (« Ὁ Θεοῦ ἡ ἀγάπη ») и закрепленного в формуле Иоанна: « $\text{Ὁ Θεοῦ ἀγάπη ἐστίν}$ ».

Что касается Агапе, то ее исключительное место среди других аллегорий, как показывает анализ текста романа, объясняется отнюдь не связью с христианской традицией: авторитет Агапе зиждется здесь на иной почве, а именно на том, что $\alpha\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta$ — $\alpha\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega$; в данный период — основное слово, выражающее в разговорной речи обычную, земную любовь. Утверждение «агапе» в лексике византийского романа в указанном смысле было связано с трудностями и представляет собой длительный процесс. Дело в том, что вместе с потоком, идущим от эллинистического романа, в византийский роман привносилась особая любовная лексика, в которой нет слова $\alpha\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega$; . Его не имелось и в имитации эллинистического романа, т. е. в романе XII в., где любовь обозначалась классическим $\epsilon\rho\omega$; . Рыцарский роман, заимствующий любовную лексику из того же арсенала, не использует, однако, архаичное $\epsilon\rho\omega$; , а употребляет вначале вместо него описательно-метафорические формы. В «Каллимахе» простое и искреннее $\alpha\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega$; произносится лишь один раз в пассаже, окрашенном фольклорным колоритом. В «Велтандре» употреблению $\alpha\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega$; дается простор с момента включения в действие служанки Федроказы, теперь риторические формулы заменяются простым и ясным выражением любовного чувства.

Ввиду в основном негреческого происхождения героев и вымышленной географии романов в них не может найти выражение собственно греческий «национальный» патриотизм, однако идея служения родной земле, любви и привязанности к ней подчеркнута с достаточной силой особенно частым употреблением с предельно негативной семантикой слова $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (скиталец, чужестранец). Говоря о латинских элементах романов, об отношении их авторов к латинскому миру, занимающему значительное место в «Велтандре» и «Ливистре» (латинское

происхождение, облик Хрисанцы, Ливистра, Родамны), следует наконец особо сказать о важном культурно-историческом факте: о симпатии и доброжелательности к латинянам, не имеющих ничего общего с низкопоклонством Морейской хроники, выдержанных в духе гуманизма, отражающих, по-видимому, атмосферу одностороннего из регионов Византии, где не существовало острого греко-латинского антагонизма и проходил плодотворный процесс культурного взаимообогащения. В условиях, когда все официальные попытки греко-латинской унии оказываются тщетными (и это приближало гибель Византии), литература, греческий роман, преодолевающая религиозные и этнические предрассудки, являют образец наилучшей унии — союза человеческих сердец («Велтандр и Хрисанца»).

Романы интересны и в плане отражения современной им эстетики. «Как настоящий», «как живой» — высший в романах критерий оценок явлений и в сфере техники, и в сфере искусства. Символом такой эстетической концепции является зеркало, наиболее точно отражающее реальность, вызывающее благоговение у людей средневековья. Искусство есть подражание природе и посему оценивается ее категориями. Однако встречается и обратное: оценка явлений природы критериями земной демиургии. «Будто сделанный мастером», «будто нарисованный рукой художника» — высшая оценка явлений природы, красоты человека, которые часто описываются с применением понятия «тэхнэ» (выкованный, выточенный, выстроганный) или геометрических категорий. Эта своеобразная «деанимизация» (объяснение фактов живой природы через явления неживого мира) — также одна из особенностей византийского искусства.

Подобного рода эстетика, широко отраженная в романах наряду с противоположной ей концепцией зеркального отражения, — вообще типично византийская, основанная, по словам А. Грабара, на плотинском познании, «не аналитическом и рассудочном, а тотальном и непосредственном, путем созерцания заключенного в материале иррационального зерна». Рассматривая присланное Родамной кольцо, Ливистр удивляется, как удалось мастеру простым сочетанием металла и камней выразить «саму любовь». Говоря о подобных тенденциях в византийском искусстве, А. Грабар отмечает, что «византийцы XI—XII вв. как бы обнаружили то, что в дальнейшем со своей стороны откроют гуманисты: гармония линий и красок, совершенство симметрии способны выразить божественное»¹⁶. Именно такую попытку создать полную таинственного смысла музыку красок, своеобразную фантазмагорию, очаровывающую насыщенностью цвета, представляет собой описание в «Велтандре» триклиния в сказочном замке любви. Романы как бы озарены, пронизаны светом — основным принципом средневековой эстетики.

Высшие сравнения — сравнения со светом и солнцем. В описании божественных фигур — Зевса, Кроноса, Эроса — преобладают белый цвет, яркие краски, меркнувшие по мере отдаления от божественного. На противоположном полюсе — совершенно черные (ведьма «черна, как сарацинка»). Романисты тяготеют также к характерной для византийских мозаик и фресок полихромности, контрастному сочетанию чистых и звучных цветов. Романисты не только описывают различные комбинации цветов, но и подчеркивают важность этого искусства. Будучи чувствительными, как истые греки, к цветам, красивым камням и металлам, романисты не остаются, однако, бесчувственными к их материальной ценности. Парадоксальное сочетание «дематериализованной» эстетики с эстетикой «материальной» — отмеченная искусствоведами особенность византийского искусства. Эффект, производимый светящимися камнями, не всегда исключает осознание византийцами редкости и ценности материала, бросающееся в глаза «богатство» произведений искусства. Вопрос «искусство или материал?» беспокоит авторов романов, которые с одинаковым волнением говорят об искусстве выполнения и о материальной ценности вещей, особенно автор «Каллимаха», отмечающий даже в самых острых, напряженных сценах романа ценность предмета, материала, из которого он изготовлен (драгоценные камни и особенно золото). «Хрисомания» этого романа есть не что иное, как проявление своеобразной ностальгии по золоту и богатству. Об оскудении казны, упрощении церемоний императорского двора, поддельных камнях в короне императора взамен настоящих, заложенных в Венеции, говорят историки, описывающие эпоху правления Палеологов, в том числе Андроника II (двоюродного брата автора «Каллимаха и Хрисоррои»).

¹⁶ Grabar A. La peinture byzantine. Genève, 1953. P. 40.

В полусказочном мире рыцарских романов отразились факты византийской исторической и социальной действительности: специфические социально-военные формы и термины, элементы этикета императорского двора, взаимоотношений императора с вельможами и т. д. Проявляется это и в описаниях, и в терминах, связанных даже с мифологическими фигурами (αυ;θέντης Ἔρως βασιλεύς, ε;ρωτοκράτωρ, λοθοκράτωρ). В описании царства Эрота также используются элементы феодальной, юридической лексики (как и в западном романе), отражающей отношения между владыкой Эротом и влюбленным рыцарем как отношения сюзерена и вассала (λιζιος). По этим принципам строятся и отношения с возлюбленной, которая, по словам Ливистра, владеет крепостью его сердца по-господски (αυ;θεντικά), подобно властелину (ε;ξουσιαστής) (понятие, ассоциирующееся с употребляемым на Западе наряду с Domna термином Midous (Monseigneur) в форме мужского рода). Любовные отношения не только уподоблены феодальным, но и объединены с ними в единую иерархию (Каллимах — «василевс замка» и в то же время «раб госпожи»). Какими бы далекими от социальной проблематики ни казались рыцарские романы, в них находят отражение и социальные отношения, и классовая позиция авторов. Романисты, увлеченные, казалось бы, лишь любовными перипетиями и приключениями героев, не остаются индифферентными к малейшим нарушениям социального порядка и равновесия. Принцип строго классового разграничения, соблюдения четкой иерархии — святая святых феодального общества — проявляется даже в сугубо сказочных, фантастических эпизодах. Так, дракон пожирает жителей на родине Хрисоррой в строго классовой последовательности. Социальный ранг непосредственно отражается во внешности, физическом совершенстве героев, их высоких духовных качествах. Исполнители первых ролей — это представители высшего класса, благородного сословия, в рыцарских романах — царского происхождения («право на приключение» имеют избранные).

Если рассмотренные выше романы отражают новые греко-западные реалии, то романы, о которых пойдет речь ниже, представляются продуктом греческо-западных литературных контактов. В первом из них — «Флорий и Плация-Флора» — рассказывается о том, как живущие в Риме славный рыцарь и его супруга, страстно желая иметь детей, дают обет совершить паломничество в Испанию, к гробнице св. Жака в Компостеле. В пути на них нападает Филипп, царь сарацинов. Рыцарь по-327гибает в схватке, а его супруга становится пленницей царя, затем приближенной, подругой царицы.

У нее рождается дочь, а у царицы мальчик, но мать во время родов умирает. Флорий и Плация-Флора — так зовут детей — воспитываются вместе и, повзрослев, пылко влюбляются друг в друга. К дружбе Флория с Плация-Флорой царь относится с неодобрением. Флория отсылают к другому двору с целью совершенствования знаний, главным же образом для того, чтобы разлучить его с девушкой. Перед разлукой Флорий получает от возлюбленной волшебное кольцо, имеющее свойство тускнеть, когда с его обладательницей случается беда. Дважды теряет блеск кольцо Плация-Флоры: первый раз, когда по ложному доносу Флоре угрожает смерть — сожжение на костре. Флорию едва удается вырвать девушку из рук палача. Второй раз, когда отец Флория решает продать девушку купцам. На этот раз устремившийся на помощь юноша не успевает ее спасти. Начинаются долгие поиски. Флорий обнаруживает любимую в Вавилоне заточенной в башне эмира. Подкупив стражников, юноша проникает в башню, спрятавшись в корзину с цветами. Влюбленные схвачены, им грозит сожжение на костре. Все, однако, завершается благополучно: узнав о царском происхождении юноши, эмир освобождает влюбленных, благословляет их союз и отправляет в Испанию. Здесь молодых встречают с радостью, вторично справляют свадьбу, и весь народ обращается в христианство. В конце концов народ Рима избирает Флория царем.

Касаясь «Флория», Х.-Г. Бек считает, что в данном случае мы впервые имеем дело с романом, по своему материалу ни античным, ни восточным¹⁷. Его истоки в глубине веков не просматриваются¹⁸. Что касается непосредственной филиации греческого текста, то она не вызывает сомнений. Это перевод (отчасти переделка) итальянского текста, который в свою очередь представляет собой редакцию французского романа XII в. «Флуар и Бланшфлёр». Французский текст стал прообразом также и для «Филоколо» Боккаччо.

¹⁷ Beck H.-G. Op. cit. S. 142.

¹⁸ Spadaro G. *Contributio sulle fonti del romanzo greco-medievale «Florio e Plazioflora»* Atene, 1966.

Текстуальные наблюдения позволяют издателю греческих рыцарских романов Э. Криарасу датировать «Флория» примерно второй половиной XIV в., а «Иберия и Маргарону» — первой половиной XV в.¹⁹

Иберий — долгожданный сын правителя Прованса, с детства приобщенный и к греческой словесности и мудрости (к Гомеру, Платону, Аристотелю, Паламеду), и к искусству владения оружием. Когда при дворе появляется неизвестный рыцарь, вызывающий на поединок местных героев, Иберий без ведома отца принимает вызов и побеждает чужеземца. Народ в восторге, отец Иберия, однако, встревожен и запрещает сыну подвергать себя впредь подобной опасности. Иберий решает покинуть родину в поисках славы и приключений в чужих краях. Никакими соблазнами родителям не удается заставить сына изменить решение. Согласен он лишь выслушать их советы и принять из рук матери талисман, обладающий свойством отвращать опасность от его обладателя. {328}

Путь юноши пролегает через разные страны и наконец приводит его в Анаполис (Неаполь). Правитель города желает выдать замуж свою прекрасную дочь Маргарону. Для выявления достойнейшего объявляется турнир. Иберий, одолев грозных соперников, завоевывает право на руку красавицы и становится ее супругом. Соскучившись по дому и родителям, он решает вернуться в Прованс. Маргарона готова следовать за супругом. Они совершают побег, и посланные вдогонку не напали на их след. Во время отдыха на лужайке Маргарона засыпает, Иберий же охотится. Вернувшись к супруге, он обнаруживает, что талисман, оставленный им на груди Маргароны, похищен орлом, которого привлек блеск. Преследуя похитителя, Иберий выходит к морю и становится пленником пиратов, а затем рабом при дворе египетского султана.

Маргарона продолжает путь одна. Добравшись до Прованса, она обращается к отцу Иберия с просьбой дать ей возможность основать монастырь на берегу моря. Тем временем Иберий, достигший высокого положения при дворе султана, совершает побег. После многих злоключений, больной и обессиленный, он достигает Прованса и оказывается в монастыре, основанном Маргароной. Не узнав в несчастном скитальце супруга, настоятельница просит его поведать свою историю. Узнавание происходит лишь к концу рассказа. Супруги вновь обретают друг друга. Под торжественный звон колоколов по Провансу разносится радостная весть.

Французские истоки поэмы несомненны. Однако вопрос о соотношении текстов осложнен тем, что считающееся прообразом романа французское повествование «*Pierre de Provence et la belle Maguelonne, fille du roi de Naple*» не сохранилось, как не сохранилась и приписываемая канонику Бернару де Тревье его провансальская редакция. Поэтому древнейшим французским текстом оказывается первое лионское издание романа 1453 г. Легенду связывают с основанием церкви и монастыря на острове Магелон недалеко от Монпелье, а также приюта на побережье для раненных и бездомных — жертв пиратских набегов. В легенде отразились и взаимоотношения Франции с Неаполитанским королевством Шарля Анжуйского (XIII в.).

Как и когда была принесена поэма в Византию, неизвестно. Интересно, однако, что на греческой почве она была увязана с местными историческими и литературно-фольклорными реалиями. Сказание приписало Иберию и Маргароне основание Дафни — одного из замечательных византийских монастырей XI в. Возникло такое предание, по-видимому, в стенах самого монастыря в XIII в., когда там обосновались латинские монахи-цистерцианцы, многие из которых пришли из Прованса, из окрестностей Магелона²⁰. Остроумные попытки усмотреть в героях романа и их приключениях исторические фигуры и события, описанные в Морейской хронике, были предприняты Г. Шрайнером. Прообразами были названы Петр II Арагонский и его супруга Мария, ставшие правителями Монпелье. Были найдены исторические соответствия и многим эпизодам (турниру и свадьбе в Неаполе), злоключениям героев в пути²¹. {329}

¹⁹ *Kriaras E.* Die zeitliche Einreihung des «Phiorios und Platzia-Phlora» Romans in Hinblick auf dem «Imberios und Margarona» Roman // Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongress. München, 1960. S. 269—272.

²⁰ *Bees N. A.* Der französisch-mittelgriechische Ritterroman «Imberios und Margarona» und die Gründungssage des Daphniklosters bei Athen. B., 1924.

²¹ *Schreiner H.* Neue Quellen zur Komposition und Entstehungsgeschichte des mittelgriechischen Romans Imberios und Margarona // BZ. 1929—1930. Bd. 30. S. 112—130; *Idem.* Der geschichtliche Hintergrund zu Imberios / Pierre de Provence und Margarona // BZ. 1951. Bd. 44. S. 524—533.

Не исключая возможности выявления некоторых первоначальных исторических импульсов, было бы неправомерно ждать большего от изучения вопроса об исторических соответствиях. Французско-греческие рыцарские романы созданы прежде всего в согласии с законами литературного жанра и греческими художественно-риторическими традициями переработки и переосмысления памятников, привнесенных извне.

В случае с «Флорием», где возможно прямое сопоставление греческой редакции с западным прототипом (итальянским текстом), очевидна направленность творчества византийского редактора: отдельные строки оригинала дают ему толчок и для привнесения в текст столь типичных для греческого романа экфрасисов и риторически-увещательных пассажей²², и для обогащения действия эмоционально-риторическими красками греческой народной поэзии. Приближаясь к греческому фольклору, романы в то же время во многом сохраняют западный характер, становясь таким образом типичными памятниками своего времени со своеобразным очарованием причудливой и загадочной латинско-греческой рыцарской стихии. Отметим одну деталь: в последних строках «Флория» сказано о том, что после свадьбы Флория и Плагия-Флоры, отпразднованной в Испании родителями героя, весь народ обращается «в веру католическую православных римлян». «Вера католическая римлян» итальянского текста, превратившаяся под пером греческого редактора в «веру католическую православных римлян», вызвала разногласия среди ученых. К. Крумбахер полагал, что отец Флория вместе со всем своим народом обратился в католичество, а Гесселинг считал, что все они были обращены в ромейское, т. е. византийское, православие. Криарас же думает, что здесь говорится лишь об отказе отца Флория от его прежней веры и принятии христианства. Не исключено, однако, что греческий редактор, имея в виду сложность своей читательской аудитории, в которой могли быть и православные, и католики, и греки, и эллинизированные франки, постарался сказать так, чтобы каждый мог толковать текст по своему усмотрению.

Безусловно, в рассматриваемую эпоху роман был самым популярным, распространенным в широкой читательской среде жанром. Этот жанр продолжает жить во всем богатстве его форм, сложившихся в течение его многовековой истории, видоизменяясь в соответствии с литературными вкусами времени, языковой ситуацией, идейно-художественными запросами читателей.

Среди существовавших издавна и видоизменявшихся текстов известен в первую очередь «Роман об Александре», восходящий в основном к Псевдо-Каллисфену. Переработанный неизвестным редактором в XIII—XIV вв., роман восхваляет подвиги великого царя и полководца, рассказывает о его воспитании Аристотелем, уме и мужестве, о его войнах, походе в Индию, об удивительных приключениях и, наконец, о трагической смерти от рук изменников. Помимо истории Псевдо-Каллисфена, источником этой византийской поэмы, содержащей 6120 строк, послужила и Хро-330ника Георгия Амартола, и поздние сказания, обогащенные, как видно, и фантазией самого редактора.

В Византии, как и в других странах Востока и Запада рассматриваемой эпохи, продолжается чудесная жизнь «Варлаама и Иоасафа» — в сущности жизнеописания Будды, переработанного в душеполезный христианский роман²³.

Из книг восточного происхождения продолжали пользоваться широкой популярностью восходящий к индийской «Панчатантре» «Стефанит и Ихниллат» — кладезь восточной житейской мудрости, превосходный памятник «звериной» (басенной) литературы — и «Книга Син-

²² Особенно наставления родителей при прощании с сыновьями: в обоих романах они преподносятся в духе византийского дидактического памятника «Спанеас».

²³ Вопрос об авторстве греческого романа «Варлаам и Иоасаф» стал предметом полемики в связи с его двумя средневековыми атрибуциями: Иоанну Дамаскину (VII в.) и Евфимию Иверу (Грузину) — монаху Афонского Иверского монастыря (XI в.). Атрибуция романа Иоанну Дамаскину сделана, возможно, по аналогии с попытками приписать ему авторство и ряда других произведений, как одному из наиболее почитаемых писателей. В средние века по традиции имена отцов церкви и других видных писателей приписывались сочинениям, которых эти авторы не писали (см.: Лурье Я. С. «Стефанит и Ихниллат» в русской литературе XV в. // Стефанит и Ихниллат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. / Пер. с греч. Е. Э. Гранстрем, В. С. Шандровской. Изд. подг. О. П. Лихачева, Я. С. Лурье. Л., 1969. С. 158—188; Хинтибидзе Э. Г. Грузино-византийские литературные взаимоотношения. Тбилиси, 1989. С. 197).

дбада» — сборник увлекательных и остроумных новелл с причудливым сочетанием в них дидактики и эротики.

«Бедный Лев» — своеобразный синтез романа и басни, возникший, в рассматриваемый период на греческом языке, — также отмечен колоритом и духом Востока. Действие, однако, происходит в Византии, куда попадает в качестве раба некогда богатый, но потерявший состояние человек по имени Лев. Благодаря мудрости и проницательности он вызывает расположение императора и, вновь обретя свободу, славу и богатство, возвращается на родину. О популярности романа свидетельствует существование его нескольких версий, различающихся по объему, стихотворному размеру рифмованных и нерифмованных строк.

Мода на роман не обошла и гомеровскую традицию. В поэме «Ахиллеида» именем героя «Илиады» назван не только главный герой — здесь есть и Парис, и Патрокл, и мирмидонцы. Но эти имена скорее подчеркивают отрыв от гомеровского эпоса, чем связь с ним, ибо, как выясняется, имена — это, пожалуй, все, что известно византийскому романисту о героях поэмы Гомера. Итак, Ахиллес — герой любовного романа-поэмы, начинающегося с обращения к богу любви. Он — долгожданный сын царя мирмидонцев, проявляющий с ранних лет удивительные способности в усвоении эллинских наук и владении оружием. Юноша, естественно, не имеет себе равных и по красоте. Участвуя в турнире с опущенным забралом, никем не узнаваемый, он одолевает всех соперников. Восторгаясь силой и удалью сына, царь мирмидонцев решает уступить ему трон. Ахиллес, однако, просит отца не спешить с этим, а дать ему возможность совершить ратные подвиги. Узнав о нападении на их страну вражеского войска, Ахиллес спешит сразиться с противником. Воинственный дух не оставляет в нем места для других чувств. Он презирает тех, кто способен покориться любви. Патрокл, выполняя и здесь традиционную для греческого романа роль друга — разумного и доброго советника, предупреждает Ахиллеса об опасности рассердить подобными словами грозного бога любви.

Отразив противника, войско Ахиллеса преследует его до самой крепости вражеского царя, располагаясь перед ней лагерем. Увидев вдруг на крепостной стене царскую дочь, подобную Афродите и Елене, Ахиллес влюбляется в нее, заключает мир с отцом девушки, признает свою вину перед богом любви и обещает быть его рабом. Он посылает девушке любовное письмо, подобно герою «Ливистра и Родамны». Она же, подобно Родамне, выступает в роли *orgueilleuse d'amour*, но в конце концов тоже покоряется Эроту, проникшему в сад в виде птицы, а встретившись с Ахиллесом, отдается ему.

Похищение Ахиллесом возлюбленной, погоня ее братьев навеяны сценами «Дигениса Акрита». За примирением следует описание турнира, в котором Ахиллес одолевает Франка — могучего, грозного рыцаря. Автор, не умеющий, подобно другим средневековым романистам, описывать счастливую пору жизни героев, заполняет вакуум описанием неодолимой силы и мужества Ахиллеса. Но вот наступает беда — болезнь и смерть супруги, оплакиваемой Ахиллесом, — он поет на ее могиле грустный мирологий.

Роман на этом заканчивается. Однако некоторая необычность финала по сравнению с другими любовными романами, а также желание продлить литературную жизнь нового Ахиллеса обусловили возникновение более обширной редакции романа. Поприщем для новых приключений героя избрана Троянская война. Парис, царь троянцев, призывает греков к примирению и предлагает Ахиллесу в жены собственную сестру, но в храме, где состоится венчание, Парис коварно убивает героя. Греки жестоко мстят троянцам.

Интересен, несомненно, сам факт встречи в византийском романе двух «национальных», героических эпосов — «Илиады» и «Дигениса Акрита», присвоение герою имени персонажа гомеровской поэмы, наделение его чертами средневекового героя. В то же время гомеровская поэма, как и вся античная мифология, для автора поэмы есть нечто туманное, лишенное конкретных очертаний, существующее лишь в именах и названиях. Несколько больше информации сообщает автор продолжения «Ахиллеиды»: он упоминает Гомера, Аристотеля, Платона и Паламеда, у которых, как он заявляет, и заимствовал рассказ об Ахиллесе. Цель автора, излагая историю Ахиллеса «простым» языком, сделать ее доступной людям, не приобщенным к грамоте, а также показать тщетность нашего земного существования. Зная об античной культуре больше, чем его читатель, он знает тоже, по сути дела, очень мало. Все это лишь подтверждает факт полного отрыва массы византийцев от античного культурно-исторического прошлого и доказывает вместе с тем существование пропасти между народом и интеллектуальной элитой. Эллинское прошлое для тех и других — не одно и то же. И все-таки связь с эллинской традицией, отсутствующая в ткани этого литературного произведения, живет в его

поэтическом духе, в типично греческом ощущении любви и красоты, в связанных с ними проходящих через всю греческую поэзию символах и мотивах, в культе силы и мужества.

Интуитивная тяга народной культуры к именам и символам, связанным с величием и славой далекого культурно-исторического прошлого, пред-^{332}ставляется линией, параллельной тенденциям, наметившимся в среде византийских интеллектуалов, — «национальное» самоутверждение через осознание причастности к великому эллинскому наследию, единству «нации» в многовековом историческом процессе развития культуры.

Поиски Гомера, погоня за призраком великого предка приводят к неожиданным, порой парадоксальным находкам и открытиям. Гомера обнаруживают не в греческой литературной традиции, а, например, во французском «Романе о Трое» Бенуа де Сент-Мора, сочиненном в 60-е годы XII в. при дворе Элеоноры Аквитанской. Роман, привлечший внимание византийца, взявшего на себя нелегкий труд перевода на греческий язык поэтического сочинения в 30 тыс. строк, — повествование о многочисленных предшествующих Троянской войне и следующих за ней событиях, чрезмерно перегруженное монологами, описанием боевых сцен, переживаний влюбленных героинь. По объему греческий перевод составляет две трети французского оригинала — это результат не столько сокращения текста, сколько следствие перевода французского восьмисложного стиха греческим пятнадцатисложным.

Источник французского романа не Гомер, а главным образом «Хроника Троянской войны» Диктиса Критского, вернее ее сокращенные латинские редакции. События в романе начинаются с похищения Ясоном золотого руна и первой осады Трои, затем следует рассказ о похищении Елены, второй осаде и взятии Илиона и возвращении героев. На фоне этих событий описываются страсти и переживания женщин: Елены, испытывающей угрызения совести, Бризеиды, возлюбленной Троилла, но воспылавшей любовью к Диомеду, и т. д. Греческие и троянские герои романа с их духовным и этическим миром столь же не похожи на своих античных прототипов, сколь изменены и их имена: Еркулес — вместо Геракла, Марос — вместо Ареса, Ясус — вместо Ясона, Кува — вместо Гекубы, Андромана — вместо Андромахи. Создается впечатление, что автор греческого текста либо не способен идентифицировать латинские имена с греческими, либо совершенно не знаком с миром античных богов и героев.

Не менее странно выглядят связанные с троянским циклом сказаний и с именем Гомера другие литературные сочинения. Так, произведение Гермониака, известное как «Перевод Илиады», вовсе не является переводом ни «Илиады», ни иного произведения. Автор создает свое сочинение по заказу эфирских правителей Иоанна II Комнина Ангела и его супруги, объясняя свою задачу следующим образом: сделать общедоступным содержание гомеровских рапсодий. Но влияние гомеровской традиции можно усмотреть здесь разве что в делении сочинения на 24 рапсодии, содержание которых, однако, нисколько не соответствует песням «Илиады». Источником информации для Гермониака служат не античные, а византийские памятники: «Аллегории» Цеца, в меньшей степени — стихотворная Хроника Константина Манасси, парафразы античных памятников. Следуя этим источникам, Гермониак начинает изложение в Первой рапсодии с биографических сведений об авторе «Илиады» — о его рождении в Фивах, об отце, которого, оказывается, звали Мелитом, и матери — Критиде, о полученном Гомером образовании, о созданных им книгах. Изложение троянских событий начинается с суда Париса и похищения Елены. Ахиллес, согласно Гермониаку, возглавляет войско мирмидонцев, венгров и болгар. Невежество автора усугубляется его невозмутимым, уверенным ^{333} тоном и начисто лишенными поэтических красок восьмисложными ямбическими стихами. Интонация стиха не меняется вплоть до конца мести Гекабы — ослепления царя Полиместора и убийства его восьми сыновей.

Полное отсутствие или предельное облегчение художественной задачи — один из факторов, способствующих появлению произведения больших объемов и малых достоинств. Объем сочинения, известного под названием «Морейская хроника», доходит в некоторых рукописях до 9 тыс. строк. Автор также не утруждает себя поиском красок и образов, излагая исторические события в хронологической последовательности, начиная с Первого крестового похода (конец XI в.) и доводя рассказ до 1292 г. С литературной точки зрения, по мысли К. Крумбахаера, «Хроника является полной бессмыслицей. Это — пустая, беспомощная, местами высокопарная проза, изложенная корявыми стихами»²⁴. И все-таки Морейская хроника, если судить о

²⁴ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen*

ней с учетом всего комплекса составляющих ее компонентов (включая и литературный),— довольно любопытное явление византийской культуры. Кроме греческого текста, хроника дошла также во французской, итальянской и арагонской редакциях. Хотя вопрос о соотношении редакций, оказавшийся довольно сложным, окончательно не выяснен, можно говорить, без сомнения, о зависимости греческого текста от французских источников, в частности от «Книги завоеваний Аморийского княжества», датированной 20-ми годами XIV в.

Морейская хроника — поэма, написанная с позиций западных завоевателей христианского Востока, сочиненная в середине XIV в. Герои поэмы — блистательные воины, вызывающие восхищение и симпатии удачью и отвагой, верностью законам рыцарской чести и справедливости. Едва представив читателю этих героев, начиная с Первого крестового похода, автор прямо переходит к событиям Четвертого похода, не отклоняясь существенно от хода событий (известных по описанию Жоффруа Виллардуэна). Далее внимание сосредоточивается на деяниях первых морейских деспотов: Гийома Шамплитта (1205—1209), Жоффруа I Виллардуэна (1210—1218) и Жоффруа II (1218—1245). Из всех французских правителей Морей особым вниманием автора хроники пользуется Гийом Виллардуэн (1245—1278).

Гийому приписываются такие черты, как милосердие, широта, благородство, которые он проявил во время похода с целью захватить Монеувасийскую крепость — крупнейшую морскую и военную базу Пелопоннеса. Осаждая крепость, он «сжимает ее подобно тому, как заключают в клетку соловья» (сравнение неудачно, но автор, возможно, имеет в виду чарующую красоту Монеувасии). Осажденные сдаются. Благородный победитель выполняет все просьбы побежденных и, скрепив свои заверения клятвой и печатью, принимает ключи от представителей города, даруя им в то же время владения, коней и дорогие одеяния. С Гийомом связаны и события, разворачивающиеся вокруг другой крепости — Мистры, превращенной в главную цитадель Виллардуэнов. Высокие достоинства Гийома проявляются здесь в иной ситуации: он сам оказывается осажденным и вынужденным сдать в плен византийскому императору Михаилу Палеологу. Бесстрашный, гордый, непреклонный, он отвечает отказом на все требования победителя. Никакие угрозы, заявляет он, не заставят его уйти из Морей, с земли, завоеванной мечом его отца. Автор хроники не скрывает своего восхищения Гийомом и другими франкскими рыцарями, противопоставляемыми нередко несовершенным нравами ромеев.

Текст хроники, почти полностью лишенный метафоричности, лишь изредка возвышается над повествовательным уровнем: птицы, оплакивающие рыцаря (образ, заимствованный из народной поэзии),— исключение в этом обширнейшем стихотворном сочинении. И все-таки вопреки мнению К. Крумбаха Морейская хроника не проза. Сочинение отмечено своеобразной поэтической интонацией, ритмикой, создаваемой прежде всего ритмом действия, быстрой сменой эпизодов, а также эмоциональной тональностью вставляемых в повествование вымышленных речей, монологов и диалогов исторических персонажей, искренним восторгом автора молодостью, удачью, смелостью героев. Что касается отсутствия поэтических украшений, то это можно объяснить не столько малой одаренностью поэта, сколько подсознательным ощущением стилистики своеобразной жанровой формы — *ритмизированного исторического повествования*.

Интересен вопрос о том, кем и для кого написана Морейская хроника. Является ли ее автор гасмулом (т. е. рожденным от смешанного брака — сыном француза и гречанки) или франком, в совершенстве овладевшим греческим языком (таких случаев было немало, так как это было единственной возможностью общения с греческим населением)? Являются ли те, кому предназначена поэма, греческими архонтами (как думает Х.-Г. Бек), принадлежащими в силу их социального положения к франкскому культурному кругу?²⁵

Если автор хроники — грек, пишущий для греков, то вопрос о ее авторстве и читателе обретает еще большую остроту, ибо поэма в таком случае представляется свидетельством глубокого изменения в условиях франкократии в ряде областей Греции и в определенной социальной среде национального самосознания. Греческая земля у автора хроники не вызывает в исторической памяти никаких воспоминаний, пятнадцатисложный византийский стих, кото-

Reiches (527—1453). 2. Aufl. München, 1897. S. 835.

²⁵ Beck H.-G. Op. cit. S. 158.

рым воспевались подвиги Дигениса Акрита, повествует здесь, убаюкивая слух эллинов, о Виллардуэнах, новых иноземных героях и чуждых народу правителях.

Вопрос об исторической памяти византийцев, о знании ими «национального» прошлого и об интересе к нему — вопрос сложный. Его следует рассматривать с учетом особенностей культурно-исторических условий, сложившихся в том или ином регионе. Если же говорить о главной тенденции, то несомненно следующее: предки не только постоянно жили в памяти греков, но и оставались на протяжении веков источником их духовной силы, идеалом мужества и благородства. Наиболее популярными оставались те из славных предков, деяния которых не теряли актуальности во все периоды византийской истории, служили этическим образцом, источником для нравственно-философских обобщений. Такова, например, судьба Велисария, славного полководца императора Юстиниана, ставшего жертвой наветов завистников. Интриги и коварство, императорская неблагодарность и жестокость, губящая лучших, достойнейших из людей, таков пафос «Сказа о прекраснейшем и удивительнейшем муже по имени Велисарий». «О невиданная беда, невыносимая боль, непреходящая горечь» — {335} восклицает поэт, рассказывая о Велисарии. Выполняя поручение Юстиниана, он в кратчайший срок воздвиг вокруг Константинополя крепостную стену. Император вознаграждает полководца, однако радость успеха омрачается завистью Кантакузинов, Дук, Ласкарисов, нашептывающих Юстиниану: не пройдет и трех дней, как ты потеряешь царство, ибо народ, любящий Велисария, желает поклоняться ему как василевсу. Велисарий проводит в заточении три года. Его наказывают лишением света солнца, закрывая глаза золотой повязкой. Угроза вражеского нашествия, нависшая над Константинополем, и желание народа видеть во главе защитников славного военачальника заставляют императора освободить Велисария. Он и на этот раз с честью выполняет свой патриотический долг. Следующая удача Велисария — поход против Англии (!). Причалив к британским берегам, полководец сжигает византийские корабли, чтоб не оставить надежд на отступление. Англия покорена. Соорудив новые суда, Велисарий возвращается в Константинополь, одерживая по пути на родину еще одну блистательную победу в сражении за Митилену.

После триумфа Велисария в Константинополе вновь поднимают голову клеветники. Полководца ослепляют. Но когда на Византию нападают персы и сарацины, о герое вновь вспоминают, обращаясь за советом. Указание, как одолеть врага, Велисарий дает своему сыну Алексею, которого ставят во главе войска. Империя спасена. Слава Велисария, его хотят видеть собравшиеся во дворце вельможи и посланцы дальних народов. Последние строки поэмы: перед ними появляется слепой старец, опирающийся на палку и протягивающий руку за милостыней.

В основе поэмы, несомненно, память о замечательном полководце VI в., много сделавшем для славы империи, но впавшем в немилость. Однако в дальнейшем судьба Велисария обогащается фактами, созвучными смыслу и духу повествования, но исторически к Велисарии отношения не имеющими: это и ослепление (появляющееся впервые в исторических текстах после IX в. под влиянием драмы некоего Симватия, ослепленного Михаилом III и обреченного на попрошайничество), и возведение в V в. в правление Феодосия стен вокруг Константинополя, это и некоторые детали описания похода Велисария против Британии и т. д.

Вопрос о том, как слагалась поэма о Велисарии, не ясен: или она возникла в процессе соединения разных, относящихся к различным лицам и событиям устных исторических преданий, увязанных с трагической судьбой Велисария и литературно оформленных в XV в., или же существовала первоначальная литературная редакция повествования о Велисарии, включившая в себя в дальнейшем новые элементы. В поствизантийский период наибольшую популярность приобрела редакция, принадлежавшая родосскому поэту XV в. Эммануилу Георгилле.

С другой известной исторической личностью связан сборник небольших поэтических произведений, своеобразных пророчеств, называющийся «Речения Льва Мудрого» (т. е. Льва VI). «Речения» дошли в двух редакциях — в стихах на классическом языке, написанных ямбическим триметром, и в народноязычной редакции, выполненной трохеическим восьмисложником.

Какие из «речений» принадлежат императору, действительно увлекавшемуся гаданием и оккультизмом, а какие — поздним сочинителям, ясно не всегда. По всей видимости, тема неминуемой гибели, обреченности империи должна была усиливаться по мере приближения конца, появления очевидных признаков катастрофы. Однако предсказания по восходящей к античности традиции излагались в намеренно таинственной форме, дающей простор для

различных толкований. События, приближающие или отдаляющие конец Византии, настроения, вызываемые ухудшением обстановки или проблесками надежды, находили отражение в той или иной форме в литературных произведениях.

Одно из таких сочинений носит неожиданное название — «Плач по «Тамерлану». Плач («Тренос») — наименование одного из древнейших жанров греческой поэзии. Но здесь оно сочетается с именем грозного завоевателя, с огнем и мечом прошедшего по просторам Европы и Азии, оставляя за собой пустыню и море крови. Парадоксальность этого сочетания обязана тому факту, что Тимур в сражении у Анкиры в 1402 г. разгромил турецкого султана Баязида и отвел от Византии готовившийся ей османами смертельный удар. И так, воспевалась победа, но не своя, как бывало прежде, а чужая, ибо она отсрочила гибель Константинополя. «Плач» о Тимуре не является, однако, подлинным оплакиванием Тимура, умершего вскоре после битвы при Анкире. Начиная с рассказа о походе против византийцев султана Баязида и о поражении их войска, автор представляет возникшего перед турками «полководца-гиганта», могучего Тимура как изъятие божественной воли, как великое милосердие Господа, увидевшего с неба несчастья византийцев²⁶. Тимур — это мужественный герой, «Персей из Персии». Однако героическо-панегирический пафос «Плача» исчерпывается с завершением темы Тимур-спасителя и начинается плач по жертвам его опустошительного нашествия на Малую Азию, по изрубленным и сожженным старцам, детям и анахоретам.

Если в «Плаче по Тамерлану» говорится о битве, отдалившей гибель Византии, то в поэме, называемой «Битва при Варне», речь идет о событии, с очевидностью подтвердившем близость великой катастрофы. Имеется в виду последняя попытка христианского Запада оказать помощь христианскому Востоку. В 1443—1444 гг. с благословения папы римского против турок организуется крестовый поход с участием поляков и венгров под предводительством молодого польского короля Владислава и венгерского воеводы Яноша Хуньяди. Вначале были одержаны одна за другой три победы, но затем последовало жестокое поражение.

Поэма, содержащая 465 стихов, написана под непосредственным впечатлением от битвы 1444 г. ее очевидцем, в чем и заключается ее главная ценность. Автор (как сказано в заглавии) Параспондил Зотикос, философ (т. е. монах), следил за ходом сражения, скрывшись в лесу на холме. Поэма, несомненно, интересна и как произведение, отмеченное литературными и психологическими приметам времени. Поэма отражает не героический и патриотический энтузиазм, а боль и горечь поражения, не эллинскую гордость и стойкость, а страх перед врагом, она написана не по чьему-то заказу, а по личному побуждению. {337}

Для художественного выражения сугубо личного опыта автор вынужден, однако, обратиться к греческому поэтическому койне, к литературным клише, традиционным образам и сравнениям. Грозный бой начинается будто бы с оглушительных звуков труб и других инструментов, раздающихся с обеих сторон, затем завязывается грозная сеча. Под натиском «великого стратега» Хуньяди падают агаряне, «как подстреленные птицы, как скошенные, стелющиеся по земле колосья». Их кровь льется, подобно потокам с неба. Для описания невиданного зрелища автору, как он говорит, не хватает слов. У него отнимается язык и леденеют руки. Настрой меняется с переходом к центральному, трагическому эпизоду — смертельному удару, нанесенному юному королю Владиславу, оказавшемуся в гуще врагов. Некий Хамуза (смуглый, коренастый, лет тридцати, ревущий подобно дракону) отсекает королю голову, высоко подняв ее на копье и вызвав восторженный клич в рядах янычаров.

Сказав о переломе в сражении, автор теми же художественными средствами, которыми описывал избиение агарян, изображает уничтожение христиан, падающих, «подобно срывающимся с высоты птицам». Я же (сообщает он, завершая описание ужасного боя) был подобен человеку, окаменевшему, потерявшему душу и чувства. Этот бой, «подобный бушующему морю», вызывает в нем благоговейный страх перед божественной силой, перед поражающей воображение картиной космоса с умирающими и падающими с неба звездами и угасающим солнцем.

²⁶ Вопрос о том, следует ли византийцам считать победу Тимура над турками подарком Судьбы, был предметом полемики уже среди современников; см.: *Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Grossen bis zum Fall Konstantinopels* Baden-Baden, 1958. S. 286; *Gautier P. Un recit inédit du siège de Constantinople par les Turcs (1394—1402)* // REB. 1965. T. 23. P. 116.

По мере продвижения по территории империи османских порабощенных и сокращения ее владений, по мере роста числа греков, вынужденных покинуть свои очаги, в поэзии еще более усугубляется острая для греческой литературы тема тоски по родной земле. Автор «Алфавита для живущего на чужбине», используя традиционную литературную форму изложения избранной темы, старается выразить невыносимую боль и горечь грека, оказавшегося на чужбине. Уже в византийскую эпоху намечаются образы и мотивы, позже широко распространившиеся в поэзии греков за пределами Греции: птица, с которой шлют приветствие родному краю, или вечное скитание, которому не видно конца. «Алфавит» во многом созвучен другому поэтическому алфавиту — «О тщетности мира», в котором источником глубокой тоски становятся постоянные тяготы жизни, осознание ее тщетности и бессмысленности.

Крушение Византии было следствием не только натиска внешних врагов империи. Катастрофа подготавливалась и внутренними процессами — долго и постепенно обострившимися противоречиями в самом укладе византийской жизни. Несоответствие официально провозглашаемых императором и церковью высоких духовных идеалов реальной действительности, ее уродствам, насилиям и жестокости стало невыносимым. Особую нетерпимость в литературе вызывало зло, творимое под видом добра. В народной литературе тема добра и зла, осуждения социальных и нравственных пороков с исключительной яркостью проявилась в иносказательной, басенной («звериной») литературе, имевшей в Греции древнейшие традиции. Выявляя человеческое в зверином и звериное в человеческом, эта литература в ряде случаев достигает поразительной точности, смелости и остроты в критике нравственных пороков общества.

К басенной литературе примыкает также восходящий к древней традиции «Физиолог». Сначала — несколько слов о нем. Непосредственный источник сохранившейся от XV в. народноязычной редакции не определен. Считается, что само название «Физиолог» подразумевает личность естествоведа, первоначально, возможно, Аристотеля. Во всяком случае, несомненно древнее происхождение жанра — забавных рассказов о полусказочных животных и растениях. В 48-м разделе стихотворного сборника наряду со слонами и оленями представлены кентавры, сатиры, птица Феникс. Грань между настоящим и вымышленным часто неуловима, существам реальным порой приписываются фантастические свойства (пеликан, например, якобы кормит детенышей собственной плотью). Реальное и ирреальное часто смешиваются потому, что живое и неживое, флора и фауна рассматриваются еще и в некоем символическом измерении, ибо каждое существо или явление с присущими ему свойствами представляется олицетворением той или иной религиозной или нравственной идеи. Христианские толкования явлений природы — одна из излюбленных тем отцов церкви — Климента Александрийского, Оригена, Иоанна Златоуста, Василия Великого (например, в его «Шестодневе»). В поздневизантийском «Физиологе» она представлена целой системой преподанных людям природой нравственных уроков.

В популярной басне «Рассказы о четвероногих» автор, говоря о своих целях, заявляет с самого начала, обращаясь к молодежи, что он создал повествование, соединяющее в себе «наказание и удовольствие». Лев, царь зверей, окруженный советниками и сановниками — пантерой и леопардом, желая установить вечный мир, созывает всех жителей леса. Звери должны высказать один за другим свои жалобы и в то же время опровергнуть выдвинутые против них обвинения. Собрание, однако, превратилось в перебранку, согласия достичь не удалось, и Лев оказался вынужденным вновь разрешить прежнюю вражду. Кровавая битва заканчивается лишь с наступлением ночи. Автор произведения позволяет себе грубость выражений и сквернословие, дерзкие нападки на все и вся: на католическую литургию, на иудеев и даже на православные святыни.

Спор животных является темой и «Пулолога» («Птицеслова»). Свара возникает между птицами, приглашенными Орлом на свадьбу сына. Лишь после вмешательства хозяина и его угроз растерзать Ястреба и Сокола, если они не уймутся, восстанавливается порядок. В жизни обитателей птичьей державы проглядывают черты византийской обыденности — социальных отношений, морали, каждодневных забот и интересов, отношения к врагам — франкам и болгарам.

Живые картинки византийской жизни представлены и в «Плодослове» («Порикологе»), пародирующем судебный процесс с указанием конкретных адресатов. Это собравшиеся во дворце виночерпий Гранат, протонотарий Груша, логофет Яблоко и др. Виноградная Лоза, поддерживаемая свидетелями — настоятельницей монастыря Маслиной, домоправительницей Чечевицей, монахиней Изюмом, выступает с обвинением в заговоре и оскорблении Его вели-

чества Айвы, протосеваста Перца, господина Тмина и других сановников. Господину Луку удается доказать несостоятельность обвинения. За ложный донос Виноградная Лоза должна подвергнуться наказанию, суть которого излагается василевсом: «Я проклинаю тебя, да возрыдаешь, и постановляю на вечные времена: на кривой хворостинке будешь ты висеть, ножи будут тебя резать и мужчины топтать, и кровь твою будут они пить, и от того захмелеют, и не будут видеть, {339} что они делают; и будут они болтать несвязные словеса, всяческую несуряцицу, словно бы твоя кровь навела на них порчу, Лоза, и будут они шататься, опираясь о стены, от одного хлева до другого; и валяться будут они, как осел валяется по траве, и, падая, заголять себе зады. На улицах будут они дрыхнуть, в грязи гваздаться, свиньи будут их обнюхивать и кошки облизывать. И бороды у них вылезут, и куры будут их клевать, они же и не почувют по причине крови твоей, о лживая Лоза!» (Памятники. IX—XIV. С. 410).

В «Псарологе» («Рыбослове») под председательством василевса Кита разбирается дело жалкой Макрели, обвиняемой в заговоре. Для Кита виновность Макрели несомненна, объявляется приговор: обрить бороду, отправить в ссылку. Рыбы одобряют приговор и славят Кита.

Наиболее интересная и, пожалуй, наиболее «византийская» из басен — это басня «Житие Осла» (несмотря на очевидное отличие в ней западных моделей для главных образов и ситуаций). В басне простота и доверчивость Осла, сбежавшего от жестокого хозяина, противопоставляются хитрости и лицемерию Лисы и Волка. Отправляясь на Восток в поисках судьбы, Волк занимает на судне место капитана. Лиса — кормчего, а Осел — гребца. Лиса рассказывает об ужасном сне, предвещающем кораблекрушение, и звери спешат исповедаться перед смертью. Отпустив друг другу тяжкие грехи, Волк и Лиса дают обет принять постриг на Святой горе. Осел старается вспомнить свои прегрешения: да было такое — как-то, голодный и обессиленный, он позволил себе съесть в хозяйском саду листочки салата, за что был жестоко наказан. Исповедь, по сути, превращается в суд, где каждое слово записывается, а прегрешения Осла оцениваются по статьям номоканона. Выносится приговор: выколоть глаз, отрубить руку, наконец, повесить. В критический момент, как и полагается простодушному, но смекалистому герою народной сказки, Ослу удается перехитрить злодеев. Он объявляет о том, что его копыто содержит магический дар, приобщиться к которому можно, лишь совершив молитву. После того как Осел заставляет Волка многократно повторить «Отче наш», он сильным ударом копыта сбрасывает Волка в воду, туда устремляется и Лиса. Враги за бортом. Хвала Ослу-победителю.

Воображение сказочников, баснописцев, оптимизм народной литературы могут вывести к благополучному концу из самых безнадежных положений. В жизни так не бывает. Надежда на чудо, способное отвлечь врага, взявшего в кольцо византийскую столицу, не сбывается.

Великая скорбь, вызванная падением Константинополя, выливается во всенародный плач, общегреческий тренос. Одной из главных тем литературы на долгие годы становится плач по Царьграду, облакаемый в поэтическую и прозаическую формы, в поэмы и стихи, диалоги и монологи. Это и анонимная поэма, изложенная в 118 строках «Плач по падению Константинополя», и поэма в 1045 строк «Взятие Константинополя», ошибочно приписываемая Эммануилу Георгиле, это и стихи «Жалоба св. Софии» и «Захват Константинополя», «Плач по героической смерти Константина Палеолога» и многое другое.

В литературном потоке, переполненном чувством безысходной скорби и отчаяния, звучат редкие ноты надежды, веры в возрождение поверженной и поруганной родины, из чего со временем родится главный — национально-патриотический — пафос новогреческой литературы. {340}

14

Дипломатия поздней Византии (XIII—XV вв.)

Соотношение дипломатических и военных функций как средств достижения внешнеполитических целей зависело в целом в поздней Византии от тех же факторов, которые, как и

ранее, определяли жизнь любого государства в его связях с окружающим миром. Чем больше слабела империя, тем быстрее возрастала роль дипломатии сравнительно с военными методами внешней политики.

В соответствии с упомянутыми факторами особенности дипломатического искусства поздней Византии целесообразно было бы рассмотреть поочередно, в рамках трех различных исторических периодов: от начала «изгнания» в 1204 г. до отвоевания Константинополя в 1261 г., в ходе девяти десятилетий от этой даты до середины XIV в. и, наконец, в течение последнего столетия существования империи.

Дата 1261 г. как рубеж между первым и вторым периодами представляется естественной. Однако до отвоевания у латинян Константинополя невозможно говорить о византийской дипломатии как средстве политики единого государства, ибо до 1261 г. такого государства не существовало. Следовательно, необходимо было бы рассказывать о дипломатии трех особых государств: Никейской и Трапезундской империй и Эпирского царства, как в первой части данного тома рассказано отдельно об иных отраслях культуры каждого из названных государств.

Конечно, сама по себе дата 1261 г. в известной мере условна. Во-первых, отвоевание Константинополя не означало в полной мере восстановления империи. Борьба за воссоединение бывших византийских земель под единой властью не прекратилась. Трапезундская империя пережила Византийскую и вплоть до падения Константинополя в 1453 г. сохраняла от него полную независимость. К тому же Трапезунд с 1214 г. вообще не принимал участия в борьбе за византийское наследство¹. Эпирское царство, оказавшееся в 20-х годах XIII в. опасным соперником Никеи, продолжало свое существование и после 1261 г., оно было окончательно ликвидировано («воссоединено» под властью Константинополя) только в 1337 г. Что же касается владений империи на Пелопоннесе, то как при Михаиле VIII Палеологе, когда права на эти владения — еще до 1261 г. — были приобретены, так и после, вплоть до падения Константинополя, они находились фактически на положении полуавтономных или даже автономных княжеств, отнюдь не полностью подвластных столице империи. {341}

Во-вторых, все эти государства — осколки бывшей Византийской империи — оставались, хотя и в разной степени и каждое по-своему, наследниками и хранителями общих для них имперских традиций, в том числе в области дипломатического искусства. Иначе говоря, «византийской» до известной степени правомерно называть дипломатию всех упомянутых греческих государств.

Решающую роль, однако, играет, на наш взгляд, то обстоятельство, что имевшая общие генетические корни дипломатия служила одним из средств внешней политики разных и враждующих друг с другом государств. Чтобы обрести дополнительный шанс на успех, их дипломатия должна была быстро и активно обогащаться за счет местных общественно-политических традиций и опыта соседей. В сфере дипломатии процесс обогащения (из-за сугубо практического назначения этого искусства) должен был совершаться даже более интенсивно, чем в иных отраслях культуры.

Иными словами, методологически более правомерным был бы принцип рассмотрения дипломатии государств — наследников Византии отдельно для каждого из них — с начала и до конца их политической истории, т. е. с 1204 г. до завоевания османами. Однако в данной главе не ставится задача систематического обзора истории византийской дипломатии в XIII—XV вв. Цель главы иная, а именно раскрытие наиболее характерных особенностей дипломатии в поздневизантийский период сравнительно с предшествующей эпохой. Поэтому представляется возможным не останавливаться специально и порознь на дипломатическом искусстве Никеи (до 1261 г.), Эпира (до 1337 г.) и Трапезунда (до 1461 г.), а ограничиться суммарной характеристикой, сосредоточив главное внимание на дипломатии константинопольского правительства в 1261—1453 гг.

Общим направлением политики всех упомянутых государств в начальный период после 1204 г. было утверждение своей власти на возможно более обширной территории в пределах бывших имперских земель и организация вооруженной борьбы как с латинянами (в целях их изгнания), так и с бывшими соотечественниками (в целях ликвидации их политической независимости). Идеи возрождения империи были подчинены тогда и политика, и дипломатия

¹ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XII—XV вв. М., 1981.

всех трех «греческих» государств. Одной из важнейших задач дипломатических служб в это время в общении с иноземцами стало обоснование юридических прав своей династии на подчинение ее власти всех бывших земель рухнувшей империи. Родственным связям придавалось при этом особое значение: основатель Эпирского царства состоял в родстве с Исааком II и Алексеем III Ангелами, основатели Трапезундской империи — с Комнинами. Утвердившийся в Никее Феодор I Ласкарис основывал свои права на том факте, что был женат (еще до 1261 г. *) на дочери Алексея III Ангела. Именно дипломатии Феодора удалось возвысить никейскую церковь в ранг патриархии как непосредственной и законной преемницы константинопольской церкви, а вместе с тем поднять престиж своей державы. Дипломаты же Трапезундской империи после 1214 г., а Эпирского царства после 1230 г. уже не ставили перед собой цели восстановления Византии — все их усилия были направлены в основном на сохранение своих владений и государственной независимости. Носителем имперской идеи и последовательным борцом за {342} проведение ее в жизнь была лишь Никейская империя, и ее дипломатия отнюдь не случайно обнаруживает наиболее отчетливые черты преемственности со «старой», византийской. Впрочем, при утверждении этой идеи никейские политики и дипломаты должны были преодолевать сопротивление не столько трапезундцев и эфирцев, сколько латинян и болгар.

Теоретические основы дипломатии Никейской империи можно, таким образом, определить в качестве собственно византийских как до, так и после 1261 г. До 40-х годов XIV столетия дипломатия восстановленной Византийской империи еще упорно действовала в русле политики, направленной на возвращение (по крайней мере на Балканах) принадлежавших некогда империи земель и на восстановление ее бывшего могущества. С начала гражданских войн 1341—1347 гг. и в особенности с середины 50-х годов этого столетия, когда османские полчища начали обосновываться на Балканах, в целях византийской дипломатии произошли существенные перемены. На первый план в качестве оптимальной выступила задача сохранения статус-кво, а в качестве минимальной — обеспечение, хотя бы ценой материальных потерь и престижных утрат, самого существования государства ².

Гораздо более подвижной и изменчивой, чем теория, была дипломатическая практика, становившаяся от периода к периоду все более напряженной и разнообразной. При этом в методах и принципах дипломатии и греческих и негреческих государств на Балканах после 1204 г. обнаруживались значительные черты сходства, ранее нетипичные для них. Непрочность положения рождавшихся на обломках Византии государств, трудности утверждения их независимости, честолюбивые планы их правителей, прямое вмешательство в дела Балкан и Никее папства и западноевропейских держав, внутридинастическая борьба в каждой из соперничавших стран — все это обусловило длившуюся десятилетиями напряженность, часто меняющуюся обстановку, атмосферу неуверенности, вспышки неоправданных надежд, склонность правителей к опрометчивым акциям. Попеременно возвышались в 20-х годах XIII в. Эпирское царство, в 30-х — Болгария, в 40-х — Никейская империя. Политически и дипломатически каждая из этих враждовавших стран немедленно примирялась и вступала в союз против той державы, которая становилась, добившись явных успехов, опасной для других ³. Болгария и Никея договорились об общих действиях против Эпира, владения которого стремительно расширялись в направлении к Константинополю; Латинская империя и Болгария заключили союз против Никее, когда Иоанн III Ватац упрочил свою власть во Фракии и овладел Фессалоникой. Клятвы, договоры, династические связи не стоили в этой обстановке ничего — достижение успеха любой ценой было тем главным принципом, которым руководствовалась дипломатия всех стран-соперниц.

В связи с этим следует сказать, что сходство методов дипломатии греческих государств до середины XIV в. проявилось, так сказать, и в общности отхода дипломатов всех этих стран от прежних, традиционных принципов дипломатического искусства. Вероломное нарушение догово- {343} ров, откровенный обман, хитрость и неискренность в ходе дипломатических пе-

* Так напечатано. Правильно было бы «...до 1204 г.». Феодор I Ласкарис был женат на дочери императора еще до завоевания Константинополя крестоносцами.— Ю. III.

² *Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Beograd, 1963. T. 1. P. 45—61.*

³ История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 59.

реговоров обрели права гражданства в арсенале средств всех дипломатических служб. Крупнейший византийский писатель, историк и политический деятель конца XII — начала XIII в. Никита Хониат писал как о новом, удручающем и опасном явлении о нарушении высшей властью и народом империи нравственных принципов. По мнению писателя, недостойное истинного христианина вероломство стало причиной того, что «ромеи ненавидимы всеми народами» (*Nic. Chon. Hist.* P. 642.84—85). Но прошло всего 10—15 лет, и со страниц трудов младших современников Никиты Хониата исчезают моральные оценки политических акций и своих, и чужих правителей. Все средства оказывались хороши для достижения цели. Георгий Акрополит (1217—1282), продолжатель «Истории» Никиты Хониата, уже превозносил Иоанна III Ватаца за то, что он где силой, где через договоры и брачные связи, а где с помощью обмана и подкупа сумел овладеть обширными территориями (*Acrop.* I. P. 103 sq).

Столь резкие перемены в приемах дипломатии отнюдь не означали, что политические (в том числе дипломатические) традиции времен Македонской и Комниновской династий утратили всякую ценность. Дипломаты Никейской империи были убеждены, что при дворе Феодора II Ласкариса строжайше соблюдались традиционный имперский порядок и дипломатический этикет. Георгий Акрополит, великий логофет, дипломат, историк, противопоставлял эти порядки как идеальные порядкам при дворе эпирского деспота, лишенным гармонии, пронизанным произволом, скорее варварским («болгарским»), чем ромейским (*Ibid.* I. P. 37). (Схваченный по приказу эпирского правителя Георгий несколько месяцев томился в тюрьме.) Акрополит приходит, однако, в противоречие с собой, оценивая политику и дипломатию Ивана Асеня II, царя Второго Болгарского царства. Византийский дипломат сообщает, что именно этот болгарский правитель не считал возможным дальше полагаться на клятвы и договоры, заключенные с византийцами — с императором Фессалоники Феодором Ангелом; он шел в битву с ним, прикрепив к знамени письменную клятву Феодора, им нарушенную. Пленных простых византийских воинов он отпустил, к греческому населению проявлял человеколюбие, и «все ему подчинялись, оказываясь в его власти... а поэтому его любили не только ромеи, но и другие иноплеменники». Более того, когда Иван Асень II неожиданно для Иоанна III Ватаца, императора Никеи, разорвал союз с ним и, попросив у Ватаца свидания с дочерью, обрученной с наследником Никейского престола, насильно увез ее в Тырново, надеясь усилить свои позиции в борьбе за Константинополь через союз с латинянами, он горько раскаивался за свое вероломство: болгарский царь искренне верил, что поразившая Болгарию чума (от нее умерли также его жена, сын и патриарх Тырнова) была «карой господней» за клятвопреступление. Иван Асень II возобновил договор с Ватацем (*Ibid.* I. P. 42—43, 52—53, 57, 64). Сравнив отзывы Акрополита о политике и дипломатии Иоанна Ватаца и Ивана Асеня, следует, вероятно, признать, что этот видный византийский дипломат не против соблюдения моральных норм в отношениях с иноземцами, но и он сторонник принципа «цель оправдывает средства» («победителя не судят»).

Следует все-таки заметить, что византийские дипломаты и политики Никеи и Эпира старались в целом избегать при дипломатических маневрах, сколь бы острой ни была обстановка, вступать в военные союзы с императорами Латинской империи и с правителями ее вассальных латинских княжеств: приходилось учитывать позицию своих подданных, настроенных непримиримо «антипапистски», — такие союзы дискредитировали бы идею отвоевания Константинополя и могли быть восприняты как отступничество от ортодоксии⁴. Михаил VIII Палеолог, восстановитель империи, отвоевавший древнюю столицу, вернувший под свой скипетр значительные территории в Эпире и Македонии, в Греции и на Пелопоннесе, потерял всякое доверие и популярность среди подданных, заключив Лионскую унию (1274 г.). Самое большее, на что шли греческие правители в отношениях с обосновавшимися на византийской земле латинянами, — это перемирие, прекращение — по взаимному согласию — военных действий и определение временных границ между владениями обеих стран (Нимфейский мир 1214 г., договор 1225 г., соглашение Михаила II Эпирского с князем Ахайи в 1258 г. и др.). Сыгравшие в целом положительную роль в упрочении Никейской империи дипломатические маневры Феодора I Ласкариса (его женитьба на дочери Иоланты, жены законного, но погибшего на пути к трону наследника константинопольского престола, и его временное соглашение с

⁴ *Ducellier A. Byzance et le monde orthodoxe. P., 1986. P. 223—295.*

латинянами) вызвали ропот среди подданных государя и падение его популярности в других греческих землях.

Традиционными были, однако, политические соглашения с венецианцами и генуэзцами, так как они не отягчались какими-либо уступками в вопросах веры и так как итальянское купечество было заинтересовано в договорах с византийцами: за минимальную военную помощь своим флотом оно получило чрезвычайные торговые привилегии⁵. Почти два столетия, истекшие со времени первого такого договора Алексея I Комнина с венецианцами (1082 г.), ясно показали, какие тяжкие последствия влекли такого рода соглашения и для экономики империи, и для политической обстановки в столице империи. И тем не менее византийские императоры прибегали к договорам с итальянскими торговыми республиками снова и снова. Михаил VIII заключил в 1261 г. Нимфейский договор с генуэзцами, предоставив им огромные привилегии в надежде на их помощь в отвоевании Константинополя⁶. Помощь генуэзцев не понадобилась (Константинополь был захвачен без их участия), но договор сохранил силу: он олицетворял собой крупнейший промах дипломатии Византии, отрицательно сказавшийся на всей ее последующей истории. Договор положил начало генуэзскому господству не только в Черном море, но и на рынке самого Константинополя.

В XIII—XV вв. в большей мере, чем когда-либо ранее в дипломатической и политической борьбе на Балканах, стал приниматься во внимание этнический фактор. Складывались средневековые народности, оформлялось этническое самосознание болгар, сербов, самих греков. И в большинстве случаев, когда перевес в борьбе оставался проблематичным, а военные действия в регионе неизбежными, местное население переходило добровольно, как правило, на сторону власти, представлявшей соплеменников: греки принимали византийских управителей, болгары — болгарских⁷. «Жители, которые были болгарами, — писал Георгий Акрополит о положении в долине Марицы, — переходили на сторону своих соплеменников и избавлялись от ига иноязычников» (*Acrop.* I. P. 107). Еще более определенно выразился Георгий Пахимер: «Было бы неразумно, если бы ромеи были подданными болгарина» (*Pachym. Hist.* I. P. 119).

Одним из ярких примеров использования дипломатами соперничающих государств этнополитического фактора как средства привлечения на свою сторону симпатий страдающего от бесконечных войн населения Балканского полуострова является история подчинения южномакедонского города Мелника никейскому императору в 1246 г. Никейские эмиссары использовали здесь не только этнический фактор, но и имперскую идею легитимности власти ромейских василевсов на Балканах. В городе со смешанным славяно-греческим (или славяно-болгарским) населением решался вопрос, остаться ли под властью болгарского царя Калимана I или подчиниться никейскому императору Иоанну III Ватацу. Наместник Калимана в Мелнике Драгота, «как болгарин, хранил ненависть к ромеям», но из-за посулов императора готов был сдать город. В том же духе действовал во главе с видными жителями-греками некий Николай Манглавит (конечно, грек). Василевс, говорил он перед горожанами, «издавна имеет на нас право: ведь наша область принадлежит к державе ромеев. Болгары же бессовестно воспользовались обстоятельствами, оказались господами Мелника. Мы же все, происходя из Филиппополя, родом чистые ромеи. Но, впрочем, император [Иоанн III Ватац] воистину имеет на нас право, даже если бы мы принадлежали к болгарам, ибо его сын и василевс Феодор [II Ласкарис] — родственник василевсу болгар Асеню; ныне дочь василевса [Асеня] и называется, и подлинно является императрицей ромеев». Город перешел на сторону никейского императора, хотя Драгота, недовольный размерами награды за предательство, собрал болгар из Мелника и окрестностей и пытался захватить его снова. Видные же горожане, вероятно, были удовлетворены теми льготами, которые им пожаловал император за подчинение его власти⁸.

Приведенные выше доводы Николая Манглавита представляют собой попытку примирить два разных принципа: этнический (ромеи должны подчиняться императору ромеев) и им-

⁵ *Richard J. Orient et Occident au Moyen Age: contacts et relations (XIIe—XVe s.).* L., 1976.

⁶ *Balard M. La Romanie génoise (XIIe—début du XIVe siècle).* Rome; Genova, 1978. T. I—II.

⁷ *Лутаврин Г. Г. Этническое самосознание населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X—XIV вв. // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе.* М., 1988. С. 76.

⁸ *Acrop.* I. P. 74—77; *Лутаврин Г. Г. Указ. соч.* С. 77. Ср.: *Asdracha C. La région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: Etude de géographie historique.* Athènes, 1976. P. 54—55. Ann. 7.

перский (даже если жители Мелника и болгары, все равно император имеет на них право). Манглавит апеллирует к родственным связям между династиями двух стран как юридическому обоснованию претензий на территорию государя-родственника. Как известно, и сам Иван Асень II, предполагая, что ему в 1237 г. удастся выдать дочь Анну за малолетнего императора Константинополя, рассчитывал через этот брак утвердить свою власть в древней византийской столице. Таков же в принципе ход мысли и Николая Манглавита. Акрополит забывает, однако, что и сторонники царя болгар могли привести тот же довод, претендуя на подвластные никейскому императору города.

Подготовка юридических оснований для последующей экспансии с по-^{346}мощью

Файл byz3_347.jpg

Император Иоанн XVIII Палеолог

династических браков, как и юридическое оправдание агрессии задним числом, ссылками на родственные связи и сопряженные с ними права,— общая для Европы практика в средневековых международных отношениях. Испытана она была византийской дипломатией уже в XI—XII вв. (еще Василий II Болгаробойца, выдав за дожа Венеции сестру эпарха, полагал, что подчинил венецианцев) (*Scyl.* P. 343.76—79). Но в XIII—XIV вв. к этому средству дипломатии и внешней политики стали прибегать особенно часто. Практически все правящие династии на Балканах в XIII—XIV вв. оказались связанными узами родства, и эти узы служили не столько целям примирения или упрочения союзных отношений, сколько юридическому оправданию — при благоприятных обстоятельствах — территориальных и иных политических претензий. Все зависело от реального соотношения сил.

В науке давно признано, что византийская дипломатия, в особенности после отвоевания Константинополя в 1261 г., перенеся центр тяжести своей деятельности на Балканы, ослабила — и ослабила неоправданно — внимание к восточным соседям (начало этой политике положил Михаил VIII Палеолог)⁹. Нельзя, однако, сказать, что никейские, а затем константинопольские правители совсем не учитывали грозящей с Востока опасности. Она действительно до 60-х годов XIII в. не была первостепенной. Это хорошо понимали и в Никее, и в Иконии. Турки-сельджуки были даже заинтересованы в прочности барьера (Никейской империи), отделяющего их от латинян, в которых они со времен первых трех крестовых походов усматривали главного врага¹⁰.

Уже Феодор I Ласкарис стремился к миру с Иконием в ходе борьбы с латинянами. И этот мир султанат Никее охотно предоставлял, тем более что латинянам помогало ненавистное мусульманам папство, объявившее никейского императора «врагом Бога и церкви»¹¹. Эта традиция сохране-^{347}ния мира на восточной границе соблюдалась и при Иоанне III Ватаце, и при Феодоре II Ласкарисе. Положение изменилось тогда, когда Михаил VIII ослабил восточную границу, лишив пограничные войска на Востоке (воинов-акритов) их традиционных привилегий. Оказалось, что сельджуки, а затем османы уважали рубежи империи постольку, поскольку они хорошо охранялись. Этому (общему для нравов той эпохи) принципу следовал и сам Михаил VIII: он без промедления спешил воспользоваться бедствиями и ослаблением сил восточных соседей, несмотря на мирные соглашения с ними¹². Император заверил султана Икония, что в случае серьезной опасности для того от монголов он предоставит ему и его семье убежище в Никее, а затем даст возможность беспрепятственно вернуться домой. Такая необходимость возникла, но Михаил VIII долго держал султана в Никее на положении пленника, принуждая к политическим уступкам (*Pachym.* Hist. I. P. 131—132).

Традиционными, восходящими к предшествующим столетиям были и такие средства дипломатии XIII—XIV вв., как нарочитая торжественность и пышность приемов, сознатель-

⁹ История Византии. Т. 3. С. 76.

¹⁰ *Vryonis Sp. Jr.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the XIth through the XV Century. Berkeley; Los Angeles, 1971; *Savvidis A. G. C.* Byzantium in the Near East; its Relations with Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols. Thessaloniki, 1981.

¹¹ История Византии. Т. 3. С. 60.

¹² *Nicol D. M.* The Last Centures of Byzantium 1261—1453. L., 1972; *Geanakoplos D. J.* Roman East and Latin West. L., 1976; *Laiou A.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II. 1282—1328. Cambridge (Mass.), 1972.

ный выбор для следования послов через страну кружного труднопроходимого пути (так везли, например, татарских послов в Никею при Феодоре II Ласкарисе¹³), засылка шпионов во враждебную страну, тайные посольства и секретные договоры. Тайная дипломатия расцвела особенно в XIV в.

С середины XIV в. цели дипломатии империи, как упоминалось, стали вновь сугубо оборонительными. История империи вступила в свою заключительную фазу. Отныне началась отчаянная борьба за выживание империи. Со второй половины 50-х годов ни у одного политика в самой империи и при дворах европейских стран не оставалось сомнений в том, что главную и смертельную опасность для Византии представляют османы¹⁴.

Стремительный территориальный рост молодого сильного и хищного турецкого государства, которому история предначертала роль могильщика старой империи, сопровождался катастрофическим сокращением собственно византийской территории¹⁵. На Балканском полуострове империи в XV в. принадлежали лишь область от Босфора до Селимврии и Деркоса, Месемврия и Анхиал на Черном море, область св. Горы и города Фессалоники, несколько островов Эгейского моря и Морея¹⁶. Константинополь по существу оказался анклавом в центре Османской империи, отделив азиатские владения турок от европейских. Упразднить это «чужеродное тело» и дать становящейся Османской империи надежный государственный центр в Константинополе было главной целью султанов¹⁷. {348}

Территориальный вопрос был тесно связан с проблемой политической независимости. Уже вслед за знаменитой битвой при Марице (26 сентября 1371 г.) пришел конец независимости Византии, опустившейся до ранга вассального государства и данника Османской империи. По соглашению 1379 г. Мануил II Палеолог (очевидно, будучи еще соправителем Иоанна V) должен был ежегодно являться к султану, с условленной данью в 30 тыс. золотых монет и вспомогательным войском в количестве 12 тыс. человек¹⁸. Правда, после того как на турецкий трон вззошел Мурад II (1422 г.), размер дани сократился до 300 тыс. аспров, что составляет 62,5% от первоначальной суммы¹⁹. Уплата дани императором султану, а также размещение турецких гарнизонов на византийской территории, допуск на них кади (судей), срытие городских укреплений означали серьезное ограничение территориального суверенитета византийского государства. Разумеется, единственным средством оградить империю от окончательной гибели в таких условиях оставалась византийская дипломатия с ее прославленным искусством и многовековой традицией.

Дипломатическая практика Византии в рассматриваемый период была на первый взгляд чрезвычайно богатой, связанной со всеми крупными международными центрами того времени от Португалии до Сирии, от Лондона до Москвы и Каира.

В документах архивов Рима, Венеции, Неаполя, Парижа, Флоренции, Дубровника, Модены, в византийских и западноевропейских хрониках и русских летописях сохранились имена византийских дипломатов Мануила и Георгия Филантропинов, Феодора и Мануила Кантакузидов, Алексея Враны, Константина Ралли, Алексея, Мануила, Георгия и Иоанна Дисипатов, Иоанна Мосхопула, Мануила и Иоанна Хрисолоров, Николая и Андроника Евдомоиоаннов, Павла Софиана, Димитрия Ласкариса Леондариса, Иоанна Владинтера, Георгия Сфрандзи, Андроника Вриенния Леондариса, Мануила, Андроника и Марка Ягарисов, Николая Франгопула, Макария Куруна, Димитрия Ангела Клида, Димитрия Палеолога Метохита и др. В источниках упоминаются целые династии дипломатов (в частности, Дисипатов, Филантропинов, Хрисолоров, Ягарисов и т. д.), в которых сыновья рано начинали приобщаться к искусству ведения пе-

¹³ Андреева М. Прием татарских послов при никейском дворе // Сб. статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926. С. 187—200.

¹⁴ Inalcik H. The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300—1600. L., 1973.

¹⁵ Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit: Weltenstürmer einer Zeitenwende. München, 1953; Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Weimar, 1985.

¹⁶ Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988; Bakalopoulos A. Les limites de l'empire byzantin depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453) // BZ. 1962. Bd. 55. P. 56—65.

¹⁷ Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1965. S. 497.

¹⁸ Ostrogorsky G. Byzance, Etat tributaire de l'Empire turc // ЗРВИ. 1958. Т. 5. P. 51—52.

¹⁹ Iliescu O. Le montant du tribut payé par Byzance à l'Empire Ottoman en 1379 et 1424 // RESEE. 1971. T. 9. P. 427—432.

реговоров, принимая участие в посольских миссиях вместе с отцами (если, например, судить по составу посольства на Констанцкий собор в 1416 г.) (*Dölger. Reg. N 3355*).

Интересно отметить свидетельство Никифора Григоры, который, подробно описывая в письме к Андронику Зариде перипетии посольства к сербскому королю Стефану Урошу III Де-чанскому в 1325—1326 гг., подчеркивает, что послы («благородный Торник», «великолепный Касандрин») являются «людьми, уже давно облеченными полномочиями и пожилыми» (*Greg. Ep. II. P. 105, l. 43—53; P. 116, l. 20—30*), хотя в перечне качеств, которыми, согласно официальному руководству, должен обладать посол (честность, благочестивость, неподкупность, готовность пожертвовать собой ради интересов родины), возраст не указывается (*HGM. Vol. I. P. 7*). Создается {349} впечатление, что в данном случае речь идет уже о послых профессиональных²⁰.

Основной функцией всех перечисленных дипломатов, принадлежавших, как правило, к крупной феодальной знати и занимавших высшие должности в чиновной иерархии (протоветиарии, великие стратопедархи, императорские грамматика, великие протосинкеллы и т. д.), было представительство византийского правительства за границей, т. е. отправление посольских функций. Но являлись ли они профессионалами в современном понимании, остается вопросом. Считалось, что раньше в обычае византийцев было посылать в качестве послов прежде всего образованных людей, а не просто профессиональных дипломатов²¹. К этому следует добавить, что в византийской государственной системе ведомство дрома так и не стало единственным центральным органом, который бы по своим функциям соответствовал современному министерству иностранных дел. Отправка послов за границу и прием иностранных послов осуществлялись и другими столичными службами. Мало того, в XIV в. отправкой послов за границу стал ведавать не логофет дрома, а великий логофет²².

По-видимому, Византия так и не занимала постоянных представительств за границей, хотя в это время уже было известно такое понятие, как резидент-посол, каковыми были, в частности, венецианские *baiuli*²³. Все византийские послы отправлялись для выполнения определенных миссий и на строго определенный срок. Так, Иоанн VIII Палеолог наказал своих послов за то, что они задержались при исполнении миссии и прибыли в столицу с опозданием, а Мануил II Палеолог; отправив посольство к королю Фердинанду I Арагонскому, просит его выслушать посла и побыстрее отправить обратно²⁴. Тем не менее при снаряжении такого посольства (как правило, состоявшего из трех человек, но бывали также посольства, представляемые одним, двумя и многими лицами²⁵) можно видеть уже все компоненты современного аккредитования: посол получает верительные грамоты (*Litterae credulitatis*), содержащие указание цели миссии, имя, официальное звание посылаемого лица и полномочия (*plenum procuratorium seu mandatum*)²⁶, причем наделение подобными полномочиями одного посла автоматически влекло за собой отмену полномочий, ранее данных другому послу (так, назначение Мануила Хрисолора полномочным представителем императора на Западе привело к отмене полномочий, ранее данных Константину Ралли и Алексею Дисипату)²⁷. Помимо этих официальных документов, послам давались подробные инструкции с указанием, как нужно поступить в том или ином случае. {350} По-видимому, посол не имел права преступать за рамки предписаний, но должен был только «лучше разъяснять написанное», как было сказано в одном из императорских документов Иоанна VIII²⁸.

²⁰ Ср.: *Raybaud L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire Byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354)*. P., 1968. P. 222.

²¹ Κύρις Κ. Π. Αι: γλωσσαι τη:ς βυζαντινής διπλωματίας α:πο: τω: α:ρχω:ν μέχρι Δ' Σταυροφορίας // Στασίνοϋ. 1963. Т. 1. Σ. 107.

²² Müller D. A. The Logothete of the Drome in Middle Byzantine Period // *Byz.* 1966. Т. 36. P. 438—470; *Guilland R. Les logothètes* // *REB.* 1971. Т. 29. P. 37—38.

²³ *Queller D. E. The Office of Ambassador in the Middle Ages*. Princeton; New Jersey, 1967.

²⁴ *Dölger. Red. N 3470, 3357; Бурул II. Сумрак Византије. Иоанн VIII Палеолог. Београд, 1984.*

²⁵ *Raybaud L.-P. Op. cit.* P. 215, 222, 225.

²⁶ *Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden*. München, 1968. S. 105—107.

²⁷ *Dölger. Reg. N 3317, 3319.*

²⁸ *Ibid.* N 3406.

Отнюдь не редкостью в поздней Византии были объединенные «светско-духовные» посольства. Роль церкви в политической, общественной и культурной жизни империи постепенно возрастала. Это был закономерный процесс, обусловленный усиливающейся слабостью светской власти внутри страны и повышением значения вопроса о церковной унии на международной арене. Уже при Михаиле VIII в посольство в Сербию, доставлявшее малолетнюю дочь императора Анну, помолвленную с Милутином, сыном краля Стефана Уроша, наряду со светскими сановниками были включены патриарх, хартофилак св. Софии и епископ Траянуполя (*Pachym.* I. P. 350—351). Посольство Анны Савойской к Стефану Душану с требованием выдать ей Иоанна Кантакузина на расправу возглавляли придворный сановник Георгий Лука и митрополит Макарий (*Cant.* II. P. 305.23—307.11).

Для знаменитого посольства на Русь в 1393 г. оба посла — архиепископ вифлеемский Михаил и придворный чиновник императора Мануила II Палеолога Алексей Аарон — были отобраны совместно императором и патриархом, которые проинструктировали послов устно, а «для большей надежности» снабдили письменным «наказом». В этом интереснейшем документе говорится следующее: «Говорим и наказываем вам, чтобы вы прежде всего имели духовное единение и согласие, как мы вас соединили, и соблюдали бы мир и любовь между собою, о чем мы вам часто наказывали. Ибо ни ты, архиепископ, не должен никогда говорить, что избран мною, патриархом, или что имеешь от меня особую грамоту или просто какое-то слово, которого не знает Аарон; ни ты, Аарон, не должен говорить, что избран и послан высочайшим и священным моим самодержцем, имеешь какое-либо особое его указание, которого не знает архиепископ вифлеемский; мы вместе, священный император и я (патриарх), избрали вас и, что имеем сказать через грамоты или устно, передали вам обоим, так что никто из вас не имеет ничего особенного и сокрытого, но все сделано для вас общим и явным. А поскольку вы так соединены нами и не имеете никакой причины для раздора, то вы и должны пребывать в согласии и мире между собой, прежде всего во славу Бога и нас, избравших вас для этого дела, потом — и для вашей чести». Послам было предписано иметь при себе все грамоты (имеется в виду знаменитое послание патриарха Антония великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу, письма митрополиту Киевскому и всея Руси Киприану, епископу Новгородскому Иоанну и новгородскому клиру, архиепископу Суздальскому Ефросинию), а по приезде в Москву сообщать отдалить их «преосвященному митрополиту Киева и всея Руси и благороднейшему великому князю всея Руси». Любопытны также конкретные указания о поведении послов во время переговоров в Москве. «Всякий раз, — говорится в инструкции, — как вы увидите их (т. е. митрополита и великого князя), по служебным ли делам, ради которых вы посланы, или просто для беседы, как друзья и апокрисиарии, по своему ли желанию, или когда они пригласят вас, оба ли вместе, митрополит и великий князь, или {351} каждый из них особо, — беседуйте с ними оба; но никто из вас порознь ни под каким предлогом пусть не видится ни с великим князем, ни с митрополитом»²⁹. Очевидно все же, что гетерогенность подобных объединенных «светско-духовных» посольств осознавалась самими византийцами, так как в нашем случае патриарх специально обратил на это внимание и предостерег апокрисиариев от возможных разногласий.

Было бы неверно, однако, думать, что послушание послов являлось абсолютным во все времена: известны их открытые и острые несогласия во время заключения Флорентийской унии в 1439 г., известно и о том, что за 165 лет до этой унии, несмотря на гнев императора, великий логофет Феодор Музалон наотрез отказался участвовать в посольстве, которое должно было подписать Лионскую унию (*Pachym. Hist.* II. P. 15; *Greg.* I. P. 21, 49.7—12).

Интересно также отметить, что в источниках того времени не упоминается участие переводчиков в составе посольств, хотя при подписании венецианско- и генуэзско-византийских договоров в Константинополе почти всегда присутствует «великий толмач» (μέγας διερμηνευτής, *magnus interpres*), в обязанности которого входило главным образом осуществлять практическое документальное оформление договора в его двуязычном варианте³⁰. Известно, что в ранние периоды византийской истории, когда знание нескольких языков было

²⁹ *Медведев И. П.* Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV в. // ВИД. 1976. Т. 7. С. 290—291.

³⁰ *Dölger.* Reg. N 2891, 3373, 3408, 3433, 3516; *Медведев И. П.* Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. // ВВ. 1977. Т. 38. С. 165.

еще само собой разумеющимся, слова «дипломат» и «переводчик» были синонимами³¹, позднее появилась особая специальность переводчика, а в поздневизантийское время услуги специального переводчика, по-видимому, снова оказались излишними.

Круг вопросов, которые приходилось решать византийской дипломатии в этот период, был, несмотря на обилие дипломатических связей, довольно ограниченным. Из 245 внешнеполитических актов византийского правительства в период от Мануила II Палеолога до Константина XI, отраженных в источниках и зафиксированных в «регестах» (сообщаемых историками и хронистами сведениях о различных посольствах, а также подлинных документах официального характера, вышедших из императорской канцелярии), по крайней мере 80 имели своей непосредственной целью добиться от различных государств в той или иной форме помощи против турецкой угрозы. Если к этому присовокупить около 50 внешнеполитических актов, относящихся к созыву униатского собора и заключению унии, конечной целью которых, с точки зрения греков, было также получение от Латинского Запада помощи против турок, и 35 упоминаний о посольствах к турецкому султану для урегулирования отношений, то можно еще раз убедиться, что турецкий вопрос определял всю дипломатическую деятельность византийского государства указанного периода. Формы и размеры помощи, испрашиваемой византийцами, зависели от того, к какому государству они обращались.

Казалось бы, наиболее естественным союзником Византии должны были стать страны православного мира, и в источниках действительно можно {352} найти следы того, что византийский патриархат в середине XIV в. вынашивал планы если не «православной круазады», основой которой должен был стать международный исихазм³², то по крайней мере обширной оборонительной лиги. Времена переменились — торжествовал трезвый, реалистический взгляд на империю: политический ее авторитет упал; по мнению Д. Оболенского, «византийское сообщество государств» после 1282 г. сохранялось лишь как религиозное (православное) единство³³. Именно Михаил VIII, восстановитель империи, столь много сделавший для ее расширения и спасения, впервые прибегнул к таким трем новым дипломатическим акциям, которые уронили и его авторитет среди подданных, и значение Византии как оплота православия среди единоверных стран. Эти акции: заключение унии церквей в 1274 г., опора на наемные отряды татар-язычников, используемых в борьбе с христианами, и выдача замуж за татарского хана Ногая собственной (хотя и незаконной) дочери. Исихастский патриарх Филофей Коккин сделал немало для внутренней консолидации православной церкви, для укрепления приверженности балканских народов, народов Руси, Сирии и Египта идеалам православия. И тем не менее весь ход событий на Босфоре показал беспочвенность тех надежд, которые возлагались на «политический исихазм» как унифицирующий и консолидирующий принцип также и в политической сфере. Несмотря на все свое конфессиональное единство, православный мир, лишенный прочных экономических связей, не смог объединиться политически и встать на защиту Константинополя. Защищали его в последнюю минуту (и притом хорошо, не жалея жизнью!) столь ненавистные византийцам латиняне-схизматики, ибо, отстаивая византийскую столицу, они тем самым защищали и свои торговые привилегии.

Понимая это, византийцы наибольшие надежды возлагали, как об этом говорится в одном патриаршем документе, адресованном митрополиту Киевскому и великому князю всея Руси и другим князьям, на христианскую Европу (ММ. II. Р. 360). От русских фактически ждали только εἰς ἡμετέραν, милостыню, причем под словом «милостыня» всякий раз понималась денежная поддержка — единственная помощь, которую Византия получала из далекой Москвы. Отсутствие прочных связей Византии с Русью по государственной линии объяснялось не только внешнеполитическими причинами, обусловившими на столетие (с середины XIII до середины XIV в.) почти полное прекращение всяких отношений, но также тем, что русские князья и в XI—XII вв. не были слишком тесно связаны с «семьей государей», которые толпились вокруг византийского императора как главы христианской ойкумены. Тем более это характерно для XIV и XV вв., когда перемещение центра тяжести русской экономической и политической жизни на север проложило зону торговой, экономическо-политической и военной

³¹ Κύριος Κ. Π. Op. cit. Σ. 112.

³² *Nastase D.* Le mont Athos et la politique du patriarcat de Constantinople, de 1355 à 1375 // Σύμμεκτα. 1979. Т. 3. Σ. 121—177.

³³ *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. 2-e ed. L., 1982. P. 45.

отчужденности между географическими пространствами, в которых пульсировала политическая, экономическая, общественная и культурная жизнь обоих государств³⁴. Но по церковной {353} линии отношения между Византией и Русью в XIV в., когда в связи с вспыхнувшими в Византии исихастскими спорами и победой исихастов ее политика в отношении отдельных русских княжеств претерпела изменения, скорее упрочились.

Разумеется, с просьбами о финансовой помощи или помощи продовольствием Константинополю Палеологи постоянно обращались и к западным державам Европы, но акцент делался все же на дипломатии как таковой. Нередко византийские императоры создавали локальные коалиции против турок: тайный союз против Баязида I (1389—1402), заключенный Мануилом II и сербским деспотом Стефаном Лазаревичем и скрепленный женитьбой Мануила II на дочери Константина Драгаша; планы тайной антитурецкой лиги, в которую византийские дипломаты упорно стремились вовлечь Венецию; попытка создать довольно широкую коалицию, состоявшую «не только из христианских князей и народов, но и Карамана, правителя Восточной Анатолии, а также сыновей Каранлюка», как об этом говорится в послании Иоанна VIII Палеолога королю польскому и венгерскому от 30 июля 1444 г.³⁵, и т. д. Но главная цель византийской дипломатии состояла в том, чтобы поднять весь католический Запад на «священную войну», на крестовый поход против мусульманского Востока. В своих воззваниях к Ватикану, Венеции, Генуе, Венгрии, Альфонсу V Арагонскому, Фридриху III император Константин XI настойчиво внушал мысль об опасности для всего христианского мира захвата турками Константинополя, этого «оплота и бастиона христианства на Востоке»³⁶. Византийцы предлагают свое посредничество в разногласиях между Венецией и Генуей, между Венецией и венгерским королем Сигизмундом, чтобы побудить их «как добрых христиан сообща прийти на помощь императору против турок»³⁷. Щедро раздавая королям и папской курии те подарки, на которые еще была способна Византия (многочисленные и разнообразные святые мощи, богато украшенные рукописи), они всеми силами старались пробудить на Западе интерес к событиям на Босфоре.

В качестве одного из основных средств византийской дипломатии стала широко практиковаться матримониальная политика: мезальянсы императоров и других членов царствующих семей с чужеродными принцессами, которые решительно осуждал еще Константин Багрянородный, но которые утвердились при Комнинах, стали обычными в последний период византийской истории. И хотя династия Палеологов уже была связана династическими браками с правящими домами всех православных стран (император Мануил II, например, был женат на сербской принцессе Елене Драгаш, Андроник IV — на Марии, внучке Ивана Александра Болгарского, будущий император Иоанн VIII — на московской княжне Анне Васильевне³⁸), все же основное внимание в это время уделялось династическим связям со странами Запада, а также с латинскими родами, {354} обосновавшимися на Востоке. Пример подал брат Мануила II,

Файл byz3_355.jpg

Император Константин XI Палеолог

правитель Мореи, деспот Феодор I Палеолог, женившись в 1388 г. на Бартоломее Аччайуоли, дочери Нерио II, «самой красивой женщине своего времени». Что касается детей Мануила II, то Иоанн VIII женился (вторым браком, после смерти Анны Васильевны, а именно в 1421 г.) на Софье Монферратской (той, что, по свидетельству Дуки, была «спереди пост, а сзади пасха»), Феодор II — на Клеопе Малатесте (1421 г.), женщине, по свидетельству Плифона, замечательной красоты и высоких нравственных достоинств, перешедшей из католичества в православие и ревностно соблюдавшей обряды греческой веры³⁹. Фома женился на Катерине Цаккариа,

³⁴ *Lilienfeld F.* Russland und Byzanz im 14. und 15. Jahrhundert // Thirteenth International Congress of Byzantine Studies: Supplementary Papers. Summaries. Oxford, 1966. P. 25.

³⁵ *Dölger.* Reg. N 3507. См.: *Цветова Б.* Памятна битка на народите. С., 1974.

³⁶ *Guilland R.* Les appels de Constantin XI Paléologue à Rome et à Venise pour sauver Constantinople (1452—1453) // BS. 1953. T. 14. P. 226—245.

³⁷ *Dölger.* Reg. N 3315.

³⁸ *Медведев И. П.* Внучка Дмитрия Донского на византийском троне? // ТОДРЛ. 1976 Т. 30. С. 255—262.

³⁹ *Georgios Gemistos Plethon.* Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355—1452) / Übersetzt und erläutert von W. Blum. Stuttgart, 1988. S. 97—103.

Константин — сначала на Магдалене или Феодоре Токко (1428 г.), затем — на Катерине Гаттилузи. В результате Палеологам удалось объединить под своей властью всю Морею, которая и стала накануне окончательной катастрофы оплотом государства, продлив на какое-то время его существование.

Иногда политические выгоды династических браков обуславливали необходимость развода уже женатого государя, вступающего в родство с императором. В таких случаях дипломаты империи требовали, чтобы прежняя жена новобрачного родственника передавалась византийцам и жила в империи под неослабным надзором: дома она могла возбуждать оппозиционные настроения в отношении бывшего мужа и угрожать прочности нового брака (*Pachym. Hist. II. P. 284.21—286.13; Greg. I. P. 61.10—17; 203.5—204.1*).

С целью преодолеть эгоцентричность Запада, занятого своими «домашними делами», раздираемого внутренними распрями и религиозными разногласиями, впервые предпринимаются такие чрезвычайные дипломатические акции, как личные посещения западных дворов византийскими императорами, когда император выступает за пределы империи не во главе армии, а с миссией, имевшей цель просить о помощи. Первый раз это случилось зимой 1365/66 г., когда Иоанн V Палеолог вместе с Мануилом и Михаилом отправился в Венгрию, где встретился с королем этой страны {355} Лайошем Великим (по свидетельству Джованни да Равенна, Лайош встретил императора с обнаженной головой, сойдя с лошади, в то время как император остался в седле, не снял головного убора и восседал с гордым высокомерием перед почтительно стоящим Лайошем Великим)⁴⁰. С этими же целями Иоанн V Палеолог в 1369—1371 гг. побывал в Риме и Венеции⁴¹, Иоанн VII в 1391 г. — в Генуе⁴², а в 1399—1403 гг. Мануил II совершает свое знаменитое путешествие по Западной Европе, посетив многие города Италии (Падуя, Венецию, Милан, Геную, Флоренцию), Франции (Париж), Англии (Лондон), встретившись и осуществив переговоры со всеми наиболее крупными политическими деятелями той эпохи (с королем Франции Карлом VI, с королем Англии Генрихом IV и др.), а также повсюду вызывая живейший интерес и сочувствие к находившейся в тяжелейшем положении древней империи (отметим предшествовавшую этому путешествию активную дипломатическую подготовку, которую вели такие византийские дипломаты, как Николай Нотара, дядя Мануила II, Феодор Кантакузин и зять императора Иларию Дория)⁴³. Наконец, практику выездов за пределы империи продолжил Иоанн VIII, посетивший в 1423/4 г. Италию, Францию и Венгрию (по свидетельству Эбергарда Виндеке, император провел при дворе Сигизмунда восемь недель), а в 1437—1438 гг. возглавивший византийскую делегацию на Ферраро-Флорентийском соборе. И не вина, а скорее беда византийской дипломатии, если все эти чрезвычайные акции оказались в конце концов безрезультатными. Общее впечатление от этих выездов можно выразить, пожалуй, словами английского хрониста XV в. Адама Уска, который в связи с приездом Мануила II в Англию пишет: «Я подумал: как больно, что этот великий и далекий восточный христианский государь, побуждаемый насилием неверных, вынужден был посетить далекие западные острова, прося против них помощи. О, Боже! что с тобой, прежняя римская слава? Великие деяния твоей империи теперь разбиты; о тебе справедливо можно будет сказать изречением Иеремии (Плач. I, 1): „Великий между народами князь над областями сделался данником“. Кто когда-либо мог подумать, что ты, который, восседая обычно на престоле величия, управлял всем миром, дойдешь до такого унижения, что не будешь в состоянии оказать никакой помощи христианской вере!»⁴⁴.

Тем не менее культурное значение этих дипломатических акций отнюдь не маловажно: они в значительной мере способствовали интенсификации культурных обменов, контактов Запада с Востоком, пробуждению глубокого интереса у людей Запада к духовному наследию греческого мира.

⁴⁰ Моравчик Д. Византийские императоры и их послы в г. Буда // АASH. 1961. Т. 8. P. 243—244.

⁴¹ Vasiliev A. A. Il viaggio dell'imperatore bizantino Giovanni Paleologo in Italia (1369—1371) e l'unione di Roma del 1369 // SBNE. 1931. Т. 3. P. 153—191.

⁴² Barker J. W. John VII in Genoa: A Problem in Late Byzantine Source Confusion // OChP. 1962. Т. 28. P. 213—238.

⁴³ Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе. СПб., 1912.

⁴⁴ Там же. С. 52.

И наконец, о методах византийской дипломатии в отношении самого агрессора — турецкого султана. Его отношение к византийскому императору до некоторых пор было отношением могущественного «майордома» {356} к законному властителю⁴⁵. С точки зрения византийского государственного права земли, занятые турками и фактически ставшие территориальной основой Османской империи, являлись вечным и неотчуждаемым владением Византийской империи, а сами турки — варварами, подобно печенегам, аланам или аварам, которых можно сдерживать средствами дипломатии и боевую силу которых можно использовать в интересах империи. Соответственно этому регулировались и отношения между византийским императором и турецким султаном. Уже Иоанн Кантакузин (1347—1354), использовавший турок как противовес против генуэзцев и для усиления своей позиции внутри государства и возведший союз с турками в основной принцип своей дипломатии, писал, что турецкий эмир из друга превратился в его слугу (*Cant.* II. P. 398). Это признавали и противники Кантакузина. По словам Никифора Григоры, эмир был связан глубочайшей дружбой с Кантакузином и добровольно обещал ему, что «в течение всей своей жизни ему и его детям-наследникам будет служить и сохранять с ними дружбу» (*Greg.* II. P. 597).

Нельзя, впрочем, не отметить, что дипломатические успехи Кантакузина в отношениях с турками были пирровыми победами: именно этот император, преследуя в гражданских войнах цели овладения с помощью турок престолом империи, содействовал утверждению османов на Балканах: несостоятельность политики узурпатора стала ясна всем, Константинополь восстал. Кантакузин был низложен. Но ничто не могло изменить главного: османы утвердили свое господство во Фракии, столица империи была отрезана от своих провинций⁴⁶.

Дипломатии империи пришлось удвоить усилия, чтобы замедлить натиск турок, и на некоторое время удалось отвлечь их внимание от Константинополя. Однако уже в лице турецкого султана Баязида I византийские императоры впервые столкнулись с правителем, который не удовольствовался фактическим господством на Балканах, но совершенно открыто, по выражению историка, «протянул руку к византийской императорской короне»⁴⁷. Однако глубокая метаморфоза в Восточном Средиземноморье в результате Ангорской битвы (28 июля 1402 г.) снова дала византийским императорам возможность осуществления своей дипломатии «приручения» в отношении турецких властителей⁴⁸. По словам Дуки, турецкий султан Сулейман после Ангорской битвы прибыл в Константинополь, бросился в ноги императору и стал умолять его: «Я буду тебе сыном, будь же и ты моим отцом. Отныне да не растет между нами сорная трава, и да не будет интриг, провозгласи лишь меня правителем Фракии» (*Ducas.* XVIII. 2). По договору 1403 г. императору были возвращены города на побережье Черного и Мраморного морей, Фессалоника с соседним районом. Уплата византийской дани турецкому султану прекратилась⁴⁹.

После того как между сыновьями Баязида разгорелась междоусобная {357} война и Сулейман пал в этой борьбе (1411 г.), византийское правительство видя «непримиримую враждебность» к империи одного из этих сыновей Баязида (Мусы), отправило к его брату Мехмеду в Брусу посольство с уведомлением, что в случае, если тот проиграет войну против Мусы император примет его в своей столице; если же он выиграет войну то «мы желаем,— говорит император,— чтобы ты стал правителем и моим сыном»⁵⁰. Соответственно Мехмед I, уже став султаном, также обращался к императору Мануилу со словами «святой отец» (*Ducas.* XIX. 12) Узнав о воцарении Мехмеда, император Мануил II отправил к нему (после 5 июля 1413 г.) посольство в составе «самых знатных архонтов» с напоминанием о том, чтобы султан пошел на обещанные во время своего пребывания в Константинополе уступки⁵¹. С «радостью» приняв послов Мехмед I заключил «клятвенный союз» и отдал императору все города на Фракийском

⁴⁵ *Silberschmidt M.* Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches, nach venezianischen Quellen. Leipzig; B., 1923. S. 68.

⁴⁶ *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.

⁴⁷ *Silberschmidt M.* Op. cit. S. 68.

⁴⁸ *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981.

⁴⁹ *Dennis G. T.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // *OChP.* 1967. T. 33. P. 72—88.

⁵⁰ *Dölger.* Reg. N 3331.

⁵¹ *Ibid.* N 3334.

побережье Черного моря, а также деревни и города расположенные в Фессалии, и города на Пропонтиде. Чрезвычайно характерны слова, с которыми, если верить Дуке, султан проводил послов императора: «Отныне я есть и буду подданным его (императора), как сын по отношению к отцу» (*Ducas*. XX. 1).

Разумеется, византийские императоры были далеки от идеализации своих отношении с турецкими султанами. Их дипломаты зорко следили за тем, что делалось в турецкой зоне восточных провинций особенно в зоне складывавшегося османского государства, регулярно посещали двор султана, завязывали полезные связи, отнюдь не брезгуя подкупом постоянно сеяли вражду между многочисленными претендентами на турецкий престол. Послы Мануила II, отправленные в конце 1409 г. в Венецию, указывали на «представившийся случай поссорить обоих султанов (Сулеймана и Мехмеда) и спасти тем самым империю», для чего они просили о поставке восьми галей, которые должны были соединиться с двумя греческими судами и преградить сообщение между Европой и Азией⁵². В послании императора Иоанна VIII в Венецию от февраля-марта 1430 г также указывается на то, что «лучшее средство для защиты от османов — это поссорить их между собой»⁵³. Эту цель дипломатия империи преследовала постоянно: так, перед отъездом Мануила II в западные страны было отправлено посольство к Тимур-Ленку, чтобы подстрекать его против Баязида I⁵⁴. С этой же целью императоры охотно принимали неудачных претендентов, изгнанных турецких князей (один из них, младший сын Баязида I Юсуф, найдя убежище при дворе византийского императора был даже обращен в христианство и при крещении наречен Димитрием⁵⁵), чтобы в нужный момент выставить своего кандидата на освободившийся турецкий престол или выдвинуть опасного соперника. Осенью 1416 г. к султану Мехмеду I было отправлено послание, в котором император отказывался выдать брата султана (Мустафу) и его свиту, бежавших в Фессалонику. «Я, как ты хорошо знаешь, — говорит император, — обещал, что {358} буду отцом тебе, ты же — сыном мне. И если мы оба будем верны обещаниям — тут тебе и страх Божий, и соблюдение заповедей. Если же уклонимся от них — вот уже и отец окажется предателем сына и сын будет называться убийцей отца. Я-то сохраню клятвы, а вот ты не желаешь этого. Пусть карающий несправедливого Бог будет справедливым судьей. Относительно же беглецов нельзя ни говорить, ни ушами слышать о передаче их в твои руки, ибо не царское это дело, но тираническое» (*Ducas*. XXII.5).

Широко практиковалось воспитание сыновей султанов при константинопольском дворе. Разумеется, со стороны византийцев прилагались все силы к тому, чтобы воспитать их в духе преданности империи и одновременно использовать в качестве заложников. Первая же попытка нового султана Мурада II (1421—1451) упразднить этот институт вызвала резкий дипломатический конфликт. Примерно в июне 1421 г. к Мураду II в Бруссу было отправлено посольство в составе Палеолога Лахана и Теолога Коракса, с тем чтобы утешить султана в связи со смертью его отца, поздравить с вступлением на престол и потребовать, чтобы султан отдал младших детей Мехмеда императору, которого Мехмед в своем завещании назначил опекуном. «Если же он не отдаст и не пожелает следовать древнему закону, установленному предками, то у императора есть соперник, которого он поставит правителем Македонии, Херсонеса и всей Фракии, а затем — Азии и всего остального Востока». Показателен ответ султана, переданный послам через визиря Баязида: «Нехорошо и противоречит предписаниям пророка то, что дети мусульман воспитываются и обучаются у гяуров. Но если император хочет, пусть имеет нашу любовь и пусть остается в соответствии с прежними договорами другом и отцом этих сирот, за исключением того, что касается опекунства. С требованием же содержать у себя и воспитывать детей согласиться невозможно» (*Ducas*. XXIII.4).

С воцарением Мурада II в отношениях между византийским императором и турецким султаном наступили глубокие перемены. Восстановив государство турок, новый султан вернулся к агрессивной политике Баязида. Осадой и штурмом Константинополя в 1422 г. начался последний период агонии Византийской империи⁵⁶.

⁵² Ibid. N 3327.

⁵³ Ibid. N 3426.

⁵⁴ Ibid. N 3278.

⁵⁵ Жуков К. А. Указ. соч. С. 152. Примеч. 93.

⁵⁶ *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1965. S. 482; Vasiliev A. A. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952. P. 640.*

Характерно, что от сношений Византии с султанатом почти не сохранилось документов официального характера. Сведения об этих отношениях мы черпаем у историков и хронистов. Думается, что это не случайно. При том правоотношении, которое существовало между византийским императором и турецким султаном (законный государь и его «майордом», «отец» и «сын»), связи между ними не могли регламентироваться при помощи таких строго оформленных договорных актов, как, скажем, знаменитые договоры Византии с Венецией и Генуей (хотя и в них, несмотря на усиление элементов двусторонности, структура жалованной грамоты не изживается до конца: документ составляется от имени императора, ясно просматривается стремление представить статьи договора как благо для адресата, оригинал подписывается императором пурпурными чернилами и снабжается вислой золотой печатью). Отношения между императором {359} и султаном, по-видимому, регулировались скорее обычным, чем договорным правом. Тем не менее даже по сообщениям хронистов и историков можно судить о качественном изменении в отношениях между императором и султаном с воцарением Мурада II. О все усиливавшемся крушении духовной супрематии византийского императора свидетельствует и тот факт, что для узаконения нового византийского императора Константина XI (1449—1453) потребовалась санкция султана; 6 декабря 1443 г. к Мураду II отправился Георгий Сфрандзи с просьбой о признании Константина в качестве императора⁵⁷.

И тем не менее идея империи и вселенского императора, из которой до конца исходила и византийская дипломатия, до самого последнего часа жила в сознании византийцев. Лебединой песнью этой идеи является преисполненный трагизма ответ Константина Палеолога Мехмеду II Фатиху на его ультиматум в мае 1453 г.: «Император готов жить с султаном в мире и оставить ему захваченные города и земли; город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам город не может передать император — лучше умереть»⁵⁸.

Дипломатия Византии сделала все возможное и невозможное, чтобы, опираясь на свой тысячелетний опыт, продлить существование империи. Отчасти ей это удалось, и не вина византийских дипломатов в том, что в конце концов решающую роль должны были сыграть не искусные речи послов и политиков, а грохот пушек, сокрушивших стены Константинополя. {360}

15

Естественнонаучные знания в палеологовский период

Естественные науки, отражавшие представления византийцев об окружающем их мире, составляли органичную часть культуры того времени. Они в полной мере запечатлели идеи своей эпохи, питались ее религиозными, нравственными, экономическими и политическими воззрениями. Общий подъем культуры и образованности, ярко выраженная Феодором Метохитом новая концепция умственного труда, определяющая его как высшую форму наслаждения, необыкновенная активность поздневизантийских интеллектуалов — все это в течение нескольких десятилетий привело к подлинному «научному ренессансу», возрождению и расцвету математических и естественных наук, знание которых казалось уже утерянным в период латинского завоевания¹. Это время было особенно благоприятным для рецепции античного наследия: никейский период существования империи стимулировал греческий патриотизм и во многом подготовил подъем интеллектуальной жизни².

⁵⁷ *Dölger*. Reg. N 3519.

⁵⁸ *Ibid.* N 3554.

¹ Общий очерк истории византийской науки см.: *Vogel K.* Byzantine Science // *The Cambridge Medieval History*. Cambridge, 1967. Vol. 4, pt. 2. P. 264—305.

² *Hunger H.* Von Wissenschaft und Kunst der frühen Palaiologenzeit // *JÖBG*. 1959. Bd. 8. S. 125—137.

Уже в конце XIII в. были достигнуты заметные успехи, особенно отразившиеся на развитии математических наук. Деление наук на тривиум и квадривиум никогда не было в Византии столь строгим, как на Западе. До палеологовского времени византийские ученые не выделяли свободных искусств из общей системы философии, куда их включали наряду с прочими дисциплинами. По традиции, идущей от отцов церкви, гораздо важнее были другие акценты: выделялось «наше», христианское знание, преддверием которому служило знание «внешнее», языческое. В первых же научных сочинениях палеологовского периода проводилось более четкое членение наук, выделение квадривиума. Происшедшая под западным влиянием более определенная классификация со временем становится привычной для византийцев. Никифор Григора формулирует квадривиум как $\eta; \tau\omega; \tilde{\nu} \mu\alpha\theta\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ *тетрактύς* — математическую четверицу; Иосиф Вриенний говорит о семи свободных искусствах ($\epsilon; \pi\tau\alpha; \tilde{\iota} \tau\omega; \tilde{\nu} \mu\alpha\theta\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ — седмице наук), а в тривиум, куда входили грамматика, риторика и диалектика, он помещает, подобно Кассиодору, диалектику перед риторикой³.

Одно из первых сочинений по математическим дисциплинам принадлежит Георгию Пахимеру, ученику Георгия Акрополита. Его «Квадриви- {361}ум» является своеобразной отправной точкой, позволяющей судить об уровне развития математики в конце XIII в. Это сочинение трудно назвать оригинальным. «Квадривиум» важен как первый учебник, положивший начало новому научному движению, возродившему математические штудии. Пахимер впервые обратился к уже забытым трудам Диофанта, обогатил техническую терминологию. Многочисленные рукописи свидетельствуют о широком распространении учебника Пахимера и большом интересе к нему⁴.

Предметами квадривиума занимался и замечательный ученый палеологовского времени Максим Плануд. Его перу принадлежит учебник арифметики. Полагали, что Плануд был первым, кто использовал индийские цифры на греческой почве, пока не была найдена анонимная арифметика, написанная в 1252 г. и послужившая ему главным источником⁵. Плануду принадлежат также утерянное ныне сочинение по гармонии, схолии к трудам Евклида и Диофанта, сделанные с большим знанием предмета⁶.

Другой известный филолог — Димитрий Триклиний был автором трактата о Луне, в котором засвидетельствовал не только компетентность в астрономии, но и попытку опираться на собственные наблюдения. Сохранились пометы и схолии в астрономических рукописях, сделанные его рукой⁷. К проблемам математики обращались и Мануил Мосхопул, автор трактата о магическом квадрате, и Георгий Кипрский, и Николай Равда⁸.

Благодаря новейшим исследованиям в области византийской математики можно представить себе основные черты ее развития в палеологовский период. Труды византийских ученых не отличает оригинальность мысли, и вряд ли они достигли в этой науке больших успехов, чем их античные предшественники. Их значение заключается скорее в том, что они старательно сохраняли традицию античной образованности, которая разными путями проникала в Западную Европу — сначала через Испанию, где арабы уже в IX в. были знакомы с трудами греческих математиков, затем через Италию, где греческие рукописи распространялись в Сицилии, Флоренции, Венеции⁹.

Необходимо отметить и другой момент: на византийской почве произошло соединение античной традиции с новыми методами, пришедшими благодаря арабскому влиянию из Индии. Хейберг писал, что важнейшие проблемы средневековой математики, среди которых особого внимания заслуживает история практического счета, цифр, десятичной системы, можно

³ *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; B., 1926. S. 65.

⁴ *Laurent V.* Introduction sur «Quadrivium» de Georges Pachymère / Ed. P. Tannery // *Studi e testi*. 1940. Vol. 94. P. XXXII.

⁵ Однако цифры здесь были использованы в западноарабской форме, в то время как Плануд приводил их восточноарабский вариант. См.: *Vogel K.* Buchstabenrechnung und indische Ziffern in Byzanz // *Akten des XI. Internationalen Byzantinisten kongress.* München, 1960. S. 660—664.

⁶ *Wendel C.* Maximos Planudes // *RE*. 1950. Bd. XX. Col. 2227—2228, 2245.

⁷ *Wasserstein A.* An Unpublished Treatise by Demetrius Triclinius on Lunar Theory // *JÖBG*. 1967. Bd. XVI. S. 153—174.

⁸ *Tannery P.* Manuel Moscopulos et Nicolas Rhabdas // *Mémoire scientifique*. P., 1920; T. IV. P. 1—9.

⁹ *Vogel K.* Der Anteil von Byzanz an Erhaltung und Weiterbildung der griechischen Mathematik // *Miscellanea Mediaevalia*. 1962. Bd. 1. S. 15.

решить, лишь ясно представляя различные влияния, соединившиеся в Ви-^{362}зантии¹⁰. Очень показательна анонимная арифметика XV в., засвидетельствовавшая, насколько глубоко индийская система счета внедрилась в византийскую практику в первой половине этого столетия¹¹.

С конца XIII в. большую популярность приобретает другой предмет квадривиума — астрономия, об этом говорит значительный рост числа астрономических рукописей¹². Одним из направлений ее развития было направление традиционное, птолемеевское. Своим расцветом в палеологовское время оно обязано Феодору Метохиту, возродившему эту некогда процветавшую, но теперь почти забытую науку. Метохит, находившийся в центре политической и духовной жизни в период правления Андроника II, представлял собой фигуру выдающуюся. «Люди, которые общались с Метохитом, — пишет его ученик Никифор Григора, — могли бы не употреблять книг... Он сам был живой библиотекой и имел под рукой ответ на все вопросы — настолько превосходил он всех, кто занимался наукой» (*Greg.* I. P. 272). Астрономию он начал изучать в возрасте 43 лет, проявив завидное терпение и упорство в занятиях. Основательно изучив труды Феона, Птолемея, Евклида, Аполлония, Метохит написал «Первоосновы астрономической науки», главной целью которых было создание пособия к астрономическим таблицам Птолемея на основе его же Алмагеста и трудов Феона (МВ. I. P. 102 sq.). «Таким образом, большой океан учения Птолемея, где всякое плавание казалось невозможным, можно пересечь теперь безо всякой опасности, опираясь на плот, каковым является краткое изложение и объяснение великого логофета», — оценивал труд Метохита Иоанн Хортасмен¹³. Опубликование «Первооснов», как и вся деятельность Метохита в области астрономии, произвели сильное впечатление на современников. Однако от XIV в. сохранились лишь четыре рукописи этого сочинения, вероятно, его больше хвалили, чем читали, хотя все, кто занимался астрономией, хорошо его знали — Хортасмен, например, переписывал и изучал «Первоосновы»; был знаком с ними Исаак Аргир; Плифон считал Метохита лучшим из комментаторов Птолемея и опирался на этот труд при составлении своих астрономических таблиц. Как бы то ни было, именно Метохиту и его ученикам принадлежит заслуга введения «литературной моды» на астрономию, которая придала ей высокий престиж в интеллектуальной среде¹⁴. Между эрудитами разгорались горячие споры о месте астрономии и математики в системе наук. Эти споры отражают духовную атмосферу своего времени, характер и границы научного мышления, отношение к научным авторитетам Платона и Аристотеля. В центре полемики стояли Феодор Метохит и Никифор Хумн, не уступавший в эрудиции своему противнику, но не разделявший увлечения современников астрономией и математикой. Метохит исходил из неоплатонической посылки, определявшей математику как опору всех наук. Эта мысль не нова — она была ясно выражена в трудах его пред-^{363}шественников. Георгий Пахимер во введении к «Квадривиуму» ссылался на мнение Плотина, для которого математические науки приближали к вещам бестелесным, включая метафизику чисел неопифагорейцев, видевших в отношениях между числами глубокую ткань Вселенной. Идеи неоплатонизма, столь широко распространенные среди византийских интеллектуалов, были, таким образом, тесно связаны с интересом к математическим штудиям¹⁵.

Метохит видит ущербность идей Аристотеля (а вслед за ним и Хумна — сторонника качественной физики Аристотеля) в недооценке математической основы при объяснении физических явлений. Аристотелевская идея упорядоченного мира, где движение — явление переходящее, основывается на естественной связи, объединяющей легкие и тяжелые тела отношениями противоположности, которые зависят от их качественной природы. Эта концепция позволила Аристотелю определить «верх» и «низ» Вселенной согласно свойствам элементов, со-

¹⁰ Heiberg J. Byzantinischen Analecten // Abhandlungen zur Geschichte der Mathematik. 1899. Bd. 9. S. 163.

¹¹ Hunger H., Vogel K. Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts. Wien, 1963.

¹² Более половины кодексов с комментариями Феона к сочинениям Птолемея, к примеру, относятся к концу XIII — началу XIV в.

¹³ Цит. по: Ševčenko I. Etudes sur la polémique entre Théodore Metochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962. P. 44.

¹⁴ Ibid. P. 116.

¹⁵ О роли неоплатонизма как философской основы византийского гуманизма см.: Медведев И. П. Византийский гуманизм: XIV—XV вв. Л., 1976. С. 50—72.

ставляющих ее. Оппозиция же тяжести служит упорядочению четырех элементов в космосе. Анализ сочинений Хумна показывает, что его мышление в сфере физики, хотя и свидетельствует о некоторых заимствованиях у Платона, тем не менее статично и целиком покоится на качественной физике Аристотеля¹⁶. Метохит упрекает своего противника в незнании Платона, в упущении одной из важнейших его посылок — количественного аспекта теории элементов, что в конечном счете является следствием недооценки значения математики. Критика Метохита открывает важные перспективы, реализованные наукой, однако лишь в начале XVII в., когда были предприняты попытки решения проблем, поставленных новыми открытиями в области астрономии, которые сразу же выдвинули математику на передний план.

Таким образом, эта идея Метохита была своего рода провозвестницей научной революции XVII в., значительно расширившей применение математических методов в изучении физического мира. Однако Метохит, кажется, не отдавал себе отчета в своем предвидении. Эта мысль — скорее удачный образец полемики и воспроизведение плодотворной идеи платонического мышления, к тому же не проведенной последовательно в других трудах Метохита, в частности в комментариях к сочинениям Аристотеля.

Занятия Метохита астрономией были продолжены его учеником Никифором Григорой. Подобно многим своим современникам, он был широко образован, и предметы квадривиума более всего привлекали его внимание. Григора не оставил каких-либо значительных трудов по математике, но, несомненно, был сведущ в ней, поскольку она составляла основу занятий гармонией и астрономией, которые благодаря его работам были подняты на новую ступень.

Духовная атмосфера того времени хорошо отражена в диалоге Григоры «Флорентий». Автор описывает литературные обычаи своего времени, показывает направление научных интересов. Проблемы, затронутые в диалоге, были, несомненно, живыми вопросами времени, волновавшими общество и разделявшими мыслителей на партии. В споре двух философов, под которыми автор подразумевает ученого монаха Варлаама Калабрийского (в диалоге он назван Ксенофаном) и себя (под именем Никагора), решаются научные проблемы, столкнувшие византийских и западных ученых. Примечательно, что состязание сторон начинается с предметов, относящихся к области астрономии: указав на гороскоп, Никагор предлагает Ксенофану определить час дня и положение планет по отношению к зодиаку (*Greg. Fior.* P. 87). Неуклюжий ответ Ксенофана вызывает единодушный хохот всего собрания.

Варлаам Калабрийский обучался в Италии, поэтому, несмотря на свое греческое происхождение, автор воспринимал его как представителя западной образованности. Каких бы вопросов ни касался в споре Никагор, его противник всякий раз оказывался в затруднительном положении. Особенно очевидным его невежество оказалось в астрономии. Для Никифора это неудивительно: ведь Ксенофан воспитывался у латинян, которые «лишь кончиками пальцев касаются внешней двери образованности». Они не изучают ни астрономии, ни большинства других видов мудрости, находящихся в расцвете у эллинов (*Ibid.* P. 96).

Отношение византийских интеллектуалов к латиноязычной образованности в раннепалеологовский период было пренебрежительным. Этому способствовали и недавнее латинское завоевание, и неутраченные споры вокруг унии церквей. Западноевропейская духовная культура долгое время находилась в стороне от внимания византийских ученых. Самосознание византийцев, считавших себя единственными полноправными наследниками эллинских традиций, слишком долго не допускало мысли, что варварский Запад способен самостоятельно развивать эти традиции и создать свою высокую культуру. Катастрофа 1204 г. укрепила антилатинские настроения. Тем не менее контакты с латинским миром, расширявшиеся в силу исторических обстоятельств, не остались бесследными для византийской культуры.

Одним из важнейших путей проникновения латиноязычной образованности в греческий мир было появление на Балканах францисканцев и доминиканцев, развернувших свою деятельность в захваченном латинянами Константинополе. После реставрации империи при Палеологах латинские монахи были выселены из столицы, однако к началу XIV в. они вновь там обосновались¹⁷. Двужычные представители этих орденов, среди которых были и лица греческого происхождения, играли важную роль в делах, связанных с унией. Через них визан-

¹⁶ Verpeaux J. Nicéphore Chumnos, homme d'état et humaniste byzantin. P., 1959. P. 161.

¹⁷ Tinnfeld F. Das Niveau der abendländischen Wissenschaft aus der Sicht gebildeter byzantiner im 13. und 14. Jahrhunderten // BF. 1979. Bd. VI. S. 264.

тийцы имели возможность познакомиться с достижениями западноевропейской духовной культуры.

Сочинение Григоры было, пожалуй, одним из последних памятников, столь ярко отразивших неприятие византийцами западной культуры. Диалог сам по себе констатирует факт научного обмена между греческим и латинским миром, хотя отношение к западной образованности осталось по-прежнему негативным. Даже такие крупные мыслители, как Григора, находясь в плену своих патриотических настроений, оказались не в состоянии по достоинству оценить достижения западноевропейской науки.

Образ Варлаама Калабрийского, одного из учнейших людей своего времени, представлен Григорой в карикатурном виде, но приписываемое ему невежество, особенно в астрономии, вызывает большие сомнения. {365} Варлаам известен как человек компетентный в этой области, как автор двух трактатов о солнечных затмениях¹⁸. Именно в знании астрономии Григора был в свое время уязвлен Варлаамом, указавшим на путаницу в добавлениях, сделанных Григорой к «Гармонии» Птолемея¹⁹.

Григоре принадлежат также два сочинения об астролябии — угломерном приборе, употреблявшемся для измерения положения небесных тел. В одном из сочинений он излагает способ конструирования астролябии, другое, написанное несколько позже, посвящено ее практическому применению и расчетам²⁰. Трудно сказать, занимался ли сам Григора астрономическими наблюдениями. А. Тион полагает, что и Григора, и Варлаам — крупнейшие знатоки птолемеевой астрономии — использовали свои познания, главным образом в полемике и ради престижа. Оба они достаточно точно рассчитали солнечные затмения, но ни один из них, видимо, не предпринял труда наблюдать их в отличие от западноевропейских астрономов, зафиксировавших те же затмения²¹.

Определенный интерес представляет и календарная реформа, предложенная Григорой. Проблемы хронологии и определения даты Пасхи всегда были важны для византийцев. Юлианский календарь, лежавший в основе литургического, постепенно опережал весеннее равноденствие, и это вызывало опасение, что Пасха сдвинется к лету, угрожая нарушить ее традиционную весеннюю датировку²². Календарная реформа Григоры, основанная на точных астрономических расчетах, должна была устранить этот недостаток. На деле она предвосхищала знаменитую григорианскую реформу, проведенную более двух столетий спустя папой Григорием XIII. Император Андроник II, отдавая должное новаторству Григоры, не решился провести его реформу в жизнь, и она осталась в Византии нереализованной²³.

В конце XIII в. в византийской астрономической литературе появляется новое направление, связавшее ее через Трапезунд с арабской астрономией. Начало было положено Григорием Хиониадом, врачом и астрономом, побывавшим в середине 80-х годов в Тебризе и привезшим оттуда арабские астрономические рукописи. Деятельность Хиониада в Трапезунде, где он останавливался по дороге в Константинополь, его переписка с Мануилом и Константином Лукитами и Андреем Ливадином дали повод предположить существование некоей астрономической академии и даже обсерватории в этом городе и связать распространившийся интерес к астрономии с империей на Понте — мнение, достаточно широко бытующее в научной литературе. Исследования Пингри показали, однако, что роль Трапезунда как астрономического центра очень преувеличена²⁴. Интерес к астрономии в то время был скорее связан с Константинополем и именем Феодора Метохита. Хиониад бывал в Трапезунде лишь проездом, переводы же свои сделал в Константинополе между 1292 и 1302 гг.²⁴ Около 1347 г. эти сочи-

¹⁸ *Mogenet J., Tihon A.* Barlaam de Seminara: Traités sur les éclipses de soleil de 1333 et 1337. Louvain, 1977; *Idem.* Barlaam et les éclipses de 1333 et 1337 // *Janus.* 1970. Т. 57. № 2—3. P. 125—130.

¹⁹ «Гармония» Птолемея осталась незавершенной. Григора дописал главы 14—15 к книге III (см.: *Boll F.* Studien über Claudius Ptolemäus // *Jahrbücher für classische Philologie.* 1893. Bd. XXI. S. 100—101).

²⁰ *Delatte A.* Anecdota Atheniensia. Liège, 1939. Т. II. P. 195—208.

²¹ *Tihon A.* Gastronomie byzantine // *Byz.* 1981. Т. 51. fasc. 2. P. 16. 22 По юлианскому календарю год составлял 365 дней и 6 часов. На деле же он короче — 365 дней, 5 часов, 48 минут, 48 секунд. Разница, изначально небольшая, но возраставшая на протяжении столетий, отодвигала праздник на много дней вперед.

²³ *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Grégoras. P., 1926. P. 283—294.

²⁴ *Pingree O.* Gregory Chionides and Palaeologan Astronomy // *DOP.* 1964. Vol. 18. P. 141, 143.

нения комментировал Георгий Хрисококк²⁵. Техническая терминология его сочинений определенно указывает на элементы восточного происхождения, восходящие к персидскому оригиналу²⁶. Эта терминология широко распространилась и стала со временем необходимой составной частью греческих астрономических сочинений²⁷, число которых значительно возросло в палеологовский период. Появились и монументальные труды синтетического характера — такие, как «Астрономическое трехкнижие» Феодора Мелитениота, главы патриаршей школы. Автор использовал в своем сочинении как труды, основанные на традиционной системе астрономии Птолемея и Феона, так и переведенные сочинения персидских астрономов, подчеркивая приоритет греков, ибо восточная астрономия вышла из птолемеевой системы²⁸.

Астрономией занимался Исаак Аргир, ученик Никифора Григоры, автор многочисленных схолий к астрономическим сочинениям и нового труда об астрологии. Иоанн Хортасмен, известный прежде лишь как писец, благодаря исследованиям Хунгера предстал человеком многообразных интересов, уделявшим немало внимания переписке и комментированию астрономических сочинений²⁹. Наконец, Исидор, митрополит киевский, позже кардинал римской церкви, редактировал сочинение Абу Ма'шара, известного астронома IX в., был обладателем многих астрономических сочинений, часть из которых переписывал сам. Помимо людей, писавших астрономические труды и комментарии, были и многочисленные читатели этих сочинений. Их анонимные примечания, исправления, пометы, оставленные на полях кодексов, свидетельствуют не только об интересе к предмету, но и о понимании его.

Астрономия, как и математика, иллюстрирует восприимчивость византийцев к научным достижениям других народов — черта, весьма примечательная для палеологовского времени. Наряду с персидскими в тот период распространяются переводы еврейских астрономических трудов: таблицами Иммануила Бонфиса из Тараскона пользовались Георгий Хрисококк и Матфей Камариот, таблицами Якова бен Давида — Марк Евгеник³⁰. {367}

Однако в астрономических исследованиях византийцы проявили, вероятно, не больше оригинальности, чем в математике. Занимаясь главным образом компиляцией и комментированием, они не вышли за границы, очерченные авторитетом Птолемея, хотя Григора, как и Варлаам, делали поправки к его расчетам. В чем же причина этой консервативности мышления? Одну из них А. Тион видит в национальной гордости византийцев: «Византийцы признавали себя обладателями знаний греческой древности, и Птолемей был их астрономом — ничто не могло с ним сравниться, и им нечему было учиться у варваров»³¹. Однако широкое распространение переводов научных сочинений в тот период — скорее свидетельство того, что византийцы не пренебрегали чужеземной мудростью.

Если в XI в. Михаил Пселл утверждал, что эллин не может извлечь ничего полезного из претенциозной мудрости иностранцев³², то в палеологовское время обмен научными знаниями становится примечательной чертой эпохи.

Другая причина, гораздо более важная, заключается в отношении византийцев к научному эксперименту: несовершенные инструменты не могли соперничать с доводами разума. Это характерно для всей средневековой науки, Византия не является здесь исключением. Наука понималась главным образом как знание дедуктивное. Именно поэтому могли процветать

²⁵ *Lampsides U.* Georges Chrysococcus, le médecin, et son oeuvre // BZ. 1938. Bd. 38, H. 2. P. 316. Публикацию введения и некоторых глав его сочинения см.: *Usener H.* Kleine Schriften. B., 1914. T. 111. S. 356—371.

²⁶ *Kunitzsch P.* Das Fixsternverzeichnis in der «Persischen Syntaxis» des Georgios Chrysokokkes // BZ. 1964. Bd. 57, H. 2. S. 382—411.

²⁷ *Neubauer O.* Studies in Byzantine Astronomical Terminology // Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1960. Vol. 50, pt. 2. P. 1—45.

²⁸ *Mogenet J.* L'influence de l'astronomie arabe à Byzance du IXe au XIVe siècle // Colloques d'histoire des sciences I (1972) et II (1973). Louvain, 1976. P. 53.

²⁹ *Hunger H.* Johannes Chortasmenos (ca. 1370—1436/37). Wien. 1969.

³⁰ *Solon P.* The Six Wings of Immanuel Bonfils and Michael Chrysokokkes // Centaurus. 1970. T. 15. P. 1—20; *Pingree D.* The Byzantine Version of the Toledan Tables: the Work of George Lapithe? // DOP. 1976. Vol. 30. P. 87—132.

³¹ *Tihon A.* Op. cit. P. 614.

³² *Michel Psellus.* Epître sur la Chrysopée / Ed. J. Bidez // Catalogue des manuscrits alchimiques grecs. Bruxelles, 1928. T. VI. P. 113.

математические науки, а науки экспериментальные не имели внутреннего импульса к развитию. Средневековая наука представляется прежде всего как интерпретация уже разработанной традиции, как комментарий текста и герменевтический опыт, который распространялся на все области знаний³³.

Традиционная наука античности, унаследованная и развиваемая византийцами, тесно переплеталась с астрологией, магией, алхимией, разного рода оккультными знаниями, составлявшими неотъемлемую часть средневекового мышления и опыта³⁴. Корни этого явления уходят в позднюю античность, когда идеи неоплатонизма, широко распространившиеся в духовной жизни позднеримского общества, выработали и отношение к научному знанию. Материя — основа всякого естественнонаучного исследования, определенная Платоном как $\mu\eta\prime\ \omicron\prime\ ;\ \prime\ \nu$, — не могла дать истинного знания. Такая посылка определяла и средства познания, которые лежали за пределами разумного или чувственного восприятия: подлинное знание возможно только через откровение, поэтому теургия и магия приобретали все более реальную силу. У Порфирия и в еще большей степени у Ямвлиха всякое научно-рациональное отношение к реальному миру тонет в оккультной практике и религиозных фантазиях, а математика предстает в виде числовой символики, элементы которой идентифицируются с гипостатическими конструкциями познаваемого мира³⁵.

Такое смешение религиозной мистики, магии и точных наук, вероятно, и не могло вызвать к жизни новые формы познания окружающего мира. С этим связано все укреплявшееся представление о совершенстве достижений античности. Уже в первые столетия новой эры наука начинает приобретать герменевтический характер, подводит итог, инвентаризируется в ряде компендиев, справочников, исагог и других компиляций, каковыми были сочинения Птолемея, Никомаха, Галена³⁶. Формы осмысления окружающего мира, сложившиеся в позднеантичный период, оказались настолько устойчивыми, что многие их черты мы узнаем и в позднеантичной науке. Математика нередко предстает в форме неопифагорейской мистики чисел³⁷, астрономия переплетается с астрологией, ботаника, минералогия, алхимия, медицина — с герметической традицией. Одними из важнейших положений герметической концепции были стоические представления о «симпатии» и «антипатии» — об отношении единства и противоположности явлений земного мира. Эта концепция охватывала практически все области естественнонаучного знания от астрономии до медицины, от примитивных предсказаний, основанных на магии, до универсальных законов природы, функционирующей в гармонии с небесными телами, связывающей самые разные стороны человеческой жизни с окружающей его средой, — микрокосм с макрокосмом Вселенной.

Геоцентрический космос Птолемея с его концентрическими сферами предполагал бесконечное взаимодействие между Землей и планетными сферами, одной сферы с другой. С периода эллинизма вплоть до Ренессанса доктрина единства космоса и «симпатии», соединяющей все его части, имела значение догмы³⁸. Торндайк подчеркивала, что эта концепция, которую она назвала астрологической, часто недооценивается исследователями, обращающимися к проблемам средневековой науки³⁹.

В Византии палеологовского периода интерес к герметической традиции, тесно связанной с неоплатонизмом, был очень велик. Обратившись к каталогам греческих астрологических рукописей, мы можем видеть, что подавляющее большинство кодексов, содержащих герметические тексты, датируются XIII—XV вв. Этот интерес важно отметить не только для характеристики научной мысли в Византии — он связан и с тем обстоятельством, что греческие руко-

³³ Verbeke G. Science et herméneutique dans la pensée medievale // 2nd International Humanistic Symposium. Athens, 1972. P. 32.

³⁴ Исследования Торндайк показали, что магия в средние века и начале нового времени была главным источником эмпирического и экспериментального приближения к природе. См.: Thorndike L. The History of Magic and Experimental Science. N. Y., 1923—1958. Vol. 1—8.

³⁵ Jürss F. Bemerkungen zum naturwissenschaftlichen Denken in der Spätantike // Klio. 1965. Bd. 43—45. S. 390.

³⁶ Festugière O. La revelation d'Hermès Trismégiste. P., 1950. T. 1. P. 2—4.

³⁷ Как, например, в сочинении Иоанна Педисима (см.: Cumont F. L'Opuscule de Jean Pédiasimos Περὶ εἰς πταμῆνων καὶ εἰς ννεαμῆνων // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. 1923. Vol. 2. P. 5—21).

³⁸ Festugière O. Op. cit. P. 90.

³⁹ Thorndike L. The True Place of Astrology in the History of Science // Isis. 1955; Vol. 46, pt 3. P. 276.

писи, попавшие в Италию, дали импульс распространению там неоплатонизма и герметической традиции, вызвавших живой интерес у итальянских мыслителей. Известно, к примеру, что Марсилио Фичино переводил по просьбе Козимо {369} Медичи неоплатонические и герметические сочинения⁴⁰. Этими представлениями насыщена и его собственная космологическая концепция⁴¹.

Заметных успехов в поздневизантийский период достигла медицина, где бережно сохранялась богатая традиция древней науки. Авторитеты Гиппократ и Галена в этой области были так же важны, как имена Платона и Аристотеля в философии. В их сочинениях можно было найти сведения по самым разным вопросам теоретической и практической медицины. Они постоянно переписывались и эксцерптовались, входили в курс школьного обучения⁴². Большой популярностью пользовались и труды ранневизантийских медиков — Оливасия, Аэция Амидского, Александра Траллского, Павла Эгинского, опиравшиеся на сочинения Гиппократ и Галена.

Медицина в Византии рассматривалась как часть философии в широком понимании, которая включала в себя и науку о природе, и науку о человеке. Иоанн Актуарий, один из самых замечательных медиков палеологовского времени, объяснял побудительные причины занятий медициной, ссылаясь на давнюю свою склонность к «естественной части философии» (φυσικόν μέρος της φιλοσοφίας)⁴³. Известные медики имели, как правило, разностороннее образование (Актуарий принадлежал к числу учеников Максима Плануда.)

Иоанн Актуарий систематизировал медицинские знания своего времени, изложив материал точно и содержательно, его труды оказались нагляднее, нужнее и полезнее для практикующего врача, чем труды Галена, на опыт которого он опирался. Актуарий не был открывателем в своей области, но сочинения его содержат не только его собственные наблюдения, но и опыт медицины других народов. Примечательно и то обстоятельство, что Актуарий был знатоком астрономии. Знание этой науки в средние века было необходимой частью образования врача. В сочинении «О диагностике» Актуарий устанавливает критические дни болезни, связывая их с положением Луны и Солнца в зодиаке, с зависимостью органов человека от зодиака⁴⁴. Эта традиция восходит к древней медицине, к сочинениям Гиппократ. Астроном Григорий Хиониад, принадлежавший к числу друзей Актуария, также занимался медициной. Врачом был и другой астроном — Григорий Хрисококк⁴⁵.

Среди медиков поздневизантийского периода большой, известностью пользовался Николай Мирепс, получивший звание «актуария» еще при никейском дворе. Его собрание рецептов, написанное под влиянием знаменитой итальянской школы медиков в Салерно и переведенное на латинский язык в XIV в., приобрело популярность не только в Византии, но и на Западе⁴⁶. На закате империи медицину в Константинополе преподавал Иоанн Аргиропул, изучавший медицину в Падуе. Известны имена Константина Мелитениота, Георгия Хониата, переводивших с персидского языка на греческий собрания рецептов.

В целом же история поздневизантийской медицины изучена крайне мало⁴⁷. Рукописи XIV—XV вв. содержат богатый материал, который до сих пор остается малоизвестным, и бесконечные *inedita* во многом препятствуют исследователям. Свои сложности имеет и изучение текстологической традиции: если ранневизантийские компиляции во многом сохранили богатство и традицию античного оригинала, то в поздний период эта традиция предстает в весьма деформированном виде. Многие тексты, включенные в медицинские сборники, анонимны и

⁴⁰ The Cambridge Illustrated History of the World's Science. Cambridge, 1984. P. 274.

⁴¹ Horský Z. Le rôle du platonisme dans l'origine de la cosmologie moderne // Organon. 1976. N 4. P. 47—54.

⁴² Temkin O. Byzantine Medicine: Tradition and Empirism // DOP. 1962. Vol. 16. P. 99.

⁴³ Hohlweg A. Johannes Aktuarios. Leben — Bildung und Ausbildung — De Methodo medendi // BZ. 1983. Bd. 76, H. 2. S. 305.

⁴⁴ Актуарий исправил перевод на греческий сочинения Ибн Сины, которое использовал в одном из своих трактатов. «Древние и современные врачи греков и варваров» — их он называет своими источниками (см.: Hohlweg A. Johannes Aktuarios. S. 312, 319).

⁴⁵ Trapp E. Die Stellung der Ärzte in der Gesellschaft der Palaiologenzeit // BS. 1972. T. 33, fasc. 2. S. 232.

⁴⁶ Held F. Nicolaus Salernitanus und Nicolaus Myrepsos. Leipzig, 1916. S. 21—22.

⁴⁷ О перспективах изучения практической медицины в Византии см.: Hohlweg A. Praktische Medizin in Byzanz // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Akten. 1. Beiheft. Wien, 1981. 2. 2. (JÖB. Bd. 31).

трудны для датировки. И все-таки даже немногочисленные опубликованные сочинения дают представление об удивительно высоком уровне медицинских знаний в поздней Византии ⁴⁸.

Особого внимания заслуживают практическая медицина и постанова больницы, достигшие таких успехов, каких не знала в тот период Западная Европа ⁴⁹. Забота о попечении больных и немощных, с одной стороны, лежала на церкви, распространявшей на них заповедь о любви к ближнему, с другой — всегда поддерживалась центральной властью, органично вытекающая из имперской идеологической доктрины ⁵⁰. Церковь издавна создавала приюты при монастырях, которые принимали всех страждущих и нуждающихся в лечении. Многие из таких приютов разрастались в больницы со штатом практикующих врачей и систематической подготовкой новых. Особую известность среди них получило учреждение, основанное в XII в. Иоанном Комнином при монастыре Пантократора ⁵¹, и больница при монастыре Продрома, основанная сербским королем Стефаном Милутином.

Больницы, как правило, располагали библиотеками. Рукописи с сочинениями античных и византийских медиков здесь не только читались, но и постоянно переписывались, превращаясь в процессе многократного копирования в сборники глав и фрагментов, предназначенных для быстрой ориентации в практике. В течение последних столетий они приняли форму иатрософов, куда, помимо традиционного материала, включались наблюдения и собственный опыт врачей ⁵². Иатрософы являются ценным свидетельством врачебной практики, своего рода справочниками, пользующимися большим спросом в больницах. Здесь содержались самые необходимые сведения о болезнях, их симптомах и способах лечения, сведения о кровопускании, правила диеты ⁵³. Большинство этих сборников анонимны и практически совсем не изучены.

Ни в какой другой области знаний не обнаруживается до такой степени отличие наших представлений от картины мира средневекового человека, как в области естествознания. Современная наука давно избавилась от многих понятий, которые были важны для средневекового ученого. К таковым принадлежат, к примеру, представления о конечной причине и цели: всякое явление не существует само по себе, оно создано творцом для определенной цели — от движения небесных светил, необходимых для того, чтобы дать людям свет и тепло, до растений, имеющих цвет, запах и форму, потому что оно предназначено для определенного употребления. С этими представлениями тесно связано и другое убеждение, не менее важное для понимания общей концепции средневековой науки о природе: подобные вещи производят подобные действия. Этот принцип основывается на широком разнообразии «родственных» отношений: похожая субстанция, похожее географическое происхождение, похожие цвет, форма, структура. Он является основой проявления «симпатии» — одного из основных герметических понятий, объединяющих космос в единое целое, основой самых разнообразных форм «симпатической» магии ⁵⁴.

Отношения подобия объединяют также подлунный и небесный миры. Обратимся к ботанике: каждая планета, каждое созвездие зодиака оказывают влияние на определенную, свою группу растений, с которой их соединяют отношения сходства ⁵⁵.

Растения представляли для византийцев прежде всего практический интерес — они были средством лечения и средством магии. Ботаническое знание очень часто выступает в рукописях в виде алфавитных лексиконов, которые появляются на дополнительных или пустых листах кодексов, написанных более поздней рукой ⁵⁶. Большая часть рукописей, содержащих

⁴⁸ См., например, переведенный Г. Г. Литавриным на русский язык византийский медицинский трактат XI—XIV вв.: *Литаврин Г. Г.* Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII. 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // ВВ. 1971. Т. 31. С. 249—301.

⁴⁹ *Philipsberr A.* Der Fortschritt in der Entwicklung des byzantinischen Krankenhauswesens // BZ. 1961. Bd. 54, H. 2, S. 363.

⁵⁰ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 315.

⁵¹ Детальное описание его сохранилось в типике монастыря. См.: *Gautier P.* Le Typikon du Christ Sauveur Pantocrator // REB. 1974. Т. 32. P. 26—131.

⁵² *Philipsberr A.* Op. cit. S. 78.

⁵³ *Temkin O.* Op. cit. P. 113.

⁵⁴ *Hansen B.* Science and Magic // Science in the Middle Ages. Chicago, 1978. P. 491—493.

⁵⁵ Подробнее о герметической традиции в ботанике см.: *Festugière O.* Op. cit. P. 137—186.

⁵⁶ *Thomson M.* Textes grecs inédits relatifs aux plantes. P., 1955. P. 26.

эти тексты, относится к палеологовскому периоду, когда вкус и интерес к научным сочинениям были особенно велики. Однако ботанические тексты восходят, как правило, к более раннему времени. Различные по объему, они преимущественно анонимны. Названия растений приводятся параллельно на нескольких языках, образуя смесь научных и «народных» представлений. Эти ботанические словари представляют интерес и с точки зрения развития ботанической терминологии византийского периода. Время их возникновения удается определить редко. В качестве авторов подобных словарей в поздний период известны Неофит Продромин (XIV в.)⁵⁷, врач Димитрий Пепагомен (XV в.)⁵⁸. Максим Плануд перевел с латинского снова на греческий язык псевдоаристотелевское сочинение «О растениях»⁵⁹. {372}

Много медико-фармакологических сочинений, где содержатся сведения о растениях, собрано в упомянутых выше иатрософах. Это главным образом собрания рецептов, где старая медицинская традиция смешана с разного рода магией, широко практиковавшейся в медицине. Ни сочинения Диоскура, ни трактаты Павла Эгинского и других византийских медиков не смогли избежать влияния демонологии. Представления о «материальных демонах» (υ;`λικοι;` δαίμονες), властвовавших над лечебными и ядовитыми растениями, было широко распространено⁶⁰.

Оценивая вклад византийцев в развитие науки о растениях, Брюне писал: «Византийские писатели предоставили для изучения растений, особенно целебных, знания, следы которых сохранились и в наши дни. Византийцы собрали, развили и передали современности свойства многочисленных растений, применение которых было распространено и в ученой, и в народной среде»⁶¹.

Не осталась без внимания в поздней Византии и зоология, интерес к которой сосредоточился преимущественно на практической стороне: пчеловодство, шелководство, домашние животные, охота составляли главный интерес⁶². Особую ценность представляют сочинения, посвященные охоте с использованием птиц и животных. Во времена Палеологов большой популярностью пользовалась соколиная охота. Известному врачу Димитрию Пепагомену принадлежит трактат об уходе за соколом, написанный по просьбе императора. Во введении он пишет, что целебные травы и камни — благословенный дар природы, который используется для лечения охотничьего сокола, и сообщает, что своими рецептами он обязан снам, посланным Богом, а также многолетнему опыту⁶³. Аналогичное сочинение он посвятил уходу за собаками⁶⁴. Зоологические сюжеты были популярны в литературе. В парадоксографическом жанре создана поэма Мануила Филадельфа «О свойствах животных» — с описанием птиц, рыб, мифических животных. К середине XIV в. относится «Пулолог», написанный по аналогии с «Физиологом». Однако эти сочинения скорее литературного, чем научного, жанра.

Представление о природе, основанное на учении о единстве мира, «симпатии» всех явлений, распространилось и на минералогию, и на алхимию.

Византийская алхимия, одна из важнейших областей средневекового знания, изучена пока крайне мало⁶⁵. Рукописи, среди которых особый интерес представляют рукописи Paris gr. 2325, 2327 (XIII—XV вв.), дают представление о трактатах, имевших хождение в тот пе-

⁵⁷ Публикацию текста см.: *Delatte A.* Op. cit. P. 279—302.

⁵⁸ Публикацию текста см.: *Thomson M.* Op. cit. P. 90—107.

⁵⁹ *Hammerdinger B.* Le «De plantis» de Nicolas de Damas à Planude // *Philologus.* 1967. Bd. 111, H. 1—2. P. 56—65.

⁶⁰ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur... S. 274.

⁶¹ Цит. по: *Thomson M.* Op. cit. P. 33.

⁶² *Theodorides J.* Introduction à la zoologie byzantine // *Actes du VIIe Congrès International d'Histoire des Sciences.* Jerusalem; P. 1953. P. 601—609.

⁶³ *Demetrii Pepagomeni* Περὶ τῆς τῶν ἰερακῶν αἰσθητικῆς τε καὶ θεραπευτικῆς // *Ex rec. K. Hercheri* // *Claudii Aeliani Varia Historia, Epistolae, Fragmenta.* Lipsiae, 1866. Vol. II. S. 335—516; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur... S. 268.

⁶⁴ *Demetrii Pepagomeni Cynosophium* / *Ex rec. R. Hercher* // *Claudii Aeliani Varia Historia*... S. 587—599.

⁶⁵ Ни восемь томов «Каталога алхимических рукописей», ни пестрящие ошибками публикации М. Бертелло не могут восполнить этого пробела (см.: *Catalogue des manuscrits alchimiques grecs* / Ed. J. Bidez et al. Bruxelles. T. I—VIII; *Berthelot M.* Collection des anciens alchimistes grecs. P., 1888. T. II. P. 4—459).

{373}риод⁶⁶. Большое сходство ранних и поздневизантийских текстов показывает, что эта наука была, вероятно, достаточно статична⁶⁷.

Развитие химических знаний в Византии шло в двух направлениях: с одной стороны, это алхимические доктрины, связанные с общей герметической картиной мира, с другой — технические традиции ремесленного искусства, которыми всегда славилась империя (практика работы с металлом, стеклом, ювелирное искусство, живопись). Однако оба эти направления развивались изолированно. Знания и опыт, накопленные ремеслом, никогда не были предметом внимания ученых. Этому в значительной мере способствовало и предубеждение к ремесленному труду, будто бы недостойному образованного человека, по мнению подавляющего большинства ученых, принадлежавших к правящему классу⁶⁸.

Наука в Византии была рафинирована. Она развивалась изолированно от жизненной практики и опыта. Лаборатории алхимиков никогда не представляли интереса для византийских ученых, которые ограничивали себя редакцией теоретических трактатов о превращении элементов. Это обстоятельство и послужило причиной, что столь высокая цивилизация, как византийская, не смогла создать опытного и экспериментального методов, которые произвели переворот в науке и которые были созданы в Западной Европе. Роль алхимии была здесь особенно велика. Именно в лабораториях алхимиков следует искать начало методического применения экспериментального опыта — основы науки нового времени. Не случайно крупнейшие западноевропейские ученые (Альберт Великий, Роджер Бэкон, Парацельс и др.) занимались алхимией. Их труды предшествовали физическим опытам Галилея и Ньютона⁶⁹.

И все-таки, несмотря на то что поздневизантийская наука во многих своих чертах еще не достаточно исследована, мы можем выделить те характерные приметы времени, которые позволяют поставить ее в общий гуманистический контекст культуры палеологовского периода. Уже обратившись к рукописям того времени, можно констатировать не только наличие их необычно большого числа (это обстоятельство было связано также и с широким распространением бумаги в этот период), но и то, что рукописи сочинений одних античных авторов — это древнейшие сохранившиеся кодексы, рукописи трудов других — лучшие версии текстов, и это не случайность⁷⁰.

Античная культура, эндемичная для Византии, переживала процесс усиленного изучения. Это было время интенсификации контактов с культурой античности, контактов, скорее не прерывавшихся полностью, чем вновь открытых⁷¹. В науке палеологовского времени языческое и христианское образуют известный симбиоз, названный Хунгером «христианским гуманизмом греческого толка»⁷². При этом речь шла уже не о простой {374} рецепции духовного богатства античности, как это было обычно для средневековья до XII в., но о духовной дискуссии с нею. Попытка переосмысления достижений античной культуры и превращение их в фактор мировоззрения являются идейной основой византийского гуманизма⁷³.

Неудивительно и то обстоятельство, что ни один из выдающихся поздневизантийских ученых не принадлежал к партии паламитов. Печальный конец Никифора Григоры свидетельствует о том, сколь велика была ненависть исихастов к представителям гуманистической культуры.

Весьма примечательны для этого времени все расширявшиеся контакты с культурными ценностями других народов, засвидетельствованные появлением большого количества переводов, прочно вошедших в поздневизантийскую науку. Нельзя сказать, что это явление было совершенно новым для Византии — еще в XII в., к примеру, перевод астрономического трактата Абу Ма'шара был очень популярен и лег в основу поэмы Иоанна Каматира⁷⁴; известны пере-

⁶⁶ Многие из них опубликованы в указанном в предыдущем примечании издании М. Бертело.

⁶⁷ Taylor F. Survey of Greek Alchemy // JHS. 1930. Vol. 50. P. 111.

⁶⁸ Stephanides M. Les savants byzantins et la science moderne. Renaissance et Byzance // Archeion. 1932. Vol. XIV, N 1. P. 495.

⁶⁹ Ibid. P. 494.

⁷⁰ Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst... S. 124—125.

⁷¹ Ševčenko I. Théodor Metochites, Chora et les courants intellectuel de l'époque // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 15.

⁷² Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst... S. 136.

⁷³ Медведев И. П. Указ. соч. С. 160.

⁷⁴ Шангин М. А. Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по академической рукописи

воды с арабского Симеона Сифа в области медицины и фармакологии. Однако переводы эти носили тогда спорадический характер. В палеологовский же период влияние восточной и западной науки коснулось практически всех областей знания, они свободно воспринимались византийскими учеными. Одновременно происходил и обратный процесс — Византия оказывала влияние на развитие духовной культуры Западной Европы, которая заново открыла для себя научное богатство греческой античности⁷⁵. Достаточно вспомнить Георгия Гемиста Плифона, впервые познакомившего итальянских гуманистов с географическим сочинением Страбона, и это знакомство в западном мире в какой-то степени подготовило идею о возможности кругосветного плавания⁷⁶. Падение империи дало стимул греческой диаспоре. Образованная элита Византии эмигрировала на Запад, увозя свои рукописи и традиции эллинистической образованности⁷⁷. «Graecia nostro exilio transvolavit Alpes» — эти слова Иоанна Аргиропула стали символом времени. {375}

16

Развитие географии в поздней Византии

Ученые палеологовского времени унаследовали от предшественников идею сферичности Земли и небес как единственно приемлемую для объяснения устройства Вселенной. Из этой идеи исходят авторы всех значительных астрономических произведений, созданных в поздней Византии, — Георгий Пахимер (в соответствующих разделах «Квадривиума»), Феодор Метохит (во «Введении в астрономию»); Димитрий Триклиний (в трактате «О луне»), Феодор Мелитиниот (в «Троекнижии») и др. Поздневизантийские ученые хорошо знали работы своих непосредственных предшественников — Михаила Пселла, Евстратия Никейского, Симеона Сифа (о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописи XIII—XV вв.). В XIII в. Никифор Влеммид составил парафразу сочинения Симеона Сифа и включил ее под названием «История земли» в свой учебник физики (GGM. II. P. 469—470). О высоком авторитете космографических концепций средневизантийского периода не только в самой империи, но и за ее пределами говорит тот факт, что в XV в. Константин Костенечский — болгарский книжник, работавший при дворе сербского деспота Стефана Лазаревича (1389—1427), — подготовил хрестоматию «Отрывки по космографии и географии» на основе переведенных им с греческого на болгарский выдержек из произведений Симеона Сифа, Михаила Пселла и др.¹ Греческие ученые сохраняли интерес к Стефану Византийскому (VI в.): ссылки на его труд «Этника» встречаются у ряда авторов XIII—XV вв.²

Но особый пietet географы поздней Византии испытывали к классическому античному наследию. Конкретные географические идеи древности продолжали жить в византийской научной традиции, продолжали изучаться и труды античных географов. Тот же Никифор Влеммид³, опираясь на труд Дионисия Периегета, написал небольшое сочинение «Всеобщая география» (GGM. II. P. 458—468). В 40-х годах XV в. эллинизированный итальянец из Фокеи

// Изв. АН СССР. 1927. Сер. 6. Т. 21. С. 425—432.

⁷⁵ О связях византийской и западноевропейской науки см.: *Thurndike L. Relation between byzantine and Western Science and Pseudo-Science before 1350* // *Janus*. 1964 Vol. LI, N 1. P. 1—48.

⁷⁶ *Anastos M. Pletho, Strabo, Columbus* // *Annales de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientale et slave*. 1953. Vol. XII. P. 15.

⁷⁷ *Vranoussis L. L'hellenisme postbyzantin et l'Europe*. Manuscrits, livres, imprimeries. Athènes, 1981.

¹ Опубл.: *Novaković S. Odlomi srednjekovne kosmografije geografije* // *Starine*. 1884. Т. 16. S. 41—56. О Константине Костенечском см.: *Дуйчев И. За книжовното творчество на Константин Костенечки* // *Известия на института за българска литература*. С., 1954. С. 223—231.

² *Diller A. The Tradition of Stephanus Byzantius* // *Transactions of American Philological Association*. 1938. Т. 69. P. 338—348.

³ Подробнее о космографических и географических взглядах Никифора Влеммида см. в гл. 2.

Иоанн Канавутцис (Канавуччи) подготовил обширный комментарий к труду другого Дионисия — знаменитого древнегреческого логографа Дионисия Галикарнасского⁴. Комментарий Иоанна Канавутциса представляет значительный интерес для истории географии. В связи с идеей Дионисия о переселении греческих племен в Италию Канавутцис рассуждает об этнических миграциях, открытии полезных ископаемых, основании италийских городов. Им использована обширная географическая номенклатура⁵.

Античная теория климатических поясов продолжала пользоваться популярностью в поздней Византии. Упоминания о климатах встречаются в сочинениях многих византийских авторов⁶. В 1322 г. появился диалог «Гермипп, или Об астрологии», принадлежащий перу Иоанна Катрария⁷. Здесь климатическое учение легло в основу своеобразной концепции астрологического прогноза. По мнению Катрария, судьба каждого города (время его возникновения, расцвета, упадка и гибели) зависит от того, в какой климатической зоне он расположен и какая область небесной эклиптики «управляет» им. Сочетание климата и зоны эклиптики индивидуально для различных участков земной поверхности, и ему соответствует та или иная звезда, по местоположению которой можно судить о будущем города. Иоанн Катрарий приводит примеры действительности своей концепции. В сущности, его труд лежит в русле особой, квазинаучной, астрологической географии. Напомню, что в эпоху античности астрология и география вообще были тесно связаны между собой (не случайно в развитии обеих колоссальную роль сыграло творчество Клавдия Птолемея). Эта взаимосвязь не прервалась и в поздней Византии, что нашло отражение в творчестве таких ученых, как Григорий Хиониад и Георгий Хрисококк. На опыт античных астрологов опирался, конечно, и Катрарий. Показательно, что его «Гермипп» долгое время относили к ранневизантийскому периоду⁸.

Огромным авторитетом в области географии для ученых поздней Византии оставался Страбон. В известном сборнике эксцерптов из древних и византийских авторов, принадлежавшем Максиму Плануду, — «Общепольное собрание выдержек из разных книг» (Εὐ;ναγογή: συλλεγεῖσα α;πο; διαφόρων βιβλίων... πάνυ ω;φέλιμος) — преобладают выдержки из «Географии Страбона»⁹. Никифор Григора в своей «записной книжке» хранил эксцерпты из Страбона (как сделанные непосредственно из его труда, так и извлеченные из компендия Максима Плануды)¹⁰. В 1321/22 г. Иоанн Катрарий составил хрестоматию «Обозрение морских заливов нашей ойкумены, извлеченное из „Географии“ Страбона» (Συ;νοψις τω;ν κόλλων {377} τη;ς καθ'η;μα;ς ο;κουμένης ε;κλεγεῖσα ἐκ τη;ς γεωγραφίας Στράβωνος). Известна и другая, несколько более поздняя эпитома сочинения Страбона, составленная ок. 1350 г. (книги III—XVII, I—II)¹¹. Страбона хорошо знает и цитирует Феодор Мелитиниот. В XIV в. «Географию» Страбона скопировал Никифор Григора. В начале XV в. ее переписывал в Константинополе Георгий Хрисококк. В 1438 г. Виссарион Никейский увез рукопись «Географии» с собой в Италию. Более десяти экземпляров «Географии» Страбона было вывезено из Византии на Запад в первой половине XV в. Византийские географы старались примирить Страбона и Птолемея, использовать сочинения одного географа для исправления другого. Знаменитый кодекс Птолемея (Vat. Urb. gr. 82) испещрен эксцерптами из Страбона, комментирующими текст¹². Страбон-

⁴ *Joannis Canabutzae...* in *Dionysium Halicarnassensem commentarius* / Ed. M. Lehnerdt. Leipzig, 1890.

⁵ *Diller A.* *Joannes Canabutzes* // *Byz.* 1970. Т. 40. P. 271—275; *Idem.* *Joannes Canabutzes and Michael Chrysococces* // *Ibid.* 1972. Т. 42. P. 257 sqq.

⁶ *Honigmann E.* *Die sieben Klimata und die ΠΟΛΕΙΣ ΕΠΙΣΗΜΟΙ.* Heidelberg, 1929. S. 98—99.

⁷ *Anonymi christiani Hermippus de astrologia dialogus* / Ed. W. Croll, P. Viereck. Lipsiae, 1895.

Иоанн Катрарий (первая половина XIV в.) известен также как переписчик рукописей, географ-компилятор и автор стихотворного памфлета против некоего ритора Неофита.

⁸ *Krumbacher K.* *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches* (527—1453). München, 1897. S. 627.

⁹ *Diller A.* *The Textual Tradition of Strabo's Geography.* Amsterdam, 1975. P. 89.

¹⁰ *Biedl A.* *Der Heidelberger Cod. Pal. gr. 129—die Notizensammlung eines byzantinischen Gelehrten* // *Würtzburger Jahrbücher.* 1948. Bd. 3. S. 100—106.

¹¹ См. об этом: *Sbordone F.* *Excerpta ed epitomi della Geographia di Strabone* // *Atti dello VII Congresso Internazionale di studi bizantini.* Roma, 1953. Т. 1. P. 204—205. Существует еще ряд незначительных собраний эксцерптов из Страбона в рукописях XIV—XV вв. См.: например: *Lasserre F.* *Etude sur les extraits médiévaux de Strabon suivie d'un traite de Michel Psellus* // *Antiquite Classique.* 1959. Т. 28, fasc. 1. P. 41—42.

¹² *Diller A.* *The Textual Tradition...* P. 91.

ская традиция греческой книжности продолжалась в поствизантийскую эпоху, и даже в XVI в. инок монастыря св. Анастасия на Халкидике Иоаким Анастасиот писал географический трактат на основе Страбона.

В поздней Византии возродился интерес к творчеству Клавдия Птолемея. Его труды имел в своей библиотеке Максим Плануд, который затратил много сил на их изучение и восстановление научного авторитета античного географа. Сохранилась эпиграмма Плануда, в которой он выражает радость по поводу находки текста Птолемеевой «Географии»¹³. Император Андроник II заказал для себя рукопись «Географии» с картами (копия была выполнена для него александрийским патриархом Афанасием). «Альмагест» Птолемея цитировался в «Квадривиуме» Георгием Пахимером. В XV в. рукопись «Географии» Птолемея находилась в библиотеке Иосифа Вриенния. Птолемея копировал Иоанн Хортасмен.¹⁴ Сохранились схолии к «Географии» Птолемея, приписываемые Никифору Григору¹⁵. Византийцы переписывали извлеченные из «Географии» списки городов ойкумены, с указанием их координат (так называемые *πόλεις ε;πίσημοι*, обозначенные города)¹⁶. По-видимому, эти списки использовались при составлении карт. Хотя как авторитет в области конкретной географии Птолемей в представлении византийцев несколько уступал Страбону, однако в теоретической сфере он сохранял пальму первенства: сведения о принципах деления земной поверхности, измерении Земли, климатических поясах и т. п. ученые поздней Византии черпали из его трудов. «География» Птолемея была незаменимым пособием для создания географических карт.

В плане изучения птолемеевой традиции в Византии особый интерес представляет небольшое недатированное произведение — «Сокращенный очерк сферической, географии» (*Διάγινωσις ε;ν ε;πίτομη; τη; ε;ν τη; σφαίρα {378} γεωγραφίας* (GGM. II. P. 488—493)). Очерк был составлен в учебных целях и адресован некоему школьнику Филону. Он содержит извлеченные из «трудов» Птолемея сведения о протяженности ойкумены в стадиях и градусах, о движении Солнца, часовом делении земной поверхности, равноденствии и солнцестоянии, о климатических поясах, в которых лежит ойкумена, и проходящих через нее параллелях. Оригинальность этого памятника состоит в том, что он снабжен чертежами, иллюстрирующими положения теории Птолемея. На чертежах представлены земной круг с экватором, полюсами и климатическими зонами, Вселенная в разрезе (в плоскости земного и небесного экватора) с разделением на часы, круг небесный с обозначением зон Зодиака и их проекций на круг земной. Таким образом, уже в школе византийцы знакомились с птолемеевой географией, используя достаточно сложные географические схемы. Очерк поддается точной датировке. Некоторые исследователи считают его ранневизантийским памятником¹⁷. Однако О. Диллер показал, что очерк зависит от собрания карт к «Географии» Птолемея, известного только по поздневизантийским рукописям (см. ниже), и, следовательно, появился не раньше этого собрания¹⁸. Поэтому весьма вероятно, что очерк — произведение поздневизантийской географии¹⁹. Редкостным памятником технической графики палеологовской эпохи являются дошедшие до нас в составе очерка чертежи Вселенной.

Все сохранившиеся византийские манускрипты Птолемеевой «Географии» относятся к последним столетиям истории империи (XIII—XV вв.)²⁰. Некоторые из них снабжены карта-

¹³ Nobbe C. F. A. Claudii Ptolemaei Geographia. I. Lipsiae, 1843. P. IX, XXI.

¹⁴ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 513.

¹⁵ Tuder L. O. Th. Studies in the Geography of Ptolemy // *Annales Acad. Scient. Fenn. Ser. B.* 1927—1928. T. 21, N 4. P. 12—24.

¹⁶ Honigmann E. Op. cit. P. 193—194, 224. Здесь изданы два таких списка.

¹⁷ Polaschek E. Ptolemaios als Geograph // *RE. Suppl.* Bd. 10. Kol. 800.

¹⁸ Diller A. The Anonymous Diagnosis of Ptolemaic Geography // *Classical Studies in honour of W. A. Oldfather.* Urbana, 1943. P. 48.

¹⁹ Недавно В. Вольска-Коню обнаружила в тексте «*Διάγινωσις*» некоторые параллели с «Христианской топографией» Косьмы Индикоплова (при несомненной противоположности теоретических установок их авторов) и выступила на этом основании в пользу ранней датировки памятника. См.: *Wolska-Konus W. Deux contributions à l'histoire de la géographie: I. La diagnosis ptoléméenne: date et lieu de composition; II. La «Carte de Theodose II»: la destination* // *TM.* 1973. T. 5. P. 259—280. Отметим, однако, что создатель «*Διάγινωσις*» в принципе мог познакомиться с книгой Косьмы Индикоплова и в поздневизантийское время.

²⁰ Исходя из общепризнанной точки зрения, что «География» написана Птолемеем, я не касаюсь ги-

ми. В ряде рукописей карты образуют своеобразный атлас, состоящий из карты мира и 26 региональных карт. Переписчики включают атлас в текст VIII книги «Географии». В других случаях текст иллюстрирован 65 картами, рассредоточенными по всей книге (1 карта мира, 64 — региональные). В современной науке за первой редакцией закрепилось название «версия А», за второй — «версия В»²¹. Вопрос об авторстве обоих собраний карт спорен. Неизвестно, составлял ли сам Птолемей карты к «Географии». Происхождение версии А иногда связывают с именем александрийского картографа Агатодемона (о нем упоминают некоторые рукописи «Географии» Птолемея). {379} Впрочем, предполагают, что Агатодемон составил только карту мира, на основе которой уже в Византии были созданы 26 региональных карт. Эта работа была, по-видимому, осуществлена в XIII в. в окружении Максима Плануда²². С деятельностью Максима Плануда и его учеников можно связать и возникновение версии В. Ее 64 региональные карты составлены в несколько иной проекции по сравнению с редакцией А. Карта мира в обоих случаях одна и та же. В одной из рукописей XIV в. (Cod. Ambros. Gr. 997) к 64 картам редакции В. добавлены еще 4 карты (они воспроизведены также в двух манускриптах, зависимых от Cod. Ambros. Gr. 997). Это карты частей света: Европы, Ливии, Азии. (Последняя в согласии с античными принципами вдвое больше других частей света и потому представлена на двух картах: Северной и Южной Азии.) Составителем, бесспорно, являлся византийский картограф. К. Миллер полагал, что им был Никифор Григора²³. Упомянутые карты частей света имеют сетку параллелей и разделены на климатические зоны. Своеобразие их состоит в том, что ширина географических поясов, заключенных между двумя параллелями, постепенно увеличивается (от 42 до 100 мм). Иными словами, Земля представлена в оригинальной проекции, напоминающей проекцию Герарда Меркатора (1512—1594), появившуюся на Западе на 200 лет позднее.

Карты к «Географии» Птолемея, относящиеся к обеим редакциям,— это выдающиеся памятники византийской картографии. Они оказали заметное влияние на развитие картографии в странах Западной Европы. «География» Птолемея впервые появилась на Западе в начале XV в. (1406 г.) в переводе Якопо д'Анжело (ученика Мануила Хрисолора), осуществленном в Италии по византийской рукописи. Карты (версия А) были переведены на латынь Франческо ди Лапакчино и Доменико Бонинсеньи не позже 1409 г.: потом они неоднократно копировались и легли в основу карт европейских мастеров, иллюстрировавших Птолемею «Географию». Впервые «География» была издана типографским способом в 1475 г. в Винченце (без карт), но уже в 1477 г. в Болонье ее опубликовали вместе с географическим атласом. С появления переведенной на латинский язык «Географии» Птолемея и сопровождающего ее атласа мира начинается, в сущности, история европейской картографии нового времени²⁴.

Птолемея и Страбона линии в развитии византийской географии переплетались и взаимодействовали, дополняя друг друга. Великолепным знатоком творчества Птолемея и Страбона был выдающийся византийский мыслитель Георгий Гемист Плифон. Свидетельством его интереса к Страбону являются несколько составленных им книг эксцерптов из «Географии» этого античного ученого под общим заглавием «Из географических книг о Земле и форме ойкумены». Считается, что этих книг пять, однако еще в 1937 г. О. Диллер обратил внимание на {380} то, что вторая книга, в сущности, представляет собой небольшой самостоя-

Файл byz3_381.jpg

Патриарх Иосиф.

потезы Л. Багрова о византийском происхождении трактата «География», якобы приписанного Птолемею. См.: *Bagrow L. History of Cartography*. Cambridge, 1966. P. 35.

²¹ *Fischer J. Claudii Ptolemaei Geographiae Codex Urbinae graecus* 82. Lipsiae, 1932; *Dilke O. A. V. Cartography in the Byzantine Empire // The History of Cartography / Ed. J. B. Harley, D. Woodward*. Chicago; L., 1987. Vol. 1. P. 269—273; см. также: *Schnabel P. Texte und Karten des Ptolemäus*. Leipzig, 1938 (с иным обозначением двух редакций атласа).

²² *Bagrow L. Op. cit.* P. 34—35; *Diller A. The Parallels on the Ptolemaic Maps // Isis*. 1941. T. 33. P. 4—7.

²³ *Miller K. Die ältesten Separatkarten der 3. Erdteile, wahrscheinlich von Nikephoros Gregoras im 1350 in Konstantinopel entworfen*. Stuttgart, 1931.

²⁴ *Codazzi A. Le edizioni quattrocentesche e cinquecentesche della «Geographia» di Tolomeo*. Milano; Venezia, S. a; *Lynam E. The First Engraved Atlas of the World. The Cosmografia of Claudius Ptolemaeus*. Bologna, 1477 (Jenkinton, 1941).

тельный трактат, где разбираются ошибочные, по мнению Плифона, утверждения античного географа²⁵. Трактат под названием «Исправления некоторых неверных утверждений Страбона» задуман в качестве комментария к I книге эсцерптов («Об очертании обитаемой части Земли»), где собраны выдержки из II книги «Географии» Страбона (*Strab.* II. 118—131). К стоявшей перед ним задаче Плифон подошел чисто рационалистически: игнорируя популярные в византийской и античной литературе географические мифы (о чудовищных людях, счастливых индийских брахманах и т. п.), он опирается на конкретные сведения, считавшиеся в его эпоху совершенно достоверными. Как отмечал издатель трактата, даже ошибки Плифона «носят научный характер и не зависят от предрассудков»²⁶. Главным источником верифицированной географической информации для Плифона явились труды Птолемея, и его комментарий с некоторыми дополнениями предлагает читателю исправления представлений Страбона на основе положений Птолемея. Уже в 1-м параграфе трактата Плифон, ссылаясь на Птолемея, указывает, что Каспийское море представляет собой озеро, а не залив океана. Сведения Птолемея он использует также при описании Южного океана (§ 8), при характеристике Восточной Европы (§ 6), Индии и Китая (§ 7) и т. д. В последнем случае византийский энциклопедист повторяет ошибочные сообщения Птолемея о Стране серов и Стране синов. (Плифону, по всей вероятности, остались неизвестными итоги путешествий Марко Поло.) Опираясь на Птолемея, Плифон уточняет границы между Азией и Африкой (Ливией), считая рубежом {381} между ними «Аравийский залив» (Красное море), а не реку Нил. В некоторых (впрочем, немногих) случаях Плифон проявляет самостоятельность и высказывает на основании собственных умозаключений суждения, противоречащие традициям древних классиков. Наиболее показательный пример — его возражения Страбону относительно необитаемости тропического пояса Земли. Отмечая, что экваториальные области Африки населены эфиопами, а густонаселенный о-в Тапробана (Цейлон) также частично расположен южнее экватора (здесь Плифон ошибается), византийский ученый заявляет, что вся тропическая зона обитаема (§ 2). В двух случаях Плифон использует не Птолемея, а другие, более современные источники. Он описывает Скандинавию на основе карты, которую ему показал итальянский гуманист Павел Флорентиец (Паоло Тасканелли). Тот же, в свою очередь, получил ее из рук некоего датчанина²⁷. Благодаря использованию этой карты Плифон имел возможность сообщить читателям ряд сведений о Скандинавии, не фигурировавших прежде в византийской литературе. Скандинавский полуостров, именуемый в тексте «остров Датия», Плифон отличает от Фулы, под которой, вероятно, подразумевает Исландию. С севера Датию омывают воды пролива, отделяющего ее от необитаемого материка, над которым в течение значительной части года властвует полярная ночь. В этом «материке» легко угадать Гренландию, прежде совершенно неизвестную византийцам.

Второй случай, когда Плифон отступает от Птолемея, связан с описанием территории нашей страны. Автор именует ее Росией (Ῥωσία), отмечая, что в древности она называлась Сарматией. Здесь, на Северо-Востоке, граница ойкумены проходит по берегу Венедского залива, «называемого местными жителями Холодным морем», в котором живут «рыбы земноводные с большими белыми клыками». Так впервые в византийской литературе появляются сведения о Белом море, а заодно и о живущих в нем моржах. В Венедский залив впадает река Тивин (первое в грекоязычной литературе упоминание о Северной Двине), причем линию от нее до истоков Танаиса Плифон считает границей между Европой и Азией. Населяют побережье Венедского залива пермии, народ, «живущий охотой», а восточнее и южнее их живут мордивы и месторы. Месторы кормятся рыбой из озер в истоках реки Рас (Волга). Этнонимы Плифона

²⁵ Diller A. A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // *Isis*. 1984. Т. 75. Р. 441—451. Текст трактата опубликован здесь же (Р. 442—446).

²⁶ Не случайно Плифон отмечает, что не знает точно, где расположена «Противолежущая земля» — «антихтон», и не включает в состав ойкумены «Острова блаженных» (§ 9).

²⁷ По господствующей в настоящее время версии, это был датский географ Клауссон Сварт (Клавдий Клав). См.: *Björnbo P.* Der Däne Clausson Swart (Claudius Clavus), der älteste Kartograph des Nordens, der erste Ptolemäusepigon der Renaissance. Innsbruck, 1909.

поддаются достаточно точной идентификации. Речь идет об угорских народах: пермяках (коми), мордве и мешёре. Область расселения мешёры (верхнее течение Волги) обозначена достаточно точно. Источники сведений, сообщаемых Плифоном о географии и народах Северной и Восточной Руси, до сих пор не установлены. Возможно, эти сведения нашли отражение на не дошедшей до нас карте Клавдия Клава. Высказывалось мнение, что с ними мог познакомить византийцев митрополит киевский Исидор²⁸. Следует отметить, что ученик Плифона Лаоник Халкокондил приводит в своей «Истории» сходные данные {382} о России. Во всяком случае, благодаря Плифону они впервые были включены в круг представлений образованных греков.

Трактат Плифона «Исправление некоторых неверных утверждений Страбона» был написан вскоре после возвращения автора с Ферраро-Флорентийского собора. Столкнувшись с тем, что западноевропейские гуманисты, прекрасно знакомые с Птолемеем, практически не знали Страбона, Плифон решил способствовать популяризации на Западе столь почитаемого в Византии географа и с этой целью составил сборник его эссе. Трактат об ошибках Страбона Плифон завершил замечанием: ошибки эти незначительны и написанное Страбоном по большей части верно (§ 10). Так посредством трактата Плифона византийская ученая мысль передавала Западной Европе традицию использования и почитания одного из выдающихся географов античности.

Источниками географических сведений для византийцев всегда являлись не только собственно географические сочинения, но и памятники, относящиеся к другим, смежным дисциплинам. Это обуславливалось, в частности, идейным и структурным единством всей сферы позитивного знания в представлении византийских интеллигентов. Не составляла исключения и поздневизантийская эпоха. Труды историков того периода (Георгия Пахимера, Никифора Григоры и др.) содержат ценную географическую информацию (см., например, экскурсии о Ногае и тохарцах у Пахимера (*Pachym.* V. 4) или о происхождении болгар у Григоры (*Greg.* II. 2)). Особый интерес в этом плане представляет «История» Лаоника Халкокондила, свидетельствующая о значительном расширении пространственного кругозора византийцев к XV в.

Лаоник Халкокондил систематически включает в свой труд географическую информацию современного происхождения, не освященную авторитетом ученых древности. В качестве примера остановимся на его так называемом «русском экскурсе» (*Chalc.* I. 122.5—126.9). Рассказывая о России (именуемой в тексте Сарматией), Халкокондил указывает, что ее население говорит на иллирийском языке; «иллирийцами» же автор называет жителей Боснии. Таким образом, перед нами прямое указание на языковое славянское родство населения России и Боснии. Специально отмечено при этом, что жители Сарматии придерживаются греческой, а не римской веры. Халкокондил сообщает, что в России существует ряд княжений, в том числе Москов, Киев, Тверь, вероятно, Псков²⁹, а также город Ункратис на берегу океана, имеющий аристократическое правление (несомненно, Новгород). Рядом с ним лежит страна Лифляндия (Ἰνφλάντη), куда приходят корабли из Дании, Германии, Британии и от кельтов. На восток от русских живут пермии (ср. у Плифона), которые кормятся за счет охоты. На Западе расположена Пруссия, страна священников, населенная «назарями в белых одеяниях», немцами по происхождению (речь идет о Тевтонском ордене). Далее упоминаются жемайты, богемы (чехи), поляки, затем — литовцы, занимающие территорию вплоть до Черного моря (как известно, территория Литвы действительно расширилась до Черного моря при великом князе Витовте — 1392—1430). Вслед за Литвой упоминается Черная Богдания (так Халкокондил называет Молдавию). В конце экскурсии историк касается вопроса о происхождении славян, но не берется решить, иллирийцы ли переселились в другой конец Европы и расселились в Польшу и Сарматии, или, наоборот, сарматы перешли на этот берег Дуная и расселились в Мёзии, в стране трибаллов, а также в стране иллирийцев (*Ibid.* I. 126. 2—9). По-видимому, автор был не знаком с византийской исторической и житийной литературой эпохи расселения славян на Балканах³⁰. Все сведения о территории России, приводимые Халкокондилом, относятся к 40-м — началу 50-х годов XV в., т. е. почерпнуты из современных автору источников. «Русский

²⁸ См. подробнее: *Гукова С. Н.* К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ. 1983. Т. 44. С. 91—92. Здесь же русский перевод трактата (с. 94—97).

²⁹ См.: *Диттен Г.* Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ. 1962. Т. 21. С. 62—63.

³⁰ Там же. С. 88—89.

экскурс» Халкокондила имеет исключительное значение для исследования географического кругозора византийцев эпохи падения империи³¹.

Но этот экскурс не единственный: к истории России имеет непосредственное отношение и «скифский экскурс», где рассказывается о Золотой Орде, о татарах улуса Джагатая (Σαχαιταῖοι), о крымских татарах и т. д. (Ibid. I. 118.9—130.17). Автор знает, что татары некогда поработили сарматов (русских) и принудили их ежегодно платить дань «Великому царю скифской Орды». Ему известно, что татары Крыма во главе с ханом Хаджи-Гиреем (Ἰατζικερίης) часто совершают набеги на «черкесов, мингрелов и сарматов». Халкокондил обращается к географии Сарматии в связи со скифской темой, и охарактеризованный выше «русский экскурс» находится внутри «скифского». Большой интерес для историков Кавказа представляет «грузинский экскурс» (Ibid. II. 223.6—15), ряд экскурсов Халкокондила посвящен Западной Европе (Испании, Германии)³². Таким образом, «История» Халкокондила является не только историческим повествованием, но и значительным памятником географической мысли, отражающим уровень географических знаний в поздней империи.

Элементы классической образованности на протяжении всей истории Византии являлись органической частью ее собственной культуры. В частности, поэтому византийские авторы систематически использовали в своих сочинениях и компиляциях географическую номенклатуру. В то же время многие давно исчезнувшие наименования уже в средневековый период были незнакомы читателям, что затрудняло понимание как античных, так и собственных византийских текстов. В этой ситуации возникла потребность в специальных справочниках, ответом на которую стало появление метономасий (μετονομασίαι) — таблиц, включающих в себя древние наименования географических объектов и их византийские соответствия. Сохранилось пять таких метономасий³³. Первая (метономасия А) была {384} составлена на рубеже XII и XIII вв. Она сопутствует тексту трактата «О фемах» Константина Багрянородного в двух рукописях XIII в. Три другие метономасии (В, С и D) — более позднего происхождения. Метономасия В, видимо, не древнее XIV в., С относится к XV в., D, вероятно, к XVI в. Текст А содержит 29 параллельных (античных и византийских) наименований, текст В повторяет 17 названий из текста А и прибавляет к ним 53 новых, метономасии С и D представляют собой сокращенные варианты В с некоторыми добавлениями. Составитель первой метономасии опирался главным образом на труды византийских авторов XI—XII вв.³⁴ В дальнейшем круг источников метономасий заметно расширился за счет использования поздневизантийских произведений. В XIV в. была предпринята попытка составления на основе произведений античных авторов самостоятельной пятой метономасии, независимой от текстов А и В. Составитель использовал данные Плутарха, Страбона, Стефана Византийского и др.³⁵ Не все предлагаемые в метономасиях топонимические параллели достоверны. Важно, однако, что эти своеобразные справочные пособия, пусть в достаточно узкой области географии, сыграли роль связующего звена между отдаленными друг от друга эпохами греческой истории: классической древностью и последними столетиями существования Византийской империи.

В Византии (как и в эпоху античности) наиболее важным в утилитарном отношении типом географических произведений были итинерарии и периплы. К сожалению, от позднего времени до нас дошло очень немного памятников этого рода. Среди них — анонимный, до сих пор не изданный и практически не исследованный итинерарий от Кипра до Тавриза, известный

³¹ «Русскому экскурсу» Халкокондила посвящены специальная монография Г. Диттена (*Ditten H. Der Russland-Excurs des Laonikos Chalkokondiles*. В., 1968), а также цитировавшаяся выше его статья, представляющая собой сокращенный вариант книги (см. примеч. 29).

³² См. подробнее: *Veselago E. B.* Известия Лаоника Халкокондила об албанцах // ВВ. 1956. Т. 10. С. 133—160; *Ditten H.* Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles. Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15. Jahrhundert u. Z.) // Klio. 1965. Т. 43—45. S. 185—246; *Idem.* Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles: Deutschlands — Exkurs // BF. 1966. Bd. 1. S. 49—75; *Idem.* Spanien und die Spanier im Spiegel der Geschichtsschreibung des byzantinischen Historikers Chalkokondyles (15. Jh.) // Helikon. 1963. Т. 3. S. 170—195.

³³ *Diller A.* Byzantine Lists of Old and New Geographical Names // BZ. 1970. B.d. 63; P. 27—42 (издание и комментарий).

³⁴ Ibid. P. 41. А. Диллер полагает, что данный текст не является оригинальным, но сам представляет собой брeвиарий более обширной метономасии.

³⁵ Ibid. P. 42.

в рукописи XV в. (Cod. Paris. gr. 1712. Col. 424)³⁶. В жанре перипла выполнен отчет о плавании из Константинополя в Сиракузы видного церковного деятеля, будущего митрополита Киевского, а позднее кардинала Исидора (1429). В строгой лаконичной манере автор сообщает о ходе путешествия, о стоянках, смене направлений ветра и т. д. По мнению Э. Патлажан, сохранившийся текст представляет собой часть не дошедшего до нас более обширного отчета о неизвестной дипломатической или церковной миссии³⁷.

К числу периплов может быть отнесено и описание самого дальнего путешествия в страны Западной Европы, когда-либо предпринятого византийцами. Некто Ласкарис Канан совершил плавание по странам Скандинавии, а вернувшись, составил его краткий очерк³⁸. Рукопись сочинения была обнаружена в 1876 г. в Вене Сп. Ламбросом. Исходя из содержания, сочинение Ласкариса Канана датируют периодом между {385} 1418 и 1448 гг. Г. Хунгер относит его ко времени Флорентийского собора³⁹.

Ласкарис Канан сообщает, что он объехал весь западный берег Европы и, войдя в Венедский залив (Балтийское море), двинулся вдоль его северного побережья. Он прошел вдоль берегов Норвегии и Швеции, повернул на Запад, миновал Ливонию, Пруссию, Померанию, Шлезвиг, Данию и Британию. Отсюда он совершил поездку в Исландию и вновь возвратился в Британию. Путешествие, совершенное Кананом, замечательно по сложности и смелости. Правда, поскольку его описание составлено с практическими целями (это пособие для моряков), оно чрезвычайно лаконично и полностью лишено личностного, авторского начала в восприятии экзотической для византийца скандинавской действительности. Интересно, однако, проследить, какие именно явления показались мореплавателю столь значимыми, что информацию о них он вопреки традициям жанра включил в перипл.

Ласкарис Канан начинает с того, что сообщает протяженность берегов и ширину Балтийского моря в итальянских и греческих милях (сведения, вполне уместные в перипле), а затем переходит к описанию побережья. С этого момента в его изложение начинают проникать известия о политическом устройстве, реже — об экономике и быте прибалтийских государств. В Норвегии, где автор посетил Берген, он отмечает отсутствие в обращении чеканной монеты (торговля здесь оставалась меновой), а также тот факт, что в течение месяца (с конца июня до конца июля) тут длится полярный день. Очевидно, византийский путешественник побывал в Норвегии именно в это, наиболее подходящее для плавания время. Говоря о Швеции, Канан указывает, что здесь, в Стокгольме, чеканится монета из нечистого серебра, а также, что Швеция, как и Норвегия, находится под властью датского короля (политическая ситуация, возникшая после Кальмарской унии 1397 г.). В Ливонии упоминаются Рига и Ревель, говорится о том, что управляет городами архиепископ, а страной — «дукс — великий магистр белых одеяний и черного креста» (α;'; ρχεται υ; 'πο; τοῦ δουκο; ζ μεγάλου μαϊστορος τω; ~ν λευκω; ~ν ε; ~νδυμάτων και; τοῦ μέλανος σταυροῦ). В Пруссии упомянут Данциг, а вслед за ним — Любек, лежащий в Стлавунии. Канан указывает, что отсюда происходят живущие на Пелопоннесе зигиоты и что на языке зигиотов говорят во многих местностях прибалтийской Стлавунии⁴⁰. Далее Канан отмечает, что в Дании есть город Копенгаген (Κοπλανάβε), являющийся резиденцией короля. Двигаясь вдоль побережья Балтики, Ласкарис Канана, по-видимому, лично побывал во всех упомянутых им портовых городах. Отдельно описана поездка в Исландию. Именно ее, по мнению Канана, имел в виду Птолемей под именем Фуле. Византиец провел там 24 дня, общался с «сильными и крепкими людьми» — «ихтиофагами». В Исландии в то время царил шестимесячный полярный день. Завершается перипл Ласкариса Канана сообщением о расстоянии в милях от Бергена до Слэйса во Фландрии и отсюда до Португалии (видимо, потому, что к северу от Португалии начинались земли, практически неизвестные византийским {386} моря-

³⁶ *Antoniadis-Bibicou H.* Sources byzantines pour servir à l'histoire maritime // Sources de l'histoire maritime en Europe du Moyen Âge au XVIIIe siècle. 4e colloque d'histoire maritime. P., 1962. P. 126.

³⁷ *Médiévales: langue, textes, histoire. Toutes les routes mènent à Byzance* / Ed. E. Patlagean. P., 1987. P. 9.

³⁸ *Laskaris Kananos.* Reseanteckninger from de nordiska länderna. Swärre Byzantinska skrifter, utgifna och kommenterade at Vilh. Lundström. Upsala; Leipsig, 1902; см. также: *Васильев А. А.* Ласкарь Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914. Здесь же — русский перевод текста (с. 4—6).

³⁹ *Hunger H.* Op. cit. Bd. 1. S. 519.

⁴⁰ По весьма правдоподобному предположению А. А. Васильева, зигиоты Пелопоннеса — это славяне, жившие с VI—VII вв. в горах Тайгета. См.: *Васильев А. А.* Указ. соч. С. 7—8.

кам). Ласкарис Канан впервые в византийской географической литературе дал самостоятельное описание морского пути по Балтийскому и Северному морям на основе собственных впечатлений. Таким образом, известия античных авторов о «Крайней Фуле» были выверены современными данными и утратили многовековую монополию в византийской географии. Нам неизвестно, совершил ли Ласкарис Канан путешествие на собственном корабле и со своей командой или (что более вероятно), оказавшись в Англии, принял участие в двух плаваниях местных моряков. Но независимо от этого странствия Ласкариса Канана и оставленный им перипл должны быть оценены как крупные явления в истории византийского мореплавания.

Особую научную проблему составляет вопрос о происхождении грекоязычных портоланов, относящихся к XVI в. и близких по форме к некоторым византийским периплам. Они составлены под явным итальянским влиянием, причем в эпоху, когда итальянские и каталонские мореплаватели действительно систематически использовали портоланы. Ввиду этого задача историков состоит в том, чтобы выяснить, следует ли объяснять возникновение греческих портоланов чистым заимствованием, или их авторы могли опираться и на какую-то собственную, византийскую традицию.

Историки, придерживающиеся последней точки зрения, чаще всего ссылаются на замечательный памятник византийского мореходного искусства — так называемый «Стадиасм, или Перипл Великого моря» (GGM. I. P. 427—514)⁴¹. Точно датировать «Стадиасм» не представляется возможным. Большинство специалистов относят его к ранневизантийскому времени (GGM. I. P. CXXVIII)⁴², некоторые — к VIII—IX вв.⁴³

«Стадиасм» — один из наиболее подробных и тщательно подготовлен- {387} ных греческих периплов. По составу содержащейся в нем информации он очень близок к портоланам. Главное свойство, отличающее «Стадиасм» от классического перипла и сближающее его с портоланами, — приводимая им характеристика основных мореходных маршрутов, начинающихся из одного порта и рассчитанных не только на каботажное, но и на дальнейшее морское плавание (например, указана протяженность 25 морских курсов от о-ва Родос, 16 — от о-ва Делос и т. д.). Второе важное обстоятельство — соответствие принятой автором «Стадиасма» единицы измерения расстояния птолемеевой географической минуте, что также не свойственно периплам. По содержанию «Стадиасм» напоминает некоторые известные грекоязычные портоланы.

Опираясь на «Стадиасм», можно утверждать, что в поздней Византии существовала собственная географическая традиция, способная стимулировать появление средиземноморских лоций типа портоланов. В пользу этой точки зрения говорят и следующие факты. Как из-

⁴¹ Памятник сохранился в единственной рукописи X в., хранящейся ныне в Мадриде и принадлежавшей в XV в. греческому гуманисту Константину Ласкарису. «Стадиасм» является подробным периплом Средиземного и Черного морей. В нем описывается побережье Северной Африки от Александрии до Геракловых столпов. Затем, вновь начиная от Александрии, автор последовательно характеризует берега Малой Азии и европейское побережье с Востока на Запад вплоть до Гадеса. Таким образом, исходной точкой для автора перипла служила Александрия, поэтому иногда считают, что он был ее уроженцем. Венчают изложение описания береговой линии островов Кипра и Крита. «Стадиасм» дошел до нас со значительными лакунами, но мы знаем, как он выглядел полностью, ибо во введении автор привел подробный план своей работы. Расстояния между отдельными населенными пунктами составитель перипла выражает в стадиях (отсюда название памятника). А. Норденшельд установил длину используемой им стадии и показал, что 10 стадий соответствуют 1 минуте, а 600 стадий — 1 градусу (Nordenskiöld A. E. *Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing-Directions*. Stockholm, 1897. P. 14). Кроме расстояний, автор сообщает много необходимых морякам сведений: о наличии в тех или иных местах портов, пристаней, гаваней и рейдов, о якорных стоянках, скалах, утесах и мелях, глубинах вблизи берега и характере берегов (пологие или крутые, лесистые или песчаные и т. д.). Указаны источники пресной воды и приметы, по которым можно их обнаружить, расположение города или гавани относительно направления господствующих ветров. Заключительные описания Кипра и Крита, возможно, не принадлежат автору основной части «Стадиасма», а представляют собой отдельные периплы, компилятивно к ней присоединенные.

⁴² Например, к IV—V вв. См.: Nordenskiöld A. E. *Op. cit.* P. 10. Впрочем, К. Кречмер полагал, что «Стадиасм» возник, «вероятно, позднее IV—V вв.». См.: Kretschmer K. *Die italienischen Portolane des Mittelalters. Ein Beitrag zur Geschichte der Kartographie und Nautik*. B., 1909. S. 159—163.

⁴³ См.: Чудиновских Э. И. Греческие портуланы как источник по истории торговых путей Центрального и Восточного Средиземноморья XV—XVI вв. // АДСВ. 1965. Т. 3. С. 74.

вестно, итальянские и каталонские портоланы снабжались морскими картами, также именованными портоланами. Немецкий исследователь Г. Вагнер показал, что карты-портоланы построены на использовании не обычной итальянской морской мили (ок. 4850 футов), а более короткой греческой (ок. 4150 футов). Кроме того, для портоланов характерен ряд неточностей в ориентации географических объектов, восходящих к «Географии» Птолемея, которая не была известна в Западной Европе вплоть до XV в. Эти факты позволили Г. Вагнеру заключить, что в основе западных карт-портоланов лежат не сохранившиеся до нашего времени византийские образцы⁴⁴. Изучив западноевропейские портоланы, Р. Тули пришел к выводу, что прототипами их карт являются карты Марина Тирского, сохранные с некоторыми изменениями в византийских копиях⁴⁵.

Вместе с тем несомненно, что в основу дошедших до нашего времени греческих портоланов легли некоторые итальянские портоланы и итальянские же географические сочинения. Особую роль в качестве источника сведений по кораблевождению в Архипелаге (острова Эгейды) играла «Книга островов» («*Liber insularum*») итальянского географа Кристофоро Буондельмонти, переведенная на греческий язык в XV в.⁴⁶

Таким образом, тесная взаимосвязь итальянских и позднегреческих портоланов не вызывает сомнений и в их возникновении сыграли роль как западные, так и византийские географические традиции. Можно предполагать, что портоланы существовали и в эпоху Византийской империи, хотя их сохранившиеся образцы относятся ко времени не ранее начала XVI в. Известны восемь греческих портоланов XVI столетия: из них семь оригинальных (хотя и со следами итальянского влияния), восьмой представляет собой перевод итальянского портолана.

Очень подробный портолан I (по нумерации издателя) описывает Восточное Средиземноморье «От Венеции до Карамании» (южный берег Малой Азии) (*Delatte. Portul. I. P. 1—184*). Последовательно характеризуются береговая линия, порты, гавани, мореходные маршруты на пути из Венеции — вдоль Далмации, Албании, Ионических островов, Мореи, Крита, Кипра и островов Архипелага, Египта, Палестины, Сирии — в Малую Азию. Все расстояния даются в греческих морских милях. В некоторых рукописях к портолану присоединен перипл, охватывающий побережье Греции, Македонии, Фракии, Мраморного и Черного морей.

Портолан II (*Ibid. P. 185—258*) описывает тоже восточную часть Средиземноморья и в ряде случаев дословно совпадает с первым; иногда, однако, предлагаются другие мореходные маршруты. Исходным пунктом выступает Венеция, затем описывается побережье Греции, Мраморного и Черного морей. Охватывающий приблизительно ту же часть побережья Средиземноморского бассейна портолан III совершенно независим от двух первых (*Ibid. P. 259—307*). При этом он обнаруживает совпадения с некоторыми фрагментами итальянского портолана Пьетро де Версиса, причем оба они зависят от неизвестного общего источника.

Портолан IV (*Ibid. P. 308—318*) дает описание маршрута, по которому мореплаватели могли пересечь Средиземное море; портолан V (*Ibid. P. 319—334*) характеризует побережье Италии и зависит от соответствующих итальянских памятников; портолан VI (*Ibid. P. 339—362*) содержит описание Мраморного моря; портолан VII (*Ibid. P. 339—362*) — характеристику Африканского побережья от Египта до Марокко. Наконец, портолан VIII (*Ibid.*) представляет собой перевод той части портолана Пьетро ди Версиса, где говорится о побережье Атлантики. Существование этого греческого перевода можно расценить как косвенное указание на то, что в поздневизантийский период греческие мореплаватели — преемники Ласкариса Канана — совершали путешествия за Геракловы столпы.

Грекоязычные портоланы свидетельствуют об усвоении греческими мореплавателями навигационного искусства латинян. По профессиональным параметрам они не уступают итальянским. Являясь плодом итало-греческого взаимовлияния, они в то же время вполне логично венчают византийскую традицию составления лоций и периплов и в этом плане могут рассматриваться как одно из последних порождений византийской географической мысли⁴⁷.

⁴⁴ *Wagner H. The Origin of the Medieval Italian Nautical Charts // Reports of the Sixth International Geographical Congress. L., 1966. P. 698, 700, 702.*

⁴⁵ *Tooley R. V. Maps and Map-Makers. L.; N. Y.; Toronto; Sydney, 1949. P. 15.*

⁴⁶ *Luzzati Lagana F. Sur les mers grecques: un voyageur florentin du XVe siècle, Cristoforo Buondelmonti // Medievales... P. 67—78.*

⁴⁷ На этом основании их характеристику включает в свой труд Г. Хунгер (*Hunger H. Op. cit. Bd. I. S. 526*).

В XIII—XV вв. дальнейшее развитие получает популярный в Византии жанр «итинерарий паломника» (проскинитарий). Тогда как от всего предшествующего периода до нас дошло лишь два собственно византийских паломнических итинерария (Епифания Агиополита и Иоанна Фоки), поздневизантийская эпоха оставила в этой области обширное наследие. Первый сохранившийся итинерарий поздневизантийского паломника — анонимный «Краткий рассказ о святых местах Иерусалимских и о страстях Господа нашего Иисуса Христа», написанный в середине XIII в.⁴⁸ В единственной известной рукописи «Краткого рассказа» начало текста утрачено. В своем нынешнем виде описание пути паломника в Иерусалим начинается от Дамаска. Бегло описываются путь до Тивериадского озера, гора Фавор, {389} крепость Севак в Самарии, а далее довольно подробно — окрестности Иерусалима. Затем автор переходит к рассказу о реликвиях самого Иерусалима — начиная от Гроба Господня и кончая местом, где матерью императора Константина I Еленой был найден крест-распятие. После этого описывается дорога из Иерусалима на Синай и далее в Египет. Завершается изложение хронологической таблицей человеческой истории. Памятник весьма отчетливо делится на несколько самостоятельных частей. Его ядро составляет путеводитель по Иерусалиму. До и после него помещен итинерарий в собственном смысле слова — с указанием маршрута и расстояний в днях пути от одного места до другого. Когда путь составляет менее одного дня, описание тех или иных достопримечательностей вводится сочетанием «там вблизи». Манера изложения — сухая, деловая, строгая; автора интересуют только христианские святыни, причем и о них говорится спокойно и бесстрастно, без какой-либо экзальтации. Хронологический экскурс в конце рассказа никак не связан с основным текстом и в других памятниках этого жанра не встречается.

Следующий по времени текст в ряду записок византийских паломников относится к концу XIV в. Его рукопись была обнаружена А. И. Пападопуло-Керамевсом в библиотеке Иерусалимской патриархии в 1887—1888 гг. Анонимный, лишенный окончания памятник представляет собой подробный путеводитель по Иерусалиму и Палестине. Автор четко определяет задачу предлагаемого читателю сочинения: «Если вы желаете или, лучше сказать, любите слышать описание Святого града Иерусалима и всей Палестины и находящихся там Божественных мест поклонения, то послушайте мое описание, ибо я сам видел и очень долго жил в той стране. Итак, чтобы и вы это увидели — скажу...»⁴⁹ Говоря о достопримечательностях Иерусалима, рассказчик обильно цитирует Библию, однажды ссылается на Иоанна Дамаскина. Разумеется, в центре его внимания — «святые места», но в связи с ними он говорит и о явлениях, имеющих не только сакральное значение. Так, например, он сообщает, представителям каких христианских толков («ромеям», «латинам», «ивирам», «армянам», «яковитам», «несторианам») принадлежат те или иные христианские святыни; приводит полностью надпись на стене вифлеемского храма, из коей следует, что храм был украшен мозаикой в годы правления Мануила I Комнина, и т. д. В сохранившейся части памятника, кроме описания самого Иерусалима, содержатся рассказ о пути из Иерусалима в Вифлеем и отрывок описания Вифлеема. Примерно в это же время, в конце XIV в., протонотарий эфесской митрополии Пердика составил свой стихотворный путеводитель по Иерусалиму⁵⁰. Автор, писавший в Константинополе (где постоянно проживал в конце XIV в. эфесский митрополит), выбрал для рассказа о «Святом Граде» форму экфрасиса. Он говорит об Иерусалиме эмоционально, с пафосом, текст поэмы пронизан эффектными метафорами. Часто с го- {390} рстным чувством вспоминает автор

Файл byz3_391.jpg

Руины ипподрома в Константинополе. Ок. 1450 г.

о том, что Палестина находится в руках мусульман: «...храм, обладаемый язычниками, изукрашенный великолепными строениями и колоннами, а подле их — мечеть! о горе!»; «гроб во истину преставившейся Девы Богородицы, обладаемый, как и другие местности, нечестивцами

⁴⁸ Краткий рассказ о святых местах Иерусалимских и о страстях Господа нашего Иисуса Христа и о других Безымянного, написанный в 1253/4 г. / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Пер. Г. С. Дестуниса // ППС. СПб., 1895. Т. XIV, вып. 1.

⁴⁹ Описание святых мест Безымянного конца XIV века (Ἐκωνόμου περιγραφῆ; τῶν ἁγίων τόπων) / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Пер. Г. С. Дестуниса // ППС. СПб., 1890. Т. IX, вып. 2. С. 1.

⁵⁰ Описание в стихах иерусалимских господних чудес и достопримечательностей, составленное эфесским протонотарием Пердикую XIV века / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Пер. Г. С. Дестуниса // ППС. СПб., 1890. Т. X, вып. 2. До Пападопуло-Керамевса «Описание...» относили к XIII в.

— о приговор!» И в то же время, несмотря на своеобразную форму и эмоциональную окрашенность, экфрасис Пердики — настоящий путеводитель по городу, не уступающий прозаическим образцам жанра. Описание «святых мест» последовательно, логично, достаточно подробно, не забыта ни одна сколько-нибудь популярная «священная» достопримечательность. Вслед за рассказом об Иерусалиме говорится о его окрестностях, а затем (как и в охарактеризованном выше прозаическом итинерарии) о дороге в Вифлеем и самом Вифлееме. Таким образом, Пердике удалось создать произведение, удачно сочетающее высокие художественные и утилитарные качества ⁵¹.

От XV в. мы располагаем тремя текстами, содержащими описание «Святой Земли». Первый — «Рассказ о Иерусалиме и Св. Горе Синае» — был найден в рукописи XV в. в библиотеке монастыря св. Дионисия на Афоне ⁵². Рассказ этот представляет собой очерк путешествия в Иеру- {391} салим, совершенного, вероятно, жителем Константинополя (в тексте присутствуют сравнения Иерусалима с Константинополем, храма Воскресения с храмом св. Софии). Паломник сошел на берег в Яффе и через Рамлу и Лидду пешком прибыл в Иерусалим. Отсюда, через Вифлеем, он отправился к Иордану. Абзац об Иордане завершает первую часть памятника, а сразу за ним следует «Рассказ о Египте и Синае». Как путешественник попал в Египет, не говорится. В Египте паломник поднялся по Нилу до Кария, оттуда вышел на берег Красного моря, переправился на восточный берег в Раифу и наконец прибыл на Синай. Автор «Рассказа об Иерусалиме и Св. Горе Синае» — человек наблюдательный и любознательный. Его интересует многое из того, что обычно не попадает в записки паломников. Так, он отводит большое место пейзажу, описывает местоположение Иерусалима, отмечает, где и какие выращиваются фрукты, каковы берега у реки Иордан и много ли в нем рыбы и т. д. В Иерусалиме его внимание привлекают мастерские и крытый рынок, в Египте поражают пирамиды, причем он сообщает две равноценные (с его точки зрения) версии их происхождения (пирамиды — либо амбары Иосифа, либо гробницы древних царей). Памятник несет на себе печать личных впечатлений писателя, не зависящего от жанровых литературных стереотипов. Автор писал на основе собственного опыта и, возможно, не был знаком с другими описаниями «Святой Земли». Вследствие этого в «Рассказе» были зафиксированы некоторые подробности исторической географии Палестины и Синая, отсутствующие в иных источниках.

К XV в. относится небольшой проскинитарий «Описание мест, вне Крита находящихся» ⁵³. Он составлен для пилигримов, отправляющихся с Крита, и содержит описание пути от Ситии на Крите в Египет, далее от Каира на Синай, оттуда в Иерусалим и в Вифлеем. Синай и Иерусалим характеризуются автором подробно, все остальное — очень бегло. В целом спокойный, насыщенный информацией рассказ местами внезапно прерывается воплями отчаяния и недоумения (по поводу того, что святые находятся в руках у неверных) или восклицаниями восхищения (там, где говорится об убранстве христианских храмов). При их характеристике итинерарий приобретает черты экфрасиса.

Наконец, третий принадлежащий к XV в. памятник — это «Душеспасительный рассказ о Святом Гробе» ⁵⁴. Как и большинство прочих, он анонимен и точно не датирован. А. И. Пападопуло-Керамевс считает, что этот рассказ создан в Константинополе во второй половине XV в. Независимо от того, верна ли данная датировка, памятник заслуживает характеристики ввиду весьма важного обстоятельства: он как бы концентрирует в себе основные черты других произведений такого типа. Это законченный, полностью сохранившийся путеводитель по Иерусалиму и Синаю. Изложение материала ведется по определенной схеме, в большей или меньшей степени характерной для большинства памятников, о которых говорилось выше. Здесь, однако, она реализована целиком с весьма незначительными добавлениями и модуляциями.

Схема такова. В начале текста следует обращение к читателю («желающему узнать о Св. Граде Иерусалиме и Земле Обетованной» — ср. про- {392} заический проскинитарий конца

⁵¹ От XIV столетия сохранилось также описание путешествия в Святую Землю протатавулярия Андрея Ливадина из Трапезунда. О нем и его сочинениях см. гл. «Культура Трапезундской империи».

⁵² См.: Восемь греческих описаний святых мест XIV, XV и XVI вв. / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Рус. пер. П. В. Безобразова // ППС. СПб., 1903. Т. XIX, вып. 2. С. 1—16, 141—161.

⁵³ Там же. С. 17—21, 157—161.

⁵⁴ Там же. С. 22—38, 162—178.

XIV в). Далее идет описание Иерусалима. Оно начинается с Храма Гроба Господня (как и в других записках пилигримов, за исключением рукописи из монастыря св. Дионисия). Описывается главный храм, Голгофа, храм с гробницей Мельхиседека, столп, у которого бичевали Христа, место обретения Креста Господня и колоколя. Затем — Святая Святых, дом Иоакима и Анны, Овчая купель, дом Пилата, дом Кайафы и Преторий. За пределами иерусалимских стен — крепость, или Домы царя Давида, затем — гора Сионская, колодец Иакова, Силоамская купель, гроб Иакова и место самоубийства Иуды, Гефсимания с храмом Богородицы, Елеонская гора (место Вознесения Христова) и Кана Галилейская. Далее — Вифания, дорога в Иерихон и Иордан. Другая дорога из Иерусалима, мимо монастыря св. Саввы, ведет в Вифлеем. Здесь особенно детально рассказывается о главном вифлеемском храме. Следует описание Синая: монастырь св. Екатерины, церкви, гора Законная с многочисленными кафисмами. Наконец, говорится о г. Раифа с монастырем Предтечи.

Данная схема вырабатывалась на протяжении всего поздневизантийского периода. Более жесткая при характеристике Иерусалима и Синая, в иных случаях допускающая варианты, она, конечно, явилась фактом не только чисто литературной жизни. Очевидно, в эти столетия сложился достаточно четкий стереотип поведения паломника в Святой Земле и было заранее известно, что и в каком порядке следует смотреть. Но если говорить о жанре «проскинитариев», то в его рамках к XV в. сформировались два стандартных путеводителя — по Иерусалиму и по Синаю. Их элементы, повсеместно встречаются в памятниках более ранних, чем «Душеспасительный рассказ», и полностью содержатся в самом «Душеспасительном рассказе»; под их влиянием находятся памятники более поздние, а таковых немало (среди них — еще одно произведение, появившееся в XV в.: «Путешествие по Святым местам Даниила, митрополита Эфесского», не менее восьми анонимных греческих описаний «Святой Земли» и Синая, созданных в XVI в., ряд описаний XVII в.). Под несомненным византийским воздействием уже в XIII—XV вв. создаются славянские итинерарии пилигримов, в том числе рассказ о путешествиях св. Саввы, архиепископа сербского (вторая четверть XIII в.), русское «Хождение архимандрита Агрефенья» (70-е годы XIV в.). Отмечу, что в «Хождение» включен итинерарий классического типа — перечень населенных пунктов от Москвы до Синая с расстояниями между ними. Этот же итинерарий с некоторыми изменениями составляет самостоятельное произведение, известное как «Сказание Епифания Мниха о пути к Иерусалиму». Оба текста в своей византийской части основаны на греческих итинерариях паломников⁵⁵. Дошедшие до нашего времени болгарские проскинитарии для путешествующих в Палестину — «Слово о местах святых еже в Ерусалиме», сохранившиеся в Бдинском сборнике 1360 г.⁵⁶ и «Описание святых {393} мест в Палестине», приписываемое Константину Костенечскому⁵⁷, — также опираются на греческие прототипы (впрочем, до сих пор не обнаруженные)⁵⁸. Использовал греческие итинерарии и диакон Арсений Солунский, болгарин по происхождению, описавший в XIV в. свое паломничество в «Святую Землю»⁵⁹.

Итак, итогом развития жанра проскинитариев в XIII—XV вв. стала выработка четкого стереотипа описания «Святой Земли», зафиксированного в значительной группе памятников и оказавшего влияние на дальнейшую литературную традицию как в Греции, так и за ее пределами.

В последний период своей эволюции византийская географическая мысль продолжала двигаться по пути, проложенному в предшествующие эпохи. При этом, как и прежде, перед византийской географией стояли две главные цели: сохранение античного наследия и удовлетворение конкретных, практических потребностей общества в достоверной географической информации. Стремясь к достижению первой цели, византийцы изучали Птолема и Страбона,

⁵⁵ См.: Хождение архимандрита Агрефенья обители Пресвятыя Богородицы / Под ред. арх. Леонида // ППС. СПб., 1896. Т. XVI, вып. 3. С. 1—2; Сказания Епифания Мниха о пути к Иерусалиму / Под ред. арх. Леонида // ПСС. СПб., 1887. Т. V, вып. 3. С. 1—6.

⁵⁶ Bdiniski sbornik. An Old Slavonic Menologium of Women Saints (Gent University Library. Ms. 408 A. D. 1360) / Ed. J. L. Scharpé, F. Vyncke. Intr. E. Voordecker. Bruges, 1973. P. 235—242.

⁵⁷ Оно представляет собой одно из приложений к его «Отрывкам по космографии и географии». Сохранилось в Ловчанском сборнике XVI в. См.: Ангелов Б. Из старата българска, руска и сръбска литература. С., 1967. Кн. 2. С. 194—196.

⁵⁸ См.: Чолова Цв. Естественонаучните знания в средновековна България. С., 1988. С. 228—230.

⁵⁹ См.: Адрианова В. П. Хождение Арсения Солунского // ИОРЯС. 1919. Т. XVIII, вып. С. 195—224.

составляли на основе их произведений хрестоматии и схолии, тиражировали в учебно-дидактических сочинениях и энциклопедических компендиях традиционные сведения о геоцентрической системе мироздания, климатических зонах и часовых поясах. В русле этого направления в поздневизантийскую эпоху оформился жанр метономасий, были составлены хрестоматии, парафразы и эпитомы произведений древних авторов. В сфере практической географии, на пересечении византийских и западноевропейских культурных влияний, появились портоланы, ставшие в позднее средневековье равно необходимыми как для итальянских, так и для греческих мореплавателей. Достиг расцвета жанр паломнического итинерария, в рамках которого составила четкая схема описания «священных» достопримечательностей Палестины и Синая. В XIII—XV вв. географический кругозор византийцев расширился благодаря включению в него данных о Северной Европе и Руси. Это были современные сведения, почерпнутые у латинян и москвитов или самостоятельно приобретенные византийцами в ходе путешествий в другие страны и заменившие наконец в византийской книжности устаревшие описания античных авторов. Уникальным в византийской географической литературе является отчет об одном из таких путешествий — странствии Ласкариса Канана. В поздневизантийский период греки обогатили гуманистическую научную мысль античным географическим знанием. Исключительное значение для европейской картографии имело издание в Италии по переводу византийской рукописи птолемеевского атласа мира. Поздневизантийская паломническая литература оказала влияние на формирование соответствующего жанра в славянских странах и на Руси. Наконец, у себя на родине византийское географическое наследие было включено в культуру греческого народа, которая продолжала развиваться в условиях османского ига, опираясь на традиции прежних эпох. {394}

17

Школа и образование в поздней Византии

Культурный расцвет в Византии, получивший название Палеологовского ренессанса, уходит своими корнями в Никейскую империю. Здесь, за пределами Константинополя, появилось поколение византийских ученых, которому суждено было после реставрации столицы в 1261 г. восстановить ее былую славу одного из крупнейших центров средневековой образованности.

Палеологовский период богат письменными памятниками, позволяющими раскрыть многие стороны духовной жизни поздневизантийского общества, однако все эти памятники крайне скудны свидетельствами, касающимися истории образования. Информация византийских авторов, как правило, фрагментарна, и часто приходится довольствоваться лишь косвенными сведениями.

Начальное обучение — изучение основ грамоты, письма и счета, — не требовавшее от учителя высокой квалификации, оставалось традиционным, мало меняясь на протяжении столетий. Поэтому в данной главе нас будут интересовать особенности более высокой ступени образованности, отразившей своеобразие культуры поздневизантийского общества.

Первые шаги в возобновлении высшего образования в столице связаны с именем великого логофета Георгия Акрополита. Как пишет его ученик, будущий патриарх Григорий Кипрский, Акрополит был тогда более других умудрен в науках и благоразумный император освободил ученого от государственных забот, повелев помогать желающим в качестве учителя (PG. T. 142. Col. 25). Итак, вскоре после отвоевания столицы здесь была восстановлена высшая школа. Акрополит возглавлял ее около десятка лет, до поездки на Лионский собор в 1274 г., где он представлял интересы императора. Острая внутривизантийская борьба по вопросу унии церквей не оставила в стороне и высшую школу: в декабре 1266 г. Акрополит был обвинен в наказании сторонников патриарха Арсения, а в начале 1283 г. большинство его сочинений бы-

ло сожжено противниками унии¹. Так современные исследователи лишились важной информации, которая могла бы пролить свет на организацию первого высшего учебного заведения Палеологов. Остались не известными ни местоположение этого учреждения, ни имена учителей.

Тем не менее сообщения Григория Кипрского, обучавшегося около семи лет в школе Акрополита, позволяют уточнить некоторые детали. {395} Несмотря на страстное желание учиться, Григорий был принят в школу лишь через несколько лет после ее открытия (примерно в 1266—1267 гг.). Причиной тому могли быть два обстоятельства — либо он не имел достаточной подготовки, либо только к тому времени приобрел статус мелкого чиновника, необходимый для того, чтобы стать слушателем школы. Иначе говоря, доступ в это высшее учебное заведение, находящееся на государственном содержании, не был свободным и в нем велась подготовка главным образом высших чиновников.

Курс обучения начинался с основ силлогистики и аналитики, затем следовали занятия по риторике. Широкое образование Акрополита, одного из учеников Никифора Влеммида, позволило ему включить в программу труды Аристотеля, Евклида, Никомаха. Григорий Кипрский отмечает, что даже названия предметов, которые преподавал его учитель, были неизвестны современникам. Акрополит не придерживался традиционной последовательности, изучая основы аристотелевской логики раньше риторики, хотя и ей отводилось важное место в обучении. Школьные традиции в преподавании риторики мало изменились на протяжении веков. По-прежнему пользовались учебниками Афтония и Гермогена, созданными еще в период эллинизма, а среди риторических упражнений, как и раньше, центральное место занимали прогимнасы.

Григорий признается, что риторика давалась ему нелегко. Слабая подготовка вызывала насмешки товарищей, и задетое самолюбие побудило его основательно заняться риторическими упражнениями. С гордостью он сообщает, что в учителя себе он выбрал не тех, кто искажил, что есть хорошего в риторике, аттического, священного и истинно эллинского, — нет, он выбрал себе в учителя знаменитейших из древних риториков (PG. T. 142. Col. 28). Современники не раз отмечали изысканный слог патриарха.

Закончив школу Акрополита, Григорий Кипрский сам занялся преподаванием. Видимо, он отбирал для обучения наиболее способных молодых людей. Например, отказав своему другу Неокесариту, который рекомендовал ему родственника как многообещающего юношу, Григорий сообщает, что не испытывает угрызений совести, ведь ни познания, ни умственные способности молодого человека не соответствуют его требованиям².

Из переписки Григория с Иоанном Педиасимом, его бывшим товарищем по учебе, можно судить о предметах, которым обучал Григорий. Педиасим посылает из Охрида в столицу своего ученика Дукопула для завершения образования у Григория Кипрского. Григорий нашел его хорошо подготовленным в грамматике, поэтике, риторике, силлогистике и геометрии и заключил, что ничему больше обучить его не может.

Особое значение имели занятия Григория Кипрского риторикой, составлявшей во все времена основу византийского образования. В правление Михаила VIII ее значение особенно возросло. Борьба вокруг унии, находившаяся в центре политики, помимо знания богословия, требовала хорошего слога и убедительного пера. Красноречие облегчало карьеру, приносило уважение и славу. Понятно, почему этому искусству уделялось так много внимания. Хотя традиции в обучении риторике были сильны, Григорий выходил за рамки принятых стандартов. Далеко не полный {396} перечень его сочинений (басни, рассказы, энкомии, написанные для учебных целей по модели прогимнаса Афтония) сохранился до нашего времени. Труды Григория дают представление о методах его работы, систематичности занятий, интересе к языку и древним текстам. Помимо учебников Афтония и Гермогена, он использовал речи Демосфена, Ливания, труды Платона, Элия Аристида и даже собранную им коллекцию пословиц. Изучение риторики не только по схолиастам, но и по оригинальным текстам, подбор которых также выходил за рамки принятой традиции, было новшеством в византийской школе.

¹ *Constantinides C. N. Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204—ca. 1310). Nicosia, 1982. P. 34.*

² *Ibid. P. 38.*

Сочинения Григория были хорошо известны и следующим поколениям византийских интеллектуалов. В XIV в. их использовал Георгий Лакапин, Андрей Лопадий включил письма Григория Кипрского в свою компиляцию, часть писем вошла в антологию текстов из классической греческой и византийской литературы, подготовленную Макарием Хрисокефалом³. Никифор Григора, Никифор Хумн, Геннадий Схolariй выделяли Григория как замечательного знатока аттического стиля, пришедшего ранее в упадок. Разработанная им техника критики текста получила дальнейшее развитие в трудах Максима Плануда, Мануила Мосхопула, Фомы Магистра, Димитрия Триклиния. Продолжая традиции Акрополита, Григорий Кипрский воспитал целое поколение византийских интеллектуалов, привив им любовь к знанию и учености в истинном смысле этого слова. Многие из них заняли высокие посты в государстве и церкви: великий логофет Феодор Музалон, патриарх Иоанн Глика, Никифор Хумн, Мануил Неокесарит, Калоида — лишь немногие известные нам имена.

В правление Андроника II (1282—1328) Константинополь вновь становится крупнейшим византийским культурным центром. Феодор Иртакин писал в 1320 г. своему другу Луки-ту: «Я славлю богатейший науками и золотом город императора Константина, счастливейший из городов всей земли, царицу и мать городов, породившую и вскормившую риториков, философов, особенно же — превосходных астрономов»⁴. Прибывший в столицу из Фессалоники известный ритор Фома Магистр посетил уроки своего друга Иосифа Ракендита, а среди достопримечательностей города особенно выделил школы (γυμνάσια καὶ μούσεία)⁵.

Важное место в поздневизантийской системе образования принадлежало общественным и частным школам. Они открывались не только в Константинополе, но и в других крупных городах империи. В Фессалонике, к примеру, такие школы могли открывать и греки, и иностранцы⁶. Среди столичных учреждений славилась школа Максима Плануда. Плануд начал свою карьеру на поприще гражданской службы. После 1283 г. он принял постриг, отстранился от мирских дел и полностью посвятил себя преподаванию и наукам. Со временем он стал эрудированным ученым, новатором во многих отраслях знаний. Его школа в конце XIII в. приобрела репутацию лучшей в столице. {397}

Многие исследователи полагают, что школа Плануда располагалась в монастыре Хоры. В работе Константинидиса это предположение подвергнуто убедительной критике⁷. Деятельность Плануда была связана не только с Хорой, но и с рядом других монастырей, и прежде всего с монастырем Акаталипта. Плануд жил и преподавал здесь по меньшей мере с сентября 1299 г. (об этом свидетельствует его помета в cod. Marc. gr. 481, f. 122v). Существование высшей школы в монастыре Акаталипта засвидетельствовано уже в 1270 г. Здесь преподавал Григорий Кипрский, одним из учителей риторики около 1280 г. здесь стал, видимо, и Плануд. Несмотря на то что сам он, как и многие из учителей, принадлежал к монашеской братии, школа была общественной. Монастырь располагал богатой, хотя и запущенной библиотекой, которая была собственностью императорской фамилии и использовалась для нужд школы⁸. Популярность школы была так велика, что вскоре она оказалась не в состоянии принять всех желающих. Вероятно, Плануд производил отбор кандидатов и принимал лишь хорошо подготовленных из них. Так, он вынужден был отказать даже ученику, направленному к нему патриархом Иоанном Гликой, надеясь принять его в ближайшем будущем, когда юноша закончит предварительный курс у другого учителя (*Planud*. Ep. P. 40).

Педагогическую деятельность Максима Плануда иллюстрируют его сочинения — многие из них написаны специально для использования в школе. Они позволяют представить себе огромную работу, проделанную Планудом для усовершенствования обучения. Пересмотру подверглись практически все школьные дисциплины и учебники, которыми пользовались в школе не одно поколение учителей. Плануд создал новый учебник по грамматике, сочинение о синтаксисе греческого языка. Основательную редакцию претерпел и *Corpus rhetoricum*, пред-

³ Ibid. P. 47—48.

⁴ *Théodore l'Hyrtacénien*. Opuscules et les lettres anecdotes / Ed. F. J. la Porte du Theil // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, et autres bibliothèques. P., 1800. T. VI. P. 34.

⁵ *Treu M.* Die Gesandtschaftsreise des Rhetors Theodulos Magistros // *Jahrbücher f. klass. Philologie*, 1902. Bd. 28. S. 10.

⁶ *Tafrafi O.* Thessalonique au XIVe siècle. P., 1913. P. 163.

⁷ *Constantinides C. N.* Op. cit. P. 68—70.

⁸ *Wendel C.* Maximus Planudes // *RE*. 1950. Bd. XX. Col. 2207.

ставлявший собрание эксцерптов для школьного обучения. В него входили фрагменты парадоксографического, философского, этимологического содержания, отрывки из сочинений Синесия и церковных авторов. Плануд был тонким знатоком и ценителем греческой литературы. Высокая требовательность к качеству текста, пусть даже учебного, заставляла его постоянно заниматься поисками древних рукописей, редакцией и комментированием античных авторов.

В конце 1280-х—начале 1290-х годов Плануд обратился к обстоятельному изучению математических наук. Предметы квадривиума заняли важное место в программе обучения. Для нужд своей школы он создал учебник по математике, используя новую для византийцев индийскую систему цифрового обозначения. В качестве учебника использовалась и «Арифметика» Диофанта — Плануд написал подробный комментарий к первым двум ее книгам, которые, видимо, соответствовали учебному плану школы. В основу комментария была положена лучшая традиция текста, представленная найденными Планудом древними рукописями⁹. Для обучения астрономии обращались к сочинению Арата «Явления». Плануд внес в него поправки, опираясь на Птолемея, и сопроводил свою редакцию «Явлений» схолиями, используя комментарий Феона Алек-{398}сандрийского. Гармония также не осталась без внимания ученого

Файл byz3_399.jpg

Успение Богородицы. Ок. 1316—1321 гг.

Стамбул, Кахрие Дjami.

Мозаика в северной части внешнего нарфика

монаха. В письмах он пишет о сочинении «Гармония», в котором собрал и отредактировал важнейшие тексты древних авторов о музыке, своего рода *corpus musicum*. К сожалению, этот труд Плануда был утрачен еще при жизни автора.

Несомненно, для учебных целей Плануд подготовил работу по географии. После долгих поисков ему удалось найти рукопись «Географии» Птолемея. Это событие так взволновало Плануда, что он написал стихи, {399} выразив в них радость в связи с возвращением труда александрийского географа после длительного периода забвения. Изучение рукописной традиции «Географии» свидетельствует, что большинство ее древнейших списков написано в окружении Плануда. Эти списки, кроме того, содержат старейшую из сохранившихся карт Птолемея, реконструкция которых, возможно, принадлежит Плануду¹⁰.

Существенное место в программе планудовской школы отводилось медицине. С XIII в. она прочно вошла в круг предметов, изучаемых в высшей школе (напомним, что уже в начале века Никифор Влеммид, сам сын врача, основательно изучил медицину, занимался практикой и обучал этой науке учеников). В палеологовское время византийская медицина достигла замечательных успехов. Этому способствовала, видимо, и ее популярность в высшей школе. Если раньше специальную подготовку в этой области можно было получить, лишь обратившись в больницы, при которых существовали медицинские школы, то в конце XIII — начале XIV в. медицина стала одной из полноправных дисциплин высшей школы. Так, в школе Плануда учился, а затем преподавал Меркурий, известный как автор сочинения «О пульсе». Ее закончил Иоанн Захария Актуарий, ставший впоследствии крупнейшим медиком.

Отличительной особенностью образованности Максима Плануда было хорошее знание латинского языка и литературы, что в то время встречалось нечасто. Его переводы, благодаря которым греческий Восток впервые близко познакомился с сочинениями Овидия, Катона, Макробия, Боэция, Августина, произвели большое впечатление на современников. Трудно сказать, где и каким образом овладел латинским языком Максим Плануд, однако на рубеже XIII—XIV вв. его учебное заведение было, видимо, единственным, где слушатели имели возможность этот язык изучать.

Школа Плануда была значительным явлением в культурной жизни палеологовского времени. Многие из ее выпускников стали видными государственными деятелями, учеными. Среди них известны Андроник и Иоанн Зариды, грамматик Георгий Лакапин и Мануил Мосхопул, медик Иоанн Актуарий. Почтение, которое вызывал у своих учеников Максим Плануд, было связано не только с большими и разносторонними познаниями этого замечательного педагога, но и с его располагающим характером. Плануд состоял в переписке со многими из об-

⁹ Ibid. Col. 2228.

¹⁰ Diller A. The Oldest Manuscripts of Ptolemaic Maps // ТАРА. 1940. Т. 71. Р. 62—67.

разованных современников, заслужив из их уст самую высокую похвалу. Истинно гуманистическими можно назвать его отношение к книге, поиски древних текстов, филологические занятия. Принадлежащие перу Плануда схолии к Фукидиду, Плутарху, Филострату, Эзопу и многим другим авторам позволяют причислить его к выдающимся филологам своего времени, о которых несколько столетий спустя писал Виламовиц: «Этих византийцев следует рассматривать не как писцов, а как исправителей текста. Они не коллеги прилежных тупых монахов, старательно копировавших то, что они не только не понимали, но полагали, что это невозможно понять, они — наши коллеги»¹¹. Плануд принадлежал к плеяде интеллектуалов палеологовского времени, которые начали интенсивное и систематическое изучение всех областей классического греческого наследия — литературного, философского, научного. {400}

Получить высшее образование можно было и у частных учителей. В конце XIII в. в качестве учителя поэзии и риторики был известен Иалеас. Великий логофет Феодор Музалон выплачивал ему жалованье из государственной казны. В то же время одну из школ возглавлял Халкоматопул. Благодаря протекции Никифора Хумна он также получал государственное жалованье.

Гораздо больше сведений сохранилось о Феодоре Иртакине (начало XIV в.). Он был учителем поэзии и риторики. Школа Иртакина имела, видимо, хорошую репутацию — многие чиновники и ученые направляли к нему своих детей. Его учениками были сын Феодора Метохита Никифор, сын Иоанна Глика Василий, Константин Лукит, Алексей Апокавк. Письма Иртакина живо представляют некоторые стороны его жизни. Например, он часто обращается с просьбой о материальной поддержке то к высшим чиновникам, то к бывшим ученикам, а то и к самому императору Андронику II, вероятно знавшему и ценившему Иртакина: Феодор сообщает о коне и одежде, полученных в дар от императора, о пронии, обещанной ему в городе Нимфее. Последнее, кажется, так и осталось обещанием, да и жалованье учителю выплачивали нерегулярно. Ученики же не оставляли, вероятно, его просьбы без внимания. Известно, что Лукит послал ему одежду и 12 золотых монет, попросив взамен копию Одиссеи¹².

Какое-то время (до патриаршества) риторику преподавал Иоанн Глика, помимо выполнения своих обязанностей на государственной службе. Известными учителями стали ученики Плануда Георгий Лакапин и Мануил Мосхопул. С учебными сочинениями Лакапина были знакомы итальянские гуманисты. Франческо Филельфо упоминает о них в письмах, а в 1515 г. они были изданы во Флоренции.

Мануил Мосхопул стал давать первые уроки ок. 1290 г. еще в школе Плануда, будучи его учеником. Он преподавал здесь, видимо, до самой смерти учителя. Среди многих созданных им учебников наибольшую популярность приобрела грамматика, написанная в традиционной форме вопросов и ответов. Метод изучения языка, предложенный Мосхопулом, имел большое практическое значение вследствие растущего разрыва между разговорным и классическим греческим языком. Учебник широко использовался итальянскими гуманистами. В 1493 г. «Грамматика» была издана Димитрием Халкокондиллом в Милане, а затем в 1540 г. в Базеле вместе с грамматикой Феодора Газы. Едва ли меньшей популярностью и в Византии, и в Италии пользовался учебник Мосхопула по схедеографии. Его перу принадлежат многие комментарии к классическим текстам, снискавшие ему славу замечательного филолога. Схолии, сохранившиеся во многих рукописях, ясно показывают, что ими постоянно пользовались при обучении.

Помимо учителей поэзии и риторики (а они, несомненно, составляли большинство), в столице можно было найти и преподавателей, обучавших математическим дисциплинам. Одним из этих учителей был Мануил Вриенний. Первые сведения о нем встречаются в письме Плануда (ок. 1292). Он просит старого друга прислать ему рукопись Диофанта, с тем чтобы сверить ее со своей, и, пользуясь случаем, хвалит астрономические познания Вриенния. Любопытно, что многие современники принимали Вриенния за шарлатана. Личностью астронома заинтересовался Андроник II, и лишь после продолжительной беседы с ним, состоявшейся около 1313 г., положение Вриенния изменилось и его познания были оценены по достоинству¹³. Вриенний был представлен Метохиту, который выразил желание изучать под его руково-

¹¹ Цит. по: *Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Cambridge, 1906. P. 427.*

¹² *Constantinides C. N. Op. cit. P. 94—95.*

¹³ *Ibid. P. 96.*

дством астрономии. Вероятно, у Вриенния учился и Михаил Гавра. Метохит, в свою очередь, обучал предметам квадривиума Никифора Григору (также имевшего впоследствии учеников и последователей).

Преимущественно предметы квадривиума преподавал и Никифор Григора. Сам он начал обучение под руководством своего дяди, митрополита Ираклии Понтийской. Прибыв в столицу, он получил возможность продолжить образование. У патриарха Иоанна Глики Григора обучался искусству риторики; Феодор Метохит ввел его в математику и астрономию, Иосиф Ракендит учил философии. Эти люди, занимавшие высокое положение в государстве и церкви, часы досуга отдавали образованию юношей. Практика обращения к частным учителям (причем не всегда к профессиональным) была, видимо, распространенной в тот период.

Со временем Григора, снискавший себе славу человека ученого, открыл собственную школу. Она располагалась в одной из пристроек монастыря Хора. Здесь помещались учебные комнаты, астрономические и физические приборы, библиотека. В письме к севасту Калоиде Григора пишет, что время быстро уносит эллинов, способных преподавать такую важную часть философии, как квадривиум. Это обстоятельство, а также настойчивые просьбы друзей и побудили его открыть собственную школу (*Greg. Ep. II. P. 292—302*). Несмотря на то что курс обучения в новой школе при монастыре Хора включал риторiku, аристотелевскую философию, физику, центральное место в нем принадлежало математическим дисциплинам. Учебное заведение Григоры существовало, однако, недолго. После опалы Метохита в 1328 г. его пришлось закрыть. Через два года занятия здесь возобновились, но ненадолго — по приказу Иоанна Кантакузина школа была упразднена окончательно¹⁴.

Следует отметить, что в Византии заинтересованность учителя играла важнейшую роль и поэтому увлечение некоторыми предметами неизбежно угасало с его смертью, если он не оставлял достойных учеников или предмет не был зафиксирован в программе высших учебных заведений. Другая причина, затруднявшая изучение таких дисциплин, — недостаток рукописей, которые всегда были дороги, а труд переписчика — трудоемким.

Каждый более или менее крупный византийский ученый имел последователей и учеников, в большинстве своем оставшихся неизвестными. Речь идет не об официальном школьном образовании, а о частных кружках типа семинаров, собиравших единомышленников. Важную роль в научных занятиях играло самообразование — автодидактика. Самостоятельным занятиям способствовал обмен книгами (об этом свидетельствует переписка того времени), диспуты между учеными. Формой духовного общения, получившей особенно широкое распространение в палеологовский {402} период, были неофициальные литературно-философские сообщества, именуемые *θέατρα*. Здесь велись ученые беседы, читались новые произведения, обсуждались волнующие проблемы. В среде византийских интеллектуалов считалось хорошим тоном иметь свой «театр»¹⁵. Именно через этот интеллектуальный круг стремление к образованию вышло за традиционные рамки школ, вызывая интерес к наукам и рождая новые идеи. Однако зависть и соперничество между учеными группами были и здесь делом обычным. Личные амбиции, желание приобрести расположение императора или более высокое служебное положение приводили иногда к жестоким столкновениям на интеллектуальном поле битвы (например, хорошо известна вражда Феодора Метохита и Никифора Хумна).

К концу XIII в. высшее образование стало доступно и в провинции. Метохит сообщает, что продолжал обучение даже тогда, когда после смерти Михаила VIII был вынужден вместе с родителями отправиться в ссылку в Малую Азию. Он изучал там логику и силлогистику Аристотеля, упражнялся в искусстве риторики, позже занялся физикой и этикой Аристотеля, познакомился с трудами Никомаха, Евклида, Аполлония Пергамского.

Крупнейшим культурным центром империи была Фессалоника, куда устремилось немало ученых, получивших образование в Константинополе. С этим городом связана педагогическая деятельность Иоанна Педиасима, выходца из Фессалоники. Еще во время пребывания в столице, где он закончил одну из высших школ, Педиасим был назначен императором на должность ипата философов, занимался преподаванием, затем около 1280 г. был направлен в Охрид в качестве хартофилака. Педиасим провел здесь несколько лет, не оставляя учительскую деятельность (напомним о его ученике Дукопуле, с честью выдержавшем экзамен Григо-

¹⁴ *Guilland R. Essai sur Nicéphore Gregoras. P., 1926. P. 38—39.*

¹⁵ *Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. С. 14.*

рия Кипрского). Около 1284 г. он получил новое назначение — стал великим сакелларием — и отправился в родной город Фессалонику, где провел остальную часть жизни (он умер после 1310 г.).

Константинидис идентифицирует Иоанна Педиасима с великим сакелларием митрополии Фессалоники Иоанном Пофом¹⁶. Если эта идентификация верна, Педиасим представляется одним из популярнейших учителей этого города. Его интересы разнообразны — мифология и поэзия, математика и философия, право и медицина. Ему принадлежат схолии к Аристотелю. В Фессалонике он нашел благоприятную атмосферу для своей деятельности. Здесь в то время жили и работали замечательные ученые: Фома Магистр, Димитрий Триклиний, хартофилак Ставрикий, правовед Георгий Фобен.

Появление многих учителей, которые могли преподавать курс высшего образования, свидетельствует о большом стремлении к знаниям. Ἐγκύκλιος παιδεία рассматривалась теперь как недостаточная для чиновников государственного аппарата — требовалось специальное изучение риторики. Многие молодые люди, получившие образование, не могли найти применение своим способностям в столице — государство было не в состоянии принять их всех на службу. Некоторые пытались искать счастья у других правителей. Так, Константин Лукит, ученик Иртакина, нашел {403} место при дворе Алексея II в Трапезунде. Получив должность протонотария и протовестиария, он, кроме того, занимался преподаванием¹⁷.

Но конкуренция и ухудшившееся положение столичных учителей способствовали их отъезду из столицы в Фессалонику, Трапезунд, несколько позже — в Мистру. Это способствовало распространению образования и в провинции.

В последнее столетие существования империи влияние западной культуры на образование, как и на многие другие сферы духовной жизни, становилось все более значительным. С конца XIV в. увеличился приток иностранцев с Запада. Многие итальянцы приезжали в Константинополь, чтобы под руководством византийских учителей изучить греческий язык и литературу. «Никто из латинян не может считаться достаточно образованным, если он не учился некоторое время в Константинополе», — писал Эней Сильвий Пикколомини¹⁸.

Византийские школы в тот период находились в зените славы. Большой популярностью в столице пользовалась школа Мануила Хрисолора. После отъезда во Флоренцию, куда он был приглашен для преподавания греческого языка и литературы, школу возглавил его племянник Иоанн Хрисолор. Здесь учились итальянские гуманисты Франческо Филельфо и Гуарино. В одном из писем к Виссариону Никейскому Филельфо называет свою школу *universitas litterarum et scientiarum*.

О судьбе императорской высшей школы в тот период известно немного. В начале XV в. ее возглавил Георгий Куртесис, больше известный под именем Схоларий. После судебной реформы Андроника III школа находилась не в ведении логофета, а под надзором одного из четырех главных судей. Схоларий, один из них, был одновременно и официальным дидаскалом¹⁹. Его прозвище Схоларий — свидетельство того, что он был популярным учителем. Однако об этой стороне его деятельности сохранилось немного сведений. Известно, что он владел латынью и знал сочинения западных богословов, особенно Фомы Аквинского. В письме к Марку Эфесскому Схоларий сообщает, что в философии и богословии он самоучка. До назначения «вселенским судьей» он имел школу в собственном доме, где обучал как греков, так и итальянцев²⁰. Видимо, в тот период он и приобрел известность, но после поездки на Флорентийский собор, где Схоларий выступил на стороне униатов, его положение переменялось. Через некоторое время должность судьи и попечителя школы была передана Иоанну Аргиропулу.

Аргиропул представлял поколение византийских ученых, чья жизнь и деятельность были тесно связаны с Италией. После возвращения с Флорентийского собора он, видимо, стал частным учителем. В 1441 г. в возрасте 31 года Аргиропул вернулся в Падую, где давал уроки греческого языка и одновременно учился в Падуанском университете. Михаил Апостолий,

¹⁶ *Constantinides C. N.* Op. cit. P. 121.

¹⁷ *Ibid.* P. 109.

¹⁸ *Schemmel F.* Die Schulen von Konstantinopel vom 12.—15. Jahrhundert // *Berliner Philologische Wochenschrift.* 1925. Bd. 25, № 8. S. 238.

¹⁹ *Bréhier L.* La civilisation byzantine. P., 1950. P. 486.

²⁰ *Petit L.; Sideridès X., Jugie M.* Oeuvres complètes de Georges Scholarios. P., 1928. T. 1. P. IX—X.

один из его учеников, сообщает, что по возвращении в столицу Аргиропул по указанию императора вел занятия во всеобщей школе при {404} больнице (ε;̣ν τῶ;̣ν, ξενῶ;̣ν νο;̣ς καθολικῶ;̣ν, μουσεῖῶ;̣ν). Рукопись, сохранившая изображение Аргиропула в кругу учеников, указывает и место расположения школы — ξενῶ;̣ν τοῦ Κράλου. Это известная больница, основанная сербским кралем Стефаном II при монастыре Предтечи. Как и многие крупные больницы той поры, она была одновременно школой, в которой будущие медики обучались искусству врачевания. Со временем в этой школе расширился круг преподаваемых предметов и она превратилась в крупнейшее столичное учреждение, преемника высшего императорского учебного заведения.

В письме к Георгию Трапезундскому Аргиропул отмечает, что к нему многие приходили учиться — и не только из разных частей Греции, но и из Италии. В том же письме он говорит, что обучение его охватывает физику и силлогизмы Аристотеля²¹. Расположение школы при больнице не было случайным. Роль медицины, которая уже в раннепалеологовский период прочно вошла в систему образования, возросла еще больше в последние десятилетия империи. Аргиропул изучал медицину в Падуе и, конечно, преподавал ее в школе при больнице. Антоний и Мануил Пиропулы, Иоанн Панарет — вот лишь немногие из известных имен его учеников, ставших врачами.

Преподаватели этой школы занимали высокое положение в обществе, участвовали в важных миссиях и посольствах. Среди учителей были и известные писцы. Здесь вел занятия Иоанн Хортасмен, реставрировавший по заказу школы знаменитый кодекс Диоскорида (Vind. med. gr. 1). Рукописи, писанные рукой Хортасмена, в значительной мере содержат и его собственные сочинения по риторике, философии, математике, астрономии. Они дают представление об энциклопедической образованности и многогранности интересов их автора²². Исследование рукописной традиции грамматических учебников Мануила Мосхопула, большинство из которых представляют палимпсесты, показало, что они писаны в первой половине XV в. на рукописях XI—XII вв., содержащих евангельский текст. Многие из них были изготовлены по заказу специально для школы, а писцы, вероятно, принадлежали к числу учителей²³.

Содержание обучения в это время, видимо, не претерпело существенных перемен по сравнению с началом палеологовского периода, однако дух итальянского Ренессанса, отразившийся на манере интерпретации и восприятия античного наследия, проник и в византийскую школу. Византийские ученые как бы заново оценили красоту и богатство языка античной литературы.

Исихастские споры, завершившиеся торжеством монашеских идеалов, коренным образом изменили дух интеллектуальной жизни столицы. Если в первой половине XIV в. Константинополь был центром византийской гуманистической культуры, то со второй половины XIV в. и особенно с начала XV в. наблюдался обратный процесс — бегство представителей {405} столичной культуры в провинцию и за границу, на Запад, положившее начало эксоду. Причина этому — не только возросшая турецкая угроза, но и сдвиги, происшедшие в интеллектуальной жизни империи²⁴. Важнейшими центрами гуманистической культуры становятся провинциальные города, и прежде всего Мистра. Духовный климат Мистры благоприятствовал занятиям античной философией. Благодаря деятельности Георгия Гемиста Плифона здесь расцвели платоновские штудии. Школа Плифона приобрела большую популярность. Изучать языческую (античную) мудрость в Мистру приезжали Марк Евгеник, Георгий Схоларий, Михаил Апостоллий, Виссарион. Годы, проведенные у Плифона, оказали решающее влияние на формирование мировоззрения многих из них. Здесь они получили блестящее образование в области математики, логики, этики, богословия.

Константинополь на закате империи постепенно терял значение крупнейшего центра образованности. Фанческо Филельфо критически отзывался об учителях того времени, среди которых он не нашел людей, по-настоящему понимавших язык Гомера и Каллимаха. Еще больше разочарования — в оценках Георгия Схолария: современная наука греков настолько

²¹ *Geanakoplos D.* The Italian Renaissance and Byzantium: The Career of the Greek Humanist-Professor John Argyropoulos in Florence and Rome (1415—1487) // *Conspectus of History*. 1974. Vol 1, № 1. P. 12—15.

²² *Hunger H.* Johannes Chortasmenos, ein byzantinischer Intellektueller der später Palaiologenzeit // *Wiener Studien*. 1957. Bd. 70. S. 154.

²³ *Gamillscheg E.* Zur handschriftlichen Überlieferung byzantinischen Schulbücher // *JÖB*. 1977. Bd. 26. S. 211—230.

²⁴ *Медведев И. П.* Византийский гуманизм. С. 38.

посредственна, что не находит последователей. Высшее образование грозит вымиранием. Если науки будут пребывать в таком запустении, полагает он, византийцы вскоре будут мало отличаться от варваров и не только утратят мудрость и науки, но и не будут знать собственный язык. Он сравнивает себя с немощным человеком, вынужденным оказывать помощь еще более тяжелым больным из-за отсутствия лекаря. Он с почтением отзывается о западных учителях — латинянах, знакомых не только с греческими, но и с арабскими комментаторами Аристотеля. Схоларий отмечает, что на Западе титул учителя философии не могли получить люди, не изучившие досконально Аристотеля, его древних комментаторов, а также новую литературу о Стагирите. В особенности, по мнению Схолария, преуспело западноевропейское богословие, успешно использовавшее методы других наук²⁵.

Независимо от светского образования в Византии всегда существовало духовное образование, традиции которого восходят ко времени греческой патристики. Высшая школа богословия при константинопольской патриархии была, пожалуй, самым стабильным учебным заведением империи. Возобновление в столице духовного образования при Палеологах связано с деятельностью патриарха Германа. Он не мог доверить обучение будущих клириков Георгию Акрополиту, подозревая в нем приверженца унии, и назначил руководителем обучения наукам детей духовного звания Мануила Оловола.

Достоинства и образованность Оловола, видимо, высоко ценились патриархом, так как прежде, чем назначить его главой школы, Германину пришлось ходатайствовать перед императором об освобождении Оловола из заключения²⁶. По словам Пахимера, патриарх аргументировал свою просьбу тем, что Георгий Акрополит, довольно уже потрудившись, отошел {406} от наук и устал. Необходимо ввести в эту должность других, и, между прочим, наставников церковных, таких, которые по своей учености стояли бы высоко и могли бы быть особенно полезными в нуждах церкви (*Pachym. Hist. I. P. 283*). Напомним, что Акрополиту было в это время лишь 48 лет и совсем недавно он возглавил высшую императорскую школу. Вероятно, популярность Акрополита, вызвавшая настороженность патриарха, и побудила Германа к поискам более подходящей кандидатуры для обучения клириков. Таким образом, в 1266 г. была вновь открыта патриаршая школа οἰκὸς τοῦ πατρικίου; ἡ διδασκαλεῖον во главе с Оловолом, получившим титул ритора. Как сообщает Пахимер, школа располагалась в сиротском доме при церкви апостола Петра, основанном еще Алексеем Комнином. Она предназначалась для сирот и детей небогатых родителей. Здесь они обучались грамоте и счету.

В похвальном слове Михаилу VIII Оловола пишет о стремлении императора поощрять высшее образование и подчеркивает, что отныне в империи хорошо изучают грамматику, поэзию, тонкости метрики. Риторика стала всеобщим искусством и знакома многим. Изучаются «Органон» Аристотеля, арифметика, геометрия, физика. Возможно, Оловола имел в виду прежде всего предметы, которые преподавали в патриаршей школе. Это косвенно подтверждает и поэма его ученика Фомы Горианита, где он говорит об изучении у Оловола «Органо́на»²⁷. Оловола вел занятия в школе около шести лет, пока его оппозиция к унии не стала причиной нового заключения, продолжавшегося до смерти Михаила VIII в 1282 г. После освобождения он, вероятно, продолжил работу в патриаршей школе.

В этом учебном заведении преподавал и Григорий Пахимер, автор известной истории правления Палеологов. Кроме того, его перу принадлежат сочинения, имеющие отношение к преподаванию: схолии к Гомеру, прогимназмы по модели Афтония, 13 речей. Среди его математических трудов — парафраза «Арифметики» Диофанта и «Квадривиум», использовавшийся в качестве учебника и итальянскими гуманистами. Он написал также краткое изложение философии Аристотеля, парафразы сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, ряд богословских сочинений, схолии к псалмам. Таким образом, круг интересов Пахимера очень широк.

О дальнейшей судьбе патриаршей школы известно немного. С середины XIV в. ее возглавил Феодор Мелитениот, имевший титул διδάσκαλος τῶν ἡντιδασκάλων. Труды Феодора, как и сочинения его предшественников, свидетельствуют о том, что учителя духовных учебных

²⁵ *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; B. 1926. S. 67—68.

²⁶ Подробнее о судьбе Оловола см.: История Византии. М. 1967. Т. 3. С. 222; *Treu M.* Holobolos // *BZ.* 1896. Bd. V. S. 538—559.

²⁷ *Constantinides C. N.* Op. cit. P. 56.

заведений изучали не только богословие. Так, Мелитениот известен как автор астрономического трехкнижия²⁸. Однако трудно сказать, использовалось ли оно в процессе обучения.

В начале XV в. главой патриаршей школы стал Иосиф Вриенний. В то время школа размещалась в Студийском монастыре (в жизнеописании Марка Эфесского сказано, что он был послан вместе с братом учиться в «школу Студитов»). Ее можно считать довольно большой: здесь преподавали 30 учителей. Возглавлявший школу Иосиф Вриенний может служить образцом образованного богослова. Ему были известны {407} семь свободных искусств, он изу-

Файл byz3_408.jpg

Прощание Иосифа с Марией. Ок. 1316—1321 гг.

Стамбул, Кахрие Джамии.

Мозаика на западной стороне внутреннего нарфлика

чал латынь, прекрасно знал Библию и сочинения отцов церкви, был опытен в искусстве риторики и сведущ в известных науках²⁹. Свою библиотеку Вриенний завещал церкви св. Софии. Перечень ее книг указывает, что, помимо Священного писания и богословских сочинений, в патриаршей школе изучались и другие дисциплины. Библиотека Вриенния содержала учебники грамматики Иоанна Глики, Плануда, Мануила Мосхопула, Фомы Магистра, сборники риторических сочинений, философские труды Аристотеля, Никифора Влеммида, сочинение Никомаха, музыкальный трактат Мануила Вриенния, «Гармонию» и «Географию» Птолемея, астрономические сочинения.

С патриаршей школой связана жизнь Никифора Каллиста Ксанфопула. Здесь протекали годы его учебы, а затем и учительская карьера. В письмах он не раз говорит о богатстве библиотеки св. Софии, куда ему постоянно приходится обращаться, изучая тексты отцов церкви и сочинения классической греческой литературы³⁰. Едва ли эта библиотека при-{408}надлежала самой церкви, которая располагала преимущественно литургическими книгами. Скорее она была в ведении патриархата, однако, судя по письмам Ксанфопула, библиотека не только служила его нуждам, но и использовалась для школы. Многие из трудов Ксанфопула предназначались для учебной практики — им написаны риторические прогимнасы, комментарии к Ионну Климаку, Ветхому завету, иудейская история.

Последним главой школы был Матфей Камариот. Он продолжал исполнять свои обязанности и после гибели Византии в 1453 г., сохранив и при турках титул ритора великой церкви.

Скудость письменных источников, которые дают возможность судить о состоянии образования, не позволяет увидеть многие стороны школьной жизни в Византии. Тем больший интерес представляют немногие дошедшие до нашего времени документальные свидетельства эпохи. Обнаруженные недавно два документа содержат описание любопытных эпизодов школьного быта³¹. Один из них — своеобразный договор между учителем и учениками. Этот документ учитель мог предъявить ученикам, если они забудут о своих обязанностях. В тексте говорится, что ученики обязуются с 1 августа не спать во время дневной жары, есть не более, чем обычно, и не возражать против наказания. Второй документ — полный договор, где названо и имя свидетельницы, матери ученика. Учитель берет в ученики некоего Иоанна для обучения в течение нескольких месяцев минускульному письму, за что родители ученика должны внести соответствующую плату.

Существовало в поздней Византии и специальное (так сказать, профессиональное) образование: ведь для занятий, например, юриспруденцией и медициной, требовалось дополнительное обучение. Медицине, как было сказано выше, обучали в специальных школах при больницах. Письма Иоанна Захария Актуария проливают свет на некоторые детали этого обучения. Напомним, что Актуарий учился у Плануда и был человеком широко образованным. Вероятно, интерес к медицине привел его после окончания высшей школы в одну из столичных больниц. Из его письма к Лакапину (1299) можно узнать, что Иоанн еще не закончил здесь

²⁸ *Tihon A. Gastronomie Byzantine (du Ve au XVe siècle) // Byz. 1981. Т. 51, fasc. 2. P. 618.*

²⁹ *Meyer Ph. Des Joseph Bryennios Schriften, Leben und Bildung // BZ. 1896. Bd. V. S. 74—111.*

³⁰ *Browning R. A. Young Man in a Hurry — Two Unpublished Letters of Nikephoros Kalliston Xanthopoulos // Byzantina. 1985. Т. 13. P. 142—153.*

³¹ *Schreiner P. Zwei Bilder aus dem byzantinischen Schulleben // Ibid. S. 282—290.*

учебы — он не обладает искусством (τέχνη) и совершенствует его ежедневными занятиями. По окончании учебы он должен получить свидетельство профессиональной зрелости, которое он называет κτήριμα³². Количество школ при больницах в палеологовское время значительно возросло. С будущими медиками занимались опытные учителя. В распоряжении учащихся были библиотеки, содержавшие преимущественно медицинскую литературу и располагавшиеся в тех же больницах.

Гораздо сложнее выяснить, как обстояло дело с юридическим образованием. Сведений об обучении юристов почти не сохранилось. Скорее всего, традиция юридического образования не прерывалась в палеологовское время. Она существовала в форме самостоятельного изучения права, его систематизации и классификации, практического применения. Иначе {409} трудно объяснить появление в XIV в. таких юридических авторитетов, как Матфей Властарис и Константин Арменопул³³.

Итак, высшее образование в поздней Византии, как и раньше, было тесно связано с потребностями административного аппарата, светской и церковной власти в грамотных чиновниках. Историю высшей императорской школы можно проследить лишь эпизодами — сначала в период ее восстановления во главе с Акрополитом, а затем в начале XV в., когда ее функцию выполняла, вероятно, школа при монастыре Предтечи. Трудно сказать, существовала ли она как институт в промежутке между этими датами — источники не сообщают об этом ничего определенного. Возможно, появление большого количества общественных и частных школ в конце XIII в., дававших достаточно высокий уровень образования и конкурировавших с императорским учебным заведением, привело к исчезновению императорской школы как государственного института. Кроме того, государство, очевидно, было не в состоянии постоянно финансировать высшее учебное заведение. Даже общественные учителя не могли рассчитывать на постоянное жалование от властей — оно выплачивалось благодаря частной инициативе высокопоставленных чиновников: учитель риторики Илиас получал жалование по протекции Феодора Музалона, а Халкоматопул — по протекции Никифора Хумна. Феодор Иртакин, как свидетельствуют его письма, также не получал регулярного жалования. О частичной деинституализации высшего образования свидетельствует и появление большого числа «театров», и обращение к услугам частных учителей, специализировавшихся в какой-то определенной области знаний (Метохит изучал риторику у Иоанна Глики, философию — у Иосифа Ракендита, а математические науки — у Мануила Вриенния).

Византийские ученые всегда отличались энциклопедичностью знаний. Раньше она была достоянием лишь очень небольшого слоя интеллектуалов, достигавших высот в науке главным образом благодаря своему интересу к ней и упорному труду. На закате же империи разносторонность образования обуславливалась самой программой многих учебных заведений. Расширился круг дисциплин, изучавшихся в высшей школе: помимо традиционной риторики, логики, философии, в него прочно вошли математический квадриум (арифметика, геометрия, астрономия, гармония), медицина, география. Почти все византийские ученые прекрасно знали старые комментарии, писали и собственные схолии к текстам, создавали новые учебники. Этой работе, как правило, предшествовали поиски ранних рукописей, по которым сверяли и исправляли сочинения древних авторов. Именно в тот период тексты классических авторов подверглись существенному редактированию. Современные исследователи могут установить иногда лучшее чтение, но лишь по более ранним рукописям или папирусам, оставшимся неизвестными византийским ученым. Причем проделанная византийцами работа коснулась практически всех областей знания.

Византийские интеллектуалы были истинными ценителями древних рукописей, они не жалели ни времени, ни средств для их переписки. Никифор Хумн сравнивал ученых, не имеющих книг, с ремесленником, не знакомым с инструментами своего ремесла. И учителя, и ученики не {410} всегда были достаточно богаты, чтобы купить книгу, — они брали книги на время у друзей либо переписывали их сами. Именно поэтому сегодня известно так много автографов византийских ученых.

³² *Hohiweg A.* Johannes Aktuarios. Leben — Bildung und Ausbildung— De methodo medendi // BZ. 1983. Bd. 76, fasc. 2. S. 302—321.

³³ *Медведев И. П.* Правовое образование в Византии как компонент городской культуры // Городская культура: Средневековье и начало нового времени. Л., 1986. С. 26.

Григорий Кипрский пишет, что по причине бедности он переписывал большое количество книг, хотя и не был искусным писцом. Позже для него копировали рукописи профессиональные писцы и его ученики. При этом требования к эстетическому оформлению книги были у Григория очень высокими. В письме к Иоанну Ставрикию в Фессалонику, изготовившему копию трудов Платона на широких листах старой, неровной бумаги, он пишет, что предпочел бы бросить копию в огонь или в воду, чтобы ее не было среди его книг³⁴.

Некоторые византийские интеллектуалы получали удовольствие и от занятия каллиграфией, как, к примеру, племянница Михаила VIII Феодора Раулена, которая вряд ли испытывала когда-либо финансовые затруднения (ею написаны Cod. Vat. gr. 1899). Любопытно, что Иоанн Хортасмен полтора века спустя после смерти Феодора II Ласкариса идентифицировал руку императора в одной из рукописей.

Значение поздневизантийского образования выходит далеко за рамки византийской культуры. Византийские ученые, переселившиеся на Запад, главным образом в Италию, принесли с собой и традиции греческой образованности. Исследователи отмечают, что обучение и интерес итальянских гуманистов были больше связаны с византийской дидактической традицией, чем с западными предшественниками гуманистов — схоластами, особенно в отношении методов преподавания, экзегезы и восприятия корпуса дисциплин в византийской культурной традиции, переданной греческими эмигрантами³⁵.

Исследователи полагают, что деятельность Аргиропула (он преподавал греческую философию во Флоренции в 1456—1471) и его интерес к неоплатонизму сместили акценты флорентийских гуманистов от риторики к метафизической философии, особенно к платонизму³⁶. Отражая византийское понимание целостности культуры, связанное с традициями ε;?γκύκλιος παιδεία, Аргиропул преподавал греческую философию в единстве, начиная с досократиков, пифагорейцев и переходя к Сократу, Платону и Аристотелю.

Большое значение для культуры Возрождения имела и переводческая деятельность византийских эмигрантов, благодаря которой западные гуманисты впервые познакомились с греческой философией, стоицизмом и эпикурейством, трагиками и Аристофаном, лирической поэзией Пиндара и Феокрита, греческими историками и риториками. Благодаря византийским эмигрантам элементы культуры палеологовской Византии стали органической частью итальянского Ренессанса. {411}

18

Византийская эстетика в XIII—XV вв.

Для последнего периода византийской культуры в целом характерно тяготение к стабилизации как своего художественно-эстетического облика, так и эстетических идей и представлений. Все компоненты эстетического сознания византийцев предшествовавших времен находим мы и у их последователей в XIII—XV вв., разве что в менее энергично выраженных формах, с налетом некоторого академизма. На поздней византийской эстетике отразилась и общая тенденция к поляризации умственных движений в культуре палеологовского времени: распределение духовных сил между гуманистами, объективно тяготевшими к секуляризации культуры, и исихастами, проповедовавшими индивидуальный путь мистического деления, далекий от всего мирского, земного, преходящего.

Из трех потоков эстетического сознания, достаточно отчетливо существовавших в IX—XII вв., теперь, пожалуй, имеет смысл говорить только о двух: антикизирующем и монастыр-

³⁴ *Constantinides C. N.* Op. cit. P. 46.

³⁵ *Kristeller P. O.* Italian Humanism and Byzantium // Renaissance Concept of Man and Other Essays. N. Y., 1972. P. 75.

³⁶ *Geanakoplos D.* Italian Renaissance Thought and Learning and the Role of Byzantine Emigres Scholars in Florence, Rome and Venice: a Reassessment // RSBS. 1983. T. 3. P. 140.

ско-церковном. Умеренное церковно-государственное направление практически утратило в эстетике свою автономию и как бы распределилось между этими полярными потоками.

Ядро первого направления составляли высокообразованные представители византийской интеллигенции, как правило, ученые универсального типа — полигисторы, многие из которых имели и церковный сан. Энциклопедические знания приобрели у них самодовлеющее значение: всестороннее образование стало предметом гордости.

Еще большее внимание, чем в X—XII вв., уделяется в этот период изучению античных авторов, не только греческих, но и римских. Все науки и искусства, известные античной Греции и Риму (философия, математика, астрономия, музыка, история, география и т. д.), опять занимают достойное место на страницах многочисленных сочинений византийских гуманистов¹. Активизируются их контакты с итальянскими деятелями культуры. Дух полемики, интеллектуального состязания процветает в среде византийских гуманистов XIV—XV вв.

Иосиф Ракендит не без гордости заявляет, что всякий, заглянув в его книгу, без потери времени и сил быстро обретет необходимые ему знания по любому вопросу, как новые, так и «проверенные временем и опытом». Не оставит его книга «в неведении о прекрасном» и «поклонника красоты», но «легко и быстро доставит ему сокровища» (Памятники. IX—XIV вв. С. 344). Наряду с множеством самых разных предметов затрагивали гуманисты и эстетические проблемы. {412}

Энциклопедизм — главная тенденция антикизирующего направления поздней Византии. Гуманисты упивались количеством знаний, их собиранием, поэтому искать у них что-то принципиально новое, чего не было до них, — дело почти что безнадежное. Большой смысл имеет, пожалуй, попытка проследить, что привлекало их особое внимание, и на этом основании выявить направленность их эстетического сознания.

Оставляя в стороне тему пристрастия византийских гуманистов к античной философии, необходимо отметить, что вслед за ней и в непосредственной связи с ней их привлекали античная эстетика слова и теория гармонии. Основные положения древней риторики, поэтики, филологии, как в чистом виде, так и отчасти переосмысленные их византийскими предшественниками, стали предметом особого внимания гуманистов позднего периода. При этом большим авторитетом для них являются древние языческие авторы, которых они постоянно называют по именам. Своих же византийских предшественников гуманисты часто даже не упоминают, переписывая нередко из их сочинений целые пассажи². Такой компилятивно-просветительский характер носят, в частности, сочинения о гармонии и гармоническом Максима Плануда, Мануила Вриенния, Георгия Пахимера. В них предпринята попытка реставрации музыкальной теории и эстетики античности с учетом и средневековой музыкальной практики.

Красота речи, ее искусная организация стояли в центре внимания многих гуманистов; риторская эстетика была, пожалуй, определяющей в антикизирующем направлении византийской эстетики позднего периода³.

Феодор Метохит, обращаясь в одной из поэм к Никифору Григору, создает яркий поэтический энкомий красноречию, обосновывает необходимость эстетизации речи — придания мысли благозвучной и приятной словесной формы.

*Многообразно-искусные мужи в словесном плетеньи,
Мог бы сказать я, изящество в речи как душу вдыхают;
Что изреченную мысль словно молния вдруг озаряет,
И, как покровом достойным весьма благородное тело,
Мысль многомудрую так же они облачают словами.
Эти прикрасы тебе, как и внешняя речи искусность,
Вечной заботы предмет и основа всего красноречья.
Внутренне мудрому мужу прилично меж тем и снаружи
Мысли предмет облекать в приятно-изящные формы*

¹ Подробнее см.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München. 1978. Bd. 1—2.*

² Ср.: *Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета, IX—XV вв. М., 1978. С. 182.*

³ Подробнее о риторике поздних византийцев см.: *Hunger H. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz. Wien, 1972.*

*Так, чтобы быть как бы тем, чьи весьма удивленья достойны,
И как душа изнутри, так и тело извне, обоюдно;
Или же тем, кто и телом могуч изнутри, и снаружи
Он вкруговую покрыт сверкающим мощным оружием*⁴. (Пер. О. В. Бычкова)

По мнению византийского гуманиста, только прекрасная форма высветляет и «озаряет» мысль, глубже внедряет ее в сознание воспринимающих. Метохит напоминает Григоре о первостепенном значении эмоционального воздействия речи, которая может вдохновить, увлечь слушателей, наполнить их сердца радостью. А если что-то доставило человеку удовольствие, то уже вряд ли когда-либо будет отвергнуто им⁵.

Интересно отметить, что у византийских гуманистов XIII—XV вв. не было единого представления о характере соответствия риторических приемов излагаемым мыслям. Так, современник Метохита Никифор Хумн упрекал этого вдохновенного певца красноречия именно за бесформенность его речей, за отсутствие художественного мастерства, за неумение найти для выражения того или иного смысла необходимые только для него слова и фигуры речи⁶. Все гуманисты опирались на античные традиции, античную эстетику слова, но понимали ее по-разному, использовали разные источники многопланового наследия древности.

В эстетике слова для них важнейшим источником была риторика Гермогена. На нее, в частности, активно опирался энциклопедист Иосиф Ракендит⁷. Он сторонник «подражательного» принципа словесного выражения. Слог должен буквально соответствовать содержанию, быть «уместным». Так, если речь идет о лужайке, то необходимо «пользоваться цветистым и плавным слогом», а если о войне, то речь оратора «должна быть более быстрой, фигуры в ней должны ошеломлять, воспроизводя соперничество борющихся сторон» (Памятники. IX—XIV. С. 345—346).

Красота речи, ее украшение, согласно гуманистам, не простой довесок к смыслу, но фактически душа словесной материи, оживляющий ее внутренний свет. Речь и ее члены остаются безжизненным, полагал Иосиф, до тех пор, «пока они не обработаны и не украшены» (Там же. С. 344). Красота наделяется здесь значительно большим смыслом, чем это может показаться человеку, привыкшему видеть в ней лишь «риторские побрякушки». Отсюда такое напряженное внимание гуманистов к искусству слова, к эстетическим принципам организации речи. Слово потрясает души людей, оно же отражает глубинные законы бытия.

«Дайте мне силу трагических песен Орфея,— восхваляет эмоциональную мощь словесного искусства Никифор Григора,— чтобы и я мог подвигнуть бездушную природу к состраданию нашим несчастьям. Дайте мне тех, кто некогда на реках вавилонских испускал плач из глубины сердца о несчастном Сионе, чтобы они достойно оплакали и наше горе, в которое повергла нас смерть властелина» (*Greg.* X. 1. P. 471).

Столетие спустя другой гуманист — Георгий Трапезундский не менее высоко, хотя и под другим углом зрения оценивает словесное искусство своего знаменитого современника Георгия Гемиста Плифона. Его молитвы к Солнцу отмечены «столь изящным соединением слов, прелестью гармонии и звучностью форм, сопряженной с достоинством, что кажется невозможным что-либо добавить»⁸. Речь, адекватная передаваемому смыслу, полагали поздние византийские гуманисты, так же органична и гармонична, как и сама природа — творение Высшего Художника.

О характере этого творения достаточно ясно высказался сам Гемист Плифон в 16-м гимне, посвященном Зевсу,— умонепостигаемому творцу мира в неязыческом мировоззрении одного из последних византийских {414} гуманистов. Произведения этого верховного творца

Файл byz3_415.jpg

Сон Иосифа. Ок. 1316—1321 гг.

Стамбул, Кахрие Джами.

Мозаика на северной стороне внешнего нарфика

⁴ Two Poems by Theodore Metochites / By I. Ševčenko, J. Featherstone. Broocline (Mas.), 1981. P. 28—30.

⁵ Ibid. P. 30.

⁶ См.: *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Указ. соч. С. 235—236.

⁷ Текст его «Риторики» см.: *Rhetores graeci* / Ed. C. Walz. Stuttgart, 1836. Vol. 3.

⁸ Цит. по: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм. XIV—XV вв. Л., 1976. С. 68.

уникальны, предельно совершенны, законченны и целостны⁹.

Вообще тварный мир, или универсум, предстает в системе Плифона как, собственно, и в христианстве, огромным и совершенным произведением искусства. Только высшим творцом у него выступает не традиционный христианский Бог, о котором он как бы ничего не знает, а древний Зевс, наделенный, правда, многими чертами Бога христиан. Сама по себе эта замена имеет явно демонстративный и в чем-то сугубо эстетический характер, являя собой своеобразную интеллектуальную игру с переменной маской у представителей духовного Олимпа. Эстетическими мотивами (и в значительно большей мере, чем христианская) пронизана онтология Плифона.

Зевс в его представлении творил мир по законам искусства, среди которых на первом месте стоят совершенство и красота. Он создает «все таким, каким видит то, что прекраснее и лучше всего приблизится к совершенству», при этом стремится сделать «каждую вещь единой и однородной, поскольку не делает ничего лишнего, а из всех, в свою очередь нечто целое и единое»¹⁰. Так же, по классическим античным представ- {415} лениям, работает и скульптор, процесс творчества которого явно имел перед своим внутренним взором Плифон, размышляя о Творце мира. Но он уже не может вернуться к чисто античному восприятию. Многовековой опыт византийских эстетических и мировоззренческих представлений прочно живет и в душе средневекового неоязычника. Поздний неоплатонизм и христианские идеи творения находят место в его онтологически-эстетической концепции мира. Принцип зеркального поступенчатого отражения, идея системы образов и подобий с уменьшающейся степенью сходства занимают в ней видное место.

Первым творением Зевса является самый сильный, могучий и красивый бог Посейдон, которого он создает, «пользуясь непосредственно собою в качестве образца». Всех же остальных богов он производит — каждого «по образу другого, так что можно уподобить такое великое зачатие ничтожнейшему делу, созданию образов с помощью множества зеркал», последовательно отражающих один оригинал. На этом принципе основано и все творение. Зевс порождает нечто единое, целостное и совершенное, «делая его подобием только самого себя», затем порождает другой вид как подобие этого и далее — все остальные виды — «один подобие другого, и каждый из них уступает другому, как и подобает подобиям»¹¹.

Составленная из этих подобий и образов (частью — вечных, а частью — смертных) Вселенная образует совершенное единство. Главным принципом единения является стремление менее совершенных подобий к подражанию более совершенным, устремленность к их красоте (например, людей — к красоте богов). Высшее же наслаждение в этом беспрестанном процессе подражания более прекрасным существам достигается при познании их и высшего среди них — Зевса; «затем всей Вселенной, а также познанием нас самих в этой Вселенной»¹². Итак, эстетические представления Плифона в сущности мало чем отличаются от эстетики христианского неоплатонизма, хотя демонстративное обращение к языческому пантеону, теоретическое возрождение древнего культа свидетельствуют о том, что каноны традиционной эстетики, связанной с христианским культом, некоторым гуманистам казались уже тесными для эстетического сознания времени, и они направили свои усилия на их разрушение.

Радикальное неоязычество Плифона в целом не было характерным явлением даже для последнего поколения византийских гуманистов, не говоря уже об их предшественниках. Общей и главной для византийцев этого времени оставалась тенденция, характерная и для их итальянских коллег проторенессансной ориентации, — стремление к снятию всех и всяческих противоречий в духовной культуре, к объединению и согласованию всех знаний, добытых человечеством в течение его истории как на путях науки, так и в процессе религиозного опыта. Типичным представителем этого движения был Никифор Влеммид. Он с одинаковым пристрастием писал трактаты по логике и физике, сочинения по географии и истории, труды по догматике, литургике, аскетике и т. п.¹³ Понятно, что в сочинениях естественнонаучной и философской ориентации он больше опирается на античных авторов, прежде всего на Аристотеля, но

⁹ Там же. С. 228.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ Там же. С. 195, 196.

¹² Там же. С. 208.

¹³ Обзор его сочинений см.: *Барвинок В. И.* Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911.

также на {416} Платона, Порфирия и других языческих писателей; в трудах богословских он с наименьшим уважением цитирует Священное писание и отцов церкви. Особенно в работах полемической направленности.

Так, опровергая учение о предопределенности смертного часа каждого человека, он специально подчеркивает, что опирается в своих доказательствах не на риториков и софистические методы, а на свидетельства пророков и учения отцов церкви. В делах веры они убедительнее всех силлогистических ухищрений, ибо «просвещены Св. Духом» (*Nic. Blem.* P. 1—2; 12). Однако правильно понять мысль отцов — дело далеко не простое. В согласии с традициями классической христианской экзегетики он считает, что и в их словах буквальный, поверхностный смысл, как правило, бывает не главным. На примере одного стиха из Феодора Студита Влеммид показывает, как надо добираться до глубинного, «высшего» смысла текста, который подчас может быть противоположным внешнему смыслу (*Ibid.* P. 5).

В трудах, не имеющих прямого отношения к богословию, он в большей мере опирается на античную мысль. Такова, например, его «Краткая логика», где античное наследие господствует как в чистом виде, так и в интерпретации византийских авторов, прежде всего Иоанна Дамаскина. Это касается и эстетических идей.

В «Автобиографии» Влеммид рассказывает, что он с детства изучал грамматику, поэмы Гомера, «Риторику» Гермогена, арифметику, астрономию, философию, которые помогали ему усваивать «духовные» (т. е. богословские) науки. Затем в своем научном творчестве он активно использовал все эти знания, особенно в философских сочинениях.

В III главе «Краткой логики» (PG. T. 142. Col. 709—716). Никифор уделил большое внимание одной из значимых проблем культуры — дифференциации науки и искусства; он дал там определение (к сожалению, краткое) искусства (в его антично-средневековом смысле). Сразу подчеркну, что глава целиком посвящена вопросам (а точнее — системе) *знания*. Наука и искусство включены как составные элементы в эту систему и рассматриваются преимущественно в *гносеологическом* ключе. В своих определениях Влеммид предельно немногословен, поэтому не все в них сегодня воспринимается однозначно. Тем не менее попытаемся проникнуть в смысл его столь важных для истории эстетической мысли представлений.

Познание, по Никифору, осуществляется с помощью особых познавательных сил души, к которым он относит чувственное восприятие ($\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$), воображение ($\phi\alpha\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\alpha$), мнение ($\delta\acute{o}\xi\alpha$), мышление ($\delta\iota\acute{\alpha}\nu\omicron\iota\alpha$) и ум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$) (*Ibid.* Col. 712CD (III.14)). Две последние силы — разумные ($\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\alpha\iota$), а чувственное восприятие и воображение — неразумные ($\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$; $\lambda\omicron\gamma\omicron\iota$). Мнение находится между ними — оно бывает и разумным и неразумным, т. е. то склоняется к логосу, то отходит от него.

Высшей познавательной силой является ум, низшей — чувственное восприятие. Ум и мышление обладают «общим» знанием, низшие силы — лишь частным, или «частичным». Чувственное восприятие происходит только при непосредственном контакте (видение, например) с познаваемым предметом. Воображение — это «частное знание отсутствующего предмета». Со ссылкой на Аристотеля Влеммид разъясняет, что воображение запечатлевает и сохраняет в себе отпечатки, или образы, предметов, когда-то воспринятых чувственно, но теперь отсутствующих (*Ibid.* III. 18). {417}

Само знание, по Никифору, может быть сопряженным с разумом ($\mu\epsilon\tau\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$; $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$) и несопряженным, общим (универсальным) или частным (частичным). Науку и искусство он относит к знанию $\mu\epsilon\tau\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$; $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$. При этом частное знание составляет часть науки или искусства, а общее знание — совершенное (или высшее) искусство или совершенную (или высшую) науку. Различаются же они предметом, или субстратом ($\tau\omicron\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\omicron\iota$; $\nu\omicron\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\omicron\iota$). У науки он неизменяем, а у искусства — изменчив ($\tau\omicron\tau\epsilon\lambda\tau\omicron\nu$). Итак, «искусство и наука различаются по предмету. Искусство есть универсальное знание (или знание всеобщего.— В. Б.) с участием разума, имеющее меняющийся (изменчивый) предмет» (*Ibid.* III. 6). Наука же — это «безошибочное и непоколебимое знание всеобщего» (*Ibid.* III. 9).

Под искусством Никифор, продолжая антично-средневековые традиции, имеет в виду некое практическое знание, или, как он пишет, «систему овладения навыками и упражнениями в них с некоей полезной целью для живущих» (*Ibid.* III. 7). Это система утилитарных знаний и навыков их практического применения. В пользе — главная ценность искусства, хотя Никифор признает существование и бесполезных («тщетных») искусств, к которым он относит искусство акробатов и канатоходцев, и искусств, вредных для жизни, к каковым он причисляет, например, колдовство.

Различие науки и искусства по предмету состоит в том, что наука имеет дело с некоторыми общими свойствами явлений, которые онтологически константны; искусство же ориентируется на индивидуальные, изменчивые особенности вещи. Так, наука рассматривает человека вообще или коня вообще в отличие, скажем, от искусства медицины, которое имеет дело с человеческим телом и присущими ему у каждого индивида особенностями. Поэтому одно и то же лекарство (произведение медицинского искусства) одному человеку помогает, а другому нет. И такова ситуация «в отношении всех искусств» (Ibid. III. 9).

«Наука рождается от мышления и ума», т. е. от познавательных сил души, по сути своей «разумных» и ориентированных на «всеобщее» знание. Она утверждает, например, что точка неделима, а бог благ и т. п., т. е. то, что не требует доказательств, что для всех очевидно (Ibid. III. 28). Напротив, искусство оперирует отнюдь не однозначным и бесспорным знанием. Оно возникает при непосредственном участии, как разумной силы — мышления, так и внеразумных — воображения и мнения, которые, однако, тоже действуют в нем под сенью логоса (Ibid. III. 8; 27). «Искусство тем отличается от науки, — делает окончательный вывод Влеммид,— что искусство возникает из сопряженных с логосом мнения и мышления, а наука — из мышления и ума» (Ibid. III. 29). К искусству, таким образом, причастны как разумные, так и внеразумные силы души, и оно имеет отношение как к всеобщему, так и к частному (частичному) знанию.

Из рассмотренной главы «Краткой логики» Влеммида видно, что интерес к теоретическому осмыслению искусства достиг у византийцев XIII в. очень высокого уровня, что искусство с уровня ремесла, который оно достаточно прочно занимало в античности и раннем средневековье, теперь переносится в сферу гносеологии (особого способа знания) и что, наконец, на теоретическом уровне осознается связь искусства как с разумными, так и с «неразумными» силами души — «воображением» и «мнением». Все это крайне важные в историко-эстетическом плане явления. {418}

Из всех искусств гуманисты поздних периодов византийской культуры (Никейской империи и палеологовской эпохи) наибольшее внимание уделяли искусству слова во всех его формах. Не меньше, чем красноречие, о котором уже шла речь, они ценили искусство историка, занимались поэзией и пытались осмыслить ее, не были забыты ими и филологические штудии, возникшие в Византии еще в предшествующий период.

Византийские историки с какой-то особой настойчивостью утверждают античный принцип правдивости историографии, что побуждает читателя заподозрить их в перенесении этого принципа из плоскости научной в плоскость искусства. Тем более что эти плоскости, как мы видели на примере теории Влеммида, имели в то время значительно больше точек соприкосновения, чем теперь.

Гуманист следующего поколения Никифор Григора возводит искусство историографии на самую высокую ступень. Он убеждает читателей, что рукой историка водит сам Бог, и поэтому его сочинения почти ничем не отличаются от величайших творений Бога — неба и земли. Поэтому историков Никифор ценит выше сочинителей комедий и трагедий (*Greg.* I. 1. P. 4—6).

Истина и для Григоры — главный предмет истории. Но труд историка не только кропотливое собирание и описание фактов, событий, деталей. Григоре отнюдь не чужда идея древних мудрецов об идеализаторских приемах историков, в которых они уподобляются живописцам. Хорошие же живописцы, утверждает Никифор устами Андроника Палеолога, «если и есть в оригинале какой-либо природный недостаток — меньше или больше надлежащего какая-нибудь часть тела,— стремятся изобразить на портрете не все в точности; они где-то прибавят для большего сходства, а где-то убавят, чтобы природный недостаток не бросался в глаза постоянно и не давал повода насмешникам острить и смеяться» (Ibid. P. 11). Известный со времен античности эстетический принцип идеализации Григора переносит с изобразительных искусств на историографию, для того чтобы и его поставить на службу истине. Идеализация осмысливается им здесь не как приукрашивание истории, а как прием, направленный на устранение из картины действительности того, что может отвлечь внимание воспринимающих ее от главного в ней, т. е. может помешать пониманию правды истории. Сам он, однако, не увлекается этим принципом и стремится, по его заверению, излагать события как можно точнее (Ibid. P. 13).

Гуманисты последнего периода византийской культуры задумывались над многими проблемами, имеющими прямое или косвенное отношение к эстетике. Так, Феодор Метохит

размышляет об оптимальных приемах воссоздания писателем образов крупных исторических личностей, особенно философов. Обращаясь в «Гномических заметках» к образам Сократа, Платона, Аристотеля, Филона, Плутарха и других известных мыслителей прошлого, он считает, что «правдивое изображение действительности» заключается не в перечислении отдельных положений их учений, а в словесном воссоздании «живого образа» каждого мыслителя (Памятники. IX—XIV. С. 337).

Внимание византийских гуманистов привлекает и такой способ художественной организации текста, как поэзия, хотя отношение к ней продолжает оставаться двойственным.

Развивая идеи античных «Поэтик», Иосиф Ракендит выдвигает на {419} первое место в поэзии ее художественно-эстетический аспект. «Достоинством ямбических стихов служит прежде всего благозвучие, и достигается оно закрытостью, замкнутостью слов и отсутствием в них зияния». Благозвучие представляется Иосифу главным в стихе, и он стремится выявить способствующие ему приемы и способы организации словесного материала. Это и ударения, и ритмика стиха, и поэтические тропы, и соответствующие концовки, на которые он обращает особое внимание. «Ведь благозвучная концовка придает ритмичность всему стиху, подобно тому, как у певцов последний звук красит песнь и сглаживает предшествующую нестройность» (Там же. С. 346). Важным представляется Ракендиту умение вместить всю мысль в один стих, «охватить ее вполне, уложить ее в стих и описать, не прищепляя мысль предыдущего стиха к стиху последующему» (Там же. С. 347).

Поэзия, считал Георгий Гемист Плифон, именно своей художественно-эстетической формой способствует усвоению знаний (сообщений) теми слушателями, на которых не действует красноречие. «И поэты, подкрашивая речи приятностью слов и ритма и соблазняя таким образом слушателей, убеждают не могущих различить красоты или уродливости выражений и ритма речей». Однако здесь же Плифон подчеркивает, что в поэзии главное не содержательный, а эстетический аспект: у поэтов «считается более важным не убеждать, а только услаждать слушателей»¹⁴. Поэтому он весьма скептически относится к гносеологическим возможностям поэзии. Поэты, полагает он, мало заботятся об истине, и их наряду с софистами не имеет смысла зачислять в ее глашатаи, в носители истинного знания, мудрости¹⁵.

Процветала в византийской культуре XIII—XV вв. и традиция описания произведений искусства. При этом в ходу были все известные предшествующему периоду типы экфрасиса. У Никифора Влеммида, например, мы встречаем указание на аллегорическую живопись древних и толкование ее. Он напоминает, что, согласно преданию, Лисипп, желая изобразить бег времени, написал его в образе глухого, лысого человека с крылатыми ногами, бегущего по колесу и протягивающего свой щит кому-то, стоящему внизу. Глухим он изобразил его, разъясняет Никифор, «потому, что взывающих к нему он нимало не замечает; с лысиной на затылке потому, что никто не может схватить его, преследуя сзади», а крылатые ноги — знак того, что никто не может опередить его¹⁶.

Большое количество художественных, часто фантастических описаний архитектуры, скульптуры, костюмов встречается в поздневизантийском романе. Здесь они выполняют чисто эстетические функции — создание соответствующего образа или настроения у читателя. Вот, к примеру, описание внешнего вида крепости дракона в романе о Каллимахе и Хрисоррое:

*Вся золоченая стена высоко поднималась,
И, чистым золотом блестя и красотой дивной.
Она и солнечных лучей сиянье затмевала;
И драгоценными зубцы камнями сверкали,
Переливаясь жемчугом и золотой, чеканкой. {420}*

Файл byz3_421.jpg

*Путешествие в Вифлеем. Ок. 1316—1321 гг.
Стамбул, Кахрие Джамии.
Мозаика на северной стене внешнего нарфика*

Великолепен замок был. А ворота у замка

¹⁴ Медведев И. П. Указ. соч. С. 180.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Цит. по: Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Указ. соч. С. 181.

*Своей могучей красотой восторг и страх внушали;
И золото и блеск камней и перлов драгоценных,
Богато и роскошно в них горевших и сверкавших,
Столь стройно и умело там в порядке размещенных,
А не случайно как-нибудь, на удивление были.* (Там же. С. 389—390)

Это описание почти не несет документальной информации, но обладает сильным эмоционально-эстетическим воздействием на читателя, особенно из народной среды, на которого и были рассчитаны романы.

Ближе к традициям эллинистической эстетики стоят экфрасисы Иоанна Евгеника (первая половина XV в.). В его описаниях сооружений родного города (Трапезунда) и реальных или фантастических картин ощущается сильное влияние знаменитых Филостратов, эллинистических авторов известных описаний картин и скульптур¹⁷.

В русле предшествующей традиции находились и представления гуманистов о *красоте*. При этом им был близок и понятен весь спектр значений этого эстетического термина. Начав систематические занятия по изучению законов видимого мира, гуманисты с особым пристрастием всматривались в него. Сердца и души их были открыты материальному миру, и его красота воспринималась ими с необычайным восторгом и энтузиазмом. Феодор Метохит вдохновенно писал о наслаждении, доставляемом человеку с облагороженными чувствами созерцанием красот звездного неба, моря, всего тварного мира. По его мнению, они поддаются описанию только в поэтических образах. Именно в такой эстетизированной форме он и пытается передать свои впечатления от созерцания природной красоты.

«Вот ведь и вид моря,— пишет он,— вполне приятен, когда оно спокойно плещется и, откатываясь назад, разбивается о берега и мирно и неколебимо, бесшумно покоится, пока вдруг, страшно-гремящее, по словам поэтов, и ужасно бушующее, не обрушится со страшным грохотом, заставляя отводить глаза от страха и оставаясь совершенно неприступным и неукротимым, и не захлестывает всей картины мирной благодати; затем опять становится миролюбивым, почти неподвижное и нехитро оплетающее берега едва слышным плеском воды, будто цепляясь за них с каким-то мягким шуршанием, тихо ударяя в песок и играя и временами то накатываясь, то снова откатываясь с какими-то любовными ласками, как бы доставляющими ему большое удовольствие, и принося всем этим великое наслаждение и сильнейшее желание для глаз смотреть» (*Theod. Metoch. Misc. P. 268—269*). В этом пространным описании различных состояний моря нашли полное выражение широкие эстетические интересы Метохита, его способность к глубокому эстетическому созерцанию природных явлений, а также стремление зафиксировать их в эстетизированной словесной форме. Представленная здесь цитата (характерная, кстати, для его книжной речи) — образец того предельно украшенного и перегруженного словесными узорами стиля, который несколько позже получит распространение в южнославянском мире и на Руси под названием «плетения словес». С его помощью Метохит стремится донести до читателей чувство, охватывающее всякого созерцателя природных красот,— неопишное наслаждение.

Метохит в специальной главке пишет о наслаждениях, получаемых от созерцания неба и небесных светил. Только человек обладает способностью смотреть вверх, где ему открываются необычайные красоты небесных явлений. Приобщаясь через созерцание к тому, «что на небесах, он получает огромное удовольствие от действия этого чувства. И вот мы все с вождением и наслаждением взираем на небесные миры, хороводы звезд и сияющие оттуда красоты... получая отдохновение и усладу благодаря зрению» (*Ibid. P. 267*).

Душа человека, убежден Метохит, по своей природе склонна к созерцанию через посредство всех своих чувственных органов, и особенно с помощью наиболее совершенного из них — зрения. Практически весь тварный мир, становясь предметом созерцания, доставляет человеку эстетическое наслаждение. Метохит пытается даже как-то осмыслить психологический механизм этого процесса. Он подмечает, что, созерцая какое-либо явление, взгляд проходит «через все созерцаемые предметы и как бы короткое время находится в каждом из них», оставаясь «при этом шествии через красоты» неизменным и принося душе «некое отдохнове-

¹⁷ См.: *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453)*. München, 1897. S. 495—496.

ние и негу» (Ibid. P. 262). Чувственно воспринимаемая красота и доставляемое ею наслаждение занимают в эстетике гуманистов достаточно прочное место. {422}

Историков по-прежнему волнует красота городов и храмов. Никифор Григора сообщает в своей «Истории», что император Михаил Палеолог сразу же после освобождения Константинополя от латинян принял решение в первую очередь вернуть городу прежнюю красоту, превратить его оставшееся после захватчиков безобразие ($\alpha;$ 'κοσμία) в благообразие ($\epsilon\upsilon;$ 'κοσμία) — восстановить сожженные и разрушенные храмы и дворцы, наполнить опустевшие дома жителями (Greg. IV. 2. P. 88).

Авторы византийских романов и сочинители стихов и песен продолжают восхищаться красотой юности, девичьей красотой. Не добавляя практически ничего нового к установившемуся уже в эстетике эротизма XI— XII вв. канону этой красоты, поздневизантийские писатели не устают воспевать ее. В романе о Каллимахе и Хрисоррое автор описывает не красоту героини, но душевно-эмоциональную реакцию на нее Каллимаха. Читательское восприятие при этом обостряется необычностью сцены первой встречи героев романа. Хрисорроя подвешена драконом за волосы под потолком зала, а Каллимах увидел ее, войдя в помещение, и окаменел от изумления:

*Остолбенел и тотчас же он замер, словно камень.
Смотрел лишь на нее одну, стоял и все смотрел он.
Как будто и она была на потолке картиной.
Всю душу красотой своей могла она похитить:
Умолкнувший немел язык, и замирало сердце.
Налюбоваться он не мог чудесной этой девой,
На красоту ее смотря и женственную прелесть.
Стоял, смотрел, не говоря, души в груди не чуя,
Стоял, смотрел, и сердце в нем двояко поражалось —
Очарованьем красоты и чувством состраданья.*

(Памятники. IX—XIV. С. 390—391)

В «Родосских песнях любви» возлюбленная предстает голубкой «с походкой горделивой», златокудрой и нежной ромашкой, с шеей белоснежного мрамора, с пурпурными губами, с глазами «синее, чем сапфиры», и т. п. Вся она — пленительный объект эротических мечтаний пылающего страстью юноши.

В более сдержанных тонах изображается женская красота историками того времени. Так, Никифор Григора описывает красоту Евдокии, предмета страстной любви деспота Константина: «Женщина эта была как никто другой прелестна лицом, умна в беседе, нежна нравом, так что не только видя ее люди непременно уловлялись в сети любви, но даже по рассказам воспламенялись к ней страстью. Природа щедро одарила ее: всему ее облику придавала стройность, наградила острым умом, сделала речь ее серьезной и убедительной, изящной и приятной для слуха. Не чужда была она и светской учености...» (Greg. VIII. 3). Из этого описания мы почти ничего не узнаем о конкретных чертах прекрасной женщины, так как поздние византийцы, видимо, уже хорошо сознают тщетность описания каких-либо конкретных характеристик красоты, даже видимой. Для византийского гуманиста красота женщины складывается из многих составляющих, среди них видное место занимают утонченная внешняя красота, добрый нрав, острый ум, изысканная речь, воспитанность и образованность.

Из подобного же сочетания идеализированных характеристик внешнего {423} облика и внутреннего мира складывается у Никифора и образ идеального правителя. По его словам, Андроник II Палеолог имел красивую внешность, был высок, привлекателен и грозен одновременно. Многие добрые свойства соединялись в нем в некое общее благо, пронизывающее его «подобно тому, как солнечный луч пронизывает воздух или как сладость составляет неотъемлемое качество меда. В нем неподдельная кротость соединялась с очаровательной любезностью и составляла постоянное его отличие. Природа не поскупилась наделить его лицо веселостью, глаза — ясностью, речь — благозвучием и чистотой. Вообще в приятности, соединенной в нем с важностью, было что-то особенно привлекательное, что-то неземное» (Ibid. X. 1. P. 472—473).

Особой возвышенностью и риторским эстетизмом наполняется речь Григоры, когда он произносит (или только сочиняет) надгробное слово Метохиту — коллеге-полигистру, объединявшему в одном лице ученого, ритора, поэта, философа, т. е. настоящему «храму муз». «О поэзия, о красноречие, о добродетели и вся ученость, как скоро с вами произошло то же, что бывает с полевыми лилиями, которые быстро достигают своей величины и красоты, но еще

быстрее склоняют свои увядшие стебли и исчезают. Вот ваш божественный храм, великое и славное ваше жилище,— ныне сравнялся с землей, сгубив с собою и вашу красоту» (Ibid. X. 2. P. 478). В чисто эллинском духе Григора именуется этот храм, т. е. Метохита, «искусством искусств» и «наукой наук» и наделяет его идеальной внешней красотой. «Храм муз», конечно же, и внешне должен быть прекрасен — установка любой классицистической эстетики, а именно ее-то и исповедовали византийские гуманисты. Метохит «телосложение имел крепкое и удивительно соразмерное, как будто природа создала его организм по канону и мерке как весь в целом, так и каждую его часть, каждый член. Украшен же он был кротким взглядом, соединенным с приятной улыбкой» (Ibid. P. 481). Для гуманистов внешняя красота человека непременно связана с его внутренними достоинствами, является их естественным выражением, знаком и знамением.

Последовательно эту гуманистическую позицию выразил на закате Византии и неоязычник Георгий Плифон. У него первое, совершенное и мудрое творение Зевса — Посейдон предстает и «самым прекрасным из... творений». Высшей красотой среди планетарных богов обладает Гелиос и т. п.¹⁸ Красота во всех ее проявлениях была внутренне близка византийским гуманистам и любима ими. Красота вещей и каллиграфически переписанной рукописи, красота пейзажа и роскошной виллы, красота юности и звездного неба — все вызывало их восхищение и преклонение.

Не была забыта ими и красота духовная. Для любителей мудрости, образования, наук вся сфера гуманитарных знаний и духовной культуры выступала носителем этой красоты. Иосиф Ракендит в «Автобиографии» с упоением пишет о красоте созерцательной жизни. Лишь тому, считал он, кто «живет разумом» и погружен в «чистое созерцание», «ведомо истинно прекрасное» (Памятники. IX—XIV. С. 342). С неподдельной радостью он сообщает, что живет в Константинополе среди духовных и мудрых мужей — ученых, риторов, философов — и с их помощью стремится двигаться по пути к прекрасному (Там же. С. 343). Феодор Метохит писал, что {424} Плутархом владели ненасытная жажда знаний и неутолимое желание «наслаждаться всем самым прекрасным». Именно поэтому он стремился постичь все доступное познанию. Прекрасное в данном случае отождествлялось им с мудростью и философией и почиталось высшей ценностью на уровне человеческой жизни. На этой позиции стояли все гуманисты.

Георгий Плифон почитал самым прекрасным в человеке разум и знания — эти дары богов, которые и в них самих составляют лучшую часть их природы. Счастье людей, полагал он, в стремлении к бессмертию и прекрасному, «в сопричастности прекрасному», данному людям богами. Обращаясь с утренней молитвой к богам, он утверждает: «...счастье это — в подражании вашей природе, так как и в вас прежде всего наличествует прекрасное. Ну, а познание сущего будет, пожалуй, самым главным из всех присущих вам прекрасных свойств, так что и у нас оно будет самым прекрасным из дел и вместе с тем вершиной блаженства»¹⁹.

Итак, практически вся сфера духовной деятельности относилась гуманистами поздней Византии к сфере прекрасного, т. е. к предметам, доставляющим духовное наслаждение (или «блаженство», по терминологии того времени). У Плифона находим мы и более конкретное определение прекрасного, которое практически полностью восходит к античному и этим как бы возвращает эстетику на «круги своя». «Прекрасное,— пишет он в третьей книге „Законов“,— следует искать в мере и соразмерности и вообще в ограничении, а не в несоразмерности, не в неопределенном или в том, что всегда увеличивается». Действительно, разъясняет он далее эту дефиницию, наибольшей ценностью обладает непреходящее. А таковым является нечто простое по своей природе или состоящее из частей, образующих целостность. Последняя же возможна только на основе принципов меры, пропорциональности, соразмерности, соответствия частей друг другу и целому. При их несоблюдении целостности не получается и вещь или явление «отходит от непреходящего. Поэтому то, что всегда более причастно мере и ограничению, вместе с тем прекраснее и лучше того, что всегда склонно к увеличению и вообще не ограничено»²⁰.

¹⁸ Медведев И. П. Указ. соч. М. 183; ср.: Там же. С. 225, 217.

¹⁹ Там же. С. 208.

²⁰ Там же. С. 192, 193.

Реставрируя на закате византийской культуры античную эстетическую традицию, Плифон делает в определении прекрасного акцент на *ограничении*, чего мы не находим в самой античной эстетике. Эта акцентация вполне понятна и даже закономерна в антикизирующем направлении византийской эстетики. Главное, церковно-государственное (или патриотическое) направление этой эстетики развивалось под знаком *возвышенного*, отрицающего какие-либо ограничения, пределы, конечность, — под знаком *бесконечного* и *беспредельного*. В этом направлении на первое место выдвинулась категория *символа*, который не столько сам являлся эстетическим объектом, сколько выступал посредником между возвышенным объектом и реципиентом. Главный эстетический объект патристики был недоступен конкретно-чувственному восприятию.

Античная эстетика практически не знала, а вернее, не интересовалась (во всяком случае, до неоплатонизма) подобным объектом. Ее внимание было направлено прежде всего на чувственно воспринимаемый конечный мир. Поэтому прекрасное стояло в ней на первом месте. Эстетическое томление византийцев по этому миру, собственно, и стало одной из причин {425} появления антикизирующего направления в их культуре и эстетике. И вот, чтобы отделить чувственно воспринимаемый эстетический объект от возвышенного и недоступного чувственному восприятию объекта, Плифон и вводит в античное определение *прекрасного* понятие *ограничения*, чем, кажется, косвенно пытается разграничить *прекрасное* и *возвышенное*.

Итак, антикизирующее направление византийской эстетики на последнем этапе существования империи демонстрирует нам необычайную полноту и богатство эстетического сознания, освоившего богатейшее наследие античной и византийской культур, его активную жизнь при отсутствии каких-либо принципиально новых находок и открытий, но и без признаков застоя и деградации.

Несколько иная картина наблюдается в церковно-монастырском направлении поздне-византийской эстетики. Здесь мы тоже не найдем каких-то новых открытий; но новизна — характеристика, вообще мало что дающая при изучении культур средневекового, принципиально традиционалистского типа. Для главного и в этот период церковно-монастырского направления (особенно палеологовского времени) характерны не академизм или новизна, но предельная напряженность глубинной духовности, ее необычайная концентрация в культуре, искусстве, личности и эстетическом сознании эпохи. И как следствие, ее выплески в экстатических формах то паламизма, то изобразительного искусства, то повсеместного увлечения мистикой.

У последних отцов византийской церкви, многие из которых были приверженцами строгой аскезы, умного делания, глубинного мистического созерцания, с новой силой звучит в общем-то традиционный для этого направления мотив *духовного наслаждения*. И причины этого в целом вполне понятны; они во многом — следствие наметившегося в поздней Византии кризиса средневекового сознания, которому активно содействовали внешние влияния из предренессансной Италии и развитие антикизирующего направления внутри самой империи. Церковь, ощутив реальную угрозу утраты приоритета в духовной культуре, теснее сомкнулась со своим духовным резервом — монашеством. Монастырская духовность выплеснулась за стены обителей, наполнила и оживила на какое-то время жизнь государственной церкви. Одна из наиболее утонченных форм христианской мистики, духовного созерцания — исихазм — оказалась вдруг в центре внимания духовной культуры, полемика о мистических феноменах всколыхнула всю империю. В качестве защитной реакции на двойную угрозу обмирщения и окатоличивания (перед ними меркла даже угроза мусульманского нашествия) православная духовность обретает более острые мистико-эстетические формы, теснее смыкается с эстетической сферой. Религиозная духовность предельно эстетизируется, искусство наполняется повышенной религиозностью. Этот процесс, протекавший в глубинах культуры, нашел свое выражение и закрепление и в сочинениях последних отцов византийского православия.

Идея блаженства, духовного наслаждения с новой силой выдвигается ими в качестве цели и важнейшего стимула религиозной жизни — «жизни во Христе». Будучи монахами, и притом строгой исихастской ориентации, главные теоретики этого направления Григорий Синаит, Григорий Палама, Николай Кавасила в первую очередь проповедовали радости и наслаждения аскетической жизни — вне мира, целиком и полностью посвященной умному деланию и духовному созерцанию, которое в представлении {426} исихастов существенно отличалось

Файл byz3_427.jpg

Стамбул. Фетхие Джамии. Начало XIV в.
Общий вид мозаики апсиды

от чисто умозрительного философского созерцания. По их мнению, это не пассивное, но деятельное и творческое созерцание, в процессе которого отдавшийся ему человек *перестраивает* сам себя, совершенствуется в нравственно-духовном отношении и в результате получает духовное наслаждение.

Ведя воздержанный образ жизни, писал Григорий Палама, мы удостоиваемся созерцания Бога мысленными очами и получаем при этом «великий плод» — «самое узрение (θεα) Бога есть устранение всякого греха, {427} очищение всякого лукавства, отчуждение всякого зла. Такое созерцание является творческим началом всякой добродетели, производителем чистоты и бесстрастия, дарователем вечной жизни и бесконечного царствия»; это «сладостное созерцание» (PG. T. 151. Col. 304 B).

Путь к творческому созерцанию, перестраивающему всего человека, труден, но сопровождается постоянными тихими радостями. Тяжелы пост и воздержание, но они, как двойное кольцо стен вокруг Иерусалима, охраняют душу соблюдающего их от житейских бурь и страстей, содержат ее в блаженном покое. Труден подвиг самоуничуждения, пример которого подал людям сам Иисус, но он, как некое духовное точило, обрабатывает умную часть души, выжимает из нее «спасительное вино», веселящее сердце внутреннего человека. «Вино же это есть сокрушенное умиление, которое плачем поражает страсти и наполняет душу блаженной радостью, избавляя ее от непомерной тяжести».

Трудные для мирского человека ограничения естественных потребностей и побуждений открывают подвижнику, по глубокому убеждению теоретиков аскетической жизни, путь к духовным радостям, превосходящим все, доступное человеку в обычной жизни. Эти радости и наслаждения не поддаются словесному выражению, но отцы-подвижники стремятся хотя бы как-то рассказать о них, обозначить их, чтобы направить к ним своих читателей. Высшие и бесконечные наслаждения обещаны человеку в будущей жизни, но заслужить их необходимо уже теперь. Кроме того, многие праведники и подвижники достигают духовных наслаждений и при жизни. Григорий Синаит даже обнаруживает у человека особое «умное чувство», без которого «невозможно чувственно ощутить наслаждение божественными вещами» (Ibid. T. 150. Col. 1272 A).

Само это наслаждение, согласно Григорию Паламе, свидетельствует о сошествии в душу человека божественной благодати, осветившей ее неизреченным светом и начавшей акт совершенствования внутреннего человека, его обработки в направлении уподобления Богу. Палама ссылается в столь трудном вопросе на авторитет св. Диадокха, видевшего этот процесс практически в чисто эстетическом плане: «Итак, когда ум начал ощущать сладость (χρηστότης) Всевышнего Духа, тогда, должно это знать, благодать начинает как будто живописать в нас образ и подобие Божие, так что это ощущение сладости Св. Духа показывает, что мы начинаем образовываться по подобию Божию, а совершенство подобия узнаем из освещения»²¹. Здесь наконец проясняются окончательный смысл и значение эстетики аскетизма. Духовное наслаждение подвижника является не только самоцелью подвига, но и знаком его внутреннего преобразования, обретения утраченного со времен Адама «образа и подобия Божия» и в конечном счете слияния с Богом в акте бесконечной любви.

Духовные наслаждения доступны не только аскетам, полностью порвавшим с миром, но и христианам, ведущим обычную жизнь в обществе в согласии с евангельским учением. К ним обращены многие Слова и проповеди известных исихастов поздней Византии.

Способность к духовному созерцанию каждый человек может развить в себе сам, а результат его даруется Богом. Только он, полагает Палама, {428} в состоянии дать человеку наслаждение (η;δονή), не смешанное ни с какой печалью, ибо только в созерцании Бога может достичь созерцающий «радостного насыщения» (Ibid. T. 151, Col. 40 C, 41 C). Палама, обращаясь к мирянам, не призывает их полностью отказываться от любви к миру и от чувственных наслаждений, но утверждает, что многие из них сопряжены с греховными действиями и их любителей ожидает геенна огненная. Другие чувственные наслаждения, если они не очень вредны сами по себе, то преходящи и соседствуют с печалью, скорбью, страданием. Только «наслаждение души, происходящее от Бога и от божественных вещей, является чистым, бес-

²¹ Цит. по: Византийские церковные мистики 14-го века: (Препод. Григорий Палама, Николай Кавасила и препод. Григорий Синаит) / Исследование епископа Алексия. Казань. 1906. С. 45.

страстным и не смешанным с печалью» (Ibid. Col. 420 B). О нем не устают напоминать своим читателям (и слушателям) церковные иерархи последних столетий византийской истории.

Рассуждая о радостях будущего века, Григорий Синаит сообщает о двух видах рая — «чувственном и мысленном, или — Едемском и благодатном». Первый ориентирован на самое широкое народное восприятие. Это некое место между тленным и нетленным мирами, изобилующее благовонной растительностью. Второй рай — чисто духовный (Ibid. Т. 150. Col. 1241 B), и его радости обращены только к сфере духа. Адам обитал в Эдеме, который, согласно Паламе, был «местом наслаждения» (Ibid. Т. 151. Col. 413 A).

Во многих сочинениях Григорий Палама возвращается к идее будущего наслаждения, на все лады восхваляя его. Тем, кто не устает в этом мире трудиться во славу Господа, будет даровано «наслаждение (α; πόλαυσις), божественное и неизреченное, истинное и вечное» (Ibid. Col. 508 C); те же, кого проклянет Христос за их грехи и духовную нерадивость, будут отлучены от жизни вечной, лишены наслаждения и света (Ibid. Col. 60 A); только допущенные в Царство Божие обретут «бессмертную жизнь, неизреченную славу, чистое наслаждение и неиссякаемое богатство» (Ibid. Col. 309 A). В настоящее время в постоянном духовном наслаждении пребывают только небесные чины. Христос принес себя в жертву, полагает Григорий, чтобы вернуть людям бессмертие, которое заключается не просто «во всегдашнем бытии», но «в совечествовании (συνδιαϊωνίξειν) с благими ангелами, в сонаслаждении с ними прекрасным и нескончаемым Царством» (Ibid. Col. 212 C) и т. д.

Паламе вторит и его преемник по солунской кафедре Николай Кавасила. В будущем веке, убеждает он своих читателей, наслаждение «оной красотой» ожидает только тех, кто стремился к ней уже в этой жизни и получил через крещение чувства и способности для ее восприятия (Ibid. Т. 150. Col. 541).

В этом мире любая встреча с Богом и его проявлением несет людям радость и наслаждение. Первой из людей, пишет Палама, воскресшего Христа увидела Богородица и «насладилась» (ατήλαυσε) его божественной речью (Ibid. Т. 151. Col. 237 D). О божественной природе Христа, как впоследствии и о святости праведников, нередко свидетельствовало неземное благоухание, распространявшееся в местах их присутствия. Ибо Христос, утверждал Палама, — «истинное благоухание жизни для тех, кто приходит к Нему с верой, как и запах смерти — для упорно пребывающих в неверии; ...благоухание Его одежд, т. е. Его тела, выше всех ароматов, и имя Ему — Миро Излиянное, которым Он наполнил и Вселенную божественным благоуханием» (Ibid. Col. 240 B). Отсюда — эстетика {429} запаха в византийском церковном культе. Благовония, сопровождающие богослужение и христианские таинства, — знаки участия в них Бога.

Коль скоро мы коснулись богослужения, имеет смысл вспомнить, что и оно сопровождается неизреченным духовным наслаждением. У того же Паламы мы встречаем краткое, но очень емкое выражение сущности богослужения, или применительно к нашей теме — литургической эстетики. По убеждению Григория, тот, кто с глубокой верой и сосредоточенностью участвует в литургии, не только получает знание о божественной и человеческой природах Воплотившегося, «но и ясно созерцает мысленными очами самого Господа; скажу даже — и телесными»; и не только видит Его, но и делается «участником Его, и обретает Его обитающим в себе, и исполняется божественной благодати, подаваемой Им». Как в свое время Мария Магдалина увидела воскресшего Христа, так и благочестивый участник литургии «удостаивается видеть и наслаждаться (α; πόλαύειν) тем, во что, по выражению апостола, желают проникнуть ангелы, и чрез созерцание и причастие весь становится боговидным (θεοειδής)» (Ibid. Col. 272). В конечном счете на достижение этого состояния верующих направлено все сложное, многоуровневое и предельно эстетизированное богослужебное действо. Глава исихастов XIV в. сумел это выразить наиболее ясно. О наслаждении верующими «священной трапезой» (причастием) писал и Николай Кавасила (Ibid. Т. 150. Col. 516 C).

Дошедший до нас трактат этого известного богослова XIV в. «О жизни во Христе» практически весь посвящен выявлению тех духовных радостей, к которым ведет жизнь истинного христианина, т. е. «жизнь во Христе». Суть ее Николай усматривает в подражании Христу делами и прежде всего в развитии и углублении в себе чувства любви к Богу и людям. Изреченная любовь к Богу заложена в души людей изначально, но притуплена страстями и греховными помыслами. Если человеку удастся развить ее, охватывает его неизъяснимая словами радость. В душе, пишет Кавасила, есть некое «удивительное предрасположение к любви и радости», проявляющееся в полной мере лишь при наличии поистине радостного и возлюбленно-

го. Таковым для христианина в первую очередь выступает сам Спаситель, не случайно называемый «радостью исполненной» (Ibid. Col. 561 A—C). Приходя в душу человека, Бог дарует ей в качестве первого ощущения Себя неизреченную радость, и она навсегда остается для него знаком божественного присутствия в душе. Владыка дарует блаженным, пишет Николай в другом месте, «чистое ощущение Себя... А плод этого ощущения есть неизреченная радость и преестественная любовь» (Ibid. Col. 561, 565).

В мистическом акте принятия в себя Бога, согласно христианскому учению, осуществляется процесс высшего знания, и он сопровождается неопишуемым духовным наслаждением. Здесь онтология, антропология, гносеология и эстетика сходятся в единую точку, название которой — «вечная жизнь в Боге», а главный смысл ее Кавасила, завершая богатую традицию византийской мистики, пытается выразить понятием удовольствия, наслаждения; хорошо сознавая его ограниченность. По словам Николая, это «самое совершенное и чистое наслаждение», «преестественная и удивительная радость», удовольствие, «превышающее природу слова», и т. п. (Ibid. Col. 705 C—708 A). Силу этого наслаждения (το; μεγεθος τη; ζ η; δονη; ζ) может почувствовать лишь тот, кто взирает на самое {430} радостное и самое приятное. А таковым является только Бог. Но человеческая радость и наслаждение имеют предел, поэтому Он приспособил нашу душу к своей беспредельности, сделал ее бессмертной, чтобы мы и по смерти могли блаженствовать с Ним, «радоваться всецелым наслаждением». Когда соединятся беспредельное благо и беспредельное желание его, что может быть выше возникшего удовольствия (Ibid. Col. 708 A—C). Оно превосходит «всякое человеческое наслаждение». Тогда говорят, что человек «радуется радостью Христовою», и это — цель устремлений всякого человека, живущего во Христе.

Итак, поздние исихасты и их сторонники среди церковных писателей в борьбе с экспансией католического и ренессансного рационализма, а также в противоборстве с отечественными гуманистами с новой энергией обращаются к мистицизму, открывая к нему доступ не только избранным подвижникам, как ранее, но и практически всем христианам. Особое внимание уделяется при этом духовному наслаждению, т. е. фактически феномену интериорной эстетики. Вполне естественно, что волна нового интереса докатывается и до объекта, возбуждающего неопишуемое наслаждение. И здесь исихасты вполне закономерно обращаются к традиционным уже для византийской эстетики категориям *красоты* и *света*.

Им, как и всему византийскому миру, не чужда красота тварного мира и произведений искусства, но не она привлекает внимание Паламы и его сторонников. Человек и Бог — в них, вокруг них, и в их взаимоотношениях прозревают исихасты ауру прекрасного. Размышляя об удивительном деле творения, глава исихастов не без восхищения отмечает, что в человеке, в этой вроде бы незначительной твари, Бог сконцентрировал «все дело своего творения», сущность универсума. Человек и остальной мир близки друг другу «по образу строения», как произведения одного художника. Превосходят же они друг друга величиной (мир) и разумом (человек). При этом человек предстает сокровищем мира, украшающим собой как видимую, так и невидимую его части (Ibid. T. 151. Col. 332 C—333 A). «О, насколько человеческий разум лучше неба,— восклицает Палама,— он является образом Божиим и знает Бога, и, если желаешь,— единственным во всем мире, совозвышающим с собою смиренное тело!» Бог до такой степени возвысил и украсил человеческую природу потому, полагает Григорий, что изначально приуготовил ее в качестве своей одежды, в которую он облекся через посредство Девы (Ibid. Col. 333 AB).

С грехопадением Адама человек утратил первозданную красоту, но может обрести ее на путях духовного совершенствования и с помощью самого Бога. Усмотрев в человеке, писал митрополит никейский Феофан, свой образ порядочно истершимся, а подобие совершенно утраченным, Бог счел необходимым как бы переплавить его и отлить заново «в первоначальной, а лучше сказать — в еще большей красоте». И совершает он это посредством святого крещения, вложив в воду крещения свою творческую силу и уподобив крещальную купель чреву Богоматери, через которое прошел он сам (Ibid. T. 150. Col. 329 A).

Более подробно идею восстановления утраченной красоты в таинстве крещения развил Николай Кавасила. Креститься, писал он, означает заново родиться во Христе и получить бытие тем, кто его фактически не имеет. Крещение — это и просвещение, ведущее к божественному свету, и «некая печать или образ, ибо напечатлевает в наших душах образ смерти {431} и воскресения Спасителя» (Ibid. T. 150. Col. 525 AB), и утверждение нового «вида и красоты» человека, как в целом, так и всех его членов. Подобно «веществу безвидному и не имеющему

образа, погружаемся мы в воду (крещения.— В. Б.) и в ней обретаем вдруг этот прекрасный вид» (Ibid. Col. 537 D).

Крещение возвращает людям первозданную красоту независимо от их образа жизни до этого акта. И «женщины сцены» (профессия актрисы зачислялась церковью в безнравственные), и развратные мужчины с помощью крещения, убеждает своих читателей Кавасила, спокойно достигали «прекрасной гармонии», с легкостью смены одной маски другой (Ibid. Col. 549 D). Речь здесь идет о красоте и гармонии, как нравственной, так и физической. Однако, отмечает Николай, красоту новых членов, которую мы получили в крещении, сейчас нельзя увидеть; для этого нужен свет будущего века (Ibid. Col. 548 B). И если люди праведной жизнью после принятия крещения сохраняют эту ныне невидимую красоту, то при втором Пришествии она выявится во всей своей полноте. Ее носители «просияют паче солнца», вознесутся на облаках и станут «богами вокруг Бога, прекрасными вокруг Красоты» (Ibid. Col. 649 C).

Столь высокая забота Бога о человеке, его красоте заставляет исихастов с почтением относиться и к человеческому телу. Ведь оно было освящено самим Христом в таинстве воплощения. Кавасила призывает современников чтить и сохранять телесную чистоту, ибо ничто не может быть священнее этого тела, «с которым Христос соединен теснее всякого естественного соединения» (Ibid. Col. 649 A).

Добродетели и духовное знание выступали в глазах христианских идеологов существенными украшениями человека. Паламе даже самарянка, с которой Христос беседовал у колодца, представляется прекрасной, как заря или луна, ибо она «светила в то время, когда еще держалась ночь нечестия». Самарянка в понимании Григория имела ум «возвышенный, исполненный божественного вдохновения», и знала то, чего не постигали верующие иудеи (Ibid. T. 151. Col. 260 CD).

Новой степени эстетизации подвергается в поздней Византии феномен мученичества. Красота мученичества с особым вдохновением воспевалась апологетами в первые века христианства²². Затем актуальность этого феномена несколько померкла, так как христианство заняло господствующее положение в империи. И вот на ее закате, в период систематического нажима на православие как со стороны латинян, так и со стороны турок-мусульман, новые апологеты возрождают древний идеал мученичества за веру и предельно эстетизируют его.

Григорий Палама, восхваляя своего знаменитого соотечественника, пострадавшего за веру, великомученика Димитрия, строит весь энкомий в эстетическом ключе. Димитрий стал «великим украшением» церкви, украсил собой Вселенную и сам сиял красотой внутренней и внешней. Он был юношей, прекрасным на вид и «по внутреннему человеку», так что сам Бог пленился его невидимой духовной красотой и соблаговолил возобитать в нем и «сделать его совершенно божественным». Он обрел в нем «чистое зеркало, принимающее и отражающее в себе надмирную и неизреченную {432} красоту» (Ibid. Col. 540 BC). И ныне Димитрий являет

Файл byz3_433.jpg

Спаситель на троне. Начало XIV в.

Стамбул, Фетхие Джамии. Мозаика в апсиде

собой «величайшее прибавление к вечно прекрасным вещам, будучи всемирной и вместе сверхмирной красотой». Он стал как бы божественной книгой, скрижалью или писчей таблицей, исписанной самим Богом и предложенной всему миру для общей пользы (Ibid. Col. 537 D—540 A).

Даже раны на теле мученика представляются Паламе украшением. Не случайно сам Христос сохранил их на своем бессмертном теле и по воскресении. Отсюда, делает он вывод, и раны мучеников не безобразны, но служат им вечным украшением. Как оконные проемы хотя и ничем не способствуют солидности здания, но и не портят его, пропуская внутрь свет, так и слезы страданий, перенесенных ради Христа, «стали для получивших их как бы окнами, пропускающими свет невечерний. И при сиянии этого света постигаются как дело божественной красоты, или, лучше — божественного сияния, а не как безобразные раны». Христово же тело имело источник божественного света внутри, и он оттуда воссиял сквозь его рану Фоме, рассеяв его сомнения (Ibid. Col. 233 CD).

²² Подробнее см.: Бычков В. В. Эстетика поздней античности. II—III века. М., 1981. С. 142—145.

Весь набор средневековой эстетической терминологии, включающий такие важнейшие категории, как красота, прекрасное, свет, сияние, зеркало, книги, писчая доска, использовал Палама для восхваления подвига мученичества. Эстетизация духовного феномена достигла здесь, пожалуй, своего предела, неминуемо требующего разрушения этих слишком изоци-^{433}ренных уз содружества религиозного и эстетического, которое, однако, на византийской почве не успело осуществиться из-за падения Византии. Славянские культуры, подхватившие из рук сраженной *Alma mater* знамя православия, воспользовались не сразу и не всем из ее богатейшего духовно-эстетического наследия.

Исихасты неоднократно указывают на красоту Христа, но не пытаются сказать о ней что-либо конкретное, ибо она — неопишима. Но сила ее столь велика, что она превращает, по словам Кавасилы, гонителей Христа в ревностных апологетов. Эту красоту Христос показывает принимающим крещение в момент крещения, и она возжигает в сердцах такую любовь, что увлекает их далеко от человеческих пределов. В подтверждение этого Кавасила рассказывает о случаях, когда некоторые комедианты, высмеивая христиан, в шутку принимали крещение на сцене театра и здесь же превращались в ревностных защитников христианства (*Ibid.* Т. 150. Col. 556 AD).

Воскресший Христос, убежден Кавасила, навечно сохранил на своем теле «письмена ран» как своего рода украшение и знаки своей бесконечной любви к людям (*Ibid.* Col. 645 CD).

Причастность Девы Марии к непостижимому таинству вочеловечивания возвысила ее в глазах христиан до самого Бога. Палама восхваляет Деву-Матерь как уникальную границу между тварным и божественным естеством, как умонепостижимое вместилище Невместимого. «Она — слава сущих на земле, наслаждение сущих на небе, украшение всего творения» (*Ibid.* Т. 151. Col. 177 B).

Царь всего «возжелал таинственной красоты сей Приснодевы», сошел с небес и осенил ее (*Ibid.* Col. 461). В ней свершилось формирование ($\mu\acute{o}\rho\phi\omega\sigma\iota\varsigma$) «воплотившегося Слова Божия». С этого момента она превзошла всех людей, став единственным посредником между ними и Богом. Сына Божия она сделала Сыном Человеческим, людей же вознесла до сынов Бога; «землю онебесила и род людской обожила». Она стала царицей всякой земной и премирной твари, возвышеннейшей царицей над самыми возвышенными и блаженнейшей над всеми блаженными (*Ibid.* Col. 465 AB). Палама сравнивает Богоматерь с солнцем и небом и, наконец, представляет ее средоточием и совокупностью всех красот мира. Бог, пишет он, когда пожелал открыто показать людям и ангелам «образ прекрасного» и истинное свое подобие, «создал ее в высшей степени всепрекрасной, соединив в ней в одно целое те черты, которыми он украсил все в отдельности; явив в ней мир, сочетающий видимые и невидимые блага; лучше же сказать, — явив ее целостной совокупностью и высшей красотой всех божественных, ангельских и человеческих красот, украшающей оба мира, от земли и до неба достигающей» (*Ibid.* Col. 468 AB).

Своим вознесением на небо по Успении вместе с «богопрославленным телом» Богородица соединила дольний мир с горним и воссылает оттуда на землю «светлейшие и божественнейшие сияния и благодати», просвещая ими всю земную юдоль. Все лучшие дарования, которыми от века были наделены прекраснейшие из людей и ангелов, сосредоточены в Богоматери во всей полноте и целостности. Никакое слово не в силах изобразить «богосиянную красоту» Девы-Богоматери. Она — «вместилище всех благодатей и исполнение всякой благородной красоты», она светлее света и более исполнена цветения, чем небесный рай; более прекрасная, чем весь види-^{434}мый и невидимый мир; она — «хранительница и распорядительница богатств Божества» (*Ibid.* Col. 469 A—473 A).

Воспев образ Богоматери в столь высоко эстетизированной форме, Палама фактически, может быть наиболее полно во всей святоотеческой традиции, выразил словесно эстетический идеал православия. Сформулированный на закате византийской культуры, он уже мало что мог дать этой культуре, но его значение для средневековых культур славянского мира, и особенно для Древней Руси, трудно переоценить. Он вдохновил бесчисленных древнерусских иконописцев на создание галереи непревзойденных по духовной красоте, возвышенности и лиричности образов Богоматери, составивших основу бесценного фонда древнерусской живописи.

Обращаясь к духовной красоте, святоотеческая эстетика палеологовского времени достаточно регулярно связывает ее с особым познанием, которое осуществляется без посредства слов, разума, логического мышления и оказывается, как правило, более глубоким, чем понятийное познание. Григорий Палама, например, был убежден, что «красота сущего», т. е. всего

тварного мира, несет знание о Боге и чрез нее мы могли бы познать Его, но не познали (Ibid. Col. 477 A).

Более подробно о гносеологическом аспекте красоты писал Николай Кавасила. Он усмотрел глубочайшую внутреннюю связь между *познанием*, *любовью* и *красотой*, утверждая, что «познание (το;` ει;` δέναι) есть причина любви, и оно рождает ее, и никто не может обрести любви к благому (ε;` ;` ρωτά τω;` ν καλω;` ν), пока не узнает, какую оно имеет красоту (κάλλους)». А так как знание это иногда достигает совершенства, а иногда остается неполным, то соответствующей бывает и любовь. «И что из прекрасного и благого познается совершенно, то и любимо бывает совершенно и соответствует такой же красоте», а что не до конца ясно любящим в объекте их почитания, к тому и любовь слабо выражена (Ibid. Т. 150. Col. 552 BC).

Крещение вкладывает в человека некоторое знание о Боге и ощущение Его, и люди, принявшие крещение, «ясно познали добро (το;` ν καλο;` ν) и почувствовали совершенство (τη;` ζ ω;` ;` ρας) и вкусили (испытали — ε;` γεύσαν) красоту (κάλλους) Его». И далее Кавасила разъясняет, что познание проистекает не только «из словесных наук» («из учения»), но и «из некоего опыта», внутренне, «само собою». Николай затрудняется более точно выразить суть этого непонятного, «опытного» познания, но уверен, что оно совершеннее словесного, связано с красотой, и использует для его обозначения глагол γεύω (вкусать, познавать), имеющий сильную эстетическую окраску.

Первопричина, разъясняет он, не имеет адекватного словесного обозначения, поэтому и познается она более полно вторым способом. Суть его он формулирует следующим образом: «А испытать (познать опытом) — значит вступить в контакт с самим объектом (познания.— В. Б.), в результате чего сам вид (ει;` ;` δος) его входит в душу и возбуждает желание точно так же, как след, соразмерный красоте» (Ibid. Col. 552 D). При этом объект познания сам выступает не менее активным началом, чем субъект. Христос, чтобы познающие глубже постигли Его красоту, сам показывает им «некоторый луч красоты» и «неизреченным образом устраивает и формирует (πλάττει) души людей», т. е. впечатлевает в них некий вид, образ своей красоты. Перед нами фактически особый тип принципиально непонятного, *формирующего* и *напечатлевающего* познания, в результате-^{435}те которого красота (а она выражает его сущность) объекта познания сама напечатлевается в душе субъекта, т. е. своеобразный вид эстетического познания, который занимал в святоотеческом направлении духовной культуры видное место на протяжении всей истории Византии.

Значительно большую роль, чем собственно красота, в христианской теории и практике высшего познания играла со времен ранней патристики такая модификация прекрасного, как *свет*. У исихастов XIV в. она приобрела особо важное значение, косвенно способствуя усилению эстетизации религиозной гносеологии и мистики.

Высшее знание, по Григорию Синаиту, осуществляется с божественной помощью и в световых формах. Подготовивший себя к восприятию этого знания и очистившийся ум получает его не из книг, а от самого Бога, который вместо книги имеет Дух, вместо трости — мысль и язык, вместо чернил — свет. «Погружая мысль в свет и делая ее светом, он Духом начертывает словеса в чистых сердцах слушающих» (Ibid. Col. 1245 D—1248 A).

Высшим божественным знанием в разнообразных световых формах обладают (и обладали), согласно исихастам, ангелы и другие небесные чины, ученики Христа, святые, мученики и подвижники; это знание наполняло христианские таинства. Николай Кавасила был убежден, что неизреченное «сияние славы» носили внутри себя апостолы, ее отблеск был виден и на их лицах (Ibid. Col. 564 C). Посредством таинств крещения, миропомазания, причастия, по его мнению, «светлость будущей жизни» проникает в души людей и затемняет в них «красоту и светлость» мира сего (Ibid. Col. 504 C). В свете, сиянии и необычайном блеске представляется Кавасиле и картина второго Пришествия (а не «Страшного суда»!), радующая (!) души верующих, когда Спаситель «молниеподобно сходит с неба на землю, а земля воссылает иные солнца к Солнцу правды, и все исполняется света» (Ibid. Col. 649 D).

Наиболее же полную, пожалуй, со времен Псевдо-Дионисия Ареопагита эстетику и мистику света находим мы у главного теоретика исихазма XIV в. Григория Паламы. У него, как и у автора «Ареопагитик», вся духовная сфера буквально пронизана светом.

В согласии с евангельской традицией Палама регулярно называет Христа светом, а его деятельность — просвещением. Учение Святого Духа излучается людям в виде света; а Петр и Павел предстают в сочинениях Григория как два сияющих светила, два «великих света». Тело

Христа, по Паламе, как мы помним, имело внутри себя источник божественного света, который сиял из его ран.

Пещера, в которой произошло воскресение Христово, была наполнена «светом Воскресения», хотя снаружи было еще темно. При этом свете Мария Магдалина увидела и пустой гроб, и ангелов на нем в светозарных одеждах (Ibid. T. 151. Col. 268 B). Ангелы у Паламы, следующего патриотической традиции, суть сами световидны. Перефразируя «Ареопагитики», он сообщает своим читателям, что не отпавшие от Бога ангелы «являются светом, и всегда исполняются светом, и постоянно все более и более просветляются, блаженно пользуясь врожденным изменением и радостно ликуя близ первого Света, взирая на него, непосредственно от него просвещаясь, воспевая неиссякаемый Источник света и ниспосылая, как служи- {436} тели

Файл byz3_437.jpg

Христос. Ок. 1316—1321 гг.

Стамбул, Кахрие Джамии.

Мозаика в куполе внутреннего нарфика

Света, светотворящую благодать тем, кто менее совершенен в светопроявленности» (Ibid. Col. 288 CD). Напротив, Сатана и отпавшие с ним ангелы погрузились во мрак, сами стали этим мраком — «самотемными» (αυ; τὸσκότος).

В будущем веке праведники, узрев «Свет более яркий, чем солнечный», станут «детьми этого Света», «иными светами» (Ibid. Col. 296 A), «сами воссияют, как солнце, в царстве Отца их» (Ibid. Col. 220 A). Участником «этого божественного сияния и светозарности» был и Адам до грехопадения. Он был тогда воистину облечен в «одеяние славы» и поэтому не стыдился наготы своей. Собственно, он и не был наг: в одежде божественного света он был украшен значительно роскошнее, чем «носящие на себе ныне золотые диадемы, украшенные множеством драгоценных камней». Именно это наше перводанное естество, только еще более сильной светозарности, Христос показал ученикам на Фаворе, чтобы верующие представляли себе, какими они будут в будущем веке.

Залоги этого совершенства были даны святым уже здесь, на земле. На славу лица Моисея не могли смотреть сыны Израилевы; лицо мученика Стефана было подобно сияющему ангельскому лику, и многие другие святые приобщились «оному божественному сиянию и светозарности» (Ibid. Col. 220 AC).

Итак, у Паламы все, так или иначе причастное Богу и духовной сфере, пронизано божественным сиянием, светозарно и светоносно. В наиболее чистом и в какой-то мере доступном человеческому восприятию виде Христос показал этот свет на Фаворе. О нем много писали Палама и другие исихасты, он неожиданно стал одной из причин бурных богословских споров последнего века Византии. Суть их сводится к следующему²³. Палама, его сторонники и последователи утверждали, что в акте Преображения на Фаворе ученикам Иисуса был явлен несотворенный («нетварный») свет, {437} доступный их восприятию, через посредство которого возможно приобщение к трансцендентной божественной сущности. Именно узрение этого света сверхчувственно-чувственным видением в акте особой мистической практики — «умного делания» — было главной целью монахов-исихастов, наполнявших в то время Афон.

Противники паламитов, которых возглавлял ориентирующийся на латино-итальянский мир образованный монах Варлаам, отрицали возможность бытия чего-либо нетварного, отличного от божественной сущности. Фаворский свет, как и другие «энергии» Бога, они считали сотворенным и соответственно бесконечно далеким от божественной сущности. Тем самым подвергалась сомнению, если не отрицалась вообще, духовная ценность исихастской мистической практики. В результате бурных споров, в которых важную роль наряду с богословием играла и политика, победила партия паламитов, исихастское духовенство пришло к власти в византийской церкви, практика исихии возобладала в монастырях и скитах не только Афона и Синая, но и всей Византии.

В данном случае интересна не столько богословская или политическая сторона паламизма, сколько ее эстетический аспект, который, вообще говоря, преобладал в учении Паламы.

²³ Подробнее о богословской сущности этой полемики см.: *Монах Василий (Кривошеин)*. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // SK. 1936. Т. 8; *Meyendorff J. A Study of Gregory Palamas*. L., 1962; *Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz*. München, 1977.

Его утверждение о возможности чувственного восприятия (хотя и в определенной ситуации) «нетварного» света открывало широкий простор эстетическому сознанию и художественному творчеству, что не замедлило проявиться уже в конце XIV — начале XV столетия в искусстве как самой Византии, так и в еще большей мере древнерусского мира. Поэтому имеет смысл несколько подробнее всмотреться в паламитскую концепцию фаворского света, саму форму и способ ее изложения, т. е. всмотреться в ее собственно эстетический абрис.

К проблеме фаворского света Палама обращался во многих своих сочинениях — и в беседах с верующими, и в философско-богословских трактатах, и в наставлениях к практикующим исихию. Прежде всего он стремился доказать (а точнее, показать) принципиальную «нетварность», т. е. трансцендентность света Божественного Преображения.

Уже то, что Иисус взял с собой на гору только избранных учеников, ясно свидетельствует, по мнению Паламы, что он собирался показать им «нечто великое и таинственное», а не просто чувственно воспринимаемый свет (Ibid. Т. 151. Col. 433 C). Христос — сам от вечности свет (Ibid. Col. 432 A), и именно этот «нетварный» свет был явлен ученикам на Фаворе (Ibid. Col. 425 AB). Только «приверженцы эллинской науки», полагает Григорий, могут считать тварным и чувственным этот «невещественный, невечерний, присносущный и превышающий не только чувства, но и силу ума» свет (Ibid. Col. 432 CD). Если бы он был тварным и каким-то новым светом, то мы должны были бы признать в Христе три природы: божественную, человеческую и «природу этого света», что противоречит христологическому догмату. Отсюда следует, что Христос показал на Фаворе не иное какое сияние, но изначально скрытое в нем под плотью «сияние божественной природы; так что свет этот является светом божества и несотворенным» (Ibid. Col. 433 A).

Для большей убедительности в обосновании трансцендентности фаворского света Палама обращается к световой метафизике «Ареопагитик». Размышляя над евангельской фразой: «...се, облако светлое осенило их» (Мф. 17, 5), он задает своим слушателям риторический вопрос: «А не {438} было ли это облако тем неприступным светом, в котором обитает Бог, и тем светом, в который он облачается, как в одежды?» И отвечает утвердительно, вспоминая Дионисиево определение Бога как «сверхсветлой тьмы». Этот свет является тем же самым, что и тьма (καὶ ὁ φωτὶς ἐστὶν ἐν τῆσδε καὶ τῆσδε σκοτός), «по причине неприступности блеска его сияния» (PG. Т. 151. Col. 441 D). И во многих других местах Палама утверждает нетварность, сверхъестественность, недоступность, т. е. трансцендентность божественного света (ср.: Ibid. Т. 150. Col. 1168 BC; Т. 151. Col. 445 B etc.), который тем не менее был явлен ученикам на Фаворе и виден ими. Таким образом Палама утверждает и его *имманентность* тварному миру. Здесь он опять прибегает к авторитету ранней патристики, и в первую очередь к авторитету автора «Ареопагитик»: «И великий Дионисий, заявляя, что тот неприступный свет есть мрак, в котором, как сказано, обитает Бог, утверждает, что в нем бывает всякий, удостоенный знания и видения Бога» (Ibid. Т. 151. Col. 444 A). Избранные ученики Христа были также удостоены приобщиться к этому свету.

В «Главах физических, богословских, нравственных и практических» Палама писал о причастности небесных чинов божественному свету: «А о том, что и ангелы причастны ему и что он нетварен и не является божественной сущностью, знают все, достаточно знакомые [с трудами] богомудрых апостолов и богословов» (Ibid. Т. 150. Col. 1168 B). И далее, опять цитируя Ареопагита, он показывает, что ангелы объединены «с безначальным и бесконечным сиянием прекрасного-и-благого», но отделены от сущности Бога. Полемизируя с рационалистами, Палама вынужден постоянно заострять внимание на том, что, хотя божественный свет не сотворен и предвечно присущ Богу, он не является его сущностью. Именно поэтому к нему причастны ангелы и святые. И наоборот, так как многие сотворенные существа имеют причастие к этому свету, он не относится к сущности Бога, ибо она проста, «совершенно неделима и неприступна» (Ibid. Т. 151. Col. 448 C).

Божественному свету, настойчиво повторяет Палама и в «Главах физических», были причастны и Адам, и апостол Павел. Отблеск этого света узрел Савл на пути из Иерусалима в Дамаск и приобщился к тем, кого беспощадно преследовал до этого (Ibid. Т. 150. Col. 1168 D—1169 A). Нет физических или каких-либо иных принципиальных препятствий для узрения божественного света. Необходим только соответствующий образ жизни, и Бог дарует любому такую возможность. Все праведники, утверждает Палама, просветятся в царстве Божию, и сами, «став всецело божественным светом, как порождения божественного света, они узрят Христа, божественно и неизреченно сверхсияющего». Слава неземного сияния явилась и на Фаво-

ре, как всецело присущая телу Христа «вследствие единства ипостаси» (Ibid. T. 151. Col. 432 C).

Свет этот не был чувственно воспринимаемым, и люди, обладающие обычным физическим зрением, не могли его видеть. Однако ученики Христа на Фаворе видели его и физическим зрением, ибо оно было у них «приготовлено силою Божественного Духа» для такого видения. Так же увидят его и праведники в будущем веке; таким видением были наделены мать Иисуса Мария, пророчица Анна, Симеон Христопримец (Ibid. Col. 433 B). Праведники могут обрести дар видения Фаворского света путем добродетельной жизни и неустанной молитвы. Сам Христос просиял во время мо-^{439}литвы, чем наглядно показал ученикам, что именно «молитва является подательницей этого блаженного видения» (Ibid. Col. 432 A).

Фаворский свет меняется по своей силе. Палама подчеркивает, что апостолы сначала видели свет физическим зрением, затем он начал усиливаться и превзошел порог их восприимчивости и как бы скрылся в светлое облако (Ibid. Col. 444 A). И далее он замечает, что божественный свет «дается мерою и способен увеличиваться или уменьшаться» в зависимости от способностей воспринимающего (Ibid. Col. 448 B).

Особое место в своих сочинениях уделил Палама, как и его предшественники и последователи по подвижнической жизни, молитве и «умному деланию» монахов-исихастов, поставивших целью приобщение к фаворскому свету еще в этой жизни в процессе исихастской духовной практики, специальным приемам психосоматической подготовки и т. п. Палама много писал о путях, приемах и способах, которые могут привести монаха к узрению божественного света внутри себя, в своем «сердце», как некоем духовном центре человека, но эти вопросы эстетики аскетизма не удастся рассмотреть здесь подробнее за ограниченностью объема главы.

Итак, все усилия Паламы направлены на то, чтобы убедить читателей и слушателей в одновременной недоступности и доступности фаворского света, в его принципиальной неопостигаемости и чувственной воспринимаемости вплоть до видения физическим зрением; его, говоря философским языком, одновременной трансцендентности и имманентности тварному миру. Палама, таким образом, в полемике со своими противниками из лагеря рационалистов и гуманистов, возложивших богословско-философские надежды на разум и логику, снова (в который уже раз в святоотеческой истории!) утверждает *антиномизм в качестве главного принципа православного мышления*, т. е. предпринимает еще одну (последнюю в византийской истории) попытку укрепления и утверждения самой сути православия перед угрозой латинского рационализма. На этот раз объектом богословского анализа стали божественные *энергии*, и в первую очередь *свет* божественного преображения, т. е. феномен, имевший в византийской культуре не только религиозное, но и ярко выраженное эстетическое значение. Сам Палама хорошо ощущает это и нередко делает акцент именно на эмоционально-эстетической стороне фаворского света.

Своим озарением на горе, подчеркивает Григорий, Христос радуется всех — и видевших его учеников, и слышащих об этом христиан. Эта радость была предсказана еще псалмопевцем Давидом (см.: Пс. 96, 11; 88, 13) и затем сбылась на Фаворе (PG, T. 151. Col. 437 B). Для достижения наслаждения фаворским светом ныне необходима как благодатная помощь свыше, так и внутренняя активность субъекта. Палама призывает жаждущего этой радости напрячь и возвысить «очи души» и, привлекая таким способом божественное озарение, стать «со-образным (σὺμμορφοῖ) подобием славы Господней» (Ibid. Col. 437 D). Духовное наслаждение фаворским светом возможно только при активной позиции созерцающего, когда он сам соответствующим образом сформирует, подготовит свой внутренний мир, а довершит это формирование божественная энергия в процессе осияния его, преображения в более прекрасный.

Для Паламы фаворский свет адекватен высшей красоте, что вытекает из многих его суждений. «Истинную и привлекательнейшую красоту» может узреть только очистивший свой ум, писал Григорий, в виде некоего ^{440} яркого сияния, которое пронизывает и самого созерцающего (Ibid. Col. 432 AB). Сияющие белоснежные одежды Христа в Преображении представляются Паламе сверхприродной красотой (Ibid. Col. 440 D), а явленный там свет он называет божественной славой, царством, красотой, благодатью (Ibid. Col. 445 B; ср.: Col. 425 B). Размышляя о тайне Преображения Господня, Григорий призывает: «Пойдем к сиянию оногo света и, возжаждав красоты его неизменной славы, очистим зрение ума своего от земных скверн», привлекающих нас своей проходящей сладостью (Ibid. Col. 436 BC). Из этих и подобных высказываний хорошо виден собственно эстетический аспект фаворского света.

Помимо тождества с красотой, здесь обращает на себя внимание и постоянно фигурирующее понятие *славы* (δόξα), которая еще с ветхозаветных времен утвердилась в иудейско-христианском мире в качестве своеобразного посредника между трансцендентным Богом и миром²⁴. У Паламы слава теснейшим образом связана с фаворским светом и предстает иногда совершенно адекватной ему, а иногда — его заместителем, имеющим, может быть, меньшую силу сияния. Так, в одном случае он утверждает, что Христос называл «славою Отца... свет своего Преображения» (Ibid. Col. 425 B), а в другом говорит, что на Фаворе Христос имел для восшедших с ним «вместо света... славу Божества» (Col. 436 A). Для нас важны сейчас не эти нюансы понимания Паламой славы, а художественно-эстетические последствия пристального интереса исихастов к этому феномену. С XIV в. изображение славы на иконах получило широкое распространение как в самой Византии, так и в славянских странах — особенно в Древней Руси. Глубинная связь трансцендентного (нетварного) фаворского света с красотой и славой давала новый и сильный импульс одухотворению изобразительного искусства, что с особой силой проявилось уже на русской почве в конце XIV—XV в. Творчество ряда поколений очень разных древнерусских иконописцев от новгородского грека Феофана до Дионисия Ферапонтовского в глубинных своих основаниях питалось исихастской эстетикой света — красоты — славы.

Проблемы собственно искусства мало интересовали представителей святоотеческого направления поздневизантийской эстетики, и здесь они занимали традиционные позиции. К искусству относили самый широкий круг ремесел, включая живопись, скульптуру, строительное искусство. Ценилось оно прежде всего за пользу, но не умалялись и его эстетические качества. Палама, например, считал, что «искусство привносит в природу некую красоту», которая, однако, не может идти ни в какое сравнение с красотой фаворского света (Ibid. T. 151. Col. 440 D). Николай Кавасила повторяет известные неоплатонически-раннехристианские идеи о творчестве живописца. Художники, сообщает он, пишут картины двумя способами: или имея перед глазами конкретный образец, уже существующую картину, или на основе памяти и внутреннего замысла. Художник созерцает тогда образец в своей душе; и так поступают не только живописцы, но и скульпторы, и творцы других искусств. «И если бы нашлась какая-нибудь возможность глазами увидеть душу художника, то ты увидел бы там дом, или статую, или какое-либо другое произведение [искусства], только без вещества» (Ibid. T. 150. Col. 620 BC), т. е. известный плотиновский {441} «внутренний эйдос», на который опирался и Феодор Студит в своей теории иконы.

Значительно большее внимание, чем искусству, уделяли отцы церкви XIV—XV вв. символизму, самим религиозным символам и образам. Здесь они в основном тоже не были оригинальны, но, во-первых, для средневекового типа культуры характерен как раз традиционализм, а не оригинальность, а во-вторых, многие символические толкования этого времени оказались так или иначе связанными с художественной культурой и самой Византии, и стран православного ареала. Поэтому имеет смысл остановиться на некоторых из них подробнее. Они дают возможность глубже почувствовать и характер религиозно-эстетического сознания поздних византийцев.

Согласно Паламе, «весь этот чувственный мир создан был своего рода зеркалом надмирного (τῷ ἄνω ἡγεμονικῶν) для того, чтобы путем духовного созерцания его мы как по некоей чудесной лестнице поспешили бы к тому [надмирному бытию]» (Ibid. T. 151. Col. 36 B). Традиционная для христианского мировоззрения идея мира как зеркала, особым образом отражающего сферу истинного бытия, осеняет у Паламы его символизм, ибо изображение в этом «зеркале» не изоморфное, а условное и относится к нему в христианстве не только природный мир, но и множество явлений религиозной культуры, возникших значительно позже сотворения мира.

Истолковывая притчу о блудном сыне, Палама разъясняет, что перстень, данный отцом (= Богом) сыну, — это «печать созерцательной добродетели», наложенная на деятельность души, которую символизирует рука блудного сына. Обувь, которую отец выдал ему, — это «божественная защита и твердость», позволяющая ему наступать на змей и скорпионов, т. е. на всякую нечистую силу (Ibid. Col. 44 BC).

²⁴ См.: Бычков В. В. Эстетика поздней античности. С. 25.

Три мужа в гостях у Авраама однозначно понимаются Паламой как явление Троицы: «Вот, единый Бог — три ипостаси, и три ипостаси — единый Бог» (Col. 132 A). Это понимание имело существенное значение для развития иконографии «Троицы» в православном мире и получило свое предельное художественное воплощение в «Троице» Андрея Рублева.

Исаак, послушно пошедший на заклание, традиционно осмысливается Григорием как «образ (τύπος) Пригвожденного», а в самом жертвоприношении Авраама он видит предзнаменование «тайны Креста» (Ibid.).

«Вход» Христа в Иерусалим на осле осмысливается Паламой как «знак его смирения и скромности» (Col. 184 C). Знаком (σημεῖον) истинных последователей Христа является любовь, которую он оставил им в качестве своего наследия (Col. 188 B). Святые представляются Григорию образами добродетели, вестниками всего прекрасного (Col. 353 D) и т. п.

У Николая Кавасилы нередко встречаются толкования различных символов, в частности символов Священного писания. Многочисленность символических образов в священных текстах он объясняет неизреченностью и неизобразимостью божественного человеколюбия, его сверхразумного единения с любящими его (Ibid. Т. 150. Col. 497 BC). Жизнь верующего состоит в подражании Христу, считает Николай, и указывает на три типа этого акта: подражание в образах, в символах и в самих делах. Образно-символическое подражание он усматривает в Ветхом завете, теперь же настало время дел, т. е. деятельного следования заповедям Христовым (Ibid. Col. 557 C, 560 A). {442}

Файл byz3_443.jpg

*Христос и пророки. Начало XIV в
Стамбул, Фетхие Джами. Мозаика в куполе*

Помимо всяких наук и любомудрия, писал Кавасила, «есть некое непосредственное ощущение Бога, когда луч от него невидимо касается самой души». Символ этого луча он видит в «светлости», сопровождающей таинство крещения, в множестве светильников, светлых одеждах, ликующих песнопениях и гимнах (Ibid. Col. 565 B).

Эта, условно говоря, экзегетическая символика в целом была характерна для всей истории византийской культуры. В рассматриваемый период, однако, не она занимала главное место в умах ригористически настроенного в целом духовенства, главных церковных теоретиков. Перед реальной угрозой православию и со стороны католичества, и со стороны мусульманства основное внимание его защитников было направлено на *сакральный* (как центральный) аспект всех духовных феноменов, в том числе и символов. На первый план теперь выдвигается *литургический образ*, или *сакральный символ*, который не только обозначает и выражает архетип, но и наделен его силой, энергией. Наиболее подробно об этом типе символов писал Симеон Солунский (ум. 1429), но и другие отцы XIV—XV вв. уделяли ему внимание.

Николай Кавасила считал, что подобной символикой обладают церковные таинства, приобщающие человека «к жизни во Христе». Так, крещение {443} есть некая печать, или образ, ибо напечатлевает в душах принявших его образы смерти и воскресения Спасителя (Ibid. Col. 525 AB).

Симеон Солунский посвятил церковным таинствам специальное сочинение, в котором при их описании, с одной стороны, регулярно использует понятия *знак*, *образ*, *символ*, *изображает*, *знаменует* и т. п., а с другой — настойчиво подчеркивает их сакральную значимость, т. е. их принципиальную вынесенность за пределы чисто семиотического отношения. В таинствах, полагает он, через людей действует сам Бог. Так, миропомазание, по Симеону, «знамение (σημείωσις) и печать Христова, одновременно заключает в себе «силу Св. Духа», его благоухание (Ibid. Т. 155. Col. 177 C). Елей, входящий в мир, «знаменует» (σημαίνει) наше спасение, является «образом» (τύπος) божественной милости (Ibid. Col. 205 C), ее символом (σύμβολον); остальные ароматические компоненты мира «являются образом божественных даров» (Col. 244 B). Миропомазание — это печать Св. Троицы; кто не помазан, тот не запечатлен, не обозначен (α,᾽ σημεῖωτοι) для Христа. Мир обладает силой освящения.

Крещение, по Симеону, имеет много значений, «но преимущественно оно изображает смерть Христа и его тридневное воскресение» (Ibid. Col. 221 C). Одновременно принимающий крещение являет собой падшего Адама, а крестящий его иерей изображает (ε,᾽ κτυλοῖ) самого Христа и имеет в себе его силу (Ibid. Col. 215 BC). Велико и непостижимо это таинство: «ангелы предстоят здесь, Христос изображается водами, Св. Дух нисходит» на принимающего крещение, превращая его из нечистого в чистого (Col. 224 C). Крест в этом таинстве изображает

самого Христа и имеет его силу; помазание миром — «знамение (σημεῖον) Христово»; символическим значением обладают и одежды, в которые облачается новокрещенный (Col. 225 В—233 В).

Еще более подробно Симеон разрабатывает сакральную символику применительно к церковному богослужению. Здесь он как бы завершает на византийской почве длительную (тысячелетнюю) традицию толкования богослужения, постижения его глубинного смысла и значения всех элементов, традицию понимания литургического образа. Не имея здесь возможности подробно анализировать все аспекты литургической эстетики Симеона, я остановлюсь лишь на его понимании символики храма.

Она, как и вся христианская символика, принципиально многозначна и многомерна, и поле образуемых ею значений как раз и включает в себе духовно-символический потенциал храма, его эстетический и религиозный смыслы, слитые здесь практически нераздельно.

Храм, по Симеону, как в свое время ветхозаветная скиния и храм Соломона, изображает собой весь мир, ибо Бог пронизывает собой все и превыше всего. По образу Бога (Троицы) храм имеет трехчастное членение и соответствующую семантику. Членение это осуществляется в нескольких взаимопересекающихся измерениях: в вертикальном, горизонтальном и изнутри вовне. В вертикальном измерении храм является образом видимого мира. Самые верхние части его изображают видимое небо, нижние — то, что находится на земле, и земной рай, внешние части (здесь уже переход к движению изнутри вовне) — только землю и ведущих разумную жизнь (Ibid. Col. 337 D—340 A).

В горизонтальной плоскости алтарь «образует собой» (τυλοῖ) святая святых, горний пренебесный мир; сам храм (наос, корабль) — небесный {444} мир, небо и рай; а крайние части храма, нартекс, притворы и приделы означают землю и то, что обитает на земле (Ibid. Col. 292 A). Алтарь — образ горнего мира; трапеза «образует» (τυλοῖ) престол Бога, а иерарх, ведущий службу, — самого Христа (Col. 337 D). При этом Симеон подчеркивает, что иерарх «образует Богочеловека Иисуса и обладает его силой» (Col. 340 A), т. е. выступает в процессе богослужения литургическим образом, или сакральным символом. Участвующие в богослужении архиереи и священники являют собой ангелов и апостолов. С тех пор как Бог вочеловечился и побывал на земле во плоти, богослужение совершается одновременно на двух уровнях — горнем и дольном. Различие только в том, что *там* все совершается «без завес и символов, а *здесь* — через символы», так как мы облечены тленной плотью и нам недоступно чисто духовное служение (Col. 340 AB).

В другом семантическом ключе (не исключаящем все остальные) трапеза в алтаре предстает рельефным феноменом гроба Христова (το; μνη; μα Χριστοῦ δηλοῦσα) и всего таинства Его жертвоприношения. Здесь Спаситель реально почивает как Бог и свершается Его заклание как человека и вкушение верующими от этой таинственной трапезы (Col. 340 CD).

Тайну символического ядра всей церковной жизни более подробно, еще до Симеона, пытался разъяснить Григорий Палама, пользуясь, кстати говоря, тем же термином τύλος, который в поздней святоотеческой литературе чаще всего применялся для обозначения сакрального символа. «Храм, — писал Палама, — представляется образом (τύλος) Его гроба, и даже более, чем образом; он, быть может, по-иному [реально] являет Его». За завесой на трапезе возлежит само тело Христа, и тот, кто с верой простирает к Богу свои мысли, «ясно узрит духовным взором самого Господа; скажу даже — и телесным [зрением]». И не только увидит Его, но и делается «участником Его, обретет Его обитающим в себе: насладится Им и весь станет „боговидным“» (Ibid. T. 151. Col. 272 CD).

Храм, таким образом, с происходящим в нем действием представлялся византийцам неким сложным сакрально-символическим феноменом, реально, объединявшим небесный и земной уровни бытия (τά α; ; 'νω τοῖς ε; πι; ' η; ε; 'νωσαντα — Ibid. T. 155. Col. 341 D) и приобщавшим верующих к горнему миру и к самому Богу. В этом суть сакрального символизма византийцев.

Осмысливая литургические образы, Симеон Солунский не забывает о видимой красоте храма и входящих в него элементов. В его понимании красота храма символизирует рай, райские небесные дары, знаменует собой саму Жизнь, живую Премудрость, обитающую в храме. «И еще красота храма означает, что Пришедший к нам прекрасен добротой, как всенепорочный, и что Он — прекрасный жених, а церковь — прекрасная и непорочная невеста его» (Ibid. Col. 349 C). Красота храма, таким образом, выступает у Симеона символом основных ценностей христианского универсума — вечной жизни, премудрости, религии и самого Бога.

Драгоценные завесы и другие роскошные украшения в храме являются образом величия, славы и красоты Бога, который, согласно псалмопевцу, «в красоту облечен» (εὐ, ᾧ πρέλειαν ἐ; ᾧ ἐδύσατο — Ps. 92.1). Кроме того, красота храмового убранства необходима нам, как существам одновременно и духовным, и чувственным, чтобы чрез внешние украшения мы постигали духовную сущность храма (PG. Т. 155. Col. 349 D — 352 A). Здесь Симеон напоминает своим читателям общую теорию образа, восходящую к «Ареопагитикам» и отцам-каппадокийцам. Образы (τύποι) вещей божественных направляют нас к первообразам (πρωτότυπα; πρωτότυπα) (Col. 384 B), и не только образы высокие. Симеон убежден, что в церкви и «незначительные» с виду вещи полны мудрости; и чем невзрачнее они выглядят, тем более заключают в себе смысла (γνώσιμος) (Col. 585 D). Здесь Симеон почти буквально повторяет идею Псевдо-Дионисия о «несходных образах»²⁵, т. е. видит в ней основу концепции литургического образа, или сакрального символа.

Итак, в последний период своей истории, когда явно наметился кризис традиционного византийского православия, святоотеческая мысль для его укрепления обращается опять, как и в период иконоборчества, к эстетическому сознанию, усматривает в нем новые резервы для возрождения традиционного благочестия. Пришедшие к власти в церкви исихасты паламитской ориентации обратили особое внимание на внутренний мир человека, на психологию, на эмоционально-эстетические аспекты духовной жизни. С новой силой зазвучал вопрос о принципиальном антиномизме высших духовных сущностей и была поставлена задача его практического снятия. Здесь-то и пришлось исихастам опять обратиться к эстетической сфере, ориентированной на внеразумную, непонятную коммуникацию. Отсюда возрастание интереса к духовному наслаждению, прекрасному, свету, сакральному и экзегетическому символизму и новый этап их осмысления.

В целом византийская эстетика к моменту завоевания Константинополя турками накопила огромный потенциал как на теоретическом, так и на практическом уровне. В трех ее основных направлениях — патристически-святоотеческом (или церковно-государственном), аскетическом (интериорной эстетике) и антикизирующем — были глубоко проработаны многие основополагающие для эстетики вообще проблемы. В частности, всесторонне были разработаны концепции и проблемы символа (в ряде его аспектов), образа, знака, иконы, искусства (в различных аспектах), прекрасного (на всех уровнях), духовного наслаждения, традиции, соотношения слова и образа, красоты и искусства, подражания, и т. п. Почти вся эта «теория» нашла то или иное отражение в сфере художественной культуры, в богатейшем и многообразнейшем византийском, а затем и славянском, грузинском, древнерусском искусстве. Византийская эстетика и после падения Византии многие столетия питала духовную культуру стран православного ареала, и уже в нашем веке выдающиеся мыслители С. Булгаков и П. Флоренский²⁶ пытались решить и развить задачи и проблемы, поставленные этой эстетикой. Им пришлось ставить точки над «i» в таких эстетических проблемах, выявленных византийской художественно-эстетической практикой, как каноничность, софийность, соборность, красотолюбие и др. Более того, многие из вопросов, поставленных византийскими мыслителями, до сих пор остаются проблемами современной эстетики. {446}

19

Изобразительное искусство Византии в эпоху Палеологов

Византийскую культуру второй половины XIII — середины XV в. обычно определяет понятие «Палеологовское Возрождение». Этот термин появился еще тогда, когда Ш. Диль¹

²⁵ Подробнее см.: Бычков В. В. Формирование основных принципов византийской эстетики // Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 528—529.

²⁶ Подробнее см.: Бычков В. В. Эстетический лик бытия: (Умозрения Павла Флоренского). М., 1990.

¹ Diehl Ch. Etudes byzantines. P., 1905. P. 217—240; Schmidt Th. La «Renaissance» de la peinture

первым указал на несоответствие экономического и политического упадка Византии в последний период существования империи расцвету ее искусства. Определение данного периода византийской культуры как Палеологовского возрождения указывает и на его своеобразие, и на черты известной ограниченности, отличающие его от итальянского Возрождения. Аналогичным образом в науке существуют такие уже установившиеся термины, применяемые по отношению к западному искусству, как Ирландское, Каролингское, Оттоновское возрождение, так же как Македонское возрождение, характеризующее расцвет византийского искусства в IX — начале XI в.

По мнению И. Шевченко², Палеологовское возрождение — явление, подобное Македонскому и Комнинскому. Отличие состоит лишь в том, что о Палеологовском мы знаем больше, чем о других периодах в истории культуры Византии. В связи с тем что основной особенностью культуры этого периода И. Шевченко считает усиление ее контактов с наследием античности, он относит апогей Палеологовского возрождения к 1280—1290 гг.

Однако по той причине, что в Византии XIII—XV вв. (в отличие от Италии эпохи Возрождения) доминирующее положение в духовной жизни занимала религия, можно, на наш взгляд, говорить о наличии там лишь отдельных элементов Возрождения. Было бы точнее называть этот период Предвозрождением, которое в отличие от Возрождения еще тесно связано с религией³, но в нем уже возникают многие явления духовной культуры, которые в соответствующих условиях могли бы привести к Возрождению⁴.

Повышенная эмоциональность, мистический индивидуализм, усиление личностного начала, светских тенденций в изображении религиозных тем — все это черты, характерные для палеологовского искусства именно Предвозрождения. Подчеркнутый интерес к «национальному» прошлому, каким для Византии всегда была античная эпоха, а при Палеологах — {447} интерес и к IX—X вв. — особенность, связанная с тем историзмом, который характерен для Предвозрождения в той же степени, что и для Возрождения.

В течение двух веков своей истории палеологовское искусство не было стабильным и однородным. Зарождение его стилистических особенностей относится еще к концу XII — самому началу XIII в.⁵ Вопрос о его генезисе до сих пор остается одним из самых сложных и малоизученных. Со времени реставрации империи в 1261 г. и вплоть до ее падения в 1453 г. основные художественные принципы византийского искусства претерпевали изменения. Многообразие школ способствовало интенсивной и разноплановой художественной жизни в эти годы. Однако при всей стилистической многоликости палеологовского искусства в нем вполне четко вырисовывается ряд неизменных черт, которые были присущи только ему и которые позволяют говорить о нем как об определенном и цельном этапе.

Из всех особенностей, которые характерны для палеологовского искусства в одинаковой степени для всех лет его существования и которые могут быть рассмотрены как основные признаки Предвозрождения, следует прежде всего отметить возросшую в нем светскость. Она проявилась в трактовке самих религиозных сюжетов. Неслучайно в это время становятся распространенными изображения сцен трапезы: Брак в Кане, Тайная вечеря, Троица и др. В этих сценах, появляются элементы натюрмортов. Они еще не могут рассматриваться как самостоятельный жанр — это своего рода микрокомпозиция, включенная в общее построение изображения: предметы, стоящие на столе, композиционно объединены в единое целое⁶.

Художники стали увлекаться многочисленными бытовыми реалиями, передавая их весьма подробно. Например, при изображении сцен в интерьере, чтобы указать на то, что действие происходит именно внутри здания, художники изображают разнообразную мебель, хотя архитектура воспроизведена здесь же в экстерьерном виде. От типа этой мебели, ее декора и

byzantine au XIVe siècle // Revue archéologique. P., 1912.

² Ševčenko I. Théodore Metochites, Chora et les courants intellectuels de l'époque // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 15, 17.

³ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 119.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Demus O. The Style of the Kariye Djami and its Place in the Development of Palaeologan Art // The Kariye Djami. Studies in the Art of the Kariye Djami and its Intellectual Background / Ed. P. A. Underwood. Princeton, 1975. Vol. IV. P. 156.

⁶ Лихачева В. Д. Художественные функции бытовых предметов в иконе «Троица» Государственного Эрмитажа // ВВ. 1965. Т. 26. С. 239—247.

формы зависит во многом общее, настроение передаваемой сцены. Так, украшенная мелкой обильной резьбой и позолотой мебель хрупких пропорций на иконе Троица из музея Бенаки в Афинах придает всей композиции подчеркнуто нарядный, праздничный вид. Простые по пропорциям, лаконичные по декору стол и скамьи на иконе на ту же тему из собрания Эрмитажа делают изображенное событие торжественно спокойным, даже величественным. Обе иконы возникли примерно в одно время (в конце XIV — начале XV в.) и в одном художественном центре (Константинополе), что делает различие в трактовке одного и того же сюжета особенно разительным.

С усилением светского начала в изобразительном искусстве связаны и те фольклорные влияния, которые распространяются в нем и которые, естественно, характерны не столько для Константинополя, сколько для периферии империи и стран византийского культурного круга. Ярким {448} примером этой особенности палеологовского искусства может служить иллюст-

Файл byz3_449.jpg

Сошествие во ад. Ок. 1316—1321 гг.

Стамбул, Кахрие Джами. Фреска в апсиде пареклисия

рация к псалмам 149 и 150, представляющая собой изображение народного танца хоро. Примечательно, что аналогичные композиции с хороводом мужчин, относящиеся к одним и тем же псалмам, содержатся в таких двух разных памятниках, как сербская фреска в Лесново (1349 г.) и болгарская в башне Хреле Рыльского монастыря (первая половина XIV в.)⁷.

Рядом с религиозными сюжетами художники на стенах храмов запечатлевают и реальные исторические события; особенно часты сцены посещения властелином (императором, царем, краем) того храма, на стене которого оно изображено. Различные эпизоды из жизни заказчика фресок (в том числе сцены его погребения) характерны для сербских росписей, в которых были излюбленными повествовательные композиции.

Светскость палеологовской живописи проявилась и в интересе к ред- {449} ким, часто

Файл byz3_450.jpg

Сошествие во ад.

Ветхозаветные праведники.

Ок. 1316—1321 гг.

Стамбул, Кахрие Джами.

Фреска в апсиде пареклисия

впервые затронутым в искусстве темам, а также в заметном изменении иконографии сюжетов, даже вполне традиционных⁸. Важно отметить при этом, что наибольшее распространение получают те сюжеты, светский (скорее жанровый) характер которых ясно выражен. К ним среди мозаик Кахрие Джами (второе десятилетие XIV в.) относятся, например, Перепись населения или Раздача пурпура. Подчеркнем, однако, что усиление светских тенденций в искусстве происходило, как и ранее, при сохранении господствующего положения церкви в духовной жизни общества.

Одной из основных особенностей искусства палеологовского времени можно считать также активное использование античного наследия. Византийские художники знали многие из не сохранившихся до наших дней мозаик и фресок Древней Греции. О классическом наследии они могли судить и по тем произведениям искусства периода Македонской династии, в которых это наследие широко использовалось⁹. Как справедливо указывает О. Демус¹⁰, классическая мифология и те формы, в которых она изображалась, после Македонского возрождения оживились с новой силой при Палеологах. Античные влияния проникали в этот период в искусство также через образцы VI в. (эпоха Юстиниана) и через те памятники XII столетия (Комниновское возрождение), которые были тогда лучше всего известны византийским ху-

⁷ Прашков Л. Хрельовата кула. С. 1973.

⁸ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 159—188.

⁹ Weitzmann K. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and Their Impact on Christian Iconography // DOP. 1960. Vol. XIV. P. 66.

¹⁰ Demus O. The Style of the Kariye Djami... P. 157.

дожникам. Все это вместе с тем придавало палеологовской живописи несколько эклектичный характер¹¹.

Из образцов классического искусства живописцы широко заимствовали архитектуру и пейзаж, т. е. те элементы правильной перспективы, которые им удалось довольно органично ввести в свои изображения. Под влиянием античных памятников изменилась палитра византийских художников. Она стала более разнообразной по своим оттенкам и более направленной на эмоциональную передачу действий. В том внимании к настроению (создаваемому изображением), которое представляет одну из характерных черт искусства XIII—XV вв., проявились, таким образом, как светские тенденции и усиление личностного начала, так и стремление к более глубокому освоению античного наследия.

В рисунке фигур, столь многочисленных в палеологовских композициях, в светотеневой моделировке их ликов также сказались воздействие классических образцов. В удлинённых пропорциях персонажей, типичных для живописи XIII—XV вв., ясно видно подражание произведениям эллинистического периода. Даже в манере письма иногда ощущается непосредственное копирование древнего искусства. О. Демус¹² справедливо подметил в мозаиках Кахрие Джамии некоторую «стилизацию под эскизность», свойственную позднеэллинистической живописи.

Наконец, усиление личностного начала в искусстве, которое вслед за влиянием античного может рассматриваться как основная черта живописи палеологовской эпохи, проявилось непосредственно в том, что особую роль стали играть портретные изображения. С этой же тенденцией был связан и тот факт, что в отличие от своих предшественников, стремившихся остаться неизвестными, многие художники начали подписывать свои произведения. Так, известны по подписям Михаил Дамаскин, Виктор, Феодор Пулакис, Дзанфурнари¹³. Появились в Византии и разносторонне образованные творческие личности, напоминающие по широте интересов итальянских гуманистов. Таким был, например, Феодор Метохит. Единственной областью, которой он не занимался, была теология¹⁴. Здесь следует прежде всего подчеркнуть, что он первым специально обратился к теории искусства, написав трактаты по эстетике.

К числу художников со столь же разносторонними интересами, какие были характерны для гуманистов, принадлежал и Феофан Грек, о котором как о философе «зело хитром» свидетельствует Епифаний Премудрый¹⁵. Феофан Грек служит ярким примером и того, как изменилась личность самого художника в XIV в. Не только замечательный талант способствовал его возвышению среди других живописцев. Трудно допустить, чтобы в предшествующие века в Византии не было ни одного столь же одаренного, философски мыслящего живописца. Однако в ранний и еще в большей степени в средневизантийский периоды художники стремились работать в тесном содружестве со многими своими собратьями по ремеслу. Ни отличаться от них, ни выделяться они не хотели, создавая, например, единую, роспись храма. Свою заслугу все они видели именно в том, в какой степени они будут в своем творчестве близки к товарищам по мастерской. И только в палеологовский период благодаря тому, что изменилась духовная атмосфера в обществе, стала высоко цениться индивидуальность, оказалось возможным появление таких ярких, оригинальных произведений, какие создал Феофан.

К числу основных черт живописи XIII—XV вв., также связанной с усилением личностного начала, можно отнести и особый интерес художников к портрету. Необходимо, однако, прежде всего уяснить, что следует понимать под термином «портрет» в средневековом искусстве. Конечно, портрет в это время еще не представлял самостоятельного жанра изобразительного искусства. Такой жанр сложился гораздо позднее, в Италии в эпоху Возрождения. Тем не менее деятельность византийских художников палеологовского времени можно расценить как подготовительный этап для перехода к тому жанру изображения персонажа, в котором, работая с натуры, живописец стремится как можно точнее воспроизвести черты лица портретируемого и вместе с тем через выражение его лица, композиционные особенности и

¹¹ Grabar A. Artistic Climate in Byzantium during the Paleologan Period // The Kariye Djami. 1975. Vol. IV. P. 10.

¹² Demus O. The Style of Kariye Djami... P. 117.

¹³ Talbot Rice D. Byzantine painting: The last Phase. L., 1968. P. 184.

¹⁴ Ševčenko I. Op. cit. P. 37.

¹⁵ Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961. С. 9.

введение иных атрибутов современности отразить и ту эпоху, в которую живет изображаемая личность, и ту среду, к которой она принадлежит.

При изучении сохранившихся до наших дней византийских портретов этого периода ясно видно, что художники работали в основном в двух направлениях. С одной стороны, создавая портреты, они, согласно иконографическому канону, вносили в изображение черты идеала духовной красоты. С другой стороны, рисуя современников, лица которых были им хорошо знакомы, живописцы хотели передать их черты как можно точнее.

Те же тенденции в своеобразном преломлении проявлялись и при работе художника над образом святого, т. е. того его идеального облика, который в течение многих веков уже существовал в искусстве, был закреплён каноном. Художник палеологовского времени стремился изменить этот облик посредством внесения реальных жизненных черт и ослабления традиционных, идеальных. Так, например, уже в середине XIII в. в сцене Успения в Сопочанах лица оплакивающих Богоматерь апостолов и отцов церкви — это в сущности индивидуальные портреты¹⁶.

Таким образом, изображения святого и изображения современника оказывались под кистью художника приближенными друг к другу. И в том и в другом находят отражение одновременно и реальные и идеальные черты, которые выработаны каноном и закреплены им на многие века. Эта двойственность не была присуща изображениям святых и светских персонажей в предшествующее время, когда и в том и в другом случае художники стремились только к созданию предписанного каноном идеала. Идентифицировать изображенное лицо позволяли при этом лишь находящиеся рядом надписи, а также особенности одеяния, жестов и иных приданных персонажу атрибутов.

И в светском портрете, и в изображении святого художники палеологовской эпохи стремились передать настроение, а порой внести в создаваемый образ тонкие психологические оттенки, нарушающие то внутреннее спокойствие, которое придавалось этому образу в предшествующее время. Однако говорить о передаче художником внутреннего душевного мира человека в этот период еще невозможно. Первый подлинно психологический портрет возник в XVII в., и вся предшествующая история изобразительного искусства была лишь подготовкой к этому, в которую палеологовские художники внесли свой вклад.

Первые светские портреты (императоров и их подданных) появились в византийском искусстве еще до эпохи иконоборчества. Заказчики мозаик и миниатюр, консулы и царствующие особы, открывающие состязания {452} на ипподроме, изображались таким образом, чтобы

Файл byz3_453.jpg

Святители. Ок. 1313—1321 гг.

Стамбул. Фрески апсиды и вимы пареклисия. Кахрие Джамии.

в их облике преобладали черты идеальной красоты. Окончательно установленные каноны духовного идеала требовали следующих внешних особенностей: длинный тонкий нос, большие глаза, маленький рот. Только по одежде, иным атрибутам, конфигурации нимбов (круглых у императоров и квадратных у простых донаторов) можно отличить и идентифицировать представленные персонажи. Индивидуальные портретные черты прослеживались порой лишь как напоминание о старом языческом искусстве, в частности о римских мраморных бюстах. От передачи таких черт художники стремились изба- {453} виться. Пришло время, когда к изображениям светских личностей стали обращаться крайне редко или даже вообще избегать этого.

Лишь с XIII в. интерес к портретным изображениям возродился, причем с еще большей силой, чем ранее. При этом не идеальные, а индивидуальные особенности приобрели значение главных. Светский портрет в палеологовскую эпоху оказался представленным сразу во многих типах. Однако нельзя согласиться с тем делением портрета на донаторский, репрезентативный, триумфальный, похоронный и династический, которое предлагает Т. Вельманс¹⁷. При такой систематизации один тип портрета не исключает другой. В основе этого деления нет четкого логического принципа. Более убедительным представляется предложенное Х. Белтингом¹⁸,

¹⁶ Talbot Rice D. Op. cit. P. 40.

¹⁷ Velmans T. Le portrait dans l'art des Paléologues // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 97.

¹⁸ Belting H. Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg, 1970. S. 75.

правда только в отношении миниатюры, разграничение портретов на два вида: 1) вотивные и посвященные; 2) должностные и мемориальные. Оба исследователя обращаются лишь к изображениям светских персонажей, не упоминая портретов святых. Между тем деление на интимный и церемониальный портрет ясно ощущается в византийском искусстве, явствует из характеров самих памятников, сохранившихся до наших дней.

Церемониальный портрет более связан со старой, сложившейся еще в доиконоборческий период традицией. Это портреты донаторов, заказчиков мозаик, фресок, рукописей (Юстиниан и Феодора в мозаиках церкви св. Виталия в Равенне, принцесса Юлиана Аникия на фронтисписе рукописи Диоскорида Венской Национальной библиотеки). Мы не можем согласиться с Х. Белтингом¹⁹, который относит этот тип портрета к интимному, так как торжественный, церемониальный характер действия в нем отчетливо выявлен.

Перед зрителем — изображения в торжественных позах заказчиков рукописей, созданные в палеологовское время, — Иоанна Кантакузина, фигура которого повторена дважды (происхождение такого двойного портрета Х. Белтинг²⁰ справедливо связывает с заупокойным культом) — в императорской одежде и в монашеском облачении (Paris. gr. 1242. Л. 123 об.); императора Алексея III Комнина и его супруги Феодоры на свитке с текстом хрисовула, пожалованного в монастырь Дионисия в сентябре 1374 г.

Особое значение этот тип портрета получает в Сербии, где в тот период достигает расцвета искусство монументальной живописи. Фрески сербских церквей обычно содержат изображения краля и членов его семьи. Причем размеры этих портретов по сравнению с редкими подобными изображениями в предшествующий период увеличиваются²¹. С последней четверти XIII в. сербских кралей изображают в одежде византийских императоров. Сербские художники даже начинают представлять на стенах храмов сцены из их жизни²². Как и современные им болгарские фрескисты, сербские в портретах донаторов менее традиционны и проявляют большую свободу {454} в выборе атрибутов, поз и жестов портретируемых, чем константино-

Файл byz3_455.jpg

Св. Иоанн Креститель. XIV в.

Фессалоники, Церковь св. Николая Орфана

польские. Однако приверженность к фронтальным позам неподвижно и торжественно стоящих перед зрителем персонажей, их подчеркнута роскошное одеяние, атрибуты власти в их руках, модели храмов, которые они основали и декорировали, кодексы, которые они заказали, — вот те черты, характерные для большинства церемониальных портретов.

На портретах такого типа помещается изображение благословляющих императорскую чету Иисуса Христа или Богородицы, иногда, как в свитке монастыря Дионисия, — патрона этого монастыря Иоанна Предтечи, а также, как в рукописи сочинений Иоанна Кантакузина в Парижской Национальной библиотеке, Троицы. В этих портретах проводится идея божественной власти императоров. Недаром такие портреты особенно характерны для искусства, развивающегося под покровительством молодой процветающей династии (Грузия, Сербия). Укрепляя и прославляя свою власть, грузинская царица Тамара (первая половина XIII в.) приказывала изображать себя с атрибутами донатора во многих храмах (Вардзия, Кинцвиси, Бертубани, Бетани).

К портрету второго типа, интимному, можно отнести некоторые из императорских изображений, в которых они представлены молящимися, стоящими на коленях, с мольбой протягивающими руки. Таково изображение Исаака Комнина, сделанное в начале XIV в. в Кахрие Джамии на том месте, где он был когда-то уже изображен при погребении его тела. Но через два века после его смерти, при реставрации храма, не нашли его могилы, а потому приказали, как полагает Х. Белтинг²³, заменить заупокойный портрет Исаака вотивным, включенным в композицию Деисуса. Таков же по своему характеру портрет Димитрия Палеолога, повелевшего изобразить себя молящимся, на обороте листа 385 Евангелия Гос. публичной библиотеки (греч.

¹⁹ Ibid. S. 72.

²⁰ Ibid. S. 85.

²¹ *Velmans T. Le portrait... P. 95.*

²² Ibid. P. 107, 115.

²³ *Belting H. Op. cit. S. 78.*

118) второй половины XIV в. На этих портретах императоры, а также знатные донаторы, такие, как Феодор Метохит на мозаике в Кахрие Джамии, представлены в качестве просителей у Бога. {455} Они изображены повернувшимися к зрителю в три четверти или даже в профиль. Движение, которое характерно для их фигур, сложная поза придают их портретам ту камерность и тот интимный характер, который несвойствен торжественным фигурам первого типа. Иногда проситель изображен со всей своей семьей, портреты всех членов которой исполнены с той же тщательностью (Псалтирь Гос. музея в Берлине № 78. А. 9. Л. 39 об.).

К такого типа портретам относится и появляющееся в палеологовское время гораздо чаще, чем ранее, изображение писца рукописи, как, например, в кодексе Иверского монастыря № 5 (Л. 457 об.; о такого типа портретах на листах рукописей X. Белтинг совершенно не упоминает). К интимным портретам близки в основных своих чертах и изображения святых, которые (особенно в сценах Снятия с креста или Успения Богоматери, т. е. в тех сюжетах, в которых передано горе) обычно наделены в палеологовский период индивидуальными характеристиками.

В искусстве времени Палеологов особое значение приобретает изображение ландшафта и архитектуры. По сравнению с предшествующей эпохой заметно увеличивается то место, которое отводилось в композиции пейзажу. Размеры фигуры по сравнению с ним значительно уменьшаются. Ее масштабная связь с пейзажем становится более естественной, чем прежде. Во многих сценах, где ранее персонажи изображались на абсолютно нейтральном фоне, появляются изображения архитектурных построек или деревьев. Это подтверждается, например, сравнением сцен Рождества Богоматери и Благовещения Анне в Кахрие Джамии (начало XIV в.) с изображением тех же сюжетов в мозаиках Дафни (ок. 1100).

Архитектура и пейзаж служат теперь не столько для определения места действия, сколько для организации пространства. С их помощью сцена приобретает ограничение с боков. Архитектура и пейзаж подобны раме, четко определяющей размеры композиции и отделяющей одну сцену от другой. Архитектурные постройки и пейзажные элементы служат для того, чтобы яснее выделить значение того или иного персонажа, подчеркнуть его позу и движение. Так, в сцене Путешествия в Вифлеем в Кахрие Джамии (начало XIV в.) холм, на фоне которого изображена Мария, не только подчеркивает значение ее фигуры как основной в композиции, но так же, как и деревья, помещенные рядом с ней, усиливает направление ее движения — слева направо.

Тот же принцип — подчеркивать значение фигуры с помощью пейзажного и архитектурного фона — был характерен в те же годы и для фресок Джотто в капелле дель Арена в Падуде (1305). В сцене Бегства в Египет Джотто также использует форму горы, поднимающейся позади Богоматери, чтобы не только показать ее особое значение как центрального персонажа в этой сцене, но и подчеркнуть и усилить ее движение. Сходство обеих композиций — в Кахрие Джамии и капелле дель Арена, — возможно, объясняется тем, что их авторы, поставив перед собой одни и те же задачи, использовали сходные античные образцы.

Отношение к античным памятникам при изображении архитектуры в византийском искусстве XIII—XV вв. можно определить только как использование отдельных форм и деталей древней архитектуры при иной по своим принципам компоновке всей сцены. Влияние греко-римских образцов в этом отношении бесспорно, но оно ограничено. Прежде всего иллюзионистический принцип, являвшийся основным при изображении {456} архитектуры в произведе-

Файл byz3_457.jpg

Пророк Захария. 1296 г.

Мистра. Монастырь Вронтохион. Фреска

ниях античной живописи, в палеологовской Византии был полностью отвергнут. Тот прием изображения интерьера в виде ящика, который так последовательно впервые после антики ввел Пьетро Каваллини в своих мозаиках в Санта Мария ин Трастевере в Риме (1291)²⁴, был, несомненно, знаком византийским живописцам при Палеологах. Однако, как справедливо полагает Т. Вельманс²⁵, он не соответствовал их эстетическим принципам, главным образом стремлению воспроизвести в своих композициях ирреальный мир.

²⁴ Лазарев В. Н. Искусство Проторенессанса. М., 1956. Т. 1. С. 143, 149.

²⁵ Velmans T. Le rôle du décor architectural et la représentation de l'espace dans la peinture de Paléologues //

Одна из основных функций архитектурного и ландшафтного фона в композициях палеологовского времени связана с тем тяготением к эмоциональной окраске сюжетов, которая может считаться отличительной чертой искусства Палеологов. Например, фреска Вход в Иерусалим в Пантанассе в Мистре (1428) настолько перегружена архитектурными и пейзажными деталями, что для абстрактного фона, который ранее всегда преобладал в композициях, теперь не остается места. Многочисленность элементов пейзажа, сложность и разнообразие их форм создают то настроение безудержной радости и ликования, которое характерно для этой фрески и которое как нельзя лучше соответствует сюжету. Рядом с высокими скалами, уступы которых беспокойно пересекаются, внезапно поднимаются, разветвляются и дробятся над головами Христа и апостолов стены Иерусалима, за которыми теснятся базилики, купольные здания, кивории, башни. Между постройками перекинута велу́ма — мотив, идущий от антики и незнакомый средневизантийскому искусству. Среди построек возвышаются колонны коринфского ордера, отдельно стоящие, как художник их видел, очевидно, на месте уже разрушенных к его времени античных храмов.

Прибегая к контрасту как одному из способов, с помощью которого можно яснее подчеркнуть настроение персонажа, византийские художники иногда на фоне простой по своим формам, статичной архитектуры, со спокойно висящими между постройками велу́мами, показывают взволнованно беседующих, выразительно жестикулирующих персонажей, как, например, в сцене Брака в Кане в Калениче (Сербия, 1400 г.).

Иногда связь фигур и пейзажа создается с помощью гармоничного соотношения их пропорций. Так, высокие и стройные башни в сцене Тайной вечери в Перивлепте в Мистре (1330) соответствуют вытянутым, с маленькими головами фигурам беседующих апостолов.

Итак, между пейзажем и персонажами устанавливается тесная пластическая и динамическая связь. Характером этой взаимосвязи определяется выбор художниками тех или иных пейзажных форм, способов их компоновки, живописно-пластического решения. Пейзаж был наименее обусловленным в сюжетном плане элементом композиции, лишенным к тому же адекватности реальному прообразу, что давало художникам довольно большую свободу в его трактовке.

Одной из основных черт палеологовского искусства может считаться и гораздо более тесная и в то же время более многообразная, чем ранее, его связь с искусством других стран. Духовное общение Византии с Русью, а также с южнославянскими странами особенно усиливается во второй половине XIV в., так как до этого более чем на столетие оно было прервано татаро-монгольским нашествием. Это явление принято определять как второе южнославянское влияние²⁶.

Многие лучшие художники Византии расписывали русские храмы. Среди них не только Феофан Грек, но и «гречанин» Исая, который в 1338 г. украсил фресками церковь Входа в Иерусалим в Новгороде, и художники, работавшие по приглашению митрополита Феоноста в Архангельском и Успенском соборах Московского Кремля, и грек Гонтан, расписавший в 1345 г. церковь Спаса на Бору.

На Русь привозят иконы (Пименовская Богоматерь, Высоцкий чин и др.), а также иллюминированные рукописи. Им на Руси подражают, иногда довольно точно копируя. Об этом можно судить по миниатюрам Киевской Псалтири (1397), образцом для которой послужила рукопись, выполненная в Студийском монастыре в конце XI в.²⁷ Об этом же свидетельствуют многочисленные зооморфические инициалы таких рукописей, как Евангелия Хитрово и Кошки, Андрониковское и Морозовское Евангелия, образцом для которых послужили современные им византийские кодексы, подобные Акафисту Гос. Исторического музея в Москве (греч. 429).

В XIV в. вновь усиливаются связи грузинского искусства с Византией, столь сильные в начале XII в., когда в Гелатском монастыре была создана Византийская академия. Во второй

Cahiers archéologiques. 1964. Т. 14. P. 188, 190.

²⁶ Лухачев Д. С. Указ. соч. С. 79.

²⁷ Miner D. E. The «Monastic» Psalter of the Walters Art Gallery // Late classical and mediaeval Studies in Honor of A. M. Friend. Princeton. 1955; Ср.: Cutler A. The Marginal Psalter in the Walters Art Gallery (A Reconsideration) // The Journal of the Walters Art Gallery. 1977. Vol. 35. P. 37—61 (Балтиморскую псалтирь теперь датируют началом XIV в.)

половине XIV в. в Грузию приезжает византийский фрескист Кир Мануил Евгеник. Его фрески в Цаленджихе свидетельствуют о ярком художественном темпераменте этого византийского живописца, усвоившего с достаточной полнотой все достижения того палеологовского искусства, на образцах которого он был воспитан.

Сближению искусства православных стран способствовал исихазм, который превратился в широкое общественное движение, захватившее постепенно все Балканы и оттуда перешедшее на Русь. Но не только упрочению связей искусства разных стран помогал исихазм. В учении исихастов проявилась вера в человека, в его неограниченные возможности. Благодаря исихазму в искусстве усилилось в известной степени индивидуальное начало, повысилась его эмоциональность, в некоторых портретах появились даже элементы психологической характеристики. С распространением исихазма началось оживление духовной жизни империи²⁸.

Влияние византийского искусства на западное было всегда явлением особенно поразительным потому, что партнер Византии на Западе не был настолько слабым, как, например, в Сирии и Египте²⁹. Влияние культуры Византии на Запад ощущалось еще в каролингскую эпоху, но уже в готическое время западные художники за исключением итальянских освободились от него, найдя собственный путь. Более того, после завоевания Византии крестоносцами в 1204 г. западное воздействие резко усилилось на самих византийских землях. Оно затронуло даже такую всегда устойчивую в византийском искусстве область, как иконография³⁰.

В Италии в XIV—XV вв. влияние византийской живописи было все еще значительным, прежде всего в Венеции и Сиене. Оно особенно ясно проявилось в колорите, пристальное внимание к которому (в отличие от флорентийской школы) характерно именно для названных двух школ. В равной степени оно заметно и в особом ритме композиций, в легком движении фигур, в элегантности их пропорций, которые так свойственны Дуччо и Симоне Мартини. В те годы влияние антики на итальянское искусство все еще продолжало идти через византийские образцы³¹. {459}

Файл byz3_460.jpg

*Рождество Христово. Ок. 1428 г.
Мистра. Церковь Пантанасса*

Обратимся к началу расцвета палеологовского искусства. В конце XIII в. в южной галерее св. Софии в Константинополе была выполнена мозаика с изображением Деисуса, отличающаяся таким совершенством своих художественных принципов, что многим ученым³² казалось невероятным ее возникновение в столь трудное для империи время. Но лица Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи наполнены такой глубокой эмоциональностью, которая представляется невозможной и для эпохи Комнинов. В изображениях передано столько печали, столько предчувствий трагической судьбы империи, что они могли быть, напротив, созданы только в ту драматическую эпоху, в то время невероятного напряжения духовных сил и подъема чувства «национального» самосознания, ярко проявившегося с изгнанием латинян. Мозаика относится к первой, ранней стадии палеологовского искусства с ее повышенным чувством пластики, подчеркнутым значением светотеневой моделировки. Самой архаической

Файл byz3_461.jpg

*Ангелы Божественной литургии.
Мистра. Церковь Перивлепты. Фреска в протезисе*

чертой в этой композиции, по мнению О. Демуса³³, можно считать принцип применения линий, которые следуют форме.

²⁸ *Meyendorff J. Spiritual Trends in Byzantium in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // The Kariye Djami. 1975. Vol. IV. P. 95.*

²⁹ *Weitzmann K. The Study of Byzantine Book Illumination: Past, Present, and Future // The Place of Book Illumination in Byzantine Art. Princeton, 1975. P. 46.*

³⁰ *Demus O. Byzantine Art and the West. L., 1970. P. 188.*

³¹ *Kitzinger E. The Byzantine Contribution to Western Art of the twelfth and thirteenth Centuries // DOP. 1966. Vol. 20. P. 45.*

³² Изложение основных точек зрения по этому вопросу см.: *Talbot Rice D. Op. cit. P. 29. 122.*

³³ *Demus O. The Style of the Kariye Djami... P. 148.*

Хотя при Палеологах империя была маленькой и довольно слабой державой, ее искусство пересекало границы и распространялось на территориях, во много раз больших, чем те, которые были подчинены Константинополю. Влияние столицы и Фессалоники было иногда более сильным в Сербии и Болгарии, чем в пределах таких провинций самой Византии, как, например, Аттика или Беотия³⁴.

Самым классическим ансамблем византийской живописи по духу и по форме и вместе с тем самым передовым по некоторым принципам изображения фигур, драпировок и архитектуры можно считать фрески сербского монастыря Сопочаны³⁵. Эти замечательные росписи основанного кралем Урошем I монастыря возникли в 60-х годах XIII столетия. Урош I строил храм св. Троицы как усыпальницу для себя и своей семьи. Во время постройки скончалась его мать Анна Дондола и была похоронена в нартексе. Тогда же на стене, под ее черным гранитным саркофагом, была изображена сцена ее смерти и погребения. По окончании постройки Урош перевез сюда из Зичи тело своего отца — Стефана Первовенчанного. Вскоре и сам основатель был похоронен здесь. Сопочаны сделались гробницей первых сербских кралей.

По всей вероятности, первоначально Урош предполагал воздвигнуть собор как кафедральный. Об этом можно судить по открытому нартексу, прибавленному с западной стороны к основному объему храма, а также по колокольне. Об этом же свидетельствует и иконография фресок: во внутреннем нартексе появились изображения Вселенских соборов³⁶; в центральном нефе изображены эпизоды Нового завета; фрески нартекса посвящены Ветхому завету и Страшному суду. Все композиции отличаются повествовательным характером. В них можно усмотреть два направления: первое — передовое, придворное и второе — монашеское, более архаическое. К первому принадлежат росписи нижней части стены, ко второму — верхней и нартекса. Основной особенностью живописи Сопочан первого направления можно считать подчеркнутую монументальность, которая создается расположением фигур в композиции, ритмом масс, чувством пространства и объема. Сцены часто строятся по принципу уравновешенного треугольника, что придает им особую массивность. Они гармоничны и по цветовой характеристике. В них преобладают зеленые, охристые тона. Величественным, спокойным фигурам отвечают строгие по своим формам архитектурные кулисы.

В одной из самых замечательных композиций — сцене Успения — оба многоколонных портика отодвинуты к краям, оставляя место для многочисленных персонажей, окружающих Христа и лежащую Богоматерь. Это и хор ангелов с факелами, и склоненные апостолы, и отцы церкви; и еще раз изображенные уже на облаках в месте с ангелами апостолы. Каждая фигура полна эмоциональной выразительности. Чувство печали, которое пронизывает Христа и апостолов, создается только наклонами голов, жестами рук, поднесенных в знак скорби к губам, а также выражением лиц.

Во фресках Сопочан много того прекрасного эллинистического начала, которое расцвело еще в начале века в Никее и которое пришло сюда через Фессалоники, найдя благодатную почву именно в Сербии конца XIII в.

К самому концу XIII в. относится другой значительный памятник сербской живописи — фрески церкви св. Ахилла в Арилье, в которых проявились гораздо больше местных черт, чем в Сопочанах. В росписях основное место занимает галерея сербских кралей из дома Неманей и сербских архиепископов. С этого времени особый интерес к изображению исторических персонажей станет свойствен сербскому монументальному {462} искусству. Вместе с тем здесь

Файл byz3_463.jpg

*Святые воины. 2-я половина XIV в.
Мистра. Церковь Перивленты*

сильно ощущаются и палеологовские черты — особая монументальность композиций, достоинство, подчеркнутое в образах святых, стремление к введению пространства в изображаемое.

Свидетельством взлета творческой активности константинопольских художников первой половины XIV столетия явилась живопись маленькой церкви монастыря Хора (Кахрие Джамии). Возникший еще в ранневизантийскую эпоху монастырь существовал за счет субсидий

³⁴ Grabar A. Artistic Climate., P. 4.

³⁵ Бурић В. Ј. Сорођани. Београд, 1963. С. 7.

³⁶ Там же. С. 113.

императоров. Новый период в его жизни связан с деятельностью Феодора Метохита. Начавшаяся, очевидно, около 1308 г. на средства Феодора реставрация архитектуры храма и создание мозаичных и фресковых композиций к концу 1320 г. были завершены. Окружив церковь с запада двумя нартексами, а с юга пареклисием, превратив храм из одноглавого в шестикупольный, Феодор Метохит значительно увеличил таким образом его размеры. В часть окон, во всяком случае в те, которые прорезали стены абсиды, были вставлены цветные стекла³⁷.

Мозаика с изображением Феодора Метохита, передающего модель основанного им храма Иисусу Христу, доказывает, что церковь была посвящена Спасителю. Однако Метохит сообщал в одном из писем, что он декорировал храм во имя не только Христа, но и Богоматери³⁸. Иконографическая система живописи подтверждает, что его намерения были осуществлены. Среди мозаик нет тех сцен, которые были столь распространены в монументальной живописи того времени. Здесь отсутствуют темы Акафиста, Ветхого завета, агиографии. На сводах и парусах изображены эпизоды из жизни Богоматери и Христа, относящиеся к идее Воплощения и их миссии на земле, среди людей. Циклы из жизни Христа и Богоматери занимают основное место и на стенах храма. На несохранившейся мозаике абсиды было помещено изображение Богоматери, а рядом с ней, как стало обычным в византийской иконографии с XII в., — фигуры архангелов. На западной стене — Успение. {463}

Огромная мемориальная композиция Деисуса на восточной стене внутреннего нартекса посвящена памяти тех, кто в свое время заботился о благосостоянии храма. У ног Богоматери, протянув в молитвенной позе руки к Христу, стоит Исаак Комнин — сын Алексея I Комнина и младший брат императора Иоанна II. Именно он в начале XII в. реставрировал церковь монастыря Хора, построенную в конце XI столетия его отцом. Здесь он хотел быть похороненным. Здесь когда-то по его заказу был выполнен не сохранившийся до наших дней его портрет. По другую сторону от Исаака, в правой части композиции, также в молитвенной позе и также в меньшем масштабе, чем Христос и Богоматерь, представлена, как свидетельствует надпись, Мария Монгольская, ставшая монахиней Меланией. Определение ее личности несколько затруднено. Это могла быть незаконная дочь Михаила VIII, вышедшая замуж за монгольского хана, после смерти которого она основала в Константинополе монастырь, где и постриглась. Но может быть, на стене храма Кахрие Джамии в композиции Деисуса изображена и другая Мария Монгольская, также супруга хана, незаконная дочь Андроника II.

Мемориальный, посвященный характер Деисуса, в котором отсутствует фигура Иоанна Предтечи и в которой Христос изображен стоящим, а не сидящим на троне, показательны для эпохи византийского Предвозрождения с ее повышенным чувством историзма.

Мозаики Кахрие Джамии характеризуются рядом стилистических черт, типичных для эпохи их создания. Необычным для предшествующего периода можно считать стремление отказаться от фронтальной постановки персонажей, которая в тех же темах, созданных в более раннее время, была обусловлена иконографическим канонами. Христос в сцене Деисуса оказывается слегка обращенным к Исааку, так как левая часть его тела больше, чем правая. Фигура воспринимается и как обращенная к зрителю, который подходит к Христу слева, попав во внутренний нартекс, где на восточной стене помещен Деисус. Поворот тела Христа подчеркивается и всем асимметричным характером композиции, в которой фигура Богоматери, обращенная к Христу, не соответствует слева от него Иоанн Предтеча.

Асимметричное построение легких по своему характеру композиций вообще свойственно мозаикам Кахрие Джамии. Оно особенно сильно проявляется в ктиторской сцене. Фигура Феодора Метохита, подносящего модель храма Иисусу Христу, в правой части композиции ничем не уравновешена. Большое пустое пространство золотого фона облегчает эту часть мозаики. Асимметричность особенно заметна, если сравнить эту сцену с той, которая была выполнена в X в. в храме св. Софии. Склоненный перед Христом Лев VI там не являлся самостоятельным элементом композиции, так как был изображен на фоне широкой полосы. Выполненная под влиянием этой уравновешенной по построению сцены мозаика Кахрие Джамии приобрела за счет своей асимметрии неустойчивость, зыбкость, некое тревожное настроение, которое усиливается и самой позой Метохита, еще не опустившегося до конца на колени.

³⁷ Underwood P. A. The Kariye Djami: Historical Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes. Princeton, 1966. Vol. 1., P. 19.

³⁸ Ibid. P. 4.

Подобно Христу в Деисусе, фигура Пантократора над входом во внутренний нартекс изображена так, что правая часть торса выполнена в меньшем масштабе, чем левая сторона, что создает поворот персонажа влево от зрителя. Фигуры предков Христа и Богоматери в куполах нартекса {464} обернулись друг к другу, как повернуты в медальонах в разные стороны

Файл byz3_465.jpg

Богоматерь Епискописис.

2-я половина XIII в.

Афины, Византийский музей.

Мозаичная икона

и торсы святых. Стремление отказаться от строгой фронтальности поз святых, ставшей обязательной еще со времен первых икон, показательно для палеологовского искусства с его повышенной эмоциональностью образов, с их более интимной, чем ранее, трактовкой.

Черты той же подчеркнутой эмоциональности, почти незнакомой предшествующему периоду развития византийского искусства, можно усмотреть в трактовке движения, в наклонах голов многих персонажей Кахрие Джамии. В сцене «Семь первых шагов Марии» маленькая трогательная девочка протягивает руки к матери. Полна удивления фигура собравшейся зачерпнуть воду из колодца Марии, которой внезапно является ангел (Благовещение у колодца). Трагичен жест рук матери, не желающей видеть, как перед ней убивают ее ребенка. Сколько глубокой любви в трогательных движениях престарелых родителей Марии — Иоакима и Анны, ласкающих свою дочь.

Влияние антики можно усмотреть в рисунке плаща, круглой раковиной поднятого над головой служанки, поддерживающей Марию в сцене «Семь первых шагов Марии». Он напоминает плащ фигуры, олицетворяющей Ночь, в миниатюре Псалтири Парижской Национальной библиотеки (греч. 139) начала X в., скопированной с античного образца. Но особенно сильно ощущается влияние античных образцов в том, как художник изображает архитектуру с ее многочисленными аркадами, павильонами, баллюстрадами. В многофигурных композициях Кахрие Джамии архитектуре и пейзажу отведена решающая роль. Они суть основные средства в соединении элементов композиции между собой. Они служат тому, чтобы яснее выделить того или иного персонажа, подчеркнуть его позу, движение. Так, в сцене Путешествие в Вифлеем холм, на фоне которого помещена Мария, как уже указывалось, подчеркивает направление движения. Пейзаж часто служит отделению друг от друга разно- {465} временных эпизодов, включенных в одну композицию. Он разграничивает, например, сцены встречи Марии и Елизаветы, путешествия в Вифлеем, Сна Иосифа и вместе с тем объединяет их между собой, строя единую композицию.

Обычно в многофигурных композициях в Кахрие Джамии (Перепись населения, Раздача пурпура и др.) персонажи разбиты на две противопоставленные друг другу группы, в каждой из которых подчеркиваются основные действующие лица. Их значение усиливается тем, что они помещаются на фоне павильонов — прием, характерный для палеологовского искусства.

Художники, работавшие в Кахрие Джамии, не стремились к реальной передаче деталей. Некоторые из мучеников в медальонах во внешнем нартексе изображены в платье богатой константинопольской знати. Склоненный перед Христом на ктиторской мозаике Феодор Метохит — в костюме византийского сановника XIV в. В таком же, как у Метохита, головном уборе представлен и губернатор Сирии в сцене Переписи населения.

Во многие сцены введены жанровые, интимные эпизоды, совершенно не предусмотренные иконографическим канонам. Например, в мозаику Умножение хлебов включено изображение детей, ползущих по земле и подбирающих крошки хлеба, падающие из рук Христа, делящего его на части.

Мозаичисты испытывали влияние фресковой живописи, о чем можно судить по пробелам, положенным в виде двух-трех параллельных запятым, характерных для фресок или икон³⁹. В изображении лиц заметно стремление ввести настроение, черты далеки от идеальных, асимметричны. Среди всех лиц самыми спокойными и классически строгими в своей традиционности, как это ни странно, оказываются портреты Феодора Метохита, Исаака Комнина, монахини Мелании. Профильные изображения появляются гораздо чаще в допалеологовское

³⁹ Demus O. The Style of the Kariye Djami... P. 109.

время, причем они характерны не только для отрицательных персонажей. Рельеф тонких, с маленькими головами фигур передается освещением. Иногда одна половина фигуры изображается в более светлых тонах, чем другая⁴⁰. В большинстве же случаев свет падает на фигуры прямо, так что середина тела оказывается светлее, чем ее края. Это делает фигуры округлыми, но вместе с тем подчеркнута легкими, нематериальными.

Фрески примыкающего к храму с юга помещения, называемого пареклисием, были обнаружены недавно. Они раскрывают истинное его назначение. Поскольку здесь размещены композиции Ветхого завета и Страшного суда, а надписи на стенах цитируют заупокойные молитвы, ясно, что пареклисий выполнял роль погребальной часовни⁴¹. Она была расписана после завершения мозаик основной части храма, очевидно теми же мастерами, в 1320—1321 гг.

В конхе апсиды расположено Сошествие Христа во ад — сцена, которая сразу же привлекает к себе внимание каждого, входящего в пареклисий. Тонкий, легкий, в светлых одеждах на фоне белой с золотыми звездами мандорлы Иисус Христос дан в сильном движении, тянущим за {466} руки Адама и Еву. Лицо его пронизано той одухотворенностью, которая мо-

Файл byz3_467.jpg

Благовещение. Фрагмент. Архангел Гавриил.

Конец XIII в. Афон, Ватопед. Мозаика в нарфике {467}

жет освещать лица персонажей только XIV в. Эту эмоциональность подчеркивают тонкие черты лица, мягкий его овал, устремленный на Адама взгляд.

Сцена Страшного суда в восточной части свода купола более спокойна по своему построению. Величественна фигура сидящего Христа, идеально красивы обратившиеся друг к другу апостолы, спокоен летящий ангел, который разворачивает свиток неба. В изображениях лиц апостолов отсутствует то стремление к индивидуализации образов, которое свойственно им, например, в мозаике Успение. Только фигуры теснящихся к аду грешников вносят трагическую ноту, нарушая спокойствие сцены.

В пареклисии Кахрие Джамии фрески располагались и в восьми нишах, предназначенных для саркофагов. Над саркофагами находились портреты погребенных. Созданные в XIV и главным образом в XV в., они сохранились довольно плохо. Среди них особенно примечательно изображение женщины, стоящей перед Богородицей с младенцем. До нас дошли только нижние части фигур, но мягкие широкие складки одежд Марии, изображение ее подножия и трона по правилам прямой перспективы, само расположение фигуры не фронтально, но в три четверти к зрителю и в том же масштабе, что и фигура женщины, свидетельствуют о прямом воздействии итальянского искусства Кватроченто. Одежда женщины, как передано на фреске, изготовлена из итальянского шелка или бархата. Она стоит на мраморном полу, обращенный к зрителю край которого составляет раму композиции.

Мозаики и фрески Кахрие Джамии — самый выдающийся, но не единственный памятник живописи Константинополя того времени. К ним близки по экспрессивности, живописности, мягкой манере письма фрески церкви св. Евфимия, которые относятся к первой половине XIV в. К тому же времени принадлежат мозаики церкви Марии Паммакарistos (Фетие Джамии). Стиль их исполнения несколько более манерный⁴², чем в Кахрие Джамии, а цветовая характеристика гораздо беднее.

Около 1315 г. были созданы мозаики церкви св. Апостолов в Фессалонике. О. Демус⁴³ полагает, что их выполнили приехавшие из Константинополя мастера, что было вполне естественно, так как заказчиком храма являлся патриарх константинопольский Нифонт. Его удаление с патриаршего престола в 1315 г. привело к тому, что мозаики не были окончены. Как видно по изображению сцен Рождества Христа, Сошествия Христа во ад и Успения, их близость к композициям в Кахрие Джамии проявилась даже в иконографии мельчайших деталей. Однако мозаики выполняли разные мастера, вдохновлявшиеся разными образцами, но близкие по духу

⁴⁰ Ibid. P 112, 116.

⁴¹ Underwood P. Op. cit. P. 189.

⁴² Demus O. The Style of the Kariye Djami... P. 152; Belting H., Mango C., Mouriki D. The Mosaics and Frescoes of St. Mary Pammakaristos (Fethiye Gamii) at Istanbul. Wash., 1978.

⁴³ Demus O. The Style of the Kariye Djami... P. 150.

друг к другу. Стилль же исполнения мозаик гораздо ближе к Фетие Джами, чем к Кахрие Джами.

К началу XIV столетия можно отнести фрески афонского Протата, выполненные художником Мануилом Панселином, происходящим из {468} Фессалоники. Этому мастеру приущ архаизм иконографии. Художественный стилль его фресок характеризуют строгие лица святых со скошенным в сторону взглядом выразительных глаз, металлическая четкость формы. Он также расписал и главный храм лавры св. Афанасия. Но от всей системы фресок уцелел здесь лишь небольшой фрагмент с головой св. Николая⁴⁴.

Фресок и мозаик второй половины XIV в. не сохранилось ни в Константинополе, ни во втором по значению художественном центре Византии — Фессалонике. О живописи того времени дают представление в первую очередь фрески Мистры и выполненные под византийским влиянием росписи сербских храмов.

В искусстве второй половины XIV в. можно ясно определить два направления. Первое, традиционное продолжает «классицизм» конца XIII — начала XIV в., развивая те поистине революционные достижения, которых добились художники в Кахрие Джами. Второе направление характеризуется усилением реалистических тенденций, бытовизма деталей. К нему относятся монументальные циклы храмов Сербии, испытавшей блестящий расцвет искусства с приходом к власти краля Стефана Душана. К этому направлению принадлежат и некоторые памятники, разбросанные на территории самой Греции⁴⁵.

Продолжением тех завоеваний, которыми было отмечено искусство Константинополя, явилась живопись монастырей Мистры — столицы Морейского деспотата, превратившейся в огромный город после изгнания из нее латинян. В этот двухсотлетний период своего существования, вплоть до захвата в 1460 г. турками, Мистра стала выдающимся центром напряженной интеллектуальной и блестящей культурной жизни Византии.

Все многочисленные храмы Мистры были расписаны фресками, отразившими основные этапы развития палеологовского искусства. Традиции первой половины XIV в. (фрески церкви св. Феодоров и Афендикос), когда в Мистре работали живописцы, следующие рафинированной манере константинопольских художников, были продолжены в росписях второй половины века, а затем и XV столетия. С точки зрения иконографии живопись Мистры показывает свойственное всему палеологовскому периоду увеличение числа ветхозаветных, апокрифических сюжетов, расширение тематического репертуара. Подробное иллюстрирование жизни св. Димитрия в храме, ему посвященном, богатые биографические циклы Богоматери, которые имеются почти в каждой церкви Мистры, отличают эти росписи. В Пантанассе уже в начале XV столетия присутствует полно проиллюстрированный Акафист, впервые появившийся в монументальной живописи Сербии за полвека до этого. Живопись Мистры постоянно отражает одну из характерных черт палеологовского искусства — поиски древних источников иконографии. Никогда художники Мистры не повторяли многочисленных версий одной и той же темы на стенах храма, как это сделали, например, сербские декораторы в Грачанице. Художники украшали церкви Мистры росписями, преследуя в основном дидактические цели. {469}

Вместе с тем в расположении фресок, в выборе сюжетов ни один храм Мистры не похож на другой. В Афендикос стены заняты портретами святых в рост, помещенных изолированно друг от друга в нишах или медальонах. Многофигурным композициям отведены своды, люнеты, конха апсиды. Такой системы в расположении фресок нет нигде более в Мистре. В Пантанассе, которая по архитектуре и многим чертам иконографии росписей повторяет Афендикос, принят совсем иной принцип размещения композиций на стенах⁴⁶.

Уже в первых памятниках монументальной живописи Мистры проявились новые тенденции, характерные для палеологовского искусства. Фрески митрополичьей церкви св. Димитрия принадлежат двум разным группам художников. К первой относится удлиненная фигура Богоматери Одигитрии в апсиде, неподвижно и несколько беспомощно стоящая перед зрителем. Второй, более передовой артели художников принадлежат многофигурные композиции, в которые их авторы вводят подробное изображение архитектуры с ее сложными, даже

⁴⁴ Mylonas P. Athos. Formes dans un lieu sacre. Athènes, 1974. N 14.

⁴⁵ Mouriki D. Les Fresques de l'église de Saint-Nicolas à Platsa du Magne. Athènes, 1975. P. 67.

⁴⁶ Dufrenne S. Les programmes iconographiques des églises byzantines de Mistra. P., 1970. P. 67.

фантастическими постройками. В церкви Афендики росписи, выполненные около 1310 г., также отличаются обильным введением сложной по своим формам архитектуры с перекинутыми между постройками велумами, с многочисленными завесами. Композиции выполнены в мелком масштабе, манера письма деликатная. Но несмотря на все эти особенности, фрески отличаются большой близостью к выполненным примерно в те же годы мозаикам Кахрие Джами⁴⁷.

Цикл фресок Перивлепты, созданный во второй половине XIV в., менее других росписей Мистры пострадал от времени. В куполе храма представлен Пантократор, а на его сводах — основные праздники. В конхе апсиды — Богородица на троне между архангелами, под ней — сцена Божественной литургии. Над конхой, в тимпане, — Гостеприимство Авраама. В жертвеннике — Отвержение даров Иоакима и Анны. В диаконнике — Христос Эммануил и два ангела с орудиями страстей. Цикл страстей Христа и детства Марии представлен здесь особенно подробно. Однако евхаристическая программа — одна из основных в Перивлепте. Все композиции отличаются подчеркнутой живописностью и динамизмом, эмоциональным напряжением образов, позволяющим говорить о влиянии на их авторов исихазма⁴⁸. Тесная связь фигур и пейзажа создается с помощью гармоничного соотношения их пропорций. Архитектура чрезвычайно сложна и дробна: художники смакуют детали, увлекаются многочисленными бытовыми подробностями.

О росписях начала XV в. можно получить представление по тем композициям, которые сохранились в Пантанассе, маленькой церкви Мистры, построенной в 1428 г. Искусство работавших здесь мастеров отличается большим драматизмом, чем в Перивлепте, а также напряженностью, сложным нагромождением форм. Композиции стали еще более многофигурными, чем ранее, жесты персонажей — еще яснее подчеркнутыми.

Мистра явилась последним крупным центром монументальной живописи, сохра-

Файл byz3_471.jpg

*Богородица с Младенцем
и неизвестным епископом.
2-я половина XIII в.
Мозаика из монастыря Сан-Грегорио
в Мессине.
Мессина, Национальный музей*

нившим даже в XV в. лучшие традиции константинопольских мастеров. Но ни о каком влиянии в искусстве работавших здесь художников критской или македонской школ, которое предполагал первый исследователь Мистры Г. Милле⁴⁹, уже давно не приходится говорить.

Среди «национальных» школ, роль которых в палеологовский период значительным образом возрастает, одно из первых мест принадлежит Сербии, превратившейся в XIV в. в могущественную державу. Смелые независимые сербские крале в своих придворных обычаях и церемониях подражали византийским императорам. Подобно им, они покровительствовали искусству. Работавшие в Сербии художники часто проходили обучение в Константинополе или Фессалонике, хорошо знали византийские фрески и мозаики.

В одном из крупнейших городов Сербии, Призрене, в 1307—1313 гг. кралем Стефаном Урошем Милутином, строителем и реставратором многих церквей, был перестроен и расписан храм Богородицы Левишка. Это было время мирных отношений с Византией. Сам краль был женат на дочери византийского императора Андроника II Палеолога. Росписи собора свидетельствуют об этих тесных контактах. В начале XIV в. система росписей сербских храмов отвечает задачам богослужения в большей степени, нежели ранее. Евангельские чтения на литургии стремятся иллюстрировать художники на стенах Призренского собора⁵⁰. Особый их интерес к портрету можно рассматривать как черту, характерную для сербской живописи. Краль Милутин представлен на стене храма как автократор. Напротив этой композиции, на противоположной стене, развернута целая галерея сербских властителей, его предков. {471}

Росписи церкви Иоакима и Анны монастыря Студеница, как об этом свидетельствует надпись на стене апсиды, были выполнены в 1314 г. также по заказу крале Милутина. Рабо-

⁴⁷ Talbot Rice D. Op. cit. P. 177, 178.

⁴⁸ Ibid. P. 178.

⁴⁹ Millet G. Monuments byzantins de Mistra. P., 1910.

⁵⁰ Панић Д., Бабућ Г. Богородица лвишка. Београд, 1975. С. 108.

тавшие здесь художники испытали несомненное влияние константинопольских образцов⁵¹. Легкие и изящные фигуры святых близки к персонажам Кахрие Джамии. В этом маленьком храме композиции отличаются необыкновенной сбалансированностью. Рисунок выдает точную руку его автора. Лица часто классически прекрасны, но однообразны, как, скажем, лица девушек, сопровождающих Марию в сцене Введения во храм. Но лица царя Милутина, стоящего с моделью основанного им храма перед св. Анной, его молодой жены Симониды, Симеона Немани и основателя независимой сербской церкви св. Саввы отличаются стремлением воспроизвести портретное сходство.

Фрески церкви св. Георгия в Старо-Нагоричине, хотя и содержат греческие надписи, выполнены художниками той же школы, что и росписи Студеницы. Несмотря на близость к константинопольскому искусству, местные черты здесь ясно прослеживаются в сербского типа лицах, в тяжеловесности фигур, некоторой аритмичности композиций, их графической манере исполнения.

Фрески Грачаницы, последний памятник школы Милутина (ок. 1320), гораздо более оригинальны и самобытны по своему характеру, чем все предшествующие им. Любовь к рассказу, к мельчайшим бытовым подробностям, отличающая эти фрески, особенность сербской «национальной» школы живописи.

Тот же интерес к многофигурным, перегруженным подробностями композициям отличает и росписи церкви Христа Пантократора в монастыре Дечаны (1335—1350), выполненные уже при крале Душане. На стенах этого храма появляются впервые нам известные по монументальному искусству сцены Акафиста. Чувство особого достоинства пронизывает образы святых на этих фресках. Ритмичность, несмотря на некоторую перегруженность композиций, особая манера изображения драпировок, тонкие переходы цвета приближают эти фрески к традиции Кахрие Джамии⁵².

Монастыри долины Моравы, росписи которых относятся к концу XIV — началу XV в., составляют несколько обособленную группу памятников. Центром моравской школы с ее интеллектуальной атмосферой стал монастырь Манассия, основанный деспотом Стефаном, по этому и покровителем искусства. Существенной особенностью этой школы можно считать воздействие на ее представителей исихастской философии. Григорий Синаит, покинув Афон, нашел прибежище у сербского крала Лазаря. Яркие и свежие цвета, подчинение линейности живописной манере, гладкость письма, напоминающая иконопись, свойственны фрескам моравской школы, а также спокойный, несколько безразличный дух, который пронизывает собой все ее памятники, и прежде всего росписи монастыря Манассии.

Другая значительная «национальная» школа живописи существовала в Болгарии. Та экспрессивность, что характерна для искусства {472} второй половины XIV в., нашла выраже-

Файл byz3_473.jpg

*Св. Георгий. XIV в.
Афон, Лавра*

ние во фресках пещерного монастыря Иваново. Здесь в 60—70-х годах по заказу болгарского царя Ивана Александра работали художники, пришедшие, возможно, из Константинополя⁵³. Отдельные детали, типы фигур, костюмы, элементы архитектуры напоминают в росписях Иванова Кахрие Джамии. Но в отличие от мозаик Кахрие Джамии здесь формы ломаются, появляется сильная драматизация, сложные повороты фигур. Исихазм, который в эти годы особенно сильно распространился в Болгарии, найдя официальное признание в Тырнове, и с которым было связано возникновение удаленных от мира пещерных монастырей, несомненно, способствовал той напряженности, взволнованности, которая наполняет образы святых в композициях Иванова.

Для болгарского искусства XIV в. характерны два направления. К одному из них, придворному, связанному с тырновской школой, принадлежат фрески Иванова, выполненные ху-

⁵¹ Лазарев В. Н. История византийской живописи. С. 176.

⁵² Demus O. The Style of the Kariye Djami... P. 153.

⁵³ Grabar A. Les fresques d'Ivanovo et l'art des Paleologues // Byz. 1955—1957. Т 25—27. P. 58 sq.; Demus O. The Style of the Kariye Djami... P. 154.

дожниками, находящимися под влиянием константинопольских образцов. Ко второму, демократическому, относятся росписи церквей Восточной Болгарии⁵⁴.

Искусство палеологовского периода характеризуется появлением живописцев ярких творческих индивидуальностей, художников, чей почерк можно сразу же определить. Имена некоторых из них, в том числе и тех, которые вышли из константинопольской художественной школы, нам известны. Многие из них связали свою судьбу с искусством той страны, где были созданы их основные произведения.

Одним из них был Кир Мануил Евгеник, приехавший в Грузию из Константинополя, куда за ним по велению эристава Вамека Дадияни было послано два монаха⁵⁵. Хотя надпись, сообщающая об этом на северо-западном и юго-западном устоях храма Спасителя в Цаленджихе, {473} не содержит даты создания росписей, ее можно определить годами правления Вамека (1384—1396).

Цаленджихская роспись особенно важна тем, что она представляет собой единственный точно датированный памятник, созданный константинопольским художником в конце XIV в. Кир Мануил Евгеник работал в храме, построенном еще в XII в. и тогда же расписанном. Фрагменты первоначальных фресок сохранились до сих пор. Росписи посвящены праздничному циклу, страстям и чудесам Христа. В них также включены отдельные композиции из детства Марии, житийные циклы Иоанна Предтечи и св. Николая. Особо почитаемый в Грузии св. Георгий помещен на северной стене, в ответственном месте росписей. Кир Мануил Евгеник при размещении композиций должен был следовать требованиям заказчика. Рядом со св. Георгием — ктиторский портрет Вамека Дадияни в одеждах византийского императора, на ношение которых он не имел никакого права. Рядом — его жена Марех и сын Мамия. В куполе помещено Вознесение Христа, в апсиде — Богоматерь Оранта. По своей иконографии фрески близки к росписям Перивлепты в Мистре⁵⁶, а также церкви Успения на Волотовом поле⁵⁷, что указывает на общность использованных фрескистами образцов.

Цаленджихская роспись отличается монументальностью. Изображения следуют конструктивному членению поверхности стены. Почти повсюду сохраняется единая горизонталь регистра, переходящая с одной стены на другую. Художник смело включает оконные ниши в построение композиций, не стремясь их обойти, что особенно ясно видно на примере сцены «Поклонение жертве», помещенной в алтарной апсиде. Колорит росписей довольно светлый, тона звучные и чистые. В больших многофигурных композициях отсутствует сложное плановое построение, а также пышные архитектурные постройки, характерные для этого времени. Фигуры персонажей четко выделяются на синем фоне.

Роспись Цаленджихского храма выдает талантливую натуру константинопольского художника, его смелый артистизм и индивидуальное своеобразие. Неизвестно, сколь долго пробыл в Грузии Кир Мануил Евгеник, но факт влияния его творчества на монументальную грузинскую живопись бесспорен. Об этом можно судить по фрескам в Хоби и Набахтеви, отличающимся, правда, большей холодностью и академизмом⁵⁸.

Другим константинопольским художником, покинувшим примерно в те же годы, а может быть, и несколько ранее свой родной город, был Феофан, прозванный на Руси Греком. В 1378 г. он расписал в Новгороде церковь Спаса Преображения на Ильиной улице. Влияние русского искусства на его творчество в этот период было еще не столь значительным, как позднее. В иконах Деисусного ряда Благовещенского собора Московского Кремля он предстает скорее уже как русский, чем византийский, живописец. Но и в Новгород он приехал не прямо из Константинополя, а сначала выполнил ряд заказов в Крыму, в Каффе. Приезд Феофана на Русь произошел в знаменательный для русской {474} культуры период, наступивший в го-

Файл byz3_475.jpg

*Исцеление прокаженного. Последняя треть XIII в.
Афон, Ивирский монастырь.*

⁵⁴ Божков А. Търновска средновековна художествена школа. С., 1985.

⁵⁵ Лордкипанидзе И. Стенная роспись в Цаленджиха. Художник Кир Мануил Евгеник // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.

⁵⁶ Там же. С. 5.

⁵⁷ Лазарев В. Н. История византийской живописи. С. 182.

⁵⁸ Лордкипанидзе. Указ. соч. С. 12.

ды подготовки к решающему сражению с татарами и достигший своего зенита после битвы на Куликовом поле (1380). Это было время подъема чувства «национального» самосознания, интереса общества к своему прошлому, усиления связей с Византией и балканскими странами, появления замечательных и многочисленных памятников литературы и искусства.

В этот период подъема «национальной» культуры Феофан приехал в один из самых значительных центров русского искусства — Новгород. В последние десятилетия XIV в. в Новгороде особое значение приобрела именно монументальная живопись, как это всегда характерно для испытывающего экономический и духовный расцвет города. Ряд храмов был заново расписан замечательными местными и приглашенными мастерами. Среди них — фрески церковью Феодора Стратилата, Успения на Волотовом поле, Рождества на кладбище, а также Спаса на Ковалеве. В двух последних работали приехавшие из Сербии живописцы.

Феофан прибыл на Русь из Константинополя, где при императоре Иоанне Кантакузине учение исихастов получило официальное признание. Более того, это было именно то время, когда исихазм широко распространился в Сербии и Болгарии. Конечно, Феофан, которого Епифаний Премудрый назвал «преславным мудрецом, философом zelo хитрым»⁵⁹, не мог остаться равнодушным к тем жарким религиозным спорам, что велись между исихастом Григорием Паламой и его противником Варлаамом. О том, на чьей стороне был Феофан, можно ясно видеть по темам его фресок в церкви Спаса Преображения, по характеру образов святых, даже по особенностям его изобразительного языка.

Среди фресок Троицкого придела церкви Спаса Преображения, в той галерее святых, которую поместил там Феофан, находятся изображения Макария Египетского, Иоанна Лествичника, святых мучеников — Агафона, Арсения и Акакия, Симеона, Давида, Даниила Столпников. К истокам раннего монашества, к первым формам аскезы, одним из видов которой в VI в. было столпничество, восходил исихазм в XIV в. Среди тех теоретических трактатов, на которые опирались исихасты, видное место занимала Лествица — сочинение о нормах поведения монахов, написанное игуменом монастыря св. Екатерины на Синае Иоанном в VI в. Совершенно ясно, что не случайно Феофан в приделе, где основной композицией была Троица, помещает не связанные с ней по символическому смыслу образы святых, причем подбирает именно тех из них, кого исихасты особенно прославляли.

Даже по фрагментам многофигурных композиций, обнаруженным при последних реставрационных работах в храме, видно, что Феофан уделял большое, а может быть, и основное внимание фигурам отдельно стоящих святых. Они не связаны между собой ни композиционной, ни внутренней духовной связью. — Тем очевиднее становится, что каждый из них по своему значителен. Сильные, духовно прекрасные личности волновали Феофана. Та вера в человека, которая характерна для исихазма, нашла отражение и в образах героев Феофана. Прекрасна, подобно воздушному облаку, легка фигура Макария Египетского, в молитвенной позе держащего перед грудью руки. На фоне его светлых, отливающих голубишной одежд, его длинных седых волос и седой бороды темными охристыми пятнами выделены лицо и руки. Как несколько веков спустя Рембрандт, Феофан проникал во внутренний мир человека, концентрируя особое внимание на изображениях лица и рук. Та асимметрия черт, та подчеркнутая экспрессивность, которых Феофан неизменно достигает посредством своего «неистового» белого движка, нашли высшее выражение в образе Макария.

Знаменитый блик Феофана, который служит основным средством передачи выразительности лица, отличается от четких по форме, сухих, точных пробелов, характерных для современной Феофану византийской живописи. Но упомянутый блик был присущ не только Феофану, На выполненном несколькими десятилетиями ранее, чем начал творить Феофан, «Сошествии Христа во ад» в пареклисии Кахрие Джамии лицо Адама своей асимметрией, экспрессивными движениями, использованными отнюдь не для того, чтобы лепить форму, напоминает лица святых, написанные Феофаном, как бы предвосхищая созданные им образы. Но тогда в Константинополе такой лик был еще исключением. У Феофана же все образы святых именно таковы: они стоят неподвижно и фронтально, {476} но лица их страстны и подвижны

Файл byz3_477.jpg

⁵⁹ Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. С. 9.

*Вход в Иерусалим. Последняя треть XIII в.
Афон, Ивирский монастырь.
Миниатюра из Евангелия, gr. 5*

— эффект, созданный благодаря движкам-пробелам.

Страстный философ-мудрец, художник Феофан обладал яркой, неповторимой творческой натурой. Подобные ему по силе индивидуальности не известны до сих пор среди художников ни в Византии, ни в Европе. Феофан был между тем фрескистом, типичным для византийского искусства эпохи его подъема при Палеологах, эпохи того духовного напряжения, которое возникло вслед за победой и распространением исихазма.

Но не только монументальная живопись позволяет составить представление об искусстве палеологовского периода. Как никогда до сих пор, в Византии расцвела иконопись. Иконы Константинополя и других художественных центров того времени весьма многочисленны. Когда-то они составляли большие и высокие иконостасные композиции, укреплялись на стенах храмов, часовен, частных домов. Теперь, разрозненные временем, они нашли прибежище во многих музеях мира. Созданные часто одними и теми же художниками, которые расписывали храмы, иконы в основных чертах отражают тенденции, свойственные современной им {477} монументальной живописи. В свою очередь, они сами оказали некоторое влияние на эту живопись. В частности, тщательная, более мелкая, чем ранее, манера письма свойственная теперь фрескам и мозаикам, явилась, несомненно, результатом воздействия иконописи.

Каждая икона палеологовского времени представляет как бы отдельный мир с собственными внутренними связями и своей атмосферой. Манера письма на иконах характеризуется теперь большей свободой и легкостью. Особое значение приобретает отдельный мазок, хотя цветовая моделировка по-прежнему заменяет световую. Художники увлекаются не только многочисленными пробелами, но и золотыми линиями, покрывающими мебель, одежду, иногда и архитектуру. Объем предметов передается через размещение теней то справа от них, то слева при отсутствии определенного источника освещения. В XV в. композиция начинает яснее, чем ранее, разворачиваться в глубину, отличаясь четкостью построения. Живописцы представляли собой, особенно к концу палеологовского периода, тонких рисовальщиков, умевших передавать сложные ракурсы фигур. Таким образом, развитие иконы происходило в том же направлении, что и монументальной живописи, как в отношении стиля, так и иконографии. Однако в иконописи указанные выше особенности выступали в более ясном, концентрированном виде, нежели в монументальной живописи.

К раннепалеологовским иконам относится весьма показательное для того периода Успение начала XIV в. в собрании Гос. Эрмитажа. Типы лиц с высокими, выпуклыми лбами и маленькими носами сходны с персонажами мозаик Кахрие Джамии. Роль коротких белых бликов в иконе напоминает значение того же приема в этих мозаиках⁶⁰. Живописное построение пространства на иконе соответствует свободе композиций во фресках Митрополии в Мистре⁶¹. Светлые сочные движки, мягкие линии складок, тонкие плавные указывают на начало XIV в. Золотые линии, покрывающие одеяния, еще очень немногочисленны. Все в этой иконе подчинено стремлению передать, подчеркнуть настроение. Скорбь пронизывает фигуры апостолов, склонившихся над телом Марии, как и лица ангелов и женщины в проеме окна. Постройки отодвинуты к краям доски, их четкие очертания и скромные формы не отвлекают от восприятия основного сюжета. Насыщенный колорит подчеркнуто эмоционален.

В палеологовскую эпоху особое значение приобретает тема Троицы, известная до тех пор лишь по нескольким примерам, относящимся в основном к раннехристианскому времени. Возможно, объединение страны после изгнания латинян, рост «национального» самосознания греков способствовали популярности этого сюжета, символизирующего идею единства. Как показывают сохранившиеся памятники, художники трактовали тему Троицы, подчеркивая не только догмат о единстве божества в трех лицах, но и попросту бытовой, жанровый аспект.

К палеологовскому времени относятся изображения Троицы в росписях Сопочан, капеллы Богоматери монастыря Иоанна Богослова на Патмосе, Перивлепты в Мистре, пареклисия монастыря Хиландар на {478} Афоне, миниатюре Евангелия Ивирского монастыря на

⁶⁰ Lasarev V. Byzantine ikons of the XIVth and XVth centuries // Burlington Magazine. 1937. № 71. P. 258.

⁶¹ Wulff O., Alpatoff M. Denkmaler der Iconenmalerei. Dresden, 1925. S. 116, 117.

Файл byz3_479.jpg

Евангелист Марк.

Последняя треть XIII в.

Париж, Национальная библиотека.

Миниатюра из Евангелия, gr. 54

Афоне № 5, рукописи сочинений Иоанна Кантакузина Парижской Национальной библиотеки и др. К этому же периоду принадлежат две иконы. Одна из них хранится в Эрмитаже, другая — в музее Бенаки в Афинах. Обе они написаны в конце XIV, быть может, в начале XV в.

На иконе из Эрмитажа архитектура и мебель своими четкими, прямыми линиями способствуют ясному восприятию сцены. Предметы, находящиеся на столе, изображены не порознь, а составляют единый натюрморт. Сильно вытянутому прямоугольному формату иконы соответствует длинный стол, на котором расставлены сосуды. Центр натюрморта совпадает с центром всей композиции, которая строится в первую очередь за счет архитектуры. Павильоны по бокам иконы поставлены так, что на правый из них зритель смотрит как бы справа, на левую постройку — располагаясь от нее слева. Горизонтальные линии, очерчивающие здания, если их мысленно продолжить, сходятся в середине доски, как раз на большой евхаристической чаше — символе той жертвы, которую принес Христос, искупая грехи человечества. Колорит иконы, сдержанный и приглушенный, построенный на темных охристых тонах, соответствует четкости и строгости ее композиции.

В 1387 г. в Константинополь прибыл Афанасий, основатель русского Высоцкого монастыря близ Серпухова. Из Византии он отправил в свою обитель, как сообщается в его житии, со своим преемником Афанасием Младшим грамоту о благословении и семь поясных икон⁶². Поскольку дата смерти последнего известна (1395), иконы прибыли на Русь, по-видимому, между 1387 и 1395 гг. Ныне они находятся в Гос. Третьяковской галерее, а одна из них, с изображением Иоанна Предтечи,— в Гос. Русском музее. Большие, монументальные образа, составлявшие композицию Деисуса, должны были входить в иконостас. Возможно, они были выполнены в Студийском монастыре в Константинополе, где поселился, купив себе келью, Афанасий Высоцкий и где уже много столетий существовала иконописная мастерская. {479}

Интерес к византийскому искусству на Руси на рубеже XIV—XV столетий был особенно велик. Иконы, привезенные из Византии, всегда выполняли роль «первых посланников» новых художественных тенденций. Кроме икон Высоцкого чина, именно тогда попали на Русь многие другие иконы, среди которых и «Пименовская Богоматерь» (ныне в Гос. Третьяковской галерее). По преданию, памятник был привезен митрополитом Пименом во время его поездок в Константинополь в 1381 или 1388 г.

Среди всех этих произведений иконы Высоцкого чина представляют собой, несомненно, лучшие образцы византийской живописи конца XIV в. Их подчеркнутая монументальность создается не только большим размером досок (1,49×1,06 м), но и тем вниманием к силуэту, которое явно обнаруживает живописец, а также спокойствием и величием образов святых и сдержанностью их движений. Лица Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи, апостолов Петра и Павла, архангелов Михаила и Гавриила строги и сумрачны. Колористическая гамма плотная и довольно темная. В ней нет и намек на «просветленность» красок, столь характерную для живописи Андрея Рублева.

Тот интерес к богородичному циклу (к образу Марии), который отличает мозаичные и фресковые циклы палеологовского времени, нашел отражение и в иконах. Подобно теме Успения, изображение Благовещения известно до сих пор по многим примерам. На почти одновременных (первая половина XIV в.) иконах на эту тему из Гос. музея изобразительных искусств в Москве⁶³ и Галереи искусств в Охриде⁶⁴ художники уделяют большое внимание архитектуре сложной формы. На фоне павильонов на обеих иконах изображена Богоматерь. Павильоны подчеркивают значение центрального образа. Между Богоматерью и архангелом Гавриилом в обеих композициях происходит диалог, устанавливается внутренняя связь. Но икона из московского собрания несколько более интимна по настроению, что достигается не только введе-

⁶² Лазарев В. Н. Новые памятники византийской живописи XIV в.: Высоцкий чин // Лазарев В. Н. Византийская живопись. С. 357.

⁶³ Bank A. Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1985. № 272, 273.

⁶⁴ Djurić V. Icônes de Yougoslavie. Belgrade, 1961. № 14.

нием в сцену служанки, слушающей разговор, но и тем, что образы Марии и архангела здесь более сдержанны в проявлении чувств, проще и лиричнее. Подобно тому как «Владимирская Богоматерь» вошла в историю русского искусства, так и Благовещение из Охрида оказалось тесно связанным с сербским искусством, повлияв на фрескистов, работавших для краля Милутина.

То внимание к портрету, которое характерно для палеологовской живописи, отразилось и в иконописи. Икона Гос. музея изобразительных искусств Двенадцать апостолов⁶⁵ представляет собой в сущности групповой портрет. Апостолы на ней не объединены каким-либо действием, как в сценах Евхаристии или Явления Христа апостолам, а выстроились перед зрителями двумя рядами. Все они отличаются и позами, и иконографическими типами, индивидуализацией лиц.

Икона Григорий Палама⁶⁶ того же собрания представляет образ {480} святого, явно на-

Файл byz3_481.jpg

Поцелуй Иуды. Последняя четверть XIII в.

Париж, Национальная библиотека.

Миниатюра из Евангелия, gr. 54

деленный портретным сходством. Икону отличают, однако, орнаментальность, сухость трактовки, как бы заглаженность лика. Местом ее создания, вероятнее всего, была Фессалоника, где был погребен Григорий Палама, где его память особенно чтили и где были его прижизненные изображения, использованные иконописцем конца XIV в.

Среди точно датированных икон палеологовского времени можно назвать икону Пантократора⁶⁷ Гос. Эрмитажа. На поле иконы сохранились две маленькие фигурки. Они изображены в моленных позах. По-видимому, это лица, заказавшие икону,— стратопедарх Алексей и примикирий Иоанн. Оба они, как известно, основали в 1363 г. на Афоне храм Христа Пантократора, для которого, очевидно, и была выполнена эта икона, привезенная в Россию с Афона в XIX в. П. И. Севастьяновым. Христос, держащий в левой руке Евангелие, а правой благословляющий, своим мощным, преувеличенно расширенным торсом напоминает античного Зевса. Так как заказчиками были члены императорской семьи, можно полагать, что икона была создана или в столице, или на Афоне, куда приезжали константинопольские мастера. {481}

В палеологовский период, как и ранее, создаются в большом числе художественно оформленные рукописи⁶⁸. Однако теперь уже не в каждой большой мастерской, как это было раньше, работают рука об руку писцы и художники. Далеко не всегда теперь в скриптории имеются миниатюристы, достаточно квалифицированные для того, что выполнить полный и подробный набор иллюстраций. В связи с этим появился обычай заказывать миниатюры для рукописи в другой мастерской, а не в той, где рукопись была изготовлена. Так постепенно утрачивались высокие художественные принципы, выработанные книжниками XI в. Поскольку художники начинали работать по уже готовой рукописи, в те годы возник обычай украшать миниатюрами и старинные, уже давно написанные кодексы, которые вообще не имели миниатюр или где их было немного. В те годы становится все меньше миниатюр, расположенных рядом с текстом и на полях. Изображения помещаются в основном на отдельных листках. На такие миниатюры оказала влияние иконопись, и они воспринимаются как самостоятельные, композиционно не связанные с текстом изображения. Одной из особенностей поздней миниатюры можно также считать распространение первых рисунков в величину листа.

Роскошно оформленной рукописью палеологовского периода является кодекс, содержащий четыре трактата императора Иоанна VI Кантакузина и находящийся ныне в Парижской Национальной библиотеке (Paris. gr. 1242). Естественно, ее оформляли лучшие художники столицы, может быть работавшие в императорском скриптории, хотя сведения о существова-

⁶⁵ Bank A. Op. cit. № 270; Пуцко В. Палеологовская икона с изображением двенадцати апостолов // Byzantina, 1988. Т. 14. С. 251—262.

⁶⁶ Пуцко В. Г. Две палеологовские иконы в Москве // ЗРВИ. Белград, 1975, Кн. XVI.

⁶⁷ Bank A. Op. cit. № 319.

⁶⁸ Общее представление о характере палеологовского книжного искусства существенно расширилось благодаря исследованию: Buchthal H., Belting H. Patronage in Thirteenth-Century Constantinople: An Atelier of Late Byzantine Book Illumination and Calligraphy. Wash., 1978.

нии во дворце мастерской в последний период византийской истории отсутствуют. Рукопись была написана монахом Иоасафом в 1375 г. Она содержит типичные для этого периода четыре миниатюры, расположенные на отдельных листах и воспринимаемые как станковые произведения. Среди них одна посвящена Преображению — теме, особенно популярной в искусстве начиная со второй половины XIV в., так как одним из наиболее спорных вопросов, решаемых исихастами и варлаамитами, был вопрос о природе фаворского света.

Интерес к портретным характеристикам, свойственный палеологовскому искусству, нашел отражение и в миниатюрах этой рукописи. На одной из них император Иоанн Кантакузин представлен дважды: как монах и как правитель. На другой он же изображен председательствующим на Соборе 1351 г. Он выделен размером, в его руках атрибуты власти. Однако и без этого его можно было, по-видимому, узнать по портретному сходству, переданному художником: высоко поднятые брови над карими глазами, довольно длинная каштановая борода с заметной проседью.

Среди богато иллюстрированных византийских кодексов конца XIV в. можно назвать манускрипт, содержащий текст Акафиста Богоматери в собрании Гос. Исторического музея (греч. 463). Каждый из 24 гимнов этой рукописи проиллюстрирован отдельной миниатюрой. Она завершает или чаще всего начинает столбец текста и заключена в ограничивающую ее со всех сторон раму. Краски и золото сплошь покрывают пергамен, усиливая сходство композиций со станковыми произведениями. Миниатюры расположены довольно часто, ибо иллюстрируют короткие, вполне определенные части текста, его кондаки и икосы.

Композиции всех миниатюр отличаются четкостью и строгостью, так как художник предпочитает центрический принцип в расположении элементов композиции, в построении которой активное участие принимает архитектура. Как и в монументальной живописи, миниатюрист располагает постройки за фигурами, тем самым усиливая их роль. Обрамляющая Богоматерь пещера, на фоне которой она сидит, создает вокруг ее фигуры как бы ореол. Стена, соединяющая постройки, повторяет движение персонажей. Эмоциональная выразительность миниатюр, динамизм композиций сочетаются с несколько небрежным, но по-своему экспрессивным их рисунком. Пропорции фигур далеки от классических. Нижние части тел укорочены, ноги согнуты в коленях. Колорит определяется обильным введением золота.

В оформлении этой рукописи большую роль играют инициалы звериного стиля. Они состоят из изображений животных с вытянутыми туловами, объем которых создается светотеневой моделировкой. Птицы и звери изгибами своих тел образуют необходимые очертания буквы. Часто одно животное изображено выходящим из пасти другого. Все вместе они составляют единый жгут, рисующий букву. Под влиянием такого рода изображений были выполнены инициалы некоторых русских рукописей конца XIV — начала XV в.⁶⁹

Итак, в целом движение византийского искусства при Палеологах совершалось в сторону усиления живописного начала, в направлении более точного воспроизведения действительности и расширения круга воспроизводимых явлений. Процесс развития искусства стал более сложным и неровным, но тем не менее оставался органичным и закономерным.

Развитие византийского искусства было внезапно прервано разгромом Константинополя в 1453 г. Византия была завоевана османами. Художники стали покидать земли бывшей империи. Они уезжали в Италию, работали на Афоне, на Крите, в Московской Руси. Далеко от Константинополя в то время, когда собственно византийское искусство уже не существовало, они стремились остаться верными старым художественным принципам, образцам прошлых веков, сохранить как можно полнее и дольше прежние традиции. Однако все это вело лишь к засушиванию формы, к обеднению изобразительного языка. Глухой консерватизм, свойственный многочисленным иконам, условно называемым «итало-критскими» и «итало-греческими», упорно сохранял свои позиции в эпоху, когда великая волна Возрождения уже захлестнула не только Италию, но и Северную Европу. {483}

⁶⁹ Lichačeva V. The Illumination of the greek Manuscript of the Akathistos Hymn // DOP. 1972. Vol. 26.

Византийское зодчество эпохи Палеологов

Архитектура Византийской империи эпохи Палеологов была явлением весьма сложным. Она отчетливо распадается на несколько локальных направлений или школ, из которых наиболее развитыми оставались архитектурные школы столицы — Константинополя (включая смежный район Малой Азии с ближайшими островами) и близкой к нему Фессалоники, с которой была тесно связана и специфически монастырская архитектура Афона. Особое и значительное место принадлежит архитектуре материковой и островной Греции. Архитектура каждой из этих областей своеобразна и потому должна быть рассмотрена отдельно, хотя везде в той или иной степени ощущается влияние архитектуры византийской столицы, где художественная инициатива не иссякала и в эпоху Палеологов. Но даже независимо от этого зодчество различных областей поздневизантийской империи было так или иначе объединено общностью самих архитектурных концепций, тенденцией архитектурно-художественного развития, отразившей определенные закономерности единого процесса.

Полнее всего творчество византийских зодчих выразилось в культовой архитектуре о произведениях которой преимущественно будет идти речь в данной главе.

Последний этап развития византийской архитектуры — это время формирования нового архитектурного стиля. Его первые ясно выраженные признаки появились в начале X в., а ко времени распада империи под ударами крестоносцев, т. е. к началу XIII столетия, он уже вполне сложился. Вскоре после падения латинского владычества (во второй половине XIII и в XIV в.) в Византии оживилось архитектурно-художественное творчество: несмотря на экономические трудности, в той или иной мере возобновилось и монументальное строительство. Именно в то время новый архитектурный стиль достиг в Византии своей полной зрелости¹.

Для адекватной характеристики судеб этого стиля в XIII—XV вв. {484} необходимо

Файл byz3_485.jpg

*Стамбул. Фетхие Джамии. Начало XIV в.
Вид с юго-запада*

коротко проследить историю появления его элементов в предшествующую эпоху. Развита крестово-купольная система со свойственной ей центричностью продолжала господствовать и в эпоху Палеологов, но определилась она на почве византийского Востока уже в раннее средневековье. Формирование этой архитектурной системы завершилось к началу X в., о чем позволяет говорить северный храм столичного монастыря Липса (908 г.)². Храм представлял собой четырехколонное крестово-купольное здание «сложного» варианта, т. е. с удлиненной восточной ветвью креста, что создавало пространственную перспективу. Окружающая храм обход-галерея придавала зданию пятичастную структуру; в обходах размещались молящиеся.

Основное качество этой архитектурной системы — объединенность внутреннего пространства. Тенденция дальнейшего развития, заключающаяся в стремлении еще больше слить внутренние объемы храма в единое пространство и возможно сильнее подчеркнуть его крестово-купольность и центричность, проявилась в архитектуре Константинополя последующих двух столетий, когда были созданы храм Спаса Всевидящего (мечеть {485} Эски-имарет) второй половины XI в. (не позднее 1087 г.) и храм монастыря Пантократора (Зейрек-Джами) пер-

¹ Библиография поздневизантийской архитектуры довольно обширна. Из основных работ следует назвать: *Ebersolt J., Thiers A.* Les églises de Constantinople (texte et atlas). P., 1913; *Millingen A. van.* Byzantine Churches in Constantinople. L., 1912; *Krautheimer R.* Early christian and byzantine Architecture. L., 1965; *Брунов Н. И.* Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. М.; Л., 1966. Т. 3. Специально поздневизантийской архитектуре Константинополя посвящена книга: *Eyice S.* Son Devir bizans mimârisi Istanbul'da Palaiologos'lar Dervi Anitlari. Istanbul, 1963. P. 104 (резюме на нем. яз.). Основная публикация памятников Фессалоники: *Diehl Ch., Le Tourneau M., Saladin H.* Les monuments chrétiens de Salonique (texte et atlas). P., 1918.

² *Ebersolt J., Thiers A.* Op. cit. P. 212—214, pl. XIX sq.; *Krautheimer R.* Op. cit. P. 261—263, pl. 139—141; *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. С. 92—95; *Он же.* К вопросу о средневизантийской архитектуре Константинополя // ВВ. 1968. Т. 28. С. 159 и след.

вой половины и середины XII в.³ Это стремление породило резкое, как никогда ранее, повышение подкупольного пространства относительно всех остальных объемов здания и общую повышенность пропорции: вертикаль в композиции здания с течением времени становилась преобладающей. Красота здания явно ассоциировалась с его высотой, устремленностью ввысь, к небу. Символом неба, небесного свода ведь и являлся купол. Этот эстетический принцип свойствен всей византийской архитектуре, но теперь он рельефно выступил не только в интерьере, но и снаружи: новое соотношение объемов храма, в котором доминировал купол на относительно высоком барабане, создавало уступчатость масс здания, пирамидальный ритм их и тем самым определенную градацию масс. С течением времени эти новые качества архитектуры проявлялись все отчетливее.

Новые качества собственно архитектуры породили и новое понимание архитектурной плоскости, и новую трактовку фасада, что выразилось в глубоком их расчленении вертикальными тягами; они усиливали ощущение повышенности пропорций. Той же цели служили и удлиненность окон, нередко тройных, разделенных тонкими столбиками, и тройные проемы внутри храмов с такими же столбиками, как и умножение граней барабана купола и апсид; грани становятся более узкими и вытянутыми. В усилении этой особенности также сказывались новые тенденции развития византийской архитектуры.

Некоторые перемены в монументальной архитектуре византийской столицы принесли XIII и XIV столетия, о чем позволяют говорить три храма, приблизительно одновременные и композиционно близкие. Это южная церковь монастыря Липса (мечеть Фенари-иса) 1282 г., являвшаяся фамильной усыпальницей Палеологов⁴, церковь Марии Паммакаристы (мечеть Фетие), перестроенная между 1292 и 1294 г.⁵, и церковь Спаса в монастыре Хора (мечеть Кахрие), перестроенная из более древнего храма в конце XIII — начале XIV в.⁶

Во всех этих зданиях пол значительно шире, чем в храмах X—XII вв.; устои вследствие этого как бы расступились, расширив подкупольное пространство, где совершалось литургическое действо, и, кроме того, были усилены. Это привело к сужению боковых частей храма и тем самым к ограничению доступа в него. А в храме монастыря Хора подкупольное пространство и вовсе было отделено стенами от остальных помещений, в которых были устроены индивидуальными часовни молельни. {486}

Файл byz3_487.jpg

Пареклисион. Своды

Стамбул. Фетхие Джамии. Начало XIV в. {487}

Смысл этих изменений архитектурной композиции заключается в усилении замкнутости храма, все больше превращавшегося, из общественного здания в церковь для феодальных верхов — для ктитора храма, его семьи и приближенных. Таким образом, архитектурно-композиционные изменения были непосредственно связаны с изменениями социальной природы храма.

В этом отношении особенно характерны маленькие церковки, или церкви-усыпальницы, которые строила для себя византийская знать в конце XIII и в XIV в. Такой характер имела уже однефная удлиненная церковь с двумя высоко поднятыми куполами, зажатая между северным и южным храмами монастыря Пантократора, — усыпальница императора Мануила Комнина (1143—1180), им же и построенная; галерея начала XIV в. с куполом на световом барабане в центре и двумя полукуполами, пристроенная с южной стороны к храму Спаса в монастыре Хора (Ф. И. Шмит считал ее трапезной; лишь позднее превращенной в цер-

³ Спас Всемиловый: *Ebersolt J., Thiers A.* Op. cit. P. 171—182, pl. XXXIX—XLI; *Krautheimer R.* Op. cit. P. 263, pl. 142; *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. С. 97—102 (датирует первой половиной XI в.); монастырь Пантократора: *Ebersolt J., Thiers A.* Op. cit. P. 183—189, pl. XII—XVIII; *Krautheimer R.* Op. cit. P. 265, pl. 140, 144; *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. С. 106—109.

⁴ *Macridy Th., Megaw A. N. S., Mango C., Hawkins E. J. W.* The Monastery of Lips at Istanbul // DOP. 1964. Vol. 18. P. 265—268; *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. С. 147.

⁵ *Ebersolt J., Thiers A.* Op. cit. P. 227. 236—247, pl. 53—57; *Ogan A.* Aya Maria Pammakaristos. Fethie Camil // *Belleten Türk Tarih Kurumu.* 1949. Vol. XIII, N 50. P. 270—290 (с англ. резюме); *Macridy Th.* et al. Op. cit. P. 319—331.

⁶ *Millingen A. van.* Op. cit. P. 288—320; *Krautheimer R.* Op. cit. P. 265, pl. 187; *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. С. 147—151; *Шмит Ф. И.* Кахрие Джамии // ИРАИК. 1906. Т. XI. С. 34—104.

ковь-усыпальницу). Таковы отдельно стоявшая во Влахернском дворце однефная церковь Феклы, средняя часть которой была некогда увенчана куполом на барабане, и небольшая центрическая, четырехлопастная в плане церковка Панагии Мухлиотиссы (XIV в.), а в Фессалонике — столь же миниатюрная церковка Спаса, трехлопастная внутри и прямоугольная снаружи. Особенно интересна совсем маленькая погребальная церковь (внутри ее размеры всего 5,5×8,5 м), пристроенная в 1312 г. к храму Марии Паммакаристы (Фетхие Джамии), в миниатюре воспроизводящая крестово-купольную композицию; формы ее (три купола на высоких барабанах с вытянутыми пропорциями, многочисленные вертикальные членения, три яруса ниш на апсиде) были призваны создать иллюзию большого храма. Это была также одна из тенденций нового архитектурного стиля.

В зодчестве другого крупного византийского центра — Фессалоники, второго по величине и значению города, наблюдается тот же процесс развития, что и в столице. В сущности, архитектура обоих центров — это одна архитектура.

Здесь развитая крестовокупольная система представлена выдающимся произведением греческих зодчих — храмом Панагии Халкеон (Казанджиляр Джамии), освященным в 1028 г.⁷ Здание воспроизводит сложный «вариант» композиции с четырьмя устоями в виде колонн и тремя апсидами. И здесь существенна особенность храма: средний купол на барабане сильно возвышается над остальными куполами, составляя треть всей высоты храма; таких пропорций мы не знаем даже в столичной архитектуре того времени. Устремленность ввысь подчеркнута острыми фронтонами, которыми завершены северная и южная ветви креста храма.

Другая, не менее примечательная особенность фессалоникского храма — глубокая расчлененность всех его фасадов, притом выступающая в очень развитом виде. Черты эти в той или иной мере были характерны и для тогдашней архитектуры Константинополя. Они определили художественный облик всей поздневизантийской архитектуры.

Три других монументальных культовых здания Фессалоники относятся к более позднему времени. Это Храм Пантелеймона (Исаакие Джамии) {488} (XII в.), храм Екатерины (Якуб-

Файл byz3_489.jpg

*Пареклисион Стамбул. Фетхие Джамии. Начало XIV в.
Юго-западная капитель и своды в юго-западном углу*

паша Джамии) конца XIII в. и храм Апостолов (Суук-су Джамии) также конца XIII в. с экзонарфиком (1312—1315)⁸. Все они принадлежат тому же типу, что и Панагия Халкеон, но в первых двух устои расставлены шире, благодаря чему подкупольный объем увеличен за счет суженных угловых ячеек (ширина их всего 70 см). Таким путем достигнуто еще большее единство внутреннего пространства.

Храмы сближает друг с другом и увеличенная высота пропорций центрального подкупольного объема: купол, поставленный на многогранный барабан, доминирует над всем зданием, что подчеркивает центричность композиции. Тенденция к столпообразности явно усиливалась в поздневизантийское время. Это относится прежде всего к храмам Фессалоники, а может быть, и столицы.

Для всех трех храмов, как и вообще для поздневизантийской архитектуры Константинополя и Фессалоники, характерна и глубокая расчлененность фасадов с двух- и трехступчатым обрамлением окон и филенок. Расчлененность эта все более усложнялась, в чем также сказывалась тенденция архитектурного стиля. Эти храмы, подобно современным им столичным, с трех сторон охвачены галереей-обходом, в которой и разmeshалась основная масса прихожан. При этом в храме Пантелеймона и Екатерины галереи представляют собой полуоткрытые портики с чередованием широких аркад-проемов с тонкими полуколонками и ниш с полукруглым верхом. В храме Апостолов такой «ажурный» характер имеет лишь экзонарфик, подобный экзонарфику церкви Феодора (Молла-Гюрани Джамии) в Константинополе.

Таковы основные черты архитектурной композиции в центральных областях Византии (в Константинополе и Фессалонике). Те же особенности имела архитектура тяготевших к ним

⁷ Diehl Ch. et al. Op. cit. P. 153—156, pl. L—LIII; Krautheimer R. Op. cit. P. 270—273; Брунов Н. И. Архитектура Византии, С. 38; Ευ; ἀγγελίδης Δ. Ε. Ἡ Παναγία Χαλκέων. Θεσσαλονίκη, 1954. Σ 98.

⁸ Кондаков Н. П. Македония. СПб., 1909. С. 115—121; Diehl Ch. et al. Op. cit. P. 167—175, 179—186, 189—200, pl. IV—XVI; Krautheimer R. Op. cit. P. 270—273, 300—301, pl. 148, 182, 183.

районов Малой Азии и на островах (например, о-ве Хиос). Основой композиционных решений была развитая крестово-купольная система в ее «сложном» варианте. Но она не была застывшей и окостеневшей. На протяжении XI—XIV вв. в ней прослеживается несомненная эволюция, в которой особенно проявились две тенденции — к максимальному объединению внутреннего пространства и повышению пропорций, к усилению вертикали в общей компоновке масс. То и другое было наиболее выразительными свойствами слагавшегося тогда нового архитектурного стиля.

В прямой зависимости от основных принципов собственно архитектурной композиции находились и те изменения, которые претерпевало понимание архитектурной плоскости, архитектурного фасада. Суть этих изменений сводится, как известно, к выработке системы каркаса здания в виде шестнадцати столбов, при которой стены становятся лишь заполнением промежутков между ними. Следствием этого явились конструктивные и художественные изменения. С одной стороны, усилилась роль основных устоев каркаса, выступающих на фасаде в виде лопаток или даже полуколонн, с другой — соединявшие столбы-устои стены утончались и низводились до второстепенной части храма. С течением времени эти изменения неизбежно прогрессировали: оконные проемы стремились умножить, их расширяли и делали тройными (трехчастными). Стены благодаря этому приобретали ажурность. Вместе с тем профили устоев и обрамления (оконных и входных) все более усложнялись, они стали уступчатыми: стены как бы отодвигались на второй план, создавалось впечатление перспективы, которая вместе с множеством широких проемов сводила на нет цельность и монолитность фасада, усиливала его свето-теневые контрасты.

Новые явления в развитии византийской архитектуры особенно бросаются в глаза при сопоставлении ее с резко контрастирующей архитектурой ранневизантийского времени, для которой характерен монолитный и сплошной, глухой и аскетичный фасад, лишь слегка расчлененный, нарочито скрывающий внутреннюю, нередко сложную структуру (например, церковь Сергия и Вакха в Константинополе), притом фасад, почти лишенный декора. Эту традицию продолжала и крестово-купольная архитектура столицы VIII—IX вв. (Поль Джамии, Календер Джамии, Атик-Мустафа Джамии).

Новая трактовка архитектурного фасада, о которой говорилось, начала проявляться уже в начале X в. (если не в конце IX в.): она была порождена новой, сложившейся к тому времени архитектурной композицией. Уже в упомянутом храме монастыря Липса 908 г. стены, отделяющие наос от галереи, были сплошь прорезаны проемами (аркадами и окнами), почти не оставляющими места для архитектурной плоскости. Зодчий явно избегал ее, словно стремясь слить пространство самого храма с его окружением. Эти ажурные стены в храме Липса принадлежали еще ин-терьеру, но вскоре их как бы перенесли наружу. Они стали архитектурным фасадом. Процесс этот шел нарастающими темпами.

Уже через столетие в церкви Панагии Халкеон в Фессалонике (1028 г.) эта система глубокого расчленения стен с возникающими благодаря ей свето-теневыми контрастами, иначе говоря пластическая разработка фасадов дана уже во вполне развитом и, можно сказать, законченном виде. Стена во всех ее звеньях, отодвинутая вглубь, была трактована как заполнение основного каркаса здания, причем и само это заполнение было не менее глубоко расчленено трехступчатым в профиле «перспективным» обрамлением окон, наполняя фасады целым каскадом тяг. Это был второй план членений. От монолитного фасада не осталось ничего: он теперь полностью отражал интерьер храма, а не изолировал его. Зодчие явно стремились к тому, чтобы храм можно было созерцать не только изнутри, но и снаружи.

Еще лучше эти архитектурно-художественные тенденции заметны на последнем этапе развития византийского зодчества — в XIII и XIV вв. Оно оставалось верным выработанным в X—XII вв. принципам, но вместе с тем наблюдались и некоторые новые явления: во-первых, усложнение ритма в разработке фасада, во-вторых, отход от установившейся схемы и стремление придать индивидуальность архитектурным произведениям, в-третьих, обилие и разнообразие декора. Как образец этой архитектуры показателен южный храм монастыря Липса (Фенариса; 1282—1304), восточный фасад которого резко отличается от смежного храма 908 г. прежде всего обогащенным ритмом с чередованием плоских и глубоко впадающих в стену

граней средней апсиды и с различными по рисунку кирпичными фризами над боковой апсидой⁹.

Более полное представление о фасадах можно получить по небольшой гробничной церкви с гинееем, построенной в 1312 г. в монастыре Марии Паммакаристы (Фетие Джами)¹⁰. Несмотря на малый размер церкви, ей придан облик четырехстолпного купольного храма. Особенно интересна разработка его фасадов. Средняя апсида — трехъярусная, семигранная; грани заполнены чередующимися полукруглыми нишами и углубленными филенками. Двухъярусный южный фасад лишен вертикальных тяг, но зато он весь наполнен широкими тройными окнами, сочетающимися с узкими, полукруглыми в плане нишами и круглыми впадинами; все они с двухступенчатым обрамлением, придающим благодаря своей «перспективности» и глубине пластичность фасадам. Четкое и ритмически сложное чередование этих проемов и филенок, притом асимметричное, порождает живописность фасадов, усиленную полихромностью кладок (чередование светлого камня и красного кирпича в кладке стен, в арках и в узорочье тимпанов западной стороны). Разработка фасада была художественно развитой, композиционно оправданной и лишеной повторений.

Не менее интересен фасад другого одновременного произведения — экзонарфика храма Феодоры (Молла-Гюрани Джами), пристроенного в {491} начале XIV в.¹¹, также двухъя-

Файл byz3_492.jpg

Килиси Джами. XI—XIV вв.

Нартекс палеологовского времени {492}

русного, но композиционно решенного своеобразно. В верхнем ярусе, увенчанном тремя куполами, — пять широких полукруглых проемов с окнами, в нижнем, основном ярусе по сторонам центрального входа помещены два тройных портика-аркады, разделенные колонками; портики фланкируют высокие полукруглые ниши, которые, чередуясь с ними, обрамляют весь фасад. Элементы фасада здесь те же, что и в монастыре Марии Паммакаристы, но сочетаются они совсем иначе и образуют иную, совершенно особенную, но также вполне законченную композицию, легкую и ажурную, привлекающую ритмическим богатством.

Характерная черта нового архитектурного стиля эпохи Палеологов — стремление пронизать фасад светом, сделать его легким и ажурным — проявилась и в монастыре Хора, на его западном фасаде, т. е. фасаде экзонарфика, представлявшего собой сплошную открытую галерею¹².

И наконец, очень показателен один из памятников дворцовой архитектуры Константинополя — дворец, который получил турецкое название Текфур Серай¹³, построенный в начале XIV в. Это большое трехэтажное здание с двумя парами широких входных проемов, с четырьмя окнами на втором этаже и семью — на третьем, причем все оси окон не совпадают, благодаря чему фасад приобретает асимметричность. Особенно интересен богатый кирпично-каменный декор фасада, заполняющий все свободные плоскости стен. Но об этом ниже.

Те же стилистические особенности константинопольской архитектуры времен Палеологов наблюдаются и в Фессалонике. Храм св. Екатерины (Якуб-паша Джами) конца XIII в.¹⁴ дает неожиданно новую композицию архитектурного фасада. Храм имеет окружающую его с трех сторон галерею, фасады которой прикрывают нижнюю часть храма. Галереи эти понижены, чтобы выделить собственно храм с возвышающимся куполом. Галереи ориентированы го-

⁹ Ebersolt J., Thiers A. Op. cit. Pl. LII (до реставрации); Krautheimer R. Op. cit. Pl. 139, 180; Eyice S. Op. cit. Pl. 8—23.

¹⁰ Millingen A. van. Op. cit. P. 152—160, pl. XXVIII, XXXIX, XLII (до реставрации); Ebersolt J., Thiers A. Op. cit. P. 227, 236—247, pl. LVI, LVII; Ogan A. Op. cit. P. 290—294; Krautheimer R. Op. cit. P. 307—308, pl. 188; Underwood P. A. Notes on the Work of the Byzantine Institute in Istanbul: 1957—1959 // DOP. 1960. Vol. 14. P. 215 sq.; Брунов Н. И. Архитектура Византии. С. 152—153; Eyice S. Op. cit. P. 104 sq.

¹¹ Millingen A. van. Op. cit. P. 247—252; Ebersolt J., Thiers A. Op. cit. P. 156—157, pl. XXXIV, XXXVII; Krautheimer R. Op. cit. P. 307, 308, pl. 189; Брунов Н. И. Архитектура Византии. С. 153—154.

¹² Шмут Ф. И. Кахрие Джами. С. 91; Millingen A. van. Op. cit. P. 311, pl. 105.

¹³ Krautheimer R. Op. cit. P. 309, pl. 190—191; Брунов Н. И. Архитектура Византии. С. 143—147.

¹⁴ Diehl Ch. et al. Op. cit. P. 179—186, pl. 58—61 (до реставрации); Krautheimer R. Op. cit. P. 300, pl. 182; Dalvoye Ch. L'art byzantin. P., 1967. Fig. 176.

ризонгально, что подчеркнугто сплошным горизонтальным карнизом, но этой горизонтали прогтивнопоставлены непрерывные вертикальные членения по всей высоте галерей в виде выгтянутых двойных аркад, разделенных тонкими колонками и прерывающих горизонтальный карниз. Аркады эти в нижнем ярусе южного фасада чередуются, как и в столице, с полукруглыми нишами. На западном фасаде галереи ниши, наоборот, занимают верхний ярус. Аркады и ниши галереи почти не оставляют глухих участков; стены воспринимаются как ажурная перегородка, отделяющая храм от окружающего пространства, как в Константинополе. Но ритм проемов и ниш здесь еще более усложнился. Элементы фасадов фессалоникского храма Екатерины уже были отмечены выше в столичной архитектуре, но сочетаются они здесь по-новому, не повторяя фасадов других современных зданий. Это придает храму индивидуальный характер.

Другой большой фессалоникский храм конца XIII в.— храм Апостолов {493} не вносит

Файл byz3_494.jpg

Мистра. Вронтохион. Ок. 1300 г. Вид с востока

в разработку фасадов чего-либо нового, зато очень интересен его экзонарфик 1312—1315 гг.¹⁵, являющийся открытым преддверием храма. Ритм проемов и членений здесь не менее сложен: он основан на чередовании более широких и относительно узких проемов с рядом колонн. Их прерывают два коротких простенка с нишками, фланкирующими вход и тем самым выделяющими его.

Византийское зодчество эпохи Палеологов отмечено еще одним закономерным качеством, характерным для многих архитектур на последнем этапе развития,— усилением роли декора.

Речь идет не только о многоступчатых тягах, подчеркивающих рисунок фасада, встречающихся уже в X в.; появились и новые декоративные средства, значение которых все более возрастало — цвет и кирпичное узорочье. Прежде всего это выражалось в использовании цветовых эффектов самой кладки, сочетающей ряды красного кирпича и ряды светлого камня. Сочетание это уже утратило конструктивное значение и являлось чисто декоративным, о чем говорят памятники XI в.: чередование кирпича и камня было, собственно, не кладкой, а только облицовкой стены. В эпоху Палеологов эта тенденция усилилась. Очень показательны в этом отношении {494}нии южная церковь монастыря Липса конца XIII в. и в особенности южная

Файл byz3_495.jpg

Мистра. Вронтохион. Ок. 1300 г.

Центральный неф. Вид с запада {495}

церковь монастыря Марии Паммакарисгы (1312 г.), а также фасад Текфур Серая начала XIV в., декор которого основан на сочетании кирпича и инкрустированного в кирпичную кладку камня, образующего самые различные узоры (шахматный, зигзаги, плетенки и пр.); пояса этого декора разделены нитками цветных (глазурованных) вставок в виде четырехлистника. Узоры почти сплошь покрывают верхнюю половину фасада, обращенного внутрь двorca¹⁶.

Все более популярной становилась узорчатая кирпичная выкладка, появившаяся еще в X в. Ее постепенно усложняли, а в XIII—XIV вв. дополнили вставкой глазурованных изразцов и даже глазурованных блюд. В то время кирпичное узорочье получило в византийской архитектуре наибольшее развитие, достигло зрелости и стало очень популярным. В этом убеждают уже названные выше памятники Константинополя — южная церковь монастыря Липса и южная церковь монастыря Марии Паммакрисгы, восточные фасады которых сплошь покрыты кирпичными узорчатыми фризами различного рисунка.

В монументальной архитектуре Фессалоники в XIII—XIV вв. наблюдаются те же явления. Особенно богато разработан здесь фасад храма Апостолов, насыщенный кирпичным узорочьем.

Прогрессировавшее значение декоративной разработки фасадов, особенно возросшее в поздневизантийском зодчестве, отнюдь не означает понижения или подавления собственно архитектуры или развития одной за счет другой, ибо архитектурный декор и архитектурная композиция в Византии были всегда слитны и едины. Монументальная архитектура (и прежде

¹⁵ Diehl Ch. et al. Op. cit. P. 189—200, pl. LXII—LXVI; Krautheimer R. Op. cit. P. 300—301, pl. 183.

¹⁶ Krautheimer R. Op. cit. P. 190, 191; Брунов Н. И. Архитектура Византии. С. 146 и рис. 104.

всего культовая), в силу новых ее функций создававшаяся для ограниченного круга молящихся (чем дальше, тем этот круг сокращался, храм нередко обслуживал лишь феодальные верхи — ктиторов храма, их семьи и их окружение), была рассчитана на созерцание не только внутри, но и снаружи.

Рассмотренные здесь памятники дают довольно отчетливое представление о развитии архитектуры в наиболее крупных городах империи в средне- и поздневизантийское время. Процесс этот шел медленно. Одна из его тенденций — как можно теснее связать интерьер, внутреннее пространство которого с течением времени все более объединялось, с окружающим миром. Этим объясняется стремление нарушить его монолитность, максимально расчленивать фасады, умножить различные проемы, пронизать фасады светом. Вместе с тем в архитектуре остро ощущалась и другая тенденция — к повышению пропорций, усилению вертикали композиций, устремлению ее ввысь. И это также непосредственно отражалось на фасадах. То, что стало характерным для интерьера, постепенно было вынесено наружу, на фасад, ибо храм должен был привлекать не только тем, чем он был внутри, но и его внешним видом¹⁷. Именно с этим было связано и усиление декора фасадов. Все это свидетельствовало, несомненно, о больших переменах не только в архитектуре, но и в социальной жизни Византии. Наконец, постоянно проявлялась тенденция к ритмическому усложнению рисунка фасадов и их индивидуализации. И это тоже было велением времени.

Так на протяжении столетий формировался новый архитектурный стиль. Турецкое завоевание оборвало этот процесс.

Несколько иначе развивалось зодчество в удаленной византийской провинции — Трапезундской империи, больше связанной с Восточным Причерноморьем, чем с собственно Византией. От столичной византийской архитектуры оно было оторвано, больше удерживало раннесредневековые базиликальные традиции и потому выглядит провинциально, архаично. Собственно, к поздневизантийскому времени относятся лишь немногие памятники, среди них наиболее значительное здание — церковь св. Софии, построенная, вероятно, в XIII в. Она имеет удлиненную плановую композицию, относительно широкое подкупольное пространство, три сильно выступающих притвора, некогда, возможно, объединенные открытыми аркадами, образующими трехстороннюю галерею, окружавшую храм. Повышенными пропорциями София Трапезундская не отличалась¹⁸. Судя по этому зданию, поздневизантийское зодчество Трапезунда носило характер провинциальный.

Столичный облик присущ лишь небольшой, квадратной в плане церкви Михаила близ Трапезунда, относящейся к XIII—XIV вв. Здание выделяется высоко поднятым куполом и очень вытянутыми пропорциями. Обращает внимание глубоко расчлененная пятигранная апсида (южный и северный фасады, видимо, перестроены)¹⁹.

Зодчество Греции поздневизантийского времени развивалось в том же русле, что и в метрополии, но вместе с тем оно носило черты ясно выраженного своеобразия. Собственно, речь ниже пойдет не о всей Греции, значительную часть которой захватили франки, а лишь об Эпирском царстве в Северо-Западной Греции, отчасти о Македонии и Мистре на Пелопоннесе с примыкавшей к ней территорией. Но и в этих ограниченных пределах зодчество Греции эпохи Палеологов, как и столичное, отнюдь не было однородным. Наоборот, его отличают разнообразие форм и, что следует особенно подчеркнуть, огромная сила традиции, благодаря которой старые, чуть ли не раннесредневековые, формы доживали до позднего средневековья, хотя, конечно, в переработанном виде. На зодчестве Греции непосредственно отразилось влияние Западной Европы, что еще более усложняет общую картину.

В основе монументальной архитектуры Греции после X в. лежит, как и в столице, крестово-купольная система, развитым примером которой в ее «сложном» варианте является первоначальный храм второй половины или конца X в. в монастыре св. Луки в Фокиде²⁰, явно следующий столичным образцам, хотя и без обычной там галереи-обхода. К этой сложившейся

¹⁷ Ср.: Шмит Ф. И. Что такое византийское искусство? // Вестн. Европы. 1912. Окт. С. 229.

¹⁸ Bellance S. Byzantine Churches of Trebizonde // Anatolian Studies. 1860. Vol. X. P. 161—163; Брюнов Н. И. Архитектура Византии. С. 118.

¹⁹ Bellance S. Op. cit. P. 164—167.

²⁰ Krautheimer R. Op. cit. P. 247, 257, pl. 152, 153, 157; RBK. 1973. Bd. III. S. 264 ff. Здание не имеет точной даты; различные мнения приведены: RBK. Bd. III. S. 303—304. Наиболее вероятна дата постройки — вторая половина X в. (ср.: Бошкович Б. Архитектура средневека. Београд, 1957. С. 96).

композиции еще долго обращались зодчие Греции и в XI, и в XII в. (например, храмы Арголиды в Хонике, Мербака и др.). {497}

Но уже в первой половине XI в. в Греции были созданы храмы совершенно новой композиции; архитектура их была для своего времени в полном смысле передовой. Речь идет о группе монументальных храмов с обширным куполом, основанным на восьми устоях, образующих восьмигранник; переходом к барабану купола служат тромпы. В законченном и сложившемся виде эта композиция представлена двумя замечательными творениями греческих зодчих XI в. — в монастырях Луки в Фокиде и в Дафни в Аттике (близ Афин). В этих зданиях купол охватывает уже весь наос, что было значительным шагом вперед в развитии архитектуры. Ширина тромпов, одинаковых по ширине с ветвями креста, придает равновесие и гармонию интерьеру. Основное качество его — объединенность внутреннего пространства и развитая центричность. Оба храма нельзя не расценить как выдающиеся явления в средневековой архитектуре. Неудивительно, что образ этих кафоликонов стал очень популярным в монументальной архитектуре Греции: композицию их в том или ином виде повторяли не только в XI в. (церковь Панагии Ликодиму в Афинах и церковь Христиану в Мессении на Пелопоннесе, близкие по размеру к кафоликону монастыря Луки), но и в XII в. (церковь св. Николая близ озера Копаис в Беотии), а в уменьшенном и несколько упрощенном виде — в конце XIII в. (церковь св. Софии в Монеувассии и церковь Феодоров в Мистре, 1290—1296). Последние два храма наглядно показывают, насколько был устойчив пиетет к архитектурной композиции 2—2,5-вековой давности.

Но было бы ошибочно представлять себе архитектуру Греции XIII в. лишь как повторение старых образцов. Наоборот, зодчество Эпирского царства продолжало интенсивно совершенствоваться, хотя и на старой основе, освященной традицией. Венцом развития той же композиции является построенный в 1282—1289 гг. сложный по своей архитектуре храм Паригоритиссы (Богородицы Утешительницы) в Арте — главный храм царства²¹. Паригоритисса — это целый архитектурный комплекс, состоящий из основного храма и примыкающих к нему с северной и южной сторон двухэтажных церквей, объединенных общим широким нарфиком. Главный храм — это небольшое по площади трехъярусное здание с глубокой восточной ветвью креста, увенчанное широким куполом, основанным на восьми выступах стен. Выступы эти поддерживают массивные кронштейны-плиты с поставленными на них колоннами; кронштейны немного нависают над выступами стен и образуют второй ярус композиции. В свою очередь, они служат основой третьему ярусу колонн, также нависающих над вторым ярусом, завершенным удвоенным количеством маленьких колонн, нависающих над третьим ярусом. Создается ясно выраженная градация вертикальных тяг; поток их порождает подлинную динамику внутреннего пространства и обостряет ощущение высоты храма. Архитектура Паригоритиссы с ее центризмом и динамикой интерьера была подготовлена всей предыдущей архитектурой Греции, начиная с кафоликона монастыря Луки, и она как бы завершает эту самобытную линию развития. {498}

Файл byz3_499.jpg

Охрид. Св. Климент. 1294—1295.

Вид с юго-востока

В декоре верхней части интерьера храма немало западноевропейских элементов (романские капители, изображения монстров в основании колонн третьего яруса, стрельчатые арки, обрамленные поясами изобразительной скульптуры, и пр.), но эти привнесенные элементы не нарушают греческую архитектуру Паригоритиссы.

Однако история архитектуры Греции средне- и поздневизантийского времени не была равномерно шедшим процессом. Становление новых форм тормозилось и материальными возможностями сельской и городской общины, строившей церкви, и властью слепой традиции. Действительно, абсолютное большинство множества сохранившихся в Греции от того времени монументальных построек представляет собой небольшие и упрощенные крестовокупольные

²¹ Ὁρλάνδος Ἀ. Ἡ Παριγορήτισσα τοῦ Ἁγίου Ἀρτίου. Ἀθήναι, 1963; Шмит Ф. И. Что такое византийское искусство? С. 229; Krautheimer R. Op. cit. P. 294—296, pl. 177, 178; Полевой В. П. Искусство Греции. Средние века. М., 1973. С. 276—279 (с его трактовкой здания как произведения эклектического соглашения не могу).

церкви «простого» варианта (т. е. с равными ветвями креста, без вимы) с четырьмя столбами или, что чаще, с отдельно стоящими колоннами в качестве устоев. Это наиболее поздний вариант крестово-купольной композиции. Здесь внутреннее пространство церкви уже не дробится внутренними стенками и в значительной мере объединено. Создатели такого рода храмов неотступно следовали сложившемуся типу, который держался веками почти без изменений вплоть до турецкого завоевания, отличаясь лишь пропорциями частей (вытянутостью восточной и западной ветвей креста), незначительными отличиями в разработке {499} фасада и его декора, большей частью очень скромного. Ктитору большинства таких построек вряд ли были в состоянии придать им те богатые формы, которые находили приложение в придворных храмах и дворцах, богатых монастырях и постройках богатых ктиторов. В противоположность таким храмам архитектура общинных церквей оставалась большей частью отсталой: она не могла отразить тот архитектурно-художественный процесс, который совершался в средне- и поздневизантийское время в столице и самой Греции.

Еще проще, а нередко и примитивнее по архитектуре были культовые постройки Греции, возродившие старую, раннесредневековую форму базилики; их строили преимущественно на позднейшем этапе истории греческой монументальной архитектуры. Позднесредневековые базилики — это тоже специфическая особенность Греции; за ее пределами они встречаются редко. Впрочем, и в Греции таких базилик немного, они находятся преимущественно в северных районах страны — в Эпирском царстве (в Арте, Калабаке, Кастории), а на юге — в Мистре.

В большинстве своем эти базилики трехнефные с деревянным стропильным перекрытием (как у раннесредневековых базилик), что придает им архаичный облик. Таковы, например, базилики Феодоров середины XIII в. в Арте (Эпир)²² и большая базилика Успения в Калабаке (Фессалия)²³. Некоторые базилики уже в XI в. перекрывались цилиндрическими сводами²⁴. Наиболее интересна трехнефная базилика Като-Панагия в Арте (около середины XIII в.) с тремя парами колонн и двумя парами глухих (не выступающих наружу) куполов над боковыми нефами²⁵. Базилика имеет яркую особенность: перед апсидой ее пересекает трансепт, возвышающийся над средним нефом и пониженный над боковыми; купола в трансепте нет. Такого рода храмы с трансептом, так называемые *σταυρεπίστευοί*, строились в Греции как в XIII в., так и позднее — в XV—XVI вв.²⁶ За исключением Като-Панагии, это небольшие и скромные провинциальные общинные или монастырские церкви. Их трансепт как бы замещает купол. В этой особенности можно видеть определенное упрощение архитектуры церковного здания, вместе с тем она напоминает греко-восточные храмы, для которых весьма характерно поперечно ориентированное пространство перед алтарем²⁷.

Некоторые позднесредневековые базилики Эпира имеют купол, например церковь Влахернской Богоматери в Арте, построенная Михаилом III Дукой около середины XIII в., с одним большим куполом над средним нефом и двумя малыми над боковыми.

Но наряду с крупными базиликами в Эпире и Македонии в XIII—XIV вв. строились и совсем небольшие, элементарные по архитектуре {500} базилики в виде маленьких удлинен-

Файл byz3_501.jpg

*Арта. Паригоритисса. 1282—1289.
Северная сторона*

ных залов, разделенных на три узких нефа, в значительной степени изолированных друг от друга. Характерная черта таких базилик — резко повышенные пропорции их средней части, а упрощенность архитектуры возмещена богатством их наружного декора. Выразительные при-

²² АВМЕ. 1936. Т. II. Р. 88—96; *Alpago-Novello A. Grecia bizantina*. Milano, 1969. Р. 73—76; RBK. L. 10. S. 243, 249.

²³ *Lampakis G. Mémoire sur les antiquités chrétiennes de la Grèce*. Athènes, 1902. Р. 31; *Alpago-Novello A. Op. cit.* Р. 22, 23.

²⁴ АВМЕ. 1961. Т. IX. Р. 35—36.

²⁵ АВМЕ. 1936. Т. II. Р. 32—81; RBK. L. 10. S. 262, 265.

²⁶ *Orlandos A. Eine unbeachtete Kuppelform // BZ*. 1929—1930. Bd. 30. S. 277—282; *Полевой В. М.* Указ. соч. С. 270—271.

²⁷ См.: *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. С. 76; *Он же.* Очерки по истории архитектуры. М., 1935. Т. 2. С. 459—465.

меры таких базилик сохранились в Кастории²⁸. В этих позднесредневековых церквях наглядно воплотилось новое понимание архитектуры, новый архитектурный стиль.

Наконец, три большие и парадные, однородные по композиции трехнефные купольные церкви были возведены в конце XIII — начале XIV в. и в начале XV в. в Мистре²⁹ — наиболее крупном позднесредневековом городе Греции, являвшемся в эпоху Палеологов средоточием всей культуры страны. Это храм св. Димитрия в Митрополии (окончен в 1291—1292) с нарфиком и хорами, огибающими храм с трех сторон. В нижнем ярусе — три пары колонн; на арках между ними находятся две пары массивных устоев, поддерживающих центральный купол. Таким образом, второй ярус воспроизводит крестовокупольную композицию с куполом на средокрестье. Аналогичны и два других храма — храм Афентико в монастыре Вронтохион (построен ок. 1311) (с открытой галереей вдоль северного фасада и со сложной по ритму композицией, завершающей южный фасад) и церковь Пантанасса (построена ок. 1430) с такой же открытой галереей. Галереи эти с широко шагающей аркадой, поставленные на высокий цокольный этаж, явно навеяны дворцовой архитектурой: они очень напоминают аркаду нижнего этажа Влахернского дворца в Константинополе (Текфур Серай), построенную примерно в то же время, а также ранневенецианские дворцы, архитектура которых исходила, вероятно, из форм дворцов того же Константинополя³⁰. {501}

Возврат к купольной композиции в Мистре имел, конечно, свои причины: то были храмы больших монастырей, а храм св. Димитрия в Митрополии являлся религиозным центром города. Храмы эти должны были вместить возможно больше прихожан, а обширные хоры занимала придворная знать. Вся архитектура этих храмов, насыщенная декором, особенно снаружи (внутри стены покрывали фрески), принадлежит, наиболее яркому, хотя и оказавшемуся последним этапу развития нового архитектурного стиля в Греции. На основных и самых характерных чертах этого стиля следует остановиться подробнее.

Новые архитектурно-художественные формы в Греции впервые отчетливо выступают уже к середине XI в. — в кафоликоне монастыря Луки в Фокиде: в архитектуре этого замечательного здания господствует центричность, внутреннее пространство всецело объединено относительно вертикальной оси. Эти свойства предстают теперь в новых формах, зрелых и самобытных, отнюдь не заимствованных из византийской столицы. Кафоликон в монастыре Луки, как и близкий ему кафоликон Дафни, был произведением новаторским.

Новой композиции храма соответствовала и новая, невиданная до того в Греции разработка архитектурного фасада, в которой вертикаль также становится доминирующей особенностью. Этим новым архитектурным концепциям следовало зодчество Греции на протяжении и XI, и XII столетия. Паригоритисса в Арте конца XIII в., явившаяся апофеозом в развитии композиционной структуры с восемью устоями, была подготовлена всем ходом истории средневековой архитектуры Греции. Звеньями этого процесса и были храмы XI в. в монастырях Луки и Дафни, как и храмы Нового монастыря на Хиосе (XI в.) и Великой Лавры на Афоне. Конечно, в этом процессе большую роль играло зодчество византийской столицы, постоянно оказывавшей влияние на архитектурную мысль близкой провинции. Но еще большее значение имели самостоятельные поиски, приводившие к созданию новых композиций, специфичных именно для Греции.

Новый стиль пронизывал всю архитектуру страны — и «большую» и «малую»: даже маленькие церкви зодчие стремились наделить чертами «большой» архитектуры с ее повышенными пропорциями, вертикальной ориентацией масс. Таковы упомянутые базиличные церкви XIII—XIV вв. в Кастории, трехцерковный храм Василия в Арте и церковь Феодоры там же (середина XIII в.), в которой ощущение высоты достигнуто благодаря повышенной остроты фронтонов на торцах базилического объема и совсем миниатюрная триконхиальная купольная церковь Панагия Кувелитисса, по всей вероятности XIV в., в той же Кастории³¹.

²⁸ Церкви св. Анаргиров, Стефана, Таксиархов. См.: АВМЕ. Т. IV. Р. 10—20, 61—68, 107—112; Krautheimer R. Op. cit. Pl. 134.

²⁹ Millet G. Monuments byzantins de Mistra. P., 1910. Pl. 17—19, 23—27, 35—40; Брунов Н. И. Архитектура Византии. С. 156—157.

³⁰ Брунов Н. И. Архитектура Византии. С. 86.

³¹ АВМЕ. 1938. Т. IV. № 2. Р. 125—131; *Alpago-Novello A.* Op. cit. P. 84—85, p. 18; Krautheimer R. Op. cit. Pl. 166; *Полевой В. М.* Указ. соч. С. 191. Датировка XI в. является недоразумением, мы придерживаемся датировки А. Орландоса, см.: АВМЕ. 1938. Т. IV. Р. 136. Ср. мнение Дж. Бошковица: Всеобщая

Очень симптоматично и появление в средневековой Греции колоколен, примыкающих к храмам. Они подчеркивают вертикаль в архитектурном ансамбле храмов Мистры (Вронтохион и Пантанасса) и Афона (Ватопед, 1427). Правда, этот элемент пришел в Грецию с латинского Запада, но {502} потому и привился в позднесредневековой Греции, что хорошо отвечал

Файл byz3_503.jpg

*Стамбул. Фанари Иса Джамии.
1282—1304. Ансида*

всему художественному строю греческой архитектуры того времени. В зодчестве Константинополя, однако, эта архитектурная тема отсутствует.

Архитектуру Греции и византийской столицы отличает и трактовка фасада: плоскости греческие зодчие всегда придавали большее значение. Тяготение к ажурности фасада, типичное для архитектуры Константинополя, в Греции выражено очень слабо, да и расчлененность фасадов сказывалась здесь в гораздо меньшей степени. В этом убеждают памятники и XI, и XII в., начиная с тех же кафоликонов в монастырях Луки и Дафни, дающих ясное представление о расхождении между зодчими столицы и Греции в самом понимании фасада. Гладь стены здесь всегда доминировала. Пучок окон в верхней части северного и южного фасадов на два-три двойных окна на остальной поверхности и одно-два двойных окна на западном фасаде (все они помещены под несколько углубленной аркой) — такова лаконичная система разработки фасадов многих церквей Греции того времени³². В этом стремлении сохранить архитектурную плоскость и в отказе от сплошного глубокого расчленения можно усмотреть силу традиции и архаичность, но так или иначе это было явлением, свойственным именно греческому зодчеству X—XII вв., рельефно отличающим его от одновременной архитектуры византийской столицы.

Этот стиль сохранился и в XIII в., что подтверждает пример Паригоритиссы. Внешние формы не передают внутреннюю трехцерковную композицию. Все здание объединено двухъярусным фасадом под общей четырехскатной кровлей, со множеством двойных окон (кстати сказать, размещенных асимметрично): на южном и северном фасадах — по четыре пары, на западном — пять пар. Но несмотря на обилие окон, каменная поверхность стен не поглощена ими и, наоборот, кажется доминирующей. В сущности, {503} эта та же схема разработки фаса-

Файл byz3_504.jpg

*Фессалоники. Церковь св. Екатерины. Конец XIII в.
Вид с юго-востока*

да, что и в кафоликоне Луки в Фокиде, т. е. в памятнике XI в. Традиция удерживала эту схему в течение трех столетий.

Интенсивное развитие архитектуры в Греции, ясно прослеживаемое начиная с IX—X вв., не было повторением, того, что создавалось в Константинополе.

Ведущие формы вырабатывались независимо, хотя тенденции и идейные устремления зодчих там и здесь были тождественными. Это, конечно, не мешало заимствованию из столицы отдельных форм в силу тех или иных конкретных обстоятельств. В этом отношении очень интересен экзонарфик кафоликона Дафни в виде портика со сложным ритмом проемов, явно повторяющий аналогичные экзонарфики церкви Феодоры (Молла-Гюрани Джамии) в Константинополе и храма Апостолов в Фессалонике, оба — начала XIV в.³³

Наконец, фасад в монументальной архитектуре Греции приобрел еще одну особенность, свойственную, правда, и архитектуре Константинополя, {504} но в Греции получившую

Файл byz3_505.jpg

*Фессалоники. Церковь св. Апостолов. 1312—1315.
Вид с востока*

история архитектуры. Л.; М., 1966. Т. 3. С. 449.

³² Примером могут служить храмы XII в. в Арголиде (*Struc A. Vier byzantinische Kirchen der Argolis // Athenische Mitteilungen. 1909. Bd. 34. Taf. VI—XI.*

³³ Στίκας 'Ε.: *ΔΧΑΕ*. 1962—1963. Σ. 1—47. Дата, предлагаемая автором, — XI в. — вызвала возражения (см.: *ΔΧΑΕ*. 1970—1972, Σ. 13—28). Приведенные аналогии склоняют к датировке экзонарфика. концом XIII — началом XIV в.

неизмеримо большую популярность и значение,— кирпичное узорочье. Оно с лихвой восполнило и относительно слабую расчлененность фасадов и связанное с этим некоторое однообразие архитектурной плоскости. Благодаря узорочью фасады наполнились новыми красками и стали в полном смысле живописными. Кирпичное узорочье достигло в Греции — в Эпире и Македонии — высокой степени разнообразия, изощренности и виртуозности³⁴.

Прежде всего это относится к самой кладке зданий. В противоположность Константинополю и столичной архитектурной школе в монументальной архитектуре Греции средне- и поздневизантийского времени в качестве строительного материала чаще применялся камень; плинфа (кирпич) применялась реже при кладке стен, но наличники оконных и дверных проемов выкладывались, как правило, из кирпича. Еще в IX—X вв. кладка была однородной, но уже в XI в. она приобретает декоративную обработку: ряды каменных блоков стали разделять сверху и снизу одним-тремя рядами кирпичей, кирпичами же разделять отдельные блоки. Каждый из них, таким образом, был со всех сторон обрамлен кирпичами и тем самым {505} выделен³⁵. Образуется перегородчатая кладка, вернее, облицовка, придающая архитектурной поверхности подчеркнутую четкость, а вместе с тем и красочность. Кроме того, пояса такой кладки уже в XI в. стали членить нитками поребрика, усилившими строгость и четкость кладки. Начиная с XI в. перегородчатая кладка прочно вошла в арсенал декоративных средств зодчих Греции и с тех пор удерживалась там до XVI—XVII вв.

Но это был только первый шаг. В дальнейшем графический рисунок кладки усложнялся, появился собственно кирпичный узор — плоскостный, но зато красочный. Расширилось и применение декоративных средств, которые усиливали полихромность фасада: в него стали включаться яркие цветные пятна — фризы из глазурованных плиток или даже глазурованных блюд и особых, вставленных в стену глазурованных фигур в форме четырехлистника различной расцветки, протянутых вдоль фасада, огибающих окна и т. д. Некоторые из этих приемов зародились уже в XI в. и продолжали развиваться в последующие столетия.

В XIII и XIV вв. ради усиления живописности фасадов регулярную перегородчатую кладку нередко стали заменять строго выдержанными рядами рваных камней, но также в кирпичном обрамлении. Такова, например, кладка (вернее, облицовка) церковью Кастории (Стефана, Кувелитиссы, Анаргиров, Таксиархов)³⁶; в храмах Мистры кладку из рваных камней контрастно сочетают с регулярной; на восточном фасаде церкви Феодоров (1290—1296) чередуются широкие розоватые пояса кладки из рваных камней и столь же широкие пояса регулярной перегородчатой кладки³⁷.

Таким образом, на протяжении X—XV вв. прослеживается несомненное усиление живописности фасадов средствами одной лишь кладки. Еще больше способствовало тому же собственно кирпичное узорочье, которое вплеталось в кладку, органически сливалось с ней, составляя ее неотъемлемый элемент. Уже в XII в. существовали развитые формы этого узорочья. А в XIII и XIV вв. узор, выложенный из кирпича, нередко полностью заполняет архитектурную плоскость, не оставляя свободного места.

Наиболее ранняя форма кирпичного узорочья — узкие резные кирпичные вставки между блоками кладки, составляющие различные орнаменты. Они широко применялись в XI в. (прекрасный пример этого дает кафоликон Луки в Фокиде); в XII в. из резных кирпичей составляли целые фризы. Но тонкая и изящная кирпичная резьба была слишком мелка: она была видна и ощутима лишь с близкого расстояния, а в верхних частях здания смысл такого декора вообще пропадал. Поэтому эта орнаментика не могла удержаться надолго. И действительно, уже в XI в. возник и с течением времени широко использовался другой вид кирпичного декора: орнамент не вырезался на кирпичах, а выкладывался из самих кирпичей. Этот вид декора распространился в архитектуре Греции в XII, но особенно в XIII—XIV вв. Появляются фризы в виде упрощенного и вытянутого {506} меандра, или, лучше сказать, П-образного орнамента³⁸.

³⁴ Специально этому вопросу посвящена особая глава в монографии Г. Милле. См.: *Millet G. Op. cit.* P. 224—244, 252—289.

³⁵ Кладка эта у греков носила название *πλινθοτερικλειστή*. В западноевропейской литературе ее обозначают французским термином *cloisonnee*. Мы ее будем называть перегородчатой кладкой.

³⁶ *ABME*. 1938. Т. IV. P. 14, 15, 17, 64, 65, 67, 110, 111, 129, 130, 140; *Reusche E. Polychromes Sichtmauerwerk byzantinischer und byzansbeeinflusster Bauten Südosteuropas*. Köln, 1971. S. 77—82.

³⁷ *Millet G. Op. cit.* Pl. 18, 38 (Митрополия, Пантанасса), 21; *Alpago-Novello A. Op. cit.* Pl. 6.

³⁸ Впервые мы его наблюдаем в Дафни, а в XII в. он встречается довольно часто. См.: *BSA*. XXXII.

В XIII и XIV вв. фризы с кирпичной орнаментикой (керамопластика) становятся обильнее и разнообразнее; особенно популярен был тот же П-образный орнамент; нередко широкие фризы с орнаментом в виде елочки, ромбов, зигзагов, крестиков, косой сетки и т. д. и т. п.; по сторонам окна помещают круг с радиусообразно выложенными кирпичами (изображение солнца?); излюбленным мотивом остается поребрик, которым обычно разделяют следующие один над другим широкие фризы с кирпичным орнаментом. Архитектурный фасад превращается таким путем в сплошное узорочье, выполненное интенсивно-красным кирпичом на белесом фоне раствора. Это был вполне законченный прием живописной разработки архитектурного фасада.

Следующим шагом в том же направлении был новый прием архитекторов турного декора, созданный зодчими Эпира в XIII столетии: в интервалы между рваными, лишь подтесанными камнями, составляющими ряды кладки, включали целые кирпичи или их куски в полном, как кажется, беспорядке, образуя самые различные фигуры, буквы, условные знаки и пр. Красные кирпичи, контрастно выделяясь рядом со светлым камнем, создавали поистине живописную поверхность, не нуждавшуюся ни в каком ином декоре. Таковы церкви Арты XIII—XIV вв. (в Эпире) и соседней Кастории (в Македонии)³⁹.

Включение цвета в архитектурную плоскость не ограничилось, однако, сказанным. Уже около середины XII в. в Греции появляются целые фризы, состоящие из ярких глазурованных плиток. В XIII—XIV вв. такими яркими поясами, включающими ряды голубых, желтых, белых плиток-ромбов, выложены верхние части фасадов храмов в той же Арте⁴⁰. Наконец, красочный наряд был усилен рядами упомянутых глазурованных вставок в форме четырехлистников. Но основными приемами декора в Греции в средне- и поздневизантийское время оставалось кирпичное узорочье — керамопластика со свойственной ей полихромностью.

В аристократической архитектуре византийской столицы проблема разработки фасада решалась путем его расчленения, создающего живописную игру светотени на его поверхности; включение цвета было ограниченным. В архитектуре Греции, где фасадам монументальных зданий была чужда глубокая расчлененность и, наоборот, свойственна плоскостность, эта проблема решалась иным, более простым путем — на основе красочной и яркой орнаментики, созданной в народной среде. Именно народная орнаментика, скорее всего перенесенная из интерьера жилищ и храмов и переведенная с языка вышивки на язык кирпичного узорочья, вместе с другими его элементами (в частности, с развешанными по стенам поливными блюдами) обогащала фасад, делала его многоцветным и нарядным. Кирпичное узорочье и полихромность преодолевали однородность архитектурной плоскости и тем самым порождали своего рода пластичность фасада. Все это было, как говорилось, связано с тем преимущественным значением, которое в поздневизантийское время приобрел внешний вид храма, рассчитанного на созерцание извне.

Таковы архитектура константинопольской школы и архитектура Греции, преимущественно Эпира и Македонии, в эпоху Палеологов — две разновидности зодчества, родственные одна другой, но наделенные вместе с тем и чертами своеобразия. Свое продолжение и развитие они нашли в архитектуре южнославянских стран в поствизантийское время. {508}

Pl. 28, 3, 4; 29, 2; XXXIII. Pl. 17; *Struck A.* Op. cit. Taf. X, XI; Mlt. P. 168, 259.

³⁹ См.: АВМЕ. 1936. Т. II. P. 18, 93, 119, 155; 1938. Т. IV. P. 12, 14, 15, 17, 67, 110, 128—130, 140; *Reusche E.* Op. cit. S. 87. ff.

⁴⁰ *Lampakis G.* Op. cit. P. 41; панно из аналогичных глазурованных плиток украшает церковь св. Климента конца XIII в. в Охриде (*Reusche E.* Op. cit. S. 112).

Византии XIII—XV вв.

Поздневизантийское декоративное искусство как бы подводит итоги продолжительного и почти непрерывного развития художественной обработки различного материала. В некоторых отношениях оно несходно с наследием предшествующих эпох, несмотря на то что имеет с ним много общего. Период существования Латинской империи (1204—1261) почти невозможно осознать как отдельный этап в истории византийского прикладного искусства, поскольку отсутствуют датированные и локализованные памятники. Лишь отдельные образцы творчества греческих мастеров могут быть по косвенным признакам отнесены к указанному периоду, причем не всегда совершенно бесспорно.

Во второй половине XIII—середине XV в. заметно расширяются международные, а вместе с тем и культурные связи Византии. В области прикладного искусства греческие мастера, храня приверженность традиции, проявляют, однако, удивительную восприимчивость к новым веяниям. В частности, становятся все более ощутимыми результаты соприкосновения с декоративным искусством Запада и Востока. Процесс этот был жизненным и плодотворным, ни в малейшей мере не отмеченным чертами какого-либо упадка или деградации. Византийское искусство искало и находило новые пути, и только конец политической истории (османское завоевание) положил предел тому, что обещало в недалеком будущем значительные положительные результаты. Недаром после захвата турками Константинополя в 1453 г. художественные ремесла еще долго сохранялись в греческой среде, обладали большим потенциалом, накопленным в период расцвета византийской культуры в XII—XV вв.

Необходимо прежде всего поставить вопрос, насколько благоприятными были общие условия, сложившиеся в Византийской империи в XIII—XV вв., для развития прикладного искусства. Византийское искусство эпохи Палеологов развивалось в феодальном обществе. Естественно поэтому, что своими наиболее высокими проявлениями оно обязано придворной и церковной среде. Эстетические вкусы заказчиков наиболее наглядно сказывались на характере драгоценных императорских и архиерейских облачений. Об императорских вкусах можно судить главным образом по портретным изображениям византийских василевсов, равно как и по изображениям подражавших им болгарских и сербских правителей¹. На {509} некоторых портретах одеяния и регалии императоров воспроизведены с исключительной детализацией, вплоть до шитых золотом и серебром узоров на тканях и камней и жемчуга, украшавших короны². Церковные облачения XIV—XV вв. представлены единичными сохранившимися образцами, среди которых центральное место занимают украшенные сюжетным шитьем три саккоса и епитрахиль с монограммой русского митрополита Фотия³. Более ранний саккос московского митрополита Петра (1308—1326) сшит из византийского атласа с сине-голубой основой, по которой вытканы вертикальные золотые полосы с равноконечными крестами в кругах (Гос. Оружейная палата в Москве). Некоторые ткани XIV—XV вв. сплошь покрыты вышитыми или вытканными крупными крестами либо заключенными в медальоны изображениями орлов — излюбленным мотивом декора поздневизантийских церковных и императорских одежд.

В эпоху Палеологов получает широкое развитие сюжетное золотное шитье, украшающее преимущественно предметы литургического назначения: плащаницы, служебные покровы, завесы (катапетазмы), принадлежности облачения. Материалом служили обычно дорогие ткани, в основном однотонные, чаще всего красного цвета, как правило подложенные полотном. Вышивали шелками, золотыми и серебряными нитями. Фактура шитья зависела от цвета и частоты расположения шелковых прикрепов, стежки которых, связывавшие металлические нити, образовывали геометрические узоры. Благодаря вкладным надписям известны время изготов-

¹ *Velmans T.* Le portrait dans l'art des Paléologues // *Art et société à Byzance sous les Paléologues.* Venise, 1971. P. 91—148, Pl. XXXV—LXIII; *Spatharakis I.* The portrait in Byzantine illuminated manuscripts. Leiden, 1976.

² *Piltz E.* Kemelaukion et mitra / *Insignes byzantins impériaux et ecclésiastiques.* Uppsala, 1977.

³ *Piltz E.* Trois sakkoi byzantins Analyse iconographique. Uppsala, 1976; *Idem.* Notes sur le «Petit Sakkos du Metropolitte Photius» // *Figura.* Uppsala, 1981. N. S. № 19. В живописи церковные облачения в отличие от императорских одежд обычно переданы более условно (см.: *Moran N. K.* Singers in Late Byzantine and Slavonic Painting. Leiden, 1986).

ления вещей и имена заказчиков, равно как и социальная среда, в которой культивировалось это искусство. По традиции такие заказы выполняли мастерицы из придворных, а также насельницы женских монастырей. Так обстояло дело в Византии, у южных славян и в валашско-молдавских землях. Вследствие этого определение национальной принадлежности вышивальщиц наталкивается на непреодолимые препятствия, и греческий язык вышитых текстов не всегда служит при этом надежным критерием. Поэтому правильнее говорить о шитье византийского стиля или византийской традиции, выдвигая тем самым на первый план художественный феномен, а не этническую принадлежность мастериц и охватывая одновременно возможные «национальные» варианты, как это принято в науке⁴.

Сюжетное шитье теснейшим образом связано с иконографией и стилем современной ему живописи. Рисунок и композиция византийских вышивок часто являлись делом рук иконописцев, которые иногда выполняли и эскиз. Именно поэтому шитые покровцы из церкви коллегиаты Кастель Арквато, выполненные в начале XIV в., по общему художественному строю напоминают мозаики и фрески Кахрие Джами. Технические приемы указывают на преемственность раннепалеологовского шитья и продукции византийских мастерских рубежа XII—XIII вв. В то же время {510} появлялись и иные иконографические схемы, прослеживалась эволюция стиля, особенно в течение XIV в. Сказывались и локальные черты, иногда настолько яркие, что необходимо различать продукцию разных центров. Заметны также неоднородность материала и различие качественного уровня изделий. Но все это отнюдь не свидетельствовало о процессе деградации: высокие в художественном отношении вещи создавались и на рубеже XIII—XIV вв., и в середине XV в., когда Византийская империя стояла на пороге гибели.

Самой значительной группой произведений поздневизантийского лицевого шитья являются плащаницы с изображением тела Христа, находящиеся в тесной связи с «воздухом», носимым на литургии в процессии Великого входа⁵. Первые вышитые плащаницы рубежа XIII—XIV вв. изображают тело Христа на фоне небесных светил со славословящими его ангелами. Такова плащаница с памятной надписью Андроника II Палеолога из церкви Богородицы Перивлепты в Охриде, датируемая временем около 1295 г. Оригинальна композиция плащаницы сербского краля Милутина (1282—1321), построенная по вертикали, с изображением тела Христа (частично закрытого орнаментированным покровом), окруженного серафимами и шестью ангелами с покрытыми руками. Сходство стиля, орнаментики и технических приемов этих двух плащаниц не случайно: женой Милутина с 1299 г. стала дочь Андроника II Симонида, из мастерской которой, очевидно, и вышел памятник, позднее оказавшийся в монастыре Крушедол.

Византийская плащаница, прежде чем она получила свою классическую иконографическую схему, прошла на протяжении XIV в. несколько этапов развития, отмеченных стремлением найти наиболее яркие, выразительные средства. Плащаница из церкви Панагии Панагуды в Фессалонике (Византийский музей в Афинах), сильно вытянутая по горизонтали, сочетает изображение умершего Христа, окруженного небесными силами и символами евангелистов, с двумя композициями Причащения апостолов. Фигуры плотно заполняют пространство. Поверхность сплошь затянута золотыми нитями, и лишь отдельные участки вышиты шелками. Еще более усложнена схема плащаницы скопльского архиепископа Иоанна (середина XIV в.) в монастыре Хиландар на Афоне. Центральное изображение, включающее также процессию ангелов с рипидами, обрамляют композиции Божественной литургии и праздников. Обширные литургические тексты — старославянские, хотя надпись с именем вкладчика — греческая. Плащаница второй половины XIV в. Антония Ираклийского в ризнице монастыря Студеница, а также плащаница последней четверти того же столетия монахинь Евфимии и Евпраксии в монастыре Путна показывают, что в конечном итоге было отдано предпочтение варианту композиции, предполагающему крупную фигуру лежащего Христа, окруженную ангелами. Лондонская плащаница, датируемая 1407 г., обнаруживает явный сдвиг в сторону декоративности

⁴ Millet G. Broderies religieuses de style byzantin. P., 1947; Johnstone P. The Byzantine Tradition in Church Embroidery. L., 1967.

⁵ См.: Троицкий В. История плащаницы. Сергиев Посад, 1913; Taft R. F. The Great Entrance. Roma, 1975.

и свидетельствует также о том, что ренессансные воздействия не оставили без внимания даже столь сакральный предмет, вошедший в литургический обиход поздней Византии. {511}

Файл byz3_512_1.jpg

Саккос митрополита Петра.

1322 г.

Москва, Гос. Оружейная палата.

Атлас. Шитье

Файл byz3_512_2.jpg

Саккос митрополита Петра.

1322 г. Деталь.

Москва, Гос. Оружейная палата.

Атлас. Шитье

Общее представление о композиционном разнообразии плащаниц византийского круга XIV—XV вв. останется неполным без упоминания об изображениях Надгробного плача, имеющегося уже в шитье 1395—1396 гг. из монастыря Козиа (Художественный музей в Бухаресте) и близкого к иконографическим схемам позднекомниновского периода. В XV—XVI вв. тема оплакивания получает разработку в греческих, молдо-валашских и русских плащаницах.

Синхронная разработка различных схем затрудняет классификацию материала. В то же время она свидетельствует о действенности творческого начала. Эволюция стиля золотного шитья проявляется в заметном усилении графического элемента, чему способствовал уже сам материал, декоративные свойства которого по достоинству были оценены вышивальщицами.

Интенсивное проникновение сюжетного шитья в церковный обиход Византии эпохи Палеологов наглядно сказалось в оформлении литургического облачения, особенно саккоса, право облачения в который в XI—XV вв., кроме константинопольского патриарха, получили также некоторые митрополиты. Ватиканский саккос, известный под названием {512} далматик Карла Великого, является одним из самых изученных произведений золотного шитья XIV в. Поверхность одежды с обеих сторон заполняют плотно вписанные в пространство композиции Преображения и Второго пришествия: на плечах и широких коротких рукавах находятся изображения Причащения апостолов. Извивы стебля, заполняющие подол, своим ритмом напоминают орнаментику плащаницы 1407 г. Характер шитья выражен настолько определенно, что его датировка концом XIV в. не внушает сомнений. В шитье «Большого» саккоса митрополита Фотия, обычно датируемого 1414—1417 гг. (Гос. Оружейная палата в Москве), нет крупномасштабных изображений: поверхность сплошь покрывают композиции и фигуры, сгруппированные вокруг четырех больших равноконечных крестов либо вдоль краев. Обилие золотных нитей и жемчуга, выделяющего контуры фигур и обрамлений, оставляет впечатление неимоверной роскоши. На голубом шелковом атласе, едва проглядывающем, вышиты внизу, оттеняя фигуры святых и греческие надписи, портретные изображения византийского императора с супругой и московского князя Василия I Дмитриевича (1389—1425) с Софьей Витовтовной. «Малый» саккос того же митрополита Фотия, относимый к рубежу XIV—XV вв., отличается более четкой иконографической схемой и большим изяществом фигур. Тонкая плавная контурная линия в сочетании с мягкими тонами шелковых прикрепов делает изображения легкими, почти невесомыми. Здесь вышиты композиции христологического цикла в окружении динамичных фигур пророков и вписанных в арочные обрамления фронтально стоящих святителей, а также обращенных к середине апостолов, мучеников и преподобных. Среди святых изображен и московский митрополит Петр. На «Большом» саккосе, как известно, помещено портретное изображение самого митрополита Фотия. Все эти саккосы дополняли иные принадлежности епископского облачения, выполненные в одинаковой с ними манере и с таким же блестящим мастерством. Видимо, в один комплект с «Большим» саккосом входила епитрахиль митрополита Фотия, на которой вышиты Деисус и 88 погрудных изображений святых в медальонах, контур которых — наравне с нимбами и контурами фигур деисусной композиции — выделен жемчужной обнизью: на затыли дважды вышита монограмма.

С рубежа XIII—XIV вв. входит в употребление епигонатий (набедренник или палица) в виде ромба, украшенного чаще всего изображением Воскресения Христова. Для украшения поручей в шитье византийской традиции обычно избирали сюжет Причащения апостолов. Наиболее разнообразны иконографические схемы епитрахилей, правда, их шитье в основном

относится уже к поствизантийскому периоду⁶. То же можно сказать и о декоре диаконских орарей.

Весьма вероятно, что с поздневизантийского периода ведет начало обычай украшать сюжетным шитьем церковные алтарные завесы (катапетазмы). На самой ранней их них, датированной 1399 г., в монастыре Хиландар на Афоне изображен Христос Великий Архиерей между Василием Великим и Иоанном Златоустом, за которыми стоят ангелы с лабарями в руках. В XV—XVI вв. в творчестве сербских и молдо-ва-лашских вышивальщиц искусство выполнения завес достигает высочайшего уровня. В эпоху Палеологов получают распространение также подвесные пелены с сюжетным шитьем, привешиваемые к иконам и большей частью воспроизводящие изображения на них⁷. Здесь, на широком материале, становится очевидным радикальное переосмысление византийских образцов в творчестве славянских вышивальщиц.

Искусство поздневизантийского золотного шитья почти неотделимо от активного творческого процесса, определяющего деятельность южнославянских, древнерусских и молдово-ва-лашских мастериц. Но и на долю собственно греческого наследия приходится немало изумительных памятников. Сюжетная вышивка, стремительно входившая в обиход византийской элиты, быстро завоевывает популярность и становится желанной «живописью шелками и иглой». Изысканный рисунок лучших произведений палеологовского шитья говорит об участии в их создании выдающихся художников этой эпохи. Только двух саккосов митрополита Фотия достаточно, чтобы уяснить роль знаменщика и существенное различие между высоким качеством и ослепительной роскошью, столь часто сопровождавшей использование искусства в политических целях. Византия в этом деле имела тысячелетний опыт.

Вместе с тем вышивальщицы неизменно решали свои художественные задачи с учетом тематики композиций и назначения изделий. Они совершенствовали технику, разнообразили технические приемы. Наиболее опытные из мастериц никогда не демонстрировали пестрое сочетание швов и цвета прикреп. Изысканность и согласованность отличают все наиболее совершенные памятники шитья. Орнамент обычно играет второстепенную роль. Самостоятельные сложные орнаментальные композиции в византийском шитье XIII—XV вв. явно существовали. Но память о них осталась лишь в исторических сценах на стенах церквей и на страницах иллюминированных рукописей.

В поздневизантийский период были созданы и высокие образцы сюжетной пластики, хотя в целом, судя по сохранившимся ее памятникам, резьба по камню уже не играла такой роли, как в комниновскую эпоху. Одним из ранних палеологовских образцов является скульптурное убранство интерьера церкви Панагии Паригоритиссы в Арте (Эпир), возведенной ок. 1283—1296 гг. Его грубоватая выразительность во многом обязана традициям романики, утвердившимся в балканском ваянии столетием раньше (Студеница). Иное впечатление производит мраморная рельефная икона Христа Пантократора из церкви св. Георгия Старого в Несебре со следами заполнения пастой подножия, со стилистическими признаками, присущими стольничным византийским иконам позднего XIII в. Более зрелый этап резьбы по камню представляет часть декорации церкви константинопольского монастыря Хора (Кахрие Джами), реставрация которой была завершена Феодором Метохитом в 1321 г.⁸ Однако, как свидетельствуют фасады гробниц в пареклисии того же храма, вскоре после {514} этого начинают проявляться

Файл byz3_515_1.jpg

*Епитрахиль митрополита Фотия.
XV в.
Москва, Гос. Оружейная палата.
Шелк, шитье, жемчуг*

⁶ *Vasilich A.* Један прилог класификацији в епитрахильа XIV—XIX в. // Зборник Народног музеја. Београд, 1967. Кн. 5.

⁷ *Frolov A.* La «prodea», un tissu decoratif de l'église byzantine // *Byz.* 1938. Т. 13. Р. 461—504. Благодаря отмеченному обстоятельству шитье пелен служит также материалом для реконструкции несохранившихся образцов византийской живописи.

⁸ *Belting H.* Zur Skulptur aus der Zeit um 1300 in Konstantinopel // *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst.* Fol. 3. 1972. Bd. 23. S. 63—100; *Hjort O.* The Sculpture of Kariye Gamii // *DOP.* 1979. Vol. 33. P. 199—290.

Файл byz3_515_2.jpg

Малый саккос митрополита Фотия.

XIV—XV вв.

Москва, Гос. Оружейная палата.

Атлас, шитье

схематизм и графическая прорисовка деталей, приходящие на смену живописному рельефу. Особую группу памятников деревянной скульптуры (барельеф с изображением св. Георгия из Кастории, статуя того же святого в Галисте, изваяние св. Климента Охридского, ок. 1300 г.),⁹ отмеченную ярко выраженными окцидентальными тенденциями, следует рассматривать в том же русле развития палеологовской пластики. Ее локализация весьма существенна для определения места изготовления миниатюрных рельефов, выполненных в различном материале.

Византийские стеатитовые рельефы эпохи Палеологов имеют достаточно общих черт с образцами позднекомниновской резьбы¹⁰. В то же время прослеживаются изменения в композиции, пропорциях фигур и свойствах рельефа как произведения пластики. На смену плотной компоновке приходит иллюзия свободного пространства, фигуры кажутся более стройными {515} и не столь скованными в движениях, чему способствует отход от строгой фронтальности. Константинопольские и фессалоникские резчики мастерски используют соотношение высокого, объемного и низкого, уплощенного рельефа, гладких округлых и покрытых тонкой резьбой плоскостей, чередование которых подчинено определенному ритму. О происшедших изменениях можно судить при сопоставлении стеатита с изображением св. Георгия в Ватопеде на Афоне (№ 8) и иконы св. Димитрия Солунского, хранящейся в Париже (№ 127). В парижской иконе налицо те же художественные признаки, которыми отмечено развитие константинопольской миниатюры последней трети XIII в.¹¹ Существенной особенностью является стремление передать ракурс согнутой в локте руки. На иконе Иоанна Предтечи в Москве (№ 174) фигура, выполненная в высоком рельефе (местами переходящем в горельеф), помещена в арочное обрамление. По стилю и манере резьбы этот стеатит сопоставим с иконой св. Димитрия Солунского, заключенной в серебряную оправу, выполненную ок. 1300 г. (Гос. Оружейная палата, в Москве), с теми же свойствами рельефа, что и парижский образец (№ 124). В эту же группу следует включить стеатит с изображением конного св. Георгия во Флоренции (№ 125). Показательно, что указанные изделия рубежа XIII—XIV вв. стилистически схожи с группой мраморных капителей константинопольского происхождения того же времени.

Эволюция стиля художественной резьбы по стеатиту на следующем ее этапе может быть прослежена при обращении к крупной по размерам (16 см в диаметре) панагии нежного зеленоватого тона в монастыре Ксиропотам на Афоне (№ 131). Она сопровождается, в частности, тенденцией к сложной иконографической схеме. Здесь изображение Богородицы Великой Панагии с кадящими ангелами сочетается с символично-литургической композицией с Христом Великим Архиереем, дополненной Этимасией с поклоняющимися ангелами и апостолами. Тем не менее резьба не производит впечатления измельченности и нарастания схематизма. Мастер умел придать монументальные формы крохотным фигуркам, достаточно плотно заполняющим пространство. По общему характеру рельефа эта панагия, выполненная, скорее всего, во второй четверти XIV в., может быть соотнесена со стеатитовыми византийскими иконами с изображениями двенадцати праздников. Среди них наиболее примечательны иконы в монастыре Ватопед (№ 149) и в Кити на Кипре (№ 62). О том, насколько существенно трансформировалась позднее резьба по стеатиту в Византии, говорит выполнение входивших в единую серию крохотных образков с праздниками,— один из них находится в Москве (№ 151), четыре — в

⁹ *Sotiriou G. A. La sculpture sur bois dans l'art byzantin // Melanges Charles Diehl. P., 1930. T. II. P. 178—180.*

¹⁰ *Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985. Номера стеатитов указаны по этому каталогу.*

¹¹ *Buchthal H., Belting H. Patronage in Thirteenth-Century Constantinople // An Atelier of Late Byzantine Book Illumination and Calligraphy. Wash., 1978.*

Болонье¹². В тот же период получает широкое распространение ремесленная резьба, доводящая формы до примитива и даже до гротеска. Наряду со стеатитом все шире используются иные породы камня. Появляются имитации более ранних моделей.

Со стеатитами в некоторых отношениях сходна византийская глиптика палеологовского времени, использующая для резьбы твердые, иногда {516} полудрагоценные камни. Общи-

Файл byz3_517.jpg

Малый саккос митрополита Фотия. Деталь.

Преображение. XIV—XV вв.

Москва, Гос. Оружейная палата.

Атлас, шитье

ми чертами являются здесь прежде всего иконография и стиль. Благодаря им, а также с учетом эпиграфических признаков литургических текстов и сопроводительных надписей, в круг этих в общем немногочисленных образцов входят наряду с камнями две очень схожие между собой гелиотроповые панагии в Равенне и Хиландаре на Афоне. В центре находится поясное изображение Богоматери Оранты в кольце текста, в обрамлении аркатурного пояса с полуфигурами {517} апостолов, обращенных в одном случае к Спасу, а в другом — к Распятию¹³. Развита палеологовская иконография сочетается здесь с художественной манерой резьбы, заставляющей вспомнить изделия рубежа XII—XIII вв. Вторая хиландарская панагия, из яшмы, с изображением Богоматери с младенцем (в типе Воплощение) и маленькими полуфигурками четырех архангелов, крестообразно расположенными у самого обрамления, свидетельствует о том, что эволюция стиля позднее более глубоко затронула палеологовскую глиптику. Тщательно выполненный рисунок и изысканные пропорции сочетаются с каллиграфически сухо прочерченными складками одежд, структура которых в целом типична для зрелого XIII в. Из немногих поздневизантийских камей, бесспорно принадлежащих эпохе Палеологов, должны быть отнесены камей, хранящаяся в Эрмитаже, с погрудными изображениями апостолов Петра и Павла, представленных в живых поворотах, и двусторонняя камей из ризницы Троице-Сергиевой лавры (Загорский музей). Последняя, выполненная из зеленой яшмы, примечательна тем, что на ней сочетаются строго фронтальное изображение св. Ипатия и полуфигура в трехчетвертном повороте пророка Даниила с раскрытым свитком: подобный поворот функционально оправдан в резьбе константинопольских капителей, а в данном случае свидетельствует лишь о воздействии популярных моделей. В этот период уже не встречаются примеры резьбы по драгоценным камням, заметно снижается профессиональный уровень обработки материала: искусство византийской глиптики отжило свой век.

Столь же показательной была и судьба некогда достигавшей изумительного уровня в Византии резьбы по слоновой кости, представленной подлинными шедеврами X—XI вв. От поздневизантийского времени сохранился заставляющий вспомнить об этом единственный образец — миниатюрная пиксида (ныне в Вашингтоне) с изображениями двух императорских семей и выступающих перед ними музыкантов, танцоров и акробата. В зависимости от идентификации царственных особ произведение датируется либо 1348—1352 гг.¹⁴, либо 1403—1404 гг.¹⁵, причем в первом случае местом изготовления предполагается столица, а во втором — Фессалоника. Стиль исполнения, ритм движущихся фигур с многообразием поворотов и, наконец, очевидное сходство технических приемов с готической резной костью указывают скорее на начало XV в. Основным материалом, используемым резчиками обнищавшей Византийской империи в XIV—XV вв., становится обычная кость, а чаще всего дерево. Одним из лучших примеров резьбы по кости может служить панагия в ризнице монастыря Дечаны (Югославия)¹⁶. Несколько тяжеловесные фигуры говорят о том, что Палеологовское возрождение в прикладном искусстве лишь отчасти видоизменило старые модели, архаизмы которых

¹² *Nikolajević I. Relievi di steatite del Museo Civico di Bologna // RSBS. 1982. Т. II. P. 333—342.*

¹³ *Успенский Ф. И. Артосная панагия // ИРАИК. 1903. Т. VIII. С. 249—263. Табл. 35; Radojković B. Les objets sculptés d'art mineur en Serbie ancienne. Beograd, 1977. P. 12. Fig. 7.*

¹⁴ *Grabar A. Une pyxide en ivoire à Dumbarton Oaks // DOP. 1960. Vol. 14. P. 121—146. Fig. 1—7.*

¹⁵ *Oikonomides N. John VII Palaeologus and the Ivory Pyxis at Dumbarton Oaks // DOP. 1977. Vol. 31. P. 329—337.*

¹⁶ *Jevrić M. Panagie du trésor du monastère de Dečani // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Beograd, 1964. Т. III. P. 151—157. Fig. 1—20.*

невозмож- {518} но не заметить. Как известно, в написанном в XV в. экфрасисе Иоанна Евгеника прославляется искусство резьбы по дереву, позволяющее мастеру на малой поверхности создать тонкие и правдивые картины. Сейчас почти неизвестны образцы столь утонченной поздневизантийской резьбы по дереву, но на них указывают и русские реплики позднего XV в., и поствизантийские кресты с изображениями праздников и святых. Те и другие восходят к одним оригиналам, современным памятникам деревянной пластики из Македонии ¹⁷.

Общие закономерности, характеризующие развитие поздневизантийского искусства, едва ли не с наибольшей определенностью проявились в металлопластике ¹⁸. Одной из этих особенностей является раздробленность пространства, что в одинаковой мере заметно и в украшении бронзовых дверей ватопедского кафоликона, и в трактовке плоскости серебряных окладов икон при всем кажущемся разнообразии их декоративных схем. Поверхность ватопедских дверей, украшенных литым изображением Благовещения, покрыта орнаментальными растительными мотивами, чередующимися с двухглавыми орлами и василисками, выполненными резьбой и имеющими заполнение по контуру рисунка красной мастикой. Разбивка на небольшие прямоугольники по существу служит выражением того же принципа, который положен в основу композиционных схем таких разных произведений, как епитрахиль и «Большой» саккос митрополита Фотия, стеатитовые рельефы с изображением двенадцати праздников и двери церкви св. Николая Болничкого в Охриде. В окладах икон и литургических книг указанный принцип соблюдается почти неукоснительно, иногда в сложных вариантах.

Художественное серебро Византии эпохи Палеологов довольно последовательно отражает процесс эволюции декоративного искусства, несмотря на то что число датированных произведений невелико. Самую многочисленную группу изделий составляют именно покрывающие иконы оклады, чеканные сюжетные рельефы которых следуют живописным моделям ¹⁹. Общая схема этих окладов предполагает открытое иконописное изображение (обычно полуфигурное), рельефный нимб, заполненные растительными узорами фон и обрамление, на котором также помещены погрудные образы ангелов и святых либо циклы евангельских сюжетов: оформление портативных мозаик имеет то отличие, что выполняется лишь их чеканное обрамление. В этой схеме можно видеть модификацию ранних образцов, подобных уцелевшим на Балканах и широко известным в грузинской художественной традиции ²⁰. Однако в плане иконографии и стиля чеканных изображений сказываются в первую очередь достижения палеологовской живописи, а в орнаментике появляются разнообразные мотивы, характерные для декоративного искусства Востока. Тем не менее {519} привнесенные извне элементы даже при самом активном их использовании как бы растворяются в общей орнаментике, и только в отдельных случаях они целиком определяют облик оклада иконы. Такова, в частности, икона Богоматери с младенцем (Мати Божия молебница) в Третьяковской галерее в Москве.

Оклады икон, выполненные большей частью из серебра, можно классифицировать в зависимости от типа обрамления. Лишь в единичных случаях плоскость покрывают только растительные узоры, иногда с заполненными плетением медальонами («кабошоны»). Один тип предполагает изображения апостолов (на иконах Христа) или пророков (на иконах Богоматери с младенцем), другой — праздничный цикл, что в основном характерно для икон Богоматери. Исключение составляет рама иконы св. Иоанна Златоуста в Хиландаре, возможно первоначально украшавшая иной образ. Но встречаются также и другие циклы. Так, на иконе Богоматери Одигитрии из Благовещенского собора Московского Кремля на полях помещены чеканные сцены протоевангельского цикла ²¹. Обрамление иконы Спаса Нерукотворного в Генуе

¹⁷ *Ličenoska Z.* Les influences byzantines dans l'art médiéval en Macédoine: La sculpture sur bois // BS. 1988. T. 49. P. 38—45.

¹⁸ *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв.: Очерки. М., 1978. С. 147—160.

¹⁹ *Radofčić S.* Zur Geschichte der silbergetriebenen Reliefs in der byzantinischen Kunst // *Tortulae Studien zu altchristlichen und byzantinischen Monumenten* / Hrsg. von W. N. Schumacher. Rom; Freiburg; Wien, 1966. S. 229—242; *Grabar A.* Les revêtements en or et en argent des icones byzantines du moyen âge. Venise, 1975.

²⁰ *Чубинашвили Г. Н.* Грузинское чеканное искусство // Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тбилиси, 1958.

²¹ Подробнее см.: *Lafontaine-Dosogne J.* Iconographie de l'enfance de la Vierge dans l'Empire byzantin et en Occident. Bruxelles, 1964. T. 1.

украшают десять композиций, иллюстрирующих историю этого образа²². Наконец, на двух палеологовских окладах икон укреплены медальоны, выполненные в технике перегородчатой эмали: вокруг погрудного изображения Богоматери во Фрейзингенском соборе и на обрамлении мозаики с полуфигурой св. Иоанна Богослова в лавре на Афоне²³. Особо надо выделить на окладе иконы Богоматери Одигитрии из Троице-Сергиевой лавры (в Третьяковской галерее) портретные изображения заказчиков — Константина Акрополита и его жены Марии Комнины Торникини Акрополитиссы, пользующиеся очень широкой известностью²⁴. Обрамления рубежа XIII—XIV вв. в типологическом отношении более разнообразны, чем образцы торевтики последующих десятилетий.

Орнаментика поздневизантийских чеканных серебряных окладов икон при всем их разнообразии все же позволяет видеть основные тенденции. В одних случаях использован традиционный цветочный узор, а склоны иконы заполняет плетенка из растительного стебля. Мотив медальона с плетением из деформированных растений в своих истоках является ближневосточным и, как можно предположить, занесен в Константинополь чужеземными мастерами уже в эпоху Палеологов. Этими мастерами могли быть как сельджуки, так и армяне либо грузины, широко интерпретировавшие в своем творчестве причудливые исламские узоры. В XIII в. прорезные выпуклые диски встречаются и в каменной резьбе порталов Сан Марко в Венеции, а затем и в архитектурной пластике Константинополя (Кахрие Джамии) и Мистры. Однако их орнаментальное заполнение оказывается достаточно разнообразным, включающим наряду с растительными зооморфные мотивы. Возможно, непосредственное воздействие ирано-

Файл byz3_521.jpg

Большой саккос митрополита Фотия. Деталь.

Сошествие во ад. 1-я половина XV в.

Москва, Гос. Оружейная палата.

Атлас, шитье, жемчуг

среднеазиатских образцов ощутили в Византии в первую очередь столичные мастера, хотя трудно в то же время отводить мастерам серебряного дела из иных художественных центров исключительно лишь роль копиистов константинопольских изделий. Особенно это касается ремесленников Фессалоники, Никеи и Трапезунда. Именно последние и могли служить наряду с иноземными мастерами проводниками восточных влияний в палеологовской чеканной орнаментике, а также в филигрании, {521} украшение которой окладов икон получает распространение на рубеже XIII—XIV вв. Здесь чаще всего повторяются заполненные сердцевидными фигурами с трилистниками и пятилистниками внутри кружки, расположенные в два-три ряда, как на уже упомянутых иконах в Генуе и лавре на Афоне. Существенно отметить и заполнение тонких филигранных узоров, как и медальонов, эмалью или пастой. Известна и иная схема филигранного обрамления, с выделяющимися ромбами и выпуклыми ажурными дисками со сложным плетением. Таково убранство мозаичной иконы св. Николая, хранящейся в Киеве. Подлинным шедевром ювелирного искусства можно назвать тончайшую филигрань оклада иконы Богоматери с младенцем в Ватопеде (конец XIV в.)²⁵.

Особенности чеканного и филигранного декора, характеризующие убранство икон, являются показательными и для выполненных поздневизантийскими ювелирами предметов церковной утвари. Здесь следует прежде всего упомянуть серебряные оклады Евангелия. В отличие от более раннего времени верхнюю крышку переплета в XIV в. украшают уже не фигурой стоящего в рост Христа Пантократора (которому на нижней крышке соответствует фигура Богоматери-оранты), а изображением Распятия в типично палеологовском иконографическом варианте. На обрамлении этого главного изображения можно видеть евангельские сюжеты и образы евангелистов, чередующиеся с сетчатой плетенкой (Евангелие церкви св. Климента в Охриде)²⁶, Этимасию и погрудные изображения святых, представленных почти в профиль

²² Dufour-Bozzo C. La cornice del Volto Sante di Genova // Cahiers archeologiques. 1969. Т. XIX. P. 223—230.

²³ Walter Chr. Beobachtungen am Freisinger Lukasbild // Kunstchronik. 1964. Bd. 17. S. 85—91; Chatzidakis M. Une icône en mosaïque de Lavra // JÖB. 1972. Bd. 21. P. 73—81.

²⁴ Nicol D. M. Constantin Acropolites: a Prosopographical Note // DOP. 1965. Vol. 19. P. 249—256.

²⁵ Grabar A. Les revêtements... № 39.

²⁶ Gerasimov T. La reliure en argent d'un Évangélaire du XIVe siècle à Ochrida // ЗРВИ. 1970. Кн 12.

(Евангелие из Библиотеки Марчиана в Венеции)²⁷, либо чеканные, по шести на каждой крышке переплета, изображения страстного и праздничного циклов с медальонами с погрудными образами святых, выполненными в технике выемчатой эмали (второе Евангелие из Библиотеки Марчиана)²⁸. Распятию на иной доске оклада соответствует Сошествие Христа во ад. Не исключено, что для украшения переплетов литургической книги предназначены чеканные бронзовые пластины, на которых в орнаментальных обрамлениях помещены крупные композиции Сошествия Святого Духа, Отослания учеников на проповедь и Благовещения²⁹. Правда, поставить эти произведения в один ряд с указанными окладами Евангелий невозможно по причине иных стилистических особенностей, но их принадлежность к кругу поздневизантийских образцов металлопластики вполне вероятно. К окладам икон и Евангелий отчасти примыкает чеканное обрамление ставротеки из Грана (в Эстергоме), пластина которой, изготовленная в технике перегородчатой эмали, датируется 1190 г.³⁰ Аналогичное явление представляет и эрмитажная икона, соединившая эмали XI—XII вв. с чеканным оформлением эпохи Палеологов³¹. Эти случаи своеобразной реставрации юве- $\{522\}$ лирных изделий нельзя рассматривать как

Файл byz3_523.jpg

Саккос митрополита Симона.

Деталь.

Конец XV — начало XVI в.

Москва. Гос. Оружейная палата.

Атлас

изолированный факт. Широко известно о проводившихся в последней трети XIII и самом начале XIV в. в Византии (прежде всего в Константинополе) поновлении и копировании почерков и иллюминации старых рукописей, о включении в их состав циклов миниатюр, обычно выполненных на отдельных листах пергамента.

Особую небольшую группу поздневизантийских ювелирных изделий, хотя и вполне соотносимую по стилю с окладами икон и литургических книг, образуют напрестольные кресты. Один из них, шестиконечный, украшенный сканью, с Распятием в перекрестье, сохранился в соборе Протата на Афоне; второй, датируемый началом XV в., связанный с именем жены императора Мануила II Палеолога Елены, — в афонском монастыре Дионисиат³². Последний с лицевой стороны украшен чеканным Распятием с погрудными изображениями предстоящих, с оборотной — композицией Крещения, с аналогичным размещением бюстов Иоанна Предтечи и ангелов, отделенных от центральной фигуры Христа растительным орнаментом. Выразительна линия рисунка несколько уплощенных изображений. Сама иконографическая схема этого восьмиконечного креста позднее получает разработку в резьбе по дереву, приходит в украинское ювелирное искусство, где удерживается до XVIII в. включительно. Наиболее роскошным по оформлению является, скорее воздвизальный по функциональному назначению крест константинопольского патриарха Григория III Мамма (1443—1450), помещенный в реликварий кардинала Вассариона³³. Поверхность креста покрывает тончайшая скань с мотивом волют растительного стебля, и на ее фоне выделяются чеканное Распятие с характерной для палеологовского искусства изогнутой фигурой и размещенные на концах восемь круглых медальонов с крупными монограммами. Памятник, бесспорно, столичного происхождения, и уже

P. 139—142.

²⁷ Il tesoro di San Marco: II. Il tesoro e il Museo Firenze, 1971. T. 39, № 30. P. 52—54.

²⁸ Ibid. T. 38, № 38. P. 50—52.

²⁹ Schlumberger G. L'épopée byzantine de la fin du Xe siècle. P. 1905. T. 3. P. 228, 229, 652.

³⁰ Arpad S. Az Esztergomi bizanci sztaurotheke. Budapest, 1959; Hadermann-Misguich L. Pour une datation de la staurothèque d'Estergom à l'époque Tardo-Comnène // Сборник Народного музея. Београд, 1979. Кн. 9—10. P. 289—299.

³¹ Айналов Д. В. Икона из собрания графа Г. С. Строганова // Археологические известия и заметки. 1893. № 9—10. С. 287—297.

³² Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. Спб., 1902. С. 216. Табл. XXIX; Мошин В. Крест царице Елене, кћери кнеза Драгаша // Уметнички преглед. 1938. Т. 1. С. 136—137.

³³ Moschini Marconi S. Galleria dell'Accademia di Venezia / Opere d'Arte dei secoli XIV, XV. Roma, 1955. P. 191—194. Fig. 216.

по этой причине он чрезвычайно важен для уяснения итогов, к которым пришло ювелирное искусство Константинополя накануне гибели Византийской империи. {523}

Представление о характере поздневизантийской торевтики останется не полным без упоминания о реликвариях. Они разнообразны по типу и художественному уровню исполнения, как правило отражающему социальное положение заказчика и его эстетические вкусы. Наиболее богато украшен диптих Фомы Прелюбовича и его жены Марии Ангелины, сочетающий живопись с художественной обработкой металла, с драгоценными камнями и жемчужной обнизью³⁴. На обрамлении ставротеки XIV в. из Охрида имеются лишь довольно простая чеканка и полудрагоценные камни³⁵.

Более схожи между собой по типу два реликвария в Сан Марко в Венеции. Один из них, с чеканным изображением на крышке Иоанна Предтечи, значится уже в инвентаре 1325 г.; второй, с размещенными в аркаде тронным Христом и предстоящими в молении четырьмя мучениками, с пространной греческой надписью на боковых стенках в две чередующиеся сканной веревочкой строки, локализуется Трапезундом рубежа XIV—XV вв.³⁶ Его облик в целом палеологовский, но с элементами, обязанными более ранним моделям. Судя по петлям, первоначально изделие, украшенное позолотой и чернью, имело обрамлявшую композицию на крышке жемчужную обнизь.

Если произведения византийской металлопластики, о которых шла речь, в целом все же можно рассматривать как типично палеологовские памятники пластического искусства, то существует изделие с явно выраженными готическими элементами. Это серебряная оправа чаши из яшмы с монограммой Мануила II Палеолога (1391—1425) в афонском монастыре Ватопед³⁷. Там ее видел в 1744 г. и детально описал украинский паломник В. Григорович-Барский, отметивший, что «таковая бо вещь ни в каком царском сокровище не слышася обрестися», и связывавший появление вещи с посещением Афона Мануилом Кантакузином Палеологом³⁸. Воздействие готики сказывается в трактовке ручек чаши в виде перегнувшихся драконов, в форме «яблока» и фестончатого поддона, а также в характере орнаментальных мотивов, окружающих медальоны с образами святителей, в традиционной иконографии, но стилистически выпадающих из круга произведений константинопольских ювелиров начала XV в. Вероятнее всего, оправа ватопедской чаши — дело рук западного мастера, возможно из Галаты. Отдельные окцидентальные элементы стиля распознаются и в уже упомянутом кресте царицы Елены в Дионисиате, но там они выражены не столь определенно.

Часть чеканных или покрытых филигранью окладов украшают медальоны перегородчатой или выемчатой эмали. Являются ли они современными этим изделиям, нельзя сказать определенно. В частности, на окладе Евангелия из Библиотеки Марчиана можно заметить эпиграфические отличия сопроводительных надписей от тех, которые нанесены непосредственно на серебряную пластину. К XIII в. принято относить {524} икону на меди с изображением

Файл byz3_525.jpg

Оклад иконы Владимирской Богоматери.

Деталь.

Монограмма митрополита Фотия.

XV в.

Москва. Гос. Оружейная палата.

Золото

Феодора Драконоборца (Эрмитаж), но ее принадлежность к поздневизантийскому периоду также проблематична.

Прослеживая эволюцию поздневизантийской торевтики на материале сакральных предметов, необходимо иметь в виду, что в прошлом это была количественно незначительная часть произведений сравнительно с массой вещей светского характера. Выдающиеся изделия часто сохраняли в силу их исключительности, нередко как имеющие характер мемориальных,

³⁴ Ostrogorsky G., Schweinfurth Ph. Das Reliquiar der Despoten von Epirus // SK. 1934. Т. 4. S. 165—172.

³⁵ Бабич Б. Средневековно културно богатство на CP Македонија. Прилеп, 1974. № 173.

³⁶ Il tesoro di San Marco: II. Т. 21, № 33, 34. P. 39—40, 40—41.

³⁷ Кондаков Н. П. Указ. соч. С. 220—222. Табл. XXXVII.

³⁸ Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1887. Ч. III. С. 200—202.

в то время как из обихода исчезало уцелевшее от турецкого разграбления бытовое серебро, оказывались в могилах вместе с владелицами ювелирные украшения; исчезали также художественно оформленные предметы вооружения. Именно поэтому единственным в своем роде оказывается украшенный насечкой серебром и золотом железный шлем в Оружейной палате в Москве, с поясным Деисусом со стилистическими признаками конца XIII в. Известны золотые перстни с изображением двуглавого орла и монограммами Палеологов в греческих музеях и коллекциях³⁹. Но для того чтобы получить хотя бы самое общее представление о светском художественном металле поздневизантийского времени, необходимо учесть данные археологических исследований и материалы из случайных находок на территориях, сопредельных Македонии и Сербии⁴⁰. Было бы неверно все эти предметы безоговорочно включать в перечень византийских изделий. Однако среди них опознаются вещи вполне «палеологовского» облика. Встречаются перстни с греческими надписями на {525} щитке и с геммами, хотя последние отнюдь не принадлежат к числу описанных византийским поэтом XIV в. Мануилом Филом в его экфрасисах.

Искусство и быт демократических слоев Византийской империи второй половины XIII — середины XV в. могут характеризовать главным образом изделия из бронзы и керамика. Между тем первые все еще не сделались предметом изучения, а накопленный по керамике материал лишь в самой незначительной мере относится к указанному периоду. Известные поливные сосуды XIII—XIV вв. изготовлены обычно из белой глины и украшены изображениями птиц и животных, выполненных с преобладанием синих, зеленых или красно-коричневых тонов. Встречаются также сосуды с монограммами владельцев. Для изучения палеологовской керамики большое значение имеют находки в Велико-Тырнове. На византийскую керамику сильное влияние оказывал Восток⁴¹. Наряду со схематичными линейными изображениями иногда встречаются выполненные в технике подглазурной росписи, подобные херсонесской чаше с фигурой фантастического зверя⁴².

Нет ничего удивительного в том, что многие выдающиеся произведения поздневизантийских мастеров прикладного искусства сохранились за пределами собственно византийской территории. Некоторые были и созданы вне ее политических границ. Таковы не только части литургического облачения московского митрополита Фотия, но и изготовленный по его инициативе греческими мастерами в Москве великолепный золотой оклад Владимирской Богоматери — один из самых выдающихся памятников палеологовской торевтики — и золотой оклад Евангелия Успенского собора Московского Кремля⁴³. Для схемы первого произведения показательно расположение на полях чеканных композиций праздничного цикла с Распятием и Воскрешением Лазаря на пластинах с пятилопастным завершением. Сложный сканный орнамент выполнен из тонких ленточек, припаянных на ребро; среди растительных завитков в ромбах и кругах находятся кресты и розетки, а в нижней части оклада — греческая монограмма Фотия, именуемого архиепископом Руси. Трактовка фигур сближает композиции оклада в первую очередь с продукцией константинопольских ювелиров начала XV в. именно того круга, из которого вышли мастера — изготовители крестов царицы Елены и патриарха Григория. Оклад Евангелия при его весьма оригинальной иконографической схеме все же не стоит особняком среди византийских памятников⁴⁴.

Весьма вероятно, что некоторые из образцов палеологовской торевтики, обнаруженные в Сербии и Болгарии, выполнены греческими ювелирами. Сложнее решается вопрос о происхождении памятников поздневизантийского искусства, хранящихся в Италии, несмотря на то,

³⁹ Byzantine Art and European Art. Athens, 1964. № 454, 455.

⁴⁰ См.: Культурно богатство Прилепа од V—XIX века. Београд; Прилеп, 1976; *Радојковић Б.* Накит код срба. Београд, 1969; *Вујовић-Марјановић Г., Томић Г.* Накит на тлу Србије из средњовековних некропола од IX до XV века. Београд, 1982.

⁴¹ См.: *Talbot Rice D.* The Pottery of Byzantium and the Islamic World // *Studies in Islamic Art and Architecture in Honour of K. A. C. Cresweil.* Cairo, 1965.

⁴² Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Вып. 3. № 926.

⁴³ *Постникова-Лосева М. М., Протасьева Т. Н.* Лицевое Евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV в. // *Древнерусское искусство XV — начала XVI века.* М., 1963. С. 132—172; *Alpatoff M.* Die frühmoskauer Reliefplastik // *Belvedere.* 1926. № 51/52. S. 237—256.

⁴⁴ *Velmans T.* La couverture de l'Évangile dit de Morozov et l'évolution de la relecture byzantine // *Cahiers archéologiques.* 1979. T. 28. P. 115—136.

что мы располагаем сведениями о деятельности осевших там золотых и серебряных дел мастеров. Лишь одно произведение, выполненное из позолоченной бронзы, {526} удалось локализовать — это Венеция⁴⁵. Деятельность византийских ремесленников за пределами Византии — особая, важная тема. Она, однако, требует четкого разграничения итогов их труда и художественного импорта во всех его возможных формах.

При ничтожно малом количестве датированных произведения позднего византийского прикладного искусства трудно с уверенностью отделить от общего фонда палеологовских памятников изделия, появившиеся после захвата Константинополя турками. Не менее трудно разделить эти памятники на столичные и провинциальные, поскольку в последний период существования Византии сильно возрастает значение местных художественных центров. Невозможно, кроме того, игнорировать и качественные различия в продукции мастеров самой византийской столицы. Это далеко не полный перечень вопросов, пока не получивших решения. Но в целом, надо признать, ныне за кругом давно известных и только что вошедших в научный оборот памятников все-таки видна динамика развития художественных форм, прослеживаемая на разнообразном материале, имеющем специфику. Ее постижение сопряжено с особыми трудностями и с несомненными достижениями, без которых невозможны обобщения.

История византийского прикладного искусства, естественно, не обрывается в 1453 г. Она находит свое продолжение и на поработанных турками землях, и в далекой Московской Руси. Динамика этого общего процесса станет более понятной, если проследить развитие искусств и художественных ремесел в странах, испытавших культурное влияние Византии хотя бы в последний период существования империи. Такое исследование позволило бы увидеть расцвет национальных культур и одновременно уяснить характер различных отраслей прикладного искусства в Болгарии, Сербии и Румынии⁴⁶. А это дало бы, в свою очередь, возможность осознать роль византийской традиции в творчестве русских мастеров средневекового периода⁴⁷. Весьма показательны, что в XVII в. русские мастера смогли ощутить новую, «турецкую» струю в искусстве современных им греков-ювелиров, и поэтому с таким пиететом продолжали воспринимать старые образцы, освященные традицией, и особенно ценить афонские евлогии⁴⁸. Зная об этом, можно понять и причины, в силу которых на московской почве иногда возникали комические ситуации, обусловленные желанием получить непременно знаменитые старые памятники, тогда как таковыми они нередко просто казались. {527}

22

Музыкальная культура поздней Византии

В истории византийской музыки XII век ознаменовался крупным событием, значение которого трудно переоценить. Именно с XII в. начинается распространение нового типа нотного письма, названного в XX в. «средневизантийской нотацией». Она отличалась от предшествующей («палеовизантийской») несравненно более широкими возможностями. Если «палеови-

⁴⁵ Пуцко В. Г. Венецианский процессионный крест с изображением стигматизации Франциска Ассизского // Памятники культуры: Новые открытия, 1985. М., 1987. С. 315—329.

⁴⁶ См.: Божков А. Търновска средновековна художествена школа. С. 1985; Царствув ащият град Търнов // Археологически проучвания. С., 1985; Стојановић Д. Уметнички вез у Србији од XIV до XIX века. Београд, 1959; Радојковић Б. Једна непозната група древних кротова са релефима празника // Зборник музеја применене уметности. 1959. № 5; Она же. Српско златарство XVI и XVII века. Нови Сад, 1966; Musicescu M. A. Broderia medievala românească. București, 1969; Nicolescu C. Argintăria laica și religioasă în țările romane (sec. XIV—XIX). București, 1968.

⁴⁷ См.: Николаева Т. В Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

⁴⁸ В этом отношении особенно показателен случай с ватопедским крестом, см.: Кантперев Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI—XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. С. 63—71.

зантийская нотация» описывала важнейшие явления музыкального процесса лишь приблизительно¹, то новая, «средневизантийская», фиксировала их достаточно точно².

Новая нотация состояла из трех основных групп невм. Первая, включавшая 14 знаков, называвшихся φωναί (в данном случае — «интервалы»), обозначала главнейшие восходящие и нисходящие интервалы (для повторения одного и того же звука существовал особый знак — «исон»). Их комбинации могли фиксировать любые из применявшихся интервальных образований. Кроме того, каждый из этих знаков одновременно обозначал и самую малую длительность — χρόνος πρῶτος. Таким образом, одни и те же невмы указывали не только конкретный интервальный шаг, но и определенные длительности составляющих его звуков. Вторая группа знаков — «мартурии» (μαρτυρία) — должна была обозначать высоту звучания всего звукового комплекса, ладотональную сторону музыкального материала: ихосы³ и переходы от одних ихосов к другим. Третья группа — так называемые «большие ипостаси» (μεγάλα ὑποστάσεις), или просто «большие знаки» (μεγάλα σημάδια), — состояла из трех подгрупп. Невмы одной из них обозначали ритмические единицы, отличающиеся от «хроноса протоса»: удвоенный «хронос протос» и некоторую «срединную» длительность, величина которой была больше «хроноса протоса», но меньше его удвоенного варианта. Другая подгруппа «больших ипостас» указывала на характерные черты исполнения: цезуры между построениями, способы звукоизвлечения, ускорение, замедление и т. д. Третья подгруппа представляла собой знаки, унаследованные от палеовизантийской нотации, подразумевавшие небольшие мелодические образования. Такова вкратце система средневизантийской нотации. {528}

Ее внедрение в художественную практику означало коренной перелом в музыкальной жизни. Теперь византийские мелурги не сталкивались ни с какими существенными трудностями при записи музыкального материала. В рукописях могли фиксироваться любые звуковысотные последовательности, и их ритмические формы могли быть также более разнообразными (хотя и не в такой степени, как звуковысотные). Все это способствовало раскрепощению творческой фантазии. Создатель музыки мог быть теперь уверен, что рукопись донесет до певчих подробные детали его замысла, начиная от точной величины интервала между звуками и кончая характерными приемами исполнения.

К XII—XIII вв. в Византии сформировалась обширная система песнопений, применявшаяся в государственной и культурной сферах. Ее специфика заключалась в том, что она состояла из довольно ограниченного числа жанров, зародившихся еще на предыдущем историческом этапе развития (псалом, канон, тропарь, гимн, стихира) и служивших основным ядром музыкальной практики. Однако исполнение того или иного жанра в каждом отдельном случае, время и место его использования в музыкальном оформлении богослужений, своеобразие и тематика содержания, особенности текста и методов исполнения — все это способствовало закреплению за песнопениями определенных названий⁴. Так, например, многие песнопения получили название по своим начальным словам⁵. «Славословные» (Δοξαστικά) — (по первому слову знаменитого восклицания «Слава (Δόξα) Отцу и Сыну, и Святому духу) (так называемая малая доксология); «многомилостивые» (πολύελεοί) — псалмы 134 и 135, содержащие часто повторяемое слово «милость» (τοῦ ἐλεός); «величальные» (μεγαλυνάρια) — по начальному глаголу девятой оды канона «Величит (μεγαλύνει) душа моя Господа» (Лк. I. 46—55); «блажен-

¹ См.: Герцман Е. В. Развитие музыкальной культуры // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М. 1989. С. 557—570.

² Подробнее см.: Tillyard H. J. W. Handbook of the Middle Byzantine Musical Notation. Copenhagen, 1935. (MMB. Subsidia I, 1); Wellesz E. A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1961. P. 262—284; Haas M. Byzantinische und slavische Notationen. Köln, 1973. S. 2.3—2.65. (Paleographie der Musik; Bd. 1, fas. 2); Герцман Е. В. Византийское музыкознание. Л., 1988. С. 207—246.

³ Об ихосах см.: Герцман Е. В. Развитие музыкальной культуры. С. 562—563.

⁴ Χρόσανθος οἱ ἐκ Μαρτύρου. Θεωρητικοῦ ἡ μέγα τηρῆς μουσικῆς. Τερψέστη. 1832. Ἐκδ. Β. Ἀθηναί, 1977. Σ. 178—180. § 400—450; Χορμούζιος Στ. Ὁ Δαμασκηνός, ἡ; τοῖ θεωρητικοῦ ἡ πλῆρες τηρῆς βυζαντινῆς μουσικῆς. Λευκωσία, 1986. Σ. 93—96.

⁵ Во избежание свободных переводов и, как следствие, возможной путаницы здесь и далее даны традиционные славянские названия византийских песнопений. Классификация видов славянских песнопений в их связи с греческой терминологией изложена в статье: Момина М. А. Песнопения древних славяно-русских рукописей // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Ч. II. вып. 2. С. 448—482.

ны» (μακάριοι) — тропари, исполнявшиеся с заповедями блаженства («Блаженны нищие духом» — Мф. V. 3—12 и т. д.); «на хвалитех» (Εἰς τοῦ ἁγίου Κυρίου; ἵψου) — припевающиеся к строкам псалма 146 «Хвалите господа» (Αἰνεῖτε τὸν Κύριον); стихиры на «Господи воззвах» (Εἰς τὸν κύριον ἐκέκραξα), припевающиеся к псалмам 129, 140, 141, первый стих которых имеет слово «воззвах» (ἐκέκραξα); «непорочные» (αἱ ἄμωμοι) — псалом 118 с начальной фразой «Блаженны непорочные в пути»; «херувимская» (χερουβικά) — песнопение, начинающееся со слов «Иже херувимы» (Οἱ ταῖ χερουβίμ); «аниксандарии» (αἱ νοιξαντάρια) — по тексту из псалма 103 ст. 28 (αἱ νοιξαντος δέ σου τῆς χειρά) — «отверзая же руку твою») и т. д.

В другой группе названия песнопений образовывались в зависимости от времени их исполнения: «утренние» (εἰς ὠθινά) — 11 евангельских стихир, звучавших на утрени; «отпустительные» (αἱ πολυτικά, от ης ἁ πόλυ- {529} σις — отпуст, отпущение) — тропари, завершавшие великую вечерню; «экзапостеларии» (εἰς ἑξαπостελάρια), певшиеся после канона и повествовавшие о том, как посылается (εἰς ἑξαποστέλλεται) свет для сотворенного мира (другое название — «светильны», от φωταγωγικά — светонесущие); «причастны» (κοινωνικά) — исполнявшиеся во время причастия. Песнопения следующей группы назывались по основной своей теме: «троицные» (τριαδικοί) — прославлявшие Троицу; «богородичные» (θεοτόκια) — посвященные Марии; «крестобогородичные» (σταυροθεοτόκια) — о страданиях Марии перед крестом, на котором был распят Иисус; «мученичные» (μαρτυρικά) — о христианских мучениках; «доксологии» (δοξολογία, букв.: славословия) — антифонные гимны, венчающие утрени (иногда они называются «большой» или «великой доксологией» ради отличия от уже упоминавшейся «малой доксологии»); «воскресные» (αἱ ναστάσιμα) — прославляющие воскресение Иисуса; «крестовоскресные» (σταυροαναστάσιμα) — о страданиях Иисуса на кресте и его воскресении; «догматики» (δογματικά, от δόγμα — догмат) — о «вочеловечивании» (ης ἑγκνθρώπησις) Бога; «молельны» (κατανυκτικά, от κατανυκτικόν — благочестивое), в которых верующие просили прощения за грехи.

Отдельные песнопения получили свои названия по некоторым побочным признакам: «катавасии» (καταβασίαι) — при их пении верующие вставали (от κατεβαίνω — схожу, спускаюсь); «катавасией» называлась часть канона, исполнявшаяся, когда оба полухория сходились на середине храма; «седальны», или «кафизмы» (καθίσματα), — исполнявшиеся обычно сидя (от καθίζω — усаживаюсь); «неседальный» (αἱ κάθιστος) — при его исполнении не разрешалось сидеть и т. д.⁶

Конечно, эти песнопения отличались между собой и по другим признакам. В одних были более развиты звуковысотные стороны музыкального материала (а ритмические — более просты), в других — наоборот. Песнопения также отличались темпом, характером звучания: они могли быть величественными, повествовательными, трагическими, лирическими, распевными, речитативными и т. д. Благодаря всем этим признакам, совокупности особенностей и складывался «стиль» каждой разновидности песнопений.

Традиционные, освященные веками формы византийской вокальной музыки следовали среди прочего одному важному принципу: каждому слогу текста соответствовал чаще всего один звук. Это было связано с важнейшей установкой, гласившей, что музыка должна помогать слушателю лучше уяснить и прочувствовать смысл богослужебного текста. Для наилучшего, т. е. наиболее отчетливого, звучания текста не следовало давать волю музыкально-художественной фантазии и импровизации, которые могли отвлечь внимание слушателей различными музыкальными «излишествами» и тем самым заслонить ясное и членораздельное исполнение текста. Музыка ни в коем случае не должна была превалировать над текстом. Поэтому наиболее приемлемой формой взаимодействия музыки и текста было положение, при котором на мельчайшую единицу звучащего текста — один слог — приходился один звук. Такой контакт {530} между словом и музыкой был наиболее типичным для традиционной византийской музыки. Ее эстетика отвергала всяческие, даже незначительные, распевы одного слова (в противоположность фольклорным образцам музыкально-художественного творчества).

Однако подобное положение постоянно сковывало творческую свободу музыкантов, и, несмотря на запреты, оно систематически в большей или меньшей степени нарушалось. Отход

⁶ Подробнее об этом см.: Φιλόξενος Κ. Θεωρητικοῦ στοιχείου, ἡ δὲ τῆς μουσικῆς. Κωνσταντινούπολις, 1868. Σ. 172—199.

от принципа «слог—звук» обнаруживается уже в рукописях IX в.⁷ Первоначально осуществлялись лишь робкие попытки, выразившиеся в том, что отдельные слоги текста иногда распевались на двух или трех звуках. Достаточно часто это наблюдается в песнопениях, собранных в «Стихираре» (в отличие от «Ирмолога», где традиционный принцип сохранялся). С течением времени эта новаторская струя византийской музыки постепенно активизируется. На смену единичным распевам одного слога двумя-тремя звуками приходят развернутые вокализмы с длительными мелодическими линиями. К XII в. такой художественный метод распространяется⁸ и в конце концов к XIII—XIV вв. становится ведущим.

Новый стиль получил название калофонического (*καλοφωνικός* — прекрасноразвучный). Его важная черта — главенство музыки над текстом, так как основной целью византийских мелургов становится яркое и эмоционально насыщенное развитие музыкального материала вне непосредственной зависимости от текста. В калофоническом стиле постоянно используются бесчисленные повторения одних и тех же слов и даже фраз. Кроме того, здесь систематически применяется рассечение слов посредством введения в них серии бессмысленных слогов: *χι, κι, νι, τι, ρι, χω, χα* и т. д.⁹ Более того, в некоторых случаях в одно песнопение внедряется текст из другого. В результате таких приемов полностью разрушается первоначальная последовательность текста, а при его пении восприятие содержания как бы отодвигается на задний план и все внимание слушателя сосредоточивается на процессе движения и развития музыкального материала.

Не следует думать, что создатели калофонических произведений не учитывали смысловой направленности распеваемых текстов. Необходимо помнить, что круг церковных песнопений, их тематика и тексты были хорошо известны византийским слушателям. Они приобщались к этим произведениям с детства и почти постоянно сами были участниками их исполнения. Поэтому для каждого из них был четко определен смысл любых «отпустительных», «херувимских», «блаженных» и других песнопений. Следовательно, уже сама начальная фраза, которая даже в новом стиле излагалась чаще всего без «калофонических искажений», давала слушателю ясное представление о тематике звучащего произведения. Значит, все последующие отступления от текста не влияли на понимание {531} основной направленности его содержания, а калофонические распевы воспринимались как импровизация на «заданную тему». Слушатель получал сжатую информацию о теме в самом начале песнопения, а все последующее калофоническое развитие рассматривалось как ее искусное музыкальное воплощение.

Произведения, написанные в новом стиле, были более сложны для исполнения, чем традиционные, поэтому первоначально они пелись только солистами. В этих случаях солист именовался «калофонарь» (*καλοφωνάρης*) или «монофонарь» (*μονοφωνάρης*). Естественно, что калофония способствовала развитию вокального искусства: исполнять столь сложные построения могли певцы, обладавшие высочайшей профессиональной выучкой. Впоследствии, с распространением и утверждением калофонии, произведения нового стиля начали постепенно звучать и в исполнении хоров. Практика калофонии вызвала к жизни и особые разновидности певческих книг. Одна из них — «Псалтикон» (от *η; ψαλτική* — искусство певчего) — содержала орнаментированные напевы, предназначенные для протопсалмов. Другая книга — «Асматикон» (от *το; α; σμα* — песня) — включала в себя аналогичные произведения (особенно с многочисленными вставными слогами) для хора¹⁰.

Новый византийский музыкальный стиль оказал решающее влияние на изменение структуры песнопений. Если прежде их музыкальная форма была результатом следования музыки за текстом, то теперь главенство музыкального начала способствовало образованию новых структурных закономерностей. Например, нередко в начале и конце песнопений вставлялись так называемые ихимы (*τα; η; χήματα*), или кратимы (*τα; кратήματα*), — особые построе-

⁷ *Strunk O.* Melody Construction in Byzantine Chant // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Ochride, 10—16 septembre 1961. Belgrad, 1964. Т. 1. P. 365—373.

⁸ *Levy K.* Hymn for Thursday in Holy Week // Journal of the American Musicological Society. 1963. Т. 16. P. 156; *Raasted J.* Intonation Formulas and Modal Signatures in Byzantine Musical Manuscript. Copenhagen, 1966. P. 118. (MMB. Snbsidia VII).

⁹ Подробнее об этом см.: *Williams E.* The Treatment of Text in the kalophonic Chanting of Psalm // Studies in Eastern Chant. 1971. Т. 2. P. 179—180.

¹⁰ *Salvo B. di.* Asmatikon // Bolletino della Badia greca di Grottaferrata. 1962. Т. XVI. P. 135 — 158; *Idem.* Gli Asmata nella musica bizantina // Ibid. 1959. Т. XII. P. 45—50, 127—145; 1960. Т. XIV. P. 145—178.

ния, основанные на серии однотипных слогов, музыкальный материал которых в зависимости от содержания произведения выражал жалобу, страх, радость, печаль. Наибольшее распространение в рукописной традиции получил второй из указанных терминов — кратима, так как он больше соответствовал определению художественных задач этих вставных построений: византийские музыканты считали, что кратимы, расширяя форму произведения, как бы «сохраняют», «удерживают» его мелос¹¹. В последние столетия византийской империи появляется даже особая певческая книга «Кратиматарий», представляющая собой собрание наиболее известных и художественно совершенных кратим, активно использовавшихся в музыкальной практике.

Каллофонический стиль был победой светского музицирования над устаревшими традициями церковной музыки. Он дал возможность византийским мелургам влить в музыкальную жизнь новую струю народных интонаций. Некоторые кратимы в рукописях получают названия εἰθνικόν (народное), θεσσαλικόν (фессалийское), φραγκικόν (европейское), περσικόν (персидское) и т. д. Все это говорит об интонационных связях кратим с музыкой определенных областей и даже народов. Часть кратим {532} называлась по созвучию с используемыми в них

Файл byz3_533.jpg

Подставка для креста.

Евангельские сцены. XIV в.

Ленинград. Гос. Эрмитаж.

Дерево

слогами. Например, если кратима распевалась на слоги «а-не-на» (Ανενα), она называлась «ненанисмата», если на слоги «те-ре-ре» (τερερε) — «теретисмата» или «теретисма». В последнем случае явно видно желание возродить одноименную песню, известную в народе еще с языческих времен¹². Не случайно некоторые церковные деятели связывали используемые в кратимах бессмысленные слоги со стремлением подражать голосом звучанию кифары или пению цикады¹³, ибо известно, что древнегреческая теретисма первоначально представляла собой подражание пению цикады.

Пусть новая теретисма была основана на новых ладоинтонационных формах, пусть она выполняла иную художественную задачу, но, несмотря на все отличия, новая и древняя теретисмы имели одну общую черту — свободный распев мелодической линии, зависящий не от текста, а от фантазии создателя музыки. Так, вопреки всем преградам на новом этапе музыкального развития в церковной музыке возрождается некогда изгнанный принцип свободного музицирования.

Не следует забывать, что византийские музыканты жили в среде, постоянно доступной для различных интонационных влияний. Их жизнь проходила и в церкви, и в «миру», где можно было ежедневно слышать не только сугубо культовые формы музицирования, но и многие другие: народные песни, военную музыку, различные инструментальные жанры. Хорошо известно, что певчие крупнейших константинопольских храмов, св. Софии и св. Апостолов, одновременно участвовали и в церковных богослужениях, и во всех официальных церемониях императорского двора, где важное место отводилось инструментальной музыке. И хотя инструментальная музыка была запрещена в православной церкви, пев- {533} чие постоянно соприкасались с ней и хорошо знали ее особенности. Такие художественные контакты никогда не обходились без взаимовлияний (об этом свидетельствует вся история музыки). Не исключено, что «невокальные» методы письма во многих кратимах, присутствие в них различных «фиоритур», зачастую напоминающих инструментальные пассажи, — результат влияния инструментальных жанров. Такое предположение подтверждается и тем, что в византийских музыкальных рукописях многие кратимы называются οἰρητικόν (инструментальное). В среде церковных историков музыки даже существовало мнение, что слоги, используемые в кратимах, аналогичны звукоподражательному образованию τήνελλα (что приблизительно можно перевести как «тра-ля-ля»), посредством которого еще античные инструменталисты, исполнители на ав-

¹¹ Στάθης Γρ. Οἱ Ἀναγραμματαῖοι, καί, τα, Μαθήματα τῆς Βυζαντινῆς Μελοδοῦσας. Ἀθηναί, 1979, Σ. 115—116.

¹² См.: Герцман Е. В. Развитие музыкальной культуры. С. 557 и след.

¹³ Βαμβουδάκης Ἐμμ. Τα, εἰθνικόν, Βυζαντινῆς Μουσικῆς, κρητήματα // ΕΕΒΣ. 1933. Τ. 10. Σ. 354.

лосе и лире, воспроизводили голосом различные инструментальные мелодические фрагменты¹⁴. Следовательно, можно считать, что вопреки преградам, поставленным на пути проникновения инструментальной музыки в церковь, некоторые ее принципы нашли свое выражение в кратиме — жанре, наиболее ярко запечатлевшем характерные особенности калофонического стиля.

К сожалению, история не сохранила свидетельств византийской музыкальной эстетики XIII в. о калофоническом мелосе вообще и кратимах в частности. Но кое-кто из более поздних церковных деятелей (афонские схолиасты Агапий и Никодим, архиепископ Закинфа Дионисий Латас) порицают кратимы «за их чрезмерные длинноты» и «бесполезность»¹⁵. Нужно думать, что первоначальная клерикальная реакция на калофонию была только резко отрицательной: новый стиль подрывал важнейшие традиционные эстетические принципы старой музыки. Однако художественная сила произведений калофонии и мастерство мелургов-калофонистов в конце концов восторжествовали. Этому могло способствовать и другое обстоятельство. Наиболее дальновидные и реалистически мыслящие церковные иерархи должны были понимать, что богослужбная музыка только тогда сможет успешно выполнять свою функцию, когда будет эмоционально влиять на верующих посредством яркого художественного языка. Если же она превратится в комплекс архаичных статичных песнопений, начисто лишенных связи с бытующими формами музицирования, то не сможет выполнять свою основную задачу. Поэтому, как бы далек ни был калофонический стиль от традиций, освященных православием, нельзя было долго противодействовать его внедрению в оформление богослужений, так как он воплощал в себе высочайшие достижения византийского музыкального искусства той эпохи и был способен обновить традицию.

После того как калофонический стиль одержал победу и распространился повсеместно, церковной эстетике не оставалось ничего другого, как найти аргументы, доказывающие соответствие такой музыки религиозным идеалам. В результате оказалось, что кратимы с набором бессмысленных слогов существовали еще «со времен божественных пророков», а сами слоги являются не чем иным, как «тайными словесами {534} апостола Павла», символизирующими невыразимость Бога¹⁶. Предпринимались даже попытки объяснить смысл бессмысленных слогов. В некоторых случаях создание калофонии (как, впрочем, почти всего в византийской музыке) стало приписываться Иоанну Дамаскину¹⁷, хотя в действительности в его времена ни о какой калофонии не могло быть и речи. А такой крупный историк церкви, теолог и литургист, как Никифор Каллист (XIV в.), идет еще дальше: он считает «радетелем калофонии» даже Романа Сладкопевца¹⁸. Такие тенденциозные высказывания — очевидное свидетельство триумфа калофонии.

Некоторые историки церковной музыки склонны приписывать происхождение калофонии случайности. Например, иногда допускается, что бессмысленные слоги возникли следующим образом. Во время одной из придворных церемоний звучал хор «Te regem exspectamus» («Мы ожидаем тебя, царь»). Затем хор якобы часто повторял начальное «te regem», опуская заключительное слово, что в конце концов превратилось в повторение «te-rem», откуда и произошло «te-re-rem» (в греческом варианте: τερερεμ)¹⁹. Несмотря на некоторую правдоподобность описанного, оно не отражает объективных причин возникновения и развития калофонического стиля. Его истоки находятся в нормах художественной и общественной жизни Византии.

Как уже указывалось, стремление к свободе музыкального выражения, не скованной синтаксическими рамками текста, и влияние инструментальных форм музицирования послужили сильнейшим импульсом для развития калофонии. Но существовала и другая, не менее важная причина ее стремительного распространения — внедрение средневизантийской нотации, которая по своим описательным возможностям не шла ни в какое сравнение с исторически предшествующими формами нотного письма. Действительно, сложная музыкальная ткань

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. Σ. 355.

¹⁶ Ibid. Σ. 354.

¹⁷ Χρύσανθος ο, ε, κ Μαδύτου. Op. cit. § 445. Σ. 203.

¹⁸ Νικήφορος Κάλλιστος. Ἑρμενεῖα εἰς τοῦ, ε, ν, βαθμου, ε, τη, ε, ο, κτωήχου. Ἐν Ἱεροσολύμοις, 1862. Σ. 127.

¹⁹ Βαμβουδάκης Ἐμμ. Op. cit. S. 356.

калофонических произведений могла получить распространение только тогда, когда появился способ ее фиксации в рукописях. В противном случае эти произведения оставались бы достоянием лишь отдельных мелургов, приверженцев нового стиля. Ранние формы византийского нотного письма не были в состоянии точно фиксировать не только разветвленную интонационную сеть каллофонических произведений, но и любые другие, несравненно более простые. Поэтому до появления средневизантийской нотации распространение каллофонии было невозможно. Освобождение Константинополя в 1261 г. от полувекового латинского господства, радостный дух созидания, возрождения национальной культуры и науки, восстановление разрушенных памятников архитектуры (дворцов, храмов) — все это также способствовало внедрению нового музыкального стиля с его развернутыми мелизматическими формами, с его помпезными и величественными распевами. Не случайно историки называют этот этап развития византийской музыки таким знаменательным термином, как {535} *Ars nova*²⁰. Иначе говоря, каллофонический стиль соответствовал духу эпохи, общественно-политическим тенденциям, бытовавшим во времена Палеологов.

Начиная с XIV в. в византийских музыкальных рукописях рядом с нотным текстом систематически упоминаются имена мелургов — создателей песнопений. Благодаря этому становятся известными многие выдающиеся мастера, жившие в XIII в. и позднее. Но на пути к объективному пониманию их творчества стоит еще много преград. Прежде всего, бесчисленное множество сочинений византийских авторов до сих пор не изучено. Кроме того, продолжают оставаться неизвестными факты, связанные с жизнью и деятельностью абсолютного большинства византийских мелургов (исключения единичны). Речь идет не только об отсутствии сведений, внушающих полное доверие, но и вообще о каких-либо даже косвенных материалах, на которых можно было бы строить более или менее правдоподобные гипотезы. Об уровне изучения византийского композиторского творчества говорит хотя бы такой факт: в течение последнего столетия исследователи столь неоднозначно определяли время жизни самого выдающегося византийского мелурга Иоанна Кукузела, что эти «колебания» измеряются периодом в четыре столетия²¹. Не менее показательным примером может служить и то, что на протяжении длительного времени путали никейского императора Иоанна III Ватаца (1222—1254) с музыкантом Иоанном Ватацем, жившим в середине XV в.²² Все это говорит о том, насколько сложно в настоящее время делать сколько-нибудь обоснованные выводы, связанные с композиторской деятельностью византийских музыкантов. Слишком ограничен материал, находящийся в распоряжении музыковедов, и слишком недостаточно его историческое и теоретическое осмысление. Сказанное нужно учитывать при знакомстве со следующим ниже кратким обзором.

Как можно судить по рукописным материалам, наибольшую популярность в докукузелевский период получило творчество Никифора Ифика (Ἰθίκος)²³, жившего в конце XIII — начале XIV в. Чаще всего в рукописях упоминаются такие его песнопения: «Тебя воспеваем» (Σε; ὕ; μὲν, «Вечери твоя тайная» (Τοῦ δεῖπνου σου μυστικοῦ), «Буди имя господ» (Εἰ; ἡ το; ο; ὄνομα κυρίου), «Хвалите господ», «Да молчит» {536} (Σιγησάτω) и др. Среди старших современников Ифика, живших во второй половине XIII в., известны имена Авасиота

²⁰ Williams E. A Byzantine «Ars nova»: The 14th-century reforms of John Koukouzeles the chanting of Great Vespers // Aspects of Balkans continuity and change: (Contribution to the International Balkan Conference held at ULCA, October 23—28, 1969). Mouton; Hague; P. 1972. P. 211—229; Στάθης Γρ. Op. cit. Σ. 66—71.

²¹ Например, крупнейший греческий историк музыки конца XIX — начала XX в. Г. Пападопулос считал, что Иоанн Кукузел жил на рубеже XI—XII вв. (см.: Παπαδόπουλος Γ. Συμβολαί; εἰ; τῆ; ἱ; ἱστορίαν τῆ; παρ ἡ; μὲν ε; κκλησιαστικῆ; Μουσικῆ; Ἀθῆ; ναί, 1890. Σ. 261—262; Ὁ αυ; το; ἱστορικῆ; ε; πσκοπῆσις τῆ; Βυζαντινῆ; Ἐκκλησιαστικῆς Μουσικῆ; Ἀθ ἡ; ναί, 1904. Σ. 75). К. Крумбахер же относил время его жизни к рубежу XV—XVI вв. (Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897. S. 288). См. также: Stanschewa-Braschowanova L. Kukuzeles // Die Musik in Geschichte und Gegenwart: Allgemeine Enzyklopadie der Musik / Hrsg. von Fr. Blume. 1958. Bd. VII. Col. 1888—1890.

²² Подробнее об этом см.: Velimirović M. Two Composers of Byzantine Music: John Vatatzes and John Laskaris // Aspects of Medieval and Renaissance Music. N. Y., 1966. P. 819—821.

²³ Так как здесь впервые на русском языке приводятся имена и прозвища большинства византийских мелургов, они даются и на греческом.

(᾽Αβασιώτης), Феодора Манугра (Μανουγρᾶ;̃ς), Германа-монаха, Григория domestика, Михаила Паада (Πατζᾰδος), Клова (Κλω;̃βας), Николая Каллиста, Николая Камбана (Καμπάνης), Карвунариота (Καρβουναριώτης), Льва Алмириота (Ἀλμιριώτης), Фоки Филадельфа, Симеона Псирициса (Ψηρίτζης). К сожалению, ничего определенного о характерных чертах творчества этих мелургов сказать невозможно, так как их сохранившиеся немногочисленные произведения дошли до нас в обработке более поздних мастеров, которые зачастую радикально изменяли первоисточники.

Классический композиторский период начинается с Иоанна Глика, жившего, подобно Никифору Ифику, на рубеже XIII—XIV вв., но давшего начало целой школе выдающихся мелургов. Иоанн Глика был образованнейшим человеком своего времени: знатоком риторики и грамматики (сохранился даже один из его трактатов — «О правильном синтаксисе»²⁴). Он активно участвовал в общественно-политической и культурной жизни государства, а с 1315 по 1320 г. был константинопольским патриархом. Иоанн Глика вошел в историю византийской музыки как мелург и автор текстов многих песнопений. На протяжении ряда лет он служил протопсалтом св. Софии в Константинополе. Его сочинения получили широкое распространение. Не исключено, что сохранившееся за ним прозвище Глика (γλυκύς — сладостный) связано с признанием его творчества. Особенно знаменитыми стали 11 его утренних тропарей на слова Льва Мудрого и музыка на слова гимна «Тебе поем». Известна также его «херувимская», которая в рукописях упоминается с прилагательным δυτικόν (западное). Иоанн Глика постоянно занимался педагогической деятельностью. Среди его учеников были такие выдающиеся мастера, как Иоанн Кукузел и Ксена Корона, оказавшие большое влияние на развитие византийской музыки. Поэтому нередко Иоанна Глику называли «учителем учителей».

Иоанн Кукузел (ок. 1280—ок. 1375) составил эпоху в музыке. Вряд ли среди византийских мелургов найдется другой такой музыкант, о котором рукописная традиция говорила бы столь восторженно: «магистр», «божественный лебедь», «ангелогласный», «сладкогласный», «второй источник музыки» (первым считался Иоанн Дамаскин). Его многогранная деятельность протопсалта, мелурга, теоретика и педагога представляет самую выдающуюся главу византийской музыкальной культуры. Именно в его творчестве впервые в совершенной форме художественно воплотились новаторские принципы калофонии.

Сведения о жизни Иоанна Кукузела очень скудны (хотя самые многочисленные по сравнению со сведениями о других музыкантах). Они сохранились в нескольких рукописях²⁵, излагающих «Краткое повествование об Иоанне Кукузеле, почитавшемся на Святой Горе, в Великой лавре» или «Рассказ о жизни великого мастера искусной музыки Иоанне Кукузеле». Согласно этим «житиям», он родился в Диррахии. Его ма-{537}терью была болгарка, «национальность» же отца неизвестна (если принять во внимание пестрый этнический состав портового города Диррахия, то предположения могут быть самые различные). Иоанн рано потерял отца, но мать дала ему возможность учиться. Особое внимание привлекали его удивительный голос и любовь к пению, из-за чего Иоанн и был послан в Константинополь. Там он, видимо, занимался в грамматической школе при старом храме св. Павла, которую возродил Михаил VIII Палеолог (1259—1282). Эта школа предназначалась для обучения сирот разных «национальностей». Здесь Иоанн изучал греческий язык, каллиграфию и музыку. Происхождение прозвища Кукузел неизвестно. Рукописи объясняют его следующим рассказом. Дети, товарищи Иоанна по школе, спрашивали его: «Иоанн, что ты ел сегодня?» Он же, еще плохо освоившись с греческим языком, отвечал: «Кукиа ке зелиа» (κουκία και ζελία). Первое слово — «бобы», а последнее — греческая транскрипция болгарского слова «зеле» (капуста). Отсюда якобы и пошло прозвище Кукузел, хотя существуют и другие версии²⁶.

Скорее всего, наибольшее влияние на развитие Иоанна Кукузела как музыканта оказал Иоанн Глика, который помог ему приобщиться к практике и теории музыкального искусства. Контакты Иоаннов могли происходить и в грамматической школе, и в церкви св. Софии. Зная интерес будущего патриарха к грамматике, нетрудно допустить, что он преподавал ее в школе, где учился юный Кукузел. Будучи одновременно протопсалтом св. Софии, Иоанн Глика дол-

²⁴ *Krumbacher K.* Op. cit. S. 589—590.

²⁵ Перечень восьми рукописей см.: *Williams E.* John Koukouzeles' Reform of Byzantine Chanting for Great Vespers in the fourteenth century. Yale University, 1968. P. 322. (машинопись).

²⁶ *Ibid.* P. 374—375.

сле возвращения в Константинополь, Иоанн «искусно создал „многомилостивое“, оно было почитаемо всеми, и назвал его „болгарским“». Эти же источники сообщают, что впоследствии великий мастер покинул столицу и удалился в Лавру св. Афанасия на Афоне, где до конца дней продолжал сочинять прекрасную музыку.

Другой прославленный ученик Иоанна Глики — Ксен Корона (Ξένος Κορώνης). Раньше предполагали, что он был родом из Корона (на юго-востоке Пелопоннеса)³³. В настоящее время, не отрицая такого предположения, высказываются две новые точки зрения. Согласно одной, прозвище мелурга связано с церковью «Корона» (Κορώνης), засвидетельствованной в Константинополе с X в.³⁴ Согласно другой версии, «Ксенос» не имя, а прозвище, означает «чужой» (ξένος) для Константинополя, происходящий из Корона³⁵. Ксен Корона прославился рядом сочинений: «Сила святой Бог» (Δύναμις, Ἅγιος ο; θεο;ς), «Уста имеют» (Στόμα ε; ; ἄχουσι), «Бо твоего чрева» (Τη; ἄν γα; ῥ ση; ἄν μήτραν) и др. Он, подобно Иоанну Кукузелу, содействовал обновлению музыкального оформления великой вечерни и создал художественные обработки произведений некоторых своих предшественников. Можно предполагать, что Ксен Корона положил начало некогда знаменитой семье музыкантов. Известно, что его брат, монах Агафон, и сын Мануил также были мелургами.

В первой половине XIV в. работали и другие знаменитые музыканты: Константин Магула (Μαγούλα;ς), Георгий Панарет, Георгий Контопетра, Димитрий Докиан. Во второй половине XIV в. творили такие мастера, как монах Феодул, Халивур, протоирей церкви св. Апостолов Фарвивук, Иоанн Цакнопул, domestik лавры монах Варфоломей, domestik Христофор Мистак.

На рубеже XIV и XV вв. жил и работал Иоанн Клада, в одной из рукописей он представлен как «ученик Кукузела, более искусный и более упоительный, чем его учитель»³⁶. Был ли в действительности Клада учеником Кукузела, остается неясным, однако приведенный комментарий говорит о высочайшей оценке творчества мелурга. Наибольшую известность приобрели его песнопения: «Вкусите и видите» (Γεύσασθε κα; ἄ; ἄδετε), «Взбранной воеводе» (Τη; ἄν; ἄπερμάχῳ στρατηγῳ;ς), «Ныне силы» (Νῦν α; ἄδυνάμεις), «Кая жития сладость» (Ποία τοῦ βίου τρυφή), «Человече, плачи горько» (Ἄνθρωπε, θρήνησαν πικρῳ;ς) и др. Как видно, Иоанн Клада отличался художественной смелостью. Так, несмотря на высочайший авторитет и «святость» произведений, музыка и текст которых приписывались церковной традицией Роману Сладкопевцу, он решился написать свою музыку на текст одного из таких сочинений — «Храм твой, Богородице» (Ἦ ναός σου, Θεοτόκε). Он обращается также к интонациям восточных народов в своем песнопении «Непостижимо есть» (Ἄκατάληπτόν ε; ἄστι), в рукописях оно всегда сопровождается ремаркой: «мелос от персов» (το; ἄμέλος ε; ἄκ Перσῳ;ν)³⁷. Творчество Иоанна Клады для рубежа XIV—XV вв. — такая же художественная вершина, как творчество Иоанна Кукузела для первой половины XIV в.

В последние пятьдесят лет существования византийского государства появилась плеяда известных мелургов: Мануил Аргиропул, Мануил Плагит, Мануил Влатир, domestik монастыря Пантократора Давид Редестин, монах Герасим Халкеопул, иерей Мануил Амбелокипиот, domestik {540} фессалоникский Филипп Гавала, Георгий Сгуропул³⁸, монах Никон, Константин Мосхиан. Особо следует выделить Мануила Газу и Григория Буна Алиата. Первый характеризуется в рукописях как «искуснейший». Самое широкое признание получило его произведение «Всякое дыхание». Второй же стал знаменит своими кратимами, одна из которых постоянно определяется в рукописях как «весьма искусная, модуляционная и трудная» (πάνυ

³³ Παπαδόπουλος Γ. Συμβολα; ε;ς τη; ἄν; ἄστορίαν τη;ς παρ η; ἄμῖν ε; ἄκκλησιαστικῆ;ς Μουσικῆ;ς... Σ. 266—268.

³⁴ Velimirović M. Byzantine Composers in MS Athens 2406 // Essays presented to Egon Wellesz. Oxford, 1966. P. 12.

³⁵ Στάθης Γρ. Ἦ Δεκαλεντασύλλαβος ἄΥμνογραφία ~~Ошибка!~~ τ~~Ошибка!~~ Βυζαντιν~~Ошибка!~~ Μελοποι~~Ошибка!~~ ἄΑθ η; ἄνα, 1977. Σ. 102—103.

³⁶ См.: Στάθης Γρ. Τα; ἄΧειρόγραφα... Т. Α'. Σ. 148.

³⁷ Στάθης Γρ. Τα; ἄΧειρόγραφα... Т. Α'. Σ. 291, 531.

³⁸ По предположению Г. Статиса, не исключено, что этот музыкант и Иоанн Дука — одно и то же лицо, так как в рукописях имена обоих мелургов часто сопровождаются прозвищем Сгуропул (кудрявый); см.: Στάθης Γρ. Ἦ Δεκαλεντασύλλαβος ἄΥμνογραφία... Σ. 108.

послужившей основой для теоретического и практического освоения ладотональных сторон музыкального материала, для освещения проблем ладотонального мышления⁴⁹. Неудивительно, что многие мелурги вошли в историю византийского искусства и как теоретики. Византийская музыкально-теоретическая мысль была прямой наследницей древнегреческой науки о музыке. Особенно часто об этом стали вспоминать после падения Латинской империи и отвоевания Константинополя, когда на смену полувековому угнетению пришел рост «национального» самосознания, застой в общественно-политической области сменился активностью. Все это способствовало стремлению восстановить связь византийцев с прошлым, почувствовать себя наследниками духовных завоеваний древних эллинов. Именно в этот период начинают активно и в большом количестве переписываться и распространяться рукописи древнегреческих музыкально-теоретических трактатов. Эта работа началась задолго до XIII в., но после восстановления Византийской империи велась постоянно. Античные музыкально-теоретические памятники тщательно изучали и комментировали. В результате в византийской науке сформировались две относительно самостоятельные области: одна включала в себя изучение музыковедческого наследия Древней Греции и полностью была посвящена анализу теоретических аспектов основных элементов музыкального языка (звуков, интервалов, звуковых систем, родов и т. д.)⁵⁰, другая {542} была поставлена на службу художественному творчеству и занималась теоретическим осмыслением явлений музыкальной практики⁵¹. Таким образом, в Византии, как и в Западной Европе, существовали *musica theōrica* и *musica practica*.

Первая из этих областей музыковедения была представлена выдающимися учеными. Среди трудов знаменитого историка и педагога Георгия Пахимера (1242—1310) есть сочинения «περὶ τῶν τεσσάρων μαθημάτων» (букв.: «О четырех науках»), излагающее основные положения дисциплин, входивших в квадривиум. Вторая его часть, называемая в рукописях по-разному («О музыке», «О гармонике, или вернее музыке», «Гармоника — Музыка»)⁵², посвящена изложению античной музыкальной теории. В ее основу легли отдельные параграфы трактата Клавдия Птолемея «Три книги гармоник», созданного еще во II в. Пахимер подробно описывает принципы математического выражения музыкальных интервалов, древние представления о «гармонии сфер», последовательность тональностей, роды тетрахордов (диатонические, хроматические и энгармонический), различные типы модуляций. Он пересказывает раздел трактата Птолемея, в котором критикуется представление Аристоксена из Тарента (IV в. до н. э.) о величине полутона. Пахимер целиком становится на сторону александрийского ученого. Это естественно не только потому, что Птолемей как музыкальный теоретик пользовался в Византии непререкаемым авторитетом, но и по другой причине. Интервальная система, названная в истории музыки «темперации Аристоксена», отразила нормы музыкальной практики эпохи древнегреческой классики. Конечно, ко времени жизни Птолемея, а тем более Пахимера, они уже изменились и интервалы, зафиксированные Аристоксеном, вышли из употребления. Кроме того, научное «оформление» этих интервалов у Аристоксена было уязвимо с математической точки зрения, так как они выражались не точными дробями или отношениями конкретных чисел, а суммой единиц, приблизительно равных 1/30 или 1/60 части кварты⁵³. Для математика Птолемея такие интервалы с научной точки зрения были более чем сомнительными. Аналогичным образом для Пахимера, рассматривавшего музыку как одну из математических дисциплин, позиция Птолемея была несравненно ближе. Интересно отношение

⁴⁹ Герцман Е. В. Развитие музыкальной культуры. С. 561 и след.

⁵⁰ Обзор этих работ см.: Richter L. Antike Ueberlieferung in der byzantinischen Musiktheorie // Deutsche Jahrbuch der Musikwissenschaft für 1961. Leipzig, 1962. S. 75—115; Idem. Fragen der spätgriechisch-byzantinischen Musiktheorie. Die Erforschung der byzantinischen Musik // Byzantinische Beiträge / Hrsg. von J. Irmscher. B., 1964. S. 187—230. Hannick Chr. Die Lehrschriften der klassischbyzantinischen Musik // Hunger H. Die hochsprachliche profane literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. II. S. 183—195.

⁵¹ Сжато она рассмотрена X. Хаником: Hannick Chr. Die Lehrschriften zur byzantinischen Kirchenmusik // Hunger H. Op. cit. S. 196—212.

⁵² Подробнее об этом см.: Tannery P. Quadrievium de Georges Pachymere / Texte revise et établi par E. Stephanou. Città del Vaticano, 1940. P. XXXVIII — LVII, 97—199. Первое издание этого сочинения см.: Vincent A. J. H. Notice sur divers manuscrits grecs relatifs à la musique. P., 1847. P. 434—553. (Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi; T. 16).

⁵³ О темперации Аристоксена см.: Герцман Е. В. Античное музыкальное мышление. Л., 1986. С. 184—200.

Пахимера и к другой дискуссии. Пифагорейцы не относили интервал ундецимы (8/3) к «созвучиям», так как он не выражался эпиморным отношением⁵⁴. Птолемей же считал ундециму «созвучием». При описании этого спора Пахимер ограничивается только тем, что приводит обе точки зрения, не принимая чью-либо позицию. Для византийского ученого пифагорейцы и Птолемей были олицетворением античной науки, к достижениям которой он относился с глубочайшим почтением. Поэтому византийский {543} историк не мог позволить себе никакого выбора и тем более критики. В вопросах музыкальной теории Пахимер не был самостоятельно мыслящим автором. Он хорошо разбирался в античном музыкознании, но любые индивидуальные выводы в этой области были для него недоступными.

Ценным в сочинении Пахимера является материал, заимствованный из не дошедших до нас древнегреческих источников о специфике восприятия тетрахордных родов. Благодаря ему можно реконструировать детали античной слуховой реакции на различные ладовые образования. Пахимер повторяет известное в античной музыкально-теоретической литературе предание об опытах Пифагора со струнами и излагает методы деления струны на «геликоне» (разновидность «монохорда», или «канона», — однострунного инструмента, сконструированного с единственной целью: научиться определять звуки различной высоты посредством деления струны на соответствующие отрезки)⁵⁵. Большая часть всего раздела о музыке в сочинении Пахимера (гл. 23—51) посвящена сопоставлению ладово-акустических структур различных родов.

Сохранилась музыкально-математическая рукопись, приписываемая хартофилаку Иоанну Педиасму (начало XIV в.) и называемая «Некоторые наблюдения» (Ἐπιστάσιαι μερικαί). Она представляет собой разрозненные заметки, посвященные описанию арифметических выражений музыкальных интервалов⁵⁶. В ее начале дается определение музыкального звука, заимствованное (как и многое другое) из древнегреческих музыкально-теоретических источников. Затем описываются интервалы, меньшие тона: апотома, леймма, диесис, комма. Подробно объясняется, почему леймма и апотома не являются точными половинами тона. После этого автор переходит к описанию «эпитрита» (4:3), «полуторного отношения» (3:2), математически выражающих кварту и квинту, а также их разницы — тона (9:8). Вся вторая половина заметок изобилует операциями с числами, находящимися в «музыкальных» пропорциях. Например, тетрахорд, состоящий из последовательности тон (9:8), тон (9:8), полутон (256:243), представлен как числовой ряд — 192, 216, 243, 256.

Необходимо отметить, что в «Некоторых наблюдениях» явно превалирует математическая логика над музыкальной. Так, семиступенное октавное образование представлено здесь в числах, последовательность которых никак не соответствует музыкальной организации октавного звукоряда: вначале идут пять числовых отношений, дающих тоновые интервалы, а затем подряд два полутоновых отношения:

32768	36864	41427	46656	52488	59049	62208	65536
тон	тон	тон	тон	тон	полутон	полутон	

Автору важно было получить числовой ряд, который давал бы в общем октавное отношение (2:1) крайних звуков и требуемое количество тонов (5) и полутонов (2). Однако подобная звукорядная форма противоречит элементарным музыкальным закономерностям. Аналогичная {544} «антимзыкальность» присутствует и при числовом выражении пентахорда. Иначе говоря, в данной рукописи выхолено все, что связывало музыку с математикой.

К изучению вопросов музыки обращался и Никифор Григора (1290/1—1360). В своих комментариях к сочинению Синесия Киренского (ок. 370—ок. 413) «О сновидениях» он также обсуждает математические выражения основных интервалов и поясняет такие специальные термины, как «антифон» и «симфония» (PG. T. 149. Col. 543—547).

Особое место в византийской *musica theōrica* занимает фундаментальный труд Мануила Вриенния «Гармоники» в трех книгах. О личности автора почти ничего не известно. Пока наука располагает только одним сообщением Феодора Метохита, который писал, что для лучшего изучения наук, особенно астрономии, он взял в качестве учителя некоего Вриенния — человека довольно эксцентричного, ведущего уединенный образ жизни и считавшегося шарлатаном.

⁵⁴ ε; ᾤμορτος — содержащее целое и дробь, в числителе которой единица.

⁵⁵ Этой же теме посвящена небольшая византийская рукопись XIII в., описывающая три способа деления струны канона (*Stamm A. Tres canones harmonici. B.*, 1881).

⁵⁶ *Vincent A. J. H. Op. cit. P. 290—314.*

Сам же Метохит обнаружил, что тот был одним из немногих, кто действительно обладал глубокими знаниями математики и астрономии (МВ. I. P. 20—21). Предполагается, что именно этот Вриенний и был автором «Гармоник»⁵⁷.

В самом начале своего сочинения он резко отзывается о тех, кто высказывался по вопросам теории музыки до него. По его мнению, их основная цель — исказить и перефразировать то, о чем уже было точно и ясно сказано, но с претензией на оригинальность. Можно с полным основанием думать, что эти слова относятся не только к сочинениям типа рукописи Иоанна Педиасма, где действительно изуродованы смысловые параллели между музыкой и математикой, но и к пользовавшемуся большим авторитетом трактату Георгия Пахимера. К чести Мануила Вриенния нужно сказать, что его труд по своей основательности не идет ни в какое сравнение со всеми аналогичными византийскими сочинениями. Кроме того, что автор очень точно, обстоятельно и глубоко излагает основные параграфы античного музыкознания, он подробно сообщает положения, о которых в более ранних источниках сказано лишь намеком⁵⁸. Так, интерес представляют описываемые Вриеннием три степени консонантности интервалов, представленные расплывчато у ранневизантийских авторов (Бакхия, Гауденция). Согласно Вриеннию, существует три типа интервалов: антифонные (октава, двойная октава), парфонные (квинта, доудецима) и созвучные (кварта, ундецима). По его мнению, любые два мелодических звука, исполненные одновременно, приятны; созвучные звуки в этом случае производят впечатление подобия, антифонные же при одновременном звучании воспринимаются как один звук, хотя они не одинаковы по высоте (кн. I, гл. 4). В сочинении Мануила Вриенния самым тщательным образом описываются многообразные формы мелодического движения и каждой из них дается обстоятельная характеристика (кн. II, гл. 3), излагается завершенная концепция о мелодии, т. е. музыкальном произведении и процессе его создания (кн. III, гл. 10).

Конечно, все это не означает, что трактат Вриенния лишен недостатков, предопределенных уровнем музыкознания его времени. Например, он категорически отвергает систему тринадцати тоналностей, зафиксированную Аристоксеном, и оставляет из них только восемь «основных» (кн. II, гл. 4). Здесь он, подобно Георгию Пахимеру в вопросе о величине полутона, следовал Птолемею, «который предпочитает научный подход», и не стал вводить эти тоналности в гармонию (кн. III, гл. 2). В этом случае Вриенний, так же как и Пахимер, руководствовался не только указаниями Птолемея, но и нормами музыкальной практики своего времени. Дело в том, что 13 «тоналностей Аристоксена» были расположены на полутоновом удалении друг от друга. Это было следствием особенностей ладового мышления эпохи древнегреческой классики⁵⁹. Во времена же Вриенния такие интервальные расстояния между тоналными плоскостями не были приняты. Поэтому византийский ученый, отвергнув пять «лишних» тоналностей, не погрешил ни против авторитета Птолемея, ни против собственного музыкального восприятия. Вместе с тем он излагает методику нахождения на каноне высотных уровней этих пяти тоналностей, хотя и сопровождает свои рекомендации ремаркой: «Для большего проникновения в предмет это не обязательно» (кн. III, гл. 2). Такой подход также свидетельствует о Вриеннии как о настоящем ученом. Даже не принимая концепцию Аристоксена о тоналностях, он дает читателям возможность ознакомиться с ней не только теоретически, но и практически на каноне.

Особо следует обратить внимание на то, что Вриенний смело нарушает сложившуюся в византийском музыкознании традицию. Неписаное правило гласило: сочинения, посвященные *musica theorica*, никогда не должны затрагивать областей, связанных с *musica practica*. Поэтому ни одно из византийских сочинений, толкующих проблемы теоретического музыкознания (а точнее, античной теории музыки), не касалось вопросов современной музыкальной практики. В этом отношении труд Вриенния — знаменательное исключение. В некоторых его разделах

⁵⁷ Трактат Вриенния издавался дважды: *Μανῶν; ἡ Βρυέννιου Ἁρμονικά*. Harmonica, nunc primum edita (Graece et Latine) notisque illustrata // Wallis J. Opera mathematicorum. Oxoniae, 1699. T. III. P. 357—508; *Μανῶν; ἡ Βρυέννιου Ἁρμονικά*. The Hannonics of Manuel Bryennius / Ed. with translation, notes, introduction and index of words by G. H. Jonker. Groningen, 1970.

⁵⁸ О творческом подходе Мануила Вриенния к материалу древнегреческих музыкально-теоретических памятников см.: *Mathiesen Th.* Aristides Quintilianus and the Harmonics of Manuel Bryennius: A Study in Byzantine Music Theory // *Journal of Music Theory*. 1983. T. 27. P. 31—47.

⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Герцман Е. В.* Античное музыкальное мышление. С. 200—205.

проводятся параллели между системами античных тональностей и византийских ихосов (кн. II, гл. 5; кн. III, гл. 4). Излагая их, автор использует термин византийских музыкантов-исполнителей «парафтора» (παραφθώρα — кн. III, гл. 4). При описании многообразных форм мелодического движения он также использует понятие современной ему музыки «энихима» (ἐνίχημα — кн. III, гл. 5) — наиболее характерные для каждого ихоса интонационные образования. Все это свидетельствует о том, что Мануил Вриенний был хорошо знаком не только с теоретическим музыкознанием, но и с практикой музыкального искусства⁶⁰. {546}

Изучение византийских работ по *musica theōrica* показывает, что трактат Птолемея «Три книги гармоник» был основным источником для этих сочинений, а его главнейшие положения рассматривались как научные откровения, служившие опорой при обсуждении различных вопросов. Вокруг сочинения Птолемея был создан ореол научной непогрешимости, поднявший его на недостижимую высоту. В византийском музыкознании это сочинение Птолемея занимало такое же видное место, как трактат Боэция «*De institutione musica*» в западноевропейской науке о музыке⁶¹. Действительно, «Три книги гармоник» были настольной книгой многих византийских авторов⁶². Однако существовало одно обстоятельство, которое затрудняло работу с ней.

Рассматривая музыку в одном ряду с такими дисциплинами, как арифметика, геометрия и астрономия, византийские ученые особенно интересовались общими для них проблемами, где можно было оперировать аппаратами всех наук квадривиума. Такой областью была переданная от античности идея о «гармонии сфер» — концепция, утверждавшая, что в основе космической системы лежат арифметические, геометрические и музыкальные закономерности. При ее изучении использовались элементы всех четырех наук. Однако именно этот материал в трактате Птолемея о музыке был изложен не полностью. Согласно оглавлению, предвещающему его третью книгу, «гармонии сфер» были посвящены главы 8—16. Но в сохранившихся рукописях последние главы оказались утраченными⁶³. Это очень затрудняло обсуждение проблемы «гармонии сфер», ибо отсутствовали как раз выводы Птолемея и византийским комментаторам невозможно было в этих случаях опереться на главный авторитет. Поэтому возникла настоятельная необходимость попытаться реконструировать утраченные главы.

За эту работу взялся Никифор Григора. Используя предшествующие разделы трактата Птолемея, он написал главы 14 и 15⁶⁴. Его текст описывает в основном соответствии

⁶⁰ О трактате Мануила Вриенния см.: *Christ W. Über die Harmonik des Manuel Bryennios und das System der byzantinischen Musik // SBAW. Philosophisch-philologische KL. 1870. Bd. II. S. 241—270; Reimann H. Zur Geschichte der byzantinischen Musik, IV. Die Theorie des Manuel Bryennios // Vierteljahrschrift für Musikwissenschaft V. Leipzig, 1889. S. 322—344, 373—395; Vetter W. Bryennios // Paulys Real-Enzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1930. Bd. XIV. S. 1362—1366; Stohr M. Bryennios // Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Allgemeine Enzyklopädie der Musik. Kassel; Basel, 1952. Bd. II. Col. 413—415; Richter L. Bryennios, Manuel // The New Grove Dictionary of Music and Musicians. 1980. Vol. 3. P. 400—401.*

⁶¹ Подробнее об этом см.: *Герцман Е. В. Боэций и европейское музыкознание // СВ. 1985. Вып. 48. С. 233—243.* В связи с особым положением трактата Птолемея в византийском музыкознании XIII—XV вв. можно высказать предположение, что памятник, известный под названием «*Excerpta Neopolitana*» (см.: *Jan C. Musici scriptores graeci. Lipsiae, 1895. P. 411—423*) и до сих пор относимый к позднеантичному музыкознанию, скорее всего, является византийским сочинением последних веков империи. Его заголовок — «Музыка Птолемея» (хотя прямых заимствований из сочинения Птолемея почти нет) — свидетельство глубочайшего преклонения перед именем знаменитого александрийца, что для позднеантичных работ абсолютно не характерно. Кроме того, многие стороны содержания этой рукописи приближаются к византийским источникам указанного периода.

⁶² Достаточно сказать, что даже до нашего времени сохранилось около 30 рукописей трактата, созданных с XII по XV в. (см.: *Ptolemaios. Die Harmonielehre des Klaudios Ptolemaios // Hrsg. I. Düring. Göteborg, 1930. S. IX—XLV.*)

⁶³ Крупнейший современный исследователь и издатель трактата Птолемея И. Дюринг склонен считать, что глава 16 восстановлена неизвестным средневековым переписчиком по птолемеевскому тексту (см.: *Düring I. Ptolemaios und Porphyrios über die Musik, Göteborg, 1934. S. 282*). Византийские ученые тоже считали главу 16 принадлежащей если не самому Птолемею, то какому-нибудь из древних авторов — либо близкому к Птолемею, либо пользовавшемуся его текстом.

⁶⁴ Они опубликованы во всех полных изданиях трактата Птолемея; см.: *Mathiesen Th. A Bibliography of Sources for the Study of Ancient Greek Music: (Music Indexes and Bibliographies, 10). New Jersey, 1974.*

между различными отрезками круга зодиака и «музыкальными» пропорциями, посредством которых выражались интервалы. Реконструкция, предпринятая Никифором Григорой, вызвала бурную критику знаменитого противника исихазма, калабрийского теолога Варлаама. В сохранившихся рукописях его произведение озаглавлено «Опровержение монаха Варлаама против трех глав, восстановленных по заключительным заглавиям третьей (книги) „Гармоник“ Птолемея»⁶⁵. Оно написано блестящим языком и с полемическим задором. Интересно, что Варлаам ни разу не упоминает имя Никифора Григоры и направляет острие своей критики не против автора, попытавшегося реконструировать утраченные главы, а против содержания его текста.

Варлаам начинает свое «Опровержение» с утверждения, что среди вставленных в трактат Птолемея трех глав (14, 15 и 16) две первые явно написаны каким-то «новым» автором, а заключительная глава, по его мнению, сохранилась с древних времен. Для доказательства своего тезиса он постулирует шесть положений, которым должно соответствовать содержание анализируемых глав, если они написаны самим Птолемеем. Затем Варлаам скрупулезно доказывает, что обе главы не удовлетворяют ни одному из шести положений. «Опровержение» является ярким образцом критической литературы по вопросам музыкальной космологии, отразившим и накал дискуссий, и научный уровень подхода к памятникам античного музыковедения.

Если *musica theorica* всецело находилась в руках ученых, то теоретические вопросы *musica practica* всегда занимали только музыкантов-практиков. Как уже указывалось, все выдающиеся византийские мелурги из-за постоянной причастности к педагогической деятельности систематически работали над обобщением и разработкой проблем музыкального исполнительства. Так, большое распространение получило учебное песнопение, приписываемое Иоанну Кукузелу. Оно было создано для развития практических навыков учащихся, будущих певчих. Текст этого песнопения представляет собой перечень названий почти всех неум, распеваемых на довольно длительных мелодических построениях. Начинается песнопение с «исона» — знака, обозначающего повторение одного и того же звука. Поэтому оно получило наименование «Большой исон» (То;` μέγα ι;` ; `σον)⁶⁶. Знаменитому мелургу приписывается также создание так называемого «Круга (τρόχος) Кукузела» — графической схемы, на которой на двух половинах диаметра окружности зафиксирована система основных и плагальных ихов, их взаимосвязи, а также параллели с древнегреческой системой тональностей. «Круг Кукузела» был хорошим подспорьем в педагогической практике, так как давал учащимся наглядное представление о системе тональностей. Создано ли все это Кукузелом? Ответ на этот вопрос в настоящее время довольно проблематичен. Ведь почти все крупнейшие достижения в теории и практике музыки церковная традиция приписывала Иоанну Дамаскину и Иоанну Кукузелу. С их именами связывается даже создание {548} нотаций. Если Иоанну Дамаскину приписывается «изобретение» ранних форм византийского нотного письма⁶⁷, то Иоанну Кукузелу — создание «поздневизантийской нотации», пришедшей на смену «средневизантийской». Но всякая нотация — результат длительного процесса развития, в котором участвует не одно поколение. «Поздневизантийская нотация» формировалась на протяжении нескольких столетий⁶⁸ за счет увеличения числа «больших ипостасей», призванных показывать все более и более детальные исполнительские ремарки. Конечно, Иоанн Кукузел внес свой вклад в усовершенствование нотации. Но он был лишь одним из многих музыкантов, способствовавших развитию «средневизантийской нотации» и тем самым готовивших формирование «поздневизантийского» нотного письма.

Р. 41—42, 646, 657, 650.

⁶⁵ *Ptolemaios*. Op. P. 112—121.

⁶⁶ *Gerbert M.* De cantu et musica sacra a prima ecclesiae aetate usque ad praesens tempus. Vol. II. St. Blasien, 1774 (факс. XII—XVII); *Fleischer O.* Die spätgriechische Tonschrift. B., 1904. Faks. 27—33; *Devai G.* The Musical Study of Cucuzeles in a Manuscript of Debrecen // AASH. 1955. Т. 3. P. 151—179; *Idem.* The Musical Study of Koukouzeles in 14th Century Manuscript // Ibid. 1958. Т. 4. P. 213—234.

⁶⁷ Об Иоанне Дамаскине как «создателе» византийской нотации см.: *Герцман Е. В.* Развитие музыкальной культуры. С. 563.

⁶⁸ Переход от «средневизантийской» нотации к «поздневизантийской» настолько неувловим, что одни ученые определяют временную границу между ними XV в. (*Tillyard H. J. W.* Op. cit. P. 14—15), а другие — второй половиной XVII в. (Στάθης Γρ. Οι;` Ἀναγραμματαῖμοι;` και;` τα;` Μαθήματα τη;`ς Βυζαντινῆ;`ς Μελωποιῆς... Σ. 48).

Крупными теоретиками *musica practica* были и другие знаменитые византийские мелурги. Так, в некоторых рукописях сохранился «Метод господина Ксена Корона... весьма полезный для сочинения ихим». Нередко в музыкальных рукописях даже присутствуют стихи, приписывавшиеся Иоанну Кладе и прославляющие этот «метод»⁶⁹. Известно также небольшое сочинение Иоанна Ласкариса «Объяснение и сольфеджирование в музыкальном искусстве»⁷⁰, посвященное описанию системы ихосов. Итоговым византийским трудом по *musica practica* является работа Мануила Хрисафа «О понятиях в певческом искусстве и некоторых неверных представлениях о них»⁷¹, в которой подробно и дискуссионно обсуждаются важнейшие положения теории и практики музыки⁷². Сохранился также ряд поствизантийских рукописей XV—XVII вв., излагающих основные параграфы византийского музыкознания⁷³.

Итак, к середине XV в. музыкальное искусство и наука о музыке достигли в Византии наивысшего расцвета. Это был результат многовекового развития. Он включал в себя сложные взаимоотношения фольклорной и культурной музыки, взаимодействие непосредственных и опосредованных традиций музыкальной античности со средневековыми формами музицирования, постоянные художественные контакты между музыкальными культурами народов, населявших в различные периоды Византийскую империю, и их соседей. Это был результат творческих поисков наиболее передовых {549} византийских музыкантов, их постоянной борьбы с рутинной и изживающими себя интонационными структурами, их высокой профессиональной культуры. И наконец, это был результат активной причастности музыкального искусства к общественной жизни государства и к частной жизни всех слоев византийского населения. Отсюда и внимание общества к развитию музыки, чуткость слушателей к музыкальному воплощению различных сторон бытия, внимание ученых к изучению проблем музыкознания. Блестящий взлет музыкально-художественного творчества трагически оборвался 29 мая 1453 г.

Судьба Византийской империи была предрешена. Была predeterminedена и участь византийской музыкальной культуры. Она должна была уйти в прошлое вместе с породившей ее цивилизацией. Трагедия византийского общества была и трагедией византийской музыки. Множество знаменитых и безвестных музыкантов погибли от янычарского ятагана, были угнаны в неволю, рассеяны по западным и восточным странам, осели в афонских монастырях. Бесчисленное количество музыкальных рукописей было уничтожено во время разграбления византийских храмов и монастырей. Незавидна была участь и тех, кто остался жив и продолжал работать под турецким игом. Политическое, религиозное и национальное угнетение сопровождалось притеснениями и унижениями в области художественного творчества. Завоеватели видели в музыке поверженной Византии проявление духа «неверных» и всячески стремились ограничить ее влияние.

Но и в этих условиях традиции византийского музыкального творчества продолжали развиваться. Вся поствизантийская история музыки в Греции — блестящее этому подтверждение. Достаточно сказать, что греческие музыкальные рукописи, создававшиеся вплоть до XIX в., сплошь и рядом излагают произведения мелургов XIII—XV вв.; даже по прошествии более четырех столетий после падения Византии искусство ее мелургов продолжало активную творческую жизнь: в рукописях фиксировались только произведения, постоянно звучавшие в музыкальной практике, в противном случае не было надобности в их переписке и они постепенно вытеснялись из рукописного репертуара. Следовательно, наиболее выдающиеся произведения византийской музыки обладали большой художественной ценностью, которая помогла им пережить века. Византийские музыкальные традиции оказывали решающее влияние на искусство соседних народов не только в эпоху расцвета Византийской империи, но и после ее

⁶⁹ Στάθης Γρ. Τα;` χειρόγραφα... Т. А'. Σ. 184, 398; Т. В'. Σ. 703, 704; Φιλόξενοϋ Κ. Op. cit. Σ. 145.

⁷⁰ *Bentaz Ch. The Treatise on Music by John Laskaris // Studies in Eastern Chant. 1966. Vol. II. P. 21—27.*

⁷¹ Сочинение публиковалось несколько раз: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Op. cit. Σ. 534—545; *Tardo L. Lantica melurgia bizantina. Grottaferrata, 1938. P. 230—243; Βαμβουδάκης Ήμμ. Συμβολή;` ει;`ς τη;`ν σπουδή;`ν τη;`ς Παρασημαντικη;`ς τη;`ς Βυζαντινη;`ς Μουσικη;`ς. Σάμος. 1938. Τ. Α'. Σ. 35—45; The Treatise of Manuel Chrysaphes, the Lampadarios / Ed. by D. Conomos. Wien, 1985 (Corpus criptorum de re musica II).*

⁷² Об основных положениях трактата Мануила Хрисафа см.: *Conomos D. The Treatise of Manuel Chrysaphes // Report of the 11th Congress Copenhagen, 1972. Vol. 1. P. 748—751.*

⁷³ Некоторые из них опубликованы, см.: *Tardo L. Op. cit. P. 151—260.* В связи с тем что трактаты *musica practica* посвящены сложным специальным вопросам музыкальной технологии, они здесь не рассматриваются.

краха. Это особая яркая страница истории греческой средневековой музыки, свидетельствующая о ее широте, универсальности и художественном совершенстве. {550}

23

Быт и нравы поздневизантийского общества

В поздний период своей истории Византия претерпела множество бед и потрясений. Открывающий эту эпоху 1204 год нанес большую брешь империи, напоминавшей Никифору Григоре большой корабль, который больше был не в состоянии бороться с порывами ветра и морскими волнами (*Greg.* I. P. 18.10—11). Овладев столицей империи, крестоносцы поспешили отправить на Запад захваченную ими добычу — «золото, серебро, посуду, драгоценные камни, шелковые одежды и материи, меха, соболей» (*Villehard.* 55.250). Во время грабежа Константинополя гибли в пожарах храмы, дворцы, торговые помещения (*Ibid.* P. 44.204). Многие прекрасные здания пошли на топливо, а влахернский дворец, покрытый копотью и пылью, был заброшен (*Greg.* I. P. 81.9—11; 87.22—23).

Государство, объединенное спустя почти шесть десятилетий, долго не могло оправиться от разорения. Внутренние междоусобия последующих десятилетий не способствовали расцвету империи и ее столицы. Во время столкновений двух Андроников обычным явлением стали грабежи, в результате которых дома превращались в развалины (*Ibid.* I. P. 425.11—15). Несмотря на попытки первых Палеологов придать Константинополю вид, соответствующий столице восстановленной империи, и при Андронике III все еще имелись разрушенные дворцы, использовавшиеся порой как отхожие места (*Ibid.* P. 568.8—10).

Усугубляли общий упадок эпидемии и стихийные бедствия. Византия одной из первых европейских стран пережила «черную смерть» — чуму, прокатившуюся в 40-е годы XIV в. по всей Европе и унесшую множество человеческих жизней. Константинополь дважды подвергся эпидемии — в 1348 и 1361—1363 гг.

Во время майского землетрясения 1346 г. была разрушена восточная апсида храма св. Софии, в связи с чем многие службы и обряды, традиционно проводившиеся здесь, были временно перенесены в другие церкви¹.

Многим из путешественников, посещавших Константинополь в XIV—XV вв., город казался пустынным и напоминал вереницу деревень². Сады, огороды и виноградники встречались в городе повсюду, даже в центральных кварталах. Такой же была картина и во втором по величине византийском городе — Фессалонике. Так, согласно одному из актов XIV в., в Фессалонике имелся огород, от эксплуатации которого можно было получить 1800 кочанов капусты, 5400 головок чеснока, 5400 луковиц, 1800 огурцов, 900 тыкв, 900 дынь, 18 пуклаж салата; кроме того, здесь на 36 грядках рос зеленый лук и на 18 грядках — морковь (*Schatz.* № 102.266—269).

Снабжение Константинополя продуктами питания, находившееся в руках государства (*Pachym.* Hist. I. P. 187), как правило, регулировалось плохо, что приводило к спекуляции. В периоды обострения отношений с генуэзцами последние захватывали транспорты с хлебом, предназначенным для константинопольцев. Во время голода 1306—1307 гг. на улицах столицы можно было видеть истощенных и лежащих прямо на земле людей³. Государственная казна была опустошена, правители были вынуждены прибегать к продаже украшений прежних императоров (*Greg.* I. P. 351—12—14; II. P. 766—767). Между тем знать столицы обладала огромными богатствами и накануне падения Константинополя. Турки подвергли город поваль-

¹ Κουρούσης Σ. I. Αι, α, ντιλήψεις περι, τω, ν ε, σχάτων του κόσμου και, κατα, το, ε, το,ς 1346 πτω,ς το,ς του,λλου τη,ς Αγίας Σοφίας // ΕΕΒΣ. 1969—1970. Τ. 37. Σ. 229.

² Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Pl. I. T. 3. Les églises et les monastères. P., 1953. P. 2.

³ Laiou A. The provisioning of Constantinople during the winter of 1306 to 1307 // Byz. 1967. Τ. 37. P. 105.

ному грабежу. Их корабли, направлявшиеся в различные порты, были так перегружены добычей, что корма глубоко погружалась в воду (*Ducas*. 42). Серебряные и золотые изделия, жемчуг, драгоценные камни, великолепные церковные сосуды, серебряные оклады книг были «распылены по всему свету» (*Абраам Анк*. С. 456, 200—212). Многие здания разрушались или перестраивались. Знаменитый Манганский монастырь был разобран до основания, а полученный материал употреблен на строительство гарема⁴.

Население Константинополя в поздневизантийское время значительно сократилось. Если в период расцвета в столице проживало до 500—600 тыс. жителей, то в XV в. едва насчитывалось 40—50 тыс.⁵ В Фессалонике в первой четверти XV в. было 40 тыс. жителей⁶.

Однако, несмотря на явные признаки общего упадка, Константинополь в XIV — первой половине XV в. все еще оставался одним из наиболее красивых городов ойкумены, центром православного мира, крупным торговым портом. Иоганн Шильтбергер на рубеже XIV—XV вв. писал: «Константинополь — большой и прекрасно отстроенный город, имеющий в окружности 15 итальянских миль» (*Шильт*. 57). Фессалоника производила на современников большое впечатление своими дворцами и колоннадами⁷. Прекрасны были дома и дворцы Мистры⁸.

Византийские города были окружены стенами. По замечанию Иоганна Шильтбергера, константинопольские стены насчитывали 1,5 тыс. башен. Акрополь считался твердыней города. Попасты в город можно было через несколько ворот.

В столице и в Фессалонике главные ворота назывались Золотыми. Ворота Навплии и Железные ворота вели в Мистру. Стесненные стенами, {552} города застраивались очень густо. Наиболее широкой улицей Константинополя была торговая, называемая с древних времен Месой. Меса Мистры достигала в ширину 3 м и кое-где была перекрыта сводами⁹. В Серрах центральная улица именовалась «царской дорогой» (через город действительно проходила *Via Egnatia*) и заканчивалась площадью¹⁰. Боковые улицы были шириной не более 2 м.

Невозможно представить себе жизнь поздневизантийских городов, как крупных, так и провинциальных, без ярмарок, без больших торговых дней. Наряду с большими традиционными ярмарками, проходившими раз в году в определенное время, имелись и постоянные маленькие рынки, где продавались продукты сельского хозяйства¹¹. Рынки иногда были крытыми, мелкие лавки располагались обычно в тени сводов колоннад (*Greg*. I. P. 205.18; *Harmen*. 2.4), перекрывавших в отдельных местах центральные улицы крупных городов. Часто торги организовывались прямо на городской площади. Многие рынки, находившиеся в городе или близ городских стен, принадлежали монастырям.

В Константинополе, Фессалонике и ряде других приморских городов наиболее шумным и людным местом был порт. В Константинополь постоянно прибывали иностранные суда, поскольку город являлся одним из крупных центров международной торговли. Итальянские купцы привозили в столицу империи гаэтское мыло, различные сукна — падуанские, мантуанские — и пользовавшееся большим спросом сукно бастарди скарлатины. Константинопольские купцы закупали у итальянцев также атлас, бумазею, вуали, бархат, мишуру, золотую пряжу. Многие из товаров следовали далее на восток. Восточные купцы привозили сюда знаменитые сирийские ткани и пряности. Итальянцы закупали в столице империи овечьи шкуры, шелк-сырец, перец, воск, красители¹². В Фессалонику, «всеобщий рынок земли» (PG. T. 109. Col. 641. C—D), привлекала иностранные корабли широко известная октябрьская ярмарка в честь

⁴ *Janin R.* Op. cit. P. 78.

⁵ *Schneider M.* Die Bevölkerung Konstantinopels im XV. Jahrhundert. Göttingen, 1949. S. 236—237.

⁶ *Tafrafi O.* Thessalonique au XIVe siècle. P., 1913. P. 16.

⁷ *Ibid* P. 119.

⁸ *Orlandos A. C.* Quelques notes complémentaires sur les maisons paléologues de Mistra // *Art et société à Byzance sous les Paléologues*. Venice, 1971. P. 73—82.

⁹ Ὁρλάνδος Α. Τα;` παλάτια και;` τά σπίτια τοῦ Μυστρα;` // *ΑΒΜΕ*. 1973. Τ. III, v. 8.

¹⁰ *Bouras Ch.* City and Village: urban design and architecture // *JÖB*. 1981. Bd. 31/2. P. 631.

¹¹ *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation byzantines. T. 1—4. Athènes, 1947—1956. T. 3. P. 270—283; *Tafrafi O.* Topographie de Thessalonique. P., 1913. P. 147—148.

¹² *Шутиков М. М.* Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным счетов Джакомо Бадоера: (Деловые круги Константинополя) // *ВВ*. 1969. Т. 30. С. 50—57.

покровителя города св. Димитрия. Морской порт Фессалоники принимал товары из Франции, Фландрии, Италии¹³.

Население Константинополя было этнически пестрым. Помимо греков, армян, евреев, здесь находились колонии западных купцов — венецианцев, геновцев, пизанцев, флорентийцев, каталонцев¹⁴. В начале XIII в. в столице проживало, по свидетельству Жоффруа де Виллардуэна, 15 тыс. латинян (*Villehard.* 44.205). Во многих городах были кварталы, населенные представителями какой-либо одной народности. Так, в Константинополе и многих провинциальных городах имелись еврейские кварталы. В Негропонте еврейские поселения находились вначале вне {553} города, но в XV в. евреи уже могли приобретать дома и в христианских кварталах¹⁵.

Византийская аристократия издавна жила в городах. Постепенно города разрастались, но старые аристократические кварталы неизменно оставались в центральной части.

Делились кварталы города порой и по профессиональному признаку. В одном из актов XIII в. упомянута константинопольская улица ремесленников-поясников; в XIV в. в столице существовал квартал сапожников, изготавливавших обувь для военных¹⁶.

В поздневизантийское время грандиозные городские здания строились редко. Хорошо сохранившимся архитектурным памятником той эпохи является многократно описанный в научной литературе дворец деспота Мистры¹⁷. В нижних помещениях правого крыла дворца проходили приемы и обеды. Спальные комнаты членов семьи деспота располагались в одном из четырех зданий правого крыла. Здесь же находилась и молельня. На втором этаже левого крыла, построенного Палеологами в XV в., имелся огромный зал, освещавшийся двумя рядами окон. Это был тронный зал, где проходили особо торжественные церемонии. Одной из грандиозных построек XIII в. являлся дворец Нимфеон¹⁸.

Дома знати и богатых горожан были преимущественно двух- или трехэтажными, с плоской или двускатной крышей (*Schatz.* № 112. 306). На стыке черепиц крепилась свинцовая прокладка¹⁹. Плоские крыши обычно использовались как солариум. В «Диалоге богатых и бедных» (середина XIV в.) о такого рода постройках сказано: «У вас приятные жилища — вы наслаждаетесь в хорошую погоду нежнейшим ветерком (с крыш) ваших трехэтажных домов» (*Al. Makr. Dial.* P. 209.19—20). Многие византийские дома XIV в., построенные в основном из белого камня, имели выступающие балконы и полукруглые окна, над которыми поперечно выкладывался красный кирпич²⁰. Двери и ставни часто были железными, украшенными гвоздями с большими головками. Дома в большинстве случаев имели узкий фасад, выходящий на улицу, и двор с колодцем, подсобными помещениями, виноградным прессом (*Zograph.* № 25. P. 54—55). Нижний этаж дома обычно использовался для хозяйственных нужд. Иногда там же располагались кухня, жилье для прислуги, склады. Под полом выкапывалась яма для хранения продуктов. Около дома нередко находился небольшой сад из фиговых или других деревьев (*Schatz.* № 112. S. 306). Наличие внутренних открытых дворики расширяло площадь жилья²¹. В Пергаме дома возводились обычно в виде замкнутого прямоугольника с квадратным двором в центре. Иногда же они располагались {554} в линию вдоль узкого дворика²². Соседи старались изолироваться друг от друга. Двери одного дома не должны были находиться против входа в другой (*Harmen.* 2.4.25).

¹³ *Tafrali O.* Topographie de Thessalonique. P. 147.

¹⁴ *Heyd W.* Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879. Bd. 1. S. 470—577; *Janin R.* Constantinople byzantine: Developpement urbain et répertoire topographique. P., 1950. P. 235—245.

¹⁵ *Bouras Ch.* Op. cit. P. 650; *Koder J.* Negroponte: Untersuchungen zur Topographie und Siedlungsgeschichte zur Insel Euboia während der Zeit der Venezianerherrschaft. Wien, 1973. S. 88.

¹⁶ *Сюзюмов М. Я.* Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. М., 1961. С. 59. Примеч. 47.

¹⁷ *Runciman St.* Mistra, Byzantine capital of the Peloponnese. L., 1980.

¹⁸ *Eyice S.* Le palais byzantin de Nymphaion près d'Izmir // XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. Akten. München, 1960. P. 150—153.

¹⁹ *Koukoulès Ph.* Op. cit. T. 4. P. 270.

²⁰ *Orlandos A.* Op. cit. Fig. 2—6, 8, 14, 19, 21.

²¹ *Bouras Ch.* Houses in Byzantium // ΔΧΑΕ. 1983. Περ. Δ', Τ. ΙΑ'. Σ. 17; *Idem.* City and Village... P. 636.

²² *Radt W.* Die byzantinische Wohnstadt von Pergamon. Wohnungsbau im Altertum. B., 1978. 3. P. 216—217. Fig. 4—10.

Дома в провинциальных городах часто имели множество хаотических пристроек, сделанных в разные годы без всякого плана. Не случайно Феодор Ласкарис противопоставлял средневековые города Пергама красивым и гармоничным античным постройкам. Комнаты в домах Коринфа, Афин, Эфеса часто были узкими, неправильной формы, что определялось отсутствием свободных площадей для новых построек²³.

Византийские сельские поселения были различными по размерам и характеру. Наряду с большими деревнями встречались поселения, незначительные по размерам и числу жителей. Так, в балканской деревне Мамициона, принадлежавшей Хиландарскому монастырю, жило 450—500 человек. Название же расположенной на севере Балканского полуострова деревни — Моноспития (Однодомовка) — говорит само за себя²⁴.

Деревни делились на стаси — крестьянские подворья одной семьи. Центром стаси являлся окруженный забором или кирпичной стеной одноэтажный дом, крытый черепицей, тростником или соломой. К дому обычно примыкали виноградники, сад с фиговыми деревьями, орешником, маслинами. Во владение стаси могли входить небольшой водоем и мельница. Пашня могла находиться рядом с домом, но чаще была расположена в отдалении, иногда чересполосно с земельными участками других крестьян. Участки порой были ничтожными — до одного модия (примерно 0,084 га). Крестьянские меры определения площади земли не случайно, наверное, назывались пинакион (дощечка) и лорис (пояс). Границы между земельными участками обозначали камнем или столбом, а иногда окружали пашню канавой.

Вокруг больших деревень лежали неподделанные (общинные) земли: луга, где жители деревни косили траву, рощи, где рубили лес, собирали каштаны и ягоды.

Община сохранилась и в поздневизантийское время. Руководил общиной обычно совет «старцев». Имелись в деревнях и большие (неразделившиеся) семьи. В описях XIV в. встречаются перечни общего имущества женатых братьев, сыновей одного отца. Большая семья могла насчитывать до 30 человек, но нормой в деревне являлась небольшая парная семья.

Крупные земельные комплексы составляли владения императорской семьи, представителей знати, монастырей, церковных корпораций. Собственники этих владений большей частью жили в городе, а хозяйство вели управляющие. Иногда владения феодалов-динатов были расположены в стороне от участков крестьян, иногда же включали в себя целые деревни.

Проблема воды традиционно оставалась одной из серьезных и в поздневизантийское время. Новые акведуки и цистерны почти не строились с античных времен, как, например, в Фессалонике. Счастьем для города было наличие в нем или поблизости естественных источников. Зачастую {555} же пользовались колодцами или накапливали дождевую воду в цистернах²⁵.

Византийские термы напоминали римские, но были значительно меньших размеров²⁶. В Константинополе некоторые из них принадлежали монастырям. Место строительства частных бань строго регламентировалось. Как в городе, так и в пригородах баня должна была отстоять на 20—30 шагов от соседних строений (*Harmen.* 2.4.13).

Дома знати отличались богатым интерьером. Деревянные двери, отделяющие внутренние помещения, украшались резьбой или инкрустацией, потолки иногда покрывали позолотой (PG. T. 154. Col. 1185). Пол обычно был вымощен плитами белого мрамора. Внутренние лестницы, каменные или деревянные, часто имели несколько площадок. Парадный зал дворца Мистры вдоль всей длины стен был окружен единой каменной скамьей, невысокой по византийскому обычаю. На частных приемах по старой традиции беседовали полулежа. Ложе являлось непременным атрибутом богатого интерьера (*Acrop.* 45. P. 81.14—16). Декор комнат дополнялся коврами и драпированными тканями. Занавеси из тканей иногда заменяли двери, в особенности в спальнях.

О внутреннем убранстве домов простолюдинов известно меньше. Верхний этаж, если он был, поддерживался обычно деревянными столбами (MM. III. № 11. P. 53). Обычным видом мебели являлись низкие круглые или квадратные сиденья без спинки, а также полукруглые

²³ Bouras Ch. City and village... P. 636, 639.

²⁴ Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIV в. М., 1952. С. 56—57.

²⁵ Bouras Ch. City and Village... P. 639.

²⁶ Ευγγόπουλος Α. Βυζαντινός λουτρό; ἡ ἐν Θεσσαλονίκη // Ἐπετηρι; τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς τῆς Ἀκαδημ; ας Ἀθηνῶν. 1940. 5.83—97; Bouras Ch. City and Village... P. 643—644.

стулья. Пол покрывали плетеными циновками²⁷. Вокруг длинного, покрытого скатертью стола для трапезы стояли низкие сиденья на трех ножках²⁸.

Трапезе византийцы уделяли большое внимание. Застольем отмечалось любое событие — от рождения ребенка в доме до избрания нового патриарха. Пища в семьях знати была разнообразной: молодая баранина, мясо козлят, медведей, говядина, птица. Свежая рыба дополняла мясные блюда на праздничном столе. В поздневизантийской басне «Рассказ о четвероногих» свинья похвалялась, что ее мясо едят «и с хорошей зеленью, и с тыквой, и вареное, и отдельно, без всякого другого; еще и прекрасное благоухающее жаркое — то свежее, то соленое, как изготовят. Солят же и хранят меня в течение всего года, и кладут в кувшины и бочки, и приготавливают студень и другие подобные вещи: челюсть, язык, окорока, колбасу, спинные части, бока с толстым салом, и жирную [мучную еду] и фаршированные изделия» (Четв. С. 229.370—380). Баранье мясо, согласно этой же басне, «тучно, и приятно, и полезно для желудка» (Там же. С. 231.474—477). В каждодневном рационе византийцы предпочитали кефаль и морского окуня. Употреблялись в пищу также омары, раки, устрицы, каракатицы. Животное масло употреблялось как в свежем, так и в топленом виде. Растительное масло изготавливалось прежде всего из оливок, а также из миндаля, мирта (для целебных целей). Ценили мягкие сорта сыра. Употребляли в пищу разнообразные овощи — {556} морковь, бобы, горох, чечвицу, а также салат и спаржу. Приправами служили хрен, петрушка, сельдерей, тмин, майоран, чеснок. Обычными для византийской кухни были и репчатый лук и лук-порей. Мед и сахар употребляли при приготовлении сиропов из айвы, роз, слив, яблок, гранатов (Мед. тр. С. 259—263). Из мучных изделий были распространены крендели и блины (их ели с медом). Хлеб из крупчатки считался лучшим. Черный хлеб или ячменный был пищей средних и низших слоев населения (Четв. С. 229. 366—367).

В качестве напитков употреблялись молоко, простокваша, пахта. Нередко к столу подавали свежую прохладную воду. Византийцы называли ее «новой водой» (νεαρὸν). Пили также кипяченую воду (θερμὸν), иногда с добавлением тмина, а порой — перца и аниса (тминная вода — κριμβερμὸν). Вода умеренной температуры использовалась для разведения вина²⁹.

Обед чаще приходился на полдень (*Acrop.* 89. P. 189.7—8; *Pachym. Hist.* P. 405.7—9) и начинался с фруктов. Затем ели свежую рыбу и молодое мясо. После этого переходили к жирной пище, жаренной на огне: говядине, утиному, гусяному, журавлиному или павлиньему мясу. На десерт полагался сыр: его «знатные люди после обеда немного (съедают), небольшой кусочек для [лучшего] пищеварения». Жирный сыр ели с капустой или свеклой (Четв. С. 233.599—604). На ночь подавали более легкую пищу, обычно фрукты — айву, яблоки, приготовленные с гвоздикой и корицей (Мед. тр. С. 258). Разумеется, все это относилось к знати и богатым горожанам, у которых имелся «постоянно роскошный стол» (*Al. Makr. Dial.* P. 209.12—13).

В «Путешествии Мазариса в подземное царство» говорится о сытной, но менее разнообразной пище — свинине, масле, пшеничной муке, диком салате, мятных маслинах и на праздник панафинейской похлебке (*Mazar. Cap.* 2, 6). В одной из басен разнообразный стол (финики, сыр, хлеб, плоды, мед) мыши-горожанки, зависимой от хозяев, противопоставлен простой трапезе деревенской мыши, питавшейся зерном в сарае: «Гораздо лучше жить скромно, но спокойно, чем наслаждаться роскошью, полной страха» (Памятники. IX—XIV вв. С. 414). «Бедные» Алексея Макремволита говорят как о своей пище о грубом хлебе и соленой рыбе (*Al. Makr. Dial.* P. 209.3). Простолюдины нередко ели ячменный хлеб, приготовленный пополам с мякиной (*Acrop.* 60. P. 123.7—9). Воинам в походе выдавали солонину из свиного и овечьего мяса: ее готовили впрок в виде окороков (*Pachym. Hist.* I. P. 265.21—22).

В монастырях устанавливался строгий рацион, обусловленный религиозными праздниками. В обычные дни, когда не было поста, стол здесь был более скромным, чем у мирян. Исключалось мясо животных, а птичье мясо разрешалось есть только больным. Поэтому при мо-

²⁷ Лухачева В. Д. Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной Публичной библиотеки, гр. № 243 // ВВ. 1967. Т. 27. С. 232, 234.

²⁸ Ebersolt J. La miniature byzantine. P., 1926. PL. 62.1.

²⁹ Kislinger E. Ernährung // Lexikon des Mittelalters / Hrsg. u. Berater R.-H. Bautier al. München; Zürich, 1985. Bd. 3. S. 2173—2174.

настырях держали кур³⁰. Монахи питались рыбой, раками, устрицами. Димитрий Кидонис как об обычной монашеской еде писал о бобах и родниковой {557} воде (*Cydon. Corresp.* 72.14—15). Андронику II как-то в одном из монастырей подали на ужин раковины и свежую воду, хотя императору хотелось крепкого, неразбавленного вина (*Greg.* I. P. 461. 23—462.7). Однако и духовенство отнюдь не строго следовало правилам. Митрополит Навпакта Иоанн Апокавк считал хороший стол совершенно необходимым. Когда келарь одного епископа послал ему слишком мало масла, митрополит потребовал жестоко наказать виновного³¹.

У византийцев, как и у всех южных народов, культивировавших виноградники, вино входило в каждодневный рацион. Качество вина зависело от достатка. В знатных семьях пили тонкие ароматные вина, в домах бедняков — дешевое, порой старое кислое вино (*Al. Makr. Dial.* P. 208.32—209.1). Вино, разбавленное водой, пили все, даже беременные женщины (Мед. тр. С. 259). Зимой вино не разбавляли. Однако постоянное употребление вина считалось проявлением развращенности (Мазар. Сар. 14). Медики рекомендовали употреблять вино во время еды для лучшего пищеварения: «Вино... следует пить в середине еды, а лучше всего выпить вино после еды — столько, сколько необходимо для увлажнения пищи в желудке и для прекращения жажды, чтобы не случилось горения и засыхания пищи в желудке. После окончательного приема пищи пусть выпьет вина, сколько необходимо» (Мед. тр. С. 258). В вине ценился прежде всего аромат. Щедрым подарком императора считалась бочка ароматного вина (*Pachym. Hist.* I. P. 347.14—15).

От поздневизантийского времени сохранилось немного посуды. Из письменных источников известно, что на столах знати часто стояли золотые кубки для вина (*Al. Makr. Dial.* P. 208.32), золотая и серебряная посуда³². Изящен по форме кубок Мануила II Палеолога, сохранившийся в Ватопедском монастыре. Бронзовый сосуд Гуго IV Лузиньяна был богато инкрустирован серебром³³. Но в целом время роскоши в Византии было для XIII—XV вв. уже позади. К середине XIV в. все дворцовые драгоценности были заложены (по замечанию Никифора Григоры, в императорской сокровищнице нет ничего, кроме «воздуха, пыли и эпикуровых атомов» — *Greg.* II. P. 790.5—6). На пиру в честь коронации Иоанна VI Кантакузина в 1347 г. пользовались оловянной и глиняной посудой.

Бедняки пили вино из глиняных кружек (*Al. Makr. Dial.* P. 209.1). Своей стеклянной посуды византийцы не изготовляли уже с XIII в.: предпочиталось венецианское стекло или стеклянная посуда из Дамаска. Пользовались в быту и бронзовой посудой восточного происхождения. Белоглиняные византийские сосуды XIII—XIV вв. обычно орнаментировали фигурами птиц и животных синего, красного и зеленого тонов. В кухонном обиходе использовали глиняные горшки с двумя ушками³⁴. Вино и продукты хранили в погребах в пифосах высотой до 1 м. {558}

Произведения византийской живописи позволяют уточнить некоторые детали в сервировке стола. На миниатюре Мануила Цикандилиса в центре стола, покрытого скатертью, находится большое овальное блюдо на низкой ножке: на нем лежит жареный поросенок, которого разрезает ножом один из сидящих за столом. Другие участники трапезы держат стаканы с вином. На столе стоят также вазы — высокая и низкая, стаканы, лежат ножи. Прямо на скатерть положено несколько морковок с ботвой. Слуги несут блюдо с едой, а на длинном вертеле — дичь (или курицу). Тут же стоит на задних лапах просящая лакомства собака³⁵.

На иконе «Троица» (XIV в.) из музея Бенаки в Афинах на белой, тонкой, почти прозрачной скатерти изображены золотая с киноварными линиями чаша, богато украшенные кув-

³⁰ Krause J. Die Byzantiner des Mittelalters in ihren Staats-, Hof- und Privatleben, insbesondere vom Ende des zehnten bis gegen Ende des vierzehnten Jahrhunderts nach den byzantinischen Quellen. Halle, 1869. S. 339—340.

³¹ Черноусов Е. А. Из византийского захолустья XIII в. // Сб. Харьковского историко-филологического общества: Сб. статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 283.

³² Guillard R. Le palais de Théodore Metochites // *Revue des études grecques*. 1922. Т. 35. P. 88—89.

³³ Diehl Ch. Études byzantines. P., 1905. P. 181; Банк А. В. Восточный сосуд с греческой надписью // ВВ. 1952. Т. 5. С. 195.

³⁴ Джанполадян Р. М. Новые материалы по истории византийского стеклоделия // ВВ. 1967. Т. 27. С. 257; Банк А. В. Прикладное искусство // История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 302; Лухачева В. Д. Указ. соч. С. 234.

³⁵ Guillou A. La civilisation byzantine. P., 1974. II. 120.

шин с прогнутыми ручками, стеклянный графин, ножи. На другой иконе «Троица» (из собрания Гос. Эрмитажа) рядом со стоящей в центре стола красно-коричневой чашей для причастия нарисованы меньшая по размеру зеленоватая чаша, графины, стакан. Посуда, стоящая на столе, — керамическая, обычная для бедных домов³⁶. На скатерти, как и на других изображениях застолья XIV в., ясно различимы салфетки с красными полосками, морковь с зеленой ботвой.

В отличие от стран Западной Европы в Византии с античных времен употребляли вилку (φοῦρκα). Ручки ножей (больших и маленьких) изготавливались из кости, а иногда из резной слоновой кости (такие ножи являлись предметом роскоши) (Четв. С. 240.923—924),

Одежда византийцев соответствовала их социальному положению, должности, родственным связям, месту в обществе. Ту или иную одежду надевали в соответствии с торжественностью случая. Главным признаком царской одежды, как и в прошлые века, оставалась красная обувь — сапожки или сандалии (*Greg.* I. P. 69.4—6; *Acrop.* 40. P. 67.16—18; *Pachym.* Hist. I. P. 132.2). Парадное одеяние императора состояло из златотканого саккоса, перепоясанного широким поясом (лоросом), а также императорского венца — стеммы (*Ps.-Kod.* IV. P. 200.2—4), представляющей собой широкий золотой обруч с крестом из драгоценных камней в очельи. В поздневизантийское время стемма имела тулью (аир), напоминающую персидскую тиару, с крестом вверху. Непарадному платью императора (ροῦχον) соответствовал венец с лилиями или квадрифолием по краю обруча. В императорском гардеробе имелась также калиптра, высокая шапка, украшенная жемчугом, драгоценными камнями и покрытая сверху дорогой материей (*Greg.* I. P. 258.10—12, 567; *Acrop.* 40. P. 67.17). Один из головных уборов императора назывался фиал (φιάλη), так как он напоминал фонтан и был украшен перьями и драгоценными камнями³⁷.

Императорским цветом считался красный (порфирный). Однако в зави- {559} симости от случая василевс мог носить одежды иной расцветки. На фреске Беноццо Гоццоли Иоанн I Палеолог изображен в зеленом кафтане с декором из шитых золотым флеронов. Мануил II и на приеме у французского короля, и во время поездки в Англию носил белое шелковое одеяние по примеру других василевсов из династии Палеологов³⁸, хотя пурпур оставался по традиции императорским цветом. Трапезундские Комнины тоже носили красные сапожки и облекались в порфиру (*Acrop.* P. 21).

Некоторые из царских атрибутов были характерны для одежды деспотов. В пурпур могли быть одеты и севастократоры (*Pachym.* Hist. I. P. 108.11—12). Женщины из знатных семей часто носили красное платье с длинными узкими рукавами.

Признаком принадлежности к знатному роду являлись и златотканые одежды. Материи, тканые золотом и серебром, обычно имели мелкий рисунок или из переплетающихся листьев плюща и аканфа, или из фигур птиц и животных. Нередко такие ткани имели изображение палеологовского герба — двуглавого орла³⁹. Из ткани с «царскими орлами» шилась одежда для севастократоров (*Pachym.* I. P. 108.9—10). Золотые орлы украшали также обувь (*Acrop.* 82. P. 173.13—14; *Sphr.* P. 291.6—7).

Наиболее распространенным видом одежды сановной знати и высокого чиновничества был кавадий — плотно прилегающий кафтан с длинными застегивающимися полами⁴⁰, являвшийся также парадной одеждой сановников. Деспоты носили пурпурный кавадий, усыпанный жемчугом (*Ps.-Kod.* II. P. 146.2—3). Кавадий великого domestика был двуцветный со златотканой каймой. Император, надевая кавадий, носил не стемму, а фиал.

Головной убор сановного лица или чиновника также зависел от его положения в обществе. Скиадей — шапка великого domestика — был красным с золотом и красным, натянутым на проволоку аиром и с красными подвесками. Скиадей же протасикрита шился из пурпурной

³⁶ Лихачева В. Д. Художественная функция бытовых предметов в иконе «Троица» Государственного Эрмитажа: (К вопросу о развитии элементов реализма в византийской живописи) // ВВ. 1965. Т. 26. С. 244—245.

³⁷ Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin. P., 1932; Pilz El. Loros-ett byzantinskt insignium // Byzantina. Nordisk tidskrift för byzantinologi. 1972. Т. 1; Ebersolt J. Op. cit. Pl. LIX, LX; Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 221, 260.

³⁸ Кондаков Н. П. Указ. соч. С. 259—260, 291; Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403 гг.). СПб., 1912. С. 30.

³⁹ Банк А. В. Прикладное искусство. С. 294.

⁴⁰ Кондаков Н. П. Указ. соч. с. 229—230.

и белой парчовой ткани, с широкими полосами вокруг по тулье, с трилистником из материи наверху (Ibid. II. P. 151.11—15; 159.17—160.6). Некоторые должностные лица (мистик, логофет) носили не скиадей, а большой сферический клубок из шелка светлых тонов — факеолиду⁴¹.

Регламентировался и цвет обуви — сапог или сандалий. Деспот носил белую с пурпуром обувь, кесарь — голубую, протовестиарий — зеленую, паниперсеваст — желтую (Ibid. II. P. 143.7—144.2; 149.5—6; 153.5—6; 152.22—23).

В целом одежда придворной знати и высоких чинов в поздневизантийское время стала бедней, чем ранее. Различные чины одевались в торжественных случаях в одинаковую одежду, которая отличалась лишь ритуальными украшениями и жезлами. Костюм великого domestика дополняло выполненное насечкой портретное изображение стоящего императора в короне. На костюме великого дуки также имелись два портретных изображения василевса: впереди — стоящего, на спине — сидящего. Ве-{560}ликий примикирий носил на груди выполненное на стекле изображение императора в рост, сзади — императора, восседающего на троне. Жезл (диканикий) великого domestика имел компы-шарики, жезл протовестиария инкрустировался зеленой эмалью, у великого дуки он был витым, украшенным серебром (Ibid. II. P. 151.15—17; 152.2—5; 153. 3—5; 14—17; 154.2—7; 155.8—13).

При поздневизантийском дворе, судя по данным Псевдо-Кодина, доминировал красный цвет одежды, что, по всей вероятности, должно было компенсировать недостаток ее былой пышности и разнообразия. Широко использовались также одежды из белых парчовых тканей, что тоже способствовало созданию эффекта особой торжественности.

Правила изготовления и употребления одежды, несмотря на, казалось бы, строгую официальную регламентацию, не всегда соблюдались: элементы царской одежды стали доступными многим представителям знати. Никифор Григора с сокрушением отмечал ослабление традиций. Ранее императорский головной убор — калиптру — разрешалось носить только старейшим из придворной знати, причем калиптра покрывалась в таких случаях более скромным материалом, чем царская (*Pachym. Hist. I. P. 337. 10—13*), юношам же было положено ходить с непокрытой головой. При Андронике III этот обычай был низведен до того, «что стали носить калиптры все: и юноши, и старики, как во дворце, так и под открытым небом, притом калиптры, покрытые разнородными иностранными материалами по собственному усмотрению каждого...» (*Greg. I. P. 567.15—16*). Приближенные к императору люди, не имевшие права на одежду со знаками высокого достоинства, могли носить ее с разрешения василевса. Так, фаворитка Иоанна Ватаца не только носила красную обувь, но даже попона и поводья ее коня были пурпурными, как у василиссы (Ibid. P. 45).

По воле императора одежда знатного человека могла иметь особые отличия: зять Феодора Метохита Иоанн, став паниперсевастом (*Greg. I. P. 271. 14—18*), получил право носить одежду и сандалии желтого цвета. Попона его лошади тоже должна была быть желтой.

Император мог дарить одеяния в знак особого расположения. Мазарис вспоминал «блестящие шелковые белые одеяния, которыми ...одарил великий государь» (*Mazar. Cap. 3*).

Памятники поздневизантийского искусства позволяют восстановить некоторые из парадных одежд представителей византийской знати. На миниатюре к хрисовулу 1374 г. Алексей III Комнин одет в черный саккос, имеющий бордюры золотого цвета с красным орнаментом. Лорос, которым подпоясан саккос, был тоже златотканым. Золотая корона, украшенная свисающим жемчугом, увенчивается крестом из драгоценных камней. Супруга Алексея III Феодора одета в длинное красное платье из материи, по полю которой вытканы двуглавые золотые орлы. Ее голову венчает золотая корона трапециевидной формы с камнями и жемчугом по верхнему краю и с жемчужными подвесками (*Dionys. N 4*). Великий логофет Константин Акрополит на серебряном окладе иконы Богоматери из собрания Третьяковской галереи одет соответственно описанию Псевдо-Кодина. На нем — длинный однобортный прилегающий кафтан, застегнутый донизу на мелкие пуговицы и перетянутый узким поясом с пряжкой и спускающимися концами; небольшой платок заткнут за пояс. На голове логофета — небольшого размера шапка с прикрепленной спереди металлической {561} пластинкой, имеющей изображение Христа. Голова супруги Константина Марии увенчана короной с жемчужными подвес-

⁴¹ Там же. С. 295.

ками и драгоценными камнями. Великий дука Апокавк на миниатюре рукописи Paris. gr. № 2144 изображен в длинном кафтане, украшенном позолоченными грифонами⁴².

В почти одинаковых кавадиях изображены великий примикирий Иоанн (деталь иконы «Христос-Пантократор» 1363 г., Гос. Эрмитаж), Алексей Апокавк (миниатюра Парижской Национальной библиотеки, XIV в.) и Константин Палеолог (миниатюра середины XIV в. из Бодлейанской библиотеки, Оксфорд). Это неширокие однобортные кафтаны с очень узкими рукавами, с глухим вырезом под горло, без воротника, с заткнутыми за пояс платками.

Наряду с кафтанами сохранялась и старая мода на туники и плащи. На Феодоре Метохите (мозаика Кахрие Джами) — золотая туника, поверх которой надет широкий зеленый плащ с рукавами из ткани, украшенной мелкими красными цветами.

На миниатюре из рукописи Хроники Никиты Хониата (Вена, Национальная библиотека) Алексей V Дука Мурзуфл одет в тяжелые одежды в виде перепоясанного саккоса с однотонной отделкой по низу рукавов и подолу. На ткани впереди — два больших круга с грифонами; по окружности вокруг грифонов вытканы бегущие, почти вытянутые в горизонтальную линию звери.

Почти одинаковы платья Марии Комнины Торникиссы Акрополитиссы (оклад иконы «Богородицы Одигитрии», Гос. Третьяковская галерея) и Ефросиньи Дукини Палеологини (миниатюра конца XIV в., Оксфорд) — с цельнокроеным рукавом, спущенным плечом, со стоячим, плотно прилегающим воротом, широкими прорезями рукавов.

Парадные златотканые одежды надевали только в праздничные дни, во время дворцовых церемоний или по случаю приема иностранных послов. Ношение парчевой одежды в будни считалось предосудительным. Михаил Палеолог сделал внушение сыну Иоанну, поехавшему на охоту в златотканом одеянии: парча подобает только тогда, когда она увеличивает престиж ромеев, иначе это попросту мотовство (*Pachym. Hist. I. P. 38—39*).

Дополнением к парадным одеждам императора, высоких сановников, военачальников, богатых горожан обоего пола являлись украшения из золота, серебра, благородных камней и жемчуга. Это были кольца, ожерелья, браслеты, цепи, серьги, геммы, а также украшения на одежде, диадемах, головных уборах. Некоторые из украшений являлись талисманами⁴³. На золотые перстни наносились иногда надписи и монограммы Палеологов. Однако в поздневизантийское время золото нередко заменялось позолоченной медью, камни — разноцветными стеклами.

Несмотря на строгие предписания, многие стремились внести в свой костюм что-либо индивидуальное в соответствии с личным вкусом, достоинством, возрастом (PG. T. 154. Col. 1185 C—D).

Знать меняла одежду в зависимости от времени года и погоды (*Al. Makr. Dial. P. 209. 25—27*). Зимой для защиты от холода использовались меховые накидки. Богатые дамы носили большие пелерины из заячьего или иного меха. Мехом подбивались зимние одежды патриарха. {562} Заячьи шапки, как говорится в басне «Рассказ о четвероногих», носят и врач, и богатый торговец. Использовались также в зимнее время толстые суконные одежды на подкладке. Одеждой простых людей служили плащи из грубой необработанной шерсти, войлочные шапки или капюшоны (Четв. С. 227—231).

Обувь также различалась по времени года. Из овечьей, свиной и другой кожи изготавливались и башмаки — *παλοῦτσια*, и сандалии — *ὑποδήματα*, и туфли — *φελάρια* (Там же. С. 514—515).

В поздневизантийское время вошли в моду иностранные златотканые сирийские и финикийские материи (*Greg. I. P. 568. 2—4; Pachym. Hist. I. P. 39. 3*). Иоанн III Ватац запрещал употребление пестрых шелковых и шерстяных вавилонских и ассирийских тканей, а также тонких итальянских материй (*Greg. I. P. 43. 15—24*), но не достиг успеха. В течение всего XIV в. византийские авторы постоянно пишут о моде на иностранные ткани (*Al. Makr. Dial. P. 209. 14—15; PG. T. 160. Col. 837. 22*).

Иностранное влияние в эпоху Палеологов отразилось не только на выборе сортов тканей, но и на пошиве одежды и головных уборов. На улицах было трудно по платью определить, кто ромей, а кто перс или латинянин (*Greg. III. P. 555. 13—17*). Возникает мода на пест-

⁴² Ebersolt J. Op. cit. Pl. LVIII.

⁴³ Krause J. H. Op. cit. S. 70.

рые восточные тюрбаны. На голову Феодора Метохита в мозаичном изображении монастыря Хоры надет огромный полосатый тюрбан-факеолида. Появились и «крылатые» шляпы, напоминающие итальянские головные уборы.

Во время зарубежных поездок ромеи надевали традиционные одежды. Так, Мануил II и его свита своими одежаниями обращали на себя внимание жителей Парижа и Лондона. Грекам же, наоборот, казались нелепыми платья англичан с длинными и широкими рукавами⁴⁴.

Путешественники из других стран да и византийские авторы отмечали бедность будничной одежды византийцев в XIV в. Димитрий Кидонис с риторическим пафосом говорил: «Богачи ходят подобно нищим» (*Cydon. Apol. I. P. 374. 66*). Вероятно, сказывалось общее унижение империи.

Для одежды представителей средних городских слоев характерны плащи из различных тканей. Сельские жители ходили в овчинах и шапках из шерсти (*Mazar. Cap. 8, 9*). Косматые шубы и плащи использовались порой как одеяла (*Ibid. Cap. 1*). Поэт Стефан Сахликис заметил, что в византийских городах многие бедняки ходили разутыми (*Carin. gr. P. 97*). Грязные рубища нищих кишели паразитами (*Al. Makr. Dial. P. 209. 26—27*).

Наиболее традиционной оставалась одежда духовенства. На время богослужения архиереи облачались в длинный стихарь с широкими рукавами. Поверх него надевалась епитрахиль, представляющая собой две широкие ленты, надеваемые на шею и сшитые впереди. Епитрахиль, спускающаяся до пола, обычно украшалась крестами и бахромой на концах. На поясе с правой стороны находилась доходящая до колен подвеска из жесткого материала — эпигонатий. В зависимости от значимости службы священнослужитель надевал большой или малый омофор — прямую длинную полосу, накладывавшуюся на плечи таким образом, что бы один конец свешивался спереди, другой — сзади. Верхняя часть полосы вышивалась крестами и подбивалась гладким, без рисунка шелком. Большой омофор надевался только во время литургии. Златотканый саккос, напоминающий далматику западной церкви, составлял элемент одежды патриарха. Головным убором священнослужителя был клобук цилиндрической, немного расширенной сверху формы с черным или (для митрополитов и патриархов) белым покрывалом, спускающимся на плечи⁴⁵.

Обычной одеждой монахов являлась ряса, широкая, с длинными полами и рукавами. Она шилась из темной, без рисунка ткани. Монахини, судя по книжным миниатюрам, носили черные или коричневые мантии, надеваемые на длинное темное платье. Мантия могла быть короче или длиннее, но обязательно широкой, создававшей многочисленные складки. Голову монахини покрывал спускающийся на плечи черный или коричневый платок. Монахини из верхних слоев общества могли носить красно-синюю одежду. Инокнии монастыря τοῦ Λιβός получали посезонно, в апреле и октябре, одежду, выдаваемую на год или на два. Это были две туники, одна полотняная накидка, три пары чулок. В женском монастыре Богородицы τῆς βεβαίας εἰς Ἄλιδος также выдавались в год две белые туники, черная мантия, две пары обуви. Через каждые три года монахиням давали, сверх того, мантию, две кофты, чепчик и накидку⁴⁶.

Многие из дорогих облачений священников, равно как церковная утварь, оклады икон, после падения Константинополя попали в руки турок. Дука описал поведение турок после захвата столицы империи. Один из них был одет в саккос первосвященника, другой перепоясился золотой епитрахилью и тянул на ней связанных друг с другом собак; иные вместо плащей закутались в златотканые плащаницы; турки ели из дискосов и пили не смешанное вино из церковных потиров (*Ducas. P. 312. 3—14*).

Византийские мужчины палеологовской эпохи по давней традиции носили бороды, длинные или средней длины, пышные или расчесанные надвое; бороды даже завивали (*Pachym. Hist. I. P. 104. 15—17; Acrop. 18. P. 32. 1; Dionys. № 4*). Делегация Мануила II обращала на себя внимание европейцев прежде всего бородами, непривычными для европейцев⁴⁷. Однако в XIV в. некоторые представители высших слоев по образцу латинян стали брить бо-

⁴⁴ *Barker J.-W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesman-ship. New Brunswick; New Jersey, 1969. P. 172, 180.*

⁴⁵ *A Technical History of Costume. L., 1947. Vol. 2. P. 164—176.*

⁴⁶ *Ebersolt J. Op. cit. Pl. LXII.2; Лухачева В. Д. Роль бытовых реалий... С. 236; Janin R. La géographie ecclésiastique... P. 166—167, 320.*

⁴⁷ *Васильев А. А. Указ. соч. С. 30, 46.*

роды. Сын Андроника II и Ирины Монферратской Феодор, выбрав себе в жены итальянку, остриг бороду и стал брить лицо (*Greg. I. P.* 396. 16—17).

Баня в поздневизантийское время по-прежнему оставалась и средством гигиены, и местом развлечений⁴⁸. Наряду с общественными строились бани и в загородных владениях, и при городских домах состоятельных людей. Каждый монастырь регламентировал сроки банных дней. Так, по уставу монастыря τοῦ Λιβός, монахини мылись в бане лишь четыре раза в год. Баня считалась очень полезной для организма человека. Существовали специальные рекомендации относительно использования ее как средства укрепления здоровья. Мыться полагалось натошак, но без ощущения чувства голода. Тучным людям рекомендовалось после того, как выступит пот, натереть все тело составом из люпина, сухой кожуры цитруса и измельченных листьев розмарина. Худые же натирали тело дынями, выжимками из тыквы с бобовой мукой и сухими измельченными цветами роз. При купании в бане использовались такие травы, как майоран, мята, ромашка, увеличивавшие потоотделение. Чтобы эффект был более ощутимым, перед мытьем следовало натереть все тело грубым полотном (Мед. тр. С. 258).

Иногда в банях имелись помещения для занятия гимнастикой. Патриарх Афанасий, выступая против склонности к неге и развлечениям, требовал закрытия бань на воскресный день, когда верующие должны присутствовать на литургии в храме св. Софии⁴⁹.

Византийцы знали средства ухода за кожей лица, за волосами. Если на лице появлялись морщины, следовало на сутки намазать его растворенными в уксусе сухими корками дыни с небольшим количеством камеди, после чего вымыть лицо с чечевичной мукой. Считались полезными для борьбы с морщинами растворенные в старом вине семена редьки с горьким миндалем. Кожу лица предохраняли от мороза маслом из лилий или нарциссов, а от жары — розовым маслом в сочетании с яичной мукой, выжимками из дыни и другими компонентами. Чтобы волосы были пышными, рекомендовалось мыть голову с мукой из люпина, смешанного с соком свеклы. При выпадении волос голову мазали специальной смесью, которую готовили посредством кипячения в течение длительного времени свежих листьев мирта, розового масла, ладана и других составных частей, соединенных с водой. При окраске волос в черный цвет пользовались соком анемона. Белокурой можно было стать, намазав голову на три дня осадком старого вина, смешанного со смолой сосновых шишек в размере половины осадка и розовым маслом (Там же. С. 257, 260, 261, 264). Иногда волосы и бороду для получения черного цвета красили вороньими яйцами (*Mazar. Cap.* 14).

Будучи южанами, византийцы считали допустимыми вопреки законоположениям очень ранние браки. Наиболее характерными такие браки были для правящей элиты. 23-летний Андроник II женился на Ирине Монферратской, когда ей было 11 лет (*Greg. I. P.* 168. 12—15). Их дочь была помолвлена с сербским королем в пяти- или шестилетнем возрасте (*Ibid. P.* 203. 16—17; *Pachym. Hist. II. P.* 275). Как правило, невеста была намного моложе жениха. Вторая жена Иоанна Дуки Ватаца Анна была еще совсем молода, тогда как он находился уже в преклонном возрасте (*Greg. I. P.* 54. 8; *Pachym. Hist. II. P.* 181).

Для правящих кругов заключение брака являлось политическим актом. Несмотря на родственную близость, был заключен брак эпирского деспота Михаила и императорской дочери Анны. В определении собора в связи с заключением этого брака отмечалось, что поскольку связи царей способствуют миру между государствами, то правила в отношении них можно ослабить (*Pachym. Hist. I. P.* 440; 14—441. 4). В 1355 г. было вынесено следующее соборное определение по поводу обручения дочери Иоанна Александра Кераци и сына Иоанна Палеолога Андроника: «Рассудив, какую пользу может принести этот союз христианам, грекам и болгарам и какой вред нечестивым, мы единогласно одобряем его и выражаем согласие, чтобы он совершился беспрепятственно» (ММ. I, № 185. P. 432—433). Порой браком закреплялись политические акции. Так, Иоанн V Палеолог в период разногласий с Иоанном Кантакузином вступил в договор с сербским королем Стефаном Душаном, намереваясь в связи с этим отослать в Сербию свою жену Елену, дочь Кантакузина, и жениться на свояченице Душана (*Greg. III. P.* 148, 149). Лишь стечение обстоятельств расстроило этот план.

⁴⁸ *Koukoules Ph. Op. cit.* Т. 4. P. 418—467.

⁴⁹ *Guilland R. La correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289—1293, 1304—1310) // Mélanges Charles Diehl. P., 1930. Vol. 1. P. 136.*

Недозволенные по возрасту браки встречались не только в аристократической среде. Среди документов Иоанна Апокавка находится акт о расторжении брака между 30-летним мужчиной и 6-летней девочкой, мать и отчим которой были подвергнуты епитимье. Апокавок решал также дело о расторжении брака двух молодых людей по той причине, что они были повенчаны еще детьми. Жена через несколько лет расцвела, а муж все еще оставался мальчиком. Повод для развода был сочтен основательным⁵⁰.

Памятники византийской литературы полны упоминаний о повторных браках (*Acrop.* 2. P. 5. 7; 5. P. 9. 5—10; 18—31). В целом же многократные браки, так же как и непозволительные связи, считались грехом (PG. T. 152. Col. 1321 A—B). Однако супружеская измена была обычным явлением. Михаил Палеолог, будучи женат на Феодоре, увлекся второй женой Иоанна Дуки Анной. Он был готов оставить свою жену, на что та отреагировала жалобой патриарху (*Pachym. Hist.* I. P. 184. 2—4). Подобные ситуации возникали и в среде простолюдинов. Так, солдат Стефан Мавроманик жаловался коменданту Навпакта на неверность жены. Она между тем убежала (и не в первый раз) от Стефана и проводила время с неким Феодором. На этот раз Стефан обратился с жалобой к митрополиту Иоанну Апокавку. На суде выяснилось, что и муж вел себя порой непорядочно по отношению к жене и ее родителям. Брак был расторгнут, так как невозможно было продолжать совместную жизнь в условиях вражды и подозрительности⁵¹.

Причиной развода могло стать и невыполнение одним из супругов своих обязанностей по отношению к семье. Некая Евдокия начала дело о разводе против своего мужа Феодора, который бродяжничал и не мог создать семье никаких условий жизни. Его редкие визиты домой имели следствием лишь увеличение членов семьи, материальное обеспечение которой целиком лежало на Евдокии, подрабатывавшей прядением шерсти и льна. Когда Феодор окончательно исчез, она обратилась с жалобой к митрополиту, который счел возможным расторгнуть брак⁵².

По-разному складывались судьбы внебрачных детей. В высших кругах чаще всего старались обеспечить их благополучие, особенно если они были царской крови. Побочный сын деспота Константина от служанки по достижении 15-летнего возраста был приближен ко двору его дедом {566} Андроником II с целью женить его на какой-нибудь представительнице знатного рода из соседних стран (*Greg.* I. P. 294. 20—295. 3).

Брак использовался в придворных кругах для увеличения престижа рода. Незнатные, но близкие к императору люди с его помощью женились на девицах из родовитых семей. Георгий Музалон, друг Феодора Ласкариса еще по детским играм, стал мужем Феодоры из дома Кантакузинов (*Pachym.* I. P. 24). Не случайно Алексей Макремволит восклицал: «Почему мы не используем брак для того, чтобы обеспечить добродетельность и святость, а используем его для торговли и мошенничества?» (*Al. Makr. Dial.* P. 208. 3—4).

Белое духовенство вступало в брак. Наличие семьи не являлось серьезным препятствием для избрания на патриарший престол. Иоанн Калека, будучи женатым и имея двоих детей, стал патриархом. Правда, монашеская группировка пыталась протестовать против его кандидатуры, но великий domestik оказал давление, и избрание состоялось (*Cant.* I. P. 432—433). Вместе с тем избрание на патриарший престол давало право архипастырю византийской церкви расторгнуть узы брака⁵³.

Женщины в царской семье по-прежнему играли заметную роль. Правда, это было прежде всего связано с продолжением рода, с таким важнейшим вопросом, как вопрос о наследниках престола. В поздневизантийскую эпоху у знати ценилось хорошее воспитание женщины, ее умение вести себя достойно, образованность (*Acrop.* 39. P. 62.19—23). Императрицу Ирину, дочь Феодора I Ласкариса и супругу Иоанна Ватаца, Никифор Григора хвалил именно за это. Импонировало Григоре и то, что Ирина «любила движение» и часто совершала конные прогулки (*Greg.* I. P. 441.9—10). Любовь к езде верхом среди знатных дам не была редкостью. Один из путешественников описывал, как императрице Марии, третьей жене Иоанна VIII Палеолога, одетой в плащ и остроконечную шляпу с тремя перьями, при выходе ее из храма св.

⁵⁰ Черноусов Е. А. Указ. соч. С. 292, 284.

⁵¹ Там же. С. 292.

⁵² Там же.

⁵³ Соколов И. И. Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV века (843—1453 гг.): Исторический очерк. СПб., 1907. С. 33.

Софии была подана скамеечка, позволившая ей по-мужски сесть на красивого коня, в роскошно украшенное седло⁵⁴.

Дочь Феодора Метохита заслужила похвалы своего учителя Никифора Григоры за ее даровитость и любознательность. Супруга деспота Константина Палеолога Евдокия «не была лишена светского образования; при случае она свободно разговаривала обо всем... ученые называли ее пифагорейкой Феано и второй Ипатией» (Ibid. I. P. 293—294; 309.15—19).

Однако выше всего византийцы ценили в женщине кротость, грациозность, мягкость характера, т. е. все то, что во все времена именуется женственностью. Та же Евдокия, с очарованием красноречия, мягкой манерой общения, приятным звучанием голоса, обладала необычайной грацией и миловидностью (Ibid. P. 293.17—19). Физическая красота женщины ценилась не менее духовной. Красивыми считались женщины среднего роста, мягких форм, с тонкой талией, достойной осанкой, {567} нежной кожей лица, легким румянцем, с большими выразительными глазами и жемчужно-белозубой улыбкой. Вторая жена Иоанна VIII Палеолога итальянка София, недурно сложенная, с золотистыми волосами, струящимися по спине, но слишком высокая, с уродливым лицом, напоминала, по мнению Дуки, пословицу: «Сзади пасха, спереди — великий пост» (Ducas. 20. P. 100.8—17). Не случайно этот брак оказался кратковременным, несмотря на серьезные политические мотивы его заключения.

Византийцы признавали способность женщины к политическим делам как возможное, но редкое качество. Ирина, дочь Феодора I Ласкариса, отличалась умом и оказывала существенную помощь царственному супругу (Greg. I. P. 44). Феодора Кантакузина, мать Иоанна Кантакузина, характеризуется современниками как женщина острого ума и наблюдательности. Тонко чувствуя изменения политической ситуации, она помогла раскрыть заговор против Андроника III, бывшего в то время верным другом ее сына (Ibid. I. P. 530.5—17).

Немало написано византийскими писателями и о дурных качествах женщин. Одной из наиболее одиозных фигур в поздневизантийской историографии предстает вторая жена Андроника II Ирина. Она положила немало сил на то, чтобы возвести на престол своих сыновей, рожденных от второго брака и в силу этого не имевших надежд на наследование престола. Стремясь возвысить дочь, Ирина дарила своему зятю, сербскому кралою, царские калиптры, более богатые, чем у самого императора. Поскольку Андроник II не поддерживал усилий Ирины непременно возвеличить своих детей, она пошла на скандальное осложнение отношений с мужем, предавая гласности детали их интимной жизни (Ibid. I. P. 233—237).

Многие из Палеологов были женаты на иностранках. Сын Мануила II Иоанн, будущий император Иоанн VIII, был женат первым браком на княжне Анне, дочери Великого князя Московского Василия Димитриевича. Наиболее частыми в силу экономической и политической ситуации являлись браки с итальянками⁵⁵. Андроник II был женат на Иоланте (Ирине) Монферратской, Андроник III — на Анне Савойской. Итальянками были жены Иоанна VIII Палеолога, многих деспотов и севастов. Такие браки не могли не способствовать распространению итальянских обычаев при дворе. Молодого Андроника III постоянно окружали итальянцы из Савойи (Cant. I. P. 205.17—18). После его смерти центр власти переместился в гинекей: Анна Савойская стремилась во всем сохранять традиции итальянского двора.

В целом, однако, одеваясь в итальянские ткани, женись на итальянках, перенимая некоторые западные обычаи и развлечения, византийцы относились к латинянам с презрением. Они считали их не более как кабатчиками или торговцами (Cydon. Apol. I. P. 364.39—40). По давней традиции с пренебрежением относились византийцы ко всем соседним народам, считали ненужным изучение каких-либо иностранных языков. Впрочем, прогрессирующее падение престижа вынуждало ромеев к общению с иностранцами. Но умение вести разговор с иностранцами на их языке было доступно лишь единицам. Ватац, полководец Иоанна Кантакузина, изучал турецкий язык в живом общении с турками (Cant. II. P. 552). Димитрий Кидонис, первый министр при дворе Кантакузина, начав изучать латинский язык и в связи с этим общаясь с итальянцами Галаты, вызывал недовольство со стороны высоких сановников

⁵⁴ Kyrris C. P. La rôle de la femme dans la société byzantine particulièrement pendant les derniers siècles // JÖB. 1982. Bd. 32/2. P. 463—472; Krause J. H. Op. cit. S. 89—91; Diehl Ch. Figures byzantines. P., 1908. T. 2. P. 277.

⁵⁵ Chrysostomides J. Italian Women in Greece in the Fourteenth and early Fifteenth Centuries RSBS. 1982. T. 2.

(*Cydon. Apol. I. P. 369.91—97*). Мануил II Палеолог сознавал неудобства, создаваемые языковым барьером при налаживании политических контактов⁵⁶.

Обрядность, следование ритуалу характерны для поздневизантийской эпохи. Сохраняемые из поколения в поколение обряды коронации императора и возведения в сан патриарха были большими событиями в жизни столицы. Устраиваемые в связи с этим пышные церемонии должны были порождать у византийцев и их соседей уверенность в прежнем могуществе империи.

Коронация императора (*Ps.-Kod. VII. P. 252—273*) совершалась в главном храме столицы. К XIV в. она приобрела более религиозный характер, нежели в предшествующие века. Перед коронацией произносился текст символа веры, что сопровождалось торжественными обещаниями императора оставаться верным сыном церкви (*Ibid. VIII. P. 253.4—254. 25*). Затем следовала театрализованная пышная церемония поднятия на щите, до Палеологов уже в течение нескольких столетий не проводившаяся (*Ibid. VIII. P. 255.20—256.14*). Императора поднимали на щите так, чтобы он был хорошо виден стоящей вокруг толпе (*Greg. I. P. 78. 1—3; Pachym. Hist. I. 97.2—6; Cant. I. P. 197.1*). Щит с императором поднимали впереди патриарх и первый вельможа государства, а по бокам и сзади — другие высокие сановники. В случае коронации соправителя — сына императора его тоже поднимали на щите, который держали впереди отец-василевс и патриарх, а по бокам и сзади — сановники высокого ранга. В XIV в. ритуал коронации был дополнен актом миропомазания⁵⁷. Вслед за выходом из алтаря патриарха в полнейшей тишине по его знаку поднимался на амвон император для совершения миропомазания, после чего звучало «Свят!», провозглашаемое патриархом и трижды повторенное архиереями, а затем народом (*Ps.-Kod. VII. P. 257.26—258. 29*). Вынесенная из алтаря стемма возлагалась патриархом на голову императора при возгласах «Достоин», трижды повторенных вслед за патриархом священнослужителями и народом. При коронации сына-соправителя стемму возлагали император и патриарх (*Ibid. VII. P. 259. 9—22*). Коронуемый принимал непосредственное участие в совершаемой литургии. В определенный момент он входил в сопровождении дьяконов в алтарь, брал кадило, кадил на престол и на патриарха, который, приняв кадило, кадил на императора (*Ibid. P. 267.20—268.38; Cant. I. P. 196.8—204.3; II. P. 564; III. P. 29*). После коронации следовали пиршества, продолжавшиеся несколько дней. Народу щедро разбрасывались мелкие серебряные монеты, иногда — золотые⁵⁸.

Церемония избрания нового патриарха, состоявшая из нескольких этапов, включала этап его интронизации (*πρόβλησις — Ps.-Kod. X. 277—{569}281*). Церемония совершалась в Большом императорском дворце, где в одном из триклиний устанавливалось деревянное возвышение, которое покрывалось материей пурпурного цвета. На этом помосте ставился императорский золотой трон, скрытый златоткаными занавесями. Во второй части триклиния, также отделенной занавесями, располагались архонты в парадных одеждах. В пространстве между стеной и царским местом стоял трон голубого цвета, покрытый златотканой материей. Император и кандидат в патриархи, скрытые занавесями, проходили к своим тронам и садились. Затем занавеси, делившие триклиний на три части, поднимались; император и патриарх одновременно вставали. Архонты провозглашали здравицу в их честь. Патриарха вели к возвышению, на котором стоял императорский трон. Патриарх принимал из рук императора золотой патриарший жезл, украшенный драгоценными камнями и жемчугом, благословлял его и направлялся к своему трону (*Sphr. III. 11. P. 305. 4—6*). Занавеси опускались. Император удалялся в свои покои. Патриарх верхом на коне, покрытом белоснежной или белой с золотыми украшениями попоной, отправлялся в храм св. Софии (*Ps.-Kod. X. P. 281—284*). Торжество заканчивалось трапезой, которую новоизбранный патриарх устраивал в своих палатах для архиереев⁵⁹.

Одной из сохранившихся в поздней Византии древних публичных церемоний являлся праздник вступления императора-победителя в Константинополь. Путь победителя до церкви,

⁵⁶ Васильев А. А. Указ. соч. С. 32.

⁵⁷ Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: искусство и культура: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева, М., 1973. С. 33—42.

⁵⁸ Лопарев Х. М. К чину царского коронования в Византии // Сб. статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913. С. 1—11, 122.

⁵⁹ Соколов И. И. Указ. соч. С. 122.

где проходил торжественный молебен, был усыпан миртами и лаврами. Из толпы, наблюдавшей шествие, слышались возгласы никитрии — клича в честь победы⁶⁰.

Михаил VIII Палеолог после победы над латинянами был встречен митрополитом у Золотых ворот с иконой Богородицы. Автократор снял калиптру и встал на колени перед изображением покровительницы столицы. После окончания первой молитвы все стократно возгласили «Господи, помилуй!». Затем были совершены еще две молитвы с теми же возгласениями и император вошел в Золотые ворота. Перед ним несли икону Богородицы Одигитрии (*Pachym.* I. P. 160; *Acrop.* 88. P. 186—187). Благодарение Одигитрии входило в ритуал победителя и при Иоанне Кантакузине (*Cant.* III. P. 607).

Вступление в столицу императора-победителя было праздником и для населения. Стены домов украшались ветвями лавра и розмарина, крестами и венками из цветов, вывешивались ковры, роскошные ткани, серебряные светильники⁶¹. Торжества в Константинополе по случаю победы иногда сопровождались демонстрацией народу поверженных и взятых в плен врагов. Так, после победы Михаила Палеолога над латинянами закованных в цепи пленных в изорванной одежде возили по улицам столицы. Ради унижения пленников сажали на лошадей по-женски — боком. В руках у каждого как знак поражения было бумажное копье. Толпа глумилась над поверженными врагами (*Pachym. Hist.* I. P. 515—519).

Толпы народа стекались и при посещении императором или его наследником какого-либо города. Феодору Ласкарису была устроена торжественная встреча в Филадельфии, чуть было не испорченная тем, что мул, на {570} котором выехал встречать наследника престола градоправитель, испугавшись шума и ликующих криков народа, вдруг понесся вскачь, заставив седока кричать от страха, что позабавило наследника престола⁶².

Один из праздников столицы был связан с приездом императорской невесты, которая была должна прежде всего посетить монастырь Пиги (*Ps.-Kod.* XII. P. 286). Вслед за этим следовал прием невесты женихом и его отцом. Предсвадебные торжества особ императорской семьи являли собой пышное зрелище⁶³. Так, представление дочери Иоанна VI Кантакузина Феодора народу перед ее браком с турецким султаном было весьма эффектным. На равнине перед Селимврией, где находился жених, был сооружен деревянный помост, закрытый со всех сторон длинными шелковыми, тканными золотом занавесями. Рано утром, до начала торжества, невеста вышла из императорского шатра и поднялась на помост, скрытая от глаз собравшихся людей. Император, восседая на коне, находился рядом с помостом. По условному знаку занавеси раздвинулись, невеста стала видна всем; одновременно вспыхнули факелы в руках коленапоклоненных евнухов, невидимых для толпы. Горение факелов в утреннем свете создавало эффект сияния. Зазвучали флейты и трубы. Хор исполнял песнь в честь невесты. Затем для присутствовавших на празднике византийцев и турок последовало угощение, длившееся несколько дней. Наконец невеста с пышным эскортом направилась в резиденцию жениха, где ей был оказан торжественный прием (*Cant.* II. P. 587—588).

Песни для хора, певшего на свадебных торжествах высоких особ, писали обычно известные риторы, бывшие иногда и влиятельными сановниками. Так, хартофилак царского двора Николай Ириник (XIII в.) написал по случаю бракосочетания Иоанна III Дуки Ватаца и дочери Фридриха II Гогенштауфена Анны для первого хора слова песни на тему о зеленом плюще, обвивающемся вокруг пальмы. Хор пел: «Сегодня только начал плющ вокруг пальмы стройной виться, увидит завтра стар и млад, какой любовью любит невесту милую жених, как пылко обнимает, целует локоны ее вокруг шеи лебединой». В основе песни второго хора, стоящего с противоположной стороны, лежал образ железа и магнита: «В бою непобедим — сражен тростинкой тонкой, слабой. Кольчуга, меч, походный плащ отброшены далеко... Железу любит магнит, жених своей невесте — отважный вождь прелестнейшей из девушек прелестных» (Памятники. IX—XIV вв. С. 333—334). Песнопения звучали и в церкви во время венчания, и при выходе свадебной процессии из храма. В стихах Николая Ириника слышны отзвуки народных свадебных песен.

⁶⁰ Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 56—57.

⁶¹ Koukoulès Ph. Op. cit. T. 2, pt. 1. P. 56.

⁶² Андреева М. А. Указ. соч. С. 78—79.

⁶³ Koukoulès Ph. Op. cit. T. 2, pt 1. P. 54; Krause J. H. Op. cit. S. 179.

Пирьы и празднества по случаю заключения брака Михаила, сына болгарского царя Александра, и дочери Андроника III продолжались на лугах вдоль реки Тунджа, в предместье Адрианополя, восемь дней (*Cant.* I. P. 508—509). Нередко для царского брачного пира заранее реквизировали у крестьян овец, свиней и быков (*Acrop.* II. P. 18.10—15). Венчание Иоанна VIII Палеолога с Софией Монферратской представляло для современников «праздник из праздников и торжество из торжеств» (*Sphr.* I. 36. P. 111.1—5).

Траурные события тоже представляли собой торжественное зрелище, {571} особенно похороны императора, членов его семьи или высоких сановников. Иоанн Кантакузин описал церковную службу по поводу похорон Андроника III. Печальное событие собрало в столицу множество людей. Число иереев было столь велико, что даже св. София не вмещала их всех. Пышность и роскошь обстановки, обилие света, множество собравшегося народа, торжественность скорбных мелодий позволили свидетелю похорон назвать их прекрасным, изумительным зрелищем (*Cant.* I. P. 15—16).

Траур по умершему императору также был регламентирован. Для знатных лиц предусматривались специальные парадные одежды. Траурным для императора был белый цвет, для сановников и всего народа — черный. На девятый день после смерти совершалась панихида с исполнением траурных гимнов. Теперь сановники могли сменить черную одежду на зеленую (*Pachym. Hist.* I. P. 55.11—13; *Greg.* I. P. 65.9; 463.19—20; *Ps.-Kod.* XI).

Пышными были похороны и знатных людей или просто богатых горожан. Исполнялись псалмы и иные песнопения, произносились хвалебные речи, горело множество свечей, толпились при выносе тела сановники, раздавались стенания родственников, причитания плакальщиц (*Al. Makr. Dial.* P. 214.30—215.1). Бурные и громкие проявления горестных чувств считались естественными в то время. После речи Никифора Григоры у гроба Андроника III «поднялся величайший вопль...». Некая кесарисса, оплакивая умершего мужа, «царапала себе щеки и ногтями извергала из них струи крови» (*Greg.* I. P. 381.13—14; 472.6—8). Стефан Сахликис, сравнивая похороны богача и бедняка, отмечал, что, когда хоронят первого, «громко бьют в колокола, собираются священники, возносят к небу псалмы», на похоронах же бедняка «очень тихо поют, в колокола не бьют, хоронят, возвращаются и больше ни слова»⁶⁴.

Важнейшим событием в жизни византийцев были религиозные праздники — Рождество Христа и Богородицы, Пасха, Троица, многочисленные памяти святых. Церковная служба по случаю праздника была пышной, она собирала много верующих, особенно если литургию совершал патриарх или митрополит. Праздник начинался со звона колоколов. Славословие, благодарственные гимны, звонкие хоры мальчиков, одежда священников, обилие света в храме создавали атмосферу особой торжественности⁶⁵.

Православному богослужению был свойствен драматургический элемент. Наиболее впечатляющим был чин пещного действия. Русский путешественник конца XIV в. Игнатий Смоленский в неделю перед Рождеством видел этот чин в константинопольском храме св. Софии и описал его⁶⁶. Пещное действие происходило в неделю святых праотцев (если Рождество приходилось на понедельник или вторник) или в неделю святых отец, т. е. примерно за неделю до торжества. Разбиралось большое паникадило, находящееся в центральной части собора над амвоном, который сдвигался за левый клирос и на его месте воздвигалась деревянная решетчатая печь (немного похожая на убранный амвон), а вокруг нее — железные шандалы с витыми свечами. На крюк, где висело ранее паника- {572} дило, вешалось изображение сделанного из пергамента ангела, которого можно было при помощи веревки поднимать и опускать.

Действующие лица чина имели особую одежду: отроки одевались в стихари из тонкого полотна с бархатными оплечьями; их шапки с меховой опушкой и с медным крестом в верхней части были сделаны из кожи, подкрашенной белым с золотом. Халдеи, мучители отроков, были одеты в красные суконные платья. На их головах были шапки, похожие на шапки отроков, но из худшего материала и без креста. Роли отроков исполняли певчие, а халдеев, по всей вероятности, прислуга церкви.

Чин пещного действия входил в состав утренней службы. Он соответствовал седьмой и восьмой песням канона, исполнявшимся антифонно хорами правого и левого клиросов.

⁶⁴ Любарский Я. Н. Критский поэт Стефан Сахликис // ВВ. 1959. Т. 16. С. 75.

⁶⁵ Krause J. H. Op. cit. S. 316, 319.

⁶⁶ Дмитриевский А. Чин пещного действия: Историко-археологический этюд. ВВ. 1894. Т. 1.

Когда клирики начинали седьмой стих, наставник направлялся к иконе, сделав перед ней три поклона, кланялся до земли архиерею и обращался к нему: «Благослови, владыко, отроков на назначенное место представить», на что тот отвечал согласием. Затем выводили связанных длинным полотенцем отроков. Они останавливались посредине храма, а халдеи показывали им пальмовыми ветвями на пещь. Драматическое действие развивалось далее на фоне диалогов действующих лиц: при произнесении определенного стиха халдеи падали ниц, ангел с громом спускался сверху в пещь, отроки зажигали в венце ангела три свечи, затем обходили пещь и т. д.

Для византийской церкви в целом характерна передача сюжета Священного писания не столько через действие, сколько голосом, т. е. весьма условно. Писатель XIV в. Симеон Солунский, критикуя католическую церковь за допущение в храм мистерий, воспроизводящих детали жизни Иисуса Христа, писал: «Если же они будут укорять нас за пещь отроков, то нисколько не поразят нас, поскольку мы не зажигаем печи, но употребляем восковые свечи с огнем и возносим по обычаю фимиам Богу, и изображаем ангела, но не посылаем [в пещь] человека. Мы только допускаем, чтобы поющие чистые отроки, как те три отрока, воспевали их песнь, как предано» (PG. T. 155. Col. 113).

Театральность была присуща всем службам, особенно праздничным. Николай Кавасила так описывает внесение честных даров в алтарь: «Священник, совершив громогласно слово Богу, идет к дарам и, благоговейно подняв их на главу, выходит. Неся их таким образом, он входит в алтарь и нарочито идет по храму спокойно и торжественно. Сами же [верные] поют и со всяким смирением и благоговением склоняются пред ним, прося, чтобы он при возношении даров помянул их. А он идет в предшествии светильников и фимиама и в таком чине вступает в алтарь» (*Кавас.* Бож. лит. 24). Несомненно, эффект воздействия на верующих был велик. Кроме того, они чувствовали себя участниками происходящего действия. Ритуал многих праздников соблюдался издревле. Таким было, например, обыкновение в день Введения Богородицы во храм приносить для благословения чаши со зрелой пшеницей и спелыми плодами (*Pachym.* Hist. I. P. 453).

Несмотря на несомненную театральность, византийская литургия не проделала эволюции западноевропейского театра, вышедшего сначала на паперть, затем в пределы церковной ограды и вылившегося, наконец, на городскую площадь. Одну из причин этого следует искать в том, что {573} на Западе инициативу организации площадной мистерии взяли на себя цехи, бывшие самостоятельными организациями горожан, родившимися в борьбе с сеньором за свою свободу. Специфика развития византийского города, особенно в поздний период, обусловила невозможность появления в империи массовой городской культуры, в том числе и театра.

Религиозные праздники, отмечались не только церковными службами. На Рождество в императорском дворце выступали музыканты — флейтисты, трубачи, цимбалисты, свирельщики (*Ps.-Kod.* IV. P. 197.14—19). На пиксиде из слоновой кости, относящейся к поздневизантийскому времени, наряду с торжественными фигурами императоров изображены фигуры музыкантов и танцоров в движении⁶⁷. Часто торжества соединялись с, казалось бы, несовместимым — с фарсом, шутовством. Возвращение на престол патриарха Исаяи сопровождалось уличной процессией, состоявшей из веселой скоморошничавшей группы, в которой «шли с веселыми песнями флейтисты и флейтистки, танцоры и танцовщицы. Одна из флейтисток, выделявшаяся среди всех красотой, сев на коня в мужской одежде... бесстыдными и пошлыми шутками легко вызывала нескромный смех...» (*Greg.* I. P. 424.22—425.11).

Праздники сопровождалась обильными трапезами, роскошными пирами и попойками (*Ibid.* I. P. 303.6—8). По праздникам патриарх получал от императора крупные суммы серебряных и золотых монет, которые завязывались в платок и разбрасывались на всем пути церковного шествия (*Pachym.* Hist. I. P. 293.16—294.3).

Устройство торжественных процессий и зрелищ в дни больших праздников входило в круг обязанностей императора. Григора с сожалением пишет, что Андроник III часто пренебрегал этим своим долгом (*Greg.* I. P. 565.19—566.3).

Несмотря на сокращение в связи с оскудением казны церемониала праздников, торжественные выходы императора являлись по-прежнему заметными событиями в жизни столицы. Наиболее значительными были выход василевса к порфириной колонне на форуме первого

⁶⁷ Банк А. В. Прикладное искусство. С. 300—301.

сентября, в монастырь Лива на праздник Рождества Богородицы, в день Иоанна Златоуста — в храм св. Софии, в день Введения Богородицы во храм — в монастырь Богоматери Перивлепты, в дни св. Василия Великого, св. Георгия, св. Апостолов и в Лазарево воскресенье — в монастыри этих святых (*Ps.-Kod. V. P. 242—247*).

Впечатляющими были праздники, организуемые монастырями. Константинопольский монастырь Богородицы Одигитрии, по свидетельству путешественников XIV и XV вв., традиционно устраивал по вторникам церемонии выноса иконы. Вокруг монастыря собирались толпы народа как из столицы, так и из других городов. Мужчины стояли впереди, женщины сзади. Изображение Богоматери, написанное на камне, поднимал один из 20 человек, специально для этой церемонии одетых в длинные одежды из красного льна. Икону выносили на площадь, которую несущий должен был обойти 50 раз. Затем его сменяли другие — и так в течение всего дня под звуки исполняемого певчими «Господи, помилуй!». В этот {574} день был открыт рынок, где продавались самые разнообразные продукты ⁶⁸.

В константинопольском женском монастыре св. Феодосии праздничными днями были каждая среда и пятница. Здесь хранились мощи святой в серебряной открытой раке. На поклонение мощам, признанным чудотворными, собирались толпы больных людей, жаждущих исцеления. Больные лежали и стояли у входа в монастырь. Собравшиеся ставили свечи, раздавали милостыню. Певчие пели с утра до двух часов дня. Привлекал больных и монастырь Пиги (Источника), в воду которого верили как в целебную ⁶⁹.

Монастырь τοῦ Λιβός славился своей литургией, совершаемой четыре раза в неделю, помимо праздников и воскресных дней. Торжественным днем монастыря было восьмое сентября, когда сюда являлись члены императорского двора. Служба проходила особенно торжественно, при обилии освещения. Монастырь τῆς Βεβαίας εἰς Ἄλιδος в день праздника Богоматери украшался гирляндами из роз. Зрелище было столь впечатляющим, что турки, взятие которыми Константинополя совпало с праздником монастыря, назвали его мечетью роз. Некоторые монастырские праздники справлялись только в присутствии своей братии. Народу после службы раздавали хлеб и вино ⁷⁰.

Многие монастыри имели свои реликвии, собиравшие желающих увидеть их. В константинопольском монастыре Косьмы и Дамиана хранилось изображение глав святых в золотой оправе. Монастырь Богоматери τῆς λαοχράτου славился двумя реликвиями — отпечатками ног апостола Павла и главой св. Василия ⁷¹.

На улицах городов и деревень можно было встретить юродивых и странствующих отшельников. Патриарх Филофей, описывая жизнь св. Саввы, рассказывает, как тот, стараясь лишить свое обнаженное тело всякой привлекательности, влез в небольшой городской водоем (дело происходило на Кипре), полный тины, червей, грязи и зловония (Житие Саввы. С. 45). Собрались зрители, некоторые плакали от умиления и сострадания. Не всегда, однако, реакция зрителей на поведение странствующего «святого» была благоприятной. На того же Савву как-то обрушилась уличная толпа, в которой не было «ни мужчины, ни женщины, ни дитяти, ни юноши, кто бы не отнесся к нему с большим или меньшим бесстыдством и бранью, бросая в него камни и пылью и навозом посыпая... а также понося его» дурными словами (Там же. С. 50).

Живы были в народе и старые языческие обычаи, среди которых прежде всего следует назвать празднества русалий и брумалий. Русалии, проводившиеся в субботу накануне Троицы, сопровождалась играми, танцами, выступлениями мимов. Зрители обычно вознаграждали выступающих какими-либо дарами. В ходе праздника в одной из македонских деревень возник конфликт, когда разгуливающая молодежь стала требовать сыра у пастуха. Отказавшийся выдать требуемый дар пастух был убит. Разбравший этот казус архиепископ Димитрий Хоматиан называл {575} народные обряды русалий и брумалий «бесовскими игрищами» ⁷². Несомненно, имелись черты сходства византийских русалий с «майскими играми» других средне-

⁶⁸ Janin R. *La géographie ecclésiastique...* P. 212—214.

⁶⁹ Ibid. P. 150—152, 232.

⁷⁰ Ibid P 319, 150—151, 166—167.

⁷¹ Ibid. P. 289—299, 223—224.

⁷² Koukoulès Ph. *Op. cit.* T. 2, pt 1. P. 30—31; Лутаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 172.

вековых народов Европы⁷³. Народные гулянья, поздневизантийского времени обычно сопровождались хороводами, песнопениями. В трактирах, на перекрестках дорог, в притонах пели под кифару и плясали, кривляясь, пьяные и шуты (Mazar. Cap. 171). Нередко дома знати посещали бродячие скоморохи. По описанию Феодора Ласкариса, зашедшие однажды в его дом скоморохи изображали сцены из народной жизни, в том числе свалку с тумачами и пощечинами, что особенно нравилось зрителям. Двое из пришедших скоморохов разыгрывали сценки, используя принцип контраста — один был высоким, другой маленьким; первый был крикуном, второй говорил тихо; один был глуп, другой хитер⁷⁴.

Жители столицы, как и в прежние времена, любили редкие зрелища. Так, в правление Михаила VIII Палеолога в столицу был привезен из Эфиопии камилопард (жираф) — животное, как описывает современник, с небольшим, как у осла, телом, горбатой спиной, длинной шеей, маленькой головкой, светлой с красно-коричневыми пятнами окраской, тонкими ногами с раздвоенными копытцами. Камилопарда, «будто какое-то чудо... каждый день водили по площадям для удовольствия зрителей» (*Pachym. Hist. I. P. 177—178*).

В поздней Византии сохранялся, как и в других странах в средние века, интерес к жестоким публичным зрелищам. Вероятно, Анна Савойская, мать Иоанна V Палеолога, не являла собой исключения, обнаружив склонность бывать на казнях, что доставляло ей необычайную радость и наслаждение⁷⁵.

Меры наказания оставались по-прежнему жестокими. Виновных или неугодных ослепляли (*Pachym. Hist. I. P. 24.6—7; 191.13—14; 493.7—8*), им отрезали язык, вырывали ноздри (*Ibid. P. 487.11—14; 489.4—5*), секли, подолгу держали на весу (*Ibid. P. 316.5—6*). Георгием Пахимером описана следующая экзекуция. Осужденному остригли на голове волосы, но не под корень, а так, «чтобы оставить пищу огню». Потом голову обложили просмоленным материалом и подожгли, чтобы она обгорела. Наконец, ему отрезали нос и полуживого отпустили на свободу (*Ibid. P. 492. 17—493.2*). Существовал, видимо, и определенный ритуал при совершении казней. Так, «осужденному на казнь глаза завязывали красным льняным покрывалом» (*Acrop. 50. P. 95.16—20*).

Порой подобного рода зрелища являлись одновременно средством не только устрашения, но и информации населения. Когда при посещении тюрьмы убили Алексея Апоаква, его окровавленный труп был подвешен на зубах дворцовой стены, чтобы известить жителей столицы о случившемся (*Greg. II. P. 734.4—8*). Анна Савойская в отместку за убийство своего сподвижника приказала казнить лиц, причастных к преступлению, {576} и пронести по улицам Константинополя их отрубленные головы и руки (*Ibid. P. 739.7—11*).

Велик был интерес византийцев ко всякого рода зрелищам, связанным с риском и опасностью. Большое впечатление производили выступления заезжих актеров. Так, трюки странствующих акробатов из Египта (*Ibid. I. P. 384—351*), побывавших до этого в Аравии, Персии, Иверии, Армении и других землях, собрали много зрителей в Константинополе. Современник назвал их представление «необыкновенным и чудесным». Один из трюков заключался в том, что акробат забирался на корабельную мачту, воткнутую в землю и соединенную сверху нетолстым канатом с другой мачтой, и, упершись головой в ее вершину, поднимал обе ноги вверх. Затем он начинал вертеться колесом, цепляясь за протянутый между мачтами канат попеременно то руками, то ногами. Акробат стрелял из лука, стоя на середине натянутого каната; с мальчиком на плечах он проходил по всему канату. Другой из актеров, «вскочив на лошадь на всем скаку и погоняя ее, стоял прямо то на спине, то на гриве, постоянно перебирая ногами и смело принимая вид летящей птицы. Иногда он вдруг соскакивал с бегущей лошади, хватался за ее хвост и неожиданно появлялся опять в седле... опускался с одной стороны седла и, обогнув брюхо лошади, легко поднимался на нее уже с другой стороны и снова скакал. Занимаясь такими фокусами, он не забывал в то же время подгонять коня бичом». Жонглеры носили поставленную на голову торцом палку длиною в локоть с полным сосудом воды на ее верхнем конце или длинное копьё, снизу доверху обвитое веревкой, по которой взбирался мальчик. Один из фокусников, бросая вверх стеклянный шар, ловил его то мизинцем, то лок-

⁷³ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

⁷⁴ Андреева М. А. Указ. соч. С. 172.

⁷⁵ Diehl Ch. Figures byzantines. T 2. P. 249.

тями. Во время представления один из актеров сорвался с мачты и тут же умер. Успех выступления был необычаен, а со зрителей собраны «большие деньги».

Среди излюбленных развлечений знати следует назвать охоту (*Acrop.* P. 125.1—11). Она требовала содержания огромных псарен. Собак привозили порой из других стран. В начале XV в. один из представителей знати, близкий к императорскому двору, выписал себе охотничьих собак из Арагона⁷⁶.

Участие в императорской охоте обещало не только развлечение, так как позволяло завязывать более короткие отношения с вышестоящими сановниками, а иногда даже с самим василевсом. Главный ловчий в ястребиной или соколиной охоте (протиеракарис) был весьма почитаемой фигурой при дворе из-за своей приближенности к императору. При Феодоре Ласкарисе протиеракарисом был один из братьев Музалонов, не принадлежавший к знатному роду, но связанный с императором дружбой с детства (*Pachim. Hist.* I. P. 24.4—5). Охота была дорогим развлечением. Никифор Григора упрекал Андроника III, державшего «великое множество охотничьих собак и птиц», поскольку это наносило урон государственной казне (*Greg.* I. P. 566.3—13).

Охота являлась развлечением и для тех, кто не принимал в ней непосредственного участия: часто члены императорской семьи (женщины и дети) выезжали на природу вместе с двором. Так, Ирина, супруга Иоанна III Дуки Ватаца, верхом на лошади сопровождала императора, чтобы посмотреть охоту (*Ibid.* I. P. 44.9—10).

Знатные мужчины участвовали в спортивных и военных играх. Михаил Палеолог с друзьями любил конные скачки, развлекался «бросанием копья и гоньбой шара» (*Pachym. Hist.* I. P. 105.1—2). Игра с маленьким, величиною с яблоко, кожаным мячом (циканием) была одной из излюбленных в среде аристократической молодежи XIII в.⁷⁷ Две группы всадников, держа в правой руке палку с натянутой струнами петлей на конце (похожую на ракетку), пытались захватить мяч и гнать его к определенному месту. Игра проводилась в помещении типа манежа (в циканистирии), но иногда молодежь гоняла мяч и прямо на площади перед дворцом.

В правление Андроника III Палеолога, когда влияние латинян стало особенно заметным, распространилась мода на спортивные игры, заимствованные в Италии. Никифор Григора заметил, что одной из таких игр, проводимых в Дидимотике Андроником III после траура по Андронику II, был придан «особый блеск». Игра состояла из двух частей. Первая представляла собой поединок, который у итальянцев назывался джострой⁷⁸. Участники игры делились на филы, димы и фратрии. Затем от каждой части состязающихся выходил желающий помериться мастерством и ловкостью. Сражающиеся один на один бойцы были закованы с ног до головы в латы и вооружены копьем с тремя остроконечиями. Тот, кому удавалось сбить своего противника с лошади, провозглашался победителем. Вторая часть игры по итальянскому образцу называлась турниром. Две вооруженные палками стороны выбирали по жребию своих предводителей. Начиналось сражение, в котором по условиям игры могли быть раненые и даже убитые. Когда бой заканчивался, обе стороны во главе со своими предводителями шли попарно в торжественном строе, возвращаясь на прежнее место. Император подносил вино участникам состязания (*Greg.* I. P. 482—483).

На константинопольском ипподроме в XIV в. по-прежнему происходили привлекавшие зрителей конные соревнования, однако Ипподром уже не являлся центром общественной жизни столицы, как в прошлые столетия⁷⁹.

Одной из любимых детьми игр была ампра. Играющие делились на две группы, каждая из которых имела своего вождя, склад и место, окруженное рвом. В этом складе (ампре) держали пленных. Одна группа играющих детей преследовала другую. Прикосновением руки противник превращался в пленника. Проигрывала та группа, все игроки которой попадали в плен. О том, что игра была известна в XIV в., имеется свидетельство в Морейской хронике —

⁷⁶ *Marinesco C.* Manuel II Paléologue et les rois d'Aragon // Académie Roumaine; Bulletin de la Section Historique. 1924. XI. P. 197.

⁷⁷ *Андреева М. А.* Указ. соч. С. 177—178.

⁷⁸ *Гуковский М. А.* Турниры в Италии на исходе средних веков // Средневековый быт / Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. 40-летию научно-педагогической деятельности И. М. Гревса. Л., 1925. С. 50—77.

⁷⁹ *Koukoulès Ph.* Op. cit. T. 3. P. 14; *Janin R.* Constantinople byzantine... P. 179.

военачальник Фракии, глядя на мужчин, наступающих и отступающих во время, битвы, вспомнил детскую игру ампру⁸⁰. {578}

Другой детской игрой, имитирующей военные столкновения, был петрополемос. Игра проходила обычно за городскими стенами и после окончания сражения победители триумфально вступали в город. Две группы играющих разделялись рвом и метали друг в друга — руками или пращой — камни. Игра была довольно опасной и кончалась нередко травмами или даже смертельным исходом. Дука Крита в 1369 г. запретил эту игру и ввел в случае непослушания следующие кары: мальчиков, достигших 13-летнего возраста, наказывали розгами и штрафом в 5 иперпиров, а детей младшего возраста подвергали порке; штраф для зачинщиков игры возрастал до 10 иперпиров⁸¹.

Наряду с военными играми мальчишки любили и более мирные, но не совсем безобидные развлечения (например, искать птичьи гнезда в углублениях городских стен) (*Greg. I. P. 192.2—3*). Мужчины не пренебрегали порой и «детскими» развлечениями: в «бабки» играли как дети, так и взрослые⁸².

Однако не только военные и спортивные игры интересовали мужчин. Среди увлечений знати в источниках упоминается садоводство. Патриарх Нифон «умел искусно растить деревья, ухаживать за виноградниками, производить постройки» (*Ibid. I. P. 260.3—5*). При императорском дворе поощрялись занятия науками и литературой. В кругах знати считалось признаком хорошего тона иметь свой интеллектуальный кружок, где читались вслух и обсуждались сочинения писателей древности или опусы современников, близких к этому кругу. Многие из образованных людей предоставляли свой дом для подобных сборищ, именуемых современниками «театрами». Чтение риторических сочинений иногда сопровождалось музыкой и пением (*Cydon. Corresp. S. 169.51; 210.8; 400,8; 262.82—83*), эмоциональной жестикуляцией⁸³. «Театры» часто становились местом, где разгорались бурные дискуссии по философии, риторике, астрономии. Страсти порой накалялись до такой степени, что зрители либо «скакали от удовольствия», либо, наоборот, чуть ли не камни кидали в неугодных ораторов (*Mazar. Cap. 18; Cydon. Corresp. 78.20; 326.17—19; 376.29—32*). Напротив, удачные выступления вызывали бурные рукоплескания и прочие проявления шумного восторга. В поздней Византии очень ценилась книга. Многие императоры (*Cydon. Apol. I. P. 364.49—51*) и знатные библиофилы скупали ценные манускрипты, собирая большие библиотеки⁸⁴.

Однако и склонность к празднествам, связанным с обильным застольем, веселым разгулом, ночными похождениями и азартными играми, была в высшей степени характерна для поздневизантийской знати и зажиточных горожан. Димитрий Кидонис противопоставлял спорящих о Сократе тем, для кого привычным делом были игра в кости и выпивка (*Cydon. Corresp. 380.40—42*). Поведение пьяницы описано в произведении народной литературы XIV в. «Плодослове». Напившись вина, мужчины «захмелеют и не будут ведать, что они делают; и будут они болтать несвязные {579} слова всяческую несуразицу... и будут они шататься, опираясь о стены, от одного хлева до другого; и валяться будут они, как осел валяется на траве и, падая, заголяет себе зад. На улицах будут они дрыхнуть, в грязи гваздаться, свиньи будут их обнюхивать, и кошки облизывать. И бороды у них вылезут, и куры будут их клевать, они же и не почувют...» (Памятники. IX—XIV вв. С. 410).

Поздневизантийские авторы писали о публичных домах с флейтистками и танцовщицами, о любителях женских спален и мальчиков (*Greg. I. P. 447.8—10; Pachym. Hist. I. P. 15—16; 487.13—14*). Часто в вечернее время можно было видеть молодых людей, разгоряченных вином, разъезжающих «на горячих конях и наполняющих топотом непристойных скачек улицы, площади, театры» (*Greg. I. P. 183.16—17*). Огласить улицы неприличной громкой песней было привычным для константинопольской молодежи, порой и из состоятельных семей. Персонаж поздневизантийской сатиры «Мазарис» — обученный отцом искусству пения сын придворного музыканта, вместо того чтобы исполнить что-нибудь при дворе или в церкви, «гор-

⁸⁰ *Koukoulès Ph. Op. cit. T. I, pt 1. P. 180.*

⁸¹ *Ibid.*

⁸² *Ibid. P. 169.*

⁸³ *Verpeaux J. Nicéphore Choumnos. Homme d'État et humaniste byzantin (ca. 1250/1255—1327, P., 1959. P. 67.*

⁸⁴ *Ševčenko I. Society and intellectual life in the XIVth century // XIVe Congrès international des études byzantines. Rapports I. Bucarest, 1971. P. 28—29.*

ланит в обществе развращенных и нечестивых юношей, пляшет и дурачится, беснуясь, как сумасшедший... на углах... и перекрестках, в трактирах и вертепах продажных женщин, бряцает на кифаре, распущенно пляшет и совершает другие непристойности...» (Mazar. Cap. 17).

Внук императора Андроника II, будущий Андроник III, вступив в юношеский возраст, стал искать удовольствий и развлечений, столь обычных для столичной молодежи, но непристойных, с точки зрения Никифора Григоры, для царского отпрыска (*Greg. I. P. 284—286*). Сначала это были прогулки, псовая охота, а затем и ночные похождения. Однажды, испытывая пылкие чувства к знатной даме («гетере нравом») и ревнуя ее к любовнику, он расставил вокруг ее дома засаду, что привело к нелепой случайности — убийству проходившего здесь, закутавшись в плащ, брата Андроника деспота Мануила. Дед-император еще до ссоры, вызванной этим убийством, отказался пополнять кошелек Андроника. В таких случаях молодым людям из знатных семей приходилось либо делать долги, либо вступать на путь азартных игр. Алексей Макремволит писал, что из среды знати выходят «азартные игроки и сибариты» (*Al. Makr. Dial. P. 210.11—12*). Стефан Сахликис не случайно советовал отказаться от азартных игр, не участвовать в ночных экскурсиях, а также предостерегал от козней гетер. Он говорил, что азартный игрок похож на рыбу, попавшую на крючок. Дух подобных развлечений не был чужд и духовенству. По замечанию Георгия Пахимера, глава адрианопольской церкви больше думал о нарядах и лошадях, чем о делах духовных (*Ibid. I. P. 302.6—9*). Игумены напоминали Стефану Сахдикису гетер⁸⁵.

В поздней Византии была весьма популярна игра в кости. Она имела много вариантов. Никифор Хумн писал, что на масленицу все играют в кости и шашки. Популярна была игра в тавли и затрикий (род шахмат). Играли византийцы и в игру, называвшуюся у венецианцев ока. Она представляла собой род настольной игры⁸⁶. Спиралевидный эллипс был {580} разделен на 63 квадрата, отмеченных цифрами или рисунками (гусь, мост, гостиница, источник, лабиринт, тюрьма, смерть). Подбрасывался кубик, и гусь (ока) ставился на соответствующий квадрат. Фигурка могла двигаться вперед и назад соответственно смыслу изображенного на рисунке. Попавший в число 58, обозначающее смерть, начинал игру сначала. Тот, кто первым достигал числа 63, получал определенную сумму, размер которой оговаривался заранее.

Игра в кости принимала порой столь азартные формы, что дука Кипра в 1350 г. запретил ее. Монах Феодул (XV в.) считал, что игра в кости может развлекать лишь дурных юношей. Такая азартная игра, как карты, появилась в Византии к самому концу ее истории. На картах были изображены герои мифологии и истории — Афина, Гера, Гектор, Александр Македонский, Карл Великий⁸⁷.

Характеризуя образ жизни и нравы поздневизантийской знати, писатели этого времени отмечают прежде всего стремление к роскоши и комфорту. Угодничество и лесть нижестоящих по отношению к тем, кто достиг социальных вершин, выделяются как черты, определяющие характер морали придворных кругов. Один из авторов того времени писал, что дома богатей полны слуг, на улице же господ появляются в окружении свиты льстецов. По словам Георгия Пахимера, льстецы «могут слышать гармонию даже в кашле больного царственного дитяти» (*Pachym. Hist. I. P. 91.5—6*). Очень выразительно об образе жизни и нравах тех, кто принадлежал к знатым или состоятельным кругам, сказал Алексей Макремволит: «Вы восседаете всегда на конях в окружении прихлебателей и льстецов; что ни день — вы в ослепительных одеждах; вы устраиваете празднества и увеселения; у вас постоянно роскошный стол; вы имеете богатые спальни, привлекающие глаза; в них — заморские ткани, шитые золотом и серебром, иноземные цветные ковры. Вас окружают толпы друзей, восхваляющих вас, и свита слуг. Вы имеете дорогие купальни, о вашей жизни заботятся лучшие врачи, для вас — лучшие лекарства, благовонные мази и душистые корни из Египта... У вас — первые места в собраниях, изобилие вещей и связанные с ними наслаждения, всеобщее благоговение и почитание, немедленное исполнение ваших желаний и множество всякого добра со всех сторон земли и моря» (*Al. Makr. Dial. 209.10—24*).

Характеризуя нравы придворных и деловых кругов, современники выделяли прежде всего мздоимство, клевету, наушничество (*Sphr. I. P. 10, 13—18*). Императорский двор пред-

⁸⁵ Любарский Я. Н. Указ. соч. С. 79—80, 73.

⁸⁶ Koukoulès Ph. Op. cit. T. 1. pt 1. P 185—201, 191, 222—223. Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 181—182.

⁸⁷ Koukoulès Ph. Op. cit. P. 223.

ставлялся современникам «образцом болтливости и угодничества» (*Cydon. Corresp.* 114, 6—10). Сочинение «Плодослов» высмеивает подобострастие по отношению к государю (в басне — к Айве) по поводу каждого высказанного им решения: «Многая лета, владыко государь Айва, многая лета! Яко тебе подобает царствие, единому изо всех благородному воистину!» (Памятники. IX—XIV вв. С. 410). Душной была атмосфера двора и чиновничьего аппарата: выжидание должностей, титулов и подачек, стремление выдвинуться, быть замеченным — «архитит завидует архититу... архонт архонту, наварх наварху, судья судье, секретарь секретарю, писец писцу, ритор ритору, врач врачу...» (*Mazar. Cap.* 18). {581}

Взяточничество считалось нормой деловых отношений (*Pachym. Hist.* I. P. 246.18—20; 503.4—8). Стефан Сахликис, в начале своей адвокатской деятельности освободивший от судебных издержек бедняков и не бравший взятку, навлек на себя неудовольствие со стороны коллег, поскольку мздоимство в суде было нормой⁸⁸. Набор тех отрицательных моральных качеств, которые по традиции принято связывать с понятием «византизм», сохранился до последних дней существования империи.

В поздней Византии процветали суеверия. Общественные неурядицы порождали мысли о приближении конца света. Даже в среде образованных людей были распространены гадания, предсказания, а иногда и занятия магией. Византийские авторы не раз обращались к древнему сюжету о пророчествах Сивиллы, будто бы правильно определившей число византийских императоров и патриархов и тем самым предсказавшей время гибели империи (*Chalc. P.* 405.21—22). Существовали специальные гадательные книги, предрекавшие будущее (*Greg. I. P.* 30.5.17; *Pachym. Hist.* I. P. 28.21). В любом труднообъяснимом явлении или факте усматривали предсказание чего-то недоброго. Так, слух о том, что лошадь, изображенная на одной из стен дворца против молитвенного дома, вдруг заржала, повергла в тревогу двор Андроника II (*Greg. I. P.* 303—304). Великий Логофет Феодор Метохит был всерьез обеспокоен переменной в отношении к нему императора, поскольку не смог найти объяснения одному загадочному явлению.

Большое значение византийцы придавали сновидениям. Особенно прислушивались к толкованиям снов духовных лиц. Патриарх Иоанн Векк, увидев во сне нескольких правителей, после долгого путешествия по ровному полю начавших переправляться через большую реку, предсказал им смерть в той последовательности, в какой они вступали в реку (*Pachym. Hist.* I. P. 121). Афонский монах Савва на основании сна предсказал благоприятный для сторонников Паламы исход собора 1347 г.⁸⁹

Видения тех, кто был причислен к лику святых, записывались. Энкомий патриарха Филофея в честь Григория Паламы содержит изложение многих видений последнего. Так, однажды Григорию представилось, что он держит в руках сосуд с молоком, внезапно закипевшим и начавшим выливаться, а затем превратившимся в ароматное вино, оросившее его руки и одежду (*PG. T.* 151. *Col.* 580 A—B). Видение святого рассматривали как знамение и искали ему истолкование.

В связи с распространением эсхатологических настроений придавали особый смысл наблюдениям за небесными светилами (*Pachym. Hist.* I. P. 223.13—224.3). Затмение луны или солнца рассматривалось как признак грядущей беды (*Greg. I. P.* 108, 385—386, 454). Например, если по наблюдениям луна была закрыта тенью с южной части на десять пальцев, то ждали угрожающей империи беды с южной стороны. Затмение луны в ночь на 1 сентября 1328 г. было понято теми, кто его изучал, как указание на тайные угрозы дворцу (*Greg. I. P.* 385). Затмение солнца, затмение луны и землетрясения 1328 г. связывались современниками со смертью Андроника II (*Ibid.* I. P. 455). {582}

Часто плохое самочувствие или неудачное течение дел объяснялось воздействием колдовских сил. Император Феодор II Ласкарис считал свою эпилепсию результатом колдовства (*Pachym. Hist.* I. P. 32.12—13). Людей, овладевших различными формами чародейства, побаивались, не желая испытать на себе силу их воздействия. Порой колдунов тем не менее преследовали, чтобы узнать цель их тайных происков против какой-либо персоны.

⁸⁸ Любарский Я. Н. Указ. соч. С. 78.

⁸⁹ Радченко К. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898. С. 153.

Часто прибегали к магии и в кругах духовенства⁹⁰. Так, один монах, стремясь получить высокий сан, решил последовать совету некоего мага-каппадокийца: листок с написанной в обратном порядке молитвой, с указанием лиц, от которых зависела карьера, и с начертанными на нем особыми знаками должен был быть освещен светом ночных звезд. При патриархе Филофее в причастности к колдовству были обвинены монахи Фудул, Гавриилопул, протонотарий церкви св. Софии Димитрий Хлор, врач Сиропул. К содействию монахов прибегали и в любовных делах. Богатая Эксотрохина, стремясь выйти замуж, прибегла к помощи некоего священника Иакова, заплатив ему пять иперпиров. Когда Иаков не смог в течение долгого времени обеспечить воздействие любовных чар Эксотрохины, она начала жаловаться. Собор в связи с этим лишил Иакова иерейства (PG. T. 152. Col. 1338—1340, 1433—1439).

Гадания не поощрялись церковью. Священник Димитрий Хлор, обвиненный в магии, был заточен в монастырь Перивлепты (MM. I. № 292. P. 544—546). В январе 1365 г. монах Илларион из монастыря Продрома τη̃ς Πέτρας, заметив исчезновение нескольких золотых монет из своей кельи, обвинил в воровстве братьев Исайю и Меркурия. Чтобы установить истину, была приведена гадалка, но она не смогла найти вора. Синод отлучил трех монахов за использование магических средств (Ibid. № 228. P. 488—489). Отказ от занятий магией при чистосердечном раскаянии вознаграждался церковью. Так, имя некоей Амарантины, оставившей колдовство, было упомянуто как положительный пример в послании патриарха Филофея к народу. Ей выплатили сто иперпиров (PG. T. 152. Col. 1321 A—B).

Было популярным у византийцев и гадание по руке. Поперечная линия в верхней части ладони правой руки означала знак судьбы, продольная линия в центре ладони — линию жизни. На астрологическом рисунке XV в. указательный палец имел знак Юпитера, большой — Венеры, средний — Сатурна, безымянный — Солнца, маленький — Меркурия. Соотношением линий на ладони якобы определялась судьба человека⁹¹.

Суеверия сохранились и в сфере правосудия, хотя и не были частым явлением. Иногда обвиняемый в тяжелом преступлении испытывался огнем, его заставляли ходить босиком по раскаленным углям или брать в руки раскаленное железо (*Pachym. Hist. I. P. 33.6—10*). Даже спорные вопросы теологии порой решались подобным же образом. Так, богословы пытались решить некоторые спорные догматические тезисы двух церковных направлений, предав огню два манускрипта, содержащих религиозное кредо этих направлений (*Greg. I. P. 166.13—14*). Порой в суде для определения правоты стороны прибегали к поединку между обвинителем и обвиняемым (*Pachym. Hist. I. P. 92.14—15*).

Религиозная настроенность была в высшей степени характерна для поздневизантийского общества. Споры паламитов и антипаламитов обрели широкую аудиторию. Обращенные к народу проповеди аскезы и анахоретства не могли не оставить следа. Стремлением к уединению, молитве была отмечена жизнь многих людей, как выходцев из знати, так и представителей низов. Слова Георгия Акрополита можно отнести не только к одному деспоту Иоанну: «Проводил целые ночи в молитве... было у него попечение о том, чтобы больше проводить времени в уединении и наслаждаться... спокойствием или, по крайней мере, находиться в близком общении с лицами, ведущими такую жизнь» (*Acrop. 42. P. 70.22—71.4*). Уход из политической жизни в монастырь был, как и прежде, обычным явлением. Пример Максима Ласкариса Калофера, который ушел в один из афонских монастырей, предпочтя суете и излишествам придворной жизни состояние умиротворенности (*Cydon. Corresp. 72*), далеко не единичен. Стремление удалиться от общественных дел объяснялось прежде всего тем, что современники не видели выхода из тех неблагоприятных ситуаций внутреннего и международного плана, которые свидетельствовали о падении авторитета империи и приближении ее к катастрофе.

В целом поздневизантийский быт неразрывно связан с традициями предшествующих веков, особенно в сфере церемониала и празднеств. Это было обусловлено во многом политическими причинами, стремлением сохранить в окружающем мире свою прежнюю репутацию могущественного и богатого государства. Вместе с тем многие стороны быта и нравов испытывали в XIII—XV вв. более значительное, чем в предшествующую эпоху, воздействие религии. Другой особенностью, также присущей быту поздневизантийского времени, являлось, не-

⁹⁰ Там же. С. 158—160.

⁹¹ *Catalogus codicum astrologorum graecorum*. Bruxelles, 1898. T. 7. P. 244; *Koukoulès Ph. Op. cit. T. 1, pt 2. Pinax. B.*

сомненно, значительное усиление иностранного влияния, преимущественно итальянского. И наконец, на быте византийцев, как аристократов, так и принадлежавших к демократическим кругам, лежал явный отпечаток общего обнищания империи. {584}

Заключение.

Основные черты культуры поздней Византии (XIII — первая половина XV в.)

Чем ближе надвигался трагический закат империи, тем ярче расцветала византийская культура, богаче и многообразнее становились формы ее проявления. Именно в этом противоречии и скрывается разгадка отмеченного феномена: низвержение вековых устоев, безысходность ситуации, безмерное унижение — все это до крайности обострило восприятие, накалило духовно-эмоциональную атмосферу жизни общества, побуждало его творческие силы к активной деятельности. История дала византийцам достаточный срок для осознания крутого перелома в многовековых судьбах империи. За два последних столетия она дважды потерпела крушение: первый раз — под натиском крестоносцев с Запада, чтобы через полвека снова возродиться, и второй раз — под ударами османов с Востока, чтобы исчезнуть навсегда. Дважды византийцы пережили не только огромные материальные потери и тяжкие жизненные бедствия, но и глубокое психологическое потрясение: вероломный удар 1204 г. впервые поставил ромеев перед проблемой пересмотра былых политических и духовно-нравственных ценностей. И как бы в последующем ни были велики успехи по собиранию сил и возрождению империи, тревога навсегда затаилась в душе ромея. В 50-е годы XIV в. усиливающееся беспокойство переросло в предчувствие неизбежной катастрофы. Смутная догадка сменилась уверенностью, что гибель можно лишь отсрочить, но ее нельзя избежать.

И тем не менее как в самой материальной, общественной и духовной деятельности людей, так и в сфере ее осмысления и отражения художественными средствами последние два столетия существования Византии отнюдь нельзя характеризовать как единую эпоху, внутри которой не было особых, вполне различимых периодов упадка, стабилизации и подъема. Как уже было отмечено во Введении, в истории Византии XIII—XIV вв. целесообразно выделить три различных этапа, а историю ее культуры рассматривать, сочетая региональный принцип с хронологическим: в первой части книги рассказано о культуре Трапезундской империи, Эпирского царства и Латинской Романии с начала и до конца их существования в качестве особых политических образований, а о культуре Никейской империи — до 1261 г., с которого в историографии принято говорить о восстановленной Византийской империи.

Обобщая в ЗаклЮчении материал, изложенный выше, мы оказываемся перед нелегкой проблемой — не нарушить хронологической последовательности и в то же время дать цельное представление о главных региональных особенностях культурного развития Трапезунда, Эпира и Латинской Романии, о которых — вплоть до XV столетия — говорится в первых главах, тогда как ниже (в каждой из глав второй части) рассказ начинается с 1261 г. (т. е. как бы возвращается вспять). Считаем возможным поэтому придерживаться следующего принципа: о явлениях в региональной культуре, находящихся в русле развития традиций общевизантийской культурной жизни, говорить в основном в связи с обобщением материала по Никейской империи и по второй части книги, где речь идет о культуре восстановленной Византийской империи. Основное же внимание при обозрении глав, посвященных Трапезунду, Эпиру и Латинской Романии, сосредоточить на особенностях их культурной жизни.

Наблюдения авторов 2—5-й глав не оставляют сомнений в том, что культура по крайней мере трех упомянутых регионов бывшей Византийской империи, сохранивших политическую независимость от латинян, оставалась в первые десятилетия после 1204 г. по существу византийской. В то же время ее нельзя полностью идентифицировать ни с прежней столичной (элитарной), ни с местной (провинциальной) культурой. Во-первых, с превращением указанных трех провинций империи, находившихся на разной ступени благосостояния и развития, в самостоятельные государства местные культурные силы получили мощную поддержку со сто-

роны центральной власти: Никея, Трапезунд и Арта (а также Янина) стали столицами государств, подлинными крупными центрами региональной культуры, где усиленно стимулировалось развитие всех отраслей культуры и искусства, обслуживающих здесь теперь гораздо более широкие, чем ранее, государственные потребности и новые запросы светской и духовной знати. Во-вторых, в каждую из этих новых столиц, прежде всего в Никею, затем в Трапезунд и, наконец (в гораздо более скромных масштабах), в Арту и Янину, хлынул из разоренного Константинополя, из Фессалоники, Афин и других крупных центров империи, захваченных латинянами, поток беженцев, в том числе высших представителей византийской культуры, литературы и искусства, составлявших славу Византии до 1204 г. Элитарная культура империи «выплеснулась» вместе с этими людьми из бывшей столицы и «стеклась» в упомянутых центрах, как в убежищах, где деятелям культуры были обеспечены сравнительно благоприятные условия для их творческой жизни. Провинциальная культура Никеи, Трапезунда и Эпира испытала, таким образом, единовременную мощную и благотворную «прививку» со стороны культуры столичной, причем в таких «дозах», в каких провинции Византии не знали этого раньше.

Лишь в одном из четырех регионов — в Латинской Романии, в ее многочисленных столицах не менее многочисленных латинских государств, указанный процесс осуществлялся в основном в противоположном направлении: деятели византийской культуры не сосредоточивались при дворах западных государей, а стремились эмигрировать в Никею, Трапезунд или Эпир. Не в меньшей (если не в большей) степени синтез местной культуры совершался здесь не столько с элитарной (столичной), сколько с западной, латинской, принесенной завоевателями. Традиции столичной культуры в некоторых регионах трансформировались с течением времени и не всегда получали, особенно в течение первого столетия {586} господства иноземцев, стимул к дальнейшему поступательному развитию в русле общевизантийского культурного процесса.

Несомненно, судьбы культуры в каждом из четырех регионов, как показано авторами первой части книги, не были одинаковыми ни по степени ее развития, ни по его темпам, ни по соотношению прежних, столичных и местных, провинциальных традиций.

Утрата единого мощного культурного центра (Константинополя), гигантской лаборатории, где осуществлялся сложный сплав всех направлений и течений византийской культуры и были сосредоточены главные творческие силы империи, разрыв политических связей, ослабление экономического обмена между бывшими имперскими землями — все это, безусловно, играло роль общего негативного фактора. Но и его воздействие было далеко не одинаково в Никее, Эпире и Трапезунде. Во всяком случае, латинское завоевание нанесло тяжелый урон и византийской культуре. Для ее нового подъема точно так же, как и в экономике, и в политике, был необходим период собирания сил, восстановления ритма культурной жизни.

Сравнительно наиболее благоприятными в период «изгнания» оставались условия для развития культуры в Никейской империи, при этом относительно наименее значительной оказалась здесь в целом роль местных провинциальных культурных традиций. Во-первых, Никея, отстоявшая от Константинополя едва на 100 км, находилась с ним издревле в тесных связях, была включена в орбиту столичной культурной жизни. Во-вторых, именно в Никею в 1204—1210 гг., после падения Константинополя, направлялся основной поток представителей светской имперской аристократии, а также высших иерархов церкви, черного духовенства из множества крупных монастырей и, наконец, большинство культурных деятелей империи. В-третьих, Никейская империя с самого начала и до конца выступала (подтверждая это своими внутренними и внешними политическими акциями) как прямая наследница бывшей империи, точнее — как та же империя, лишь временно лишенная Константинополя и владений на Балканах. Верность традиционному имперскому образу жизни, в том числе культурным ценностям империи, становилась в новых условиях высшей добродетелью, приобретала значение официального политического курса, фактора этнической консолидации и сплочения сил для изгнания латинян. Культура Никеи представляла собой, в сущности, непосредственное продолжение культуры Византии XI—XII вв.

Прежде чем перейти к особенностям культуры Никейской империи, необходимо оговориться, что предложенный читателю обобщающий труд — скорее не систематическое, претендующее на полноту изложение (эта оговорка в равной степени относится и к двум предшествующим томам), а очерки по истории византийской культуры. В особенности это касается именно первой части данной книги. Число подвергнутых обозрению отраслей культуры здесь разное в каждой главе; в целом этих отраслей здесь меньше, чем во второй части, так как со-

хранившиеся материалы источников различны для всех четырех регионов, да и разной была степень развития той или иной из культурных сфер во всех обособившихся после 1204 г. регионах империи.

Никейская империя не только сохранила достижения культуры Византийской империи предшествующего периода, но и умножила и развила {587} их, несмотря на всего лишь полувековое существование, подготовив тот последующий культурный расцвет, который принято обозначать как Палеологовское возрождение. В прославленных культурных центрах империи, прежде всего в ее столице — Никее, уже в 10—20-е годы XIII в. процветали философия и историческая мысль, литература и естественнонаучные изыскания, изобразительные искусства и зодчество. Было заново налажено здесь и начальное и высшее образование, находившееся под защитой и опекой императорской власти. В числе крупнейших писателей и мыслителей оказывались и сами василевсы Никейской империи (Феодор II Ласкарис). Глубокие знания и эрудиция высоко ценились при дворе и в высших слоях общества. Императоры оказывали личное внимание учителям, материально поддерживали школы, содействовали созданию при них библиотек, способствовали занятиям не только философией, историей и поэзией, но и астрономией, медициной, математикой, географией, поощряли организацию кружков, где происходили литературные и научные диспуты.

Энциклопедически образованные, приближенные ко двору, живущие в гуще общественной жизни писатели Никей создали множество литературных произведений. При всем жанровом многообразии и прозаическим и поэтическим памятникам никейского периода свойственны три черты, которые можно рассматривать как дальнейшее развитие старой и недавней византийской традиции. Это, во-первых, обостренный интерес к актуальным проблемам жизни страны (таким, как власть и общество, образ идеального государя); во-вторых, рост гуманистических (индивидуалистских) тенденций, выразившийся в повышении интереса к внутреннему миру человека, к сфере чувств и интимных переживаний; в-третьих, широкое использование античного литературного наследия, его жанровых и стилевых форм, богатства его изобразительных средств и сюжетно-мифологической топики. Обращение к наследию античности обрело в этот период новые акценты: оно оказалось связанным с углубляющимся осознанием тесного культурного родства с далекими (эллинскими) предками-язычниками, укрепляло этническое самосознание населения Никейской империи как особого народа (греков), имевшего славное прошлое и полное надежд на великие свершения в будущем.

В архитектуре и изобразительном искусстве также отчетливо доминировали недавние общевизантийские (точнее, константинопольские) и местные, малоазийские традиции. Наиболее целенаправленно, вполне сознательно по старому (столичному) образцу организовывались вся жизнь и быт императорского двора, как и быт высшей никейской знати. Проявившиеся здесь черты упрощения и отступления от канона — результат не каких-то спонтанно (или под чуждым влиянием) возникших веяний, а существенно меньших сравнительно с XII в. материальных возможностей империи «в изгнании».

Вопреки политической изоляции и трудностям сухопутного сообщения с Трапезундской империей (связи с нею поддерживались в основном по морю) развитие ее культуры представляло собой наиболее близкий вариант к никейскому, а затем и к общевизантийскому. Культурные ценности, созданные в империи до 1204 г. и в Никее после 1204 г. (точно так же, как позднее, во второй половине XIII—XV вв., в восстановленной Византии), воспринимались по-прежнему жителями Трапезунда как {588} «родные», как общее духовное достояние. Подобным же было и отношение в Никее (а затем в Константинополе) к явлениям культурной жизни Трапезунда. Более того, сами деятели культуры и мастера искусства, меняя место жительства и несения службы, чувствовали себя в культурной среде Никей или Константинополя точно так же, как и в Трапезунде.

Культура Трапезундской империи — это прежде всего культура ее столицы, крупного черноморского порта, перекрестка морских путей. Литературные похвалы ему (энкомии) составили целый цикл панегирического жанра понтийской литературы — выражение местного патриотизма, гордости за храмы, дворцы и укрепления родного города, средоточие науки и искусства.

Вереница мастеров культуры, писателей и ученых, покинувших павший в 1204 г. Константинополь и достигших Трапезунда, была значительно беднее, чем в случае с Никеей. Оживленный обмен представителями культурной элиты и результатами их деятельности между Трапезундом и другими византийскими регионами налажился не в период до 1261 г., а зна-

чительно позже — в конце XIII — XIV в. Взыскательное, высококультурное сообщество интеллектуалов сложилось здесь позднее, чем в Никее, позже была восстановлена система низшего, среднего и высшего образования, период собирания сил и восстановления культурных традиций растянулся здесь на гораздо более длительное время.

Отчетливо проявилась при этом тенденция к архаизации. Так, например, стиль архитектурных памятников Трапезунда свидетельствует, с одной стороны, о преемственности с зодчеством комниновского времени и о развитии некоторых новых элементов, уже тогда ясно различимых (богатый внешний декор здания и пышный интерьер), а с другой стороны — в архитектуру Трапезунда исподволь внедрялись архаичные, не свойственные другим византийским регионам черты. И тем не менее ранние архитектурные памятники Трапезундской империи позволяют заключить, что они были созданы, скорее всего, представителями константинопольской школы. Что касается монументальной живописи, иконописи и книжной миниатюры Трапезунда, то тенденции оставались здесь такими же, как и в Никее: палеологовская живопись генетически восходит в той же мере к никейской, в какой и к трапезундской первой половины XIII в. Как полагают, и в этой сфере в Трапезунде трудились на первых порах также представители константинопольской художественной школы. Однако менее связанные в новых условиях со столичным каноном, эти же художники смело использовали в своем творчестве элементы местной (и вообще восточной) традиции (в том числе грузинской, армянской, сирийской) и воспроизводили сплошь и рядом при изображении ликов людей трапезундский этнический тип. Существенная часть персидских и арабских естественнонаучных знаний проникла в этот период (XIII—XV вв.) в греческий ученый мир через давние и устойчивые связи трапезундской науки с Востоком. Слава трапезундских мудрецов благодаря венецианцам и генуэзцам, имевшим в Трапезунде свои фактории, достигала берегов Атлантики.

Длительное самостоятельное существование Трапезундской империи, ее положение «перекрестка культурных течений», идущих со всех концов {589} света, ее оживленные связи с Грузией и с соседними расположенными к юго-востоку и югу мусульманскими странами, непрерывающееся тесное взаимодействие с культурными кругами Константинополя — все это обусловило появление в культурном облике этого региона таких особенностей, которые позволяют определять трапезундскую культуру лишь как специфическую ветвь византийской. Нарочито архаичный стиль получил здесь даже политическую окраску: он насаждался официально в зодчестве, живописи, дворцовом церемониале, быте и нравах аристократии как важное свидетельство заботы о свято сохраняемой комниновской традиции (от Комнинов трапезундская династия вела свой род), служащей делу упрочения престижа империи на международной арене. В Трапезунде получил права гражданства в литературе местный понтийский диалект, который стал широко использоваться даже в официальном делопроизводстве.

Существенно меньше известно о культурной жизни Эпирского царства. Причины этого не только в том, что крайне ограничен относящийся к этому региону материал источников, что крайне плохо сохранились (как правило, разрушенные или подвергшиеся полной перестройке) материальные памятники Эпира XIII—XV вв., но и в том, что уровень развития культуры здесь был в указанную эпоху, несомненно, более низким, чем в Никее и Трапезунде. До превращения в независимое государство Эпир был византийским захолустьем, отрезанным от крупных культурных центров не столько расстоянием, сколько труднопроходимой горной местностью. Горы защищали Эпирское царство, но они же содействовали его культурной изоляции.

Наиболее скудной сравнительно с Никеей и Трапезундом была в Эпире и иммиграция византийской культурной элиты. Но она все же имела место и, безусловно, способствовала оживлению культурной жизни в Эпирском царстве в первой четверти XIII в. Мало того, есть основания полагать, что именно в этот, и только в этот, начальный период были созданы наиболее значительные памятники культуры Эпира, которые в таком случае с большими основаниями следует считать общевизантийскими, чем местными, собственно эпирскими.

Так, например, все три значительных писателя-правоведа Эпирского царства (Иоанн Апокавк, Георгий Вардан и Димитрий Хоматиан) не были уроженцами Эпира: Апокавк и Хоматиан были, в сущности, константинопольцами, Вардан происходил из Афин. О Хоматиане, архиепископе охридском (болгарском), как деятеле культуры Эпирского царства можно говорить вообще весьма условно: Охрид, резиденция Болгарской архиепископии, принадлежал Эпиру едва треть столетия и населен он был по преимуществу не греками и албанцами, а болгарскими. Все трое были высшими духовными персонами, участвовали в острой политической борьбе того времени, но в отличие от многих других деятелей культуры тесно соприкасались с

местным населением, знали нравы, низовую культуру, обычное право, распространенные в среде их паствы. С одной стороны, их воззрения и юридические определения и решения, вынесенные на основе канонического и светского права, имели значение для всех византийских правоведов, вошли в золотой фонд византийской юриспруденции и как науки, и как практики. С другой стороны, эти писатели отразили в своих трудах местные, зачастую уникальные в пределах бывшей Византийской {590} империи культурные тенденции, обычаи и нравы, выступая, таким образом, помимо прочего, также в роли бытописателей-краеведов.

Не случайно и то, что крупнейшие архитектурные памятники Эпира были созданы также в первый период истории Эпирского царства и явно представителями константинопольской и фессалоникской школ, хранившими комниновские традиции. По-видимому, приверженность к художественным нормативам XII в. имела и здесь политический оттенок (деспоты Эпира также вели свой род от Комнинов). Аристократическое, традиционное (комниновское) направление в эпирской живописи сохранялось, пожалуй, на еще более высоком уровне, чем в зодчестве.

Расположенный между Фессалоникой (в 1224—1242 гг. ею владела эпирская династия), Болгарией, Сербией, Пелопоннесом (занятым в XIII в. латинянами) и Адриатикой, Эпир играл в известной мере роль культурного посредника между Юго-Восточной и Западной Европой, между византийцами, славянами, итальянцами и франками. Эпир оказался хранителем и древней, и современной ему византийской культуры, являясь вместе с тем очагом созревания тех новых тенденций, которые в полной мере раскрылись в палеологовскую эпоху. Иначе говоря, и эпирская культура, как и никейская и трапезундская, в силу ее многовековых традиций в целом развивалась в общевизантийском русле.

Гораздо более сложным, неоднозначным и многообразным стал культурный процесс в Латинской Романии. Как известно, в эпоху средневековья покровительство, материальная поддержка, заказ верховной государственной власти, придворных кругов и светской и духовной аристократии играли огромную роль в развитии культуры, особенно элитарной. Вкусы меценатов не могли быть оставлены без внимания деятелями и мастерами литературы, науки и искусства. Так было и в Никее, и в Трапезунде, и в Эпире. Латинская Романия состояла из множества государств, которыми правили и франки, и итальянцы, и каталонцы со своими культурными традициями. Крупнейшими из латинских государств (сроки существования которых были весьма различными) являлись Константинополь с округой, франкская Морья, Афино-Фиванское герцогство. Каталонское княжество, венецианский Крит, Кипр, Родос и др. И в каждом из них судьбы культуры, зависевшие от соотношения местного и пришлого населения, от политики властей, от внешних влияний, были далеко не одинаковыми.

Соответствующая глава первой части данной книги представляет собой первый в советской историографии опыт обобщающего рассмотрения судеб западной (латинской) культуры на византийской земле и судеб византийской культуры на захваченных латинянами территориях. Здесь, в Заключение, мы коротко остановимся именно на судьбах византийской культуры там, где высшая власть принадлежала представителям иной (западной, католической) цивилизации.

Осуществленный в 5-й главе анализ показал, что такие явления, как сплав (синтез) культур и возникший в результате этого ее новый, оригинальный облик, преобладание западноевропейских черт сравнительно с византийскими в материальных и письменных памятниках или, напротив, преобладание византийских черт и, наконец, сохранение византийских традиций практически не затронутыми латинским влиянием, не зафиксированы все вместе или в большинстве одновременно в одном и том же, под-{591}властном западным рыцарям регионе. В целом можно, по-видимому, заключить, что до середины XV в. ни в одной из захваченных латинянами провинций западная культура не была принята в качестве господствующей местным населением, даже его высшими слоями — греческой знатью. Крайне ограничено число известных науке фактов, которые можно было бы истолковать как свидетельство глубокого, органического синтеза культур. Следы латинского влияния очевидны, прослеживаются без труда, но почти полностью отсутствуют созданные византийцами памятники литературы или искусства, в которых преобладали бы черты «чуждой», заимствованной культуры. В целом следует, видимо, считать справедливым наиболее общий вывод: во всех частях Латинской Романии и синтез и взаимодействие двух культур неизменно совершались на базе местной византийской культуры; при постоянном, даже самом интенсивном, влиянии Запада культура Латинской Романии оставалась в своей основе, в ее главном облике культурой византийской.

Более того, в ряде регионов (например, в Афино-Фиванском герцогстве, на Эгине и ряде других островов Эгейского моря) византийская культура в сущности не подверглась под западным влиянием никаким заметным деформациям. К тому же она почти повсеместно в Латинской Романии испытала мощное воздействие палеологовского искусства: монументальная живопись, иконопись, книжная миниатюра, мозаика развивались здесь в целом в рамках общевизантийского культурного процесса.

Существеннее влияние на судьбы византийской культуры в Латинской Романии оказывали следующие факторы, негативное воздействие которых было особенно значительным в первые десятилетия иноземного господства. Во-первых, греческое население на захваченных латинянами землях практически лишилось своего высшего культурного слоя; континуитет элитарной византийской культуры был здесь в отличие от Nikeи, Трапезунда и Эпира ограниченным; культурные контакты латинских княжеств с греческими государствами стали налаживаться только к началу XIV в., когда произошли глубокие демографические и культурные перемены в самой среде латинских завоевателей. Во-вторых, деятели византийской культуры (по крайней мере архитекторы, художники, мастера прикладного искусства), оставшиеся под властью западных пришельцев, лишились поддержки со стороны официальной государственной власти, заказов двора и высшей аристократии; поступившие на службу к латинянам греческие архонты принадлежали в лучшем случае к среднему звену привилегированного военного сословия — они выступали в роли меценатов-заказчиков, поддерживавших мастеров «родного» (греческого) искусства (строительство и украшение церквей, создание икон, переписка и иллюминирование рукописей, изготовление ювелирных украшений и т. д.) лишь эпизодически и в ограниченных масштабах. В-третьих, в приниженном, неравноправном положении оказалась греческая (православная) церковь; высший, наиболее образованный ее слой покинул пределы Латинской Романии; оставшиеся на месте иерархи были подчинены латинским епископам, утратили былое благополучие; их возможности строить и украшать культовые здания резко сократились; само отправление православного церковного обряда было в некоторых регионах затруднено, а в ряде мест принявшие под давлением завоевателей церковную унию греческие иерархи потеряли доверие народа, свято хранящего верность православию. {592} В-четвертых, большинство крупных греческих городов (включая Константинополь) в латинских княжествах утратило, былое значение центров византийской культуры: латинская знать либо основывала новые города, где старалась воссоздать и материальный комфорт, и духовную атмосферу по образцу и подобию городов своей родины, либо проживала в сельской местности в возведенных ими или перестроенных из греческих укреплений замках, либо благоустраивала в старых городах лишь те кварталы, где селилась, оставляя в полном пренебрежении жилища и архитектурные памятники «схизматиков». В-пятых, наконец, само греческое население в ответ на угнетение и презрение латинян к культурным (в том числе конфессиональным) ценностям греков сознательно культивировало с гораздо большим упорством, нежели в Трапезунде и Эпире, старые комниновские традиции и в зодчестве и в живописи, возвращалось порой к более архаичным, примитивным и огрубленным стандартам, долго оставалось невосприимчивым к новым («палеологовским») веяниям. Латинское завоевание консервировало, замедляло темпы развития византийской культуры в качестве культуры отечественной, греческой. Униженный завоевателями народ как носитель местной культуры оказался не только плохим реципиентом достижений чуждой культуры, он был ее противником, отвергая все, что «отдавало» латинством. В неизмеримо большей степени, чем на территориях, не затронутых латинским завоеванием, народ здесь стал главным хранителем отечественных культурных традиций, прежде всего на ее глубинном, низовом уровне. Именно это обстоятельство и обусловило тот непреложный факт, что в конечном итоге и в освобожденных в XIII—XIV вв. от западных пришельцев районах, и на оставшихся во власти латинян к 60-м годам XV в. землях культурный облик подавляющей массы населения, включая привилегированное сословие, оказался византийским, греческим, восточноправославным.

Кроме того, ограниченность западного культурного влияния, слабость процессов аккультурации коренного греческого населения в Латинской Романии обуславливались рядом объективных причин иного характера. Прежде всего, господствующий во всех латинских государствах слой с самого начала и до конца владычества западных рыцарей оставался лишь незначительным меньшинством населения. Несмотря на развивавшуюся со временем колонизацию — приток с Запада поселенцев из демократических кругов становившихся в латинских княжествах воинами, моряками, торговцами, ремесленниками (в том числе мастерами в облас-

ти художественных ремесел), несмотря на участвовавшие со временем браки между латинянами и греками (как правило, мужчины-латиняне женились на гречанках) и появление целого слоя метисов — гасмулов, демографическая структура населения латинских государств не претерпела принципиальных изменений. Общество завоевателей не было в социальном и демографическом смысле нормальным, естественно сложившимся, каким было общество греческое на захваченных крестоносцами землях: латинские колонизаторы состояли в основном из мужчин-воинов, привилегированных рыцарей, господ, явившихся на «греческий Восток» без женщин и детей (семья они чем дальше, тем чаще заводили на месте нового своего поселения) и без подвластного им на родине люда (прежде всего крестьян). Этнические сообщества латинян в Романии были лишены корней, фундамента, основной структурообразующей базы, а вместе с тем и родной {593} по языку и культуре народной стихии. Не только в социальном и этническом, но и в культурном отношении латиняне оказались в изоляции, и процесс аккультурации стал быстро прогрессировать не в недрах подчиненного им греческого населения, а в их собственной среде. Время существования латинских государств на бывших византийских землях было эпохой особенно интенсивного и глубокого влияния византийской культуры на культурное развитие Западной Европы. Прежде всего «огречивались» сами графы и бароны Латинской Романии, усваивавшие все чаще греческий язык с детства как родной, даже принимавшие православие, а вместе с тем и местные, византийские культурные ценности, греческие нравы, вкусы, обычаи. Само литературно-художественное творчество латинских культурных деятелей, включая их элиту, оказывалось с ходом времени все в большей степени (при всем разнообразии положения дел в разных подвластных латинянам регионах) лишь своеобразной, иногда яркой и оригинальной, ветвью культуры греческой. Латинская Романия в целом, а в особенности венецианский Крит, при активном участии итальянских гуманистов стала мощным очагом распространения культуры Византии на Западе.

Все это тем не менее не означает, что латинское господство можно характеризовать как фактор, который либо не имел никакого, либо имел только негативное значение для судеб византийской культуры. Латинская Романия стала гигантской мастерской по обмену культурными ценностями. Влияние латинского зодчества (прежде всего готики) и латинского изобразительного искусства придавало порой особый колорит греческим памятникам, обогащало формы и традиционные приемы творчества. Во время венецианского господства на Крите получили простое для своего развития местные народные (в том числе «монашеские») школы иконописи, и Крит с XIV в. превратился в один из наиболее известных во всей Европе центров оригинальной греческой живописи, в которой бережно сохранялся старый стиль и в то же время воплощались достижения палеологовского искусства.

Через литературное творчество латинских поэтов, менестрелей и трубадуров, в творениях которых со временем гложала антивизантийская идея и которые переходили на греческий язык, в византийскую литературу проникали рыцарские идеалы уважения к женщине, бескорыстной любви и дружбы, верности родине и гражданскому долгу, ненависти к несправедливости и лицемерию (Филипп де Новар, Леонардо Деллапорта, Марин Фольер). Живые связи поэтов и писателей Латинской Романии с итальянскими гуманистами содействовали укреплению прогрессивных гуманистических тенденций в византийской культуре, усиливали внимание к народному устному творчеству. Причудливое сочетание западных и чисто греческих сюжетов рыцарских и любовно-приключенческих романов, создававшихся в Византии в XIV—XV вв., обязано отчасти, по всей вероятности, посреднической роли литературы Латинской Романии. Сравнительно с Центральной Грецией, франкской Мореей и Кипром синтез латинской и византийской культур был наиболее плодотворен именно на Крите, хотя и здесь в целом он не привел к органичному взаимопроникновению культур и их принципиальному обновлению. Вплоть до конца XV в. духовная, художественная жизнь Крита, его литература и искусство оставались в орбите византийской культуры, как осталась в ее фарватере {594} и культура всех других византийских земель, оказавшихся в результате Четвертого крестового похода во власти латинян. Наиболее слабыми при этом были связи с остальным греческим миром лишь у Кипра, где с трудом прослеживаются следы влияния палеологовского искусства.

Разумеется, население бывших земель Византии, занятых латинянами, в силу враждебности завоевателей к никейским императорам и эпирским деспотам поддерживало менее регулярные контакты с жителями Никеи, Трапезунда и Эпира, а затем восстановленной Византийской империи. Время политической и культурной изоляции не прошло бесследно для тех территорий, которые одна за другой возвращались под скипетр византийского императора и под

власть имперского духовенства. Конечно, говорить вообще о восстановлении византийских норм культурной жизни на возвращенных землях нет оснований — эта культура в целом, как говорилось, сохранила и здесь общевизантийский облик. Однако нельзя сказать и того, что здесь совершенно не было никакой необходимости в регенерации и активизации институтов, связанных с культурными запросами общества. В частности, в срочной помощи нуждалась освобожденная от католической опеки православная церковь, требовалось восстановить работу начальных, светских, приходских и монастырских школ, активизировать деятельность скрипториев, художественных мастерских, обслуживавших потребности культовых учреждений, и т. д. Иными словами, в течение какого-то (начального) этапа происходил процесс как распространения в отвоеванных районах более высоких форм культуры, сохранных и развитых в Никейской империи, так и восприятия имперской культурой тех духовных ценностей, которые были созданы в пределах Эпира, Трапезунда и латинских государств. Восстановление империи имело, несомненно, огромное значение и для судеб культуры. На большинстве имперских земель процесс культурного развития снова приобрел единый общегосударственный характер. Независимо от политических амбиций императоров Трапезунда и деспотов Эпира, не желавших воссоединять с империей подвластные себе земли, Константинополь снова стал главным духовным и культурным центром греческого мира, наиболее авторитетным ориентиром, законодателем стилей, мод и вкусов.

Отвоевание Константинополя и восстановление империи создало, кроме того, новую духовную и нравственную атмосферу в обществе: деятелями культуры овладело воодушевление, энтузиазм и радужные надежды увлекали широкие слои населения. Отнюдь не случайно Палеологовское возрождение как период резкого подъема культуры нашло реальное отражение в искусстве едва через 15—20 лет после отвоевания Константинополя.

Следует отметить, что широко принятый в современной литературе термин *Палеологовское возрождение* является, несомненно, условным. О его содержании ведутся споры. Ряд видных византинистов (например, И. Шевченко) считают правомерным употреблять это понятие лишь применительно к последним двум десятилетиям XIII в. Во всяком случае, термин «возрождение» (как и «гуманизм») не может быть идентифицирован с итальянским Ренессансом (Возрождением) — сложным социо-культурным западноевропейским явлением, ознаменовавшим начало крушения феодального общества и освобождения умов от религиозного мирозерцания. В общественном строе Византии едва начали пробиваться ростки тех социально-экономических и культурных явлений, которыми {595} уже была пронизана жизнь итальянских городов-республик. Палеологовское возрождение не могло быть, таким образом, следствием иноземного влияния: почва для идеалов ренессансной культуры не была подготовленной. В применении к Византии «возрождение» означает лишь новый расцвет на базе традиционных направлений греческой православной культуры, отмеченных, правда, гораздо ярче выраженными, чем раньше, гуманистическими тенденциями. Наконец, условно не только наименование «Палеологовское», указывающее лишь на время правления императоров Палеологовской династии, но и распространение этого термина на весь последний период истории византийской культуры (с последней четверти XIII до середины XV в.). И. Шевченко прав — имел место, безусловно, расцвет культуры, но нет резонных оснований определять всю эту эпоху термином, который, согласно его точному смыслу, может характеризовать только ее начало.

В целом новые гуманистические тенденции в Византии выразились в более свободных суждениях по религиозным проблемам, в терпимом отношении к иным религиозным учениям, в попытках создать, используя элементы античной мифологии, новые религиозные культы, в рационалистических взглядах на природные явления и на причинно-следственные связи в истории общества, в усилении внимания писателей, философов, художников к внутреннему миру человека. В среде высокообразованных византийских интеллектуалов, являющихся выразителями прогрессивных веяний, культивировалось уважение к личности, к индивидуальному мнению и художественному вкусу, утверждался широкий и глубокий интерес к культурным ценностям других народов.

Не разделяя, как сказано выше, мнений, согласно которым между итальянским и византийским Возрождением обнаруживаются черты типологического сходства, автор главы (И. П. Медведев) тем не менее считает возможным отметить некоторые объективные факторы, которые являются общими для итальянской и византийской действительности. Эти факторы свидетельствовали о сближении исторических судеб Византии и Италии в рамках складывавшегося в XIII—XV вв. единого политического, экономического и идеологического итало-греческого

комплекса. К этому же результату вела и адаптация поздней Византии к новым условиям экономической и социокультурной жизни, созданным в Восточном Средиземноморье благодаря торговой активности городов-республик Италии. Все это не могло не содействовать определенным тенденциям к сближению и в сфере культуры Италии и Византии.

Сколь ни привлекательной была Никея к середине XIII в. для деятелей культуры, многие из них оставались вне пределов Никейской империи. Иной стала ситуация после отвоевания Константинополя: сюда они съезжались отовсюду — и из других крупных центров, и из захолустных городов, и с отдаленных островов. К концу XIII в. в столице сосредоточилась почти вся интеллектуальная элита империи, по крайней мере светская (духовенство выполняло свой пастырский долг и в провинции). Непременной сферой деятельности энциклопедистов той эпохи являлось преподавание, и число эрудитов-учителей, причем весьма высокого уровня, быстро росло.

Новые веяния в интеллектуальной атмосфере эпохи, тяжелые задачи, стоявшие перед государством и обществом, властно требовали от деятелей культуры четко выраженной позиции по отношению и к науке, и к литературе. Уже на рубеже XIII—XIV вв. кардинальной для литературных и ученых кругов стала дилемма: либо признать несостоятельными знания и науку (а вместе с тем и разум), а догматы христианского учения — незабываемыми, либо объявить сомнительной теологию, а разум и знание — истинной дорогой к благу. В общем виде именно по отношению к этому вопросу к 40-м годам XIV в. произошел принципиальный раскол византийской образованной элиты, в котором проблемы онтологии и теологии оказались вплоть до 1453 г. неотделимыми от политики.

Значительную часть интеллектуалов составляли представители высшего белого и в особенности черного духовенства. Они выступали как защитники чистоты православия. Многие из них также были искусными в античной логике, риторике и диалектике. Немало и они внесли нового в умение строить силлогизмы, вести тонкую полемику, поднимая на более высокий уровень искусство преодоления диалектических противоречий. В середине XIV в. они сплотились в широком движении исихастов, (проповедников мистического прижизненного единения с божеством путем «умного делания», «исихии» — покоя и слияния с Богом через аскезу и погружение в молитвенный экстаз). «Партия» исихастов во главе со своим вождем Григорием Паламой быстро «политизировалась» и к середине XIV в. захватила «идеологические высоты» в империи.

Неизмеримо уже был круг эрудитов-гуманистов, сила которых состояла в гораздо более широких и глубоких познаниях в культурном наследии античности, в более смелой интерпретации проблем онтологии и гносеологии (включая теологию), этики и самих явлений современной им действительности. Основой их философских изысканий стали платонизм и неоплатонизм. Разум (а не веру) они объявили главным инструментом познания и высшей добродетелью, противопоставляя его исихастскому антиинтеллектуалистическому поклонению церковным догматам. Апология платонизма, попытки не только комментирования, но и развития античных культурных традиций гуманисты и называли в своем кругу «возрождением». Они полагали, что научное познание должно состоять в сочетании теоретико-дедуктивного метода с эмпирически-индуктивным, в том числе познание окружающего мира и его причинных взаимосвязей. Тиха (рок, судьба) впервые предстала в учении гуманистов как альтернатива проники (божественному провидению), свобода воли — жесткому детерминизму. Эти отступления от традиционных постулатов православия церковь была готова трактовать как ересь. Современные исследователи не видят в идеях гуманистов новой философской концепции, радикально противостоящей теологии, но усматривают в их тезисах тенденции к десакрализации мысли, к признанию объективности материального мира (на Западе это течение XIII—XIV вв. определялось как номиналистическое).

Исихасты выступали по преимуществу как церковные деятели, священнослужители и проповедники. Иным было общественное поведение гуманистов. Их нравственным идеалом стало служение обществу и отечеству. Они проявляли уважение к личности, к ее праву на справедливость в земной, а не в потусторонней жизни. Высоким было и самоуважение гуманистов, считавших порядочность нормой человеческого общения. Они воспевали естественные радости жизни, мечтали о славе, с удовольствием {597} созерцали картины природы и шедевры искусства, упивались поэзией, но высшим наслаждением считали умственную деятельность.

Исихастам удалось помешать попыткам гуманистов утвердить право на самостоятельную мысль, сдержать развитие и распространение в гибнущей Византии ренессансных тенденций. Победа исихастов была обусловлена опорой на могущественные консервативные силы (феодалную аристократию), решительно поддержанные монашеством и императорской властью. Немалую роль сыграло и невежество народных масс, которые были готовы безоговорочно следовать за духовными пастырями.

Имело значение и то обстоятельство, что исихасты сумели скомпрометировать гуманистов политически. Гуманисты поддерживали тесные связи с итальянскими энциклопедистами (ненавидимыми исихастам и народу латинянами), они изучали западную литературу и науку, представители именно гуманистических кругов со второй половины XIV в. чаще всего оказывались среди эмигрантов, покидавших страдающую родину ради спокойной жизни в городах Италии. С точки зрения православного и великодержавного ригоризма латинофильство ученых гуманистов трактовалось как предательство веры и отечества. Действительно, именно гуманисты обнаружили мало готовности к подвижничеству и страданиям за веру.

Политическая мысль поздней Византии пронизана неврозностью, лихорадочными поисками спасения государства, причем с помощью средств, взаимоисключавших друг друга. Правоверные патриоты-консерваторы отстаивали старую идею ойкуменизма, великодержавности, незыблемости Нового Рима. Однако триумфальный марш османов по Балканам, начавшийся во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIV в., заставлял приверженцев этой доктрины менять свою позицию. Они возрождали идею примата духовной (патриаршей) власти над светской (императорской), остро порицали императоров за династические раздоры и склоняли их к компромиссам с султанами. Неудачи и провалы порождали в среде идеологов-ортодоксов уныние; им были свойственны капитулянтские и даже туркофильские настроения.

Однако едва ослабевала османская опасность (например, после разгрома армии османов в 1402 г. татаро-монголами при Анкаре), традиционалисты возвращались к мысли об ойкуменизме, о святости доктрины великодержавия и о реконкисте как главном средстве решения всех проблем.

Значительно разнообразнее были политические идеи гуманистов, хотя и они отдали долг традиционализму. Трактую вопрос об образе идеального государя, они перенесли акцент на его личные, человеческие качества, умаляя таким образом тезис о богоизбранности «помазанника божия»; долгом его они считали труд на пользу общества, служение в качестве арбитра и гаранта справедливости.

Гуманисты выступали с идеей взаимопонимания между империей и народами Запада. Большинство их оказалось в стане латинофилов. Сам традиционный для византийцев имперский патриотизм обрел у гуманистов новые оттенки, свидетельствующие о росте этнического самосознания: термин «ромей» все чаще заменялся понятием «эллины», т. е. греки. Активность латинофилов повышалась, когда усиливалась угроза Константинополю со стороны османов. {598}

Трагизм противостояния сторонников этих двух противоположных политических позиций состоял в том, что и те и другие были и реалистами и идеалистами одновременно, но по-разному. Особенно ярко это проявилось в борьбе вокруг унии церквей. Реалистично оценивая ситуацию, гуманисты-латинофилы видели в военной помощи Запада единственное средство спасения, а в унии церквей — уступку, на которую нужно идти без лишних колебаний. Не менее реалистичны были антиуниаты, верно констатируя неодолимую враждебность унии со стороны подавляющего большинства духовенства и широких масс населения. Идеализм первых состоял в несбыточных надеждах на готовность Запада спешить на помощь Византии, идеализм вторых — в расчетах на соглашение и мирный симбиоз с османами.

Все это нашло достаточно полное отражение в историографии того времени, достигшей подлинного расцвета в поздневизантийскую эпоху. Действительность поставила особенно властно в первую очередь перед историками задачу переосмысления истории и места в ней личности.

Наиболее общей для историографии этой эпохи была нарастающая тенденция к десакрализации исторической мысли, к признанию значения фактора личной активности, к более реалистическому пониманию причинно-следственных связей.

Историография поздней Византии делает честь византийской культуре: большинство ее представителей, стоявших на уровне образованности своего времени, перенесли тяжкие испытания, выпавшие на долю их родины, но они не изменили глубокой любви к своему отече-

ству и народу. Они содействовали своим творчеством сохранению этнокультурного самосознания греков в трудную эпоху иноземного господства и не отступились от своих гуманистических идеалов.

Еще более явственными гуманистическими тенденциями было отмечено развитие поздневизантийской литературы. К сожалению, в данном томе отсутствует ее сколько-нибудь полный очерк: по недостатку места опущены такие ее жанры, как любовная лирика, церковная гимнография, эпистолография, риторика и т. п. Автор соответствующего раздела сосредоточил основное внимание на жанрах, близких к эпической поэзии и басенному эпосу, а главное, написанных на разговорном греческом языке.

Нельзя сказать, что такого рода литература (на разговорном языке) появилась только после 1204 г.: она существовала уже в XII в. И этот факт свидетельствует о внутренних причинах возникновения этого явления, об осознаваемой литераторами необходимости укреплять связи с народом, отвечать своим творчеством его запросам и интересам. Однако создание художественных произведений на разговорном языке как четкая, постоянная установка у части византийских писателей — явление, несомненно, новое, присущее именно поздневизантийской литературе. В потерпевшем крушение греческом мире в сущности только православие и живой язык как средство общения соотечественников оставались связующими факторами в жизни греков, лишившихся единой светской власти и единого церковного управления. В течение веков литературная элита, обращаясь к античным и эллинистическим образцам и подражая аттической речи, утверждала общечеловеческие ценности, но одновременно углубляла свой отрыв от родного народа: элита была двуязычной, народ моноязычным — {599} сочинения интеллектуалов ему, даже знавшему грамоту, оставались недоступны.

Степень приближения прежнего литературного языка к живому или живого к литературному была различной в разных произведениях, но в ряде жанров литературы XIII—XV вв. народный язык господствовал фактически безраздельно. На первом месте среди этих жанров был рыцарский роман, генетически связанный и по форме и по языку с любовно-приключенческими романами XII в., но именно в XIII—XIV вв. сформировавшийся окончательно как особый вид византийской литературы. Основная идея этого литературного жанра — прославление идеалов благородной любви и бескорыстной (порой жертвенной) дружбы.

Рыцарский роман соединяет в себе два потока приключенческо-волшебного жанра предшествующей литературы: от эллинистически-византийского любовного романа он заимствовал реалии сюжетной канвы, а от собственно средневекового фольклора сказочно-фантастическую топику. В новом жанре нет четкой грани между естественным и сверхъестественным, волшебное органически соединено с реалиями повседневного, порой сугубо приземленного быта. Образы античной мифологии — почти неизменные атрибуты повествования, но лишь как аллегории-персонификации чувств. Эстетика рыцарского романа соответствует нормам, принятым в ту эпоху (это — зеркальное отражение мира как идеальное, гармония чувств, помыслов, дел и реалий, свет и цвет как свойства красоты). Феодальная действительность легко просматривается во всей ткани повествования, причем действительность христианская, однако в рыцарских романах отсутствуют специальные пассажи, сюжеты, эпизоды, повествующие о религиозных чувствах героев, о вмешательстве христианского Бога и святых в ход дела. Роман утверждает, как правило, не собственно византийские, а общечеловеческие ценности. Греческие патриотические тенденции также отсутствуют или почти отсутствуют в рыцарских романах. В сказках и иных близких к роману произведениях («Ахиллеида») образов античных богов и героев бывает и больше, но они не имеют ничего общего, кроме имени, с теми, какими они предстают в мифологии и литературе античности. Этот факт лишний раз свидетельствует о глубоком разрыве между традициями античной и византийской народной культуры, но вместе с тем и о том, что память о далеком «великом прошлом» не совсем исчезла в народе и могла в благоприятной ситуации питать чувство греческого патриотизма.

Ноты пессимизма и тоски стали обычным эмоциональным фоном для многих сочинений литературы Византии последнего столетия ее существования. Причины этого крылись не только в неотвратимой османской угрозе, но и в нарастании внутренней социальной напряженности в византийском обществе, усилении противоречий между официально утверждаемыми идеалами государства, и церкви и действительностью. Наиболее остро политическая сатира воплотилась именно в народной литературе, в «зверином» басенном эпосе.

Естественно в связи с этим сказать о юридическом обеспечении в поздневизантийском обществе социальных и гражданских прав человека. В науке распространено мнение об упадке

юриспруденции в поздней Византии, основанное на отсутствии крупных государственных кодификаций, на эпизодичности нормативных распоряжений в сфере гражданского {600} и канонического права и молчании источников, о налаженной системе юридического образования. Более внимательное рассмотрение вопроса не позволило согласиться с этим мнением. Именно от XIV—XV вв. сохранилось особенно много рукописей сборников юридического содержания. Судебные решения светского и церковного суда свидетельствуют о хорошем знании законов и умении их применять. Имело место и правотворчество в области наследственного, семейного и брачного права; новые нормы возникали и в сфере канонического права. Об активности в судебно-правовой практике говорит также попытка реформы суда в конце XIII в. при Андронике II и учреждение нового судебного института Андроником III в 1329 г.— так называемых вселенских судей, высшей судебной инстанции: четверо судей из светских и духовных лиц наделялись правом творить суд над любым подданным в пределах империи вплоть до августейших особ. С одной стороны, это была уступка недовольным ходом дел слоям общества, свидетельствующая о стремлении правительства усилить гарантии социальной справедливости, а с другой — косвенное признание бессилия своей власти: светский повелитель стал больше нуждаться в поддержке церкви, расширяя сферу ее судебной компетенции.

Таким образом, более верно было бы говорить не об упадке правовой науки в поздней Византии, а о новом этапе ее развития: время грандиозных кодификаций миновало, пришло время систематизации права, диктуемой необходимостью облегчить использование законов в судебной практике.

Распространенным в науке было также мнение о творческом бессилии поздневизантийской дипломатии. Действительно, традиционные методы и приемы вырабатывались и оттачивались веками и весь их арсенал находил непосредственное применение и в XIII—XV вв. Однако в течение этой эпохи нагрузка на дипломатию как средство достижения внешнеполитических целей постепенно возрастала. В связи с этим получили дальнейшее развитие уже опробованные приемы и возникали принципиально новые. Так, гораздо более широкой и систематической стала практика урегулирования внешнеполитических проблем с помощью династических браков, на пути к которым дипломатам принадлежала первенствующая роль. Участились случаи заключения тайных договоров. Занятия дипломатией как профессией и знание языков снова, как в эпоху Юстиниана, становились само собой разумеющимися качествами византийских послов. Отражением общей тенденции к повышению роли церкви в политической жизни было становившееся ординарным привлечение к дипломатическим миссиям духовных лиц, а зачастую и подмена светской дипломатии церковной. Чаше и с большим успехом византийская дипломатия в борьбе за некогда принадлежавшие империи земли стала апеллировать к этническим чувствам и культурным традициям греческого населения, оказавшегося под властью соседних государств.

Тяжелое внешнеполитическое положение империи, все чаще возникавшая угроза самому ее выживанию обусловили все более частое в дипломатической практике следование принципу «цель оправдывает средства». Впервые в расчете на военную помощь император «божественной империи» Иоанн VI Кантакузин выдал замуж за турецкого султана-мусульманина собственную дочь, впервые в политической практике Византии {601} ее василевсы стали выступать в роли дипломатов — посланников собственной державы, совершая турне по западноевропейским столицам.

Дипломатия империи в первой половине XV в. была предельно активна и изворотлива. Ей удалось на какое-то время продлить агонию империи, но ситуация сложилась так, что решало дело уже не дипломатическое искусство, а соотношение материальных и людских ресурсов и воинских сил.

Как уже упоминалось выше, в поздней Византии утверждалась новая концепция умственного труда как самого высокого счастья — благородного наслаждения знанием. Расцвет науки традиционно связывался с овладением культурным наследием античности во всей его полноте. Авторитет античной науки оставался по-прежнему непререкаемым. Цели ее постижения и систематизации, а также истолкования (с помощью особой дисциплины — герменевтики) преследовались и в кругу западных гуманистов ренессансной эпохи в очевидной связи с деятельностью византийских, сохранивших и передававших на Запад сокровища античного знания.

Византийские интеллектуалы этого времени были энциклопедистами в гораздо большей степени, чем ранее. Преимущественное внимание уделялось математике, астрономии, фи-

зике. И все-таки появление ростков подлинно научных знаний и совершенствование исследовательских методов были характерны и для этой эпохи. Через арабское посредничество были восприняты и внедрены в практику научных занятий десятичная система и индийские (используемые ныне) цифры. Во много раз более интенсивным стал обмен во всех областях знания и с западными и с восточными учеными, широко осуществлялись переводы с греческого на латынь и с латыни на греческий.

Научного эксперимента по-прежнему не существовало: изучение материи не признавалось источником знания, хотя и накапливались опыт, наблюдения, практика и в медицине, и в фармакологии, и в химии (т. е. ремесленном производстве). Особенно много новых фактов дала алхимия, само занятие которой было по существу непрерывным экспериментом. Но в осмыслении практического опыта византийцы, всегда переоценивавшие значение чисто теоретических знаний, стали отставать от образованных кругов западноевропейских стран. Да и научные силы Византии быстро слабели: поток эмигрирующих из Константинополя интеллектуалов, особенно после осады столицы османами в 1422 г., нарастал — сначала в Мистру, а затем далее, на Запад, вплоть до Испании. Византийские ученые и здесь создали свои школы, где обучали в греческой, а не в местной традиции. Они оказали огромное влияние на развитие итальянской культуры: произошел синтез палеологовской образованности с итальянским Ренессансом.

Что касается соотношения географических знаний с античными (с трудами Страбона и Птолемея), то и в сфере географической и космографической теории в XIII—XV вв. не было создано ничего принципиально нового. Однако в эту эпоху был написан ряд великолепных географических трудов практического назначения: итинерарии паломников к Святым местам, портоланы (своего рода лоцманские книги), описывающие основные средиземноморские мореходные маршруты. Существенно расширился и географический кругозор греков: вошла в обиход новая информация о Скандинавии, прибалтийском регионе, Руси, о финно-угорских народах, о Балтийском и Северном морях. Эмпирическим познаниям впервые стало отдаваться предпочтение перед легендарными античными свидетельствами об этом отдаленном ареале. И в сфере географии византийцы в эту эпоху сделали особенно много для сохранения знаний античности и их передачи на Запад.

Высокий по меркам средневековья уровень образованности византийских интеллектуалов предполагал налаженную систему обучения. Выше уже упоминалось, что практически, все видные писатели и ученые в поздней Византии были педагогами. Однако они трудились в основном в сфере высшего образования. Следовательно, на хорошем уровне было организовано и образование начальное и среднее. Перерыва традиции Византия здесь не знала: налаженная уже в Никее система образования была лишь перенесена после 1261 г. в Константинополь. Существовали начальные государственные школы (в том числе для сирот и бедняков), находившиеся на казенном содержании, и школы монастырские и частные. Будущих деятелей церкви обучали в высшей патриаршей школе; там преподавали три десятка учителей, имелась своя библиотека.

Изучаемые в школах науки делились первоначально на «наши» (т. е. христианские) и «внешние» (т. е. языческие — античные). В зависимости от склонностей учителя особое внимание оказывалось разным отраслям знания. Но общим было пристрастие к риторике — познания в ней являлись мерилем образованности. Постепенно, однако (возможно, под западным влиянием), в начале палеологовской эпохи стала внедряться семичастная система обучения дисциплинам, делившимся на тривиум (грамматика, риторика и диалектика) и квадравиум (арифметика, геометрия, музыка и астрономия). В это же время византийские интеллектуалы еще пренебрегали изучением латыни (письменности «варваров»). К началу XIV в. положение изменилось: интерес к западной культуре нарастал. В немалой степени этому содействовали проповедники-миссионеры из монашеских орденов францисканцев и доминиканцев. С конца XIV в. уже немало итальянцев обучалось в учебных заведениях Константинополя. А еще через четверть века византийских гуманистов стала посещать горькая мысль об отставании Византии от уровня развития западной науки.

Идейные течения поздневизантийской эпохи нашли конкретное и многообразное отражение в эстетике — законодательнице вкусов, форм, стилей и мод во всех отраслях культуры и искусства. Главный водораздел и здесь с первой половины XV в. проходил между гуманистическими и церковно-монастырскими кругами. Первые стремились к десакрализации мысли, а в связи с этим к усилению и развитию светских направлений и утверждению светских идеалов в

искусстве. Эти идеалы были заимствованы прежде всего из наследия античности. Главное внимание уделялось искусству слова, изяществу речи, благозвучию, красоте эмоциональных описаний картин природы, звездного неба, красоты юности. Сторонники этой эстетической концепции содействовали тому, что с XIII в. зодчество, живопись, прикладные искусства перешли из сферы ремесла, занятие которым находилось прежде в пренебрежении у интеллектуалов империи, в сферу высокого искусства и даже онтологии, философии, мировоззрения. Изобразительные искусства и художественные памятники и изделия призваны были способствовать постижению изменчивости мира. Гармония, {603} соразмерность, зеркальное отражение, соответствие внешнего облика и внутренней сущности (сил души, мудрости, разума, знания) — такими были эстетические нормативы, пропагандируемые гуманистами. Сравнительно с античными эти идеалы содержали мало нового, но новыми были акценты на общечеловеческих ценностях, идеях человеколюбия, справедливости. Красота в глазах гуманистов служила выражением добрых чувств и разума.

Что же касается церковно-монастырских кругов, прежде всего исихастов, то они понимали красоту как образ Бога, смирения и веры. Подобная позиция художника не была новой, о чем можно судить по иконам доиконоборческой эпохи, но с XIII в. она стала гораздо более четкой, целенаправленной. Церковь, духовенство в целом осознали угрозу своей монополии в области духовной жизни общества, трактуемую как опасность обмирщения и окатоличивания православных. Упрочению господства над их умами должна была содействовать мистическая доктрина Григория Паламы. Но этого было мало — в делах веры не меньшее (если не большее) значение имела сфера чувств. Не случайно поэтому главный теоретик нового исихазма (Палама) обратился специально к эстетике как истинно христианскому учению о подлинной красоте.

Страстный религиозный фанатизм, предельно напряженный духовный поиск, грозная неотвратимая опасность православному миру, слабость светской власти, идеологическая оппозиция гуманистов, воспринимаемая как подрыв основ веры, рост иноземного, (особенно католического) культурного влияния — все это обусловило появление мистической доктрины Паламы, представлявшей собой в сущности путь спасения духа, а не тела, уход в индивидуальное, в смирении достигаемое единение с божеством, т. е. путь «внутренней (духовной) эмиграции», отречение от реального мира. Такова была идеологическая и политическая сущность паламизма. Иной была, однако, его функция в искусстве, в том числе и в эстетике. Высокая духовность, перенесенная в область искусства, обусловила новый крупный шаг в понимании красоты и в развитии средств и приемов ее художественного воплощения.

Влияние исихазма на изобразительное искусство было огромно, но вряд ли исихазму можно приписать такие тенденции в живописи, как усиление светского начала и тяготение к реализму (натюрморту, картинам природы (ландшафту), архитектуре, воспроизведению реальных исторических событий рядом с ветхозаветными и евангельскими сценами, портретному изображению ликов людей, святых, героев, деятелей государства).

Сосуществовали одновременно два направления, из которых одно можно условно определить как приверженное «классицизму», канону, традиции (здесь воспроизведение внутренней, духовной красоты было доминирующим), а другое — как тяготеющее к «реализму», для которого прежде всего были свойственны и новые приемы письма (красочная палитра, новая игра светотеней, разнообразие моделировок, многомерность пространства и композиций). Яркая черта этих новых изображений (фресок, икон, мозаик, книжных миниатюр) — их динамизм, экспрессия и эмоциональность, неразрывная связь центральной фигуры с ее окружением, тонкость рисунка, индивидуальность и психологизм характеристик. В интимном портрете перед зрителями представляли образы их современников.

Живописное начало, тяготение к более точному отражению действительности характерны и для книжной миниатюры XIV—XV вв., развивавшейся под явным влиянием иконописи. Изучение богато иллюминированных рукописей палеологовской эпохи показывает, что недостаток материальных средств отразился и в этой сфере. Скрипторий и живописная мастерская оказались изолированными друг от друга в пространстве (в богатых скрипториях XI—XII вв. иллюстрации выполнялись одновременно с написанием текста, по мере готовности соответствующих пассажей). Теперь живописец иллюминировал готовую рукопись, в которой были оставлены для этого пустые страницы или пустоты на соответствующих страницах. Под сильным влиянием палеологовской живописи (прежде всего столичной ее школы) развивалось изобразительное искусство не только провинций, Эпира и Трапезунда, но и Сербии, Болгарии, Московской Руси, Грузии, где складывались собственные национальные школы. На Руси но-

вый расцвет искусства особенно ярко проявился в иконописи. Тема Троицы как символ единения перед лицом опасности стала столь же популярной на Руси в XIV—XV вв., как она была популярна в Византии с 1261 г.

Знаменем палеологовской эпохи была и более органичная связь между церковной живописью и самим зданием храма. В зодчестве поздней Византии, как и ранее, доминировала константинопольская школа, которая была представлена непосредственно также архитектурой Фессалоники и Святой горы. Особое направление составляло зодчество Греции, и совершенно особняком, как уже упоминалось, шло развитие трапезундской архитектурной школы, хотя оба эти направления, в большей мере первое, чем второе, испытали влияние столичной архитектуры.

В палеологовскую эпоху завершилось формирование нового архитектурного стиля, появление первых признаков которого относится к XI и даже X в. В господствующей, как и прежде, крестово-купольной системе усиливалась и в конце концов восторжествовала тенденция к объединению внутреннего объема храма. С этой целью резко повышали подкупольное пространство, увеличивая размеры храма по вертикали.

Изменилась и концепция украшения храма: прежде всего обогащался внешний декор здания, особенно фасад, подвергавшийся расчленению с целью усложнения светотеней и красочного оформления деталей с помощью кирпичного цветного узорочья, перекрестной кладки, а порой и украшения глазированной плиткой. Расчет был на усиление эмоционального впечатления при созерцании храма снаружи.

Недостаток средств особенно заметен на храмовой архитектуре Греции, где наблюдались нарастающие тенденции к упрощению, архаизации, уменьшению размеров церкви. Возрождалась даже старая форма базилик, иногда крохотных по величине. Чувствовалось здесь в большой мере и латинское влияние — воздвигались примыкающие к храму колокольни.

Широким и богатым было во второй половине XIV — начале XV в. дворцовое и храмовое строительство в Мистре — столице византийской Морей. Архитектурный стиль здесь имел свои особенности, главная из которых состояла в возвращении к купольно-базиличной композиции, позволявшей увеличить размеры храма.

В целом в декоре провинциального зодчества палеологовской эпохи нашла также отражение, как и в других сферах культуры, тенденция к сближению с народными художественными традициями. {605}

О высоком уровне поздневизантийских художественных ремесел в палеологовскую эпоху свидетельствуют сохранившиеся многочисленные изделия прикладного искусства. Его стилевое богатство и типологическое разнообразие стало еще большим, чем в комниновский период.

Именно мелкая пластика особенно наглядно свидетельствует о том, насколько восприимчивы были византийские мастера к достижениям иноземного искусства: они охотно усваивали, искусно сочетали со своими и развивали заимствованные и на Востоке и на Западе художественные традиции, формы, сюжеты, приемы, в том числе элементы мусульманского прикладного искусства (орнаментики) и латинской готики.

О популярности поздневизантийского прикладного искусства говорит тот непреложный факт, что его изделия во множестве рассеяны до наших дней по всему миру. Их ценили и ими дорожили. Они обретали нередко значение священных предметов и становились, несомненно, также одним из источников плодотворного влияния Византии на культуру других стран и народов.

Подлинный расцвет в период правления Палеологов пережила византийская музыка. После 1261 г. занятия музыкой поощрялись государством и церковью, нуждавшимся в исполнителях обширных циклов светских (церемониальных) и культовых церковных песнопений. Единению обоих направлений содействовало то, что одни и те же музыкальные учителя и руководители действовали и в храмах, и при дворе. Светское направление играло при этом и в развитии музыкальной теории, и в записи музыки, и в обучении ей, и в организации хорового пения главную роль. Музыкальная культура империи возрождала древние традиции, впитывала народные мотивы, использовала и музыкальное искусство соседних народов.

Нотное письмо в Византии, изобретенное уже в XII в., достигло полного развития в конце XIII—XIV в. Созданные тогда и обработанные, а также собранные в музыкальные сборники напевы и мелодии для голоса составили золотой фонд церковных песнопений православного мира. Высокого искусства достигло в Византии на основе ладотональной системы хоро-

вое пение (ангелогласие), активно перенимаемое всеми странами православной ориентации. Османское завоевание нанесло сокрушительный удар по музыкальной культуре Византии, Болгарии и Сербии. Без крупных утрат эта культура сохранилась, однако, в культовых песнопениях Московской Руси.

Быт и нравы общества — наиболее точный показатель тенденций в судьбах его культуры. В целом поздневизантийский быт, как и в предшествующую эпоху, остался традиционным. Привычные формы жизни стали почти священными и подвергались изменениям с большим трудом. Но быт византийцев в XIV—XV вв. стал значительно беднее и в деревне и в городе, в семье и рядового труженика, и сановника, и августейшей династии. Померк внешний вид византийских городов, скуднее стали меблировка домов, одежда жителей, их питание, праздничные пиры и развлечения. В то же время именно в быту в поздневизантийскую эпоху стало особенно сильным иноземное, восточное и латинское (западноевропейское), влияние. Византийцы с охотой приобретали итальянские ткани, перенимали обычаи, развлечения и игры латинян. Впервые бритые лица стали встречаться у греков-мужчин. Ранее ромеи были законодателями мод — теперь они сами перенимали иноземную моду. Ранее ромеи стремились быть «лучше всех» — теперь они хотели быть только «не хуже других». Тяжкая эпоха затянулась и начала деформировать психику и мораль общества. XIV—XV вв. были временем апогея религиозности византийцев, страстного поклонения Богу и готовности к мученичеству во славу его. Но эти же столетия были и периодом наиболее глубокого падения нравов.

Византия погибла. История тысячелетнего царства закончилась. Прервалась и «лебединая песнь» византийской культуры — Палеологовское возрождение. Но вряд ли справедливо было бы заключать, что завершилась и история византийской культуры вообще. Во-первых, она осталась в основе духовной жизни греческого народа и в эпоху иноземного господства. Во-вторых, ее традиции сохраняли народы и других православных стран (Болгарии, Сербии, Грузии), оказавшихся также под властью завоевателей-иноверцев. В-третьих, достижения византийской культуры продолжали жить особой жизнью в единственном православном государстве, оставшемся после 1461 г. не подвластным мусульманам, — в Московской Руси. Здесь формы, приемы, традиции византийской культуры обрели как бы новую родину, где они подвергались усвоению, переработке и дальнейшему развитию. Немало элементов византийской культуры органически слились с культурой древнерусской, ареал которой с XVI в. стал быстро расширяться за счет бескрайних просторов Азии. Наконец, в-четвертых, духовные ценности греко-византийской цивилизации составили весьма существенную и неотъемлемую часть цивилизации общеевропейской, обогатив культуру Ренессанса и внося крупный вклад в формирование культуры реформационной и контрреформационной Европы. Подобно свету далекой, давно угасшей звезды, огни византийской духовности не померкли окончательно — они продолжают озарять и в наши дни небосклон мировой цивилизации. {607}

Основная библиография

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Безобразов П. В. Очерки византийской культуры. Пг., 1919.
- Ђурић И.* Сумрак Византије: (Време Јована VIII Палеолога, 1392—1448). Београд, 1984.
- История Византии / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3.
- Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984.
- Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989.
- Курбатов Г. Л.* История Византии: (Историография). М., 1984.
- Лазарев В. Н.* История византийской живописи. 2-е изд. М., 1986.
- Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М., 1974.
- Медведев И. П.* Византийский гуманизм, XIV—XV вв. Л., 1976.
- Медведев И. П.* Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
- Поляковская М. А.* Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981.
- Сметанин В. А.* Византийское общество XIII—XV веков по данным эпистолографии. Свердловск, 1987.
- Удальцова З. В.* Византийская культура. М., 1988.
- Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // ВВ. 1980. Т. 41.
- Успенский Ф. И.* История Византийской импе-

- рии. М., 1948. Т. 3.
- Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975.
- Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971.
- Beck H.-G.* Das Byzantinische Jahrtausend. München, 1978.
- Beck H.-G.* Theodor Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952.
- Bréhier L.* La civilisation byzantine. P., 1950.
- Geanakoplos D. J.* Byzantine East and Latin West: two worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance: Studies in ecclesiastical and cultural history. Oxford, 1966.
- Guilland R.* Essai sur Nicéphore Gregoras: L'homme et l'oeuvre. P., 1926.
- Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974.
- Haussig H.-W.* Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959.
- Hunger H.* Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Grossen bis zum Fall Konstantinopels. Baden-Baden, 1958.
- Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1—2.
- Hunger H.* Reich der neuen Mitte: der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz etc., 1965.
- Janin P.* Constantinople byzantine. P., 1964.
- Janin P.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins: (Bithynie, Hellespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975.
- Karayannopoulos J., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324—1453). Wiesbaden, 1982. Bd. 1—2.
- Kazhdan A., Constable G.* People and power in Byzantium: An introduction to modern byzantine studies. Wash. (D. C.), 1982.
- Mango C.* Byzantium and its image: History and culture of the Byzantine Empire and its heritage. L., 1984.
- Meyendorff J.* Byzantine theology. N. Y., 1974.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. 3. Aufl. B., 1983. Bd. 1—2.
- Nicol D.* Church and society in the last centuries of Byzantium. Cambridge, 1979.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1965.
- Podskalsky G.* Theologie und Philosophie in Byzanz; der Streit um die theologische Methodik in der spätbyzantinischen Geistesgeschichte (14.— 15. Jh.). München, 1977.
- Runciman S.* Kunst und Kultur in Byzanz: Ein Überblick. München, 1978.
- Runciman S.* The last byzantine Renaissance. N. Y., 1970.
- Ševčenko I.* Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choum- nos: La vie intellectuelle et politique à Byzance sous les premiers Paléologues. Bruxelles, 1962.
- Ševčenko I.* Ideology, letters and culture in the Byzantine world. L., 1982.
- Ševčenko I.* Society and intellectual life in late Byzantium. L., 1981.
- Verpeaux J.* Nicéphore Choumnos, homme d'état et humanist byzantin (ca. 1250/55— 1327). P., 1959.
- Weiß G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jh. Wiesbaden, 1969.
- 1
- Карнов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII— XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.
- Карнов С. П.* Латинская Романия // ВИ. 1984. № 12.
- Карнов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.
- Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
- Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.
- Angold M.* A Byzantine government in exile: Government and society under the Lascarids of Nicaea (1204—1261). L., 1975.
- Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe — debut du XVe siècle). Rome; Genova, 1978. Т. 1—2.
- Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980.
- Carile A.* Per una storia dell'Impero Latino di Costantinopoli. Bologna, 1978.
- Dennis G.* Byzantium and the Franks, 1350— 1420. L., 1982.
- A history of the Crusades / Ed. K. M. Setton. Madison, 1975—1989. Т. 3—6.
- Jacoby D.* La féodalité en Grèce médiévale. P., 1971.
- Jacoby D.* Société et démographie à Byzance et en Romanie Latine. L., 1975.
- Jansens E.* Trebizond en Colchide. Bruxelles, 1969.
- Latins and Greeks in the eastern Mediterranean after 1204 // Mediterranean Hist. Rev. 1989. Т. 4.
- Lilie R.-J.* Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa, und Genua in der Epoche der Komnenen und Angeloi (1081— 1204). Amsterdam, 1984.
- Loenertz R.* Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970—1978. Т. 1—2.
- Longnon J.* L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. P., 1949.
- Luttrell A.* The hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West. L., 1978.
- Maltezou Chr.* “Ο θεσμος του ε;’ν Κωνσταντινουπόλει βενετου βαίλου (1268— 1453). ’Αθη;’ναι, 1970.
- Miller W.* Trebizond: The last Greek Empire. L., 1926.
- Nicol D. M.* The despotate of Epiros, 1267— 1479:

- A contribution to the history of Greece in the Middle Ages. Cambridge, 1984.
- Pistarino G.* Gin dell'Oltremare. Genova, 1988.
- Setton K.* Catalan domination of Athens, 1311—1388. L., 1975.
- Thiriet F.* La Romanie vénitienne au moyen âge. P., 1975.
- Topping P.* Studies on Latin Greece, A. D. 1205—1715. L., 1977.
- Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1975. Vol. 1—2.

2

- Жаворонков П. И.* Гуманистические мотивы в культуре Никейской империи // ВВ. 1989. Т. 50.
- Жаворонков П. И.* Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита // ВВ. 1986. Т. 47.
- Ahrweiler H.* L'expérience nicéenne // DOP. 1975. Vol. 29.
- Alpatoff M. V.* Les fresques de Sainte-Sophie de Nicée // EO. 1926. Т. 15.
- Buchwald H.* Lascarid Architecture // JÖB. 1979. Bd. 29.
- Irmischer J.* Nikäa als Mittelpunkt des griechischen Patriotismus // BF. 1972. Bd. 4.
- Lackner W.* Zum Lehrbuch der Physik des Nikephoros Blemmydes // Ibid.
- Richter G.* Das Georgios Akropolites Gedanken über Theologie, Kirche und Kirchenheit // Byz. 1984. Т. 44.
- Wilson N.* Nicean and Palaeologan hands: Introduction to a discussion // La paléographie grecque et byzantine. P., 1977.

3

- Bryer A.* Peoples and settlement in Anatolia and the Caucasus, 800—1900. L., 1988.
- Bryer A., Winfield D.* The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Wash. (D. C.), 1985. Т. 1—2.
- Λαμψίδης Ο. Δημοσιεύματα περι;` το;`ν, `Ελληνικο;`ν Ποντον και;` του;`ς `Ελληνας Ποντίους. `Αθη;`ναι, 1982.
- Vasiliev A.* Trebizond in history and literature // Byz. 1940—1941. Т. 15/1.
- Χρύσανθος. `Η `Εκκλησία Τραπεζοῦντος // ΑΠ. 1936. Т. 4—5. Repr. 1973. {609}

4

- Achimastou-Potamianou M., Bokotopulos P., Triantaphyllopoulos D.* Βυζαντινά, μεσαιωνικά;` και;` νεώτερα μνηεῖα `Ηπείρου // ΑΔ 1973—1974. Т. 29.
- ᾽Ορλάνδος Α. Μνημεῖα τοῦ Δεσποτάτου τη;`ς `Ηπείρου. `Η Κόκκινη ε;`κκλησία (Παναγία Βέλλας) // `Ηπειρωτικά;` Χρονικά. 1927. Т. II (1—2).
- ᾽Ορλάνδος Α. `Η Πόρτα Παναγία τη;`ς Θεσσαλίας // АВМЕ. 1935. Т. I (1).
- ᾽Ορλάνδος Α. `Η Παρηγορήτισσα τη;`ς `Αρτης. `Αθη;`ναι, 1963.
- Τωμαδάκης Ν. Οι;` λόγοι τοῦ δεσποτάτου τη;`ς

`Ηπείρου // ΕΕΒΣ. 1957. Т. 27.

5

- Панченко Б. А.* Латинский Константинополь и папа Иннокентий III // Сборник в честь академика Ф. И. Успенского: Летопись ист.-филол. о-ва при Новорос. ун-те. Одесса, 1914.
- Bon A.* La Morée franque. P., 1969. Т. 1—2.
- Buchtal H., Belting H.* Patronage in thirteenth-century Constantinople: An Atelier of Late Byzantine book illumination and calligraphy. Wash. (D. C.), 1978.
- Colin J.* Cyriaque d'Ancone: Le voyageur, le marchand, l'humaniste. P., 1981.
- Dawkins R.* The nature of the Cypriote chronicle of Leontius Macheras. Oxford, 1945.
- Demus O.* Byzantine art and the West. L., 1970.
- Dufrenne S.* Architecture et décor monumental d'art byzantin à l'époque de l'Empire Latin de Constantinople (1204—1261) // BF. 1972. Bd. 4.
- Enlart C.* Art gothique et la Renaissance en Chypre. P., 1899. Т. 1—2.
- Fedalto G.* Simone Atumano, monaco di studio, arcivescovo latino de Tebe. Brescia, 1968.
- Gabriel A.* La Cité de Rhodes, MCCCX—MDXXII. P., 1921—1923. Т. 1—2.
- Gerola G.* Monumenti veneti nell'Isola di Creta: Ricerche e descrizione. Venezia, 1905—1932. Т. 1—4.
- Müller-Wiener W.* Burgen der Kreuzritter im Heiligen Land, auf Zypern und in der Agäis. München; B., 1966.
- Prato G.* La produzione libraria in area greco-orientale nel periodo del regno latino di Costantinopoli (1204—1261) // Scrittura e civiltà. 1981. Т. 5.
- Stringa P.* Genova e la Liguria nel Mediterraneo: insediamenti e culture urbane. Genova, 1982.
- Stylianou A., Stylianou J. A.* The painted churches of Cyprus. L., 1985.
- ## 6
- Дмитриев Г.* Предоставление феода сеньору на сохранение по сводам феодального законодательства на завоеванном крестоносцами Востоке // ПС. 1966. Т. 15 (78).
- Медведев И. П.* К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники // ВО. М., 1977.
- Carile A.* Partitio terrarum imperii Romanie / SV. 1965. Vol. 7.
- Jacoby D.* La féodalité en Grèce médiévale: les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion. P.; La Haye, 1971.
- Jacoby D.* Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque // TM. 1967. Т. 2.
- Laiou A.* Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIII siècle // FM. 1984. Т. 6.
- Michaelides-Nouaros G.* Quelques remarques sur le pluralisme juridique en Byzance // Byzantina. 1977. Т. 9.
- Mortreuil J. A. B.* Histoire du droit byzantin. P.,

1846. T. 3.
Topping P. Feudal institutions as revealed in the Assizes of Romania // *Studies on Latin Greece*, A. D. 1205—1715. L., 1977.
Zepos P. Quelques remarques sur les rapports entre le droit byzantin et le droit des Latins en Orient // *Festschrift Hans Lewald*. Basel, 1953.
Zepos P. Το; δίκαιον ει;ς το; χρονικο;ν τοῦ Μορέως // *ΕΕΒΣ*. 1948. Τ 17.

7

- Горянов Б. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
Καждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII—XV вв. М., 1952.
Καρнов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // *ВВ*. 1983. Т. 44.
Κурбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Зилоты и чомпи // *ВВ*. 1969. Т. 30.
Χвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968.
Ρανσιμεν С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983.
Ahrweiler H. Byzance et la mer: La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe—XVe siècles. P., 1966.
Charanis P. Social, economic and political life in the Byzantine Empire. L., 1973.
Laiou-Thomadakis A. E. Peasant society in the Late Byzantine Empire. Princeton, 1977.
Laiou-Thomadakis A. E. The Byzantine economy in the Mediterranean trade system, thirteenth-fifteenth centuries // *DOP*. 1980—1981. Vol. 34—35. {610}
Maksimović Lj. Charakter der sozialwirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt // *JÖB*. 1981. Bd. 31/1.
Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981.
Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz in 14. Jh. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. B., 1971.
Oikonomidès N. Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe—XVe siècles). Montréal; P., 1979.

8

- Beck H.-G.* Besonderheiten der Literatur in der Palaiologenzeit // *Art et société à Byzance sous les Paléologues*. Venise, 1971.
Geanakoplos D. J. Bisanzio e il Rinascimento: Umanisti greci, Venezia e la diffusione del greco in Occidente (1400—1535). Roma, 1967.
Hunger H. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jh. // *Actes du XIVe Congrès international des études byzantines*. Bucarest, 1974. T. 1.
Hunger H. Theodoros Metochites als Vorläufer des

- Humanismus in Byzanz // *BZ*. 1952. Bd. 27.
Hunger H. Zur Synkrisis des Manuel Chrysoloras, einem Vergleich zwischen Rom und Konstantinopel: Ein Beitrage zum italienischen Frühhumanismus // *Klio*. 1980. Bd. 60.
Kristeller P. Italian humanism and Byzantium // *Renaissance concepts of man and other essays*. N. Y., 1972.
Masai F. Pléthon et le platonisme de Mistra. P., 1956.
Medvedev I. P. Tendences vers une renaissance dans la culture byzantine tardive // *Βυζαντιακά*. 1984. Τ. 4.
Runciman S. The last Byzantine Renaissance. Cambridge, 1970.
Setton K. The byzantine background of the Italian Renaissance // *Europe and the Levant in the Middle Ages and the Renaissance*. L., 1974.
Ševčenko I. Théodore Metochites, the Chora and the intellectual trends of his time // *The Kariye Djami and its intellectual background* / Ed. P. Underwood. Princeton, 1975. Vol. 4.

9

- Beck H.-G.* Theodoros Metochites: die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952.
Beyer H.-V. Nikephoros Gregoras als Theologe und sein erstes Auftreten gegen die Hesychasten // *JÖB*. 1971. Bd. 20.
Blume W. Georgios Gemistos Plethon: Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich. 1355—1452. Stuttgart, 1988.
Meyendorff J. Byzantine Hesychasm: Historical, theological and social problems. L., 1974.
Moutsopoulos E. Platon et la philosophie byzantine: Actualité et perspectives // *ΕΕΒΣ*. 1969/1970. Τ. 37.
Nikolau Th. Grundlegende Gedanken über die byzantinische Philosophie // *Byzantina*. 1977. T. 9.
Turner C. J. Pages from Late Byzantine philosophy of history // *BZ*. 1964. Bd. 57. H. 2.

10

- Закржевская О. Г.* Концепция патриотизма Никифора Григоры: (К вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.) // *АДСВ*. 1977. Вып. 14.
Ирмиер И. Трансформация идеи государственности в последний период истории Византии // *ВВ*. 1976. Т. 37.
Медведев И. П. Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни (в связи с книгой Пьера Брюнеля) // *Античное наследие в культуре Возрождения*. М., 1984.
Медведев И. П. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и сопредельных стран) // *Проблемы истории международных отношений*. Л., 1972.
Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин: (К вопросу о политической

- концепции середины XIV в.) // ВВ. 1980. Т. 41.
- Поляковская М. А.* Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в.: (Николай Кавасила) // АДСВ. 1975. Вып. 12.
- Поляковская М. А.* Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом // АДСВ. 1980. Вып. 17.
- Beck H.-G.* Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat // Ideen und Realitäten in Byzanz. L., 1972.
- Beck H.-G.* Res Publica Romana: vom Staatsdenken der Byzantiner // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975.
- Dielen J. L. van.* Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen // Ztschr. hist. Forschungen. 1979. Bd. 6, H. 1.
- Hunger H.* Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien. 1964. {611}
- Karayannopoulos J.* 'Η πολιτική, ἡ θεωρία τῶν Βυζαντινῶν // Byzantina. 1970. Т. 2.
- Mavromatis L.* Storia del pensiero politico // La civiltà byzantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982.
- Teoteoi T.* La conception de Jean VI Cantacuzène sur l'état byzantin, vue principalement à la lumière de son Histoire // RESEE. 1975. Т. 13.
- Treitinger O.* Die oströmische Kaiser und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1956.
- 11
- Веселого Е. Б.* Историческое сочинение Лаоника Халкокондила: (Опыт литературной характеристики) // ВВ 1957. Т. 12.
- Греку В.* К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила // ВВ. 1958. Т. 13.
- Джагацян Е. Е.* Мировоззрение византийского историка XV в. Георгия Сфрандзи // Кавказ и Византия. Ереван, 1982. Т. 3.
- Диттен Х.* Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ. 1962. Т. 21.
- Досталова Р.* Византийская историография: характер и формы // ВВ. 1982. Т. 43.
- Прохоров Г. М.* Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. // ВВ. 1968. Т. 29.
- Удальцова З. В.* К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критувула // ВВ. 1957 Т. 12.
- Arnakis G.* George Pachymeres — a Byzantine humanist // Greek Orthodox Theological Rev. 1966—1967. Vol. 12.
- Dielen J. L. van.* Entstehung und Überlieferung der Historia Rhomaike des Nikephoros Gregoras. Köln, 1975.
- Hunger H.* Thukydides bei Johannes Kantakuzenos: Beobachtungen zur Mimesis // JÖB. 1976. Bd. 25.
- Kazhdan A. P.* L'Histoire de Cantacuzène en tant qu'oeuvre littéraire // Byz. 1980. Т. 50, fasc. 1.
- 12
- Азаревич Д.* История византийского права. Яро-
- славль, 1877. Ч. 2.
- Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики. Л., 1988.
- Медведев И. П.* Юридический скрипторий Константины Арменопула // ВИД. 1985 Т. 17.
- Соколов И. И.* Вселенские судьбы в Византии. Казань, 1915.
- Darrouzès J.* Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'Eglise byzantine. P., 1970.
- Hunger H.* Byzantinisches Eherecht im 14. Jahrhundert: Theorie und Praxis // ЗРВИ 1973. Кн. 14/15.
- Μάτσης Ν.* Περί τῆς κριτικῆς τοῦ Συντάγματος τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη. Ἀθηναί, 1979—1980. Т. 1—2.
- Μάτσης Ν.* Τοῖς οἰκογενειακοῖς δίκαιον κατα τῆς νομολογίας τοῦ Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως τῶν εἰς τῶν 1315—1401. Ἀθηναί, 1962.
- Svoronos N.* La synopsis major des Basiliques et ses appendices. P., 1964.
- Svoronos N.* Storia del diritto e delle istituzioni // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982.
- Τόμος Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου, Θεσσαλονίκη, 1952.*
- Τρωιανός Σπ. Ν.* Οι πηγές του βυζαντινού δικαίου, εισαγωγικό βοήθημα. Αθήνα, 1986.
- Χριστιανική Θεσσαλονίκη: Παλαιολόγειος ἐποχή. ΚΒ' Δημητρία εἰς πιστημονικό Συμπόσιο, Θεσσαλονίκη, 1989.*
- Zachariä von Lingenthal K. E.* Geschichte des griechisch-romischen Rechts. B., 1892.
- 13
- Алексидзе А. Д.* Мир греческого рыцарского романа XIII—XV вв. Тбилиси, 1979.
- Полякова С. В.* Византийская любовная проза. М.; Л., 1965.
- Полякова С. В.* Из истории византийского романа: Опыт интерпретации «Повести об Исминне и Исминии» Евматия Макремволита. М., 1979.
- Попова Т. В.* Византийская народная литература: История жанровых форм эпоса и романа. М., 1985.
- Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978.
- Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971.
- Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959; 2. Aufl. München, 1977.
- Hunger H.* Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz. Wien, 1972.
- Jeffreys E. M., Jeffreys M. J.* Popular literature in late Byzantium. L., 1983.
- Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527—1453). 2. Aufl. München, 1897.

Жаворонков П. И. Никейская империя и Восток: (Взаимоотношения с иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40—50-е годы XIII в.) // ВВ. 1978. Т. 39.

Жаворонков П. И. Никейская империя и Запад // ВВ. 1974. Т. 36.

Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988.

Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.

Медведев И. П. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. // ВВ. 1977. Т. 38.

Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33.

Barker J. W. Manuel II Paleologus (1391—1425): A study in late byzantine statesmanship. New Brunswick (N. J.), 1969.

Geanakoplos D. Emperor Michael Palaeologue and the West, 1258—1282: A study in Byzantine-Latin relations. Cambridge, 1959.

Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198—1400. New Brunswick (N. J.), 1979.

Inalcik H. The Ottoman Empire: The classical age 1300—1600: History of civilization. L., 1973.

Kyrris C. John Cantacuzenus and the Genoese, 1321—1348 // *Miscellanea Storica Ligure*. Milano. 1963. Vol. 3.

Kyrris C. John Cantacuzenus, the Genoese, the Venetians and the Catalans (1348—1354) // *Byzantina*. 1972. Т. 4.

Laiou A. Constantinople and the Latins: The foreign policy of Andronicus II Palaeologus, 1282—1328. Dambridge (Mass.), 1972.

Lemerle P. L'émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident: Recherches sur la Geste d'Umur Pacha. P., 1957.

Meyendorff J. Byzantium and the rise of Russia: A study of Byzantine-Russian relations in the XIVth century. Cambridge, 1981.

Obolensky D. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. L., 1971.

Vryonis Sp. (Jr.). The decline of medieval hellenism in Asia Minor and the process of islamization from the XIth through the XVth century. Berkeley; Los Angeles, 1971.

Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481): Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Weimar, 1985.

The Cambridge illustrated history of the world's science. Cambridge, 1984.

Held F. Nicolaus Salernitanus und Nicolaus Myrepsos. Leipzig, 1916.

Hemmerdinger B. La De plantibus de Nicolas de Damas à Planude // *Philologus*. 1967. Bd. 3.

Hohlweg A. Johannes Actuarius Leben — Bildung und Ausbildung — De Methodo medendi // *BZ*.

1983. Bd. 76, H. 2.

Hunger H. Johannes Ghortasmenos (ca. 1370—1436/37). Wien, 1969.

Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst der frühen Palaiologenzeit // *JÖBG*. 1959. Bd. 8.

Lampsides U. Georges Chrysococcis le médecin et son oeuvre // *BZ*. 1938. Bd. 38.

Mogenet J. L'influence de l'astronomie arabe à Byzance du IXe au XIVe siècle // *Colloques d'histoire des sciences I* (1972) et II (1973). Louvain, 1976.

Philipsbour A. Der Fortschritt in der Entwicklung des byzantinischen Krankenhauswesens // *BZ*. 1961. Bd. 54, H. 2.

Pingree D. Gregory Chioniades and Palaeologan astronomy // *DOP*. 1964. Vol. 18.

Temkin O. Byzantine medicine: tradition and empiricism // *DOP*. 1962. Vol. 16.

Tihon A. L'astronomie byzantine // *Byz*. 1981. Т. 51.

Tinnefeld F. Das Niveau der abendländischen Wissenschaft aus der Sicht gebildeter Byzantiner im 13. und 14. Jh. // *BF*. 1979. Bd. 6.

Trapp E. Die Stellung der Ärzte in der Gesellschaft der Palaiologenzeit // *BS*. 1972. Vol. 33, fasc. 2.

Vogel K. Byzantine Science // *The Cambridge medieval history*. Cambridge, 1967. Vol. 4.

Васильев А. А. Ласкарь Кanan, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914.

Веселаго Е. Б. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах // ВВ. 1956. Т. 10.

Лукова С. Н. К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ. 1983. Т. 44.

Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ. 1962. Т. 21.

Чудиновских Э. И. Греческие портуланы как источник по истории торговых путей центрального и восточного Средиземноморья XV—XVI вв. // *АДСВ*. 1965. Вып. 3;

Dilke O. A. W. Cartography in the Byzantine Empire // *History of cartography*. Chicago, 1987. Vol. 1.

Diller A. The textual tradition of Strabo's geography. Amsterdam, 1975.

Ditten H. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles Deutschlands Exkurs // *Bf*. 1966. Bd. 1.

Hönigmann E. Die sieben Klimata und die $\pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ $\epsilon;\pi\acute{\iota}\sigma\eta\mu\omicron\iota$. Heidelberg, 1929. {613}

Медведев И. П. Правовое образование в Византии как компонент городской культуры // *Городская культура: Средневековье и начало нового времени*. Л., 1986.

Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.

Browning R. A young man in a hurry: Two

- unpublished letters of Nikephoros Kallistos Xanthopoulos // *Byz.* 1985. T. 13.
- Browning R.* Literacy in the Byzantine world // *Byzantine and Modern Greek Studies.* 1978. Vol. 4.
- Constantinides C. N.* Higher education in Byzantium in the thirteenth and early fourteenth centuries (1204—ca. 1310). Nicosia, 1982.
- Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig, B., 1926.
- Gamillsheg E.* Zur handschriftlichen Überlieferung byzantinischen Schulbücher // *JÖB.* 1977. Bd. 26.
- Hunger H., Vogel K.* Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jh. Wien, 1963.
- Schartau B.* Observations on the activities of the Byzantine grammarians of the Palaelogian Era. Odense, 1973. Vol. 1—2.
- Schemmel F.* Die Schulen von Konstantinopel vom 12.—15. Jh. // *Philologische Wochenschrift.* 1925. T. 45.
- Schreiner P.* Zwei Bilder aus dem byzantinischen Schulleben // *Byz.* 1985. T. 13, N 1.
- Tinnefeld F.* Freundschaft und Paideia: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos (1375—1387/8) // *Byz.* 1985. T. 55, fasc. 1.
- 18
- Бычков В. В.* Византийская эстетика: Теоретические проблемы. М., 1977.
- Василий (Кривошеин).* Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // *СК.* 1936. Т. 8.
- Киприан (Керн).* Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950.
- Лазарев В. Н.* Византийская эстетика // Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971.
- Mathew G.* Byzantine aesthetics. L., 1963.
- Meendorff S.* Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. P., 1959.
- Michelis P.* An aesthetic approach to byzantine art. L., 1955.
- 19
- Византия и Русь: Памяти В. Д. Лихачевой. М., 1989.
- Лазарев В. Н.* Византийская живопись. М., 1971.
- Лихачева В. Д.* Искусство Византии IV—XV вв. Л. 1981.
- Лихачева В. Д.* Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977.
- The Kariye Djami: Historical introduction and description of the mosaics and frescoes / Ed. P. Underwood. Princeton, 1966—1975. Vol. 1—4.
- Mango C.* The art of the Byzantine Empire, 312—1453: Sources and documents. Englewood Cliffs (N. J.), 1972.
- Velmans T.* La peinture murale byzantine à la fin du moyen âge P, 1977.
- Weitzmann K.* Studies in classical and byzantine manuscript illumination. Chicago; L., 1971.
- 20
- Брунов Н. И.* Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. М.; Л., 1956. Т. 3.
- Полевой В. М.* Искусство Греции. М., 1973. Т. 2: Средние века.
- Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX—XV вв. М., 1987.
- Diehl Ch., Le Tourneau M., Saladin H.* Les monuments chrétiens de Salonique. P., 1918.
- Ebersolt J., Thiers A.* Les églises de Constantinople. P., 1913.
- Millet G.* Monuments byzantins de Mistra. P., 1910.
- 21
- Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Государственного Эрмитажа. Л., 1966.
- Банк А. В.* Прикладное искусство // История Византии. М., 1967. Т. 3.
- Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975.
- Кондаков И. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902.
- Bank A.* Byzantine art in the collections of soviet museums. Leningrad, 1985.
- Chatzidakis M.* Studies in byzantine art and archaeology. L., 1972.
- Grabar A.* Les revetements en or et en argent des icônes byzantines du moyen âge. Venise, 1975.
- Johnstone P.* The byzantine tradition in church embroidery. L., 1967.
- Sotiriou G.* La sculpture sur bois dans l'art byzantin // *Mélanges Ch. Diehl.* P., 1930. T. 2. {614}
- 22
- Герцман Е. В.* Византийское музыкознание. Л., 1988.
- Hannick C.* Die Lehrschriften zur byzantinischen Kirchenmusik // *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2.
- Tardo L.* L'antica melurgia bizantina. Grottaferrata, 1938.
- Velimirović M.* Two composers of byzantine music: John Vatazes and John Laskaris // *Aspects of medieval and Renaissance music.* N. Y., 1966.
- Wellesz E.* A history of byzantine music and hymnography. 2nd ed. Oxtord, 1961.
- 23
- Андреева М. А.* Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927.
- Острогорский Г. А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.
- Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
- Bouras C.* Houses in Byzantium // *ΛΧΑΕ.* 1983. T. 11.

Η Καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο: πρακτικά του Α' Διεθνούς Συμποσίου, Αθήνα, 15—17 Σεπτ. 1988. Αθήνα, 1989.

Krause J.-H. Die Byzantiner des Mittelalters in ihrem Staats-, Hof- und Privatleben insbesondere vom Ende des 10. bis gegen Ende des 14. Jahrhunderts nach den byzantinischen Quellen dargestellt. Leipzig, 1974.

Laiou A. E. The role of women in byzantine society

// JÖB. 1981. Bd. 31.

Laiou-Thomadakis A. E. Saints and society in the Late Byzantine Empire // Charanis studies. New Brunswick (N. J.), 1980.

Mango C. Daily life in Byzantium // JÖB. 1981. Bd. 31/1.

Talbot-Rice T. Everyday life in Byzantium. L.; N. Y., 1967. {615}

Список сокращений

1. ИСТОЧНИКИ

- Абраам Анк.*— *Абраам Анкирский.* Падение Константинополя // ВВ. 1953. Т. 7.
- ВА — *Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв. Л., 1927.
- Кавас.* Бож. лит.— Изъяснение божественной литургии Николая Кавасилы, архиепископа фессалоникийского // ЖМП. 1971. № 1, 3, 5.
- Кант.* Беседа.— *Прохоров Г. М.* Публицистика Иоанна Кантакузина // ВВ. 1968. Т. 29.
- Кекавм.*— Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
- Мед. тр.— *Литаврин Г. Г.* Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // ВВ. 1971. Т. 31.
- Памятники. IX—XIV вв.— Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969.
- П.-К.* Сб. ист.— *Пападопуло-Керамевс А. И.* Сборник источников по истории Трапезундской империи. СПб., 1897. Т. 1. (Зап. ист.-филол. фак. имп. Санкт-Петербург. ун-та; Ч. 44).
- Четв.— *Шандровская В. С.* Византийская басня «Рассказ о четвероногих» XIV в. // ВВ. 1956. Т. 9.
- Шильт.*— *Иоганн Шильтбергер.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф. К. Куна. Баку, 1984.
- Acrop.*— *Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 1—2.
- Al. Makr. Dial.*— *Ševčenko I.* Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» // ZRVI. 1960. Т. 6.
- Al. Makr. Logos.*— *Alexios Makrembolites.* Λόγος Ἱστορικός / Ἐκδ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Anal. Hieros. Stach. Т. 1. P. 144—159.
- Al. Makr. Thren.*— Κοιροῦσης Στ. Αἰ α' ντίληψεις περὶ τοῦ ἐσχάτου τοῦ κόσμου καὶ ἡ κατακαταστάσις τοῦ 1346 πτόσις τοῦ τροῦλλου τη;ς ἀγίας Σοφίας // ΕΕΒΣ. Θεσσαλονίκη, 1969—1970. Т. 37.
- Anal. Hieros. Stach.— Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Ἐν Πετροῦπόλει, 1891—1894. Т. Α'—Β'.
- AR — *Recura G.* Les Assises de Romanie. P., 1930.
- B — *Basilicorum libri LX.* Ser. A. Textus / Ed. H. J. Scheltema, N. van der Wal. D. Holwerda. Groningen. 1953 sg. (lib. 1—59); G. E. et C. Q. E. Heimbach. Lipsiae, 1833 sq. (lib. 60).
- Bess. Logos* — Ὁ «εἰς Τραπεζοῦντα», Λόγος τοῦ Βησσαρίωνος / Ἐκδ. Ο. Λαμπιδῆς // ΑΠ. 1984. Т. 39.
- C — *Codex Iustinianus* // *Corpus Juris Civilis.* Berolini, 1959. Vol. 2 / Ed. P. Krüger.
- Cabas.*— *Ševčenko I.* Nikolas Cabasilas' «Anti-Zealot» discourse: a reinterpretation // DOP. 1957. Vol. 11.
- Cabas.* Panég.— *Jugie M.* Nicolas Cabasilas panegyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anne Paléologue // ИРАИК. 1911. Т. 15.
- Cant.*— *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV* / Cura L. Schopeni. Bonnae, 1828—1832. Vol. 1—3.
- Carm. gr.— *Carmina Graeca medii aevi* / Ed. G. Wagner. Lipsiae, 1874.
- Chalc.*— *Laonicus Chalcocondylas.* Historiarum Demonstrationes / Ed. E. Darkó. Budapesti, 1922—1927. Т. 1—2.
- Chalc. Hist.*— *Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem* // PG. Vol. 159.
- Chr. brev.— *Die byzantinischen Kleinchroniken* / Hrsg. P. Schreiner. Wien, 1975—1979. Bd. I—III.
- Chr. gr. de Morée — *The Chronicle of Morea*, Τοῦ Χρονικοῦ τῆς Μορέως / Ed. J. Schmitt. L., 1904.
- Chr. fr. de Morée — *Livre de la conquête de la princée de l'Amorée. Chronique de Morée (1204—1305)* / Publ. par J. Longnon. P., 1911.
- Chr. Tocc.— *Ignoti auctoris Chronica Toccoorum Cephallenensium (Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo)* / A cura di G. Schirò. Roma, 1975. {616}
- Critob.*— *Critobul din Imbros.* Din domnia lui Mahomed al II-lea: Anii 1451—1467 / Ed. V. Grecu. București, 1963. (Scriptores byzantini;

- T. 4).
- Cydon. Apol.*— *Mercati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cydone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. Città del Vaticano, 1931. (Studi e Testi; Vol. 56).
- Cydon. Briefe.*— *Demetrios Kydonos.* Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1982. T. 1, Hbd. 1—2.
- Cydon. Corresp.*— *Démétrius Cydonès.* Correspondence / Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956—1960. Vol. I—II. (Studi e Testi; Vol. 186, 208).
- Delatte. Portul.*— *Delatte A.* Les portulans grecs. Lièges; Bruxelles, 1947—1958. T. I—II.
- Dionys.*— Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. P., 1968. (Archives de l'Athos; T. 4).
- Dölger. Reg.*— *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches 565—1453. München; B., 1932—1965. T. 1—5. T. 3 / Bearb. von P. Wirth. München, 1977.
- Ducas.*— *Ducas.* Istoria turco-bizantină (1341—1462) / Ed. critică de V. Grecu. Bucureşti, 1958 (Scriptores byzantini; T. 1).
- E — Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantions' V / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a. M., 1983.
- Esph.*— Actes d'Esphigmenou / Ed. J. Lefort. P., 1973.
- Gen. Schol.*— *Gennade Scholarios.* Oeuvres complètes de Georges (Gennade) Scholarios / Ed. L. Petit et al. P., 1928—1936. T. 1—8.
- GGM — Geographi Graeci Minores.
- Greg.*— *Nicephorus Gregoras.* Byzantina historia graece et latine / Cura L. Schopeni. Bonnae, 1829—1830. T. I—II.
- Greg. Ep.*— *Nicephori Gregorae* Epistulae / Ed. P. A. M. Leone. Matino, 1982—1983. T. I—II.
- Greg. Fior.*— *Niceforo Gregora.* Fiorenzo o intorno della sapienza / Ed. P. Leone. Napoli, 1975.
- Greg. Lib. post.*— *Nicephori Gregorae* Historiae Byzantinae libri postremi / Cura I. Bekkeri. Bonnae, 1855. Vol. III.
- Harmen.*— *Constantini Harmenopuli* Manuale Legum sive Hexabiblos. Lipsiae, 1851.
- Hexabiblos — Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου . Πρόχειρον Νόμων η; ; Ἐξάβιβλος / Ἐκδ. Κ. Γ. Πιτσάκης. Ἀθήνα, 1971.
- HGM — Historici graeci minores / Ed. L. A. Dindorf. Lipsiae, 1870—1871. Vol. I—II.
- IGR / Zepos — Ius graeco-romanum (I—VIII) / Ed. J. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962.
- Lasc. Ep.*— *Theodori Ducae Lascaris* Epistulae CCCXVII / Nunc primum ed. N. Festa. Firenze, 1898.
- Lasc. Kosm. Dēl.*— Θεοδώρου Β' Λασκάρεως Κοσμική; Δήλωσις / Ed. N. Festa // Giornale della società asiatica italiana. 1897—1899. T. 11. P. 1; T. 12. P. 2—4.
- Lasc. Orat.*— *Theodori Ducae Lascari* imperatoris in laudem Nicaeae urbis oratio / Ed. L. Bachmann. Rostock, 1847.
- Libad.*— Λαμψίδης Ὀδ. Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ βίος και; ἑ; ; ῥγα. Ἀθη;~ναι, 1975. (Πηγαί; τη;~ς ι;~στορίας τω;~ν Ἑλλήνων τοῦ Πόντου; T. 1).
- Makhairas* — *Leontios Makhairas.* Recital concerning the sweet land of Cyprus / Ed. R. Dawkins. Oxford, 1932. Vol. I—II.
- Man. Palaeol.*— The letters of Manuel II Palaeologus / Text, transl. and notes by G. T. Dennis. Wash. (D. C.), 1977.
- Mazar.*— *Barry L., Share M. Y., Smithies A.* Westerink Seminar Classics 609. State University of New York and Buffalo, 1975.
- MB — Bibliotheca graeca medii aevi / Ed. C. N. Sathas. Venetia; P., 1872—1876 T. I—V.
- Mich. Chon.*— Μιχαη;~λ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τα;~ σωζόμενα / Ἐκδ. Σπ. Λάμπρος. Ἀθη;~ναι, 1879. T. II.
- MM — Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1860—1890. T. 1—6.
- Nic. Blem.*— *Nicephori Blemmydae* curriculum vitae et carmina / Nunc primum ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1866.
- Nic. Chon. Hist.*— *Nicetae Choniaiae* Historia / Rec. I. A. van Dieten. B.; N. Y., 1975.
- Nic. Chon. Orat.*— *Nicetae Choniatae* Orationes et Epistulae / Rec. I. A. van Dieten. B., 1977.
- Pachym.*— *Georges Pachymèrès.* Relations historiques / Ed. par A. Failler; Trad. par V. Laurent. P., 1984. T. I—II.
- Pachym. Hist.*— *Georgii Pachymeris* de Michaelē et Andronico Palaeologis libri tredecim / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1835. T. I—II.
- Panar.*— Μιχαη;~λ τοῦ Παναρέτου περι;~ τω;~ν Μεγάλων Κομνηνω;~ν / Ἐκδ. Ὁ. Λαμψίδης. Ἀθη;~ναι, 1958.
- PG — Patrologiae Cursus Completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne.
- PL — Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.-P. Migne.
- Planud. Ep.*— *Maximi monachi Planudis* Epistulae / Ed. M. Treu. Breslau, 1890.
- Pléth. Lois.*— *Pléthon G.* Traité des lois, ou recueil des fragments, en partie inédits, de cet ouvrage. P., 1858. (Ed. Hakkert. Amsterdam, 1966). {617}
- Pléth. Vert.*— *George Gémiste Pléthon.* Traité des vertus / Ed. critique avec introd., trad. et comm. par B. Tambrun-Krasker. Leiden etc., 1987.
- ΠΠ — Λάμπρος Σπ. Παλαιολόγια και;~ Πελοποννησιακά. Ἀθη;~ναι, 1912—1930. T. I—IV.
- Ps.-Cod*— *Pseudo-Kodines.* Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. Verpeaux. P., 1966.
- Shatz.*— *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948.
- Schiltb.*— *Schiltberger Johannes.* Reisen in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. F. Neumann. München, 1859.
- Scut.*— *Theodori Scutariotae* Additamenta // Georgii Acropolitae Opera. Lipsiae, 1903. Vol. I.

Scyl.— *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / Rec. I. Thurn. B.; N. Y., 1973.
 SMB — *Synopsis Maior Basilicorum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1869.
Sphr.— *Georgios Sphrantzes*. *Memorii 1401—1477*. In anexă: *Pseudo-Phrantzes, Macarie Melissenos Cronica (1258—1481)* / Ed. critica de V. Grecu. București, 1966 (*Scriptores byzantini*; T. 5).
Theod. Metoch. Misc.— *Theodori Metochitae* *Miscellanea Philisophica et historica*

/ Ed. Chr. Müller, Th. Kiessling. Amsterdam, 1966.

TTh — *Tafel G. L., Thomas G. M. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig*. Wien, 1856. Bd. 1.
Villehard.— *Villehardouin, Geoffroi de*. *La conquete de Constantinople* / Ed. et trad. E. Faral. P., 1939. T. 1—2.
Zograph.— *Actes de Zographou* / Ed. Par W. Regel et al. // BB. 1907. T. 13.

2. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск.
 ВВ — Византийский временник.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
 ВО — Византийские очерки.
 ВФ — Вопросы философии.
 ЖПМ — Журнал Московской Патриархии.
 ЗРВИ (ZRVI) — Сборник Радова Византологического института.
 ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности АН СССР.
 ИРАИК — Известия русского археологического института в Константинополе.
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
 ППС — Православный палестинский сборник.
 ПС — Палестинский сборник.
 СВ — Средние века.
 ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
 ААШН — *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*.
 АВМЕ — 'Αρχαίον τῶν Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος.
 АП — 'Αρχαίον Πόντου.
 ASLSP — *Atti della società Ligure di storia Patria*.
 Bb — *Byzantinobulgarica*.
 BCH — *Bulletin de Correspondence Hellenique*.
 BF — *Byzantinische Forschungen*.
 BNJ — *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher*.
 BS — *Byzantinoslavica*.
 BSA — *Annual of the British School at Athens*. London.
 BZ — *Byzantinische Zeitschrift*.
 Byz. — *Byzantion*.
 DOP — *Dumbarton Oaks Papers*.
 ΔΧΑΕ — *Δελτίον τῆς Χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας*.
 EB — *Byzantine Studies / Etudes*

byzantines.
 ΕΕΒΣ — 'Επετηρις Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν.
 ΕΚΕΙΕΔ — 'Επετηρις τοῦ κέντρου ἐρευνῆς τῆς ἱστορίας τοῦ ἐλληνικοῦ δίκαιου τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν.
 ΕΟ — *Echos d'Orient*.
 ΕΦ — *Ἐκκλησιαστικός Φάρος*.
 FM — *Fontes Minores*.
 JHS — *Journal of Hellenic Studies*.
 JÖB — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*.
 JÖBG — *Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft*.
 ΚΕΦΕ — 'Ο ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικοῦ Φιλολογικοῦ Σύλλογος. {618}
 MMB — *Monumenta Musicae Byzantinae*.
 NE — *Néος Ἑλληνομνήμων*.
 OchP — *Orientalia Christiana Periodica*.
 RBK — *Reallexikon zur byzantinischen Kunst* / Hrsg. v. K. Wessel. Stuttgart.
 RE — *Pauly—Wissowa—Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart.
 REB — *Revue des Etudes Byzantines*.
 RESEE — *Revue des Etudes Sud-Est Européennes*.
 RJ — *Revue juridique*.
 ROL — *Revue de l'Orient Latin*.
 RSBN — *Rivista di studi bizantini e neoellenici*.
 RSBS — *Rivista di studi bizantini e slavi*.
 SBAW — *Sitzungsberichte der königliche bayerische Akademie der Wissenschaften*.
 SBNE — *Studi bizantini e neoellenici*.
 SK — *Seminarium Kondakovianum*.
 SV — *Studi veneziani*.
 TAPA — *Transactions of the American Philological Association*.
 TM — *Travaux et Mémoires*. {619}

Указатель имен*

АВТОРЫ И ДЕЯТЕЛИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

- Абу Ма'шар 367, 375
Авасиот, мелург 537, 539
Августин 161, 162, 181, 235, 236
Аверроэс 161
Агапий, афонский схолиаст 534
Агатодемон 380
Агафон, брат Ксена Корона 540
Агиофеодорит 73
Агнесса Виллардуэн (Анна Дукиня) 149
Агнесса Гизи 182
Адам Уск 356
Адорно, генуэзский род 186
Адриан, император 139
Ак-Кююнлу 43, 45
Акиле 99
Александр Македонский 62, 73, 109, 167, 261, 581
Александр-Скантарий 97, 98
Александр Тралльский 370
Александр, царь Грузии 97
Алексей Аарон 351
Алексей III Ангел 32, 155, 342
Алексей IV Ангел 189
Алексей Апокавк 212, 287, 401, 562, 576
Алексей I Великий Комнин 32, 42, 94
Алексей II Великий Комнин 86, 100, 101, 114—116, 404
Алексей III Великий Комнин 94, 95, 99, 102, 103, 106, 454, 561
Алексей IV Великий Комнин 94, 97, 98, 103
Алексей Врана, дипломат 349
Алексей Дисипат, дипломат 349, 350
Алексей V Дука Мурзуфл 562
Алексей I Комнин 104, 198, 303, 306, 345, 407, 464
Алексей Макремволит 211—213, 217, 226, 256, 263, 268—270, 275, 557, 567, 580, 581
Алексей, мангупский князь 105
Алексей, стратопедарх 481
Алексей, сын имп. Василия 99
Алмагест 363
Альберт Великий 374
Альберти 229
Альберто Альфьери 186
Альдебрандино, род 32
Альфонс V Арагонский 354
Альфонс X Кастильский 78
Амарантина 583
Амвросий Медиоланский 162
Анания Ширакаци 113
Ангелы, род 22, 34, 38—41, 79, 163
Андреа Риццо 153
Андрей Ливадин 101, 102, 114, 115, 366, 391
Андрей Лопадият 397
Андрей Рублев 443, 480
Андроник Вриенний Леондарис 349
Андроник I Гид 87, 94
Андроник Дука Палеолог 318
Андроник Евдомоаноанн 349
Андроник Зарида 349, 400
Андроник I Комнин 42, 67, 87, 104
Андроник Ягарис 349
Андроник II Палеолог 205, 206, 226, 256, 266, 282, 285, 286, 298—300, 327, 363, 366, 378, 397, 401, 402, 424, 471, 511, 558, 564—568, 578, 580, 582, 601
Андроник III Палеолог 41, 206, 212, 283, 286, 299, 300—302, 304, 404, 551, 561, 568 571, 572, 574, 577, 578, 580, 601
Андроник IV Палеолог 271, 354, 566
Андроник, сын Алексея III Великого Комнина 94
Андроник Франкопул 73, 75
Анжуйская династия 156
Анна Дондола 462
Анна, дочь Ивана II Асеня 346
Анна, дочь Михаила VIII Палеолога 351
Анна, жена Иоанна VIII Палеолога 568
Анна, жена Никифора Ангела 124
Анна, первая жена Иоанна III Дуки Ватаца 71
Анна Савойская, императрица 212, 213, 287, 351, 568, 576
Антиох 52
Антоний Великий 46
Антоний, патриарх 351
Антоний Пиропул 405
Антонио Аверулино 112
Антонио Аччайуоли 156
Антониотто Адорно 186
Аполлоний Бергамский 403
Аполлоний Родосский 161, 363
Аппиан 104
Арат 398 {620}
Аристид Элий 231, 239, 397
Аристотель 52, 55—58, 60, 61, 76, 77, 104, 139, 157, 161, 230, 237, 239, 242, 250, 252, 283, 328, 330, 332, 339, 363, 364, 370, 396, 405—408, 411, 416, 417
Аристоксен из Тарента 543, 546
Аристофан 136, 411
Арсений, патриарх 196, 202, 395
Арсений Солунский, диакон 394
Афанасий Высоцкий 479
Афанасий I, патриарх 210, 269, 270, 298, 306,

* Составлен Н. П. Чесноковой.

- 378, 565
 Аччайуоли 31, 139
 Аэций Амидский 370
- Бакхий**, мелург 545
 Балдуин I 18, 19, 158, 165, 170, 188
 Балдуин II 19, 138, 202
 Балиан Ибелин 179
 Бартоломеа Аччайуоли, жена Феодора I Палеолога 355
 Бартоломей, монах 158
 Бартоломео Гизи 169
 Бартоломео Дзордза 168, 169
 Баязид I 180, 278, 337, 354, 357, 359
 Беатриче из Монферрата 164, 165
 Бенедетто де Молина 183
 Бенифаччо Кальво 169
 Беноццо Гоццоли 560
 Бенуа де Сент-Мор 333
 Бернабо Висконти 186
 Бернар де Тревье 329
 Бертольд фон Гогенбург 77
 Бланка, французская королева 19
 Боккаччо Д. 157, 178, 328
 Бонифаций Монферратский 12, 40, 155, 164—168, 188
 Борил, царь Болгарии 187
 Боэций 236, 547
 Бусико, маршал 186
- Валериан** 99
 Валерий Максим 186
 Вамек Дадиани 473, 474
 Варда Фока 96
 Варлаам Калабрийский 185, 226, 228, 243—246, 250, 313, 364—366, 368, 476, 548
 Варфоломей, монах 540
 Василий II Болгаробойца 66, 96, 303, 306
 Василий Великий 239, 339
 Василий Великий Комнин 99—101
 Василий I, великий князь Московский 351, 513
 Василий Кавалларий 82
 Василий, сын Георгия Амируци 108
 Василий, сын Иоанна Глики 401
 Ватацы 170
 Великие Комнины 42, 43, 45, 86 88, 90, 94—96, 98, 101, 103, 104, 113, 116, 118, 119
 Велисарий 335, 336
 Веньеры 13, 25
 Вергилий 182
 Верджеро 230
 Вероккьо 174
 Виктор, художник 451
 Виллардуэны 140, 335
 Вильгельм II, король Сицилии 12
 Вильгельм II Виллардуэн 228
 Висконти, миланский род 186
 Виссарион Никейский 86, 87, 103, 104, 108, 226, 228, 247, 248, 250, 266, 279, 295 314 378, 404, 406, 523
 Владислав, король польский 337, 338
 Враны 34
- Габриэле Висконти** 186
 Гавалы 34
- Гаврилопул, монах 583
 Гавры 42, 95
 Газан-хан 113
 Гален 79, 157, 369, 370
 Галилей 374
 Гаттилузи, генуэзский род 13, 186, 290
 Гауденций, мелург 545
 Гаусельм Файдит 164
 Гварино Веронский 230
 Гелиодор 83, 321
 Генрих I, император 15, 18, 19, 27, 29, 138, 168, 187
 Генрих IV, король Англии 356
 Генрих VI, император 164
 Георгий Акрополит 54, 61, 63—68, 70, 71, 73, 74, 78, 82, 83, 184, 280, 281, 283, 286, 298, 344, 346, 361, 395—397, 406, 407, 410, 584
 Георгий Амартол 331
 Георгий Амируци 103—105, 107—113, 227
 Георгий Бустрон 176
 Георгий Вардан 120, 136, 590
 Георгий Гемист Плифон 221, 226, 228, 231, 240, 246—254, 260—262, 267, 272, 313, 314, 355, 363, 380—383, 406, 414—416, 420, 424—426
 Георгий Дисипат 349
 Георгий Драсин 310
 Георгий Кедрин 182
 Георгий Контопетра 540
 Георгий Ксифилин 306
 Георгий Лакапин 397, 400, 401
 Георгий Лапиф 178, 227
 Георгий Лука 351
 Георгий, мелург 84
 Георгий, иконописец 233
 Георгий Музалон 67, 84, 85, 567
 Георгий Панарет, мелург 540
 Георгий Пахимер 30, 58, 64, 66, 71, 184, 226, 280—283, 296, 299, 300, 346, 361, 362, 364, 376, 378, 383, 406, 407, 413, 543—546, 580, 581
 Георгий Референдарий, нотариус 116
 Георгий Сгуропул 541
 Георгий Сфрандзи 228, 289, 293—295, 349, 360
 Георгий (Геннадий) Схоларий 95, 108, 243, 250, 279, 397, 404, 406 {621}
 Георгий Трапезундский 115, 314, 405, 414
 Георгий Теофилопул 19
 Георгий Филантропин 349
 Георгий Фобек 403
 Георгий Хониат 371
 Георгий Хрисококк 103, 114, 367, 370, 377, 378
 Герард Меркатор 380
 Герасим Халкеопул, монах 540
 Герман, монах (мелург) 537, 539
 Герман I, патриарх 406, 407
 Герман II, патриарх 196
 Гермоген Тарский 76, 396, 397, 417
 Гермониак 333
 Геродот 73, 104, 155, 230, 313
 Ги де Лузиньян, иерусалимский король 12
 Ги Ибелин, епископ Лимассола на Кипре 162, 163
 Гизи, род 13, 21

- Гийом, архиепископ Коринфа 157
 Гийом Виллардуэн, князь Ахайи 66, 155, 163, 171, 172, 334, 335
 Гийом IV де Бо, принц Оранский 164, 165
 Гийом де Салоник 164
 Гийом де Форьер 164
 Гийом IV Монферратский 167, 168
 Гийом Шамплит 334
 Гиппократ 157, 370
 Глава, великий диикит 301
 Годфруа Бульонский 188
 Гомер 66, 76, 136, 158, 161, 184, 231, 281, 313, 328, 331—333, 406, 417
 Греко, род 153
 Григорий Акиндин 228, 244, 250
 Григорий Богослов 132
 Григорий Бун Алиат 541
 Григорий — домашник, мелург 537
 Григорий (Георгий) Кипрский 71, 266, 281, 362, 395—398, 409, 411
 Григорий Клида, диакон 301
 Григорий Мамм 523, 526
 Григорий Назианзин 102, 161, 162, 239
 Григорий Нисский 239
 Григорий Палама 211, 213, 233, 244, 245, 259, 264, 270, 283, 287, 427—435, 437—445, 476, 480, 481, 582, 597, 604
 Григорий X, папа 63
 Григорий XIII, папа 366
 Григорий Синаит 427—429, 436, 472
 Григорий Хиониад 100, 113, 114, 366, 367 370, 377
 Гуарино 404
 Гуго де Бо 165
 Гуго де Брежиль 164, 165
 Гуго де Сен-Кантен 164
 Гуго III Лузиньян 178
 Гуго IV Лузиньян 558
 Давид Великий Комнин 32, 42, 105, 108
 Давид, брат Иоанна IV Великого Комнина 98, 105
 Давид Редестин, домашник монастыря Пантократора 540
 Дамиан 232
 Дандоло Марино 13
 Дандоло Энрико 166, 188, 190
 Данте Алигьери 186
 Дарий 73
 Декарт 244, 246
 Демокрит 61
 Демосфен 104, 230, 239, 313, 397
 Джангалеаццо 186
 Джованни Адорно 290
 Джованни Висконти 177
 Джованни Марионе 145
 Дзанфурнари, художник 451
 Дикстис Критский 333
 Димитрий Ангел, фессалоникский деспот 66
 Димитрий Ангел Клид 349
 Димитрий, брат Лаоника Халкоконднла 295
 Димитрий Докиан 540
 Димитрий Карик 54, 61, 76
 Димитрий Катавлатгас 245
 Димитрий Кидонис 103, 111, 158, 226, 228—230, 236—238, 244, 246, 250, 256—258, 264, 267, 268, 270, 271, 274—278, 557, 563, 569, 579
 Димитрий Ласкарис Леондарис 349
 Димитрий Палеолог 455
 Димитрий Палеолог Метохит 349
 Димитрий Пепагомен 372, 373
 Димитрий, правитель Навплия 107
 Димитрий, сын Андроника II 266
 Димитрий, сын Бонифация Монферратского 167
 Димитрий Триклиний 227, 231, 362, 376, 397, 403
 Димитрий Халкокондил 401
 Димитрий Хоматиан, архиепископ Охрида 40, 136, 137, 196—200, 303, 575, 590
 Димитрий Хлор 583
 Диодор Сицилийский 64
 Дион Хрисостом 73
 Дионисий Галикарнасский 100, 377
 Дионисий, купец из Константинополя 99
 Дионисий Латас, архиепископ Закинфа 534
 Дионисий Периегет 78, 376
 Дионисий Ферапонтовский 441
 Дионисий Фракийский 76
 Диоскорид 454
 Диоскур 373
 Диофант 76, 362, 398, 401, 407
 Доменико Бонинсенги 380
 Доменико д'Аллегро 97
 Доменикос Теотокопулос (Эль Греко) 232
 Донателло 174
 Досифей, митрополит 103, 107
 Драгота, наместник 346
 Дука, историк 289—293, 296, 355, 357, 358, 564
 Дуки, род 39, 41, 336
 Дукопул, ученик Иофана Педиасма 396
 Дунс Скот 244
 Луччо 459 {622}
 Евдокия, жена Иоанна II Великого Комнина 94
 Евдокия, жена Константина Палеолога 567
 Евдокия Комнина 94
 Евдокия, мать Льва VI 317
 Евклид 76, 104, 362, 363, 396, 403
 Евматий Макремволит 315, 317, 322, 323
 Евпраксия, монахиня 511
 Еврипид 158, 185
 Евсевий 230
 Евстафий Ромей 198, 306, 307
 Евстафий Солунский 63, 287
 Евстратий Никейский 376
 Евфимий Зигавин 52
 Евфимий Ивер, монах 331
 Евфимия, монахиня 511
 Елена Ангелина 155
 Елена Драгаш, жена Мануила II Палеолога 354, 523, 524, 526
 Елена, жена Иоанна V Палеолога 566
 Елена, императрица, жена Феодора II Ласкаря 277
 Елена, мать Константина I 175, 390
 Елена Палеолог 155

Епифаний Агиополит 389
Епифаний Премудрый 451, 476
Ефрем 66, 187
Ефросиний, архиепископ Суздальский 351
Ефросинья Дукиня Палеологиня 562

Жан II, король Кипра 155, 176
Жан д'Ибелин 178, 179, 191
Жан де Бриен 164
Жан де Журни 179
Жан де Ластин 142
Жан де ля Рош 155
Жан де Норес 174
Жан, правитель Бейрута 179
Жанна д'Алеман 176—178
Жоффруа де Брюйер 172
Жоффруа I Виллардуэн 14, 18, 29, 31, 166, 194, 334, 553
Жоффруа II Виллардуэн 334

Зевксипп 230
Зороастр 247

Иаков (Исаак) митрополит Фессалоникский 311
Иаков, священник 583
Иалеас 401, 410
Иван Александр, царь болгарский 473, 566
Иван II Асень 33, 40, 128, 134, 344, 346
Иероним 161
Иларий Дория 356
Илларион, монах 583
Илларион Продром 54, 76
Илья, митрополит Критский 303
Иммануил Бонфис из Тараскона 367
Иннокентий III, папа 19, 158, 161
Иоаким Анастасиот 378
Иоанн II Великий Комнин 94, 113
Иоанн IV Великий Комнин 94, 97, 98, 108
Иоанн Анагност 290
Иоанн Актуарий 370, 400
Иоанн Ангел Комнин, дука Эпира и Фессалии 40
Иоанн Апокавк 120, 135, 136, 196, 213, 558, 566, 590
Иоанн Аргир 116
Иоанн Аргиропул 231, 234, 247, 248, 250, 371, 404, 405, 411
Иоанн, брат протостратора Феодора 128
Иоанн Векк 63, 582
Иоанн, великий примикирий 562
Иоанн Велиссариот 66
Иоанн Владинтер 349
Иоанн Глика 282, 397, 398, 401, 402, 408, 410, 537—539
Иоанн Дамаскин 56, 114, 161, 331, 390, 417, 535, 537, 548, 549
Иоанн, деспот 584
Иоанн Дисипат 349
Иоанн Дука 566
Иоанн III Дука Ватац 32, 34—36, 38, 46, 47, 49, 50, 54, 55, 63—67, 70—73, 76, 79, 82, 84, 85, 170, 344, 346, 348, 536, 561, 563, 566, 571
Иоанн Евгеник 103—105, 107, 115, 421, 519
Иоанн, епископ Китрский 303
Иоанн, епископ Новгородский 351

Иоанн Зарида 400
Иоанн Захария Актуарий 400, 409
Иоанн Златоуст 110, 132, 339
Иоанн Зонара 96, 198
Иоанн, зять Феодора Метохита 561
Иоанн Калека 212, 309, 567
Иоанн Каматир 197, 375
Иоанн Канавутцис (Канавуччи) 376, 377
Иоанн Канан 289
Иоанн VI Кантакузин 99, 103, 206, 212, 213, 216, 228, 236, 256, 257, 265, 270, 271, 277, 283, 286—290, 302, 305, 351, 357, 402, 454, 482, 558, 566, 568—572, 601
Иоанн Катрарий 377
Иоанн Клада 540, 549
Иоанн Климак 409
Иоанн II Комнин 371, 464
Иоанн II Комнин Ангел 128, 333
Иоанн, крестьянин 199
Иоанн Ксифилин 99
Иоанн Кукузел, мелург 536—540, 548, 549
Иоанн IV Ласкарис 55
Иоанн Ласкарис Калофер 277
Иоанн Ласкарис, мелург 541, 549
Иоанн Месарит, брат Николая Месарита 66
Иоанн Мосхопул 349
Иоанн Навпактский 197—200
Иоанн V Палеолог 212, 216, 217, 256, 271, 278, 283, 287, 305, 349, 355, 356, 566, 576
Иоанн VII Палеолог 356
Иоанн VIII Палеолог 103, 107, 110, 220, 350, 351, 354, 355, 358, 567, 568, 571
Иоанн Палеолог, севастократор 155 {623}
Иоанн Панарет 405
Иоанн Педиасм 396, 403, 544, 545
Иоанн Постник 309, 311
Иоанн Поф 403
Иоанн, претор Константинополя 278
Иоанн, примикирий 481
Иоанн XXII, папа 29
Иоанн Ставрикий 403, 411
Иоанн Схоластик 196
Иоанн, сын Андроника II 266
Иоанн, ученик 409
Иоанн Фока 389
Иоанн Хартофилак 134
Иоанн Хоргасмен 103, 226, 228, 250, 363, 367, 378, 405, 411
Иоанн Хрисолор 349, 404
Иоанн Хумн 63
Иоанн Цакнопул 540
Иоанн Цец 333
Иоасаф, митрополит эфесский 310
Иоасаф, монах 482
Иоасаф Сокка 109
Иоганн Шильтбергер 552
Иоланта, жена Феодора I Ласкариса 345
Иона, монах 310
Иосиф Вриенний 238, 266, 378, 407, 408
Иосиф Лазаропул, трапезундский митрополит 96, 99, 100, 114, 115
Иосиф Месапотамит 73
Иосиф, митрополит Апроса 301

- Иосиф, патриарх 382
Иосиф Ракендит 226, 397, 402, 410, 412, 414, 420, 424
Иоханн Вернер 107
Иоахим Флорский 161
Ираклий, император 180, 303
Ирина, вторая жена Иоанна III Дуки Ватаца 47, 71—73, 79, 85, 565—567, 571, 577
Ирина (Иоланта Монферратская), жена Андроника II 266, 564, 565, 568
Ирина, мать Алексея III 94, 99
Исаак II Ангел 62, 342
Исаак Аргир 363, 367
Исаак Комнин, сын Алексея I 455, 464, 466
Исайя 583
Исайя, патриарх 574
Исайя, художник 458
Исидор, митрополит Киевский 367, 385
Исидор Севильский 161
Исократ 104
- Каваситы** 97, 98
Кай-Хусрав I (Кей-Хюсрав I) 32, 62, 64
Калиергис 232
Каллерги, род 25
Каллимах 406
Каллист, патриарх 309
Калоида, севаст 397, 402
Калоян I, царь Болгарии 19, 66, 170, 346
Канидий 99
Кантакузины 173, 228, 336
Карвунариот, мелург 537
Карл I Анжуйский 159, 172, 204, 329
Карл Великий 167, 513, 581
Карл V, король Франции 180
Карл VI, король Франции 180, 356
Карло I Токко 31, 173
Кассиодор 361
Катерина Цаккариа 355
Кекавмен 98, 115
Кеплер 56
Киприан, митрополит Киевский и всея Руси 351
Кир 73, 261
Клауссон Сварт 382
Клеопа Малатеста, жена Феодора II Палеолога 355
Климент Александрийский 339
Климент VI, римский папа 145
Клов, мелург 537, 539
Козимо Медичи 370
Комнины, род 22, 34, 39, 41, 83, 100, 104, 126, 285, 342, 354, 460, 591
Кондостефаны 38
Конон де Бетюн 31, 163, 165
Константин II 180
Константин III 303
Константин Акрополит 46, 70, 520, 561
Константин Ангел 41
Константин Арменопул 227, 304—309, 312, 410
Константин VII Багрянородный 58, 303, 306, 354, 385
Константин Драгаш 354
Константин, епископ 311
Константин Кавасила 303
- Константин Костенечский 376, 394
Константин Лукит 99, 100, 113, 114, 227, 366, 401, 403
Константин Магула 540
Константин Манасси 315, 333
Константин Мелитениот 371
Константин IX Мономах 298, 352
Константин Мосхиан 541
Константин XI Палеолог 222, 266, 294, 295, 354, 360, 541
Константин Палеолог, деспот Морей 266, 355, 423
Константин Палеолог 562, 566
Константин Ралли 349, 350
Коррадо Чикало 145
Корсанего Григорий 162, 163
Коракс, дипломат 359
Косьма Индикоплов 379
Кристофоро Буондельмонти 161, 388
Критовул 107, 112, 240, 289, 293, 296
Ксен Корона, мелург 537, 539, 540, 549
Ксенофонт 73, 102, 104
Ксеркс 62
- Лазарь, король Сербии 472
Лайош Великий, король Венгрии 356
Лаоник Халкокондил 97, 98, 228, 240, 289, 295—297, 382—384 {624}
Ласкарис Канан 289, 385—387, 389, 394
Ласкарис, севаст 166
Ласкарисы 46, 49, 50, 64, 67, 80, 85, 280, 336
Лауро Квирины 185
Лев Алмириот, мелург 537
Лев Гавала 32, 35
Лев VI Мудрый 198, 199, 303, 305, 306, 317, 336, 537
Лев Сгур 22, 40
Леонардо Бруни Аретино 112
Леонардо Деллапорта 180—184, 186, 594
Леонардо ди Вероли 159
Леонардо I Токко 14
Леонтий Махера 155, 174, 175, 177
Леонтий Пилат 161, 185
Ливаний 71, 104, 161, 239, 397
Ликург 261
Лисипп 187, 230, 240, 420
Лоренцо ди Моначи 184
Лудовико ди Кампофрегозо 107, 108
Лузиньяны, династия 12, 25, 29, 147, 155, 174—176, 178, 191
Лукиан 161, 239
- Магдалина Токко** 355
Мазарис 561
Макарий Курун 349
Макарий Мелиссин 294
Макарий, митрополит 351
Макарий Хрисокефал 397
Максим Ласкарис Калофер 584
Максим Плануд 85, 226, 231, 235, 250, 258, 266, 314, 362, 370, 377, 378, 380, 397—401, 408, 409, 413
Малиасины, род 40
Мамия, сын Вамека Дадияни 474

Мануил Амбелокипиот, иерей 540
Мануил Аргиропул, мелург 540
Мануил, брат Андроника III Палеолога 580
Мануил Влатир, мелург 540
Мануил Вриенний 226, 401, 402, 408, 410, 412, 545, 546
Мануил Газа 541
Мануил Дисипат 349
Мануил Евгеник 232, 459, 473, 474
Мануил Кантакузин Палеолог 524
Мануил I Великий Комнин 88, 94
Мануил I Комнин 48, 303, 306, 390, 488
Мануил Комнин, сын Андроника I 87
Мануил Лукит 366
Мануил Маврозом 32
Мануил Мосхопул 226, 250, 258, 260, 362, 397, 400, 401, 405, 408
Мануил Неокесарит 396, 397
Мануил Оловол 266, 406, 407
Мануил II Палеолог 14, 217, 220, 228, 230, 233, 265, 294, 349—352, 354—356, 523, 524, 558, 560, 563, 564, 569
Мануил III Великий Комнин 94
Мануил Панселин 232, 468
Мануил Пиропул 405
Мануил Плагит 540
Мануил, сын Ксена Корона 540
Мануил, трапезундский клирик 114, 115
Мануил Фил 226, 233, 318, 373, 526
Мануил Филантропин 349
Мануил Хрисаф 541, 549
Мануил Хрисолор 226, 238, 240, 241, 247, 314, 349, 350, 380, 404
Мануил Христоним, великий епископ 109
Мануил Цикандилис 559
Мануил Ягарис 349
Манфред, сицилийский король 172
Мара, сербская княжна 295
Марех, жена Вамека Дадияни 474
Марин Тирский 388
Марин Фальер 182, 183, 594
Марино Дзено 190
Мария, жена Андроника IV Палеолога 354
Мария, жена Иоанна VIII Палеолога 103, 105
Мария, жена Петра II Арагонского 329
Мария, жена протостратора Феодора 128
Мария, жена Фомы Прелюбовича 133, 524
Мария Комнина Торникина Акрополитисса 520, 562
Мария Шампанская 163
Марк Евгеник 105, 367, 406
Марк Эфесский 104, 107, 108, 278, 279, 404, 407
Марк Ягарис 349
Марко Поло 381
Марко Фальер 183
Марсилио Фичино 253, 369
Марфа Тарханиотисса 82
Матфей Властарь 227, 309—312, 410
Матфей, епископ Неопатр 159
Матфей Камариот 250, 367, 409
Матфей Кантакузин 256
Махмуд-паша 108
Мелания (Мария Монгольская), монахиня 464,

466
Мелетий-Макарий, монах 103
Меркурий, византийский автор 400
Меркурий, монах 583
Мехмед I 358, 359
Мехмед II, Завоеватель 45, 98, 109, 112, 222, 240, 292, 293, 295, 360
Милон Брабантский 166
Милутин 351
Михаил Авториан 62, 196
Михаил I Ангел Дука Комнин 40
Михаил II Ангел Дука Комнин 40, 41, 63, 120, 124, 127, 170, 345, 565
Михаил Апостолий 111, 112, 115, 250, 404, 406
Михаил, архиепископ вифлеемский 351
Михаил Атталиат 64, 303, 307, 311
Михаил Велиссариот 66
Михаил Гавра 228, 230, 231, 233, 301, 402
Михаил Дамаскин, художник 451
Михаил Дука, дед историка Дуки 289
Михаил, диакон 198
Михаил Кадзиритис 154 {625}
Михаил Константин 198
Михаил VIII Палеолог 13, 30, 34, 35, 38, 63—65, 71, 82, 84, 85, 155, 170, 171, 202, 203, 205, 206, 334, 336, 341, 345, 348, 351, 353, 396, 403, 407, 411, 423, 538, 566, 570, 576, 577
Михаил Панарет 43, 95, 96
Михаил Пацад, мелург 537, 539
Михаил Пселл 56, 249, 282, 287, 368, 376
Михаил Сенахерим 73, 75
Михаил Серриот 197
Михаил Стронгил 278
Михаил, сын болгарского царя Александра 571
Михаил Хониат, митрополит Афинский 18, 32, 156
Морозини Томазо 15, 27
Мурад I 181, 217
Мурад II 98, 180, 220, 278, 289, 295, 349, 359, 360
Мустафа, брат Мехмеда I 358
Навагайозо Филокало 13
Навкратий, игумен Студийского монастыря 46
Насир ад-дин Мухаммад 101
Немесий Эмесский 253
Неофит Продромин 372
Нерио II 355
Нерон 261
Нестонги 38
Никита Евгениан 315, 320, 322
Никита Ираклийский 311
Никита Хониат 18, 61, 62, 64—67, 184, 285, 287, 290, 344, 562
Никифор II Фока 117, 306
Никифор Влеммид 46, 50, 54—58, 60, 61, 63, 67, 68, 70, 71, 73—79, 83—85, 266, 313, 376, 396, 400, 408, 416—420
Никифор Вотаниат 303
Никифор Григора 46, 66, 100, 145, 178, 212, 224—228, 230, 231, 233, 243—245, 249—251, 266, 269, 272, 274, 281—287, 290, 296, 300, 313, 349, 357, 361, 363—368, 375, 377, 378, 380, 383, 397, 402, 413, 414, 419, 423,

- 424, 545, 547, 548, 551, 558, 561, 567, 572, 574, 577, 578, 580
- Никифор Ифик, мелург 536—539
- Никифор Каллист 535
- Никифор Кондостефан 38
- Никифор Ксанфопул 231, 284, 288, 408, 409
- Никифор, патриарх 311
- Никифор, сын Михаила II 124, 126
- Никифор, сын Феодора Метохита 40
- Никифор Хумн 58, 226, 228, 230, 240, 242, 250, 313, 363, 364, 397, 401, 402, 410, 414, 580
- Никодим, афонский схолиаст 534
- Николай Евдомоианн 349
- Николай Ириник, хартофилак 71, 72, 79, 571
- Николай Кавасила 244—246, 251, 256, 257, 263, 427, 429—432, 434—436, 441—443, 573
- Николай Каллист 537, 539
- Николай Камбан 537, 539
- Николай Комнин Пападопулос 304
- Николай Кузанский 56, 78, 252
- Николай Манглавит 346
- Николай Матаранг 301
- Николай Месарит 61—63, 66
- Николай Мирепс 370
- Николай Нотара 356
- Николай Равда 362
- Николай Франгопул 349
- Николо Мартони, нотариус 139, 157
- Никомах 76, 369, 396, 403, 408
- Никон, монах 541
- Нил Диасоринос (Никита Мирсониот), митрополит Родосский 309, 310
- Нифон, патриарх 579
- Овидий** 235
- Оккам 161
- Оривасий 370
- Ориген 339
- Орсини, род 12
- Павел**, папский легат 270
- Павел Софиан 349
- Павел Флорентиец (Паоло Тасканелли) 382
- Павел Эгинский 370, 373
- Паламед 328, 332
- Палеолог Лахан 359
- Палеологи, род 34, 38, 82, 92, 100, 228, 233, 236, 269, 280, 286, 291, 297, 303, 304, 311, 354, 365, 373, 395, 406, 407, 448, 450, 456, 458, 461, 477, 483—486, 551, 554, 606
- Панареты, род 95
- Панкратий (Баграт) 96
- Парасподил Зотикос 337
- Парацельс 374
- Педро IV Арагонский 139
- Пейро Видаль 164
- Пелагий, кардинал 62
- Петр II Арагонский 329
- Петр Вальсамон 308
- Петр де Норес 174
- Петр I, король Кипра 176—180, 277
- Петр, митрополит Московский 510, 513
- Петралифы 39, 41
- Петрарка Ф. 182, 184, 235
- Пий II, папа 112
- Пико делла Мирандола 253
- Пиндар 238, 411
- Пифагор 104, 544
- Платон 55, 57, 58, 68, 76, 104, 110, 113, 158, 186, 231, 236, 239, 251, 257, 262, 283, 285, 313, 328, 332, 363, 364, 370, 397, 411, 417, 419
- Плотин 56, 251, 252, 364, 368
- Плутарх 52, 104, 157, 158, 231, 385, 400, 419, 425
- Полибий 73 {626}
- Полигнот 230
- Порфирий 55, 76, 161, 251, 368, 417
- Пракситель 240
- Прокл 157
- Прокопий Кесарийский 64, 104
- Прокопий Хантзам 116
- Прохор Кидонис 103
- Псевдо-Дионисий Ареопагит 162, 245, 407, 436, 439, 446
- Псевдо-Каллисфен 330
- Псевдо-Кодин 561
- Птолемей Клавдий 55, 77, 109, 114, 157, 159, 363, 366—369, 377—381, 388, 394, 399, 400, 408, 543, 546—548, 602
- Пьетро де Версис 389
- Пьетро Дзено 182, 189
- Пьетро Каваллини 457
- Пьетро Помпонацци 253
- Раймбаут Вакейрасский** 155, 164—167
- Раули 34, 38
- Риккардо, граф Кефалонии 156
- Робер де Блуа 164
- Робер де Клари 14
- Роберт, брат императора Балдуина I 170
- Роланд 167
- Роман I Лакапин 197, 198, 303
- Роман II 306
- Роман Сладкопевец 535, 540
- Русса 199
- Сабеллико М.-А.** 184
- Савва, архиепископ Сербский 472
- Савва Асиден 32
- Савва, афонский монах 582
- Саладин 191
- Саллюстий 163
- Салютати К. 157
- Санудо Марко 13
- Санудо Марино Старший 29
- Сарданапал Ассирийский 261
- Сгурь, род 39
- Сергий, художник 232
- Сильвестр Сиропул 108, 278, 289
- Симеон, архиепископ Фессалоникский 300
- Симеон, московский князь 265
- Симеон Неманя 472
- Симеон Псирицис 537, 539
- Симеон Сиф 375, 376
- Симеон Солунский 443—445, 446, 573
- Симон Константинопольский, доминиканец 156
- Симоне Атуmano 157, 158
- Симоне Виньозо 21

- Симоне Маргини 459
Симонида, жена краля Милутина 472, 511
Симпликий 55, 57
Синадины 38
Синесий Киренский 73, 239, 398, 545
Сиропул, врач 583
Сисиний 306
Скандербег 296
Скилица 96
Сократ 60, 61, 411, 419
Софокл 282
Софья Витовтовна, жена Василия I Дмитриевича 513
Софья Монферратская, жена Иоанна VIII Палеолога 355, 568, 571
Стасины, род 38
Стефан Византийский 376, 385
Стефан Душан, король Сербии 213, 216, 351, 469, 566
Стефан Лазаревич, сербский деспот 354, 376
Стефан Мавроманик 566
Стефан Первовенчаный 462
Стефан Сахликис 184, 563, 580, 581
Стефан Сгуропул 100, 119
Стефан, солдат 136
Стефан I Урош 462
Стефан II Урош Милутин 371, 404, 471, 472, 511
Стефан III Урош 216, 349
Страбон 377, 378, 380—382, 385, 394, 602
Сулейман II 32
Сулейман, турецкий султан 357, 358
Схоларии 97, 101
Схоларий, великий дука 102
- Тамар, грузинская царица 42
Тарханиоты 34, 38
Тимур (Тамерлан) 43, 220, 278, 296, 337
Токко, род 14, 173, 174
Торники, род 38
Тривидий 83
Тьерри де Лоос, сенешаль 165
- Узун Хасан, шах Ирана 118
Урбан V, папа 277
- Ф**алей 198
Фарвивук 540
Феогност, митрополит 458
Феодул, монах 540
Феодор, епископ Эврипский 18
Феодор Ангел Комнин Дука 40, 41, 197, 344
Феодор Вальсамон 198, 298, 303, 308
Феодор Врана 19
Феодор Гавра 95, 116
Феодор Газа 40
Феодор Иртакин 100, 397, 401, 403, 410
Феодор Кантакузин 349, 356
Феодор Комнин 128
Феодор I Ласкарис 32—34, 38, 40, 48, 49, 62, 64, 65, 74, 79, 83, 342, 345
Феодор II Ласкарис 34, 38, 46, 47, 49, 54, 55, 58, 60, 61, 63—68, 70, 73—75, 77, 78, 80—85, 240, 242, 344, 346, 348, 555, 567, 570, 576, 577, 582, 588
Феодор Манкафа 32, 38
Феодор Манугра 537
Феодор Мелитениот 367, 376, 378, 407
Феодор Метохит 225—230, 233, 235, 239, 248, 250, 251, 256—258, 261, 263, 266, 267, 282 {627} 285, 313, 361, 363, 364, 367, 376, 402, 403, 410, 413, 414, 419, 422—424, 451, 455, 463, 464, 466, 514, 545, 561—563, 567, 582
Феодор Музалон, великий логофет 84, 352, 397, 401, 410
Феодор I Палеолог 181, 355
Феодор II Палеолог 355
Феодор Панарет 95
Феодор Продром 61, 315, 322
Феодор, протостратор 128
Феодор Пулакис, художник 451
Феодор Скутариот 66, 75
Феодор Студит 417, 442
Феодор, сын Андроника II 266, 564
Феодор, художник 232
Феодор Эксаптериг 61, 63, 74
Феодора, дочь Иоанна VI Кантакузина 571
Феодора, жена Алексея III Великого Комнина 454, 561
Феодора, жена Михаила II 126
Феодора, жена Михаила VIII Палеолога 566
Феодора, жена Юстиниана I 454
Феодора, землевладелица 199
Феодора Кантакузина, жена Алексея IV 94, 97, 103
Феодора Кантакузина, мать Иоанна VI Кантакузина 568
Феодора Токко 355
Феодора, транезундская принцесса 118
Феодосий II 336
Феодосий, монах 132, 133
Феодосий, митрополит Трапезунда 103
Феодосий Александрийский 76
Феодул, монах 581
Феокрит 411
Феон Александрийский 363, 367, 399
Феофан Агаллиан 112
Феофан Грек 232, 441, 451, 458, 474—477
Феофан Критский 154, 232
Фердинанд I Арагонский 350
Фидий 74, 230, 240
Филельфо Ф. 103, 112, 401, 404, 406
Филипп Гавала 541
Филипп де Мезьер 179, 180
Филипп де Новар 157, 178, 179, 191, 594
Филипп, сын Балдуина II 138
Филипп, царь Македонский 73
Филиппо Амади 179
Филиппо ди Биндо Инконтри, инквизитор в Романии 158
Филон 104, 419
Филон, школьник 379
Филопон 55, 57
Филострат 239, 400
Филостраты 421
Филофей Коккин 103, 245, 265, 308, 309, 353, 575, 582, 583
Филы, род 34
Флоренция Дзено 182

Фока, император 288
Фока Филадельф 537, 539
Фома Аквинат 111, 158, 161, 162, 178, 226, 236,
237, 246, 404
Фома Горианит 407
Фома Магистр 227, 230, 250, 264, 397, 403, 408
Фома Палеолог, деспот Морей 294, 355
Фома Прелюбович, деспот Янины 133, 524
Фома, сын Никифора Ангела Дуки Комнина 124
Фотий, митрополит московский 510, 513, 514,
519, 526
Фотий, патриарх 158, 196, 303, 311
Франко Аччайуоли 109
Франческа Аччайуоли 31
Франческо Барбаро 161, 184
Франческо ди Лапакчино 380
Фридрих II Гогенштауфен 35, 67, 71, 77—80,
167, 179
Фридрих III 354
Фукидид 100, 161, 287, 293, 400

Хаджи-Гирей, крымский хан 384
Халивур, мелург 540
Халкоматопул 401, 410
Хамареты, род 39
Харитон 321
Хитир-бей, губернатор Амасии 98
Хрисос 198
Христофер Мистак 540

Хуан Фернандес де Эредиа 157, 170
Цезарь 236
Цицерон 186, 235
Чириако из Анконы 139, 158, 240, 292, 295
Шамс ад-дин ал Бухари 113
Шарлотта, дочь Жана II Кипрского 155
Эзоп 400
Эксотрохина 583
Элеонора Аквитанская 333
Элеонора Арагонская 176
Элиас де Кайрель 164, 167, 168
Эммануил Георгилл 336, 340
Эней Сильвий Пикколомини 404
Эпикур 61
Ювенал 236
Юлиан Аскалонит 307
Юлиана Аникия 454
Юстиниан I 180, 192—194, 298, 300, 309, 335,
336, 450, 454
Юсуф, сын Баязида I 358
Яков бен Давид 367
Якопо д'Анжело 380
Якопо да Вараццо 162
Ямвлих 239, 368
Янош Хуньяди 296, 337, 338 {628}

АВТОРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аверинцев С. С. 72
Адрианова В. П. 394
Айналов Д. В. 522
Айральди Г. 162
Алексидзе А. Д. 77, 83, 315, 316, 318
Алмазов А. П. 310
Алпатов М. В. 51
Ангелов Б. 394
Ангелов Д. 39, 41
Андреева М. А. 74, 80, 85, 348, 570, 571 576, 578
Бабич Б. 524
Бабић Г. 471
Багров Л. 379
Баккер В. 183
Балар М. 146
Банк А. В. 134, 519, 558, 560, 574
Барабанов И. Д. 210, 270
Барвинок В. И. 417
Безобразов П. В. 391
Бек Х.-Г. 314, 316, 328, 335
Белтинг Х. 454 456
Бертело М. 373, 374
Божков А. 473, 527
Бошкович Дж. 502
Брайер Э. 43, 87, 88
Брунов Н. И. 124, 484—486, 488, 491, 493, 496,
497, 500, 501
Булгаков С. 446
Бухталь Г. 52
Бычков В. В. 433, 441, 446
Бычков О. В. 413

Бэкон Р. 374
Вагнер Г. 388
Василий (Кривошеин), архимандрит 245, 438
Василий А. 513
Васильев А. А. 234, 356, 385, 386, 564, 569
Вейтцман К. 52
Вельманс Т. 454, 457
Веселаго Е. Б. 295, 297, 384
Вздорнов Г. И. 10
Виламовиц-Меллендорф У. 325
Вольска-Коню В. 379
Вујовић-Марјановић Г. 525
Гемерт А. ван 183, 184
Герцман Е. В. 528, 533, 542, 543, 546, 547, 549
Гесселинг 330
Гёте 140
Гоббс 258
Горфункель А. Х. 253, 254
Горянов Б. Т. 19, 262
Грабар А. 326
Гранстрем Е. Э. 331
Грегоровиус Ф. 139
Греков И. Б. 217
Греку В. 295
Григорович-Барский В. 524
Гукова С. Н. 382
Гуковский М. А. 578
Данић Ђ. 133.
Дельвуа Ш. 152
Демус О. 52, 151, 450, 451, 461

- Дестунис Г. 117, 390
 Джанполадян Р. М. 558
 Джефффриз М. 170
 Диллер О. 379, 380, 385
 Диль Ш. 448
 Диттен Г. 383, 384
 Дмитриев Г. А. 26, 192
 Дмитриевский А. 572
 Добиаш Рождественская О. А. 191, 578
 Досталова Р. 283
 Дуйчев И. 376
 Дюриш И. 547
Жаворонков П. И. 10, 39, 63, 79
 Жуков К. А. 348
Закржевская О. Г. 272
 Захариаду Э. 173
Иосебидзе Д. Г. 119
Каждан А. П. 284, 285, 555
 Кант 245
 Каптерев Н. Ф. 527
 Карпов С. П. 42, 93, 94, 103—105, 181, 202, 341
 Кодер Й. 173
 Катанский А. 277
 Каттанан М. 153
 Кнес Б. 324
 Кондаков Н. П. 80, 489, 523, 524, 559, 560
 Коэн Г. 318
 Красавина С. К. 291, 292, 294
 Кречмер К. 387
 Криарас Э. 328, 330
 Крумбахер К. 316, 330, 334, 335, 536
 Курбатов Г. Л. 212, 215
 Лазарев В. Н. 53, 54, 129, 132, 133, 232, 450, 451, 457, 472, 474, 476, 479, 569
 Лаиу А. 207
 Ламброс Сп. 316, 385
 Лампсидис О. 105
 Леонид, архимандрит 393
 Литаврин Г. Г. 36, 188, 310, 346, 371, 575, 580
 Лихачев Д. С. 448, 458
 Лихачева В. Д. 52, 54, 448, 556, 558, 559, 564
 Лихачева О. П. 331
 Лопарев Х. М. 569
 Лордкипанидзе И. 473, 474
 Лурье Я. С. 331
 Лучицкая С. И. 191
 Любарский Я. Н. 184, 282, 572, 580, 582 {629}
Максимовић Љ. 214, 286
 Манусакас М. 181, 541
 Маркс К. 245, 262
 Марр Н. Я. 118
 Мартини Е. 318
 Мегас Г. 316, 318
 Медведев И. П. 74, 170, 186, 194, 203, 211, 215, 221, 225, 228, 231, 255, 257, 261, 262, 265, 272, 274, 275, 282, 284, 285, 305, 312, 352, 354, 364, 375, 403, 406, 410, 414, 420, 424, 596
 Меженин В. М. 27
 Мещерский Н. А. 105
 Милле Г. 471, 505
 Миллер К. 380
 Момина М. А. 529
 Моравчик Д. 356
 Мошин В. 523
Найман А. 164
 Наумов Е. П. 216
 Николаева Т. В. 527
 Норденшельд А. 387
 Ньютон 374
Оболенский Д. 353
 Орешкова С. Ф. 206, 210, 216
 Орландос А. 122, 130, 502
 Острогорский Г. А. 569
Павлов А. С. 303
 Панић Д. 471
 Пападопуло-Керамевс А. И. 389—392
 Пападопулос Г. 536
 Патлажан Э. 385
 Пертузи А. 161, 184
 Пистарино Дж. 14
 Пицакис К. 309
 Полевой В. М. 122, 125, 133, 498, 500, 502
 Поляковская М. А. 211, 217, 257, 271, 274, 276, 288
 Попова Т. В. 72, 73, 135, 281, 413, 414, 420
 Постникова-Лосева М. М. 526
 Прато Г. 52
 Прашков Л. 449
 Пропп В. 316, 318
 Протасьева Т. Н. 526
 Прохоров Г. М. 286
 Пуцко В. Г. 52, 53, 116, 480, 527
Радић Р. 32, 39
 Радојковић Б. 525, 527
 Радченко К. 256, 582
 Рансимен С. 204, 221
 Ревякина Н. В. 235
 Рестле М. 92, 93
 Ришар Ж. 162
 Рутенбург В. И. 215
Самодурова З. Г. 76
 Севастьянов П. И. 481
 Сказкин С. Д. 202
 Сметанин В. А. 34, 207, 215
 Сметанин Г. В. 178
 Соколов И. И. 302, 567, 570
 Соколов Н. П. 27
 Соколов П. 265
 Спиридонов Д. С. 105
 Статис Г. 541
 Стојановић В. 527
 Стржиковский И. 116
 Сюзюмов М. Я. 554
Талбот-Райс Т. 90, 91
 Тексье К. 94
 Тивчев П. 174, 176
 Тион А. 366, 368
 Тирье Ф. 19
 Тихомиров М. Н. 203
 Тодорова Ж. 538

- Тули Р. 388
Томић Г. 525
Торндайк Л. 369
Троицкий В. 511
Удальцова З. В. 221, 278, 279, 293
Уинфильд Д. 87, 91
Успенский П. 84
Успенский Ф. И. 58, 156, 518
Утченко С. Л. 256
Ферјанчић Б. 210
Флоренский П. 446
Флоринский Т. Д. 205
Фонкич Б. Л. 52, 115
Франчес Э. 286
Фрейберг Л. А. 71, 73, 85, 135, 281, 413, 414, 420
Хадзидакис М. 153
Хейберг И. 362
Хвостова К. В. 207
Хилл Дж. 147
Хинтибидзе Э. Г. 331
Хофманн Г. 161
Хунгер Г. 367, 374, 386, 389
Цветкова Б. А. 221, 278, 354
Чалоян В. К. 245
Черноусов Е. А. 558, 566
Черути А. 186
Чолова Цв. 394
Чубинашвили Г. Н. 519
Чудиновских Э. И. 387
Шангин М. А. 375
Шандровская В. С. 331
Шевченко И. 448, 595, 596
Шитиков М. М. 553
Шмит Ф. И. 486, 488, 493, 496, 498
Шрайнер Г. 329
Энгельс Ф. 245, 262
Энлар К. 148
Якоби Д. 18, 170, 193
Якобсон А. Л. 120 {630}
Achimastou Potamianou M. 121
Ahrweiler H. 204, 205, 272
Airaldi G. 162
Alpago-Novello A. 500, 502, 506
Alpatoff M. V. 51, 478, 526
Anastos M. 375
Andrews K. 141
Angold M. J. 36, 38, 39
Antoniadis-Bibicou H. 385
Argyriou A. 109—111
Arnakis G. 281, 282
Arpad S. 522
Asdracha C. 346
Babinger F. 348
Bagrow L. 379, 380
Bekker W. F. 182, 183
Balard M. 146, 204, 345
Ballance S. 90
Balletto L. 163
Βαμβουδάκης E. 533, 535, 549
Bank A. 480, 481
Bargelites L. 249, 253
Barker J. W. 217, 266, 356, 563
Bartholomaeis V. de 166, 168, 170
Beck H.-G. 117, 236, 248, 255, 258, 260, 272, 309, 314, 328, 335
Bees N. A. 200, 329
Bellance S. 497
Belting H. 454, 482, 514, 516
Benakis L. G. 242, 250, 253
Bentas Ch. 549
Berthelot M. 373
Beugnot A. 191
Beyer H.-V. 226, 235, 246, 251, 283
Bidez J. 368
Biedl A. 377
Björnbo P. 382
Blume F. von 536
Boese H. 157
Bokotopulos P. G. 121
Bosch U. V. 302
Bouras Ch. 553, 554, 555, 556
Boutière J. 164, 168
Bratianu G. I. 287
Bréhier L. 285, 404
Brezeanu St. 36
Browning R. A. 408
Bryer A. 43, 44, 87, 88, 97, 103, 109
Buchon J. A. 23, 164
Buchthal H. 51, 482, 516
Buchwald H. 47, 48
Byice S. 48
Canivet P. 235, 312
Carile A. 12, 18, 23, 189
Cattapan M. 153
Ceruti A. 186
Charanis P. 27
Chatzidakis M. 126—129, 153, 520
Christ W. 546
Christou P. 244
Chrysostomides J. 568
Codazzi A. 380
Congourdeau M.-H. 156
Conomos D. 549
Constatinides C. N. 395, 398, 401, 403, 407, 411
Constantinides-Hero A. 233
Coopland G. W. 180
Cramer J. 150
Crescini V. 16
Cumont F. 369
Cutler A. 459
Darrouzès J. 196, 303
Décarreaux J. 279
Delatte A. 366, 372
Delvoye Ch. 152, 493
Demus O. 51, 53, 92, 151, 448, 450, 451, 459, 461, 466, 468, 472, 473
Dennis G. T. 28, 357
Devai G. 548
Diehl Ch. 448, 484, 488, 493, 494, 558, 567, 576

- Dieten J.-L. van 266, 267, 282, 283
 Diller A. 376—381, 384, 400
 Ditten H. 384
 Djurić V. 128, 150, 480
 Dogan Ruban Y. 151
 Dölger F. 272, 275, 286, 300, 350, 352, 354, 360
 Ducellier A. 345
 Dufrenne S. 151, 470
 Dufour-Bozzo C. 520
 Düll S. 150
 Düring I. 547
Ebersolt J. 484—486, 491, 493, 556, 559, 562, 564
 Enlart C. 148
 Ευ; ἀγγελίης Λ. E. 488
 Ευστρατιάδης Σ. 281, 538
 Eyice S. 484, 491, 554
Fassbinder K. 165
 Fatouros G. 229, 231, 233, 301
 Featherstone J. 413
 Fenster E. 265
 Ferjančič B. 34
 Festugière O. 369, 372
 Fischer J. 379
 Fleischer O. 548
 Fögen M. Th. 199
 Foss C. 50
 Frolov A. 514
 Fuchs F. 361, 406
Gallagher L. 95
 Gamillscheg E. 108, 405
 Gardthausen V. 100
 Garzya A. 250
 Gautier P. 337, 371
 Geanakoplos D. J. 82, 204, 348, 405, 411
 Gemert A. F. van 182, 183 {631}
 Gerasimov T. 522
 Gerbert M. 548
 Gertwagen R. 142
 Gigante M. 239
 Gill J. 108
 Glykatzi-Ahrweiler H. 33
 Γουναρίδης Π. 32
 Grabar A. 326, 450, 461, 473, 518, 522, 559
 Guillaud R. 282, 283, 354, 366, 402, 558, 565
 Guillou A. 559
Haas M. 528
 Hadermann-Misguich L. 522
 Halecki O. 277, 278
 Hammerding B. 372
 Hannick Ch. 543
 Hansen B. 372
 Harley J. B. 379
 Hasard H. W. 148
 Hawkins E. J. W. 486
 Heiberg J. 363
 Heisenberg A. 71, 79
 Held F. 371
 Hendrickx B. 18, 188
 Hercher R. 373
 Heyd W. 553
 Hill G. 147, 148, 176
 Hjort O. 514
 Hofmann G. 162
 Hohlweg A. 370, 371, 409
 Honigmann E. 377, 378
 Hopf Ch. 155, 165
 Horsky Z. 370
 Hunger H. 60, 78, 79, 85, 225, 229, 230, 240, 242,
 243, 248, 250, 255, 266, 281, 287, 317, 3.37,
 361, 363, 367, 371, 373, 374, 378, 386, 389,
 405, 412, 413, 542, 543
Iliescu O. 349
 Inalčik H. 206, 348
 Irigoien J. 238
 Irmscher J. 171, 272, 542
 Ivanka E. 78
Jacoby D. 18, 29, 157, 170, 193—195
 Jaeschke H. 168
 Janin R. 47, 551—553, 564, 574, 578
 Jeffreys M. J. 170
 Jevrič M. 518
 Johnstone P. 510
 Jonker G. H. 545
 Jorga N. 179
 Jugie M. 107, 236, 404
 Jürss F. 369
Kaeppli Th. 158
 Kalavrezou-Maxeiner I. 515
 Karayannopoulos I. S. 265, 272, 304
 Karnapp W. 49
 Karpozilos A. 40, 42
 Kazhdan A. P. 174, 286
 Kianka F. 271, 275
 Kislinger E. 557
 Kitzinger E. 459
 Knös B. 155, 318, 324
 Koder J. 157, 173
 Koukoulès Ph. 553, 554, 564, 570, 571, 575, 578,
 580, 581
 Κουρούσης Σ. I. 551
 Koutlouka M. E. 249
 Krause J. 557, 562, 572
 Krautheimer R. 484, 486, 488, 489, 491, 493, 494,
 496—498, 501, 502
 Kretschmer K. 387
 Kriaras E. 328
 Kristeller P. O. 411
 Krumbacher K. 334, 377, 422, 536, 537
 Κύρρις Κ. Π. 350, 352, 567
 Kunitzch P. 367
 Kurtz E. 137
 Kuzes A. P. 79
Lafontaine-Dosogne J. 91, 520
 Lagarrigue G. 109, 110, 111
 Laiou A. E. (Laiou-Thomadakis) 199, 200, 205,
 207, 348, 552
 Lampakis G. 500, 508
 Λάμπρος Σ. Π. 109, 112, 115
 Λαμψίδης O. 105, 117, 367
 Lappa-Zizicas E. 67
 Lasarev V. 478
 Laurent V. 97, 362

- Lavaud R. 167
 Le Tourneau M. 484
 Legrand E. 250
 Lehnerdt M. 377
 Leone P. L. M. 178, 224, 229, 243
 Levi L. 258
 Levy K. 531
 Ličenoska Z. 519
 Lichačeva V. 483
 Lilienfeld F. V. 353
 Linskill J. 155, 165—167
 Lock P. 140
 Loenertz R.-J. 137, 238, 277, 294
 Lowry H. 44, 109
 Luzzati Lagana F. 388
 Lynam E. 380
Macridy Th. 486
 Magoulas H.-J. 290
 Malafosse J. 257
 Malonas P. 469
 Μανούσακας M. 180, 181, 185, 187, 541
 Μαριδά;’κης Γ. E. 307, 308
 Marinesco C. 577
 Μαρκόπουλος A. Π. 70
 Masai F. 247
 Mathiesen Th. 545, 547
 Matschke K.-P. 30, 207, 220, 275, 278, 357
 Μάτσης N. Π. 197, 312
 Mavromatis L. 260
 Μέγας Γ. A. 117, 316
 Megaw A. N. S. 486 {632}
 Meyendorff J. 211, 218, 233, 245, 270, 287, 459
 Meyer Ph. 408
 Michaelides-Nouaros G. 200
 Michailidis M. 122, 127
 Miller K. 380
 Millet G. 88, 93, 471, 501, 506, 510
 Millingen A. van 484, 486, 491, 493
 Miner D. E. 459
 Mittelstass J. 245
 Mohler L. 108
 Mogenet J. 366, 367
 Moran N. K. 510
 Mortreuil J. A. B. Q. 196, 303
 Moschini Marconi S. 523
 Mouriki D. 469
 Moutsopoulos E. 237, 250, 285
 Müller D. A. 350
 Musicescu M. A. 517
Νάκος Γ. 299
 Nastase D. 353
 Neubauer O. 367
 Niarchos K. 253
 Nicol D. M. 41, 126, 170, 202, 286, 348, 520
 Nicolescu C. 527
 Nikolajevič I. 516
 Nikolaou Th. 242, 247, 272
 Nebbe C. F. 378
 Noiret H. 112
 Nordenschöld A. E. 387
 Novakovič S. 376
Obolensky D. 265, 343, 353
 Ogan A. 486, 491
 Οι;’κονομίδης N. 114, 116, 119, 189, 210, 225, 235, 312, 518
 ’Ορλάνδος A. 121, 122, 124—126, 128—130, 132, 498, 500, 552—554
 Ostrogorsky G. 34, 41, 348, 349, 359, 524
Παπαγιαννόπουλος Δ. 538
Παπαδόπουλος Γ. 536, 540
Παπαδόπουλος I. 47, 113, 114, 236
Παπαδόπουλος-Κεραμεύς A. 541, 549
 Paparelli G. 229
 Paparozzi M. 231
 Πασχος Π. B. 311
 Patlagean E. 385
 Payen J. C. 317, 321, 323
 Perentidis St. 195, 308
 Pertusi A. 184, 185, 223, 258, 264 266
 Petit L. 404
 Pétridés S. 136
 Phillippidis-Braat A. 270
 Philipsborr A. 371
 Piltz E. 510
 Pingree D. 114, 367
 Pistarino G. 14, 163
 Pitra J. B. 137, 197—199
 Πιτσάκης K. Γ. 298, 305, 307—309
 Podskalsky G. 243—246, 438
 Polascher E. 379
 Poppi M. 185
 Porle du Theil F. J. 100, 397
 Prächter K. 73
 Pralo G. 52, 151
 Prevenir W. 189
 Pucko V. 116
 Pullan R. P. 94
Queller D. E. 350
Rackl M. 275
 Radojčić S. 519
 Radt W. 555
 Reimann H. 546
 Ramusio G. B. 118
 Rayboud L. P. 39, 263, 350
 Reinsch D. R. 109
 Restle M. 92
 Reusche E. 506, 508
 Richard J. 26, 155, 162, 345
 Richter G. 83
 Richter L. 542, 547
 Riquer M. de 165
 Ροδόπουλος Π. 310
 Romaios K. 117
 Rudt de Collenberg W. H. 19
 Runciman St. 228, 231, 239, 554
Σαββίδης A. Γ. 35
 Saladin H. 484
 Salvo B. di 532
 Sandys J. E. 400
 Sbordone F. 378
 Scazzoso P. 245
 Scharpe J. L. 393
 Schemmel F. 404

- Schlumberger G. 522
 Schmidt Th. 448
 Schmink A. 196
 Schnabel P. 379
 Schneider M. 552
 Schreiner H. 329
 Schneiner P. 409
 Schutz A. H. 164, 168
 Schweinfurth Ph. 524
 Setton K. M. 148
 Ševčenko I. 225, 227, 230, 231, 239, 267, 284, 285, 363, 374, 413, 448, 451, 579
 Sideridès X. 404
 Silberschmidt M. 357
 Solon P. 367
 Soloviev A. 311
 Sotiriou G. A. 515
 Spabaro G. 328
 Spatharakis I. 95, 1 16, 509
 Spentzas S. P. 262
 Στάθης Γ. 532, 539—541, 549
 Stanschewa-Braschowanowa L. 536
 Stephanidès M. 374
 Stiernon L. 40
 Stohr M. 546
 Stormon E. J. 104 {633}
 Striker C. L. 151
 Struck A. 503, 507
 Strunk O. 531
 Strzygowski I. 116
 Svoronos N. G. 258, 308
 Σωτηρίου Μ. 132
 Tafrali O. 397, 552, 553
 Talbot Rice D. 90—93, 451, 460, 470, 526
 Tannery P. 362, 543
 Tardo L. 549
 Taylor F. 374
 Temkin O. 370, 372
 Teoteoi T. 287
 Teulet A. 20
 Texier C. 94
 Theodoridès J. 373
 Thiers A. 484—486, 491, 493
 Thiriet F. 19, 28, 29, 204
 Thomson M. 372, 373
 Thorndike L. 368, 369, 375
 Tihon A. 114, 115, 159, 366, 368, 407
 Tillyard H.-J. 528, 549
 Tinnefeld F. 256, 365
 Tooley R. V. 388
 Τομαδάκης Ν. Β. 110, 135, 136
 Trapp E. 117, 370
 Treitinger O. 265
 Treu M. 397, 406
 Triantaphyllopoulos D. D. 121
 Τρωιάνοϋ Σπ. 303, 307, 312
 Tsoyopoulos N. 57
 Tudor L. O. Th. 378
 Tuiller A. 85
 Turner C.-J. G. 292, 293, 295, 296
 Underwood P. A. 267, 463, 466, 491
 Usener H. 114
 Vasiliev A. A. 356
 Velimirovič M. 536, 539—542
 Velmans T. 454, 457, 509, 526
 Verbeke G. 368
 Verdeil R. 538
 Verpeaux J. 230, 242, 364, 579
 Vetter W. 546
 Vincent A. J. 543, 544
 Vogel M. 100, 361—363
 Voordecker E. 393
 Vranoussis L. 375
 Vyncke F. 393
 Wagner G. 187
 Wagner H. 388
 Wallis J. 545
 Walter Chr. 520
 Walz C. 414
 Wasserstein A. 362
 Weiss G. 206, 287, 288, 357
 Weitzmann K. 51, 151, 155, 450,
 Wellesz E. 528
 Wendel C. 362, 398
 Werner E. 269, 278, 348
 Westerink L. G. 114, 266
 Williams E. 531, 536, 537
 Winfield D. 87, 90
 Wirth P. 28, 277
 Wolska-Konus W. 379
 Woodward D. 379
 Wullf O. 478
 Xyngopoulos A. 95, 133, 556
 Ζαχαριάδου Ε. 173
 Zepos P. J. 191
 Zoras G. Th. 98
 Φιλόξενος Κ. 530
 Χουρμούζιος Στ. 529